СТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Клайв Стэплз
ЛЬЮИС

Хроники Нарнии

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ

Клайв Стэплз
ЛЬЮИС

Хроники Нарнии

АСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАС

Клайв
Стэплз
ЛЬЮИС

Лев, Ведьмарка
и Зеркальный Гардероб

•

Племянник чародея

•

Конь и его всадник

•

Королевич Каспиан

•

Поспешающие к восходу,
или поход на край света

•

Серебряное кресло

•

Последняя битва

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2005

Клайв
Стэплз

ЛЬЮИС

Хроники
Нарнии

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
TERRA FANTASTICA
2005

УДК 820
ББК 84(4Вл)
Л 91

Clive S. LEWIS

THE LION, THE WITCH AND THE WARDROBE
THE MAGICIAN'S NEPHEW
THE HORSE AND HIS BOY
PRINCE CASPIAN
THE VOYAGE OF THE DAWN TREADER
THE SILVER CHAIR
THE LAST BATTLE

Серийное оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Льюис К.С.

Л 91 Хроники Нарнии: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Terra Fantastica, 2005. — 800 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-00535-8
ISBN 5-7921-0397-6

«Хроники Нарнии» — это избранная книга, сравниться с которой может разве что «Властелин Колец» Дж. Р.Р. Толкиена. Символично и то, что Толкиен и создатель «Хроник Нарнии» Клайв Льюис были близкими друзьями, а теперь их книги ежегодно переиздаются и соперничают по популярности. Так же, как и «Властелин Колец», «Хроники Нарнии» одинаково любимы и детьми, и взрослыми. Суммарный тираж «Хроник Нарнии» превысил 100 миллионов экземпляров.

УДК 820
ББК 84(4Вл)

© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2002
© Перевод. TERRA FANTASTICA, 2001
© Составление. К. Королев, 2001

ISBN 5-699-00535-8
ISBN 5-7921-0397-6

ЛЕВ, ВЕДЬМАРКА И ЗЕРКАЛЬНЫЙ ГАРДЕРОБ

Северные пустоши
N
НАРНИЯ
Семь островов
Кэйр-Паравел
ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАН
Теребинтия
Арченланд
Калормен
Усыпальни
Ташбаан
Пустыня
Одинокие острова
Карта Нарнии
и соседних земель

Глава 1

Люси в зеркальном гардеробе

Жили-были дети — Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси. Про них и про их приключения будет рассказано в этой книге.

Случилось это в самый разгар войны, когда всех четверых вывезли из Лондона, подальше от бомбежек. И отправили их в глубь страны, к старому профессору, жившему в десяти милях от ближайшей железной дороги и в двух милях от ближайшей почты. Жены у профессора не было; в огромном доме обреталась он сам, его домоправительница, госпожа Макриди, и три служанки (их звали Айви, Маргарет и Бетти, и о них в этой книге больше ничего сказано не будет). Профессор был ужасно старый, седой и взлохмаченный — лицо у него поросло волосьем не меньше, чем голова, — но детям он сразу понравился. Правда, в тот вечер, когда они приехали и профессор вышел им навстречу из парадных дверей, Люси (самая младшая) чуть-чуть испугалась — слишком уж необычно старик выглядел, а Эдмунд (он был немногим старше Люси) едва не расхохотался — пришлось ему сделать вид, будто засвербело в носу.

Тем же вечером, пожелав профессору спокойной ночи, дети отправились наверх спать, и конечно, мальчишки тут же явились в спальню к девочкам для разговора.

— А нам здорово повезло, — начал Питер. — Мы отлично здесь устроимся, можете не сомневаться. Этот дед позволит нам что угодно.

© В. Воседой, перевод, 2000

— Очень милый старикан, — вставила Сьюзен.

— Да хватит вам! — закричал Эдмунд. Он за день слишком устал и, как всегда, изо всех сил делал вид, будто вовсе не устал, а от этого еще больше злился. — Хватит болтать!

— Почему? — спросила Сьюзен. — И вообще, тебе давным-давно пора на боковую.

— Тоже мне мама нашлась, — еще больше разозлился Эдмунд. — Кто ты такая, чтобы мне указывать? Сама иди!

— А может быть, и вправду нам всем лучше лечь, — заметила Люси. — А то услышат...

— Никто ничего не услышит, — перебил ее Питер. — Вот увидите, в этом доме нам никто не станет мешать. И уж точно никто не услышит. Отсюда до гостиной минут десять ходу, да еще по всем этим лестницам и переходам.

— Что это? — вдруг испугалась Люси. — Вы слышали?

Она впервые попала в такой большой дом, и от мысли обо всех этих лестницах и коридорах со множеством дверей, за которыми скрываются пустые комнаты, ей стало немножко не по себе.

— Вот дура, — усмехнулся Эдмунд. — Это всего лишь птица.

— Сова, — подтвердил Питер. — Здесь, должно быть, полным-полно птиц. Да, пожалуй, и вправду пора спать, зато завтра пораньше двинемся на разведку. Уж где-где, а в этих местах найдется что-нибудь интересное. Видели, какие горы мы проезжали? А лес? Наверняка в нем есть орлы. И олени. И ястребы.

Люси добавила:

— И барсуки!

Эдмунд добавил:

— И лисы!

Сьюзен добавила:

— И кролики!

Однако назавтра с самого утра зарядил дождь — бывает такой, знаете, проливень, когда из окна не разглядишь ни гор, ни лесов, ни даже ручья в саду.

— Только этого нам не хватало! — ворчал Эдмунд.

Они уже позавтракали в компании профессора, а теперь сидели наверху, в комнате, отданной в полное их распоряже-

ние. Комната была продолговатая и низкая, с двумя окнами по одной стене и двумя по другой.

— Перестань ворчать, Эд, — сказала Сьюзен. — Спорим на что хочешь — через час дождь кончится. А пока нам и так неплохо. Здесь есть радио, и смотри сколько книг.

— Нет, это все не по мне, — заявил Питер. — Давайте лучше обследуем дом.

Все согласились, и с этого начались их приключения.

Дом казался бесконечным, и в нем можно было совершить бесконечное количество открытий. Первые несколько комнат, куда они заглянули, предназначались для гостей, там стояли только кровати; однако скоро наши герои оказались в каком-то продолговатом помещении, стены которого были сплошь увешаны картинами, и там обнаружили рыцарские доспехи; следующая комната была вся задрапирована зеленой тканью, а в углу стояла арфа; потом — три ступеньки вниз, пять ступенек вверх — попали в небольшой зал, где была дверь, ведущая на балкон; дальше одна за другой шли комнаты с книжными полками — книги по большей части были старинные, и некоторые куда больше и толще Библии, что обычно лежит на алтаре в церкви. В конце концов добрались до какой-то каморки, почти совсем пустой: в ней стоял только большущий платяной шкаф — есть такие, знаете, гардеробы с зеркальной дверью. Больше в этой комнате ничего особенного не нашлось, если не считать дохлой навозной мухи на подоконнике.

— Здесь пусто, — сказал Питер, и все вывалились вон — все, кроме Люси. А Люси задержалась — она решила попробовать, нельзя ли как-нибудь исхитриться и заглянуть в этот самый гардероб, хотя была почти уверена, что зеркальная дверь заперта. К ее удивлению, зеркальная дверь легко отворилась, и на пол из шкафа выкатились два нафталиновых шарика.

Внутри висела одежда. По большей части меховые шубы, а Люси пуще всего на свете любила все меховое — как оно пахнет и каково на ощупь. Она тут же влезла внутрь и зарылась лицом в меха (однако зеркальную дверь оставила настежь открытой — она уже знала: самая большая глупость на свете — захлопнуть себя в каком-нибудь шкафу). В глубине, позади первого ряда шуб, обнаружился второй. Стало совсем темно. Люси вытянула вперед руки, чтобы не ткнуться носом в заднюю стенку. Сделала шаг, потом другой, ожидая, что пальцы вот-вот упрутся в доску. Однако пальцы ни во что не упирались.

«Должно быть, это очень-очень большой гардероб!» — подумала Люси, протискиваясь между мягкими податливыми шубами. Что-то захрустело под ногами.— «Неужели здесь столько нафталина?» — Она присела на корточки и пошарила вокруг. Однако вместо твердого, гладкого и деревянного нащупала нечто мягкое, рассыпчатое и холодное.— «Вот чудеса!» — Люси выпрямилась и сделала еще два шажка. И тут же поняла, что продирается сквозь что-то твердое, жесткое и как будто колючее.

— По-моему, это ветки! — воскликнула она и вдруг заметила свет впереди — нет, не рядом, не там, где положено быть задней стенке шкафа, а где-то далеко-далеко. Сверху падало что-то холодное и почти невесомое.

Только тут она сообразила, что стоит посреди леса, кругом ночь, под ногами лежит снег, а в воздухе порхают снежинки.

Люси чуть-чуть испугалась, но любопытство и страсть к приключениям взяли верх над страхом. Оглянувшись, она увидела за темными стволами деревьев шкаф; сквозь него, за шубами, еще можно было разглядеть каморку. (Вы, конечно же, помните: Люси оставила дверь открытой настежь — она знала, что нет ничего глупее, чем захлопнуть себя в гардеробе). Так вот, там, в каморке, был день.

«Если что, я всегда успею вернуться»,— подумала Люси и двинулась по хрусткому снегу через темный лес дальше, туда, где светился огонек.

Минут через десять она добралась до огонька и увидела самый обыкновенный уличный фонарь, висящий на столбе. Люси так и стояла у столба, пытаясь понять, что делает уличный фонарь посреди леса и что же делать ей самой, как вдруг раздались — цок-цок-цок — чьи-то шажки. Из-за деревьев появилось и подошло к фонарю существо весьма странной наружности. Существо это было немногим выше Люси и держало над головой зонтик, совсем белый от снега. Кверху от пояса оно было вроде как человек, однако книзу — кто-то совсем другой: у него были козлиные ноги, которые лоснились черной шерстью и заканчивались копытцами. А еще у него был хвост, который Люси заметила не сразу, поскольку этот самый хвост, дабы не волочился по снегу, был изящно перекинут через руку, державшую зонтик. Шея у существа была повязана красным шерстяным шарфиком, и лицо у него тоже было красноватое, но все-таки приятное, украшенное коротенькой оп-

рятной бородкой, а из-под кудрей по сторонам лба торчали маленькие рожки. В одной руке, как уже было сказано, существо держало зонтик, а в другой — несколько ярких бумажных пакетов. Эти пакеты и этот снег наводили на мысль о Рождестве и рождественских подарках.

Существо это было фавном. И, увидев Люси, оно так удивилось, что разроняло все свои пакеты.

— Ах, боже мой! — воскликнул фавн.

Глава 2
По ту сторону

— Добрый вечер, — сказала Люси.

Однако фавн был слишком занят — он собирал разлетевшиеся пакеты — и не сразу откликнулся. Наконец, все собрав, он кивнул девочке.

— Добрый вечер, добрый вечер. Прошу прощения за излишнее любопытство, но, если я не ошибаюсь, вы — не кто иная, как дочь Евы?

— Меня зовут Люси, — ответила Люси, не совсем понимая, о чем речь.

— Однако вы — еще раз прошу прощения, — вы именно то, что называется «девочка»? — спросил фавн.

— Конечно, я девочка, — ответила Люси.

— То есть, собственно говоря, можно сказать, что вы — человек?

— Конечно, — сказала Люси, все еще несколько неуверенно.

— Безусловно! — воскликнул фавн. — Нет никаких сомнений! Как глупо с моей стороны! А все из-за того, что я никогда еще не видел ни сынов Адамовых, ни Евиных дочерей. Я в восторге! Хотя... — тут он запнулся, как будто прикусил язык, едва не сказав то, чего говорить не следует. — Великолепно! Великолепно! Какая встреча! Позвольте представиться. Меня зовут Тамнус.

— Очень приятно, господин Тамнус, — вежливо отозвалась Люси.

— Осмелюсь спросить вас, Люси, дочь Евы, — продолжил господин Тамнус, — как вы попали в Нарнию?

— А что такое Нарния? — удивилась Люси.

— Нарния — страна, в которой мы с вами сейчас пребываем. Она простирается от этого фонарного столба до великого

замка Кэйр-Паравел у Восточного моря. А вы, очевидно, пришли из диких лесов запада?

— Я? Нет, я, видите ли, сначала была в каморке, а потом прошла через гардероб, — ответила Люси.

— Ах, — вздохнул господин Тамнус, — ах, если бы я, когда был маленьким, усерднее учил географию, тогда бы я все знал про эти дальние страны. А теперь мне уже поздно учиться.

— Да никакие это не страны, — Люси чуть не рассмеялась. — Это — здесь вот, рядышком... так мне кажется... впрочем... нет, я не знаю. Во всяком случае, там — лето.

— А здесь, — откликнулся господин Тамнус, — здесь, в Нарнии, зима. Теперь здесь всегда зима. И мы оба простудимся, если продолжим нашу беседу под снегопадом. О, дочь Евы из далекого города Ка-мор-ка в славной стране Гар-де-Роб, где царит вечное лето, вы окажете мне величайшую честь, согласившись отведать чаю в моем доме.

— Большое спасибо, господин Тамнус, — сказала Люси. — Но мне, пожалуй, пора домой.

— Ах, нет, нет! Поймите, мой дом, он здесь, рядом, рукой подать, — настаивал фавн, — у меня, знаете ли, там камин горит... поджарим хлебцев... найдутся сардинки... да, еще и пирог...

— Это очень любезно с вашей стороны, — не устояла Люси. — Только я совсем ненадолго.

— О, дочь Евы, возьмите меня под руку, — предложил господин Тамнус, — тогда этого зонтика хватит на двоих. А идти нам вон туда. Пошли!

И Люси пошла через темный лес под руку с этим странным существом, словно была знакома с ним всю жизнь.

Вскоре земля под ногами стала неровной и каменистой — тропинка вилась между скалами, с холма на холм. Наконец они оказались в какой-то ложбине между двумя холмами, и господин Тамнус, крутанувшись на своих копытцах, вдруг ринулся к большущей отвесной скале, будто решил боднуть ее рожками; только подойдя вплотную, Люси разглядела вход в пещеру.

Они вошли. И Люси зажмурилась — так ярко пылали дрова. А господин Тамнус, наклонившись над камином, маленькими блестящими щипчиками добыл из огня уголек и от уголька зажег лампу.

— Скоро, скоро все будет готово, — сообщил он, поставив чайник на огонь.

Оглядевшись, Люси решила, что в жизни, пожалуй, не видывала жилища более уютного: пещера была небольшая, сухая и чистая, стены и своды из красноватого камня, пол застлан ковром; имелся там и стол, и два кресла («Одно для меня, другое для друга», — пояснил господин Тамнус), и буфет, а над камином висел портрет старого седобородого фавна. В углу Люси заметила дверцу и подумала, что за нею, наверное, расположена спальня господина Тамнуса. А на стене висела полка с книгами, и пока хозяин накрывал на стол, гостья разглядывала корешки. Там были, к примеру, такие книжки: «ПОЛНОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И ПИСЬМА СИЛЕНА», или «НИМФЫ И ИХ ОБЫЧАИ», или «ЛЮДИ, МОНАХИ И ЛЕСОВИКИ», и еще: «ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕГЕНД» и «ЧЕЛОВЕК — ЭТО МИФ?».

— Прошу к столу, дочь Евы! — пригласил фавн.

Воистину, это было расчудесное чаепитие. К чаю полагались яйца всмятку — по одному на каждого, поджаренные хлебцы с сардинками и бутерброды с маслом, и мед, и пирог под сахарной глазурью. А когда Люси наелась, фавн стал потчевать ее рассказами. Ему было что поведать о жизни леса. Он вещал о полуночных танцах, когда нимфы, живущие в ручьях, и дриады, живущие в деревьях, танцуют с фавнами; о способах охоты на молочно-белого оленя, который исполнит любое желание того, кто его поймает; о великих пиршествах и о поисках совместно с дикими Рыжими гномами сокровищ в глубоких подземельях и пещерах; еще — про лето, когда лес зелен, и старый Силен на своем жирном осле приезжает в гости, а то и сам Бахус наведается, и тогда вместо воды в ручьях струится вино и лесные празднества длятся неделями.

— Все это минуло, — печально вздохнул фавн. — Теперь у нас всегда зима.

И чтобы хоть как-то рассеять свою печаль, он достал из футляра, лежавшего на буфете, малюсенькую флейту, сделанную, похоже, из тростника, и заиграл. Флейта пела так, что Люси хотелось и плакать, и смеяться, и спать, и плясать — и все это одновременно. Должно быть, прошло немало времени, прежде чем она очнулась.

— Ах, господин Тамнус,— воскликнула девочка,— простите, что я вас прерываю,— вы так замечательно играете! — но мне пора домой. Ведь я зашла к вам только на минуточку.

— Теперь это, знаете ли, не имеет никакого значения,— сказал фавн, отложил флейту и грустно покачал головой.

— Не имеет значения? — Люси всполошилась.— Что вы говорите? Я сейчас же должна вернуться домой. Там, наверное, уже беспокоятся... Ой! Господин Тамнус! Что с вами?

Карие глаза фавна наполнились слезами, потом слезы покатились по его щекам, закапали с кончика носа, и в конце концов он, закрыв лицо руками, зарыдал в голос.

— Господин Тамнус! Господин Тамнус! — Люси страшно огорчилась.— Перестаньте! Ну, перестаньте же! Что с вами? Вам плохо? Миленький господин Тамнус, скажите мне, отчего вы плачете?

Однако фавн рыдал и рыдал — будто у него разрывалось сердце. И даже когда Люси обняла его и подала ему свой носовой платок, он все равно никак не мог остановиться. Он просто взял у нее платок и стал утирать слезы, а когда платок намокал от слез, он выкручивал его обеими руками и снова утирался, и это повторилось столько раз, что в конце концов Люси оказалась посреди целой лужи слез.

— Господин Тамнус! — закричала девочка, тряся фавна за плечи.— Перестаньте. Немедленно перестаньте! Как вам не стыдно, ведь вы уже совсем большой фавн. Почему же вы плачете?

— Ы—ы—ы! — рыдал господин Тамнус.— Я плачу потому, что я совсем плохой фавн.

— А я думаю, что вы вовсе не плохой фавн,— уговаривала его Люси.— Я полагаю, что вы как раз очень хороший фавн. Вы даже самый лучший из всех фавнов, каких я только встречала.

— Ы—ы—ы! Вы бы так не говорили, если бы знали,— отвечал господин Тамнус в промежутках между рыданиями.— Нет, я — ужасный фавн. Я-то как раз полагаю, что фавна ужаснее меня не было от начала времен.

— Да что же вы такого сделали? — удивилась Люси.

— Мой покойный родитель — вон его портрет, над камином,— он никогда бы не сделал бы ничего подобного.

— Чего — ничего? — выспрашивала Люси.

— А вот как раз того, что сделал я, — рыдал фавн. — А я пошел на службу к Бледной Ведьмарке. Вот я какой! Бледная Ведьмарка платит мне за услуги!

— Бледная Ведьмарка? Кто это?

— Кто? Да та самая ведьма, у которой вся Нарния под каблуком! Та самая, из-за которой у нас всегда зима. Зима всегда, а Рождества — нет! Представляете?

— Какой ужас! — воскликнула Люси. — И за что же она вам платит?

— А вот это самое плохое и есть, — произнес господин Тамнус и глубоко вздохнул. — Я — похититель детей, вот я кто! Дочь Евы! Погляди на меня! Разве я похож на фавна, который, встретив в лесу бедное невинное человеческое дитя — а ведь это дитя не сделало мне ничего плохого! — так вот, разве я похоже на того, кто посмел, притворившись другом, привести дитя к себе в пещеру, напоить чаем и... и все ради того, чтобы, убаюкав оное дитя, сонным передать Ведьмарке?

— Нет, — сказала Люси. — Вы совершенно не похожи на такого фавна.

— Но я именно таков и есть! — воскликнул фавн.

— Что ж, — сказала Люси, поразмыслив (ей очень хотелось высказать ему все, что она думает по этому поводу, но так, чтобы не слишком его огорчить), — хорошего в этом, если подумать, и вправду мало. Но я-то ведь вижу, как вы теперь убиваетесь, и совершенно уверена: вы больше никогда-никогда не сделаете ничего подобного.

— Ах, дочь Евы, как же ты не понимаешь? — молвил фавн. — Все это было не когда-то. Это происходит сейчас и здесь.

— Что вы имеете в виду? — Люси побледнела.

— Ты — человеческое дитя, — сказал Тамнус. — А Бледная Ведьмарка приказала: если я вдруг встречу в лесу сына Адама или дочь Евы, я должен схватить их и отдать ей. Так вот, ты — первая, кого я встретил. И я притворился твоим другом и пригласил тебя на чай, и все это время ждал, когда же ты уснешь, чтобы пойти и привести *ее*.

— Но ведь вы не сделаете этого, господин Тамнус? — проговорила Люси. — Ведь правда не сделаете? Вы никак, никак, никак не можете сделать это!

— Если я этого не сделаю, — опять зарыдал фавн, — она все равно узнает. И тогда она отрубит мне хвостик, обломает

рожки и вырвет бороду, она ударит своим магическим жезлом по моим прекрасным раздвоенным копытцам и превратит их в тяжеленные лошадиные копытища. А если особенно рассердится, то обратит меня в камень, и буду я торчать истуканом во дворе ее ужасного дома, покуда короли не воссядут на четыре престола в Кэйр-Паравеле. А ведь никому не известно, когда они воссядут и воссядут ли вообще.

— Мне очень жаль, господин Тамнус,— сказала Люси.— Но, пожалуйста, можно я пойду домой?

— Разумеется,— ответил фави.— Разумеется, можно. Теперь-то я понимаю, что к чему,— ведь до тебя я в глаза не видывал ни единого человека. И, разумеется, я не выдам тебя, нет,— мы теперь друзья. Только надо поспешать. Я провожу вас, о дочь Евы, до фонарного столба. А оттуда, надеюсь, вы сами найдете дорогу через страну Гар-де-Роб в этот ваш город Ка-мор-ку?

— Конечно, найду,— подтвердила Люси.

— Но идти нам придется с величайшей осторожностью,— предупредил господин Тамнус.— В лесу полно *ее* соглядатаев. Даже некоторые из деревьев перекинулись на сторону.

Они даже не стали убирать со стола; господин Тамнус снова раскрыл зонтик, подал Люси руку, и оба вышли под снегопад. Обратный путь был совсем не похож на дорогу к пещере: шли быстро, крадучись и молча; господин Тамнус выбирал тропинки потемнее. Вот, наконец, и уличный фонарь. Люси облегченно вздохнула.

— Точно ли вы знаете дорогу, дочь Евы? — спросил Тамнус.

Вглядевшись, Люси увидела далеко за деревьями пятнышко света, и свет этот был похож на дневной.

— Да,— ответила она,— я даже отсюда вижу дверь.

— Тогда бегите, бегите скорее! — воскликнул фавн.— Но прежде скажите... скажите... скажите... можете ли вы простить мне то, что я хотел совершить?

— Ну, конечно,— ответила Люси, от всего сердца пожимая ему руку.— И, надеюсь, у вас не будет из-за меня слишком страшных неприятностей.

— Прощайте, дочь Евы,— сказал фавн.— Только, если вы не возражаете, я хотел бы оставить у себя вот этот ваш носовой платочек — на память.

— Конечно же, возьмите его! — И Люси со всех ног пустилась туда, к далекому пятну дневного света. И вот уже вместо жестких веток она раздвигает мягкие меховые шубы, и под ногами вместо хрустящего снега — гладкое дерево; еще шаг — и она вывалилась из платяного шкафа в ту самую пустую каморку, с которой началось это приключение. Люси захлопнула зеркальную дверь гардероба и, тяжело дыша, огляделась. За окном все еще лил дождь, а в коридоре слышались голоса.

— Я здесь! — закричала она.— Я вот она! Я вернулась! Все в порядке!

Глава 3
Эдмунд попадает в Нарнию

Люси выбежала из каморки в коридор.

— Все в порядке,— повторяла она,— я нашлась!

— Не понимаю, почему ты кричишь, Люси? — сказала Сьюзен.

— Как почему? — изумилась та.— Разве вы меня не искали?

— Так ты, значит, спряталась? — понял Питер.— Бедняжка Лу спряталась, и никто-никто этого не заметил! Для того чтобы тебя начали искать, нужно спрятаться на подольше.

— Куда уж дольше? Ведь я пропадала очень долго! — возразила Люси.

Все переглянулись.

— Спятила! — сказал Эдмунд, повертев пальцем у виска.— Совсем спятила.

— О чем ты говоришь, Лу? — спросил Питер.

— Только о том, что было,— ответила Люси.— Мы позавтракали, потом я влезла в шкаф и оказалась очень-очень далеко, и была там очень-очень долго, и пила в гостях чай, и там случилось много всякого.

— Не дури, Люси,— сказала Сьюзен.— Мы только что вышли из этой комнаты, и ты была с нами.

— Она не дурит,— догадался Питер,— она всего-навсего выдумывает. Ведь правда, Лу? И почему бы ей не повыдумывать?

— Нет, Питер, ничего я не выдумываю. Этот гардероб — он волшебный. Там, в нем, лес, и еще там снег, и живут фавн и Ведьмарка, и все это называется Нарния. А не веришь, пойди и сам посмотри.

Никто ничего не мог понять, но Люси была так взбудоражена, что все снова вернулись в каморку. Люси вбежала первой, бросилась к шкафу и распахнула его.

— Вот! Смотрите!

— Да ты просто дурочка, — сказала Сьюзен, засунув голову в шкаф и раздвигая шубы, — это самый обыкновенный гардероб! Гляди, вот задняя стенка.

И все по очереди заглянули внутрь, и каждый раздвигал шубы, и все видели — и Люси тоже, — что это самый обыкновенный шкаф. И не было там никакого леса, не было снега, а была только задняя стенка с приделанными к ней крючками. Питер даже влез в шкаф и простучал костяшками пальцев всю заднюю стенку, чтобы убедиться, что она целиковая.

— Отличный розыгрыш, Лу, — сказал он, вылезая. — Ты нас здорово подловила, ничего не скажешь. Мы почти тебе поверили.

— Но это не розыгрыш, — твердила Люси, — это все взаправду. Здесь все было по-другому. Честное слово. Я не вру.

— Хватит, Лу, — прервал ее Питер, — это уже слишком. Пошутила — и хватит. Хорошенького понемножку.

Люси покраснела, хотела что-то сказать, сама не зная что, и ударилась в слезы.

Несколько следующих дней для Люси были испорчены. Помириться с остальными ничего не стоило — достаточно признать, что ты все выдумала для смеха, только и всего. Но Люси не любила лгать и была уверена в своей правоте; к тому же она никак не могла поступиться правдой. Другие же считали, что она врет и врет глупо, а ей было ужасно обидно. Двое старших ее хотя бы не задевали, зато вредина Эдмунд попросту не давал Люси прохода. Он смеялся над ней и приставал с ехидными расспросами, не нашла ли она еще каких-нибудь новых стран в шкафах и буфетах, которых в этом доме было полным-полно. Но хуже всего было то, что дни стояли прекрасные, погода великолепная, можно было гулять с утра до ночи, купаться, ловить рыбу, лазать по деревьям и валяться в вереске. А Люси не получала от всего этого ни малейшего удовольствия. И так продолжалось до первого дождливого дня.

К полудню стало ясно, что погода не переменится; тогда дети решили поиграть в прятки. Водить выпало Сьюзен. И когда все бросились врассыпную, Люси отправилась в ту ка-

морку, где стоял гардероб. Нет, она не собиралась прятаться в нем, понимая, что, если ее там найдут, все ее беды начнутся сначала. Ей только хотелось еще разок заглянуть за зеркальную дверь, потому что порою она сама уже сомневалась, то ли видела Нарнию и фавна наяву, то ли все-таки во сне. А дом — он такой большой и запутанный, в нем столько темных закоулков, что она успеет заглянуть в гардероб, а потом спрятаться где-нибудь в другом месте. Однако едва она вошла в каморку, как в коридоре послышались шаги, и — что же еще ей оставалось делать? — она быстренько залезла в гардероб и притворила за собою дверь. Именно притворила, а не захлопнула, потому что прекрасно помнила, какая это глупость запереться в шкафу, тем более — в волшебном.

В комнату вошел Эдмунд, который, между прочим, успел заметить, как Люси прячется в гардероб. И сразу решил залезть туда же — не то чтобы этот шкаф был самым укромным местом в доме, а просто уж очень ему хотелось поиздеваться над Люси. Он распахнул дверь. В шкафу висели шубы, пахло нафталином, там было темно и тихо — все в этом шкафу было, только Люси в нем не было.

— Эта дурочка, наверное, думает, что я — Сьюзен и сейчас ее изловлю, вот и затаилась за шубами, — решил Эдмунд, прыгнул в шкаф и захлопнул дверь.

Он забыл, что это и в самом деле величайшая глупость на свете. И вот в полной темноте он стал на ощупь искать Люси, думая, что сразу на нее наткнется. Не тут-то было. Эдмунд очень удивился и решил открыть дверь, чтобы стало посветлее. Однако и двери тоже не смог найти. Это ему совсем не понравилось, он бросился в одну сторону, потом в другую и даже закричал:

— Люси! Лу! Где ты? Я же знаю, ты здесь!

Ответа он не дождался. Зато ему показалось, что его собственный голос звучит как-то странно — не так, знаете ли, как в закрытом шкафу, а будто на открытом воздухе. И еще ему почудилось, что вроде бы похолодало; потом он увидел свет.

— Слава богу! Наверное, дверь сама собой распахнулась.

Он совсем забыл про Люси и пошел на свет, полагая, что сейчас-то наконец выберется из шкафа и окажется в светлой каморке. А вышел — из темного косматого ельника на лесную поляну.

Под ногами — чистый сухой снежок, и ели стоят в снежных шубах. А над ними — бледно-синее небо, небо ясного зимнего утра. Он увидел огромное красное солнце, которое поднималось из-за леса. И тишина вокруг стояла такая, будто он — единственное живое существо в этом мире. Ни птиц, ни белок, и куда ни глянь — везде сплошной лес. Эдмунда пробрала дрожь.

И только тут он вспомнил, что искал-то он Люси; еще вспомнил, как издевался над ее придуманной страной — и вот ведь, оказалось, что страна вовсе не выдумана. Значит, Люси должна быть где-то здесь, недалеко. Он закричал:

— Люси! Люси! Я тут! Это я — Эдмунд.

Ответа не было.

«Злится на меня, — подумал Эдмунд, — злится за то, что я дразнился». Ему вовсе не хотелось просить прощения, но еще меньше хотелось торчать одному в этом диковинном лесу, поэтому он снова закричал:

— Послушай, Лу! Я тебе не верил — не сердись. Теперь я вижу, ты не врала. Давай мириться.

И опять никакого ответа.

— Девчонка, она и есть девчонка, — проворчал Эдмунд, — дуется и ничего не желает слушать.

Он еще раз огляделся, решил, что это местечко ему не по душе, и совсем уже собрался повернуть обратно, как вдруг ему почудился, далеко-далеко в лесу, звон колокольчиков. Он прислушался; звук приближался, становился все громче, и наконец из лесу показались сани, запряженные парой северных оленей.

Олени, размером с шотландского пони, были белые — белее самого белого снега, а их ветвистые золоченые рога горели огнем на солнце. Сбруя из ярко-красной кожи вся была унизана бубенчиками. На облучке сидел толстый гном, не более трех футов ростом, одетый в шубу из белого медведя; на голове у него красовался алый колпак с золотой кисточкой на длинном витом шнуре; преогромная борода укрывала колени и служила ему фартуком. А позади него на высокой скамейке восседал некто, совсем не схожий с гномом, — это была дама высоченного роста. Таких женщин Эдмунд в жизни еще не встречал. Она тоже была закутана в белые меха по самую шею, на голове у нее сверкала золотая корона, а в правой руке она сжимала длинный тонкий жезл, тоже золотой.

Лицо у дамы было белое — не просто бледное, но совершенно белое, белее снега, или бумаги, или сахарной глазури, и только ужасно красные губы выделялись на нем. Что ни говори, это было красивое лицо, но слишком надменное, холодное и жестокое.

Великолепное было зрелище: сани летели, бубенцы звенели, гном щелкал кнутом, снег фонтанами летел из-под полозьев.

— Стоп! — сказала дама, и гном натянул поводья так, что олени, присев на задние ноги, замерли на месте. Они грызли удила, тяжко дышали, и пар из ноздрей клубился в морозном воздухе как дым.

— Что это такое? — удивилась дама, уставившись на Эдмунда.

— Я... я ... меня зовут Эдмунд... — промямлил Эдмунд. Ему не понравилось, как она смотрит на него.

Дама нахмурилась, и взгляд ее стал еще жестче.

— Разве так обращаются к королевской особе?

— Извините, ваше величество, — ответил Эдмунд, — я не знал.

— Он не знает королеву Нарнии? — вскричала дама. — Ха-ха! Ничего, скоро узнает. Еще раз спрашиваю, что ты за тварь?

— Простите, ваше величество, — совсем растерялся Эдмунд, — я... я не понял... Я учусь в школе... точнее, учился, потому что сейчас у нас каникулы.

Глава 4
Рахат-лукум

— Кто ты? — снова спросила королева. — Ты что, гном-переросток, сбривший бороду?

— Нет, ваше величество, — сказал Эдмунд, — у меня не было бороды, я еще мальчик.

— Мальчик! — воскликнула она. — Ты хочешь сказать, что ты из сынов Адама?

Эдмунд стоял столбом и молчал. В голове у него все так перепуталось, что он просто не понял вопроса.

— Я вижу, что ты прежде всего — остолоп, — сказала королева. — Не испытывай моего терпения, отвечай без уверток: ты — человек?

— Да, ваше величество, — сказал Эдмунд.

— И каким образом, скажи на милость, ты оказался в моих владениях?

— Не сердитесь, ваше величество, но я попал сюда через шкаф.

— Через шкаф? Это как?

— Я... я отворил дверь и тут же очутился здесь, ваше величество.

— Ха! — проговорила королева, обращаясь скорее к себе, чем к нему.— Дверь? Дверь из мира людей! Я слышала о чем-то таком. Это смертельно опасно. Впрочем, покуда он один, с ним ничего не стоит разделаться,— с этими словами она приподнялась и вперила в Эдмунда испепеляющий взгляд. И подняла свой жезл.

Эдмунд почувствовал, что сейчас она сотворит с ним что-то страшное, но не в силах был хотя бы шевельнуться. И в ту самую секунду, когда он решил, что ему пришел конец, королева, кажется, передумала.

— Бедный ребенок, ты, я вижу, совсем замерз,— сказала она совершенно другим голосом.— Иди ко мне в сани, сядь рядом, я укрою тебя своей королевской мантией, и мы побеседуем.

Эдмунду это предложение показалось подозрительным, однако ослушаться он не посмел, залез в сани и уселся у ее ног; она же закутала его в полы меховой мантии и хорошенько подоткнула со всех сторон.

— Не хочешь ли выпить чего-нибудь? — спросила королева.— Ты любишь горячее?

— С удовольствием, ваше величество,— пробормотал Эдмунд, у которого зуб на зуб не попадал.

Откуда-то из-под мантии королева выудила махонький как будто медный пузырек. Вытянув руку, она капнула из пузырька на снег возле саней. Эдмунд видел, как сверкающая капля на мгновение повисла в воздухе, а потом упала на снег, зашипела — и откуда ни возьмись появился украшенный самоцветами дымящийся кубок. Гном, схватив кубок, подал его Эдмунду, кланяясь и улыбаясь. И что-то нехорошее было в его улыбке.

Стоило только Эдмунду разок-другой глотнуть этой горячей жидкости, как ему сразу полегчало. Ничего подобного он никогда еще не пробовал — питье было густое, пенистое и сладкое, и от него по всему телу побежало тепло.

— Сын Адама, — сказала королева, — глупо пить не закусывая. Какую еду ты любишь больше всего?

— Если можно, ваше величество, я хотел бы рахат-лукума, — осмелел Эдмунд.

Королева снова капнула из пузырька, и тут же на снегу появилась круглая коробка, перевязанная зеленой шелковой лентой. Эдмунд открыл коробку, и в ней оказалось фунта три наилучшего рахат-лукума. Каждый ломтик был прозрачен и сладок — таким вкусным рахат-лукумом Эдмунд в жизни еще не лакомился. Он совсем согрелся и успокоился.

Мальчик ел, а королева донимала его вопросами. Сначала он вроде помнил, что разговаривать с набитым ртом — неприлично, однако вскоре забыл; все его мысли были заняты только одним — как бы запихать в рот побольше рахат-лукума. И чем больше он ел, тем больше ему хотелось, и он ни разу не спросил себя, отчего королева столь любопытна. Так, сам того не заметив, он рассказал, что у него есть брат и две сестры, что одна из его сестер уже побывала в Нарнии и повстречала тут фавна и что никому, кроме них четверых, про Нарнию неизвестно. А королеву, очевидно, особенно заинтересовало то, что их именно четверо, и она снова и снова возвращалась к этому.

— Ты уверен, что вас именно четверо? — вопрошала она. — Два Адамовых сына и две Евиных дочери — не больше и не меньше?

И Эдмунд, набив рот рахат-лукумом, повторял:

— Ага! Да ведь я вам уже сколько раз говорил, — забывая добавить «ваше величество», однако королева как будто этого не замечала.

Наконец с рахат-лукумом было покончено, и Эдмунд уставился на пустую коробку, изо всех сил желая, чтобы королева спросила, не хочет ли он добавки. А ей, конечно же, было известно, чего ему хочется, поскольку она-то прекрасно знала, в отличие от Эдмунда, что всякий, кто попробует волшебного рахат-лукума, готов его есть, пока не лопнет.

— Сын Адама, — проговорила королева, — мне бы очень хотелось повидать твоих брата и сестер. Не приведешь ли ты их ко мне?

— Я попробую, — сказал Эдмунд, все еще разглядывая пустую коробку.

— Обещаю, когда ты придешь ко мне в следующий раз, — конечно, вместе с остальными, — ты получишь рахат-лукума

куда больше, чем сегодня. А сейчас я ничего не могу поделать — на открытом воздухе волшебство срабатывает только единожды. Вот у меня дома — совсем другое дело.

— Тогда почему бы нам не поехать к вам домой прямо сейчас? — обрадовался Эдмунд.

Сначала, оказавшись в санях, он боялся, что она увезет его невесть куда, откуда он не сможет вернуться; но теперь все страхи были забыты.

— Мой дом — дворец, и очень красивый, — сказала королева. — Я уверена, тебе он понравится. Там, к примеру, есть комнаты, битком набитые рахат-лукумом. И вот что еще имей в виду: поскольку у меня нет своих детей, я не прочь усыновить какого-нибудь славного мальчугана — я сделаю его принцем, и, когда я умру, он станет королем Нарнии. И заметь, принц будет носить золотую корону и целыми днями есть рахат-лукум. Так вот, ты — самый умный и самый красивый из всех, кого я встречала, и как раз тебя-то, пожалуй, я и сделаю принцем — только сначала ты должен привести ко мне остальных.

— А почему не сейчас? — спросил Эдмунд. Он сидел весь красный, губы и пальцы у него слипались от сладкого рахат-лукума. Что бы там ни говорила королева, выглядел он не слишком умным и не очень-то красивым.

— Ах, — вздохнула королева, — если я сейчас возьму тебя с собой, значит, не видать мне вовек ни твоего брата, ни твоих сестер. А мне очень бы хотелось познакомиться с твоими очаровательными родственниками. Ты, конечно, станешь принцем, а потом и королем — так оно и будет. Однако сам подумай, у короля должны быть придворные и вельможи. Я же сделаю твоего брата герцогом, а сестер — герцогинями.

— Ну, — сказал Эдмунд, — на самом-то деле ничего в них такого особенного нет. И вообще, я мог бы привести их как-нибудь после...

— Ах, — опять вздохнула королева, — все дело в том, что, попав в мой дворец, ты забудешь обо всем на свете. Там столько всяких удовольствий, что тебе недосуг будет отрываться от них даже ради такого дела. Нет, нет, ты должен вернуться в свою страну и привести ко мне своих родных. Ты понял меня? Один можешь не возвращаться.

— Но я даже не знаю, где дорога домой, — заявил Эдмунд.

— Чепуха! — воскликнула королева. — Видишь вон там фонарь? — Она указала жезлом, и Эдмунд увидел уличный

фонарь на столбе (тот самый, под которым Люси встретила фавна).— Прямо за ним начинается путь в Мир Людей. А теперь посмотри туда,— и она указала в противоположную сторону,— видишь два невысоких холма за лесом?

— Вроде вижу,— сказал Эдмунд.

— Вот и прекрасно. Мой дворец — между теми двумя холмами. В следующий раз, когда ты появишься здесь, тебе всего-то и надо будет, что найти фонарный столб, а потом прогуляться по лесу до тех двух холмов, и ты — у меня. Только помни: ты должен прийти вместе с остальными. Придешь один — я рассержусь!

— Я постараюсь,— пообещал Эдмунд.

— Да, кстати,— проговорила королева,— думаю, не стоит им рассказывать про меня. Пусть это будет нашей тайной, ладно? Устроим-ка им сюрприз. Приведи их к двум холмам — вот и все... Ты парень умный, сам сообразишь, что и как сделать. К примеру, вот вы подошли к моему дворцу, а ты возьми и скажи: давайте глянем, кто здесь живет, или что-нибудь вроде этого. Я думаю, так будет лучше. Потому что, боюсь, твоя сестрица, познакомившись тут кое с кем из фавнов, понаслушалась обо мне, знаешь, всяких бредней и после этого побоится зайти ко мне. Фавны, они всегда болтают вздор... впрочем... время, тебе пора идти!

— Будьте добры,— вдруг вскричал Эдмунд,— будьте добры! Пожалуйста, дайте мне хоть кусочек рахат-лукума на дорожку!

— Э, нет,— рассмеялась королева.— Потерпишь до следующей нашей встречи,— она махнула гному, тот прищелкнул кнутом, и олени помчались прочь. Пока сани совсем не исчезли из глаз, королева махала Эдмунду рукой и кричала: — До встречи! До встречи! Не забудь. Возвращайся поскорее.

Эдмунд все еще смотрел вслед саням, когда кто-то окликнул его по имени. Оглянувшись, он увидел Люси — сестра бежала к нему с другой стороны поляны.

— Эдмунд! Эдмунд! — кричала она.— Неужели ты тоже здесь? Вот замечательно, вот...

— Чего развопилась?! — осадил ее Эдмунд.— Совсем спятила? Так и быть, я согласен, что ты не врала, и этот шкаф — волшебный. И если тебе так уж хочется, я даже могу попросить прощения. А вот где ты сама пропадала столько времени? Я тебя всюду искал.

— Если б я только знала, я бы тебя обязательно подождала, — сказала Люси. Она так обрадовалась, что не обратила внимания ни на грубость Эдмунда, ни на то, какое у брата странное, почти чужое лицо. — Я завтракала с милым господином Тамнусом! У него все хорошо, и Бледная Ведьмарка не наказала его за то, что он тогда отпустил меня, и он думает, что Ведьмарка на самом деле просто ничего не знает и, может быть, все в конце концов обойдется.

— Бледная Ведьмарка? — переспросил Эдмунд. — Кто это?

— Жуткое существо, — ответила Люси. — Она именует себя королевой Нарнии, хотя не имеет никакого права на престол, и все-все-все — и фавны, и дриады, и нимфы, и гномы, и животные — во всяком случае, все порядочные существа, просто ненавидят ее. Она любого может обратить в камень и творит всякие ужасы. Это она заколдовала Нарнию, и поэтому здесь зима — всегда, а Рождества не бывает. Она ездит в санях, запряженных северными оленями, в руке у нее — волшебный жезл, а на голове — корона.

Эдмунду и так уже было дурно от рахат-лукума, а тут еще — вот те на! — дама, с которой он подружился, оказалась страшной колдуньей. Ему стало совсем худо. Однако с некоторых пор по-настоящему он хотел лишь одного — рахат-лукума.

— Кто это наплел тебе про Бледную Ведьмарку? — спросил он.

— Господин Тамнус, фавн, — ответила Люси.

— Не всегда верь тому, что говорят фавны, — произнес Эдмунд таким тоном, будто знал о фавнах куда больше, чем Люси.

— Почему? — удивилась Люси.

— Да потому, — махнул рукой Эдмунд. — Спроси у кого хочешь... И вообще, хватит торчать в этом снегу. Пошли-ка домой.

— Пошли, — согласилась Люси. — Знаешь, Эдмунд, я так рада, что мы вместе. Теперь все должны поверить в Нарнию — ведь мы оба побывали тут. Вот повеселимся!

Эдмунд про себя усмехнулся. Ему-то, пожалуй, будет не так весело, как ей. Ведь придется признать, что Люси права. Кроме того, он ничуть не сомневался, что Питер и Сьюзен станут на сторону фавнов и животных, а он, Эдмунд, так или иначе, но уже оказался на стороне Ведьмарки. И сможет ли он

сохранить свою тайну, если все остальные начнут болтать про Нарнию?

Они шли довольно долго, и вдруг как-то сразу оказались среди шуб, а не в гуще леса, и тут же оба вывалились из платяного шкафа в каморку.

— Что с тобой, Эдмунд? — воскликнула Люси. — Ты ужасно выглядишь. Ты не заболел?

— Да нет, все в порядке, — отмахнулся Эдмунд, хотя на самом деле его мутило.

— Тогда бежим, надо найти наших и все рассказать! Теперь, когда мы все вместе, у нас начнутся замечательные приключения.

Глава 5
Снова по эту сторону

А ведь они играли в прятки, и потому Эдмунду и Люси довольно долго пришлось искать сначала Сьюзен, которая водила, а потом Питера, который прятался. Когда наконец все нашлись (а случилось это в той комнате, где стояли рыцарские доспехи), Люси выпалила:

— Питер! Сьюзен! Это все взаправду! Эдмунд все видел. Туда можно пройти через шкаф. Эдмунд и я, мы оба там были. Мы встретились в лесу. Давай, Эдмунд, расскажи им.

— О чем это она, Эд? — спросил Питер.

Тут и произошло самое скверное во всей этой истории. Эдмунда подташнивало, он был мрачен и злился на Люси за то, что она оказалась права, однако сам еще не знал, что собирается сделать. И вот когда Питер обратился к нему, он вдруг решился на такую гадость, на такую подлость, хуже какой не бывает. Он взял и предал Люси.

— Давай, Эд, рассказывай, — торопила Сьюзен.

И Эдмунд напыжился и оглядел всех так, словно был гораздо старше Люси (на самом-то деле они были погодки), и затем, усмехнувшись, проговорил:

— Это все глупости! Я с Люси играл... ну, в эту самую, в ее страну, как будто она находится в шкафу. Просто так, ради смеха. На самом деле там ничего нет.

Бедная Люси только разок взглянула на него и выбежала из комнаты.

А Эдмунд злорадствовал все больше, думая, что одержал великую победу, и добавил вслед:

— Ну вот, опять пошло-поехало! Ох, уж эта мне малышня — морока с ней!

— Послушай, ты,— разъярился Питер,— а ну-ка, заткнись! Ты и так вел себя с ней как последняя скотина, а теперь еще играть вздумал! Зачем? Чтобы она снова завелась? Уж кто-кто, а я тебя знаю, вреднюга.

— Но ведь она болтает чушь! — опешил Эдмунд.

— Конечно, чушь,— согласился Питер,— в том-то и дело. Дома с ней было все в порядке, а здесь она то ли потихоньку ума решается, то ли научилась здорово врать. Но так оно или этак, а ты — ты что же, думаешь, ей станет лучше от того, что сегодня ты издеваешься над ней, а назавтра наоборот — поощряешь?

— Я думал... я думал...— бубнил Эдмунд, но так и не смог придумать, что сказать.

— Ничего ты не думал,— подхватил Питер,— ты просто вреднюга, вот и все. Тебя хлебом не корми, дай младших помордовать; так и в школе было.

— Хватит вам! — вмешалась Сьюзен.— От того, что вы поругаетесь, тоже мало пользы. Надо пойти поискать Люси.

Искали ее долго, а когда нашли, сразу увидели, что она все это время, понятное дело, плакала. И слушать не желала. И стояла на своем:

— Мне все равно, что вы думаете. Мне все равно, что вы говорите. Хотите, пожалуйтесь профессору, хотите, напишите маме. Что хотите, то и делайте. Я-то знаю, что встретила там фавна и... и очень жалею, что не осталась там насовсем... а вы все — гады, гады.

Это был печальный день. Люси горевала, а до Эдмунда дошло, хотя и не сразу, что все получилось совсем не так, как ему думалось. Потому что Питер и Сьюзен не на шутку испугались: а вдруг у Люси и вправду нелады с головой? Она уже спала, а они еще долго стояли в коридоре и перешептывались.

На следующее утро они решили, что, пожалуй, надо посоветоваться с профессором.

— Если с Лу что не так, профессор напишет отцу,— сказал Питер.— Сами мы с этим не справимся.

И вот они постучали в дверь профессорского кабинета, и профессор сказал: «Войдите!» — и встал им навстречу, и пододвинул им стулья, и сказал, что он в полном их распоря-

жении. Потом он сидел, сложив ладони лодочкой, и слушал, ни разу не прервав, покуда они рассказывали. И потом, когда они все рассказали, он долго-долго молчал. Наконец, прочистив горло, он произнес нечто совершенно неожиданное:

— А почему? — спросил он, — почему вы, собственно, полагаете, что ваша сестренка лжет?

— Да как же? Ведь... — начала Сьюзен и осеклась. По лицу старого профессора было видно, что он не шутит. Тогда Сьюзен собралась с духом и продолжила: — Ведь Эдмунд говорит, что они просто играли.

— Вот именно, — покивал профессор своей лохматой головой. — Именно об этом надо подумать. И подумать хорошенько. Зададимся вопросом — и я заранее прошу прощения за этот вопрос, — кому вы больше доверяете, брату или сестре? То бишь кто из них честнее?

— В том-то и штука, профессор, — ответил Питер. — Раньше я твердо сказал бы — Люси.

— А что вы об этом думаете, душенька? — обратился профессор к Сьюзен.

— Вообще-то я согласна с Питером. Но ведь все эти леса и фавны — этого не может быть!

— Чего не знаю, того не знаю, — продолжал профессор, — а вот обвинить во лжи кого-то, о ком известно, что он не лжец, — это не шутка, совсем, совсем не шутка.

— На самом деле мы боимся другого, — заявила Сьюзен. — Мы боимся, что у Люси с головой... не все в порядке.

— Сошла с ума, вы хотите сказать? — Профессор оставался совершенно невозмутимым. — Нет, этого можете не бояться. Достаточно взглянуть на нее и поговорить с ней, чтобы удостовериться — девочка совершенно нормальна.

— И что же получается? — воскликнула Сьюзен и примолкла. Ей и не снилось, что кто-то из взрослых станет разговаривать с ней так, как этот старый профессор. И она растерялась.

— Логика! — сказал профессор как бы самому себе. — Почему им в школе не преподают логику? В данном случае есть только три возможности: или Люси лжет, или она безумна, или она говорит правду. Итак: известно, что она не склонна ко лжи, и очевидно, что она не сумасшедшая. Вывод: до тех пор, пока не появятся какие-либо новые факты, следует полагать, что она говорит правду.

Сьюзен воззрилась на профессора, но по лицу его было видно, что он говорит совершенно серьезно.

— И все же, профессор, этого не может быть! — воскликнул Питер.

— Почему вы так полагаете, юноша? — спросил старик.

— Хотя бы потому, что каждый из нас должен был увидеть эту страну, если бы она там была. Я хочу сказать, мы залезали в шкаф, и там ничего такого не было, и даже Люси не спорила с этим.

— И что это доказывает? — спросил профессор.

— Да ведь если что-то где-то существует, оно существует всегда.

— Так-таки всегда? — прищурился профессор, и Питер не нашелся что ответить.

— А как быть со временем? — вступила Сьюзен. — Даже если бы было такое место, куда Люси могла уйти, у нее просто не хватило бы на это времени. Она выбежала из комнаты сразу вслед за нами — минуты не прошло. Она же говорит, что пробыла там несколько часов.

— Что как раз и подтверждает правдивость ее слов, — подхватил профессор. — Если в этом доме действительно есть дверь, ведущая в некий иной мир, и девочка вошла туда (а я должен сказать вам, что это очень странный дом, и даже я далеко не все о нем знаю), так вот, ничего нет удивительного в том, что где-то, в ином мире, течет иное, свое собственное время — я бы, во всяком случае, ничуть этому не удивился. И сколь долго вы ни пробыли бы там, в том мире, в нашем пройдет всего ничего. С другой стороны, я полагаю, что девица ее возраста никак не могла дойти до подобной идеи своим умом. И если бы она решила разыграть кого-то, она просидела бы в шкафу куда дольше, чтобы ее история выглядела правдоподобной.

— Профессор, вы и вправду считаете, что существуют другие миры? — спросил Питер. — Такие, чтобы прямо здесь, рядом, сделал шаг — и ты там?

— Это более чем вероятно, — отвечал профессор. Потом снял очки и, протирая их, пробормотал: — Интересно все-таки, чему их учат в школе?

— И что же нам делать? — спросила Сьюзен. Ей показалось, что разговор завел их куда-то не туда.

— Милая вы моя, — взгляд профессора вдруг стал пронзительным, — мне кажется, я придумал нечто такое, до чего еще никто не додумывался, и нам стоит попробовать...

— Попробовать что? — не поняла Сьюзен.

— Заниматься каждому своим делом, — откликнулся профессор.

На том разговор и завершился.

С этого дня все как будто наладилось. Питер присматривал за Эдмундом, чтобы тот больше не дразнил Люси, а сама Люси и все остальные старательно избегали разговоров о гардеробе — слишком уж он всем досадил. Время шло, и казалось, что приключения кончились. Однако это было не так.

Дом, в котором жил профессор и о котором он сам знал далеко не все, был такой старинный и такой знаменитый, что со всей страны приезжали люди, чтобы посмотреть на него. О таких домах говорится в путеводителях и даже в учебниках; об этом же доме рассказывали множество диковинных историй, и моя — не самая необычная из них. Иногда любопытные приезжали целой компанией. И если они просили разрешения осмотреть дом, профессор никогда не отказывал, а госпожа Макриди, домоправительница, водила гостей повсюду, рассказывая о картинах, рыцарских доспехах и редких книгах. Госпожа Макриди не любила детей и терпеть не могла, когда ей мешали излагать посетителям все, что она знает. Потому в первое же утро она сказала Питеру и Сьюзен (это было лишь одно из великого множества указаний):

— Запомните хорошенько: вы не должны путаться у меня под ногами, когда я провожу экскурсию.

— Очень надо целое утро бросать кошке под хвост, таскаясь по всему дому с толпой чудаков! — заметил Эдмунд; остальные молча с ним согласились.

Как ни странно, именно из-за очередной такой экскурсии приключения наших героев продолжились.

Прошло несколько дней. Однажды утром Питер и Эдмунд разглядывали рыцарские доспехи и решали важный вопрос: смогли бы они разобрать эту штуку на части, как вдруг в комнату с криком ворвались сестры:

— Спасайся, кто может! Сюда идет Макриди с целой шайкой.

— Ходу! — крикнул Питер, и все четверо бросились к двери в дальнем конце комнаты. Однако когда они, проскочив Зеленую комнату, оказались в библиотеке, голоса послышались впереди, и беглецы поняли, что домоправительница на сей раз повела посетителей черной лестницей, а не парадной. И тут

началось: то ли сами они потеряли голову, то ли гос
Макриди решила настигнуть их, то ли некое волшебств
ким способом явило себя, чтобы загнать их в Нарнию, —
бы они ни бежали, голоса следовали за ними. Наконец
зен не выдержала:

— Да ну их совсем! Давайте спрячемся в каморке с г
робом. Туда уж точно никто не заглянет.

И вот только они вошли в каморку, как в коридор
слышались голоса... потом что-то зашуршало за дверь
потом они увидели, как поворачивается ручка.

— Скорее! — прошептал Питер. — Больше нам дев
некуда! — И распахнул зеркальную дверь. Все четверо
нулись в шкаф и затаились в темноте, едва переводя дух
тер удерживал дверь гардероба, чтобы она не открылась,
не закрывал ее — уж он-то, как всякий разумный человек,
нил: не следует захлопывать себя в шкафу.

Глава 6
В лесу

— Поскорей бы Макриди увела их куда подальше, —
шептала Сьюзен чуть погодя, — тут ужасно тесно.

— И воняет! — поддержал ее Эдмунд.

— Еще бы! Карманы у этих шуб набиты нафталино
заметила Сьюзен, — чтобы моль не сожрала.

— Да еще в спину что-то уперлось, — сказал Питер.

— И холодно как-то, — продолжила Сьюзен.

— Вот, ты сказала, теперь и я чую — холодно! — со
сился Питер. — Холодно, черт побери, и мокро. Да что ж
такое? Как будто я уселся в лужу. И все мокрей и мокре
Он с трудом поднялся на ноги.

— Давайте вылезем отсюда, — предложил Эдмунд. —
уже ушли.

— Ай-яй! — вдруг вскрикнула Сьюзен. И все хором с
сили:

— Ты что?

— Да это же дерево! Я прислонилась к стенке, а это,
зывается, ствол дерева, — сказала Сьюзен. — А там, смотр
там вроде свет!

— Великие боги! — вскричал Питер. — Точно! Вон
одно... и еще. Тут всюду деревья. А эта мокрядь — это
Стало быть, мы-таки попали в твой лес, Лу!

И вот — уже никаких сомнений не осталось! — в глаза детям ударил яркий свет зимнего дня. Позади них на вешалках висели шубы, перед ними стояли оснеженные деревья.

Питер, недолго думая, повернулся к Люси:

— Прости, я не поверил тебе — виноват. Забудем?

— Конечно,— сказала Люси и пожала протянутую руку.

— А дальше что? — спросила Сьюзен.— Что делать-то будем?

— Как что? — воскликнул Питер.— В лес пойдем — на разведку!

— Б-р-р! Холодно! — Люси притоптывала ногами.— А что, если нам взять и надеть эти шубы?

— Но ведь они не наши,— засомневался Питер.

— Ну и что? Шубы-то никуда не денутся, останутся в доме и даже в шкафу.

— Ты знаешь, я как-то не сообразил, Сью,— согласился Питер.— Тут ты, пожалуй, права: шубы останутся в шкафу, где и были, а стало быть, нельзя сказать, что они украдены. Ведь вся эта страна, ясное дело, находится в шкафу.

Предложение Сьюзен было вполне разумным, и его тотчас осуществили. Шубы оказались велики, доходили до пят и волочились по земле, совсем как королевские мантии. Однако сразу стало теплее, и, оглядев друг друга, все дружно решили, что на фоне зимнего леса обновы им вполне к лицу.

— Давайте играть в исследователей Арктики,— предложила Люси.

— Здесь и без того будет интересно,— сказал Питер и первым двинулся к лесу. Небо заволакивали тяжелые темные облака, и было похоже, что к вечеру повалит снег.

— Эй! — вдруг крикнул Эдмунд.— Дорога к фонарю вон там, левее! — Он на мгновение забыл, что должен притворяться, будто никогда здесь не бывал,— крикнул и тут же понял, что сам себя выдал. Все остановились. Питер присвистнул.

— Ага! Ты все-таки бывал здесь! Это когда Люси говорила, что встретила тебя в лесу? А что ж ты уверял, будто она врет?

Наступила мертвая тишина.

— Вот гаденыш...— только и сказал Питер, пожав плечами. И вправду, что тут еще скажешь?

Все четверо двинулись дальше. Эдмунд плелся позади и думал: «Ничего, ничего, погодите, я с вами еще расквитаюсь, вы у меня поплачете, я вам покажу гаденыша».

— Куда же мы пойдем? — Сьюзен сказала это просто так, чтобы не думать об Эдмунде.

— Я за то, чтобы вожаком была Лу,— сказал Питер.— Ей-богу, она заслужила. Куда ты нас поведешь, Лу?

— А что, если навестить господина Тамнуса? — сказала Люси.— Это тот симпатичный фавн, о котором я вам говорила.

На том и порешили, и весело потопали по снегу, оставляя позади цепочки следов. Люси показала себя хорошим вожатаем. Сначала она боялась, не потеряла ли дорогу, потом узнала приметное кривое дерево, потом — пень, дальше начались холмы и скалы, и в конце концов, спустившись в ложбину, дети оказались прямо у входа в пещеру господина Тамнуса. Однако там их ожидало ужасное зрелище. Дверь была сорвана с петель и разбита в щепки. В пещере было темно, холодно и промозгло и пахло, как, знаете, пахнет в заброшенных домах. В комнату намело снега, он сугробами лежал на полу вперемешку с чем-то черным. Это оказались головешки и пепел из камина — их, видно, сначала разбросали по комнате, потом растоптали. Всюду валялась битая посуда, а портрет седобородого фавна был искромсан ножом.

— Не повезло,— сказал Эдмунд.— Зря только шли.

— А это что такое? — Питер наклонился, заметив лист бумаги, прибитый прямо сквозь ковер к полу.

— Там написано что-нибудь? — спросила Сьюзен.

— Да, кажется, но я не могу разобрать — слишком темно. Давайте выйдем на свет.

Выбравшись из пещеры, все сгрудились вокруг Питера, и вот что он им прочитал:

«Бывший жилец этого дома, фавн Тамнус, арестован и будет предан суду по обвинению в государственной измене и других преступлениях против Ее Величества императрицы Джадис, королевы Нарнии, владычицы Кэйр-Паравела, императрицы Одиноких островов и прочая, и прочая, а также по обвинению в том, что привечал врагов Ее Величества, укрывал лазутчиков и якшался с Людьми.

Подписано: Моугрим, капитан Тайной стражи.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЕВА!»

Ребята уставились друг на друга.

— Как-то мне эта страна совсем разонравилась, — сказала Сьюзен.

— Что это за королева? — обратился Питер к Люси. — Ты что-нибудь знаешь про нее?

— Вообще-то она никакая не королева: она — колдунья, Бледная Ведьмарка. Все-все обитатели леса ненавидят ее. Она заколдовала эту землю, и теперь здесь всегда зима, а Рождества не бывает.

— А может быть, — сказала Сьюзен, — не надо нам больше никуда ходить? Тут, кажется, слишком опасно и ничего веселого не предвидится. И холодает, и есть у нас нечего. Может, лучше вернемся домой?

— Но ведь это нельзя, — воскликнула Люси, — этого никак нельзя! Неужели вы не понимаете? Теперь мы просто не можем взять и сбежать. Ведь это из-за меня с бедным фавном случилась беда: он не отдал меня Ведьмарке и показал мне дорогу домой. Вот что означают слова «привечал врагов королевы и якшался с Людьми». Теперь мы просто обязаны сделать все, чтобы спасти его.

— Мы? Много мы тут можем сделать! — проворчал Эдмунд. — У нас и еды-то никакой нет!

— Заткнись! — Питер все еще был очень зол на Эдмунда. — А ты, Сьюзен, как ты считаешь?

— Это ужас что такое, — отвечала Сьюзен. — Но я чувствую, что Лу права. Хотя у меня нет ни малейшего желания оставаться здесь, и лучше бы нам вообще сюда не попадать, но все-таки, мне кажется, мы должны попытаться помочь этому господину... как его?.. ну, в общем, этому фавну.

— Мне тоже так кажется, — сказал Питер. — Одно меня беспокоит — еды у нас нет. Можно бы вернуться и стянуть что-нибудь из кладовки. Только выйти отсюда мы выйдем, а вот сможем ли войти снова — в этом я вовсе не уверен. Так что придется нам двигаться дальше.

— Мы согласны, — заявили сестры.

— Хорошо бы еще знать, куда упекли этого бедолагу? — заметил Питер.

Они все еще решали, что им делать, когда Люси воскликнула:

— Ой, глядите! Там малиновка с красной грудкой! Я еще ни разу не видела здесь птиц. А вдруг они в Нарнии тоже умеют разговаривать? Эта птичка как будто хочет сказать нам

что-то,— и, обратившись к малиновке, спросила: — Будьте добры, не знаете ли вы, где сейчас находится господин фавн Тамнус?

Говоря это, Люси сделала шажок. Пташка вспорхнула и отлетела, но недалеко — на соседнее дерево. Сидя на ветке, она поглядывала на них так внимательно, как будто что-то понимала. Сами того не замечая, все четверо подошли поближе, а малиновка перепорхнула на следующее дерево и опять поглядела на них. (Должен сказать, что малиновки с такой красной грудкой и такими яркими глазками-бусинками вы вовек не видывали).

— Знаете,— сказала Люси,— мне кажется, она говорит: идите за мной!

— И я так думаю,— сказала Сьюзен.— А ты, Питер?

— Очень даже может быть,— ответил Питер.

И малиновка будто все поняла: она перелетала с дерева на дерево, оставаясь на виду, чтобы путники могли легко следовать за ней. Так они и продвигались вниз по склону холма. С каждой ветки, на которую садилась малиновка, осыпалась снежная пыль. Облака в небе рассеялись, проглянуло зимнее солнце, и оснеженная земля засияла ослепительным блеском. С полчаса они так и шли — девочки впереди, братья позади. И тут Эдмунд шепнул Питеру:

— Если твое величество, а также высочество, соблаговолит меня выслушать, то узнает кое-что важное.

— О чем ты? — недовольно откликнулся Питер.

— Тише! Не стоит пугать девчонок. Разве ты не понимаешь, что мы делаем?

— А что? — Питер тоже перешел на шепот.

— Нас ведет проводник, о котором нам ничего не известно. Почем знать, на чьей стороне эта птаха? А может, она ведет нас в западню?

— Худо дело! Но все-таки малиновка, знаешь, она — хорошая птичка. Во всех книжках, которые я читал, об этом говорится. Нет, я уверен, малиновка на нашей стороне.

— На нашей? А откуда тебе известно, где какая сторона? А вдруг как раз фавны — нам враги, а королева — наоборот? Ну да, конечно, нам сказали, будто она ведьма. Мало ли кто что скажет? А на самом-то деле мы про них ничего не знаем.

— Фавн спас Люси.

— Но это он так сказал. А что там было по правде? И еще. Ты представляешь себе, как мы отсюда найдем дорогу домой?

— Тьфу ты! — воскликнул Питер. — Вот об этом я не подумал.

— И обеда тоже не будет, — сказал Эдмунд.

Глава 7
День с Бобберами

Братья шептались, девочки шли впереди, и вдруг обе воскликнули: «Ой!» — и остановились.

— Малиновка! — закричала Люси. — Малиновка, она улетела!

И точно: птичка исчезла.

— Ну, что теперь будем делать? — сказал Эдмунд, многозначительно глянув на Питера — мол, я же тебе говорил.

— Тс-с! Смотрите! — шепнула Сьюзен.

— Что там? — спросил Питер.

— Кто-то шевелится там, за деревьями... Вон там, чуть левее.

Все четверо уставились в ту сторону, и всем было очень не по себе.

— Вон оно, снова, — сказала Сьюзен чуть погодя.

— Да, теперь и я заметил, — откликнулся Питер. — Оно все еще там. Только спряталось за деревом.

— Что это может быть? — Люси изо всех сил старалась говорить спокойно.

— Кто его знает, что оно такое, — заметил Питер, — ясно только, что оно прячется. Оно не хочет, чтобы мы его заметили.

— Пойдемте домой, — предложила Сьюзен. И в этот самый миг, хотя никто ничего не сказал вслух, девочки догадались о том, о чем недавно шептались их братья. Они поняли, что заблудились.

— На что оно похоже? — спросила Люси.

— Оно... на какое-то животное, — только успела сказать Сьюзен и закричала: — Смотрите! Смотрите! Скорее! Вон оно...

На сей раз все разглядели усатую звериную морду, выглянувшую из-за дерева; зверь не спешил прятаться. Нет, он прижал лапу к своей пасти, как бы призывая к молчанию — совсем как человек прикладывает палец к губам, — и только после этого снова скрылся. Ребята застыли, затаив дыхание.

Чуть погодя неведомый зверь вновь показался из-за дерева, осторожно оглядываясь, как будто страшась, что за ним

кто-то следит, прошептал: «Ш-ш-ш» — и, поманив их лапой к себе, в чащу, снова исчез.

— А я знаю, кто это, — сказал Питер. — Это бобр. По хвосту видно.

— Он зовет нас, — сказала Сьюзен, — и просит не шуметь.

— Это я понял, — ответил Питер. — Не знаю только, идти или нет? Как ты думаешь, Лу?

— Я думаю, бобр — хороший.

— Она думает! — проворчал Эдмунд. — Тут надо не думать, а знать наверняка.

— Может быть, рискнем? — предложила Сьюзен. — Все равно нет смысла торчать здесь, и вообще, у меня все животики подвело.

Тут бобр высунулся из-за дерева и снова поманил их.

— Пошли, — сказал Питер. — Будь что будет. Держитесь все вместе. Уж с одним-то бобром, если что, мы как-нибудь справимся.

Так, бок о бок, они дошли до дерева, обогнули ствол, и там их действительно ждал бобр, который тут же двинулся дальше, прохрипев шепотком:

— Пошли, пошли! В чащу. Здесь опасно!

И больше не сказал ни слова, пока не привел их в укромное место между четырьмя елями, стоявшими так тесно, что их ветви смыкались над головой наподобие крыши, а коричневая земля под ногами, покрытая толстым слоем опавшей хвои, не знала снега, — только там бобр заговорил.

— Скажите, вы — сыны Адама и дочери Евы? — спросил он.

— Да, здесь нас четверо, а на самом деле... — начал Питер.

— Ш-ш-ш! — зашипел бобр. — Потише, пожалуйста. Здесь тоже весьма опасно.

— Опасно? Кого вы боитесь? — понизил голос Питер. — Здесь, вроде, кроме нас никого и нет.

— Лес, — молвил бобр, — он всегда прислушивается. Вообще-то деревья на нашей стороне, но в лесу найдутся и такие, что очень даже способны сообщить *ей*. Вы понимаете, что я под этим разумею? — И он покачал головой.

— Если уж пошел такой разговор, — вступил Эдмунд, — почем нам знать, что вы нам друг?

— Не сочтите за грубость, господин бобр, — добавил Питер, — но, видите ли, мы здесь впервые.

— Совершенно с вами согласен, совершенно согласен, — отвечал бобр. — Я покажу вам знак, — с этими словами он протянул им какую-то белую тряпочку. Они с удивлением разглядывали ее, пока Люси вдруг не признала:

— Да ведь это же мой носовой платок, тот самый, что я отдала бедному господину Тамнусу.

— Совершенно верно, — сказал бобр. — Бедняга почуял, откуда ветер дует, и успел вручить это мне. И сказал, что ежели с ним что-нибудь этакое случится, я должен дождаться вас и отвести... отвести к... — Тут он с таинственным видом покачал головой и вовсе умолк. Затем, знаками подманив их еще ближе, так близко, что щеточки его усов щекотали им щеки, добавил еле слышно: — Слух прошел, будто Эслан скоро прибудет, а может быть, он уже на нашем берегу.

И тут произошло нечто удивительное. Хотя тогда ребята знали об Эслане не больше вашего, однако, едва бобр произнес это имя, каждый ощутил нечто этакое, необыкновенное. Знаете, как бывает во сне: будто кто-то что-то говорит, а вы не понимаете ни слова и все же чуете, что речь идет о чем-то очень важном — либо о страшном, и тогда сон оборачивается кошмаром, либо о несказанно прекрасном, и тогда сон становится чудесным, таким чудесным, что вы его запомните и всю жизнь будете хотеть вернуться в него. Нечто подобное случилось и теперь. При имени Эслана в душе у каждого что-то повернулось. Эдмунда охватил таинственный ужас. Питер ощутил себя храбрым и находчивым. Сьюзен как будто окунулась в волны дивного аромата и чудесной музыки. А Люси — знаете, как бывает, когда, проснувшись поутру, вдруг вспомнишь: а ведь сегодня настало лето или, скажем, начались каникулы, — вот именно это и почувствовала Люси.

— А сам господин Тамнус, — спросила Люси, — где он?

— Ш-ш-ш, — сказал бобр, — не спешите. Я сейчас отведу вас в такое местечко, где мы сможем спокойно побеседовать, да-с, и заодно пообедаем.

Они уже вполне доверились бобру — все, кроме Эдмунда, — и ужасно обрадовались, услышав про обед, — все, не исключая Эдмунда.

Они поспешали вслед за новообретенным другом чуть ли не бегом — а он шел на удивление быстро и все время по самой чащобе — уже целый час и даже больше, и все устали и совсем проголодались. Наконец лес поредел, земля пошла

под уклон. Еще немного, и путники выбрались на открытое место — и перед ними открылся удивительный вид.

Они стояли на краю узкой и глубокой долины, по дну которой текла — точнее сказать, текла бы, не будь она скована льдом, — довольно широкая река. Прямо напротив того места, где они стояли, реку перегораживала плотина, и, увидев ее, они вспомнили, что именно бобры строят на реках запруды. И не было никаких сомнений, что эта — дело рук самого господина Боббера (такова была его фамилия). Потому что на мордочке господина Боббера появилось выражение некоторой скромности, какое бывает у садовника, когда он показывает свой сад, или у писателя, когда он читает вам новую повесть. Так что поневоле, хотя бы из простой вежливости, Сьюзен должна была воскликнуть:

— Какая прелесть эта запруда!

А господин Боббер на этот раз не шикнул — ш-ш-ш, — но ответил, потупясь:

— Это все пустяки! Совсем пустяки! И еще не достроено!

Выше плотины подпертая вода широко разлилась, но заводь тоже была покрыта темно-зеленым льдом. И там, где река, перевалив через плотину, низвергалась водопадом, там недвижимо кипели и бурлили волны и струи — так, будто мороз оледенил их в единый миг. А в тех местах, где вода когда-то сочилась тонкими струйками сквозь тело плотины, теперь сверкали сосульки, украсив нижнюю сторону запруды цветами и веночками из чистейшего белого сахара. В середине плотины, чуть возвышаясь над ней, стоял смешной домишко, похожий скорее на большую колоду — пчелиный улей, и над крышей его вился дымок — такой, знаете, дымок, какой увидишь, и сразу представляется кухня (особенно если ты голоден), и аппетит разыгрывается пуще прежнего.

Вот что увидели они все, но Эдмунд заметил еще кое-что. Чуть ниже по течению большой реки в нее впадала другая, поменьше, и долина ее была поуже. А в верховьях той долины Эдмунд разглядел два небольших холма и узнал в них те самые, на которые указывала Бледная Ведьмарка, когда они расставались под уличным фонарем. И стало быть, там, между холмами, должен быть ее дворец — отсюда не больше мили, прикинул Эдмунд. Он подумал о рахат-лукуме, о том, что ему, Эдмунду, предстоит стать королем («Интересненько, как это понравится Питеру?»), и страшная мысль запала ему в голову.

— Ну-с, вот мы и пришли,— сказал господин Боббер,— и похоже, что госпожа Боббер заждалась нас. Я пойду впереди. А вы будьте поосторожнее, тут скользко.

Плотина оказалась довольно широкой, и по ней можно было бы спокойно прогуливаться, когда бы не наледь, а по наледи прогулка получилась не из приятных: заводь замерзла вровень с плотиной, зато по другую сторону был крутой ледяной обрыв. Так, гуськом, вслед за господином Боббером они шли по запруде, и реку с нее было видно в обе стороны далеко-далеко. А когда добрались до середины, тут и увидели дверь.

— Вот и мы, госпожа Боббер,— крикнул господин Боббер.— Я нашел их. Со мной тут дети, Адамовы и Евины,— и они вошли в дом.

Первое, что услышала Люси, когда вошла, был стрекот швейной машинки в углу — за машинкой сидела пожилая бобриха и усердно что-то строчила, прикусив зубами нитку. Увидев гостей, она тут же бросила крутить машинку и встала им навстречу.

— Ну, наконец-то явились! — восклицала бобриха, всплескивая морщинистыми лапами.— Наконец-то! Уж не думала, не гадала, что доживу до этого денечка! А картошка-то уже варится, а чайничек-то поет, а рыбка...— Она повернулась к бобру.— Смею надеяться, рыбкой нас обеспечит господин Боббер.

— Сделаем,— сказал господин Боббер, ухватил ведерко и, выйдя из дому (Питер, конечно же, увязался за ним), направился по блестящему льду заводи к небольшой проруби, которую каждый день подновлял топором. Усевшись у самой воды прямо на лед — мороз-то бобрам, видать, нипочем,— он замер, уставившись в глубину. И тут же — вы не успели бы досчитать до трех — хвать лапой и выдернул из воды великолепную форель. И снова замер, и снова — хвать, и еще, и еще. Скоро ведерко наполнилось.

Тем временем девочки помогали госпоже Боббер готовить и накрывать на стол: нарезали хлеба, поставили в духовку тарелки, чтобы не были такими холодными; из бочки, стоявшей подле стены, пацедили большущую кружку пива для господина Боббера, а на сковородке растопили сало. Дом у бобров, думала Люси, тоже симпатичный, хотя совсем не похожий на пещеру господина Тамнуса: здесь нет ни книг, ни

картин, а вместо кроватей — койки, встроенные в стену, как на корабле; с потолочных балок свисают окорока и вязки лука, вдоль стен стоят болотные сапоги, висят клеенчатые плащи, лежат топоры и прочий столярный инструмент, лопаты, мастерки, носилки для извести, удочки, неводы, мешки; и даже скатерть на столе, хотя и белоснежно чистая, но грубого полотна.

Не успело сало зашкворчать на сковороде, как Питер с господином Боббером принесли рыбу, которую бобр к тому же почистил и выпотрошил. И можете себе представить, как вкусно пахла свежая рыбка, жарясь на сковороде, и какой от этого запаха разыгрался аппетит у гостей, и без того голодных! Наконец госпожа Боббер сказала:

— Ну вот, почти все готово.

Сьюзен слила картошку и поставила на краешек плиты подсушиться, а Люси тем временем помогла госпоже Боббер разложить форель по тарелкам. И вот уже придвинуты к столу табуреты (в доме Бобберов не было других сидений, кроме трехногих табуреток, если, конечно, не считать личного кресла-качалки госпожи Боббер, стоявшего подле камина), и все приготовились как следует подкрепиться. Для гостей нашелся кувшин жирного молока — господин же Боббер предпочитал пиво,— в миске посреди стола лежал необъятный желтый кусок сливочного масла, и каждый мог маслить картошку сколько душе угодно, и нет ничего на свете вкуснее — так полагали все четверо, и я с ними полностью согласен,— вкуснее рыбы, попавшей прямо из реки на сковородку, а со сковородки — к вам на тарелку. С рыбой они скоро покончили. И тут госпожа Боббер преподнесла сюрприз — с пылу с жару пребольшой рулет с повидлом! Вынув рулет из духовки, она тут же подвинула чайник поближе к огню, и как раз к тому времени, когда с рулетом тоже было покончено, чай вскипел и был заварен. Каждый получил свою чашку, и каждый, отодвинув свой табурет от стола, привалился спиной к стене, и каждый испустил долгий вздох удовлетворения.

— А теперь,— проговорил господин Боббер, отставляя в сторону опустевшую пивную кружку и придвигая к себе чашку с чаем,— теперь мы можем заняться нашими делами... Только вам придется еще чуть-чуть потерпеть, пока я набью свою трубочку и раскурю ее как следует...— Бобр скосил глаз в окошко.— А на дворе-то снова снег. И это хорошо! Не

будет незваных гостей, а если кто за вами охотится, то уже не найдет ни следочка.

Глава 8
Беседа после обеда

Первой не вытерпела Люси:

— Ну, пожалуйста, — воскликнула она, — скажите, что случилось с господином Тамнусом?

— Э-хе-хе, — прокряхтел господин Боббер, покачав головой. — Плохи его дела, очнь плохи. Увели его стражники, тут сомневаться нечего. Эту весть принесла мне знакомая птичка, а она все видела своими собственными глазами.

— Куда? Куда его увели? — допытывалась Люси.

— Что тут скажешь? Этих стражников видели, как они повернули на полночь, к северу, а уж что это значит — всем известно.

— Только не нам, — вступила в разговор Сьюзен.

Господин Боббер угрюмо покачал головой.

— Боюсь, что фавна увели к *ней*, в ее логово.

— И что ему грозит? — выдохнула Люси.

— Э-хе-хе, — повторил бобр. — Ничего нельзя знать наверняка. Из тех бедолаг, что туда попадали, немногие воротились. Статуи — вот что! Говорят, там всюду статуи — и во дворе, и на лестнице, и в зале. Это те, кого она обратила, — господин Боббер запнулся и вздрогнул, — да-с, обратила в камень.

— Но, господин Боббер, — не унималась Люси, — нам нужно... я хочу сказать, что мы обязательно должны что-нибудь придумать и спасти его. Это все так ужасно и все — из-за меня.

— Дорогуша ты моя, — вступила госпожа Боббер, — вы спасли бы его, тут и говорить нечего, спасли бы, кабы это было возможно! Только еще никому не удавалось войти в *ее* крепость без приглашения и остаться в живых.

— А если схитрить? — сказал Питер. — К примеру, нарядиться как-нибудь, будто мы... ну, бродячие торговцы, что ли... а еще можно, когда *она* уйдет, пробраться... или еще... ах ты, черт побери, должен же быть какой-то выход! Этот фавн, рискуя собственной головой, спас мою сестру, господин Боббер, и мы не можем бросить его, чтобы он... чтобы она его... нет, этого нельзя допустить.

— Ничего не получится, сын Адама,— сказал бобр.— И пытаться было бы нечего. А особливо вам, людям. Но теперь, когда Эслан близко...

— Да, да! Расскажите про Эслана! — воскликнули они все почти хором. И снова каждого посетило нечто удивительное — словно весной повеяло, словно предчувствие радости.

— Кто такой Эслан? — спросила Сьюзен.

— Эслан? — удивился господин Боббер.— Неужто не знаете? Он — Владыка. Он — Господин Леса. Только вот беда — нечасто он тут бывает. Ни при моей жизни, ни при жизни моего папаши никто его тут не видел. Однако весть пришла: он возвратился! Он уже в Нарнии! Уж он-то найдет управу на Бледную Ведьмарку. Уж он-то — а то кто еще? — спасет господина Тамнуса.

— А разве *она* не может и этого Эслана превратить в камень? — спросил Эдмунд.

— Бог с тобою, сынок, какие несуразности ты говоришь! — расхохотался господин Боббер.— Кого превратить в камень — Эслана? Да ей бы только на ногах устоять, как он глянет на нее,— это она, пожалуй, сможет, а на большее, уж поверьте, у нее силенок не хватит. Нет и нет. Эслан все поставит на свои места! Вот и в старинных виршах о том говорится:

Как только Эслан явится,
Так правда восстановится,
Когда ж он заревет, тогда
Уйдет печаль, уйдет беда,
Когда же он оскалит пасть,
Зима свою утратит власть,
Когда же гривою тряхнет,
Весна к нам в Нарнию придет.

Да вы, только его увидите, сами все поймете.

— Значит, мы его увидим? — спросила Сьюзен.

— А как же, дочь Евы! Иначе для чего бы я вас сюда привел? Мне велено проводить вас к нему,— сказал господин Боббер.

— А он,— спросила Люси,— скажите, он — человек?

— Эслан — человек?! — Господин Боббер аж задохнулся от возмущения.— Конечно же, нет! Я же сказал, он — Гос-

подин Леса и сын великого Императора-Всея-Заморья. Неужели вам не известно, кого называют владыкой зверей? Льва! Так вот, Эслан, он — Лев. Он — Великий Лев!

— У-у! — протянула Сьюзен.— Я-то думала, он — человек. А он не опасен? Я вообще-то побаиваюсь львов.

— И правильно делаешь, дорогуша, а как же иначе? — вставила госпожа Боббер.— Ежели и найдется такой, у кого при виде Эслана не задрожат поджилки, так то либо храбрец из храбрецов, либо, прошу прощения, недоумок.

— Стало быть, он очень опасен? — спросила Люси.

— Опасен? — переспросил господин Боббер.— Да разве госпожа Боббер плохо объяснила? Кто тут говорит об опасности? Он, известное дело, не безопасен. Но он добрый. Одним словом сказать — Владыка.

— А я бы хотел с ним встретиться,— сказал Питер.— Ничего, что страшно, все равно хотел бы.

— Вот это по-нашему, сын Адама! — вскричал господин Боббер, ударив лапой по столу так, что звякнули чашки и блюдца.— Так оно и будет. Мне прислали весточку: вы должны с ним встретиться — завтра, ежели поспеете, у Каменного Стола.

— Где это? — спросила Люси.

— Я покажу,— сказал господин Боббер.— Это вниз по реке, отсюда шагать и шагать. Но я вас провожу.

— А как же бедный господин Тамнус? — спросила Люси.

— Ступайте к Эслану, этим вы пособите фавну, а прямее дороги нету,— отвечал бобр.— Как только Эслан будет с нами, да-с, тогда и дела пойдут на лад. Однако и вы не сбоку припека. Про вас тоже есть древние вирши:

Когда Адамова плоть и кровь
Воссядет на престолы вновь,
Зло сгинет, и придет любовь.

Так что, получается, все одно к одному: и вы здесь, и он здесь. Говорят, вроде бы Эслан бывал в наших краях, но так давно, что никто этого и не упомнит. А вот вашего, людского, роду тут отродясь не бывало.

— Что-то я не понимаю, господин Боббер,— сказал Питер.— То есть я хочу спросить, сама-то ведьма — разве не человек?

— Ну, ей-то, конечно, охота, чтобы мы ее приняли за таковую, потому и требует, чтобы кликали ее королевой. Но какая из нее дочь Евы, ежели родилась она от праотца вашего, Адама, — здесь господин Боббер почтительно склонил голову, — от Адама, стало быть, и первой жены его, которую звали Лилит. Эта Лилит была из рода джиннов по материнской линии, а по отцовской — из рода великанов. Нет и нет! В Бледной Ведьмарке почти нет настоящей человеческой крови.

— Вот потому-то, господин Боббер, она вся такая злобная, — вставила госпожа Боббер.

— Совершенно верно, госпожа Боббер, — отвечал тот. — О человеке можно судить и так, и этак (не в обиду нашим гостям сказано), а уж о том, кто лишь с виду человек, а на самом-то деле... Нет, в таких и не может быть ничего хорошего.

— Я встречала приличных гномов, — возразила госпожа Боббер.

— И я тоже, ежели хотите знать, — сказал бобр. — Однако таковых среди гномов немного, и как раз таковые меньше похожи на людей. И вообще, вот вам мой совет: коли встретите кого, кто вознамерился быть человеком, а сам-то не человек, или кто был человеком, да весь вышел, или должен быть человеком, ан не может, — коли встретите такого, не спускайте с него глаз и держите руку на топоре. Вот чего Ведьмарка и боится — как бы в Нарнии не появились настоящие люди. Она ждет вас из года в год, а коль скоро узнает, что вас четверо, — берегитесь!

— Отчего это? — спросил Питер.

— Я же вам сказал, есть такое пророчество, — отвечал господин Боббер. — Там, в Кэйр-Паравеле — это, стало быть, город у моря, в устье вот этой самой реки, и был бы он у нас престольным городом, кабы все шло у нас, как должно быть, — так вот, там, в Кэйр-Паравеле, стоят четыре престола, а по Нарнии ходит поверье с незапамятных времен: как два сына Адамовых и две дочери Евиных на престолы воссядут, тут и будет конец Ведьмарке — и власти ее, и самой жизни. Вот почему шли мы сюда украдкой да с оглядкой. Ведь прознай она, что вас тут четверо, я бы не отдал за ваши жизни ни единого волоска из моих усов!

Они слушали господина Боббера, позабыв обо всем на свете. И вот бобр кончил, и все молчали, как вдруг Люси воскликнула:

— Погодите, а где же Эдмунд?

Еще одно мгновение длилась ужасная тишина, потом все загалдели:

— Кто видел его последним?

— Когда же он исчез?

— Он, наверное, вышел на улицу?

И все трое бросились к двери и выглянули наружу. Густо валил снег, зеленый лед заводи уже покрылся белым толстым одеялом; от бобриного домика, с середины запруды, невозможно было разглядеть берегов. Они бродили вокруг дома, по лодыжки утопая в пушистом снегу, и кричали до хрипоты: «Эдмунд! Эдмунд!» Но бесшумно падающий снег, казалось, заглушал их голоса, и даже эхо не отзывалось.

— Какой ужас! — воскликнула Сьюзен, когда они, отчаявшись, вернулись в дом. — Лучше бы нам вовсе не приходить сюда!

— И что же нам теперь делать? — обратился Питер к бобру.

— Как что? — удивился господин Боббер. Он уже переобулся в валенки. — Как что? Бежать, да поскорее. Нельзя терять ни минуты!

— Наверное, нам лучше разделиться, — предложил Питер, — и пойти на поиски в разные стороны. Кто первый найдет его, тот вернется сюда и....

— Разделиться? На поиски? — еще больше удивился господин Боббер. — Это еще зачем?

— Да ведь надо же найти Эдмунда!

— Вовсе незачем искать его, — сказал господин Боббер.

— То есть как это? — воскликнула Сьюзен. — Он не мог уйти далеко. Мы обязательно должны его найти. Почему же вы говорите, что искать не надо?

— По той простой причине, что это бесполезно, — отвечал бобр, — ведь, по правде-то говоря, нам и без того известно, куда он делся!

Теперь уже они в изумлении уставились на бобра.

— И чего тут вам непонятно? — проворчал господин Боббер. — Он ушел к ней, к Бледной Ведьмарке. Он предал нас.

— Да как же... да что вы... — возмутилась Сьюзен, — да не мог он этого сделать.

— Не мог, говоришь? — господин Боббер острыми глазками оглядел всех троих. И слова замерли у них на губах, и

каждый где-то в глубине души вдруг понял и уверился: да, Эдмунд именно это и сделал.

— Откуда ему знать дорогу? — все-таки сказал Питер.

— Он бывал тут прежде? — спросил бобр. — И оставался ли он тут один?

— Да, — чуть слышно прошептала Люси. — Кажется.

— А рассказывал ли он вам, что он тут делал и не встретил ли кого?

— Нет, вроде бы нет, — отвечала Люси.

— Тогда попомните мое слово: он еще в тот раз встретил Бледную Ведьмарку и принял ее сторону, и ему известно, где она живет. Не хотел я вам говорить — как-никак, а он ваш брат и все такое, — да только я, чуть глянул на вашего братца, сразу и сказал себе: этот продаст за милую душу. У них у всех взгляд особенный — у тех, кто спознался с Ведьмаркой и ест из ее рук. Кто в Нарнии пожил, тот их с ходу отличит — по глазам.

— Все равно, — через силу проговорил Питер, — мы должны найти его. В конце концов, он ведь брат нам, хоть и скотина изрядная. И потом, он же еще маленький.

— Ты что же, собрался прямо к ведьме в пасть? — воскликнула госпожа Боббер. — Или ты еще не понял: чтоб его спасти и самим не погибнуть, есть у вас только один способ — держаться от нее подальше.

— Я все-таки не понимаю, — сказала Люси.

— Ну как же? Чего ей больше всего охота? Заполучить вас всех разом, четверых, — ведь она-то все время думает о тех четырех престолах, что ждут в Кэйр-Паравеле.. А тут вы сами к ней явитесь. И всего-то ей трудов останется — превратить вас в четыре новых статуи ко всем прочим в придачу — вы и слова сказать не успеете. А покуда у нее в руках только он один, он в живых будет, вроде как живец на крючке, — приманка, чтобы вас, остальных, поймать.

— Значит... значит, нам никто не поможет? — всхлипывала Люси.

— Никто, кроме Эслана, — сказал господин Боббер. — Мы должны повидаться с ним. Он — единственная надежда.

— А еще хорошо бы, мои милые, — сказала госпожа Боббер, — хорошо бы нам вспомнить, когда братец-то ваш исчез. Он же все ей перескажет, что слышал. Взять, к примеру: об Эслане мы говорили при нем или нет? Коли нет, то и лад-

но — тогда она не узнает, что Эслан-то уже в Нарнии и что мы идем к нему, а стало быть, спешить не станет.

— По-моему, его не было, когда мы говорили об Эслане... — начал Питер, но Люси перебила:

— Нет-нет, он был, — и в голосе ее звучало горе. — Помнишь, он еще спросил, не может ли Ведьмарка превратить Эслана в камень?

— Точно! Так и есть, клянусь Юпитером, — воскликнул Питер. — Только Эдмунд и способен сказануть такое!

— Худо, худо, хуже некуда, — покачал головой господин Боббер. — Но и это еще не все. Кто помнит, был ли он здесь, когда я говорил про место встречи с Эсланом — про Каменный Стол?

Никто не помнил.

— Ежели был, — продолжил бобр, — тогда Ведьмарка сядет в сани да как помчится — мы и до Стола-то не дойдем, она перехватит нас. Нам до Эслана пути не будет.

— Нет, сперва она иное испробует, — возразила госпожа Боббер, — уж я-то ее знаю как облупленную. Чуть только Эдмунд расскажет *ей*, что мы, мол, здесь сидим, *она* тут же захочет прихлопнуть нас еще засветло, а коль скоро ушел он с полчаса назад, стало быть, нагрянет *она* минут через двадцать.

— Твоя правда, госпожа Боббер, — согласился с ней бобр, — нам давно пора убраться отсюда. Времени у нас осталось — всего ничего.

Глава 9
У Ведьмарки

Вам, конечно же, любопытно знать, что случилось с Эдмундом. Он отобедал со всеми, хотя и без особого удовольствия — ведь думать-то он мог только о рахат-лукуме, а ничто так не портит вкус к простой и полезной пище, как неотвязная память о волшебной и вредной. Потом он сидел и слушал разговоры, и от этого ему тоже было мало радости — ему казалось, будто все от него отвернулись, будто все с ним неприветливы. Ничего такого не было и в помине, а ему казалось. Так сидел он и слушал, пока господин Боббер не завел речь об Эслане, а когда Эдмунд услыхал о встрече, назначенной у Каменного Стола, тут он и начал потихоньку подвигаться за холстину, что завешивала входную дверь. Потому что имя Эслана вновь

наполнило его таинственным ужасом, точно так же, как остальных — таинственной радостью.

И пока господин Боббер распевал вирши про плоть Адамову, Эдмунд тихо-тихо повернул дверную ручку, и не успел еще господин Боббер объяснить про Бледную Ведьмарку, что та не человек, но наполовину джинния, наполовину великан, а Эдмунд уже выбрался наружу и осторожно притворил дверь.

Не подумайте только, будто был он настолько дрянной мальчишка, чтобы сестрам своим и брату пожелать обратиться в камень. Нет, хотел он рахат-лукума, и еще — стать принцем (а потом и королем), а еще — расквитаться с Питером за «гаденыша». И конечно же, вовсе не хотел он, чтобы Ведьмарка слишком уж привечала кого-то кроме него — пусть не ровняет их с ним, с Эдмундом. И в то же время он убедил себя, или притворился, что убедил, будто колдунья не сделает им ничего дурного.

— Кто о ней говорит всякие гадости? — твердил он сам себе.— Враги говорят. И наверное, половина из этого — враки. Ведь со мною она вон как весела и ласкова была, не то что другие. И она, я уверен, законная королева. Во всяком случае, лучше уж Ведьмарка, чем этот страшный Эслан! — Так он пытался оправдаться перед самим собой. Но оправдаться не очень получалось, потому что в глубине души он твердо знал: Бледная Ведьмарка — существо злое и жестокое.

Выбравшись под снегопад, Эдмунд первым делом обнаружил, что оставил свою шубу в доме, а вернуться за ней никак невозможно. Во-вторых, он обнаружил, что уже свечерело — за стол они сели часа в три пополудни, а зимние дни короткие. Этого он тоже не учел, но и тут уже ничего не поделаешь. Эдмунд поднял воротник и двинулся по плотине к другому берегу — на его счастье, наледь запорошило снегом, и стало не так скользко.

Худшее началось на том берегу. Сумерки сгущались, снег залеплял глаза, и в трех шагах ничего не было видно. Ни дороги, ни тропинки тоже не было. Он проваливался в сугробы, поскальзывался на льду, спотыкался об упавшие стволы деревьев, падал в какие-то ямы, обдирал ноги о камни, вымок весь до нитки и продрог. Но страшнее всего — тишина и одиночество. И, как я понимаю, пришлось бы ему отказаться от своей затеи, вернуться обратно и помириться со всеми, когда бы не мысль, посетившая его: «Вот стану королем Нарнии

и велю проложить хорошие дороги». Тут он, само собой, размечтался, как станет королем и что еще прикажет сделать, и это весьма его приободрило.

Как раз к тому времени, когда Эдмунд уже решил, какой у него будет дворец и сколько автомобилей, а еще — личный кинотеатр, и еще — где он проведет железные дороги и какие законы издаст против бобров и запруд, и каким способом (этот план был продуман особенно тщательно) поставит Питера на место,— как раз к этому времени погода переменилась. Снег прекратился. Зато подул ветер, и стало холоднее прежнего. Облака рассеялись, небо прояснилось и вышла луна. Было полнолуние, снега в лунном свете сверкали так, что стало совсем светло — почти как днем, когда бы не черные тени.

Эдмунд наверняка прозевал бы поворот, если бы луна не озарила землю, когда он подошел к устью речки — той самой, помните, которую он приметил с высоты над бобриной запрудой. Он направился вверх по этой речке. Ее долина была намного уже, склоны круче и скалистее и так заросли кустами, что в полной темноте он вряд ли смог бы здесь пройти. Эдмунд и так уже промок, а тут еще с каждой ветки, под которой ему приходилось пролезать, на него обрушивалась целая лавина снега. И всякий раз, получив за шиворот новую порцию, он поминал Питера все с большей ненавистью, как будто именно Питер был во всем виноват.

Наконец склоны стали положе, долина расширилась. А на противоположной стороне, совсем близко, между двумя холмами Эдмунд увидел то, что, должно быть, и было дворцом Бледной Ведьмарки. Луна сияла вовсю; при лунном свете дом и вправду походил на небольшой крепостной замок. Казалось, он весь состоит из башен; некоторые завершались высокими шпилями — как будто на башню надели то ли шутовской колпак, то ли остроконечную шапку звездочета. Шпили сверкали в лунном свете, а их длинные тени странно змеились по снегу. Эдмунду стало страшно.

Но отступать было поздно. Эдмунд перешел речку по льду и направился к замку среди стылой, мертвой тишины. Даже звук его собственных шагов гас в пушистом снегу. В поисках входа Эдмунду пришлось — от угла к углу, от башни к башне — обойти замок кругом. Наконец на противоположной стороне он нашел то, что искал,— высокую арку с железными воротами. Ворота были распахнуты настежь.

Крадучись, Эдмунд заглянул во двор, и у него захолонуло сердце. Прямо против ворот, залитый лунным светом, присев на задние лапы — сейчас прыгнет! — стоял огромный Лев. Эдмунд замер в тени арки, боясь шевельнуться; колени у него дрожали. Долго он там стоял, стуча зубами, если не от страха, то от холода. А сколько на самом деле прошло времени, я сказать не могу, но Эдмунду казалось, что минула вечность.

Однако в конце концов его удивило, почему этот Лев тоже замер и не шевелится, — а Лев и вправду не сдвинулся ни на дюйм с тех пор, как Эдмунд его увидел. Тогда мальчик рискнул, прячась в тени ворот, подойти чуть поближе. И только тут заметил: Лев смотрит вовсе не на него.

«А вдруг он сейчас повернется?» — мелькнуло в голове. Но Лев нацелился на другого — на гномика, стоявшего шагах в четырех от него. «Вот и отлично! — обрадовался Эдмунд. — Он прыгнет на гнома, а я успею сбежать».

Однако Лев никуда не прыгал, и гном тоже не шелохнулся. И только тут Эдмунд вспомнил, что сказал бобр: будто Ведьмарка умеет кого угодно обратить в камень. А может быть, этот лев тоже каменный? Едва он об этом подумал, как заметил, что спина у зверя покрыта снегом, и голова тоже. Да ведь это статуя, истукан! На живом звере снег не удержится! И медленно-медленно Эдмунд двинулся навстречу льву. Сердце билось так, что, казалось, сейчас разорвется. И вот он уже рядом. Но протянуть руку, коснуться зверя — страшно. Тронул пальцем и... — это был всего лишь холодный камень. Нашел же чего бояться — обыкновенной статуи!

Эдмунд почувствовал такое облегчение, что даже на морозе ему стало жарко. И тут же его осенила замечательная — так он думал — догадка: «А ведь это и есть тот самый Великий Лев Эслан, о котором они болтали. Королева его изловила и превратила в камень. Вот и конец пришел их распрекрасным планам! Тьфу! И кому он страшен, этот Эслан?»

Так он стоял, злорадствуя, возле каменного льва, а потом — вот уж действительно глупая и совсем детская выходка! — достал из кармана огрызок карандаша и пририсовал каменной морде усы и очки. И сказал:

— Ну как, глупый старый Эслан? Хорошо ли быть каменюкой? Вот тебе и всемогущий! Вот тебе и прекрасный!

Однако и с усами, и в очках морда огромного каменного зверя, озаренная луной, оставалась настолько грозной, печальной и благородной, что самому Эдмунду его шутка показалась не слишком смешной. Он отвернулся и пошел в глубь двора.

Там всюду были статуи, множество статуй, расставленных по двору — как будто фигуры на шахматной доске в середине партии: каменные сатиры, каменные волки и медведи, лисы, рыси; прекрасные изваяния, похожие на женщин, — духи деревьев; огромный кентавр и крылатая лошадь, и что-то змееподобное, что Эдмунд принял за дракона. И все они казались живыми, только замершими на мгновение в холодном сиянье луны. И страх пробирал Эдмунда среди этих невиданных тварей. Посреди двора застыл как будто человек, только ростом с дерево, с лицом свирепым, бородой клокастой, а в правой руке у него — превеликая была дубинка. Хотя Эдмунд знал уже, что великан тоже каменный, не живой, а все же идти мимо было страшновато.

В конце двора забрезжил свет. Светился дверной проем, к которому вели несколько широких ступеней. Эдмунд поднялся по ним. В проеме, во всю длину порога, лежал огромный волк.

— Ничего, ничего, — успокаивал себя Эдмунд. — Он ведь тоже каменный, этот волк. Он не кусается.

И занес было ногу, чтобы перешагнуть через зверя. Как вдруг статуя ожила, огромный зверь вскочил на ноги, шерсть на загривке поднялась дыбом, раскрылась страшная красная пасть и волк прорычал:

— Разорву! Загрызу! Стой, чужак! Назови свое имя.

— С вашего позволения, сударь, — от испуга Эдмунд весь дрожал и едва мог говорить, — меня зовут Эдмунд, я — сын Адама. Ее величество королева на днях изволили встретить меня в лесу. Я пришел сказать, что мой брат и сестры сейчас в Нарнии и скрываются у господина Боббера. А она хотела... их величество хотели видеть их.

— Я доложу королеве, — сказал волк. — А ты, коль тебе дороги твои потроха, жди у порога.

Волк исчез внутри. Эдмунд стоял у двери и ждал; пальцы у него сводило от холода, сердце бешено колотилось в груди. Наконец серый волк, он же Моугрим, капитан Тайной стражи Ведьмарки, вернулся и рявкнул:

— Ступай! Ступай вперед! Привалила тебе удача, королевин любимчик... а может, и не привалила.

Эдмунд протиснулся мимо волка, изо всех сил стараясь не наступить ему на лапы, и оказался в длинном сумрачном зале со множеством колонн. Здесь, как и на дворе, повсюду стояли статуи, а прямо за входной дверью стоял окаменевший фавн небольшого росточка и с чрезвычайно грустным выражением на лице — Эдмунду подумалось, не тот ли это фавн, друг Люси. В зале горела одна-единственная светильня, и там, рядом со светильней, сидела Бледная Ведьмарка.

— Вот он я, ваше величество, — бросился к ней Эдмунд.

— Как посмел ты прийти сюда один? — произнесла колдунья, и голос ее был страшен. — Разве я тебе не приказывала доставить мне остальных?

— Пожалуйста, простите меня, ваше величество, — взмолился Эдмунд, — я сделал все, что мог. Я привел их, они тут, недалеко, где на реке запруда, в доме Бобберов.

Злобная улыбка медленно проступила на лице Ведьмарки.

— Это все, что ты мне хотел сказать? — спросила она.

— Нет-нет, ваше величество, — поспешил заверить Эдмунд и тут же пересказал ей все, что слышал в доме бобров.

— Как ты сказал?! Эслан? — вскричала королева. — Эслан! Это правда? Если окажется, что ты мне солгал...

— П-простите, п-пожалуйста, я ведь только п-повторяю, что они говорили, — заикаясь, лепетал Эдмунд.

Но королева уже отвернулась от него, хлопнула в ладоши, и тут же предстал перед ней тот самый гном, которого Эдмунд уже видел в лесу.

— Запрягай сани, — приказала Ведьмарка. — Упряжь возьми, которая без бубенцов.

Глава 10
Заклятье теряет силу

А теперь вернемся к остальным, в бобриный дом, к тому моменту, когда господин Боббер произнес: «Времени у нас осталось — всего ничего». Только он это произнес, как все тут же бросились натягивать на себя шубы. Все-то, да не все: госпожа Боббер первым делом взяла несколько мешков, выложила их на стол и сказала:

— А теперь, господин мой Боббер, снимите-ка мне вон тот окорок. И давайте-ка сюда пачку чая, да еще сахару, да спички.

А вы трое несите по караваю хлеба — вон из той кадушки, в углу.

— Что вы делаете, госпожа Боббер? — воскликнула Сьюзен.

— Это будет, дорогуша, каждому из нас поклажа, — отвечала бобриха невозмутимо. — Или ты собралась в дальний путь отправиться без припасов, а?

— Но ведь времени у нас осталось — всего ничего! — возразила Сьюзен, застегивая шубу. — *Она* может нагрянуть сюда с минуты на минуту.

— Вот и я про то говорю, — вторил ей господин Боббер.

— Ох, беда мне с вами всеми, — вздохнула бобриха. — Ну подумайте вы своей головой, господин Боббер. Ей никак сюда не добраться раньше чем через четверть часа.

— Но не лучше ли нам выйти как можно раньше, чтобы уйти как можно дальше, — спросил Питер, — если, конечно, мы хотим добраться до Каменного Стола раньше нее?

— И вправду, госпожа Боббер, — подхватила Сьюзен. — Она примчится сюда, увидит, что нас нет, и бросится в погоню.

— Именно так оно и будет, — отвечала госпожа Боббер. — Но беги или не беги, а раньше нее мы все равно не поспеем, потому как она-то в санях, а мы пешим ходом.

— Значит... значит, все? Конец? — выдохнула Сьюзен.

— Не суетись, моя милая, — сказала госпожа Боббер, — а лучше подай сюда полдюжины чистых носовых платков из того вон ящика. И насчет конца тоже не спеши. Обогнать мы ее не обгоним, это верно, зато можем переждать в укромном местечке да и двинуться путями-дорожками, ей неведомыми. Глядишь, и проскочим.

— Ваша правда, госпожа Боббер, — сказал бобр. — Однако и время не терпит.

— И вы тоже не суетитесь, господин Боббер, — отрезала бобриха. — Вот и все. И всего-то четыре мешочка, а самый махонький — для самой махонькой, для тебя, моя милая, — и она поглядела на Люси.

— Ой, — улыбнулась Люси и добавила: — Но давайте, пожалуйста, пойдем поскорее.

— Да сейчас и пойдем, я уж готова, — ответила госпожа Боббер, с мужней помощью натягивая на ноги валенки. — А швейная машинка? Тяжеловата, пожалуй, — не унесем?

— Да уж,— буркнул господин Боббер.— Прямо скажем, тяжеленька. Неужели же вы, женушка, собираетесь шить по дороге?

— Меня просто мутит, как подумаю, что эта ведьма будет крутить мою машинку,— отвечала госпожа Боббер,— да еще, того гляди, поломает, а не то — украдет, с нее станется.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пойдемте! — закричали ребята хором.

Наконец вышли из дому, господин Боббер запер дверь, сказав: «Это задержит ее хоть ненадолго»,— каждый забросил за спину свою котомку, и пустились в дорогу.

Снег прекратился, светила луна. Шли гуськом — впереди господин Боббер, за ним Люси, потом Питер, Сьюзен и госпожа Боббер — последней. По плотине бобр вывел их на правый берег реки, а затем на неторную тропку среди деревьев по-над самой рекой. По обе стороны сверкали в лунном свете крутые берега.

— Нам лучше идти понизу,— объяснил бобр.— Она-то поедет поверху — здесь на санях не пробьешься.

Ночной пейзаж был великолепен (особенно если созерцать его из окна, сидя в удобном кресле), и Люси в начале пути умудрялась любоваться окрестностями. Однако они все шли, шли и шли, а ее котомка с каждым шагом становилась все тяжелее и тяжелее. Люси казалось, что больше она не выдержит — сейчас упадет. Она не замечала ни чудесного блеска речного льда, ни замерзших водопадов, ни белых шапок на верхушках деревьев, ни яркой круглой луны в небе, ни бесчисленных звезд; видела она только коротенькие лапы господина Боббера в валенках, как они — хруп-хруп, хруп-хруп — ступают по снегу, как будто больше никогда не остановятся. Луна скрылась, опять повалил снег. Люси уже так устала, что едва ли не спала на ходу. И вдруг ей почудилось, что валенки господина Боббера двинулись прочь от реки, вверх по крутому склону, в самую гущу кустов. И совсем она очнулась, увидев, что господин Боббер провалился вниз головой в какую-то дырку, скрытую под кустами так, что ее не найдешь, покуда не ткнешься носом. А что случилось на самом деле, она поняла, только заметив бобриный, короткий и плоский, хвост, медленно исчезавший в дыре. Люси тоже сунула голову в дырку и поползла вслед за бобром. Позади слышались возня и пыхтение, и скоро все пятеро оказались внутри.

— Где это мы? — раздался голос Питера. В кромешной тьме голос его казался усталым и бесцветным. (Надеюсь, вам понятно, что я имею в виду, называя голос бесцветным).

— Это старое наше убежище — мы, бобры, укрываемся тут в худую годину, — отвечал господин Боббер. — Никому неизвестное место. Хотя и не слишком удобное, а сгодится, чтобы соснуть часок-другой.

— Кабы не вы с вашей спешкой да суетой, я бы и подушки прихватила, — заметила госпожа Боббер.

А Люси подумала: «Пещера господина Тамнуса, конечно, получше этой. Эта всего лишь нора в земле. Хорошо хоть, сухая и не осыпается».

В норе было тесно, зато, когда они улеглись рядком, кто в чем был — в шубах, в валенках, да еще распарившись во время долгого перехода, им сразу стало тепло и уютно. Был бы только пол в пещере чуть-чуть помягче! Госпожа Боббер пустила по кругу фляжку, которая в полной темноте переходила из рук в руки: каждый глотнул из нее — жидкость обжигала горло, слезы выступали на глазах, раздался кашель, но в то же время по всему телу разлилось приятное тепло, и скоро всех сморил сон.

Люси проспала минуту, не больше — так ей показалось, на самом же деле прошли многие часы — и проснулась оттого, что в спальне стало слишком холодно и кровать сделалась слишком жесткой; ей захотелось немедленно залезть в горячую ванну. Что-то щекотало щеку — это были усы, — она открыла глаза и увидела бледный дневной свет, проникший через лаз в пещеру. И вот тут она совсем проснулась и рывком села, и все, кто лежал рядом с нею, — тоже. Так они и замерли — рты раскрыты, глаза распахнуты, — прислушиваясь к звуку, долетевшему снаружи. Потому что это был тот самый звук, который они так боялись услышать вчера ночью во время перехода, а он им мерещился всю дорогу. То был звон бубенцов!

Господин Боббер молнией метнулся из норы. Люси подумала — и вы, полагаю, сейчас подумали о том же, — что бобр поступил ужасно глупо? На самом же деле это был весьма разумный поступок. Господин Боббер был вполне уверен, что сможет незаметно взобраться по крутому берегу, поросшему кустами и ежевикой, на самый верх и узнать, в какую сторону проехали сани Ведьмарки.

Остальные сидели в земляной пещере и ждали, что будет. Минут через пять они услышали то, чего боялись больше всего,— голос («Ну вот,— подумала Люси,— господин Боббер попался. Ведьмарка его поймала!»), и не поверили своим ушам, когда господин Боббер стал окликать их прямо у входа в нору.

— Эй, все в порядке,— кричал он.— Выходите, госпожа Боббер. Эй, сын Адама и Евины дочки, давайте вылазьте. Все обошлось! Это не ейные бубенцы!

Конечно, вы уже заметили, что речь у господина Боббера какая-то не городская, но что тут поделаешь, коль скоро бобры говорят именно так, особенно когда разволнуются (я имею в виду в Нарнии — в нашем-то мире они, как правило, вовсе не разговаривают).

И вот госпожа Боббер и трое детей человеческих вылезли из норы на белый свет, щурясь от солнца, все в земле, заспанные, нечесаные и неумытые.

— Давайте, давайте! — кричал господин Боббер, приплясывая от восторга.— Вы только поглядите! Ай да подарочек для Ведьмарки! Похоже, власти ее каюк пришел!

— О чем вы говорите, господин Боббер? — спросил Питер, с трудом переводя дыхание, потому что они всей гурьбой уже карабкались по крутому склону наверх.

— Да ведь я же говорил уже,— отвечал господин Боббер.— Ведь из-за этой колдуньи у нас всегда зима, а Рождества нет и нет? Говорил я это или не говорил? А теперь поглядите-ка!

Тут они влезли на обрыв — и увидели. Они увидели сани, в санях — упряжку северных оленей, на оленях — сбрую с бубенцами. Однако эти олени были куда крупнее Ведьмаркиных и не белой масти, а потемнее. В санях же сидел... Кто? Вы бы тоже узнали его с первого взгляда. Он, знаете, такой большой-большой, в ярко-красной (цвета ягоды падуба) шубе с капюшоном, отороченным белым мехом; борода у него тоже белая и ниспадает на грудь этаким пенистым водопадом. Неужели же вы не узнали Рождественского Деда? Хотя наяву увидеть его, да и других, о ком у нас идет речь, можно лишь в Нарнии. Зато в нашем мире — в мире по сию сторону зеркальной двери гардероба — их очень часто изображают на разных картинках и рассказывают про них всяческие истории. Одна-

ко быть в Нарнии и видеть все своими глазами — совсем другое дело. На праздничных открытках в нашем мире Рождественского Деда порой рисуют этаким забавным и развеселым. Но здесь, в Нарнии, он предстал пред нашими героями совсем иным. Он был такой большой, такой радостный, такой настоящий, что они даже несколько смутились. И в то же время ощутили веселье, веселье особенное — возвышенное.

— Вот я и прибыл,— пробасил Рождественский Дед.— Долго, долго ставила *она* препоны на моем пути сюда, но я прибыл. Эслан близко. Ведьмаркино заклятье слабеет.

От звуков этого голоса сердце Люси затрепетало радостью — такой, знаете, какая бывает в минуты безмолвно торжественные.

— А теперь,— сказал Рождественский Дед,— время раздавать подарки. Для вас, госпожа Боббер, у меня найдется новейшая замечательная швейная машинка. Я завезу ее к вам, это мне по дороге.

— Не извольте беспокоиться, сударь,— и бобриха сделала книксен.— Потому как там все заперто.

— Для меня нет замков и запоров,— отвечал Дед.— А что касается вас, господин Боббер, то, вернувшись домой, вы найдете вашу запруду достроенной и подправленной; подтекать она больше не будет, зато будет новый водосброс.

Господин Боббер от восторга раскрыл рот до ушей, но ни слова не смог вымолвить.

— Питер, сын Адама! — кликнул Дед.

— Я! — откликнулся Питер.

— Вот твои дары, это вещи — настоящие, не игрушечные. Очень может быть, они тебе скоро понадобятся. Владей ими с честью,— с этими словами он вручил Питеру щит и меч.

Щит был с гербом: на серебряном поле красный Лев цвета спелой земляники, стоящий на задних лапах. Рукоять меча была золоченая, сам меч — в ножнах, а ножны на перевязи; был тот меч и размером, и весом как раз для Питера. И он принял эти дары безмолвно и торжественно, ибо сердцем чуял: такие дары — не шутка.

— Сьюзен, дочерь Евы! — кликнул Рождественский Дед.— А это — тебе,— и он вручил ей лук и колчан, полный стрел, а в придачу рожок из слоновой кости.

— Лук используй в последней крайности,— молвил Дед,— а в битве биться я тебе не велю. Этот лук бьет без промаха. А рожок — протруби в него, и услышат тебя, где бы ты ни была, и придут на помощь.

И в последний, третий раз кликнул он:

— Люси, дочерь Евы!

И Люси отозвалась. Он подал ей небольшой пузырек, как будто стеклянный (те, кто видел его, говорили потом, что флакончик-то был из цельного алмаза), и кинжальчик.

— В пузырьке,— сказал Дед,— настой из сока огонь-цветов, что растут в горах на солнце. Если ты или кто из твоих друзей будет ранен, хватит капли для исцеления. А кинжал тебе для обороны, не иначе как только в последней крайности. И ты тоже в битву не ходи.

— Почему? — сказала Люси.— Я... я не знаю... но, мне кажется, я не струшу.

— Не в том дело,— ответил Дед.— Ничего нет безобразнее тех сражений, в которых участвуют женщины. А теперь,— и вдруг важность с него как рукой сняло,— у меня есть еще кое-что для вас всех! — В руках у Деда появился большой круглый поднос (надо полагать, подарки он выуживал из большого мешка за спиной, хотя как он это делал, еще никто не видел), на подносе пять чашек с блюдцами, сахарница с пиленым сахаром, сливочник со сливками и огромный пузатый чайник, который шипел и плевался кипятком из носика. Тут Дед выкрикнул:

— С Рождеством вас всех! Да здравствуют истинные короли! — взмахнул кнутом, и вмиг сам Рождественский Дед, и олени его, и сани исчезли из глаз, словно их и не было.

Питер хотел было вынуть меч из ножен, показать господину Бобберу, но бобриха не дала:

— Погодите, успеете! Вы там будете разговоры разговаривать, а чаек-то простынет. Ох уж эти мне мужики! Лучше мне помогите отнести поднос вниз, будем завтракать. Слава богу, я позаботилась — прихватила с собой хлебный нож.

Они спустились по откосу назад, к пещере; господин Боббер нарезал хлеба и ветчины для бутербродов, госпожа Боббер налила всем чаю, и пошел у них пир горой. Только недолго он длился. Очень скоро бобр сказал:

— Ну, пора нам дальше топать.

Глава 11
Эслан все ближе

А тем временем удача отвернулась от Эдмунда. Гном ушел запрягать сани, и Эдмунд решил, что вот теперь колдунья приласкает его, как это было в их прошлую встречу. Однако Ведьмарка молчала. Ждал он, ждал, а потом, набравшись храбрости, пискнул:

— Ваше величество, будьте добры, мне бы только кусочек рахат-лукума. Ведь вы... вы обещали...

— Помолчи, болван! — рявкнула королева, но тут же как будто спохватилась и проговорила, размышляя вслух: — Нет, так не годится. Эта нахальная тварь чего доброго не выдержит дороги, — и хлопнула в ладоши.

Немедленно явился новый гном.

— Принеси человеческому выродку еды и питья, — приказала Ведьмарка.

Гном исчез и вернулся с железной кружкой и такой же миской: в кружке была вода, а в миске — ломоть черствого хлеба. Поставив все это на пол, он прохихикал с гнусной ухмылкой:

— Рахат-лукум для маленького принца. Хи! Хи! Хи!

— Убери это, — обиделся Эдмунд. — Я не желаю черствого хлеба.

Но колдунья так на него глянула, и лицо у нее было такое страшное, что Эдмунд, недолго думая, стал извиняться, а потом вгрызся в черствую краюху, которую не то что проглотить, разжевать было трудно.

— Скажи спасибо и на этом, — сказала колдунья. — Не скоро ты вновь отведаешь хлеба.

Эдмунд все еще давился краюхой, когда вернулся первый гном с докладом, что сани готовы. Бледная Ведьмарка поднялась и приказала Эдмунду следовать за нею. На дворе снова шел снег, однако она, несмотря ни на что, усадила продрогшего Эдмунда не в ногах у себя, а сбоку. Уже сидя в санях, готовых рвануться с места, колдунья кликнула Моугрима. Волк примчался на зов хозяйки, совсем как собака, только очень большая.

— Возьми резвейшего из твоих волков и гони напрямую к бобриному дому, — приказала колдунья, — загрызи там всех,

кого найдешь. А если нет никого, бегите к Каменному Столу, да так, чтобы вас не заметили. Там укройтесь и ждите меня. Мне придется дать большого крюка на запад, чтобы переехать реку. Если же вам повезет перехватить человеческих выродков на пути к Столу, ты знаешь, что с ними делать!

— Я услышал и повинуюсь, о королева,— рыкнул Моугрим, с места прянул в снежную мглу и помчался — никакая лошадь за ним не угналась бы. И минуты не минуло, как к нему присоединился еще один волк. Чуть больше времени понадобилось им, чтобы добежать до запруды и бобриного дома. Дом, как вы знаете, был уже пуст. Однако плохо пришлось бы нашим беглецам, когда бы не снег, поваливший после затишья,— волки взяли бы след и наверняка настигли бы их еще на пути к земляному убежищу. Но свежий снег замел следы и перебил запах.

А гном, сидевший на облучке, хлестнул оленью упряжку, и сани, вывернув из ворот, помчались сквозь тьму и холод. Для Эдмунда эта езда стала мукой — ведь он был без шубы; лицо его, грудь и колени скоро покрыла сплошная снежная короста. Сперва он еще отряхивался, потом прекратил — все равно не успеешь отряхнуться, как начинай сначала, и к тому же он очень устал. Он снова промок до нитки. И как же он был несчастен! Похоже, королева вовсе не собирается сделать из него короля. И сколько ни тверди себе, что Ведьмарка хорошая, добрая, что правда на ее стороне, теперь это кажется пустым звуком. Он отдал бы все ради того, чтобы сейчас быть со всеми, хотя бы и с Питером! Единственное, что утешало, так это надежда: а вдруг он всего лишь видит сон и вот-вот проснется. Но все продолжалось, час шел за часом — Эдмунду и вправду стало казаться, что все это ему только снится.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Если бы я час за часом описывал их путешествие, слишком много бумаги пришлось бы извести. Так что лучше я сразу перейду к тому времени, когда утро настало, снегопад прекратился, и погоня продолжилась посветлу. Они мчались и мчались в полной тишине, только снег визжал под полозьями да поскрипывала оленья упряжь. Но вдруг ведьма вскричала: «Стой!» — и сани стали. Эдмунд было обрадовался, что сейчас королева объявит привал для завтрака. Остановка же случилась по другой причине.

Поодаль от дороги под деревом стоял стол, а вокруг стола восседала на табуретах развеселая компания: белка с мужем, их дети, бельчата, два сатира, гном и старый лис. Эдмунд не мог разглядеть, что они там едят, но пахло очень и очень вкусно, и вроде бы это был сливовый пудинг, а стол был украшен зелеными ветками — во всяком случае, так показалось Эдмунду. Очевидно, лис — как старейший в этом застолье — только что встал со своего места и поднял правую лапу с бокалом, словно собрался произнести тост. И в этот самый миг компания заметила сани, все замерли, и морды у всех вытянулись. Белкин муж застыл с поднятой вилкой, не донеся ее до рта, а один из сатиров, напротив, сунул вилку в рот и не успел вытащить, а бельчата заверещали от страха.

— Что это значит? — спросила Ведьмарка.

Все молчали.

— Отвечайте, сброд вы этакий! Или ждете, чтобы кнут развязал вам языки? Отвечайте, что за обжорство, расточительство и распутство? И откуда вы взяли все эту снедь?

— С вашего разрешения, ваше величество, — сказал лис, — все это нам подарили. И коль скоро мне будет позволено, я осмелюсь предложить тост за здравие вашего величества...

— Кто подарил? — перебила его Ведьмарка.

— Р-р-р-рождественский Д-дед, — пролепетал лис.

— Кто?! — взревела колдунья, выпрыгнув из саней. Два размашистых шага — и королева нависла над испуганными сотрапезниками. — Его не было здесь! И не могло быть! Да как вы посмели... хотя, погодите... скажите мне честно, что вы пошутили, и я, так и быть, на этот раз вас помилую.

Но тут один из бельчат, со страху совсем потеряв голову, завопил:

— Был он... был... был дедушка!

Бельчонок вопил тоненьким голоском и в такт стучал ложкой по столу. Эдмунд заметил, как Ведьмарка прикусила губу; тонкая струйка крови побежала по белому подбородку. Колдунья подняла свой жезл.

— Не надо! Не надо! Пожалуйста, не делайте этого! — закричал Эдмунд.

Он еще кричал, когда колдунья взмахнула жезлом, и вся веселая компания окаменела — вокруг каменного стола перед каменными тарелками с каменным сливовым пудингом

сидели каменные изваяния, и одно из них так и не успело донести свою вилку до рта.

— А вот это тебе,— усевшись в сани, королева отвесила Эдмунду оглушительную пощечину.— Впредь будешь знать, как заступаться за предателей и лазутчиков. Эй, поехали!

Именно тут впервые Эдмунд почувствовал жалость — не к себе, а к другим,— страшно было подумать, что каменные фигурки так и будут сидеть днем и ночью год за годом, покуда не порастут мхом, покуда их не разрушит время.

И снова мчались сани. Но Эдмунд заметил, что снег, летящий из-под оленьих копыт, стал как будто мокрее вчерашнего. И еще он заметил, что стало как будто теплее. И как будто — туманнее. Так оно и было: с каждой минутой туман сгущался, а в воздухе теплело. И сани уже не летели, как прежде. Сперва мальчик решил, что притомилась оленья упряжка, но скоро понял, в чем тут дело. Сани дергались, шли юзом и содрогались, как будто натыкались на камни. Гном охаживал кнутом несчастных оленей, но те тащились все медленнее и медленнее. И еще: со всех сторон доносились какие-то необычные звуки, но за скрежетом полозьев, скрипом саней и криками гнома, погонявшего упряжку, Эдмунд не мог разобрать, что же это такое. Вдруг сани встали, и — ни с места. И на мгновение наступила тишина. Теперь Эдмунд расслышал: странный милый лепет и говор, и все же не вовсе странный, поскольку уже знакомый,— только бы вспомнить, где он мог это слышать! И тут же вспомнил: так разговаривает вода! Со всех сторон до него долетали голоса ручьев, незримых за туманом,— журчанье, бульканье, плеск и даже (откуда-то издалека) рев. Стало ясно, что морозам пришел конец, и сердце дрогнуло у Эдмунда в груди (хотя сам он едва ли мог бы сказать, отчего). И совсем рядом — кап, кап, кап — стаивал с веток снег. А вот из тумана вылезла ель вся в снегу, но тут же с одной из ее лап сорвался целый пласт мокрого снега, и Эдмунд впервые увидел в Нарнии зеленую ветку.

Однако недолго сидел он, смотрел и слушал. Колдунья вскричала:

— Что ты расселся, болван! Иди помогай!

Что было делать Эдмунду? Только повиноваться. Он вылез из саней в снег — то был уже не снег, а мокрое месиво,— и стал вместе с гномом вытаскивать сани из проталины, в которую они въехали. Насилу вытащили, и гном, нещадно на-

хлестывая оленей, заставил упряжку тронуться с места. А снег уже таял по-настоящему, и куда ни глянь, в снегу на прогалинах зазеленела травка. Проживи вы среди вечного снега столько же, сколько Эдмунд, — а Эдмунду казалось, что прошла целая вечность, — тогда бы вы поняли, каково ему было увидеть зелень. Сани снова встали.

— Дальше ехать нет смысла, ваше величество, — сказал гном. — В такую ростепель на санях далеко не уедешь.

— Стало быть, пойдем пешком, — ответила Ведьмарка.

— Пешим ходом мы их и вовсе не догоним, — проворчал гном. — Слишком они нас опередили.

— Ты кто, советник мой или раб?! — прикрикнула на него колдунья. — Делай, что я велю. Свяжи-ка человеческому выродку руки за спиной да держи его на веревке. Да кнут возьми. Да выпряги оленей — они сами найдут дорогу домой.

Гном сделал, как было велено, и вот уже Эдмунд бежит впереди, а его понукают, а руки у него связаны за спиной, а ноги оскальзываются то на талом снегу, то в грязи, то на мокрой траве. Гном кричит на него, а иной раз и кнутом ожжет. Колдунья идет вслед за гномом, повторяя одно и то же:

— Скорей! Скорей!

Они шли, а зеленых прогалин становилось все больше, а снега все меньше. И все больше деревьев избавлялось от снежных шуб. И вот уже, куда ни глянь, вместо белых сугробов — темная зелень елей и сосен или черные гнутые ветви голых дубов, буков и вязов. Седой туман сперва стал золотым, потом и вовсе рассеялся, и солнечные лучи пронизали чащобу сверху донизу. Небесная синева сквозила вверху между кронами деревьев.

Дальше — больше. Пробегая через поляну, мимо серебристых берез, Эдмунд увидел, что вся земля под ними покрылась небольшими желтыми цветочками — чистотелом. Впереди зажурчал ручей. Им пришлось перейти его. А на том берегу расцветали подснежники.

— Не верти башкой! — гаркнул гном, заметив, как Эдмунд оглядывается на цветы, и сильно дернул за веревку.

Но Эдмунд все равно все видел. Минут через пять он заметил цветы крокусов, расцветшие у корней старого дерева — золотые, фиолетовые, белые. И тут же к пению воды добавился новый звук, еще более восхитительный. Возле самой тропинки, сидя на ветке, коротко свистнула птица. Ей ответила другая,

чуть подальше. И вдруг, как по команде, все засвистало, защебетало и послышалась даже певчая трель, а еще через пять минут весь лес зазвенел от птичьих голосов, и Эдмунд повсюду видел птиц — они сидели на ветках, перелетали с места на место, гонялись друг за другом, ссорились или чистили перышки клювами.

— Быстрее! Быстрее! — подгоняла Ведьмарка.

Туман исчез без следа. Синее небо стало еще синее, и поплыли по синему белые облака. На широких полянах цвели первоцветы. Легкий ветерок пробегал среди ветвей, изгоняя остатки прежней сырости, и веял в лицо дивным благоуханием. Деревья ожили. Лиственницы и березы окутались зеленоватой дымкой, а ракитники — золотистой. На ветках буков проклюнулись тонкие, почти прозрачные листочки. И даже золото солнечного света под сенью дерев приобрело зеленоватый оттенок. И вот уже первая пчела прогудела над тропинкой.

— Нет,— сказал гном, внезапно остановившись,— никакая это не оттепель. Это просто-напросто весна. И что же нам теперь делать? Вашей зиме, ваше величество, как пить дать, пришел конец! Это — Эслан!

— Еще раз услышу это имя,— сказала Ведьмарка,— прикончу на месте.

Глава 12
Первый бой Питера

Гном пререкался с Бледной Ведьмаркой, а в это время далеко-далеко от них пятеро беглецов — бобры и люди — шли своей дорогой, и дорога эта была подобна чудесному сновидению. Давным-давно они сбросили шубы. И уже устали окликать друг друга:

— Глядите-ка! Ведь это зимородок!

— А вон там колокольчики!

— Слушай, чем это пахнет?

— Дрозд! Певчий дрозд!

Теперь они шли молча, радуясь светлым солнечным полянам, тенистым прохладным кущам, широким мшаникам, над которыми вязы высоко возносили свою лиственную кровлю, шли среди кустов боярышника, шли по зарослям цветущей смородины и дышали ее сногсшибательным запахом.

Не меньше, чем Эдмунда, его спутников поразило, как нежданно кончилась зима и как январь в лесу за несколько часов

сменился маем. В отличие от колдуньи, они понятия не имели, что это значит. А значило это, что Эслан уже прибыл в Нарнию. Зато путники прекрасно знали, чье заклятье вызвало вечную зиму, и коль скоро весна побеждает, стало быть, что-то у Бледной Ведьмарки пошло наперекосяк. А когда снег совсем растаял, тут они и смекнули, что колдунья-то без саней осталась, и спешить им больше незачем. Отдыхать стали чаще и дольше. Да это и понятно: к тому времени они изрядно притомились. Притомились, но не выдохлись, просто двигаться стали медленнее, как сонные. А в душе у каждого царило умиротворение — такое чувство, знаете, испытываешь, прогуляв целый день на свежем воздухе. Только Сьюзен натерла пятку.

Они шли уже не вдоль большой реки, но взяли правее (стало быть, к югу), чтобы выйти напрямик к Каменному Столу. Да и в любом случае идти прибрежной тропой было невозможно: снега таяли, и мутная полая вода с ревом выступала из берегов — их тропинку наверняка давно уже затопило.

Солнце садилось, воздух порозовел, тени стали длиннее, венчики цветов смыкались, готовясь ко сну.

— Вот мы и пришли,— сказал господин Боббер и повел спутников вверх по склону, на котором то здесь то там росли высоченные деревья, а под ногами пружинил толстый моховой ковер — усталым ногам ступать по нему было очень приятно. И все же — позади-то был целый день пути — на подъеме компания запыхалась. Но лишь только Люси подумала, что без отдыха ей на этот холм не взобраться, как они оказались на вершине. И вот что они увидели.

Они стояли на обширной зеленой площадке. Отсюда, сверху, был виден лес, простирающийся без конца и края на три стороны, а с четвертой стороны, впереди... — там, далеко-далеко на востоке, что-то мерцало и переливалось.

— Гляди-ка, Сьюзен,— восторженно прошептал Питер,— ведь это же море!

Посередине площадки стоял Каменный Стол — огромная серая плита на четырех каменных опорах. Выглядел он мрачновато и, очевидно, был поставлен здесь в древние времена: всю поверхность его покрывали какие-то непонятные начертания, скорее всего, письмена неведомого языка. Только глянешь на них, и становится как-то не по себе. Поодаль был раскинут шатер. И был он великолепен — особенно в лучах заходящего солнца: полотнища стен будто из желтого шелка,

шнуры-растяжки пурпурные, а колышки — из слоновой кости. Над ним на высоком шесте развевался штандарт с гербом: красный Лев, стоящий на задних лапах. Легкий морской ветерок овевал лица. Вдруг справа от них зазвучала негромкая музыка, и, повернувшись, они увидели того, к кому шли.

Эслан стоял в центре, а по обе стороны от него полумесяцем располагалась свита: древесные девы и девы речные (дриадами и наядами называют их в нашем мире), у каждой в руке было что-то вроде арфы, и музыка звучала. Помимо них там было четыре больших кентавра: лошадиной своей половиной они походили на фермерских тяжеловозов, а человеческой — на красавцев-великанов. Еще там были единорог и бык с головой человека, был пеликан, был орел и огромная собака. А по бокам от Эслана стояли два леопарда: один держал в лапах его корону, другой — знамя.

А сам Эслан? При виде его и бобры, и люди остолбенели, утратив дар речи. Слишком многие у нас полагают, что доброе с грозным несовместимо. Но каждый из попавших в Нарнию теперь знает, что это вовсе не так. Ибо, взглянув на Эслана, они успели заметить только золотистое сияние гривы и серьезный, проницательный взгляд больших королевских очей, перед которыми все поспешили опустить глаза.

— Давай-ка, иди,— шепнул господин Боббер.

— Нет,— прошептал в ответ Питер.— Вы идите первый.

— Нет,— шепотом возразил господин Боббер.— Животным никак нельзя попереп Адамова сына.

— Сьюзен, а если ты? — шептал Питер.— Даме всегда уступают дорогу.

— Нет. Ты ведь старший — вот тебе и должны уступать.

И чем дольше они перешептывались, тем глупее становилось их положение, и они это чувствовали. Наконец Питер понял, что начинать все равно придется ему.

— Ну, пошли! Только все вместе,— велел он остальным и, приблизившись ко Льву, приветствовал его обнаженным мечом: — Вот... мы прибыли... Эслан.

— Добро пожаловать, Питер, сын Адама,— отвечал Эслан.— Добро пожаловать, Сьюзен и Люси, дочери Евы. Добро пожаловать, бобр и бобриха.

Услышав этот глубокий богатый голос, они как-то сразу успокоились. Безмолвная радость зазвучала в них, и стоять перед Эсланом молча уже не казалось им неудобным.

— А где же четвертый? — спросил он.

— О Эслан,— ответил за всех господин Боббер,— похоже, четвертый решил предать их и перекинулся к Бледной Ведьмарке.

И тут что-то заставило Питера проговорить:

— В этом есть и моя вина, Эслан. Я злился на него, и может быть, моя злость подтолкнула его.

Была ли тут какая вина или нет — этого Эслан Питеру не сказал, он просто стоял и пристально смотрел на него своими большими глазами. И все поняли, что словами тут ничего не скажешь.

Только Люси спросила:

— А как же Эдмунд? Пожалуйста, Эслан... нельзя ли что-нибудь сделать?

— Будет сделано все, что только возможно,— ответил тот.— Но это непросто — куда труднее, чем тебе кажется.

Лев опять замолчал. А Люси, глядя на него, заметила, что львиный лик — такой величавый, могучий, спокойный — на мгновение стал печален. Но всего лишь на мгновение. И тут же, тряхнув гривой, хлопнув лапой о лапу («Ох, какие страшные у него лапы,— мелькнуло в голове у Люси,— и как хорошо, что он умеет втягивать когти!»), Лев воскликнул:

— Время! Готовьте пир. Эй, лесные и речные девы, проводите наших гостий в шатер и служите им.

Девочки ушли, а Эслан положил лапу на плечо Питеру — и тяжелой же оказалась эта лапа, даром что бархатная.

— Пойдем, сын Адама,— молвил Эслан.— Взгляни, хотя бы издали, на тот замок, где быть тебе королем.

И вот Питер, все еще сжимая в руке обнаженный меч, вышел бок о бок со львом на восточный край площадки. Великолепный вид открывался оттуда. Солнце садилось у них за спиной, и вся земля Нарнии — леса и холмы, и долы — залита была вечерним светом, и далеко-далеко серебристой змейкой вилась большая река. А еще дальше было море, а над морем — небо и облака, озаренные лучами заходящего солнца. И там, на рубеже суши и вод, у самого устья большой реки, на невысоком холме что-то сверкало. То был замок, а сверкало солнце, отражаясь в стеклах окон, обращенных на запад. Однако Питеру показалось, что не замок то, а звезда, горящая у лукоморья.

— Смотри, человек,— молвил Эслан,— это и есть Кэйр-Параваль о четырех престолах, на один из которых ты воссядешь как

законный король. Именно тебе я показал его, потому что ты — первенец, а стало быть, по праву будешь Высочайшим из Четырех Венценосцев.

На сей раз Питер просто не успел ответить — какой-то необыкновенный звук ворвался в тишину. Как будто погудка охотничьего рога, но только мягче.

— Это рожок твоей сестры, — сказал Эслан Питеру тихо-тихо, как будто — не в обиду Льву будет сказано, — промурлыкал.

Питер не сразу сообразил, в чем дело. И только когда увидел бегущих к шатру и услышал, как Эслан, воздев лапу, возвал: «Все назад! Дайте принцу заслужить рыцарские шпоры», — только тогда он понял и сломя голову ринулся вперед. Страшное зрелище открылось ему.

Наяды и дриады разбегались во все стороны от шатра. Люси бежала навстречу ему со всей скоростью, на какую только была способна; лицо — белее бумаги. А вот и Сьюзен: она, бросившись вниз по склону, подпрыгнула и повисла на нижней ветке дерева, а под деревом стоял огромный серый зверь. Сперва Питеру показалось, что это медведь. Потом он увидел, что зверь похож на большую, даже слишком большую собаку.

То был волк. Он стоял на задних лапах, опираясь передними о ствол дерева, клацал зубами, рычал, и шерсть у него на загривке торчала дыбом. Сьюзен успела уцепиться за вторую ветку, однако одна нога все еще свисала вниз, и клыкастая пасть едва-едва не доставала до нее. Питер удивился, отчего бы сестрице не залезть повыше или, по крайней мере, не ухватиться за ветку покрепче; и вдруг до него дошло, что силы ее на исходе — сейчас она потеряет сознание и рухнет вниз.

Питер не испытывал прилива отваги, наоборот, у него живот подвело от страха. И несмотря на это, он сделал то, что должен был сделать. Он ринулся на чудовище, подняв меч, чтобы ударить наотмашь. Удар не достиг цели. Быстрый, как молния, зверь развернулся на задних лапах — глаза горели, из широко разверстой пасти вырвался злобный рык. Когда бы не чрезмерная злоба, волк не стал бы рычать, а сразу схватил бы врага за горло. Но волк зарычал. И все случилось так быстро, что сам Питер ничего не успел осознать, но зато успел направить меч снизу вверх и со всей силы вогнать клинок между передними лапами — прямо в сердце. А дальше все было как в долгом страшном сне: пасть, ощеренная прямо в лицо, и жар,

исходящий из нее, и кровь, и шерсть — Питер старался удержать зверя на клинке, а тот, живой или мертвый, наваливался. Еще мгновение, и мертвое чудовище рухнуло наземь. Питер, с трудом вытащив меч из волчьей плоти, распрямился. Пот заливал лицо и застил глаза. Все тело ломило.

Чуть погодя Сьюзен слезла с дерева. И она, и Питер, оба едва держались на ногах. Не стану утверждать, что у них там обошлось без объятий и слез. Однако в Нарнии это незазорно.

— Скорее! Скорее! — раздался голос Эслана. — Кентавры! Орлы! Я видел второго волка. Там, внизу, в чаще. Он только что скрылся. Все за ним! Он отправится к своей хозяйке — вот вам и возможность отыскать Ведьмарку и спасти четвертого.

По его слову загремели копыта, захлопали крылья — не меньше дюжины самых резвых созданий ринулось в густеющие сумерки.

Питер, все еще не отдышавшись, обернулся и увидел Эслана — тот стоял рядом.

— Ты забыл оттереть свой меч, — сказал Эслан.

Так оно и было. Питер покраснел, взглянув на светлый клинок, загаженный кровью и шерстью волка. Наклонившись, он тщательно вытер меч о траву, а затем, для верности, об одежду.

— Подай мне меч и преклони колено, сын Адама, — сказал Эслан. Потом, возложив клинок плашмя на плечо Питеру, Лев провозгласил: — Встань, рыцарь Питер Волкобой. И что бы с тобой ни случилось, впредь не забывай вытирать свой меч.

Глава 13
Великое Заклятье Времен Изначальных

А теперь пора нам вернуться к Эдмунду.

Столько пройти, почти пробежать, да еще без отдыха — никогда бы он не поверил, что это вообще возможно. И вдруг Ведьмарка приказала остановиться. Для привала она выбрала угрюмый лог в темной чаще тисов и елей. Эдмунд рухнул ничком, лицом в землю, и лежал неподвижно: пусть дальше будет, что будет, только бы сейчас ему дали полежать. Он так устал, что не чувствовал ни голода, ни жажды. А тем временем Ведьмарка с гномом тихонько переговаривались где-то совсем рядом.

— Нет, — говорил гном, — мы опоздали, ваше величество. Они наверняка уже у Каменного Стола.

— Подождем вестей от Моугрима. Он должен отыскать нас, — отвечала колдунья.

— Даже если отыщет, — говорил гном, — это будут дурные вести.

— Однако в Кэйр-Паравеле, заметь-ка, четыре престола, — шептала Ведьмарка. — А что, если один из них останется пуст? В таком случае предсказанное не исполнится.

— Какая разница, если *он* — здесь? — сказал гном. На этот раз он не посмел при хозяйке произнести имя Эслана.

— Он? Он когда-нибудь, да уйдет. Ну, а тех троих вмиг осилим.

— А не лучше ли оставить этого, — и тут гном пнул Эдмунда в бок, — сохранить и поторговаться.

— Ха! Чтоб его у нас отняли? — презрительно фыркнула колдунья.

— Коли так, — согласился гном, — не покончить ли с этим, не откладывая?

— Мне бы хотелось содеять это на Каменном Столе, — мечтательно проговорила колдунья. — Стол для того и предназначен. И всегда это делалось на нем.

— Долго ждать придется. Стол нескоро можно будет употреблять по назначению, — возразил гном.

— Ты прав, — сказала Ведьмарка и, помолчав, добавила: — Что ж, приступим...

В этот самый миг из чащобы прямо на них кубарем выкатился волк.

— Я видел их. Они все там, у Каменного Стола. И *он* тоже там, с ними. Они убили капитана Моугрима. Я укрылся в чаще и все видел... Один из сынов Адама убил его. Бегите! Бегите!

— Мне бежать?! — вскричала Ведьмарка. — С какой стати? А вот ты беги — обойди всех наших, пусть спешат ко мне сюда и не медлят. Великанов зови, вовкулаков и духов лесных, нам верных. Упырей зови, тварей болотных, людоедов и минотавров. Лихорадку, Бледную Немочь, привидений и поганок всем скопом. Будем биться! И еще как! Или нет при мне моего жезла? Или я не могу превратить врагов моих в камень? Ну же, быстро! Беги! А я покуда завершу тут еще одно дельце.

Громадный зверь кивнул, развернулся и мгновенно исчез в чаще.

— Ну-с, — промолвила колдунья, — если стола у нас нет... дай мне подумать... пусть столом нам послужит дерево.

Тут же Эдмунд был грубым рывком поставлен на ноги, и гном накрепко привязал его спиной к ближайшему тису. Ведьмарка скинула мантию. Обнаженные руки ее были страшно белыми. И единственное, что видел Эдмунд в полумраке темного лога, были эти страшные белые руки.

— Готовь жертву, — сказала колдунья.

Гном разодрал рубаху на груди Эдмунда и, схватив за волосы, оттянул ему голову так, чтобы обнажилась шея. И тогда Эдмунд услышал: вжик-вжик-вжик... Какой странный звук! И сразу понял: это точится нож.

В то же мгновение со всех сторон грянуло — стук копыт и хлопанье крыльев... вопль Ведьмарки... рев, галдеж и сумятица. Путы ослабли, и Эдмунд рухнул бы наземь, когда бы чьи-то сильные руки не подхватили его; и какие-то добрые басовитые голоса звучали в его ушах:

— Пусть полежит... Дайте ему вина... Глотни-ка вот этого... Вот теперь хорошо... Все будет в порядке.

А еще голоса разговаривали друг с другом.

— Где Ведьмарка?.. А разве ее не схватили?.. Я выбил нож у нее из рук, а потом куда делась, не видел... Я погнался за гномом... Неужели сбежала?.. Не могу же я один углядеть за всем сразу... А вот это что такое?.. Чепуха! Всего лишь трухлявый пень!

Вот последнее, что услышал Эдмунд, прежде чем потерял сознание.

Наконец кентавры и единороги, олени и птицы (это был, разумеется, спасательный отряд, посланный Эсланом) собрались вместе и пустились в обратный путь к Каменному Столу, унося с собой Эдмунда. Но если бы они видели, что случилось там, в темном логе, после их ухода, вот, думаю, удивились бы.

Сперва все было тихо. Луна взошла. И в лунном свете можно было разглядеть старый пень и гладкий валун. Но и пень тот, и валун при ближайшем рассмотрении показались бы какими-то странными. Валун был похож на толстяка-невеличку, припавшего к земле. И подождав немного, можно было бы заметить, как пень потихоньку подвигается к валуну, а валун, хотя не шевелится, но зато разговаривает. Сразу стало бы ясно, что валун этот — гном, а трухлявый пень — Ведьмарка.

Среди прочих заклятий у Ведьмарки было и такое, что могла она для отвода глаз превратить кого угодно во что угодно. И колдунья не растерялась, когда нож был выбит у нее из рук. И магический жезл тоже остался при ней.

На следующее утро, едва только Питер, Сьюзен и Люси проснулись (а проспали они эту ночь в шатре на грудах подушек), госпожа Боббер сообщила им, что вчерась, мол, брат их был вызволен и сюда принесен, а сейчас, мол, с ним беседует Эслан. Тут все трое выскочили из шатра и увидели Эслана с Эдмундом — те расхаживали рядком по росистой траве в стороне от всех. Но о чем они говорили, вам вовсе ни к чему знать (да никто того и не слышал), только этой беседы Эдмунд вовек не забудет. А когда они подошли, Эслан подтолкнул к ним Эдмунда и сказал:

— Вот ваш брат... А что минуло, то минуло, и говорить о том нечего.

Эдмунд протягивал каждому руку и говорил:

— Прости меня.

И каждый, пожав ему руку, отвечал:

— Да чего там. Бывает.

И всем им хотелось начать разговор с чего-нибудь простого и привычного, чтобы сразу стало ясно, что они снова друзья, но слова как-то не находились. Молчание становилось совсем уже глупым, но тут, на их счастье, явился леопард и обратился к Эслану:

— Господин мой, к вам вестник из вражеского стана. Он хочет говорить с вами.

— Пусть приблизится.

Леопард ушел и скоро вернулся, за ним следовал гном.

— Что ты имеешь сообщить мне, сын земли? — спросил Эслан.

— Королева Нарнии, императрица Одиноких Островов и прочая и прочая, желает говорить с вами о деле, которое касается вас не менее, чем ее, и требует гарантий безопасности.

— Тоже мне королева Нарнии! — возмутился господин Боббер.— Какая наглость!

— Тише, тише, бобр,— сказал Эслан.— В скором времени все титулы будут возвращены их законным обладателям. А сейчас не время спорить о званиях. Ты же, сын земли, передай

своей хозяйке: Эслан обещает ей полную безопасность при условии, что свой магический жезл она оставит внизу, вон под тем большим дубом.

На том и порешили, и два леопарда отправились вместе с гномом, дабы убедиться, что условия выполняются должным образом.

— А вдруг она возьмет и обратит леопардов в камень? — шепнула Люси Питеру.

Похоже, таковая возможность тревожила и самих леопардов; во всяком случае, когда они уходили, шерсть у них на спине стала дыбом, а хвосты поднялись трубой, как у котов, повстречавших чужую собаку.

— *Все будет в порядке,* — шепнул Питер в ответ. — Иначе Эслан их не послал бы.

И вот спустя какое-то время сама Бледная Ведьмарка взошла на вершину холма и оказалась лицом к лицу с Эсланом. У Питера, у Сьюзен и у Люси, увидевших ее впервые, мурашки побежали по спине; и толпа животных глухо заворчала. Хотя утреннее солнце уже грело, всем почудилось, что повеяло холодом. Только Эслан с Ведьмаркой оставались совершенно невозмутимыми. И странно было видеть два столь несхожих лика — золотистый и мертвенно-белый — один против другого. А все ж Ведьмарка не осмелилась глянуть Эслану прямо в глаза — госпожа Боббер это заметила.

— Здесь есть изменник, — сказала Ведьмарка.

Разумеется, все поняли, что она говорит об Эдмунде. А сам Эдмунд после беседы с Эсланом в это утро о себе не думал — он смотрел на Эслана. И, казалось, даже не слышал слов колдуньи.

— Что из того? — пожал плечами Лев. — Он изменил не тебе.

— Ты что, забыл Великое Заклятье? — спросила Ведьмарка.

— Допустим, забыл, — отвечал Эслан серьезно. — *Напомни мне, что это за Великое Заклятье.*

— Я должна напомнить? — вдруг взвизгнула колдунья. — Это я-то должна напомнить, что значат вот эти знаки на этом Столе, у которого мы стоим? Это я должна прочитать письмена, высеченные рожном на жертвенном камне Заповедного Холма? Разве я должна помнить, что начертано на скипетре Императора-Всея-Заморья? Уж кто-кто, а ты должен знать Императорское Слово — закон Нарнии с изначальных времен.

И ты знаешь, что любой изменник — моя законная доля. И любого изменника я имею право казнить.

— Вот оно, значит, в чем дело,— протянул господин Боббер.— Стало быть, вы посчитали себя королевой потому, что служили палачом при Императоре. А я-то думал...

— Спокойно, спокойно, бобр,— тихо рыкнул Эслан.

— А посему,— продолжала Ведьмарка,— человеческий выродок принадлежит мне. Его жизнь идет в мою казну. Его кровь — моя собственность.

— Ну, давай-ка попробуй, возьми его,— взревел бык с головой человека.

— Дурак,— отвечала ведьма, и злобная усмешка исказила ее лицо.— Ты что же, думаешь, твой хозяин за просто так, силой, может лишить меня моих прав? Ему не хуже моего известно Великое Заклятье. Уж он-то знает, что гласит Закон: коль скоро я не получу кровь изменника, Нарния падет — она погибнет в огне и водах.

— Истинно так,— ответил Эслан.— Я не отрицаю этого.

— О Эслан! — шептала Сьюзен на ухо Льву.— Неужели же... нет, не может быть... ведь вы его не отдадите? Разве нельзя что-нибудь сделать с этим Великим Заклятьем? Наверняка вы можете отменить его!

— Отменить Великое Заклятье? — переспросил Эслан, нахмурился и так глянул на Сьюзен, что после этого никто бы не осмелился лезть к нему с советами.

Эдмунд же, стоя по другую сторону от Эслана, все так же, не отрываясь, смотрел на него. Хотел было что-то сказать, но горло перехватило, и тут он понял, что от него сейчас требуется одно — выслушать и исполнить.

— Оставьте нас,— молвил Эслан, обращаясь ко всем.— Я буду говорить с Ведьмаркой с глазу на глаз.

Все отошли. Было странно видеть, как Лев и колдунья мирно беседуют. Было страшно ждать их решения. Люси не выдержала и заплакала. Питер, отвернувшись, глядел на море. Бобры обнялись и понурили головы. Кентавры в тревоге рыли землю копытами. И такая стояла тишина, что слышно было гуденье шмеля в траве, и посвист птицы в лесу у подножия холма, и шелест листьев. А беседа Эслана с Бледной Ведьмаркой длилась и длилась.

Наконец раздался голос Эслана.

— Можете приблизиться,— сказал он.— Все улажено. Она больше не требует крови вашего брата.

И по всему холму пронесся шум, так, словно толпа все это время стояла, затаив дыхание, и вот все разом вздохнули и разом заговорили.

Ведьмарка уже спускалась с холма, как вдруг обернулась — лицо ее было исполнено злобного торжества — и спросила:

— А что, Лев, если ты не исполнишь обещанного?

— Хар-р-р-ах! — взревел Эслан, вставая на задние лапы.

Огромная львиная пасть раскрывалась все шире и шире, рычание становилось все громче и громче, и Бледная Ведьмарка, вытаращив глаза, раскрыв рот, задрала свои юбки и задала стрекоча.

Глава 14
Триумф Ведьмарки

Как только Ведьмарка сбежала, Эслан сказал:

— Нам нельзя здесь больше оставаться — это место предназначено для другого. Сегодня вечером мы станем лагерем у Берунских Бродов.

Разумеется, им до смерти хотелось знать, о чем он договорился с Ведьмаркой, но львиный лик был строг, а в ушах у всех еще не стихло рычание, и никто не осмеливался заговорить с ним об этом.

Сперва завтракали под открытым небом прямо на травке — солнце стояло уже высоко, и роса высохла,— потом собирались в дорогу, сворачивали шатер, паковали поклажу, и только часа в два пополудни выступили. Шли на северо-восток, не спеша, до Берунских Бродов было недалеко.

Первую половину пути Эслан шел рядом с Питером, объясняя ему свой план предстоящих военных действий:

— Скорее всего, завершив свои делишки здесь, Ведьмарка со всей ратью укроется в крепости и будет готовиться к обороне. Попытайтесь, если будет возможно, отрезать ей путь к отступлению.

Тут Эслан изложил два возможных варианта событий: первый — сражение с Ведьмаркой в лесу, второй — осада и штурм ее крепости. Питер выслушал от него множество полезных советов по военному делу. К примеру, такие: «Кентавров поставь там-то и там-то», «Разведку веди так-то и так-то, чтобы заранее знать все ее умыслы». И так он говорил и говорил, покуда у Питера само собой не вырвалось:

— Послушайте, Эслан, ведь вы же будете с нами.

— Этого я не могу обещать, — ответил Лев и продолжил урок.

Вторую половину пути Эслан шел рядом с Люси и Сьюзен. Он почти не разговаривал и, как им показалось, был печален.

Солнце стояло еще высоко, когда отряд добрался до места: склоны долины раздвинулись, и река здесь текла по широкому мелкому руслу. Это и были Берунские Броды. Эслан объявил стоянку. Но Питер возразил:

— А не лучше ли разбить лагерь на том берегу? Вдруг Ведьмарка нападет ночью или устроит еще что-нибудь?

Эслан, казалось, не услышал — он совсем ушел в себя, в свои мысли, — но встрепенулся и тряхнул гривой:

— О чем ты? Что ты сказал?

Питер повторил.

— Нет, — отвечал Эслан так безразлично, как будто ему было все равно. — Нет. Она сегодня не нападет, — он печально вздохнул, но тут же поспешно добавил: — Однако хорошо, что ты об этом подумал, Питер. Так и должно поступать воину. Но все же сегодня это не имеет значения.

И лагерь был поставлен на этом берегу.

Наступил вечер. Настроение Эслана подействовало на всех. Питера мучили мысли о том, что в войне с Ведьмаркой ему придется взять командование на себя. Весть, что Эслана с ними не будет, повергла его в уныние. За ужином молчали — все чувствовали, насколько этот вечер отличается от вчерашнего, и даже сегодня утром все было иначе. Как будто хорошие времена закончились, едва начавшись.

Дурные предчувствия не давали покоя и Сьюзен. Все уже спали, а она все лежала, считала белых слонов, ворочалась с боку на бок и никак не могла уснуть. Вот и Люси рядом с ней в темноте заворочалась и тяжко вздохнула.

— Тоже не спишь? — прошептала Сьюзен.

— Никак не получается, — отвечала Люси. — А я думала, что ты уснула. Послушай, Сью...

— Что?

— У меня такое ужасное чувство... знаешь, как будто что-то надвигается.

— Да? И у меня тоже...

— Мне кажется, это как-то связано с Эсланом, — продолжала Люси. — То ли с ним случится что-то ужасное, то ли он собирается сделать что-то страшное.

— Он сегодня весь день был сам не свой, — подтвердила Сьюзен. — Послушай, Люси! А что это он говорил про битву — как будто с нами его не будет? Не задумал ли он уйти сегодня, потихоньку, пока все спят?

— А где он? — подскочила Люси. — Он в шатре?

— Кажется, нет.

— Давай, Сьюзен, выйдем и поглядим. Может быть, он снаружи?

— А почему бы и нет, — согласилась Сьюзен. — Не все ли равно, где не спать — здесь или там.

Тихо-тихо пробрались сестры среди спящих и бесшумно выскользнули из шатра. Ярко светила луна, и тишину нарушало лишь журчание речной воды на камнях. Вдруг Сьюзен схватила Люси за руку:

— Смотри!

Лев уже пересек поляну, и они увидели его на опушке. Он медленно вошел в лес. Не говоря ни слова, обе бросились следом.

Они крались за ним сначала вверх по склону долины, потом направо — тем самым путем, по которому отряд двигался к Бродам от Каменного Стола. А он все шел и шел — сквозь непроглядные тени, сквозь бледный лунный свет. И они — вслед за ним, совсем вымокнув от росы. Однако этот Лев был непохож на Эслана. Хвост опущен, голова поникла, идет медленно-медленно, как будто совсем обессилел. И вот, когда они оказались посреди широкой поляны, где не было тени, в которой можно укрыться, Лев застыл вдруг на месте и оглянулся. Убегать не имело смысла, и сестры двинулись прямо к нему. Когда они приблизились, Лев молвил:

— Ох, дети мои, зачем вы идете за мной?

— Мы никак не могли уснуть, — начала Люси и тут же почувствовала, что слова не нужны — Эслану и без того все известно.

— А можно нам пойти с вами... куда вы, туда и мы? — попросила Сьюзен.

— Пожалуй... — Эслан задумался, а потом тихо добавил: — Нынешней ночью мне хотелось бы побыть с друзьями. Да, вы можете идти со мной, но только обещайте, что остановитесь, когда я вам скажу, и дальше ни шагу — дальше я пойду один.

— Вот спасибо, Эслан, спасибо! Все будет, как вы скажете, — обрадовались сестры.

Они двинулись снова — Лев посредине, сестры по бокам. Но как же медленно он брел! Большая львиная голова понурилась, и нос почти касался травы. Вот Лев споткнулся и тихо застонал.

— Эслан! Эслан! — не выдержала Люси. — Что с вами? Что случилось?

— И вправду, милый Эслан, вам нездоровится? — поддержала Сьюзен.

— Нет, — ответил Эслан. — Мне грустно и одиноко. Положите-ка ваши руки мне на гриву, чтобы я чувствовал, что вы рядом, и пойдемте дальше.

Им было позволено то, о чем они обе мечтали с тех пор, как увидели Эслана, и о чем не смели заикнуться. Они погрузили озябшие руки в прекрасные теплые волны, оглаживая львиную гриву. Так и шли. Пока не добрались до подножия холма, где стоит Каменный Стол. Пока не взобрались по склону почти до самой вершины с той стороны, где деревья подступали ближе к площадке. Там, на опушке, поросшей кустами, Эслан остановился и молвил:

— Здесь, дети мои, вы должны остаться. И что бы там ни случилось, затаитесь, чтобы никто вас не заметил. Прощайте.

И девочки, сами не зная отчего, горько заплакали; не желая отпускать Льва, целовали его в гриву, и в нос, и в большие грустные очи. В конце концов он высвободился и вышел на лысую вершину холма. А Люси и Сьюзен, спрятавшись в кустах, не спускали с него глаз. И вот что они увидели.

Целая прорва народу толпилась на площадке. Хотя лунного света хватало, многие там были с факелами, зловеще чадившими в ночи. И что же это был за народ! Людоеды с чудовищными зубами, волки-оборотни и быкоголовые люди, духи недобрых деревьев и ядовитых растений и множество всяких прочих, внешность которых я не стану описывать, а не то вам, глядишь, запретят читать эту книгу: лихорадки, вереды и демоны, привидения, страхи, ифриты, эльфы, орки, дурманы, прожоры — там собралась едва ли не вся армия Бледной Ведьмарки — те, кого волк успел известить. А сама Ведьмарка — вот она, в середине толпы, у самого Каменного Стола.

Вой и бормот испуганных голосов разнеслись по холму, когда твари заметили Великого Льва, и даже Ведьмарка, ка-

залось, остолбенела от страха. Но тут же опомнилась, и неистовый злобный хохот сотряс ночной сумрак.

— Дурень! — вскричала она.— Великий Дурень явился. Вяжите его!

Люси и Сьюзен, затаив дыхание, ждали, что вот сейчас Эслан взревет и ринется на врагов. Но этого не случилось. Четыре вереды, ухмыляясь и кося глазами, готовые при первом движении Льва задать стрекача, страшась того, что им предстояло сделать, стали подкрадываться к нему.

— Стреножьте его, говорю вам! — прикрикнула колдунья.

Вереды метнулись вперед и возопили от восторга, обнаружив, что Лев и не думает сопротивляться. Тут уж они всем скопом, злые гномы и нелюди, бросились на помощь вередам, навалились, опрокинули огромного Льва на спину и стали его стреножить, вопия и гикая, будто совершали великий подвиг, хотя, пожелай того Лев, одной лапой он перебил бы их всех. Однако он не то что не шевельнулся — не издал ни единого звука, покуда враги, пыхтя от натуги, так затягивали узлы на путах, что веревки и ремни врезались в львиную плоть. Покончив с этим, они поволокли его к Столу.

— Стойте! — приказала Ведьмарка.— Их величество желают сначала постричься.

Все ее войско покатилось с хохоту; явился людоед с ножницами и присел на корточки возле Эслана. Чик-чик-чик — стригли ножницы, и золотая волна опадала на землю. Потом людоед поднялся, и сестры из своего укрытия увидели Эслана без гривы — голова его, да и весь он теперь казались вовсе не такими огромными. Нечисть тоже это заметила.

— Ба, да ведь он — всего-навсего большая кошка! — хихикали одни.

— Нашли кого бояться! — хохотали другие.

И они обступили Эслана и глумились над ним, и говорили:

— Киса, киса! Бедная киска.

— Сколько мышек ты поймал сегодня, котяра?

— А не хочет ли кошечка молочка?

Люси плакала, слезы струились у нее по щекам:

— Как они смеют? Гады! Гады!

Но Эслан уже оправился от потрясения, и лик его, лишенный обрамленья гривы, стал еще мужественнее, красивее, невозмутимее.

— Наденьте на него намордник! — приказала Ведьмарка.

Покуда нечисть прилаживала намордник, Эслану ничего не стоило, сомкнув челюсти, откусить пару-другую вражеских лап. Однако он не шелохнулся. Именно это, казалось, разъярило толпу пуще прежнего. Все бросились на него. Расхрабрились даже те, кто прежде трусил подойти к связанному. И вот Эслана уже не стало видно за множеством тварей, пинающих его, язвящих, плюющих на него и глумящихся.

В конце концов это дело толпе наскучило, и она поволокла беспомощного Эслана — одни тянули, другие подталкивали — к Столу. Лев был столь огромен, что немалого труда им стоило, всем скопом взявшись, взвалить его на каменную столешницу. И там на него наложили новые путы.

— Трусы! Трусы! — рыдала Сьюзен.— Они все еще боятся его. Даже сейчас боятся.

И вот, когда Эслан был примотан к плите (примотан так, что и вправду стал похож на моток ремней и веревок), тишина пала на толпу. Четыре вереды с факелами в руках стали по четырем углам Стола. Ведьмарка, скинув мантию, обнажила свои белые руки точно так же, как прошлой ночью, когда перед ней был не Эслан, а Эдмунд. И стала точить нож. В свете луны и факелов можно было разглядеть, что нож этот, вида диковинного и зловещего, имеет лезвие не стальное, но каменное.

Наконец она подошла и встала в головах у Эслана. Лицо ее кривилось и подергивалось, а Лев смотрел в небо, и в покойных глазах его не было ни злобы, ни страха, а только печаль. И тогда колдунья, прежде чем нанести удар, склонилась над ним и дрожащим голосом прошипела:

— Ну, и кто из нас проиграл? Дурень ты, дурень! Ты что же, думал, что этим спасешь изменника — человеческого выродка? Нет! Сейчас я вместо него прикончу тебя, как требует наш договор и Великое Заклятье. Но когда ты издохнешь, что мне помешает прикончить и мальчишку? Кто его защитит от меня? Дурень ты, дурень! Ты сам же мне отдал Нарнию на веки вечные, и сам издохнешь, и мальчишку не спасешь. Умри же, зная, что все напрасно!

Ведьмарка подняла нож, но удара Люси и Сьюзен не видели — от ужаса они зажмурились.

Глава 15
Величайшее Заклятье Времен Доначальных

Люси и Сьюзен, закрыв лица ладонями, лежали в кустах на опушке, а по холму разносился голос Ведьмарки:

— Слушайте все! Все за мной! Покончим с этим делом! Великий Дурень мертв! Великий Кот сдох! Теперь изменники и людские отродья в наших руках.

Некоторое время сестры были в большой опасности. Мимо их укрытия с дикими воплями под гугненье волынок и визг рожков помчалось вниз по склону гнусное воинство. Холодным дуновением проносились призраки; земля дрожала под ногами минотавров; лунный свет затмили тучи мерзких крыльев — то летели черные стервятники и гигантские нетопыри. Но девочкам не было страшно — ужасная, нозорная смерть Эслана наполнила их такой печалью, что о себе они просто не думали. И как только на холме все стихло, Сьюзен и Люси прокрались к Каменному Столу. Луна уже почти зашла, полупрозрачные облачка порой пробегали по ней, и все-таки ее света еще хватало, чтобы увидеть опутанное веревками тело мертвого Льва. Сестры стояли по колено в росистой траве, и целовали его, и поглаживали его гриву — то, что от нее осталось,— и плакали, плакали, пока хватало сил. Взглядывали друг на друга, брались за руки, чтобы не было так одиноко, и снова плакали, и снова затихали. Наконец Люси сказала:

— Видеть не могу этот ужасный намордник. Давай попробуем снять?

Долго они трудились — пальцы у них занемели от холода, ночь перевалила за половину — и все же это им удалось. Освободив его лик, они вновь разрыдались, и целовали его, и гладили и, как могли, оттирали кровь и смертный пот. Нет, у меня не хватает слов, чтобы описать их одиночество, отчаяние и тоску.

— А если попробовать снять с него эти путы? — предложила Сьюзен.

Однако враги, чтобы потешить свою злобу, так затянули узлы и петли, что девочкам они оказались не по силам.

Не дай бог никому из читателей этой книги испытать такое горе, какое выпало на долю сестер той ночью. Но если вам приходилось когда-нибудь плакать всю ночь напролет и

выплакать все слезы до последней, тогда вам, верно, знакома та особенная пустота, которая приходит вослед слезам. Такое чувство, будто больше никогда и ничего не будет. Во всяком случае, именно это чувствовали Люси и Сьюзен. Час проходил за часом, становилось все холоднее и холоднее, но в своем оцепенении они этого не замечали. И все же в конце концов внимание Люси привлекли две вещи. Во-первых, восточный край неба стал немного светлее. Во-вторых, что-то шуршало и копошилось в траве под ногами. Первая мысль ее была: ну и что? Какое все это имеет значение? Теперь все — все равно! Потом она заметила, что это что-то, чем бы оно ни было, движется вверх по каменным опорам Стола. И вот это что-то, чем бы оно ни было, уже ползет по телу Эслана. Какая-то серая масса.

— Фи! Какая гадость! — воскликнула Сьюзен с другой стороны Стола.— Это же мыши! Зачем они ползают по нему? Противные! Кыш отсюда! — И она замахала руками, сгоняя их.

— Погоди! — сказала Люси, наклонившись, чтобы разглядеть мышей поближе.— Ты лучше посмотри, что они делают.

Обе некоторое время молча наблюдали.

— По-моему...— сказала Сьюзен.— Нет, здесь что-то не так! Они грызут веревки!

— Вот и мне кажется,— сказала Люси.— Наверное, это хорошие мыши. Бедняжки, они не понимают, что он мертвый, и хотят его освободить.

Быстро светало. Люси, взглянув на Сьюзен, уже смогла разглядеть, какое бледное у той лицо. И Сьюзен, взглянув на Люси, увидела то же. И обе они могли видеть, как великое множество, сотни и сотни маленьких полевых мышек точат зубами ремни и веревки. В скором времени все путы были перегрызены.

На восходе небо побелело, звезды пригасли — все, кроме одной, самой большой и яркой, стоявшей низко над горизонтом. Стало холоднее, чем даже ночью. Мыши ушли восвояси.

Девочки освободили Льва от обрывков перегрызенных пут. Без них Эслан стал больше похож на себя. С каждой минутой свет прибывал, и чем становилось светлее, тем, на их взгляд, одушевленнее выглядел мертвый лик Льва.

В лесу у подножия холма прощебетала какая-то птаха (девочки даже вздрогнули — слишком долго они пробыли в

полнейшей тишине), другая птаха ответила, и вот уже вся округа зазвенела птичьими трелями.

Ночь кончилась, наступило утро.

— Что-то я совсем замерзла, — сказала Люси.

— И я тоже, — откликнулась Сьюзен. — Давай разомнемся немного.

Они подошли к восточному краю площадки и посмотрели вдаль. Большая звезда почти погасла, долина реки еще была сумрачно-серой, но там, на самом краю земли, светилась полоска моря. Небо порозовело. Чтобы хоть как-то согреться, они стали прохаживаться взад и вперед, видя перед собой то мертвое тело Эслана на Каменном Столе, то отроги Восточных гор вдали. Ах, как же они устали! Ноги подкашивались от усталости. И вот, когда в очередной раз сестры остановились на краю площадки, глядя на море и Кэйр-Паравел, который только теперь заметили, в это самое время из золотого расплава на границе моря и неба медленно-медленно всплыл краешек солнца, и в этот же самый миг у них за спиной что-то треснуло. Так, знаете, треснуло, как будто великан разбил о камень свою великанскую миску.

— Что это? — воскликнула Люси, сжимая руку сестры.

— Я... я боюсь оглянуться, — призналась Сьюзен. — Там, наверное, происходит что-то ужасное.

— Что они опять с ним делают? — возмутилась Люси. — Наверняка какую-нибудь гадость. Давай, пошли!

И Люси, повернувшись, потянула Сьюзен за руку.

С первыми лучами солнца в мире появились цвета и тени — все изменилось до неузнаваемости, и поэтому главное они заметили не сразу. Потом увидели: Каменный Стол рассекла широченная трещина — Стол раскололся надвое. И не было на нем Эслана.

Сестры бросились туда.

— Это ужасно, — рыдала Люси, — даже мертвого они не оставляют в покое.

— Кто это сделал? — причитала Сьюзен. — Что это все значит? Опять какое-нибудь великое заклятье?

— Да! — раздался зычный голос у них за спиной. — Это — Величайшее Заклятье.

Девочки оглянулись. Там, сверкая в лучах восходящего солнца, стоял Эслан — Великий Лев; он стал как будто еще больше и потряхивал великолепной гривой, которая, очевидно, успела вновь отрасти.

— Эслан! Эслан! — вскричали сестры, глядя на него с восторгом, но не без страха.

— А разве вы не умерли вчера? — спросила Люси.

— То было вчера, — отвечал Эслан.

— А вы не... не приз... — начала было Сьюзен дрожащим голоском, но так и не смогла произнести до конца слово «призрак».

Эслан склонил свою золотистую голову и лизнул ее в лоб. На Сьюзен пахнуло теплым дыханием и благоуханным запахом его шерсти.

— Ну как? Похож я на «приз»? — улыбнулся Лев.

— Живой! Живой! Живой Эслан! — восторженно возопила Люси, и обе девочки повисли у него на шее.

— Но как же все это случилось? — спросила Сьюзен, когда они немножко успокоились.

— Как случилось? — повторил Эслан. — Дело в том, что Ведьмарка знает о Великом Заклятье, но понятия не имеет о Величайшем. Ее знания простираются до самого Начала Времен. Но когда бы она могла заглянуть чуть дальше, в недвижимую тьму Предначального, она постигла бы иные Заклятья. Она узнала бы Закон: коль скоро кто не повинный в измене добровольно принесет себя в жертву вместо изменника, Жертвенный Стол сокрушится и сама Смерть отступит. Вот и все. А теперь...

— Ну же, ну же, что теперь? — Люси подпрыгивала на месте и била в ладоши.

— А теперь, дети мои, — молвил Лев, — я чувствую, как силы возвращаются ко мне. А ну-ка, поймайте меня, если сможете!

Еще мгновение он стоял неподвижно — глаза сверкают, тело напружено, хвост хлещет по бокам. И вдруг, подпрыгнув, пролетел у них над головами и приземлился по другую сторону Стола. Хохоча и забыв обо всем на свете, Люси вскочила на Стол, чтобы перехватить Льва. Тот прыгнул снова — и пошла игра! Круг за кругом, круг за кругом — Лев мчался по площадке то далеко впереди, то вот он, рядом — хватай за хвост. Но нет, он прошмыгивал между сестрами, а потом хватал их своими огромными бархатными лапами и подкидывал прямо в небо, и ловил. А то вдруг на бегу тормозил всеми четырьмя, и получалась замечательная куча-мала — целый клубок шерсти, лап, рук и ног. Таких игр не бывает нигде,

кроме как в Нарнии, и Люси не смогла бы сказать, с кем играет — то ли с котенком, то ли с грозой. Но вот что любопытно: когда они все трое, набегавшись, растянулись на траве под солнцем, оказалось, что усталость, голод и жажду — все как рукой сняло.

И тогда Эслан сказал:

— Делу время. Чую, пришло время рычать. Вы лучше заткните уши.

Сестры заткнули уши, а Эслан встал. И когда он раскрыл пасть, готовясь к рычанию, лик его стал столь ужасен, что смотреть невозможно. Девочки отвернулись и тут же увидели, как деревья гнутся от его рыка, точно трава луговая под ветром.

Потом он сказал:

— А теперь в путь. Дорога нам предстоит долгая. Вы поедете на мне верхом.

Эслан припал к земле, и они уселись на его теплую золотистую спину — Сьюзен спереди, вцепившись руками в гриву, а Люси позади, вцепившись в Сьюзен. Лев встал на ноги, земля качнулась, и вот он уже мчится вниз по склону холма, мчится так, что резвейшему из коней за ним не угнаться.

Ах, какая то была скачка! Это, можно сказать, наилучшее, что привелось им испытать в Нарнии. Вы когда-нибудь ездили верхом? Вспомните, как это было: тяжкий топот копыт, звон сбруи... А теперь представьте себе почти бесшумное движение огромных пружинистых лап, и не вороную, не серую, не гнедую конскую спину, а львиную шершаво-золотистую шкуру и такую же золотистую гриву, раздуваемую ветром. И представьте себе, что летите вы вдвое быстрее самого резвого скакуна. И что ему не нужны поводья, и что он не знает устали и никогда не сбивается с ноги, но мчится и мчится вперед, не колеблясь в выборе пути, петляя между стволами деревьев, перескакивая через кусты и заросли, одним прыжком преодолевая ручьи, вброд — речки, вплавь — реки. И еще представьте себе, что вы скачете не по парку, не по проселку, не по чистому полю даже, но вдоль по весенней Нарнии, под величавыми кронами буков, среди дубов по солнечным полянам, сквозь белоснежные сады дикой вишни, мимо ревущих водопадов, мшистых скал и гулких пещер, вверх по обветренным можжевеловым склонам к вересковым перевалам невероятно высоких гор и оттуда вновь вниз, вниз и вниз, к лесистым долинам, к лугам, расцветшим синими цветами.

Незадолго до полудня они оказались на высоком холме, с вершины которого видна была крепость — этаким игрушечным замком она казалась издали и сверху и как будто вся состояла из башенок. Однако Лев ринулся вниз с такой скоростью, что не успели девочки хотя бы подумать, что за крепость они заметили, как уже очутились прямо перед нею. И вблизи она уже не казалась игрушечным замком, но стала сумрачной неприступной твердыней. На зубчатых стенах никого не было видно, и врата были закрыты. Однако Эслан, не сбавляя ходу, мчался прямо, как пушечное ядро.

— Берлога Бледной Ведьмарки! — прорычал он.— Держитесь крепче.

Лев подобрался — и вдруг весь мир как будто перевернулся вверх тормашками, и все ухнуло вниз,— Лев нрыгнул, как еще никогда не прыгал, и перемахнул — а если хотите, можно сказать, перелетел — через стену. Девочки, целые и невредимые, скатились с его спины и, отдуваясь, огляделись — они были посреди широкого каменного двора. Вокруг стояли статуи.

Глава 16
Статуи

— Какое странное место! — воскликнула Люси.— Сколько здесь статуй, и все разные, и кого только нет! Прямо как в музее.

— Не таратор,— шепнула Сьюзен,— лучше посмотри, что делает Эслан.

И действительно, на это стоило посмотреть. Великий Лев легкими скачками приблизился к статуе льва и дунул на нее. И тут же, изогнувшись всем телом, что твой кот, гоняющийся за собственным хвостом, он подул на фигурку гнома, стоявшего, как вы помните, в нескольких шагах спиной ко льву. Затем метнулся к изваянию дриады, застывшему позади гнома, по дороге подул на каменного кролика и помчался к двум кентаврам. И тут Люси воскликнула:

— Ой, Сьюзен! Посмотри! Посмотри на льва.

Уверен, что каждый видел, как в камине от зажженной спички занимается скомканная газета. Сначала, кажется, ничего не происходит, и только потом вы замечаете струйку огня, ползущую по краю бумаги. Нечто подобное происходило и тут. Когда Эслан дунул на каменного льва, поначалу ничего вроде

бы не изменилось. Затем тонкая золотистая струйка пробежала по беломраморной морде, расширяясь, распространяясь — вот так же пламя растекается и охватывает бумагу,— Лев потряс головой, и тяжелые каменные завитушки, всколыхнувшись, обратились золотистой гривой, хотя туловище и хвост еще оставались камнем. Огромная, красная, жаркая и живая львиная пасть распахнулась — зверь зевнул. И вот он уже весь ожил, сел, почесался задней лапой и вдруг заметил Эслана. Бывший каменный лев подпрыгнул и бросился к Великому Льву, скача вокруг него, повизгивая от восторга и пытаясь лизнуть в нос.

Девочки во все глаза следили за ожившим зверем, но тут вокруг началось такое, что им стало не до него. Всюду оживали каменные фигуры. Двор на глазах превращался из музея в зверинец. Всякий оживший первым делом спешил к Эслану, и скоро того не стало видно за радостным хороводом всевозможных существ. То, что было мертвенно-белым, теперь наполнилось цветом: лоснящиеся гнедые спины кентавров, иссиня-белые рога единорогов, пестрые крылья птиц, рыжие шубы лис, всяких мастей собаки и сатиры, гномы в желтых чулочках и красных колпачках, девы-березницы в серебряных покровах, девы-буковинки — в прозрачно-зеленых, и лиственницы тоже в зеленых, но ярких и отдающих желтизной. И там, где совсем недавно царила мертвенная тишина, теперь не умолкал счастливый рык, лай, рев, визг, воркование, клекот, топот, цокот, клики, крики, песни, смех.

— Ну и ну! — воскликнула Сьюзен, и голос ее испуганно дрогнул.— Ты только погляди! А если он... а это не опасно?

Оглянувшись, Люси увидела, что Эслан дует на ноги каменного великана.

— Не бойтесь, не упадет! — радостно рыкнул Эслан.— Как только ноги оживут, все остальное — тоже.

— Я совсем не то имела в виду,— прошептала Сьюзен на ухо Люси.

Но объяснять это Эслану (даже если бы он захотел выслушать) было поздно: великан оживал. Вот он переступил с ноги на ногу, потом опустил на плечо свою дубинку, протер глаза и молвил:

— Ничего себе! Я, видать, соснул. Э-ге-ге! А где же эта поганая пигалица — Ведьмарка? Она ведь только что болталась тут где-то, у меня под ногами.

Все хором принялись объяснять ему, что с ним случилось. Выслушав их, великан приложил руку к уху и попросил повторить все сначала, а когда наконец до него дошло, что к чему, он, сняв шляпу, низко поклонился Эслану — так низко, что мог бы, пожалуй, достать лбом до верхушки самой высокой скирды на фермерском поле. И при этом его честная, даром что некрасивая, физиономия расплылась в улыбке (нынче у нас редко встретишь великана, а еще реже встречаются великаны добродушные — так что, держу пари, вам не доводилось видеть великанской улыбки. А на это стоит посмотреть).

— Теперь займемся дворцом, — сказал Эслан. — Не медлите. Обыщите все сверху донизу, все лестницы и переходы, да не забудьте спальню ее величества! Осмотрите каждый угол и закоулок. Кто знает, сколько здесь еще несчастных узников.

Все ринулись по широким ступеням к двери, и скоро в затхлом воздухе темного, страшного, древнего замка зазвучали живые голоса, окна распахнулись и оттуда слышалось:

— Не забудьте про подземелья... Что-то дверь не открывается! Ну-ка вместе, раз-два, взяли!.. Здесь винтовая лестница... Эй! Позовите Эслана. Я нашел кенгуру... Фу! Какой дрянной запах! Осторожно, не провалитесь в люк... Там, под лестницей, нашего брата — целый склад!

Но счастливее всех была Люси, когда примчалась с криком:

— Эслан! Эслан! Я нашла господина Тамнуса. Ну пойдемте! Скорее! Скорее! — И потом, взявшись за руки, они с маленьким фавном плясали от радости.

Господин Тамнус, столько времени проторчавший каменным истуканом, ничуть не изменился и, разумеется, с величайшим интересом выслушивал все, о чем говорила ему Люси.

Поиски завершились. Дворец Ведьмарки опустел. В распахнутые настежь окна и двери вливались свет и весенний духовитый воздух, проникая во все темные мрачные помещения, которые, пожалуй, никогда еще не проветривались. В это время все бывшие изваяния уже толпились во дворе. И тогда кто-то — полагаю, то был господин Тамнус — полюбопытствовал (ведь Эслан просто перепрыгнул стену, но ворота остались на запоре):

— Не будет ли кто-нибудь столь любезен, чтобы ответить мне, как мы отсюда выберемся?

— Очень просто,— ответил Эслан и встал на задние лапы: — Эй! Вы — там, наверху! — закричал он великану.— Как вас зовут?

— Великан Громобой, с позволения вашей милости,— отвечал великан, опять сняв шляпу.

— Рад познакомиться, господин Громобой,— крикнул Эслан.— А теперь, не отворите ли вы нам ворота?

— С величайшим нашим удовольствием, ваша милость,— отвечал великан Громобой.— Эй, вы, малышня, валите-ка отсюда подальше.

И вот он шагнул к воротам, размахнулся и ударил. Бум! Бум! Бум! — гремела его дубинка по створам. От первого удара они заскрипели, от второго — затрещали, а от третьего удара разлетелись вдребезги. Господин же Громобой, разохотившись, продолжал бить и бить по надвратной башне. И в скором времени башня с грохотом рухнула заодно с немалым куском стены, обратившись в груду бесполезного щебня. А когда осело облако пыли, все ожившие, все стоявшие на мертвом, мрачном, каменном дворе с удивлением увидели за проломом зелень трав и кроны деревьев, покачивающихся на ветру, и живую лесную речку, а вдали голубые горы и над ними голубое небо.

— Разрази меня гром! Кажется, я малость взопрел,— сказал великан, отдуваясь и сопя.— Войдите в мое положение, барышни. Не найдется ли у вас чего-нибудь вроде носового платка?

— Вот, у меня есть,— сказала Люси, встав на цыпочки и протянув руку с платком как можно выше.

— Премного вам благодарен, мамзель,— сказал великан Громобой, наклоняясь. И в следующее мгновение перепуганная Люси, зажатая между большим и указательным пальцем, взлетела вверх и оказалась лицом к лицу с господином Громобоем. И тут же он бережно опустил ее наземь, бормоча:

— Ничего себе! Кажется, ухватил-то я барышню. Прошу прощения, мамзель, я подумал, что вы и есть платочек!

— Да нет же, нет,— хохотала Люси,— вот он!

На сей раз великан умудрился подцепить платок (в его пальцах он был все равно что в ваших — кусочек сахара), и, увидев, с какой важностью он возякает им туда и сюда по своей огромной красной физиономии, Люси воскликнула:

— Боюсь, мой платочек маловат для вас, господин Громобой.

— Нисколечко. Нисколечко,— вежливо откликнулся великан.— В жизни не видывал лучшего платочка. Столь прекрасного, столь мягкого, такого, знаете ли, что и не скажешь какого.

— Он ужасно милый, этот великан,— сказала Люси господину Тамнусу.

— Само собой разумеется,— ответил фавн.— Все Громобои всегда были такими. Среди великанов Нарнии это одно из наиболее уважаемых семейств. Громобои, возможно, не блещут умом — впрочем, я еще ни разу не встречал великана, который был бы умен,— но семейство старинное. С традициями, знаете ли. Да будь он другим, зачем бы, скажите на милость, Ведьмарке обращать его в камень?

В этот момент Эслан хлопнул лапой о лапу, призывая присутствующих к тишине.

— На сегодня наша работа еще не завершена,— сказал он.— Необходимо покончить с Ведьмаркой до ночи. А стало быть, надо выяснить, куда она двинулась со своим войском.

— И, я полагаю, вступить в сражение! — добавил самый большой из кентавров.

— Разумеется,— сказал Эслан.— *Слушайте! Кто не* может поспеть за нами пешим ходом — дети, гномы, звери малые и коротколапые,— те поедут верхом на сильнейших и резвых — на львах, кентаврах, единорогах, лошадях, орлах и великанах. Те же, кто наделен лучшим нюхом, пусть идут впереди вместе с нами, со львами, и выслеживают вражеское войско. Ну, живее решайте, кто с кем и на ком. И вперед!

И пошел у них шум, и гам, и сумятица. А больше всех суетился бывший каменный лев: он перебегал от одних к другим, притворяясь, что ужасно занят, а на самом деле каждому встречному говорил одно и то же:

— Нет, вы слышали, что он сказал? С нами, со львами! Каково? Это, стало быть, с ним и со мной. С нами, со львами! Вот за что я люблю Эслана. Никакого вам чванства, никакой вам фанаберии. Мы — львы! Это, стало быть, он и я.

Он и дальше так бегал бы, не усади Эслан верхом на него сразу трех гномов, одну дриаду, двух кроликов и ежа. После этого бывший каменный лев угомонился.

Наконец все было готово к походу (в немалой степени благодаря овчарке, помогавшей Эслану рассадить и расставить всех по местам), и войско стало выходить через пролом в

крепостной стене. Первыми вышли львы и собаки, они разбежались во все стороны, рыская и вынюхивая. Вот один из псов заливисто взлаял, сообщая, что взял след. И больше они не медлили. Собаки, львы, волки и прочие хищники, уткнувши носы в землю, мчались во весь опор, а все остальные, растянувшись едва ли не на целую милю, поспешали следом, каждый как мог. И трубили рога, и шел по лесу лай, будто свора на лисьей охоте взяла след и гонит лису, только время от времени к музыке гона добавлялось рычание простого льва, а порой и другое, ниже тоном и куда страшнее, — грозный рык самого Эслана. След становился все четче, с него уже не собьешься, и они прибавили ходу. И вот, когда они оказались в узком извилистом распадке, Люси услышала впереди иные звуки, от которых у нее екнуло сердце, — какие-то крики, стоны и лязг железа.

Когда же они вырвались из распадка на простор, ей все сразу стало ясно. Там шло отчаянное сражение: Питер и Эдмунд бились с ордами ужасных тварей, которых она видела вчера вечером. Но теперь, при свете дня, твари были куда страшнее, уродливее и злобнее, и казалось, что их стало намного больше. А войско Питера — в тыл которому вышло подкрепление Эслана, — заметно поредело. И по всему полю битвы там и здесь стояли белые статуи — свидетельства того, что Ведьмарка пустила в дело магический жезл. Однако сейчас почему-то она не использовала это оружие, но сражалась своим каменным ножом. И сражалась она не с кем-нибудь, а с Питером! Бились неистово, и Люси не могла разглядеть, что же там происходит: клинки мелькали и сталкивались с такой скоростью, что казалось, будто не меч там и каменный нож, но сразу три меча и три ножа. Поединок проходил в центре поля, и вокруг кипела битва — куда бы Люси ни глянула, везде творилось что-то ужасное.

— Приехали, дети мои, — крикнул Эслан, и сестры скатились с его спины.

И с оглушительным ревом, от которого содрогнулась вся Нарния от фонарного столба на западе до берегов Восточного моря, Великий Лев бросился на Бледную Ведьмарку.

Услышав рев Эслана, колдунья подняла голову, и лицо ее исказилось ужасом и удивлением; Лев обрушился на нее, и они покатились по земле. В тот же миг все воинство, пришедшее с Эсланом, ринулось на врага: гномы рубили боевыми

топориками, собаки рвали зубами, великан крушил дубинкой (а сколько полегло под его ножищами, никому не известно), единороги бодали рогами, кентавры бились мечами и копытами. Утомленное войско Питера кричало «ура», вновь прибывшие ревели и рычали, враг визжал, и весь этот шум многократно повторяло лесное эхо.

Глава 17
Охота на Белого Оленя

Как только в бой вступило подкрепление, пришедшее с Эсланом, битва была выиграна, большая часть вражеского войска перебита, а оставшиеся в живых, поняв, что Ведьмарка погибла, либо сдались в плен, либо обратились в бегство. А еще Люси своими глазами видела, как Питер с Эсланом обменялись рукопожатием. При этом лицо Питера было непривычно бледным и строгим, как будто он повзрослел сразу на несколько лет.

— Когда бы не Эдмунд, — докладывал Питер Эслану, — когда бы не он, нас бы разбили наголову. Ведьмарка обратила бы всех нас в камень и была бы такова. Однако ничто не могло остановить Эдмунда. Он пробился к ней, уложив подряд трех людоедов, а она тем временем обратила в камень одного из ваших леопардов. И когда Эдмунд добрался до нее, то первым делом рубанул мечом по волшебному жезлу. Попытайся он расправиться с самой Ведьмаркой — до него эту ошибку совершили многие, — быть бы и ему статуей. Да, если бы волшебный жезл был разбит пораньше, у нас был бы какой-то шанс на победу, но к тому времени потери были слишком велики. Сам Эдмунд тяжело ранен. Пойдемте к нему.

Они нашли Эдмунда чуть в стороне от поля брани, с ним была госпожа Боббер. Он лежал весь в крови, рот приоткрыт, лицо нехорошего зеленоватого цвета.

— Ну же, Люси, не мешкай, — сказал Эслан.

И только тут Люси вспомнила о целебном настое, подарке Рождественского Деда. Руки у нее дрожали так, что пробка выскальзывала из пальцев. Наконец ей удалось откупорить пузырек и влить несколько капель в раскрытый рот брата. С нетерпением вглядывалась она в бледное лицо, ожидая, подействует ли настой, когда раздался голос Эслана:

— У нас есть и другие раненые.

— Да, я знаю, — отмахнулась Люси. — Сейчас, еще минутку.

— Дочь Евы! — Голос Эслана посуровел. — Промедление ради Эдмунда может стоить жизни многим.

— Простите меня, Эслан, — сказала Люси, поднимаясь.

Дел хватало им обоим — Люси исцеляла живых, Эслан оживлял окаменевших. Когда же Люси наконец смогла вернуться к Эдмунду, он уже был на ногах и не только исцелился от ран, но и как-то весь изменился к лучшему. Давным-давно — можно сказать, целую вечность — Люси не видела его таким. Честно говоря, с тех пор, как он попал в нехорошую школу, в ту самую, где все у него пошло наперекосяк. Теперь он снова стал прежним Эдмундом и мог прямо смотреть людям в глаза.

Тут же, на поле сражения, Эслан посвятил Эдмунда в рыцари.

— Как ты думаешь, — шептала Люси старшей сестре, — знает ли он, что Эслан сделал для него? И вообще, о чем на самом деле договорились Эслан с Ведьмаркой?

— Тише! — Сьюзен приложила палец к губам. — Нет. Конечно, не знает.

— Я думаю, надо ему рассказать, — продолжала Люси.

— Ни в коем случае! — воскликнула Сьюзен. — Представляешь, какой это будет для него удар. Поставь себя на его место.

— А я все равно думаю, что он должен знать все, — настаивала Люси.

Но тут их разговор был прерван.

Лагерь поставили рядом с полем боя. Каким способом Эслан добыл еды на всех — понятия не имею, но так или иначе, а в восьмом часу вечера они сидели на травке и попивали чай. На следующее утро двинулись на восток, вниз по течению большой реки. И еще через день, опять же к вечернему чаю, достигли устья. Чуть в стороне на невысоком холме вставали башни Кэйр-Паравела, а прямо перед ними лежала песчаная полоса, на ней кое-где камни, лужи соленой воды, пряди водорослей, а за зелеными волнами прибоя, набегающими на песок, без конца и края — синева. И — запах моря! И — крики чаек! Вы слышали, как кличут чайки? Разве такое можно забыть?

Тем же вечером после чая все четверо выбежали на берег, скинув башмаки, и песок приятно щекотал босые подошвы. Однако назавтра весь день был посвящен торжествам. В Тронном

зале Кэйр-Паравела — то был великолепный зал с потолком из слоновой кости, с вратами в восточной стене, глядящими на море, и западной стеной, сплошь украшенной павлиньими перьями, — под пенье труб, в присутствии всех друзей Эслан торжественно короновал их и возвел на четыре престола под оглушительные крики:

— Да здравствует король Питер! Да здравствует королева Сьюзен! Да здравствует король Эдмунд! Да здравствует королева Люси!

Речь же Эслана была краткой:

— Кто был единожды коронован в Нарнии, пребудет здесь королем или королевой вовеки. Носите же свой титул с честью, сыны Адама! Носите же свой титул с честью, дщери Евы! — сказал Эслан.

А через распахнутые настежь восточные врата доносился хор голосов — то тритоны и водяницы, приплыв к берегу, пели хвалу новым венценосцам.

И воссели все четверо на престолы, и в руке у каждого был скипетр, и воздали они по заслугам дарами и почестями всем друзьям своим и соратникам — господину Тамнусу, и супругам Бобберам, и великану Громобою, и леопардам, и верным кентаврам, и честным гномам, и льву — не Эслану, а другому. И ночь напролет длился пир в Кэйр-Паравеле, веселье и танцы: сверкало золото, текло вино, гремела музыка в зале, и вторила ей звучавшая у прибоя непривычная, но приятная и несколько грустная песнь морских обитателей.

Только Эслан, пока все веселились и пели, потихоньку ушел. И когда короли с королевами вдруг заметили это, ничего они не сказали. Потому что господин Боббер предупредил их:

— Эслан, знаете ли, он приходит, он и уходит. Сегодня — здесь, а завтра, глядишь, уже нет. Не сидится ему на месте, да и то сказать, мало ли у него разных других миров, требующих внимания. Да-с. Это все ничего. Он ведь будет и к нам заглядывать. Только вы его не удерживайте. Это вам не ручной Лев, понимаете ли. Он все-таки дикий.

Что ж, как видите, эта история подошла, а вернее подходит, к концу. Два короля и две королевы правили Нарнией справедливо и долго на счастье подданных. Первым делом им пришлось потрудиться, чтобы найти и рассеять остатки воинства

Бледной Ведьмарки. Но и после того нет-нет, а приходили вести о злодеях, скрывающихся на далеких окраинах леса, — то привидения объявятся, то убийцы, то вовкулаки, то вереды. Однако в конце концов вся нечисть была уничтожена. Между тем короли с королевами дали Нарнии справедливые законы и указы: о всеобщем мире, об охране добрых деревьев, об освобождении детей гномов и сатиров от чрезмерной занятости в школе и вообще о порицании тех, кто лезет без спросу в чужие дела, и поощрении тех, кто живет сам и не мешает жить другим. Они же дали отпор дурным великанам (вовсе не похожим на Громобоев), когда те осмелились нарушить северную границу Нарнии. Они же вступили в дружественные союзы с заморскими государями, и сами бывали у них, и принимали их у себя.

Время шло, они выросли и повзрослели. Питер превратился в высокого, широкоплечего человека и стал великим воином — его прозвали Питером Великолепным. Сьюзен стала красавицей с черными волосами до пят, и государи всех стран Заморья не раз посылали послов просить ее руки. Ее прозвали Сьюзен Великодушной. Эдмунд же был рассудительнее и спокойнее Питера, мудрый советчик и судия. Его прозвали Эдмундом Справедливым. А что касается Люси, она, хотя и подросла, но осталась прежней — веселой и золотоволосой, и все принцы со всех концов света мечтали, что она станет их королевой, а подданные прозвали ее Люси Отважной.

Так они и жили в радости и благополучии, а если и вспоминали о своей прежней жизни — я говорю о жизни по нашу сторону зеркальной двери гардероба, — то не иначе как о сне. И вот однажды господин Тамнус (к тому времени он стал фавном средних лет и несколько располнел) пришел к ним с известием, что в верховье большой реки вновь объявился Белый Олень — тот самый Белый Олень, который исполнит любое желание тому, кто его поймает. Узнав об этом, оба короля и обе королевы со всею своею свитой, с собаками и охотничьими рожками прибыли в западный лес добывать Оленя. Он скоро попался им на глаза, и началась погоня: скакали они по долам, по горам, по лугам, по лесам, и в конце концов остались одни, вчетвером, — кони свиты притомились и отстали. И вот видят они, что скрылся Олень в непролазной чаще, где конному не проехать. И молвил король

Питер (а поскольку слишком долго они были монархами, то и речь их, конечно, изменилась):

— Ваши королевские величества, я полагаю, нам должно оставить лошадей здесь и продолжить преследование. Ибо ни разу в дни жизни моей не охотился я на зверя столь благородного.

— Ваше величество, — отвечали все, — да будет так.

И вот они спешились, привязали лошадей к деревьям и вошли в лесную чащобу. И как только они вошли в оную пущу, королева Сьюзен воскликнула:

— О, взгляните, друзья мои любезные, сколь великое чудо — здесь выросло железное древо.

— Сударыня, — отвечал ей король Эдмунд, — коль скоро вы поглядите внимательнее, вы убедитесь, что сие есть столп железный со светочем наверху.

— Клянусь гривой Великого Льва, мне непонятно, — сказал король Питер, — чего ради поставлен сей столп со светочем в этих древесных дебрях, столь густых и высоких, что, буде даже зажжен, его света никто не увидит?

— Ваше величество, — молвила королева Люси. — Можно предположить, что сей столп был воздвигнут во времена стародавние, когда деревьев здесь было меньше либо их вовсе не было. Ибо куща сия молода, а железный столп стар.

И стояли они и разглядывали это чудо. И молвил король Эдмунд:

— Сам не ведаю почему, но сей столп воздействует на меня чудесным образом. Мне начинает мниться, будто я видел нечто подобное прежде — то ли то был сон, то ли сон во сне.

— Ваше величество, — ответствовали они, — нам чудится то же самое.

— Более того, — воскликнула королева Люси, — я не могу избавиться от предчувствия, что за сим столпом, коль скоро мы двинемся далее, нас ждут великие приключения и нежданные повороты судьбы.

— Сударыня, — молвил король Эдмунд, — подобное же предчувствие явилось и в моем сердце.

— И моем, любезный мой брат, — молвил король Питер.

— И в моем, — молвила королева Сьюзен. — А посему, я полагаю, нам должно немедля вернуться к нашим коням и более не преследовать сего Белого Оленя.

— Милостивая государыня, — молвил король Питер, — позвольте с вами не согласиться. Никогда еще мы, четверо, с

тех пор как воссели на престолы Кэйр-Паравела, никогда мы, начавши благородное дело — будь то битва или поиск сокровищ, рыцарский подвиг, правый суд и прочая, — никогда мы не бросали начатого, но завершали оное, как должно.

— Любезная сестрица, — воскликнула королева Люси, — наш венценосный брат молвил истину. И мне думается, что постыдно нам из боязни или дурных предчувствий прекратить охоту на столь благородного зверя.

— Я с вами согласен, сестра, — молвил король Эдмунд. — И кроме того, я слишком жажду постигнуть, что же все это значит, и даже ради драгоценнейшего из самоцветов всей Нарнии и островов по доброй воле не поверну обратно.

— Ну что ж, — сказала королева Сьюзен, — коль скоро все согласны, тогда — вперед, во имя Эслана, навстречу новым приключениям.

И вот короли и королевы двинулись сквозь чащу, и не успели пройти и десяти шагов, как вспомнили, что столп со светочем именуется уличным фонарем, а шагов через двадцать заметили, что пробираются не среди веток, а между шубами. Еще шажок — и все четверо вывалились из зеркального гардероба в пустую каморку, и не стало королей и королев в охотничьих одеяниях, а явились Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси в их обычной одежде. Вернулись они в тот же самый час того же самого дня, когда спрятались в гардеробе. Голоса госпожи Макриди и экскурсантов все еще звучали в коридоре. Однако беглецам повезло: в каморку так никто и не заглянул.

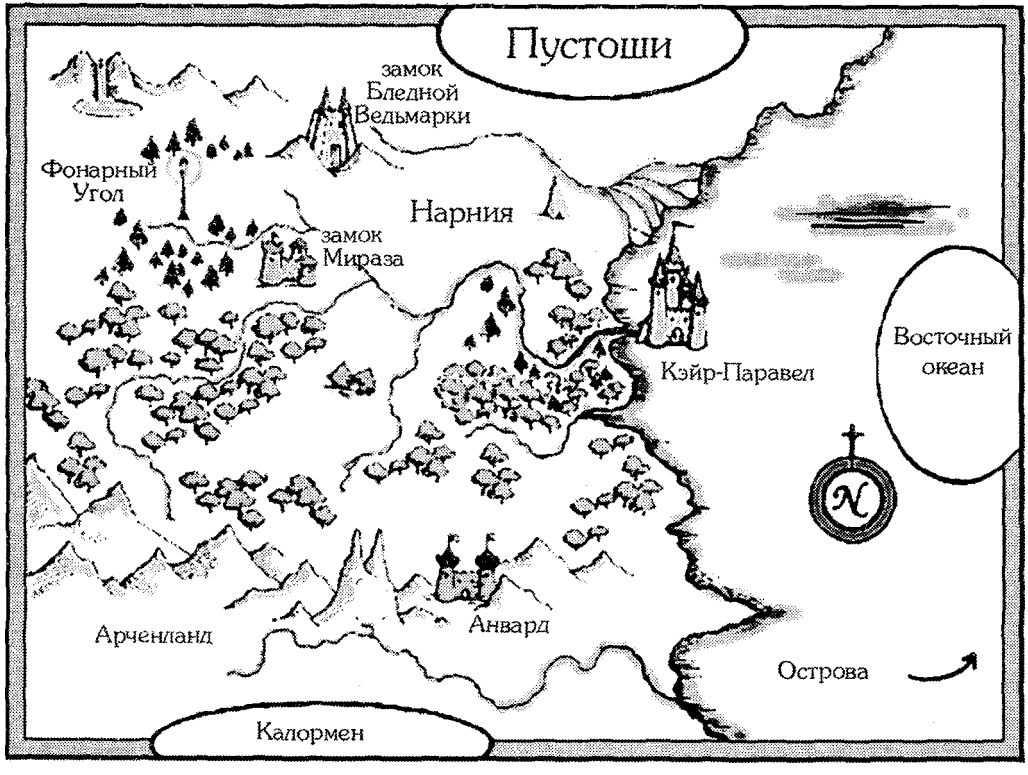
На этом можно было бы и закончить, если бы не одно обстоятельство: они понимали, что необходимо объяснить профессору, куда подевались четыре шубы, исчезнувшие из гардероба. А профессор — он и вправду был замечательный человек — не счел их рассказ ни глупым, ни лживым, но сразу всему поверил.

— Нет, нет, — отвечал он им, — этих шуб уже не вернешь, и даже пытаться нечего пройти туда через гардероб. Потому что эта дверь в Нарнию для вас уже закрыта. А кроме того, от самих-то шуб, наверное, ничего уже не осталось, не так ли? Что? О чем вы? Ну конечно же, когда-нибудь вы вернетесь туда. Ведь нарнианские короли навсегда остаются нарнианскими королями. Но никогда не пытайтесь использовать один и тот же путь дважды. И вообще, не ищите дороги туда. Она сама вас найдет. И не стоит слишком много разговаривать об

этом, даже между собой. А тем более с кем-либо еще, если только не убедитесь, что собеседник ваш тоже прошел через подобные приключения. О чем вы? Ах, как это можно узнать? Да очень просто: вы просто поймете, и все. За словами или во взгляде сразу обнаружится тайна. Только будьте внимательны. Боже ты мой, чему только их учат в школе?

Здесь кончается история о приключениях в зеркальном гардеробе. Однако если профессор прав, то приключения в Нарнии только начались.

ПЛЕМЯННИК ЧАРОДЕЯ


Пустоши
замок
Бледной
Ведьмарки
Фонарный
Угол
Нарния
замок
Мираза
Восточный
океан
Кэйр-Паравел
Арченланд
Анвард
Острова
Калормен

Посвящается семье Килмер

Глава 1
Другая дверь

Хотя эта история случилась давным-давно, когда наши дедушки и бабушки были еще совсем маленькими, однако вам совершенно необходимо знать ее, иначе вы не поймете, с чего все это началось и кто первым нашел дорогу, ведущую из нашего мира в чудесную страну Нарнию.

В ту пору на Бейкер-стрит в Лондоне жил знаменитый сыщик Шерлок Холмс, а семейство Бастейблов разыскивало сокровища на Льюишем-роуд. В ту пору мальчики носили костюмы с отложными крахмальными воротничками, а в школах порядки были куда хуже нынешних. Зато еда была вкуснее, а сладости и подавно; но я не стану дразнить тебя и рассказывать, какие лакомства продавались в ту пору почти на каждом углу. В те самые дни жила в Лондоне девочка по имени Полли Пламмер.

Она жила в одном из тех домов, что длинными рядами выстраивались друг за дружкой вдоль лондонских улиц. Однажды утром она гуляла в саду — и вдруг заметила, что из-за ограды, с соседского двора, на нее глядит какой-то мальчик. Полли очень удивилась: ведь в этом доме жили только взрослые, старый холостяк мистер Кеттерли и его сестра мисс Кеттерли, и детей ни у кого из них не было — во всяком случае, до сих пор. Вот почему Полли, хоть это и было не совсем вежливо, принялась разглядывать мальчика. Лицо у мальчишки было чумазое-пречумазое, словно он долго плакал, а потом

© Д. Афиногенов, перевод, 2000

утирал слезы испачканными в земле руками. Скажу тебе по секрету: так или почти так оно и было на самом деле.

— Здравствуйте! — поздоровалась Полли.

— Привет, — ответил мальчик. — Тебя как звать?

— Полли, — представилась она. — А вас?

— Дигори, — буркнул он.

— Какое смешное имя! — воскликнула Полли.

— Полли еще смешнее, — проворчал Дигори.

— А вот и нет! — обиделась Полли.

— А вот и да!

— По крайней мере, я-то по утрам умываюсь, — сказала Полли. — И вам тоже не мешало бы умыться, вон какой вы... — она хотела сказать «зареванный», но вовремя сообразила, что это будет невежливо.

— Ну и ладно! — крикнул Дигори. Похоже, ему было все равно, догадается ли кто-нибудь о том, что он плакал, — так сильно он горевал. — Ты небось тоже бы разревелась, если бы всю жизнь прожила в деревне, в домике над рекой, и у тебя был бы свой пони, а потом тебя притащили бы в эту проклятую дыру!..

— Лондон вовсе не дыра, — возмутилась Полли. Впрочем, Дигори не обратил на ее слова ни малейшего внимания.

— ...А твой отец уехал бы в Индию, и тебе пришлось бы жить с дядей и теткой, а они оба чокнутые! И говорят, будто будут ухаживать за твоей мамой, а мама совсем больная и скоро... скоро... умрет... — Лицо Дигори сморщилось, словно он с трудом сдерживал рыдания.

— Извините, пожалуйста, — проговорила Полли, — я не знала. — Растерянно помолчав, она спросила, чтобы отвлечь Дигори от мрачных мыслей: — А профессор Кеттерли вправду чокнутый?

— Провалиться мне на этом месте! — воскликнул Дигори. — И у него есть какая-то тайна. Тетя Летти запретила мне даже заглядывать в его кабинет наверху. Странно, правда? А когда он заговаривает со мной за столом — только со мной, на нее он даже не смотрит, — она всегда перебивает. «Не трогай мальчика, Эндрю», или «Я уверена, Дигори это неинтересно», или «Дигори, ты не хочешь пойти погулять?».

— А чего он от вас хочет?

— В том-то и дело, что я не знаю! Он просто не успевает сказать! А еще вот что. Как-то вечером — по правде говоря,

это было вчера — я шел к себе в комнату мимо лесенки наверх, и тут у него в кабинете кто-то как закричит!

— Может, он прячет там свою сумасшедшую жену?

— Я тоже так подумал.

— Или он фальшивомонетчик.

— Или был пиратом, как тот старик из «Острова сокровищ», и теперь скрывается от своих дружков.

— Вот здорово! — воскликнула Полли.— Я и не знала, что ваш дом такой интересный!

— Наверное,— согласился Дигори.— Но жить в нем страшновато. Представь, лежишь ты в постели и слушаешь, как дядя бредет по коридору мимо твоей комнаты; а глаза у него просто жуткие...

Вот так познакомились Полли и Дигори — в самом начале летних каникул. На море в этом году никого из них не повезли, поэтому встречались они чуть ли не каждый день.

Приключение же началось совсем обыденно. Лето в том году выдалось на редкость холодным и дождливым, так что вместо прогулок приходилось целыми днями сидеть дома. И ребятам ничего другого не оставалось, как отправиться в «походы по закромам». Просто удивительно, сколько любопытного можно отыскать в большом доме, а уж в соседних домах — и подавно! Полли показала Дигори дверцу на чердаке своего дома: за этой дверцей стоял бак с водой, а если проползти дальше, начинался длинный и темный туннель. С одной стороны туннеля была кирпичная стена, с другой — покатая черепичная крыша, сквозь щели в которой проникал неяркий свет. Пола в туннеле не было, приходилось прыгать с балки на балку; а пространство между стропилами было заделано тонким слоем штукатурки: наступишь невзначай — и провалишься. В этом самом туннеле, сразу за баком, Полли устроила «пещеру контрабандистов». Она принесла наверх несколько пустых картонных коробок и застелила ими штукатурку, потом занялась обстановкой — расставила в пещере несколько сломанных стульев, припрятала в уголке шкатулку со своими «сокровищами». Время от времени в пещере появлялись яблоки — тайком от всех Полли сочиняла повесть, а яблоки помогали ей сосредоточиться — и пустые бутылки из-под имбирного лимонада. Кстати сказать, эти бутылки придавали пещере самый что ни на есть контрабандистский вид.

Дигори пещера очень понравилась (повесть ему Полли, конечно, не показала), однако мальчику не терпелось продолжить поход.

— Послушай, Полли, — сказал он, — а далеко ведет этот туннель? Ну, только через ваш дом или дальше?

— Дальше, — ответила Полли. — Но куда он ведет, я не знаю.

— А вдруг он проходит насквозь, по всему ряду?

— Наверно, так и есть, — согласилась девочка. — Ой!

— Что такое?

— Мы же можем пролезть в другие дома!

— Ага, и нас примут за грабителей. Спасибо, не хочу.

— Ты и вправду такой глупый или притворяешься? Я подумала про дом за твоим.

— И что в нем особенного?

— Он пустой! Папа говорил, в нем никто не живет. Когда мы сюда приехали, он уже пустовал.

— Тогда другое дело, — проговорил Дигори. — Давай слазаем. — Эти слова прозвучали почти равнодушно, но на самом-то деле его просто снедало нетерпение. Да и кто бы на его месте устоял перед такой загадкой: дом, пустующий невесть сколько лет! Самый настоящий дом с привидениями! Впрочем, никто из них — ни Дигори, ни Полли — не произнес этого вслух.

— Прямо сейчас? — спросил Дигори.

— Идет, — ответила Полли. Ей было не по себе, но она ни за что бы в этом не призналась.

— Если не хочешь, можем и не ходить, — великодушно предложил Дигори.

— Если ты пойдешь, то и я с тобой, — сказала девочка.

— Ладно... А как мы узнаем, что попали в нужное место?

Они решили вернуться на чердак дома Полли и измерить его шагами: сколько стропил, столько и шагов. Плюс четыре на площадку между чердаками и четыре — на комнату служанки. Вот и весь дом. Пройти еще столько же — и они окажутся в конце дома Дигори, а там уж придется заглядывать во все двери подряд — любая из них может вывести на чердак пустого дома.

— Вряд ли он совсем пустой, — сказал Дигори.

— Почему?

— Мне кажется, там обязательно кто-то должен жить. Только этот кто-то днем прячется и выходит по ночам, притушив

фонарь. Слушай, а вдруг мы застукаем шайку отпетых бандитов, и нас с тобой наградят за помощь полиции. И вообще, не может дом ни с того ни с сего простоять пустым столько лет!

— Папа говорит, там канализация забилась, — вставила Полли.

— Ха! Взрослые всегда придумают какое-нибудь скучное объяснение. — Дигори приободрился. Дневной свет, проникавший сквозь слуховое окно, рассеял страхи (не то что свечи в сумрачной Пещере контрабандистов), и в привидения, обитающие в пустом доме, почти не верилось.

Измерив чердак шагами, дети нашли бумагу и карандаш и принялись за подсчеты. Сначала считали поодиночке — и у каждого вышло по-своему; потом вместе, чтобы не запутаться (скажу вам по секрету — они все-таки запутались, не сильно, но ошиблись, потому что считали второпях).

— Тсс! Теперь ни звука! — прошептала Полли, снова забираясь за бак. На сей раз они взяли с собой две свечи — дорога предстояла дальняя и неизведанная, а у Полли в Пещере свечей было припасено в достатке.

По туннелю гулял сквозняк, в нем было темно и пыльно; дети перешагивали с балки на балку, изредка шепча друг другу: «Мы напротив твоего чердака... Прошли половину нашего дома...». Ничего страшного по дороге не случилось — никто не споткнулся и свечи не погасли, — так что вскоре ребята добрались до маленькой дверцы в кирпичной стене. На дверце не было ни ручки, ни засова; правда, имелась щеколда (как на двери кухонного шкафа). Значит, эта дверца вела не наружу, а внутрь! Вот только бы откинуть щеколду...

— Идем? — спросил Дигори.

— Если ты пойдешь, то и я с тобой, — сказала Полли, повторяя свои собственные слова. Обоим было страшно, но отступать никто не собирался. Дигори откинул щеколду — и дверь распахнулась. В туннель хлынул солнечный свет, ослепительно яркий, так что дети даже зажмурились. А когда они открыли глаза, им пришлось пережить настоящее потрясение, ибо за дверью находился вовсе не пустой чердак, а мансарда — жилая комната, обставленная мебелью! Правда, в комнате никого не было... Любопытство Полли пересилило страх. Девочка задула свечу и на цыпочках, почти беззвучно, двинулась вперед.

Больше всего эта комната походила на гостиную, которую кому-то вздумалось устроить на чердаке. Вдоль всех стен тянулись книжные полки, и все до единой были заставлены книгами. В камине горел огонь (помните, я говорил, что лето в том году выдалось на редкость холодным); перед камином, высокой спинкой к двери, стояло кресло. Посреди комнаты возвышался огромный стол, на котором грудой была навалена всякая всячина — книги, книжки для записей, чернильницы, перья и тому подобные вещи; рядом стоял микроскоп. Но прежде всего Полли бросился в глаза ярко-красный деревянный поднос, на котором были разложены кольца, два желтых и два зеленых. Кольца лежали попарно — зеленое вместе с желтым, и на них играли отблески огня. Вещиц прелестнее Полли не видывала в жизни. Будь она помладше, наверняка не удержалась бы и сунула одно из колечек в рот.

Тишину нарушало только тиканье часов. Впрочем, нет, — откуда-то, словно из неведомого далека, доносилось то ли гудение, то ли жужжание. Если бы в те годы уже выпускали пылесосы «Гувер», девочка решила бы, что это гудит пылесос — внизу, на первом этаже. Но, сказать по правде, этот едва слышный звук был куда мелодичнее гудения пылесоса.

— Все в порядке, — прошептала Полли, — тут никого нет.

Дигори осторожно ступил в комнату. Он выглядел грязнее прежнего — но теперь и Полли была такой же чумазой.

— Не нравится мне это, — проворчал мальчик. — А говорила, дом пустой... Давай сматываться, пока нас не поймали.

— Как, по-твоему, что это такое? — спросила Полли, указывая на разноцветные кольца.

— Да перестань! — шепотом прикрикнул Дигори. — Надо уносить ноги...

И в этот миг случилось самое ужасное из всего, что только могло случиться. Кресло перед камином покачнулось, и из него, будто демон в спектакле-пантомиме, поднялся дядя Эндрю! Вот тебе и пустой дом! Оказывается, они были в доме Дигори; мало того — пробрались на запретную территорию. Нет чтобы пересчитать еще раз... Какая ужасная, просто чудовищная ошибка!

Дядя Эндрю был очень высокий и тощий. Чисто выбритое лошадиное лицо, крючковатый нос, всклокоченная грива седых волос — и глаза, жуткие, жгучие глаза сумасшедшего! Дигори застыл как вкопанный, не в силах произнести ни

слова. Сейчас дядя Эндрю казался ему в тысячу раз страшнее, чем раньше. Полли поначалу испугалась не так сильно; но когда дядя Эндрю подошел к двери, что вела в глубь дома, запер ее на ключ и положил ключ в карман, девочку пробрала дрожь. Профессор повернулся, смерил детей своим жутким взглядом — и неожиданно ухмыльнулся во весь рот.

— Наконец-то! — воскликнул он.— Наконец-то эта глупая курица, моя сестра, не сможет нам помешать!

Услышать такое от взрослого — кто бы мог представить! Полли судорожно сглотнула; не сговариваясь, они с Дигори попятились к дверце, сквозь которую проникли в кабинет профессора. Но дядя Эндрю оказался проворнее. В два шага он пересек комнату, захлопнул дверцу и встал перед ней, а потом жадно потер руки... Пальцы у него были длинные и тонкие, как у пианиста.

— Очень рад вас видеть,— продолжал он.— Двух детишек мне и надобно.

— Мистер Кеттерли, мне пора обедать,— выдавила Полли.— Отпустите нас, пожалуйста.

— Подожди немного, милочка,— ответил профессор.— Такую возможность грех упускать. Все сходится как нельзя лучше! Видите ли, ребятки, я провожу эксперимент. Сначала я пробовал на морских свинках. Вроде бы получилось, но ведь морская свинка ничего не сможет рассказать. Да и вдобавок ей не объяснишь, как вернуться...

— Послушайте, дядя Эндрю,— вмешался набравшийся мужества Дигори,— время обедать, и нас вот-вот начнут искать. Вы должны отпустить нас.

— Должен? — переспросил профессор.

Полли и Дигори переглянулись. Их взгляды означали: «Ужасно, правда? Мы должны перехитрить его».

— Если вы нас отпустите,— вновь подала голос Полли,— мы вернемся после обеда.

— С какой стати мне вам верить? — усмехнулся профессор. Внезапно выражение его лица изменилось.— Что ж, если вам и вправду надо идти, то не смею вас задерживать. И то сказать, что за радость двум ребятишкам болтать со старым пнем вроде меня.— Он страдальчески вздохнул.— Вы и не догадываетесь, как мне порой бывает одиноко! Ну да ладно... Ступайте обедайте. А на прощание примите от меня маленький подарок. Не каждый день в мою мрачную обитель заглядывают

маленькие девочки, и уж тем более — столь прелестные юные дамы.

«Если рассудить здраво, — подумалось Полли, — то профессор Кеттерли не такой уж и чокнутый».

— Хочешь колечко, милая? — спросил дядя Эндрю у девочки.

— Конечно, хочу. А какое — зеленое или желтое? Они все такие красивые.

— Увы, не зеленое, — сказал профессор. — К сожалению, зеленое подарить не могу. Зато с удовольствием подарю любое из желтых. Выбирай, какое тебе нравится.

Полли уже не вспоминала о страхе, старый джентльмен был с нею так ласков, да и сами колечки словно притягивали к себе... Она подошла к столу.

— Вот забавно! — воскликнула она. — А тут гудит громче. Будто это колечки жужжат.

— Экая ты фантазерка, милочка! — засмеялся дядя Эндрю. И вдруг Дигори заметил, что профессор глядит на девочку с нетерпеливым ожиданием.

— Полли! — крикнул он. — Не смей! Не трогай кольцо!

Слишком поздно!.. Пальчик Полли коснулся одного из желтых колец. И в тот же самый миг Полли исчезла. Ни тебе вспышки, ни хлопка — пропала и все, будто ее никогда в кабинете и не было. Дигори остался наедине со своим дядей.

Глава 2
Дигори и его дядя

Все произошло так быстро и было настолько невероятно — даже в кошмарных снах Дигори не видел ничего подобного, — что мальчик вскрикнул от неожиданности. В следующее мгновение рука дяди Эндрю зажала ему рот.

— Тихо! — прошипел дядя. — Еще не хватало, чтобы услышала твоя матушка! Ты ведь знаешь, что может случиться. Знаешь?

Потом, много дней спустя, Дигори признался, что угроза дяди повергла его в ужас. Разумеется, он мгновенно замолчал.

— Так-то лучше, — хмыкнул профессор. — Впрочем, я тебя понимаю. Когда человек исчезает на твоих глазах, трудно с собой совладать. Да что там говорить, даже когда исчезает морская свинка...

Дигори осенило.

— Вот почему вы кричали вчера вечером!

— Ты слышал? Надеюсь, тебе не взбрело в голову шпионить за мной?

— Еще чего! — негодующе воскликнул Дигори. — А куда девалась Полли?

— Поздравь меня, мой мальчик, — торжественно изрек дядя Эндрю, потирая руки. — Эксперимент удался! Девчонка пропала — фьюить! — сгинула из нашего мира.

— Что вы с ней сделали?

— Отправил в... в другое место.

— Чего-чего? — переспросил Дигори.

Дядя Эндрю опустился в кресло.

— Пожалуй, я расскажу тебе все, что знаю. Ты слыхал о старой миссис Лифей?

— Это которая прабабушка? — уточнил мальчик.

— Не прабабушка, — возразил дядя Эндрю. — Моя крестная. Вон ее портрет на стене.

Дигори повернулся и уставился на выцветшую от времени фотографию пожилой женщины в шляпке. Ему вдруг вспомнилось, что похожий снимок он видел и у себя дома, когда копался в ящиках комода. Он тогда спросил у мамы, кто это, а мама толком не ответила, словно не хотела говорить об этой женщине. Да уж, лицо-то, откровенно говоря, не слишком приятное — хотя со старыми фотографиями легко и ошибиться.

— С ней случилось что-то плохое, да?

Дядя Эндрю снова хмыкнул.

— Можно, конечно, сказать и так — кому как больше нравится. Ну да, под старость она сделалась... гм... странноватой, творила всякие глупости. Потому ее, собственно, и упрятали.

— Упрятали? В сумасшедший дом?

— Вовсе нет! — возмутился профессор. — Придет же такое в голову! Ее посадили в тюрьму.

— Ой! А что она отмочила?

— Бедная женщина, — вздохнул дядя Эндрю. — Бедная старая миссис Лифей! Такая добрая — и такая глупая! Чего она только не вытворяла! Но тебе этого знать не обязательно.

— Послушайте, дядя Эндрю, я же вас спросил о Полли, а вы мне про свою миссис Лифей...

— Всему свое время, мой мальчик, — отозвался профессор. — Перед самой ее смертью миссис Лифей выпустили из тюрьмы. Видеть она никого не желала — ну, почти никого, не

считая немногих избранных, среди которых был и твой покорный слуга. Позволю себе заметить, что она никогда не считала меня заурядным невежественным типом. У нас с ней были общие интересы, общие увлечения... Так вот, за день или два до своей смерти она велела мне открыть потайной ящик в бюро и достать оттуда маленькую шкатулку. Знаешь, как только я взял эту шкатулку в руки, мои ладони зачесались, и я понял — передо мной величайшая загадка. Миссис Лифей заставила меня поклясться: когда ее похоронят, я должен был, не открывая, сжечь шкатулку и произнести при этом пару-тройку загадочных фраз. Клятвы я не сдержал...

— Фигово, — осуждающе проговорил Дигори.

— Фигово? — озадаченно повторил дядя Эндрю. — А, понимаю. Маленьким мальчикам негоже нарушать слово, да? Совершенно верно, целиком и полностью согласен. Хорошо, что тебя научили выполнять свои обещания. Но видишь ли — этакого рода правила распространяются на маленьких мальчиков, на слуг, на женщин и на обычных людей, а к искателям истины, великим мыслителям и мудрецам они неприменимы. Постарайся усвоить раз и навсегда, Дигори: люди, обладающие, подобно мне, скрытой мудростью, свободны от общепринятых правил — и лишены, к несчастью, удовольствий, доступных всем прочим. Увы, мой мальчик, нам суждено провести жизнь в гордом одиночестве.

Профессор горестно вздохнул. Вид у него был столь возвышенный и таинственный, что Дигори на какой-то миг поверил в искренность дяди. Но потом мальчик вспомнил, как профессор смотрел на Полли, тянущую руку к кольцу, и ему сразу стало ясно, что скрывается за пышными дядиными фразами.

«Иначе говоря, — «перевел» Дигори про себя, — он уверен, что может делать все, что ему приспичит».

— Естественно, — продолжал дядя Эндрю, — я долго не осмеливался открыть шкатулку. Моя крестная была поистине невероятной женщиной, а посему в шкатулке вполне могло оказаться что-нибудь на редкость опасное. Между прочим, в жилах миссис Лифей текла кровь Чудесного Народа — теперь таких людей и не сыскать. (Она мне говорила, что кроме нее есть еще двое — герцогиня и жена углежога.) Так что, Дигори, ты разговариваешь с человеком, у которого на самом деле была крестная-волшебница. А ты небось думал, что твой

дядя обыкновенный профессор, а? Будет о чем рассказать внукам, мой мальчик, правда?

— А что насчет Полли? — напомнил Дигори, исподтишка скорчив гримасу: почему-то ему подумалось, что миссис Лифей была злой волшебницей.

— Терпение — добродетель юных! — провозгласил дядя Эндрю. — Далась тебе эта девчонка! О чем бишь я? Ах, да. Перво-наперво я осмотрел шкатулку снаружи. Очень древняя, не греческая — уж в этом-то я разбирался — и не египетская, не вавилонская, не хеттская и не китайская. Она была древнее всех этих народов! О, как я обрадовался, когда наконец узнал истину! То была шкатулка из Атлантиды, с острова, погибшего в морских волнах. Это означало, что она старше любой из побрякушек каменного века, которые археологи раскапывали в Европе. Вдобавок шкатулка была куда изящнее этих неуклюжих поделок. Ведь уже на заре времен Атлантида достигла высот развития и поднялась к вершинам красоты и мудрости.

Профессор замолчал, будто приглашая Дигори вставить словечко-другое. Однако Дигори не проронил ни слова — он просто боялся раскрыть рот, чтобы не сорваться и не сказать дяде что-нибудь обидное.

— Со временем, — продолжил профессор, — я многое узнал о магии, об этом величайшем из человеческих искусств!.. Впрочем, ты еще мал, чтобы понять... Иными словами, я начал догадываться, какие именно предметы лежат в шкатулке. Проводя опыты, я постепенно уменьшал число вариантов, и разгадка становилась все ближе... Между тем судьба свела меня с несколькими поистине удивительными людьми, и мне выпало пережить тяжкие испытания; тогда-то мои кудри и тронула седина... Что ж, без труда, как говорится, и рыбку из пруда не вытащишь, а уж чародеем и подавно не станешь. Я погубил свое здоровье, но добился того, к чему шел столько лет! Теперь я знал наверняка! — Он подался вперед, словно опасаясь, что кто-то может подслушать (хотя в кабинете были только они с Дигори), и прошептал на ухо мальчику: — В шкатулке было нечто, принесенное из другого мира в ту пору, когда наш мир еще только зарождался!

— Чего? — переспросил Дигори, тщетно стараясь обуздать проснувшееся любопытство.

— В шкатулке была пыль,— сообщил дядя Эндрю.— С виду обыкновенная, пыль как пыль. Смотреть не на что, не то что прятать. Но когда я взглянул на нее (не притрагиваться к ней у меня ума хватило) и представил, что каждая крупинка этой пыли — из другого мира... не с другой планеты, а просто из другого мира, как из другой страны... из подлинно Иного Мира, совершенно непохожего на наш, такого близкого и неизмеримо далекого... из мира, до которого не добраться, пролети хоть всю вселенную, но в который можно попасть при помощи магии... Уф!

Профессор потер руки, и его пальцы затрещали, как дрова в камине.

— Я знал, что эта пыль, если придать ей нужную форму, способна перенести любого в этот Иной Мир. Но вот с формой вышла загвоздка. Первые эксперименты, с морскими свинками, завершились грандиозным провалом. Часть свинок умерла, часть повзрывалась. Этакие живые бомбочки...

— Зачем вы мучили бедных свинок? — воскликнул Дигори, у которого когда-то была ручная морская свинка.

— Не отвлекайся и не перебивай! — одернул мальчика дядя Эндрю.— Свинки для того и предназначены, чтобы ставить на них опыты. Я сам их покупал... Итак... Ну да, форма. После упорных трудов мне все же удалось изготовить кольца — желтые кольца. И тут возникла новая сложность. Я был уверен, что желтое кольцо мгновенно отправит любого, кто к нему прикоснется, в чудесный мир магии. Но что в том проку, если я не смогу вернуть этого «любого», чтобы он поведал мне обо всем, что увидел?

— Веселенькое дело,— пробормотал Дигори.— Туда — пожалуйста, а обратно — шиш. Очень полезная штука.

— Ты превратно истолковываешь ситуацию,— гордо заявил дядя Эндрю.— Такой эксперимент стоит любых жертв. И потом, если тот, кого ты посылаешь, не может вернуться и рассказать об увиденном, какой смысл его вообще посылать?

— И почему же вы сами туда не отправились?

Этот невинный вопрос показался дяде Эндрю необыкновенно каверзным. Во всяком случае, лицо у профессора сделалось растерянным и обиженным.

— Я? — озадаченно переспросил он.— Я?! Мой мальчик, ты спятил! Неужели, по-твоему, человеку моего возраста и положения пристало рисковать своим здоровьем ради пу-

тешествия в другой мир? Ничего более бессмысленного в жизни не слыхивал! Ты хоть сам понимаешь, что сказал? Подумай. Ведь в этом другом мире нас может ждать все что угодно!..

— И поэтому вы отправили вместо себя Полли! — рассердился Дигори.— Дядя Эндрю, только трус может послать девчонку туда, куда боится пойти сам.

— Замолчи, глупый мальчишка! — Профессор хлопнул ладонью по столу.— Еще не хватало, чтобы меня поучали всякие молокососы! Я — великий ученый, чародей, я посвящен в тайны вселенной и провожу судьбоносный эксперимент. Разумеется, мне нужны подопытные. Чего доброго, ты скажешь, что мне следовало спросить разрешения у морских свинок! Пойми простую вещь: нельзя обрести мудрость, не пожертвовав ради ее обретения чем- или кем-либо. И потом, твои рассуждения смехотворны. Ты же не станешь требовать от генерала, чтобы он сражался как простой солдат. А если я погибну, что станется с трудом всей моей жизни?

— Да перестаньте! — поморщился Дигори.— Скажите лучше, как вы собираетесь вернуть Полли?

— Прежде чем ты меня бесцеремонно перебил,— заявил дядя Эндрю,— я хотел поведать тебе, что в конце концов отыскал способ вернуться. Нужно всего лишь воспользоваться зеленым кольцом.

— Но у Полли нет зеленого кольца.

— Вот именно,— дядя Эндрю злорадно усмехнулся.

— Значит, она не сможет вернуться,— проговорил Дигори.— Выходит, вы ее все равно что убили.

— Она может вернуться,— возразил профессор.— Допустим, некто возьмет другое желтое кольцо и два зеленых и отправится следом за девочкой, найдет ее и приведет обратно...

Дигори понял, что угодил в ловушку. Невероятно! И это его дядя! Бледный от гнева, мальчик смотрел на профессора, который казался весьма довольным собой.

— Надеюсь,— изрек профессор тоном доброго дядюшки, только что осчастливившего племянника крупной суммой на карманные расходы,— ты не выкинешь, как говорят, белый флаг. Мой мальчик, мне было бы крайне неприятно узнать, что одному из членов нашей семьи недостанет благородства, чтобы помочь... э... попавшей в беду даме.

— Кто бы говорил! — не выдержал Дигори.— Тоже мне благородный выискался! Нет чтобы самому ее спасти! Куда уж вам... Ладно, выбора у меня нет. Вы же наверняка все продумали, заманили сначала Полли, а потом меня...

— Естественно,— с улыбкой подтвердил дядя Эндрю.

— Отлично. Я иду за Полли. А вы... вы... По правде сказать, до сегодняшнего дня я не верил в волшебство. Теперь-то я знаю, что оно существует. И сказки не врут — или почти не врут. А коли так, вы, дядя Эндрю,— злобный колдун из этих самых сказок. И что-то я не припомню ни одной сказки, где бы злодей не получил по заслугам. Вы тоже свое получите, не сомневайтесь.

Наконец-то Дигори удалось уязвить профессора, да еще как — в самое сердце! Дядя Эндрю вздрогнул, лицо его исказилось от страха; нет, не от страха — от ужаса. Впрочем, в следующее мгновение он овладел собой и вымученно усмехнулся:

— Что ж, подобный образ мыслей вполне подходит ребенку, который вырос среди женщин. Сказки, говоришь? Колдуны и ведьмы? На твоем месте, Дигори, я бы беспокоился не за меня, а за твою маленькую подружку. Мы с тобой здесь, а она там. И если с нею что-нибудь случится... Обидно будет опоздать всего лишь на какой-то миг, а?

— Не притворяйтесь,— бросил Дигори,— вам на нее плевать! Ну, что мне нужно делать?

— Для начала остынь, мой мальчик,— рассудительно произнес дядя Эндрю.— А то вырастешь таким, как твоя тетя Летти. Внемли!

Он встал, надел перчатки и приблизился к подносу с колечками.

— Кольца срабатывают при контакте с кожей. В перчатках я могу их брать совершенно спокойно. Видишь? Если ты положишь кольцо в карман, ничего не произойдет — конечно, если ты не сунешь в тот же карман голую руку... Стоит притронуться к желтому кольцу — и ты покинешь наш мир. А в Ином Мире — я этого еще не проверял, но теория подсказывает, что все должно обстоять именно так,— тебе достаточно будет прикоснуться к зеленому кольцу, чтобы вернуться сюда. Итак, я беру два зеленых кольца и опускаю их в твой правый карман. Запомни хорошенько, в каком они кармане! Повторяй про себя: правый, правый... Одно для тебя, другое для

девочки. Желтое кольцо возьмешь сам. Я бы надел его на палец, чтобы случайно не уронить.

Дигори протянул руку к кольцу — и резко ее отдернул.

— А как же мама?! — воскликнул он.— Вдруг она меня позовет?

— Чем скорее убудешь, тем быстрее вернешься,— весело откликнулся дядя Эндрю.

— Но вы же не знаете наверняка, вернусь я или нет.

Профессор пожал плечами, подошел к двери, отпер ее и распахнул пастежь.

— Ступай, мой мальчик. Тебя никто не держит. Отправляйся обедать, а твою маленькую подружку пускай сожрут дикие звери, или она утонет, или умрет от голода, или просто пропадет без вести в Ином Мире. Ступай, вольному воля. Но не забудь перед обедом заглянуть к миссис Пламмер и передать ей, что она никогда не увидит свою дочь — потому что ты побоялся надеть кольцо!

— Будь я постарше,— с ненавистью процедил Дигори,— я бы вам так двинул...

Мальчик застегнул куртку, глубоко вдохнул — и притронулся к кольцу. Он просто не мог поступить иначе.

Глава 3
Лес между мирами

Кабинет дяди Эндрю исчез — вместе с дядей. Перед глазами все поплыло. В следующий миг Дигори увидел мягкий зеленый свет, сочащийся откуда-то сверху; внизу лежала тьма. Он не то чтобы стоял, по и не сидел и не лежал, и пичего не касался.

— Похоже, я в воде,— пробормотал мальчик.— Или под водой.

Накатил страх, но тут Дигори почувствовал, что его влечет вверх. Он вынырнул на поверхность и выбрался из воды на траву, что росла по берегу крохотного озерца.

Поднявшись, он мимолетно подивился тому, что с него не капает и дыхание у него ровное, словно он и не был под водой. И одежда ни чуточки не промокла! Мальчик стоял на берегу озерца шириной не больше десяти футов, со всех сторон окруженного лесом. Деревья клонились к воде; их кроны были такими густыми, что среди листвы не проглядывало и кусочка неба. Правда, сквозь листву пробивался зеленый свет,

припекало даже в тени. В лесу было необыкновенно тихо: ни щебета птиц, ни жужжания насекомых, ни шелеста ветра. Казалось, еще немного — и можно будет услышать, как растут деревья. Озерцо, из которого выбрался Дигори, было не единственным; куда ни посмотри, за деревьями виднелись другие озера — десятки, если не сотни озер, в нескольких ярдах друг от друга. Корни деревьев тянулись к воде, жадно впитывая живительную влагу. Чудилось, что этот лес переполнен жизнью. Впоследствии Дигори частенько повторял: «Занятное местечко. В нем всего так много, как в пудинге».

Удивительнее всего было то, что Дигори, очутившись в этом лесу, напрочь забыл, как он сюда попал. Он не думал ни о Полли, ни о дяде Эндрю, ни даже о своей маме. Страшно не было; он не ощущал ни восторга, ни любопытства. Спроси его кто-нибудь: «Откуда ты, мальчик?», — он бы, пожалуй, ответил: «Я всегда тут был». Во всяком случае, так ему грезилось. Он был уверен, что провел в лесу всю свою жизнь, вовсе не желая иной доли — пускай вокруг ничего не происходило. Много лет спустя Дигори как-то обронил: «В таком месте никогда ничего не случается. Деревья растут, и все».

Мальчик долго озирался по сторонам — и вдруг увидел, что под деревом неподалеку лежит на спине какая-то девочка. Ее глаза были полуприкрыты, будто она пыталась заснуть. Дигори стоял и молча смотрел на нее. Наконец она открыла глаза и взглянула на него. Никто не проронил ни слова. Молчание затягивалось; но вот девочка подала голос.

— По-моему, я тебя знаю, — сказала она сонно.

— И я тебя, — ответил Дигори. — Ты давно тут?

— Очень давно. Мне кажется, я всегда была в лесу...

— Мне тоже.

— Тебя не было, — возразила девочка. — Ты только что вылез из озера.

— Наверно, — растерянно согласился Дигори. — Я забыл.

Снова наступило молчание. Первой снова заговорила девочка.

— Послушай, мы с тобой раньше не встречались? Мне почему-то... Знаешь, я словно вижу картинку: двое ребят, как мы с тобой, мальчик и девочка, живут совсем в другом месте, гуляют, играют... И они похожи на нас. Как сон наяву. Забавно, правда?

— Это мой сон, — сказал Дигори. — Мальчик с девочкой живут по соседству... лезут на чердак по стропилам... Лицо у девочки чумазое...

— Ты ничего не перепутал? В моем сне чумазый мальчик, а не девочка.

— Мальчика я не помню, — признался Дигори и вдруг воскликнул: — Эй! Что это?

— Морская свинка, — ответила девочка. В траве и вправду копошилась упитанная морская свинка. Ее туловище обхватывала лента, завязанная бантом на спине; к банту было прицеплено ярко-желтое колечко.

— Смотри! Смотри! — закричал Дигори. — Кольцо! И у тебя на пальце тоже кольцо! И у меня!

Наконец-то заинтересовавшись происходящим, девочка села. Дети пристально смотрели друг на друга, вспоминая — или стараясь вспомнить. Внезапно они одновременно крикнули: «Мистер Кеттерли! Дядя Эндрю!». Память вернулась, подробности всплывали одна за другой. Несколько минут спустя Дигори уже рассказывал Полли, что произошло после ее исчезновения и каким мерзавцем оказался дядя Эндрю.

— Что же нам теперь делать? — спросила Полли, когда он закончил. — Взять свинку и отправляться домой?

— Спешить-то некуда, — отозвался Дигори и сладко зевнул.

— А вот и есть, — возразила Полли. — Здесь слишком тихо, слишком спокойно. Слишком сонно, что ли. Того и гляди заснешь. Если мы останемся тут, то будем себе дремать до скончания века.

— Зато здесь хорошо, — Дигори потянулся.

— Хорошо, — согласилась Полли. — Но мы должны вернуться, — девочка встала и хотела было — осторожно, чтобы не напугать — взять на руки морскую свинку, однако передумала. — Пожалуй, свинку мы оставим. Тут она в безопасности, а дома твой дядя может сделать с ней что-нибудь ужасное.

— Да уж, он такой, — подтвердил Дигори. — Вон как с нами обошелся! Кстати, а как мы попадем домой?

— По-моему, надо снова войти в озеро.

Дети подошли к озерцу и остановились у кромки воды. На поверхности отражались склоненные над водой ветви деревьев, из-за чего озерцо казалось темным и глубоким.

— Ой, у нас же нет кунальников, — проговорила Полли.

— Они нам не нужны, глупая,— фыркнул Дигори.— Мы войдем в воду одетыми. Вспомни, одежда совсем не промокла.

— А ты плавать умеешь?

— Так себе. А ты?

— Ну... Чуть-чуть.

— Вряд ли нам придется плыть,— сказал Дигори.— Нам же вниз, правильно?

Прыгать в озерцо было страшновато, но признаваться в своих страхах не хотелось. Ребята взялись за руки и на счет «три» прыгнули в воду. Плюх! Они зажмурились, а когда открыли глаза — увидели, что стоят, держась за руки, все в том же лесу, посреди озерца, и вода едва достает им до колен. Озерцо оказалось до смешного мелким.

— Почему у нас не получилось? — спросила Полли, когда они выбрались на берег. Голосок девочки дрожал от испуга, но только слегка — испугаться по-настоящему в этом умиротворенном лесу было невозможно.

— Знаю! — воскликнул Дигори.— Ну, конечно! Мы же не сняли желтые кольца! Ведь они переносят сюда, а обратно ведут зеленые. Надо поменять кольца. У тебя есть карманы? Отлично. Положи желтое в левый карман — и держи зеленое. У меня их два, тебе и мне.

Дети надели зеленые кольца и шагнули было к озерцу, но вдруг Дигори резко остановился.

— Ой!

— Что такое? — забеспокоилась Полли.

— Да мысль одна в голову пришла,— ответил мальчик.— А как насчет других озер?

— В каком смысле?

— Ну, если вернуться в наш мир мы можем через это озеро, то куда ведут другие? Может, на дне каждого озера свой собственный мир!

— Честно говоря, я решила, что мы уже попали в тот Иной Мир, о котором рассуждал твой дядя... Ты ведь сказал...

— Бог с ним, с дядей Эндрю,— перебил Дигори.— По-моему, он ничего толком не знает. Не забудь, сам-то он здесь никогда не бывал. Он думает, что есть всего один Иной Мир. А если их десятки?

— И этот лес — один из них?

— Нет. По мне, так это вовсе не мир. Это место — что-то вроде промежутка между мирами.

Полли озадаченно покачала головой.

— Как ты не понимаешь?! — воскликнул Дигори. — Ладно, объясняю. Коридор, по которому мы с тобой пробирались, проходит через все дома, верно? И нельзя сказать, что он — часть того или другого дома. Но если забраться в него, можно попасть в любой из домов нашего ряда. Сдается мне, этот лес — то же самое, не мир, но ворота во множество других миров.

— Даже если... — начала было Полли, но Дигори ее не слушал.

— Это все объясняет, — увлеченно продолжал он. — Вот почему здесь так тихо и сонно. Здесь никогда ничего не происходит. Как дома. Люди живут в домах, в домах они едят, спят и разговаривают. А в пустотах за стенами, и над потолками, и в нашем коридоре ничего не случается. Зато из коридора открывается проход в любой дом. Так и тут. Я уверен, отсюда мы можем попасть куда угодно! И нам вовсе не нужно прыгать в то же озеро, из которого я вылез. Может, чуть погодя...

— Лес между мирами, — задумчиво проговорила Полли. — Звучит неплохо.

— Пошли, — сказал Дигори. — С какого озера начнем?

— Послушай, я не собираюсь прыгать куда бы то ни было, пока не узнаю наверняка, что вот это озеро ведет к нам домой. А если у нас ничего не выйдет?

— Выйдет, — успокоил Дигори. — Мы вернемся прямо в лапы дядюшке Эндрю, он отнимет у нас кольца, и мы нигде так и не побываем. Очень весело.

— А может, спустимся хоть на немножко? Просто чтобы проверить. Если кольца действуют, мы их тут же переменим и вернемся обратно, а мистер Кеттерли пускай себе сидит в своем кабинете.

— Как это «на немножко»?

— Вспомни, мы же не сразу поднялись на поверхность. Значит, чтобы переход состоялся, должно пройти какое-то время.

Дигори поворчал, но в конце концов ему пришлось согласиться, ибо Полли наотрез отказалась исследовать иные миры, пока они не нашли дорогу в свой. Храбрости ей было не занимать (например, она ни чуточки не боялась ос), но вот тяги к неведомому она почти не испытывала, не то что Дигори, любознательность которого не знала границ (недаром он, когда вырос, стал профессором — знаменитым профессором Керком, с которым мы встретимся в других книгах).

После долгих споров решили надеть зеленые кольца («Зеленый — цвет безопасности,— сказал Дигори,— так что не перепутаем»), взяться за руки и прыгнуть в озерцо. Но как только увидят кабинет дяди Эндрю, то есть окажутся на пороге своего мира, Полли крикнет: «Меняем!», и они переменят зеленые кольца на желтые. Дигори сам хотел крикнуть: «Меняем!»,— но Полли заупрямилась, и ему пришлось уступить.

Дети надели на пальцы зеленые кольца, взялись за руки и на счет «три» прыгнули. На сей раз все получилось! Описать, как это было, довольно сложно, ибо все произошло почти мгновенно. Сперва возникли яркие огоньки; Дигори ни капельки не сомневался в том, что это звезды, и готов был поклясться, что разглядел Юпитер вместе с его спутниками. Затем проступила вереница крыш с дымовыми трубами, вдалеке показался силуэт собора святого Павла. Лондон! Как ни удивительно, стены домов были прозрачными. Ребята увидели дядю Эндрю; поначалу похожий на привидение, с каждой секундой тот становился все отчетливее и материальнее, словно изображение постепенно фокусировалось. Прежде чем профессор оказался рядом, Полли закричала: «Меняем!»; ребята переменили кольца, и наш мир растаял как сон. Появился зеленый свет; он становился все сильнее, и наконец они выбрались на берег лесного озерца. Вокруг высились знакомые деревья и было привычно тихо. На путешествие туда и обратно ушло меньше минуты.

— Убедилась? — спросил Дигори.— Ну, пошли дальше. Выбирай, какое озеро тебе нравится. Может, вон то?

— Подожди! — воскликнула Полли.— А как мы потом найдем наше озеро?

Ребята переглянулись. Когда бы ни Полли, Дигори совершил бы самую ужасную ошибку в своей жизни. Ведь в лесу между мирами озер было не счесть, и все они походили друг на друга как близнецы, и деревья ничем не отличались одно от другого; так что, уйди ребята от своего озерка, вряд ли они сумели бы снова его отыскать.

Дрожащей рукой Дигори вынул из кармана перочинный нож и вырезал длинную полоску дерна. Земля в лесу между мирами была золотисто-коричневого оттенка (и чудесно пахла); свежевырезанная полоска была видна издалека.

— Наше счастье, что я вовремя сообразила,— сказала Полли.

— Всегда бы ты так соображала, — огрызнулся Дигори. — Пошли, поглядим, что в других озерах.

Девочка не спустила ему грубого тона и ответила колкостью, а он выдал такое, что неловко и повторить. Ссора растянулась на несколько минут, но рассказывать, кто кого и в чем обвинял, было бы скучно. Давайте сразу перейдем к тому мгновению, когда, раскрасневшиеся от злости и от страха перед неведомым, дети встали на берегу другого озерца, надели желтые кольца, взялись за руки, досчитали до трех и — прыгнули.

Плюх! У них снова ничего не вышло. Озерцо оказалось мелким, по грудь цыпленку. Вместо того чтобы отправиться в неизведанный мир, они всего лишь замочили ноги — второй раз за утро (если, конечно, было утро; вообще казалось, что время в лесу между мирами замерло навеки).

— Разрази меня гром! — воскликнул Дигори. — Теперь-то что не так? Кольца у нас желтые, все правильно. Дядя говорил, что желтые ведут «туда», а зеленые «обратно».

По правде сказать, профессор Кеттерли изрядно напутал с этими кольцами. Впрочем, особой его вины в том нет, ведь он и ведать не ведал о лесе между мирами. Потому-то он и считал, что желтые кольца открывают дорогу в Иной Мир, а зеленые возвращают обратно. На самом же деле все обстояло вот как. И желтые, и зеленые кольца были изготовлены из пыли (точнее, из древесной трухи), собранной в лесу между мирами. Желтые кольца увлекали в лес, ибо их «содержимое» стремилось вернуться в то место, которому принадлежало. А зеленые кольца влекли прочь: их «содержимое» жаждало умчаться как можно дальше от леса. Иными словами, профессор Кеттерли экспериментировал с вещами, о которых не имел ни малейшего понятия. Впрочем, таковы все чародеи.

Разумеется, Дигори догадался обо всем далеко не сразу; кое-что оставалось для него непонятным и много лет спустя. Однако главное он уяснил — и убедил Полли надеть зеленое кольцо и вновь прыгнуть в воду.

— Если ты пойдешь, то и я с тобой, — сказала девочка. В глубине души она была уверена, что от перемены колец толку не будет, поэтому опасаться совершенно нечего. Разве что будет очередной громкий «плюх». Вполне возможно, схожее чувство испытывал и Дигори. Во всяком случае, когда дети

надели зеленые кольца и подошли к воде, их лица были куда веселее, чем в прошлый раз.

— Готова? — спросил Дигори, беря Полли за руку. — Раз... Два... Три!

И они прыгнули.

Глава 4
Дигори выбирает

Сомневаться не приходилось — магия подействовала. И еще как! Дети стремительно падали — сквозь тьму, затем сквозь пелену причудливых, фантасмагорических теней. Постепенно становилось светлее. Внезапно ребята поняли, что уже не летят, а стоят на месте, и под ногами у них нечто твердое. Мгновение спустя мир вокруг обрел зримые очертания.

— Ну и местечко! — воскликнул Дигори.

— Мне тут не нравится, — проговорила Полли, зябко дернув плечиком.

Прежде всего ребята заметили свет. То был не солнечный свет и не электрический, не сияние ламп и не мерцание свечей; ничего похожего на этот ровный и жутковатый тускло-красный свет ни Полли, ни Дигори раньше видеть не доводилось. Свет падал на брусчатку площади и на дома, что возвышались со всех сторон. Небо над головой было густо-синим — точнее, иссиня-черным. Не верилось, что с такого неба могут светить солнце или звезды.

— Как тихо и темно, — сказал Дигори. — Словно вот-вот гроза ударит или наступит затмение.

— Мне тут не нравится, — повторила Полли.

Сами того не замечая, ребята разговаривали шепотом — и по-прежнему держались за руки, хотя прыгать уже никуда не требовалось.

Дома вокруг площади стояли как безмолвные часовые. В каждом доме было множество окон, и каждое окно зияло непроглядной пустотой. Арки и колоннады притягивали взор точно разверстые жерла железнодорожных туннелей.

Казалось, стены домов, арки и башенки на крышах сложены из красного камня; впрочем, в тусклом, непонятно откуда сочившемся свете вообще все отливало красным. Город — если это был город — выглядел неизмеримо древним. Брусчатка на площади вся в трещинах, многие булыжники расша-

тались, острые углы камней были стерты. Тут и там виднелись кучи мусора.

Ребята долго стояли на площади, оглядываясь по сторонам. Сказать по правде, им было страшновато — а вдруг в каком-нибудь из этих темных окон покажется человеческое лицо?! И хорошо, если только человеческое...

— По-твоему, здесь есть кто живой? — прошептал Дигори.

— Никого, — ответила Полли. — Все давным-давно умерли. Слышишь — ни звука?

— Давай еще послушаем, — предложил мальчик, — на всякий случай.

Дети затаили дыхание и превратились в слух, но не услышали ровным счетом ничего, кроме стука их собственных сердец. В диковинном городе было тихо, как в лесу между мирами. Но здешняя тишина была иной. Лесное безмолвие — теплое, безмятежное, живое (слышишь, как растут деревья); а эта тишина была угрожающе ледяной. Что сможет вырасти в такой тишине?

— Я хочу домой, — проговорила Полли.

— Но мы же ничего толком не видели, — возразил Дигори. — Раз уж мы тут очутились, пошли хоть пройдемся.

— Да тут не на что смотреть!

— Если трусишь, так и скажи.

— Еще кто из нас трусит! — Полли отпустила руку Дигори.

— Мы же всегда сможем убежать, — сказал мальчик. — Ведь наши кольца при нас. Смотри, я снимаю зеленое и кладу его в правый карман. Теперь ты. Главное — не забыть, что желтые кольца лежат в левых карманах. Только, пожалуйста, не трогай свое желтое колечко, а то снова исчезнешь.

Полли кивнула. Дети с оглядкой вступили под ближайшую из арок. Как ни странно, внутри здания было довольно светло. За аркой лежал большой зал, в глубине которого проступала колоннада; между колонн сочился все тот же тускло-красный свет. Ребята двинулись через зал, вглядываясь под ноги, чтобы невзначай не наступить на что-нибудь жуткое — или не провалиться в какую-нибудь дыру. Шаг за шагом они добрались до колоннады и увидели за ней другую площадь, просторнее предыдущей.

— Осторожнее, — прошептала Полли, указывая на покосившуюся стену, которая, казалось, вот-вот рухнет им на головы. Полуразрушенные колонны, грозящие обвалиться арки и

выщербленные стены ясно говорили о том, что город опустел сотни, если не тысячи лет назад.

— Ничего с ней не случится, — отмахнулся Дигори. — Если, конечно, ты вдруг не завопишь, — добавил он чуть погодя. — Знаешь, от крика в горах лавины сходят.

Полли сердито посмотрела на него, но смолчала. Дети пересекли площадь, миновали очередную арку, поднялись по огромной лестнице, и перед ними открылась целая вереница комнат. Судя по всему, это был дворец поистине необъятных размеров, а мощенные брусчаткой площади, должно быть, служили внутренними двориками. Не раз и не два ребятам чудилось, что они вот-вот окажутся за пределами дворца, однако их неизменно поджидало разочарование — вместо этого они попадали в очередной дворик. В одном из двориков они наткнулись на фонтан: посреди пустого бассейна разевало пасть крылатое каменное чудище, в его пасти виднелась труба, из которой когда-то текла вода. В других двориках попадались засохшие побеги лиан, до сих пор обвивавшие щербатые колонны. Ни муравьев, ни пауков, ни других насекомых, которыми обычно кишат развалины; кое-где между брусчаткой проглядывала сухая земля, но не было видно ни травинки, ни мшинки.

Покинутый дворец внушал страх; вдобавок залы и дворики настолько походили друг на друга, что даже Дигори стал подумывать о возвращении в теплый, зеленый, уютный лес между мирами. И тут ребята подошли к высоким дверям из металла — чуть ли не из золота. Одна створка была распахнута настежь. Разумеется, дети не преминули заглянуть внутрь — и вздрогнули от неожиданности. Наконец-то что-то стоящее!

Поначалу показалось, что в зале полным-полно людей. Десятки, сотни людей, сидящих совершенно неподвижно! Легко догадаться, что Полли и Дигори застыли как вкопанные. Правда, вскоре они сообразили, что тут что-то не так: живые люди не могут сидеть, не шевелясь и не издавая ни шороха. Должно быть, то были восковые статуи, удивительно похожие на живых людей.

Первой в зал вошла Полли. На то имелась веская причина: все статуи были облачены в роскошные платья, а Полли, как и всякая девочка, испытывала слабость к красивой одежде и ей захотелось разглядеть эту одежду поближе. Кстати сказать, многоцветные пышные наряды статуй придавали залу

величественный и почти жизнерадостный вид — особенно по сравнению с другими помещениями, угнетавшими своей пустотой. Вдобавок длинный ряд окон делал зал гораздо светлее.

Платья поражали многоцветием и богатством отделки — алые, серебристые, темно-лиловые, ярко-зеленые, расшитые драгоценными каменьями; узоры изображали то цветы, то невиданных животных. Голову каждой статуи венчала корона, отделанная крупными самоцветами; наряд дополняли ожерелья, подвески и браслеты, тускло мерцающие в полумраке.

— Странно,— проговорила Полли,— одежда совсем целая. Нигде ни дырочки, видишь?

— Волшебство,— убежденно заявил Дигори.— Разве ты не чувствуешь? На эту комнату наложили заклятие, и спорю, что не одно.

Полли пожала плечами.

— Любое из этих платьев стоит сотни фунтов,— сказала она.

Но Дигори куда больше интересовали сами статуи, чем их одежды. Мальчик медленно двинулся по проходу между рядами кресел, вглядываясь в лица сидящих.

— Хорошие были люди,— сказал он.

Полли кивнула. Лица у статуй и вправду были весьма привлекательные — красивые, добрые, мудрые. Но вскоре появились и другие — торжественные, величавые, даже державные. С человеком, у которого такое лицо, запанибрата не поболтаешь — просто не получится. А ближе к середине зала пошли статуи, чьи лица — губы сложены в улыбке, подбородок горделиво приподнят — наводили страх, ибо в их чертах сквозили жестокость и злоба. И чем дальше, тем злобнее и безжалостнее становились лица. Улыбок уже не осталось, на смену им пришло отчаяние, словно эти люди натворили при жизни столько зла, что сами устрашились содеянного. Последней в ряду справа была женская фигура, облаченная в платье, превосходившее пышностью все прочие. Очень высокая (впрочем, все статуи были выше среднего роста) и со взглядом, от которого захватывало дух, одновременно гордым и яростным. И невероятно красивая. Годы спустя постаревший Дигори признавался, что больше никогда в жизни не встречал такой красоты. (Наверное, нужно добавить, что Полли не видела в этой статуе ничего замечательного.)

Эта фигура была последней в ряду, за ней тянулась череда пустых кресел, предназначенных, очевидно, для других статуй, которые так и не успели поместить сюда.

— Хотел бы я знать, что все это значит,— мечтательно произнес Дигори.— Ладно, пошли поглядим вон на ту штуковину посредине.

Дети приблизились к тому, что издалека показалось им столом. Но это был не стол, а квадратная колонна высотой около четырех футов; ее венчала маленькая золотая арка, с которой свешивался золотой колокольчик. Рядом с аркой лежал крохотный золотой молоточек.

— Вот это да! — шепотом воскликнул Дигори.— Здорово, правда?

— Тут что-то написано,— Полли наклонилась над колонной.

Дигори присел рядом с девочкой.

— Точно! Жалко, что прочесть нельзя.

— А вот и можно! — возразила Полли.

На глазах у изумленных детей, вглядывавшихся в чужеземные буквы, с диковинными значками произошло чудесное превращение; нет, начертание ничуть не изменилось, но эти значки внезапно стали понятны! Дигори впору было вспомнить свои собственные слова: дескать, комната заколдована; тогда бы он сразу сообразил, что заклинание начало действовать. Однако мальчику было не до того: снедаемый любопытством, он рвался узнать, что же написано на камне. Вскоре ребята смогли прочесть надпись — и звучала она приблизительно так (конечно же, переводить стихи — дело неблагодарное, на чужом языке они всегда звучат поэтичнее):

Предстоит тебе решить,
Что ты должен совершить:
Или в колокол ударить,
Иль со страхом отступить.

— Я за второе,— с ходу выбрала Полли.— Мне и так не по себе.

— Да брось ты! — возмутился Дигори.— Мы не можем отступить. Если мы сейчас уйдем, то всю жизнь будем жалеть, что не ударили в колокол. Лично я не собираюсь отступать. Не трусь, Полли.

— Я не трушу,— возразила девочка.— Я просто рассуждаю здраво. На что тебе сдался этот колокольчик?

— Мне? Раз уж мы забрались в этакую даль, негоже удирать, ничего толком не узнав. Здесь действует магия, Полли! Я ее чувствую!

— А я вот — нет! И ты тоже не чувствуешь, притворяешься только.

— Да что ты понимаешь! — Дигори презрительно фыркнул.— Девчонки все одинаковые! Все бы вам сидеть да сплетничать, кто на ком женится, а как до настоящего дела доходит, вы сразу в кусты!

— Ты говоришь точь-в-точь как твой дядя,— язвительно заметила Полли.

— Не морочь голову! — рассердился Дигори.— Речь не обо мне...

— Мужская логика! — проговорила Полли тоном взрослой женщины и тут же торопливо прибавила своим обычным голосом: — Только посмей сказать, что я веду себя по-женски!

— Еще чего не хватало, всякую пигалицу женщиной называть!

— Значит, я пигалица? — разъярилась Полли.— А ты в таком случае дубина стоеросовая! Ну и пожалуйста, делай что хочешь, я не собираюсь путаться у тебя под ногами. Торчи тут сколько влезет, а с меня достаточно. Я сыта по горло и этим местом, и тобой, полоумная ты упрямая свинья!

— Стой! — истошно завопил Дигори, заметив, что рука Полли скользнула к карману, в котором лежало желтое кольцо. В следующее мгновение он сделал то, о чем впоследствии сильно сожалел (увы, многие из нас склонны совершать поступки, которых мы потом стыдимся до конца дней своих). Прежде чем Полли успела притронуться к кольцу, Дигори перехватил ее руку и сдавил что есть силы, притянул девочку к себе и зажал другую руку Полли между своим локтем и боком; сам же подался вперед, схватил молоточек и ударил по золотому колокольчику. После этого он отпустил Полли, и они встали друг напротив друга, тяжело дыша. У Полли на глаза навернулись слезы — не от испуга и не от того, что Дигори сделал ей больно; то были слезы ярости. И в этот миг произошло нечто, разом заставившее детей забыть о ссоре.

Колокольчик издал мелодичный звон — негромкий и певучий. Вместо того чтобы затихнуть, этот звон длился и длился,

постепенно усиливаясь. За какую-то минуту он сделался вдвое громче прежнего. Вскоре звон стал подобен грому — попытайся кто-нибудь из ребят заговорить, его бы не услышали (впрочем, им было не до того — они замерли с разинутыми от изумления ртами). Минула еще минута — и звон превратился в оглушительный, уже ничуть не мелодичный, скорее устрашающий. Он пронизывал воздух и заставлял ходить ходуном камень под ногами. Наконец к нему начал примешиваться другой звук — смутно различимый, словно доносящийся издалека, похожий то ли на перестук вагонных колес, то ли на треск падающего дерева. Этот звук приближался и тоже становился все громче. И вот под громовой раскат, от которого сотрясся весь дворец (ребята едва устояли на ногах), в дальнем конце зала рухнул потолок; стены содрогнулись, на пол посыпались обломки. Внезапно все стихло, пыль рассеялась и во дворце вновь воцарилось безмолвие.

Открою маленький секрет: выяснить, отчего обрушился потолок, не удалось — то ли стены, которые его подпирали, не выдержали громоподобного звона, то ли причиной всему была магия.

— Полюбуйся! — воскликнула Полли.— Теперь ты доволен?

— Хорошо, что все позади,— пробормотал Дигори.

Дети и не догадывались, сколь горько они заблуждаются.

Глава 5
Гибельное слово

Дети глядели то друг на друга, то на колокольчик, который все еще раскачивался в своей золотой арке. Внезапно послышался шорох, и они обернулись как ужаленные. О ужас! Одна из фигур — та самая женщина, так поразившая Дигори своей красотой,— медленно поднималась со своего кресла. Когда она выпрямилась, стало ясно, что она даже выше, чем представлялось поначалу. Пышное платье, корона, жгучий взор, изгиб губ — все говорило о том, что она привыкла повелевать. Королева! Женщина окинула взглядом зал, потом посмотрела на детей; по выражению ее лица было не угадать, о чем она думает.

Быстрым шагом королева пересекла зал и приблизилась к детям.

— Кто пробудил меня? Кто разрушил заклятие? — требовательно спросила она.

— Наверное, я, — робко ответил Дигори.

— Ты?! — Ладонь королевы — белая, холеная — легла на плечо Дигори, и мальчик вдруг сжался под ее неожиданной тяжестью. — Ты? Но ведь ты еще ребенок и простолюдин вдобавок. С первого взгляда заметно, что в тебе нет ни капли благородной крови. И как же простолюдин посмел войти в этот дворец?

— Мы прибыли из другого мира, — объяснила Полли (девочка сочла за лучшее вмешаться, чтобы королева обратила внимание и на нее). — Нас перенесла магия.

— Верно? — спросила королева у Дигори, не удостоив Полли и взглядом.

— Д-да, — пробормотал тот.

Не снимая ладони с плеча Дигори, королева другой рукой взяла мальчика за подбородок и приподняла его голову так, чтобы видеть лицо. Дигори было вызывающе посмотрел на нее, но быстро потупился. В этой женщине ощущалось нечто, требовавшее беспрекословного повиновения.

Вглядевшись в лицо Дигори, королева отпустила его подбородок и сказала:

— Ты не чародей. В тебе нет и крупицы волшебства и сюда ты попал благодаря чужой магии. Должно быть, ты — слуга чародея.

— Ну... это все из-за дяди Эндрю...

В это мгновение откуда-то снаружи донесся треск. В следующий миг раздался чудовищный грохот и пол под ногами содрогнулся — во дворце обвалилось что-то еще.

— Нам грозит опасность, — изрекла королева. — Дворец рушится. Если мы не поспешим, то нас погребет под обломками. — Она упомянула об этом спокойно, почти мимоходом, словно отвечая на вопрос, который час. — Идем, — королева протянула руки детям. Полли, невзлюбившая королеву с первого произнесенного той слова, охотно увернулась бы — когда бы успела. Однако движения королевы были невероятно быстрыми. Прежде чем девочка сообразила, что происходит, ее левая рука оказалась зажатой в не по-женски сильной руке королевы. И королевская хватка была столь суровой, что вырваться нечего было и думать.

«Ужасная женщина, — подумала Полли. — Какая сильная, ей ничего не стоит сломать мне руку. И до кармана с

желтым кольцом теперь не добраться. А правой забраться в карман незаметно наверняка не получится. Что же делать? Нельзя, чтобы она узнала про кольца. Надеюсь, Дигори хватит ума не разболтать. Надо бы его предупредить... Но как?..»

Королева вывела детей из Зала Образов в длинный коридор, от которого начинался самый настоящий лабиринт других коридоров, лестниц и двориков. Снова и снова до них доносились раскаты камнепада, то далекие, то пугающе близкие, — дворец продолжал разрушаться. Едва они миновали высокую каменную арку, как та с чудовищным грохотом обрушилась у них за спиной. Королева шагала быстро — детям приходилось почти бежать, чтобы поспеть за ней, — но не выказывала и тени страха.

«Какая смелая! — восхищался про себя Дигори. — И сильная! Настоящая королева, сразу видно! Вот будет здорово, если она нам расскажет, что тут случилось».

Королева и вправду на ходу посвящала ребят в тайны истории.

— За этой дверью темницы... Этот коридор ведет к главной камере пыток... Это старый приемный зал, в котором мой дедушка приказал убить семьсот рыцарей, приглашенных на пир. Они умерли, не успев пригубить вино. У них были мятежные помыслы.

Наконец вышли в зал просторнее всех предыдущих. В дальнем конце зала виднелись высокие двери. Дигори нисколько не сомневался, что видит перед собой выход из дворца. Однако... Двери — то ли из черного дерева, то ли из какого-то неведомого металла — были заперты на множество засовов, расположенных слишком высоко, чтобы до них достать, и слишком массивных, чтобы их поднять. И что теперь?

Королева отпустила руку мальчика, вытянула перед собой ладонь и выпрямилась в полный рост. Она произнесла что-то на диковинном языке (звучало это просто ужасно) и сделала такой жест, будто бросила что-то в сторону дверей. И вдруг высоченные двери заколыхались, точно шелковая занавесь, — и осыпались пылью на порог.

— Ух ты! — воскликнул Дигори.

— Ну что, может магия твоего дяди соперничать с моей? — спросила королева, вновь беря мальчика за руку. — Впрочем, я скоро это выясню сама. Запомни то, что ты видел. Вот так я поступаю с теми, кто встает у меня на пути.

В опустевший проем потоком хлынул красный свет. Миновав горстку пыли — все, что осталось от дверей,— они вышли на воздух. В лицо подул ветерок, хоть и прохладный, но какой-то затхлый. С террасы, на которую королева вывела детей, открывался потрясающий вид.

Над самым горизонтом висело огромное красное солнце, по сравнению с которым солнце нашего мира показалось бы крохотной звездочкой. Дигори сразу понял, что это солнце неизмеримо древнее нашего; умирающее солнце, уставшее освещать свой мир. Слева от светила и намного выше сверкала яркая звезда. Больше на небе ничего не было; солнце и звезда — и жуткая черная пустота вокруг. А на земле, насколько хватало глаз, раскинулся город, громадный и пустынный, ни единой живой души. Храмы, башни, дворцы, пирамиды и мосты отбрасывали длинные зловещие тени. Высохшее русло реки, что когда-то текла через город, напоминало широкую пыльную канаву.

— Узрите же то, чего никогда более не увидят глаза живых! — воскликнула королева.— Ибо перед вами великий город Чарн, град короля королей, величайшее чудо этого мира и всех известных миров. Скажи, мальчик, сравнится ли с Чарном тот город, которым правит твой дядя?

— Нет,— ответил Дигори и хотел было объяснить, что дядя Эндрю вообще ничем не правит, но королева не дала ему возможности.

— Ныне он тих,— продолжала она.— Но я помню, как стояла на этой террасе и прислушивалась к шуму большого города: топоту ног, скрипу колес, к щелканью бичей и стонам рабов, к рокоту жертвенных барабанов в храмах. Я стояла здесь в самый разгар битвы, что захлестнула город; битвы, из-за которой река стала алой от крови.— Помолчав, королева прибавила: — Подумать только, одна-единственная женщина уничтожила все это в мгновение ока.

— Какая женщина? — тихо спросил Дигори, уже догадываясь, каким будет ответ.

— Я! — изрекла королева.— Я, Джадис, королева этого мира!

Дети зябко поежились — ветер стал прохладнее.

— Всему виной моя сестра,— произнесла королева.— Она меня вынудила! Да падет на нее проклятие Стихий! Я была готова заключить мир и пощадить ее, если она уступит мне

трон. Но она не захотела уступить и принесла в жертву своей гордыне целый мир. Даже когда началась война, никто не пользовался магией, потому что все соблюдали соглашение. Но когда она нарушила клятву, что оставалось мне? Тупица! Или она не знала, что моя магия могущественнее? Конечно, знала. Она знала даже, что мне ведома тайна Гибельного Слова. Неужели она думала, что я им не воспользуюсь?

— А что это? — спросил Дигори.

— Величайшая из тайн,— отозвалась королева.— Лишь правителям нашего мира было известно, что существует слово, способное, если произнести его надлежащим образом, уничтожить всех живых существ — кроме того, кто его изрек. Но короли былого оказались недостойны своего трона: они малодушно связали себя и своих потомков страшной клятвой — не искать познания этой тайны. Однако я узнала Скорбное Слово, и за мое знание мне пришлось заплатить ужасную цену. Я воспользовалась им, лишь когда меня вынудила моя сестра. Я долго сражалась с нею другими средствами, я проливала кровь своих солдат, точно воду из чаши...

— У, гадина! — проворчала Полли.

— Последняя битва, уже в городе, продолжалась три дня. И три дня подряд я глядела на мой город с этой террасы, не желая прибегать к чародейству, пока не пал последний из моих солдат. Но вот это случилось, и моя клятвопреступница-сестра во главе бунтовщиков ворвалась во дворец. Я выжидала. Наконец мы смогли посмотреть друг другу в глаза. Она злобно усмехнулась и сказала: «Моя взяла!» — «Взяла, да не твоя»,— ответила я и произнесла Гибельное Слово. Мгновение спустя я осталась одна на всем свете.

— А как же другие? — выдавил Дигори.

— Какие другие, мальчик? — холодно спросила королева.

— Другие люди,— вмешалась Полли,— которые были ни в чем не виноваты. Женщины, дети и животные...

— Пойми наконец! — вскричала королева, по-прежнему обращаясь только к Дигори.— Эти люди были моими подданными, а значит, обязаны были беспрекословно исполнить мою волю.

— Все равно. Бедняги, как им не повезло!

— Я забыла, что ты простолюдин. Тебе не дано постичь всей премудрости государственного мышления. Дитя, не приближайся к великим правителям с меркой простолюдинов. На

плечах правителей тяжкое бремя — судьба мироздания. Постарайся усвоить раз и навсегда: великие правители свободны от общепринятых правил. Нам суждено провести жизнь в гордом одиночестве.

Дигори вдруг вспомнил, что слышал те же самые слова от дяди Эндрю. Впрочем, в устах королевы Джадис эти слова звучали куда более внушительно; наверное, потому, что дядя Эндрю был не таким высоким и не таким красивым.

— А что вы сделали потом? — спросил мальчик.

— Я заблаговременно наложила заклятие на Зал Образов, где восседали мои предки. И суть заклятия была в том, что я сама на время превращусь в образ и проведу в этом зале хоть тысячу лет, пока кто-нибудь не ударит в колокол и не пробудит меня.

— Значит, это от Скорбного Слова ваше солнце стало таким? — задумчиво проговорил Дигори.

— Каким таким? — не поняла королева.

— Большим, красным и холодным.

— Нет, оно всегда было таким. Во всяком случае, не одну сотню тысяч лет. А в вашем мире солнце другое?

— Да, оно поменьше и желтое, а не красное. И от него гораздо теплее.

— Ага! — воскликнула королева. Выражение лица у нее вдруг стало точно таким же, какое было у дяди Эндрю, когда тот уговаривал Полли взять желтое кольцо.— Так ваш мир молод!

Джадис помолчала, окинула взглядом мертвый город — если она и сожалела о содеянном, то никак этого не показала — и сказала:

— Что ж, пора в путь. Здесь холодно, умирающее солнце не греет.

— В путь куда? — хором спросили дети.

— Куда? — удивленно повторила королева.— В ваш мир, разумеется.

Полли и Дигори в ужасе уставились друг на друга. Полли невзлюбила королеву с первых же произнесенных той слов; и даже Дигори, особенно после рассказа о гибели города, чувствовал, что с него хватит. Как бы это сказать помягче — королева Джадис была не из тех, кого охотно приглашают домой. Ребята с превеликим удовольствием сбежали бы от нее, но об этом нечего было и мечтать: королева по-прежнему крепко

держала Полли за руку, а вернуться домой в одиночку Дигори, конечно же, не мог.

— Наш мир,— пробормотал Дигори. Лицо у него горело, от волнения он начал заикаться: — Н-но я н-не знал, что вы хотите...

— А разве вас прислали сюда не затем, чтобы вы провели меня в свой мир? — величественно осведомилась Джадис.

— Вам у нас не понравится,— заявил Дигори.— Совсем не понравится. Верно, Полли? У нас очень скучно, честное слово.

— Когда я стану править вашим миром, в нем будет весело,— пообещала королева.

— Вы не можете! — воскликнул Дигори.— Так не бывает. Вам просто не позволят.

Королева одарила его снисходительной улыбкой.

— Многие полагали, что им достанет сил противостоять королевскому дому Чарна. И где они теперь? Все мертвы, а их имена давно позабыты. Глупый мальчишка! Неужели ты думаешь, что я, с моей красотой и моей магией, не покорю ваш мир? Да мне и года не потребуется! Ладно, читайте заклинание, и мы отправляемся.

— Какой ужас! — прошептал Дигори, косясь на Полли.

— Быть может, ты боишься за своего дядю? — спросила Джадис.— Если он окажет мне должное уважение, то сохранит свою жизнь и свой трон. Я не собираюсь сражаться с ним. К чему враждовать с великим чародеем, который сумел переправить тебя в другой мир? Он правит всем вашим миром или только частью?

— Ничем он не правит,— буркнул Дигори.

— Лжешь,— спокойно сказала королева.— Чтобы творить магию, необходима королевская кровь. Кто слыхивал о чародеях-простолюдинах? Уж я-то всегда сумею отличить правду от лжи. Твой дядя — великий король и великий волшебник. Однажды он увидел в магическом зеркале или в зачарованном озере отражение моего лица; пораженный его красотой, он сотворил могущественное заклинание, которое потрясло ваш мир, а вас перекинуло через пропасть между мирами с тем, чтобы вы умолили меня отправиться к нему. Так или нет? Отвечай!

— Ну, вообще-то не совсем...

— Не совсем! — перебила Полли.— Да это же полный бред с начала до конца!

— Молчать! — рявкнула королева и схватила Полли за волосы у макушки, там, где всего больнее. Она так разъярилась, что выпустила руку девочки из своей.

— Давай! Бежим! — крикнули одновременно Полли и Дигори. Ребята сунули руки в свои левые карманы. Им не пришлось надевать кольца — в тот самый миг, когда их пальцы коснулись колец, жуткий мир красного солнца исчез в никуда. Неведомая сила повлекла вверх, навстречу теплому зеленому свету.

Глава 6
Невзгоды дяди Эндрю

— Отпусти! Отпусти! — взвизгнула Полли.

— Да я тебя вообще не трогаю! — крикнул в ответ Дигори.

Они вынырнули на поверхность и вновь очутились в пронизанной солнцем тишине леса между мирами. После жуткого безмолвия, из которого им удалось бежать, лес показался детям едва ли не самым желанным местом на свете. Скорее всего, будь у них такая возможность, они бы снова впали в дремотное полузабытье, легли бы на траву и стали слушать, как растут деревья. Но на сей раз о дремоте не могло быть и речи, потому что ребята были не одни. Вместе с ними в лес между мирами попала и королева (или, если угодно, ведьма) Джадис, вцепившаяся мертвой хваткой в волосы Полли. Вот почему кричала девочка, вот кого она просила отпустить ее.

Кстати сказать, таким образом выяснилась еще одна любопытная подробность, о которой профессор Кеттерли не упомянул в разговоре с Дигори — не упомянул, поскольку сам о том не знал. Оказалось, что путешествовать из мира в мир можно по-разному: или прикоснуться к кольцу, или схватиться за кого-нибудь, кто к этому кольцу притронулся. Иными словами, кольца действовали как магниты. Всем известно, что если намагнитить одну булавку, другая, лежащая рядом, тотчас же притянется к первой.

Королева Джадис выглядела совершенно иначе, чем в своем мире. Мертвенно-бледная, почти напрочь утратившая красоту, она сутулилась и жадно хватала ртом воздух, словно никак не могла надышаться. Такой Джадис не испугался бы и маменькин сынок.

— Отпусти мои волосы! — потребовала Полли. — Чего ты ко мне прицепилась?

— Эй, отпусти ее немедленно! — поддержал подружку Дигори.

Вдвоем они легко справились с Джадис. После короткой борьбы та отпустила Полли и откинулась на траву, тяжело дыша. Ее взгляд был полон животного страха.

— Быстрее, Дигори! — воскликнула Полли. — Бежим домой!

— Пощадите! Не бросайте меня! — взмолилась ведьма, кое-как поднимаясь с травы. — Возьмите меня с собой. Делайте что хотите, только не оставляйте меня в этом ужасном месте. Я здесь погибну.

— Невелика потеря, — съязвила Полли. — Вспомни о тех людях, которых ты погубила. Идем, Дигори.

Ребята надели зеленые кольца. Вдруг Дигори остановился.

— Мы не можем просто взять и уйти, — ему все же было немножко жаль Джадис.

— Не валяй дурака, — бросила Полли. — Десять против одного, что она притворяется. Пошли.

Они прыгнули в озеро. Полли еще успела похвалить себя за предусмотрительность: как хорошо, что они оставили на берегу метку. В следующее мгновение вода сомкнулась над их головами. Внезапно Дигори почувствовал, как чьи-то холодные пальцы схватили его за ухо. Чем глубже дети погружались, чем ближе становился родной мир, тем крепче делалась хватка. Судя по всему, к ведьме возвращались силы. Дигори пытался вырваться, извивался и брыкался, но все тщетно. Миг — и они очутились в кабинете дяди Эндрю. А вот и сам дядя, ошеломленно уставившийся на незнакомку, которую притащил за собой Дигори.

Его вполне можно было понять. Полли и Дигори тоже разинули рты от изумления. Ведьма явно совладала с накатившей на нее в лесу слабостью; в нашем мире, окруженная привычными нам вещами, она потрясала воображение. В Чарне она выглядела опасной, а в Лондоне — смертоносной. Прежде всего, только теперь стало заметно, какого она роста. «Люди такими не бывают», — мелькнуло у Дигори, и он был прав: в жилах правителей Чарна текла кровь великанов. Высоченная, невероятно красивая, с огненным взором, она была, если можно так сказать, в десять раз живее любого лондонца. Дядя Эндрю непрерывно кланялся, потирал ладони и вообще ка-

зался насмерть перепуганным. Рядом с ведьмой он выглядел сущим ничтожеством. И все же, как позднее вспоминала Полли, чем-то они были похожи.. У обоих было особое выражение лица, какое встречается только у злых волшебников — та самая «метка», которую Джадис искала и не могла найти в лице Дигори.

Между прочим, наблюдая за дядей Эндрю, лебезящим перед королевой, Дигори вдруг понял, что больше ни капельки не боится своего безумного родственника. Ведь кто после встречи с гремучей змеей станет убегать от червя? Кто испугается коровы, после того как удрал от разъяренного быка?

«Фью! — мысленно присвистнул Дигори.— Да какой из него чародей! То ли дело она!»

Дядя Эндрю продолжал кланяться и потирать руки. Еще он пытался выдавить из себя хоть какую-нибудь любезность, но во рту у него пересохло настолько, что язык совершенно не слушался. Он был вне себя от беспокойства: «эксперимент с колечками» принес весьма неожиданные результаты. Хотя профессор Кеттерли баловался магией уже много лет, все опасные процедуры он, как правило, оставлял другим. И вот впервые опасность затронула его самого.

Джадис заговорила, вроде бы негромко, но стены комнаты словно задрожали от ее голоса.

— Где чародей, который призвал меня в этот мир?

— Э... мадам...— выдавил дядя Эндрю.— Весьма польщен... такая честь... столь неожиданное удовольствие... если бы меня предупредили заранее... я бы... я...

— Где чародей, шут? — требовательно спросила Джадис.

— Это... это я, мадам... Надеюсь, вы не станете... э... наказывать этих непослушных детей за вольности, которые они... э... наверняка себе позволили. Уверяю вас, у меня и в мыслях не было...

— Ты?! — На сей раз от голоса ведьмы сотрясся весь дом. Одним шагом она пересекла комнату, схватила дядю Эндрю за волосы, нагнулась и запрокинула его голову так, что их лица оказались совсем рядом. Джадис вгляделась в лицо профессора, как вглядывалась в Чарне в лицо Дигори. Дядя Эндрю только моргал и облизывал пересохшие губы. Наконец ведьма оттолкнула его, и он отлетел к стене.

— Понятно,— проговорила она.— Ты и вправду чародей. Точнее, чародеишка. Встань, пес! Не пристало всякой швали

валяться на полу, когда благородные стоят! Отвечай, откуда ты узнал магию? Могу поклясться, ты не королевской крови.

— Ну... э... в прямом смысле, пожалуй, нет, — пробормотал дядя Эндрю. — Что не королевской, это точно, мэм. Но Кеттерли — старинный род. Мои предки из Дорсета, мэм, очень уважаемые люди.

— Умолкни, — сказала Джадис. — Я поняла, кто ты такой. Ты — мелкий чародей, освоивший наше искусство по книгам. Магии нет ни в твоей крови, ни в твоем сердце. Такие, как ты, принесли гибель моему миру. Но здесь я позволю тебе стать моим слугой.

— Почту за честь... готов служить верой и правдой... только прикажите...

— Умолкни, — повторила ведьма. — Ты слишком много говоришь, червь. Вот твое первое поручение. Я вижу, мы находимся в большом городе. Разыщи мне колесницу, или ковер-самолет, или ручного дракона — в общем, то, на чем у вас разъезжают благородные особы. Потом отвезешь меня туда, где я смогу подобрать себе одежду, драгоценности и рабов. Завтра я начну покорять ваш мир.

— Я... я... я мигом! — воскликнул дядя Эндрю.

— Стой! — произнесла ему вслед королева. — Даже не помышляй предать меня. Я вижу все, что происходит вокруг, и не спущу с тебя глаз. При первом же признаке неповиновения я так тебя околдую, что любой стул покажется тебе раскаленной жаровней, а твоя кровать на веки вечные покроется незримым льдом. Ступай.

Дядя Эндрю с видом побитой собаки выскользнул за дверь.

Дети испуганно попятились, решив, что сейчас Джадис возьмется за них и припомнит им сцену в лесу между мирами. Однако королева, как ни странно, ни словом не обмолвилась о том, что там произошло. «Должно быть, — подумалось Дигори, — ее разум устроен так, что она сразу же позабыла это место; и сколько ее туда ни уводи, сколько там ни держи, она все равно ничего не вспомнит».

Королева не обращала на детей ни малейшего внимания. Уж так заведено у ведьм: имей дело только с тем, кто может тебе пригодиться. В Чарне она не замечала Полли (пока обстоятельства не вынудили ее заметить девочку), потому что у нее был Дигори. Теперь появился дядя Эндрю, и Дигори не удостоился даже взгляда.

Все хранили молчание. Джадис притоптывала ногой; чувствовалось, что ее снедает нетерпение.

— Где же этот старый осел? — спросила она сама себя. — Надо было прихватить кнут, — с этими словами она быстрым шагом вышла из комнаты.

— Ф-фу! — облегченно выдохнула Полли. — Мне пора домой. Уже совсем поздно. Ну и денек выдался!

— Возвращайся скорее, — попросил Дигори. — Пока она тут, я весь изведусь. Надо придумать, как нам от нее избавиться.

— Пускай твой дядюшка думает, — сказала Полли. — Это он во всем виноват.

— Все равно возвращайся, ладно? А то меня одного живьем сожрут.

— Я пойду по туннелю, — холодно произнесла Полли. — Так будет быстрее всего. А если хочешь, чтобы я вернулась, тебе не мешало бы извиниться.

— Извиниться? — удивился Дигори. — Опять эти девчачьи штучки! За что?

— Конечно, не за что, — язвительно откликнулась Полли. — Хотя бы за то, что ты чуть руку мне не вывернул в том зале со статуями. За то, что ударил в колокол. За то, что в лесу подставился и она успела ухватиться за тебя. Вот за что!

— А! — воскликнул Дигори. — Я-то думал... Извини, пожалуйста. Мне очень жаль, что все так вышло в зале со статуями. Слышишь, я извинился. Возвращайся, Полли, мне без тебя совсем худо будет.

— По-моему, тебе ничто не грозит. Это мистеру Кеттерли обещали раскаленные жаровни и лед в кровати.

— Не в том дело, — отмахнулся Дигори. — Я за маму беспокоюсь. Представь, что будет, если эта гадюка ворвется в ее комнату. Она же перепугает ее до смерти.

— Угу, — озабоченно согласилась Полли. — Давай договоримся так. Я вернусь, если смогу. А теперь мне пора.

Она распахнула дверцу и выбралась в туннель. Этот сумрачный коридор над балками, еще недавно манивший неизвестностью и суливший невиданные чудеса, теперь показался ей милым и по-домашнему уютным.

Но вернемся к дяде Эндрю. Торопливо спускаясь по лестнице, он то и дело прикладывал руку к груди — сердце бешено колотилось — и вытирал платком лоб. Добравшись до своей спальни на втором этаже, он шмыгнул внутрь и запер

дверь, после чего порылся в платяном шкафу и извлек оттуда припрятанную от сестры бутылку вина и стакан. Налил по краешек, выпил одним глотком — и наконец сумел перевести дух.

— Клянусь небом,— выговорил он,— ну и дела! Подумать только, в моем-то возрасте!

Немного успокоившись, он налил второй стакан, выпил и начал переодеваться. Нынче таких нарядов уже не носят, но когда-то они были в моде. Профессор надел высокий, ослепительно белый воротничок того сорта, что заставляет человека постоянно задирать подбородок; затем белый расшитый жилет, к которому тщательно прикрепил золотую цепочку от часов. Поверх жилета надел свой лучший сюртук, тот, что обычно надевал только на свадьбы и на похороны; на голову напялил сверкающий цилиндр. На столике стояла ваза с цветами (ее поставила тетя Летти); профессор выбрал один цветок и сунул его в петлицу. Потом вынул из нижнего ящика шкафа носовой платок (какие в ту пору были платки! просто чудо!), подушил его и положил в карман. Наконец вставил в глаз монокль на черной ленточке и встал перед зеркалом.

Как вам прекрасно известно, существуют два вида глупости — детская и взрослая. Так вот, дядя Эндрю вел себя по-взрослому глупо. Поскольку ведьмы рядом не было, он благополучно забыл о своих страхах и думал только о потрясающей красоте Джадис. «Роскошная женщина,— бормотал он себе под нос,— Просто роскошная, да, сэр». Вдобавок он ухитрился забыть, что «роскошную женщину» привели в наш мир Полли и Дигори; ему казалось, что он сам, своей могущественной магией, вызвал ее из неведомых миров.

— Эндрю, мальчик мой,— сказал он себе, разглядывая свое отражение,— ты чертовски здорово сохранился для своего возраста. Какая осанка, какая выправка!

Иными словами, глупый старик вообразил, что ведьма влюбилась в него. Возможно, эту фантазию ему подсказало содержимое припрятанной в шкафу бутылки. Вот почему он достал свой лучший наряд, вот почему крутился перед зеркалом. Ему льстила сама мысль о том, что в него влюбилась такая женщина. Дядя Эндрю был тщеславен как павлин; по правде сказать, именно тщеславие побудило его заняться магией.

Он отпер дверь, спустился вниз, послал служанку (в те дни в каждом доме обязательно было хотя бы несколько слуг) за экипажем, а сам заглянул в гостиную. Там он, как и ожидал,

увидел тетю Летти. Она стояла на коленях у окна и деловито зашивала расстеленный на полу матрас.

— О моя дорогая Летиция! — воскликнул дядя Эндрю.— Я... Мне нужно прогуляться. Будь хорошей девочкой, одолжи мне, пожалуйста, фунтов пять или шесть на карманные расходы.

— Мой милый Эндрю, — отозвалась тетя Летти, не поднимая головы, — сколько раз тебе объяснять, что денег от меня ты не получишь?

— Ну зачем же так, девочка моя? — Дядя Эндрю заискивающе улыбнулся.— Это очень важно. Прошу, не ставь меня в неудобное положение.

— Эндрю,— сказала тетя Летти, поднимая голову и устремляя на брата суровый взор,— и как только ты смеешь просить у меня денег?

За этими словами скрывалась долгая и скучная история из числа тех, которые довольно часто случаются со взрослыми. Достаточно будет сказать, что дядя Эндрю так ловко управлялся с наследством «своей дорогой Летиции» — он в жизни пальцем о палец не ударил, а тетя Летти регулярно оплачивала его счета за бренди и сигары,— что теперь денег у нее было куда меньше, чем тридцать лет назад.

— Девочка моя,— продолжал дядя Эндрю,— ты не понимаешь. У меня возникли непредвиденные расходы. Нужно кое-кого развлечь. Ну пожалуйста, не будь такой занудой.

— И кого, скажи на милость, ты собираешься развлекать? — спросила тетя Летти.

— Э... К нам только что прибыл особо важный гость.

— Важный-бумажный! — фыркнула тетя Летти.— За последний час никто чужой в дом не входил.

В этот миг дверь в гостиную распахнулась. Обернувшись, изумленная тетя Летти увидела на пороге высокую, пышно одетую женщину, глаза которой метали пламя. То была ведьма.

Глава 7
Что стряслось у дома

— Ответь мне, раб, долго еще я буду дожидаться своей колесницы? — Голос ведьмы прозвучал подобно грому. Дядя Эндрю шарахнулся в сторону. При виде Джадис мигом куда-то улетучились все шальные мысли, которые он лелеял, красуясь перед зеркалом.

Тетя Летти встала посреди комнаты.

— Позволь узнать, Эндрю, кто эта особа? — спросила она ледяным тоном.

— Иностранка, — пробормотал профессор. — Оч-чень важная персона...

— Чушь! — бросила тетя Летти и повернулась к ведьме. — Вон из моего дома, бесстыжая шлюха! Вон, пока я не вызвала полицию! — Она решила, что Джадис — циркачка, которую дядя Эндрю тайком провел в дом.

— Что это за женщина? — надменно справилась Джадис. — На колени, мерзавка, пока я тебя не испепелила!

— В моем доме, милочка, выражаться не принято, — осадила ее тетя Летти.

Профессору вдруг почудилось, будто королева выросла выше прежнего. Ее глаза метали пламя; она вскинула руку и произнесла какую-то фразу на неведомом, ужасном на слух языке. И — ничего не произошло.

Тетя Летти, принявшая эту тарабарщину за искаженный английский, воскликнула:

— Я так и думала! Эта женщина пьяна. Даже язык ее не слушается.

Должно быть, ведьма испытала настоящее потрясение, когда выяснилось, что магия, в ее родном мире обращавшая в пыль сотни людей, в ином мире не действует. Впрочем, сдаваться она отнюдь не собиралась. Не промедлив ни секунды, Джадис стремительным шагом пересекла комнату, подхватила тетю Летти на руки, подняла над головой, словно сестра профессора весила не больше детской куклы, а затем швырнула в стену. В этот самый миг дверь приоткрылась, и в комнату заглянула служанка (вот уж кому было по-настоящему весело — сколько всего успело случиться за утро!):

— Прошу прощения, сэр, ваш экипаж приехал.

— Веди, раб! — приказала королева. Дядя Эндрю забубнил было что-то насчет «неоправданной жестокости», но гневный взор Джадис заставил его умолкнуть. За ним по пятам королева вышла из дома. Дигори сбежал по лестнице как раз вовремя, чтобы услышать, как хлопнула входная дверь.

— Разрази меня гром! — воскликнул он. — Ты даже не представляешь, Сара, на что способна эта женщина. Да они с дядей Эндрю весь Лондон разнесут!

— Не знаю, что там с Лондоном, мастер Дигори, — отозвалась служанка, — а вот мисс Кеттерли, по-моему, сильно ушиблась.

Следом за служанкой Дигори вбежал в гостиную.

Ударься тетя Летти о стену или упади на пол, она наверняка переломала бы себе все кости. Однако ей повезло — она упала на матрас. Для своего возраста тетя Летти была очень крепкой (как и многие другие тетушки в те дни). Понюхав соль и посидев в кресле, она заявила, что с нею все в порядке: мол, пара синяков, и не более того.

— Сара, — позвала она служанку, — отправляйся в полицейский участок и сообщи им, что по городу разгуливает душевнобольная. Обед миссис Керк я отнесу сама, — миссис Керк звали маму Дигори.

Сначала пообедала мама Дигори, потом тетушка накормила и мальчика. После обеда Дигори погрузился в размышления.

Разумеется, прежде всего следовало вернуть ведьму в тот мир, из которого она явилась, или, по крайней мере, как можно скорее изгнать ее из нашего. Кроме того, нельзя было допустить, чтобы она бесчинствовала в доме, нельзя было подпускать ее к миссис Керк. А еще требовалось остановить ее, пока она не уничтожила Лондон. Дигори не видел, как Джадис пыталась испепелить тетю Летти, однако он хорошо помнил, как она обошлась с дверями во дворце. Иными словами, он прекрасно знал, чего от нее можно ожидать. Быть может, как раз сейчас она испепеляет Букингемский дворец или здание Парламента, а ее путь по Лондону, без сомнения, отмечен горстками пыли — всем, что осталось от полисменов, пробовавших ее остановить. Что же делать?

«Кольца работают как магниты, — размышлял Дигори. — Если я схвачусь за Джадис, а потом притронусь к своему желтому кольцу, она заодно со мной будет перенесена в лес между мирами. Может, там она снова утратит силу? А если нет, что тогда? Наверное, придется рискнуть. Но где я ее найду? Из дома тетя Летти просто так меня не выпустит. И денег у меня всего два пенса, а трамваи и автобусы бесплатно не возят. И потом, я ведь понятия не имею, где она может быть. Интересно, дядя Эндрю все еще с нею?»

Поразмыслив, мальчик понял: единственное, что ему остается, — сидеть и ждать возвращения дядюшки и ведьмы.

А когда они вернутся, он выйдет им навстречу, подкрадется к Джадис, прикоснется к ней и тут же наденет желтое кольцо. Значит, придется сторожить у двери и никуда не уходить. Ни дать ни взять кот у мышиной норки.

Дигори вернулся в столовую и, как говорится, прилип лицом к окну, из которого были видны крыльцо и часть улицы; мимо этого окошка никто не сумел бы прошмыгнуть незамеченным.

— Что-то Полли запропала,— сказал сам себе Дигори.

Некоторое время он гадал, куда подевалась девочка и почему ее так долго нет. Нам, в отличие от него, гадать не нужно, ибо мы знаем все. Полли не только опоздала к обеду, но и вернулась домой с насквозь промокшими ногами. Взволнованные родители, конечно же, стали расспрашивать, где она была и где ухитрилась промокнуть. Полли честно призналась, что гуляла с Дигори Керком, а ноги промочила в какой-то луже в лесу. Ее спросили, в каком лесу; она сказала, что не знает. Может, это был не лес, а парк? Может быть; во всяком случае, похоже. В общем, мама Полли из уклончивых ответов дочери поняла, что девочка, никому не сказавшись, отправилась бродить по Лондону, заблудилась, попала в какой-то парк и там прыгала по лужам. Разумеется, Полли досталось; ей пообещали, что если такое повторится, к «мальчишке Керков» ее и близко не подпустят. Потом девочку накормили обедом и на два часа отправили в постель (в те времена такие воспитательные меры были в порядке вещей).

Короче говоря, пока Дигори глядел в окошко, Полли лежала в постели, и обоим казалось, что время ползет нестерпимо медленно. Пожалуй, Полли было попроще: ей надо было всего-навсего дождаться, пока истекут два часа наказания. А Дигори каждые пять минут вскакивал с мыслью: «Она!»,— но из-за поворота выезжал то кэб, то фургон бакалейщика, или пробегал по улице мальчишка из мясной лавки. Ожидание становилось все томительнее, стрелки на часах словно замерли, да и весь дом, казалось, погрузился в сон, разве только гудела под потолком жирная муха.

Но вот к двери подошла какая-то женщина. Дигори насторожился. Однако выяснилось, что это пришла знакомая тети Летти и принесла апельсины для мамы Дигори. Дверь в столовую была открыта, поэтому Дигори услышал, как тетя Летти говорит гостье:

— Большое вам спасибо. Какие чудесные апельсины! Ах, если б только они могли помочь бедняжке Мейбл! Боюсь, теперь ей помогут лишь плоды из сада вечной юности. — Тетя понизила голос, и разобрать, что она сказала еще, мальчик не сумел.

Услышь Дигори о саде вечной юности всего несколько дней назад, он бы решил, что тетя Летти говорит «иносказательно», как то заведено у взрослых, и не обратил бы на ее слова ни малейшего внимания. Но сейчас его как озарило! Ведь ему известно наверняка, что существуют другие миры кроме нашего; он сам побывал в одном из таких миров. Значит, вполне возможно, что сад вечной юности — не выдумка, что туда можно попасть на самом деле. Может быть, в каком-нибудь мире и вправду найдется плод, который спасет его маму!..

Когда чего-то отчаянно хочется, когда начинаешь надеяться, что твое желание сбудется, самое главное — справиться с собственным неверием, с мыслью, что надежда слишком хороша, чтобы быть правдой. Ведь сколько уже раз обманывала! Именно так чувствовал себя Дигори. С другой стороны, надежда могла и сбыться. Вон сколько всего невероятного произошло за это утро! Вдобавок у него есть магические кольца. Если понадобится, он обшарит все миры, в какие только можно попасть из леса. И мама выздоровеет!

Поглощенный этими мыслями, мальчик совсем забыл о ведьме. Его рука, словно сама собой, скользнула к карману, где лежало желтое кольцо, и тут он услышал топот копыт.

«Это еще что такое? — подумал он. — Пожарная команда? А где пожар? Елки-палки, да скачут-то сюда! Это она!»

Думаю, вы догадались, кого он имел в виду.

На улицу, накренившись на один бок, влетел конный экипаж. Место возницы пустовало, а на крыше экипажа, удивительным образом сохраняя равновесие, стояла королева Джадис, Великий Ужас Чарна. Зубы оскалены, глаза мечут молнии, длинные волосы развеваются на ветру, точно хвост кометы, в руке хлыст, которым она безжалостно хлещет лошадь. Животное широко раздувало ноздри, его бока были в пене; во весь опор подскакав к крыльцу и едва увернувшись от фонарного столба, лошадь встала на дыбы. Экипаж врезался в столб и развалился. Но королева при этом ничуть не пострадала — она ухитрилась в нужный момент ловко перепрыгнуть с крыши

экипажа на спину животному. Припала к гриве, принялась что-то нашептывать на ухо лошадке; та ничуть не успокоилась, наоборот, разъярилась пуще прежнего, заржала, словно закричала от боли, и снова встала на дыбы. Она била копытами, норовила укусить наездницу и даже сбросить наземь; но королева сидела как влитая.

Не успел Дигори опомниться, как на улицу влетел второй экипаж, из которого выскочили какой-то толстяк — и полисмен! Затем появился третий экипаж, сразу с двумя полисменами; за этим экипажем прикатили человек двадцать на велосипедах, в основном мальчишки-посыльные. Улица огласилась треньканьем велосипедных звонков и восторженными воплями. Наконец прибежали те, кому пришлось проделать путь, как говорится, на своих двоих: разгоряченная толпа собралась у крыльца дома Кеттерли. В соседских домах пораскрывались окна, из дверей высыпали слуги и служанки. Всем не терпелось увидеть то, что должно было произойти.

Между тем из обломков первого экипажа выбрался пожилой джентльмен. Несколько человек поспешили ему помочь; впрочем, все они тянули в разные стороны, так что в конце концов джентльмен оттолкнул их и попытался встать сам. Лица джентльмена Дигори не видел, но решил, что это не кто иной, как дядя Эндрю — в изрядно помятом цилиндре, надвинутом почти по самую шею.

Мальчик выскочил на улицу и присоединился к толпе зевак.

— Та самая женщина, констебль, та самая! — заходился в крике толстяк, тыкая пальцем в Джадис. — Хватайте ее! Арестуйте! Она меня ограбила, почитай что по миру пустила. Вон мое ожерелье у нее на шее. Смотрите, какой синяк она мне поставила!

— Точно, поставила, — подтвердили из толпы. — Классный синячище, приятель. Ну и здорова тетка!

— Приложите сырое мясо, мистер, — посоветовал мальчишка из мясной лавки. — Мигом пройдет.

— Ну-ка тихо! — прикрикнул старший из полисменов. — Что здесь происходит?

— Я же говорю... — начал было толстяк, но тут кто-то закричал:

— Старика не упустите! Он с ней заодно, я видел!

Пожилой джентльмен — это и вправду был дядя Эндрю — кое-как поднялся на ноги и теперь потирал ушибленные места.

— Итак, сэр, — спросил полисмен, поворачиваясь к нему, — что все это означает?

— Гарумпф... хрумпф... штумпф... — пробормотал дядя Эндрю из-под цилиндра.

— А ну, прекратите! — прикрикнул на него констебль. — Будет шутки шутить. Вылезайте из шляпы.

Сказать это было гораздо легче, чем сделать. Как ни старался дядя Эндрю, у него ничего не выходило. Тогда двое полицейских ухватились за поля и рывком стащили цилиндр с его головы.

— Спасибо, большое спасибо, — тихо проговорил дядя Эндрю. — Премного вам благодарен. Ну и денек, господи ты боже мой! Может, кто-нибудь плеснет мне бренди?..

— Минуточку, сэр, — перебил старший констебль, доставая внушительных размеров блокнот и крохотный карандаш. — Эта молодая особа находится на вашем попечении?

— Берегись! — крикнули сразу несколько голосов. Констебль отшатнулся — как нельзя более вовремя. Промедли он долю секунды, и копыто угодило бы точно ему в висок. Джадис поворотила лошадь мордой к толпе (задними копытами на тротуар) и длинным сверкающим ножом принялась резать постромки, чтобы освободить животное от упряжи.

Тем временем Дигори пытался подобраться поближе к ведьме. С ближней стороны путь перекрывала густая толпа. А чтобы подкрасться с дальней стороны, пришлось бы прошмыгнуть по узенькому пространству между конскими копытами и оградой дома Кеттерли. Если вы понимаете толк в лошадях (и если бы вы видели, в каком состоянии находилось несчастное животное), вам бы сразу стало ясно — дело табак. Дигори разбирался в лошадях, но все же он стиснул зубы и приготовился. Оставалось улучить момент.

Сквозь толпу протолкался краснолицый молодчик в шляпе-котелке.

— Эй, констебль, — сказал он, — это ведь моя коняга, на которой та девка расселась, и кэб тоже мой... был мой, щепки мне и даром не нужны.

— По одному, пожалуйста, по одному, — отвечал полисмен.

— Да погоди, констебль, — принялся втолковывать кэбмен. — Я ж говорю, это моя коняга. Уж я-то свою животину

завсегда отличу. Лошадка что надо, первый сорт! Папаша ейный в кавалерии служил, под офицером ходил. Коль девица эта ее и дале шпынять будет, она совсем загнется. Пусти-ка меня, я сам разберусь.

Полисмен посторонился, явно обрадовавшись случаю убраться подальше от копыт.

— Эй, барышня,— добродушно позвал кэбмен,— вы уж не ерзайте так, ладно? Я ее за морду схвачу, а вы слазьте да ступайте домой. Чайку попьете, соснете часок-другой, глядишь, и полегчает вам. Видать, вы из благородных, не пристало этим грубиянам над вами потешаться.

Он протянул руку к лошадиной морде.

— Тпру, Ягодка! Тише, старушка, тише...

И тут королева подала голос.

— Пес! — воскликнула она ледяным тоном, легко перекрыв гомон толпы.— Убери свои грязные лапы от нашего коня! Перед тобой императрица Джадис!

Глава 8
Битва у фонарного столба

— Да ну! — крикнул кто-то из толпы.— Неужто сама императрица? Ура императрице заднего двора! Ура!

Ведьма зарделась и величественно наклонила голову, но в следующее мгновение поняла, что над нею просто-напросто насмехаются. Ее лицо исказилось, она переложила нож в левую руку. А дальше произошло нечто совершенно ужасное: ведьма вытянула правую руку и без малейшего усилия, словно в том не было решительно ничего особенного, одним движением оторвала от фонарного столба железную поперечину. Быть может, она и утратила отчасти свою чародейскую силу, зато сил физических у нее, вне сомнения, оставалось предостаточно. Во всяком случае, брусок она отломила с такой легкостью, словно то было не железо, а кусок сахара. Ведьма подбросила брусок в воздух, поймала, взмахнула им над головой и направила лошадь на зевак.

«Пора!» — подумал Дигори и бросился вперед. Ему удалось целым и невредимым прошмыгнуть между забором и конскими копытами; теперь нужно было изловчиться и ухватить ведьму за пятку. Вдруг раздался глухой стук: это ведьма опустила железный брусок на голову старшему констеблю, и тот свалился как подкошенный.

— Быстрее, Дигори! Ее надо остановить,— проговорил кто-то у мальчика за спиной. Дигори обернулся и увидел Полли, которая выбежала на улицу, едва ей разрешили встать с постели.

— А я что делаю? Хватайся за меня. Кольца при тебе? Желтое, смотри не перепутай. И не надевай, пока я не крикну.

Между тем ведьма повергла наземь второго полисмена. Толпа сердито заворчала, послышались крики: «Стащите ее с коня! Камнем ее, камнем! Солдат надо вызвать!» Впрочем, продолжая шуметь, зеваки расступались и пятились, чтобы не подвернуться под тяжелую руку ведьмы. Скоро перед Джадис остался только кэбмен, самый храбрый (и самый добросердечный) из собравшихся; уворачиваясь от бруска, он по-прежнему норовил подобраться поближе к коню.

Толпа заревела, над головой Дигори просвистел камень. Внезапно над улицей раскатился голос ведьмы, подобный колокольному звону; и звучал он почти радостно:

— Чернь! Когда я завладею вашим миром, вы у меня за все заплатите! От вашего города и камня на камне не останется! Он станет таким, как Чарн! Как Фелинда, как Сорлуа, как Брамандин!

Дигори наконец удалось подобраться вплотную, и он схватил ведьму за лодыжку. Джадис съездила ему каблуком по зубам. От боли Дигори отпустил ее ногу. У него кровоточила губа, да и на языке ощущался привкус крови. Где-то неподалеку верещал дядя Эндрю: «Мадам!.. Моя дорогая юная леди!.. Ради всего святого!.. Успокойтесь!..» Дигори снова попытался схватить Джадис — и снова его отпихнули. Ведьма наносила поперечиной удары направо и налево, люди падали на мостовую. Дигори вцепился в ее ногу что было сил и крикнул Полли: «Давай!». В следующий миг...

Хвала небесам! Разъяренные лица исчезли, смолкли яростные вопли. Правда, где-то совсем рядом продолжал причитать дядя Эндрю:

— О боже мой! Неужели я брежу? Или умер? Это нечестно! Я не хотел быть чародеем. Это недоразумение. Моя крестная... я тут ни при чем... старый больной человек... старинный род...

— Тьфу ты! — вырвалось у Дигори.— Его нам только и не хватало! Сбежали, называется! Ты здесь, Полли?

— Здесь. Не толкайся, пожалуйста.

— Да я не... — начал было Дигори, но тут они вынырнули из озера и увидели знакомый лес — лес между мирами. Едва дети выбрались на берег, Полли воскликнула:

— Смотри! Мы и лошадь с собой забрали! И мистера Кеттерли! И даже кэбмена! Ну и компания!

Стоило ведьме заметить, что они вновь очутились в лесу между мирами, она побледнела и уткнулась лицом в гриву Ягодки. Казалось, она вот-вот свалится наземь. Дядя Эндрю дрожал с головы до ног. Лошадь же тряхнула головой, испустила веселое ржание и успокоилась — впервые с тех пор, как Дигори ее увидел. Уши больше не были прижаты, жуткий огонь в глазах погас.

— Вот и ладно, старина, — проговорил кэбмен, поглаживая Ягодку. — Вот и славно.

И тут лошадь сделала самую естественную в мире вещь. Ей захотелось пить (что ничуть не удивительно — вспомните, сколько несчастному животному пришлось пережить), и она медленно подошла к ближайшему озерцу и ступила в воду. Дигори все еще держал ведьму за пятку, Полли крепко сжимала руку мальчика, кэбмен приложил ладонь к шее Ягодки, а дядя Эндрю, который едва стоял на ногах, вцепился в другую руку кэбмена...

— Скорее! — прошептала Полли. — Зеленые!

Лошади так и не удалось утолить жажду. В следующий миг вся компания очутилась в кромешной тьме. Лошадь заржала, дядя Эндрю испуганно заскулил.

— Везет же нам! — проворчал Дигори.

Остальные молчали. Наконец Полли спросила:

— А разве мы не должны были куда-то попасть?

— Мы и попали, — отозвался Дигори. — Я вообще-то стою на чем-то твердом.

— И я тоже. Как странно! А почему так темно? Может, мы забрались не в то озеро?

— Сдается мне, это все-таки Чарн, — сказал Дигори. — Просто сейчас ночь...

— Это не Чарн, — подала голос ведьма. — Это пустота, великое Ничто.

Мир, в котором они очутились, и вправду был поразительно пуст. На небе ни звездочки. Тьма непроглядная, не видно ничегошеньки, так что все равно — открыты у тебя глаза или закрыты. Под ногами что-то твердое и плоское — навер-

ное, земля, но уж точно не трава и не дерево. Холодный воздух обжигал горло, но ветра не было и в помине.

— Пробил мой час,— отрешенно произнесла ведьма.— От судьбы не уйдешь.

— Моя дорогая юная леди, не говорите таких слов! — всполошился дядя Эндрю.— Умоляю вас, ради всего святого! Неужели все настолько ужасно? Кэбмен, друг мой, не найдется ли у вас маленькой фляжечки с чем-нибудь крепким? Капля спиртного, знаете ли,— именно то, что мне сейчас нужно.

— Ну-ну,— раздался спокойный голос кэбмена.— Не падайте духом, ребята! Кости у всех целы? Отлично! За одно это спасибо сказать стоит — вон мы с какой верхотуры грохнулись. Верно, в котлован свалились, может, где метро копают. Так ведь придут же, в конце концов, и всех вытащат, уж поверьте. Ну, а коли мы уже на том свете — на что оченно даже похоже,— что ж, всем помереть суждено, не мы первые. И бояться нечего, ежели честно жизнь прожил. А покуда давайте-ка время скоротаем и гимн споем.

Не дожидаясь ответа, он завел благодарственный гимн, который обычно поют в пору жатвы, когда «весь урожай лег в закрома». Песня эта вряд ли подходила к месту, где от начала времен не выросло ни травинки, но других мест кэбмен толком не помнил. Голос у него был сильный и приятный. Дети стали подпевать — и немножко приободрились. Дядя Эндрю с ведьмой хранили молчание.

Внезапно Дигори почувствовал, что кто-то дергает его за рукав. Судя по запаху сигар и бренди, это был дядя Эндрю, и он пытался отвести мальчика в сторонку. Дигори нехотя подчинился. Отойдя на несколько шагов, профессор прошептал на ухо Дигори:

— Пора, мой мальчик. Надевай кольцо, и бежим отсюда.

Но ведьма, обладавшая на редкость острым слухом, отлично все расслышала.

— Глупец! — воскликнула она, спрыгивая с лошади.— Или ты забыл, что я читаю в сердцах? Отпусти мальчишку. Если ты замыслил предательство, оно тебе дорого обойдется. Я покараю тебя так, как еще не карали никого и никогда ни в одном из миров!

— А если вы решили,— прибавил Дигори,— что я брошу тут Полли и кэбмена с лошадкой, то здорово промахнулись. Не все такие свиньи...

— Ты избалованный, несносный мальчишка! — процедил дядя Эндрю.

— Тсс! — прошипел кэбмен.

Все замолчали.

В мире кромешной тьмы наконец-то начало что-то происходить. Из мрака донесся голос, выводивший песню. Трудно было сказать, откуда он доносился; этот голос то надвигался разом со всех сторон, то словно вырывался из-под земли. Низкие звуки были настолько глубоки, что невольно чудилось, будто их издает сама земля. Слов в песне не было, да и мелодии тоже. Но все равно, то была самая прекрасная из всех песен, какие когда-либо слышал Дигори. Ягодка тихонько заржала, будто после долгих лет в упряжи вернулась на луг, где играла еще жеребенком, и будто кто-то, кого она помнила и любила, шел к ней через луг с куском сахара в руке.

— Красотища-то какая! — прошептал кэбмен.

В следующее мгновение случились одновременно два чуда. Во-первых, к поющему голосу присоединились и другие, и этих голосов было не счесть. Они вторили первому, но поднимались гораздо выше; звонкие голоса, похожие на серебристые льдинки. Во-вторых, мрак над головами усеяли мириады звезд. И появились звезды не постепенно, не одна за другой, как обычно бывает летними вечерами; нет, они высыпали все сразу. Только что небо было черным и пустым — и вот уже на нем сияют тысячи и тысячи огоньков. Звезды, созвездия, планеты, все ярче и крупнее, чем в небе над нашим миром... Услышь ты эти голоса и увидь звезды, как услышал и увидел их Дигори, ты бы тоже наверняка решил, что поют сами звезды и что явиться на небосклоне и петь им велел Первый Голос.

— Господи! — выдохнул кэбмен.— Знал бы, что такое бывает, глядишь, по-другому бы жизнь прожил.

Между тем Первый Голос становился все громче, теперь в нем звучала торжествующая нота; а другие голоса делались все тише, словно уступая и отдаляясь. И начало происходить кое-что еще.

Вдалеке, у самого горизонта, небо посветлело; задул легкий, почти неощутимый ветерок. С каждой минутой становилось все светлее, из темноты понемногу проступали очертания далеких холмов. А Первый Голос продолжал петь.

Вскоре уже можно было разглядеть лица. Дети и кэбмен взирали на происходящее широко раскрытыми глазами. Они упивались торжествующей песнью, и вид у них был такой, словно они потихоньку вспоминали нечто давно позабытое. Дядя Эндрю имел ошарашенный вид. Казалось, еще чуть-чуть — и у него от изумления отвалится нижняя челюсть: так широко он разинул рот. Колени профессора подгибались, голову он втянул в плечи и вообще выглядел так, будто готов забраться в крысиную нору, только бы не слышать Песни. А ведьма, чудилось, понимала Голос лучше, чем кто-либо другой. Губы ее были плотно сжаты, пальцы стиснуты в кулаки. Едва началась Песнь, Джадис ощутила присутствие магии, куда более могущественной, нежели ее собственная. И эта магия была ей ненавистна. Если бы только она могла, она разнесла бы сумрачный мир в клочья, уничтожила бы саму память о нем, лишь бы остановить Песнь. Лошадь прислушивалась к Песне, прядая ушами, время от времени фыркала и била копытом. Кстати сказать, Ягодка более не была похожа на заморенную животину; теперь при взгляде на нее как-то сразу верилось, что ее отец служил в кавалерии.

Небо на востоке сделалось розовым, затем приобрело золотистый оттенок. Голос сотрясал воздух громовыми раскатами. Когда же он обрел немыслимую мощь и взлетел на невероятную, недосягаемую высоту, над сумрачным миром взошло солнце.

Такого солнца Дигори в жизни не видел. Светило Чарна выглядело умирающим, а это было совсем юным. Казалось, оно смеется от радости, поднимаясь над горизонтом. Когда его лучи упали на землю, сумрак бежал и наконец-то стали видны окрестности. По широкой долине текла река, неся свои бурливые воды на восток, к солнцу. На юге высились горы, на севере виднелась гряда холмов. И кругом, куда ни посмотри, камни да голая земля — ни деревца, ни кустика, ни даже былинки. Только пестрые краски земли, живые, сочные, жаркие, веселили сердце.

Тут появился Певец — и все остальное было мгновенно забыто.

Это был Лев. Огромный, косматый, с золотистой гривой, он стоял неподалеку, повернувшись к восходящему солнцу. Из его разверстой пасти лилась Песнь.

— Какой ужасный мир! — проговорила ведьма. — Бежим отсюда, немедленно. Приготовь свои чары, шут.

— Полностью с вами согласен, мадам, — отозвался дядя Эндрю. — Приличным людям тут делать нечего. Никакой цивилизации. Будь я помоложе и прихвати с собой ружье...

— И что тогда? — перебил кэбмен. — Неужто вы бы его пристрелили?

— Пускай бы только попробовал, — пробормотала Полли.

— Приготовь чары, шут, — повторила ведьма.

— Сию секунду, мадам, — профессор подмигнул Дигори. — Нужно, чтобы дети взяли меня за руки. Надевай колечко, Дигори, — он явно рассчитывал сбежать от ведьмы.

— Так магия в кольце? — вскричала Джадис и попыталась схватить Дигори. Ее движение было стремительным, как бросок кобры, но мальчик все же оказался проворнее.

Он отскочил, схватил за руку Полли и воскликнул:

— Стойте! Еще один шаг — и мы исчезнем, а вы застрянете тут навсегда. Да, у меня в кармане лежит кольцо, которое перенесет нас с Полли домой. Стоит мне сунуть руку в карман — и фьюить! Простите, пожалуйста, — прибавил Дигори, обращаясь к кэбмену, — вы нам ничего плохого не сделали, и лошадку вашу мне жалко, но иначе никак нельзя. А вы, — он повернулся к ведьме и профессору, — вы оба чародеи, так что вам будет чем заняться...

— Ну-ка тихо! — прикрикнул кэбмен. — Дайте музыку послушать.

Пока они переругивались, Песнь изменилась.

Глава 9
Основание Нарнии

Новая Песнь звучала иначе — нежнее и возвышеннее, нежели та, которой Лев пробудил солнце и звезды; она плыла по-над пустынной землей, растекалась по долине, проникая, казалось, в самые отдаленные уголки. И всюду, куда бы Лев ни ступал, появлялась зеленая трава. И с каждой секундой трава разрасталась, волной взбегала по склонам холмов, подбиралась все ближе к подножиям гор, преображая еще недавно сумрачный мир. Под шелест травы по склонам потянулся вереск. Тут и там стали возникать темно-зеленые лужайки: одна такая лужайка появилась прямо нод ногами у Дигори. На глазах у мальчика из-под земли вырвался остроконечный стебель. Выбрасывая дюжины отростков, мгновенно покрывавшихся зеленью, этот стебель рос и рос, и наконец Дигори догадался, что это такое.

— Деревья! — воскликнул мальчик.

К несчастью, насладиться этим зрелищем без помех детям не удалось. Дядя Эндрю подкрался к Дигори и попытался запустить руку в карман племянника; хорошо, что Дигори успел отскочить. Конечно, даже преуспей профессор Кеттерли в своих намерениях, ничего особенно страшного не случилось бы — ведь он норовил залезть в правый карман племянника, а там лежало не желтое, а зеленое кольцо. Но все равно было неприятно.

— Стой! — крикнула ведьма. — Отойди! Еще дальше! — Она взмахнула железной перекладиной, которую по-прежнему сжимала в руке. — Только попробуй снова к ним подойти, и я размозжу тебе голову. — В том, что это не пустая угроза, сомневаться не приходилось. — Выходит, ты решил удрать вместе с мальчишкой и бросить меня здесь? Отвечай, шут!

Дядя Эндрю наконец-то рассердился настолько, что забыл о своем страхе перед ведьмой.

— Вот именно, мэм, — дерзко ответил он. — С превеликим удовольствием. И кто бы, смею спросить, меня в том упрекнул? До сих пор со мной обращались самым недостойным, самым постыдным образом! Я прилагал все усилия, чтобы выказать вам свое уважение. А что взамен? Вы ограбили — не побоюсь этого слова, ограбили — весьма почтенного ювелира. Вы настояли на роскошном, если не сказать разорительном, обеде в вашу честь; между прочим, мне для этого пришлось заложить свои часы и ценочку, а в нашем роду, мэм, по ростовщикам ходить не принято. Разве что мой беспутный кузен Эдвард к ним захаживал, так ведь он служил в армии. А в течение сей трапезы, которая по вашей вине превратилась для меня в настоящую пытку, вы держали себя так, что на нас стали чуть ли не пальцами показывать! Вы публично унизили меня, мадам! Вы нанесли непоправимый урон моей репутации! Вы оскорбили полицию! Вы украли...

— Хватит, приятель, хватит, — перебил кэбмен. — Гляньте лучше, эвон какие дела творятся!

Посмотреть и вправду было на что. Деревце, выросшее под ногами Дигори, превратилось в громадный раскидистый бук, важно покачивавший ветвями. В зеленой траве, ковром покрывавшей долину, сверкали ромашки и лютики. Поодаль, на речном берегу, выросли ивы, клонившиеся к воде. На дальнем берегу виднелись цветущие заросли смородины, сирени, шиповника и рододендрона.

Должно быть, трава была неописуемо вкусной — во всяком случае, Ягодка уписывала ее, как говорится, за обе щеки.

Лев тем временем продолжал свою Песнь, величаво ступая по пышному зеленому ковру. И с каждым шагом он подходил все ближе к детям и их спутникам. Полли вслушивалась, пожалуй, внимательнее других, ибо ей чудилось, что она замечает связь между Песнью и тем, что происходит вокруг. Стоило льву издать низкую протяжную ноту, как на гребне одного из холмов поднимались темно-зеленые ели. А когда он взял череду нот повыше, повсюду в траве зазолотились примулы. Замершей от восторга девочке казалось, что Лев творит, или, как она рассказывала впоследствии, «придумывает» мир. Вслушиваясь в Песнь, можно было мысленным взором увидеть, о чем в ней поется; а оглядевшись, можно было узреть воплощенную Песнь воочию. Словом, Полли была на верху блаженства и совсем не испугалась того, что Лев приближается. Но Дигори и кэбмен не могли побороть тревоги. Что касается дяди Эндрю, стучавшего зубами от ужаса, он и рад был бы убежать, да его ноги стали совсем ватными и не желали слушаться.

Внезапно ведьма шагнула навстречу льву, который был уже метрах в десяти, не дальше, и метнула железную перекладину прямо ему в голову.

С такого расстояния не промахнулся бы и последний мазила, не то что Джадис. Перекладина угодила льву между глаз — отскочила и с глухим стуком упала наземь. А Лев не замедлил и не ускорил шага, словно ничего и не произошло; по его виду нельзя было даже догадаться, почувствовал ли он удар. Львиные лапы ступали бесшумно, но земля, казалось, подрагивала под его тяжестью.

Ведьма завопила и бросилась бежать; миг-другой снустя она уже скрылась за деревьями. Дядя Эндрю было попятился, но запнулся о корень и рухнул лицом в ручеек, с журчанием сбегавший к реке. Дети замерли, не зная, хочется им хотя бы пошевелиться. Лев не обратил на них ни малейшего внимания. Из его раскрытой пасти по-прежнему лилась песня. Он прошел так близко, что можно было прикоснуться к его гриве. Дети испугались, что вот сейчас зверь остановится и обернется; а в глубине души, как ни удивительно, им хотелось, чтобы он обернулся. Но впечатление было такое, будто Лев не видит их и не чувствует их запаха. Отойдя на несколько шагов, он

повернулся и двинулся обратно, снова миновал детей и направился дальше.

Дядя Эндрю отважился приподнять голову.

— Дигори, мальчик мой, — выговорил он, откашлявшись и утерев лицо, — мы избавились от этой ужасной женщины, а злобный зверь нас не тронул. Дай же мне свою руку и надень кольцо.

— Руки прочь! — крикнул Дигори, отступая. — Держись от него подальше, Полли. Встань рядом со мной. Дядя Эндрю, если вы сделаете хотя бы шаг, мы исчезнем.

— Делайте, что вам сказано, сэр! — рассердился профессор. — Невоспитанный, неблагодарный, избалованный мальчишка!

— Кто бы говорил! — хмыкнул Дигори. — Мы хотим посмотреть, что будет дальше. А вам разве тут не нравится? Вы же так хотели повидать другие миры.

— Нравится? — изумился дядя Эндрю. — Только посмотри, во что превратился мой лучший костюм! — Выглядел он и вправду кошмарно; и то сказать, чем платье наряднее, тем больше ему достанется, коли его хозяин то выбирается из-под обломков кэба, то падает в илистый ручей. — Разумеется, это место довольно примечательное. Будь я помоложе... О! Надо бы заслать сюда кого-нибудь молодого. Скажем, охотника на крупную дичь. Нет, одного будет маловато... А когда они наведут здесь порядок, и приличным людям можно будет прийти. Климат тут замечательный. Какой свежий воздух! Он, несомненно, пошел бы мне на пользу — при иных, более благоприятных обстоятельствах. Ах, если бы у нас было ружье!..

— Разрази меня гром, хозяин! — вмешался кэбмен. — О каких это вы ружьях толкуете? Пойду-ка я, пожалуй, искупаю Ягодку. По мне, так моя лошадка поумнее вашего будет. — Он подошел к Ягодке и стал оглаживать животное, что-то тихонько приговаривая.

— Вы что, до сих пор думаете, что этого зверя можно застрелить? — спросил Дигори. — Той железяки он и не заметил.

Дядя Эндрю вдруг оживился.

— При всех ее недостатках, мой мальчик, эта дама не робкого десятка. — Он потер руки и похрустел суставами, словно в очередной раз запамятовал, какого страху нагоняла на него ведьма, когда оказывалась поблизости. — С ее стороны это было весьма достойно.

— Это было отвратительно,— вмешалась Полли.— Что плохого ей сделал Лев?

— Эге! — воскликнул Дигори.— А это что такое? — Он наклонился к земле.— Полли, ты только посмотри!

Девочка подбежала к нему, а следом подошел и дядя Эндрю. Не то чтобы ему было интересно, вовсе нет: он всего лишь старался держаться поближе к детям — а вдруг представится шанс стащить кольцо. Впрочем, находка Дигори не оставила профессора безучастным. Из земли возник фонарный столб, самый настоящий, разве что совсем крохотный; этот столб на глазах рос и утолщался, подобно тому, как росли деревья.

— Он живой! — с восторгом проговорил Дигори.— Глядите, светится! — Фонарь и вправду мерцал желтым, хотя чтобы заметить это мерцание, нужно было хорошенько приглядеться — слишком уж ярок был солнечный свет.

— Поразительно, просто поразительно,— пробормотал дядя Эндрю.— Даже мне не могло присниться подобное волшебство. В этом мире оживает и растет все, даже фонарные столбы! Любопытно, из какого семени вырос этот столб?

— Из того самого,— ответил Дигори.— Сюда упала та перекладина, которую ведьма отломала от фонарного столба у нас дома. Она провалилась под землю, и теперь из нее вырос новый столбик. (Надо сказать, что «столбик» уже был ростом с Дигори.)

— Ну, конечно! Чудо, истинное чудо! — Дядя Эндрю захрустел суставами сильнее прежнего.— Ха! Они потешались над моей магией! Эта глупая женщина, твоя тетка, считала меня безумцем! А что бы они сказали на это? Я открыл новый мир, восхитительный, дивный мир, исполненный жизни. Колумб, говорите? Да кто такой этот ваш Колумб рядом со мною? Мой мальчик, ты представить себе не можешь, какие передо мной открываются возможности! Доставить сюда груду металлолома, закопать ее в землю — и пожалуйста, расти себе новые локомотивы, корабли, да что угодно! И бесплатно, заметь, совершенно бесплатно! А в Англии их можно будет продать за кругленькую сумму! Я стану миллионером! А климат! Я словно помолодел на добрых двадцать лет. Можно устроить здесь курорт. Санаторий будет приносить двадцать тысяч годовых. Разумеется, одному мне не справиться, придется кое-кого нанять. Но первым делом нужно прикончить эту зверюгу.

— Вы прямо как ведьма, — осуждающе проговорила Полли. — Все бы вам кого-нибудь убить.

— И самое главное, — мечтательно продолжал профессор, словно не расслышав. — Поселившись здесь, я наверняка проживу гораздо дольше. А в моем возрасте это немаловажно, уж поверьте человеку, которому перевалило за шестьдесят. Признаться, я ничуть не удивлюсь, если за год, проведенный тут, не постарею ни на день. Чудо, истинное чудо! Страна вечной юности!

— Страна вечной юности! — с замиранием сердца повторил Дигори. — По-вашему, это она и есть? — Ему сразу вспомнились слова той дамы, которая приносила апельсины его маме, и в сердце мальчика вновь вспыхнула надежда. — Дядя Эндрю, а может, тут найдется лекарство для мамы?

— Не мели чепухи! — отмахнулся профессор. — Это тебе не аптека! Так вот, я говорил...

— Вам на нее наплевать! — закричал Дигори. — Только о себе и думаете! А моя мама, между прочим, ваша родная сестра! Ну и шиш с вами! Пойду спрошу у льва; может, он мне подсобит, — и с этими словами мальчик решительно двинулся прочь. Полли помедлила, а затем побежала за ним.

— Погоди! — крикнул вслед девочке профессор. — Вернись! Мальчишка спятил! — Но Полли и не подумала остановиться, так что дяде Эндрю волей-неволей пришлось последовать за ней. Он старался особенно не отставать, но и не спешил нагонять детей, чтобы не очутиться вдруг слишком близко ко льву.

Дигори дошел до лесной опушки — и замер. Прямо перед ним стоял Лев. Зверь по-прежнему пел, но это была уже новая Песнь. В ней появилась мелодия, и в то же время она стала какой-то яростной, даже неистовой. Под нее хотелось бегать, прыгать, карабкаться на деревья, вопить, бросаться к первым встречным с распростертыми объятиями — или чтобы надавать им тумаков... Слушая Песнь, Дигори весь раскраснелся. Краем уха он расслышал, как дядя Эндрю бормочет: «Какая женщина, сэр! Сколько сил, сколько достоинства! Конечно, нрав у нее уж чересчур горячий, но кто из нас не без греха, сэр? А в остальном — какая женщина!»

И под эту Песнь мир вокруг снова преобразился.

Попробуйте представить себе долину, земля в которой кипит точно вода в котле. Да, земля именно кипела, бурлила, по

ней словно пробегали волны; и повсюду вспухали кочки, некоторые точь-в-точь как холмики, какие оставляют кроты; другие покрупнее, размерами с бочку, а самые большие были с двухэтажный дом. Эти кочки содрогались, лопались, разлетаясь комьями земли, и из каждой появлялось какое-нибудь животное. Из маленьких выбирались кроты — точно так же, как где-нибудь в Англии; собаки принимались лаять, едва высунув из-под земли головы, и бешено дергали лапами, будто протискиваясь сквозь дыру в заборе. У оленей сперва высовывались рога — сначала Дигори принял их за деревья. Лягушки выскочили из-под земли у реки и тут же с громким плеском попрыгали в воду и громко заквакали. Пантеры, леопарды и другие кошки, большие и маленькие, немедленно стали умываться, а покончив с этим, взялись точить когти о стоявшие поблизости деревья. С деревьев стаями срывались птицы. Над травой порхали бабочки, пчелы сразу же поспешили к цветам, будто их подгонял невидимый кнут. А удивительнее всего было, когда лопнула самая большая кочища — с таким грохотом, что земля под ногами содрогнулась, — и из нее показался длинный хобот, затем появилась крупная голова с обвислыми ушами, и наконец, тяжело ступая и отфыркиваясь, на поверхность вылез огромный слон. Песни льва было не различить, ее заглушали всевозможные звуки — рычание, мычание, блеянье, кваканье, лай, щебет, ржание, карканье, урчание, мяуканье, шипение и сопение.

Дигори стоял как завороженный, не в силах отвести взгляд от Льва. Громадный золотистый зверь величаво расхаживал среди животных, которые, похоже, ничуть его не боялись. Внезапно за спиной у мальчика послышался топот копыт; мгновение спустя Ягодка проскакала мимо Дигори и присоединилась к остальным животным. (Надо заметить, что воздух этого мира пошел на пользу не только дядюшке Эндрю. Ягодка ничем не напоминала себя прежнюю, усталую, замореннную лондонскую клячу; теперь это была крепкая и бодрая лошадка, с пышной гривой и гордо выгнутой шеей.) И тут Дигори сообразил, что Песнь оборвалась. Лев замолчал, но не остановился. Продолжая расхаживать среди животных, он то и дело подходил к какой-нибудь паре (непременно к паре) и терся с ними носами. Так он выбрал двух бобров, двух леопардов, оленя с ланью... К некоторым животным он не подходил вовсе. Те, кого выбрал Лев, следовали за ним, словно забыв о своих со-

родичах. Наконец Лев остановился. Все животные, которых он выбрал, выстроились широким кругом, так что Лев оказался в центре. А те, кого не выбрали, начали потихоньку разбредаться кто куда. Шум постепенно стих в отдалении. Избранные животные не издавали ни звука и неотрывно глядели на льва. Все стояли неподвижно, лишь кошки изредка подергивали хвостами. Впервые с начала этого мира, в нем установилась тишина; ее нарушало только журчание воды. Сердце Дигори, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди; мальчик чувствовал, что сейчас произойдет нечто особенное, нечто очень и очень важное. Он вовсе не забыл о своей маме; просто он понимал, что пока ему лучше не вмешиваться.

Лев не мигая глядел на животных, словно хотел испепелить их своим взглядом. И под его пристальным взором животные мало-помалу менялись. Самые маленькие — кроты, кролики и прочие — как будто подросли, а самые большие — это было легко заметить по слонам — стали чуть поменьше. Многие поднялись на задние лапы и склонили головы, словно к чему-то прислушиваясь. Лев раскрыл пасть и дохнул на животных; его теплое дыхание обежало круг, как ветерок обегает рощицу. Издалека, с неведомых высот за голубизной небес, снова донеслась песня звезд — прозрачная, холодная, загадочная. Сверкнула огненная вспышка (но никто не обжегся); она сорвалась то ли с неба, то ли с львиной гривы. Детям почудилось, будто кровь у них в жилах вспыхнула, и тут над долиной раскатился голос, звучнее и царственнее которого они в жизни не слышали:

— Нарния, восстань! Нарния, пробудись! Люби! Мысли! Говори! Да ходят твои деревья! Да говорят твои звери! Да оживут твои воды!

Глава 10
Первая шутка и другие события

Голос, конечно же, принадлежал льву. Дети уже давно подозревали, что зверь умеет говорить, теперь они удостоверились в этом воочию — и все равно испытали потрясение.

Из-за деревьев выступили лесные боги и богини, за ними следовали фавны, сатиры и гномы. Со дна реки поднялся речной бог, окруженный своими дочерьми-наядами. И все они, а с ними звери и птицы, на разные голоса, высокие, низкие, тоненькие и могучие, восклицали:

— Славься, Эслан! Слышим и повинуемся! Мы пробудились. Мы любим. Мы мыслим. Мы говорим. Мы знаем.

— Но вот знать хотелось бы побольше, — проговорил кто-то скрипучим голосом. Увидев этого «кого-то», дети даже подскочили от неожиданности, ибо то была их старая знакомая, лошадь Ягодка.

— Милая Ягодка, — сказала Полли. — Я рада, что ее тоже выбрали.

Кэбмен, который тем временем присоединился к детям, проворчал:

— Чтоб мне пусто было! Я всегда говорил, что этой лошадке ума не занимать.

— Живые существа! — раскатился над поляной величественный голос Эслана. — Я даю вам жизнь. Даю вам навсегда эту страну Нарнию, с ее лесами, плодами и реками. Даю вам солнце и звезды — и отдаю себя. Глуные животные, которых я не выбрал, тоже ваши. Будьте с ними ласковы, взращивайте их и пестуйте, но не возвращайтесь к их повадкам, иначе утратите Дар Речи. Ибо вы были избраны не для того, чтобы вновь утратить разум.

— Мы слышим, Эслан! Мы повинуемся! — хором ответили птицы и животные.

И вдруг в тишине, наступившей вслед за этим, раздался громкий голос какой-то галки:

— Не боись!

Вам, наверное, известно, как это бывает — скажешь что-нибудь этакое в гостях, и все поворачиваются и глядят на вас так, будто в первый раз видят... Галка и сама испугалась собственной дерзости, а когда другие птицы и животные обернулись к ней, она со стыда сунула голову под крыло, словно собираясь спать. И тут все зафыркали, засопели, стали издавать иные забавные звуки. Животные смеялись! Впрочем, они тут же притихли, но Эслан изрек:

— Не бойтесь смеяться! Вы уже не бессловесные неразумные твари, и вам нет надобности все время быть серьезными. Из речи рождается справедливость, и с речью приходят шутки.

Началось такое веселье, что даже галка вновь набралась храбрости и уселась прямо на голову Ягодки.

— Эслан! — вскричала она, взмахивая крыльями. — Неужто я сотворила нервую шутку? Теперь все будут знать, что нервой ношутила галка!

— Увы, мой маленький друг,— откликнулся Лев.— Ты не сотворила шутку, ты сама стала первой шуткой.— Все захохотали громче прежнего, и галка смеялась вместе со всеми — до тех пор, пока лошадь не тряхнула головой и птица от неожиданности не свалилась (правда, она быстро вспомнила, что у нее есть крылья, и воспарила над землей).

— Нарнии быть! — продолжал Эслан.— И нам надлежит беречь ее. Придите же на мой совет, ты, старший гном, и ты, речной бог, ты, дуб, и ты, филин, и вы, оба ворона, и ты, слон. Мы должны решить, как нам поступить. Ибо, хотя этому миру всего пять часов от роду, в него уже проникло зло.

Те, кого он назвал, вышли из круга и следом за львом двинулись куда-то на запад. Прочие недоуменно зашушукались:

— Что он сказал? Козло? А что такое козло? Нет, он сказал «клозло». А это что?

— Слушай, я пойду за ними,— сказал Дигори.— Я должен поговорить со львом. С Эсланом.

— Думаешь? — усомнилась Полли.— Мне бы духу не хватило.

— Я должен,— повторил Дигори.— Насчет мамы, понимаешь? Если в этом мире есть лекарство, которое ей поможет, я должен его найти. А других спрашивать бесполезно.

— Я с тобой, паренек,— вмешался кэбмен.— Мне этот зверь нравится, а остальных чего бояться? Да и с Ягодкой словечком перекинусь.

Полли нерешительно кивнула, и вот они втроем смело — или почти смело — двинулись туда, где собрались животные. Все были так заняты разговором, что заметили троих людей, только когда те подошли вплотную. (Краем уха Дигори услышал крики дяди Эндрю, который по-прежнему дрожал с головы до ног, не рискуя приближаться: «Дигори, немедленно вернись! Кому говорят, глупый мальчишка! Ни шагу дальше!»)

Наконец животные заметили посторонних, разом замолчали и новернулись к ним.

— Во имя Эслана! — воскликнул бобр.— Это еще что такое?

— Пожалуйста,— начал было дрожащим голосом Дигори, но его перебил кролик:

— Сдается мне, это ходячий салат.

— Мы не салат, честное слово, — возразила Полли. — Мы совсем невкусные.

— Ого! — вскричал крот. — Они говорят! А салат говорить не умеет.

— Может, это вторая шутка? — предположила галка.

Пантера на мгновение перестала умываться и сказала:

— Если так, то первая была куда лучше. В них нет ничего забавного. — Она зевнула и вернулась к прерванному занятию.

— О, пожалуйста, — взмолился Дигори, — пропустите нас. Мне очень нужно повидать льва.

Кэбмен все это время пытался перехватить взгляд Ягодки и наконец добился своего.

— Ягодка, старушка, — проговорил он, — ты ж меня знаешь. Мы ведь с тобой давние друзья. Неужто не признала?

— О чем говорит это существо, лошадь? — спросили разом несколько голосов.

— Не знаю, — задумчиво ответила Ягодка. — Мысли мои разбегаются... Но я смутно припоминаю, что уже видела что-то похожее. Помнится, я жила в каком-то другом месте... была где-то не здесь... до того как Эслан пробудил всех нас. Нет, не вспомнить... Точно сон... И в этом сне были вот такие штуки...

— Чего? — возмутился кэбмен. — Ты меня не помнишь?! А кто тебя распаренным овсом кормил, когда ты хворала, а? А бока твои отмывал? А попоной накрывал в холода? А теперь меня, вишь, и признавать не желают!

— Я и вправду что-то припоминаю, — проговорила лошадь. — Погодите, погодите, не торопите меня... Да, ты привязывал ко мне какую-то ужасную черную штуковину, а потом хлестал меня, чтобы я бежала... И как я ни спешила, эта штуковина не отставала и вечно дребезжала сзади...

— Что ж, жизнь была такая, — отозвался кэбмен. — И тебе доставалось, и мне. Не будь коляски да кнута, не было бы ни стойла, ни сена с овсом. Разве я тебя овсом не баловал, когда получалось?

— Овсом? — Ягодка насторожила уши. — Я, кажется, начинаю вспоминать... Да, память возвращается. Ты всегда сидел сзади, а я вечно бегала и тащила за собой тебя и ту черную штуку. Ты отдыхал, а я трудилась.

— Что было, то было, — подтвердил кэбмен. — Летом ты парилась, а я прохлаждался. А вот зимой все было наоборот,

старушка: тебе было тепло, а я замерзал — ноги что ледышки, нос того и гляди отвалится, руки поводьев не держат...

— Плохой был мир,— сказала Ягодка.— Никакой травы, одни камни.

— Верно, подружка, ох, как верно! — подхватил кэбмен.— Плохой мир, жестокий. И по камням лошадке бегать негоже, я всегда это говорил. Лондон, разрази его гром! Уж поверь, мне там нравилось не больше твоего. Мы с тобой оба деревенские. Я, знаешь ли, в хоре церковном пел, было дело... Эх, кабы не нужда, никуда бы не уезжал...

— Пожалуйста! — воскликнул Дигори.— Лев уходит! Пожалуйста, пропустите меня! Мне очень нужно поговорить с ним.

— Послушай, Ягодка,— сказал кэбмен.— Мальцу и впрямь надобно потолковать с вашим львом, которого вы Эсланом зовете. Может, согласишься подвезти его? Сделай уж мне одолжение, по старой-то памяти. А мы с барышней сами дойдем.

— Подвезти? — переспросила Ягодка.— О, я вспомнила! Он сядет мне на спину, правильно? Один из вас, двуногих, так уже делал — там, в другом мире. Он давал мне маленькие белые кусочки... Какие они были вкусные, слаще травы!

— А, сахар! — догадался кэбмен.

— Пожалуйста, Ягодка,— снова взмолился Дигори,— разреши мне сесть на тебя и отвези меня к Эслану.

— Ладно,— согласилась лошадь.— Отчего же не подвезти? Залезай!

— Молодчина, Ягодка,— похвалил кэбмен.— Ну-ка, молодой человек, дай подсоблю.— Он подсадил Дигори и помог мальчику взобраться на спину лошади.

Дигори и раньше приходилось ездить верхом без седла — на своем пони.

— Поехали, Ягодка,— сказал он.

— У тебя случайно не найдется этого белого вкусненького? — спросила лошадь.

— Боюсь, что нет,— ответил мальчик.

— Бывает,— вздохнула Ягодка, и они тронулись в путь.

В этот миг бульдог, к чему-то принюхивавшийся и пристально глядевший в сторону, воскликнул:

— Глядите! Вон еще один двуногий — у реки, на опушке!

Животные дружно повернулись и уставились на дядю Эндрю, тщетно старавшегося спрятаться среди рододендронов.

— Бежим к нему! Посмотрим, кто он такой! — закричали животные наперебой.

И вот, покуда Ягодка уносила Дигори в одном направлении (а Полли с кэбменом шли следом), другие животные, кто с лаем, кто с рыком или фырканьем, устремились к профессору Кеттерли.

Теперь нам нужно вернуться немного назад и взглянуть на все происходящее глазами дяди Эндрю. Разумеется, он воспринимал все иначе, чем дети или кэбмен. Ведь то, что человек видит и слышит, во многом зависит от того, где он находится,— а еще от того, что это за человек.

С самого появления животных из земли дядя Эндрю пятился, норовя укрыться в лесу. Естественно, он не сводил с них взгляда, и не потому, что ему было интересно,— нет, он просто-напросто боялся, что звери кинутся на него. Подобно ведьме, он был практичен до мозга костей. Профессор и не заметил, как Эслан выбирал среди животных по паре. Он видел перед собой — или думал, что видел — огромное количество разгуливающих на свободе диких животных и изнывал от страха, дивясь мимоходом, почему они не убегают от льва.

Дядя Эндрю пропустил то великое мгновение, когда животные обрели Дар Речи; и пропустил не от невнимательности, а по довольно любопытной причине. Еще когда во мраке впервые зазвучала Песнь, профессор сразу догадался, что это не просто шум,— и сразу невзлюбил Песнь, ибо она наводила его на неприятные мысли и вызывала неприятные чувства. Когда же взошло солнце и стал виден Лев (обычный Лев!), дядя Эндрю приложил все усилия, чтобы убедить себя в невозможности происходящего: дескать, никакая это не песня, львы петь не могут, львы только рычат, это всякому известно. «Мне просто чудится,— говорил он себе.— Напридумывал невесть чего. Должно быть, нервишки шалят. Поющий Лев — да где это видано?» И чем прекраснее становилась Песнь, тем настойчивее дядя Эндрю уверял себя, что слышит громкий львиный рык. Сказать по правде, попытка одурачить себя самого часто оказывается успешной. И дядя Эндрю добился своего. Вскоре он и вправду перестал различать Песнь и слышал

один рык. Когда же Лев заговорил и произнес: «Пробудись, Нарния!», профессор услыхал грозное рычание, и не более того. А когда животные стали отвечать Эслану, он услышал тявканье, лай, шипение и вой. А когда они засмеялись — большего потрясения профессор в жизни не испытывал: скопище свирепых диких зверей издавало на редкость кровожадные звуки. К вящему ужасу он увидел, как дети и кэбмен направились навстречу лютому зверью.

— Глупцы! — воскликнул он.— Зверье сожрет детишек вместе с кольцами, а значит, я уже никогда не вернусь домой. Какой, однако, себялюбец этот мой племянничек! И другие ничуть не лучше. Уж коли собрались помирать, это их личное дело. А я-то здесь при чем? Обо мне они даже не вспомнили! Никто обо мне не вспомнил!

Когда же он увидел несущуюся к реке толпу животных, то мигом забыл о своих страданиях и бросился бежать. И всякому, кто бы его увидел, стало бы понятно, что воздух Нарнии и вправду пошел профессору на пользу. В Лондоне он задыхался просто от быстрого шага, а здесь припустил так, что наверняка выиграл бы стометровку на любых состязаниях в нашем мире. Профессор мчался не разбирая дороги, только пятки сверкали да развевались за спиной фалды сюртука. Но, конечно же, убежать от зверей он не мог — тем паче, что многие из них бежали первый раз в жизни и потому вкладывали в бег все свои силы.

— Держи его! — кричали животные.— Лови! Это козло, то самое! Эгей! Эге-гей! Окружай! Загоняй! Ура!

В считанные мгновения самые быстрые звери опередили профессора и вынудили его остановиться. Вскоре подоспели и остальные и окружили его со всех сторон. Озираясь, он всюду видел ужасные вещи: огромные рога оленей, массивную слоновью тушу, вставших на дыбы медведей и роющих землю кабанов; леопарды и пантеры, казалось, глядели на него с усмешкой и подергивали хвостами. Больше всего дядю Эндрю потрясли разинутые пасти; разумеется, он сразу предположил, что его собираются съесть, ему и в голову не пришло, что животные просто запыхались.

Его била дрожь, он покачивался, точно деревце на ветру. Профессор никогда не любил животных, наоборот, с детства их боялся; а жестокие эксперименты, которые он проводил, только усилили этот страх и внушили ненависть.

— Итак, существо,— деловито произнес бульдог,— отвечай, кто ты есть — животное, растение или камень?

Он говорил вполне разборчиво, но дядюшка Эндрю услышал только свирепое «гррр-ррх!».

Глава 11
Злоключения Дигори и его дяди

Должно быть, вы думаете, что животные были очень глупыми, раз не сообразили, что дядя Эндрю принадлежит к одной породе с детьми и кэбменом. Но ведь они никогда прежде не видели человека в одежде и потому решили, что платье Полли, костюмчик Дигори и котелок кэбмена — все равно что перья на птицах или мех на зверях. Когда бы не Ягодка, и этих троих тоже причислили бы к разным породам. А дядя Эндрю был гораздо выше детей и куда более хлипок, чем кэбмен. Вдобавок он был во всем черном, если не считать белого жилета (впрочем, тот уже стал грязно-серым), а всклокоченные седые волосы ничуть не напоминали аккуратные детские прически. Неудивительно поэтому, что животные запутались. Хуже всего было то, что дядя Эндрю от страха утратил дар речи.

Он силился произнести хоть что-нибудь и даже, когда бульдог задал ему вопрос (или, как показалось профессору, грозно зарычал), сумел выдавить:

— Хорошая собачка. Пусик, миленький...

Но животные понимали его не лучше, чем он их. Они не могли разобрать слов, только какое-то сипение. Быть может, оно и к лучшему, ибо какой собаке из нашего мира, а уж тем более говорящей собаке из Нарнии, могло понравиться, что ее называют «пусиком». Ведь дети тоже обижаются, когда их называют «малышами».

И тут дядя Эндрю потерял сознание и рухнул наземь.

— Ага! — воскликнул кабан.— Это дерево! Я так сразу и подумал. (Не забывайте, никогда прежде они не видели ни обмороков, ни падений.)

Бульдог деловито обнюхал профессора с головы до ног и заявил:

— Оно живое, уж поверьте. Это животное. Быть может, из той же породы, что и те трое.

— Не верю,— возразил медведь.— Животные так не падают. Мы животные, правильно? Мы ведь не падаем, мы стоим.

Вот так.— Он поднялся на задние лапы, сделал шаг назад, споткнулся о низкую ветку и повалился на спину.

— Третья шутка, третья шутка! — в восторге затараторила галка.— Третья шутка!

— По-моему, это дерево,— стоял на своем кабан.

— Если это дерево, в нем может быть дупло с пчелиным гнездом,— сказал второй медведь.

— Я уверен, что это не дерево,— вмешался барсук.— Сдается мне, перед тем как упасть, оно пыталось заговорить.

— Ветер шелестел в листве, только и всего,— отмахнулся кабан.

— Неужели ты думаешь, что это говорящее животное? — с возмущением спросила у барсука галка.— Оно ведь не сказало ни слова!

— А по-моему...— вставила слониха. Она осталась одна: ее спутника увел совещаться Эслан,— это все-таки животное. Вон тот серый горб похож на морду. Видите дырки — наверное, это глаза и рот. Носа, конечно, нет. Однако... гм... отбросим предрассудки. В конце концов, немногие из нас могут похвастаться настоящим носом.— И она с гордостью вытянула во всю длину свой хобот.

— Протестую! — вскричал бульдог.

— А я думаю, слониха права,— откликнулся тапир.

— Я вам вот что скажу! — встрял в разговор осел.— По-моему, это животное не умеет говорить, но думает, что умеет.

— Может, его поднять? — задумчиво произнесла слониха. Она осторожно приподняла безвольное тело профессора и поставила наземь — к несчастью, вверх тормашками. Естественно, профессор вновь повалился навзничь. Из карманов сюртука вывалились монеты — два полусоверена, три полукроны и пенс.

— Ну вот! — раздались голоса.— Это вовсе не животное. Оно не живое!

— Я вам говорю, оно живое,— рассердился бульдог.— Сами понюхайте.

— Одного нюха мало,— глубокомысленно заметила слониха.

— Коли не доверять своему нюху,— вопросил бульдог,— чему вообще на этом свете можно доверять?

— Наверное, рассудку,— мягко проговорила слониха.

— Протестую! — снова закричал бульдог.

— Нужно что-то с ним сделать, — сказала слониха. — Если это козло, его надо показать Эслану. Что скажете? Животное это или дерево непонятное?

— Дерево! Дерево! — загорланили звери.

— Что ж, если это дерево, его следует посадить. Сначала выроем яму...

Двое кротов быстро справились с этой задачей. Разгорелся спор, как сажать дядю Эндрю. В итоге, к счастью для него, профессор едва избежал участи быть посаженным вниз головой. Некоторые приняли профессорские ноги за ветки, а «вон то серое и лохматое» (то есть голову) — за корни. Но им возразили, что раздвоенный конец ствола грязнее противоположного и отростки торчат в разные стороны, как и полагается корням. В общем, профессора посадили головой вверх, засыпали яму землей и плотно ее утоптали на уровне коленей дяди Эндрю.

— Совсем завяло деревце, — вздохнул осел.

— Еще бы! — откликнулась слониха. — Его нужно полить. Я никого не хочу обидеть, но позволю себе заметить, что для такого дела мой нос...

— Протестую! — перебил бульдог.

Слониха не стала спорить. Она спустилась к реке, набрала в хобот воды и выплеснула ее на дядю Эндрю. Добросердечное животное повторило это не раз и не два, так что вскоре профессор Кеттерли вымок до нитки, словно ему вздумалось купаться в одежде. Впрочем, нет худа без добра: вода вернула дядю Эндрю к жизни. Он очнулся и...

Но сейчас мы оставим его размышлять обо всем, что с ним случилось (если, конечно, он на это способен), и обратимся к более важным вещам.

Ягодка шла бодрой рысью, крики за спиной становились все тише, а до Эслана и тех, с кем совещался Лев, было уже подать рукой. Дигори ни за что на свете не позволил бы себе прервать столь важный разговор, но ему и не пришлось этого делать. Повинуясь жесту Эслана, слон, вороны и все прочие участники совета посторонились, и мальчик, соскользнув со спины Ягодки, очутился лицом к лицу со львом. Вблизи Эслан был еще больше и еще ужаснее.

— Мистер Лев... — с запинкой выговорил Дигори, не осмеливаясь поднять глаза. — ... Эслан... сэр... пожалуйста... Вы не могли бы... У вас не найдется... ну... волшебного плода, чтобы спасти мою маму?

Он отчаянно надеялся, что Лев ответит: «Да», и одновременно страшился услышать «Нет». Но, к своему изумлению, услышал совсем другое.

— Вот мальчик,— произнес Эслан, глядя на других животных.— Мальчик, который всему виной.

Дигори изрядно струхнул. «Что же я такого натворил?» — мелькнула у него мысль.

— Сын Адама,— сказал Лев, поворачиваясь к мальчику,— в сотворенный мною мир проникла злая ведьма. Поведай же нам, как она сюда попала.

Дигори готов был выпалить добрый десяток оправданий, но ему хватило сообразительности сказать чистую правду.

— Я привел ее, Эслан,— прошептал он.

— Для чего?

— Я хотел, чтобы она ушла из нашего мира и вернулась в свой собственный. Мы попали сюда случайно...

— А как она очутилась в твоем мире, сын Адама?

— Перенеслась... магией...— Эслан молчал; Дигори понял, что Лев ждет продолжения.— Это все мой дядя, Эслан. Он отправил нас из нашего мира с помощью волшебных колец... Ну, мне пришлось пойти за Полли, которую он обманул... А в мире под названием Чарн мы встретили ведьму, и она вцепилась в нас, когда...

— Вы встретили ведьму? — в голосе Эслана явственно прозвучал глухой рык.

— Она проснулась,— проговорил Дигори с несчастным видом, а потом, побелев лицом, прибавил: — Это я разбудил ее. Мне хотелось узнать, что будет, если ударить по колокольчику. Полли была против. Она тут ни при чем. Я... я оттолкнул ее, сам не знаю почему. Наверно, магия подействовала. Там, под колокольчиком, было выбито заклинание...

— Магия? — в голосе Эслана по-прежнему слышался приглушенный рык.

— Нет,— признался Дигори.— Это все я, сэр.

Наступило молчание. Дигори терзали угрызения совести: «Я все испортил! Все, что мог! Теперь-то маме уж точно лекарства не видать».

Наконец Эслан заговорил.

— Друзья, вы сами видите,— изрек он, обращаясь к животным,— что в этот новый, чистый мир, которому не исполнилось еще и семи часов от роду, уже проникло зло. Его

пробудил и привел сюда вот этот сын Адама. — Все животные, даже Ягодка, повернулись к Дигори, которому немедленно захотелось провалиться под землю. — Но не падайте духом. Зло порождает зло, но до того, как это случится, еще далеко, и я устрою все так, что худшее падет на меня. А сейчас нам надлежит установить такой порядок, при котором этот край многие сотни лет будет краем радости и веселья. Народ Адама нанес нам урон, народ Адама его и восполнит. Подойдите, вы двое.

Последние слова относились к Полли и кэбмену, которые наконец-то догнали Дигори и встали в сторонке. Полли не сводила с Эслана широко раскрытых глаз и крепко держалась за руку кэбмена. А тот, поглядев на льва, снял свой котелок, без которого его до сих пор никто не видел. Без шляпы он выглядел куда моложе и симпатичнее и походил на деревенского парня, а не на лондонского кэбмена.

— Сын, — обратился Эслан к нему, — я следил за тобой долгие годы. Знаешь ли ты меня?

— Боюсь, что нет, сэр, — ответил кэбмен. — Как ни крути, а мы с вами знакомства не сводили. Однако, сэр, уж простите мою вольность, сдается мне, будто мы и вправду встречались.

— Верь своим чувствам, они тебя не обманывают. Тебе предстоит узнать меня ближе. По нраву ли тебе этот край?

— Еще бы, сэр! — воскликнул кэбмен.

— Ты хотел бы остаться здесь навсегда?

— Гм... Сказать по правде, сэр, я человек женатый. Вот будь тут моя хозяйка, мы бы точно остались. Не по нутру нам этот Лондон, мы люди деревенские.

Эслан вскинул могучую голову, раскрыл пасть и издал длинную тягучую ноту, не то чтобы громкую, но исполненную могущества. Полли так и подскочила, когда услышала ее. Она сразу поняла: это зов, который способен преодолеть какое угодно расстояние и которому невозможно не подчиниться. И потому девочка восприняла почти как должное, когда рядом с нею вдруг появилась молодая женщина с простым, открытым лицом. Полли с первого взгляда сообразила, что это жена кэбмена, вырванная из нашего с вами мира великой магией и очутившаяся здесь столь же быстро, сколь быстро возвращается к своему гнезду птица. Должно быть, женщина занималась стиркой: на ней был фартук, рукава платья закатаны, руки все в мыльной пене. В своем лучшем наряде (и в шляпке,

украшенной искусственными цветами) она, пожалуй, выглядела бы в Нарнии просто ужасно, а будничная одежда была ей очень даже к лицу.

Конечно же, она решила, что видит сон наяву и потому не бросилась к мужу и не засыпала его вопросами. Однако, когда она заметила льва, ее, похоже, взяли сомнения, а сон ли это на самом деле; она как будто ничуть не испугалась зверя и сделала книксен — в те годы многие деревенские девицы умели его делать. А потом подошла к кэбмену и встала рядом, взяв мужа за руку и застенчиво поглядывая по сторонам.

— Дети мои,— проговорил Эслан, пристально глядя на них,— вам предназначено стать первыми правителями Нарнии. Славьте короля и королеву!

Кэбмен от изумления разинул рот, а его жена вся зарделась.

— Вы будете править живыми существами и дадите им имена, будете судить по справедливости и оберегать своих подданных от врагов, когда те появятся. А они непременно появятся, ибо в этом мире обретается злая ведьма.

Кэбмен судорожно сглотнул и прочистил горло.

— При всем моем почтении, сэр, покорно благодарю, конечно, и хозяйка моя тоже, только не гожусь я для такого дела. Неученые мы, уж не обессудьте.

— Что ж,— проговорил Эслан,— ты ведь умеешь обращаться с лопатой и плугом и возделывать землю, чтобы она приносила тебе пропитание?

— Умею, сэр, как не уметь, чай, в деревне вырос.

— Сможешь ли ты править справедливо и по-доброму, не забывая, что подданные твои — не рабы, как бессловесные твари того мира, в коем ты родился, а вольные животные, наделенные Даром Речи?

— Думаю, смогу, сэр. Уж попробовать-то всяко попробую.

— Сможешь ли ты воспитать своих детей и внуков так, чтобы и они блюли этот порядок?

— Постараюсь, сэр, всенепременно. Верно, Нелли?

— И ты не станешь делить своих детей и своих подданных на любимых и нелюбимых и не позволишь им угнетать или обижать друг друга?

— Сам я не таковский, сэр, все, что могу сказать. И другим не позволю, не извольте сомневаться,— ответил кэбмен. Голос

его становился все ниже и звучнее. Он словно утрачивал скороговорку лондонского кокни и вновь обретал оставшийся в юности голос деревенского парня.

— И если на эту страну нападут враги (а они не преминут напасть) и если начнется война, будешь ли ты первым, кто стунит на поле брани, и последним, кто его покинет?

— Что сказать, сэр, — негромко проговорил кэбмен, — пока до дела не дойдет, так и не узнаешь. А что как я струшу? Драться-то мне, вестимо, приходилось, да только кулаками. Оружия я отродясь в руках не держал. Поглядим, как оно сладится. В общем, сэр, постараюсь.

— Значит, ты умеешь все, что требуется от короля, — заключил Эслан. — Коронация состоится сегодня же. Будь благословен, король Нарнии, и ты, королева, и благословенны ваши дети и внуки! Одним из них суждено стать нравителями Нарнии, другие же будут править Арченландом, что лежит за Южным хребтом. — Лев повернулся к Полли. — Добро ножаловать в Нарнию, дочь. Простила ли ты мальчика за его поступок в Зале Образов покинутого дворца в проклятом Чарне?

— Да, Эслан, мы помирились, — ответила Полли.

— Вот и славно. Настало время решить его судьбу.

Глава 12
Приключения Ягодки

Все это время Дигори держал рот на замке, чтобы не ляпнуть чего-нибудь этакого и не выставить себя на всеобщее посмешище. Вдобавок ему было немного страшно.

— Сын Адама, — обратился к нему Эслан, — готов ли ты исправить урон, нанесенный твоими деяниями моей стране, моей милой Нарнии, в самый день ее рождения на свет?

— Ну, не знаю, смогу ли я... — проговорил мальчик. — Вы же сказали, что ведьма убежала, и...

— Я спросил, готов ли ты, — прервал его Эслан.

— Готов, — ответил Дигори. У него мелькнула безумная мысль — сказать: «Я помогу вам, если вы поможете моей маме». Однако он вовремя сообразил, что этот Лев — не из тех, с кем можно торговаться.

И все же Дигори не мог не вспомнить о своей маме, о надеждах, которые питал совсем недавно. Теперь эти надежды пошли прахом, а значит, все было напрасно... К горлу подкатил ком, на глаза навернулись слезы, и вдруг Дигори как прорвало:

— Пожалуйста, пожалуйста... Ведь вы дадите мне лекарство для моей мамы, правда?

До сих пор мальчик не осмеливался поднимать взгляд и смотрел на могучие львиные лапы с громадными острыми когтями; но сейчас, в минуту отчаяния, он вскинул голову и взглянул прямо в глаза зверю. И то, что он увидел, несказанно его изумило. В глазах льва — неужели такое бывает? — тоже сверкали слезы, крупные и яркие! На мгновение Дигори даже почудилось, будто Лев переживает за его маму больше него самого.

— Сын мой,— вымолвил Эслан,— мне ведомо, сколь велико твое горе. И боль твоя в этом благословенном краю понятна лишь нам двоим. Будем же добры друг к другу. Но не забывай, что моя забота — благополучие Нарнии на долгие-долгие годы. Ведьма, которую ты привел в сей мир, снова возвратится сюда. Не сегодня и не завтра, но рано или поздно она непременно вернется. И, дабы защитить мою Нарнию от происков этой злобной колдуньи, я посажу древо, к коему она не посмеет приблизиться. По моей воле, под сенью благого древа, утро этого края будет долгим, чистым и безмятежным. И ты должен принести мне то семя, из которого вознесется древо.

— Слушаюсь, сэр! — отчеканил Дигори. Он понятия не имел, где искать семя, но ни чуточки не сомневался в том, что обязательно его найдет. Лев величаво наклонил голову и запечатлел на челе мальчика поцелуй — и Дигори мгновенно ощутил прилив сил.

— Слушай же меня, сын мой,— сказал Эслан.— Повернись к западу и скажи, что ты видишь.

— Ужасно высокие горы,— ответил Дигори.— А еще водопад на реке и холмы, поросшие лесом. За холмами черные предгорья, а совсем далеко — горные вершины в снегу, как на картинках с видами Альп. И все, дальше только небо.

— У тебя острое зрение,— похвалил Лев.— Там, где вода рушится со скалы, пролегает рубеж Нарнии; перевалив утес, ты окажешься на Западной Пустоши. Сын мой, тебе предстоит одолеть горы и найти зеленую долину, окруженную ледяными никами. Ты узнаешь ее по озеру и по крутому холму на дальнем берегу. На вершине того холма растет сад, посреди сада стоит яблоня. Сорви с нее яблоко и принеси мне.

— Слушаюсь, сэр,— повторил Дигори. Он хотел было прибавить, что вряд ли сумеет взобраться на утес, а тем более — перейти горы, но промолчал — из опасения, что его сочтут трусишкой.— Надеюсь, вам это нужно не слишком срочно? Потому что, сами понимаете, туда и обратно — дорога дальняя.

— Чадо Адамово, тебе помогут,— рек Эслан. Он повернулся к Ягодке, которая все это время тихо стояла рядом, отгоняя хвостом мух, и прислушивалась к разговору с таким видом, словно с трудом разбирала слова.— Милая, ты согласна стать крылатой лошадью?

Надо было видеть, как Ягодка тряхнула гривой, как расширились ее ноздри, как она горделиво топнула копытом. Всякий сразу бы догадался, что она очень хочет стать крылатой!

— Как прикажешь, Эслан...— проговорила она.— Если ты... Такая честь... Я не заслужила...

— Стань крылатой! — велел Эслан голосом, от которого сотряслась земля под ногами.— Стань родоначальницей крылатых лошадей Нарнии! Отныне имя твое — Вольная Птица.

Лошадь сперва попятилась — будто вспомнила старые недобрые дни, когда таскала по лондонским улицам ненавистный кэб. А потом встала на дыбы и выгнула шею, словно норовя укусить себя за плечо. И вдруг, подобно тому, как звери вырастали из-под земли, из плеч Вольной Птицы возникли и развернулись два широких крыла — больше орлиных, больше лебединых, больше даже, чем крылья ангелов на церковных витражах. Перья отливали золотистым. Вольная Птица взмахнула крыльями — и взвилась в воздух. Громко заржав от восторга, она перевернулась вниз головой, облетела по кругу Эслана с Дигори и приземлилась на все четыре ноги. Вид у нее был слегка растерянный, но очень и очень довольный.

— Понравилось ли тебе в небе, Вольная Птица? — вопросил Лев.

— Еще бы, Эслан! — воскликнула лошадь.

— Согласна ли ты отнести маленького сына Адама к той долине, о коей шла речь?

— Что? Я? Прямо сейчас? — воскликнула Вольная Птица.— Конечно! Садись ко мне на спину, малыш. Я уже возила таких, как ты.— Это было давно, давным-давно, когда я паслась на зеленом лугу и меня кормили сахаром...

— О чем вы там шепчетесь, дочери Евы? — спросил Эслан, внезапно оборачиваясь к Полли и жене кэбмена, которые дружелюбно переговаривались.

— Если позволите, сэр,— сказала королева Хелен (ибо так теперь звали Нелли),— сдается мне, девчушка тоже не откажется слетать.

— Что скажешь, Вольная Птица? — спросил Лев у лошади.

— Один малыш или двое — мне все едино, сэр,— отозвалась та.— Надеюсь только, что слон в компанию не попросится.

Слон проситься и не думал, так что кэбмен, он же отныне король Нарнии, помог детям взобраться на лошадь: он резко подбросил Дигори, а затем усадил на спину лошади Полли — так мягко, так осторожно, словно она была из стекла.

— Порядок, Ягодка... Прости, Вольная Птица. Можете трогаться.

— Не взлетай слишком высоко,— предостерег Эслан.— Не пытайся подняться выше снеговых вершин. Ищи долины и лети над ними. Путь всегда найдется, нужно лишь хорошенько поискать. Летите, и пусть вас хранит мое слово!

— Ох, Птичка! — проговорил Дигори, похлопывая лоснящуюся шкуру.— Вот здорово! Держись крепче, Полли.

В следующий миг земля ушла у них из-под ног, а перед глазами все поплыло — это Вольная Птица взмыла в воздух и, подобно огромному голубю, описала круг над землей, прежде чем устремиться на запад. Полли едва различала крошечные фигурки короля с королевой, и даже Эслан с высоты казался не более чем ярко-желтым пятном на зеленой траве. В лицо ударил ветер, но могучие крылья Вольной Птицы не сбивались с ритма.

Под ними расстилалась многоцветная Нарния — луга, скалы, заросли вереска, бесчисленные деревья, извилистое русло реки, похожей на ниточку ртути. К северу, за грядой невысоких холмов, виднелась пустошь, плавно поднимавшаяся, казалось, к самому горизонту. На юге возвышались горы; в проходах между ними, поросших стройными соснами, проглядывали неведомые земли, подернутые голубоватой дымкой.

— Должно быть, это Арченланд,— сказала Полли.

— Угу,— согласился Дигори и вдруг ткнул рукой вперед.— Ты только погляди!

Прямо перед ними выросла высокая каменная стена с ревущим водопадом. Солнечные блики на воде слепили глаза. Река срывалась с обрывистого утеса и падала на землю Нарнии. Они летели так высоко, что рев водопада был едва слышен, но вершины гор по-прежнему были выше.

— Похоже, придется нам изловчиться,— проговорила Вольная Птица.— Держитесь, ребятки!

Она резко повернула в одну сторону, потом, пролетев немного,— в другую, неуклонно забираясь все выше. Стало холодно, откуда-то снизу донесся орлиный клекот.

— Оглянись! — крикнула Полли.— Да оглянись же!

Дигори обернулся — и увидел широкую долину Нарнии, на востоке упиравшуюся в море. Они поднялись на такую высоту, что смогли различить и горы за северными пустошами, и песчаные равнины на юге.

— Кто бы нам рассказал, что это за места,— проговорил Дигори.

— По-моему, их еще нет,— ответила Полли.— Ну, там никто не живет и ничего не происходит. Вспомни, этот мир родился только сегодня.

— Но люди придут туда. И начнут сочинять всякие истории...

— По мне, так нам повезло, что никакой истории пока и в помине нет,— сказала девочка.— Мне и дома надоело слушать про битвы и зубрить даты.

Тем временем они перевалили через скалистую стену, и Нарния исчезла позади. Теперь внизу виднелись лишь крутые, поросшие темным лесом склоны по берегам реки. Далекие горы становились все ближе. Впрочем, солнце било путникам в глаза, поэтому сказать наверняка, сколько им еще лететь, было затруднительно. Небо за западе отливало расплавленным золотом. Наконец солнце скрылось за иззубренным пиком, необыкновенно четким и черным на фоне заката, словно вырезанным из картона.

— А тут, наверху, прохладно,— Полли поежилась.

— Мои крылья устают,— сказала Вольная Птица.— Никакой долины с озером я пока не вижу. Может, спустимся и поищем подходящее местечко для ночлега? Сегодня мы до озера уж наверняка не доберемся.

— И есть хочется,— добавил Дигори.

Вольная Птица начала спуск. Чем ниже они спускались, тем становилось теплее. После долгого полета, во время кото-

рого тишину нарушал разве что шелест крыльев, было так приятно услышать знакомые звуки — журчание воды, бегущей по каменистому руслу, и скрип деревьев на ветру. Вскоре они почувствовали запах нагретой солнцем земли, ароматы травы и цветов. Наконец лошадь приземлилась. Дигори кубарем скатился со спины Вольной Птицы и помог спешиться Полли. Ребята с радостью ощутили под ногами твердую землю.

Они очутились в долине, расположенной, казалось, в самом сердце гор, снежные вершины которых, обагренные лучами заката, возвышались со всех сторон.

— Я проголодался,— сказал Дигори.

— Присоединяйся,— отозвалась Вольная Птица, хрумкая сочной травой. Она вскинула голову — травинки торчали из ее рта точно усы — и добавила: — Идите сюда, не стесняйтесь. Тут на всех хватит.

— Мы не едим траву,— объяснил Дигори.

— Хм,— протянула лошадь, не прекращая жевать.— Ну... не знаю, как и быть... А трава просто отличная.

Полли и Дигори растерянно переглянулись.

— Кто-то ведь должен был позаботиться о нашей еде,— сказал мальчик.

— Попросили бы Эслана,— вставила Вольная Птица.

— Разве его надо просить? — удивилась Полли.— По-моему, он и так все знает.

— Оно конечно,— согласилась лошадь,— да вот только, сдается мне, ему нравится, когда его просят.

— Что же нам делать? — спросил Дигори.

— Уж не знаю,— сказала лошадь.— Может, траву поедите? Такой вкуснотищи вы в жизни не пробовали.

— Перестань говорить глупости! — Полли сердито топнула ножкой.— Люди не едят траву, а лошади не едят жаркого.

Дигори страдальчески поморщился.

— Еще одно слово о жарком — и я слопаю всю траву в округе!

Дети судили и рядили: Дигори предложил Полли надеть зеленое кольцо, вернуться домой и перекусить; сам он возвратиться не мог, потому что обещал Эслану принести семя. И потом, если он вернется, обратно его уже могут не отпустить. Но Полли отказалась возвращаться одна, и Дигори, надо признать, сильно этому обрадовался.

— А ведь у меня в кармане завалялись ириски,— вдруг вспомнила Полли.— Все лучше, чем ничего.

— Гораздо лучше! — подтвердил Дигори.— Но смотри не задень случайно кольцо.

Чтобы этого не случилось, пришлось постараться, но в конце концов дети добились своего: конфеты в липкой обертке были извлечены из кармана и очищены от прилипших фантиков. Конечно, взрослые наверняка отказались бы от такого ужина (ведь взрослым ничего не стоит поднять шум из-за любого пустяка), но детям было все равно, что о них подумают. В обертке было девять ирисок. Дигори предложил поделить их поровну — каждому по четыре, а девятую посадить: «Раз уж из фонаря выросло фонарное дерево, так почему бы из ириски не вырасти дереву ирисок?» Дети выкопали ямку и положили туда девятую ириску, потом съели каждый свою порцию, стараясь по возможности растянуть удовольствие. Ужин получился весьма скудным, даже с фантиками, которые они не могли не облизать.

Вольная Птица наконец насытилась чудесной травой и легла наземь. Дети прильнули к ее бокам, ища тепла, и она накрыла их своими крыльями, так что было очень удобно. И пока на небе одна за другой зажигались звезды, они говорили обо всем на свете — о маме Дигори, о том, что ей нужно лекарство, о поручении Эслана... И снова и снова повторяли то описание, какое дал им Лев: озеро, холм на дальнем берегу, сад на вершине холма. Мало-помалу их начало клонить ко сну, и тут Полли вдруг насторожилась.

— Тсс! — прошептала она.

Все прислушались, но ничего не услышали.

— Наверное, ветер,— предположил Дигори.

— Не знаю, не знаю,— откликнулась Полли.— Вот опять! Слышите? Клянусь Эсланом, там кто-то есть!

Лошадь шумно поднялась с земли и принялась принюхиваться, расхаживая туда-сюда. Дети тоже вскочили и стали озираться, заглядывая едва ли не под каждый куст. Им все время мерещилось, что они что-то видят; Полли была уверена, что заметила высокий темный силуэт, быстро скрывшийся на западе. Впрочем, ноймать никого не поймали, поэтому Вольная Птица в конце концов вновь легла наземь, а дети снова забрались под ее крылья — и мгновенно заснули. Лошадь не спала — прядала ушами,

время от времени вздрагивала, словно на нее села муха. Потом заснула и она.

Глава 15
Нечаянная встреча

— Просыпайся, Дигори! — донесся голос Полли. — И ты тоже, Вольная Птица. Оно превратилось! А утро какое чудное!

Над горами вставало солнце, робкие лучи пробивались сквозь листву, трава была вся в росе, паутинки сверкали серебром. Рядом с путниками за ночь выросло деревце с очень темной корой, высотой с обычную яблоню. Листья были не зелеными, а сероватыми, и на вид напоминали бумагу, как у лунника, а плоды, усеявшие ветви, походили на финики.

— Ура! — воскликнул Дигори. — Но сначала я умоюсь. — С этими словами он ринулся к реке, прямо через кустарник.

Вам доводилось купаться в порожистой горной речке, неглубокой, но бурной, стремящей свой путь по красным, голубым и желтым камням? Вода кипит, в брызгах дробится солнце; это ничуть не хуже, чем купаться в море, — а в чем-то даже и лучше. Конечно, вытереться после купания было нечем, так что пришлось надевать одежду на мокрое тело, но удовольствие того стоило. После Дигори к реке отправилась и Полли и тоже выкупалась; по крайней мере, девочка так сказала, но мы-то знаем, что она воды побаивалась, так что не будем вдаваться в подробности. Вольная Птица также спустилась к воде — зашла на середину реки, утолила жажду, а затем тряхнула гривой и коротко заржала.

Между тем дети подошли к ирисному дереву и сорвали каждый по небольшому коричневому «финику». На вкус плоды оказались восхитительными — похожими на ириски, только мягче и сочнее. Вольная Птица тоже позавтракала — сначала попробовала ириску, а потом принялась за траву. После завтрака дети, помогая друг другу, взобрались лошади на спину, и Вольная Птица вновь тронулась в путь.

Ехать было даже веселее прежнего — потому, что за ночь выспались и отдохнули, да еще солнце светило не в глаза, а в спину, и в этом свете все вокруг выглядело просто чудесно. Повсюду, куда ни посмотри, возвышались заснеженные вершины гор. В тени вершин прятались зеленые долины, а ручейки, сбегавшие с ледников, чтобы слиться в реку, были такими ярко-синими, что казались громадными нитками бус. Путникам хотелось,

чтобы этот полет длился бесконечно. Однако вскоре они начали принюхиваться и спрашивать один другого: «Чувствуешь?.. Что это?.. Откуда этот запах?» Ибо навстречу им летел блаженный аромат напоенных солнцем цветов и восхитительных плодов.

— Вон долина с озером! — сказала Вольная Птица.

— Точно! — воскликнул Дигори. — А вон и холм на дальнем берегу! Какая синяя вода!

— Добрались! — заключили все трое хором.

Вольная Птица начала спускаться, описывая широкие круги, и ледяные пики словно росли на глазах, поднимаясь все выше. С каждым мгновением становилось все теплее и благоуханнее, и от прелести аромата на глаза наворачивались слезы. Вольная Птица уже не взмахивала крыльями — нет, она парила над склоном холма, готовясь приземлиться. Вот ее копыта коснулись земли... Лошадь замерла — и дети кубарем покатились с ее спины, но ничуть не ушиблись, ибо упали на густую зеленую траву.

До вершины холма было подать рукой, поэтому времени терять не стали. (Вольной Птице пришлось несладко — склон был довольно крутым, и вряд ли она взобралась бы на холм, когда бы не крылья, придававшие ей устойчивость.) На вершине бежала по кругу высокая, поросшая травой насыпь. А внутри круга росли деревья: их ветви свисали над насыпью. Легкий ветерок шевелил листву — зеленую, голубую, серебристую. Путникам пришлось обойти вершину вдоль насыпи, прежде чем они отыскали ворота — крепко запертые золотые ворота, глядевшие на восток.

До сих пор Полли и Вольная Птица не сомневались, что дойдут вместе с Дигори до самого конца. Но теперь они отказались от своего намерения. С первого взгляда на ворота становилось ясно, что этот сад — сугубо частное владение, и только глупец отважится войти в него незваным. Да и Дигори сразу понял, что дальше ему предстоит действовать в одиночку.

Мальчик приблизился к воротам. На створках было написано, серебряной вязью по золоту:

Пройди в ворота златые — иль вообще не входи.
Мой плод для других возьми, себе не оставив и доли.
Того ж, кто чрез стену полезет, ждет беда впереди:
Желанье свое утолит во имя прискорбной доли.

— «Мой плод для других возьми», — пробормотал Дигори. — За этим я и пришел. Выходит, самому и попробовать нельзя. Ну и ладно. А вот последняя строчка — вообще бред какой-то. Так, «войди в золотые врата». Интересно, кому взбредет в голову лезть через стену, когда есть ворота? Кстати, а как они открываются? — Мальчик положил руку на створку, и ворота бесшумно распахнулись.

Взгляду Дигори явился сад, и мальчик вновь необыкновенно остро почувствовал: это — частное владение. Он осторожно вошел в ворота. В саду было очень тихо, даже вода в фонтане посреди сада журчала еле слышно. По воздуху растекался блаженный аромат... Это место дарило радость — и требовало уважения к себе.

Дигори сразу догадался, какое дерево ему нужно, — оно росло точно в середине сада, с его ветвей свисали серебристые яблоки, бросавшие свет в темные уголки, куда не проникали солнечные лучи. Мальчик подошел к яблоне, сорвал яблоко, понюхал его, повертел в руках — и положил в нагрудный карман своей курточки.

Лучше бы он отвернулся и не подносил яблока к лицу! Его мгновенно обуяло желание куснуть чудесный плод, чтобы утолить накатившие вдруг голод и жажду. Может, сорвать еще одно и попробовать? А если что-нибудь плохое случится? Да вряд ли; в конце концов, надпись на воротах — не приказ, а всего лишь совет, и кому какое дело до чужих советов? А даже если и приказ, почему он должен подчиняться? Яблоко «для другого» лежит в кармане, значит, яблоко для себя вполне можно сорвать...

Размышляя над этим, Дигори бросил взгляд на дерево — и вдруг заметил на макушке яблони чудесную птицу, дремавшую на ветке. Впрочем, птица дремала, что называется, вполглаза — один ее глаз был чуть-чуть приоткрыт. Эта птица была больше орла; грудка желтая, на голове алые перья, хвост малиновый.

— И тогда я понял, — рассказывал Дигори много лет спустя, — что в таких местах нельзя быть излишне осторожным. Со всей этой магией никогда не знаешь, что может случиться, — по правде сказать, Дигори и так навряд ли сорвал бы яблоко для себя. В те дни мальчики гораздо лучше запоминали правила поведения, среди которых было и «Не укради». Хотя, может быть, нам только так кажется...

Дигори повернулся, чтобы уйти, но не смог одолеть искушения и еще раз взглянул на дерево. И оцепенел. В чудесном саду он был не один! В нескольких шагах от него стояла ведьма! У ее ног валялся огрызок — она только что съела яблоко. Губы ведьмы были в яблочном соке, на щеке расплывалось омерзительное коричневое пятно. Дигори догадался, что Джадис проникла в сад через стену. Неожиданно ему подумалось, что последняя строка в надписи на воротах вовсе не так бессмысленна, как показалось поначалу. Заветное желание и вправду сбылось — а с ним пришло отчаяние: ведьма выглядела намного сильнее и могущественнее себя самой прежней, однако ее лицо было мертвенно-бледным.

Все эти мысли промелькнули в голове мальчика за долю секунды. Он повернулся и бросился к воротам, а ведьма кинулась за ним вдогонку. Едва он выскочил из сада, ворота захлопнулись сами собой. Впрочем, ведьму это не остановило. Когда Дигори подбежал к ожидавшим его Полли и Вольной Птице, Джадис уже успела то ли перелезть, то ли перепрыгнуть через стену и вновь устремилась в погоню.

— Стой! — крикнул Дигори.— Или мы все исчезнем! Не приближайся!

— Глупый мальчишка! — процедила ведьма.— Почему ты убегаешь от меня? Я не причиню тебе зла. Выслушай меня, и ты узнаешь нечто важное, что принесет тебе великую радость.

— Спасибо, не надо мне вашей радости,— отозвался Дигори.

— Я знаю, за чем тебя прислали,— продолжала ведьма, не обращая внимания на его слова.— Это я была с вами в лесу прошлой ночью, и я слышала все, о чем вы говорили. Ты сорвал в саду плод. Ты положил его в карман. И собираешься отнести льву, даже не попробовав. Конечно, пробовать будет Лев! Простак! Да ведомо ли тебе, что это за плод? Это яблоко юности, яблоко жизненной силы! Уж поверь мне, я-то его съела — и настолько изменилась, что уже никогда не состарюсь и не умру. Съешь свое яблоко, мальчик, и мы с тобой будем жить вечно и станем править этим миром — или вернемся в твой мир и станем править им.

— Еще чего! — фыркнул Дигори.— Мне вовсе не хочется жить вечно, тем более что все мои знакомые рано или поздно умрут. Уж лучше я проживу обычную жизнь, а когда умру — отправлюсь на небеса.

— А как же насчет твоей мамы, которую ты якобы так любишь?

— Какое вам дело до моей мамы? — крикнул Дигори.

— Разве ты не понимаешь, глупец, что яблоко способно ее исцелить? Подумай. Яблоко лежит в твоем кармане, мы здесь одни, Лев далеко. Воспользуйся своей магией, вернись в свой мир, отдай яблоко своей матери. Через пять минут ты увидишь румянец на ее щеках, она скажет тебе, что боль ушла и что к ней возвращаются силы. Потом она заснет... Только представь — здоровый сон, без всякого снотворного, без боли и мучений... На следующий день все станут говорить, что она чудесным образом поправилась. И все пойдет на лад, понимаешь? В твой дом вернется счастье, и ты станешь таким же, как другие мальчики.

— Замолчи! — крикнул Дигори, зажимая ладонями уши. Но ядовитые речи ведьмы уже проникли в его разум и настойчиво пробивались к душе.

— Что сделал для тебя этот Лев, что ты стал его рабом? — спросила ведьма.— Как он доберется до тебя, когда ты вернешься в свой мир? И что подумает твоя мама, когда узнает, что ты мог избавить ее от боли и вернуть радость твоему отцу, но не стал этого делать — ради какой-то зверюги из диковинного мира, потому что дал этой зверюге слово?

— Он не... Он вовсе не зверюга! — воскликнул Дигори, чувствуя, что в горле у него внезапно пересохло.— Он... я не знаю...

— Он хуже, чем просто дикий зверь,— убежденно заявила ведьма.— Посмотри, что он уже с тобой сделал, подумай, откуда взялась эта жестокость в твоем сердце! Вот так он обращается со всеми, кто его слушает. Жестокий, бессердечный мальчик! Ты допустишь, чтобы твоя мать умерла, но...

— Замолчи! — выдавил Дигори.— Замолчи! Я же дал слово!

— Тебя обманули, глупец! А ответить обманом на обман — только справедливо.

— Маме,— слова давались Дигори с трудом,— маме это не понравится... Она всегда учила меня держать слово... и не воровать... и все такое... Будь она здесь, она бы ни за что не разрешила мне сделать это...

— Она ни о чем не узнает,— проговорила ведьма почти ласково, и тон никак не вязался со свирепым выражением ее

лица. — Ты ведь не станешь рассказывать ей, откуда взялось это яблоко. И отец твой тоже не узнает. Никому в твоем мире не нужно знать, где ты был и что видел. Девчонку, конечно, придется оставить здесь, иначе она тебя выдаст.

Тут ведьма допустила роковую ошибку. Разумеется, Дигори знал, что Полли всегда может вернуться домой самостоятельно, воспользовавшись своим собственным кольцом, но ведьме, похоже, это в голову не приходило. А ее слова насчет того, что Полли следует оставить здесь, внезапно явили Дигори истинную суть всего сказанного ведьмой. Мысли мальчика прояснились, с глаз словно спала пелена, и он сказал, куда громче и увереннее прежнего:

— Послушай, а тебе-то какое до всего этого дело? Почему ты печешься о моей маме? Раньше тебе на нее было наплевать. Что тебе нужно? Чего ты добиваешься?

— Молодец, Дигори, — прошептала Полли. — Пора удирать! Скорее! — До сих пор она не смела проронить ни слова — ведь, сами понимаете, умирала не ее мама.

— Летим! — Дигори подсадил Полли на спину лошади и забрался следом сам. Вольная Птица взмахнула крыльями.

— Летите, дурачье, — презрительно усмехнулась ведьма. — Вспомни обо мне, мальчик, когда постареешь, станешь дряхлыми и седым. Вспомни о вечной юности, которую ты отверг. Такое дважды не предлагают.

Лошадь взвилась в воздух, и последние слова ведьмы дети едва расслышали. Джадис не стала терять времени, развернулась и устремилась вниз по склону холма.

Все это произошло ранним утром, так что Вольная Птица и Полли в один голос заверили Дигори, что они успеют вернуться к Эслану еще до ночи. Мальчик всю дорогу молчал, погруженный в невеселые думы, и его оставили в покое. Он сомневался, правильно ли поступил, но как только вспоминал яркие крупные слезы в глазах Эслана, к нему возвращалась уверенность.

Вольная Птица летела весь день напролет, неутомимо взмахивая могучими крыльями, выбирая направление по реке, что вилась между гор и лесистых холмов. Уже ближе к вечеру они увидели водопад; лошадь перелетела скалистую стену и начала спускаться на сумеречную равнину Нарнии. Наконец, когда небо на западе окрасилось багрянцем заката, Дигори увидел на речном берегу толпу и различил среди собрав-

шихся Эслана. Вольная Птица мягко скользнула к земле, сложила крылья и приземлилась, пробежав несколько шагов. Дети спешились. Животные, гномы, сатиры, нимфы и все прочие расступились, освобождая дорогу. Мальчик подошел к Эслану и протянул яблоко.

— Я принес то, что вы просили, сэр,— просто сказал он.

Глава 16
Как посадили дерево

— Молодец,— похвалил Эслан, и от раскатов его голоса вновь задрожала земля. Эти слова слышали все обитатели Нарнии, и Дигори вдруг понял, что история о том, как некий мальчик летал в чудесный сад, будет передаваться из поколения в поколение, от отца к сыну и от деда к внуку. Но польщенным он себя не чувствовал и даже не думал ни о чем таком, стоя перед Эсланом. На сей раз он смог взглянуть в глаза льву — и мгновенно забыл обо всех своих неприятностях.

— Молодец, сын Адама,— повторил Лев.— Из-за этого плода ты плакал, мучился от голода и жажды. И потому только твоя рука достойна чести посадить семя, из которого вырастет древо, хранящее Нарнию. Брось яблоко на речной берег — там земля мягче.

Дигори исполнил все, что ему велели. Вокруг стало так тихо, что все услышали глухой стук, с каким яблоко упало наземь.

— Хороший бросок,— сказал Эслан.— А теперь поспешим на коронацию короля Фрэнка и королевы Хелен.

Только теперь дети заметили среди животных, сатиров и фавнов бывшего кэбмена и его жену, облаченных в роскошные, диковинные платья, поверх которых были накинуты мантии. Мантию короля поддерживали четыре гнома, а мантию его супруги — четыре речных нимфы. Король и королева стояли с непокрытыми головами; Хелен уложила волосы и стала выглядеть краше прежнего. Однако непохожими на себя самих Фрэнка и Хелен делали не прически и не одежда; у них изменилось выражение лиц, и прежде всего это касалось короля. С его лица будто смыло все лукавство, всю драчливость и изворотливость лондонского кэбмена, и теперь в его чертах явственно проступили мужество и доброта. Должно быть, причиной всему был воздух новорожденного мира — или общение с Эсланом; а может, и то и другое.

— Клянусь моими крыльями! — прошептала Вольная Птица на ухо Полли. — Хозяин-то мой изменился не хуже моего! Ишь как глядит!

— Угу, — подтвердила девочка. — Пожалуйста, не щекочи мне ухо.

— А сейчас, — вымолвил Эслан, — пусть кто-нибудь раздвинет вон те ветви, и тогда мы увидим, что там спрятано.

Дигори углядел четыре дерева, росших поблизости друг от друга; их ветви были искусно переплетены между собой таким образом, чтобы получилась клетка. Повинуясь велению Эслана, два слона, которые действовали своими хоботами, и несколько гномов, споро работавших топорами, быстро разобрали клетку. Внутри находилось три предмета. Во-первых, крохотное деревце с золотой корой; во-вторых, крохотное деревце с серебряной корой; в-третьих, нечто невообразимое, в мокром и грязном платье, сидевшее на земле между двумя деревцами.

— Ой! — прошептал Дигори. — Это же дядя Эндрю!

Теперь нам нужно вернуться немного назад и объяснить, что же случилось с профессором Кеттерли. Помните, его посадили в землю и щедро полили водой. Вскоре после этого он очнулся и обнаружил, что вымок с головы до ног, что закопан по колено в сырую землю и что вокруг полным-полно свирепых диких животных. Поэтому не стоит удивляться, что он завопил так, будто его резали. Этот вопль убедил самых недоверчивых (даже кабана), что перед ними — живое существо. Животные поспешно выкопали профессора (его брюки их стараниями превратились в лохмотья). Едва очутившись на свободе, он попробовал удрать, но слон мгновенно обхватил его хоботом за талию. Животные единогласно решили, что это странное существо лучше куда-нибудь спрятать, чтобы его судьбу решил Эслан — когда у льва появится время. И вот они сделали подобие клетки, запихнули туда профессора, а затем наперебой стали предлагать ему еду.

Осел швырнул в клетку охапку чертополоха, но профессор наотрез отказался от этого сомнительного лакомства. Белки забросали его орехами, но он лишь прикрыл руками голову, чтобы было не так больно. Птицы накидали в клетку червей, а медведь вообще выказал редкостную доброту: этим днем он разыскал гнездо диких пчел и, вместо того чтобы слопать

самому, принес его дяде Эндрю. Но тот совершенно не оценил медвежьего великодушия. Медведь перекинул гнездо через прутья клетки и угодил профессору прямо в лицо (а ведь пчелы еще оставались живы). Сам медведь ничуть не возражал против того, чтобы получить медовыми сотами по носу; вот почему он не мог понять, с какой стати дядя Эндрю вдруг отшатнулся, поскользнулся и плюхнулся наземь. И надо ж такому случиться — он ухитрился сесть на чертополох! «В общем, — рассказывал кабан, — меду ему в рот попало предостаточно, а мед — штука полезная». Животные постепенно привыкли к этому странному существу и надеялись, что Эслан позволит им оставить его у себя. Те из них, что были поумнее, окончательно удостоверились в том, что некоторые звуки, издаваемые этим созданием, имеют какой-то смысл. Чаще всего существо повторяло что-то вроде «бренди», потому его так и прозвали — Бренди.

Впрочем, с наступлением вечера забавам пришел конец — Брэнди надо было отдохнуть, тем более что Эслан весь день провел с королем и королевой и за важными делами не сумел выкроить ни минутки, чтобы «поглядеть на беднягу». Дядя Эндрю отлично поужинал орехами, грушами, яблоками и бананами, которых ему накидали; но вряд ли можно сказать, что он провел в клетке приятную ночь.

— Выведите его, — велел Эслан. Один из слонов обхватил дядю Эндрю хоботом, вынул из клетки и аккуратно поставил на землю прямо перед львом. Профессор был так напуган, что просто не мог шевельнуться.

— Пожалуйста, Эслан, — проговорила Полли, — скажи что-нибудь, чтобы... чтобы подбодрить его. А потом запрети ему возвращаться сюда.

— По-твоему, он захочет вернуться? — спросил Лев.

— Нет. Но он может послать кого-то вместо себя, — убежденно сказала Полли. — Ему так понравилось, что из куска фонарного столба выросло фонарное дерево, что он...

— Он глупец и невежда, дитя мое, — прервал девочку Эслан. — Жизнь в этом мире бурлит лишь потому, что Песнь, которой я пробудил Нарнию, все еще разлита в воздухе, в воде и в земле. Как только она стихнет, все прекратится. Но объяснить это старому греховоднику я не могу и подбодрить его я тоже не в силах, ибо он отказывается понимать мою речь. Заговори я с ним, он услышит только рычание. О чада Адамовы,

сколь умело вы защищаете себя от того, что сулит вам добро! Я одарю его тем единственным даром, какой он еще способен принять.

Лев печально наклонил голову и дохнул прямо в лицо профессору.

— Спи,— сказал Эслан.— Спи и избавься на несколько часов от тех мучений, на какие ты сам себя обрек,— дядя Эндрю закрыл глаза и с блаженной улыбкой повалился наземь.— Отнесите его в укромное место,— распорядился Лев.— Эгей, гномы! Говорят, вы искусные кузнецы? Покажите же мне, как вы куете короны для наших короля и королевы.

Откуда ни возьмись набежало великое множество гномов. В мгновение ока они оборвали все листья с Золотого деревца и отломали несколько веток. Дети с изумлением поняли, что деревце не просто отливало золотом — оно и вправду было золотым. (Скажу вам по секрету — это деревце выросло из золотых полусоверенов, что выпали из карманов дяди Эндрю, когда его поставили вверх ногами; а серебряное деревце выросло из полукрон.) Вот появились кучи хвороста, маленькая наковальня, молоты, горн и щипцы. Не теряя времени, гномы взялись за работу: запылал огонь, зашумели мехи, золото начало плавиться, застучали молоты и молотки. Два крота, которых Эслан еще утром отправил рыться в земле (любимое кротовье занятие!), насыпали к ногам гномов груду драгоценных камней. Ловкие пальцы коренастых кузнецов на глазах придавали коронам форму — то были не уродливые массивные короны наших дней, а легкие, изящные, чудесные золотые обручи, которые красили всякого, кто их носил. Корона Фрэнка была отделана рубинами, а корона Хелен — изумрудами.

Когда короны остудили в речной воде, Эслан велел Фрэнку и Хелен преклонить колени и возложил короны на их головы. А затем молвил:

— Поднимитесь, король и королева Нарнии, отец и мать многих королей грядущего, будь то правители Нарнии, Островов или Арченланда! Правьте отважно, справедливо и милосердно. Благословен ваш жребий!

Раздались радостные крики, лай, ржание, клекот, биение крыльев. Королевская чета стояла, взявшись за руки; они немного смущались, и это смущение делало их еще прекраснее.

Внезапно Дигори, радовавшийся вместе с остальными, услышал голос Эслана.

— Глядите! — сказал Лев.

Все повернулись в ту сторону, куда он показывал, и у всех вырвался вздох изумления и восхищения. Чуть поодаль, на речном берегу, возвышалось дерево, которого раньше там точно не было. Должно быть, оно выросло быстро и бесшумно (так поднимается по флагштоку флаг), пока все веселились на коронации. Раскидистая крона отбрасывала не тень, а свет; под каждым листом сверкали, подобно звездам, серебряные плоды, расточавшие невыразимо прекрасный аромат, от которого захватывало дух. На мгновение все прочее, сколь важным оно ни было, утратило всякий смысл.

— Сын Адама, — проговорил Эслан, — твое семя взошло. Обитатели Нарнии, вашей заботе вверяю я это Древо, которое охранит вас от бед. Ведьма, о коей я уже говорил, бежала далеко на север; там она и будет жить, набираясь колдовского могущества. Но пока цветет и плодоносит это Древо, она не посмеет приблизиться к Нарнии, ибо Древо подпустит ее не ближе чем на сто миль. Аромат Древа, дарящий вам радость, счастье и доброе здравие, внушает ей ужас и сулит гибель.

Все собравшиеся не сводили с Древа глаз, а Лев внезапно повернулся (и золотой свет отразился от его гривы) к детям.

— Что такое, чада? — спросил он, ибо застал их в тот самый момент, когда они о чем-то шептались и подталкивали друг друга.

— О, Эслан... сэр... — выдавил Дигори, краснея. — Я совсем забыл сказать... Ведьма съела одно яблоко, такое же, как то, из которого выросло Древо... — Он не сказал всего, что собирался сказать, но ему помогла Полли (в отличие от мальчика, она редко боялась показаться смешной).

— Эслан, мы подумали, что ты ошибаешься... что она вовсе не испугается аромата плодов...

— Почему ты так решила, дочь Евы? — спросил Лев.

— Ну она же съела яблоко!

— Дитя мое, — мягко произнес Эслан, — именно поэтому все остальные яблоки отныне внушают ей невыразимый ужас. Так случается со всеми, кто срывает и съедает плоды в неурочный час и по собственной воле. На вкус яблоко превосходно, но потом этот вкус становится ненавистен.

— Понятно,— проговорила Полли.— Значит, раз она съела яблоко без разрешения, оно на нее не подействует? Ну, не даст ей вечной жизни и все такое?

— Увы,— покачал головой Эслан.— Напротив, дитя мое. Такова уж природа этих плодов. Она утолила свое заветное желание, обрела неиссякаемую силу и вечную молодость, стала подобна богине. Но бесконечная жизнь для злого сердца — всего лишь умножение страданий; она уже начала понимать это. Все получают по заслугам, и не всем это по нраву.

— Я... я сам чуть не съел яблоко,— признался Дигори.— Выходит, я бы тоже...

— И ты тоже, сын мой,— подтвердил Эслан.— Яблоки действуют на всех, уж так заведено, однако тем, кто срывает их по собственной воле, они счастья не приносят. Любой обитатель Нарнии, сорви он плод без позволения и принеси его сюда, чтобы посадить семя, вырастил бы Древо, хранящее сей край. Но Древо хранило бы Нарнию иначе: эта добрая страна превратилась бы с годами в могучую и жестокую империю, вроде Чарна. Сдается мне, сын мой, ведьма искушала тебя?

— Да, Эслан. Она подбивала меня забрать яблоко и отдать его моей маме.

— Постарайся понять, что она бы исцелилась, но радости это не принесло бы ни ей самой, ни тебе. Рано или поздно настал бы день, когда бы вместе пожелали, чтобы этого не было и чтобы она умерла от своей болезни.

Дигори промолчал. Его душили слезы, он понял, что надеждам не суждено сбыться; и в то же время он знал, что Лев не обманывает, что на свете и вправду существуют вещи более ужасные, нежели смерть тех, кого мы любим всей душой.

Эслан продолжал, понизив голос почти до шепота:

— Это могло бы случиться, сын мой, укради ты яблоко. Но теперь этого не произойдет. Я подарю тебе то, что вернет радость в твое сердце. В твоем мире оно бессильно дать человеку вечную жизнь, но может исцелить. Вот. Сорви яблоко с Древа.

На мгновение Дигори застыл, не в силах поверить услышанному. Казалось, весь мир то ли перевернулся вверх ногами, то ли вывернулся наизнанку. Потом, словно во сне, мальчик подошел к Древу, и король с королевой весело окликали его, и животные окружили его со всех сторон.

Он сорвал яблоко и положил в карман, а затем вернулся к Эслану.

— Можно нам уйти? — спросил он тихо. Дигори забыл сказать «спасибо», но достаточно было взглянуть на лицо мальчика, чтобы понять, сколь велика его благодарность.

Глава 17
О том, чем закончилась эта история и как начались все прочие

— Со мной вам не понадобятся ваши кольца, — донесся голос Эслана. Дети моргнули от неожиданности: они вновь очутились в лесу между мирами, неподалеку, растянувшись на траве, крепко спал дядя Эндрю, а рядом с ними стоял Эслан.

— Пора возвращаться. Но сначала вы должны кое-что увидеть — предостережение и повеление. Смотрите хорошенько.

Дети увидели неглубокий овраг, поросший травой.

— Когда вы были тут в последний раз, — продолжал Эслан, — этот овражек был озером. Прыгнув в него, вы попали в мир умирающего солнца над развалинами Чарна. Теперь озера больше нет. Тот мир исчез, словно никогда не существовал. И да будет его судьба предостережением Адамовым чадам.

— Да, Эслан, — хором ответили дети.

Полли не могла удержаться, чтобы не спросить:

— Неужели мы такие же плохие, как они?

— Пока нет, дочь Евы, — ответил Лев. — Пока нет. Но вы становитесь похожими на них, и чем дальше, тем больше. И может случиться так, что ваши злодеи найдут секрет столь же ужасный, как Гибельное Слово, и воспользуются им, чтобы уничтожить всех живых существ. И скоро, очень скоро, прежде чем вы постареете, великими нациями вашего мира будут править тираны, которые ничуть не лучше императрицы Джадис. Ими будут попраны и радость, и справедливость, так что ваш мир должен поостеречься. А теперь — повеление. Заберите у вашего дяди все магические кольца и закопайте их так, чтобы никто никогда их не нашел.

Когда Лев произносил эти слова, дети глядели ему в глаза. И внезапно им почудилось (они так и не поняли, произошло это на самом деле или нет), будто львиная морда превратилась в золотистое море и они плавают в этом море, и на них

накатила волна столь могучая и столь могущественная, что им сразу стало ясно — до сих пор они и ведать не ведали, что такое *настоящие мудрость и доброта*, что такое *настоящая* жизнь. И воспоминание об этом мгновении оставалось с ними до конца дней; и стоило им в печали или в гневе вспомнить о золотистом море и ощутить могучую волну, совсем рядом, словно за углом, как к ним возвращались спокойствие и уверенность в том, что все будет хорошо. В следующую секунду все трое (дядя Эндрю к тому времени проснулся) очутились в Лондоне и окунулись в шум и суету большого города.

Они оказались на тротуаре перед домом Кеттерли. Все было точь-в-точь как в то мгновение, когда они бежали отсюда; отсутствовали только ведьма да кэбмен с Ягодкой. Вон покосившийся фонарь; вон обломки кэба; вон толпа зевак. Все громко обсуждают случившееся, кто-то помогает подняться полисмену, приговаривая: «Очухался, поди... Ты как, старина?... Врач вот-вот приедет».

— Великие небеса! — пробормотал Дигори. — А я-то думал, прошла уйма времени.

Многие озирались по сторонам, высматривая Джадис и Ягодку. Никто не обратил внимания на детей, поскольку никто не видел, как они исчезли и как появились снова. Что же касается дяди Эндрю, в грязном, разорванном платье, с лицом в меду, его не узнала бы и родная мать. По счастью, дверь дома была открыта, на пороге стояла служанка, явно наслаждаясь всем происходящим; поэтому дети незаметно провели дядюшку внутрь и облегченно вздохнули.

Профессор вырвался и рысью устремился вверх по лестнице. Ребята испугались было, решив, что он помчался в мансарду, чтобы забрать остальные кольца. Но бояться было нечего. Дядя Эндрю сейчас мог думать только об одном — о бутылке, спрятанной в платяном шкафу; он вихрем ворвался в свою спальню и запер за собой дверь. Когда же дверь снова открылась, дядюшка был уже в халате и нетвердым шагом направился в ванную.

— Займись кольцами, Полли, — попросил Дигори. — А я пойду к маме.

— Ладно. Увидимся. — Полли взбежала по лестнице.

Дигори постоял, собираясь с духом, а затем на цыпочках двинулся к маминой комнате. Мама лежала, откинувшись на подушки, и лицо у нее было по-прежнему такое бледное, что

при взгляде на него хотелось плакать. Дигори достал из кармана яблоко жизни.

И, подобно тому как ведьма Джадис выглядела в нашем мире иначе, чем в своем, яблоко из горного сада тоже отличалось от того, каким Дигори запомнил его по Нарнии. В комнате было много ярких вещей: разноцветное вязаное покрывало на кровати, пестрые обои, яркий солнечный свет из окна, мамино небесно-голубое платье. Но стоило Дигори достать яблоко, как все цвета в комнате словно поблекли, потускнел даже солнечный свет. Серебристое яблоко разливало вокруг чудесное сияние, отбрасывая диковинные блики на потолок. Ни на что другое смотреть не хотелось — да и, честно говоря, смотреть куда-либо еще было попросту невозможно. Аромат же от яблока шел такой, будто окно комнаты выходило в райский сад.

— Ох, милый, какая прелесть! — проговорила мама.

— Съешь его, пожалуйста. Хотя бы кусочек.

— Не знаю, разрешит ли доктор... Впрочем, мне и вправду хочется...

Мальчик срезал кожуру, разделил яблоко на ломти и поднес их маме. И стоило ей съесть последний кусочек, как она улыбнулась, откинулась на подушки и заснула — крепким, здоровым сном, для которого не понадобилось никакого снотворного (а ведь раньше, Дигори знал, она не могла без него обойтись). И мальчик заметил, что ее лицо стало другим. Он наклонился, поцеловал маму и на цыночках вышел из комнаты, прихватив с собой огрызок яблока. Остаток дня, бродя по дому, он невольно думал, какое тут все обыденное и неволшебное, и тогда надежда отступала; но затем на память приходили слова Эслана, и надежда вновь возвращалась.

Вечером он закопал огрызок в саду.

На следующее утро к маме, как обычно, пришел доктор. Дигори спрятался на лестнице, чтобы услышать, что они будут говорить. Доктор вышел из комнаты и сказал тете Летти, ожидавшей в коридоре:

— Мисс Кеттерли, я потрясен! Это первый случай в моей практике. Это чудо, не подберу иного слова. Мальчику я бы пока ничего не говорил — мало ли что, всякое может случиться. Но по моему мнению...— тут он понизил голос, и больше Дигори ничего не разобрал.

Днем он вышел во двор и свистнул, как договаривались, вызывая Полли (накануне вечером она вырваться не смогла).

— Ну как? — спросила Полли, выглядывая из-за стены. — Как твоя мама?

— По-моему... по-моему, все хорошо, — ответил Дигори. — Знаешь, я пока помолчу, ладно? Давай покончим с кольцами.

— Они все у меня, — сказала Полли. — Я даже перчатки надела. Ну что, пойдем закапывать?

— Угу. Я уже закопал в саду огрызок яблока и место пометил, чтобы все вместе лежало.

Полли перебралась через ограду, и они пошли в сад. Как выяснилось, помечать место не было необходимости. Там, где Дигори закопал огрызок, вырос юный побег; он рос не так быстро, как нарнианские деревья, но уже поднялся над землей. Дети принесли лопату и закопали все магические кольца, в том числе свои собственные, под этим побегом.

Около недели спустя стало окончательно ясно, что мама Дигори поправляется. Через две недели она уже сидела в саду. А через месяц с домом Кеттерли произошла разительная перемена. Тетя Летти делала все, чтобы угодить сестре: открывала окна, раздвигала шторы, впуская в комнаты солнечный свет, расставляла новые цветы, настроила пианино; мама снова начала петь и играла с Дигори и Полли в такие игры, что тетя Летти не раз говорила: «Мейбл, ты совсем как ребенок».

Когда дело не ладится, с каждым днем все становятся хуже и хуже; а когда налаживается, каждый новый день приносит новые радости. Через шесть недель из Индии пришло длинное письмо от папы; в нем говорилось, что старый дедушка Керк умер и оставил папе большое наследство. Папа собирался выйти в отставку, навсегда покинуть Индию и вернуться домой. Теперь тот большой деревенский дом, о котором Дигори столько слышал, но которого никогда не видел, принадлежал ему и маме с папой; в этом доме были рыцарские доспехи, конюшни, псарни, река, парк, оранжереи, виноградники, а вокруг леса и даже горы. Дигори не сомневался, что отныне они будут жить счастливо.

Пожалуй, вам хочется узнать кое о чем еще.

Полли и Дигори сдружились настолько крепко, насколько это возможно, и она приезжала чуть ли не каждые каникулы погостить в чудесном деревенском доме; там она научи-

лась ездить верхом, плавать, доить коров, печь хлеб и лазать по скалам.

В Нарнии животные жили в мире и радости, и ни ведьма, ни какой другой враг не тревожили их чудесную страну на протяжении многих столетий. Король Фрэнк, королева Хелен и их наследники правили мудро и справедливо; второй сын короля с королевой стал правителем Арченланда. Юноши женились на нимфах, девушки выходили замуж за лесных и речных богов. Фонарь, который, сама того не подозревая, посадила ведьма, сиял в нарнианском лесу день и ночь, и потому местность вокруг него стали называть Фонарным углом; когда много лет спустя в Нарнию попала другая девочка из нашего мира, этот фонарь освещал ей путь в зимнюю снежную ночь. Кстати сказать, ее приключения имеют некоторое отношение к событиям, о которых вы только что узнали.

Вот что вам следует знать. Деревце, которое выросло на заднем дворе дома Кеттерли из огрызка серебряного яблока, превратилось в раскидистую яблоню. Оно росло в нашей почве, вдалеке от Эслана и чудесного юного воздуха Нарнии, поэтому его яблоки не обладали той живительной силой, которая спасла маму Дигори; однако прекраснее этих яблок не нашлось бы во всей Англии — они были необыкновенно прекрасны, хоть и не волшебны. Однако само дерево, так сказать, в глубине ствола, никогда не забывало, из какого плода, из какого семени оно выросло. Порой оно таинственно шелестело листвой, хотя ветра не было и в помине; должно быть, это случалось, когда ветер задувал в Нарнии и нарнианская яблоня в горном саду раскачивалась под его порывами. А позже выяснилось, что в дереве сохранилась магия. Уже в зрелом возрасте Дигори (он стал знаменитым ученым, профессором и знаменитым путешественником) узнал, что яблоню на заднем дворе дома Кеттерли, который теперь принадлежал ему, повалило во время урагана, бушевавшего на юге Англии. Разумеется, Дигори не мог пустить такое дерево целиком на дрова; часть древесины пошла на изготовление большого платяного шкафа, который он поставил у себя в спальне. Сам он так и не узнал о магических свойствах шкафа — зато узнали другие. С того дня и начались постоянные перемещения из нашего мира в Нарнию и обратно; обо всем этом вы прочтете в других книгах.

Когда Дигори с родителями переселился в деревенский дом, с ними переехал и дядя Эндрю. Как сказал папа Дигори: «За старичком нужен присмотр, а у бедной Летти и без того забот хватает». До конца своих дней дядя Эндрю даже не пытался вновь заняться магией. Ему хватило преподанного урока; в старости он сделался куда приятнее в обращении и куда щедрее. Больше всего он любил провести гостя в бильярдную и пуститься в воспоминания о таинственной даме, чужеземной принцессе, которую он возил по Лондону. «Нрав у нее был поистине дьявольский, сэр, — приговаривал он. — Но какая женщина, сэр, ах, какая женщина!»

КОНЬ
И
ЕГО ВСАДНИК

г. Маунт-Пайр
N
W
E
S

Анвард
перевал
АРЧЕНЛАНД
ТЫНЯ
ПУСТЫНЯ
Усыпальни
Гашбаан

Посвящается
Дэвиду и Дугласу Грешемам

Глава 1
О том, как Шаста отправился в путь

Речь у нас пойдет о том, что приключилось в Нарнии в те самые времена, которые принято еще называть Золотым Веком, — когда Нарнией правил верховный король Питер, а вместе с ним его брат король Эдмунд и сестры — королева Сьюзен и королева Люси.

В те дни далеко на юге, в Калормене, жил в хибарке на самом морском берегу бедный рыбак по имени Аршиш, а при нем — мальчик, сызмальства привыкший величать Аршиша отцом. Мальчика звали Шаста. Почти каждое утро Аршиш уходил на лодке в море, к полудню возвращался, запрягал в повозку осла и ехал в соседнюю деревушку — продавать улов. Коли рыбу всю расхватывали, он возвращался домой довольный и ничего Шасте не говорил, а вот коли покупали со скрипом, Аршиш принимался костерить сына на чем свет стоит и даже, бывало, крепко поколачивал. У него всегда находилось к чему придраться: и то сказать, ведь Шаста и сети чинил, и обед готовил, и в доме прибирался — вон сколько дел, уж где-нибудь непременно напортачишь.

Шаста один или два раза ездил в деревушку вместе с Аршишем; этих поездок ему хватило, чтобы усвоить — на юг от их дома, за ручьем, нет ничегошеньки ну вот столечко интересного. Деревенские были похожи на его отца — все как один бородатые, в тюрбанах, в длинных и грязных одеждах, на ногах деревянные башмаки с загнутым мыском, а говорили

© Д. Афиногенов, перевод, 2000

они громко и вечно рассуждали о всякой скучной ерунде. Зато на севере!.. О! На севере лежали неведомые земли, манившие Шасту, как манит нас все запретное (ведь ему строго-настрого возбранялось ходить туда, а почему — он и знать не знал). Частенько, сидя под одиноким деревом, что росло возле хибарки, и штопая сети, он с тоской поглядывал на север, на травянистый склон, упиравшийся в гряду холмов, за которой было видно только небо с редкими птицами.

Порой, когда рядом оказывался Аршиш, мальчик спрашивал: «Отец мой, что там, за холмами?» В дурном настроении рыбак вместо ответа таскал Шасту за уши — мол, нечего языком трепать, давай работай. А когда настроение у него выдавалось мирное, он обычно отвечал так: «Сын мой, не забивай себе голову глупыми вопросами. Ибо сказано мудрецом: "Приверженность делу — залог преуспеяния, а те, кто задается вопросами, кои их не касаются, ведут ладью безрассудства на камни нужды"».

Всякий раз, когда Шаста слышал такой ответ, ему начинало казаться, что за холмами скрывается некая невообразимая тайна. На деле же рыбак отвечал так потому, что и сам ведать не ведал, что там, за холмами. По правде сказать, ему было все равно — и без того забот хватает, чтоб попусту любопытствовать!

Однажды с юга прискакал всадник. Шаста уставился на него разинув рот — этаких благородных господ он в жизни не видывал. На всаднике была кольчужная рубашка, из-под шелкового тюрбана виднелся шишак шлема. На бедре всадника висел кривой ятаган, за спиной виднелся круглый щит с медными заклепками, в правой руке неизвестный сжимал пику. И конь под ним был на загляденье: серый в яблоках, крепкий, ладный, с пышной гривой и длинным хвостом; стремена и уздечка отливали серебром. Лицо всадника было смуглым, как и у всех калорменцев, а вот борода, завитая и надушенная, — ярко-красной (Шаста и вообразить не мог, что бороду можно покрасить). Аршиш сразу догадался по золотому браслету на руке всадника, что видит перед собой таркаана, иначе говоря — знатного вельможу, и повалился ниц, потянув за собой сына.

Таркаан потребовал приюта на ночь; разумеется, рыбак не посмел ему отказать. Ради нежданного гостя на стол выставили самое лучшее, что только было в доме, но вельможа досад-

ливо поморщился и почти не притронулся к еде). А потом Шасту, как всегда, наделили куском хлеба и отослали прочь. Обычно мальчик шел в сарай, где держали осла, и ложился спать на устилавшем земляной пол тростнике. Но сейчас было еще рано, и потому Шаста, которого никогда не учили, что подслушивать нехорошо, уселся у хибарки и прижался ухом к трещине в стене. И вот что он услышал.

— Что ж, хозяин, — проговорил таркаан, — не буду скрывать — я имею виды на твоего мальчишку.

— О господин, — угодливо отозвался рыбак (Шаста живо представил себе, как отец жадно облизывается), — и какую же цену ты назначишь за то, чтобы твой недостойный слуга расстался со своим единственным чадом, отрадой его старости? Как сказано у мудреца: «Кровное родство важнее похлебки, и отпрыск для родителя дороже яхонта».

— Допустим, — сухо согласился таркаан. — Но другой мудрец сказал: «Помышляющий обмануть благоразумного подставляет спину бичу». Не пятнай свои седины ложью. Этот мальчишка вовсе не сын тебе, ибо твои щеки смуглее моих, а у него кожа белая, будто у ненавистных варваров, обитающих на далеком севере. Эти варвары — сущие исчадия преисподней, но пригожести им не занимать.

— Ох, как верно сказано, — вздохнул рыбак, — что на всякий меч найдется свой щит, но взор мудрого проникнет сквозь все препоны! Преклони же свой благосклонный слух, мой сиятельный гость. Всю свою жизнь я прозябал в бедности и потому никогда не женился и не завел ребенка. Но случилось так, что в полнолуние, в тот самый год, когда началось благое правление нашего великого тирока — да живет он вечно! — боги в неизреченной милости своей лишили меня ночного сна. И поднялся я с убогого моего ложа и вышел на берег, чтобы насладиться свежестью воздуха и омочить персты в соленой влаге. И внезапно донесся до меня плеск, будто пенили воду весла, и различил я чей-то крик. А вскоре приливною волною примчало к берегу лодку, и в ней был мужчина, исхудавший от голода и изнемогший от жажды, и был он уже мертв, хоть и не успел остыть; и подле него, на дне лодки, валялся пустой бурдюк из-под воды — а рядом лежал младенец. И молвил я себе: «Верно, несчастные эти потерпели кораблекрушение, и старший, по соизволению благорасположенных богов, голодал, дабы выжил меньшой, и скончался в виду

спасительной земли». И припомнил я тогда, что того, кто помогает нуждающимся, боги не преминут щедро вознаградить, и, движимый состраданием, ибо твой ничтожный слуга — человек добросердечный...

— Прибереги похвалы для других, глупый старик! — перебил таркаан.— Иными словами, ты забрал ребенка — и сдается мне, по его виду, что за каждый кусок хлеба с твоего стола он уже отработал впятеро! Назови же наконец свою цену. Твое витийство меня утомляет.

— О господин мой,— воскликнул Аршиш,— как ты мудро изволил заметить, этот мальчик — моя надежда и опора. И потому его цена не может быть малой. Ведь когда я продам его тебе, мне придется покупать или нанимать кого-то взамен.

— Хорошо, хорошо,— сказал таркаан.— Даю тебе пятнадцать мин серебром.

— Пятнадцать! — вскричал Аршиш. По голосу рыбака чувствовалось, что он уязвлен до глубины души.— Пятнадцать! Светлейший таркаан, снизойди к моему почтенному возрасту! Не потешайся над моими сединами! Я говорю — семьдесят.

Тут Шаста поднялся, стараясь не шуметь, и на цыпочках двинулся прочь. Он услышал все, что хотел: ему доводилось наблюдать, как торгуются деревенские, так что он знал, чем все кончится. Мальчик ничуть не сомневался, что в конце концов Аршиш уступит его таркаану — не за пятнадцать мин, конечно, но и не за семьдесят; а еще он был уверен — чтобы сторговаться, им потребуется несколько часов.

Окажись на месте Шасты кто-нибудь из нас с вами, мы бы наверняка пришли в ужас, услыхав, что родители собираются продать нас в рабство. Однако Шаста нисколько не испугался — по правде сказать, на побегушках у Аршиша он и без того был почти рабом. Вполне может статься, что разодетый незнакомец на гордом коне окажется добрее родного отца... Нет, не родного! Какое счастье, что Аршиш ему не отец! Мальчик нередко упрекал себя за то, что, как ни старается, у него не выходит полюбить рыбака — а ведь сыну положено любить отца. Теперь-то понятно, почему у него ничего не получалось. Хвала великим небесам! «А кто же мой настоящий отец? — подумалось Шасте.— А вдруг он — таркаан? Или тисрок — да живет он вечно? Или даже бог?..»

Мальчик вышел на лужайку перед домом. Вечерело, сгущались сумерки, на западе догорал закат, а над головой

уже появились первые звезды. Неподалеку, привязанный к железному кольцу в стене сарайчика, щипал траву конь чужака. Шаста несмело приблизился к животному, погладил его по боку. Конь не повел и ухом и продолжал щипать траву.

— А что он за человек, этот таркаан? — громко спросил Шаста сам у себя.— Вот будет здорово, коли он окажется добрым господином! Я слыхал, бывают такие господа, у которых рабам живется припеваючи: и платье им выдают, и мясом каждый день кормят... А вдруг он возьмет меня на войну, и я спасу ему жизнь, и он освободит меня, и назовет своим сыном, и поселит во дворце, и подарит мне колесницу и полный доспех! А коли он грубый и жестокий, что тогда? Закует в кандалы и пошлет работать в поле... Эх, кабы знать! Уж лошадке-то наверняка известно, что да как; могла бы она говорить, я бы ее расспросил.

Конь вскинул голову. Шаста снова погладил его, приговаривая:

— Кабы ты, лошадка, умела говорить...

Ему почудилось, будто он грезит наяву — конь скосил на него глаз и ответил, негромко, но отчетливо:

— Я умею.

Глаза мальчика округлились от изумления. Он не поверил собственным ушам.

— Ой! Э...— выдавил он наконец.— Ты и вправду умеешь говорить?

— Шш! Не кричи! — предостерег конь.— Там, откуда я родом, почти все животные умеют говорить.

— И где же это? — изумился Шаста.

— В Нарнии,— ответил конь.— В чудесной стране Нарнии, где склоны гор покрыты вереском, а холмы поросли тимьяном. В Нарнии, где по зеленым долинам текут веселые речки с прозрачной водой, где растут на камнях деревья и мхи, где по густым лесам разносится звон — то гномы трудятся в своих кузнях. А какой в Нарнии воздух! Тысяча лет в Калормене не стоит и одного часа в Нарнии! — И конь тихонько заржал, и ржание его походило на вздох.

— А как ты попал сюда? — спросил Шаста.

— Меня похитили,— объяснил конь.— Украли, увели — называй как хочешь. Я тогда был жеребенком, сущим несмышленышем. Матушка все твердила, что я не должен бегать на

южные склоны, в Арченланд, но я ее не слушал. И, клянусь львиной гривой, я поплатился за свое легкомыслие! Все эти долгие годы я был рабом, и мне приходилось скрывать от людей свою истинную натуру и притворяться таким же тупым и безмозглым, как их лошади.

— А почему ты не сказал никому, кто ты такой?

— Разве я похож на глупца, человек? Узнай кто-нибудь, что я умею говорить, меня стали бы показывать на ярмарках и не спускали бы с меня глаз. И все, прощай, свобода, на веки вечные.

— А почему... — начал было Шаста, но конь перебил мальчика.

— Послушай, — проговорил он, — я утолю твое любопытство потом, когда у нас будет время. А сейчас... Ты хотел узнать, что за человек мой хозяин, таркаан Анрадин? Со мной-то он обращается неплохо, ведь боевой конь стоит слишком дорого, чтобы дурно с ним обходиться. Но на твоем месте я бы предпочел умереть, чем оказаться у него в услужении.

— Тогда мне лучше сбежать, — пробормотал побледневший Шаста.

— Вот именно, — подтвердил конь. — А хочешь, убежим вместе?

— Ты тоже хочешь сбежать? — удивился мальчик.

— Да — если со мной будешь ты, — ответил конь. — Если мы убежим вдвоем, у нас может получиться. Видишь ли, на лошадь без седока позарится первый встречный. А с седоком — совсем другое дело, никому и в голову не придет, что я сбежал. Что же до тебя, далеко на этих двух хилых человеческих ножках тебе не уйти. А на мне ты обгонишь любого из здешних коней. Кстати, ты верхом-то ездить умеешь?

— Конечно, — гордо заявил Шаста. — Я сколько раз ездил на осле!

— На ком, на ком? — с нескрываемым презрением переспросил конь. (Вообще-то у него получилось: «На ком-иго-гом?» Дело в том, что говорящие лошади, когда сердятся, часто сбиваются на речь, впитанную с молоком матери). — Иначе говоря, ты *не умеешь* ездить верхом. Да, незадача... Что ж, придется учить тебя по дороге. А хоть падать-то умеешь?

— Эка невидаль, — пробурчал пристыженный Шаста. — Упасть всяк горазд.

— Умеешь ли ты падать и подниматься снова, взбираться в седло, чтобы упасть вновь? Умеешь ли забывать про синяки и ушибы?

— Нет,— признался Шаста,— но я постараюсь научиться.

— Бедняжка,— мягко проговорил конь.— Я и запамятовал, что ты — всего лишь жеребенок. Не унывай, мы еще сделаем из тебя наездника! Ну да ладно, слушай. Мы тронемся в путь, как только эти двое в доме заснут. А пока нам нужно выбрать дорогу. Мой таркаан едет в великий город Ташбаан, ко двору тисрока, и там... Что с тобой?

Шаста глядел на коня выпученными глазами.

— Э... Я... А разве не надо прибавлять: «Да живет он вечно»? — с запинкой выговорил мальчик.

— Чего ради? — воскликнул конь.— Я — вольное существо по праву рождения. С какой стати мне говорить на языке рабов и глупцов? Не хочу я, чтобы ваш тисрок жил вечно, да и не проживет он вечность, сколько ему того ни желай. Между прочим, ты ведь тоже с севера, судя по твоей белой коже. Так что нам обоим не пристало нести всякую околесицу. Усвоил? Итак, как я уже упоминал, мой хозяин держит путь в Ташбаан...

— Выходит, мы отправляемся на юг?

— Ну, почему же? — откликнулся конь.— Вовсе нет. Пойми, он считает меня безмозглой скотиной, вроде прочих здешних лошадей. Будь я таков на самом деле, оставшись без всадника, я бы побежал домой, в дворцовую конюшню. Его дворец — на юге, в двух днях пути отсюда. Там-то он и станет меня искать. Ему и во сне не привидится, что я поскакал в Нарнию! Вернее всего, он решит, что меня увел какой-нибудь конокрад из деревушки, через которую мы проехали по дороге сюда.

— Ура! — шепотом крикнул Шаста.— Мы едем на север! Вот здорово! Я всю жизнь хотел там побывать!

— Еще бы,— фыркнул конь.— В тебе говорит голос крови. Я уверен, ты — чистокровный северянин. Но не шуми, не то разбудишь их — если, конечно, они уже спят.

— Давай я пойду посмотрю,— вызвался Шаста.

— И вправду сходи,— согласился конь.— Но гляди в оба, чтоб тебя не поймали.

Пока они строили планы, на землю пала ночь. Было очень тихо, разве что шуршали волны, накатываясь на берег, но

Шаста, сызмальства привычный к шуму прибоя, не различал этого звука. В хибарке, похоже, спали — лампа не горела. Мальчик подкрался к двери, затем подобрался к окошку, затаил дыхание — и услышал знакомый с присвистом храп. Рыбак спал, а значит, спал и его гость. Неужели, подумалось мальчику, он слышит этот храп в последний раз в жизни? Вот забавно... Послушав мгновение-другое, Шаста прокрался к сарайчику, где держали осла, пошарил в потайном месте, достал ключ, открыл дверь и вытащил наружу седло и уздечку, снятые на ночь с коня. С кем ему было по-настоящему жаль расставаться, так это с осликом. Он наклонился и со словами: «Прощай, дружище!» поцеловал ослика в нос.

— Наконец-то! — встретил его конь, когда он вернулся на лужайку. — А я гадаю, где ты пропадаешь!

— Надо же было достать твою сбрую, — ответил Шаста. — Может, подскажешь, как это все надевается?

Следующие несколько минут Шаста возился со сбруей, стараясь производить как можно меньше шума, а конь приговаривал: «Затяни потуже... Пряжка должна быть ниже... Укороти стремена... Вот так, молодец...» Когда же мальчик сделал все, что от него требовалось, конь сказал:

— Теперь поводья. Надеть мы их наденем, чтобы не вызывать подозрений, но пользоваться ими ты не будешь. Привяжи их к седлу, да не туго, чтобы я мог двигать головой. И помни — больше к ним не прикасайся!

— А для чего они? — спросил Шаста.

— Вообще-то для того, чтобы всадник мог управлять лошадью, — отозвался конь. — Но мною управлять не нужно, все равно ты дороги не знаешь, поэтому поводья тебе ни к чему. И еще одно. Не цепляйся, пожалуйста, за мою гриву.

— Да как же мне тогда держаться?! — воскликнул Шаста. — Я же сразу упаду!

— Держись коленями, — посоветовал конь. — Так ездят настоящие конники. Сядь прямо, будто ухват проглотил, сожми меня коленями, да покрепче — небось не раздавишь, локти прижми... О! А шпоры тебе зачем?

— Как зачем? — не понял Шаста. — Я же видел, все ездят со шпорами.

— Положи-ка их в сумку, — велел конь. — Будем в Ташбаане, мы их продадим. Ну, готов? Тогда залезай.

— Ой, какой ты большой! — отдуваясь, проговорил Шаста, когда его первая попытка взобраться на коня закончилась неудачей.

— Я же конь, а не осел, — был ответ. — Видели бы нас со стороны, точно бы решили, что ты лезешь на копну сена. Ну-ка, попробуй еще. Неплохо, неплохо. Теперь сядь прямо; вспомни, что я говорил про колени. Подумать только: я ходил в атаку, выигрывал бега, а теперь несу на себе куль с соломой! — Конь добродушно фыркнул. — Ну, держись!

И они тронулись в путь. Сначала конь неторопливой поступью двинулся к неглубокой речушке, что впадала в море к югу от хижины рыбака; там он оставил на песке отпечатки копыт, по которым сразу становилось ясно: он убежал на юг. Затем вошел в воду и направился вверх по течению — до того места, где северный берег речушки был усыпан галькой. Там конь выбрался из воды и, по-прежнему неспешно, двинулся на север; мало-помалу хижина с одиноким деревом, ослиный сарайчик и ручей — все, что Шаста привык называть домом — растаяли в сумраке летней ночи. Пологий склон вывел путников на гребень холма — того самого холма, за которым обрывался известный Шасте мир. Теперь перед ними расстилалась равнина, края которой в темноте было не разглядеть; да и был ли у нее край?

— Что скажешь? — спросил конь. — По-моему, самое время пуститься вскачь.

— Пожалуйста, не надо! — взмолился Шаста. — Я не умею... Ну пожалуйста, лошадка... Ой! Я же не знаю, как тебя зовут.

— Брихи-хинни-бринни-хухи-ха, — горделиво отозвался конь.

— Мне этого никогда не выговорить, — пробормотал Шаста. — Можно, я буду звать тебя Бри?

— Что с тобой поделаешь, — вздохнул конь. — Зови. А мне тебя как называть?

— Я Шаста.

— Хм, — протянул Бри. — Вот уж имечко так имечко... Ладно, забудем. Поверь мне, на скаку в седле удержаться очень просто — конечно, если знаешь как. Сожми колени и смотри прямо перед собой, на землю не гляди. Если тебе покажется, что ты падаешь, постарайся выпрямиться и крепче сжимай колени. Понял? Что ж, вперед! На север, в Нарнию!

Глава 2
Дорожные приключения

Шаста проснулся ближе к полудню; что-то теплое ткнулось ему в лицо. Он открыл глаза и увидел прямо перед собой лошадиную морду. Бри! Мальчик попытался сесть, но тело вдруг пронзила резкая боль.

— Ой, Бри! — проговорил Шаста со стоном. — У меня все болит. Я шевельнуться не могу.

— Доброе утро, малыш, — отозвался конь. — Болит, говоришь? Этого я и боялся. Тут дело не в том, что ты с меня падал. Ведь упал ты раз десять, не больше, да все на мягкую травку; на такой поваляться — одно удовольствие. А когда сверзился напоследок, угодил в кусты... Верно, ты еще просто не привык ездить верхом. Ну да ничего, скоро освоишься. Как ты насчет завтрака? Я-то уже перекусил.

— Да пропади пропадом и завтрак, и все на свете! — воскликнул Шаста. — Говорю тебе, я шевельнуться не могу!

Но конь, похоже, думал иначе: сперва он осторожно подтолкнул мальчика копытом, а затем, подпихивая носом, помог подняться на ноги.

Шаста огляделся. Позади виднелась крохотная рощица. Впереди травянистый, усеянный белыми цветами склон сбегал к обрыву. А за обрывом, внизу, так далеко, что плеск волн был едва слышен, раскинулось море. Шаста никогда прежде не глядел на море с такой высоты и даже не подозревал, какое оно огромное и сколько у него оттенков. Побережье тянулось вправо и влево, насколько хватало глаз; там, где на берегу громоздились камни, беззвучно пенился прибой. Над водой кружили чайки, солнце припекало и над сушей дрожало марево. Вдруг мальчику почудилось, будто чего-то не хватает. Он покрутил головой, принюхался и догадался! В кои-то веки не пахло рыбой! Шаста настолько привык к этому запаху, что совсем недавно не мыслил без него жизни. А свежий воздух был столь чудесен, что прежняя жизнь сразу отодвинулась в дальнюю даль. Мальчик и думать забыл о своих синяках, царапинах и натруженных мышцах.

— Что ты там говорил насчет завтрака? — весело спросил он, поворачиваясь к Бри.

Конь одобрительно фыркнул.

— Поройся в седельных сумках — думаю, там найдется человеческая еда. Вон они, на дереве. Ты их сам туда повесил вчера ночью — или сегодня утром, уж кому как нравится.

Шаста последовал совету Бри и взялся рыться в сумках. Ему несказанно повезло — в одной из сумок нашелся пирог с мясом, чуть-чуть зачерствевший, но вполне съедобный; а еще сушеные фиги, ломоть зеленого сыра и фляжка с вином. А в другой сумке обнаружилось целое состояние — почти сорок мин серебром! Этаких денег Шаста в жизни не держал в руках!

Морщась от боли, мальчик сел наземь, прислонился спиной к дереву и принялся за пирог. Конь решил составить компанию своему всаднику и вновь пустился щипать траву.

— Выходит, мы — воры, раз взяли чужие деньги? — неожиданно спросил Шаста.

— Ум? — проговорил конь, поднимая голову. Дожевав, он задумчиво посмотрел на мальчика. — Как тебе сказать, малыш... Конечно, вольной лошади, к тому же говорящей, красть не пристало. Но я бы рассудил так. Мы с тобой — пленники в чужой стране. Вокруг нас враги. Потому эти деньги — военная добыча, трофей, дуван. Вдобавок без денег нам не найти еды для тебя. Ведь ты, к несчастью, не ешь ни травы, ни овса, как подобает разумным существам.

— Не ем, — согласился Шаста.

— А пробовал?

— Угу. И не сумел даже проглотить. Да и ты не смог бы на моем месте.

— Забавные вы все-таки, люди, — сдержанно произнес Бри.

Наконец Шаста покончил с завтраком (самым вкусным в его жизни). Бри, терпеливо дожидавшийся, пока мальчик наестся, заявил, что перед дорогой намерен как следует размяться. «Отлично! Отлично! — приговаривал он, катаясь по траве и дрыгая всеми четырьмя ногами. — Иди сюда, Шаста! Весьма полезное занятие».

Но мальчик только расхохотался.

— Ты такой смешной, когда лежишь на спине! — воскликнул он.

— Ничего подобного! — важно возразил Бри. Но затем конь перекатился на бок, вскинул голову и пристально поглядел на Шасту. — Правда? — встревоженно спросил он.

— Ага, — со смехом подтвердил мальчик. — Такой большой, а ведешь себя как жеребенок.

— Какой ужас! — проговорил Бри.— Это здешние безмозглые коняги виноваты! Это у них я научился всяким глупым выходкам! Страшно даже представить, как на меня посмотрят в Нарнии, когда узнают, сколько дурных привычек я приобрел! Что скажешь, Шаста? Только честно. Не щади моих чувств. Как по-твоему, говорящие лошади в Нарнии катаются по траве?

— Откуда мне знать? — удивился мальчик.— Коли уж на то пошло, на твоем месте я бы сначала попал в эту самую Нарнию, а там бы уж беспокоился обо всем прочем. Ты дорогу-то ведаешь?

— Я знаю, как добраться до Ташбаана. За городом начинается пустыня. Не бойся, пустыню мы одолеем! Пустыня упирается в Северные горы... Север, Шаста! Север и Нарния! Лишь бы Ташбаан миновать, а там нас уже никто не остановит.

— А обойти его нельзя?

— Обойти-то, конечно, можно... Но, во-первых, придется уйти от моря в глубь страны, во-вторых, нас почти наверняка задержат, а в-третьих, я не знаю той дороги. Нет, мы двинемся по берегу. В холмах нам попадутся разве что кролики да овцы, а они никому ничего не расскажут. Ну что, в путь?

На негнущихся ногах Шаста оседлал Бри и кое-как взобрался коню на спину. Весь день напролет Бри шел легкой рысью; его так и подмывало пуститься в галоп, но он понимал, что Шаста не выдержит скачки. Под вечер они спустились по крутому склону в долину, где пряталась приморская деревушка. На околице Шаста спешился и отправился за снедью; пока он покупал хлеб, лук и редис, Бри обошел деревню и встретил мальчика на дальней стороне. Еды мальчику хватило на два дня; вечером второго они с Бри вновь разделились — один пошел за провизией, другой пустился в обход. И с тех пор они поступали так всякий раз, когда Шасте требовалась еда.

Каждый новый день казался мальчику лучше предыдущего. О прежней жизни он почти не вспоминал, его мышцы становились все тверже, и с коня он падал все реже и реже. Впрочем, Бри продолжал ворчать — мол, как сидел ты на мне мешком с мукой, так и сидишь. «С тобою на спине,— прибавлял конь,— я бы постыдился выйти на тракт». Однако, несмотря на свое ворчание, Бри оказался неплохим наставником. И то сказать — кто как не лошадь может научить верхо-

вой езде? Они скакали рысью и галопом, Шаста научился держаться в седле, даже когда конь резко останавливался или вдруг кидался в сторону (Бри твердил мальчику, что в бою надо быть готовым ко всему). И конечно же, Шаста просил Бри поведать о битвах, в которые конь носил своего хозяина-таркаана. И Бри рассказывал — о марш-бросках, о переправах через бурные реки, об атаках пехоты и жестоких кавалерийских сечах, в которых лошади дерутся наравне с людьми: кусают, бьют копытами, топчут, встают на дыбы, чтобы их всадники обрушили на врагов свои мечи и топоры с удвоенной силой. Правда, обо всем этом Бри рассказывал вовсе не так часто, как хотелось бы Шасте.

— Не приставай ко мне,— отвечал обычно конь, когда мальчик особенно допекал его своими просьбами.— То были войны тисрока, и я сражался в них как бессловесный раб. Другое дело — войны в Нарнии, там я буду биться вольным конем и среди своего народа! Вот об этих войнах можно рассказывать сколь угодно долго. На север, в Нарнию! Иго-го! Иго-го-го!

Шаста быстро усвоил, что после этого клича Бри пускается вскачь.

Путешествие продолжалось уже которую неделю. Бухта за бухтой, долина за долиной, река за рекой, деревня за деревней оставались позади, и сколько их было, Шаста просто не помнил. Зато он крепко-накрепко запомнил *ту* ночь... День напролет спали, выехали вечером. Холмы остались за спиной, впереди лежала равнина, освещенная луной, в полумиле слева виднелся лес. Море пряталось за песчаными дюнами справа. Бри то шел рысью, то переходил на шаг. Внезапно конь замер.

— Что такое? — спросил Шаста.

— Тсс! — прошипел Бри, выгибая шею и прижимая уши.— Ты ничего не слышишь?

Мальчик прислушался.

— Ба! Другая лошадь, между нами и лесом! — воскликнул он.

— Вот именно,— подтвердил Бри.— И мне это не нравится.

— Верно, крестьянин какой-нибудь домой едет,— Шаста зевнул.

— Не глупи! — одернул мальчика Бри.— А то я не отличу крестьянскую клячу от настоящего коня! Уж мне ли не отличить?! Это настоящий конь, и скачет на нем настоящий

всадник! Вот что я тебе скажу, Шаста: там, на опушке, таркаан. И под ним, конечно, не боевой конь — слишком легкая поступь для такого, как я,— но резвая кобылка самых чистых кровей.

— По-моему, они остановились,— сказал Шаста.

— Ты прав. Скажи на милость, почему он остановился, когда мы стали? Эх, Шаста, похоже, нас преследуют.

— Что же нам делать? — прошептал Шаста.— Думаешь, он нас видит?

— Вряд ли,— ответил Бри.— Но наверняка увидит, когда мы поскачем дальше. Эй, гляди-ка — к луне ползет облако! Сделаем так: едва оно закроет луну, мы с тобой двинемся к берегу. В случае чего, если уж совсем деваться некуда будет, спрячемся в дюнах.

Как только облако, о котором говорил Бри, подползло к луне, конь крадучись направился к берегу. Шаста застыл в седле, боясь шелохнуться.

Вскоре луна исчезла, словно проглоченная зловещим облаком, и пала непроглядная тьма. Шаста тщетно вглядывался во мрак — разглядеть хоть что-нибудь было попросту невозможно. «Надеюсь, мы уже в дюнах»,— пробормотал он, и в этот самый миг раздался звук, от которого сердце мальчика ушло в пятки: из темноты донесся протяжный, скорбный и дикий рык. Бри шарахнулся в сторону и во весь опор помчался прочь от моря.

— Что это было? — крикнул Шаста.

— Лев! — И Бри понесся резвее прежнего, будто у него выросли крылья.

Сколько продолжалась эта бешеная скачка, Шаста не знал. Вряд ли долго. Наконец Бри пересек вброд широкую, но мелкую реку и остановился на дальнем берегу. Он был весь в мыле и дрожал с головы до ног.

— Вода должна сбить его с нашего следа,— выговорил конь, тяжело дыша.— Дальше пойдем шагом,— помолчав, он прибавил: — Шаста, мне очень стыдно. Я испугался, испугался до полусмерти, словно бестолковая калорменская коняга! Ужасно, правда? Я не боюсь мечей, пик и стрел, но эти зверюги, они... Пожалуй, перейду-ка я на рысь.

А минуту-другую спустя Бри снова ударился в галоп — и не удивительно, ибо львиный рык повторился. На сей раз он донесся слева, от леса.

— Их двое! — простонал конь.

Бри уносил Шасту все дальше от моря. А мальчик напряженно прислушивался.

— Эй, Бри! — позвал он чуть погодя.— Другая лошадь совсем рядом. Как говорится, камнем докинешь.

— Спасены! — выдохнул Бри.— У таркаана есть меч. Он нас защитит...

— Бри! — вскричал Шаста.— Уж по мне, так пускай меня Лев сожрет! Тебе-то что, тебя в конюшню вернут, и все дела. А меня повесят за конокрадство! — Разумеется, мальчик тоже испугался львов, но не так сильно, как Бри: в отличие от коня, он со львами до сих пор не встречался.

Бри фыркнул в ответ, однако взял правее. Как ни странно, другая лошадь отвернула влево, так что очень скоро Шаста оказался далеко от таркаана. И вдруг львы зарычали снова, один за другим, справа и слева, и лошади вновь стали сближаться. А львы, невидимые в темноте,— страшно даже подумать — преследовали их по пятам! Рычание раздавалось все ближе, как будто хищники нагоняли своих жертв.

И тут из-за облака вынырнула ослепительно яркая луна, и стало светло как днем. Лошади мчались голова к голове, копыта высекали искры, всадники почти соприкасались коленями. Лучшей скачки в Калормене не видывали ни до, ни после,— так потом утверждал Бри.

Шаста мысленно попрощался с жизнью. Интересно, мелькнуло вдруг у него в голове, а львы как — убивают сразу или играют с добычей, как кошка с мышью? Наверное, будет больно... И в то же время — как нередко случается в такие моменты — мальчик с любопытством глядел на другого всадника. Тот был невысок, но строен, без бороды, зато в кольчуге, сверкавшей в лунном свете; в седле он держался весьма уверенно.

Внезапно перед Шастой распростерлось нечто плоское и блестящее. Не успел он задуматься, что же это такое может быть, как раздался громкий всплеск, и мальчик почувствовал во рту привкус соленой воды. На полном скаку кони влетели в бухту, глубоко вдававшуюся в сушу! Животные поплыли; вода доходила Шасте до колен. Сзади донеслось гневное рычание; обернувшись, Шаста различил у кромки воды огромную косматую фигуру. Как ни странно, Лев был всего один; должно быть, второй отстал или нашел другую добычу.

Судя по всему, в воду Лев прыгать не собирался. Он стоял на берегу, глядел вслед лошадям, достигшим уже середины бухты, и грозно рычал. Мальчик поежился и посмотрел на своего нежданного спутника. Тот хранил угрюмое молчание. «Наверно, ждет, пока мы выберемся на сушу,— подумалось Шасте.— А там как накинется на меня! И что я ему отвечу? Надо что-нибудь сочинить...»

Тут кто-то рядом с ним воскликнул:

— Как я устала!

— Придержи язык, Хвин, и не будь дурой,— ответил другой голос.

«Снится мне, что ли? — подумал Шаста.— Готов поклясться, это вторая лошадь говорила!»

Вот ноги лошадей коснулись дна, вот захрустела под копытами галька, и мокрые, лоснящиеся животные выбрались на берег. К великому изумлению Шасты, таркаан не спешил задавать вопросы, на которые у мальчика по-прежнему не было ответов. Он даже не смотрел на Шасту; более того, ему как будто не терпелось ускакать прочь. Он бы и ускакал, когда бы не Бри, заступивший дорогу второй лошади.

— Бру-ху-ха! — фыркнул он.— Тпру, лошадка! Я все слышал, госпожа моя, так что больше можете не притворяться. Вы — говорящая лошадь из Нарнии. Между прочим, ваш покорный слуга тоже родом оттуда.

— С дороги! — крикнул таркаан, кладя руку на рукоять меча.— Какое тебе дело до того, кто мы и откуда? — Голос таркаана был необычно высоким и тонким.

И вдруг Шаста догадался.

— Да это девчонка! — воскликнул он.

— И что с того, кретин? — был ответ.— На себя посмотри! Пентюх деревенский! Должно быть, ты раб, а этого коня ты украл у своего хозяина!

— Чья бы мычала! — обозлился Шаста.

— Он не вор, таркина,— вмешался Бри.— Уж коли обвинять кого в воровстве, то меня; это я украл мальчишку. А насчет того, какое мне дело до вас,— неужто, по-вашему, я могу пройти мимо дамы моего роду-племени и не перекинуться с ней даже словечком? Да разве такое возможно?

— Конечно нет,— вставила лошадка.

— Хвин, я велела тебе придержать язык,— осадила ее таркина.— Молчала бы — и никто бы к нам не привязался.

— Подумаешь! — фыркнул Шаста.— Да кто вас держит? Валите, куда хотите. Скатертью дорога!

— Мы сами решим, что нам делать,— холодно сообщила девушка.

— До чего же бывают сварливы и упрямы эти люди,— заметил Бри, обращаясь к лошадке.— Что твои мулы, честное слово. Нет чтоб вести себя, как подобает разумным существам! Полагаю, госпожа моя, у нас схожая судьба? Похищены в ранней юности, проданы в рабство, провели много лет в Калормене?..

— Чистая правда, господин мой,— ответила лошадка и тихонько заржала.

— А теперь решили убежать?

— Не отвечай ему, Хвин! — потребовала таркина.

— Почему, Аравис? — спросила лошадка, вскидывая голову.— В лошадях я разбираюсь лучше, чем ты. И я уверена — столь благородный конь ни за что нас не предаст. Да, мы убежали из дома и держим путь в Нарнию.

— Значит, нам по дороге,— сказал Бри.— Думаю, вы и сами догадались. Когда встречаешь среди ночи мальчишку в обносках верхом на боевом коне — это означает лишь одно: тут дело нечисто. Кстати, да позволено мне будет заметить, но встретить ночью высокородную таркину в мужских доспехах тоже доводится нечасто. А если таркина эта, вдобавок, еще и требует, чтобы ее оставили в покое,— поневоле заподозришь, что она от кого-то бежит!

— Ладно,— буркнула девушка.— Да, мы с Хвин — беглянки. Мы скачем в Нарнию. Что теперь?

— Как что? — удивился Бри.— Дальше мы поскачем вместе. Госпожа Хвин, вы ведь не откажетесь от моей защиты и от той помощи, какую я могу вам оказать на долгом пути?

— Эй! — воскликнула таркина Аравис.— Почему ты все время обращаешься к моей лошади, а не ко мне?

— Прошу прощения, таркина,— ответил Бри, слегка наклонив голову,— но коли вы скачете в Нарнию, пора вам отвыкать от калорменских привычек. Мы с Хвин — вольные нарнианские животные, а это значит, что Хвин — вовсе не ваша лошадь. Вот вы небось оскорбились бы, скажи кто-нибудь, что вы — ее человек?

Девушка не сразу нашлась, что ответить. Подобные рассуждения для нее были явно в новинку.

— Все равно,— сказала она наконец,— не уверена, что нам следует держаться вместе. Чем больше отряд, тем проще его заметить.

— Ошибаетесь,— возразил Бри.

— Ну пожалуйста, Аравис,— взмолилась Хвин.— Давай поедем с ними. Мне будет гораздо спокойнее. Мы же и дороги толком не ведаем, а они наверняка знают! Ты посмотри только, какая стать,— да кто ж откажется от такого спутника!

— Да ну их, Бри,— встрял в разговор Шаста.— Пускай себе катятся. Не видишь, что ли, они нами брезгуют.

— Нет-нет, что вы! — возмутилась Хвин.

— Послушай, конь,— проговорила девушка,— против тебя я ничего не имею. Но этот твой мальчишка!.. Ты уверен, что ему можно доверять?

— Я же говорю, брезгуют! — разъярился Шаста.— Мы для них рылом не вышли!

— Тихо, Шаста! — осадил мальчика Бри.— Опасения таркины вполне естественны. Я ручаюсь за мальчика, госпожа. На него можно положиться. К тому же он родом из Нарнии или из Арченланда.

— Хорошо. Мы едем с вами,— заявила девушка. На Шасту она даже не взглянула, словно подчеркивая, что согласилась терпеть его присутствие только из-за Бри.

— Отлично! — воскликнул Бри.— Что ж, эти страшные звери остались на том берегу. Думаю, вы можете нас расседлать. Потом мы все отдохнем, и у нас непременно найдется что рассказать друг другу.

Расседланные лошади принялись щипать траву, а Аравис достала из своей седельной сумки всякую снедь и даже предложила Шасте, но Шаста, продолжавший дуться на девушку, помотал головой — дескать, спасибо, но я не голоден. А еще он попытался вести себя так, как подобает вельможе; однако вырос-то он в рыбацкой хижине, то бишь вельможным манерам учиться ему было негде, поэтому из его затеи ничего не вышло. Он и сам о том догадался, а потому набычился пуще прежнего.

Между тем лошади предались воспоминаниям. Мало-помалу выяснилось, что они паслись на одном и том же лугу — «чуть выше Бобриной плотины» — и даже приходятся друг другу дальними родичами. Так что животные весело переговаривались, а люди молчали, с каждой секундой чувствуя себя все неуютнее.

Наконец Бри сказал:

— Что ж, таркина, расскажите нам свою историю. Сдается мне, она обещает быть занимательной.

Аравис не заставила себя упрашивать. Едва девушка начала рассказывать, изменились и ее голос, и манера говорить. В Калормене искусству рассказывать истории (не важно — правдивые или вымышленные) учат с малолетства. А в нашем мире детишек учат писать сочинения. И разница здесь огромная — истории слушать нравится всем, а человека, которому нравилось бы читать школьные сочинения, я в жизни не встречал.

Глава 3
У врат Ташбаана

— Имя мне Аравис, — начала девушка. — Я единственная дочь таркаана Кидраша, сына таркаана Ришти, внука таркаана Кидраша, правнука тисрока Ильсомбре, праправнука тисрока Артиба, коий возводил род свой к богу Ташу. Отец мой правит провинцией Калавар; за древность рода дозволяется ему стоять пред лицом тисрока — да живет он вечно! — даже не снимая туфель. Матушка моя скончалась — да пребудет с нею милость богов, — и отец взял себе другую жену. Из братьев моих старший погиб в стычке с бунтовщиками на далеком западе, а младший совсем еще маленький. И случилось так, что жена отца моего, моя мачеха, возненавидела меня, и свет померк в ее очах оттого, что жила я в доме отца моего. И убедила она отца моего выдать меня замуж за таркаана Ахошту. А всем ведомо, что Ахошта родом простолюдин, да вот лестью и злыми наветами вкрался в доверие к тисроку — да живет он вечно! — и тот в награду за верную службу сделал его таркааном и одарил городами и деревнями, а когда умрет нынешний великий визирь, Ахошта, как говорят, займет его место. Лет ему по меньшей мере шесть десятков, на спине у него горб, а лицо как морда обезьянья. И отец мой, поддавшись на уговоры мачехи, соблазнившись богатством и могуществом Ахошты, заслал к нему сватов. Уж конечно, Ахошта не стал отказываться, и свадьбу назначили этим летом, в солнцеворот.

Едва достигла эта весть ушей моих, свет померк в моих очах, и бросилась я на ложе и горько возрыдала. А на следующий день поднялась я и омыла лицо свое, и велела оседлать свою лошадку Хвин, и взяла с собой кинжальчик, перешедший

мне от старшего брата, и ускакала из дворца. А когда дворец отца моего скрылся из глаз, когда очутилась я в густом лесу, когда выехала на поляну посреди леса, спрыгнула я наземь со своей лошадки и достала кинжал, и раздвинула свои одежды, чтобы не было иной преграды между сердцем моим и острием кинжала, кроме кожи. И взмолилась я всем богам, чтобы после смерти позволили они мне соединиться с моим братом. А потом зажмурилась, стиснула зубы и приготовилась вонзить кинжал себе в грудь. Но прежде чем рука моя нанесла удар, лошадка Хвин заговорила вдруг, будто дочерь человеческая, и рекла она: «О хозяйка моя, не губи себя, ибо только живым улыбается удача, а мертвым все едино».

— Эх, кабы я вправду так складно говорила! — вздохнула Хвин.

— Тсс, мадам! — прошептал Бри, жадно слушавший рассказ Аравис. — Уж на что калорменцы мастера рассказывать, ваша хозяйка превзошла даже хваленых придворных сказителей тисрока. Продолжай, таркина, прошу тебя.

— Услыхав, что лошадка моя говорит языком человеческим, — продолжила Аравис, — я укорила себя за слабость. Должно быть, подумалось мне, поддалась я страху смерти, и рассудок мой помрачился и принял морок за явь. И устыдилась я тогда, ибо в нашем роду смерти страшились не более, чем укуса комариного. И вновь занесла руку с кинжалом, дабы свести счеты с жизнью. Но тут Хвин положила голову свою мне на грудь, словно защищая меня от меня же самой; и слова ее взывали не к чувствам, а к разуму, и корила она меня, как мать корит неразумную дочь. И изумление мое было столь велико, что забыла я и об Ахоште, и о скорбном своем намерении, и воскликнула: «О лошадка моя, откуда ведом тебе язык человеческий?» И Хвин поведала мне то, о чем вы уже знаете: что в Нарнии водятся говорящие животные, что ее жеребенком похитили с нарнианских пастбищ. И говорила она о лесах Нарнии, о реках, о могучих замках и прекрасных ладьях, и наконец молвила я: «Клянусь Ташем, Азаротом и владычицей ночи Зарденой, как бы хотелось мне побывать в Нарнии!» И лошадка ответила мне: «О хозяйка моя, там ты была бы счастлива, ибо в Нарнии никого не вынуждают выходить замуж против воли».

И после нашей долгой беседы вернулась ко мне надежда, и возрадовалась я, что рука моя дрогнула и не сумела нанес-

ти роковой удар. И решили мы с Хвин, что убежим вместе, и договорились между собой, как обставим наш побег. Потом возвратились мы во дворец, облачилась я в самые яркие одежды и стала петь и танцевать пред отцом моим, притворяясь, будто счастлива несказанно и дождаться не могу дня свадьбы. И сказала я: «О отец мой, свет очей моих, снизойди к моей просьбе, позволь мне взять служанку и на три дня уехать в леса, где совершу я тайные обряды и принесу жертвы Зардене, владычице ночи и покровительнице дев, как подобает всем девам, покидающим милые отцовские чертоги и вступающим в неизведанное». И отец мой ответил: «О дочь моя, свет очей моих, да будет так».

И покинула я тогда отца моего и пошла к его писцу, коий нянчил меня с младых ногтей моих, качал меня на коленях своих и любил больше жизни. И взяла я с него клятву хранить тайну, а когда согласился он, попросила написать для меня письмецо. И плакал он, и умолял передумать, но я была непреклонна; и сказал он: «Слушаю и повинуюсь» и написал письмо. И я запечатала это письмо и спрятала у себя на груди.

— А что там было, в письме-то? — спросил Шаста.

— Не перебивай, малыш,— одернул мальчика Бри.— Не порти рассказ. Всему свое время и место. Продолжай, таркина.

— Потом позвала я служанку, прислужницу моей мачехи, и сказала ей, что она будет сопровождать меня к святилищу Зардены, и велела разбудить меня рано-рано поутру. И улыбалась я ей, и подливала ей вина, и пила она с радостью, не ведая, что подмешано в то вино сонное зелье и что теперь проспит она всю ночь и весь следующий день. И едва дворец отца моего погрузился в сон, облачилась я в доспехи брата моего, кои хранила у себя в память о нем. Затем я повесила на пояс кошель и сложила в него все деньги, какие у меня были, и самоцветы, и взяла снеди в дорогу, и сама оседлала лошадь и ускакала прочь во вторую стражу. И вопреки словам, обращенным к отцу моему, путь я держала не в леса, а на север и на восток, к Ташбаану.

Ведала я, что три дня отец мой не станет разыскивать меня, ибо уверен он, что я совершаю девические обряды в святилище Зардены. А на четвертый день пути добрались мы до города Азим-Бальда, куда сходится множество путей и

дорог и откуда скачут во все стороны на резвых конях почтари тисрока — да живет он вечно! И по праву рождения таркаанам и ближайшим их родичам дозволяется посылать весточки с этими почтарями. Так что отправилась я в Почтовую палату и рекла главному почтарю: «О доставляющий вести, вот письмо от дяди моего, таркаана Ахошты, к таркаану Кидрашу, правителю Калавара. А вот пять мин за то, что доставишь ты это письмо». И ответил главный почтарь: «Слушаю и повинуюсь».

А в письме этом, написанном рабом отца моего под мою диктовку, якобы от таркаана Ахошты, говорилось так: «Таркаан Ахошта таркаану Кидрашу желает здравия и благополучия! Во имя Таша необоримого и неумолимого! Спешу поведать тебе, что держал я путь ко дворцу твоему, стремясь поскорее сочетаться браком с дочерью твоей Аравис. И угодно было всемилостивым богам даровать нам с нею встречу в лесу, где совершала она обряды в честь Зардены, как подобает юной деве перед замужеством. И едва узнал я, кто передо мной, восхитился я красотой ее и девичьей стыдливостью, и воспламенилось сердце мое любовью, и стало мне вдруг очевидно, что, коли не сочетаюсь я с нею браком сей же час, померкнет свет пред очами моими. И тогда совершил я жертвоприношения и взял дочь твою в жены и возвратился с нею в свой дом. И теперь мы оба молим тебя о снисхождении и просим поспешить к нам, и порадовать нас своим приездом, и счастливы будем лицезреть тебя. Прошу я также, чтобы привез ты приданое жены моей, ибо расходы на свадьбу оказались столь велики, что изрядно опустошили мой кошель. Мы с тобою словно братья, и потому льщу я себя надеждой, что не разгневает тебя наш скорый брак: всему виной любовь, кою питаю я к твоей несравненной дочери. Да пребудут с тобой всемилостивые боги!»

И отправила я это письмо, и поскакала прочь из Азим-Бальды. А отец мой, получив письмо, наверняка написал Ахоште в ответ или даже поехал к нему. И прежде чем правда откроется, мы с Хвин будем уже далеко за Ташбааном. Вот и вся моя история — до этой самой ночи, когда за нами погнались львы и мы, спасаясь от них, повстречались с вами у кромки соленых вод.

— А что стало с девушкой? — спросил Шаста. — Ну с той, которую ты опоила?

— Уверена, ее высекли за то, что проспала,— холодно отозвалась Аравис.— И я тому только рада. Сколько она мне крови попортила!

— Бедная! — вздохнул Шаста.— Не очень-то порядочно ты поступила.

— А тебя никто не спрашивает! — огрызнулась Аравис.— Тоже мне, советчик нашелся!

— И еще я кое-чего не понимаю,— продолжал Шаста.— Ты ведь не старше меня, верно? Точно не старше. Так с какой стати тебе замуж выходить, в твоем-то возрасте?

Вместо Аравис ему ответил Бри:

— Шаста, не знаешь, так помалкивай, а то еще подумают, что ты кичишься своим невежеством. У вельмож заведено женить сыновей и выдавать замуж дочерей именно в этом возрасте.

Шаста побагровел от стыда (впрочем, в сумерках это вряд ли было заметно). Аравис, по-прежнему не обращая на мальчика ровным счетом никакого внимания, попросила Бри поведать *его* историю. Конь пустился рассказывать; на его месте Шаста не упоминал бы столь часто о падениях и неумении ездить верхом. Похоже, Бри хотел рассмешить таркину, но Аравис ни разу не засмеялась, даже не улыбнулась. Когда же конь закончил рассказ, все стали устраиваться на ночлег.

Наутро двинулись дальше вчетвером — два человека и две лошади. Шаста мрачно размышлял о том, как хорошо было им вдвоем с Бри. Аравис и Бри постоянно что-то обсуждали. Бри провел в Калормене много лет, служил таркаанам и, можно сказать, «вращался в высших сферах», а потому знал многих из тех, о ком упоминала Аравис, и бывал в местах, которые она называла. Стоило таркине, к примеру, сказать: «Будь ты в битве при Зулиндре, ты бы увидал моего двоюродного брата Алимаша», как Бри отвечал: «А, Алимаш! Помню, помню! Он командовал всего лишь колесницами. По мне, колесницы — это не настоящая кавалерия. Но твой брат человек благородный. После взятия Теебета он насыпал мне сахара». Или Бри говорил: «Тем летом я был у озера Мезреел», а Аравис подхватывала: «О, Мезреел! У моей подруги, таркины Ласаралин, там летний дворец. Дивное место, а какое чудо долина Тысячи Ароматов!» Время от времени Шасте начинало казаться, что Бри нарочно ведет такие разговоры — показывает, как ему надоел его неуклюжий и невежественный седок. (На самом-то

деле, конечно, ничего подобного у Бри и в мыслях не было: просто конь нашел подходящего собеседника — ведь всегда приятно перекинуться словечком с тем, кто знаком с твоими знакомыми).

Лошадка Хвин явно робела перед огромным боевым конем и потому помалкивала. Шастой же откровенно пренебрегали — во всяком случае, Аравис всячески показывала, что ей до него нет ни малейшего дела.

Впрочем, вскоре думать о подобных вещах стало попросту некогда — появились другие заботы. Путники приближались к Ташбаану. Придорожные селения становились все крупнее и многолюднее, да и дорога уже не пустовала. Передвигались по большей частью ночами, а днем прятались, как могли, и отсыпались. И на каждом привале затевали спор — что им делать дальше, когда они доберутся до Ташбаана. Следовало что-то решить, и немедленно, откладывать на завтра было уже невозможно. Как ни удивительно, эти споры сделали Аравис чуточку дружелюбнее; и то сказать — когда составляешь совместные планы, волей-неволей сходишься ближе.

Бри предложил перво-наперво договориться, где они встретятся, если по несчастливой случайности город их разлучит. Он упомянул Королевские Усыпальни на краю пустыни. «Будто громадные каменные ульи, — пояснил конь. — Мимо точно не пройдете. Калорменцы боятся этих гробниц, думают, что там обитают гули, и этот страх нам только на руку». «А вдруг там и вправду водятся гули?» — спросила Аравис. Бри гордо вскинул голову: вольному нарнианскому коню не пристало верить во всякие калорменские бредни. Шаста поддержал своего скакуна — мол, все это бабушкины сказки, никаких гулей и в помине нет. Честно говоря, в глубине души он побаивался гулей, но на Аравис его слова подействовали как нельзя лучше: таркина, словно устыдившись того, что невежественный простолюдин оказался храбрее вельможной дамы, заявила, что и ее гули нисколько не беспокоят. Итак, местом встречи были назначены Усыпальни, и все вроде бы стало ясно и понятно; но тут в разговор вмешалась Хвин. Она, конечно, просит прощения, ей больше пристало слушать, а не говорить; однако, как ей кажется, главное не в том, где они встретятся, покинув город, главное — как им через этот город пробраться.

— Это мы обсудим завтра, мадам, — откликнулся Бри. — А теперь не мешало бы соснуть.

Назавтра спор разгорелся вновь. Аравис предложила переправиться ночью через реку ниже города и вообще не заходить в Ташбаан. Но у Бри нашлись два возражения. «Во-первых, — сказал конь, — устье реки очень широкое, и Хвин вряд ли сможет его переплыть, в особенности со всадником на спине. («Да и сам я тоже», — мысленно добавил он, но вслух говорить этого не стал). Во-вторых, на реке полным-полно ладей; кто-нибудь с палубы наверняка заметит плывущих лошадей, и тогда беды не миновать».

Шаста был за то, чтобы подняться по реке выше Ташбаана и переправиться в каком-нибудь узком местечке. На это Бри возразил, что выше города по обоим берегам реки на многие лиги тянутся сады и парки, в которых стоят летние дворцы, а в этих дворцах живут таркааны и таркины, они катаются на лодках и вообще частенько спускаются к воде. Идти вверх по течению — самый верный способ встретить кого-либо из знакомых Аравис или даже того, кто узнает самого Бри.

— Так можно же переодеться, — проговорил Шаста.

По мнению Хвин, безопаснее всего двигаться прямиком через город, от южных ворот к северным, потому что в толпе всегда легче затеряться. Впрочем, переодеться тоже не помешает.

— Люди наденут лохмотья, — сказала она, — и все будут принимать их за крестьян или за рабов. А доспех Аравис, наши седла и прочее увяжем в тюки и повезем на себе. Дети будут вести нас в поводу, и все подумают, что мы обычные вьючные лошади.

Аравис презрительно фыркнула.

— Милая моя Хвин! Да сколько Бри не навьючивай, любой в нем с первого взгляда узнает боевого коня!

— Совершенно справедливо, — согласился Бри, прядая ушами, и негромко фыркнул.

— Я знаю, знаю! — воскликнула Хвин. — Но другого нам не остается. Мы и без того уже выглядим иначе, чем раньше, — во всяком случае, я-то точно. А если мы еще измажемся в грязи и пойдем с опущенными головами, и притворимся, будто едва волочим ноги, на нас никто и не взглянет. Да, и хвосты нужно подрезать, даже обкорнать, чтоб торчали как попало.

— Мадам! — вскричал потрясенный Бри. — Да что вы говорите? Неужели вы посмеете явиться в Нарнию в *таком* виде?

— Сначала,— скромно заметила Хвин (она была весьма рассудительной особой),— до Нарнии нужно добраться.

Спор затянулся, но в конечном счете все с неохотой сошлись на предложении Хвин. Теперь следовало подготовиться, а подготовка оказалась делом хлопотным; пришлось не раз и не два прибегать к способу, который Бри называл «набегом», а Шаста без затей — «воровством». В одном деревенском доме стянули несколько мешков, в другом прихватили моток веревки; однако за поношенную одежду для Аравис честно заплатили. Гордый Шаста возвратился с покупкой к своим спутникам, ожидавшим его в рощице у подножия лесистой гряды холмов. Эта гряда была последним препятствием на пути к Ташбаану (конечно, не считая реки): город находился прямо за ней.

— Только бы нам завтра повезло,— пробормотал мальчик.

— Только бы повезло,— эхом подхватила Хвин.

Тронулись в путь при свете звезд. Протоптанная лесорубами тропинка привела на гребень холма. С вершины открывался изумительный вид на море огней в долине. Шаста, который и ведать не ведал, на что похож по-настоящему большой город, даже слегка струхнул. После ужина дети легли спать.

Лошади разбудили их рано поутру. На небосклоне еще мерцали звезды, но справа, далеко за морем, уже занимался рассвет. Аравис ушла в лес и вскоре вернулась, совсем непохожая на себя в драной мальчишеской одежке. Взялись упаковывать мешки. Походный костюм и доспехи таркины, щит с ятаганом, два седла, сбруя... Бри и Хвин вывалялись в грязи и выглядели вполне подходяще; оставалось лишь укоротить им хвосты. Сделать это можно было только ятаганом Аравис, так что пришлось развязывать один из мешков и вынимать клинок, а потом засовывать все обратно. Да и с ятаганом не обошлось без затруднений.

— Великое небо! — вскричал Бри.— Не будь я говорящей лошадью, какого бы пинка я тебе отвесил! Сказано же было — обрезать, а не оборвать! Осторожнее!

Но вот со всем управились, несмотря на полумрак и ледяную росу, от которой стыли пальцы; дети взяли в руки поводья (не прежние, дорогие и отделанные серебром, а самые обыкновенные, из веревки) и двинулись вниз по склону холма, ведя за собой навьюченных мешками лошадей.

— Помните,— сказал Бри,— в случае чего встречаемся у Королевских Усыпален. Тот, кто придет туда первым, пусть обязательно дождется остальных.

— И не вздумайте заговорить, что бы ни случилось! — прибавил Шаста.— Вы теперь — обычные лошади.

Глава 4
Шаста встречает нарнианцев

Поначалу, сколько он ни вглядывался в утреннюю мглу, Шаста не мог различить ничего кроме нескольких куполов и башен, вздымающихся над пеленой тумана. Но чем светлее делалось, тем быстрее рассеивалась мгла и тем больше становилось видно. Река разделялась на два рукава, огибавших громадный остров, и на этом острове стоял великий город Ташбаан, одно из чудес света. Город охватывала высокая стена, у подножия которой плескалась речная вода; а крепостных башен и башенок было столько, что Шаста почти сразу сбился со счета. За стеной возвышался холм, увенчанный двумя роскошными зданиями — дворцом тисрока и храмом бога Таша. Ниже дворца с храмом начинались террасы, извилистые улицы и переулки, широкие каменные лестницы, обсаженные апельсиновыми и лимонными деревьями. Высокие арки, балконы, колоннады, шпили, минареты, садики на крышах домов... А когда наконец взошло солнце и поднялось над морем, его свет отразился от серебристого купола храма и едва не ослепил мальчика.

— Пошли, Шаста,— поторопил Бри.

Берега реки были сплошь покрыты садами и парками; издалека казалось, будто они поросли густым лесом, но чем ближе к реке, тем отчетливее становились видны среди деревьев белые стены летних дворцов. Ветерок донес чудесный аромат цветов и спелых плодов; пятнадцать минут спустя дорога вывела к саду: деревья сгибались под тяжестью плодов, но до них было не добраться — от дороги сад отделяла стена.

— Ух ты! — восхищенно проговорил Шаста.— Здорово, да?

— Неплохо,— согласился Бри.— И будет гораздо лучше, когда город останется у нас за спиной. На север, в Нарнию!

В этот миг раздался заунывный звук. Он нарастал, становясь громче и громче, пока не заполнил собой всю долину. И было в этом звуке нечто, внушавшее безотчетный страх.

— Сигнал к открытию городских ворот, — пояснил Бри. — Мы уже совсем рядом. Аравис, будь добра, нагни голову. Старайся ступать тяжелее и не смотри так гневно. Представь, что всю твою жизнь тебя шпыняли на чем свет стоит и за любую промашку сажали в колодки.

— Кто бы говорил! — фыркнула Аравис. — Нет чтоб самому голову нагнуть. Тоже мне, вьючная лошадь, называется!

— Тсс! — прошипел Бри. — Пришли.

Они остановились у кромки воды. Дорога бежала дальше, по длинному мосту со множеством арочных пролетов. Вода сверкала в солнечном свете; справа, у речного устья, виднелись верхушки корабельных мачт. По мосту медленно двигались другие путники, в основном крестьяне с корзинами на головах или погонявшие ослов и мулов, которые тащили груженые повозки.

Бри коротко кивнул, и Аравис с Шастой ступили на мост, ведя в поводу лошадей.

— Что стряслось? — прошептал Шаста на ухо Аравис, лицо которой вдруг обрело какое-то непонятное выражение.

— Тебе-то все равно! — воскликнула таркина, тоже шепотом. — Тебе на Ташбаан плевать! А я должна была въехать в город в паланкине, и чтобы впереди шли мои воины, а позади плелись рабы, и меня отнесли бы на пир во дворец тисрока — да живет он вечно! А вместо этого я строю из себя оборвашку! Тебе-то не привыкать...

«Глупая она», — подумал Шаста, но вслух ничего говорить не стал.

У дальнего конца моста возвышалась крепостная стена с огромными, распахнутыми настежь бронзовыми воротами. Стена была столь высока, а ворота столь громадны, что мощенная камнем дорога казалась узенькой тропкой. У ворот, опираясь на копья, стояли с полдюжины солдат. Аравис посмотрела на Шасту с таким видом, словно хотела сказать: «Погоди, вот назову свое имя, и все они сразу встанут, как положено, и на караул возьмут». Шасте, впрочем, хотелось совсем другого — чтобы солдаты не привязались к ним и не стали задавать вопросов. По счастью, так и вышло. Лишь один из стражников швырнул в Шасту морковкой из корзины проходившего мимо крестьянина и хрипло рассмеялся.

— Эй, ты, конюх! — крикнул солдат. — И взбрело тебе в башку на боевом коне мешки возить! Влетит же тебе от хозяина, коли он проведает!

Сердце мальчика ушло в пятки: значит, как они ни старались, все впустую — Бри за вьючную лошадь примет разве что полный тупица.

— Хозяин знает, — пролепетал Шаста. — Он мне и велел...

И тут же пожалел о своих словах, потому что солдат отвесил ему оплеуху, и мальчик едва не плюхнулся наземь.

— Придержи язык, раб, — процедил солдат. — Я тебе покажу, как со свободным человеком спорить, северное отродье!

Шаста заплакал. Другой солдат нетерпеливо махнул рукой: мол, проваливайте, да поскорее. Путники поспешили выполнить приказ.

За воротами, как ни удивительно, ничто не напоминало о том великолепном городе, каким Ташбаан выглядел издали. Узенькие улочки, глухие стены домов с редкими оконцами... Кругом толпился народ: крестьяне, направлявшиеся на рынок, продавцы воды и сладостей, носильщики, солдаты, попрошайки, босоногие рабы, стайки детей в лохмотьях; под ногами крутились куры и бродячие собаки. В ноздри ударила вонь — запах немытых человеческих тел, к которому примешивались запахи лука и чеснока и смрад, исходивший от бесчисленных мусорных куч.

Шаста притворялся, будто ведет коня, на самом же деле это Бри, который знал дорогу, вел мальчика, изредка незаметно подталкивая его носом. Вскоре свернули налево и двинулись в гору. Понемногу становилось свежее, вонь отступала, вдоль улицы появились деревья; дома остались только справа, а слева они словно провалились куда-то вниз, явив взгляду крыши. Неожиданно улица круто повернула и устремилась в противоположную сторону, по-прежнему забирая вверх. Так, зигзагами, она вела путников к центру Ташбаана. Улицы на глазах делались чище, а дома — роскошнее; повсюду виднелись статуи богов и калорменских героев, внушавшие трепет своими суровыми ликами. Пальмовые деревья отбрасывали тень, арки манили живительной прохладой; за арками взору открывались уютные дворики с деревьями и фонтанами.

Перед каждым поворотом Шаста утешал себя мыслью, что уж теперь-то они выберутся из толпы, но всякий раз его надежды оказывались тщетными. Толпа вынуждала двигаться куда медленнее, чем хотелось; да еще приходилось останавливаться, когда раздавались громкие крики: «Дорогу, дорогу

таркаану!» или «Дорогу таркине!», или «Дорогу пятнадцатому визирю!», или «Дорогу послу!» И все поспешно пятились, прижимались к стенам домов, а некоторое время спустя появлялись те, о ком возвещали глашатаи: высокородные кавалеры и дамы, возлежавшие в паланкинах; а паланкины эти несли на плечах когда четверо, а когда и шестеро рабов. По-видимому, правила уличного движения в Ташбаане были на редкость просты: коли не хочешь отведать кнута или получить по спине тупым концом копья, уступи дорогу тому, кто выше тебя по праву рождения или по должности.

У самой вершины холма, на улице близ дворца тисрока, случился очередной затор, обернувшийся подлинным бедствием.

— Дорогу! Дорогу! — потребовал зычный голос. — Дорогу белому королю варваров, гостю нашего тисрока — да живет он вечно! Дорогу нарнианским вельможам!

Шаста попытался отступить и немного отпихнуть Бри. Но лошадь, будь она даже говорящей лошадью из Нарнии, отпихнуть не так-то легко. Вдобавок толстуха с громадной корзиной, стоявшая за спиной мальчика, саданула своей корзиной Шасте под ребра и прошипела: «Эй, ты! А ну, кончай толкаться!» В следующий миг мальчику досталось еще от кого-то, и он случайно выпустил из рук повод. А потом его зажали так, что он не в силах был и шевельнуться и, сам того не желая, очутился в первом ряду и смог как следует разглядеть приближающуюся процессию.

Там было на что посмотреть. Впереди бежал глашатай, кричавший: «Дорогу! Дорогу!», и он был единственным калорменцем в этой компании. Никаких паланкинов, все шли пешком. Шестеро чужеземцев, все мужчины, ничуть не похожие на калорменскую знать. Белая кожа («Как у меня», — сказал сам себе Шаста), золотистые волосы; одеты в яркие туники — зеленые, как листья в лесу, желтые, как цыплята, голубые, как ясное небо. Туники доходили до колен, штанов чужеземцы не носили; на головах у нарнианцев, вместо тюрбанов, были у кого стальные, у кого серебряные шлемы, отделанные самоцветами, а один шлем венчали маленькие крылья. Двое шли вообще с непокрытыми головами. Мечи у чужеземцев были длинные и прямые, а не изогнутые, как ятаганы. В отличие от калорменских вельмож, напускавших на себя суровость и загадочность, эти держались на удивление просто: они весело

болтали, смеялись, размахивали руками, один даже насвистывал. С первого взгляда становилось ясно, что они готовы подружиться со всяким, кто предложит им дружбу, а до тех, кто их сторонится, им нет никакого дела.

Не успел Шаста налюбоваться на светловолосых нарнианцев, как случилось самое ужасное, что только можно было вообразить. Шагавший впереди остальных чужеземец вдруг указал на мальчика, воскликнул: «Вот он! Вот наш беглец!» и схватил его за плечо. Потом он отвесил Шасте подзатыльник — не то чтобы сильный, но чувствительный, этакий знак неодобрения, и прибавил:

— Постыдитесь, принц! Постыдитесь! Королева Сьюзен все глаза из-за вас выплакала! Где вы пропадали целую ночь? И что это за вид?

Будь у Шасты хоть малейшая возможность вырваться, он бы нырнул под брюхо своему коню, а потом растворился бы в толпе — и ищи его свищи; но чужаки обступили мальчика со всех сторон, а тот, который схватил его, по-прежнему не разжимал рук.

Конечно, первым побуждением было сказать, что он всего лишь сын бедного рыбака Аршиша и что благородный господин перепутал его с кем-то другим. Но меньше всего на свете Шасте хотелось объяснять, кто он такой и что тут делает, — ведь кругом столько любопытных ушей! Того и гляди, примутся расспрашивать, где он раздобыл *такого* коня и кто такая Аравис — и все, прощайте, надежды, и здравствуй, ташбаанская темница. Мальчик умоляюще поглядел на Бри. Однако тот вовсе не собирался заговаривать с Шастой на виду у зевак и стоял себе с понурым видом — ни дать ни взять обыкновенная туповатая лошадь. А на Аравис Шаста не смел даже взглянуть: не хватало еще, чтобы и ее заграбастали.

— Сделай милость, Перидан, возьми принца за руку, — сказал предводитель чужеземцев. — Я возьму его за другую, и поспешим во дворец. Когда мы вернем нашего юного беглеца во дворец, тяжкое бремя спадет с плеч нашей венценосной сестры.

Словом, все получилось хуже некуда. Шаста не успел даже попрощаться взглядом со своими спутниками, как чужаки повели его прочь. И только небесам было ведомо, что с ним будет. Нарнианский король — по тому, с каким почтением обращались к нему остальные, Шаста догадался, что это именно

король, — засыпал мальчика вопросами: где он был, как выбрался из дворца, куда подевал свой наряд, понимает ли, что вел себя неподобающим образом, и все такое прочее.

Шаста молчал, ибо ответить ему было нечего. Точнее, он не мог ответить, не подвергнув себя при этом еще большей опасности.

— Значит, молчим? — спросил король. — Послушайте, принц, скажу вам прямо: особе королевских кровей отмалчиваться пристало и того меньше, нежели сбегать из дворца. Побег можно списать на мальчишескую выходку, а вот молчание ваше — признак трусости, недопустимой для сына короля Арченланда. И что вы плететесь, опустив голову, как калорменский раб?!

Укоры жгли пуще ударов бича. Шаста был уверен, что этот юноша по-настоящему благороден и справедлив, и отчаянно хотел ему понравиться, но все же не осмеливался раскрыть рот.

Прошли узкой улочкой, спустились по каменным ступеням, поднялись по другому пролету, миновали широкую арку с двумя высокими кипарисами перед ней. За аркой находился внутренний дворик, посреди которого журчал фонтан, пополняя кристально чистой водой мраморный бассейн. Вокруг фонтана росли апельсиновые деревья. Зеленая трава под ногами, кусты роз вдоль белых стен. Внезапно уличный шум, пыль и грязь словно растворились без следа. Шасту провели через двор к темному дверному проему в стене. Глашатай остался снаружи, а мальчика повели по коридору, пол которого приятно холодил ступни. Лесенка вела в просторную, наполненную воздухом и светом комнату с распахнутыми настежь окнами; все окна выходили на север. На полу лежал многоцветный ковер, подобного которому Шаста в жизни не видел, такой мягкий, что ноги тонули в нем, точно во мху. Вдоль стен располагались кушетки с расшитыми подушками, и на каждой кто-нибудь да сидел. Народа в комнате было полным-полно. Некоторые выглядели весьма... гм... необычно.

Навстречу Шасте поднялась самая красивая девушка, какую он когда-либо видел. Она обняла его и поцеловала, приговаривая:

— Ох, Корин, Корин! Как ты мог? Как ты мог убежать, не предупредив меня, свою лучшую подругу? Что бы я сказала твоему венценосному отцу, если бы с тобой что-нибудь слу-

чилось? Да ведь из-за тебя могла начаться война между Нарнией и Арченландом! Ты поступил очень неразумно, даже жестоко.

«Похоже, меня принимают за принца какого-то Арченланда, — подумал Шаста. — А они, судя по всему, нарнианцы. Интересно, где настоящий Корин?» Впрочем, вслух ничего этого он произнести не отважился.

— Где был ты, Корин? — спросила красавица, по-прежнему обнимая мальчика за плечи.

— Не... не знаю, — пробормотал Шаста.

— То-то и оно, Сьюзен, — вмешался король. — Я не смог вытянуть из него ни словечка.

— Ваши величества! — воскликнул кто-то. — Королева Сьюзен! Король Эдмунд!

Шаста обернулся на голос — и чуть было не грохнулся от изумления на пол. Перед ним стоял не человек, нет! Это было какое-то диковинное существо, лишь отчасти походившее на человека. Ростом с самого Шасту, выше пояса человек, а ниже... Ноги поросли густой шерстью, как у козла, и копыта козлиные, и хвост. Кожа отливает красным, волосы курчавые, бородка клинышком, из волос торчат маленькие рожки. Это был фавн — существо, которого Шаста видать не видывал и о котором слыхом не слыхивал. (Те из вас, кто читал повесть «Лев, Ведьмарка и зеркальный гардероб», наверняка обрадуются, узнав, что это был господин Тамнус, тот самый фавн, которого Люси, сестра королевы Сьюзен, встретила в свой первый день в Нарнии. Теперь он, правда, выглядел гораздо старше, ведь их королевские величества Питер, Эдмунд, Сьюзен и Люси правили Нарнией уже много лет.)

— Ваши величества! — повторил фавн. — По-моему, у его юного высочества солнечный удар. Только посмотрите на него! Он не понимает, где находится.

Разумеется, все тут же перестали бранить Шасту и донимать его вопросами. Мальчика заставили лечь на кушетку, положили ему под голову подушки, напоили ледяным шербетом из золотого кубка и велели не шевелиться.

Шаста никак не мог оправиться от изумления. Все происходящее казалось чудесным сном. Какая мягкая кушетка! Как удобно на ней лежать! Какой восхитительный шербет! Конечно, мальчика по-прежнему терзали невеселые мысли: что сталось с его спутниками, как он сможет выбраться отсюда и

попасть к Королевским Усыпальням, и что случится, когда объявится настоящий Корин. Но понемногу беспокойство отступало, побежденное сладостной негой. А ведь наверняка его скоро еще и накормят чем-нибудь очень-очень вкусным!..

Лежа на кушетке, Шаста исподволь поглядывал по сторонам. В комнате, кроме фавна, находились также два низеньких, широкоплечих и бородатых человечка (Шаста никогда прежде не встречал гномов) и огромный ворон. И много людей — высоких, молодых и красивых. Белокожие, золотоволосые, доброжелательные — не то что эти смуглые и надменные калорменцы! Шаста прислушался к их разговору.

— Что молвит нам наша венценосная сестра? — спросил король у королевы Сьюзен (той самой красавицы, поцеловавшей Шасту).— Три недели мы провели в этом чужеземном городе. Согласны ли вы отдать свою руку вашему смуглолицему поклоннику, принцу Рабадашу?

Королева покачала головой.

— Нет, брат мой,— ответила она.— Нет и нет, даже пускай предложат мне все сокровища Ташбаана!

«Вот тебе и на! — подумал Шаста.— Выходит, королеватo сестра королю, и они не женаты!»

— Да будет так, сестра! — отозвался король.— Огорчилось бы сердце мое, останови вы свой выбор на этом принце. Еще когда пожаловали к нам в Нарнию послы тисрока и потом, когда принц гостил у нас в Кэйр-Паравеле, не раз я спрашивал себя, как можете вы быть с ним столь любезны.

— То был мой каприз, Эдмунд,— сказала королева,— и я горько в нем теперь раскаиваюсь. В наших владениях принц Рабадаш вел себя иначе, нежели здесь, в Ташбаане. Не опровергнет никто моих слов, когда скажу я, что доблестно сражался он на турнире, устроенном нашим братом верховным королем в его честь, и все семь дней, проведенных с нами, был он учтив и обходителен. Но едва вернулся он в свой родной город, как сразу явил нам истинное свое лицо.

— Аргх! — каркнул ворон.— Мудра древняя пословица: «Не суди о медведе по виду — побывай у него в берлоге».

— Верно подмечено, Желтые Лапы,— откликнулся один из гномов.— А у нас в ходу такое присловье: «Поживи со мной, так узнаешь, кто я».

— Что ж, — проговорил король, — теперь нам ведомо, каков этот принц — он горд без меры, чванлив, жесток, кровожаден и расточителен.

— Во имя Эслана! — воскликнула Сьюзен. — Бежим из Ташбаана, не медля ни дня!

— Увы, сестра моя! — угрюмо произнес Эдмунд. — Ныне приспело время поведать всем вам о горьких раздумьях, что обуревают меня вот уже третий день. Добрый Перидан, встань у двери и следи, чтобы никто нас не подслушал. То, что скажу я вам сейчас, для посторонних ушей не предназначено.

В комнате стало очень тихо. Королева Сьюзен подбежала к брату и заглянула ему в глаза.

— Ты пугаешь меня, Эдмунд! — вскричала она. — Какая беда нам грозит?

Глава 5
Принц Корин

— Дражайшая сестра наша и прекрасная дама, — сказал король Эдмунд, — должно вам укрепить сердце свое. Ибо угрожает нам великая опасность.

— Какая же, Эдмунд? — спросила королева Сьюзен.

— А вот какая, — отозвался король. — Доподлинно мне известно, что не удастся нам покинуть Ташбаан. Пока принц лелеял мечту взять вас в супруги, мы были желанными и почетными гостями. Но, клянусь гривой Великого Льва, едва услышит он ваш отказ, окажемся мы не гостями уже, а узниками.

Один из гномов тихонько присвистнул.

— Я предупреждал, ваше величество, я предупреждал! — подал голос ворон Желтые Лапы. — Легко войти, да выйти трудновато, как сказала устрица, попав в кипяток.

— Нынешним утром я виделся с принцем, — продолжал Эдмунд. — Он не привык, чтобы ему перечили. Жаль, право слово, но ничего не попишешь. И то, что вы, сестра моя, не торопитесь принять решение и даете уклончивые ответы, раздражает его все сильнее. Этим утром он настойчиво пытался вызнать у меня тайны вашего сердца. Я постарался умерить его пыл и свел все к шуткам насчет ветрености женской, и даже намекнул, что радения его могут оказаться тщетными. Он разозлился, и в каждом его слове, сколь угодно вежливом, в каждом его жесте таилась угроза.

— Ах! — вздохнул Тамнус. — Прошлым вечером, когда ужинал я с великим визирем, у нас был схожий разговор. Визирь спросил, нравится ли мне в Ташбаане. Не мог же я сказать правду, не мог ответить, что ненавижу этот город до последнего камня! Я сказал, что в этакий зной, когда сама земля плавится под ногами, сердце мое зовет меня к тенистым лесам милой Нарнии. Он усмехнулся, и усмешка эта пришлась мне не по нраву, и молвил: «Скоро ты вернешься туда, мой козлоногий друг, вот только не забудь оставить нам невесту нашего принца».

— Неужели он возьмет меня силой? — воскликнула Сьюзен.

— Этого-то я и опасаюсь, сестра, — отозвался Эдмунд. — И станешь ты не женой его, а рабой.

— Но разве он посмеет? Неужто тисрок думает, что наш брат верховный король потерпит такое вероломство?

— И то сказать, сир, — вмешался Перидан. — Верно, забыли они, что в Нарнии найдутся и мечи, и копья, и луки со стрелами?

— Увы, — покачал головой Эдмунд. — Полагаю я, что наша милая Нарния не внушает тисроку страха. Для него мы все равно что отдаленная провинция, по недосмотру оставшаяся за рубежами империи. Он зарится на наш край, нет у меня в том сомнений. И принц, наследник его, явился к нам в Кэйр-Паравел и назвался возлюбленным вашим, сестра моя, для того лишь, чтобы вы отвергли его и дали повод к войне. Ибо думаю я, что мыслит тисрок захватить одним набегом и Нарнию, и Арченланд.

— Пускай попробует, — проворчал второй гном. — На море мы ему ровня. А коли по суше двинется, пусть сперва пустыню перейдет.

— Верно, друг мой, — печально улыбнулся Эдмунд. — Но так ли надежна сия песчаная преграда? Что скажешь ты, мудрая птица?

— В юные дни свои я многажды летал над этой пустынею, сир, — ответил ворон. Шаста жадно ловил каждое его слово. — И вот что скажу я: коли двинет тисрок свое воинство через Большой Оазис, никогда ему не добраться до Арченланда. Оазиса-то они достигнут к вечеру первого дня пути, но воды в нем на всех не хватит. Однако есть и иной путь...

Шаста затаил дыхание.

— Начинается этот путь от Королевских Усыпален и ведет на северо-запад, — продолжал ворон. — В одном дне езды от Усыпален начинаются горы. Если ехать все время прямо на гору Маунт-Пайр, упрешься в ущелье, настолько незаметное, что несведущий не разглядит его горловины и с двух шагов. В этом ущелье не найти ни травинки, ни родника, но оно выводит к реке, а по речному берегу рукой подать до Арченланда.

— Известен ли сей путь калорменцам? — осведомилась королева Сьюзен.

— Друзья мои, — воскликнул Эдмунд, — о чем мы говорим?! Не о том ведь речь, кто одержит победу в войне Калормена с Нарнией, буде начнется оная. Речь о том, как спасти честь королевы и наши собственные жизни и как убежать нам из этого бесовского града! Ибо какая польза в том, что войско брата нашего, верховного короля Питера, погонит вспять армию тисрока, коли к вечеру сего дня сестра наша станет рабою принца Рабадаша, а нам всем попросту перережут глотки?

— У нас есть оружие, государь, — напомнил первый гном. — И дворец этот вполне сгодится для того, чтобы держать в нем оборону.

— Нисколько не сомневаюсь я, — сказал Эдмунд, — что каждый из нас заставит врагов дорого заплатить за наши жизни и что королеву они получат лишь через наши трупы. Но в этом дворце будем мы словно мыши в мышеловке.

— Верно, сир, — каркнул ворон. — О таких битвах складывают баллады, да только в живых никто не остается. И помнится мне, отбитый враг всегда поджигает дом, и на том все кончается.

— Это я во всем виновата! — красавица Сьюзен залилась слезами. — Когда бы осталась я в Кэйр-Паравеле!.. Эдмунд, брат мой, помнишь ли ты наш последний счастливый день? Послы из этого ужасного Калормена еще не добрались, кроты выкопали ямки и сажали деревья, и... и... — Она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Мужайся, Сью, — ласково проговорил Эдмунд. — Не забывай... А с вами что такое, мастер Тамнус?

Все повернулись к фавну. Тот извивался всем телом, будто страшная боль раздирала его изнутри, и тянул себя за рожки, словно хотел оторвать себе голову.

— Не трогайте меня! Не трогайте! — вскричал фавн. — Я думаю. Я думаю, думаю, думаю... Пожалуйста, подождите, не трогайте меня!

Воцарилась недоуменная тишина. Внезапно Тамнус замер, потом облегченно вздохнул и отер пот со лба.

— Труднее всего будет добраться до корабля и отнести на него припасы — так, чтобы нас не заметили и не остановили, — изрек он.

— Ну да, — хмыкнул гном. — Конь ретивый, да седок пугливый.

— Погоди, — отмахнулся фавн. — Нам нужно придумать предлог, чтобы нас пропустили на наш корабль и позволили загрузить на него припасы.

— Может быть, это и удастся, — с сомнением в голосе согласился король Эдмунд.

— Может быть, — продолжал фавн, размышляя вслух, — ваши величества пригласят принца Рабадаша на пир? Мы объявим, что королева Сьюзен и король Эдмунд завтра вечером устраивают пир на борту галеона «Пенящий волны». Только надо составить послание так, чтобы не нанести урона королевской чести — и чтобы в то же время принц подумал, будто непреклонность королевы слабеет.

— Отличный совет, сир, — заметил ворон, обращаясь к королю.

— И тогда, — воодушевился фавн, — даже если мы целый день будем ходить на корабль и обратно, никто нас ни в чем не заподозрит, наоборот, все решат, что мы готовимся к пиру. Думаю, надо послать кого-нибудь на городской рынок и поручить купить фрукты, сладости и вино, будто мы и вправду устраиваем пир. А еще нужно пригласить фокусников, жонглеров, флейтистов и танцовщиц...

— Понятно, понятно, — король Эдмунд потер руки.

— А мы сами, — закончил фавн, — взойдем на борт сегодня вечером. И как только стемнеет...

— Мы поднимем паруса! — вскричал король.

— И двинемся к морю! — Тамнус подпрыгнул и пустился в пляс.

— На север! — прибавил первый гном.

— Домой! В Нарнию! — загомонили остальные. — Да здравствует Нарния!

— А принц Рабадаш может злиться сколько угодно, — вставил Перидан. — Птичка-то улетела!

— О, мастер Тамнус, милый мастер Тамнус! — воскликнула королева, присоединяясь к танцующему фавну. — Вы спасли нас!

— Принц помчится в погоню, — сказал вельможа, имени которого Шаста не знал.

— Этого я нисколько не боюсь, — отозвался Эдмунд. — В городской гавани нет ни одного корабля, способного догнать наш. А даже если и догонит, мы еще посмотрим, кто кого! С нашим галеоном их кораблям лучше не тягаться!

— Сир, — сказал ворон, — фавн дал нам отличный совет. Лучшего вы все равно не услышите. А теперь за дело. Как говорим мы, птицы, сперва гнездо, потом птенцы. Не будем терять времени.

Все устремились к дверям. Впрочем, у дверей придворные расступились, пропуская короля с королевой. Вот он, долгожданный шанс улизнуть! Шаста привстал было с кушетки, но фавн мягко удержал его.

— Лежите, ваше высочество, лежите. Вам скоро принесут покушать. Отдыхайте, мы и сами справимся.

Шаста послушно опустился на подушки. Мастер Тамнус вышел, и мальчик остался один-одинешенек.

Ужасно, подумалось Шасте, просто ужасно. Ему и в голову не приходило открыться нарнианцам и попросить у них помощи. Аршиш был суровым отцом, щедрым лишь на колотушки — Шаста вырос на окриках и побоях и потому не привык откровенничать со взрослыми; ему казалось, взрослым доставляет несказанное удовольствие шпынять детей и отвергать любые их просьбы. И потом, даже если нарнианский король будет добр к лошадям (все же они — говорящие и родом из Нарнии), то Аравис от него доброго слова не дождется: она ведь калорменка, так что ее продадут в рабство или отошлют назад к отцу, и неизвестно еще, что хуже. А уж с самим Шастой что сделают!.. «Теперь-то я точно не могу признаться, — размышлял мальчик. — Я слышал все, о чем они говорили. Стоит им узнать, что я — не принц Корин, все, поминай как звали: живым меня отсюда не выпустят. Решат, что я — калорменский лазутчик, и убьют меня. А коли явится настоящий Корин? Брр! Что так убьют, что этак...» Сами видите, он и не догадывался, к каким благородным людям по счастью попал.

— Что мне делать? Что же мне делать? — твердил мальчик. — Ой! Идет этот смешной козлик...

В комнату, пританцовывая, вошел фавн. В руках у него был огромный поднос. Он поставил поднос на инкрустированный столик рядом с кушеткой, а сам сел на ковер и скрестил ноги.

— Давайте, принц, кушайте, — пригласил он. — Не теряйтесь. Как-никак, это ваш последний обед в Ташбаане.

Шаста не заставил себя упрашивать. По калорменским меркам, еда была на диво обильной и вкусной (хотя не уверен, что она пришлась бы по вкусу всем). Устрицы, салат, бекас, фаршированный миндалем, трюфели, составное блюдо из куриной печени, риса, изюма и орехов, и холодные дыни, и крыжовенный кисель со взбитыми сливками, и кисель из ягод тутовника, и много-много вкусностей со льдом. Также была фляжка с тем сортом вина, которое почему-то называется белым, хотя по правде оно желтоватое.

Пока Шаста кушал, добрый фавн, полагавший, что принц никак не оправится от солнечного удара, рассказывал о развлечениях, которые, по его словам, ожидают принца дома; об отце, старом короле Луне Арченландском, о родовом замке на южном склоне гор.

— Вспомните, принц, — уговаривал мастер Тамнус, — на ваш следующий день рождения вам обещаны первый доспех и первый боевой конь. А после дня рождения ваше высочество начнет учиться верховой езде и ратному делу. И, коли минуют нас беды и напасти, верховный король Питер непременно сдержит слово, которое он дал вашему отцу, и посвятит вас в рыцари в замке Кэйр-Паравел. И дорога из Арченланда в Нарнию, через перевал, никогда не зарастет и никуда не пропадет. Вспомнили? Нет? Неужели вы даже не помните, что обещали составить мне компанию на Празднике Лета? Там будут костры, танцы фавнов и дриад всю ночь напролет... Кто знает, вдруг нам даже повезет увидеть Эслана...

Когда мальчик поел, фавн велел ему лежать и дальше.

— Поспите, принц. Думаю, сон вас освежит и вернет вам память. Конечно, без вас все равно не уплывут, но не беспокойтесь, я разбужу вас загодя. Домой, в Нарнию!

Еда была такой вкусной, а Тамнус нарассказывал столько всего интересного, что размышления Шасты, вновь оставшегося в одиночестве, приняли совсем другой оборот. Ему вдруг отчаянно захотелось, чтобы настоящий принц Корин не по-

явился, пока не станет слишком поздно, и чтобы его, именно *его*, взяли на корабль и увезли в Нарнию. Боюсь, Шаста нисколько не тревожился за настоящего Корина, которому пришлось бы остаться в Ташбаане. Беспокоился он разве что за Аравис и за Бри, да и то — совсем чуть-чуть. «Ничего тут не поделаешь, — сказал он себе. — И потом, этой злючке Аравис все равно не терпелось от меня избавиться, так что она только обрадуется». И, если уж говорить откровенно, куда приятнее плыть в Нарнию морем, чем тащиться через пустыню.

Подумав обо всем этом, Шаста поступил так, как наверняка поступили бы на его месте вы сами, доведись вам встать рано поутру, долго идти пешком, изрядно поволноваться, как следует покушать, и лежи вы на мягкой кушетке в прохладной комнате, тишину в которой нарушало лишь гудение пчелы за окном. Иными словами, он заснул.

Разбудил его громкий треск. Он спрыгнул с кушетки и испуганно огляделся. Комната выглядела иначе, тени на стенах и на полу лежали по-другому — должно быть, он проспал несколько часов. Что же это был за звук? Ага! Фарфоровая ваза, стоявшая на подоконнике, сейчас валялась на полу — точнее, валялась не сама ваза, а осколки, на которые она разлетелась, разбившись вдребезги. Сердце Шасты ушло в пятки — но вовсе не из-за вазы. Он увидел две руки, вцепившиеся в подоконник с такой силой, что костяшки на них побелели. За руками показались голова и плечи. В окно влез мальчик не старше Шасты. Он уселся на подоконник и свесил одну ногу в комнату.

Шаста никогда не видел своего отражения в зеркале. Впрочем, даже если бы и видел, все равно бы не догадался, что второй мальчик похож на него как две капли воды. Правда, сейчас этот мальчик походил скорее на пугало: одежда висит лохмотьями, лицо перепачкано кровью и грязью, во рту недостает зуба, под глазом синяк.

— Ты кто? — прошептал мальчишка.

— Ты принц Корин? — спросил в ответ Шаста.

— Он самый. А ты кто такой?

— Никто, — признался Шаста. — Ну, понимаешь... Король Эдмунд наткнулся на меня на улице и решил, что я — это ты. Наверное, мы похожи. Слушай, а я смогу выбраться отсюда через окно?

— Если лазать умеешь — раз плюнуть,— ответил Корин.— Но куда ты так торопишься? Может, позабавимся, подурачим придворных? Пусть догадываются, кто из нас кто.

— Нет, мне надо бежать,— сказал Шаста.— Будет просто ужасно, если мастер Тамнус вернется и застанет нас обоих. Я притворялся тобой... Знаешь, вы сегодня вечером уплываете, только это секрет. А где ты вообще был?

— Какой-то парень на улице отпустил шуточку насчет королевы Сьюзен,— пустился рассказывать Корин.— Ну, я надавал ему тумаков. Он убежал домой, а потом вернулся — вместе со старшим братом. Я и тому надавал тумаков. Потом за мной погналась целая толпа, и мы налетели на троих стариков с пиками — их называют стражей. Ну, я с ними подрался, и они надавали тумаков мне. На улице к тому времени уже стемнело. Стражники забрали меня с собой, хотели посадить под замок. Я спросил, не хотят ли они выпить, и они ответили, что всегда не прочь. Мы зашли в винную лавку, я купил им вина, и они пили и пили, пока не заснули. Я решил, что пора сматываться. Вышел тихонько на улицу — и нарвался на того самого парня, с которого начались все мои неприятности. Снова надавал ему тумаков. Потом взобрался по водосточной трубе на крышу какого-то дома и затаился там до утра. А утром стал искать дорогу сюда. Видишь, наконец нашел. Кстати, тут есть чем промочить горло?

— Нет, я все выпил,— повинился Шаста.— Покажи мне, куда идти. Времени в обрез. Ты давай ложись на кушетку и притворись... Да нет, ничего не выйдет. Ты весь в грязи и с этим фингалом... Подожди, пока я спущусь, а потом расскажи им всю правду, ладно?

— А что же еще, по-твоему, я могу им рассказать? — воинственно справился Корин.— Кто ты такой на самом деле?

— Некогда объяснять,— отмахнулся было Шаста, однако по выражению лица Корина понял, что объяснить все же придется.— Мне говорили, я по крови нарнианец. Во всяком случае, родился я точно где-то на севере, но вырос здесь, в Калормене. Теперь я в бегах: мы с говорящим конем — его зовут Бри — хотим пересечь пустыню. Ну, скорее! Как мне выбраться?

— Гляди,— Корин ткнул пальцем за окно.— Прыгаешь с окна на крышу веранды. Потом налево, до стены; иди на цыпочках, иначе кто-нибудь услышит. Как залез на стену, топай до угла, а там спрыгнешь на кучу мусора. И — фьють!

— Спасибо,— прошептал Шаста, взбираясь на подоконник. Мальчики посмотрели друг на друга и неожиданно поняли, что они — друзья.

— Ну, бывай,— сказал Корин.— Удачи тебе. Надеюсь, она тебя не подведет.

— И ты бывай,— откликнулся Шаста.— Веселая у тебя жизнь. Мне бы такую.

— Кто бы говорил! — хмыкнул принц.— Давай прыгай. Да тихо ты! Встретимся в Арченланде. Иди прямо к моему отцу, королю Луну, и скажи, что ты мой друг. Ой, кто-то идет. Беги!

Глава 6
Шаста в Усыпальнях

Раскаленная крыша обжигала ступни. Следуя указаниям Корина, Шаста взобрался на стену, добежал до угла и увидел внизу узкую улочку с большой кучей мусора. От кучи изрядно воняло. Прежде чем спрыгнуть, мальчик огляделся по сторонам. Похоже, вершина холма, на котором стоял Ташбаан, осталась позади. Со стены взгляду открывались бесчисленные плоские крыши, уступами уходившие вниз, к могучей крепостной стене. За стеной виднелась река, а за рекой — невысокий взгорок, весь в садах. А за тем взгорком... Ничего подобного Шаста в жизни не видывал: что-то невообразимо большое, желто-серое, ровное, как море в штиль. «Пустыня!» — с восторгом догадался Шаста. Далеко-далеко глаз различал голубоватые тени с белыми шапками наверху. Горы!

Шаста спрыгнул на кучу мусора, отряхнулся и поспешил вниз по узкой улочке, которая вскоре вывела его на другую, шире и многолюднее. На оборванного босоногого мальчишку никто, по счастью, не обращал внимания. Тем не менее Шаста чувствовал себя неуютно: вот-вот, чудилось ему, кто-нибудь закричит: «Держи вора!» и стражники схватят его и отведут в тюрьму. Он свернул за угол — и увидел перед собой Северные ворота! У ворот пришлось потолкаться, потому что не он один хотел выйти из города; а за воротами, на мосту, толпа была столь густой, что ползла как улитка. Но это были уже пустяки. Главное — он вырвался из этого грязного, шумного, вонючего Ташбаана!

За мостом толпа рассосалась: все сворачивали кто налево, кто направо. Шаста же в гордом одиночестве направился прямо,

по дороге, которой, судя по всему, не очень-то пользовались. Скоро он поднялся на взгорок — тот самый, утопавший в садах,— и замер с раскрытым ртом. Ощущение было такое, будто привычный мир вдруг взял и закончился: в нескольких шагах от мальчика полоса травы обрывалась и начинался песок — желто-серый песок, как на морском берегу, разве что позернистее. Вдалеке по-прежнему маячили горы, и отсюда они выглядели почти недостижимыми. А слева... Шаста облегченно вздохнул. Минутах в пяти ходьбы, по левую руку от него, располагались Усыпальни, в точности такие, как описывал Бри: огромные каменные сооружения, похожие на гигантские пчелиные ульи.

Шаста свернул с дороги и двинулся к Усыпальням, хоть у него и засосало под ложечкой от страха: в лучах заходящего солнца Усыпальни выглядели до ужаса мрачными и неприветливыми. Он проглядел все глаза, высматривая своих спутников. Впрочем, из-за солнца, светившего в лицо, ничего толком было не разглядеть. И потом, они наверняка дожидаются у дальней Усыпальни; здесь-то их кто угодно может заметить.

Усыпален было около дюжины, и в каждой была низкая арка, и за каждой аркой таилась непроглядная тьма. Чтобы обойти все Усыпальни, потребовалось немало времени; внутрь Шаста, конечно же, не заходил, но окрестности обыскал добросовестно. Никого.

Как тут тихо, на краю пустыни! И солнце село...

Внезапно за спиной мальчика раздался жуткий звук. Шаста подскочил — и прикусил язык, чтобы не завопить дурным голосом. В следующий миг он сообразил, что это был за звук: то трубили в Ташбаане, возвещая о закрытии городских ворот. «Трус несчастный! — упрекнул себя Шаста.— Ты же слыхал эти трубы утром». Правда, испуг его был вполне простительным: утром-то он шел вместе с товарищами и направлялся в город, а сейчас остался один-одинешенек и *за* городом. Что ж, теперь, когда ворота закрылись, никто точно не появится — значит, придется коротать ночь одному. «Они или в городе застряли,— сказал сам себе Шаста,— или ушли без меня. С этой несносной Аравис и не такое станется! Да нет, Бри меня ни за что бы не бросил... Или бросил бы?»

Вы, верно, и сами уже догадались, что насчет Аравис Шаста заблуждался. Она никогда бы не покинула товарища в беде,

не важно, нравился он ей или нет. Но мальчик по-прежнему считал таркину спесивой гордячкой, готовой на любую каверзу, даже на предательство.

Сумерки сгущались, с каждым мгновением становилось темнее, и в сердце Шасты вновь закрался страх. В Усыпальнях было что-то этакое, что-то очень и очень скверное. В голову лезли малоприятные мысли о блуждающих среди гробниц гулях; и как Шаста ни старался, отгонять эти мысли делалось все труднее.

— Ой! Помогите! — закричал мальчик вне себя от ужаса, когда нечто вдруг коснулось его ноги. Пожалуй, не станем упрекать Шасту в трусости: вы бы тоже перепугались до полусмерти, окажись вы в таком неуютном окружении в столь неподходящее время. Ужас приковал его к месту (да и куда бы он побежал, когда кругом только зловещие черные камни да равнодушная пустыня?) Наконец Шаста кое-как совладал со страхом и сделал, пожалуй, самое разумное из того, что мог сделать: он обернулся. И сердце мальчика едва не разорвалось от облегчения, когда он увидел не кровожадного гуля, а обыкновенного кота.

Кот был крупный, упитанный, важный, что твой таркаан, и выглядел так, будто прожил в Усыпальнях много-много лет. А взгляд у него был такой, словно ему ведомы все тайны мироздания, но он вовсе не собирается открывать их первому встречному.

— Кис-кис! — позвал Шаста.— Ты говорящий или как?

Кот пристально посмотрел на мальчика, а потом двинулся прочь. Конечно, Шаста последовал за ним. Вдвоем они вышли из Усыпален и очутились в пустыне. Кот уселся на песок, обернув хвостом лапы, мордочкой на север — туда, где находилась Нарния,— словно кого-то выглядывал. Шаста лег рядом, лицом к Усыпальням: когда беспокоишься, нет ничего лучше, чем повернуться лицом к опасности, особенно когда твою спину защищает друг. Разумеется, нам с вами лежать на песке было бы не слишком удобно, но Шаста сызмальства привык спать на земле и потому неудобства не ощущал. Вскоре он заснул — и даже во сне продолжал спрашивать себя, что же могло случиться с Аравис, Бри и Хвин.

Разбудил его звук, которого он никогда прежде не слыхал. «Приснится же такое»,— пробормотал мальчик, пошарил рукой вокруг и понял, что кот куда-то подевался. Вот беда... Он

лежал, не открывая глаз, потому что был уверен: стоит ему открыть глаза, немедленно вернутся все вечерние страхи. (Признайтесь, вам наверняка доводилось прятаться от страхов под одеяло. А когда одеяла под рукой нет, надежнее всего крепко зажмуриться — и страхи вас благополучно минуют.) Звук повторился: то был резкий, пронзительный крик, и доносился он из пустыни. Пришлось все-таки открыть глаза и сесть.

Над пустыней сияла луна. Усыпальни — которые, оказывается, были совсем близко — серебрились в лунном свете. Сейчас их легко было принять за уродливых великанов, облаченных в серые плащи с капюшонами. Такое соседство поневоле внушало трепет. Однако звук доносился с противоположной стороны. Шаста с величайшей неохотой повернулся спиной к Усыпальням и бросил взгляд на пустыню. В тот же миг звук повторился снова.

— Только бы не Лев,— прошептал мальчик. Вообще-то звук ничуть не напоминал львиный рык. Это всего лишь тявкал шакал, но Шаста, естественно, этого знать не мог. Вдобавок встреча с шакалом тоже не сулила ему ничего хорошего.

Крик повторялся вновь и вновь, на разные голоса. «Должно быть, этих тварей несколько,— сказал себе Шаста.— И они приближаются».

Когда бы от ночных страхов он не утратил способности рассуждать здраво, то наверняка возвратился бы к реке и к людям — уж туда дикие звери точно не добрались бы. Но чтобы добраться до реки, нужно было опять пройти через Усыпальни, а в Усыпальнях, внутри гробниц, прятались гули. Вдруг они набросятся на него? Из двух зол Шаста выбрал, как ему казалось, меньшее — он остался там, где сидел. А крики слышались все ближе.

Шаста не выдержал, вскочил и совсем уже было бросился бежать, как вдруг в лунном свете возник громадный зверь. Огромная косматая голова, четыре могучих лапы... Зверь словно не замечал мальчика. Вот он остановился, повернулся в сторону пустыни и издал громоподобный рык, эхом раскатившийся среди Усыпален. Шасте почудилось, будто земля затряслась у него под ногами. Воцарилась тишина; мальчику показалось, что он различает дробный топот удирающих тварей. И тут зверь повернулся к нему.

«Это Лев! — неожиданно догадался Шаста.— Огромный Лев! Все, я погиб. Интересно, а больно будет?.. Скорее бы, что

ли... А что бывает после смерти?.. Ой! Мама!» — Он зажмурился, крепко стиснул зубы и стал ждать, когда его укусят.

Но так и не дождался. Что-то теплое прильнуло к его ногам. Он открыл глаза.

— Ого! — воскликнул Шаста. — Да он вовсе не огромный! Вполовину того, что мне привиделся. Да нет, в четверть! Это же всего-навсего кот! Вот уж морок так морок!

Не могу сказать, вправду ли громадный Лев привиделся Шасте во сне, однако у ног мальчика лежал и не сводил с него взгляда обыкновенный кот, разве что покрупнее остальных. Глаза-плошки светились в полумраке зеленым.

— Киса, как я рад тебя видеть! — проговорил Шаста. — Мне такое приснилось! — Он снова опустился на песок и прижался к коту спиной. По телу разлилось живительное тепло. — Никогда не буду обижать котов. Раньше-то всякое бывало. Помню, я кинул камнем в полудохлого котяру... Эй, перестань! Ты чего? — Мальчик недоуменно поглядел на свою руку, на которой кошачьи когти оставили длинные царапины. — Не делай так больше, ладно? Он что, понимает мои слова? — С этой мыслью Шаста вновь заснул.

Когда он проснулся, кота нигде не было видно. Яркое утреннее солнце уже успело нагреть песок. Очень хотелось пить. Шаста потер заспанные глаза. Песок ослепительно сверкал в лучах солнца, со стороны города доносился разноголосый гомон. Впрочем, среди Усыпален по-прежнему царила тишина. Скосив глаза и прищурившись, Шаста различил вдали горы: они были видны настолько отчетливо, что до них, казалось, подать рукой. Мальчик разглядел гору с двумя вершинами; наверное, это и есть Маунт-Пайр. «Туда-то нам и надо, — сказал он себе. — Отмечу-ка я направление, чтоб потом не путаться». И провел пяткой в песке глубокую борозду.

Теперь следовало раздобыть еду и утолить жажду. Шаста поднялся, быстро миновал Усыпальни — при свете дня они выглядели совершенно обыденно; и чего он их боялся? — и спустился к реке. По берегу бродили люди, но толпы не было и в помине; еще бы — утро-то уже позднее, значит, городские ворота распахнулись давным-давно. А раз нет толпы, никто не помешает Шасте учинить «набег» (как выражался Бри). Мальчик перемахнул через садовую ограду и вскоре выбрался обратно с добычей — тремя апельсинами, дыней, парой фиников и гранатом. Перекусив, он напился из реки. Вода оказалась

такой вкусной и такой прохладной, что он скинул свои грязные, потные лохмотья и плюхнулся в реку. Плавать Шаста, конечно же, умел; ведь вырос он на берегу моря, а потому научился плавать чуть ли не раньше, чем ходить. После купания он прилег на траву и стал смотреть на Ташбаан — великий, могучий, неприступный Ташбаан, столицу империи Калормен. Внезапно ему пришло в голову, что, пока он тут прохлаждается, его товарищи могли прийти к Усыпальням (и уйти в пустыню без него). Он поспешно оделся и опрометью кинулся назад, и прибежал к Усыпальням весь в поту, словно и не купался.

Как то бывает обычно, когда ты один и чего-то ждешь, день тянулся нестерпимо долго. Разумеется, Шасте было над чем поразмыслить, но размышления, к несчастью, не могли ускорить ход времени. Он много думал о нарнианцах и в особенности о принце Корине. Что там произошло, когда они узнали всю правду? Когда выяснилось, что на их тайном совете присутствовал вовсе не Корин? Должно быть, эти милые люди (и фавн, и гномы) теперь считают Шасту предателем...

Солнце медленно-медленно взобралось на самый верх небесного свода, а потом еще медленнее поползло на запад. Никто не появлялся, ничего не происходило, и Шаста беспокоился все сильнее. Эх, надо было договориться, сколько ждать, когда обсуждали, где встретимся! Не будет же он сидеть тут до конца своих дней! Скоро снова стемнеет; а вторая ночь в Усыпальнях наверняка окажется хуже первой... Надо что-то делать! Но вот что? Шаста перебрал добрую дюжину возможностей, одна сумасброднее другой, и наконец остановился на самой сумасбродной из них. Он решил дождаться темноты, вновь спуститься к реке, набрать побольше дынь и идти через пустыню в одиночку, сверяя путь по горе Маунт-Пайр. Естественно, затея эта была не просто сумасбродной — она была поистине безумной; доведись Шасте прочесть столько же книг о путешествиях через пустыню, сколько прочли вы, он никогда бы не отважился ни на что подобное. Но, к сожалению, он в жизни не прочел вообще ни одной книги...

Однако, прежде чем солнце скрылось за окоемом, в замысел Шасты вмешались непредвиденные обстоятельства. Он сидел в тени одной из Усыпален и смотрел на дорогу, и вдруг увидел на ней двух лошадей. Сердце бешено застучало — он узнал Бри и Хвин,— а в следующий миг ушло в пятки: ло-

шадей вел в поводу какой-то юноша, хорошо одетый, вооруженный, ни дать ни взять слуга из богатого дома. Аравис же нигде не было видно. Лошади оседланы и взнузданы, никаких мешков... «Это ловушка! — мысленно воскликнул Шаста.— Аравис поймали! Наверное, ее пытали, и она нас выдала! Они ждут, чтобы я выскочил, подбежал к Бри и заговорил с ним, и тут-то они меня и схватят. А если не ловушка? Если я затаюсь, а они подождут-подождут да и уйдут без меня? Что же случилось?»

Он укрылся за Усыпальней и стал ждать, терзаясь сомнениями и не ведая, как поступить.

Глава 7
Аравис в Ташбаане

А что же Аравис? С нею произошло вот что. Когда нарнианцы увели Шасту, и она осталась одна с двумя лошадьми (по счастью, хранившими молчание), ей впору было запаниковать. Однако она ни на миг не утратила присутствия духа. Свободной рукой таркина ухватила повод Бри и, провожая Шасту глазами, постаралась унять сердце, стучавшее в груди кузнечным молотом. Едва нарнианцы с Шастой скрылись из виду, она хотела было идти дальше, как вдруг снова — чтоб ему пусто было! — раздался крик глашатая: «Дорогу, дорогу! Дорогу таркине Ласаралин!» Услыхав знакомое имя, Аравис застыла как вкопанная. Прошли четверо вооруженных рабов, за ними — носильщики с паланкином на плечах: шелковый балдахин, серебряные колокольцы, цветочный аромат духов на всю улицу... За носильщиками шли рабыни в богатых нарядах, грумы, посыльные и прочие слуги.

С Ласаралин они были знакомы с давних пор — танцевали на одних и тех же балах, гостили в одних и тех же домах; иными словами, были все равно что в нашем мире школьные подруги. Правда, последний раз встречались лет сто назад: с тех пор Ласаралин успела выйти замуж, и очень удачно — за богатого вельможу, состоявшего при дворе. И конечно, Аравис не могла удержаться от того, чтобы не взглянуть на подругу хотя бы одним глазком.

Их взгляды встретились. Ласаралин мгновенно узнала подругу. Повинуясь сигналу, носильщики остановились.

— Аравис! — вскричала Ласаралин на всю улицу.— Ты ли это? Что ты здесь делаешь? Твой отец...

Решение пришло само собой. Аравис отпустила поводья, ухватилась за край паланкина, подпрыгнула и упала на подушки.

— Замолчи! — яростно прошептала она на ухо Ласаралин. — Замолчи немедленно! Ты должна меня спрятать! Вели своим людям...

— Милая моя... — Ласаралин и не думала понижать голос (ее ничуть не смущали любопытные взгляды, наоборот — она ими наслаждалась).

— Делай что говорю, — прошипела Аравис, — не то мы с тобой разругаемся на веки вечные! Ну пожалуйста, Лас! Вели своим людям забрать вон тех двух лошадей, потом опусти полог, и пускай нас отнесут куда-нибудь, где меня не найдут. И поскорее!

— Ладно, душенька, ладно, — отозвалась Ласаралин. — Вы двое, возьмите лошадей таркины, — приказала она рабам. — Домой! — Это уже носильщикам. — Дорогуша, ты и вправду хочешь опустить полог? Сегодня так жарко...

Аравис резким движением задернула полог, и они с Ласаралин очутились в душноватом сумраке шелкового балдахина.

— Никто не должен меня видеть, — пояснила она. — Отец не знает, что я здесь. Я сбежала из дома.

— Душенька! — воскликнула Ласаралин. — Как романтично! Умираю, хочу все услышать! Между прочим, ты сидишь на моем платье. Будь добра, привстань. Спасибо. Это совсем новое платье. Оно тебе нравится? Я купила его...

— Лас, это очень серьезно! — перебила Аравис. — Где мой отец?

— Ты разве не знаешь? — удивилась Ласаралин. — Он тут, в Ташбаане. Где же еще ему быть? Приехал вчера и всех расспрашивает о тебе. И вот ты со мной, а он и не подозревает. Как забавно! Ну скажи, душенька, правда забавно? — И она захихикала. Аравис припомнила, что Ласаралин всегда находила повод похихикать.

— Вовсе не забавно, — отрезала она. — Говорю тебе, все очень серьезно. Где ты меня спрячешь?

— У себя, конечно, — не задумываясь ответила Ласаралин. — Самое подходящее место. Мой муж в отъезде, так что никто тебя не потревожит. Фу! Как тут душно, с этими занавесками! И не видно, что там, на улице, делается. Какой резон надевать новое платье, если никому его и не показать?

— Надеюсь, никто не расслышал твоих криков, — пробормотала Аравис, думая о своем.

— Разумеется, нет, — рассеянно уверила ее Ласаралин. — Так тебе нравится мое платье?

— И еще одно, — продолжала Аравис. — Вели своим людям обращаться с этими лошадьми со всем уважением. Понимаешь, дело в том, что они — говорящие лошади из Нарнии.

— Да что ты говоришь! — откликнулась Ласаралин. — Какая прелесть! Ой, душенька, ты уже видела королеву варваров из Нарнии? Она сейчас в Ташбаане. Говорят, принц Рабадаш безумно в нее влюблен. Две недели подряд у нас тут сплошные балы, пиры, охоты, и все в ее честь, хотя, между нами, не такая уж она и красавица. А вот среди мужчин, которые ее сопровождают, есть очень даже симпатичные. Позавчера меня пригласили на речную прогулку. Я надела...

— А твои люди никому не расскажут? — перебила Аравис. — Мол, явилась какая-то особа, вся грязная, в лохмотьях... Если начнут болтать, мой отец услышит и наверняка догадается, кто это.

— Ну, что ты суетишься? — укоризненно проговорила Ласаралин. — Подберем мы тебе подходящую одежду, не беспокойся. Вот мы и дома.

Носильщики остановились и осторожно опустили паланкин. Ласаралин отдернула полог, и Аравис увидела чудесный дворик с фонтаном, лужайкой и множеством деревьев. Ласаралин направилась было в дом, но Аравис остановила ее и шепотом напомнила о том, что нужно сделать прежде.

— Прости, душенька, — извинилась Ласаралин, — совсем из головы вылетело. Эй, вы, слушайте! Привратник, тебя тоже касается! Из дворца никого не выпускать. А если кто будет трепать языком по поводу моей гостьи, того сначала запорют до смерти, потом сожгут живьем, а потом посадят на хлеб и воду на шесть недель. Всем понятно?

По дороге Ласаралин уверяла, что ей просто не терпится выслушать историю Аравис, однако на деле не выказывала к тому ни малейшего стремления. По правде сказать, она предпочитала говорить сама, чем слушать кого-то другого. Она настояла на том, чтобы сперва Аравис приняла ванну (а среди калорменских вельмож купание в ванне считалось своего рода искусством, коим преступно заниматься на скорую руку), затем

заставила подругу облачиться в роскошные одежды. Суматоха, которой сопровождался выбор платья, довела Аравис до белого каления. Впрочем, Ласаралин ничуть не изменилась: на уме у нее всегда были наряды, балы и светские сплетни. Саму же Аравис куда больше привлекали охота, стрельба из лука, плавание, лошади и собаки. В глубине души каждая из них считала свою подругу глупышкой. Однако когда с платьем было покончено, когда позади остался легкий обед (взбитые сливки, желе, фрукты и мороженое), они расположились в чудесной зале с колоннами (все бы хорошо, да только вокруг скакала избалованная обезьянка Ласаралин, мешавшая разговору) и Ласаралин наконец снизошла до того, чтобы спросить, почему все-таки Аравис сбежала из дома.

Аравис поведала подруге о своих злоключениях. Ласаралин недоуменно покачала головой.

— Душенька, но почему ты не хочешь выйти замуж за Ахошту? В Ташбаане все только о нем и говорят. Мой муж утверждает, что он — один из самых важных сановников империи. Между прочим, старый Аксарта умер, и теперь Ахошту наверняка сделают великим визирем. Ты не знала?

— Да плевать мне на него! — не сдержалась Аравис.— Видеть не могу эту поганую рожу!

— Душенька, рассуди здраво. У него три дома, среди них тот прелестный дворец на озере Илькин. Горы жемчуга. Реки ослиного молока. И потом, ты бы постоянно виделась со мной.

— Пусть подавится своим молоком заодно с жемчугами! — прошипела Аравис.

— Странная ты, Аравис,— задумчиво проговорила Ласаралин,— как была странной, так и осталась. Что *еще* тебе нужно?

В конце концов, после долгих препирательств, Аравис сумела убедить подругу в том, что положение ее и впрямь отчаянное и что ей необходима помощь. Ласаралин даже начала строить планы. Вывести из города животных не составляло никакого труда: ни один стражник, если не хочет нарваться на крупные неприятности, не посмеет остановить грума таркины, ведущего в поводу боевого коня и лошадку. Но вот что касалось Аравис, тут все было далеко не так просто. Аравис предложила было, чтобы ее вынесли из города в паланкине с опущенным пологом. Но Ласаралин объяснила, что паланкинами пользуются лишь в пределах крепостных стен, и попыт-

ка выехать в паланкине *за* город неминуемо приведет к ненужным расспросам.

Что бы Аравис ни предлагала, у Ласаралин всякий раз находилось возражение; мало того, она постоянно отвлекалась, и Аравис то и дело приходилось возвращать подругу к насущным материям. Вдруг Ласаралин хлопнула в ладоши.

— Кажется, я придумала! — заявила она. — Из города можно выбраться не только через ворота. Сад во дворце тисрока — да живет он вечно! — спускается к самой воде. И там есть укромная калиточка. Ею разрешено пользоваться лишь тем, кто живет во дворце, но знаешь ли, душенька, — Ласаралин хихикнула, — мы живем совсем рядом. Тебе повезло, что ты встретила меня. Милый тисрок — да живет он вечно! — столь часто приглашает нас к себе, что его дворец стал для меня вторым домом. А какая у него замечательная семья! Эти любезные принцы, эти милые принцессы! А принц Рабадаш вообще такой душка! Я могу приходить во дворец, когда мне вздумается; меня там всегда рады видеть. Значит, мы с тобой пойдем туда вечером и я выпущу тебя через ту калитку. У причала обязательно найдется какая-нибудь лодка. И даже если нас поймают...

— Все пойдет коту под хвост, — проворчала Аравис.

— Душенька, ну почему ты видишь все в мрачном свете? Я хотела сказать, даже если нас поймают, никто ничего не заподозрит. При дворе давно привыкли к моим выходкам. Меня называют «шалая Ласаралин», представляешь? Буквально на днях было очень забавно — обхохочешься, честное слово...

— Тебе забавно, а я могу потерять все, — оборвала подругу Аравис.

— Что? Ах да, понятно... Душенька, у тебя есть план получше?

— Нет, — призналась Аравис. — Придется рискнуть. Когда выходим?

— Сегодня никаких «выходим»! — воскликнула Ласаралин. — Никаких, слышишь? Сегодня вечером во дворце пир! Ой, мне же еще волосы уложить нужно! Будет столько молодых людей... Отложим до завтра, ладно?

Аравис вынуждена была согласиться — все равно ничего другого ей не оставалось. День тянулся невыносимо медленно; наконец Ласаралин отправилась во дворец, и Аравис вздохнула

с облегчением: она жутко устала от глуного хихиканья подруги, от бесконечных разговоров о нарядах, от всех этих придворных сплетен — кто на ком женился, кто с кем обручился, кто кого соблазнил или, наоборот, бросил. Она с радостью легла спать; было так приятно провести ночь в кровати, на чистых простынях и мягких подушках.

Утро началось с небольшой размолвки. Ласаралин снова попыталась переубедить подругу. «Нарния — ужасная страна», твердила она. Там круглый год зима, сплошной снег и лед, ни травинки, ни зеленого деревца, и живут там одни демоны и колдуны. Пусть Аравис не обижается, но у нее, наверное, помрачился рассудок, раз она собирается туда.

— Да еще с мальчишкой-простолюдином! — прибавила Ласаралин.— Душенька, одумайся! Это просто неприлично.

Аравис вдруг поняла, что глупость Ласаралин утомила ее сверх всякой меры и что даже путешествовать с Шастой куда приятнее, чем вести светскую жизнь в Ташбаане.

— Ты забываешь, что я теперь — никто,— ответила она.— Мы с ним друг друга стоим. Вдобавок я дала слово.

— И это говорит девушка, которая могла бы стать женой великого визиря! — От праведного возмущения на глаза Ласаралин навернулись слезы.— Нет, ты точно разум потеряла!

Аравис решила, что с нее довольно, и пошла проведать лошадей.

— На закате грум отведет вас к Усыпальням,— сказала она, поглаживая спину Хвин.— Больше никаких мешков. Вас снова оседлают и взнуздают. Разве что у Хвин в седельной сумке будет еда, а у тебя, Бри,— бурдюк с водой. Груму велено как следует напоить вас на дальнем берегу реки.

— А потом на север, в Нарнию! — прошептал Бри.— Но что, если Шасты в Усыпальнях не будет?

— Мы его подождем,— ответила Аравис.— Надеюсь, с вами хорошо обращаются?

— Стойло просто замечательное,— сказал Бри.— А вот насчет овса... Если муж твоей болтливой подруги дает старшему конюху денег на лучший в городе овес, значит, конюх его обманывает.

Ужинали все в той же зале с колоннами.

Около двух часов спустя тронулись в путь. Аравис надела наряд служанки; лицо девушки скрывала вуаль. Между собой подруги уговорились: на все вопросы Ласаралин будет

отвечать, что привела свою рабыню и хочет подарить ее одной из принцесс.

От дома Ласаралин до дворца тисрока и вправду оказалось рукой подать. У парадных ворот, разумеется, стояли стражники, но их командир был хорошим знакомым Ласаралин: солдаты взяли на караул, и первая преграда осталась позади. В Зале Черного Мрамора толпились придворные, слуги и рабы; на девушек никто не обращал внимания. Из этой залы они попали в Колонную Залу, а оттуда — в Залу Изваяний, прошли колоннадой мимо окованных медью дверей Тронной Залы; двери были приоткрыты, и можно было разглядеть убранство залы, потрясавшее воображение своей роскошью.

Наконец вышли во внутренний дворик, уступами спускавшийся к реке, пересекли его и вступили под своды Старого Дворца. В лабиринте извилистых коридоров заблудиться было проще простого, тем паче что они почти не освещались: лишь изредка попадались факелы, вставленные во вбитые в стену скобы.

Ласаралин остановилась и задумалась. Коридор в этом месте раздваивался, и надо было выбирать куда идти — направо или налево.

— Пошли, пошли! — поторопила Аравис. Она испуганно озиралась, словно ожидая, что вот-вот из-за угла покажется ее отец.

— Очень любопытно... — проговорила Ласаралин. — Я не совсем точно помню, какой коридор нам нужен. По-моему, левый... Я почти уверена, что левый. А вдруг правый? Ой, как забавно!

Они свернули налево и очутились в полутемном проходе, неровный пол которого скоро сменился ведущими вниз ступенями.

— Все правильно, — сказала Ласаралин. — Эти ступеньки я помню.

И вдруг впереди возник огонек! Мгновение спустя показались двое мужчин: они держали в руках высокие свечи, разгонявшие полумрак, — и пятились вверх по ступеням! А ведь пятятся лишь перед венценосными особами. Аравис почувствовала, как пальцы Ласаралин стиснули ее локоть — крепко-крепко, изо всех сил — похоже, Ласаралин перепугалась до полусмерти. Странно, что подруга так боится «милого тисрока», с которым, по ее словам, она на короткой ноге... Впрочем,

додумать Аравис не успела: Ласаралин кинулась обратно и потащила Аравис за собой.

— Вот! — выдохнула она, пошарив рукой по стене. — Тут дверь.

Девушки нырнули в дверь, тихонько притворили ее за собой и стали ждать. Их окружала непроглядная тьма. Ласаралин тяжело дышала, вне себя от страха.

— Охрани нас Таш! — прошептала она. — Что мы будем делать, если *он* зайдет *сюда?* Куда мы спрячемся?

Под ногами был пушистый ковер. Девушки опустились на четвереньки и поползли на ощупь; неожиданно их руки наткнулись на что-то невысокое и мягкое. Кушетка!

— Залезай за нее, — шепнула Ласаралин. — И зачем только я согласилась пойти с тобой?!

Свободного места между кушеткой и стеной оказалось не так уж много: Ласаралин ухитрилась поместиться целиком, а вот Аравис повезло меньше — как она ни старалась, верхняя половина ее головы все равно оставалась на виду. Всякий, кто войдет в эту комнату с факелом и бросит взгляд на кушетку, неминуемо заметит Аравис. Правда, на ней вуаль... Но что это меняет? Аравис попыталась подвинуть подругу и устроиться понезаметнее, однако Ласаралин ни в какую не желала двигаться: страх заглушил в ней все прочие чувства, и судьба подруги в этот миг таркину нисколько не волновала. Поняв, что ничего не добьется, Аравис перестала толкаться. Обе девушки дышали прерывисто, и собственное дыхание казалось им громовыми раскатами.

— Обошлось? — еле слышно шепнула Аравис немного погодя.

— Похоже, да, — так же тихо отозвалась Ласаралин. — Мое бедное сердечко...

И тут раздался звук, который они более всего страшились услышать, — скрип открывасмой двери. Комната осветилась. И Аравис, выглядывавшая из-за кушетки, смогла все как следует рассмотреть.

Первыми в комнату, пятясь, вошли два раба (Аравис предположила, что они — глухонемые, потому-то их и взяли с собой) со свечами в руках — вошли и встали у кушетки, что было просто замечательно: один из них полуприкрыл девушку своей широкой спиной. За рабами появился толстый, обрюзгший старик в диковинном остроконечном колпаке; по это-

му колпаку Аравис сразу признала в старике тисрока. Любой из самоцветных камней на его одежде наверняка стоил гораздо больше, чем все оружие и наряды всех нарнианских вельмож, вместе взятых. А платье его, все в оборках, кисточках, воланах и рюшах, подходило скорее женщине; во всяком случае, нарнианцы были одеты куда проще — и, скажем так, мужественнее. За тисроком вошел высокий юноша в расшитом каменьями тюрбане с пером; на боку у него висел ятаган в ножнах из слоновой кости. Юноша явно злился: глаза его метали молнии, а лицо то и дело искажала кривая усмешка. Последним переступил порог маленький сгорбленный старичок, в котором Аравис с дрожью узнала нового великого визиря и своего суженого — таркаана Ахошту.

Раб плотно притворил дверь за великим визирем. Тисрок со вздохом опустился на кушетку, юноша встал рядом с ним, Ахошта же повалился на колени и простерся перед повелителем.

Глава 8
Рабадаш разгневанный

— О отец мой, свет очей моих! — угрюмо произнес юноша («Врешь! — подумала Аравис. — Никакой он тебе не свет — вон как ты на него зыркаешь!») — В неизреченной мудрости своей обрек ты сына своего на посмешище и на погибель! Взойди я на рассвете на быстрейшую из галер наших, пустись я немедля в погоню за варварами, я бы наверняка их настиг! Но ты воспретил мне, отец! Сказал, что они, должно быть, ищут новое место для стоянки, — и так целый день был потерян! А теперь... теперь их уже не догнать! Эта лживая девка, эта... — И юноша разразился градом проклятий, воспроизводить которые на бумаге было бы не очень-то прилично.

Вы, верно, уже догадались, что юноша этот был не кто иной, как принц Рабадаш, а «лживой девкой» и прочими неблагозвучными именами наделял он Сьюзен, королеву Нарнии.

— Обуздай свой пыл, сын мой, — ответствовал тисрок. — Расставание с дорогими гостями всегда наносит нам сердечную рану, но разумный человек не станет бередить эту рану гневом.

— Она должна быть моей! — вскричал принц. — Должна, отец! Я умру, если она не вернется! О, эта спесивая, жестокосердная, лживая дочь собаки! Я не могу спать, и самые

изысканные яства не привлекают меня, и свет помутился в моих очах из-за ее красоты! Королева варваров должна стать моей!

— Сказано мудрецом, — возгласил визирь, приподняв голову, — что, лишь отпив из источника рассудка, способны мы остудить пожар юношеской любови!

Мгновенно ярость Рабадаша обратилась на великого визиря.

— Пес смердящий! — воскликнул принц, принимаясь пинать Ахошту по обтянутому халатом седалищу. (Скажу по секрету — Аравис ничуть не было жалко своего суженого.) — Да как ты смеешь лезть ко мне со своими поучениями? Чтоб ты подавился своими мудрецами!

Все это время тисрок хранил молчание, погруженный в раздумья. Наконец он соизволил заметить, что происходит, и невозмутимо молвил:

— Сын мой, воздержись от столь неподобающего обращения с нашим достойнейшим и просвещеннейшим визирем. Ибо убеленным сединами, сколь бы ни были они нам отвратительны, всегда должно оказывать почтение — ведь бесценный самоцвет остается сам собой даже в навозной куче. Итак, воздержись от поспешных действий и открой нам свое сердце.

— Сердце мое неизменно открыто для великого тисрока — да живет он вечно! — откликнулся Рабадаш. — Желаю же я, отец мой, дабы повелел ты нашему победоносному воинству вторгнуться в Нарнию и предать ее огню и мечу, а потом присоединить оный трижды проклятый край к твоим необозримым владениям! А их правителя, пресловутого короля Питера, надобно убить, заодно со всеми его родичами, и пощадить только королеву Сьюзен. Она должна стать моею женою — после того как я преподам ей хороший урок.

— Да будет ведомо тебе, сын мой, — сказал тисрок, — что своими речами, сколь бы ни были они пламенны, не подвигнешь ты нас напасть на Нарнию.

— Не будь великий тисрок — да живет он вечно! — моим отцом, — воскликнул Рабадаш, скрежеща зубами, — я бы назвал его трусом!

— Не будь ты нашим сыном, о гневливейший из принцев, — ответствовал тисрок, — обрекли бы мы тебя немедля на долгую и мучительную смерть. («Какой ужас! — подумала Аравис, чувствуя, как кровь стынет у нее в жилах. — И как спокойно он это сказал!»)

— Но почему, отец мой, — спросил принц, уже куда почтительнее, — почему не можем мы вторгнуться в Нарнию без предлога? По мне, так напасть на них — все равно что казнить бездельника-раба или отправить на бойню старую больную лошадь. Страна эта вчетверо меньше самой малой из провинций нашей могучей державы. Тысячи копий вполне достанет, чтобы покорить ее в пять дней. Дай мне эту тысячу — и я уничтожу сей зловонный нарыв, мнящий себя пупом земли!

— Несомненно, они заслуживают кары, — задумчиво проговорил тисрок. — Эти варвары похваляются своею свободой, но свобода их ненавистна богам, ибо скрываются за нею только лень и нежелание повиноваться законам, установленным благими небесами.

— Тогда почему должны мы и далее терпеть эту свободу?

— Да простит меня всемилостивейший принц, — вставил визирь Ахошта, — но осмелюсь я заметить, что вплоть до того лета, в коем ваш несравненный отец, попирающий сапогами своих врагов, взошел на калорменский престол, просторы Нарнии были покрыты снегом и льдом. К тому же правила этой страной весьма могущественная чародейка.

— Вести твои устарели, о велеречивый и скудоумный визирь, — холодно ответил принц. — Чародейка мертва, лед и снег давно растаяли, и Нарния ныне плодородна и многообильна, как никогда прежде.

— Неужели мудрейший из принцев сомневается, что перемену эту вызвали чудовищной силы заклинания, сотворенные теми злодеями и злодейками, кои нынче именуют себя правителями Нарнии?

— Я держусь того мнения, — усмехнулся Рабадаш, — что переменой этой мы обязаны движению светил и прочим естественным причинам.

— Оставим этот спор нашим придворным мудрецам, — вмешался тисрок. — Нам доподлинно известно одно: столь великая перемена, да еще погубившая чародейку, не могла произойти без помощи магии. А уж где, как не в Нарнии, твориться всякому чернокнижию и гнусной ворожбе — ведь населяют ее демоны в зверином обличье, говорящие на языке людей, и жуткие чудища, наполовину люди, наполовину звери. И многажды нам сообщали, что верховному королю этой богопротивной земли — да поразит его Таш-громовержец! —

прислуживает наимерзейший и наизлобнейший демон, что является в обличье громадного льва. Вот почему не посылаем мы туда наше победоносное войско, вот почему будем мы и впредь избегать войны с Нарнией.

— Сколь счастлив Калормен, — возгласил визирь, припадая к стопам тисрока, — что правит им государь, осененный милостью небес и равный богам в своей предусмотрительности! И все же, как рек наш несравненнейший тисрок — да живет он вечно! — отказываться от столь лакомого кусочка было бы верхом неразумия. Ибо сказано мудрецом... — Тут Ахошта бросил взгляд на принца Рабадаша и, заметив, как тот шевельнул ногой, счел за лучшее замолчать.

— Наш просвещенный визирь, увы, прав, — согласился тисрок. — Каждую ночь мучают нас дурные сны, каждое утро солнечный свет бежит наших очей — и все потому, что Нарния остается непокоренной.

— Отец мой, — проговорил Рабадаш, — если я докажу, что до Нарнии твоя длань может дотянуться и что ты всегда успеешь ее отдернуть, отвернись от нас удача, позволишь ли ты мне выступить в поход?

— Докажи нам, Рабадаш, — отвечал тисрок, — и мы назовем тебя лучшим из сыновей!

— Выслушай же меня, отец мой! В эту самую ночь, в тот самый миг, как даруешь ты мне свое соизволение, возьму я две сотни всадников и поскачу через пустыню. И все будут думать, что собрал я этот отряд втайне от тебя и вопреки твоей воле. Через две ночи окажемся мы в Арченланде, у стен Анварда — крепости короля Луна. Мы застанем их врасплох — ведь Арченланд в мире с Калорменом, — и Анвард падет, прежде чем успеют они взяться за оружие. Дальше направлю я свой путь по горному ущелью, что ведет в Нарнию, и двинусь напрямик к Кэйр-Паравелу. Верховного короля в замке не будет: когда я покидал Нарнию, он собирался идти с войском на север, чтобы сразиться с великанами. Значит, замковые врата будут распахнуты настежь, и никто не сможет мне помешать. Лестью и посулами, не проливая нарнианской крови без нужды, я захвачу замок и буду ждать, пока не войдет в гавань «Пенящий волны» и не сойдет на берег королева Сьюзен. А едва ступит она на твердую землю, схвачу я ее, посажу впереди себя на коня и помчусь обратно в Анвард!

— Эта женщина будет не одна, сын мой,— возразил тисрок.— С нею король Эдмунд. И в битве любой из вас может расстаться с жизнью.

— Их будет немного — тех, что сойдут с корабля,— сказал Рабадаш.— Я прикажу десяти своим воинам разоружить короля Эдмунда и связать его, и не стану убивать его, пускай даже мне невыносимо того хочется, чтобы не давать повод к войне между Нарнией и Калорменом.

— А если «Пенящий волны» опередит тебя?

— Вряд ли, отец мой, ветер им не благоприятствует.

— Что ж, о мой находчивый сын,— произнес тисрок,— у тебя есть ответ на всякое возражение. Теперь мы верим, что ты сумеешь добыть для себя королеву варваров. Однако ты еще не поведал, каким образом мы добудем Нарнию.

— Отец мой, ужели от тебя ускользнуло то обстоятельство, что, хотя мои конники промчатся по Нарнии подобно стреле, сорвавшейся с тугой тетивы, крепость Анвард останется нашей на веки вечные? А крепость эта — ворота в Нарнию; мы будем увеличивать ее гарнизон до тех пор, пока не соберем большое войско.

— Твои слова исполнены мудрости, коей обычно не найти в молодых, сын мой. Но как нам быть, если удача вдруг отвернется от нас?

— Ты объявишь во всеуслышание, отец мой, что не ведал о моей затее, что я выступил в поход по собственной воле и без твоего благословения, ибо подгоняли меня любовь, что сжигает сердце, и нетерпение, свойственное юности.

— А если верховный король потребует от нас, чтобы мы вернули его сестру?

— Этого не случится, отец мой, не случится никогда! Эта ветреная девка могла отвергнуть меня, но верховный король Питер — человек разумный и прекрасно понимает, какие выгоды ему сулит брак его сестры с калорменским принцем. Во-первых, через свою сестру он породнится с нами, а во-вторых, со временем его племянник воссядет на престол Калормена.

— Этому не бывать, если мы будем жить вечно,— как ты того, без сомнения, желаешь,— сухо заметил тисрок.

Наступила тишина. Визирь вжался лицом в ковер. Принц побледнел.

— Кроме того, отец мой, свет очей моих,— продолжил наконец Рабадаш,— мы составим письмо Питеру от имени

королевы Сьюзен, и в этом письме будет сказано, что она любит меня и вовсе не рвется обратно в Нарнию. Всем на свете известно, как переменчивы и непостоянны женщины! Пускай даже Питер не поверит письму, выступить против нас с оружием в руках он не посмеет.

— Просвещенный визирь, — окликнул тисрок, — яви свою мудрость и поведай нам, что думаешь ты об этом дерзком замысле.

— О великий тисрок — да живет он вечно! — отвечал Ахошта, — хоть я нынче и не женат, но ведомо мне, какова сила родительской любви, и часто я слыхал, что сыновья своим отцам дороже любых сокровищ. И как же посмею я возвысить свой голос, коли совет мой может подвергнуть опасности жизнь нашего драгоценного принца?

— Еще как посмеешь! — отозвался тисрок. — Ибо отмолчаться тебе не удастся, если ты, конечно, дорожишь своею головой.

— Слушаю и повинуюсь! — со стоном проговорил визирь. — Знай же, о всемогущий тисрок — да живет он вечно! Что опасность, грозящая принцу, не столь велика, сколь кажется на первый взгляд. Боги, в неизреченной милости своей, лишили варваров благоразумия и рассудительности, и в варварских стихах не найти мудрых и душеполезных изречений, как у нас, — в них говорится лишь о войне и о любви. И потому ничто не покажется им более благородным и достойным восхищения, чем это безумное начинание... Ай! — Услыхав слово «безумное», Рабадаш вновь разъярился и отвесил Ахоште очередной полновесный пинок.

— Воздерживайся, сын мой, — напомнил Рабадашу тисрок. — А ты, почтенный визирь, не отвлекайся по пустякам и не лишай нас удовольствия внимать твоим утонченным речам. Ибо людям твоего положения воистину подобает терпеливо сносить мелкие неудобства.

— Слушаю и повинуюсь! — ответил визирь, отползая чуть в сторону, чтобы обезопасить свое седалище от сапога Рабадаша, насколько это возможно. — Итак, я говорил, что варварам ничто не покажется более простительным и более достойным восхищения, нежели сия... э... чреватая опасностью затея. Тем паче они ведь подумают, что принц отважился на нее из-за любви. И потому, попади наш драгоценный принц по несчастному стечению обстоятельств в руки варваров, у

них даже мысли не возникнет лишить его жизни. Вдобавок, коли угодно будет богам, чтобы принц не смог увезти королеву, ратная доблесть его и сила страсти, в коих ни у кого не останется причин сомневаться, может статься, склонят прекрасную варварку переменить свое мнение о светлейшем Рабадаше.

— Верно подмечено, старый болтун, — хмыкнул принц. — И в твою глупую голову порой приходят умные мысли.

— Похвала повелителя — отрада моих седин, — Ахошта вновь припал лицом к ковру. — А еще, о великий тисрок — да правишь ты нами во веки веков! — уверен я, что принцу небо судило завладеть Анвардом. Стоит же этой крепости оказаться у нас в руках, как мы возьмем Нарнию за горло.

Визирь умолк. Девушки затаили дыхание: им казалось, что, если они этого не сделают, в наступившей тишине их наверняка услышат. Наконец тисрок заговорил.

— Отправляйся, сын мой, — молвил он. — И поступай как решил. Но не жди от нас подмоги. Если ты погибнешь, мы не станем за тебя мстить, и если ты окажешься в тюрьме, мы не станем тебя выкупать. А если, волею случая, ты прольешь хотя бы единственную лишнюю каплю нарнианской крови и разразится война, то, победишь ты или потерпишь поражение, нашего благоволения тебе уже не видать, и наследником престола станет твой младший брат. Ступай же! Действуй быстро и решительно, и да пребудет с тобою удача, да войдет в твой меч сила Таша, необоримого и неумолимого!

— Слушаюсь и повинуюсь! — вскричал Рабадаш. Преклонив колени, он поцеловал отцу руки, вскочил и почти выбежал из комнаты. К великому огорчению Аравис, у которой затекло все тело, тисрок и Ахошта уходить не спешили.

— О визирь, — сказал тисрок, — уверен ли ты, что никто не проведает о нашем тайном совете?

— Владыка, — отозвался Ахошта, — проведать никому невозможно. Потому-то я и предложил — а ты, в своей несравненной мудрости, одобрил мое предложение, — чтобы сошлись мы здесь, в Старом Дворце, где никогда не держали советов и где не встретишь чересчур любопытных слуг.

— Хорошо. Ибо всякого, кто посмел бы подслушать нашу беседу, мы велели бы немедля умертвить. О достойный визирь, забудь то, о чем мы говорили втроем. И сами мы постараемся изгнать из памяти все, что слышали от принца. Он ускакал

без нашего ведома и согласия Таш его знает куда! Наш сы
всегда был скор на гнев и нетерпелив, и послушания в нем н
больше, нежели в любом другом юнце его лет. Мы с тобою,
визирь, изумимся сильнее прочих, когда пройдет слух, что Ра
бадаш захватил Анвард.

— Слушаю и повинуюсь! — откликнулся Ахошта.

— И потому, даже наедине с самим собой, не осмелишьс
ты впредь называть нас самым жестокосердным из отцов, иб
мы вовсе не посылали своего первенца в поход, который, ско
рее всего, обернется его гибелью. Не лицемерь — мы же давн
знаем, что ты на дух не выносишь принца; мы тебя насквоз
видим.

— О богоравный тисрок — да живет он вечно! — завопи
Ахошта, вновь повергаясь ниц.— Вся моя любовь обращен
только к тебе, и потому-то не люблю я ни принца, ни себ
самого, ни хлеб, ни воду, ни солнечный свет!

— Ишь как! — усмехнулся тисрок.— Говоришь ты склад
но — и верно. Нам самим могущество нашей державы доро
же всего того, что ты перечислил. Если принц преуспеет
своем начинании, мы присоединим к нашим владениям Ар
ченланд, а потом и Нарнию. Если же его постигнет неуда
ча — что ж, у нас останется восемнадцать сыновей; к том
же Рабадаш, как нередко бывает с наследниками, уже косит
ся на престол. Пять ташбаанских тисроков покинули сей ми
раньше отведенного им срока — и лишь потому, что просве
щенные принцы, их старшие сыновья, устали ждать, когд
освободится трон. Пускай лучше остудит пыл в битве, че
выплеснет его в дворцовых интригах. А теперь, достославны
визирь, ощущаем мы, что отцовские заботы безмерно нас уто
мили. Дремота, предвестник сладкого сна, смежает нам очи
Пришли музыкантов в нашу опочивальню. Да, прежде че
ляжешь спать, вели казнить третьего повара, которого мы
было помиловали, ибо у нас, похоже, начинается несварени
желудка.

— Слушаю и повинуюсь! — Визирь на четвереньках под
полз к двери, встал, поклонился и скрылся за дверью. Тисро
же, о чем-то размышляя, так долго сидел на кушетке, что Ара
вис даже начало казаться — старик заснул. Наконец, охая
вздыхая, он поднялся и жестом велел рабам идти вперед, ос
вещая путь. Дверь закрылась, комната погрузилась во мрак —
и девушки смогли перевести дух.

Глава 9
Через пустыню

— Какой ужас! Какой ужасный ужас! — воскликнула Ласаралин. — Душенька, я так испугалась! До сих пор вся дрожу! Потрогай, если не веришь.

— Да перестань! — цыкнула на подругу Аравис, сама полуживая от страха. — Они ушли, ты же слышала. Теперь мы в безопасности. Но столько времени потеряно! Давай веди меня к своей калитке.

— Душенька, да как ты можешь?! — плаксиво протянула Ласаралин. — Я рукой не в силах шевельнуть, не то чтоб куда-нибудь идти! Нет, мы немножко посидим здесь, успокоимся, а потом вернемся в мой дом.

— Зачем? — удивилась Аравис.

— Неужели ты не понимаешь? О, какая ты бессердечная! — И Ласаралин зарыдала.

Впрочем, рыдания не помогли — Аравис только разозлилась.

— Послушай! — Она потрясла Ласаралин за плечи. — Если ты скажешь еще хоть словечко насчет возвращения и если сей же миг не отведешь меня к калитке, знаешь, что я сделаю? Выскочу за дверь и начну вопить, и пускай нас поймают — обеих.

— Нас убьют!.. — проскулила Ласаралин. — Разве ты не слышала, что сказал тисрок — да живет он вечно?

— Да я лучше умру, чем пойду за Ахошту! Ну что, идем?

— Какая ты жестокая! Ничуть меня не жалеешь.

Но ни рыдания, ни увещевания на Аравис не подействовали, и Ласаралин пришлось уступить. Она на ощупь добралась до двери, выскользнула в коридор и двинулась вниз по ступенькам; Аравис не отставала ни на шаг. Ступеньки закончились другим коридором, который вдруг резко повернул — и подруги очутились в дворцовом саду, что террасами спускался к городской стене. В саду было очень-очень красиво: серебрилась в лунном свете трава на лужайках, негромко журчали фонтаны, из темноты проступали высокие кипарисы... Аравис на миг поддалась очарованию этого места (и вспоминала о нем много лет спустя). Но медлить было некогда; к сожалению, так уж заведено на свете: приключения являют

нам прекраснейшие уголки — и торопят прочь, не давая ими полюбоваться.

Садовая дорожка привела к стене. А вот и калитка! За калиткой виднелась маленькая пристань с несколькими лодками. У Ласаралин руки тряслись так, что она не сумела отодвинуть засов, и Аравис пришлось сделать это самой.

— Прощай, — сказала она. — Спасибо за помощь. Прости, что я вела себя как свинья. Мне просто деваться было некуда.

— Аравис! Милая! — вскричала Ласаралин. — Неужели ты до сих пор не передумала? Ты же своими глазами видела, какая важная особа твой жених!

— Важная? — Аравис фыркнула. — Противный, гнусный старикашка! Спервa на брюхе ползает да сапог лижет, который его пинает, а потом подбивает твоего жирного тисрока послать на верную гибель его сына! Тьфу! Да я скорее выйду за поваренка своего отца, чем за эту дрянь!

— Душенька! Что за гадости ты говоришь! И про милейшего тисрока тоже — да живет он вечно. Кто мы с тобой такие, чтобы его осуждать?

— Прощай, — повторила Аравис. — У тебя просто замечательные наряды. И дом замечательный, и жизнь твоя замечательная — только мне она не подходит. Не забудь, пожалуйста, закрыть калитку.

Она оттолкнула Ласаралин, со слезами припавшую к ее груди, ступила в лодку, взяла шест, оттолкнулась — и мгновение спустя оказалась уже на середине залитой серебристым сиянием реки. Над головой сияла огромная луна, дул прохладный ветерок, с дальнего берега доносилось уханье сов. «Наконец-то!» — подумалось Аравис; пока не попала в Ташбаан, она и не подозревала, сколь ей, выросшей в деревне, ненавистен город.

На противоположном берегу царил непроглядный мрак — холмы и деревья скрывали луну. Однако Аравис посчастливилось: сама того не ведая, она наткнулась на ту же дорогу, какой прошел Шаста, добралась — уже при свете луны — до места, где обрывалась трава и начинался песок, и увидела слева огромные Усыпальни. Внезапно у девушки подкосились ноги. А вдруг ни лошадей, ни Шасты там нет? Вдруг вместо них ее там поджидают жуткие гули? Впрочем, Аравис справилась со страхом: закусила губу, выпятила подбородок — и двинулась напрямик к Усыпальням.

Уже на подходе она разглядела Хвин, Бри и стороживше-го лошадей грума.

— Можешь возвращаться к своей хозяйке,— сказала ему девушка (совсем позабыв, что в город он до утра не попадет — ворота ведь закрыты).— Вот тебе за труды,— и протянула груму монету.

— Слушаюсь и повинуюсь,— грум с поклоном взял деньги и поспешил удалиться. Подгонять его не было необходимости: похоже, и ему не давали покоя мысли о блуждающих среди гробниц гулях.

Аравис прижалась щекой к морде Хвин, поцеловала кобылу в нос, погладила по спине Бри.

— Хвала Великому Льву! — воскликнул конь.— Вот и Шаста!

Аравис оглянулась: к ним и вправду вприпрыжку бежал Шаста — он выбрался из своего укрытия, едва увидел, как уходит грум.

Девушка вкратце поведала своим спутникам о том, что услышала во дворце тисрока.

— Скорее в путь! — закончила она.— Нам нельзя терять ни минуты!

— Предатели! Предатели и трусы! — Бри гневно топнул копытом и тряхнул гривой.— Нападать в мирное время, без объявления войны! Только ничего у них не выйдет! Мы опередим принца и известим гарнизон Анварда!

— Думаешь, получится? — справилась Аравис, взлетая в седло. Шаста завистливо покосился на девушку.

— Бру-ху! — фыркнул Бри.— Еще как получится! Ну что ты там застрял, Шаста? Залезай.

— Принц собирался выступить немедля,— напомнила Аравис.

— Пустые слова,— отозвался Бри.— Двести всадников и двести лошадей в единый миг в поход не соберутся: всех надо напоить, накормить, одеть, оседлать... Нет, до утра он город не покинет, уж поверьте. Ну что, строго на север?

— Не совсем,— возразил Шаста.— Я нарисовал стрелку на песке... Потом объясню зачем. Вон она, чуть левее. Видишь?

— Да. Теперь слушайте все. Дни и ночи напролет скачут лишь герои в сказках. Мы будем двигаться шагом и рысью, перемежая одно другим. И всякий раз, как мы перейдем на шаг, вы, люди, тоже сможете размяться. Ты готова, Хвин? Тогда вперед! На север, в Нарнию!

Поначалу все шло просто замечательно. Нагретый за день солнцем песок уже успел остыть, поэтому ногам было ничуть не горячо; лица овевал прохладный ночной ветерок. Куда ни посмотри, всюду песок серебрился в лунном свете, напоминая то ли бескрайнюю водную поверхность, то ли громадный серебряный поднос. Тишину нарушал разве что шелест, с которым песок осыпался с конских копыт. Когда бы не необходимость время от времени спешиваться и идти самому, Шаста наверняка бы заснул.

Казалось, переход растянулся на целую вечность. Луна куда-то пропала; путь продолжали в кромешной тьме, едва ли не на ощупь. Минуты складывались в невыносимо долгие часы... А потом Шаста вдруг понял, что различает в темноте голову Бри. Мало-помалу — ох, как помалу! — небо из черного сделалось серым, и таким же серым стал песок. Повсюду, куда ни взгляни, расстилалась безжизненная пустыня — и мнилось, что путники неведомым образом очутились внезапно в царстве мертвых. Как-то исподволь накатила чудовищная усталость; Шасту бил озноб, мальчик непрерывно облизывал пересохшие губы. Уныло поскрипывала кожаная сбруя, тоскливо позвякивали серебряные пряжки, шуршал под копытами песок — вместо «цок-цок», как было бы на дороге, слышалось печальное «тшш-тшш»...

Наконец, когда уже начало казаться, что ночи вовсе не будет конца, небо на востоке, над самым окоемом, стало светлеть, потом сделалось розовым. Утро, долгожданное утро! И наступало это утро в тишине, ибо в пустыне не было птиц, которые встретили бы его своими трелями. Шаста замерз окончательно; немного он согревался, разве что когда спрыгивал со спины Бри и шел сам.

Но вот взошло солнце, и все вокруг в единый миг переменилось. Песок из серого стал золотистым и замерцал, будто усеянный драгоценными камнями. По левую руку от путников вытянулись длинные тени — Шаста верхом на Бри и Аравис на Хвин. Впереди купалась в солнечных лучах двойная вершина горы Маунт-Пайр. При свете Шаста заметил, что они слегка отклонились. «Возьми левее», — попросил он своего скакуна. Сердце радовалось тому, что Ташбаан остался далеко позади и был уже едва различим: этакий взгорок, увенчанный клыками шпилей. С такого расстояния самый острый взор не сумел бы опознать в этом взгорке великий город великого тисрока.

Все приободрились — правда, ненадолго. Ташбаан по-прежнему выглядел далеким и нестрашным, однако он упорно не желал пропадать из вида. Шаста от огорчения даже бросил оглядываться, но только сильнее пал духом: гора, к которой они направлялись, не стала ближе ни на пядь. А солнце поднималось все выше, песок искрился и слепил глаза. Зажмуриться же Шаста просто не имел права — ведь он единственный худо-бедно знал дорогу и мог указывать направление. Накатил зной. Когда Шаста в очередной раз соскользнул со спины Бри, зной ударил мальчику в лицо, точно из приоткрытой печной дверцы. Так повторялось дважды, и жара не спадала — наоборот, становилась яростнее с каждым мгновением; настал миг, когда Шаста снова было спешился и тут же завопил от боли и живо вскочил в седло.

— Прости, Бри, — выдохнул он. — Я больше не могу идти. Песок так жжется!

— Ну, конечно! — отозвался конь. — И как я сам не сообразил? Что ж, придется мне потерпеть.

Шаста завистливо поглядел на Аравис, шагавшую по песку рядом с Хвин.

— Тебе-то хорошо, — проворчал он. — У тебя сапоги.

Девушка выпятила подбородок, будто собираясь сказать что-нибудь нелестное, но промолчала.

Рысью, шагом, рысью, шагом. Скрип-скрип, дзинь-дзинь. Пот течет ручьем, солнце обжигает, глаза болят от яркого света, в пересохшем горле ком... А вокруг ровным счетом ничего не менялось! Ташбаан не отдалялся, горы не приближались. И поневоле чудилось, что так будет всегда — мокрые от пота, изнемогающие от жары и усталости, они будут до скончания века тащиться через пустыню под скрип кожаной сбруи и перезвон серебряных пряжек.

Шаста пытался отвлечься, пытался думать о чем угодно, только не о том, что из пустыни им не выбраться никогда. Это не помогло: в голову полезли всякие непрошеные мысли, от которых на душе стало хуже прежнего. Тяжелее всего было не думать о нараставшей жажде. Ледяной ташбаанский шербет; чистая родниковая вода, весело журчащая среди камней; холодное молоко, в меру густое и не слишком жирное... И чем сильнее стараешься не думать обо всем этом, тем назойливее твое воображение рисует картины одна чудеснее другой...

Наконец пейзаж изменился: впереди выросло из песка скопление камней — футов тридцати в высоту и около пятидесяти ярдов в длину. Солнце стояло прямо над головами, и тени эти камни почти не отбрасывали, но все же даровали изнемогшим путникам укрытие от палящего зноя. Перекусили, попили водички — жажду, конечно, не утолили, лишь промочили горло (лошадям было не так-то просто пить из бурдюка, однако и Бри, и Хвин изловчились сделать глоток-другой). Лошади были все в пене; люди, бледные, уставшие до полусмерти, едва держались на ногах. Говорить никому не хотелось.

После короткой передышки снова тронулись в путь. Шуршание песка, запах пота, слепящий свет, опять, и опять, и опять... Но вот, к несказанному облегчению путников, их тени начали удлиняться и какое-то время спустя вытянулись чуть ли не до окоема. Солнце медленно клонилось к закату, жара понемногу спадала, воздух наполнялся благословенной прохладой; впрочем, песок, раскалившийся за день, по-прежнему обжигал ступни. Восемь глаз жадно высматривали ущелье, о котором говорил ворон Желтые Лапы. Но на ущелье не было и намека — сплошной песок, без конца и края. Солнце село, на небосводе высыпали звезды. Лошади понуро брели по пустыне, всадники раскачивались в седлах, то и дело впадая в полузабытье. Взошла луна, и внезапно Шаста — в горле у него пересохло настолько, что крикнуть он просто не мог — прохрипел:

— Вон оно!

Ошибки быть не могло. Впереди, чуть правее, показался покатый склон, усеянный валунами, и склон этот уводил прямиком в нагромождение скал. Лошади не сговариваясь повернули; минуту-другую спустя перед путниками распахнулся зев ущелья. Поначалу было даже хуже, чем в пустыне, ибо в стиснутом скалами ущелье царила страшная духота; каменные стены вздымались все выше, свет луны померк, и разглядеть что-либо стало крайне сложно. Оставалось полагаться разве что на слух. Впрочем, иногда взгляд выхватывал из полумрака смутно различимые растения, похожие на кактусы, и заросли травы — должно быть, той, о которую так легко порезаться. Копыта зацокали по камням... Ущелье изобиловало поворотами, и за каждым поворотом путники надеялись увидеть воду, но всякий раз надежды не оправдывались. Лошади едва пере-

ставляли ноги, Хвин поминутно спотыкалась и дышала все тяжелее. Исподволь подкрадывалось отчаяние. И вдруг под копытами захлюпало! Крохотная струйка воды за следующим поворотом обернулась ручейком, дальше ручеек превратился в узкую речку с берегами, поросшими кустарником, а речка разлилась и раздвинула берега, водопадом срываясь в озерцо... Шаста, вновь впавший в полузабытье, внезапно сообразил, что Бри остановился, и обессиленно соскользнул наземь. Оставив своего всадника лежать на берегу, Бри ступил в воду и принялся пить; Хвин присоединилась к нему. «О-о!» — простонал Шаста, кое-как поднялся, плюхнулся в озерцо — вода доходила ему до колен, — а потом сунул голову под водопад. Какое блаженство!

Минут через десять все напились (Аравис с Шастой вымокли с головы до ног) и стали осматриваться, тем паче что луна поднялась уже достаточно высоко и осветила ущелье. По берегам реки росла густая трава, в отдалении виднелись кусты и деревья, подступавшие к скалам. И в ночной прохладе, напоенной дивным ароматом цветущих деревьев, разливалась птичья трель. Шаста никогда прежде не слыхал такой птицы, но почему-то сразу догадался, что это соловей.

Есть никому не хотелось — все слишком устали. Лошади, не дожидаясь, пока их расседлают, легли на траву. Аравис с Шастой пристроились рядышком.

— Нам нельзя спать, — неожиданно подала голос благоразумная Хвин. — Мы должны опередить принца Рабадаша.

— Угу, — сонно согласился Бри. — Спать нельзя. Мы только чуть-чуть передохнем...

Шасте подумалось, что, если он сейчас не встанет и не поднимет остальных, все они заснут. Надо вставать, надо двигаться дальше. Надо... надо...

Мгновение спустя все четверо крепко спали. Им не мешали ни лунный свет, ни соловьиные трели.

Первой пробудилась Аравис. Ее разбудило солнце. Открыв глаза, девушка увидела, что утро давным-давно в разгаре. Ужасно, просто ужасно!

«Это я виновата, — твердила она себе, тормоша своих спутников. — С лошадей что возьмешь? После такого перехода и говорящая лошадь свалится! А мальчишка в деревне вырос, чему его там могли научить... Но меня-то учили! Какая же я дура!»

— Бру-хо! — воскликнул Бри, поднимаясь с земли. — Заснул нерасседланным, а? Никогда больше так делать не буду. Очень неудобно, знаете ли...

— Да шевелитесь вы! — прикрикнула Аравис. — Мы и так проспали все что можно! Надо ехать дальше.

— Сперва перекусим, — возразил Бри.

— Боюсь, не получится, — отозвалась Аравис, подтягивая подпруги.

— Куда ты так торопишься? — удивился Бри. — Мы ведь пересекли пустыню!

— Но до Арченланда еще не добрались, — резко ответила Аравис. — А Рабадаш не будет ждать, пока ты набьешь брюхо!

— Да где он, твой Рабадаш? — фыркнул Бри. — Мы ведь шли короткой дорогой. Так, Шаста? Что там говорил твой приятель ворон?

— Насчет короткой дороги он не сказал ни слова, — откликнулся Шаста. — Сказал только, что эта дорога *лучше*, потому что выводит к реке. Если оазис по прямой на север от Ташбаана, выходит, наша дорога длиннее.

— Вы как хотите, а я без еды никуда не пойду, — заявил Бри. — Сними с меня уздечку, Шаста.

— Пожалуйста, — робко проговорила Хвин. — Мне кажется, я тоже и шагу ступить не смогу. Но когда лошади везут людей, со шпорами на ногах, им ведь часто приходится, по-моему, подчиняться всадникам. И они вдруг понимают, что силы у них еще остались... А мы — свободные лошади, так неужели мы себя не пересилим? Ради Нарнии?

— Позвольте заметить, мадам, — сурово изрек Бри, — мне куда больше вашего известно о битвах и переходах и о том, что может выдержать лошадь.

На это у Хвин ответа не нашлось: подобно прочим лошадкам чистых кровей, которых сызмальства холят и лелеют, она не привыкла к такому обращению и ее было очень легко смутить. На самом-то деле, конечно, она была права: окажись Бри не под Шастой, а под каким-нибудь таркааном, он бы сразу нашел в себе силы продолжать путь. Увы, тому, кто столько лет провел в рабстве, нелегко научиться быть свободным: и если рядом нет никого, кто бы мог тебя заставить, самого себя принудить к чему-либо почти невозможно.

Пришлось подождать, пока Бри утолит голод и напьется; разумеется, ни Хвин, ни Аравис с Шастой тоже не стали от-

казывать себе в удовольствии перекусить. В общем, дальше двинулись только около одиннадцати, и то Бри находил все новые поводы, чтобы сбавить шаг. Хвин, хотя она устала гораздо больше, шла первой, а Бри тащился позади, сетуя на свою несчастливую судьбу.

По правде сказать, при свете солнца долина, в которую расширилось ущелье, выглядела куда как привлекательно — студеная речка, густая трава, пестревшая цветами,— и располагала к тому, чтобы идти помедленнее.

Глава 10
Отшельник с Южного болота

Через несколько часов пути долина стала такой широкой, что уже можно было разглядеть местность впереди. Речка, вдоль которой двигались беглецы, сливалась с полноводной, порожистой рекой, стремившей путь с запада на восток. За этой рекой виднелись гряды невысоких холмов, постепенно переходивших в подножия величественных Северных гор. По правую руку вздымались скалистые пики, один или два из них были увенчаны снежными шапками. По левую руку, насколько хватало глаз, тянулись поросшие соснами склоны, их разрезали ущелья, у горловин которых часовыми высились мрачные утесы; вдалеке проступали из голубоватой дымки горные вершины. Сколько Шаста ни приглядывался, горы Маунт-Пайр было уже не различить. А прямо перед путниками пологие склоны сходились в лесистую седловину — наверняка от нее и начиналась дорога из Арченланда в Нарнию.

— Бру-ху-ху! — воскликнул Бри.— Милый север! Как тут зелено! — Аравис с Шастой, выросшим под жарким южным солнцем, такое обилие травы и прочей растительности и вовсе было в диковинку.

Приободрившись, двинулись к слиянию двух рек. Река, в которую впадал поток из ущелья, была слишком бурной и порожистой, чтобы пересекать ее вплавь; после продолжительных поисков, однако, нашлось местечко, где можно было перейти вброд. Грохот воды на порогах, кипение пены, мириады брызг, стремительные стрекозы, снующие туда-сюда над рекой,— от всего этого Шаста вдруг ощутил восторг, какого никогда прежде не испытывал.

— Друзья, мы с вами в Арченланде! — провозгласил Бри, выбравшись из воды и как следует отряхнувшись.— Сдается

мне, мы только что перешли реку, что зовется Петляющей Стрелой.

— Надеюсь, мы не опоздали, — прошептала Хвин.

От берега направились к холмам, выбирая склоны пологоже. Ни дорог, ни тем более домов пока не попадалось. Повсюду росли деревья; впрочем, то был еще не лес — деревья стояли каждое наособицу, редко — по двое-трое. Однако Шасте, который всю свою предыдущую жизнь провел в степи, где деревьев почти и не было, даже эти разрозненные купы казались настоящим лесом. Он и знать не знал всех этих пород (окажись вы на его месте, вы бы сразу узнали и дуб, и бук, и березу, и рябину, и каштан). Из-под них выскакивали и разбегались в разные стороны зайцы, мелькнуло за деревьями целое стадо оленей.

— Как тут красиво! — проговорила Аравис.

Когда поднялись на первый гребень, Шаста повернулся в седле и посмотрел назад. Ташбаана видно не было; за ущельем, которым они выбрались к реке, раскинулась бескрайняя пустыня.

— Эй! А это что такое?

— Что? — спросил Бри, тоже поворачиваясь. Хвин и Аравис также обернулись.

— Вон, — Шаста ткнул пальцем. — Как будто дым. Может, пожар?

— Я бы сказал, песчаная буря, — заявил Бри.

— При таком-то ветре? — усомнилась Аравис.

— О! — вскричала Хвин. — Видите? Там что-то сверкнуло... Это шлемы и доспехи! И они движутся сюда!

— Клянусь Ташем! — воскликнула Аравис. — Это Рабадаш!

— Он самый, — подтвердила Хвин. — Чего я и боялась... Скорее! Мы должны опередить его! — И она пустилась с места в галоп. Бри фыркнул, недоуменно покачал головой — и поскакал следом.

— Живее, Бри! Живее! — крикнула Аравис через плечо.

Скачка оказалась на редкость утомительной. Холмы тянулись нескончаемой чередой; стоило преодолеть одну гряду, как впереди тут же вырастала другая. Хуже того — никто и ведать не ведал, сколь далеко до Анварда; хорошо, хоть более или менее известно, в каком направлении двигаться... На гребне очередного холма Шаста снова оглянулся. Вместо пыльного

облака над пустыней он увидел на дальнем берегу Петляющей Стрелы людскую цепочку, змеившуюся среди валунов. «Точно муравьи», — подумалось ему. Судя по всему, ташбаанцы искали брод.

— Они уже на реке! — завопил мальчик.

— Скорее! Скорее! — подгоняла Аравис. — Если не успеем в Анвард раньше, можно было и не убегать! Давай, Бри! Ты же боевой конь!

Шаста готов был высказать своему скакуну то же самое, но при мысли, что Бри и без понуканий мчится из последних сил, решил промолчать. В общем-то, так оно и было: лошади скакали так резво, как только могли (или думали, что могут, а это не одно и то же). Бри поравнялся с Хвин, и они помчались голова к голове. Видно было, что Хвин долго не выдержит.

И в этот миг произошло нечто совершенно непредвиденное. Раздался звук — вовсе не тот, какой все со страхом ожидали услышать: не топот копыт, не звон оружия, не боевой клич калорменцев. И все же, услыхав этот звук, Шаста мгновенно его узнал. Он слышал этот звук той жуткой ночью, когда они с Бри повстречали Аравис и Хвин. Бри тоже догадался. Глаза коня налились кровью, он прижал уши — и вдруг выяснил, что сил у него осталось куда больше, чем ему казалось. Конь помчался как ветер, оставив Хвин далеко позади.

— Так нечестно! — пробормотал Шаста себе под нос. — Откуда тут взялся Лев?

Мальчик оглянулся — и немедленно пожалел об этом. Огромный золотистый зверь, что преследовал их, стелился над землей, точно кот, удирающий от собаки к спасительному дереву. И расстояние, отделявшее льва от его добычи, сокращалось с каждым мигом.

Шаста посмотрел вперед — и разглядел то, чего не заметил раньше (или заметил, но не придал значения): путь преграждала высокая живая изгородь. Посреди изгороди виднелась распахнутая настежь калитка. А в калитке стоял, опираясь на посох, высокий старец в длинном, до пят, одеянии цвета осенней листвы. Его белая борода опускалась почти до колен.

Шаста обернулся снова. Лев настигал Хвин и уже пытался ухватить лошадку за задние ноги. Хвин, вся в пене, тщетно старалась ускорить свой бег.

— Стой! — крикнул мальчик. — Мы должны вернуться! Должны помочь!

Позднее Бри уверял, что не расслышал, точнее, не разобрал слов; а поскольку по натуре был он честен и лукавить не привык, придется нам ему поверить.

Убедившись, что конь и не думает слушаться, Шаста вытащил ноги из стремян, перекинул левую ногу через седло, помедлил крошечную долю секунды — и прыгнул. От удара оземь у него перехватило дыхание, однако он тут же вскочил и, не обращая внимания на боль в груди, бросился на выручку. Никогда раньше он ничего подобного не делал — и понятия не имел, с какой стати делает это сейчас.

С губ Хвин сорвался крик; а во всем мире найдется немного звуков жутче лошадиного крика. Аравис припала к шее лошадки; похоже, она пыталась вытащить из ножен свой клинок. В мгновение ока все трое — Хвин, Аравис и Лев — очутились в шаге от Шасты. Лев поднялся на дыбы («Какой же он огромный!», — мелькнуло у мальчика в голове) и замахнулся правой лапой. Сверкнули на солнце чудовищные когти, Аравис тоненько вскрикнула и покачнулась в седле. Лев разодрал ей спину! Вне себя от ярости, Шаста ринулся к зверю, совсем забыв, что у него нет оружия — ни меча, ни даже камня или палки. «Пшел прочь! Кому говорят, пшел!» — завопил он, словно перед ним был не Лев, а дворовый пес. Перед ним разверзлась кошмарная львиная пасть... В следующий же миг, к великому изумлению Шасты, зверь, по-прежнему стоявший на задних лапах, будто опомнился — подпрыгнул, перевернулся в воздухе, приземлился на все четыре лапы и трусцой направился в сторону реки.

Шаста не верил собственным глазам. Спохватившись, он опрометью кинулся к изгороди, о которой внезапно вспомнил. Хвин, едва живая от усталости и пережитого ужаса, только-только миновала калитку; Аравис была вся в крови, но держалась в седле.

— Входи, дочь моя, добро пожаловать, — приветствовал ее бородатый старец. — И ты входи, сын мой, — обратился он к подбежавшему Шасте. Пропустив гостей, старец закрыл калитку на засов и помог Аравис спешиться.

Они очутились на широком круглом дворе, огороженном высокой живой изгородью. Посреди двора находился пруд, неподвижная вода которого стояла почти вровень с берегом.

На дальней стороне пруда, нависая над водой могучими ветвями, что ловили в сети своей листвы солнечные лучи, росло дерево, громаднее и прекраснее которого Шаста в жизни не видывал. Невдалеке стоял небольшой домик с соломенной крышей; стены дома были сложены из грубых камней. Чуть в стороне паслись несколько коз, щипавших чудесную зеленую травку.

— Ты... Ты...— Шаста никак не мог отдышаться.— Ты король Лун?

Старец покачал головой.

— Нет,— негромко ответил он,— я зовусь Отшельником с Южного болота. Сын мой, сейчас не время задавать вопросы. Эта юная дама ранена. Ваши лошади валятся с ног, а Рабадаш, пока мы с тобою беседуем, переходит вброд Петляющую Стрелу. Но короля Луна еще можно предостеречь — коли ты согласен добежать отсюда до Анварда.

От негодования и обиды у Шасты едва не помутилось в глазах. Как же так? Ведь у него совсем не осталось сил! Выходит, другие не могут, а он должен? Это несправедливо!..

(Ему только предстояло усвоить очередной урок: наградой за геройский поступок обычно служит другой, труднее — и славнее — предыдущего.)

— Где король? — только и спросил он.

Отшельник повернулся и указал посохом.

— Видишь другую калитку? Открой ее и беги по прямой, никуда не сворачивая, по холмам и лесам, по равнинам и оврагам, по воде и посуху. Мне дано знать, что на прямом пути ты отыщешь короля Луна. Но беги, беги и не останавливайся!

Шаста кивнул, в два прыжка достиг калитки, распахнул ее и бросился бежать. Отшельник повернулся к Аравис, которую все это время поддерживал под руку, и наполовину ввел, наполовину внес девушку в дом. Отсутствовал он долго, а когда вышел снова, то сказал лошадям: «Теперь ваша очередь», — и, не дожидаясь ответа (впрочем, животные были слишком изнурены, чтобы вымолвить хоть словечко), расседлал их и снял уздечки. Потом вытер мокрые, покрытые пеной бока, да так тщательно, что пристыдил бы и лучшего конюха из королевских конюшен.

— Друзья мои,— проговорил он,— забудьте обо всем и отдыхайте. Вот вода, а вот трава. Когда же я подою своих коз, то напою вас горячей запаркой.

— Господин, — робко спросила Хвин, — выживет ли таркина? Или Лев убил ее?

— Мне ведомо многое, — с улыбкой отозвался Отшельник, — но будущее не дано знать никому. И потому я не могу сказать, кто останется в живых нынче к заходу солнца. Но не тревожься, добрая лошадка. Насколько могу судить, твоя наездница проживет еще долго.

Аравис очнулась на мягком ложе в прохладной комнате с голыми каменными стенами. Она лежала на животе. Почему на животе? Девушка попробовала перевернуться, и ее обожгла жуткая боль в спине. Тут она вспомнила! А из чего сделано это ложе — такое мягкое и такое упругое? Этого Аравис так и не поняла (потому что ложе было из вереска, которого она не то что никогда не видела, но о котором даже не слыхала; а в наших краях всякий подтвердит — на вереске отлично спится).

Отворилась дверь, и в комнату вошел бородатый старец, назвавшийся Отшельником с Южного болота. В руках он держал большую деревянную миску. Осторожно поставив ее на пол, он новернулся к девушке:

— Лучше ли тебе, дочь моя?

— Спина болит, — откликнулась Аравис, — а так все в порядке.

Отшельник опустился на колени, приложил ладонь ко лбу девушки, потом пощупал пульс.

— Лихорадки нет, — сказал он. — Все обошлось, дочь моя, завтра ты встанешь с этого ложа. А сейчас выпей это, — и поднес к ее губам деревянную миску.

Сделав первый глоток, Аравис скривилась от отвращения: человеку непривычному козье молоко кажется просто ужасным на вкус. Но пить очень хотелось, поэтому Аравис пересилила себя. Вскоре миска опустела; девушка сразу почувствовала себя бодрее.

— Отдыхай, дочь моя, — молвил старец. — Раны твои промыты и перевязаны, и оказались они не такими уж страшными — не страшнее следов бича. Странный то был Лев, очень странный: вместо того чтобы выдернуть тебя из седла и запустить в тебя свои зубы, он всего лишь оцарапал тебе снину. Я насчитал десять царапин, длинных, но не глубоких.

— Да уж! — Аравис присвистнула. — Повезло так повезло.

— Дочь моя, — с мягким укором произнес Отшельник, — я прожил на этом свете сто девять зим и ни разу не встречал госпожу Удачу. Нет, есть во всем этом что-то, чего я не понимаю. Но если нам суждено узнать истину, рано или поздно мы ее узнаем.

— Ты сказал, отдыхай, — проговорила Аравис. — А как же Рабадаш и двести его воинов?

— Думаю, здесь они не появятся, — отвечал Отшельник. — Брод лежит к востоку отсюда. От брода они поскачут напрямик к Анварду.

— Бедный Шаста! — вздохнула Аравис. — Далеко ему бежать, да? Он успеет?

— Будем надеяться, — улыбнулся старец.

Аравис повернулась на бок и спросила:

— Долго я спала? Кажется, уже смеркается.

Отшельник выглянул в окошко — единственное в комнате, выходившее на север.

— То не вечерние сумерки, — поведал он. — То сгущаются тучи над Пиком Бурь. Значит, жди ненастья. К ночи будет туман.

На следующее утро Аравис проснулась вполне здоровой — если не считать, конечно, царапин на спине, — и после завтрака (овсяная каша и сливки) Отшельник разрешил ей встать. Разумеется, она тут же отправилась повидать лошадей. С утра распогодилось, тихий двор был залит солнечным светом, будто большую зеленую чашу до краев налили золотистым вином.

Завидев Аравис, Хвин поспешила навстречу девушке и ткнулась губами ей в щеку.

— А где Бри? — справилась Аравис, когда они с Хвин нарасспрашивались друг друга.

— Вон там, — Хвин мотнула головой. — Поговори с ним. Что-то случилось, а что, мне он не рассказывает.

Они бок о бок пересекли двор. Бри лежал на траве, носом к изгороди. Он наверняка слышал шаги, но даже не повернул головы.

— Доброе утро, Бри, — поздоровалась Аравис. — Как ты себя чувствуешь?

Бри пробормотал что-то неразборчивое.

— Отшельник говорит, что Шаста должен был успеть вовремя, — продолжала Аравис. — Так что все неприятности позади, Бри. Скоро мы будем в Нарнии.

— Я никогда не увижу Нарнию, — наконец отозвался Бри.

— Что ты такое говоришь? — изумилась Аравис.

Бри повернулся. Его глаза были полны тоски.

— Я возвращаюсь в Калормен, — сказал он.

Аравис не поверила своим ушам.

— Ты рехнулся? Снова в рабство?

— Вот именно, — Бри покачал головой. — Как я могу мечтать об ином уделе? Как я посмею показаться среди вольных лошадей Нарнии? Все будут говорить: «Это тот самый конь, который бросил лошадку, девушку и мальчика на съедение львам, а сам ускакал, спасая собственную шкуру!»

— Мы все бежали, — мягко напомнила Хвин.

— Все, кроме Шасты! — возразил Бри. — Он-то бежал в верном направлении: *обратно!* Какой позор! Я называл себя боевым конем, я похвалялся тем, что сражался в сотне битв, — и меня превзошел в мужестве обыкновенный мальчишка, ребенок, несмышленыш, который и меча-то в руках не держал! Сущий заморыш, а оказался храбрее моего!

— Понимаю, Бри, — проговорила Аравис. — Мне тоже стыдно. Шаста такой молодец! Я шпыняла его с нашей первой встречи, смотрела на него сверху вниз, а вчера он всех нас спас. И все равно, по-моему, лучше извиниться перед ним, чем возвращаться в Калормен.

— Поступай как знаешь, — ответил Бри. — Ты себя не опозорила. А я — я потерял все, чем гордился.

— Мой добрый конь, — обратился к нему Отшельник, подошедший незамеченным: босые ноги ступали неслышно по густой, мокрой от росы траве, — ты потерял разве что свое самомнение. Нет-нет, друг мой, не прижимай ушей и не тряси гривой! Если тебе и вправду так стыдно, как ты говорил, тебе придется выслушать меня. Живя среди забитых бессловесных тварей, ты привык считать себя чуть ли не венцом творения. Конечно, *их* ты и храбрее, и умнее. Иначе и быть не могло. Но отсюда вовсе не следует, что в Нарнии ты тоже будешь кем-то особенным. Впрочем, пока будешь помнить, что никакой ты не особенный, ты останешься вполне здравомыслящим, добропорядочным конем. А теперь, друзья мои, соблаговолите пройти к двери на кухню, и я угощу вас отличной запаркой.

Глава 11
Испытание Шасты

Прямо от калитки начинался невысокий, поросший травой и вереском взгорок, на вершине которого росли редкие деревья. Думать было не о чем, да и некогда; требовалось одно — бежать, бежать без остановки, торопиться изо всех сил. Руки дрожали, ноги подкашивались, в боку вдруг закололо, пот заливал глаза; не раз и не два Шаста спотыкался о корягу или о камень, рискуя вывихнуть лодыжку.

Деревья сделались гуще, в подлеске появился папоротник. Солнце скрылось за облаками, но прохладнее не стало. Похоже, выдался один из тех облачных, но жарких дней, когда мух почему-то становится вдвое больше обычного. Они облепили лицо Шасты, но мальчик даже не пытался их стряхнуть — было не до того.

Внезапно он услышал сигнал рога. Звук ничуть не напоминал трубный рев рогов с ташбаанских стен; нет, то был веселый напев охотничьего рожка. В следующее мгновение мальчик выбежал на поляну — и очутился среди толпы людей в охотничьих костюмах.

Человек пятнадцать или двадцать, все мужчины, в зеленых нарядах и при лошадях. Кто сидел в седле, кто стоял, держа в руках уздечку. Посреди поляны слуга подставлял стремя румяному толстяку, хохотавшему над чьей-то шуткой.

Завидев Шасту, толстяк высвободил ногу и бросился навстречу мальчику. На бегу он распростер объятия, лицо его расплылось в улыбке.

— Корин! Сынок! — вскричал он гулким басом, исходившим, казалось, из его объемистой утробы. — Почему пеший? Да еще в лохмотьях! Что...

— Нет! — выдохнул Шаста. — Я не... принц Корин... Знаю... похож... Видел в Ташбаане... Просил... привет...

Толстяк изумленно воззрился на Шасту. Впрочем, в его взгляде сквозило что-то еще — что-то такое, чему трудно было подобрать название.

— Вы король Лун? — спросил Шаста и, не дожидаясь ответа, выпалил: — Ваше величество... скорее в Анвард... заприте ворота... враги наступают... принц Рабадаш и двести ратников...

— Почему мы должны тебе верить, мальчик? — справился один из придворных.

— Сам их видел, — слегка отдышавшись, Шаста заговорил более связно. — Своими глазами. Следил от самого Ташбаана.

— Ты опередил их пешком? — придворный приподнял бровь.

— На лошади. Они у Отшельника...

— Оставь ребенка, Даррин, — вмешался король Лун. — По лицу видно, что он не врет. По коням, господа! Эй, коня нашему юному другу! Ты умеешь ездить верхом?

Вместо ответа Шаста поставил ногу в стремя и одним прыжком очутился на спине коня. За последние несколько недель он проделывал это сотни раз и теперь сам уже со смехом вспоминал свою первую попытку взобраться на лошадь, когда Бри обозвал его «кулем с соломой».

— Мальчишка — прирожденный конник, государь, — сказал Даррин. Шаста услышал эти слова, и они немало ему польстили. — Клянусь, в его жилах течет благородная кровь.

— Благородная кровь... — повторил король, поглядывая на Шасту с тем же странным выражением — то ли с тоской, то ли с недоверием.

Как только Лун сел на своего коня, взяли с места в галоп. Седло оказалось очень удобным, а вот что делать с поводьями, Шаста знать не знал: за все время обучения у Бри он ни разу к ним не прикасался. Впрочем, искоса поглядывая на спутников, он быстро сообразил, что к чему (так некоторые поступают на званых обедах, когда сомневаются, какой нож и какая вилка для какого блюда предназначены), и взял поводья в руки. Правда, управлять конем он не пытался, уповая на то, что его скакун последует за остальным. Разумеется, это было обычное животное, а вовсе не говорящая лошадь, однако ему достало смышлености понять, что у всадника нет ни кнута, ни шпор, а значит, подгонять у него не получится. И очень скоро Шаста оказался в хвосте отряда.

Тем не менее верхом было, конечно же, куда быстрее, чем на своих двоих. Лицо овевал свежий ветерок, мухи куда-то попрятались, дыхание восстановилось... А главное — он исполнил поручение! Впервые с того дня, как увидел Ташбаан (кажется, это было давным-давно), Шаста почувствовал себя по-настоящему свободным и счастливым.

Он поднял голову, надеясь рассмотреть горные вершины вблизи. К его великому разочарованию, гор не было видно

вообще — они скрылись за серой пеленой, наползавшей откуда-то сверху. «Это же туча! — мысленно воскликнул мальчик.— Вот это да! Выходит, в холмах ты все равно что на небе? Выходит, я увижу тучу изнутри? Ух ты! Мне всегда этого хотелось».

По левую руку за спиной у Шасты медленно опускалось за окоем дневное светило.

Отряд достиг дороги — точнее, утоптанной тропы в лесу,— и лошади помчались быстрее прежнего (впрочем, конь Шасты все так же скакал последним). Дорога время от времени поворачивала, и тогда Шаста на миг-другой терял из вида короля со свитой.

Потом то ли они въехали в туман, то ли туман дополз до них и окружил со всех сторон. Мир сделался серым. Шаста и не догадывался, как мокро и холодно, оказывается, в тумане и как темно. Мало того, с каждым мгновением становилось все темнее.

Кто-то во главе отряда то и дело трубил в рог, и с каждым разом звук отдалялся. Шаста снова остался в одиночестве. Ничего, вот повернет — и увидит остальных. Но за поворотом никого не было; а если кто и был, Шаста все равно его не увидел бы в этом густом тумане. Конь перешел на шаг. «Давай, давай!» — подгонял его Шаста. Снова послышался рог, далеко-далеко. Бри постоянно внушал ему, что пятки всадника не должны даже касаться конских боков, поэтому мальчик был уверен: стоит вонзить пятки в бока коню — и случится что-то ужасное. Что ж, самое время проверить.

— Слушай, лошадка,— проговорил Шаста,— если ты и дальше будешь так плестись, знаешь, что я сделаю? Всажу пятки в твои бока, вот что! Понятно?

На коня угроза нисколько не подействовала, и Шаста решил перейти от слов к делу: понадежнее уселся в седле, стиснул зубы — и что было сил ударил животное пятками по бокам.

Конь было припустил вялой рысью, но быстро опомнился и снова перешел на шаг. Между тем тьма сгущалась, и рога уже совсем не было слышно. С деревьев капало — нередко за шиворот Шасте.

— Ладно, животина, везешь — и на том спасибо,— пробормотал Шаста.— Только бы с Рабадашем не столкнуться.

Различать дорогу становилось все труднее. Шаста готов был возненавидеть своего коня; вдобавок, совсем некстати, он почувствовал, что проголодался.

А это еще что такое? Шаста придержал коня. Дорога разделялась надвое. И какая же ведет к Анварду? Чу! Из тумана за спиной донесся топот копыт. Рабадаш! Какую дорогу выберет калорменский принц?

— Поеду по одной, — сказал себе Шаста, — а он возьмет да свернет на другую. Или того хуже — выберет ту же самую и догонит меня. Или не догонит... Не знаю, не знаю. Но если я останусь тут, меня схватят наверняка, — он спешился и торопливо повел коня по правой дороге.

Топот нарастал. Раздалось негромкое: «Стой!» До перекрестка добрались, догадался мальчик. Невидимые в тумане, калорменские лошади фыркали, ржали, грызли удила; всадники вполголоса успокаивали животных. Шаста затаил дыхание.

— Слушайте все! — произнес другой голос. — До крепости подать рукой. К рассвету мы должны быть в Нарнии. Помните: без необходимости никого не убивать. В этом походе одна капля нарнианской крови для нас ценнее ведра нашей собственной. В *этом* походе, я сказал, только в этом! Боги еще даруют нам счастливый день, и наши клинки вволю попируют на поле брани! Ни единой живой души будет тогда не сыскать по всей Нарнии, от Кэйр-Паравела до Западных Пустошей. Но Арченланд — не Нарния. Наш главный козырь — внезапность. И если через час Анвард станет моим, я отдам его вам — целиком. Делите добычу как пожелаете, я от своей доли отказываюсь. Условие одно: убейте всех мужчин в этой крепости, вплоть до младенцев, родившихся накануне. Остальное все ваше — женщины, золото, самоцветы, оружие, вино... Тех, кто струсит в бою, я лично сожгу заживо. Во имя Таша необоримого и неумолимого — вперед!

Бряцая оружием, калорменцы двинулись к крепости. Шаста перевел дух — они поскакали другой дорогой. Он стоял и прислушивался, и внезапно ему в голову пришло, что «отряд в двести копий» — это на самом деле очень много: скачут и скачут, все никак не проскачут. Но вот топот копыт стих в отдалении, и мальчик вновь остался один-одинешенек в непроглядной пелене тумана.

Теперь-то он знал, какая из дорог ведет к Анварду, но воспользоваться ею, увы, не мог — она бы привела его прямиком в руки воинов Рабадаша. Что же делать? Шаста вскочил в седло и направил коня по той дороге, которую выбрал сам. Может, ему повезет и он наткнется на какую-нибудь хижину, где его приютят на ночь и накормят ужином... Лучше всего, конечно, вернуться в дом Отшельника, где остались Аравис, Бри и Хвин, но это невозможно. Проклятый туман!

— Ладно, поглядим, что там дальше,— сказал себе Шаста.— Куда-нибудь эта дорога да приведет, верно?

Он ехал и ехал, а «куда-нибудь» все не находилось, разве что по обеим сторонам стеной встал лес, а воздух сделался обжигающе холодным. Задул пронизывающий ветер, однако туман упорно не желал рассеиваться. Для Шасты горы были в диковинку, поэтому он и не догадывался, сколь высоко забрался,— должно быть, на самый перевал. Скажи ему кто-либо об этом, он бы, пожалуй, не поверил.

— Видать, родился я под несчастливой звездой,— рассуждал он вслух.— У всех дела ладятся, а у меня вечно наперекосяк. Нарнианцы из Ташбаана бежали? Бежали. А я остался! Аравис и Бри с Хвин сейчас болтают с Отшельником, а меня послали к королю Луну. Король давно уже в замке и велел запереть ворота, а я чуть было Рабадашу не попался,— и Шасте стало так жаль самого себя, что на глаза у него навернулись слезы.

Конец причитаниям положил страх, охвативший мальчика, когда он вдруг сообразил, что кто-то шагает рядом с ним в непроглядной тьме. Этот кто-то двигался очень тихо, почти беззвучно. Присутствие чужака выдавало разве что дыхание — размеренное, шумное дыхание огромного зверя или даже кого похуже... И кто его разберет, что это за тварь и когда подкралась. Ну надо же было так вляпаться!

Шасте внезапно вспомнились чьи-то слова: мол, на севере водятся великаны. Он закусил предательски задрожавшую губу. Тогда-то эти слова показались ему пустой байкой, бабушкиной сказочкой, но теперь... Слезы от страха высохли сами собой.

А может, почудилось? Ничего же не слыхать... Но стоило Шасте увериться в том, что ему, как говорится, приблазнилось, как из темноты донесся глубокий вздох! Нет, не почудилось.

Какой ужас! Горячее дыхание незримого спутника обожгло озябшую ладонь.

Эх, был бы от коня хоть какой-нибудь толк — или знай Шаста, как добиться от него толку, — он бы не задумываясь пустил своего скакуна в галоп. Но об этом нечего было и мечтать. Трюхай себе по неразличимой во мраке дороге, держа путь неведомо куда, и слушай, как дышит во мраке незваный попутчик... Нет, так не пойдет! Уж лучше смерть, чем эта пытка.

— Ты кто? — спросил мальчик хриплым шепотом.

— Тот, кто ждал, пока ты заговоришь, — ответил некто. Голос был негромким, но глубоким, даже раскатистым.

— Ты не... не великан? — робко осведомился Шаста.

— Для тебя — наверное, да, — отвечал Голос. — Но я не из тех, о ком ты спрашиваешь.

— Я тебя не вижу, — пожаловался Шаста, вперяя взор во мрак. Тут его посетила ужасная мысль, и он воскликнул, едва удерживаясь от истошного вопля: — А ты, часом, не... не мертвяк?! Пожалуйста, оставь меня! Уходи! Что я тебе сделал? Нет, я точно самый невезучий человек на свете!

В следующий миг он вновь ощутил кожей горячее дыхание своего спутника.

— Мертвые не дышат, — промолвил Голос. — Поведай мне свои печали.

Убедившись, что компанию ему составляет не призрак, Шаста слегка приободрился. Он принялся рассказывать: о том, что не знал ни отца, ни матери, что вырос в доме рыбака, что бежал от приемного отца, что за ним гнались львы, что в Ташбаане его приняли за нарнианского принца, что ему пришлось провести ночь в Усыпальнях под лай зверей в пустыне. Рассказал и о том, как они вчетвером пересекли пустыню, изнемогая от зноя, и как в Арченланде на них напал другой Лев и ранил Аравис. А еще — что он давным-давно не ел и просто умирает от голода.

— И ты называешь себя несчастным? — удивился Голос.

— А разве это счастье — повстречать стольких львов? — спросил в ответ Шаста.

— Лев был всего один, — ответил Голос.

— То есть как? Я же говорю, в первую ночь их было двое, если не больше, а...

— Лев был всего один. Просто он быстро бегает.

— Откуда ты знаешь?

— Я был этим львом.

Шаста застыл в седле разинув рот, а Голос продолжал:

— Я был тем львом, который привел тебя к Аравис. И тем котом, который утишал твои страхи в обители мертвых. И тем львом, который отгонял от тебя шакалов, пока ты спал. Это я напугал лошадей, чтобы придать им сил и чтобы ты успел вовремя добраться до короля Луна. И я направил лодку, в которой лежал полумертвый младенец, направил так, чтобы ее прибило к берегу, где этого младенца уже ждали. Ты меня, конечно, не помнишь.

— Выходит, это ты ранил Аравис?

— Да.

— А зачем?

— Дитя, — промолвил Голос, — мы говорим о тебе, а не о ней. У каждого своя история.

— Кто же ты? — спросил Шаста.

— Я это я, — отозвался Голос столь зычно, что содрогнулась земля под ногами. «Я это я», — повторил он звонко и весело. «Я это я», — прошептал он в третий раз, едва слышно, и почудилось Шасте, будто слова доносятся сразу со всех сторон, как если бы они повторялись в шелесте листвы.

Прежние страхи рассеялись: мальчик больше не боялся ни того, что Голос принадлежит *мертвяку*, ни того, что незримый попутчик хочет его съесть. Однако на смену прежним страхам пришли новые; и в то же время он чувствовал непонятную радость.

Между тем туман, клубившийся вокруг, как-то незаметно посветлел. Должно быть, это произошло далеко не сразу, однако Шаста, поглощенный беседой с Голосом, заметил перемену только сейчас. У него на глазах туман словно засветился, да так, что стало больно глазам. Впереди запели птицы. Ночь наконец-то закончилась! Он уже мог различить гриву и голову своего коня.

Внезапно слева вспыхнуло золотистое сияние. Шаста решил, что это солнце. Он повернулся — и увидел огромного, выше лошади, льва, что расхаживал по траве. Это его шкура отливала золотом, и зрелище было одновременно ужасным и невыразимо прекрасным.

Конь, похоже, ничуть не испугался хищного зверя — или просто его не видел.

По счастью, всю свою предыдущую жизнь Шаста провел в таком захолустье, куда не доходили городские сплетни,

передававшиеся в Ташбаане шепотом из уст в уста, о жутком нарнианском демоне, что является в обличье льва. Тем паче он не слыхал ни одного из преданий о подлинных деяниях Эслана, Великого Льва, сына заморского императора, государя всех верховных королей Нарнии. Но ему хватило одного-единственного взгляда на величественного зверя: мальчик спрыгнул наземь и преклонил колени. Он не знал, что сказать; впрочем, говорить и не хотелось, к тому же он чувствовал, что ничего говорить не нужно.

Лев склонил голову. Грива, источавшая диковинный, какой-то ликующий, что ли, запах, накрыла мальчика подобно морской волне. Зверь лизнул Шасту в лоб. Мальчик поднял голову — и встретился со Львом взглядами. В тот же миг свечение тумана и сияние львиной шкуры слились в ослепительной вспышке. Шаста зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, что Лев исчез и он остался вдвоем со своим упрямым конем. Туман растаял без следа, над головой голубело небо, трава была мокрой от росы, а в лесу пели птицы.

Глава 12
Шаста в Нарнии

— Приснилось мне, что ли? — спросил себя Шаста. Но нет, это был не сон: на мокрой траве остался громадный след львиной лапы. Ну и тяжеленная же зверюга, раз такой след оставила!

Между тем со следом, на глазах у Шасты, произошла удивительная вещь. Он наполнился водой по самые края, потом вода перелилась через край и заструилась ручейком вниз по склону. Мальчик припал к роднику, от души напился, сполоснул лицо и волосы. Вода была студеной, почти ледяной, и прозрачной как стекло. Усталость как рукой сняло. Шаста поднялся, попрыгал, вытряхивая воду из ушей, пригладил волосы и огляделся.

Было раннее утро. Солнце только-только взошло, поднялось из-за леса по правую руку от мальчика. Прямо перед ним расстилалась зеленая долина, поросшая редкими деревьями, за которыми сверкала извилистая река, стремившая свой бег на северо-запад. В дальнем конце долины виднелись холмы, высокие и каменистые; впрочем, они были гораздо ниже гор, которые он видел накануне. И тут Шаста вдруг сообразил, где же он, собственно, находится. Проверяя догадку, он обернулся:

склон, на котором он стоял, уводил высоко вверх, к заснеженным вершинам.

— Я перевалил через горы! — вскричал мальчик. — Через те самые горы, что отделяют Арченланд от Нарнии! Вчера я был на той стороне, а ночью, должно быть, одолел перевал... Вот повезло! Нет, не повезло — это *он* мне помог. Выходит, я в Нарнии?!

Шаста расседлал своего коня и снял с него уздечку.

— Ты, конечно, самый глупый конь на свете, — сказал он, — и самый упрямый.

Конь, даже не посмотрев на мальчика, принялся щипать траву. Судя по всему, он был весьма невысокого мнения о своем всаднике.

— Есть-то как хочется! — проговорил Шаста. — В Анвард возвращаться смысла нет, он наверняка в осаде. Спущусь-ка я в долину, может, найду чем подзакусить.

Склон, поросший густой, мокрой от росы травой, что леденила ступни, привел его к лесу. Вскоре он наткнулся на тропинку и двинулся было по ней, но не прошел и нескольких шагов, как услыхал басовитый, с хрипотцой голос.

— Доброе утро, сосед, — произнес голос.

Шаста завертелся на месте, высматривая того, кто это сказал. Взгляд его упал на маленького колючего зверька, вышедшего из-за дерева. Шаста никогда прежде не видывал таких зверьков, а потому не мог догадаться, что перед ним еж, сам по себе, разумеется, маленький, но для ежа очень даже крупный.

— Доброе утро, — поздоровался мальчик. — Вообще-то я не сосед. Я пришел издалека.

— Ась? — переспросил еж, прикладывая лапу к уху.

— Я пришел из-за гор. В смысле, из Арченланда.

— А-а-а, — протянул еж. — Вон оно как. Дальняя дорожка тебе выпала, дальняя. Сам-то я там, вестимо, отродясь не бывал.

— По-моему, надо предупредить кого-нибудь, что орда диких калорменцев напала на Анвард.

— Да что ты! — воскликнул еж. — Чудные дела творятся, сосед. А толковали, будто Калормен от нас за сотни миль, коли не за тысячи. Мол, лежит он на краю света, за великим песчаным морем.

— До него гораздо ближе, уверяю тебя, — Шаста начал злиться. — Мы тут треплемся, а калорменцы Анвард осаждают! Нужно известить вашего верховного короля!

— Вестимо, сосед, вестимо,— откликнулся еж.— Да вот поди ж ты — я как раз вздремнуть собирался. Экая незадача! Здоров, соседушка!

Последние слова были обращены к огромному кролику, который незнамо откуда выскочил на тропу. Шкура у кролика была песочного оттенка. Еж, не сходя с места, выложил кролику все, что узнал от Шасты. Кролик не преминул согласиться, что вести просто поразительные, если не сказать — беспокойные, и надо обязательно всех предупредить и что-нибудь этакое измыслить.

Шаста злился все сильнее. Дальше разговоров дело упорно не шло, хотя к ним с ежом присоединились уже и другие зверюшки и на лесной тропинке собралась целая компания: еж, пять кроликов, белка, две сороки и мышь, а еще — козлоногий фавн. И все гомонили, перебивая друг друга, и каждый соглашался, что нужно что-то делать. Шаста не знал, что после Долгой Зимы, напущенной Бледной Ведьмаркой, в Нарнии наступил Золотой Век и многие нарнианцы от радости сделались беззаботны и даже слегка обленились, ибо быстро привыкли полагаться на доброго и мудрого верховного короля Питера.

По счастью, вскоре в лесу объявились существа более здравомыслящие. Одним оказался рыжий гном по имени Даффл, вторым — олень, высокий и статный, серый в яблоках, величаво ступавший на своих изящных ногах, столь тонких, что, казалось, их запросто можно сломать двумя пальцами.

— Великий Лев! — вскричал гном, узнав, в чем дело.— Анвард в осаде! Так что ж вы тут языками мелете? Надо послать кого-нибудь в Кэйр-Паравел известить короля! Нарния должна помочь Арченланду!

— Точно! — согласился еж.— Токмо короля-то в Кэйр-Паравеле нету. Он на север пошел великанов лупить. Вы уж простите, к слову пришлось, но как я про великанов услышу...

— Кто доставит весть королю? — перебил гном.— Кто из вас бегает быстрее моего?

— Я,— отозвался олень, прикрывая свои подернутые влагой глаза.— Что мне ему сказать? Сколько там калорменцев?

— Две сотни копий,— торопливо сообщил Шаста.— Ведет их принц Рабадаш. И...— Но олень уже умчался, одним прыжком исчез в лесу, только мелькнул среди деревьев белый хвостик.

— Куда это он, интересно? — проговорил кролик. — Ведь короля Питера в замке нет.

— Зато есть королева Люси, — ответил гном. — И она... Эй, человек, что с тобой такое? Ты совсем зеленый, того и гляди сомлеешь. Оголодал, что ли? Ты когда последний раз ел?

— Вчера утром, — тихо признался Шаста.

— Вон оно что, — гном подставил мальчику свое крепкое плечо. — Обопрись-ка, вот так. А вам, соседи, стыд и позор: закормили паренька болтовней, нет чтоб чего посытнее предложить. Идем со мной, парень, я тебя словесами кормить не стану.

Растолкав зверей и продолжая что-то сокрушенно бормотать себе под нос, гном повел Шасту в лес. Они сошли с тропы, спустились под горку. Идти оказалось намного дальше, чем рассчитывал Шаста; ноги у него подкашивались, но в тот самый миг, когда колени подогнулись (он наверняка упал бы, не поддерживай его гном), впереди показался невысокий, без единого деревца холм. У подножия холма стоял домик; над печной трубой вился дымок, дверь была распахнута настежь. Гном подвел Шасту к крыльцу и крикнул:

— Эгей, братья! К нам гости!

В ноздри ударил восхитительнейший на свете запах. Шаста никогда прежде не нюхал ничего подобного, но запах был такой вкусный, что у него слюнки потекли. (Скажу вам по секрету, в домике жарили на большой сковороде яичницу с грудинкой и грибами).

— Нагнись, парень, — посоветовал Даффл, но предупреждение запоздало: Шаста уже успел стукнуться лбом о низенькую притолоку. — Присаживайся. Стол низковат, уж не обессудь, зато стулья ему впору. Так, что у нас тут? Ага, овсянка и кувшинчик со сливками. На, держи ложку.

К тому времени как Шаста справился с овсянкой, братья Даффла — их звали Рогин и Бриклтам — выставили на стол прочее угощение: сковородку с яичницей, дымящийся кофейник, кувшин с парным молоком и жареные хлебцы.

Все это Шаста пробовал впервые в жизни. В Калормене он привык совсем к другой еде. Даже хлебцы были ему в диковинку, что уж говорить о сливочном масле! (В Калормене принято не намазывать хлеб, а поливать его маслом растительным.) Да и сам дом разительно отличался от калорменских

строений — и от сумрачной, грязной, пропахшей рыбой хижины Аршиша, и от многоколонных, убранных драгоценными коврами дворцов Ташбаана. Потолок нависал так низко, что можно было достать рукой; кругом сплошное дерево, ни единого камушка; на стене часы с какой-то птицей в окошечке, на столе скатерть в красно-белых клетках, на окнах с толстыми стеклами — белые занавеси. Разумеется, гномы строили дом, что называется, под себя, и вся посуда и ножи с вилками у них тоже были гномьи, то бишь куда меньше привычных. Да и порции оказались скудноваты; впрочем, добавлять можно было сколько угодно, так что Шаста голодным не остался. Гномы от него не отставали — уплетали так, что трещало за ушами, и перекликивались через стол: «Подай-ка маслица, братец!» — «Плесни кофейку-то, плесни!» — «А грибки замечательные, сами в рот просятся». — «Может, еще яиц поджарить?» Наконец с завтраком было покончено, и разгорелся спор насчет того, кому мыть посуду. После долгих препирательств определили, что моет Рогин. Даффл с Бриклтамом вывели Шасту наружу и усадили на скамейку у стены дома; все вытянули ноги, дружно вздохнули, а потом гномы разожгли свои трубки. Солнце припекало, роса давно высохла; когда бы не легкий ветерок, уже было бы жарко.

— Что ж, чужестранец, — проговорил Даффл. — Позволь поведать тебе о том, что ты видишь. Пред тобою южная Нарния, наша родина, наша гордость. По левую руку, вон за теми холмами, виден Западный кряж, а тот круглый холм справа зовется Каменным Столом. За ним...

Он умолк, прерванный самым неподобающим образом: Шаста, утомленный ночными скитаниями и осоловевший после столь сытного завтрака, крепко заснул и даже захрапел. Гномы ничуть не обиделись; наоборот, они принялись размахивать руками, показывая друг другу — пускай, мол, поспит малец — и так оживленно махали и перешептывались, так долго вставали и на цыпочках уходили прочь, что наверняка разбудили бы его, будь он не таким усталым.

Шаста проспал почти весь день и пробудился только к ужину. После ужина стали укладываться спать. Кровати для мальчика в доме не нашлось — все оказались слишком маленькими, — и ему постелили на полу. Он лег на мягкий вереск и мгновенно провалился в сон и спал, не шелохнувшись и без всяких сновидений, до самого утра.

Поутру же подали не менее обильный, чем накануне, завтрак. Едва успели откушать, как снаружи донесся пронзительный, призывный звук.

— Труба! — вскричали гномы, вскакивая из-за стола. Шаста последовал за ними.

Звук повторился — радостный, отчетливый, звонкий, не похожий ни на пригибающее к земле пение ташбаанских рогов, ни на веселую трель охотничьего рожка, что недавно привела Шасту к королю Луну. Этот звук доносился с востока. Вскоре послышался цокот копыт, а немного спустя из леса показался конный отряд.

Впереди ехал на гнедом коне рыцарь со стягом Нарнии в руках — алый Лев на зеленом поле. Шаста с первого взгляда узнал в рыцаре того самого Перидана, с которым волей случая виделся в Ташбаане. За Периданом схали в ряд трое: король Эдмунд и девушка в шлеме и кольчуге — на статных боевых конях, принц Корин, которого Шаста тоже сразу узнал, — на пони. «Королева Люси», — прошептал Даффл, указывая на всадницу. Из-под шлема королевы выбивались золотистые пряди, за плечом виднелся лук, а к луке седла был приторочен колчан, полный стрел. Следом двигалась армия: люди верхом на лошадях обычных и на лошадях говорящих (когда случалось что-либо важное, например, начиналась война, даже говорящие лошади соглашались, чтобы на них ездили), суровые кентавры, матерые медведи, огромные говорящие псы; замыкали строй шестеро великанов. Признаться, Шаста изрядно струхнул: он, конечно, знал, что великаны с ним заодно, но уж очень непривычно — и страшно — было за ними наблюдать.

Король с королевой подъехали к дому. Гномы принялись кланяться до земли.

— Друзья! — воскликнул король Эдмунд, оборачиваясь к своему войску. — Время отдохнуть и подкрепиться!

Войско остановилось. Люди спрыгивали наземь, развязывали торбы, кормили животных и ели сами, переговариваясь о том, о сем.

— Ура! — крикнул Корин, подбегая к Шасте и хватая того за руки. — Ты тоже здесь? Добрался, значит? Молодец! Ну, теперь пойдет веселье! Знаешь, до сих пор не верится. Мы вошли в гавань вчера утром, и нас встретил Чевви, олень, и рассказал, что калорменцы осадили Анвард. Как по-твоему...

— С кем это беседует ваше высочество? — осведомился король Эдмунд, спешившись.

— Вы только посмотрите, государь! — Корин подтолкнул Шасту вперед.— Это же мой двойник! Тот самый, с кем меня перепутали в Ташбаане!

— Вы и вправду похожи как две капли воды,— изумилась королева Люси.— Глазам своим не верю.

— Ваше величество,— пролепетал Шаста, кланяясь Эдмунду,— я не предатель, честное слово. Просто так получилось... ну, что меня за Корина приняли... Я никому ничего не сказал, правда!

— Знаю, мальчуган,— Эдмунд положил свою королевскую длань на плечо Шасте.— Но в следующий раз старайся не подслушивать, если не хочешь, чтобы тебя сочли лазутчиком.

С этими словами он удалился, а Шаста очутился вдруг в самой гуще толпы. Его толкали, пихали, вертели в разные стороны, и он быстро потерял из вида и Эдмунда, и королеву Люси, и даже Корина. Впрочем, Корин был из тех, кто надолго не пропадает; вскоре Шаста услыхал голос Эдмунда — король отчитывал Корина.

— Клянусь гривой Великого Льва, принц, это уже чересчур! Да образумьтесь вы наконец, ваше высочество! С вами хлопот больше, чем с целой армией! Гнездо разъяренных шершней и то спокойнее!

Шаста протолкался сквозь толпу. Корин, потупив взор, стоял перед разгневанным Эдмундом; поблизости сидел на траве незнакомый гном с гримасой боли на лице. Возле него суетились два фавна, помогая гному снять доспехи.

— Будь мой целебный настой при мне,— сказала королева Люси,— я бы мигом исцелила твое увечье. Но я не взяла его с собой, ибо наш венценосный брат верховный король рек, что настой сей предназначен для особых случаев.

А случилось вот что. Едва Корин отвернулся от Шасты, как его дернул за локоть гном по имени Торнбат.

— Что стряслось, Торнбат? — спросил принц.

— Ваше королевское высочество,— ответил гном, увлекая Корина в сторонку,— наш путь ведет через перевал, к замку вашего венценосного отца. Еще до ночи мы можем вступить в бой.

— Здорово! — вскричал Корин.— Эх, скорей бы!

— Не знаю, здорово или нет, — отвечал гном, — но король Эдмунд строго-настрого наказал мне проследить, чтоб вы в сражение не ввязывались. Достанет и того, что вам, в ваши-то годы, позволят увидеть настоящий бой своими глазами.

— Что за чушь? — воскликнул Корин. — Как это не ввязывался? Чем я хуже королевы Люси? А она будет драться!

— Их королевскому величеству я не указ, — сказал гном. — А вот вы, ваше высочество, должны меня слушаться. В общем, так. Либо вы поклянетесь честью держаться позади меня — не рядом, а позади, — пока я не позволю вам сдвинуться с места, либо — это слова его величества — нас с вами привяжут друг к другу, точно пленников.

— Только попробуй остановить меня! — крикнул Корин. — Я тебя так вздую, что мало не покажется!

— На месте вашего высочества я бы поостерегся, — предупредил гном.

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы вспыльчивый Корин кинулся в драку. Они с гномом принялись тузить друг друга. Силы были приблизительно равны: принц был тяжелее и превосходил гнома длиной рук, зато гном был старше и крепче. Но доказать свою правоту кулаками не удалось никому (еще бы — сцепиться на склоне холма!): Торнбат невзначай наступил на шаткий камень, потерял равновесие и рухнул лицом вниз, а когда попытался встать — выяснил, что растянул лодыжку. Теперь по меньшей мере две недели он не мог ни ходить, ни даже ездить верхом.

— Посмотрите, ваше высочество, что вы наделали! — укорил принца Эдмунд. — Накануне битвы лишили нас испытанного воина!

— Я встану вместо него, государь! — заявил Корин.

Король невесело усмехнулся:

— Ваша храбрость, принц, известна всем. Но мальчик в настоящем бою куда опаснее для друзей, чем для врагов.

С этими словами он повернулся и ушел. Корин искренне извинился перед гномом, потом подбежал к Шасте и прошептал на ухо:

— Живее! У нас появился лишний пони и лишний доспех. Да пошевеливайся ты!

— Какой доспех? — не понял Шаста. — Какой пони?

— На котором ты поскачешь в бой! Разве ты не хочешь сразиться в настоящей битве?

— А... Хочу, конечно, — разумеется, Шаста лукавил. Ни о чем подобном он до сих пор даже не задумывался. Мальчик зябко поежился.

— Отлично, — Корин помог Шасте надеть латы. — Через голову, вот так. Теперь перевязь, вместе с мечом. Будем держаться в хвосте, пока заварушка не начнется. А там уже не до нас станет.

Глава 13
Битва при Анварде

Около одиннадцати войско вновь выступило в поход. Двигались на запад, оставляя горы по левую руку. Корин с Шастой, как и договаривались, держались позади, сразу за великанами. Принца никто не разыскивал — не до того было; Эдмунд, Люси и Перидан готовились к сражению. Королева Люси, правда, обмолвилась мимоходом, что не мешало бы узнать, как там «его неугомонное высочество». Но Эдмунд только отмахнулся: мол, главное, что не впереди, а остальное все ерунда.

Шаста поведал Корину о своих приключениях, объяснил, что ездить верхом научился у боевого коня, а потому знать не знает, как пользоваться поводьями. Корин заявил, что это проще простого, и тут же показал как, а потом принялся в подробностях расписывать бегство из Ташбаана и плавание по морю.

— А где королева Сьюзен? — спросил Шаста, когда его товарищ наконец умолк.

— В Кэйр-Паравеле, конечно, — отозвался принц. — Она не такая, как Люси. Та любого мужика за пояс заткнет — ну, почти любого. А Сьюзен... как все взрослые, не хуже и не лучше. Воевать она не воюет, хотя из лука стреляет — просто завидки берут.

Горная тропа, которой следовало войско, становилась все уже, а склон справа делался все обрывистее. Вскоре пришлось выстроиться по одному, длинной цепочкой — иначе по краю пропасти было не пройти. Шаста содрогнулся, сообразив, что прошлой ночью он проделал этот путь в полной темноте. Хотя, если вдуматься, ничто ему не угрожало: Лев вовсе не случайно все время держался слева — между ним и обрывом...

Тропа вильнула влево, на юг, уводя от пропасти. Въехали в густой лес и двинулись дальше вверх, к перевалу. Должно быть, отсюда открывался бы замечательный вид, когда бы не деревья, заслонявшие все вокруг; лишь изредка

вырастала над ними горная вершина да показывались высоко в небе орлы.

— Битву чуют, — заметил Корин, кивая на птиц. — Попируют они нынче знатно, уж поверь.

Шаста поежился, но ничего не сказал.

Одолели перевал, стали спускаться. Здесь деревьев было куда как меньше, и Арченланд, подернутый голубоватой дымкой, был виден как на ладони. Шасте почудилось даже, будто он различает у самого горизонта золотистую полоску пустыни. Впрочем, прямо в глаза ему светило закатное солнце, поэтому он легко мог и ошибиться.

Эдмунд, ехавший впереди, велел остановиться и перестроить ряды. На левом фланге расположился целый отряд свирепых на вид говорящих зверей, в основном кошек, больших и малых, — леопардов, ягуаров, пантер и прочих. Откуда они взялись, Шаста не знал, — во всяком случае, на марше их в войске точно не было. Справа встали великаны; прежде чем занять позицию, все они скинули с плеч мешки и дружно сели. Оказывается, в своих мешках великаны несли сапоги — огромные, тяжеленные, утыканные шипами сапоги до колен. Обувшись, великаны взяли свои дубинки — человеку такую было не поднять — и пошли куда им было приказано. Лучники, к которым присоединилась королева Люси, встали сзади и принялись сгибать луки и натягивать тетивы, проверяя, все ли готово к сражению. И не они одни: куда ни посмотри, повсюду ратники подтягивали пояса, надевали шлемы, обнажали мечи, сбрасывали наземь плащи. Все это они делали молча, и оттого на душе становилось еще тревожнее.

«Вот влип! — безостановочно твердил себе Шаста. — Вот ведь влип, а?!»

Ветер донес приглушенные расстоянием звуки: многоголосый крик и глухие удары.

— Таран, — шепотом пояснил Корин (даже он в эту минуту посерьезнел). — Пытаются разбить ворота. Почему король медлит? Чего мы ждем? Я совсем замерз.

Шаста кивнул, надеясь, что по лицу незаметно, как ему страшно.

Вот наконец и сигнал! Вперед, вперед, рысью, вперед за плещущим на ветру стягом. Миновали пригорок, и внезапно перед ними раскинулось поле брани. Осажденный Анвард: множество башен, высокие стены, ворота, естественно, закрыты,

решетка опущена. Как ни удивительно, рва вокруг замка не было. На стенах выстроились воины Арченланда; лиц издалека было не разглядеть, но среди них наверняка находился и сам король Лун. Внизу, под стеной, человек пятьдесят пеших калорменцев размеренно били в ворота увесистым стволом дерева, срубленного, верно, в окрестном лесу.

Стоило осаждающим заметить передовой отряд нарнианского войска, картина изменилась в мгновение ока. Те, кто бил в ворота тараном, продолжали свои попытки разбить ворота, а остальные ратники Рабадаша, подчиняясь приказу, взлетели в седла и устремились навстречу нарнианцам.

Эдмунд и его рыцари пустили коней вскачь. Расстояние между врагами стремительно сокращалось. Быстрее, быстрее! Мечи из ножен, щиты перед собой, молиться поздно, уже не зажмуриться — разве что зубы стиснуть... Шаста был едва жив от страха. И вдруг у него в голове мелькнула шальная мысль: «Сейчас струсишь — всю жизнь от врагов бегать будешь. Я не боюсь, не боюсь!»

Когда же армии сошлись и началась жестокая сеча, Шаста утратил всякое представление о происходящем. Все смешалось: топот копыт, лязг мечей, крики, вопли, стоны... Из его руки меч выбили почти сразу, поводья запутались, он понял, что выскальзывает из седла. Внезапно у него перед глазами возник наконечник копья. Мальчик пригнулся — и скатился с коня. Больно ударился костяшками левой руки о чей-то доспех, а потом...

Пожалуй, нет ни малейшего смысла описывать сражение, каким оно виделось Шасте: он оказался в бою впервые в жизни и совершенно не понимал сути того, что творилось вокруг. Поэтому лучше всего нам будет перенестись за несколько миль от поля брани, к дому Отшельника с Южного болота. Отшельник сидел под раскидистым деревом и глядел в пруд как в зеркало. Подле него стояли Аравис, Бри и Хвин.

Этот пруд обладал магическим свойством показывать все, что случалось за пределами живой изгороди, охранявшей подступы к жилищу Отшельника. В водах пруда отражались вовсе не дерево, росшее на берегу, и не дом, а улицы городов, лежащих к югу дальше, чем Ташбаан, и корабли, спешащие в Алую Гавань на дальних Семи островах, и разбойники, подобно диким зверям обитавшие в великой Западной Чащобе, между Фонарным углом и Тельмаром. В день битвы Отшельник с

самого утра не отходил от пруда, не отвлекаясь даже на еду, ибо он хотел собственными глазами увидеть сражение, в коем решалась судьба Арченланда.

Аравис и лошади видели все, что отражалось в пруду, не так отчетливо, как Отшельник,— ведь это был не *их* пруд. Поэтому Отшельнику приходилось время от времени рассказывать им о том, что происходит. Незадолго до того как Шаста оказался в гуще схватки, Отшельник молвил:

— Вижу одного... двух... нет, трех орлов. Они кружат над Пиком Бурь. Среди них — древнейший из орлиного племени. Он не поднялся бы в небо, когда бы не чуял запаха крови. Кружит и кружит, смотрит то на Анвард, то на восток, за Пик Бурь. О!.. Наконец-то я понял, на что Рабадаш потратил весь день. Его люди свалили в лесу огромное дерево, обрубили с него сучья, и теперь у них есть таран. Похоже, неудача первого приступа кое-чему их научила. Разумнее было бы, конечно, изготовить лестницы, но на это требуется время, а Рабадаша сжигает нетерпение. Глупец! Ему следовало повернуть обратно после первой же отбитой атаки. Весь его расчет строился на внезапности, к осаде он не готов... Таран уже у ворот. Анвардские лучники стреляют со стен. Пятеро калорменцев убиты, всего пятеро. Они держат над головами щиты. Рабадаш отдает приказ. С ним его приближенные, свирепые таркааны из восточных провинций. Вижу их лица. Так, Коррадин из замка Тормант, Азрух, Шламаш, Ильгамут с заячьей губой, еще какой-то таркаан с крашеной бородой...

— Ба! — воскликнул Бри.— Это же мой прежний хозяин Анрадин!

— Тсс! — прошипела Аравис.

— Таран ударил в ворота. Когда бы мы не только видели, но и слышали, какой бы тут грохот стоял! Еще удар, и еще; нет, долго ворота не выдержат. Погодите-ка! Птицы, что кружат над Пиком Бурь, словно чем-то напуганы. Разлетаются в разные стороны... Так... Так... Не вижу... Ага! Вот оно что! С востока появились всадники, их очень много. Ах, если бы ветер развернул штандарт, мы бы узнали, кто они такие. Перевалили через холм... Вижу, вижу! Алый Лев! Нарния! Скачут вниз... Впереди король Эдмунд, женщина среди лучников — должно быть, королева Люси... О!

— Что? — прошептала Хвин.

— Все кошки выстроились слева.

— Кошки? — удивилась Аравис.

— Большие кошки — леопарды, пантеры и другие, — пояснил Отшельник, не отрывая взгляда от поверхности воды. — Они обходят калорменцев, чтобы напасть на их лошадей. Отлично придумано! Калорменские лошади мечутся точно обезумевшие. Кошки нападают... Рабадаш перестроил ряды. Сотня воинов в седле... Скачут навстречу нарнианцам... Все ближе, ближе... Король Эдмунд, Перидан... А это что за детишки? Неужели король позволил им сражаться? Совсем чуть-чуть... Все, сошлись! Великаны справа творят чудеса... один упал... похоже, ему попали в глаз... В центре куча мала... Слева видно получше. Вот снова эти мальчишки... Великий Лев! Один из них — принц Корин, а второй похож на него как две капли воды! Это ваш Шаста! Корин сражается как мужчина. Убил калорменца... В центре стало свободнее. Эдмунд и Рабадаш едва не столкнулись. Нет, развело в стороны...

— Шаста, как там Шаста? — проговорила Аравис.

— Глупый мальчишка! — простонал Отшельник. — Безмозглый сорванец! Меча в руках не держал, а туда же — сражаться! Да щитом, щитом прикройся! Ну зачем же бок-то подставлять? Ему все равно, что меч, что палка... Сообразил наконец... Машет, машет... чуть пони своему голову не снес... снесет непременно, коли не поостережется... Все, остался без меча... Чистой воды смертоубийство — посылать детей в битву! Такой и пяти минут не продержится. Пригнись, болван! Упал...

— Погиб? — выдохнули все трое.

— Откуда мне знать? — огрызнулся Отшельник. — Кошки свое дело сделали. Калорменские лошади какие мертвы, а какие бежали; теперь уж калорменцам не отступить. Кошки нападают с тыла. На тех, кто ломает ворота. Бегут, бегут! Таран бросили и врассыпную! О небеса! Ворота открылись; должно быть, готовится вылазка. Показались первые трое: посередине король Лун, рядом с ним братья Дар и Даррин. За ними Тран, Шар, Кол со своим братом Колином... Десять... двадцать... почти тридцать... Калорменцы пятятся... Король Эдмунд крушит направо и налево. Только что отрубил голову Коррадину. Калорменцы удирают в лес... Некоторые еще сопротивляются... Великаны заходят справа... кошки слева... король Лун сзади... Дерутся спина к спине... Погиб твой таркаан, Бри. Лун сражается с Азрухом... вроде бы наша берет... давай, давай... одолел! Азрух повержен. Ох! Король Эдмунд

было упал, но поднялся... схватился со Рабадашем... прямо в воротах... Калорменцы сдаются... Даррин сразил Ильгамута. Не вижу, где Рабадаш... Наверное, погиб и лежит у крепостной стены... Эдмунд все бьется, остальные уже перестали... Шламаш сдался... Победа, победа!

Падая с коня, Шаста успел подумать, что его наверняка затопчут. Но кони даже в пылу сражения крайне редко наступают на людей. Минуло десять ужасных минут или около того, и Шаста понял, что поблизости от него уже нет грозящих неминуемой смертью копыт и что шум, который он слышит, вовсе не похож на шум битвы. Мальчик осторожно сел и огляделся. Пускай он был несведущ в ратном деле, однако ему хватило одного взгляда, чтобы сообразить — Нарния и Арченланд победили! Уцелевшие калорменцы сдались в плен, ворота Анварда были открыты, король Лун пожимал руку королю Эдмунду, стоя на таранс. Вокруг державных правителей толпились рыцари. Они весело о чем-то переговаривались, а потом вдруг разразились дружным хохотом.

Шаста кое-как поднялся и, с трудом переставляя ноги, заковылял к воротам. Глазам его предстало удивительное зрелище. На стене у ворот висел принц Рабадаш. Он судорожно дергал ногами, не доставававшими до земли. Кольчуга задралась и, похоже, изрядно жала ему под мышками, закрывая, вдобавок, половину лица. Он выглядел так, как будет выглядеть любой мужчина, попытавшись надеть через голову рубашку меньшего, чем ему годится, размера. Впоследствии выяснилось (уж будьте уверены — молва об этом событии разошлась по всем городам и весям), что в самом начале битвы один из великанов попытался проткнуть Рабадаша своим шипастым сапогом. У него ничего не вышло — точнее, почти ничего: Рабадаш уцелел, но шипы порвали кольчугу, словно то была обыкновенная холщовая рубаха. И с Эдмундом в воротах Анварда Рабадаш сражался в рваной на спине кольчуге. Когда Эдмунд прижал его к стене, он вскочил на близлежащий камень и стал осыпать противника ударами сверху. Впрочем, ему самому пришлось несладко — ведь его голова возвышалась над головами всех прочих, и не удивительно, что нарнианские лучники именно ее избрали своею целью. Рабадаш решил спрыгнуть на землю. Он намеревался соскочить с громким, устрашающим криком: «Молния Таша летит с небес!» Однако прямо перед ним сеча была столь жаркой, что он

вынужден был прыгнуть вбок — и аккуратнейшим образом зацепился этой своей дыркой на спине за вбитый в стену крюк! (Столетия назад такие крюки вбивали в стены, чтобы привязывать к ним лошадей.) Иными словами, Рабадаш повис на этом крюке, словно мокрая простыня, которую вывесили сушиться, и теперь все над ним потешались.

— Дай мне спуститься, Эдмунд! — рычал Рабадаш.— Дай мне спуститься и сразись со мной, как подобает мужчине и королю! А если ты трус, убей меня прямо так.

— С превеликой охотой! — отозвался Эдмунд, обнажая меч, но тут вмешался король Лун.

— С позволения вашего величества,— проговорил он, удерживая руку Эдмунда.— Позвольте мне,— и повернулся к Рабадашу: — Ваше королевское высочество, огласи вы свой вызов неделю назад, я бы ответил вам, что во владениях короля Эдмунда не найдется никого, от самого короля до крошечной говорящей мыши, кто бы отказался этот вызов принять. Но, напав на Анвард без объявления войны, вы тем самым явили свою истинную сущность. Вы не рыцарь, вы трус и подлец, недостойный скрестить меч с человеком чести. Эх, выпороть бы вас, ваше высочество, как последнего мерзавца... Снимите его, свяжите и отведите в замок; пускай ждет, пока мы изъявим свою королевскую волю.

Крепкие руки отняли у Рабадаша меч, сняли принца с крюка и связали его высочество. Сопровождаемый королевскими дружинниками, он скрылся под сводами замка, изрыгая проклятия и не скрывая слез отчаяния. Рабадашу были не страшны даже пытки, но оказаться всеобщим посмешищем — этого он вынести не мог. В Ташбаане никто не смел над ним смеяться.

В этот миг Корин увидел Шасту, подбежал к нему, схватил за руку и почти поволок к своему отцу королю Луну.

— Вот он, отец, вот он! — воскликнул принц.

— Ах, вот ты где! — сурово молвил король.— Вижу я, что пренебрег ты велением мудрым и испытал отвагу свою на поле брани, сердце отцовское не жалея. Экий негодник, право слово! Да в твои годы пристало палкой лопухи сшибать, а не мечом махать! — Впрочем, все, и Корин в том числе, догадывались, что на самом деле король гордится своим сыном.

— Пощадите его, государь,— сказал Даррин.— Его королевское высочество унаследовал ваш горячий нрав. Сдается мне, ваше величество изрядно бы опечалились, когда бы при-

шлось вам ругать его не за безрассудную отвагу, а за нечто противоположное...

— Хорошо, хорошо,— проворчал король.— Оставим это, Даррин. А теперь...

То, что случилось потом, изумило Шасту, как не изумляло до сих пор никакое другое событие его жизни. Король Лун по-медвежьи облапил мальчика и расцеловал в обе щеки.

— Иди сюда,— сказал он, маня Корина.— Встаньте рядом, ребятки. Головы поднимите, чтобы все вас хорошенько разглядели. Ну что, господа? Есть у кого-нибудь сомнения?

Шаста никак не мог понять, с чего вдруг все так развеселились.

Глава 14
Как Бри преподали урок

Теперь мы должны вернуться к Аравис и лошадям. Отшельник, по-прежнему глядевший в пруд, поведал им, что Шаста уцелел и его даже не ранили, а еще о том, как тепло встретил мальчика король Лун. Но в пруду можно было только наблюдать за происходящим, слышать вы все равно ничего не слышали, и потому, когда битва завершилась и начались всякие разговоры, глядеть в пруд стало бессмысленно: гляди, не гляди ничего не вызнаешь.

На следующее утро стали судить и рядить, как быть дальше.

— С меня хватит,— твердо сказала Хвин.— Отшельник такой добрый, большое ему спасибо, что он нас приютил, но я уже просто не могу есть с утра до вечера! Так и разжиреть недолго! Скачем в Нарнию!

— Только не сегодня, мадам,— возразил Бри.— К чему спешить? Погодим денек-другой, а уж там и решать будем...

— Сперва попрощаемся с Шастой,— промолвила Аравис.— Попрощаемся и... извинимся перед ним.

— Вот именно! — вскричал Бри.— Таркина, ты читаешь мои мысли!

— Ну, конечно,— согласилась Хвин.— Он ведь в Анварде, верно? Это нам по дороге. Мы заглянем в Анвард и повидаем Шасту. Кстати сказать, а не собраться ли нам в дорогу прямо сейчас? Я думала, мы все стремимся в Нарнию...

— Угу,— пробормотала Аравис, которая вдруг почувствовала себя одинокой: что она будет делать в этой чужой стране, среди чужих людей... и животных?

— Хорошо, хорошо, — пошел на попятную Бри. — Никто же не говорит, что мы останемся тут навсегда. Просто не нужно торопить события. Понимаете, мадам, к чему я клоню?

— Не понимаю, — призналась Хвин. — Почему вы нас отговариваете?

— Ммм, — протянул Бри. — Мадам, ну как вы не поймете? Это же не просто так... возвращение домой... появление в обществе... в избранном обществе... надо произвести надлежащее впечатление... Ну, в общем...

Хвин расхохоталась.

— И как я сразу не догадалась! — воскликнула она. — Все дело в хвосте, правильно? Вы хотите дождаться, пока у вас отрастет хвост! А может, в Нарнии у всех лошадей хвосты короткие, откуда нам знать? Друг мой, вы тщеславны, как та ташбаанская таркина!

— Глупый ты, глупый, Бри, — хмыкнула Аравис.

— Ничего подобного, таркина, клянусь гривой Великого Льва! — возмутился Бри. — Просто я привык уважать себя... и других лошадей, только и всего!

Аравис решила сменить тему: длина конского хвоста ее нисколько не интересовала.

— Бри, я давно хотела тебя кое о чем спросить. Ты клянешься то каким-то великим львом, то его гривой. Что это за странные клятвы? Мне казалось, ты львов терпеть не можешь.

— Так и есть, — отозвался Бри. — Но Великий Лев — совсем другое дело. Это Эслан, освободитель Нарнии; он прогнал Бледную Ведьмарку и победил Долгую Зиму. Все нарнианцы клянутся его именем.

— Но ведь он Лев?

— Нет! — воскликнул Бри, словно потрясенный этаким святотатством. — Ни в коем случае!

— А в Ташбаане думают иначе, — заметила Аравис. — И потом, если он не Лев, почему ты называешь его львом?

— Прости меня, таркина, но ты еще слишком молода, чтобы это понять, — важно молвил Бри. — К тому же я покинул Нарнию жеребенком, так что и сам разобраться как следует не успел.

(Во время этой беседы Бри стоял спиной к калитке в живой изгороди. Глаза его были полуприкрыты, будто он говорил и одновременно размышлял о чем-то необыкновенно важном, и потому он не заметил, как изменилось вдруг лицо Ара-

вис и как попятилась Хвин. Им было чему изумиться и чего испугаться: на дворе откуда ни возьмись появился громадный Лев, и был этот Лев больше, прекраснее и страшнее всех львов на свете. Одним прыжком зверь перескочил через изгородь и двинулся к ним, беззвучно ступая по траве. Его шкура отливала золотом. Аравис и Хвин замерли, не в силах пошевелиться.)

— Сомневаться не приходится, — вещал между тем Бри, — Эслана называют львом потому, что он силен, как Лев, и свиреп, как Лев — с врагами Нарнии. Вот так-то, таркина. Даже ты, в твоем возрасте, должна понимать, что просто нелепо думать, будто Эслан и *вправду* Лев. Какое неуважение! Какая непочтительность! Да будь он львом, он был бы ничем не лучше нас! Ха! — конь фыркнул. — Будь он львом, у него были бы четыре лапы, хвост и усы... Аааа! Помогите! Спасите!

В тот самый миг, когда Бри упомянул об усах, Лев своим усом пощекотал коня за ухом. Бри подскочил, шарахнулся в сторону и отважился повернуться, только очутившись у дальней калитки; пожалуй, будь изгородь пониже, он бы с испуга наверняка ее перепрыгнул.

Аравис и Хвин дружно попятились. А затем Хвин тихонько заржала и, вся дрожа, пошла навстречу льву.

— Пожалуйста, — проговорила она, подойдя к зверю вплотную. — Ты такой красивый! Съешь меня, если хочешь. Для тебя я готова на все.

— Милая дочь моя, — с этими словами Лев осторожно прикоснулся губами к носу Хвин, — я ждал тебя и верил, что ты поспешишь ко мне. Возрадуйся же! — Он вскинул голову и возвысил голос: — Бри, гордый и напуганный конь, подойди ко мне! Ближе, сын мой, ближе. Отринь свой страх. Коснись меня. Принюхайся. Вот мои лапы, вот мой хвост, а вот и усы. Я — такой же, как все.

— Эслан, — выдавил Бри. — Какой же я дурак!

— Счастлив тот, кто сумеет вовремя это понять, будь он животное или человек. Подойди и ты, Аравис. Потрогай мои лапы. Чувствуешь, какие они мягкие? На сей раз я тебя не ударю.

— На сей раз? — недоуменно переспросила Аравис.

— Это я ранил тебя, — пояснил Эслан. — Это меня вы встречали на своем пути, никого другого. Ведомо ли тебе, за что я тебя наказал?

— Нет, господин.

— *Слеза за слезу, боль за боль, кровь за кровь.* Ран на твоей спине ровно столько же, сколько осталось шрамов у служанки твоей мачехи. У той самой служанки, которую опоила ты сонным зельем. Ты должна была ощутить, каково ей пришлось.

— Я поняла, господин. Скажите... — Аравис замялась.

— Что ты хочешь узнать?

— Больше с ней ничего плохого не случится? Ну, из-за меня...

— Дитя, — молвил Лев, — мы говорим о тебе, а не о ней. У каждого своя история, — он покачал головой. — Не печальтесь, дети мои. Мы скоро увидимся вновь. Пока же примите другого гостя, — золотистой стрелой он пронесся по воздуху и скрылся за изгородью.

Аравис и лошади молча поглядели друг на друга. Говорить, как ни странно, никому не хотелось. Внезапно все трое повернулись и разошлись по двору, думая каждый о своем.

Около получаса спустя лошадей позвали отведать угощение, приготовленное Отшельником. Аравис осталась в одиночестве. Она ходила по двору, погруженная в раздумья. Вдруг из-за изгороди донесся громкий, пронзительный звук. Труба! Девушка подошла к калитке.

— Кто вы, — спросила она, — и что вам угодно?

— Его королевское высочество принц Кор! — объявил чей-то голос.

Аравис распахнула калитку и посторонилась, пропуская гостей.

Первыми вошли два ратника с алебардами. Они встали по обе стороны калитки. Следом появился герольд, а за ним трубач.

— Его королевское высочество принц Кор свидетельствует свое почтение госпоже Аравис! — провозгласил герольд, отступая в сторонку и кланяясь. Трубач тоже склонился в поклоне, а ратники взяли на караул, и появился принц. Стоило ему войти, как свита немедленно удалилась, притворив за собой калитку.

Принц поклонился (поклон вышел на редкость неуклюжим для настоящего принца). Аравис присела в калорменском реверансе (их реверанс сильно отличается от нашего). У нее, разумеется, получилось гораздо лучше и изящнее — ведь ее сызмальства обучали хорошим манерам.

С церемониями покончили, теперь можно и на принца посмотреть... Обыкновенный мальчишка! Голова непокрыта, светлые волосы перехвачены золотым обручем, тоненьким, словно проволока; белая батистовая рубашка, под ней просвечивает другая, ярко-красная... Левая рука перевязана, но пальцы крепко сжимают меч. А камней-то сколько на ножнах! Сверкают так, что глазам больно!

Присмотревшись повнимательнее, Аравис не поверила своим глазам.

— Шаста! — ахнула она.

Мальчик густо покраснел.

— Понимаешь, — пробормотал он, — это все, ну, и трубач, и солдаты, это все не потому... ну, то есть, не подумай, что я хвастаюсь... мол, вот я теперь какой... Я бы все равно пришел, с ними или без них... но старую одежку сожгли... Мой отец сказал...

— Твой отец? — перебила Аравис.

— Ну... — Шаста пожал плечами. — Кажется, король Лун — мой настоящий отец. Мы с Корином так похожи. И как я сразу не догумкал! Близнецы, понимаешь? Ой, и зовут меня не Шаста, а Кор.

— Твое новое имя лучше старого, — сказала Аравис.

— У всех братьев в Арченланде такие имена, — продолжал Шаста (или принц Кор, как мы его отныне будем называть), — Дар и Даррин, Кол и Колин, Кор и Корин...

— Шаста... Я хотела сказать «Кор», — поправилась Аравис. — Нет, помолчи. Дай мне сказать. Прости меня, пожалуйста. Я была такой свиньей! Но я стала другой, честное слово, еще когда не знала, что ты — принц. Знаешь, когда ты бросился на этого льва...

— Это не обычный Лев, — вставил Кор. — Он вовсе не собирался тебя слопать.

— Знаю, — кивнула Аравис. На мгновение оба замолчали, ибо им вдруг стало ясно, что каждый из них видел Эслана и общался со львом. Потом Аравис вспомнила о перевязанной руке принца.

— Какая же, бестолковая! — воскликнула девушка, хлопая себя по лбу. — Совсем забыла! Ты ведь прямо из боя! Тебя ранили?

— Царапина, — отмахнулся Кор, как и подобало наследному принцу, а затем расхохотался: — Если хочешь знать, это даже и раной-то назвать нельзя. Я всего-навсего содрал кожу

на руке. Стоило ради этого в схватку лезть! Все равно что палец прищемил.

— Ты был в бою, — повторила Аравис. — Завидую.

— Все оказалось иначе, — признался Кор, — не так, как я думал.

— Ша... Кор, а ты не хочешь рассказать мне свою историю? Или ты сам ее еще не знаешь?

— Ну, почему же? — отозвался принц. — Давай присядем, рассказывать придется долго. Знаешь, мой отец — самое то. Окажись, что он мне не отец, я бы, верно, разревелся. С ним так здорово! Правда, он сразу начал толковать про какое-то обр... образование, но это, я думаю, мы переживем. Ладно, слушай. Мы с Корином близнецы, это я уже говорил, и родились друг за дружкой. Через недельку после нашего рождения отвезли нас к старому кентавру из Нарнии. Я не понял, он то ли пророк, то ли кто еще. Кентавры почти все такие. Да ты небось кентавров до сих пор не видела? Они сражались с нами заодно. Воины что надо, вот только рядом с ними как-то неуютно себя чувствуешь. Знаешь, Аравис, сдается мне, нам ко многому тут придется привыкать.

— Угу. Ты рассказывай, не отвлекайся.

— Ну вот, этот самый кентавр, когда нас к нему привезли, он поглядел на меня и сказал: «Придет день, когда этот младенец спасет Арченланд от великой опасности». Понятно, отец с матушкой обрадовались. А кое-кто, оказывается, расстроился — Бар, канцлер моего отца. Что-то он такое учинил, что-то нехорошее, я толком не понял, и отец его прогнал из замка, но позволил остаться в Арченланде. Только потом узнали, что Бар тайно прислуживал тисроку, был ташбаанским лазутчиком. В общем, едва он услыхал, что мне суждено спасти Арченланд, как тут же решил, как говорится, меня обезвредить. Он украл меня, уж не знаю как, и поскакал вдоль Петляющей Стрелы к побережью. Там его ждал корабль, готовый немедленно отплыть. Однако отец обо всем узнал — эх, пораньше бы! — и пустился в погоню.

Когда он прискакал на берег моря, корабль Бара еще был виден. Тогда он приказал снарядить один из наших фрегатов и тоже вышел в море. Погоня продолжалась шесть дней, а на седьмой день корабли сошлись. Битва была знатная, с десяти утра и до заката, — так мне говорили. Воины короля захватили корабль Бара, но меня там уже не было. Сам Бар погиб в

сражении, но перед смертью велел одному из своих рыцарей забрать младенца и сесть в лодку. Этой лодки никто и никогда больше не видел. Разве что Эслан — похоже, он ко всему причастен; по-моему, это он вытолкнул лодку на берег поблизости дома Аршиша. Хотел бы я знать имя того рыцаря: ведь он спас мне жизнь, а сам умер с голода.

— Эслан сказал бы, что у каждого своя история, — заметила Аравис.

— Точно, — со вздохом согласился Кор.

— Значит, пророчество, — задумчиво проговорила Аравис. — Любопытно, когда же оно исполнится? От какой такой великой опасности ты спасешь Арченланд?

— Ну... — Кор потупился. — Они уверены, что я уже это сделал.

Аравис хлопнула в ладоши.

— Конечно же! — воскликнула она. — Сама не догадалась, глупая! Арченланд и вправду был в великой опасности из-за Рабадаша и его двухсот копий. Они перешли реку, а ты еще не успел предупредить отца... Конечно! Как, героем себя ощущаешь?

— Мне немножко страшно, — признался Кор.

— Жить будешь в Анварде, да? — справилась Аравис с легкой завистью в голосе.

— Ой! — Настал черед Кора хлопнуть себя по лбу. — Совсем забыл, чего пришел. Отец приглашает тебя жить вместе с нами. Говорит, при дворе — я, кстати, не понял, как это, — женщин не было с тех пор, как умерла матушка. Соглашайся, Аравис. Тебе понравится отец, и Корин тоже. Они не такие, как я, они другие, воспитанные. Не бойся, ты...

— Да перестань! — прикрикнула на принца Аравис. — Честное слово, сейчас ты у меня схлопочешь. Конечно, я согласна!

— Здорово! Пошли тогда к лошадям.

Бри несказанно обрадовался принцу и даже согласился немедленно скакать в Анвард (вероятно, он не до конца опомнился после встречи со львом). На следующий день они с Хвин отправились дальше, в Нарнию. Попрощались с Отшельником, пообещали навещать его и ближе к полудню тронулись в путь. Лошади решили было, что Аравис и Кор поедут верхом, но принц объяснил — в Нарнии и Арченланде на говорящих лошадях ездят только в военную пору, когда

вынуждают обстоятельства. В мирное же время такое никому и в голову не придет.

Эти слова вновь напомнили бедолаге Бри, сколь мало ему известно о нарнианских обычаях. Сколько же глупостей он может натворить! И потому, хоть он и не отставал от радостной Хвин, каждый шаг, казалось, давался коню с немалым трудом.

— Хватит, Бри! — не выдержал наконец Кор. — Мне куда хуже твоего! Тебя-то, небось, образовывать не станут. А меня чему только учить не будут — и грамоте, и геральдике, и танцам, и истории с музыкой! Тебе-то что — скачи себе по лугам да катайся по траве сколько влезет...

— О том и речь, — простонал Бри. — А если говорящие лошади не катаются? Как тогда быть? Это такое удовольствие, я просто не могу отказаться! Посоветуй что-нибудь, Хвин.

— Лично я ни от чего отказываться не собираюсь, — ответила лошадка. — И, сдается мне, никому и дела не будет до твоих развлечений.

— А до замка еще далеко? — спросил Бри у принца.

— Повернем — и вот он, — отозвался Кор.

— Тогда подождите минуточку, ладно? Покатаюсь в последний раз.

Прошло добрых пять минут, прежде чем конь поднялся с земли, тяжело дыша, весь в папоротнике.

— Я готов, — объявил он мрачно. — Веди, принц Кор. Север и Нарния!

По правде сказать, вид у Бри был донельзя унылый, словно он шел на похороны, а вовсе не возвращался домой после долгой разлуки с родимым краем.

Глава 15
Рабадаш Вислоухий

Дорога вывела из леса на просторную зеленую равнину, над которой под сенью лесистой гряды холмов, укрывавшей от северного ветра, высился Анвард — древний замок, стены которого сложены были из красноватого камня.

Не успели подойти к воротам, как створы распахнулись и навстречу гостям вышел король Лун. Аравис, если бы ей не подсказали, ни за что не узнала бы в нем короля: выглядел он так, словно только что выбрался из собачьей конуры (по правде сказать, Лун и в самом деле осматривал свои королевские

псарни, когда ему доложили о прибытии гостей, и потому не успел переодеться, лишь руки вымыл). Впрочем, изяществу поклона, которым он приветствовал Аравис, позавидовал бы и император.

— Юная госпожа, — молвил король Лун, — мы несказанно рады, что вы осчастливили нас своим появлением. Будь жива наша драгоценная супруга, она окружила бы вас истинно женской заботой, но и теперь мы окажем вам самый радушный прием. С глубоким прискорбием узнали мы о несчастиях, вас постигших и вынудивших покинуть отеческий кров. Наш сын принц Кор поведал нам об испытаниях, кои выпали вам на пути, и о вашей доблести, достойной наихрабрейшего воина.

— Государь, — отвечала Аравис, приседая в реверансе, — доблесть вашего сына не сравнится с моей. Спасая мне жизнь, он не побоялся даже сразиться со львом.

— Вот как? — вскричал король, расплываясь в улыбке. — Этого он мне не говорил.

Аравис не преминула рассказать, как было дело. И, как ни странно, принц Кор, которому очень хотелось, чтобы отец узнал о поединке со львом (но рассказывать сам он не спешил, чтобы не подумали, что он хвастается), — так вот, принц Кор вдруг устыдился, ибо со слов Аравис выходило, что вел он себя как последний глупец. Однако король полагал иначе: восхищенный мужеством сына, он много дней подряд пересказывал эту историю всем, кого встречал. А бедняга Кор не знал, куда деваться от смущения.

Хвин и Бри король приветствовал столь же радушно, расспросил обоих о родословной и о том, где они жили до того, как их похитили. Лошади отвечали робко, с запинкой — они не привыкли, что люди разговаривают с ними как с равными. (Во всяком случае, взрослые люди — ведь с Аравис и Кором они уже давно были, что называется, на короткой ноге.)

Вскоре на двор замка вышла королева Люси, и король Лун представил ее Аравис.

— Милая девочка, это — близкий друг нашего семейства. Ее величество вызвались приглядеть за тем, чтобы отведенные вам покои привели в надлежащий вид, и мы не стали спорить — ведь женщины куда лучше понимают друг друга.

Люси поцеловала Аравис в щеку. С первого взгляда они поняли, что наверняка подружатся.

— Хочешь, поднимемся и посмотрим? — предложила королева. Аравис не стала отказываться, и девушки удалились, оживленно обсуждая убранство спальни и фасоны и цвета платьев, которые Люси позаботилась приготовить для гостьи.

После легкого обеда на свежем воздухе (холодные закуски, пирог с дичью, вино, сыр и хлеб) король Лун неожиданно вздохнул и насупил брови.

— Друзья мои! — молвил он.— Что нам делать с этим бессовестным Рабадашем? Не держать же его под замком до скончания веков?

Королева Люси, сидевшая по правую руку от Луна, посмотрела на Аравис, которая сидела слева от короля. Эдмунд, занимавший место во главе стола, переглянулся с Даррином, сидевшим напротив, затем обвел взглядом остальных — Дара, Перидана, Кора и Корина.

— Никто не посмеет упрекнуть ваше величество в чрезмерной жестокости, если мы отрубим ему голову,— сказал Перидан.— Ибо разбойный набег, учиненный им, ставит его вровень с отъявленными злодеями.

— Злодей злодею рознь, друг Перидан,— возразил король Эдмунд и задумчиво прибавил: — Даже изменник способен раскаяться — уж я-то знаю.

— Казнить Рабадаша — все равно что объявить войну тисроку,— заметил Даррин.

— На тисрока мне начхать! — заявил король Лун, переходя с королевской манеры изъясняться на ту, что принята повсеместно.— Его сила — в многочисленности войска, а рать столь могучая никогда не пересечет пустыню. Другое дело, что мне не хватит духа хладнокровно лишить человека жизни, пускай он хоть трижды негодяй и изменник! Я бы с радостью вспорол ему брюхо в битве, но битва, к несчастью, уже завершилась...

— Испытайте его снова, ваше величество,— посоветовала Люси.— Пообещайте отпустить его, если он поклянется впредь не нарушать договоров.

— Скорее снег летом выпадет, чем этот мерзавец сдержит слово! — воскликнул Эдмунд.— Впрочем... Если он вновь придет к нам с мечом, у нас появится отличная возможность лишить его головы на плечах в честном бою.

— Так тому и быть,— король Лун повернулся к слуге.— Привести пленника!

Вскоре перед ними предстал Рабадаш, закованный в кандалы. При первом же взгляде на него возникала уверенность, что он провел ночь в грязной, зловонной камере, без хлеба и воды. На самом деле его держали в просторном, светлом помещении и принесли ввечеру отличный ужин. Однако, снедаемый стыдом и яростью, он отказался даже притронуться к пище и ночь напролет колотил в дверь, бранился и угрожал своим тюремщикам самыми страшными карами. Потому-то он сейчас так и выглядел.

— Вашему королевскому высочеству нет нужды объяснять, — начал король Лун, — что, по установлениям небес и по всем законам всех держав, больших и малых, мы с полным на то правом можем приговорить вас к смертной казни. Тем не менее, учитывая ваш возраст и недостаток воспитания — ибо тому, кто вырос среди тиранов и рабов, не ведомы ни благородство, ни простая порядочность, — учитывая все это, мы склонны помиловать вас и позволить вам уйти, если вы поклянетесь, во-первых...

— Да как ты смеешь, пес смердящий?! — вскричал Рабадаш. — Не хватало мне поучений от варваров! Тьфу! Я плюю на тебя и на всех вас! Конечно, куда как легко грозить тому, кто закован в кандалы! Храбрецы нашлись! Снимите с меня ваши железки, дайте мне меч — и посмотрим еще, кто кого!

Мужчины повскакивали и схватились за клинки.

— Отец, можно я его вздую? — умоляюще воскликнул Корин.

— Ваши величества! Благородные рыцари! — воззвал король Лун. — Успокойтесь, умоляю вас! Неужто уподобимся мы этому необузданному юнцу, который сам не ведает что творит? Корин, сядь, не то я выгоню тебя из-за стола! А вы, ваше высочество, соблаговолите выслушать наши условия!

— Наследнику калорменского престола не к лицу подчиняться грязным варварам, даже будь они и вправду колдуны, — высокомерно отозвался Рабадаш. — Да никто из вас и пальцем меня не тронет! За каждое оскорбление, нанесенное мне, заплатите вы морями нарнианской и арченландской крови! Ужасна месть тисрока, грозящая вам уже сейчас, но убейте меня — и мир содрогнется от гнева отца моего, и останется от вашей Нарнии одно воспоминание! Берегитесь! Берегитесь! Молния Таша летит с небес!

— А вдруг она снова за крюк зацепится? — невинно осведомился Корин.

— Постыдись, Корин! — одернул сына король Лун. — Запомни: не пристало человеку благородному потешаться над тем, кто не может ответить.

— Бедный глупый Рабадаш, — прошептала Люси.

Внезапно все поднялись, как по команде, и замерли, почтительно склонив головы. Кор подивился этому, но тоже встал, а в следующий миг понял — почему. Среди них появился Эслан, и никто не видел и не слышал, как он пришел. Рабадаш разинув рот уставился на громадного льва, что неторопливо прохаживался перед ним.

— Слушай меня, принц Рабадаш, — молвил Эслан. — Судьба твоя близка, но ты еще можешь ее избегнуть. Отринь свою гордыню, ибо нечем тебе гордиться, обуздай свой гнев, ибо никто не причинил тебе зла, и прими смиренно и с благодарностью свободу, что дарует тебе король Лун.

В ответ Рабадаш закатил глаза, оскалил зубы в издевательской усмешке и принялся шевелить ушами (всякий может этому научиться, коли захочет). В Калормене эта гримаса действовала безотказно — храбрейшие из воинов бледнели и пятились, все прочие падали ниц, а некоторые даже валились в обморок. Но одно дело — нугать тех, кто знает, что по мановению твоей руки их могут сварить заживо, и совсем другое — пытаться застращать людей свободных. Иными словами, никого гримаса принца не напугала — разве что привела в недоумение; а добросердечная королева Люси решила, что Рабадашу стало нлохо.

— Демон! Демон! — завопил Рабадаш. — Изыди! Я не боюсь тебя, исчадие преисподней! Я презираю тебя! Изыди, говорю тебе я, потомок Таша неумолимого и необоримого! Да поразит тебя Таш своим перуном! Да падет на тебя дождь из скорпионов и тарантулов! Да превратятся в ныль горы вашей Нарнии! Да...

— Остерегайся, Рабадаш, — тихо проговорил Эслан. — Твоя судьба подходит все ближе. Она уже у дверей и тянется к засову.

— Да обрушатся небеса! — продолжал буйствовать принц. — Да разверзнется земля под вашими ногами! Да сгинет Нарния в огне, да затопят ее реки крови! И не успокоюсь я, пока не притащат за волосы в мой дворец это собачье отродье, эту гнусную варварку, эту...

— Час нробил, — произнес Эслан. К великому изумлению Рабадаша, все, кто смотрел на него, вдруг согнулись от хохота.

В тот самый миг, когда Эслан изрек: «Час пробил», уши Рабадаша — а принц по-прежнему шевелил ими, все еще не понимая, что никого он тут не напугает, — начали меняться. Они росли, вытягивались, обрастали на глазах серой шерстью. И пока все гадали, у кого другого они могли видеть такие уши, лицо Рабадаша тоже стало меняться. Оно удлинилось, словно слегка распухло, глаза выкатились, а нос, наоборот, как бы запал (или лицо целиком превратилось в большой нос, можно сказать и так, и покрылось шерстью). Руки принца коснулись земли, пальцы обратились в копыта. Теперь Рабадаш стоял не на двух ногах, а сразу на четырех; одежда его исчезла, сменившись густой шерстью. Хохот не смолкал, правители и всльможи ничего не могли с собой поделать: разгневанный, сыплющий проклятиями Рабадаш обернулся самым обыкновенным ослом!

Превращение завершилось, но он на какое-то мгновение сохранил способность к членораздельной, внятной речи и еще успел воскликнуть, осознав, что же такое с ним происходит:

— О, только не это! Только не в осла! В коня... пожалуйста... Иа! О! Иа! Иа!

Человеческие слова утонули в ослином реве.

— Слушай меня, принц Рабадаш, — повторил Эслан. — Ты нолучил но заслугам, но чем справедливее воздаяние, тем оно милосерднее. Ты останешься ослом не навечно.

Разумеется, при этих словах осел навострил уши — и вышло у него это столь забавно, что люди вновь, как ни старались удержаться, разразились хохотом.

— Ты взывал к Ташу, — продолжал Эслан. — И в храме Таша ты исцелишься. В день великого празднества оссни ты должен встать пред алтарем в главном ташбаанском храме, и там, на виду у всего Ташбаана, спадет с тебя ослиное обличье и все узнают в тебе принца Рабадаша. Но запомни хорошенько: если когда-нибудь ты вновь соберешься в поход и если отойдешь от ташбаанского храма дальше десяти миль, ты снова станешь ослом. И во второй раз тебя не исцелит уже никто.

Наступила тишина. Затем все зашевелились, стали переглядываться, точно разом пробудились ото сна. Эслан исчез, лишь дрожала в воздухе золотистая дымка да остался на траве след, а в сердцах — радость; нет, им не пригрезилось, ибо вот, стоит пред ними осел, а иначе — принц Рабадаш в обличьи осла.

Король Лун, мягкосердечнейший из людей, мигом забыл о своем гневе и обратился к врагу со словами утешения.

— Ваше королевское высочество, — сказал он, — мне, право, очень жаль, что все обернулось столь прискорбным образом. Но прошу отметить, что никто из нас, помимо вашего высочества, в том не повинен. Мы будем счастливы сопроводить ваше высочество обратно в Ташбаан, где вас ожидает... э... участь, предреченная Эсланом. И мы позаботимся о том, чтобы вашему высочеству было удобно — конечно, насколько позволяет ваше положение: подберем лучшую из барж, на коих возят домашнюю скотину, загрузим трюм свежайшей морковкой и чертополохом...

Осел оглушительно заревел и попытался лягнуть одного из стражников. Должно быть, подобным образом неблагодарный Рабадаш выражал свою признательность.

Пожалуй, о Рабадаше сказано достаточно; мы лишь вкратце опишем то, что произошло с ним далее. Принц (или осел) вернулся морем в Ташбаан, на великом празднестве осени встал пред алтарем в храме Таша и вновь превратился в человека. За этим превращением наблюдали четыре, а то и пять тысяч человек, потому не могло быть и речи о том, чтобы замять случившееся и не дать расползтись слухам. После смерти старого тисрока Рабадаш унаследовал престол Калормена и вошел в калорменскую историю как самый миролюбивый из правителей. Помня предостережение Эслана, сам он в военные походы не ходил, а допустить, чтобы вся слава досталась таркаанам, тоже, разумеется, не мог, — ведь в противном случае они со временем могли бы свергнуть тисрока... Короче говоря, в правление Рабадаша соседи Калормена впервые за долгие годы почувствовали себя в безопасности. Калорменцы же не забыли о том, что их тисрок когда-то был ослом. Пока он был жив, его величали Рабадаш Миротворец, а после смерти (да и до того, но только за глаза) — Рабадаш Вислоухий; так что если будете искать в книгах по калорменской истории упоминание о тисроке Рабадаше, ищите его под этим именем. И по сей день в школах Калормена тех, кто выкинет что-нибудь совсем глупое, называют «вторыми Рабадашами».

В Анварде все были несказанно рады избавиться от принца. Едва Рабадаш отбыл восвояси, началось веселье, а вечером на лугу перед замком были расставлены фонари и накрыты столы. Вино текло рекой, и было рассказано великое множество историй, правдивых и вымышленных, суровых и забав-

ных. А потом призвали к тишине, и в середину круга, образованного столами, вышел придворный менестрель короля Луна, и с ним — два скрипача. Аравис и Кор было заскучали — до сих пор они слышали только калорменские стихи, а оные способны вогнать в тоску и первого на свете весельчака. Но при первых же звуках скрипок скука рассеялась, улетучилась, подобно клубу дыма, унесенному ветром. Менестрель запел древнюю балладу о златовласом Олвине — как сражался он с великаном Пайром и обратил того в камень (и так возникла гора Маунт-Пайр — на самом деле это окаменевший великан) и как завоевал любовь прекрасной Лилн. И, когда баллада закончилась, Кор опечалился, ибо хотелось ему слушать еще и еще. За менестрелем выступил Бри, поведавший о битве при Залиндре. А королева Люси повторила (все, кроме Аравис и Кора, слышали эту историю много раз, но с удовольствием выслушали снова) историю о Зеркальном Гардеробе и о том, как она сама с королем Эдмундом, королевой Сьюзен и королем Питером впервые попала в Нарнию.

А потом — чему быть, тому, как говорится, не миновать — король Лун сказал, что детям пора отправляться в постель.

— Кор,— прибавил он,— завтра я покажу тебе замок и ты узнаешь, в чем его крепость и в чем слабина. Ибо ты будешь его защищать, когда меня не станет.

— Отец, но ведь твой наследник — Корин! — возразил Кор.

— Нет, сын мой,— ответил Лун,— мой наследник — ты. Корона перейдет к тебе.

— Но я не хочу быть королем! Да лучше...

— Желание твое тщетно, Кор, как тщетным было мое желание, и желание моего отца. Наследовать престол должен старший сын.

— Но мы же близнецы! Значит, лет нам одинаково!

— А вот и нет! — король Лун усмехнулся.— Кто-то из близнецов всегда рождается раньше. Ты старше Корина на целых двадцать минут. И не только старше, но и разумнее — что, впрочем, не удивительно,— он подмигнул второму сыну.

— А разве ты не можешь назначить наследника своей волей?

— Нет. Король должен соблюдать закон, ибо закон делает его королем. Так что корона для тебя — что пост для часового: никуда ты от нее не денешься, сынок.

— О небо! — проворчал Кор.— Только этого не хватало! Э-э, Корин... я не подлизывался, правда. Мне и в голову не приходило, что я могу лишить тебя королевства...

— Ура! Уррра! — гаркнул Корин. — Я не буду королем! Вот здорово! Я навсегда останусь принцем! У них жизнь веселая, не то что у королей.

— Твой брат прав, Кор, и сам не знает, насколько он прав, — король Лун вздохнул. — Быть королем означает быть первым в наступлении и последним в отходе, а когда в стране голод (это случается повсеместно в неурожайные годы) — носить роскошные одежды и смеяться за скудным угощением громче всех остальных.

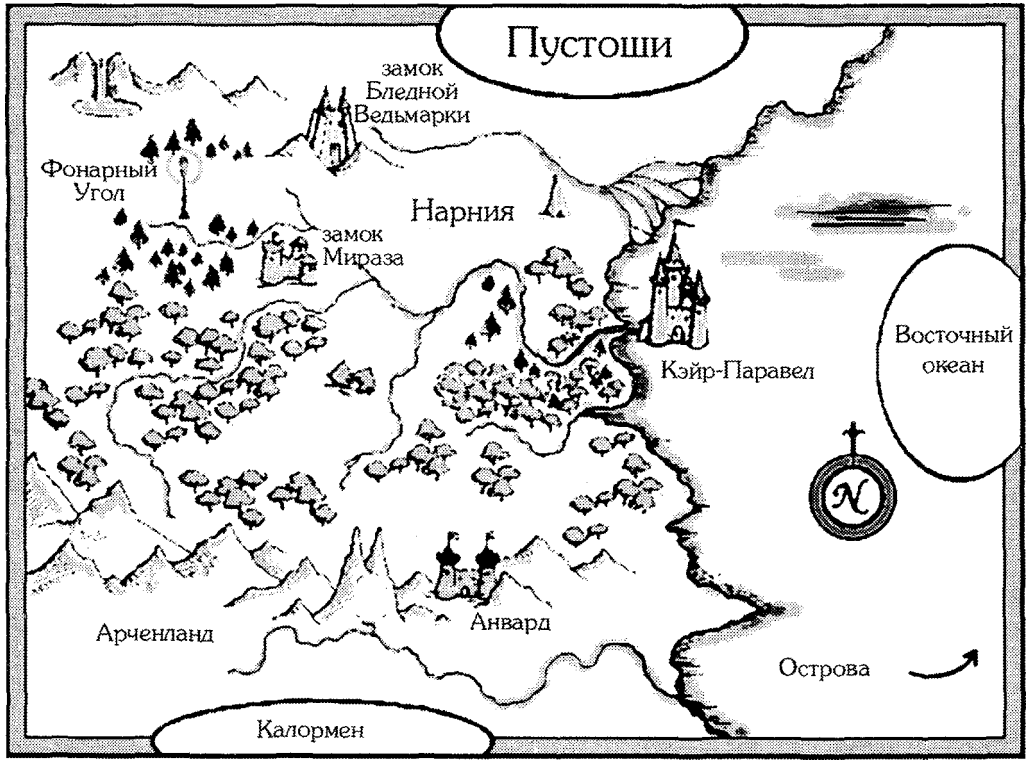
Когда поднимались в спальню, Кор снова попросил у Корина прощения — мол, он и вправду не хотел.

— Еще хоть слово об этом скажешь, — огрызнулся Корин, — спущу тебя с лестницы.

Было бы замечательно закончить эту историю так: братья жили долго, счастливо и никогда не ссорились. Но к чему обманывать? Они частенько ругались и дрались, как ругаются и дерутся все мальчишки на свете, и все стычки неизменно закачивались тем, что Кор терпел поражение. Даже когда братья выросли, Корин, хоть па мечах он бился хуже Кора, по-прежнему выходил победителем в кулачных боях, и никто в северных землях не мог с ним соперничать. Его прозвали Корин Громовый Кулак. До сих пор рассказывают, как он одолел медведя-шатуна с Пика Бурь: это был одичавший говорящий медведь, и Корин в один прекрасный зимний день отыскал его берлогу на том склопе пика, который обращен к Нарнии, и отделал под орех за тридцать три раунда в поединке без секундантов. Избитый зверь в конце концов вспомнил о том, что он — говорящий, запросил пощады и зажил после взбучки в мире с другими животными и людьми.

Аравис тоже нередко ссорилась (и даже дралась) с Кором, но они всякий раз быстро мирились. И настолько привыкли ссориться и мириться, что годы спустя решили пожениться, чтобы и дальше предаваться вволю любимому занятию. После смерти короля Луна Кор унаследовал престол Арченланда, и Аравис сделалась королевой; их сына звали Рам, Рам Великий, и был он величайшим из арченландских правителей. Бри и Хвин дожили в Нарнии до глубокой старости, и у каждого была своя семья, свой супруг и свои дети. И, конечно, они не упускали ни единого случая, вдвоем или поодиночке, навестить своих друзей в Арченланде.

КОРОЛЕВИЧ КАСПИАН


Пустоши
замок
Бледной
Ведьмарки
Фонарный
Угол
Нарния
замок
Мираза
Кэйр-Паравел
Восточный
океан
N
Анвард
Арченланд
Острова
Калормен

Посвящается Мэри Клер Хавард

Глава 1
Остров

Жили-были четверо ребят; звали их Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси. В книжке под названием «Лев, Ведьмарка и Зеркальный Гардероб» повествуется о том, какое замечательное приключение им довелось пережить: они забрались в гардероб — и очутились в другом мире, лишь отчасти похожим на наш; и в том мире они стали королями и королевами страны, что зовется Нарнией. Их правление длилось много лет, но когда они вернулись из Нарнии в наш мир, им показалось, будто в Англии не прошло и минуты: никто словно и не заметил, что ребята куда-то исчезали. О своем путешествии и своих приключениях они не рассказывали никому — кроме одного-единственного человека, тоже побывавшего в Нарнии, а именно — старого профессора Керка.

С возвращения домой прошел год. И однажды все четверо собрались на маленькой сонной железнодорожной станции и в ожидании поезда уселись на скамейку, сложив на перроне сумки и баулы. Вскоре им предстояло расстаться: ближайший поезд заберет девочек (Люси наконец-то догнала старших и тоже теперь училась в школе), а через полчаса подойдет другой и заберет мальчиков. Дорога до станции, когда все еще были вместе, казалась продолжением каникул, но она завершилась, и каникулы закончились, и школа, совсем недавно такая далекая, как-то незаметно приблизилась

© Д. Афиногенов, перевод, 2000

почти вплотную, и расставания было не избежать. Вот почему ребята сидели понурясь и ни у кого не находилось слов.

Внезапно Люси вскрикнула, будто ее ужалила оса.

— Что стряслось, Лу? — спросил Эдмунд. Вдруг глаза у него полезли на лоб и он тихонько охнул.

— Какого... — обозлился Питер. — Сьюзен, отпусти! Куда ты меня тащишь?

— Это не я, — пролепетала Сьюзен. — Меня тоже кто-то тянет... Эй, хватит, слышите?

Ребята переглянулись. Лица у всех были белые как мел.

— И меня, — прошептал Эдмунд. — Мерзкое ощущеньице... Ой, опять началось!

— Мамочки! — пискнула Люси. — Мне страшно!

— Не хнычь! — прикрикнул на нее Эдмунд. — Хватайтесь за руки, живее! Это магия, честное слово!

— Эдмунд прав, — проговорила Сьюзен. — Беритесь за руки. Скорее бы... Ай!

В следующее мгновение багаж, скамейка и перрон словно растворились в воздухе. Ребята оказались в густом лесу: повсюду деревья, куда ни повернись — если, конечно, удастся повернуться в этакой тесноте. Все четверо принялись тереть глаза, будто это могло помочь.

— Я знаю! — закричала Люси. — Мы снова в Нарнии! Правда, Питер?

— Мы можем быть где угодно, — отозвался Питер. — Из-за этих деревьев ни шиша не видно. Давайте отсюда выбираться.

С великим трудом, исцарапанные ветвями, исколотые иголками, они выбрались из чащобы — и, пройдя несколько шагов, очутились на песчаном косогоре. Внизу раскинулось море; по воде изредка пробегала легкая рябь, волны накатывались на берег почти беззвучно. Не считая земли под ногами, суши нигде не было видно. С безоблачного неба ярко светило солнце (стоявшее приблизительно на десяти часах утра), и море сверкало и переливалось в солнечных лучах.

— Клянусь Юпитером! — вскричал Питер, вдыхая аромат моря. — Вот здорово!

Пять минут спустя все четверо сбежали по косогору, разулись и зашлепали по мелководью.

— Да, это вам не в душном поезде сидеть, не латынь с французским зубрить! — Эдмунд ухмыльнулся.

Потом стало не до разговоров — все были слишком заняты: бегали вдоль берега, брызгали друг на друга прохладной морской водой, искали креветок и крабов. Но когда притомились, сразу же заговорили о том, как быть дальше.

— По-моему, надо изучить окрестности,— сказала Сьюзен.— Мы же наверняка скоро кушать захотим...

— У нас есть сандвичи, которые мама сделала в дорогу,— напомнил Эдмунд.— Во всяком случае, я свои еще не слопал.

— А мои остались в сумке,— пожаловалась Люси.

— Заодно с моими,— откликнулась Сьюзен.

— Мои сандвичи в кармане куртки,— сказал Питер.— Вон она, на песке. Что у нас получается — два завтрака на четверых? Голодновато будет, а?

— Мне есть не хочется,— сказала Люси,— а вот попить я бы попила.

Тут и остальные почувствовали жажду, что не удивительно — ведь они столько плескались под солнцем в соленой воде.

— Мы все равно что кораблекрушение потерпели,— хмыкнул Эдмунд.— В книжках всегда находится поблизости родник с холодной и вкусной водой. Пойдем поищем?

— Нам что, снова придется лезть в эти дебри? — с испугом спросила Сьюзен.

— Вовсе нет,— ответил Питер.— Пойдем вдоль берега. Если тут есть ручьи, они непременно стекают к морю.

Прошлепали по воде, по сырому, приглаженному прибоем песку, оставляя на нем глубокие следы; выбрались на сухой, нагретый солнцем песок, который лип к ногам, и принялись обуваться. Эдмунд с Люси хотели было идти босыми, бросив обувь там, где она лежала, но Сьюзен воспротивилась.

— Не глупите,— строго сказала старшая сестра.— А если мы заблудимся, что тогда? Так и будете без обувки шастать?

Спорить не стали. Когда все обулись, Питер повел остальных вдоль берега; море оставалось слева, а по правую руку лежал лес — такой густой, что за деревьями на опушке ничего было не разглядеть. Над головами изредка пролетали чайки, другие птицы не показывались, хотя в лесу их наверняка водилось множество.

Ракушки, водоросли, анемоны, крошечные крабики в лужицах морской воды на камнях — все это очень интересно, но когда хочется пить, а вместо родника натыкаешься только на

те же самые ракушки, от них мало-помалу начинаешь уставать. Ногам в башмаках было неуютно и жарко. Вдобавок Сьюзен с Люси несли в руках свои плащи. Мальчикам было попроще: Эдмунд оставил свою куртку на скамейке, так что она исчезла вместе со скамейкой и железнодорожной станцией; теперь они с Питером по очереди несли длинный плащ Питера.

Постепенно берег стал забирать вправо. Четверть часа спустя перебрались через скалистый гребень, что оканчивался мысом, и тут берег резко повернул направо. Ребята остановились; то место, где они выбрались из леса, лежало у них за спиной, а впереди — впереди, отделенный протокой, виднелся другой лес, не менее густой.

— Это остров? — спросила Люси.— Или туда можно перебраться?

— Понятия не имею,— отозвался Питер.

Дальше шли в молчании. Берега неторопливо сближались, и стало даже казаться, что они непременно должны где-нибудь да сойтись. Однако надеждам не суждено было сбыться. Ребята взобрались на очередную скалу, с вершины которой открывался вид на много миль окрест, и...

— Вот незадача! — воскликнул Эдмунд.— Влипли по уши! Мы на острове, и нам с него не выбраться!

Он не преувеличивал. Ширина протоки, разделявшей два берега, составляла на глаз ярдов тридцать-сорок в самом узком месте; а дальше *их* берег вновь сворачивал вправо, и протока плавно расширялась. Итак, они на острове! И остров этот, похоже, не слишком велик — они уже успели наполовину его обойти.

— Смотрите! — Люси ткнула пальцем.— Что там такое?

По песку бежала, извиваясь как змея, длинная серебристая лента.

— Речка! Речка! — И ребята, мигом забыв об усталости, бросились вниз. Вскоре они спустились на берег; теперь следовало отыскать родник, из которого речка брала начало,— ведь у истока вода намного вкуснее. Густой лес встал стеной, но оказалось, что речка прорыла себе довольно глубокую канаву, вдоль которой, согнувшись в три погибели, можно было пробраться в глубь леса. Нет, до родника еще далеко; впрочем, и здесь вода наверняка слаще, чем на берегу. Ребята опустились на колени и принялись пить, а когда утолили жажду — умылись и смочили руки до локтей.

— Может, по сандвичу? — предложил Эдмунд.

— Оставим их про запас,— возразила Сьюзен.— Другой еды у нас нет.

— Мы очень хотели пить и совсем не хотели есть,— проговорила Люси.— А теперь, когда мы напились, неужели нам захочется есть?

— Я потому и предлагаю умять сандвичи,— объяснил Эдмунд.— Иначе они испортятся. Тут куда жарче, чем у нас в Англии, а сандвичи лежат в карманах...

На сей раз Сьюзен возражать не стала. Достали два пакета, поделили сандвичи на четверых; всем досталось понемногу, никто не наелся, но это все же было лучше, чем ничего. Подзакусив, стали обсуждать, что делать дальше. Люси убеждала вернуться к морю и наловить на обед креветок; но сети не было, а ловить креветок голыми руками, мягко говоря, трудновато. Эдмунд заявил, что проще всего набрать чаячьих яиц и поджарить их на костре; однако если по дороге и попадались птичьи гнезда, ни один этого не помнил, да и поджарить яйца ребята вряд ли сумели бы. Питеру подумалось, что к вечеру они, не поморщившись, проглотят сырое яйцо (коли им повезет найти гнездо), но вслух он этого, разумеется, говорить не стал. А Сьюзен проворчала, что она, мол, предупреждала: оставьте сандвичи про запас. Тут было вспыхнула ссора, но ее быстро удалось погасить.

— Нам остается лишь одно — пошарить в лесу,— подытожил Эдмунд.— В книжках всякие отшельники и странствующие рыцари легко находят себе в лесу пропитание — ну, коренья разные, ягоды, грибы...

— Какие коренья? — с подозрением осведомилась Сьюзен.

— Я всегда думала, что они ели корни деревьев,— вставила Люси.

— Ладно,— Питер махнул рукой.— Мы должны что-то предпринять. И уж лучше пробираться по лесу, чем бродить по солнцепеку.

Ребята поднялись и двинулись вверх по течению. Какие только препятствия им не встречались: низко нависшие сучья, поваленные стволы, заросли колючего кустарника; шипы и колючки раздирали одежду, ноги то и дело оказывались в воде и скоро промокли насквозь. В лесу было удивительно тихо; эту тишину нарушали разве что журчание ручья да

пыхтение, сопение и ойканье юных «лесопроходцев». Все отчаянно устали; и в тот самый миг, когда колени уже готовы были подогнуться, по лесу вдруг разлился чудесный аромат, а в зелени на правом берегу заалели округлые плоды.

— Ура! — закричала Люси. — Это яблоня! Самая настоящая!

Так оно и оказалось. Ребята взобрались по крутому склону, продрались сквозь заросли очередного кустарника — и очутились перед высокой, раскидистой яблоней, ветви которой гнулись под тяжестью золотисто-алых яблок, на вид невероятно спелых и сочных.

— Она тут не одна, — выговорил Эдмунд, вгрызаясь в яблоко. — Вон еще. И еще.

— Да тут целый сад! — Сьюзен кинула наземь огрызок первого яблока и взялась за второе. — Наверное, его посадили давным-давно, а потом забросили, вот он и зарос.

— Значит, на этом острове кто-то когда-то жил, — задумчиво произнес Питер.

— А это что? — Люси указала вперед.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул Питер. — Это же стена! Каменная стена!

Раздвигая руками ветки яблонь, опускавшиеся почти до земли, ребята пробрались к стене. Каменная кладка обветшала, кое-где зияли пустоты, из щелей между замшелыми камнями торчали стебельки желтофиоли, однако стена по-прежнему оставалась могучей преградой и уступала высотой разве что самым высоким деревьям в лесу. Еще в стене виднелся огромный сводчатый проем — должно быть, некогда в нем стояли ворота, но теперь в этом проеме росла громадная яблоня, едва ли не упиравшаяся ветвями в камни свода. Чтобы пролезть внутрь, пришлось сломать несколько веток; внезапно в глаза ударил солнечный свет, столь яркий, что ребята даже зажмурились. За воротами находился большой, просторный двор, со всех сторон окруженный стеной. На дворе деревья уже не росли — только трава, маргаритки да плющ на камнях. Было в этом месте что-то загадочное, витал над ним призрак некой тайны — грустной, печальной тайны. Но ребята не думали ни о каких тайнах: они просто были рады очутиться на открытом месте и наконец-то выпрямиться.

Глава 2
Сокровищница

— Знаете что? — сказала вдруг Сьюзен. — По-моему, мы во дворе разрушенного замка.

— Согласен, — отозвался Питер. — Вон там стояла главная башня. А вон остатки лестницы, что вела на стену. Видите? А другие ступени — те, что пошире — вели, судя по всему, ко входу в парадную залу...

— Сдается мне, этот ваш замок разрушили давным-давно, — проговорил Эдмунд.

— Угу, — Питер огляделся. — Было бы неплохо узнать, насколько давно, и кто здесь жил.

— Что-то мне не по себе, — Люси поежилась.

— Правда? — Питер пристально посмотрел на сестру. — Признаться, мне тоже. Странное местечко, очень странное, да и вообще денек выдался — нарочно не придумаешь. Где же мы, и что все это означает?

Переговариваясь, они пересекли двор, миновали арку и очутились в бывшей парадной зале. Потолка не было и в помине, все вокруг поросло травой, разве что трава эта была короче той, что на дворе. В дальнем конце залы, у полуразрушенной стены, виднелось нечто вроде помоста, футов трех высотой.

— Если мы в парадной зале, то что это за помост? — спросила Сьюзен.

— Глупышка! — воскликнул Питер. В его голосе слышалось плохо скрываемое возбуждение. — Какая ты недогадливая! Это же помост для Большого Стола, за которым восседает король со своими вельможами! Можно подумать, ты напрочь забыла, что мы и сами сиживали за таким столом.

— В нашем замке Кэйр-Паравел, — мечтательно подхватила Сьюзен, — в устье великой реки... И как я могла забыть?!

— Я тоже забыла, — прошептала Люси. — Поверить не могу! Но теперь все возвращается... А давайте притворимся, будто мы снова в Кэйр-Паравеле! Эта зала так похожа на нашу.

— Только еды здесь не дождешься, — усмехнулся Эдмунд. — А дело-то, между прочим, к вечеру — вон тени как удлинились. И уже совсем не жарко.

— Если мы проведем тут ночь, надо развести костер,— Питер пошарил в карманах.— Спички у меня есть, осталось дровишек набрать.

Никто с ним не спорил. Однако отыскать дрова оказалось не так-то просто. В том лесу, из которого ребята вышли к крепостной стене, ничего подходящего не нашлось. Тогда решили попытать счастья с другой стороны: пробрались сквозь лабиринт извилистых коридоров, обходя завалы и заросли колючего кустарника, и через огромную дыру в стене попали в иной лес, темный, даже мрачный, с высокими, могучими деревьями. В этом лесу отыскались и сухие ветки, и гнилушки, и шишки, и палая листва. Пришлось совершить несколько ходок, прежде чем на помосте в парадной зале выросла куча хвороста; на последней ходке случайно наткнулись среди травы на колодец, глубокий и полный чистой студеной воды. От колодца вела к замку дорожка, мощенная камнем. Когда покончили с дровами, девочки отправились за яблоками, а мальчики тем временем принялись разводить костер в уголке на стыке стен — из тех соображений, что там будет уютнее и теплее всего. Пламя никак не желало заниматься, Питер извел добрый десяток спичек, но в конечном счете все же добился своего. Девочки уже успели вернуться, и все четверо сели у костра, лицом к огню. Попробовали запечь яблоки, насадив их на палки. Но печеные яблоки без сахара не очень-то вкусны; вдобавок горячими они обжигают пальцы, а холодные — можно сказать, что и в рот не лезут. В общем, довольствовались «сырыми» яблоками. Эдмунд заявил, что сейчас и школьный завтрак показался бы ему изысканным лакомством. «А уж про хлеб с маслом и говорить нечего»,— прибавил он. Впрочем, в школу никого, естественно, не тянуло; какая школа, когда такие чудеса творятся?!

Доев яблоко, Сьюзен пошла к колодцу за водой. Вернулась она быстро, вся бледная, словно кто-то напугал ее до полусмерти.

— Смотрите, что я нашла! — Она протянула свою находку Питеру и села. Губы ее дрожали, будто она вот-вот готова была заплакать.

Эдмунд и Люси подались вперед, разглядывая то, что лежало у Питера на ладони,— крошечную вещицу, отливавшую золотом в пламени костра.

— Провалиться мне на этом месте! — пробормотал Питер, покачал головой и протянул вещицу брату с сестрой.

Это оказался конь — шахматная фигурка обычной величины, только очень тяжелая — и не удивительно: ведь она была из чистого золота. В глазницы коня были когда-то вделаны два рубина; один сохранился, а вот на месте второго зияла дырка.

— У нас в Кэйр-Паравеле были такие же шахматы, — проговорила Люси.

Питер повернулся к Сьюзен.

— Выше нос, Сью, — подбодрил он.

— Не могу, — призналась девочка. — Сразу столько воспоминаний нахлынуло... Как я играла в шахматы с фавнами, с великанами, с морским народом... Какой у меня был замечательный конь, какие...

— Слушайте, — Питер внезапно будто охрип, — не пора ли нам пошевелить мозгами?

— Ты о чем? — удивился Эдмунд.

— Вы еще не сообразили, где мы?

— Нет, — ответила Люси. — А ты догадался? Тогда скажи нам, пожалуйста. Я была уверена, что тут какая-то тайна...

— Выкладывай, Питер, — присоединился Эдмунд. — Ну, не тяни.

— Мы с вами сидим в развалинах Кэйр-Паравела, — тихо сказал Питер.

— Ерунда! — воскликнул Эдмунд. — С чего ты взял? Этим развалинам лет двести, а то и больше. Ты на деревья посмотри — вон какие громадины! А сам знаешь, сколько деревья растут.

— Знаю, — согласился Питер. — Потому и сам себе не слишком верю. Ну да ладно, давайте прикинем. Во-первых, эта зала — той же формы и величины, что и зала Кэйр-Паравела. Добавить крышу, выложить пол плитами, повесить на стены шпалеры — и вот вам наша зала.

Все внимательно слушали.

— Во-вторых, — продолжал Питер, — колодец расположен там, где находился *наш* колодец, — чуть к югу от залы. Помните?

Ответом было молчание.

— В-третьих, Сьюзен нашла одну из наших шахматных фигурок — во всяком случае, эта фигурка похожа на наши как две капли воды.

Никто не возразил.

— В-четвертых, вы разве не помните? В тот самый день, накануне прибытия калорменских послов, мы сажали деревья за северными воротами Кэйр-Паравела. И владычица лесного народа Помона дала нам свое благословение. Копали-то, конечно, не мы, а эти забавные кроты. Неужто вы не помните старого Лилейника, главного из кротов? Не помните, как он оперся на лопату и сказал: «Помяните мое словцо, ваши величества, вам еще доведется посидеть в теньке под этими деревами»? Клянусь Юпитером, он был прав!

— Вспомнила! Я вспомнила! — обрадовалась Люси и захлопала в ладоши.

— Чушь! — буркнул Эдмунд, — Питер, ты несешь околесицу. С чего нам было сажать деревья у самых ворот? По-твоему, мы спятили?

— Вовсе нет, — отозвался Питер с улыбкой. — У ворот мы деревья не сажали — они сами выросли.

— Ладно. Тогда скажи, с каких это пор Кэйр-Паравел стоит на острове?

— Вообще-то он стоял на полуострове. А где полуостров, там и остров, верно? За столько лет могло произойти что угодно. Кто-нибудь взял да прокопал канал.

— Эй, погоди! — Эдмунд прищурился. — Что значит «за столько лет»? Мы покинули Нарнию всего год назад. По-твоему выходит, что за какой-то год замок разрушился, кругом поднялся лес, а наши саженцы разрослись в громадный сад? Чушь собачья, братец!

— Можно проверить, — предложила Люси. — В Кэйр-Паравеле за помостом была маленькая дверца в стене. Та, что вела в сокровищницу. Если я правильно помню, она должна быть у нас за спиной...

— Думаю, мы ее не найдем, — проговорил Питер, вставая.

Стена, у которой они сидели, столь густо заросла плющом, что не было видно не то что дверцы — ни единого камешка.

— Скоро узнаем, — Эдмунд схватил сухую ветку и принялся колотить по стене. С глухим стуком палка ударялась о камень. И вдруг послышалось гулкое «бум!».

Эдмунд от изумления чуть не выронил ветку.

— Надо убрать плющ, — сказал Питер.

— Может, не сейчас? — робко справилась Сьюзен. — Давайте подождем до утра. Что-то мне не хочется ночевать у

открытой двери, из которой того и гляди вылезет какое-нибудь чудище. Да и сыростью наверняка потянет, и холодом... Темно-то как, посмотрите!

— Нельзя быть такой трусишкой, Сьюзен, — укорила Люси.

Мальчики, впрочем, не обратили на слова Сьюзен ни малейшего внимания. Им так не терпелось добраться до двери, что они принялись было отдирать плющ руками. Потом спохватились, Питер достал свой нож, и дело пошло быстрее. Крак! — нож Питера сломался. Недолго думая, Эдмунд вынул свой. Отрезанные побеги плюща складывали возле костра.

Наконец дверь расчистили.

— Заперта, — пробормотал Питер, дернув за ручку.

— Дерево сгнило, — заметил Эдмунд. — Разломаем в два счета. Заодно дровишек прибавится. Ну, взяли!

Однако древесина оказалась не слишком податливой, и когда мальчики закончили, в зале сгустился мрак, а на небе уже появились первые звезды. Люси окинула взглядом братьев, которые, стоя перед дырой в стене, стирали с рук грязь, — и виновато посмотрела на Сьюзен: мол, извини, что-то мне тоже страшновато стало.

— Нужен факел, — сказал Питер.

— Ну, послушайте же! — воскликнула Сьюзен. — Эдмунд, ты сам говорил...

— Мало ли что я говорю, — буркнул Эдмунд. — Язык-то без костей. Ну что, Пит, вниз?

— Угу. Сьюзен, — позвал Питер, — мы в Нарнии, в стране, которой когда-то правили. Хватит вести себя, как дети. И потом, ну кто заснет, когда кругом столько загадок?

Попытались сделать факелы из длинных веток, но из этой затеи ничего не вышло. Стоило поднять ветку зажженным концом вверх, как она тут же гасла, а если держать ее наоборот — обжигала пальцы и дымила в глаза. Поэтому решили воспользоваться фонариком, подаренным Эдмунду на день рождения: он таскал его с собой повсюду, но батарейка еще не села, — ведь день рождения отмечали всего неделю назад. Эдмунд включил фонарик и шагнул в темноту. За ним последовали Люси и Сьюзен. Питер шел последним.

— Ступеньки! — крикнул Эдмунд из темноты.

— Пересчитай, — откликнулся Питер.

— Одна, две, три... — начал считать Эдмунд. — Шестнадцать! — донесся его возглас чуть погодя.

— Значит, мы и впрямь в Кэйр-Паравеле, — проговорила Люси. — Там было как раз шестнадцать ступенек.

Сьюзен не проронила ни слова. Когда все собрались у подножия лестницы, Эдмунд медленно повел фонарем вокруг.

— О! — вырвалось у всех четверых.

Им хватило одного взгляда, чтобы понять: они и вправду находятся в сокровищнице Кэйр-Паравела — своего королевского замка. Прямо перед ними лежала дорожка или тропинка (вроде тех, какие бывают в оранжереях), а по обе стороны этой дорожки возвышались рыцарские доспехи — в полный рост, точно часовые, охранявшие полки с несметными сокровищами: там были ожерелья, браслеты, кольца, чаши и кубки, слоновьи бивни, броши, диадемы, золотые цепи и драгоценные камни, громоздившиеся кучами, будто картофель, — алмазы, рубины, карбункулы, изумруды, топазы, аметисты. Под полками стояли громадные дубовые сундуки, обитые железом и закрытые на огромные замки. В сокровищнице было жутко холодно и так тихо, что собственное дыхание отдавалось громом в ушах. Все покрывал толстый слой пыли; когда бы ребята не вспомнили, что здесь хранилось, они ни за что не догадались бы, что попали в королевскую сокровищницу. Внезапно им стало грустно и немножко страшно — подземелье выглядело таким потерянным, что ли, таким заброшенным... Вот почему некоторое время никто не отваживался заговорить.

Наконец стряхнули с себя оцепенение и принялись расхаживать по подземелью, подбирая то одну вещицу, то другую. И каждый испытывал радость узнавания, словно встретил добрых друзей после долгой разлуки. «Посмотрите! Эти кольца мы надевали на коронацию». — «Помнишь, когда я впервые это надела?» — «Ба, а мы думали, что эта брошка потерялась!» — «Смотри, вон доспех, в котором ты сражался на турнире на Одиноких островах!» — «Это для меня выковали гномы!» — «Из этого рога мы вместе пили!» — «А помнишь?..» — «А помнишь?..»

— Эй! — окликнул брата и сестер Эдмунд. — Хватит батарейку сажать! Она нам наверняка еще пригодится. Берем что нам нужно и уходим отсюда.

— А что нам нужно? — спросил сам себя Питер. — Наши подарки, конечно, — он разумел те дары, которые они с Люси

и Сьюзен получили на Рождество и которые ценили превыше самого королевства. (Эдмунд остался обделенным — потому что в ту пору он был не с ними, а против них. Как это случилось, вы можете узнать из другой книги.)

Все согласились с Питером и направились по дорожке в глубь сокровищницы. Там на полке у дальней стены и лежали подарки. Люси схватила свой — крошечный флакончик, вырезанный из цельного алмаза и заполненный до половины магическим снадобьем, способным исцелить любую рану и прогнать любую хворь. Не говоря ни слова, она повесила флакончик себе на шею и с радостью ощутила знакомую тяжесть. Сьюзен взяла свой подарок — тугой лук и колчан из слоновой кости со множеством оперенных стрел. Прежде чем она успела что-либо сказать, Люси воскликнула:

— Сьюзен! А где же рог? — Кроме лука и стрел Сьюзен подарили еще большой рог.

— Не знаю, — призналась Сьюзен. — Вот беда... Помню, я взяла его на охоту в наш последний день в Нарнии, когда мы все охотились на Белого Оленя. Наверное, он потерялся, когда мы перенеслись обратно — ну, в Англию.

Эдмунд присвистнул. Потеря и в самом деле была невосполнима: в этот рог трубили, призывая подмогу, и не было случая, чтобы подмога не подоспела вовремя.

— Жаль, — проговорил мальчик. — Эта штуковина нам пригодилась бы.

— Что поделаешь? — откликнулась Сьюзен. — Хорошо хоть, лук при мне.

— Тетива в порядке, Сью? — спросил Питер.

Как ни удивительно, тетива ничуть не пострадала от времени (должно быть, ее защищала некая магия). Надо сказать, лук находился в надежных руках — Сьюзен сызмальства отлично стреляла (а еще — плавала как рыба). Девочка согнула луг и натянула тетиву, а потом резко отпустила. Тетива треньк-нула, по подземелью разбежалось эхо. И этот звук мгновенно напомнил обо всем, что ныне осталось в прошлом, — о сражениях, об охотах и о пирах.

Сьюзен закинула лук за спину и повесила колчан на плечо.

Последним свой подарок взял Питер. Ему принадлежал щит с изображением большого красного льва и длинный меч в ножнах. Стряхнув с оружия пыль, Питер надел щит на руку, потом застегнул на талии пояс — и обнажил меч, проверяя, не

заржавел ли тот и легко ли выходит из ножен. К счастью, опасения оказались напрасными — меч ослепительно сверкнул в свете фонаря.

— Мой Риндон,— проговорил Питер,— мой верный клинок! Им я сразил гнусного оборотня! — В его голосе вдруг зазвучали иные нотки: он на глазах становился самим собой — верховным королем Питером.

Внезапно все вспомнили просьбу Эдмунда поберечь батарейку и двинулись обратно. Поднялись по ступенькам, подбросили в костер хвороста и легли поближе друг к другу, чтобы не замерзнуть. Конечно, земля — не то что привычная постель, но вскоре все четверо крепко заснули.

Глава 3
Гном

Когда спишь на свежем воздухе, просыпаешься ужасно рано. А проснувшись, волей-неволей сразу вскакиваешь: ведь земля — не перина, на ней не понежишься. Вдобавок на завтрак — ничего, кроме яблок, да и на ужин накануне вечером тоже были только яблоки. Так что восторгов Люси по поводу чудесного утра никто не разделял. Сьюзен и Питер промолчали, а Эдмунд буркнул: «Надо поскорее сматываться отсюда».

Умывшись водой из колодца и утолив жажду, отправились на берег и стали прикидывать, как бы покинуть остров.

— Придется плыть,— заявил Эдмунд.

— Сью, конечно, доплывет,— отозвался Питер (в школе Сьюзен не раз получала призы на соревнованиях по плаванию),— а вот как насчет остальных? — Под «остальными» он разумел прежде всего Эдмунда, который не мог даже проплыть от стенки до стенки в школьном бассейне, и Люси, которая и вовсе не умела плавать.

— И потом,— вступила в разговор Сьюзен,— вдруг тут полным-полно водоворотов? Мы же не знаем... Как говорит папа: «Не зная броду, не суйся в воду».

— Питер, послушай,— возбужденно заговорила Люси.— Дома я и вправду плавать не умела. Но в Нарнии мы же плавали, все вместе, помнишь? И не только плавали, но и верхом ездили, и все такое. Может быть...

— Мы были взрослыми,— напомнил Питер.— Мы правили долгие годы, за которые много чему научились. А теперь мы снова дети...

— Ой! — воскликнул Эдмунд. — Я понял!

— Что понял? — переспросил Питер.

— Все! — гордо заявил Эдмунд. — Вчера вечером мы все гадали, как такое могло случиться, что мы повзрослели всего на год, а Кэйр-Паравел выглядит так, будто разрушился сотни лет назад. Кажется, я догадываюсь. Помните, когда мы вернулись из Нарнии, мы еще удивлялись, что дома и пяти минут не прошло?

— Помним, — подтвердила Сьюзен. — По-моему, я улавливаю, к чему ты клонишь.

— Короче говоря, — продолжал Эдмунд, — наше время не совпадает с нарнианским. У нас прошел всего год, а в Нарнии минули сотни лет. Вот где собака зарыта!

— Клянусь Юпитером, ты прав, Эд! — вскричал Питер. — Молодец! Значит, мы и впрямь жили в Кэйр-Паравеле сотни лет назад. И теперь мы в Нарнии все равно что крестоносцы, или саксы, или бретонцы в современной Англии!

— Как нам обрадуются... — начала было Люси, но вынуждена была замолчать, потому что в этот миг все вдруг зашипели, призывая друг друга к молчанию.

Из-за лесистого мыска на противоположном берегу (ребята были уверены, что за этим мысом находится устье реки) — показалась лодка. Обогнув мыс, она повернула и двинулась к острову. В лодке сидели двое, бородатые, оба в шлемах и кольчугах — должно быть, солдаты. Один греб, второй, сидевший на корме, держал какой-то узелок, извивавшийся, будто живой.

Ребята поспешили укрыться в лесу, затаились и стали ждать, что будет дальше.

— Хватит, — крикнул солдат на корме, когда лодка приблизилась к острову.

— Может, камень ему к ногам привязать? — спросил второй.

— Обойдется! — прорычал первый. — Да и где ты возьмешь камень — кругом вода. Раньше надо было думать. Ничего, и так утонет, коли мы его как следует свяжем. — Он встал и поднял узелок. На самом деле то был никакой не узелок, а самый настоящий гном, крепко связанный и отчаянно пытавшийся вырваться.

Над ухом Питера тренькнула тетива. Солдат выронил гнома, всплеснул руками — и рухнул за борт. Пущенная Сьюзен

стрела угодила ему в шлем. Вот он вынырнул, побарахтался немного и поплыл к дальнему берегу. Питер повернулся к сестре: Сьюзен, бледная как мел, накладывала на тетиву вторую стрелу. Впрочем, еще одного выстрела не понадобилось. Когда его товарищ упал за борт, первый солдат вскочил с громким криком и сам прыгнул в воду, добрался до берега (судя по всему, там была отмель), припустил без оглядки и скрылся за деревьями.

— Скорее, а то ее унесет течением! — Питер и Сьюзен, не раздеваясь, бросились в воду. Прежде чем вода дошла им до плеч, они уже добрались до лодки и потянули ее к берегу. Гнома положили на песок. Эдмунд принялся разрезать веревки своим ножом. (Конечно, меч Питера был куда острее, но мечом веревки резать неудобно — слишком уж он длинный.) Наконец перерезали последнюю веревку. Гном сел, потер запястья, огляделся и воскликнул:

— Ха! Что бы там ни болтали, вы точно не призраки!

Коренастый и широкоплечий, как все гномы, был он футов трех ростом. Густая рыжая борода и пышные усы скрывали его лицо, виднелись только острый, похожий на клюв нос да черные глубоко посаженные глаза.

— Призраки вы или нет,— продолжал гном,— вы спасли мне жизнь, и за то я вам премного обязан.

— А почему мы должны быть призраками? — удивилась Люси.

— Всю мою жизнь,— торжественно заявил гном,— мне твердили, что в этих лесах призраков больше, чем деревьев. Ну, как тут не поверить, когда все вокруг верят? И потому тех, от кого хотят избавиться, обычно привозят сюда и, как принято говорить, отдают призракам. Меня тоже, как понимаете, отдали призракам. Сам я, честно говоря, думал, что изгоев вроде меня просто топят или режут им глотки. Но те трусы, которых вы подстрелили, они-то в призраков еще как верили! И в лодку-то садиться боялись, не то что плыть!

— Вот почему они удрали,— проговорила Сьюзен.

— Чего? — не понял гном.— Кто удрал?

— Солдаты,— отозвался Эдмунд.— На берег выбрались да как дунут!

— Я не хотела никого убивать,— пояснила Сьюзен, чтобы гном не решил, будто она промахнулась с такого расстояния.

— Гм.:.— Гном поморщился.— Упустили, значит? Жаль, жаль; а ну, как аукнется потом? Распустят языки-то, и заявится сюда целое войско...

— За что тебя хотели утопить? — спросил Питер.

— О! — Гном подбоченился.— Я — очень опасный преступник! Ежели любопытно, могу рассказать, что да как, но история эта долгая, не мешало бы для начала подзакусить. Что-то аппетит разыгрался, после казни-то.

— У нас только яблоки,— призналась Люси.

— Тоже сойдет,— откликнулся гном,— хотя, конечно, свежая рыбка повкуснее будет. Видно, придется мне вас на завтрак пригласить. В лодке вроде удочка была. Ну, плывем? Все равно нужно лодку на другую сторону увести, чтоб нас не заметили с того берега.

— И как я сам не сообразил! — Питер хлопнул себя ладонью по лбу.

Впятером оттолкнули лодку от берега и по одному забрались в нее. Гном сразу принялся командовать. Питера он усадил на весла, а сам сел за руль. Лодка двинулась на север, потом повернула на восток, огибая остров. Показалось устье реки и речная долина, окаймленная холмами. Ребятам чудилось, будто они узнают знакомые места, однако в прежние времена — в ту пору, когда они правили Нарнией — поблизости от Кэйр-Паравела никакого леса не было.

Когда вышли в открытое море, к востоку от острова, гном велел Питеру табанить и забросил удочку. Клевать начало сразу, и вскоре на дне лодки выросла горка радужных рыбешек, тех самых, что когда-то частенько подавали к столу в Кэйр-Паравеле. Лодку подвели к берегу и привязали к дереву. Гном, оказавшийся мастером на все руки (что не удивительно — попадаются, конечно, дурные гномы, но глупцов и неумех даже среди них не встретишь), быстро почистил улов и заметил, что теперь не мешало бы развести костерок.

— В замке есть хворост,— сообщил Эдмунд.

— Борода моя торчком! — вскричал гном.— Так тут и вправду замок имеется?

— От него одни развалины остались,— со вздохом проговорила Люси.

Гном, прищурясь, оглядел своих спасителей.

— Да кто вы...— Он прервал сам себя.— Ладно, пока оставим. Сначала завтрак. Хотя... Поклянитесь, что вы и впрямь

живые люди, а не призраки. Или я все-таки утонул и попал на тот свет?

Ребята дружно уверили его, что они живые, живее не бывает, и что он вовсе не утонул. Успокоенный гном вновь принялся распоряжаться. Он велел Эдмунду снять шляпу и положить в нее рыбу, поскольку ни корзины, ни прутьев, па которые можно было бы нанизать улов, под рукой не оказалось. Эдмунд поупирался, но недолго: уж очень хотелось кушать.

В развалинах замка к гному вновь вернулись его страхи. Он непрерывно озирался, принюхивался и бормотал себе под нос: «Гм... Гм... Ну и жуткое местечко... И призраками попахивает...» Но когда развели костер, он приободрился и стал показывать, как жарить рыбу. Разумеется, есть горячую рыбу без вилок, с одним ножом на пятерых, не очень-то удобно; то и дело слышалось ойканье и кто-нибудь принимался дуть на обожженные пальцы. Однако рыба была настолько вкусной (да еще ведь завтракали, изрядно проголодавшись,— встали-то в пять, а сейчас уже было девять), что неудобствами с радостью препебрегли. Запили завтрак водой из колодца, съели по яблоку на закуску; гном достал из кармана трубку длиной с его руку, набил ее, раскурил и выпустил огромный клуб пахучего дыма.

— Ну,— изрек он,— рассказывайте.

— Ты первый,— возразил Питер.

Гном поразмыслил.

— Что ж, будь по-вашему. Вы спасли мне жизнь, и я у вас в долгу. Вот только с чего начать? Допустим, так: я — посол короля Каспиана.

— Кого? — хором переспросили ребята.

— Каспиана Десятого, короля Нарнии, да продлится его правление! — ответил гном.— По правде сказать, он еще не король, но непременно им станет. Мы все этого хотим. Пока же он правит лишь старыми нарнианцами...

— Кем-кем? — удивилась Люси.

— Нами,— пояснил гном.— Мы, изволите ли видеть, бунтовщики.

— Понятно,— проговорил Питер.— А Каспиан — главный бунтовщик?

— Можно и так сказать,— согласился гном.— Вообще-то он из новых. Ну, из тельмаринцев.

— А это кто такие? — спросил Эдмунд.

— Я совсем запуталась, — пожаловалась Люси. — Прямо как войны Алой и Белой розы.

— О небеса! — воскликнул гном. — Никудышный из меня рассказчик. Давайте сделаем так: я начну с самого начала и поведаю вам, кто такой Каспиан и как он оказался на нашей стороне. Идет? Но это очень-очень длинная история.

— Тем лучше, — сказала Люси. — Мы обожаем длинные истории.

Гном уселся поудобнее и пустился рассказывать. Не стану излагать эту повесть его словами: он нередко сбивался, путался, да и ребята то и дело перебивали его и забрасывали вопросами. Вдобавок всего он поведать не мог, поскольку и сам кое-чего не знал, а потому — изложим историю Каспиана по-своему и как можно полнее.

Глава 4
История Каспиана: начало

Королевич Каспиан жил в высоком замке, стоявшем посреди Нарнии, вместе со своим дядей, королем Миразом, и рыжеволосой тетушкой Прунапризмией. Родители Каспиана умерли, когда он был совсем маленьким; и маму, и отца заменила ему нянюшка, и больше всего на свете он радовался наступлению вечера — ибо вечером слуги убирали игрушки (чудесные игрушки, почти живые — разве что говорить они не умели), и нянюшка принималась рассказывать сказки.

Ни дядя, ни тетушка воспитанием королевича не занимались, однако дважды в неделю король посылал за Каспианом и уводил племянника на южную террасу замка. Там они гуляли около получаса, обсуждая дела государственной важности — во всяком случае, так считал король. И однажды Мираз на прогулке сказал Каспиану:

— Что ж, мальчик мой, ты скоро научишься ездить верхом и обращаться с мечом. Тебе известно, что у нас с королевой детей нет, так что, похоже, мой престол унаследуешь ты. Доволен, небось?

— Не знаю, дядя, — признался Каспиан.

— Не знаешь?! — изумился Мираз. — Да чего ж тут знать-то? Быть королем — предел мечтаний любого человека!

— Не знаю, — смущенно повторил Каспиан.

— А что ты знаешь? — раздраженно спросил король.

— Я знаю... э... — Королевич замялся. — Я знаю, что хотел бы жить в Прежние Времена.

С короля Мираза мигом слетела снисходительность, с какой обычно взрослые разговаривают с детьми («Эх, дружок, и когда ты только подрастешь и поумнеешь?»). Он смерил Каспиана взглядом.

— Неужели? И что же в них такого замечательного, в твоих Прежних Временах?

— Все, — заявил Каспиан, надувая щеки, чтобы его слова прозвучали более весомо. — Тогда жизнь была другой. Животные умели говорить, в реках и на деревьях жили наяды и дриады, а в пещерах — гномы. И в лесу можно было встретить забавных фавнов — маленьких, с козлиными копытцами. А...

— Ерунда! — перебил король. — Чушь! Где вы наслушались этих бредней, ваше высочество? Пора бы вам повзрослеть! В твоем возрасте, мой мальчик, пристало думать о битвах и дальних походах, а ты все со сказками не расстанешься!

— В Прежние Времена хватало и походов, и сражений, — горячо возразил Каспиан. — Честное слово! Когда-то всей Нарнией правила злая колдунья, которую звали Бледной Ведьмаркой. Она сделала так, что год напролет была зима. А потом пришли четверо ребят, два мальчика и две девочки, и победили Ведьмарку, прогнали зиму и сами стали королями и королевами и начали править Нарнией. Их звали Питер, Эдмунд, Сьюзен и Люси. Правили они долго, а Нарния жила в радости, — и все это случилось по воле Эслана...

— Кого-кого? — переспросил Мираз. Будь Каспиан хоть немного постарше, он бы догадался по дядиному тону, что пора сменить тему — или вообще умолкнуть. Однако королевич был еще слишком мал, чтобы проявлять осмотрительность.

— Разве ты не знаешь? — воскликнул мальчик. — Эслан — Великий Лев, пришедший в Нарнию из-за моря.

— От кого ты наслушался этой чепухи? — взревел король, хватая королевича за руку. Перепуганный Каспиан не нашелся с ответом. — Ваше высочество, — Мираз отпустил руку племянника, — я настаиваю! Смотрите мне в глаза! От кого вы набрались этих бредней?

— От... от няни, — пробормотал Каспиан и ударился в слезы.

— Перестань, — прикрикнул король и потряс мальчика за плечи. — Перестань, кому говорят! Так вот, чтобы я в пос-

ледний раз слышал от тебя эти глупости, понял? Не было никаких королей с королевами! Не было! Где это видано — два короля одновременно? И Эслана никакого не было! И львов! И тех времен, когда животные якобы умели говорить! Слышишь?

— Да, дядя, — выдавил Каспиан.

— Отлично, — король взмахом руки подозвал к себе одного из придворных, мявшихся в дальнем конце террасы, и холодно сказал: — Проводите королевича в его покои и пришлите ко мне няню его королевского высочества. Немедленно!

На следующий день Каспиан с ужасом узнал, что нянюшку отослали прочь и даже не позволили ей попрощаться с ним. Хуже того — вместо нянюшки ему определили учителя.

Мальчик сильно скучал по нянюшке и плакал от тоски; и чем горше были слезы, тем чаще вспоминались ему истории о древней Нарнии. Каждую ночь он видел во сне гномов и дриад, каждый день заговаривал с обитавшими в замке кошками и собаками в надежде услышать ответ. Но собаки только виляли хвостами, а кошки тихонько мурлыкали — и все.

Своего учителя Каспиан возненавидел заранее, даже еще не познакомившись; однако неделю спустя, когда учитель наконец появился в замке, вдруг выяснилось, что он из тех, кого почти невозможно не любить. Совсем крошечный, на редкость широкий в кости и тучный (про таких говорят: «поперек себя шире»), с серебристой бородой до талии; лицо круглое, смуглое, все в морщинках — очень мудрое, очень уродливое и очень доброе. Голос суровый, а в глазах смешинки, так что с ходу и не догадаться, когда он шутит, а когда говорит серьезно. Звали учителя доктор Корнелиус.

Из всех занятий с доктором Корнелиусом больше всего Каспиану нравилась история. До сих пор он не знал почти ничего об истории Нарнии (разве что сказки да легенды, которые пересказывала нянюшка), а потому до крайности изумился, узнав, что королевская семья по крови — чужая в этом краю.

— Нарнию покорил предок вашего высочества, Каспиан Первый, — изрек доктор Корнелиус. — Он завоевал эту страну и захватил престол. А с ним пришли и другие. Вы — вовсе не нарнианцы. Вы — тельмаринцы; то есть родом из

страны Тельмар, что лежит за Западными горами. Вот почему Каспиана Первого прозвали Завоевателем.

— Доктор, скажите, пожалуйста, — попросил однажды Каспиан, — вы не знаете, кто жил в Нарнии до прихода тельмаринцев?

— До того, как тельмаринцы захватили Нарнию, — отвечал доктор, — в ней почти не было людей.

— Кто же покорил мой пра-пра... прадед?

— Не «кто», а «кого», ваше высочество, — поправил учитель. — Сдается мне, пора переходить от истории к грамматике.

— Погодите, прошу вас, — взмолился Каспиан. — Ведь была же битва, верно? Почему его прозвали Завоевателем, если никто с ним не сражался?

— Я сказал, что в Нарнии почти не было *людей*, — доктор Корнелиус, прищурясь, поглядел на мальчика поверх очков.

Каспиан задумался; внезапно он сообразил — и сам испугался пришедшей в голову мысли.

— Выходит, были другие? — прошептал он. — Как в сказках, да? Тельмаринцы сражались с...

— Тс-с! — прошипел доктор Корнелиус. — Ни слова больше! — тихонько сказал он на ухо Каспиану. — Разве вы не знаете, за что вашу нянюшку отослали из замка? Королю не понравилось, что она рассказывала вам о древней Нарнии. Прознай он, о чем мы с вами беседуем, вас выпорют, а мне не сносить головы!

— Но почему? — удивился Каспиан.

— Самое время заняться грамматикой, — решительно заявил доктор Корнелиус. — Да соблаговолит ваше высочество открыть на четвертой странице труд высокоученого Пулверулентуса Сиккуса «Грамматический вертоград, или Беседка познания, открытого юношескому разумению».

И вплоть до полудня говорили только о существительных да глаголах. Впрочем, вряд ли Каспиан что-нибудь усвоил — слишком уж он разволновался. Мальчик был уверен: доктор Корнелиус не сказал бы так много, не собирайся он рано или поздно поведать и того больше.

И надежды оправдались. Минуло несколько дней, и учитель сказал:

— Ваше высочество, сегодня вечером мы займемся астрономией. В глухую полночь две благородные планеты, Тарва и

Аламбиль, встанут на небосводе рядом. Это случается лишь единожды в две сотни лет, так что до следующего раза вашему высочеству, к сожалению, просто не дожить. Полагаю, вам лучше лечь спать раньше обычного. Когда подойдет время, я вас разбужу.

Мудреное словечко «конъюнкция» вроде бы никак не вязалось с историями о Прежних Временах, до которых был столь охоч королевич Каспиан, однако встать среди ночи тоже интересно. Ложась в постель, Каспиан был уверен, что не заснет, но задремал почти сразу; а спустя всего две-три минуты (так ему показалось) кто-то уже легонько потряс его за плечо.

Он сел. Комнату заливал лунный свет. У постели стоял доктор Корнелиус, облаченный в мешковатый плащ с капюшоном. При виде доктора с фонарем в руке Каспиан мгновенно вспомнил, куда онн собирались отправиться, вскочил и торопливо оделся. Как ни удивительно, летняя ночь была холодной; Каспиан зябко поежился, и тут доктор накинул ему на плечи плащ, который принес с собой, и протянул пару сафьяновых сапожек. Когда королевич обулся, доктор поманил его в коридор. Закутанные до бровей, ступавшие почти бесшумно, они покинули комнату.

Доктор Корнелиус уверенно вел королевича лабиринтом извилистых коридоров. Одна лесенка, другая, маленькая дверца в стене — и вот они уже наверху, на свежем воздухе. По правую руку виднелась крепостная стена, по левую — крутой скат крыши; внизу проступал из темноты, будто подернутый дымкой, королевский садик во дворе замка, а над головой висела луна и тускло мерцали звезды. Прошли по коньку крыши и очутились перед дверцей, что вела в главную башню замка. Доктор Корнелиус открыл эту дверцу и начал подниматься по винтовой лестнице. Каспиан двинулся следом, охваченный восторгом первооткрывателя: на верх главной башни его до сих пор не пускали.

Лестница оказалась очень длинной, а подъем — весьма утомительным; но некоторое время спустя они все же выбрались на открытую площадку с бойницами. Каспиан полной грудью вдохнул ночной воздух — какое чудо! — и огляделся по сторонам. Если присмотреться, вдалеке можно было различить смутные очертания Западных гор. Левее блестела в лунном свете Великая Река. Было так тихо, что с верхушки

башни слышался шум водопада у Бобриной плотины, в миле от замка.

Доктор Корнелиус указал на небо. Каспиан сразу отыскал те планеты, о которых говорил учитель: они стояли почти вплотную, сверкая, точно две больших звезды.

— Они столкнутся? — с благоговейным страхом в голосе спросил мальчик.

— Вовсе нет, ваше высочество,— шепотом уверил доктор Корнелиус.— Повелители небесных сфер этакого конфуза никогда не допустят. Смотрите внимательно. Встреча этих планет сулит удачу и предвещает благую весть погруженной в печаль Нарнии. Сейчас они сошлись совсем близко. Видите? Тарва, властелин победы, приветствует Аламбиль, владычицу мира.

— Дерево мешает,— пожаловался Каспиан.— А почему мы не пошли на западную башню? Она пониже, но вид оттуда был бы лучше.

Доктор Корнелиус словно не услышал. Он стоял неподвижно, не сводя взгляда с планет на небосводе. Наконец он глубоко вдохнул и повернулся к королевичу.

— Итак, ваше высочество, вы видели то, чего не видел и никогда не увидит никто из ныне живущих людей. Вы спрашивали, почему мы пришли именно сюда? Что ж, у меня были на то причины,— как Каспиан ни старался, лица доктора под капюшоном он не разглядел.— Достоинство этой башни состоит в том, что она пуста, а дверца у подножия лестницы закрыта на ключ. Это означает, что нас не подслушают.

— Вы расскажете мне то, о чем не захотели говорить раньше? — догадался Каспиан.

— Совершенно верно. Но запомните, ваше высочество: ни в каком другом месте мы с вами об этом говорить не станем,— только здесь, только на верху главной башни.

— Непременно запомню,— пообещал Каспиан.— Ну, начинайте же, доктор, начинайте!

— Слушайте, королевич. Все истории о древней Нарнии — не сказка, а быль. Этот край, ставший ныне вотчиной людей, принадлежал когда-то Эслану, Великому Льву, а еще — живым деревьям, смешливым наядам, фавнам и сатирам, гномам и великанам, кентаврам и говорящим животным. Вот с кем сражался Каспиан Завоеватель! Вы, тельмаринцы, заставили животных умолкнуть, лишили дара речи деревья и источни-

ки, гномов и фавнов же частью перебили, а частью изгнали, и теперь они боятся собственной тени! Мало кто ныне о них помнит — ведь король запрещает даже упоминать о старых нарнианцах.

— Мне очень жаль,— пробормотал Каспиан.— Но я рад — рад, что все истории оказались правдой.

— Многие ваши сородичи втайне соглашаются с вами, ваше высочество,— с поклоном заметил Корнелиус.

— Почему «мои», доктор? — удивился Каспиан.— Вы ведь тоже тельмаринец.

— Разве? — хмыкнул доктор.

— Во всяком случае, человек,— с запинкой проговорил королевич.

— Разве? — повторил Корнелиус, откидывая капюшон плаща, чтобы лунный свет упал ему на лицо.

И тут Каспиан понял! Ему даже стало немного стыдно, что он не догадался раньше. Крошечный росточек, широкая кость, длиннющая борода... Две мысли пришли одновременно. Первая была пугающей: «Доктор Корнелиус не человек, он — гном и привел меня сюда, чтобы убить!» Зато вторая — восторженная: «Настоящий гном! Значит, они и вправду существуют!»

— Вижу, вы сообразили,— сказал доктор Корнелиус.— Но все же позвольте мне сказать. Да, я — гном. Но не чистокровный: в моих жилах течет и человеческая кровь. После покорения Нарнии многие гномы бежали куда глаза глядят, сбрили бороды и стали носить сапоги на каблуках, чтобы не отличаться от людей. Со временем они смешались с тельмаринцами. Иными словами, я — полукровка; случись мне однажды встретить истинного гнома, он наверняка отвернется от меня и назовет изменником. Но вот что я скажу вам, ваше высочество: все эти годы мы помнили о тех, кто населял Нарнию до прихода тельмаринцев, и о нашей давно утраченной свободе.

— Я... я...— пробормотал Каспиан.— Я не виноват, доктор, честно!

— Милый королевич, вас никто не винит,— утешил мальчика доктор Корнелиус.— Вы можете спросить, зачем я вам все это говорю? На то имеются две причины. Во-первых, память о блаженных днях терзает мне душу, и сердце мое готово разорваться от тоски; вот почему мне надо было выговориться. А во-вторых, вы когда-нибудь станете королем и, быть

может, пособите нам: вы хоть и тельмаринец, но вам, как и мне, дороги Прежние Времена.

— Еще как! — подтвердил Каспиан. — Но чем я могу помочь?

— Отнеситесь по-доброму к бедным изгнанникам. Соберите при дворе магов и чародеев: пусть они придумают, как вновь пробудить от спячки деревья. Обыщите самые укромные уголки ваших владений: а вдруг где-нибудь до сих пор прячутся фавны или говорящие животные...

— Думаете, мы сможем их найти? — спросил Каспиан.

— Не знаю, не знаю, — Корнелиус вздохнул. — Я долгие годы пытался разыскать хотя бы кого-то, но поиски мои были тщетны, и порой меня охватывало отчаяние. Иногда мне чудилось, будто я слышу в горах рокот гномьих барабанов. Иногда в ночном лесу мне виделись пляшущие на лужайке сатиры и фавны, но когда я подходил ближе, все куда-то исчезали. Да, меня охватывало отчаяние, руки опускались, но всякий раз молва приносила новые вести, внушавшие новую надежду. Не знаю... В любом случае, ваше высочество, вы можете стать таким правителем, каким был в старину верховный король Питер. Вот прекрасный образец для подражания — не то что ваш дядя.

— Значит, были и короли, и королевы, и Бледная Ведьмарка? — с замиранием сердца справился Каспиан.

— Конечно! — откликнулся доктор. — При них в Нарнии наступил Золотой Век. Такое не забывается.

— Они жили в нашем замке?

— Нет, милый королевич. Этот замок построил ваш прапрадед. А сыновья Адама и дочери Евы, помазанники самого Эслана, правили Нарнией из замка Кэйр-Паравел. Никто из живущих ныне не видел этого замка; может статься, годы уничтожили даже его развалины. Но мы полагаем, что Кэйр-Паравел стоял в устье Великой Реки, на самом берегу моря.

— Уф! — Каспиан передернул плечами. — Это в Лихой Пуще? Там, где... ну... где призраки водятся?

— Ваше высочество повторяет то, что слышал с малых лет, — сказал доктор Корнелиус. — Вас обманывали, королевич. Нет там никаких призраков. Их придумали тельмаринцы. Ваши предки-короли трепетали от ужаса перед морем: ведь во всех сказках, над которыми они потешались, говорилось, что Эслан пришел в Нарнию из-за моря. Они и сами

избегали приближаться к соленой воде, и других к ней не подпускали, и потому позволили лесу разрастись и перекрыть путь к побережью. Но леса они тоже боялись, ибо помнили о живых деревьях, и потому распустили молву о призраках, якобы кишащих в чащобе. Со временем и короли, и вельможи сами начали верить в те слухи, которые они же и распускали. И чем дальше, тем сильнее крепло убеждение, что на морском берегу человека поджидают неисчислимые опасности. А между тем берег этот обращен к родине Эслана, к восточному пределу мира, из-за которого встает по утрам солнце.

Доктор умолк. Молчал и Каспиан, потрясенный услышанным до глубины души. Наконец Корнелиус сказал:

— Идемте, ваше высочество. Вам пора в постель.

— Доктор, ну пожалуйста! — воскликнул королевич.— Расскажите еще что-нибудь!

— Если мы здесь задержимся, нас непременно хватятся,— напомнил королевичу мудрый доктор.

Глава 5

История Каспиана: приключения в горах

С той поры Каспиан и его учитель не раз и не два вели тайные беседы на верхушке главной башни, и с каждой беседой королевич узнавал больше и больше о древней Нарнии, так что со временем она заняла все его помыслы, дневные грезы и ночные сновидения. Ему отчаянно хотелось возродить былые дни. Впрочем, особо предаваться мечтаниям было некогда, потому что король всерьез озаботился образованием племянника. Королевич научился биться на мечах и ездить верхом, плавать и нырять, стрелять из лука и играть на флейте и на лютне, охотиться и свежевать убитых животных; также ему преподавали космографию, риторику, геральдику, стихосложение, разумеется, историю, а еще — юриспруденцию, физику, алхимию и астрономию. Магию он изучал только в теории; как заметил доктор Корнелиус, магическая практика — неподобающее занятие для королевичей. «Сам я,— прибавил гном,— маг почти никудышный, мне по плечу разве что маленькие чудеса». Навигации («благородному, героическому искусству», по словам Корнелиуса) Каспиана не учили — король Мираз не одобрял все, что имело хоть какое-нибудь отношение к морю и морскому делу.

Кроме того, королевич научился смотреть и слушать. Он давно уже спрашивал себя, почему же ему не нравится его тетка, королева Прунапризмия; теперь Каспиан понял: потому, что он не нравился ей. Понял мальчик и другое: что Нарния — несчастная страна. Налоги высоки, законы суровы, а король жесток.

Прошло несколько лет. Как-то летом королева как будто захворала, ее окружали бесчисленные лекари, нельзя было шагу ступить, чтобы не наткнуться в коридорах замка на очередного знатока целительных снадобий; а придворные шушукались между собой и замолкали, когда подходил Каспиан. Казалось, вот-вот случится нечто важное...

Ночью — Каспиан едва сомкнул глаза — королевича неожиданно разбудил доктор Корнелиус.

— Займемся астрономией, доктор? — спросил полусонный Каспиан.

— Тс-с! — прошептал Корнелиус, прикладывая палец к губам.— Доверьтесь мне, ваше высочество, и делайте, как я вам скажу. Вставайте и одевайтесь. Вам предстоит долгий путь.

Изумленный Каспиан подчинился — за эти годы он привык доверять своему учителю. Когда королевич оделся, Корнелиус протянул ему пустую суму.

— Наполните ее тем, что осталось от ужина,— сказал гном.

— А как же мои камергеры? Они нас увидят.

— Они крепко спят и не проснутся до утра,— заверил Корнелиус.— Уж сонное заклинание я творить умею.

Вдвоем вышли в переднюю. Как и утверждал Корнелиус, камергеры его высочества спали, развалившись в креслах и похрапывая. Сложили в суму провизию со стола: холодного цыпленка, ветчину, хлеб, яблоки, фляжку с добрым вином. Каспиан повесил суму на плечо.

— Меч при вас, мой милый королевич? — осведомился доктор.

— Разумеется.

— Тогда заверните его в эту накидку. Да и суму прикройте. Вот так. А теперь поднимемся на башню.

Поднимались в молчании. На верху (ночь была облачной, не видно ни луны, ни звезд) доктор Корнелиус огляделся и воскликнул:

— Ваше высочество, вы должны немедленно покинуть замок! Ваша жизнь под угрозой!

— Моя жизнь? — озадаченно переспросил Каспиан.

— Вот именно. Если хотите, жизнь истинного короля Нарнии, Каспиана Десятого, сына и наследника Каспиана Девятого. Да здравствует король! — И старик внезапно опустился на одно колено и припал губами к руке королевича.

— Доктор! — Каспиан отдернул руку.— Что все это значит? Я не понимаю...

— И я не понимаю,— перебил Корнелиус,— почему вы меня никогда не спрашивали, как же это так: сын короля Каспиана — и не король? Всем, кроме вас, прекрасно известно, что Мираз — узурпатор. Поначалу он еще пытался притворяться, называл себя наместником. Но потом умерла ваша мать — единственная из тельмаринцев, относившаяся ко мне по-доброму. После этого один за другим стали умирать или исчезать вельможи, преданные вашему отцу. Думаю, Мираз тайно расправлялся с ними. Белизар и Увилас погибли на охоте: их «случайно подстрелили» из лука. Всех мужчин рода Пассаридов отправили сражаться с великанами на северной границе; никто из них не вернулся. Арлиана, Эримона и дюжину других казнили по ложному обвинению в измене. Двух братьев с Бобриной плотины объявили безумцами и посадили под замок. А семерых вельмож, не страшившихся моря (невиданное дело среди тельмаринцев!), Мираз убедил отплыть на поиски новых земель в Восточном океане; из них тоже никто не возвратился. Когда же при дворе не осталось никого из друзей вашего отца, Мираз, будто бы поддавшись на уговоры льстецов, занял королевский престол.

— По-вашему, теперь собирается покончить со мной? — уточнил Каспиан.

— Наверняка, мой королевич.

— Но почему? — Каспиан пожал плечами.— Почему именно сейчас? Ведь он мог убить меня давным-давно. Чем я ему насолил?

— Он решил расправиться с вами из-за события, которое случилось два часа назад. Королева родила сына!

— И что? — не понял Каспиан.— Я-то здесь при чем?

— Как при чем?! — вскричал доктор Корнелиус.— Ваше высочество, неужели все мои уроки истории и политики пропали впустую? Пока у Мираза не было детей, он ничуть не возражал иметь вас своим наследником. Он не слишком заботился о вас, что правда, то правда, однако хотел, чтобы

трон унаследовали вы, а не кто-нибудь со стороны. Но теперь у него появился его собственный сын, который и станет наследником престола. А вы стоите на пути, поэтому вас нужно убрать.

— Да,— протянул Каспиан, поеживаясь.— Он что, и впрямь готов убить меня?

— Он убил вашего отца,— тихо ответил доктор Корнелиус. Каспиан воззрился на учителя, но не проронил ни слова.— Я расскажу вам обо всем,— продолжал гном.— Потом, когда мы встретимся снова. Вы должны бежать!

— Один?

— Один,— подтвердил доктор.— Если я тоже исчезну, это лишь усугубит дело. К тому же двоих выследить легче, чем одного. Милый королевич, дорогой мой король Каспиан, вы должны немедленно покинуть замок! Скачите на юг, в Арчендланд, и постарайтесь разыскать короля Наина. Он с радостью вас примет.

— Когда же мы встретимся? — голос Каспиана дрогнул.

— Надеюсь, что скоро,— отозвался Корнелиус.— Ваше величество — мой единственный друг в этом огромном мире. Моя магия непременно сведет нас снова — на это ее вполне достанет. Торопитесь, ваше величество, торопитесь! Примите от меня скромный дар в дорогу. Вот кошелек с золотом... Увы, это лишь крупица того богатства, что принадлежит вам по праву рождения! А вот кое-что еще,— он вложил в руки Каспиану нечто укутанное в плащ. На ощупь королевич определил, что это большой охотничий рог.— Вверяю вам величайшее из сокровищ Нарнии! Множество испытаний я претерпел, множество заклинаний потратил, чтобы добраться до этого рога! Как я был тогда молод!.. Это рог королевы Сьюзен; она оставила его, исчезнув из Нарнии в конце Золотого Века. Говорят, что если протрубить в рог в трудную минуту, к вам обязательно придет подмога; но какая подмога — доподлинно никто не ведает. Быть может, рог обладает достаточным могуществом, чтобы призвать в наш мир королеву Сьюзен, короля Эдмунда, королеву Люси и даже верховного короля Питера! А может, он призовет самого Эслана! Примите сей рог, ваше величество, но не спешите воспользоваться им — трубите в него только в час отчаяния, когда ничего иного уже не остается... Все, бегите, бегите! Спустимся вместе. Дверца в сад открыта, у нее мы и расстанемся.

— А мой конь?.. — начал было Каспиан.

— Он уже оседлан и ждет вас в саду.

Пока спускались по темной винтовой лестнице, Корнелиус продолжал наставлять своего ученика, и совстов с наставлениями было столько, что Каспиан не запомнил и половины. Королевич мог думать только об одном: дядя хочет его убить! Вот и дверца... Пахнуло свежим воздухом. Рукопожатие в темноте; бегом, не оглядываясь, через лужайку; тихое ржание коня; в седло — и вперед! Король Каспиан Десятый покинул замок своих отцов.

Отъехав на расстояние полета стрелы, Каспиан обернулся. Над крепостными стенами сверкали огни фейерверка — Мираз устроил праздник в честь рождения сына.

Всю ночь Каспиан скакал на юг, поначалу выбирая неторные дороги и вьючные тропы; когда же пошли незнакомые места, королевич решил не искушать судьбу и выехал на тракт. Конь шел крупной рысью, радуясь вольнице; радовался и Каспиан — надо же, он, оказывается, король и скачет неведомо куда в поисках приключений, с мечом у левого бедра и волшебным рогом королевы Сьюзен на луке седла! (Правда, всякий раз, стоило ему вспомнить о расставании с доктором Корнелиусом, на глаза наворачивались непрошеные слезы.)

С рассветом радости поубавилось. Во-первых, зарядил мелкий, противный дождь. Во-вторых, кругом был чужой, незнакомый лес. Мокрые деревья, густые заросли, колючие ветки... Каспиан вдруг ощутил себя песчинкой, затерянной в безбрежном мире.

Когда стало совсем светло, он оставил тракт и свернул в лес. Отыскал укромную лужайку, расседлал коня (тот сразу принялся щипать траву), перекусил цыпленком, лег на траву и заснул. Проснулся он уже под вечер. Утолив голод ветчиной, а жажду — вином, королевич вновь поскакал на юг. Вскоре начались холмы: склон за склоном, вверх-вниз, и каждый подъем чуть длиннее предыдущего спуска. Далекие горы приближались, вырастали на глазах. К ночи Каспиан достиг предгорий. Поднялся ветер, вновь зарядил дождь, быстро перешедший в ливень. Прогремел гром, и конь испуганно прижал уши.

Влетели под полог сумрачного соснового бора, которому, казалось, нет ни конца ни края. Каспиану вдруг вспомнились бесчисленные истории о враждебных человеку деревьях. Он

же тельмаринец; его сородичи вырубали деревья везде, где только могли, и непрерывно воевали с любой живностью. Откуда деревьям знать, что он не такой, как прочие тельмаринцы?

Ветер задул сильнее прежнего. Деревья раскачивались, гнулись и скрипели. Вдруг раздался громкий треск и одно из деревьев рухнуло наземь прямо за спиной у королевича! «Тихо, дружок, тихо!» — крикнул Каспиан, успокаивая коня: тот чуть было не встал на дыбы. У самого королевича бешено колотилось сердце. Подумать только: еще бы вот столечко — и поминай как звали короля Каспиана Десятого...

Сверкнула молния, раскат грома сотряс небосвод. Конь закусил удила и помчался, не разбирая дороги. Остановить его не сумел бы и тот, кто привык объезжать диких лошадей. Королевич прильнул к шее животного, вцепился обеими руками в гриву. Его жизнь висела на тоненькой ниточке... Дерево за деревом возникало из темноты, чтобы в следующий миг остаться позади. Внезапно что-то ударило Каспиана по лбу (слишком неожиданно, чтобы он успел ощутить боль), и королевич упал замертво...

Очнувшись, он увидел пламя костра. Сразу нахлынула боль — болели и руки, и ноги, и спина, а голова просто раскалывалась. Сквозь боль прорывались негромкие голоса.

— Прежде чем очнется, надо решить, что с ним делать,— сказал один голос.

— Убить,— твердо заявил второй.— В живых его оставлять нельзя — выдаст как пить дать.

— Сначала приютили, потом убили, так, что ли? — хмыкнул третий.— Не пойдет. И чего мы тогда, спрашивается, старались, голову ему перевязывали? Нет, он теперь наш гость, а гостей убивать не след.

— Господа,— тихо проговорил Каспиан,— со мной делайте что угодно, но пожалейте моего коня.

— Твой конь удрал еще до того, как мы тебя нашли,— ворчливо сообщил первый голос. Слова звучали несколько странно — тот, кто их произносил, то ли шепелявил, то ли пришептывал.

— Гляди, еще запудрит мозги словесами-то,— предостерег второй голос.— Как хотите, а я...

— Лисе под хвост! — вскричал третий голос. — Не станем мы его убивать, ясно? Стыдись, Никабрик! Что скажешь, Землерой? Как мы поступим?

— Надо его напоить, — отозвался первый голос (должно быть, Землерой). Появилась темная фигура. Каспиан почувствовал, как под плечи ему осторожно просовывают руку — или то была не рука? Фигура казалась какой-то неправильной, как и лицо — волосатое, с очень длинным носом и с диковинными белыми пятнышками на носу. «Наверное, маска, — подумалось Каспиану. — Или у меня лихорадка, и все это мне только чудится». Внезапно он ощутил на губах теплую и сладкую влагу и жадно глотнул. В этот миг кто-то поворошил поленья в костре. Пламя взметнулось едва ли не под потолок, свет упал на лицо того, кто стоял у кровати, и Каспиан с трудом удержался от крика. Оказывается, поил его вовсе не человек, а барсук, обыкновенный барсук, разве что крупнее, дружелюбнее и разумнее всех барсуков, виденных мальчиком в жизни. И этот барсук разговаривал! При свете пламени королевич также разглядел, что лежит на подстилке из вереска в крохотной пещерке. У огня сидели два маленьких бородатых человечка, чем-то похожих на доктора Корнелиуса; впрочем, оба были шире в плечах, ниже ростом и косматее доктора, так что Каспиан сразу догадался — перед ним истинные гномы, в жилах которых не найти и капли человеческой крови. Наконец-то он нашел старых нарнианцев! Тут у него вновь помутилось перед глазами...

За следующие несколько дней королевич узнал, кто есть кто. Барсука и вправду звали Землероем, из всех троих он был самый старший и самый добрый. Гном, который хотел убить Каспиана, принадлежал к черным гномам (волосы и борода у него были иссиня-черными — и густыми, как лошадиная грива); он звался Никабрик. Второй, рыжеволосый, гном отзывался на имя Трампкин.

— А теперь, — заявил Никабрик вечером того дня, когда Каспиан впервые сел, — мы должны решить, что нам делать с этим человеком. Вы двое до сих пор уверены, что совершили благое дело, не позволив мне прикончить его. Ну и ладно, сами будете сторожить его, пока мы все не передохнем! Отпускать его нельзя — вернется к своим и живо нас заложит, уж я-то знаю.

— Волку в зубы! — воскликнул Трампкин.— Никабрик, да что на тебя нашло? Не его вина, что он ударился головой о ветку прямо над нашей пещерой. И, коли уж на то пошло, на предателя он не похож.

— Вы ведь даже не знаете, кто я, и хочу ли я вернуться к своим,— проговорил Каспиан.— Так вот, я не хочу возвращаться. Я хочу остаться с вами — если вы мне разрешите. Таких, как вы, я искал много лет.

— Рассказывай,— буркнул Никабрик.— Ты тельмаринец и ты человек, верно? Еще бы тебе не хотеть вернуться к своим!

— Да не хочу я возвращаться! — крикнул королевич.— И не могу. Я бежал, спасая свою жизнь. Король приказал убить меня. Кстати, можете оказать ему услугу, он вас отблагодарит.

— За кого ты нас принимаешь? — возмутился Землерой.

— А что ты натворил? Чем насолил Миразу, в твои-то годы? — осведомился Трампкин.

— Он мой дядя,— признался Каспиан.

Никабрик тут же вскочил и схватился за кинжал, висевший у него на поясе.

— Сам сознался! — завопил он.— Мало того, что тельмаринец, так еще и родич нашего злейшего врага! Наследничек! И вы по-прежнему отказываетесь его убивать? Совсем спятили, не иначе! — Должно быть, он проткнул бы Каспиана своим кинжалом, когда бы Землерой с Трампкином не вмешались и не усадили разъяренного гнома на земляной пол.

— Давай договоримся, Никабрик,— сурово сказал Трампкин.— Либо ты будешь вести себя прилично, либо мы с барсуком сядем на тебя верхом.

Никабрик угрюмо согласился оставить человека в покое. Тогда Каспиана попросили рассказать обо всем подробно. Когда королевич закончил, все какое-то время молчали.

— В жизни не слышал ничего подобного,— пробормотал наконец Трампкин.

— Не нравится мне это,— прорычал Никабрик.— Выходит, люди про нас до сих пор болтают... Не к добру, ой не к добру. Нянька твоя, парень, уж лучше бы она помалкивала. А тут еще учителишка этот, полукровка: с людьми связался, а туда же, в гномы метит. Ненавижу! Ух, как я их ненавижу! Сильнее, чем людей. Помяните мое слово — не к добру это.

— Не суди о том, чего не понимаешь, Никабрик, — отозвался Землерой. — Вы, гномы, все равно что люди, такие же ветреные и суетливые. Вот я — зверь, и не просто зверь, а барсук. Мы, барсуки, ничего не забываем, от крайности в крайность не шарахаемся. И я говорю: великая польза будет от нашей встречи. Перед нами подлинный король Нарнии, истинный правитель, вернувшийся в истинную Нарнию. И пускай гномы забыли мы, звери, помним, что лучше всего Нарнии жилось при короле из рода Адамова.

— Кудри мои, кудряшки! — вскричал Трампкин. — Послушать тебя, Землерой, так мы должны Нарнию людям уступить?

— С чего ты взял? — удивился барсук. — Нарния — не страна людей (уж мне ли того не знать?), но край, коим суждено править человеку. Нам, барсукам, это известно донодлинно — память-то у нас долгая. Вспомните, кто был верховный король Питер? Человек!

— Ты веришь в эти байки? — усмехнулся Трампкин.

— Я же сказал: у нас, зверей, память долгая, — отвечал барсук. — Мы ничего не забываем. И в то, что верховный король Питер правил Нарнией из своего замка Кэйр-Паравел, я верю столь же твердо, как в самого Эслана.

— Ну конечно! — хмыкнул Трампкин. — Да только вот кто ныне верит в Эслана — кроме тебя, разумеется?

— Я, — сказал Каспиан. — Быть может, раньше и я в него не верил, но теперь — верю. Среди людей многие готовы потешаться над Эсланом — ну, над историями про него. И точно так же они потешаются над историями про говорящих животных и про гномов. Порой я сомневался, а существует ли Эслан на самом деле? С другой стороны, в том, существуете ли вы — гномы, фавны и остальные, — я тоже сомневался. Но — вот они вы, самые что ни на есть живые...

— Верно, — согласился Землерой. — Твоя правда, король Каспиан. Знай: пока ты хранишь верность древней Нарнии, ты — мой король. Да здравствует его величество!

— Ну и подхалим же ты, барсук, — прорычал Никабрик. — Да будь твой верховный король Питер хоть трижды человек, это — совсем другие люди! Это проклятые тельмаринцы! Они охотятся ради забавы. Так? — Он неожиданно повернулся к Каспиану.

— Так,— с запинкой подтвердил тот.— Но я всегда охотился на обычных животных. На говорящих у меня бы рука не поднялась.

— Какая разница? — горько усмехнулся Никабрик.

— Нет, нет,— вмешался Землерой.— Разница громадная. Тебе ли не знать, что нынче в Нарнии почти не осталось говорящих животных? Что нас окружают жалкие бессловесные твари, ничем не лучше калорменских или тельмаринских? Они даже ростом не вышли... Да между вами и гномами-полукровками сходства и то больше, чем между ими и нами!

Разговор затянулся надолго. В конечном счете сошлись на том, что Каспиан останется и даже что ему, как только он встанет на ноги, позволят повидаться с «остальными» (как выразился Трампкин): в этих диких местах, как выяснилось, нашли прибежище очень и очень многие из старых нарнианцев.

Глава 6
Тайное братство

И началась самая счастливая пора в жизни Каспиана. Однажды чудесным летним утром барсук с гномами вывели королевича из пещеры и все вместе двинулись по мокрой от росы траве куда-то вверх. Миновали горную седловину и очутились на залитом солнцем южном склоне, откуда открывался вид на зеленые пажити Арченланда.

— Мы идем к Пузатым медведям,— наконец-то пояснил Трампкин.

Вышли на лужайку близ ветхого, замшелого дуба; Землерой трижды постучал по стволу. Никакого ответа. Барсук постучал снова; на сей раз изнутри дерева донесся сонный голос: «Кому не спится в такую рань?» Барсук постучал опять; дерево вдруг содрогнулось от кроны до самых корней, в стволе распахнулась дверца, и наружу выбрались три бурых (и вправду пузатых) медведя. Пока звери моргали, приноравливаясь к свету, им растолковывали, что, как и почему, а они спросонья лишь ошалело крутили головами. Когда же, после долгих объяснений, поняли, что к чему, то склонились перед Каспианом и признали его королем Нарнии. Каждый из медведей чмокнул королевича в щеку и потерся об него носом и каждый предложил его величеству отведать медку. Каспиан

не стал отказываться, чтобы невзначай не обидеть зверей (хотя ему не очень-то хотелось меда, да еще без хлеба).

Когда королевич откушал и вымыл руки и лицо, липкие от меда, отправились дальше. Долго ли, коротко, но дошли до буковой рощи; Землерой остановился и позвал: «Балаболка! Балаболка!» И на его зов примчалась, изящно перепрыгивая с ветки на ветку, огненно-рыжая белка — самая красивая белка из всех, которых Каспиану доводилось видеть. Для белки она была на редкость крупной, почти с терьера, куда крупнее тех зверьков, что иногда попадались королевичу в саду замка; и одного взгляда было достаточно, чтобы понять: она умеет говорить. Как не замедлило выясниться, насчет «умеет» — это слабо сказано. Балаболка тараторила без передышки, словно доказывая, что прозвище ей дали не зря. Но вот кому-то удалось вставить словечко, белка спохватилась, вспомнила о радушии, предложила Каспиану орешков; королевич вновь не стал отказываться, и Балаболка ускакала. Королевич повернулся было посмотреть ей вслед, но Землерой шепнул ему на ухо: «Отвернитесь, мой повелитель. Следить за белкой — дурной тон. Она решит, что вы хотите узнать, где она хранит свои припасы». Каспиан послушался. Вскоре Балаболка вернулась с орехами, подождала, пока королевич перекусит, а затем предложила свою помощь. «Вам ведь надо известить других, верно? Я доберусь раньше вашего — по деревьям всяко выйдет быстрее, чем понизу». Землерой с гномами одобрительно закивали и принялись называть имена, одно диковиннее другого. Всем, кого она отыщет, Балаболке велели говорить, что на третий день, считая от сегодняшнего, на Веселой Лужайке ровно в полночь состоится Большой Совет. «Пузанам тоже передай,— прибавил Трампкин.— Мы у них были, да предупредить забыли».

После белки навестили Семерых Братьев из Гремящего Леса. Трампкин, шагавший впереди, повел обратно к седловине. По северному склону спустились к подножию горы и двинулись на восток, по дорожке, что вилась среди камней и сосен. Вскоре Каспиану почудилось, будто земля дрожит под ногами,— как если бы кто-то под землей стучал молотом по наковальне. Трампкин подошел к камню размером с крышку от кадки и топнул по нему ногой. Ничего не случилось. Но только Каспиан собрался спросить, что они будут делать дальше, как камень вдруг отодвинулся; из открывшейся дыры в

земле повалил дым, и пахнуло жаром. Когда дым немного рассеялся, в дыре показалась голова гнома, очень похожего на Трампкина. Снова начались объяснения. Разговор затягивался; гном расспрашивал Трампкина, то и дело недоверчиво поглядывая на Каспиана. Но вот он кивнул и жестом пригласил следовать за собой. В дыре оказалась лесенка, спустившись по которой, Каспиан увидел блики пламени. Подземная кузня! И другие гномы! Двое раздували меха, третий держал в щипцах на наковальне раскаленный добела брусок, четвертый с размаху бил по этому бруску молотом; еще двое, вытирая на ходу руки грязной тряпкой, встретили гостей у ручья, что протекал вдоль стены пещеры. Понадобилось повторить объяснения со всеми подробностями, чтобы гномы признали Каспиана за своего. Наконец они хором вскричали: «Да здравствует король!» и принялись одаривать гостей богатыми дарами — и Каспиану, и Трампкину, и Никабрику досталось по мечу со щитом и по кольчуге; барсук же отказался от оружия и доспеха: мол, коли зверь не может защитить себя когтями и клыками, оружие ему и подавно без надобности. Каспиан никогда прежде не видел столь искусной работы. По сравнению с гномьим клинком его собственный, выкованный человеком, выглядел грубо вытесанной дубинкой. На прощание гномы (все, как один, рыжие) пообещали прийти на Большой Совет.

Неподалеку от пещеры Семерых Братьев, в каменистом распадке, нашлось прибежище черных гномов. Они долго с подозрением присматривались к Каспиану, но в конце концов старейший из пятерых изрек: «Супротив Мираза, говорите? Коли так, пускай себе правит». А второй по старшинству спросил: «Свести вас с людоедом да с ведьмой, что чуток подале живут?»

— Спасибо, не стоит, — поспешно отказался Каспиан.

— Думаю, без них обойдемся, — поддержал Трампкин. Никабрик принялся было спорить, но Трампкин с Землероем его утихомирили. А Каспиана пробрала дрожь: выходит, в Нарнии встречаются не только добрые существа из старых сказок, но и жуткие твари, о которых и вспоминать-то боязно...

— Еще не хватало, якшаться со всяким сбродом! — ворчал Землерой, выбираясь из пещеры черных гномов. — Эслан с такими дружбу не водит.

— Эслан! — Трампкин фыркнул. — Мне, конечно, до него далеко, но я с такими тоже не связываюсь.

— А ты веришь в Эслана? — спросил Каспиан у Никабрика.

— Я готов поверить во что угодно, — отвечал тот, — лишь бы избавиться от проклятых тельмаринцев. Во что угодно! Хоть в Эслана, хоть в Бледную Ведьмарку.

— Тихо! — одернул Трампкин. — Болтай, да не забалтывайся! Рядом с нею Мираз — дитя несмышленое.

— Уж гномы-то с нею всегда ладили, — пробурчал Никабрик.

Спустились ниже по склону и очутились в широкой лесистой долине, по дну которой бежал бурливый поток. На берегу росли дикие розы и наперстянки, над цветами жужжали пчелы. Трампкин остановился и крикнул: «Гленсторм! Гленсторм!» Прислушавшись, Каспиан различил топот копыт. С каждым мгновением топот становился все громче, и вот из зарослей вырвался могучий кентавр, за которым следовали трое других, помоложе. Это и был Гленсторм со своими сыновьями. Бока Гленсторма отливали золотом в лучах солнца, густая рыжая борода словно светилась собственным светом. Объяснять ничего не пришлось: Гленсторм был провидцем и умел гадать по звездам, а потому прекрасно знал, за чем к нему пожаловали.

— Да здравствует король! — вскричал он. — Веди нас в бой, государь! Когда выступаем?

По правде сказать, ни Каспиану, ни кому-либо из его спутников мысль о войне в голову не приходила. Они помышляли (и то мельком) разве что о набеге на ферму или о нападении на охотников, рискнувших забраться в лесную глушь. Какая война? Живи себе в лесу или в пещере, храни дух древней Нарнии, ругай тельмаринцев... Но воевать?

— Выступаем? — переспросил Каспиан. — На войну с Миразом? — Он беспомощно оглянулся на вдруг помрачневшего Трампкина.

— Куда же еще? — удивился Гленсторм. — Недаром ваше величество в кольчуге и мечом подпоясаны.

— Зачем торопить события, Гленсторм? — тихо произнес Землерой.

— Время приспело, — торжественно откликнулся кентавр. — Об этом мне поведали небеса. Или ты забыл, барсук:

тебе хранить знания, а мне — читать по звездам? Тарва и Аламбиль повстречались на небосводе, и одному из сыновей Адама вновь предначертано освободить Нарнию. Час пробил! Наш Большой Совет должен стать военным советом! — В голосе Гленсторма звучала такая сила, что ни Каспиан, ни спутники королевича ни на миг не усомнились в правоте кентавра. Звезды велят воевать — так что ж!

Близился полдень, а потому приглашение к столу прозвучало как нельзя кстати. Кентавры накормили гостей овсяными лепешками, яблоками, зеленью и сыром; жажду утолили вином.

Отдохнув, отправились дальше. Как пояснил Трампкин, по прямой рукой подать, но лучше идти в обход, чтоб ненароком не столкнуться с людьми — уже начинались населенные места. Обход получился долгим и утомительным. Наконец вышли к полям, разделенным живыми изгородями. Землерой встал на четыре лапы у поросшего травой холмика и кого-то окликнул; в следующий миг из норы, что скрывалась под холмиком, появилась остренькая мордочка. К великому удивлению Каспиана, это оказалась мышь, и не простая, а говорящая! Разумеется, она была крупнее своих бессловесных собратьев, ростом в целый фут (когда становилась на задние лапки) и с ушками, длиной почти не уступавшими кроличьим. Звали мышь — точнее, мыша — Рипичипом и был он отважен и весьма воинственен. На боку Рипичип носил крохотную шпагу, а усики подкручивал с таким видом, будто это не усики, а громадные усищи.

— Нас тут дюжина, государь,— сказал он с изящным поклоном,— и все мы с радостью отдадим жизнь за ваше величество.

Каспиан с громадным трудом удержался от смеха. Да все мышиное войско запросто поместится в бельевой корзине!

Не станем перечислять всех, у кого Каспиан побывал в тот день,— слишком их было много; упомянем разве что крота Шустрые Лапки, троих братьев-барсуков из рода Твердокусов, зайца Камилло и ежа Колючку. Когда с визитами было покончено, прилегли отдохнуть у родника на полянке, опоясанной высокими вязами. Солнце клонилось к закату, и деревья отбрасывали длинные тени; дневные цветы складывали лепестки, птицы не спеша устраивались на ночлег. Перекусили тем, что было с собой; Трампкин разжег трубку (Никабрик не курил, что для гнома довольно необычно).

— Осталось лишь пробудить деревья и воды, — проговорил барсук. — Ах, если бы мы только могли!

— А что, не можем? — удивился Каспиан.

— Нет, — ответил Землерой коротко, но потом прибавил: — Мы над ними не властны. С тех пор как в Нарнию пришли люди и стали вырубать леса и осквернять воды, дриады и наяды впали в беспробудный сон. Кто знает, очнутся ли они хоть когда-нибудь... А с ними мы были бы непобедимы! Ведь тельмаринцы боятся леса; когда деревья просто сдвинулись бы с места, наши враги без оглядки бежали бы из Нарнии и никогда бы сюда не вернулись!

— Ну и фантазеры вы, животные! — хмыкнул Трампкин. — Вон чего выдумал! А почему только лес да воды? Почему не оживить камни, чтоб они сами в Мираза полетели?

Барсук проворчал что-то неразборчивое, и наступила тишина. Каспиан мало-помалу погружался в дремоту, как вдруг ему послышалась далекая музыка. Он недоуменно покрутил головой и перевернулся на другой бок. Но едва ухо королевича коснулось земли, он различил глухой стук барабанов. Каспиан поднял голову, и стук мгновенно стих, зато вернулась музыка, и слышно было уже отчетливее. Похоже на флейты...

Королевич огляделся. Барсук тоже не спал: сидел и смотрел в лес. Поляна серебрилась в лунном свете, хотя, когда Каспиан засыпал, луны не было и в помине. Должно быть, он проспал дольше, чем ему казалось. А музыка слышалась все ближе, она одновременно звала в пляс и навевала грезы. Точно флейты! Теперь к музыке примешивались и другие звуки, будто ломилось сквозь лесную чащобу стадо овец или коз... И вдруг на поляну высыпали существа, о встрече с которыми Каспиан мечтал всю свою жизнь. Немногим выше гномов, совсем не такие коренастые, прыгучие, вертлявые; у каждого торчат из кудрей маленькие рожки, до пояса люди, а вместо ног козлиные копытца...

— Фавны! — крикнул Каспиан, вскакивая. В следующий миг его окружили со всех сторон. Знакомство состоялось мгновенно, фавны приняли Каспиана, и он сам не заметил, как присоединился к танцу. Следом за королевичем пустился плясать и Трампкин, и даже Землероя вовлекли в хоровод, хотя из него танцор был, конечно же, никудышный. Только Никабрик остался сидеть где сидел, будто не желая участвовать в чужом веселье.

Флейты не смолкали, перед глазами Каспиана мелькали лица, веселые и в то же время печальные. Он не успевал запоминать имена; впрочем, вскоре выяснилось, что имена повторяются — Ментий, Обентий, Думнус, Волунс, Волтин, Гирбий, Нимиен, Навсий, Оскунт... Этих фавнов привела Балаболка.

На следующее утро Каспиан решил было, что ему все просто-напросто приснилось. Но сон оказался явью: трава на поляне была вытоптана множеством козлиных копытец.

Глава 7
Древняя Нарния в опасности

Конечно же, фавнов они повстречали на той самой Веселой Лужайке, и Каспиан со своими новыми друзьями провел на лужайке все время до Большого Совета. Спать под открытым, усыпанным звездами небом, не пить ничего кроме родниковой воды и питаться в основном орехами и дикими плодами — все это было для Каспиана очень даже непривычно: ведь его сызмальства клали спать на мягкую перину в затянутой шпалерами спальне, кормили с золотых и серебряных блюд в просторной трапезной, к тому же к услугам королевича всегда были десятки слуг. Но — никогда раньше ему не было так радостно, как сейчас. Никогда еще сон не был таким освежающим, никогда еще не была такой вкусной еда; мышцы юноши наливались силой, а лицо постепенно обретало истинно королевское величие.

В урочный час, в канун полнолуния, на поляну стали стекаться подданные Каспиана. Приходили они поодиночке, по двое, по трое, впятером и даже всемером, и король подивился их числу и не мог сдержать волнения, слыша приветствия. На поляне собрались все, кого он знал: Пузатые медведи, рыжие и черные гномы, кроты и барсуки, зайцы и ежи; были и другие, те, с кем он не успел пока свести знакомство, — пятеро сатиров (рыжих, что лисицы), толпа говорящих мышей, вооруженных до зубов и выступавших под пение трубы, несколько сов и старый ворон с Вороньего утеса. Последним, вместе с кентаврами, появился — у Каспиана дух захватило от неожиданности — великан Ветродуй с холма Мертвецов: невысокий (для великана, разумеется), но ловкий и проворный, он принес на спине отряд гномов. Выглядели они так, будто страдали от морской болезни, и похоже, жалели, что согласились на предложение великана подвести их до места.

Пузатые медведи предложили сперва подзакусить, а совет отложить на после ужина — лучше всего до завтра. Рипичип, которого поддержали остальные мыши, заявил в ответ, что подождут и еда, и совет, — вперед, на Мираза, засевшего в своем замке! Балаболка и прочие белки объяснили, что могут кушать и говорить одновременно, так что совет вполне можно совместить с пиром. Кроты предложили прежде всего обнести лужайку защитным земляным валом и выкопать ров. Фавны полагали, что начинать следует с торжественной пляски. Старый ворон согласился с медведями: негоже устраивать совет до ужина, и присовокупил, что перед ужином хотел бы обратиться ко всем с краткой приветственной речью. Впрочем, Каспиан при поддержке гномов и кентавров унял всю эту разноголосицу и настоял на том, чтобы приступить к совету.

После того как все угомонились и расселись широким кругом, а потом с немалым трудом утихомирили Балаболку, которая металась туда-сюда, истошно призывая к тишине и порядку, Каспиан выступил вперед.

— Нарнианцы! — воскликнул он. Больше ничего королевич сказать не успел, ибо заяц Камилло вдруг прошептал:

— Тсс! Поблизости человек! Чуете?

Все, кто собрался на поляне, замерли, словно превратившись в статуи. Только дрожали ноздри — животные настороженно принюхивались.

— Вроде как человек, а вроде и нет, — прошептал Землерой.

— Сюда идет, — сказал Камилло.

— Пускай, — проговорил Каспиан. — Два барсука, трое гномов с луками... Думаю, хватит. Ступайте ему навстречу.

— Уж мы с ним потолкуем, — мрачно пообещал черный гном, накладывая стрелу на тетиву.

— Не убивайте его, если он один, — предостерег Каспиан. — Схватите и ведите сюда.

— Зачем? — удивился гном.

— Делай как сказано, — отозвался кентавр Гленсторм.

Барсуки и гномы растаяли в темноте. Все молча ждали. Внезапно послышался окрик: «Стой! Кто идет?». Тренькнула тетива. Мгновение спустя голос, хорошо знакомый Каспиану, произнес: «Успокойтесь, пожалуйста. Я безоружен. Свяжите меня, если хотите, достойные барсуки, но только не кусайте. Я хочу поговорить с королем».

— Доктор Корнелиус! — вскричал Каспиан и бросился к своему наставнику, вступившему на поляну под охраной. Подданные поспешили за королем.

— Ба! — скривился Никабрик.— Полукровка! Отступник! Дозвольте проткнуть его мечом, сир!

— Тихо, Никабрик,— прикрикнул Трампкин.— У каждого свои недостатки.

— Это мой лучший друг и спаситель,— представил чужака Каспиан.— Всякий, кому не нравится его компания, волен уйти, но он останется. Понятно? Дражайший доктор, я так рад снова вас видеть! Как вы нас разыскали?

— Мне помогло волшебство, ваше величество,— откликнулся доктор, отдуваясь: до поляны ему пришлось почти бежать.— Но об этом потом, если не возражаете. Вы в ловушке! Бегите, умоляю! Вас предали, и Мираз ведет сюда свое войско. Если промедлите, к завтрашнему полудню вас окружат и убьют!

— Предали? — изумился Каспиан.— Кто?

— Как пить дать, другой полукровка,— проворчал Никабрик.

— Ваш конь,— горестно вздохнул Корнелиус.— Бедное животное! Потеряв седока, он, конечно же, поскакал обратно и со временем добрался до замка. Так открылся ваш побег. Я старался не попадаться на глаза Миразу, не желая, чтобы меня допрашивали — между прочим, у Мираза страшная камера пыток, где он может вырвать любое признание. Магический кристалл подсказал мне, где я смогу вас найти. А позавчера Мираз разослал по всей округе поисковые отряды. День спустя — то есть вчера — он и сам выступил в поход во главе своего войска. Сдается мне, некоторые ваши... гм... чистокровные гномы вовсе не такие осторожные, какими хотят казаться. Ваши следы в лесу повсюду. Короче говоря, Мираз узнал, что с древней Нарнией еще не покончено, и теперь движется сюда, чтобы довершить начатое много лет назад.

— Урра! — пискнул кто-то под ногами у доктора.— Наконец-то! Ваше величество, поставьте нас в первый ряд!

— Это что еще такое? — озадаченно проговорил Корнелиус.— Неужто вашему величеству служат комары с кузнечиками? — Он нагнулся, пристально поглядел вниз — и расхохотался.— Клянусь Великим Львом, да это же мышь! Рад

познакомиться, сеньор! Весьма польщен! Не каждый день встретишь столь отважного воина!

— Прими мою дружбу, ученый муж,— пропищал Рипичип.— Если тебя кто-нибудь обидит, только скажи, и я с ним разберусь, будь он гном или великан!

— Хватит ерунду пороть! — вмешался Никабрик.— Что будем делать? Убежим или сразимся?

— Коли придется, так сразимся,— ответил Трампкин.— Но вот беда: не готовы мы еще к сражению, да и место неподходящее...

— Убегать стыдно,— задумчиво проговорил Каспиан.

— Слушайте! Слушайте! — хором воскликнули медведи.— Сколько можно бегать, да еще перед ужином? И сразу после ужина тоже не бегают.

— Разумный отступить не стыдится,— сказал кентавр.— А коли мы намерены сражаться, надо самим выбрать место битвы. К чему соглашаться на условия врага?

— Верно подмечено, ваше величество,— вставил Землерой,— ох, как верно.

— Но куда же мы пойдем? — спросили несколько голосов.

— Ваше величество,— вновь заговорил Корнелиус,— и вы, многомудрые животные, мы должны идти на восток вдоль реки, до самой чащи. Тельмаринцам ненавистны леса, и моря они всегда боялись — потому что из-за моря в наш край пришел Эслан. Вот почему они не вырубили деревья, преграждающие путь к морю. Как гласят предания, в устье реки стоит замок Кэйр-Паравел. Его окрестности враждебны нашим недругам. Я скажу так: мы должны укрыться на Эслановом взгорье.

— Эслановo взгорье? А это где? Мы там не бывали.

— Эслановo взгорье находится у опушки Великого Леса. Это высокий курган, возведенный в баснословные времена на том месте, где стоял — и, быть может, стоит до сих пор — магический камень. Курган изнутри весь изрыт пещерами и тунелями, а камень укрыт в самой его сердцевине. Там разместится все: и наши припасы, и мы сами — во всяком случае, те, кому более других нужно укрытие и кто привык жить под землей. Остальные же спрячутся в лесу. При необходимости мы — исключая достопочтенного великана — сможем также укрыться в кургане, и там до нас не доберется никто — разве что голод.

— Хорошо, что среди нас есть ученый муж, — сказал Землерой.

— Вихры мои, вихрочки! — проворчал Трампкин себе под нос. — Опять бабушкины сказки! Замок какой-то, курган, камень магический... Нет чтобы делом заняться!

Предложение Корнелиуса одобрили, и в ту же ночь, полчаса спустя, выступили в поход. А перед рассветом уже достигли Эсланова взгорья.

Курган возвышался на вершине более полого холма, сплошь поросшего деревьями; в склоне его нашлась крохотная дверца. За дверью начинался настоящий лабиринт туннелей, стены и потолки которых были выложены камнем; приглядевшись, Каспиан в свете факела различил на камнях диковинные знаки и рисунки, в которых угадывались очертания львиной фигуры. Казалось, эти знаки и рисунки были начертаны во времена даже старше тех, о которых ему рассказывала нянюшка.

Едва успели разместиться в пещерах, как дозорные принесли дурные вести. Лазутчики Мираза выследили повстанцев и привели тельмаринское войско прямиком ко взгорью. И, как это часто бывает, вдруг выяснилось, что войско Мираза куда многочисленнее и сильнее, чем они полагали. Наблюдая за врагами, Каспиан все больше приходил в уныние. Ратники Мираза, конечно, боялись леса, но куда сильнее они боялись своего правителя и потому продолжали наступление (а не будь его с ними, наверняка давно бы разбежались). Осажденные то и дело устраивали вылазки; так продолжалось не день и не два, и при свете солнца, и во мраке ночи, однако вылазки эти не причиняли врагу особого ущерба.

А потом наступила ночь, когда все вообще пошло из рук вон плохо. Дождь, хлеставший весь день напролет, обернулся ночными заморозками. Утром же Каспиан предполагал ударить по врагу всеми наличными силами. Сам он вместе с гномами должен был напасть на рассвете на правое крыло Миразовой армии; а когда завяжется сражение, великан Ветродуй с кентаврами и хищниками выскочит из засады и отрежет правое крыло Мираза от остального войска. Однако план провалился. Никто не предупредил Каспиана (по правде сказать, никто этого не помнил и помнить не мог), что великаны не отличаются сообразительностью. Бедняга Ветродуй был настоящим великаном — храбрым как Лев и изрядно тупова-

тым. Он выбрался из засады в неурочный час и ударил вовсе не туда, куда ему говорили, и в итоге отряды Каспиана понесли большие потери, а враг почти не пострадал. И самый доблестный из Пузатых медведей, и один из кентавров были почти при смерти, а ран не избежал никто.

Отступив, укрылись в лесу и расселись в молчании за скудной едой. Мрачнее других, разумеется, был Ветродуй. Он сидел и горько плакал, и огромные слезы падали на горстку мышей, пригревшихся у его ног. Мыши, естественно, повскакивали, принялись отряхиваться, размахивать клинками и грозить великану страшными карами, если он не прекратит немедленно это безобразие. Тут пробудились и другие и принялись совестить мышей: дескать, вас брали в разведчики, а вовсе не в певцы, так что давайте-ка, братцы, уймитесь. А пристыженный Ветродуй на цыпочках ушел в глубь леса — искать укромное местечко, где никто не помешает выплакаться; по дороге он наступил на чей-то хвост, и кто-то (как говорили потом, лиса) его укусил. Короче говоря, отдохнуть не удалось никому.

А в тайной пещере в самом сердце кургана королевич Каспиан держал совет с доктором Корнелиусом, Землероем, Трампкином и Никабриком. Свод пещеры поддерживали толстые колонны, изваянные древними мастерами. Посреди пещеры стоял магический камень — точнее, каменный стол, расщепленный точно посередине. По камню бежала какая-то надпись. За несчетные годы, которые этот стол простоял под небом, открытый ветру и непогоде, надпись почти стерлась. Участники совета старались не подходить слишком близко к столу: от него до сих пор исходила некая магия, а потому он внушал трепет. Сидели на бревнах у грубого, наспех сколоченного деревянного стола, на котором стояла глиняная лампада. В углах пещеры залегли глубокие тени.

— Пора воспользоваться рогом, ваше величество,— сказал Землерой (Каспиан поведал друзьям об обретенном сокровище).— Думаю, помощь не замедлит прийти.

— Мы в отчаянном положении,— согласился Каспиан.— Но как узнать, насколько оно отчаянное? А вдруг завтра станет и того хуже? Что тогда?

— Все бы вам рассуждать,— проворчал Никабрик.— Дорассуждаетесь, слишком поздно будет.

— Гном прав,— сказал доктор Корнелиус.

— А ты что молчишь, Трампкин? — спросил Каспиан у рыжего гнома, который слушал разговор с совершенно безразличным видом.

— Вашему величеству прекрасно известно, что я думаю. А для остальных повторю: по-моему, и этот рог, и вон та каменюка, и король Питер, и Эслан ваш — все это пустая болтовня, бабушкины сказки. Трубите, ваше величество, коли вам приспичило, только никому не рассказывайте. Не надо обманывать тех, кто вам доверяет. А вы их непременно обманете, ибо проку от вашего рога — ну никакого!

— Что ж... Во имя Эслана! Я протрублю в рог королевы Сьюзен! — вскричал Каспиан.

— Не спешите, государь,— сказал Корнелиус.— Прежде вам следует сделать кое-что другое. Мы не знаем, что за помощь к нам придет. Вполне возможно, рог призовет Эслана из-за моря. Но мне сдается, что скорее всего он приведет к нам верховного короля Питера и его сподвижников из славного прошлого. Но вряд ли можно ожидать, что они — кто бы то ни был — появятся именно здесь...

— Первые разумные слова,— пробурчал Трампкин.

— Думаю,— продолжал доктор,— наша помощь явится в каком-либо из Древнейших Мест. Мы с вами находимся в самом древнем из них и в самом что ни на есть волшебном, но существуют также два других. Первое — Фонарный Угол; это вверх по реке, к западу от Бобриной Плотины, там дети-короли впервые появились в Нарнии, как гласит легенда. Второе — в устье реки, где когда-то стоял замок Кэйр-Паравел. И если даже к нам на выручку придет сам Эслан, вероятнее всего встретить его именно там, ибо в преданиях говорится, что он — сын заморского императора и должен прийти из-за моря. Я предлагаю послать дозорных и вниз, и вверх по течению, и в Фонарный Угол, и к устью, чтобы было кому встретить нашу подмогу.

— Так я и думал,— буркнул Трампкин.— Мало нам хлопот, еще и двух воинов потеряем.

— Кого же нам послать, доктор Корнелиус? — спросил Каспиан.

— По вражеской территории сподручнее всего пробираться белке,— проговорил Землерой.

— Все наши белки — а у нас их не так уж много,— отозвался Никабрик,— существа легкомысленные. Единственная, кому я доверяю,— Балаболка.

— Пускай будет Балаболка,— решил Каспиан.— А второй посланец? Я бы предложил Землероя, но он не то чтобы скор на ногу. И вы тоже, доктор Корнелиус.

— Я не пойду,— заявил Никабрик.— Люди и звери тут кишмя кишат, а значит, при короле нужен гном, чтобы гномов никто обидеть не посмел.

— Иголки да колючки! — в ярости вскричал Трампкин.— Да как ты смеешь обвинять короля?! Пошлите меня, государь!

— Тебя? — удивился Каспиан.— Ты же не веришь в силу рога, Трампкин.

— Не верю, ваше величество,— согласился рыжий гном.— Но разве это важно? Какая разница, где погибать? Вы — мой король. Мое дело — советовать, ваше — повелевать. Совет вы слышали, теперь приказывайте.

— Ты настоящий друг, Трампкин,— Каспиан повернулся к Корнелиусу.— Пошлите за Балаболкой. Доктор, когда я должен протрубить в рог?

— Я бы подождал рассвета, ваше величество,— откликнулся Корнелиус.— Белая магия действеннее, когда ее творят при свете дня.

Несколько минут спустя прибежала Балаболка. Ей подробно объяснили, что нужно сделать, и она пообещала все в точности исполнить. Чувствовалось, что ей не терпится отправиться в путь (подобно многим другим белкам, Балаболка отличалась неуемным любопытством и всегда была готова к приключениям). Торопливо перекусив перед дорогой, попрощались с Каспианом, барсуком и Корнелиусом и двинулись каждый в свою сторону: белка умчалась на северо-запад, в направлении Фонарного Угла, а угрюмый Трампкин, бурча под нос, зашагал вниз по течению реки.

Глава 8
Расставание с островом

— И вот,— закончил Трампкин (именно он, как вы уже наверняка догадались, и был тем самым гномом, которого ребята спасли от неминуемой смерти),— я сунул в карман пару галет, из оружия прихватил с собой только кинжал и рано поутру двинулся к лесу. За спиной осталось уже немало миль, когда я услыхал звук, подобного которому в жизни не слышал. Провалиться мне на этом месте! Он словно заполнял все вокруг — громкий, точно раскат грома, и нескончаемо

протяженный, а еще отчетливый и сладостный, как музыка, плывущая над водой. И от него содрогнулись деревья! Я сказал себе: «Если это не рог, значит, я — кролик». А потом подивился, почему в рог не протрубили раньше...

— Когда это было? — перебил Эдмунд.

— Часов в девять — или в десять. В общем, где-то между.

— Мы сидели на станции! — воскликнули хором ребята и, не сговариваясь, подмигнули друг другу.

— Пожалуйста, продолжайте, — попросила Люси.

— Что ж, подивиться я подивился, но шаг не сбавил. Шел всю ночь напролет — а раненько поутру втемяшилось мне в голову пробежать по открытому месту, чтобы речную петлю срезать. Одно слово, олух! Ладно бы, великаном был, с них-то спрос какой. Так ведь нет... Короче, меня поймали. И кто? Дряхлый старикашка, который того и гляди лопнет от спеси! Он держит ближайшую к побережью крепость Мираза. Разумеется, правды они у меня не выпытали, да только кровь моя сама за себя говорила: гном — стало быть, бунтовщик. Борода моя торчком! По счастью, Миразов наместник оказался еще глупее меня. Будь на его месте кто другой, со мной не стали бы церемониться. А он решил устроить зрелище: торжественно спровадить беднягу Трампкина к призракам, тщательно соблюдая все традиции. Ну вот... Затем сия юная дама, — гном кивком головы указал на Сьюзен, — проявила свое умение стрелять из лука; и скажу откровенно — стреляет она очень даже неплохо. Теперь я с вами, живой, но без оружия и без доспехов — их у меня, конечно же, забрали, — он выбил трубку и набил ее по-новой.

— Великие небеса! — вскричал Питер. — Значит, это рог — твой рог, Сью, — призвал нас сюда! Даже не верится... Но сколько ни зажмуривайся, вот она, наша Нарния!

— Почему не верится? — удивилась Люси. — Еще как верится! Вспомни сказки: в них обязательно кто-нибудь да переносится по воле волшебства с места на место — или из мира в мир. Ну, когда в «Тысячи и одной ночи» колдун вызывает джинна, тот не может ослушаться, правда? Мы сейчас — вроде того джинна...

— Джинны и джиннии, — усмехнулся Питер. — В сказках-то непременно призывают кого-нибудь в *наш* мир, а не наоборот. Мы к этому привыкли, а потому нам трудно представить, что может быть иначе.

— Зато теперь мы знаем, что чувствуют джинны, когда их призывают, — Эдмунд хмыкнул. — Выходит, в любой момент кого угодно можно вот этак высвистать... Брр! А папа нас всякой ерундой пугал: дескать, ныне человек — придаток телефона, и все такое...

— Но мы же хотели вернуться в Нарнию, — проговорила Люси. — Верно? А вышло, что и Эслан захотел того же.

— Уж простите, — вмешался гном, — но что делать-то будем? Мне бы к королю Каспиану вернуться, известить его, что подмога не пришла.

— Не пришла? — с возмущением повторила Сьюзен. — Как это «не пришла»? А мы?

— Э... Ну... Конечно, конечно... — Похоже, у гнома вдруг забилась трубка; во всяком случае, он ретиво принялся ее прочищать. — Но... В смысле... Как же...

— Разве вы не поняли, кто мы такие? — воинственно спросила Люси. — Какой вы глупый!

— Вы — те самые дети из бабушкиных сказок, — ответил Трампкин, не поднимая головы. — Разумеется, я очень рад нашей встрече. Нам, без сомнения, найдется о чем поговорить. Вот только не обижайтесь, но... — Он снова замялся.

— Валяй, говори, — подбодрил Эдмунд. — Изволь заканчивать, раз уж начал.

— Без обид, — предостерег гном. — Дело в том, что король, Землерой, доктор Корнелиус — все они ждали... ну, настоящей подмоги. Можно и по-другому сказать: вас они представляли великими воинами. Но... В Нарнии детишек любят, что есть, то есть, но сейчас, в самый разгар войны... Уж не обессудьте...

— Хочешь сказать, от нас толку никакого? — Эдмунд побагровел от гнева.

— Не сердитесь, — взмолился гном. — Прошу вас, мои маленькие друзья...

— Кто бы говорил! — вскипел Эдмунд. — На себя погляди, мелочь пузатая! Значит, ты не веришь, что мы победили в битве при Беруне? Про меня говори что хочешь, я того заслужил, но других...

— Давайте не будем ссориться, — вмешался Питер. — Подберем гному новые доспехи, сами облачимся, а там уж и потолкуем.

— Чего с ним говорить... — махнул рукой Эдмунд.

— Может, послушаемся Питера? — прошептала Люси на ухо брату. — Он же верховный король. И, по-моему, он что-то придумал.

Эдмунд угрюмо кивнул, включил фонарик и первым двинулся по склизким ступенькам в подземелье. Остальные — и Трампкин в том числе — последовали за ним.

Глазки гнома жадно заблестели при виде сокровищ (естественно, ему пришлось встать на цыпочки, чтобы заглянуть на полки). Он пробормотал себе под нос: «Хорошо, что Никабрик этого не видит». Подыскать ему подходящую по росту кольчугу труда не составило; нашелся и шлем, и меч, и щит, и лук, и колчан со стрелами. Шлем был бронзовый, отделанный рубинами, а в рукояти меча сверкало золото. Трампкин просто онемел от восторга, а когда вновь обрел дар речи, признался, что в жизни не видывал этакой груды сокровищ. Ребята тоже надели кольчуги и шлемы; Эдмунд нашел меч и щит по руке, а Люси взяла лук (у Питера и Сьюзен, как вы помните, оружие уже имелось). Пока поднимались по ступеням — кольчуги бряцали в такт шагам, и в них дети выглядели истинными нарнианцами, — братья, похоже, придумали некий план. Люси расслышала слова Эдмунда: «Нет, лучше я. Одолею — тем стыднее ему будет, а проиграю — не так страшно».

— Лады, — согласился Питер.

Когда все выбрались из подземелья, Эдмунд повернулся к гному и изысканно поклонился.

— Окажи мне услугу, достойный гном, — проговорил он. — Не каждый день удается встретить столь доблестного воина. Преподай мне урок фехтования. Я почту за честь сразиться с тобой.

— Паренек, — отозвался Трампкин, — меч — штука острая.

— Знаю, — сказал Эдмунд. — Но вас достать у меня все равно не получится, а вы наверняка скорее меня обезоружите, чем нанесете рану.

— Опасная затея, — буркнул Трампкин. — Но раз ты настаиваешь, я не могу отказать.

Оба обнажили мечи. Питер, Сьюзен и Люси отбежали в сторону, освобождая место для поединка. Зрелище было великолепное, и описать этот бой не так-то просто. Он ничуть не походил на те поединки, что разыгрывают на теат-

ральных подмостках актеры, бьющиеся фанерными мечами. И даже фехтовальный бой уступал ему в накале. Одним словом, это был настоящий поединок на настоящих мечах. Проще всего было поразить противника в ноги, не защищенные доспехами. Но противник тоже не дремал и тоже целился в ноги, так что бойцам приходилось подпрыгивать, пропуская удары под собой. Тем самым гном обрел небольшое преимущество: с его малым ростом ему не нужно было нагибаться, как Эдмунду, чтобы нанести удар по ногам. Пожалуй, начнись этот бой на сутки раньше, у Эдмунда не было бы ни малейшего шанса одержать победу. Но чудесный воздух Нарнии потихоньку делал свое дело: мышцы наливались силой, утраченные боевые навыки возвращались, и школьник Эдмунд мало-помалу становился самим собой — королем Эдмундом. Бойцы кружили по залу, обменивались ударами, стараясь улучить момент для решающего выпада. Сьюзен — ей сражения не нравились в принципе — ежеминутно вскрикивала: «Ах! Берегись! Осторожнее, пожалуйста!» Внезапно — заметить это движение было невозможно, однако Питер понял, что сделал брат (ибо сам владел той же уловкой) — Эдмунд припал на колено и в молниеносном выпаде выбил у Трампкина меч. Гном затряс рукой — удар был столь силен, что отбил пальцы.

— Надеюсь, все в порядке, мой маленький друг? — осведомился Эдмунд, переведя дух и вложив свой клинок в ножны.

— В полном,— сухо подтвердил Трампкин.— Тебе помогла хитрость.

— Верно,— согласился Питер.— И лучшего в целом свете бойца на мечах можно одолеть хитрым приемом, который ему неизвестен. Думаю, будет справедливо дать Трампкину вторую попытку. Не согласишься ли ты поучить мою сестру стрелять из лука? Тут уж никакого подвоха не будет.

— Шутники вы, как я погляжу,— проворчал гном.— А то мои глаза не видели, как она стреляет! Кто мою стражу разогнал, а? Да ладно, что с вами поделаешь... Попробую, так и быть,— надо сказать, Трампкин не сомневался в своей победе: среди гномов он славился как один из самых искусных стрелков.

Все пятеро вышли во двор.

— Где цель? — спросил Питер.

— Вон то яблоко над стеной,— ответила Сьюзен.

— Ха! — воскликнул Трампкин. — Неплохой выбор, девчушка! Ты разумеешь желтое, над аркой?

— Нет, другое, повыше — красное над бойницей.

Гном нахмурился.

— Красное? С этакого расстояния оно все равно что вишенка, — он пожал плечами, но возражать не стал.

Подбросили монетку, чтобы решить, кому стрелять первым (попутно выяснилось, что Трампкин знать не знает о таком способе выбирать). Начинать выпало гному. Стрелять надлежало со ступеней, ведущих из зала во двор. Гном встал на назначенное место и согнул лук; по сноровистым движениям в нем сразу можно было угадать опытного стрелка.

Трень! Это был замечательный выстрел. Стрела пронеслась вплотную к яблоку — плод даже закачался — и сбила висевший рядом зеленый лист. Гном уступил место Сьюзен. Она, в отличие от брата, не слишком радовалась состязанию: не то чтобы Сьюзен сомневалась, сможет ли попасть в яблоко, нет — просто-напросто ее доброй душе претила сама мысль о том, чтобы уязвить того, кто уже уязвлен. Трампкин не сводил с нее глаз. Сьюзен натянула тетиву. *Трень!* Мгновение спустя яблоко с глухим стуком упало наземь.

— Молодец, Сью! Молодец! — закричали ребята.

— Ваш выстрел был не хуже, — сказала Сьюзен понурившемуся гному. — Ветерок подул, вот прицел и сбился.

— Не было никакого ветерка, — пробурчал Трампкин. — И нечего меня утешать. Надо уметь проигрывать. Не хватало еще всякую чушь плести — мол, ветерок подул, старая рана разоплась...

— Ты ранен? — воскликнула Люси. — Дай я посмотрю.

— Маленьким девочкам на такое смотреть... — Трампкин замолчал, сообразив, что опять ляпнул не то. — Горбатого могила исправит, — вздохнул он. — Сдается мне, ты — великий целитель, брат твой — отменный боец, а сестра — знатная лучница.

Гном присел на ступеньку, снял кольчугу и рубашку и выставил вперед руку, волосатую и мускулистую, как у моряка, но по-детски тонкую. Люси осторожно сняла грубую повязку с его плеча. Под повязкой скрывалась кровоточащая опухшая рана.

— Бедный Трампкин, — проговорила Люси. — Какой ужас! — И она капнула на рану из своего чудесного флакона.

— Эгей! — вскричал гном. — Что ты делаешь? — Как он ни изворачивался, как ни щурился, как ни крутил головой, собственного плеча ему как следует было не разглядеть. Зато на ощущения вполне можно было положиться: а они говорили, что рана исцелилась. Гном дернул плечами, вскинул руку, напряг мышцы, пошевелил пальцами — и вдруг вскочил и пустился в пляс.

— Вихры мои дыбом! Вылечила! Ей-ей, вылечила! — Он озадаченно поморщился, а затем расхохотался: — Это ж каким дураком я себя выставил, а?! Простите меня великодушно, ваши величества. Я не со зла, клянусь! Жизнь спасли, рану исцелили, завтраком накормили, урок преподали — благодарю вас за все.

Ребята заверили гнома, что никто на него не обижается.

— А теперь, — сказал Питер, — если ты и вправду в нас поверил...

— А как же! — вставил гном.

— ...Нам остается только одно. Мы должны идти к королю Каспиану.

— И чем скорее, тем лучше, — кивнул Трампкин. — Сколько мы уже времени потеряли. По моей глупости.

— Судя по твоему рассказу, король от нас в двух днях пути, — продолжал Питер. — По человеческим меркам, разумеется. Это гномы могут идти день и ночь, люди на такое не способны, — он повернулся к родичам, — Эслановo взгорье — не что иное, как Каменный Стол. Помните, оттуда полдня пути до бродов Беруны...

— Мы говорим, до Берунского моста, — подсказал гном.

— В наше время там никакого моста не было, — откликнулся Питер. — Так вот, а путь от бродов к побережью займет день с хвостиком. Обычным шагом мы добирались до замка к вечеру второго дня. Помните? Если поспешить, можем уложиться в полтора дня.

— Не забывайте, теперь повсюду лес, — сказал Трампкин. — А где леса нет, там враги.

— Слушайте, — вмешался Эдмунд, — а нам обязательно повторять путь нашего маленького друга?

— Ваше величество, — вскричал гном, — умоляю, не называйте меня так!

— Хорошо, — согласился Эдмунд, — буду звать тебя НМД. Сойдет?

— Эдмунд, — укоризненно проговорила Сьюзен, — не будь таким жестоким.

— Все в порядке, девчушка... э... ваше величество, — со смешком отозвался Трампкин. — От шутки волдырь не вскочит.

С тех пор гнома частенько называли НМД и так привыкли к этому прозвищу, что почти забыли, что же оно означает.

— Как я говорил, — продолжал Эдмунд, — нас никто не заставляет возвращаться той же дорогой. Не сесть ли нам в лодку, не пройти ли на юг вдоль побережья до устья Прозрачной и не подняться ли вверх по течению? В море на нас никто не нападет, а дорога эта выведет прямиком к Каменному Столу. Если отправимся прямо сейчас, еще до темноты достигнем устья. Высадимся, поспим немножко, а к утру присоединимся к Каспиану.

— Полагаюсь на мудрость вашего величества, — сказал Трампкин. — Никто из наших ведать не ведает, где лежит устье Прозрачной.

— А как насчет еды? — спросила Сьюзен.

— У нас есть яблоки, — напомнила Люси. — Ну, что же вы медлите? И так почти два дня впустую прошли!

— Яблоки — это правильно, — одобрил Эдмунд. — Хватит моей шляпой рыбу ловить.

Один из плащей превратили в мешок и накидали в него столько яблок, сколько могли унести. Потом от души напились из колодца (ведь до самого устья Прозрачной утолить жажду будет нечем) и отправились на берег, к лодке. По правде сказать, ребятам не очень хотелось покидать Кэйр-Паравел: хоть и полуразрушенный, а все равно дом...

— Пусть НМД правит, — решил Питер, — а мы с Эдом сядем на весла. Погодите-ка! Кольчуги лучше снять, а то упаримся. Девочки, вы садитесь на нос, будете советовать НМД, куда править, — он дороги не знает. Думаю, для начала стоит подальше отойти от берега.

Вскоре зеленый берег острова, изрезанный укромными бухточками, остался за кормой. Лодка, мерно покачиваясь, скользила по легкой зыби. Впереди раскинулся морской простор; вода у бортов была зеленой, и чем дальше, тем становилась голубее. На губах ощущался привкус соли от брызг, тишину нарушал разве что плеск волн да скрип уключин. Солнце начинало припекать.

Люси и Сьюзен, расположившись на носу, свесились за борт и пытались окунуть руки в воду, но никак не могли дотянуться. Приглядевшись, можно было различить песчаное дно, кое-где поросшее багровыми водорослями.

— Как в старину,— проговорила Люси.— Помните наше плавание на Теребинтию, в Галму, на Семь Островов и на Одинокие острова?

— Конечно, помним,— откликнулась Сьюзен.— Мы плыли на «Пенящем волну», у него на носу была голова лебедя, а по бортам тянулись резные лебединые крылья...

— Паруса были шелковые, а на корме горели фонари...

— Мы пировали на палубе, под музыку...

— А однажды музыкантов отправили на мачты, и нам почудилось, будто музыка льется с небес...

Некоторое время спустя Сьюзен сменила Эдмунда, и он присоединился к Люси. Остров растаял в дымке, а побережье материка, густо поросшее лесом, мало-помалу приближалось. Пожалуй, кто-нибудь другой восхитился бы его дикой красотой. Но ребята помнили те времена, когда никакого леса на берегу не было и в помине и морской ветерок гулял над песчаными пляжами, где собирались веселые компании.

— Фью! — присвистнул Питер.— Потная работенка, ничего не скажешь.

— Давай я тебя сменю,— предложила Люси.

— Не сдюжишь,— Питер вовсе не хотел грубить, просто на более длинную фразу ему не хватило бы дыхания.

Глава 9
Видение Люси

К тому времени, как лодка обогнула последний мыс и вошла в устье Прозрачной, Сьюзен и мальчики совершенно выбились из сил, а у Люси от палящего солнца и бликов на воде разболелась голова. Даже Трампкину хотелось, чтобы путешествие поскорее завершилось: скамьи в лодке делались в расчете на людей, а никак не на гномов, и ноги Трампкина болтались в воздухе, не доставая до днища (попробуйте высидеть в этаком положении хотя бы десять минут, и вы сразу поймете, какие ощущения испытывал гном). И чем сильнее все уставали, тем становились угрюмее и тем больше предавались невеселым размышлениям. На острове думали только об одном — как добраться до укрытия Каспиана; теперь

же пытались понять, что будут делать, когда отыщут короля, а еще — каким образом горстка гномов и говорящих животных сможет одолеть войско Мираза.

Лодка медленно двигалась вверх по течению извилистой реки, а вокруг между тем сгущались сумерки; речные берега постепенно смыкались, прибрежные заросли делались все гуще, ветви деревьев переплетались над головами, и оттого сумерки казались сумрачнее обычного. Рокот прибоя растаял в отдалении, над рекой царила тишина, в которой можно было различить даже журчание ручьев, вытекавших из леса и впадавших в Прозрачную.

Наконец высадились на берег. Костер разводить не стали — сил не было. Перекусили яблоками. Конечно, яблоки третий день подряд — это чересчур, и потому кусок едва лез в горло, однако ничего другого не оставалось: какая уж тут охота, когда и рукой-то еле-еле шевелишь. После скудного ужина стали устраиваться на ночлег: выбрали местечко под четырьмя высокими буками, сгребли мох и палую листву и легли, прижавшись друг к другу.

Сон сморил мгновенно. Заснули все — кроме Люси, которая ворочалась с боку на бок и никак не могла найти удобное положение. Вдобавок (когда-то она это знала, но совсем забыла) выяснилось, что гномы храпят во сне. Наконец, умаявшись от бесплодных попыток заснуть, девочка открыла глаза. За деревьями угадывалась река, а над нею — о радость! — сверкали давно позабытые нарнианские звезды! Было время, когда Люси путалась в созвездиях нашего мира, зато с легкостью могла перечислить все созвездия Нарнии. И с годами она не утратила своих познаний в астрономии: стоило только взглянуть на небосвод, чтобы память вернулась! С того места, где Люси лежала, были видны три летних созвездия — Корабль, Молот и Леопард.

— Старый добрый Леопард, — прошептала девочка.

А сон по-прежнему не шел, даже наоборот — Люси вдруг ощутила прилив бодрости: такое иногда случается по ночам, когда дневная усталость пропадает, и чувствуешь себя способным на великие дела. Девочка заметила, что вода в реке мерцает: должно быть, встала луна. И внезапно Люси поняла: не спится не только ей — казалось, сам лес пробудился от дремоты. Почти не думая о том, что делает, она поднялась и быстрым шагом, почти бегом, углубилась в лес.

— Красота какая! — прошептала она. В лесу было свежо и прохладно, откуда-то доносились пряные ароматы. Где-то поблизости запел соловей — запел, умолк, снова запел. Впереди забрезжил слабый свет. Несколько шагов — и Люси очутилась на полянке, где переплетались в причудливой игре лунный свет и глубокие лесные тени, превращая полянку в подобие калейдоскопа. И в этот миг соловей, наконец-то удовлетворенный тем, как звучит его голос, запел по-настоящему.

Глаза Люси немного привыкли к полумраку, она стала различать ближайшие к себе деревья. Неожиданно на нее накатила тоска по тем чудесным временам, когда нарнианские деревья умели разговаривать. Ей было ведомо, что бы сказали *эти* деревья, сумей она их пробудить, и какое обличье они бы приняли. У березки, к примеру, был бы шелестящий голосок, подобный летнему дождику, и явилась бы она юной длинноволосой красавицей, обожающей танцевать. А дуб предстал бы добродушным седовласым стариком со всклокоченной бородой, с бородавками на лице и на руках. А бук... О, рядом с ним все прочие деревья показались бы бледными тенями! Стройный, статный, горделивый; лесной бог, истинный владыка леса.

— Ах, деревья, мои деревья,— проговорила Люси (слова сами сорвались с языка, нарушать тишину девочке не хотелось).— Проснитесь, ну пожалуйста, проснитесь. Разве вы не помните, как это здорово? Разве вы не помните меня? Дриады, гамадриады, покажитесь, выходите ко мне!

Не было ни ветерка, однако весь лес словно зашевелился. Шорох листвы отдаленно напоминал внятную речь. Соловей умолк, будто прислушиваясь к этому шороху. Люси чудилось: еще чуть-чуть — и она начнет понимать речь деревьев. Однако это «чуть-чуть» никак не желало приходить. Шорох стих, соловей возобновил свои рулады. Лес, даже в лунном свете, сделался скучным, обыденным. Впрочем, Люси была уверена (вам наверняка знакомо это чувство: вспоминаешь чье-то имя, а оно упорно ускользает) — да, она была уверена, что упустила нечто важное: словно она заговорила с деревьями на мгновение раньше — или позже,— чем следовало, или произнесла все нужные слова кроме одного, самого важного, или употребила одно-единственное неверное слово.

Неожиданно навалилась усталость. Девочка вернулась туда, где спали ее братья и сестра, легла между Сьюзен и Питером и быстро заснула.

Пробудились рано, еще до рассвета. Над рекой висел туман, было холодно и сыро. Разумеется, никому такое начало дня веселья не прибавило.

— Яблочки! — со злорадной ухмылкой воскликнул Трампкин.— Экие вы прижимистые, ваши величества! Подданных своих небось впроголодь держали?

В тумане ничего было не разглядеть — разве что деревья, подступавшие к берегу.

— Ваши величества дорогу-то знают? — справился гном.

— Я не знаю,— отозвалась Сьюзен.— Никогда в жизни не видела этого леса. Признаться, я думала, что мы доберемся до места по воде...

— Надо было спросить,— буркнул Питер (и если вспомнить, в каких ребята оказались обстоятельствах, резкость его была вполне извинительна).

— Не слушай ее,— вступил в разговор Эдмунд.— Она вечно нюни распускает. У тебя ведь есть компас, Питер? Значит, все в порядке. Идем на северо-запад, переходим речушку — как там ее называли, Камышовкой, что ли...

— Точно,— согласился Питер.— Она впадает в большую реку у бродов Беруны. То бишь у Берунского моста, как нам объяснил НМД.

— Угу. Оттуда в холмы и к восьми или девяти мы уже будем на Каменном Столе. Надеюсь, король Каспиан не откажет нам в завтраке.

— Может, ты и прав,— тихо сказала Сьюзен.— Но лично я ничего не помню.

— С этими девчонками одна морока,— Эдмунд подмигнул Питеру и гному.— Хоть бы раз дорогу запомнили.

— У нас других забот хватает,— вступилась за сестру Люси.

Поначалу все шло замечательно. Почудилось даже, будто удача вывела их на старую тропу, но это оказалось обманом чувств. С лесом всегда так — под каждым кустом мерещится тропинка. Эти тропинки исчезают, стоит сделать по ним несколько шагов, зато появляются другие — только для того, чтобы тоже исчезнуть. Постепенно сбиваешься с направления и лишь много времени спустя, заблудившись окончательно, по-

нимаешь, что никаких тропинок не было и в помине. Правда, мальчиков, не говоря уж о гноме, с толку было не сбить: они точно знали, куда надо идти.

Внезапно Трампкин остановился и прошептал: «Тсс!» Все замерли.

— За нами кто-то идет,— сообщил гном.— Вон там, по левую руку.

Постояли, прислушиваясь и вертя головами по сторонам.

— Готовь лук,— сказала Сьюзен Трампкину. Гном кивнул. Когда стрелы легли на тетивы, двинулись дальше.

Не прошли и двух десятков шагов, как уперлись в густой подлесок, обойти который не было ни малейшей возможности. Пришлось пробиваться сквозь. И в этот самый миг из-под возвышавшегося неподалеку дерева с громовым рыком взметнулось огромное, косматое нечто. Все произошло мгновенно. Люси очутилась на земле, в глазах у нее помутилось. Тренькнула тетива. Когда девочка пришла в себя и огляделась, она увидела, что рядом с нею лежит громадный бурый медведь, а в боку у него торчит стрела.

— На сей раз НМД тебя превзошел,— сказал Питер, поворачиваясь к Сьюзен. Он улыбался несколько натужной улыбкой — должно быть, нападение зверя застигло врасплох даже его.

— Я... слишком поздно спохватилась,— смущенно проговорила Сьюзен.— Ведь это мог быть *говорящий* медведь...

— Всякое случается,— подтвердил Трампкин.— Конечно, большинство зверей одичало, но разумные среди них иногда все же встречаются. Только как узнать? Вон зверюга какая! Спросишь такого, а он тебя в ответ возьмет да слопает.

— Бедный мишка,— вздохнула Сьюзен.— По-твоему, он дикий?

— Да,— ответил гном.— Я видел его, я слышал его рык. Он хотел позавтракать маленькой девочкой. Кстати, о завтраке. Вы говорили, что надеетесь на радушие короля Каспиана. Смею заверить ваших величеств — прием вам окажут самый что ни на есть теплый, а вот еды в лагере маловато. Но у нас есть этот медведь... Просто стыдно оставлять этакую груду мяса, тем паче, что задержимся мы на полчасика, не больше. Вы, ребятки — простите, ваши величества,— знаете, как свежевать медведя?

— Давай отойдем,— предложила сестре Сьюзен.— Это грязная работенка, и крови будет видимо-невидимо.

Люси поежилась и кивнула, а когда они сели, тихонько сказала:

— Сью, мне пришла ужасная мысль...

— Какая?

— Что если однажды люди тоже одичают, как здешние звери? С лица вроде человек, а внутри... Ужасно, правда?

— Что у тебя за мысли! — буркнула Сьюзен.— Нечего голову всякой ерундой забивать!

Между тем мальчики и гном свежевали медведя. Они нарезали столько мяса, сколько могли унести, завернули куски в листья и рассовали по карманам. Конечно, возиться с медвежьей тушей было, мягко выражаясь, не слишком приятно, однако никому не надо было объяснять — проголодавшись, они примутся уплетать это мясо за обе щеки.

Вымыв руки в ручье, который попался по дороге, двинулись дальше. Взошло солнце, послышались птичьи трели, над зарослями папоротника закружились мухи. Ломота в плечах и пояснице (грести день напролет — тяжелое испытание) мало-помалу стала проходить. Все приободрились.

Утреннее солнце припекало, поэтому пришлось снять шлемы и нести их в руках.

— А мы часом не сбились с пути? — вдруг спросил Эдмунд.

— С какой стати? — удивился Питер.— Вот компас, можешь сам убедиться. А если заберем вправо — тоже не беда: выйдем к реке и пойдем по берегу.

Шли и шли, не заводя разговоров, чтобы не сбивать дыхание. Кольчуги бряцали в такт шагам.

— И где эта треклятая Камышовка? — воскликнул Эдмунд долгое время спустя.

— Мы давно должны были к ней выйти,— отозвался Питер.— Думаю, она вот-вот покажется.

Гном искоса поглядел на братьев, но ничего не сказал.

И вновь хруст веток под ногами, бряцание кольчуг, струйки пота на спинах...

— Что такое?! — вскричал Питер.

Земля разверзлась почти у самых ног. Путники вышли к краю глубокого оврага, по дну которого бежала река. Овраг тянулся в обе стороны, насколько хватало глаз. Обойти его возможности не было, тем паче, что сразу за оврагом возвышались скалистые утесы.

— Это я виноват,— пробормотал Питер.— Похоже, мы заблудились. Я никогда не видел этого ущелья.

Гном присвистнул.

— Давайте вернемся,— предложила Сьюзен.— Я так и знала, что мы заблудимся.

— Сьюзен! — укорила сестру Люси.— Не смей обвинять Питера! Он же не нарочно!

— Ты тоже не кричи,— цыкнул Эдмунд.— Сью, между прочим, дело говорит.

— Листики-листочки! — вскричал Трампкин.— Ежели мы и вправду заблудились, лодку нам уже не отыскать. А коли и отыщем, что потом? На остров вернемся и моею дорогой пойдем? Проще сразу повеситься! Мираз покончит с Каспианом, прежде чем мы доберемся до короля.

— По-твоему, надо идти дальше? — удивилась Люси.

— Я не уверен, что верховный король заблудился,— ответил гном.— Может, это и есть та самая Камышовка, которую мы ищем.

— Камышовка течет по равнине,— Питер с трудом удержался, чтобы не сорваться на крик.

— Течет или *текла*? — уточнил Трампкин.— Сколько лет прошло? Двести, триста, тысяча? В Нарнии многое изменилось. Скажем, случился оползень, половины холма как не бывало. Река год за годом размывала породу, так овраг и возник. А может, землетрясение было или что еще...

— Об этом я не подумал,— признался Питер.

— И даже если это не Камышовка,— продолжал Трампкин,— течет-то она на север. Значит, рано или поздно эта речка впадает в Великую Реку! То есть, спускаясь по течению, мы непременно выйдем к Великой Реке. А это означает, что заблудиться мы, по большому счету, вовсе не заблудились.

— Какой ты молодец, Трампкин! — Питер хлопнул гнома по плечу.— Пошли, спустимся в овраг.

— Ой! — крикнула Люси.— Глядите!

— Что? Куда?

— Там Лев! Эслан вернулся! Неужто не видите? — Глаза девочки сверкали, лицо приобрело диковинное выражение.

— Ты хочешь сказать...— начал Питер.

— Где ты его видела? — перебила брата Сьюзен.

— Не смотрите на меня так! — Люси топнула ногой.— Говорю вам, я его видела!

— Где, Лу? — спросил Питер.

— Вон там, на склоне. На той стороне оврага. Как раз напротив того места, где ты хотел спускаться. Он хотел, чтобы мы шли *туда* — вверх, а не вниз.

— Откуда ты знаешь, чего он хотел? — скривился Эдмунд.

— Я... Он... Я догадалась, — пробормотала Люси.

Прочие озадаченно переглянулись.

— Не спорю, ваше величество могли увидеть льва, — рассудительно произнес Трампкин. — В этих местах, говорят, и впрямь львы водятся. Но с чего вы взяли, что это был говорящий Лев? Скорее всего, такая же кровожадная зверюга, как и тот медведь, которого мы подстрелили.

— Какие вы все глупые! — воскликнула Люси. — По-вашему, я не отличу Эслана от обыкновенного льва?

— Должно быть, Эслан сильно постарел, — сказал гном. — Лет-то прошло невесть сколько. А раз так, он вполне мог одичать, как и многие-многие другие звери.

Люси побагровела от гнева. Пожалуй, она накинулась бы на Трампкина с кулаками, когда бы Питер не схватил ее за руку.

— НМД не понимает, Лу, — объяснил он сестре. — Откуда ему знать? Трампкин, во всем, что касается Эслана, тебе придется полагаться на наши слова. Мы о нем хоть что-то знаем, а ты — вообще ничего. И впредь не смей говорить о нем в таком тоне. Во-первых, это некрасиво, во-вторых — полная ерунда. Однако кое в чем ты прав: глупо видеть Эслана в первом попавшемся льве.

— Это был Эслан! — крикнула Люси со слезами на глазах.

— Лу, *мы* его не видели, — ласково проговорил Питер.

— Давайте голосовать, — предложил Эдмунд.

— Давайте, — согласился Питер. — Ты старший из всех, НМД. Что ты выбираешь — вверх или вниз?

— Вниз, — твердо ответил гном. — Ваш Эслан мне не указ. Я знаю одно: если мы полезем в холмы, у нас уйдет целый день, чтобы пересечь их. А если спустимся в овраг, то через пару часов уже выйдем к Великой Реке. К тому же я предпочитаю не связываться со львами, будь они дикие или домашние.

— Твоя очередь, Сьюзен.

— Не сердись, Лу, но я бы пошла вниз. У меня ноги подкашиваются. А лес этот я уже видеть не могу! И потом, я никого не видела...

— Эдмунд?

— Ну...— протянул Эдмунд, неожиданно покраснев, и вдруг затараторил: — Когда мы впервые попали в Нарнию, было это год или тысячу лет назад, мы тоже не поверили Люси, помните? И я ее донимал почище остальных. А ведь она оказалась права! В общем, вы как хотите, а я говорю — надо идти вверх.

— Эд! — растроганно выдохнула Люси и сжала ладонь брата.

— Ты последний, Питер,— сказала Сьюзен.— Надеюсь...

— Дай подумать,— оборвал ее Питер.— Клянусь Юпитером, я бы предпочел ничего не решать...

— Ты — верховный король,— сурово напомнил Трампкин.

— Вниз,— сказал Питер после долгого молчания.— Может, Люси и права, но я выбираю иной путь. Уж извини, Лу.

Не медля ни мгновения, все повернулись и двинулись вдоль оврага, по течению реки. Люси шла последней, и глаза ее были полны слез.

Глава 10
Возвращение Великого Льва

Дорога вдоль оврага оказалась вовсе не такой легкой, как представлялось поначалу. Не прошли и сотни шагов, как уперлись в ельник над самым обрывом; попытка продраться сквозь него обернулась расцарапанными руками и коленками, поэтому пришлось этот ельник обойти. Забирали все дальше вправо, пока не пропали из вида утесы и не стих шум реки; ребята даже начали опасаться, что заблудились. А солнце припекало, с каждой минутой становилось все жарче.

Когда наконец возвратились к оврагу (на целую милю ниже того места, откуда начинали обход), выяснилось, что здесь утесы более пологие и изобилуют осыпями. Вскоре нашли подходящий склон, спустились в овраг, передохнули, напились — и продолжили путь вдоль по берегу реки. Уже никто не заговаривал ни о завтраке, ни даже об обеде за столом Каспиана.

Пожалуй, решение держаться реки было наилучшим из возможных: на берегу не встречалось серьезных препятствий

вроде того ельника, что вынудил пуститься в обход. Поглядывая на склоны оврага, ребята видели, что поверху тянется лес — густой, нехоженый, в котором проще простого заплутать или угодить в бурелом, откуда не так-то легко выбраться. Впрочем, препятствия на берегу все же встречались — и ощутимо замедляли продвижение. Берега Камышовки замечательно подходили для летней прогулки с пикником. Говорливые водопады, увенчанные серебристой пеной пороги, глубокие, янтарного оттенка заводи, замшелые валуны, заросли мха, в которых нога тонула по щиколотку, папоротники; над водой носились сверкавшие самоцветами стрекозы, в небе кружил ястреб (Питеру с Трампкином показалось, что они разглядели и орла). Но красоты природы оставляли путников почти равнодушными: им не терпелось добраться до Великой Реки, пересечь Берунский мост и выйти к Эсланову взгорью.

Постепенно речные берега становились все круче. Шли спотыкаясь, поскальзываясь, рискуя свалиться с обрыва в расщелину, на дне которой сердито ревела река. Однако отступать никто и не думал и никто не предлагал вернуться.

То и дело поглядывали на утесы слева, высматривая проход между ними; но сколько ни шли, сколько ни всматривались, никакого прохода не объявлялось. Несбывшиеся надежды приводили в ярость: ведь все знали, что стоит перевалить через утесы — и начнется пологий склон, который быстро выведет к Эсланову взгорью.

Мальчики предложили развести костер и пожарить мясо; гном охотно их поддержал. Но Сьюзен стала возражать, мол, давайте сначала выберемся из этого треклятого леса, а там уже и поедим. Люси же слишком устала и слишком сильно была обижена, чтобы соглашаться или возражать. Впрочем, сухих веток для костра окрест все равно не наблюдалось, так что спор затих, едва начавшись. Питер с Эдмундом — похоже, они изнывали от голода — стали обсуждать, а правда ли, что сырое мясо омерзительно на вкус. Обратились за советом к Трампкину; гном уверил, что так оно и есть.

Разумеется, происходи все это в старой доброй Англии, ребята давно бы выбились из сил. Но чудесный воздух Нарнии укрепил их тела и души. Даже Люси сейчас лишь на треть напоминала ту маленькую девочку, которая впервые пошла в школу; на две трети она уже стала той самой легендарной королевой Люси, прославленной во множестве легенд.

— Урра! — вдруг закричал Питер.

За речной излучиной взорам открылся потрясающий вид. Впереди сверкала на солнце серебристая лента Великой Реки, а за нею, до самого окоема, тянулась бескрайняя равнина. На реке виднелась отмель, в которой ребята сразу узнали Берунские броды; теперь в том месте через Великую Реку был переброшен длинный многоарочный мост. У дальнего конца моста лепились на берегу домики.

— Клянусь Юпитером! — пробормотал Эдмунд.— Мы сражались в битве у Беруны как раз там, где стоят эти домишки!

Ребята приободрились. Ничто так не прибавляет сил, как вид того места, где ты одержал славную победу, пусть даже это случилось сотни лет назад. Питер с Эдмундом принялись вспоминать, что да как, и скоро и думать забыли о стертых ногах и тяжелых кольчугах на плечах. Гном с любопытством прислушивался.

Сами того не замечая, они пошли быстрее, тем паче что земля под ногами стала более ровной. По левую руку по-прежнему громоздились почти отвесные утесы, но справа склон оврага делался все ниже, и скоро овраг превратился в неглубокую лощину. Водопады и пороги остались позади, ребята вновь очутились в лесу.

Внезапно что-то просвистело у Питера над ухом. Послышался глухой стук, словно где-то в лесу долбил по дереву дятел. Ребята переглянулись, недоумевая, где они могли раньше слышать такой звук и почему он им не нравится, и тут Трампкин крикнул: «Ложись!» и почти опрокинул Люси, стоявшую рядом с ним, в заросли папоротника. Питер обвел взглядом деревья, будто высматривая белку,— и увидел длинную стрелу, вонзившуюся в ствол прямо у него над головой. Он упал навзничь, увлекая за собой Сьюзен, и в этот миг другая стрела вспорола землю рядом.

— Быстрее! Быстрее! Ползите! — крикнул Трампкин.

Никто не посмел ослушаться. Поползли вверх по склону, в зарослях папоротника, отмахиваясь от надоедливых мух. Над головами свистели стрелы. Одна со звоном ударилась о шлем Сьюзен и упала наземь. Ребята поползли еще быстрее. Пот заливал глаза. Выбрались из папоротника и кинулись бежать, сгибаясь в три погибели; мальчики держали в руках мечи, чтобы невзначай о них не споткнуться.

Вверх, вверх, вверх... Сердце готово выскочить из груди, ноги подгибаются, отказываются бежать... Наконец ребята рухнули на сырой мох и, подталкивая друг дружку, заползли за большой валун. Неужто спаслись?

Все настороженно прислушивались, но звуков погони как будто не было.

— Уф! — выдохнул Трампкин.— В лес они не полезут. Должно быть, мы на часовых нарвались. Значит, Мираз выставил караулы... Бухты-барахты! Повезло нам, ничего не скажешь...

— Это я виноват,— пробормотал Питер.— Я повел вас вниз по оврагу.

— Вовсе нет, ваше величество,— возразил гном.— Осмелюсь напомнить, что первым предложил идти к Великой Реке ваш венценосный брат, король Эдмунд.

— НМД прав,— согласился Эдмунд. Конечно, никому не нравится расписываться в собственных ошибках, но королю — коли он и вправду король, а не пустое место,— не пристало сваливать вину на других.

— А выбери мы тот путь, каким пришел я,— продолжал Трампкин,— мы бы тоже нарвались на часовых и тоже бежали бы, спасаясь от стрел. Сдается мне, выбор был сделан правильный.

— А толку-то? — проворчал Эдмунд.

— Никакого,— отозвалась Сьюзен.

— Наверное, нужно вернуться,— тихо проговорила Люси.

— Лу, какая же ты умница! — вскричал Питер.— Любой из нас на твоем месте давно бы уже все уши прожужжал: «Я вам говорила! Я вас предупреждала!» Что ж, идем.

— Как только доберемся до леса,— заявил Трампкин,— я разведу костер и пожарю мясо. Уж больно кушать хочется.

Описывать обратный путь вдоль Камышовки и по оврагу нет необходимости. Все изрядно утомились, но, как ни странно, переговаривались почти весело. Они обрели второе дыхание, да и предвкушение ужина заставляло живее переставлять ноги.

Достигли того самого ельника, который обходили поутру, и разбили лагерь в лощинке под этим ельником. Собирать дрова для костра никому не хотелось, но пришлось; зато с каким восторгом все глядели потом на ярко вспыхнувший костер! Достали из карманов кровоточащие куски медвежье-

го мяса (для тех, кто целый день провел не на воздухе, а в четырех стенах, — зрелище отнюдь не аппетитное). Гном оказался отличным поваром. Он взял оставшиеся яблоки (те самые, прихваченные с острова), завернул каждый плод в мясо, словно собирался готовить яблоки в тесте, насадил на палки и стал жарить. Яблочный сок пропитал мясо, как пропитывает соус. Наблюдая за тем, как готовится жаркое, гном делился кулинарными секретами. Выяснилось, что мясо медведя, поедавшего других животных, не очень вкусное, зато у того, который лакомился фруктами и медом, — просто пальчики оближешь; и медведь, напавший на ребят, оказался как раз из таких. Ужин получился замечательный, тем паче, что посуду мыть было не надо — лежи себе, вытянув натруженные ноги, да наблюдай за дымком из трубки Трампкина. Настроение было радостным: завтра они наверняка найдут короля Каспиана, а через несколько дней победят Мираза. (Естественно, уповать на это было несколько неразумно, однако ребята преисполнились надежд.)

После ужина все быстро заснули, погрузившись в крепкий сон без сновидений.

Люси проснулась среди ночи. Ей почудилось, будто знакомый голос, голос, который она не спутала бы ни с каким другим, зовет ее по имени. Сперва она решила, что это голос отца, но нет, на отцовский он все-таки был не похож... Неужели Питер? Нет, брат спит. Вставать не хотелось, и не из-за усталости — она чувствовала себя отдохнувшей, ничто у нее не болело, — но из-за того, что ей было так хорошо и уютно... Над головой светила нарнианская луна, больше привычной земной, и мерцало звездное небо.

— Люси, — снова позвал знакомый голос. Девочка села, она вся дрожала — не от страха, а от восхитительного предчувствия. Луна сияла так ярко, что в лесу было светло почти как днем; правда, в лунном свете лес все же выглядел более... диким, что ли. За спиной шелестели ветвями ели, справа возвышались зазубренные утесы, а впереди, на расстоянии полета стрелы, виднелась окруженная деревьями полянка. Люси пригляделась к деревьям.

— Ой, да они же двигаются! — прошептала девочка. — Или мне кажется?

Она поднялась и с колотящимся сердцем осторожно пошла к полянке. Оттуда доносился странный шум — словно

ветер ворошил листву, но ветра не было и в помине! Впрочем, в этом шуме была некая особенность, как если бы он складывался в напев, в мелодию, которую было никак не уловить; Люси сразу вспомнилась предыдущая ночь, когда она пыталась понять, о чем шепчутся деревья. Ноги задвигались сами собой, норовя пуститься в пляс. Не осталось ни малейших сомнений: деревья и вправду двигались — туда, сюда, сходились и расходились, как в каком-нибудь сельском танце. «И что же им танцевать, как не деревенский танец?» — мельком подумалось Люси. Она подошла к полянке почти вплотную.

Первое дерево, которое она разглядела как следует, показалось ей вовсе не деревом, а высоким мужчиной с лохматой бородой и всклокоченными волосами. Она ничуть не испугалась, ибо уже видела — и не раз — этакие превращения. Но со второго взгляда мужчина исчез, снова обернулся деревом, которое, кстати сказать, продолжало неспешно двигаться. Что у него, корни или ноги, понять было невозможно; ведь когда деревья двигаются, они не ступают по земле, а идут по ней вброд, как люди по мелкой воде. И то же самое было со всеми другими деревьями. С первого взгляда они казались великанами, обретшими людское обличье по велению доброй магии, что пробудила их к жизни; а со второго — вновь становились обыкновенными деревьями. Правда, не совсем обыкновенными; они неуловимо напоминали людей (а когда выглядели как люди, столь же неуловимо напоминали деревья). Диковинный напев между тем по-прежнему лился над полянкой.

— Они почти пробудились,— прошептала Люси,— совсем чуть-чуть осталось.

Что же до нее самой... Поначалу она еще сомневалась, а не снится ли ей все это, но теперь никаких сомнений не осталось.

Люси бесстрашно вступила в круг деревьев и принялась танцевать вместе с ними, уворачиваясь от толстых ветвей. Впрочем, танцевала она недолго; ее влекло дальше, за деревья, ибо знакомый голос доносился откуда-то из-за круга.

Вскоре она миновала танцующие деревья. «Интересно,— вдруг подумалось ей,— а что это было — она отводила руками ветви или, наоборот, соединяла руки с другими, образуя Великую Цепь?» И очутилась на полянке, где причудливо смешивались лунный свет и глубокие черные тени.

Ее глазам предстала ровная, будто аккуратно подстриженная, трава. А посреди полянки... О счастье! Посреди полянки стоял он — огромный Лев, белоснежный в свете луны. Под ногами у льва лежала его густая черная тень.

Он стоял неподвижно и, когда бы кисточка хвоста не дрожала, мог сойти за каменное изваяние. Но Люси ни на миг не усомнилась в том, что перед нею — живой Лев. Забыв обо всем, она бросилась к огромному зверю, чувствуя, что сердце ее готово выпрыгнуть из груди. В следующее мгновение девочка обхватила льва за шею, уткнулась лицом в его шелковистую гриву и принялась покрывать ее поцелуями.

— Эслан, милый Эслан! — всхлипывала она.— Наконец-то!

Зверь перекатился набок, и Люси очутилась у него между передними лапами. Потом он подался вперед и коснулся ее носика своим шершавым языком. Девочка ощутила теплое, сладостное дыхание. Вскинув голову, она посмотрела ему прямо в глаза.

— Здравствуй, дитя мое,— промолвил Лев.

— Эслан,— пролепетала Люси,— ты вырос...

— Ты стала старше, дитя мое, вот и я вырос,— отвечал Лев.

— Но ты не постарел?

— Нет. Но чем старше ты становишься, тем больше я делаюсь.

Люси снова прильнула к нему. Ей было так хорошо, что говорить вовсе не хотелось.

— Люси,— сказал Лев,— у нас мало времени. Тебе предстоит кое-что сделать, а сегодня вы и так задержались.

— Ужасно, правда? — прошептала Люси.— Я видела тебя. Но они мне не поверили! Они все такие...

Из горла Эслана вырвался приглушенный рык.

— Прости,— извинилась Люси, догадавшись, что льву не понравились ее последние слова.— Я не собиралась никого обвинять. Просто... я же не виновата, да? Или виновата?

Лев молча взглянул ей в глаза.

— О Эслан! — воскликнула Люси.— Так я виновата? Но в чем? Я же не могла бросить остальных и пойти за тобой! Не смотри на меня так, пожалуйста! Ох... Значит, надо было идти? Мы с тобою вдвоем... Но какой в том был прок?

Эслан продолжал хранить молчание.

— Все обернулось бы к лучшему? — робко спросила Люси.— Но как? Ну пожалуйста, Эслан! Или мне не нужно знать?

— Знать, что *могло бы* случиться? — уточнил Лев. — Нет, этого не положено знать никому.

— Ой, — прошептала Люси.

— Но вот что *может* случиться... Если ты вернешься к своим, разбудишь их и расскажешь, что снова видела меня, и что всем нужно подниматься и идти за мной, — что случится тогда? Есть один-единственный способ это узнать.

— Значит, вот что я должна сделать...

— Да, маленькая моя, — ответил Эслан.

— А другие тебя тоже увидят?

— Конечно, но чуть погодя. Когда — зависит только от них.

— Но они мне не поверят!

— Это не имеет значения.

— Ой-ой-ой! — вздохнула Люси. — А я так обрадовалась, когда увидела тебя! Думала, ты позволишь мне остаться. Думала, ты зарычишь и распугаешь всех врагов, как в прошлый раз. А вместо этого...

— Дитя мое, на свете ничто не повторяется, — тихо промолвил Лев. — Уж так заведено. Тебе тяжело, но вспомни: ныне тяжело всей Нарнии.

Люси зарылась лицом в гриву, чтобы спрятаться от пронзительного взора Эслана. Но даже в его гриве таилось волшебство! Она почувствовала, как в нее вливается львиная сила. Внезапно девочка отстранилась.

— Прости, Эслан, — сказала она. — Я готова идти.

— Теперь ты — львица, — рек Лев. — Пришла пора Нарнии воспрянуть! Идем, времени у нас в обрез.

Он поднялся и, ступая величаво и бесшумно, двинулся к кругу танцующих деревьев. Люси шла рядом, положив дрожащую руку ему на гриву. Деревья расступились, пропуская льва и его спутницу, и на мгновение вновь обрели человеческие обличья. Люси увидела, как склоняются предо львом высокие, статные лесные боги и богини; а в следующий миг деревья снова стали деревьями — по-прежнему склоненными чуть ли не до земли, и поклоны их были столь изящны, что казались продолжением танца.

— А теперь, дитя, — молвил Эслан, когда деревья остались за спиной, — мы с тобою расстанемся. Иди разбуди остальных и вели им следовать за мной. Если они откажутся, приходи одна.

Будить тех, кто тебя старше и очень устал, да еще ради того, во что они почти наверняка не поверят и почти наверняка откажутся делать... Ужаснее не придумаешь! «Хватит скулить, — прикрикнула на себя Люси. — Я должна это сделать».

Первым она разбудила Питера.

— Питер, — прошептала она на ухо брату, — просыпайся. Скорее! Эслан здесь. Он говорит, что мы должны идти за ним.

— Конечно, Лу, — такого ответа девочка не ожидала. — Как скажешь. — И Питер перевернулся на другой бок.

Тогда Люси попыталась разбудить Сьюзен. Та проснулась — лишь для того, чтобы заявить этим своим противным взрослым голосом:

— Тебе привиделось, Люси. Ложись спать.

Третьим на очереди был Эдмунд, добудиться которого оказалось не так-то просто. Наконец Люси добилась своего — Эдмунд сел.

— Чего? — буркнул он. — Что ты несешь?

Люси повторила. Жуть какая-то — с каждым разом ее слова ей самой казались все менее убедительными.

— Эслан! — Эдмунд вскочил. — Ура! Где он?

Люси повернулась и указала на льва, поджидавшего в отдалении.

— Вот он.

— Где? — не понял Эдмунд.

— Да вот же он! Ты что, не видишь? У деревьев!

Эдмунд честно вгляделся в полумрак, а потом сказал со вздохом:

— Нет, Лу. Никого там нет. Тебе померещилось. Не пугайся, такое с каждым бывает. Мне и то на миг почудилось... Как это называется — оптический... Не помню.

— Я прекрасно его вижу! — воскликнула Люси. — Он смотрит на нас.

— А почему я его не вижу?

— Он сказал, что вы тоже увидите его, но не сразу.

— Почему?

— Не знаю. Он так сказал.

— Вот тебе на! — Эдмунд поморщился. — Одна видит, другие не видят... Ладно, давай будить остальных.

Глава 11
Лев рычит

Когда остальные наконец проснулись, Люси в четвертый раз повторила свой рассказ. Никто не проронил ни слова в ответ; молчание обескураживало, если не сказать — пугало.

— Никого не вижу,— проговорил наконец Питер и потер глаза.— А ты, Сью?

— Да никого там нет,— откликнулась Сьюзен,— нет и не было! Я же говорю: ей приснилось! Сама не спит и другим не дает!

— Пойдемте со мной,— дрожащим голоском попросила Люси.— Пойдемте, а?.. Если откажетесь, я уйду одна. Все равно уйду!

— Никуда ты не уйдешь! — прикрикнула на сестру Сьюзен.— Хватит чушь молоть! Ну что ты молчишь, Питер? Хоть ты ее вразуми.

— Если Люси уйдет, я пойду с нею,— вставил Эдмунд.— Не хочу снова обмишулиться.

— Я тоже этого не хочу,— молвил Питер.— С одной стороны, послушайся мы Люси утром — не нарвались бы на часовых. С другой... Куда-то идти среди ночи? Самое главное — я не пойму, почему Эслан прячется от *нас*? Раньше за ним такого не водилось. Не знаю, не знаю... Что скажешь, НМД?

— Нечего мне сказать,— признался гном.— Если вы все уйдете, конечно же я нойду за вами; а если разделитесь, останусь с верховным королем. Это мой долг — перед ним и перед Каспианом. Но ежели отвлечься от высоких материй, мы, гномы, судим так: уж коль днем дорогу не нашел, ночью и подавно не сыщешь. И лично я не верю во всяких там чудесных львов, которые говорить отказываются, нрячутся, понимаешь, почем зря, и помочь не помогают, а только с панталыку сбивают.

— Эслан торопит,— сказала Люси.— Мы должны идти. Вы со мной?

— Уймись, пигалица! — рассердилась Сьюзен.— Мала еще старших поучать! Подрасти сначала.

— Кончай, Сью,— проворчал Эдмунд.— Как ни крути, а идти придется,— он и вправду верил Люси, вправду готов

был идти, куда она скажет, вот только глаза у него слипались, поэтому он все делал вноловину медленнее обычного.

— Что ж, пошли,— Питер со вздохом взял щит и надел на голову шлем. В другое время он непременно нодбодрил бы Люси — такой потерянной, такой несчастной та выглядела. Но сейчас ему что-то мешало утешить сестру — должно быть, он просто не выспался...

А Сьюзен уперлась.

— Никуда я не пойду! — заявила она.— Поняли? Чем эта малявка лучше меня? Идите куда хотите, а я тут останусь.

— Слово верховного короля — закон, ваше величество,— напомнил гном.— Извольте подчиниться. И раз уж поспать нам не дали, не будем медлить. В дорогу!

Наконсц-то тронулись в путь. Люси шла первой — губа закушена, чтобы с языка не сорвались все те колкости, которых, безусловно, Сьюзен вполне заслуживала. Впрочем, стараясь не упустить из вида Эслана, величаво и бесшумно ступавшего шагах в двадцати впереди, Люси быстро забыла о своих обидах. Остальные брели следом, что-то бурча под нос.

Круг танцующих деревьев остался по правую руку (Люси даже не повернула в ту сторону головы, боясь потерять Эслана). Шаг за шагом ребята приближались к обрыву.

— Борода моя торчком! — буркнул Трампкин.— Надеюсь, шси мы себе не свернем.

Довольно долго шли краем оврага. Но вот Эслан остановился — и нырнул в кусты, что росли на самом краю. Люси затаила дыхание: ей почудилось, будто Лев просто-напросто прыгнул с обрыва. Но пугаться было некогда; главное — не отставать. Она ускорила шаг и вскоре, очутившись среди кустов, разглядела тропинку, уходившую вниз по склону. Тропинка вилась между валунами, и по этой тропинке неторопливо снускался Эслан. Словно почувствовав взгляд Люси, Лев обернулся. Девочка хлопнула в ладоши и тоже начала спускаться. А вслед ей летели встревоженные крики:

— Лу! Люси! Ты куда? Осторожней! Лу, подожди, упадешь!

— С ней все в порядке,— послышался голос Эдмунда.— Тут тропинка.

На полпути вниз Эдмунд нагнал сестру.

— Эй! — воскликнул он вдруг.— Гляди! Что это за тень впереди?

— Это *его* тень, — отозвалась Люси.

— Ну и дела, — Эдмунд покачал головой. — Ты снова права, Люси. А Эслан-то где?

— Там же, где и тень. Ты что, не видишь его?

— Да как сказать... В этаком свете разве что разглядишь?

— Спускайтесь, ваши величества! — донесся сверху голос Трампкина. Потом послышался голос Питера: — Хватит ныть, Сьюзен! Давай руку! Тут даже младенец спустится. Ну, давай!

Несколько минут спустя все собрались на дне оврага, у кромки воды. Эслан двинулся дальше, через реку, по-кошачьи грациозно ступая с камня на камень. На середине реки он остановился, чтобы попить воды, потом вскинул голову и тряхнул намокшей гривой.

— Эслан! — воскликнул Эдмунд, наконец-то разглядевший льва, и кинулся к нему. Лев не стал его дожидаться: в два прыжка пересек реку и начал подниматься по дальнему склону оврага, забирая влево.

— Ты видишь его, Питер? Видишь?

— Кажется, я что-то заметил, — сказал Питер. — Ну, пошли! Да здравствует наша храбрая Люси!

Ночное путешествие походило на сон — и в этом сне были грохочущий поток, мокрая серая трава, смутно различимые утесы и громадный величественный зверь, которого теперь видели все, кроме Сьюзен и гнома.

На дальнем склоне, у подножия одного из утесов, тоже отыскалась тропинка. Подъем оказался куда более долгим и утомительным, нежели спуск. По счастью, луна светила прямо в овраг, так что все изгибы тропинки были как на ладони.

Хвост и задние лапы Эслана исчезли за краем оврага. Люси, едва живая от усталости, кое-как вскарабкалась наверх следом за львом — и поняла, что очутилась на том самом холме, к которому они так стремились с тех пор, как высадились на берегу Прозрачной. Каменный Стол! Длинный пологий склон, поросший травой и вереском, уходил вверх и терялся среди деревьев в полумиле от подножия.

Под бряцанье кольчуг из оврага выбрались остальные. Эслан безмолвно двинулся дальше.

— Люси, — тихо-тихо окликнула Сьюзен.

— Что?

— Я его вижу... Прости меня, пожалуйста.

— Я не обиделась.

— Понимаешь, я такая... злая... Я ведь поверила тебе и вчера, и сегодня ночью. В глубине души. Да, поверила, но даже самой себе не хотела в том признаваться. Глупо, правда? Не знаю, что на меня нашло... Как я теперь с ним заговорю?

— Не волнуйся, — утешила Люси сестру. — Он не сердится.

За деревьями открылся вид на Великий Курган, возведенный над Каменным Столом.

— Дозорных не видать, — пробормотал Трампкин. — Спят небось, олухи. Нет, чтобы...

— Тсс! — шикнули на гнома ребята: Эслан остановился и повернулся к ним, столь величественный и грозный, что они обрадовались, как только могут обрадоваться те, кто сильно напуган (и испугались, как только могут испугаться те, кто счастлив). Мальчики шагнули вперед; Люси посторонилась, пропуская их; Сьюзен и Трампкин попятились.

— Эслан! — Король Питер опустился на одно колено и преклонил голову. — Мне очень стыдно. Я с самого начала вел их неверной дорогой, а вчера...

— Сын мой, — прервал Эслан, возлагая могучую лапу ему на плечо, — ты ни в чем не виноват, — затем он повернулся к Эдмунду и коротко молвил: — Молодец, — а потом, помолчав (отчего всем стало не по себе), позвал: — Сьюзен!

Отвста не было. Со стороны казалось, что Сьюзен плачет.

— Дитя мое, — промолвил Эслан, — ты поддалась страху. Подойди ближе, дай мне дохнуть на тебя. Забудь о своих страхах. Вернулось ли к тебе мужество?

— Да, Эслан, — прошептала Сьюзен.

— Что ж... — Лев издал негромкий рык, хлестнул себя хвостом. — А где же этот бесстрашный гном, прославленный боец и меткий стрелок, не верящий во львов? Иди сюда, сын Земли, иди сюда! — Последнее слово прозвучало раскатом грома; еще чуть громче — и содрогнулись бы небеса.

— Вихры мои, вихрочки! — выдавил мертвенно-бледный Трампкин. Ребята, конечно же, ничуть не испугались за гнома — ведь они хорошо знали Эслана; а вот Трампкин, никогда прежде не видевший львов, не говоря уж о Великом Льве, изрядно струхнул и, похоже, мысленно попрощался с жизнью. На подгибающихся ногах, дрожа с головы до ног, он медленно приблизился к Эслану.

И в этот миг Лев прыгнул. Вы когда-нибудь видели, как кошка несет в пасти маленького котенка? Точно так же Эслан подхватил гнома, как следует встряхнул — кольчуга зазвенела, будто мешок лудильщика — и подбросил в воздух. Трампкин заверещал. Могучие лапы поймали его, точно в материнские объятия, и аккуратно поставили наземь.

— Друг ли ты мне, сын Земли? — вопросил Эслан.

— Д-д-д-да,— пролепетал гном, силясь восстановить дыхание.

— Итак,— молвил Эслан.— Ночь на исходе. Оглянитесь: у вас за спиной занимается рассвет. Времени мало. Вы трое, сыновья Адама и сын Земли, спускайтесь в курган — вас там ждут.

Гном по-прежнему не мог произнести ни слова, а мальчики просто не отважились спросить у льва, пойдет ли он с ними. Обнажив мечи, все трое повернулись и двинулись к кургану. На их лицах не было и тени усталости; мало того, верховный король Питер и король Эдмунд выглядели сейчас уже не мальчиками, а зрелыми мужчинами в самом расцвете сил.

Наблюдая за уходящими, девочки прижались к Эслану. Между тем сумерки редели. На востоке, над самым окоемом, сияла, будто крошечная луна, Аравир — утренняя звезда Нарнии. Эслан словно вырос еще больше, прямо на глазах; вот он вскинул голову, тряхнул гривой — и зарычал.

Этот рык, басовитый, с переливами, напоминавший поначалу пение органа, становился громче и громче, пока не задрожала земля под ногами, заполнял собой все окрест, перекидывался от холма к холму, растекаясь — нет, разлетаясь — над Нарнией. В лагере Мираза солдаты, вырванные этим рыком из сновидений, судорожно хватались за мечи. На Великой Реке вынырнули на поверхность наяды, а следом показалась и лохматая, с водорослями в бороде, голова речного бога. За рекой, на каждом поле и в каждом лесу, насторожили уши звери и птицы: высунулись из нор зайцы, встрепенулись певчие птахи, заухали филины, залаяли лисицы, зафыркали ежи. Зашевелились, словно пробуждаясь от долгой спячки, деревья. В городах и деревнях перепуганные матери крепче прижимали к себе детей, мужчины спрыгивали с кроватей и принимались искать оружие. Тоскливо выли собаки. На северных рубежах Нарнии выглянули из своих мрачных замков горные великаны.

Люси и Сьюзен вдруг заметили, что со всех сторон на них надвигается что-то темное, похожее на туман, ползущий над самой землей. Потом почудилось, будто это вовсе и не туман, а широко разлившаяся вода — черные валы вздымались все выше, грозя затопить окрестности. Вот «море» подступило совсем близко, и девочки ахнули: то были деревья! Бесчисленное множество деревьев стекалось к холму, с которого раздавался львиный рык. У холма же с деревьями происходила чудесная перемена: кланяясь, приседая, простирая к Эслану гибкие ветви, они мало-помалу утрачивали свой древесный облик и становились людьми. Бледные девы-березницы качали головами, женщины-ивы откидывали с лиц волосы, чтобы взглянуть на льва, величавые, гордые буки замерли перед Эсланом в неподвижности; коренастые дубы, задумчивые вязы, лохматые падубы (кожа смуглая, женщины — в украшениях из ярко-красных ягод), веселые рябины — все склонялись в поклонах и возглашали наперебой: «Эслан! Эслан!», кто звонко, кто хрипло, кто едва слышно от робости и радости.

Вскоре люди-деревья пустились в пляс вокруг Эслана, а толпа все прибывала и прибывала, и уследить, кто здесь уже давно, а кто пришел только что, не было никакой возможности. Люси и глазом моргнуть не успела, как среди пляшущих появился юноша, облаченный в бычью шкуру, с венком из виноградных листьев в волосах. На красивом лице — пожалуй, чересчур уж красивом для мужчины — блуждала безумная улыбка. С первого взгляда становилось ясно (как сказал Эдмунд, встретивший этого юношу несколько дней спустя), что он способен выкинуть что угодно — просто что угодно. Откликался он на множество имен, среди которых чаще всего звучали Бромий, Бассарей и Телец. Его сопровождала компания девушек, не менее безумных, чем он сам. Все они громко смеялись и кричали: «Эвое! Эвое! Эвое!»

Поневоле создавалось впечатление, будто все играют в какую-то игру, едва ли не каждый — в свою собственную. Больше всего происходящее напоминало игру в жмурки, только водящий был не один: чудилось, что повязки — на глазах у всех до единого. Вдобавок какой-то невероятно толстый старик верхом на осле вдруг закричал: «Еды! Еды!» В следующий миг он свалился с осла, и его долго усаживали обратно, а осел, похоже, решил, что оказался в цирке и вознамерился

пройтись на задних ногах. И повсюду, повсюду расползались виноградные лозы. Люси хотела откинуть волосы со лба — и задела лозу у себя над головой. Ноги людей-деревьев словно утопали в этих лозах, а осел толстого старика вообще скрылся под ними по самую макушку, на которой раскачивалось что-то темное. Апельсины! Куда ни посмотри, везде на лозах чудесным образом возникали сочные плоды.

— Еды! Еды! — снова закричал старик. Все набросились на апельсины (скажу откровенно — таких вкусных вы в жизни не пробовали: крупные, спелые, отборные, один к одному). О том, как надо вести себя за столом, никто, понятно, и не вспоминал — тем паче, что никакого стола не было и в помине. Ели жадно, едва успевая глотать, облизывали липкие от сока пальцы — и ни на миг не прекращали смеяться и вопить: «Эвое! Эвое!».

Внезапно стало ясно, что пир подошел к концу. Все уселись и повернулись к Эслану.

Над окоемом поднялось солнце.

— Я вспомнила! — прошептала Люси на ухо Сьюзен.

— Что вспомнила? — не поняла та.

— Вспомнила, кто они такие. Юноша — Вакх, а старик на осле — Силен. Господин Тамнус рассказывал нам про них, давным-давно.

— Ах, да! Знаешь, Лу...

— Что?

— Хорошо, что Эслан здесь. Без него я бы Вакха испугалась.

— Я бы тоже, — тихо ответила Люси.

Глава 12
Измена

Едва верховный король и двое его спутников миновали низенькую каменную арку — вход в курган, как им навстречу выскочили два барсука с белыми пятнами на мордочках.

— Стой! Кто идет? — крикнул один из барсуков, оскалив клыки.

— Трампкин, — отозвался гном. — Ведет верховного короля Нарнии.

Барсуки по очереди ткнулись носами в ладонь Питеру.

— Наконец-то! — воскликнули они хором.

— Посветите нам, друзья, — попросил Трампкин.

Барсуки тут же извлекли откуда-то факел. Питер зажег его и протянул гному.

— Веди, НМД,— сказал он.— А то с нас станется заплутать.

Трампкин принял факел и повел королей по темному, сыроватому туннелю, украшенные резьбой стены которого были почти сплошь затянуты паутиной. Над головами изредка проносились летучие мыши. И Питер, и Эдмунд не могли отделаться от ощущения, будто угодили в ловушку — или попали в тюрьму.

— Пит,— прошептал Эдмунд,— ты только глянь! Резьба на стенах старинная... Сколько ж тут лет минуло? При нас-то никакой резьбы не было!

— Угу,— отозвался Питер.— Жуть, верно?

Гном повернул направо, потом налево, спустился по ступенькам и снова свернул налево. Впереди замерцал свет, пробивавшийся из-под деревянной двери. Из-за той же двери слышались голоса — громкие, рассерженные. В помещении за дверью явно спорили, да так рьяно, что не услышали шагов и бряцания доспехов в коридоре.

— Не нравится мне это,— проговорил Трампкин, обращаясь к Питеру.— Может, послушаем? — Они подошли поближе к двери и прислушались.

— Тебе прекрасно известно,— молвил первый голос («Король»,— пояснил гном),— почему на рассвете мы так и не протрубили в Рог. Или ты забыл, что Мираз напал на нас, едва Трампкин ушел, и что добрых три часа подряд мы отбивались как могли? Я протрубил в Рог, как только появилась возможность.

— Такое не забудешь,— мрачно отозвался другой голос («Никабрик»,— прошептал Трампкин).— Основной удар пришелся как раз по гномам. Погиб каждый пятый...

— Постыдись, гном! — вмешался третий голос («Землерой»,— подсказал Трампкин).— Все сражались доблестно, а нашему королю вообще не было равных.

— Мне стыдиться нечего,— огрызнулся Никабрик.— Я говорю то, что знаю. А знаю я вот что: или в Рог протрубили слишком поздно, или никакой он не волшебный, потому что помощь не пришла. Эй, ты, мудрец великий, чародей самозванный, всезнайка-полукровка! По-твоему, мы все также должны сидеть и ждать подмоги от твоего Эслана и всяких там королей древности?

— Не стану отрицать, что результат наших действий меня сильно расстроил, — ответил четвертый голос («Доктор Корнелиус», — прошептал Трампкин).

— Говоря по-простому, — взвился Никабрик, — кошелек твой пуст, птичка упорхнула, рыбка уплыла! Проваливай, не путайся под ногами, когда другие делом занимаются! Ну, кому...

— Помощь обязательно придет, — перебил Землерой. — Я верю в Эслана. Наберись терпения, гном. Помощь уже почти стучится в наши двери.

— Тьфу! — Никабрик сплюнул. — Вас, барсуков, только послушай — дотерпишься до того, что небо на землю рухнет. Мы не можем ждать! Припасы кончаются, силы тают, при каждой вылазке мы несем потери, армия разбегается...

— А знаешь, почему? — вспылил и Землерой. — Да потому, что слух распустили: дескать, мы просили о помощи королей былого, а они нам не ответили! Вспомнили последние слова нашего друга Трампкина — уже, к сожалению погибшего. «Трубите, ваше величество, — сказал он, — только никому не рассказывайте. Не надо обманывать тех, кто вам доверяет». Вот любопытно, кто распустил этот слух?

— Ну все, барсук, — процедил Никабрик. — По-твоему, я разболтал? Подставляй свое гнусное рыло, сейчас я тебе его начищу...

— Хватит! — прикрикнул Каспиан. — Уймитесь, оба! Мне хотелось бы услышать, что, собственно, предлагает делать Никабрик. Но прежде пусть объяснит, кого он привел на наш совет. Кто эти чужаки? Слушать слушают, а сами еще ни словечком не обмолвились.

— Это мои друзья, — буркнул Никабрик. — И кому бы спрашивать, а тебе помалкивать! Сам-то кто таков? Приятель Трампкина и барсучий! А тот старый клоун в черном — вообще с боку припека: твой дружок. Значит, другим можно приводить всех подряд, а мне нельзя?

— Ты принес клятву верности его величеству, — сумрачно напомнил Землерой.

— Ах, да! — Никабрик лающе рассмеялся. — Мы — народ простой, придворным манерам не обучены. И ты, и он — оба знаете, что не бывать ему королем, коли он с нашей помощью не выберется из западни, которую сам же и подстроил!

— Быть может, — проговорил Корнелиус, — твои друзья все же выскажутся? Кто вы такие и зачем пришли?

— Прощения просим, ваша милость, — донесся неприятно тонкий голосок. — Я бедная старушка, ваша милость, и премного благодарна его гномству, что он дружбою своею меня оделил. И пусть его величество, такой молоденький, такой красивенький, не боится бедной старушки, уж она-то всяко ему вреда не причинит. Ей бы вот разогнуться только да присесть на краешек... Сведуща я в чарах да ковах. С вашей милостью мне, вестимо, не тягаться, ну а вдруг и я на что сгожусь, коли вражина насядет. Уж поверьте, господа хорошие, я с ним поквитаюсь так поквитаюсь.

— Очень интересно, — глубокомысленно произнес Корнелиус. — Что ж, мадам, теперь мы знаем, кто вы. Никабрик, попроси своего второго друга тоже представиться.

— Я голод, — изрек голос, от которого по спине у Питера побежали мурашки. — Я жажда. Укусив, я не разжимаю челюстей, и даже если меня убьют, все равно их не разожму. Сотню лет я могу голодать и все равно выживу. Сотню ночей пролежу нагишом на льду — и даже не замерзну. Выпью реку крови и не лопну. Где враги? Покажите их мне!

— И ты хочешь открыть свои планы в присутствии этих двоих? — спросил Каспиан.

— Точно, — подтвердил Никабрик. — Без их помощи все одно ничего не выйдет.

Минуту или две Каспиан переговаривался с Землероем и Корнелиусом — вполголоса, так что слов было не разобрать. Наконец король сказал:

— Никабрик, мы готовы тебя выслушать.

Наступила тишина, и затянулась она настолько, что показалось — Никабрик никогда не начнет. Но гном все же заговорил, и голос его был глух, будто ему самому не слишком нравилось, что он говорит.

— Как ни крути, в историях про древнюю Нарнию не разберешь, где ложь, а где правда. Трампкин — тот в них вообще не верит, а я готов поверить, только мне доказательства подайте. Мы протрубили в Рог — и ничего не случилось. Не спорю, может, и были когда-то верховный король Питер и его родичи — король Эдмунд, королева Сьюзен, королева Люси, но то ли они нас не услышали, то ли не смогли прийти, то ли с врагами нашими заодно...

— То ли еще в пути, — вставил барсук.

— Вот бросит тебя Мираз своим псам дворовым, сразу перестанешь чушь молоть! Да, первая наша попытка оказалась неудачной; теперь надо зайти с другой стороны. Недаром говорят: «Коли меч сломался, берись за кинжал». В древней Нарнии были и *другие*, не одни лишь короли с королевами. Может, попробуем призвать *их*?

— Если ты разумеешь Эслана,— отозвался Землерой,— мы его, считай, уже призвали, заодно с верховным королем. Они — его помощники. Если он не послал их (а я думаю, что все-таки послал), значит, придет сам.

— Короли с Эсланом на пару ходят, тут ты прав,— признал Никабрик.— Но Эслан твой либо мертв, либо не на нашей стороне. Или же и на него управа нашлась... И потом, откуда нам знать, друг он или враг? С гномами, между прочим, он особенно не миндальничал, коли предания не врут. И со зверями тоже — хоть у волков спроси. И все ему недосуг подольше у нас задержаться: явился, покрутился да сгинул... Нет, про Эслана можешь забыть. Я других разумею.

Стало так тихо, что через дверь можно было расслышать хриплое, натужное дыхание барсука.

— И кого же? — осведомился Каспиан.

— Силу, против коей никакой Эслан не устоит! Ту самую, что многие годы правила Нарнией!

— Бледная Ведьмарка! — вскричали разом три голоса. Судя по шуму из-за двери, те, кто кричал, повскакивали на ноги.

— Вот именно,— холодно произнес Никабрик.— Я разумею Ведьмарку. Ну, что вы сразу запрыгали, точно дети малые? Еще под кровать забейтесь! Нам нужна сила, дружественная сила, так? А предания гласят, что Ведьмарка победила Эслана, прикончила его на этом самом холме!

— Но, говорят, он потом ожил,— резко бросил Землерой.

— Мало ли чего болтают,— отмахнулся Никабрик.— Сам посуди: с тех пор о нем и не слыхать было. Разве не так? Коли он ожил, как ты говоришь, то куда ж делся? По мне, так он вовсе и не оживал, потому-то о нем и не слыхать.

— Он выбрал Нарнии короля с королевой,— заметил Каспиан.

— Одержи победу в бою — и сам станешь королем,— заявил Никабрик.— И никакой фокусник в львиной шкуре тебе не надобен,— послышалось злобное рычание; должно

быть, зарычал Землерой. — И что нам с тех королей? Про них давно забыли, а Ведьмарку до сих пор помнят. Говорят, при ней зима держалась целых сто лет! Вот истинное могущество, не то что эти ваши фокусы!

— Великое небо! — вскричал Каспиан. — Разве не была она злейшим врагом Нарнии? Разве не была тираном вдесятеро хуже Мираза?

— И что с того? — язвительно справился Никабрик. — Даже если она кого и тиранила, так это вас, людей, да зверей всяких. Вот, бобров повывела, теперь по всей Нарнии ни одного не сыскать. Зато с гномами она всегда ладила. И мы с ней тоже ладили, ясно? Мы, гномы, Ведьмарки не боимся!

— Но ведь ты присоединился к нам, — сказал барсук.

— И какой мне от того прок? — скрипнул зубами Никабрик. — Кого посылают на самые опасные задания? Гномов. У кого срезают рацион, когда истощаются припасы? У гномов. Кто...

— Ты лжешь! — воскликнул барсук.

— Вы не в силах помочь моему народу, — крикнул Никабрик, — значит, надо искать кого-то другого, кто наверняка поможет!

— Ты преступаешь клятву, гном? — негромко спросил Каспиан.

— Убери свой меч, мальчик! — Гном презрительно фыркнул. — Ну и дела! Шел на совет, а попал на казнь. Не будь глупцом! И запугать меня не удастся! Вас трое и нас тоже трое!

— Ну, кто первый? — прорычал Землерой.

Еще немного — и началась бы схватка, но тут вмешался доктор Корнелиус.

— Прекратите! — воскликнул он. — Прекратите немедленно! О чем вы спорите? Ведьмарка давным-давно мертва. Должно быть, Никабрик, ты о том забыл, иначе не стал бы вести столь нелепых речей.

— Неужели? — осведомился тусклый голос, тот самый, от которого у Питера *побежали по спине мурашки*.

— Ихнее королевское величество не изволит беспокоиться, — завел тонкий, пронзительный голосок. — Белая Госпожа, как мы ее величаем, жива-здоровехонька. Его ученая милость просто хотели посмеяться над бедной глупой старушкой. Дражайший мастер доктор, ученейший мастер доктор, да с чего ж

это вы взяли, будто ведьмы помирают? Никогда такого не случалось, уж поверьте старухе! Их всегда можно вернуть!

— Зови ее, — произнес тусклый голос. — Мы готовы. Черти круг. Разводи огонь.

И тут, перекрывая громкое рычание барсука и недоуменные возгласы Корнелиуса, раздался подобный грому голос короля Каспиана:

— Значит, вот каков твой план, Никабрик? Ты хочешь воспользоваться черной магией и возвратить в Нарнию зло, от которого она с таким трудом избавилась? Я знаю, кто твои так называемые друзья — ведьма и вервольф!

Утробный рык, лязг стали... Питер рывком распахнул дверь и ворвался в комнату; Эдмунд и Трампкин не отставали. Жуткое серое существо, наполовину волк, наполовину очень худой человек, прыгнуло на юношу с мечом — судя по всему, то был Каспиан и выглядел он ровесником Питера. По полу катались, сцепившись клубком, крупный барсук и гном — должно быть, Никабрик. Трампкин очутился лицом к лицу с ведьмой: нос крючком, глаза безумные, грязные седые волосы растрепались по плечам... Ведьма накинулась на доктора Корнелиуса и принялась его душить. Трампкин взмахнул мечом, и голова ведьмы отлетела в угол. Кто-то свалил свечу, схватка продолжалась уже в темноте. Бум!.. Бах!.. Р-р-р-р... Ай! Неожиданно наступила тишина.

— Ты цел, Эд?

— Похоже на то, — отозвался Эдмунд. — Никабрик подо мной. Живучий, мерзавец!

— Борода моя торчком! — пропыхтел кто-то *из-под* Эдмунда. — Никакой это не Никабрик! Ты на мне сидишь! Слезай давай, а то я задохнусь.

Эдмунд вскочил.

— Извини, НМД. Так лучше?

— Хуже! — взревел Трампкин. — Двинул мне каблуком по челюсти! Отойди!

— Где король Каспиан? — спросил Питер.

— Здесь, — отозвался слабый голос. — Меня кто-то укусил.

Чиркнула спичка. Зажечь свет догадался не кто иной, как Эдмунд. Пошарив вокруг, он отыскал упавшую свечу (масло давно кончилось, поэтому жгли свечи, а не лампы), поставил ее на стол и поднес спичку к фитильку. В комнате стало свет-

ло. Из сидевших и лежавших на полу шестеро поднялись на ноги — окровавленные, бледные, с оружием в руках.

— Похоже, все враги мертвы, — сказал Питер. — Вот ведьма, — он поспешно отвернулся. — Вот Никабрик, тоже мертвый. А это, должно быть, вервольф. Давненько я их не видывал. Тело человеческое, а голова волчья... Выходит, его убили, как раз когда он оборачивался волком... А ты, верно, король Каспиан?

— Он самый, — подтвердил Каспиан. — С кем имею честь?

— Это верховный король, — подсказал Трампкин. — Король Питер!

— Ваше величество! — воскликнул Каспиан. — Добро пожаловать!

— Благодарю, ваше величество, — отозвался Питер. — Я пришел не с тем, чтобы занять ваше место, но чтобы помочь вам вернуть его.

— Ваше величество, — позвал кто-то сбоку. Питер повернулся и увидел перед собой барсука. Он наклонился, обнял зверя и поцеловал его в макушку, как пристало королю, желающему отличить своего подданного.

— Здравствуй, лучший из барсуков, — сказал Питер. — Ты ни на миг в нас не усомнился.

— В том нет моей заслуги, ваше величество, — отвечал Землерой. — Просто я — зверь, а звери не меняются. Хуже того, я барсук, а у барсуков долгая память.

— Жаль Никабрика, — промолвил Каспиан. — Похоже, меня он возненавидел с первой нашей встречи... От ненависти до измены — рукой подать, особенно когда устал ждать свободы... Одержи мы быструю победу, все могло бы сложиться иначе. Не знаю, кто из нас убил его, и хорошо, что не знаю.

— У тебя кровь, — спохватился Питер.

— Да. Меня укусила эта тварь.

Рану перевязали; на это ушло довольно много времени.

— Уф! — воскликнул Трампкин. — Предлагаю позавтракать.

— Только не здесь, — хмыкнул Питер.

— Да уж, — поежился Каспиан. — Надо послать кого-нибудь убрать тела.

— Это отродье пускай сбросят в выгребную яму, — велел Питер. — А тело Никабрика отдадим гномам, и они похоронят его, как у них заведено.

Позавтракали в одной из тесных комнатушек, которыми изобиловал курган. И завтрак был скудным, совсем не таким, как мечталось. Каспиану с Корнелиусом хотелось оленьего паштета, Питеру с Эдмундом грезились яйца в мешочек и горячий кофе. Наяву же пришлось обойтись медвежьим мясом (тем самым, из леса), куском сыра, луковицей на каждого и стаканом воды. Однако по тому, с какой скоростью все было съедено, всякий решил бы, что завтракали они изысканнейшими деликатесами.

Глава 13
Верховный король повелевает

— Что ж,— промолвил Питер, когда все откушали.— Эслан с девочками — я разумею королеву Сьюзен и королеву Люси, Каспиан,— где-то неподалеку. Когда он решит действовать, нам неведомо. Но сидеть и ждать бессмысленно, надо и самим что-то сделать. Так ты говоришь, Каспиан, что мы не выстоим против Мираза в битве?

— Боюсь, что нет, ваше величество,— с запинкой отозвался Каспиан, все еще робевший перед верховным королем, явившимся из баснословного прошлого.

— Хм... Тогда я пошлю ему вызов на поединок,— решил Питер.

— Ваше величество, давайте я его вызову,— предложил Каспиан.— Я должен отомстить за своего отца.

— Ты ранен,— отвечал Питер.— К тому же над твоим вызовом он наверняка лишь посмеется. Мы-то знаем твою доблесть, но для него ты — обыкновенный мальчишка.

— Государь, но примет ли он ваш вызов? — спросил барсук, сидевший рядом с Питером и не сводивший с верховного короля глаз.— Его армия сильнее нашей, и ему это известно.

— Скорее всего, он откажется,— признал Питер,— но почему бы не попробовать? Герольд туда, герольд сюда, обмен посланиями,— так и день пройдет, а тем временем Эслан, глядишь, предпримет что-нибудь этакое... Да и мы войсковой смотр устроим, позиции наши укрепим. Нет, я непременно пошлю вызов. И немедленно! Мастер доктор, у вас найдутся перо и чернила?

— Ученому не пристало их не иметь, ваше величество,— откликнулся Корнелиус.

— Отлично. Тогда записывайте.

Доктор расстелил на столе лист пергамента, открыл чернильницу, подострил перо, а Питер откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и задумался, вспоминая, в каких выражениях составлялись вызовы на поединок много лет назад, в золотую эпоху Нарнии. — Сойдет, — сказал он наконец. Готовы, доктор?

Корнелиус окунул перо в чернильницу, и Питер стал диктовать:

— Мы, Питер Первый, волею Эслана, по праву избрания, праву давности, а также по праву сильного, верховный король Нарнии, император Одиноких островов, владыка Кэйр-Паравела, командор благородного ордена Льва, шлем привет Миразу, сыну Каспиана Восьмого, наместнику Нарнии, ныне именующему себя Королем. Записали?

— Нарнии, точка, — пробормотал Корнелиус. — Записал.

— Дальше с новой строки. Дабы предотвратить кровопролитие и избежать тяжких последствий, кои неминуемы во всякой войне, сим, от нашего королевского лица, блюдя интересы нашего верноподданного Касниана, предлагаем тебе признать оного Каспиана полноправным королем Нарнии, как по нашей воле, так и по тельмаринским законам, а самого себя предать в наши руки по обвинению в вероломстве и двойной измене, ибо ты похитил королевство у вышеозначенного Каспиана и еще совершил жестокое смертоубийство. Не просто «убийство», доктор, а именно «смертоубийство». ...умертвив своего покровителя и брата Каспиана Девятого. И потому мы вызываем тебя на поединок, в коем сойдемся с тобой один на один, и передаем сей вызов через нашего возлюбленного венценосного сородича, короля Эдмунда, герцога Фонарного Угла и графа Западной марки, рыцаря благородного ордена Каменного Стола, и оный Эдмунд уполномочен нами обсуждать все условия предстоящего поединка. Дано в нашей резиденции на Эслановом взгорье, в двенадцатый день месяца зеленя, в первый год правления Каспиана Десятого. Сойдет, — повторил Питер и глубоко вздохнул. — Надо подобрать двоих сопровождающих Эдмунду. И одним пусть будет великан.

— Он... не слишком умен, ваше величество, — напомнил Каспиан.

— Знаю. Зато вид у него подходящий — с первого взгляда почтение внушает. А вот кто вторым будет?..

— Клянусь небом! — вскричал Трампкин, — коли ваше величество желает впечатление произвести — берите Рипичипа. Лучше все равно не найти!

— Твоя правда, — согласился Питер с усмешкой. — Только маловат он, хоть и отважен без меры. Его никто не заметит.

— Пошлите Гленсторма, государь, — предложил барсук. — Над кентавром никто потешаться не посмеет.

Около часа спустя военачальники Мираза, лорд Глозелль и лорд Сопеспиан, прогуливавшиеся после завтрака, заметили вдруг, что к ним со стороны леса направляются кентавр и великан, которых они хорошо запомнили по предыдущим стычкам. А между кентавром и великаном шествовал человек, которого лорды не узнали. (По правде сказать, Эдмунда сейчас не признал бы и никто из одноклассников, ибо, осененный дыханием Эслана, он выглядел старше и мудрее своих лет).

— Что будем делать? — спросил Глозелль. — Это нападение?

— Парламентер, — поправил Сопеспиан. — Видите, у них в руках зеленые ветки. Наверняка идут сдаваться.

— Что-то не похоже, — пробормотал Глозелль. — У того, что посередине, вид уж больно решительный. Кто это? Явно не Каспиан.

— Уж конечно, — подтвердил Сопеспиан. — Не знаю, откуда он взялся, но по всему видно — воин бывалый. Позвольте заметить, ваша светлость, выглядит-то он, пожалуй, величественнее Мираза. А какие у него доспехи! Нашим кузнецам таких не выковать.

— Ставлю своего жеребца, серого в яблоках, на то, что этот воин несет вызов, — проговорил Глозелль.

— Да бросьте! — рассмеялся Сопеспиан. — Мы же держим врага за горло. Мираз не настолько безумен, чтобы рисковать собственной шкурой, когда и так все ясно.

— Его можно заставить, — вполголоса произнес Глозелль.

— Тсс! — Сопеспиан воровато огляделся. — Давайте отойдем, чтобы нас ненароком не услышали. Я правильно понял вашу светлость?

— Если король примет вызов, — сказал Глозелль, — он либо убьет противника, либо сам погибнет.

— Верно, — кивнул Сопеспиан.

— Если он возьмет верх, значит, мы победили.

— Разумеется. А если падет?

— Я не вижу в том большой беды. Мы вполне можем победить и без него. Для вашей светлости вовсе не тайна, что наш король — невеликий полководец. Если он падет, мы все равно одержим победу — и линимся короля.

— И сможем править этой страной без всяких помех?

Глозелль сумрачно посмотрел на собеседника.

— Вспомните, кто возвел Мираза на престол? И разве дождались мы благодарности сообразно нашим заслугам? Что хорошего принесло нам с вами возвышение Мираза?

Сопеспиан приложил палец к губам.

— Ни слова больше! Сюда идет гонец, должно быть, нас зовут к королю.

У королевского шатра лорды увидели парламентеров, угощавшихся тельмаринскими кушаньями и запивавших еду тельмаринским же вином. Похоже, они уже успели передать вызов и теперь дожидались ответа Мираза. Вблизи все трое производили поистине устрашающее впечатление.

Лорды вошли в шатер, где Мираз только-только закончил завтракать. Его лицо было красным от гнева, а в глазах читалась обеспокоенность.

— Вот! — прорычал он, швыряя лордам свиток.— Полюбуйтесь, какими бреднями пытается нас задурить наш полоумный племянничек!

Лорды прочли свиток и переглянулись.

— С вашего позволения, государь,— проговорил Глозелль.— Если тот юный воин, которого мы видели у шатра, и есть король Эдмунд, упомянутый в сем послании, я бы поостерегся сбрасывать его со счетов. Он выглядит... опасно.

— Король Эдмунд! — фыркнул Мираз.— Неужто ваша светлость верит этим бабушкиным сказкам про Питера, Эдмунда и прочую нечисть?

— Я верю своим глазам, государь,— негромко ответил Глозелль.

— Ладно, оставим это,— Мираз нахмурился.— Он прислал мне вызов! Полагаю, ответ может быть только один...

— Конечно, государь,— с поклоном произнес Глозелль.

— И какой же? — справился король.

— Отказаться, не раздумывая,— убежденно заявил Глозелль.— Никто не посмеет назвать меня трусом, но я всеми

силами постарался бы избежать поединка с этим юношей, который сидит снаружи. А если его брат, верховный король Питер, еще более опасен, что весьма вероятно... Сердце мое восстает против схватки, государь, а я привык слушаться своего сердца.

— Чума на твою голову! — прорычал Мираз. — Такой совет мне и даром не нужен. По-твоему, я спрашиваю, стоит мне опасаться поединка с этим Питером, который то ли существует, то ли нет? По-твоему, я боюсь его? Я спрашиваю о другом: разумно ли отказываться от преимущества, коего мы добились, и ставить все на одну карту?

— Государь, могу только повторить: отвергните вызов. Лицо того воина перед шатром сулит смерть...

— Снова ты за свое! — взревел Мираз. — Ты что, считаешь, будто кругом все такие трусы, как ты?

— Как будет угодно вашему величеству, — угрюмо проворчал Глозелль.

— Бросай меч и садись за пряжу, Глозелль. Ни на что другое ты не годишься, — король повернулся ко второму лорду: — А ты что скажешь, Сопеспиан?

— Отвергните вызов, государь, — последовал незамедлительный ответ. — Тем паче, что у вас есть отличный повод, о котором вы сами упомянули: насчет одной карты... Никто не упрекнет вас в трусости, и свою честь вы не запятнаете.

— Великие небеса! — вскричал Мираз, вскакивая. — Да что с вами такое сегодня, милорды? По-вашему, я ищу повод отказаться от поединка? Что же тогда ходите вокруг да около? Назовите меня трусом прямо в лицо!

Беседа складывалась так, как того и хотелось лордам, поэтому они промолчали.

— Я вас раскусил! — процедил Мираз, смерив военачальников свирепым взглядом. — У вас обоих сердце в пятки ушло, и вы имели наглость заподозрить, что я уподоблюсь вам! Повод для отказа! Причина уклониться от боя! Ха! Да солдаты вы или кто? Да тельмаринцы ли вы? Да мужчины ли? Ведь если я и вправду откажусь (как настоятельно подсказывает мне мой боевой опыт), вы и сами подумаете, и другим болтать начнете, будто я струсил! Разве не так?

— Человека возраста вашего величества никто не назовет трусом, коли он откажется от поединка с воином в расцвете сил, — проговорил Глозелль.

— Можно подумать, я уже одной ногой в могиле стою! — рявкнул Мираз. — Вот что, милорды! Своими бабскими советами — избегая отвечать на мой вопрос — вы добились прямо противоположного! Я собирался отказаться от вызова, но теперь приму его! Слышите? Я принимаю вызов! И мне стыдно за вас, заячьи душонки, мозги набекрень!

— Ваше величество, умоляю... — начал было Глозелль, но Мираз не стал слушать и выскочил из шатра, чтобы объявить о своем решении Эдмунду.

Лорды переглянулись и усмехнулись.

— Я знал, что если его разозлить, все пройдет как надо, — сказал Глозелль. — Но он назвал меня трусом. Этого я не забуду. Он мне еще заплатит.

Когда парламентеры вернулись в лагерь и принесли ошеломляющую весть, всех охватило возбуждение. Между тем Эдмунд с одним из полководцев Мираза выбрал место для поединка и велел вбить колья и натянуть веревки. В углах площадки должны были встать двое тельмаринцев, третий — стоять между ними; то были секунданты Мираза. В двух других углах и посередине дальней стороны должны были разместиться секунданты Питера. Питер как раз объяснял Каспиану, почему тот не может быть одним из секундантов, когда за спиной у него раздался сонный бас:

— Ваше величество! — Обернувшись, Питер увидел перед собой старшего из Пузатых медведей. — Дозвольте, государь. Мы медведи, уж извольте видеть.

— Изволю, — отвечал Питер. — Вы самые настоящие медведи, отличные воины и надежные друзья.

Медведь почесал затылок.

— Оно, конечно, верно, государь. А по обычаю в секунданты испокон веку брали одного медведя.

— Не слушайте его, ваше величество, — шепнул Трамп-кин. — Из-за него нас всех засмеют. Он непременно заснет и лапу сосать примется. На виду у всех!

— Обычай надо уважать, — молвил Питер. — Тем паче что мы сами даровали медведям эту привилегию. Удивительно, как она не забылась, за столько-то лет, хотя многое другое давно выветрилось из памяти.

— Пожалуйста, государь, — протянул медведь.

— Решено. Ты будешь одним из секундантов. Но лапу не сосать!

— Государь! — По тону можно было предположить, что медведь обиделся.

— Да он и сейчас ее сосет! — крикнул Трампкин.

Медведь быстренько вытащил лапу из пасти и притворился, будто ничего не слышал.

— Государь! — донесся пронзительный возглас откуда-то из-под ног у Питера.

— А, Рипичип! — воскликнул Питер, оглядевшись по сторонам и только затем посмотрев себе под ноги.

— Государь,— заявил Рипичип, подбоченясь,— моя жизнь принадлежит вам, но честь остается при мне! Государь, в моем отряде — единственный трубач на все наше войско. Я надеялся, что его пошлют вместе с парламентерами. Вы рассудили иначе. Что ж... Государь, мои воины опечалены! Но они возрадуются, когда узнают, что вы избрали меня своим секундантом.

Сверху донеслось что-то наподобие громового раската: это разразился смехом великан (надо сказать, великаны вообще любят посмеяться). Впрочем, он быстро спохватился и к тому времени, как Рипичип догадался задрать голову, выглядел уже серьезным, как каменная стена.

— Боюсь, ничего не получится,— ответил Питер.— Люди боятся мышей...

— Это я замечал не раз, государь,— вставил Рипичип.

— ... и по отношению к Миразу будет нечестно приводить с собой того, кто может лишить его храбрости.

— Ваше величество, вы — зерцало чести,— объявил Рипичип и с неподражаемым изяществом поклонился.— Принимаю ваше решение, государь. Мне показалось, я слышал чей-то смех? Если кому-то хочется поупражняться в остроумии, я к его услугам — и мой меч тоже! В любое время!

Все, кто стоял рядом, испуганно замолчали.

— Нашими секундантами будут медведь, великан и кентавр Гленсторм,— промолвил Питер.— Поединок начнется в два часа после полудня. Обедаем ровно в полдень.

— Да уж,— буркнул Эдмунд, когда они с братом двинулись в свои покои.— Ты уверен, что справишься? Что победишь его?

— Бой начнется — там и узнаем,— тихо ответил Питер.

Глава 14
Вереница событий

Незадолго до начала поединка Трампкин в компании барсука и других приверженцев Каспиана расположился на лесной опушке и разглядывал войско Мираза, что находилось на расстоянии двух полетов стрелы. Противников разделяла узкая полоска травы, на которой и должен был состояться поединок. На площадке, каждый в своем углу, уже стояли Глозелль и Сопеспиан, оба с обнаженными клинками. Напротив, сумрачно поглядывая на тельмаринцев, находились великан и медведь, который, конечно же, несмотря на все свои заверения, сосал лапу и выглядел по меньшей мере глуповато. Рядом застыл в неподвижности Гленсторм, лишь изредка бивший копытом по траве, и уж он-то выглядел куда внушительнее тельмаринского барона слева от себя. Питер обменялся рукопожатиями с Эдмундом и доктором Корнелиусом и двинулся к центру площадки. В общем, происходившее напоминало момент перед началом спортивных состязаний, когда все ждут выстрела из стартового пистолета; вот только ставкой в поединке была отнюдь не медаль и не кубок...

— Вот бы Эслан появился и все устроил, — пробормотал Трампкин.

— Да, это было бы неплохо, — отозвался барсук. — Кстати, оглянись.

— Борода моя торчком! — вскричал гном, послушно обернувшись. — Кто они такие? Высокие, красивые, точно боги... И сколько же их? Сотни, тысячи! Кто это?

— Дриады, гамадриады, сильваны, — ответил Землерой. — Их пробудил Эслан.

— Угу, — гном поморщился. — Коли враг замыслил вероломство, они нам очень даже пригодятся. Но кой от них толк, ежели Мираз с мечом управляется ловчее нашего верховного короля?

Барсук не ответил. Тем временем Питер и Мираз сошлись в центре площадки — оба в кольчугах и в шлемах, со щитами в левых руках. Поклонились, что-то сказали друг другу — что именно, на таком расстоянии расслышать было невозможно. В следующий миг на солнце сверкнули клинки, вырванные из

ножен. Лязг мгновенно заглушили крики тех, кто толпился у самой площадки.

— Молодец, Питер! Отличный удар! — крикнул Эдмунд, когда Мираз отступил на добрых полтора шага.— Дави, не зевай! — Питер усилил натиск, и почудилось даже, будто поединок закончится, едва начавшись. Но Мираз спохватился, отбил очередной удар и напал сам, используя свое преимущество в весе и росте.

— Мираз! Король Мираз! — вопили тельмаринцы; Каспиан и Эдмунд встревоженно переглянулись.

— Ему не устоять,— пробормотал Эдмунд.

— Что там такое? — спросил Каспиан, привставая на цыпочки.

— Расходятся,— отозвался Эдмунд.— Обоим передышка нужна. Вот, снова сошлись. Осторожничают. Кругами ходят, ждут, кто первый откроется...

— Боюсь, Мираз — более чем достойный соперник,— доктор Корнелиус покачал головой. И тут нарнианцы вокруг запрыгали, заскакали, подбрасывая вверх шляпы, и завопили так, что добрый доктор чуть не оглох.

— Что стряслось? — принялся расспрашивать он.— Что случилось? Что я пропустил?

— Король ранил Мираза в бок! — крикнул Каспиан, продолжая хлопать в ладоши.— Под мышку, в отверстие кольчуги! Первая кровь!

— Рано радуешься,— осадил королевича Эдмунд.— Что-то Питер плоховато щитом прикрывается. Наверно, тоже ранен — в руку.

Вскоре и все остальные заметили, что левая рука верховного короля висит плетью. Тельмаринцы завопили вдвое громче прежнего.

— Ты видел битв поболее моего,— проговорил Каспиан.— Как по-твоему, на что мы можем рассчитывать?

— Надежды мало,— откликнулся Эдмунд,— то есть почти никакой. Если только повезет...

— И зачем мы согласились на поединок? — вздохнул королевич.

Внезапно крики стихли, словно их обрезало. Эдмунд недоуменно пожал плечами.

— А! — воскликнул он.— Решили передохнуть. Пошли, доктор. Глядишь, мы с вами чем-нибудь да поможем королю.

Когда они подбежали к площадке, Питер перелез через веревки им навстречу. Лицо его раскраснелось и было мокрым от пота; дышал он тяжело и натужно.

— Ты ранен? — спросил Эдмунд.

— Не совсем. Принял удар на щит — мне почудилось, будто на меня телегу кирпичей вывалили; ну вот, и ребром щита угодил себе по запястью. Сломать ничего не сломал, но рука распухла. Если перевяжете покрепче, думаю, я смогу ею пользоваться.

— Как тебе Мираз, Питер? — справился Эдмунд, принимаясь бинтовать брату руку.

— Крепкий,— ответил Питер,— очень крепкий. У меня есть шанс, только если он выдохнется. Надеюсь, и солнце поможет — вон как припекает. А иначе... Эд, если он победит, передай всем нашим, что я люблю их... Все, пора продолжать. Пока, старина. Счастливо, доктор. Эд, скажи что-нибудь приятное Трампкину, он это заслужил.

Эдмунд лишь кивнул, не в силах произнести ни слова, и вместе с доктором понуро побрел прочь.

Впрочем, после краткого перерыва дела Питера пошли на лад. Он стал прикрываться щитом и ни секунды не стоял на месте, словно играл с Миразом в салочки. Противник наседал, а Питер ускользал, заставляя Мираза гоняться за собой по всей площадке.

— Трус! — кричали тельмаринцы.— Остановись, сразись с ним! Что, не нравится? Чай, сражаться пришел, не танцевать! Куда бежишь?

— Только бы он их не слушал,— пробормотал Каспиан.

— Не будет,— заверил Эдмунд.— Ты его не знаешь. Он...— И тут Мираз нанес удар прямиком по шлему Питера. Верховный король пошатнулся — выпрямился — упал на одно колено. Тельмаринцы взревели, будто морской прибой в ненастье. «Вперед, Мираз! — вопили они.— Убей его! Убей!» Но подгонять Мираза не было нужды. Он и без того явно вознамерился покончить с дерзким противником. Эдмунд закусил губу и зажмурился, чтобы не видеть, как клинок Мираза обрушится на шею брата. Правда, зажмурился не до конца — поэтому увидел, как меч Мираза угодил Питеру в плечо. Сработанная гномами кольчуга стойко выдержала удар.

— Встает! — гаркнул Эдмунд.— Клянусь небом, встает! Давай, Питер!

— Ничего не вижу,— пожаловался Корнелиус.— Как он сумел встать?

— Ухватился за руку Мираза,— объяснил Трампкин, пританцовывая от радости.— Ну, кто еще мог до такого додуматься? Да здравствует король Питер! Да здравствует Нарния!

— Глядите,— сказал Землерой,— Мираз разъярился. Хороший признак.

Соперники и вправду, что называется, вошли в раж: удары сыпались с быстротой молнии, и оставалось только удивляться, что оба до сих пор стоят на ногах. Зрелище завораживало, и стоявшим вокруг площадки стало не до криков: они затаили дыхание, ожидая одного-единственного удара, который окажется смертоносным — и победным.

Вдруг нарнианцы вновь разразились криками, ибо Мираз повалился навзничь. Не оттого, что Питер сумел его достать, вовсе нет; он просто споткнулся о кочку и потерял равновесие. Питер благородно отступил, давая противнику возможность подняться.

— Вот глупец! — раздраженно пробормотал Эдмунд.— Весь из себя благородный! Нет чтобы добить его!.. Хотя... верховному королю Нарнии не пристало побеждать *так*... Эслану *такая* победа уж точно не понравилась бы. Но этот хмырь сейчас встанет и...

Однако «хмырь» не успел подняться. У Глозелля и Сопеспиана были иные планы. Едва Мираз упал, они выбежали на середину площадки с криками: «Измена! Измена! Нарнианец поразил короля в спину! Подлый удар! Измена! К оружию, Тельмар!»

Питер растерялся, не в силах поверить собственным глазам. Двое тельмаринцев бежали к нему с обнаженными клинками, третий перелезал через веревки... Верховный король спохватился. «К оружию, Нарния!» — вскричал он. Напади на него все трое разом, это были бы его последние слова. Но Глозелль задержался, чтобы вонзить меч в сердце упавшему Миразу; «Зря ты меня оскорбил этим утром»,— прошептал тельмаринец, нанося удар. Тем временем Питер отбил атаку Сопеспиана, сделал ложный выпад — и одним махом снес тельмаринскому военачальнику голову.

Рядом откуда ни возьмись очутился Эдмунд. «Нарния, Нарния! За Нарнию и Великого Льва!» — крикнул он. Тельмаринцы наступали — все тельмаринское войско неотвратимо

надвигалось на верховного короля и его брата. Тут вперед, размахивая дубинкой, шагнул великан, следом устремились на врага кентавры, затренькали тетивы на луках гномов.

По правую руку от Питера бился Эдмунд, по левую — Трампкин. Сражение с каждым мигом становилось все жарче.

— Рипичип, вернись! — гаркнул Питер. — Куда ты лезешь? Тебя же раздавят!

Но отважный мыш во главе своего отряда устремился в самую гущу схватки. Их крошечные мечи наносили врагу немалый урон: не один тельмаринец в тот день получил неожиданное ранение в ноги, не один с проклятиями рухнул наземь, чтобы принять смерть от мышиных клинков (а тех, кто все же остался на ногах, добивали другие).

И прежде чем нарнианцы, как говорится, разошлись не на шутку, враг попятился! Закаленные в битвах тельмаринские солдаты замирали в ужасе, глядя куда-то за спины противникам, бросали оружие и опрометью кидались прочь, вопя на бегу: «Лес идет! Лес идет! Конец всему!»

Вскоре не стало слышно ни криков, ни лязга оружия; все звуки утонули в яростном реве Пробужденных Деревьев, что опрокинули тельмаринское войско, рассеяли его и пустились в погоню. Вам доводилось осенним вечером, когда задувает свирепый юго-западный ветер, стоять на холме у лесной опушки? Если доводилось, вы легко вообразите себе этот шум, этот рев, подобный грохоту прибоя. И еще представьте, что лес не стоит на месте, а надвигается на вас, и деревья уже не деревья, а люди, громадные, ростом с высоченные стволы, и все же напоминающие деревья своими длинными руками-ветвями, своими кудлатыми головами, с которых дождем опадает листва. Не удивительно, что тельмаринцы побежали. Даже нарнианцам, которые вроде бы были с деревьями заодно, сделалось немного не по себе. Все уцелевшие приверженцы Мираза кинулись врассыпную к реке, надеясь пересечь ее по Берунскому мосту и укрыться в городе, за крепостными стенами.

Однако моста на реке больше не было! Он исчез без следа! Тельмаринцев обуял ужас, и они дружно стали сдаваться в плен.

Но куда же подевался мост?

Рано утром, проспав всего несколько часов, Сьюзен и Люси проснулись и увидели Эслана. Лев нагнулся к ним и негромко произнес: «Сегодня мы устроим праздник». Девочки потерли

глаза и огляделись. Деревья исчезли, в отдалении виднелась лишь огромная тень, уходившая к Эсланову взгорью. Вакх, менады — те самые безумные девы, спутницы Вакха — и Силен по-прежнему были здесь. Люси встала, чувствуя себя на редкость отдохнувшей. Все просыпались, с шутками и смехом. Заиграли свирели, зазвенели цимбалы. И отовсюду к поляне стекались животные — не говорящие, но самые обыкновенные.

— Что случилось, Эслан? — спросила Люси, ноги которой так и норовили пуститься в пляс.

— Идемте, дети мои, — молвил Лев. — Я повезу вас.

— Здорово! — воскликнула Люси и взобралась льву на спину. Сьюзен последовала примеру сестры. Это было как тогда — невесть сколько лет назад!.. И все двинулись за Эсланом: Вакх и менады продолжали свои безумные пляски, прыгали, делали кульбиты, животные сновали вокруг, а Силен верхом на осле замыкал шествие.

Свернули направо, обогнули крутобокий холм и очутились у Берунского моста. В тот же самый миг из воды вдруг показалась огромная бородатая голова, увенчанная камышами, с которых капала вода. Большие глаза уставились на Эслана.

— Приветствую тебя, владыка, — произнес глубокий бас. — Разорви мои путы.

— Это еще кто? — прошептала Сьюзен.

— Наверное, речной бог, — отозвалась Люси. — Тсс!

— Вакх, — позвал Эслан. — Освободи его от пут.

— Должно быть, они говорят про мост, — шепнула Люси.

Так оно и было. Вакх и менады с громкими возгласами ринулись в воду, и минуту спустя началось удивительнейшее превращение! По опорам моста побежали крепкие, толстые побеги плюща, распространяясь повсюду, точно пламя пожара, обволакивая камни, разделяя их между собой, расщепляя в труху и пыль. На какой-то миг мост словно превратился в высокую живую изгородь, а затем с грохотом осел в забурлившую воду. Весело восклицая, повизгивая, хохоча и плескаясь водой, Вакх с менадами выбрались на дальний берег («Ура! — неслось им вслед. — Снова Берунский брод, как в старину!») и устремились в город.

Те горожане, которые находились на улицах, не стали дожидаться их и бросились бежать. Первым домом на пути менад оказалась школа — женская школа, в которой у нарниан-

ских девочек (волосы собраны в пучок, платье с высоким уродливым воротником под горло, на ногах толстые чулки) как раз был урок истории. По правде сказать, в правление Мираза историю в той школе преподавали на редкость скучно, а правды в ней было не больше, чем в записках какого-нибудь отважного мореплавателя.

— Гвендолен, — сурово проговорила учительница, — если ты не перестанешь глазеть в окно, я поставлю тебе плохую отметку.

— Мисс Приззл, там...

— Гвендолен, — перебила учительница, — ты слышала, что я сказала?

— Мисс Приззл, там Лев!

— Две плохих отметки, чтоб ерунды не говорила! А теперь...

Учительницу прервал львиный рык. По окнам классной комнаты побежали побеги плюща. Стены вмиг превратились в зеленые заросли, с потолка тоже свисали зеленые побеги. Мисс Приззл вдруг обнаружила, что стоит на траве посреди лесной лужайки. Она вцепилась в стол, чтобы удержаться на вдруг подогнувшихся ногах, и поняла, что это уже не стол, а розовый куст. А вокруг нее кружились какие-то безумцы, которых она никогда в жизни не видела! Тут ее взгляд упал на льва, и она завизжала и кинулась бежать, а за нею побежали и все ученицы, бестолковые конопатые девчушки с толстыми ногами. Задержалась только Гвендолен.

— Ты останешься с нами, милая? — спросил Эслан.

— А можно? Ой, спасибо, большое спасибо! — Гвендолен попала в объятия менад, закруживших ее в буйной пляске, и с их помощью сбросила с себя неуклюжую одежду.

Так было во всем городе. Большинство горожан убегало, и лишь некоторые присоединялись к процессии.

За городом, на левом берегу реки, начинались поля. С каждой фермы, с каждого хутора навстречу шествию выбегали животные: печальные старые ослики, в жизни не знавшие радости, молодели на глазах; собаки перегрызали цепи; лошади вырывались из упряжи, переворачивали повозки и во весь опор скакали ко льву, оглашая окрестности радостным ржанием.

У колодца во дворе одной фермы они наткнулись на мужчину, который порол мальчика. Розга в руке мужчины мгновенно

расцвела. Он попытался бросить розгу, но та словно прилипла к его руке. Миг — и рука одеревенела, стала веткой дерева, в которое превратилось тело, а ноги обернулись корнями. Мальчуган, только что горько рыдавший, громко расхохотался.

В деревушке на полпути к Бобриной плотине нашлась другая школа, где усталая на вид девушка преподавала арифметику нескольким мальчикам, чем-то неуловимо смахивавшим на поросят. Выглянув из окна, она увидела веселую процессию, что двигалась по улицам, распевая песни, и в сердце ее проникла радость. Эслан остановился под окном школы и посмотрел девушке в глаза.

— Нет, нет,— проговорила она.— Я бы с радостью. Но мне нельзя. У меня работа... Дети испугаются, увидев тебя.

— Чего? — фыркнул один из мальчишек.— С кем это она болтает? Все инспектору расскажем! Ей велели нас учить, а она лясы точит!

— Глянь, кто там,— сказал другой, и они все высунулись наружу. Стоило им появиться в окне, как Вакх издал свой дикий возглас: «Эвое!»; мальчишки завыли от испуга и, давя друг дружку, принялись выбираться на улицу, через окно и через дверь. Как потом рассказывали (не знаю, верить или нет), этих мальчишек никто больше не видел, зато в тех местах откуда ни возьмись появились вдруг очень даже симпатичные поросята...

— Иди к нам, милая,— позвал Эслан, и юная учительница охотно послушалась.

У Бобриной плотины вновь пересекли реку и двинулись на восток по правому берегу. По дороге наткнулись на хижину, в дверях которой заливалась слезами маленькая девочка.

— Почему ты плачешь, дитя мое? — спросил Эслан. Девочка никогда раньше не видела львов, даже на картинке, а потому ничуть не испугалась.

— Моей тетушке очень плохо. Она умирает...

Эслан подошел к хижине, но внутрь войти не смог, ибо дверной проем оказался для него слишком мал. Тогда он просунул внутрь голову и повернулся (Сьюзен и Люси пришлось соскочить) — и хижина развалилась, будто карточный домик. На кособокой кровати лежала пожилая женщина, в которой с первого взгляда угадывалась гномья порода. Она приоткрыла глаза и увидела перед собой львиную морду и золотистую гриву.

— О Эслан! — проговорила женщина, словно ничуть не испугавшись.— Я знала, что ты вернешься! Я ждала тебя всю жизнь! Ты пришел забрать меня?

— Да, сердце мое,— отвечал Эслан.— Но путь будет короток, ибо к долгому пути ты еще не готова,— и при этих словах бледное лицо женщины вдруг сделалось румянее (так рассвет румянит край облаков), глаза ее заблестели, и она села в постели.

— Мне гораздо лучше! А кушать как хочется! Может, меня кто-нибудь накормит?

— Угощайся, матушка,— Вакх протянул ей стакан с колодезной водой. Женщина пригубила — и на лице ее отразилось неподдельное изумление, ибо в стакане оказалась не вода, а вкуснейшее вино, алое, как желе из красной смородины, тягучее, как масло, крепкое, как говядина, теплое, как чай, и прохладное, как роса.

— Что ты сделал с моим колодцем? — спросила женщина.— Впрочем, такая вода мне нравится больше,— и она соскочила с кровати.

— Садись на меня,— пригласил Эслан и добавил, обращаясь к Люси и Сьюзен: — А вы ступайте пешком.

— С удовольствием,— откликнулась Сьюзен, и девочки побежали вперед.

Наконец, продолжая танцевать и петь, под музыку, смех, лай и ржание, они добрались до того места, где солдаты Мираза бросали оружие, поднимали руки и сдавались в плен, и где войско Питера не выпускало из рук клинков и копий и не сводило с поверженных врагов суровых взглядов. И старуха внезапно спрыгнула со спины Эслана, кинулась к Каспиану и обняла его, а Каспиан в ответ обнял ее, ибо то была его добрая нянюшка.

Глава 15
Дверь в воздухе

При виде Эслана лица тельмаринских солдат стали бледнее, чем у покойников, колени их подогнулись, многие попадали ниц. Они не верили во львов и оттого боялись еще сильнее. Даже рыжие гномы, знавшие, что Эслан — друг, стояли с разинутыми ртами, не в силах вымолвить ни слова. Некоторые из черных гномов — приятели Никабрика — тихонько попятились. Зато все говорящие звери устремились ко льву:

они мурлыкали, фыркали, пищали, лаяли и ржали от восторга и дружно виляли хвостами, терлись о него носами, сновали между его могучих лап. Если вам доводилось видеть, как котенок играет с большим псом, которого давно знает и которому полностью доверяет, вы можете себе воочию представить, что происходило у реки. Наконец сквозь толпу животных протолкался Питер, ведя за собой Каспиана.

— Это Каспиан,— представил он королевича. Каспиан преклонил колени и припал губами к львиной лапе.

— Добро пожаловать, королевич,— молвил Эслан.— Готов ли ты принять на себя бремя правления?

— Я... Не знаю, повелитель,— признался Каспиан.— Я еще слишком молод...

— Хорошо,— одобрил Эслан.— Скажи ты иное, это означало бы, что ты вовсе не готов... Что ж, своею волей и волей верховного короля нарекаю тебя правителем Нарнии, владыкой Кэйр-Паравела, императором Одиноких островов. Ты и твои наследники будете править Нарнией, пока не пресечется род человеческий. И коронация твоя... Это что такое?

В этот миг показалась диковинная процессия — одиннадцать мышей несли кого-то на носилках из веток, и носилки были не больше крупного листа лопуха. Никто и никогда не видывал мышей более опечаленных, если не сказать — убитых горем. С ног до головы в грязи и в крови, ушки прижаты, усики поникли, хвосты волочатся по траве; предводитель процессии выдувал на дудке скорбный напев. Когда процессия приблизилась, стало видно, что на носилках — что-то вроде побуревшего от крови комочка шерсти. То был Рипичип: он еще дышал, но был уже на пороге смерти, ибо тело его покрывали бесчисленные раны, одна лапа расплющена, вместо хвоста забинтованный обрубок...

— Люси,— позвал Эслан.

Девочка выступила вперед, снимая с шеи флакон с драгоценной жидкостью. Чтобы исцелить раны Рипичипа, достаточно было одной капли на каждую, но ран оказалось так много, что прошло немало времени (все, кто стоял поблизости, затаили дыхание), прежде чем исцеленный мыш спрыгнул с носилок. Одна лапа сразу потянулась к рукояти меча, другой Рипичип подкрутил усики.

— Здрав будь, Эслан! — воскликнул он, отвесив поклон.— Для меня великая честь...— И вдруг умолк.

Все объяснялось очень просто — кланяясь, Рипичип обнаружил, что у него нет хвоста: то ли Люси забыла капнуть из флакончика, то ли целебное снадобье лишь исцеляло раны, а выращивать новые хвосты взамен отрубленных не могло. Мыш оглянулся через плечо, никакого хвоста, естественно, не увидел, запрокинул голову и изогнулся, стараясь разглядеть хоть что-нибудь. Разумеется, у него ничего не вышло. Он трижды обернулся, пытаясь сообразить, что к чему, и наконец постиг ужасную истину.

— Увы мне! — воскликнул он.— Какой позор! Повелитель, прости, что я посмел появиться пред тобою в столь неподобающем виде.

— Твой вид вполне подобающий,— ответил Эслан.

— Какой позор! — горько повторил Рипичип.— Быть может, еще не поздно... Ваше величество? — Он поклонился Люси и умоляюще поглядел на девочку.

— Зачем тебе хвост? — добродушно полюбопытствовал Эслан.

— Повелитель,— отвечал Рипичип,— его отсутствие не помешает мне отдать жизнь за моего короля. Но для мыши хвост — и честь, и слава.

— Сдается мне, мой маленький друг,— молвил Эслан,— что ты чрезмерно печешься о своей чести.

— О верховнейший из королей,— вскричал Рипичип,— позволь напомнить тебе, что нас, мышей, сотворили чудовищно малыми; и если мы бросим заботиться о своей чести и своем достоинстве, кто-нибудь, повыше ростом, да умом обиженный, наверняка примется потешаться на наш счет. Вот почему я прилагаю столько усилий, чтобы вразумить неразумных, вот почему внушаю всем и каждому, что в моем присутствии не след рассуждать о мышеловках, о сыре или о свечках — ежели, конечно, кто-то не хочет скрестить со мной меч. И я не отступлю ни перед кем, будь то хоть самый длинный глупец в Нарнии! — Рипичип смерил яростным взглядом великана, но тот, верный своей привычке думать неспешно, не успел еще разобрать, о чем толкуют у него под ногами, так что мышиный взгляд пропал втуне.

— Могу я спросить, почему и остальные мыши обнажили клинки? — справился Эслан.

— Позволь ответить, повелитель,— пискнул второй по старшинству мыш, которого звали Пипчичик.— Мы готовы

отрубить себе хвосты, чтобы походить на нашего вожака. Не пристало нам хранить честь, коя отныне недоступна нашему вожаку.

Эслан негромко рыкнул.

— Ваша взяла! Отважные сердца! Не ради твоей чести, Рипичип, но ради той любви, что объединяет тебя и твоих подданных, ради той доброты, которую твои подданные выказали ко мне в давние времена, когда перегрызли веревки, коими меня привязали к Каменному Столу (и именно с той поры, напоминаю, ты стал говорящей мышью), — ради этого я верну тебе твой хвост.

Прежде чем Эслан закончил говорить, у мыша вырос новый хвост. Затем, по велению Эслана, Питер посвятил Каспиана в кавалеры ордена Великого Льва, а Каспиан, в свою очередь, посвятил в рыцари Землероя, Трампкина и Рипичипа, а доктора Корнелиуса назначил лорд-канцлером; Пузатым же медведям он даровал наследственное право быть секундантами на рыцарских турнирах. Этим решениям хлопали.

Тельмаринских солдат под конвоем — но без тычков и оплеух — перевели через реку и посадили под замок, не забыв накормить мясом и напоить пивом. У реки возникла небольшая заварушка: тельмаринцы отказывались идти вброд, потому что им ненавистна была проточная вода — не меньше, чем леса и животные. Однако бунт успешно подавили в самом зародыше; а когда с этим разобрались, началась куда более приятная часть дня.

Люси, удобно пристроившись рядом с Эсланом, наблюдала за деревьями и недоумевала: что же они такое затевают? Сперва ей почудилось, будто деревья просто танцуют: они медленно кружились двумя хороводами, причем один двигался слева направо, а другой справа налево. Потом она заметила, что деревья кидают что-то на землю: будто бы вырывают у себя из волос длинные локоны — или отламывают кончики пальцев (это же больно! и откуда у них столько пальцев?). Что бы они ни бросали, это «что-то», достигая земли, превращалось в хворост. Трое или четверо рыжих гномов собирали хворост в кучу, а когда собрали — застучали кресалами и подожгли ее. Ветки затрещали, ярко вспыхнуло пламя. Это был чудесный костер, очень похожий на тот, какие разводят в лесу накануне летнего солнцеворота. И все расселись у костра широким кругом.

Вакх и Силен с менадами затеяли пляску, и эта пляска была куда более буйной, чем танец деревьев, — не просто пляска ради развлечения (хотя и это было), но магический танец изобилия; где касались руки, где ступали ноги — всюду появлялись разнообразные яства: жаркое, наполнившее рощу чудесным ароматом; овсяные и пшеничные лепешки, мед, разноцветные куски сахара; сливки, густые, как каша, и застывшие, как вода в пруду; груши, сливы, гранаты, персики, апельсины, клубника, ежевика — целые водопады, целые пирамиды фруктов и ягод. А следом, в больших деревянных чашах и в золотых кубках, увенчанных побегами плюща, появилось вино: темно-красное, густое, как крыжовниковый сироп, розовое, точно вот-вот поспеющие ягоды, и белое, и зеленое, и желто-зеленое, и даже зелено-желтое.

А для людей-деревьев предназначалось иное угощение. На глазах у Люси кроты принялись рыть землю (там, где указывал Вакх); внезапно девочка поняла, что деревья собираются есть эти комья, и невольно поежилась. Но потом углядела, что это за земля, и изменила свое мнение. Угощение начиналось с темно-коричневых комьев, столь сильно смахивавших на шоколад, что Эдмунд не удержался и попробовал (и недовольно поморщился — земля землей). Утолив первый голод, деревья стали поглощать землю наподобие той, какую можно увидеть у нас в Сомерсете, — нежно-розового оттенка. По их словам, эта земля была легче и слаще предыдущей. На десерт подали мел, а после мела была отборная галька, обильно посыпанная мельчайшим серебристым песком. Вина деревья почти не пили, однако и этого малого количества хватило, чтобы падубы сделались словоохотливы: ведь по большей части деревья утоляют жажду росой и дождем с привкусом лесных цветов и едва уловимым ароматом облаков.

Эслан пировал вместе с нарнианцами, и пир затянулся далеко за полночь. На небосводе давным-давно высыпали звезды; огромный костер, по-прежнему яркий, но уже не такой говорливый, сверкал маяком в темном лесу; видно его было издалека, и перепуганные тельмаринцы гадали, что могло означать это пламя. Лучше всего было то, что никто никуда не уходил: лежи себе, ешь, пей да болтай. Чем глубже становилась ночь, тем тише делались разговоры; лагерь охватила дрема, а на смену дреме пришел сон. Наконец наступила тишина, которую нарушало только ставшее вновь слышным журчание

воды у бродов Беруны. И всю ночь напролет Эслан не мигая глядел на луну, а луна столь же пристально смотрела на него.

Наутро разослали гонцов — в основном белок и птиц. Гонцам поручили объявить тельмаринцам, которые разбежались кто куда, а также и пленникам в городке у бродов Беруны, что Каспиан — законный правитель Нарнии и что Нарния отныне принадлежит не только людям, но и говорящим зверям, гномам, дриадам, фавнам и другим существам. И что те, кто пожелает принять сей порядок, могут остаться; а тем, кто не хочет, Эслан подыщет новый дом. Всякий, кому милы иные края, должен явиться к Эслану и верховному королю на пятый день, считая от сегодняшнего.

Как легко догадаться, эта весть привела тельмаринцев в смятение. Те, кто помоложе, обрадовались возвращению Былых Дней, о которых им столько рассказывали нянюшки и воспитатели. Они уже исподволь стали заводить себе друзей среди нарнианцев, ибо решили остаться в Нарнии. Другие же (таковых было большинство) — старше летами и обеспеченнее, ибо при Миразе они занимали важные посты, — недовольно ворчали и отнюдь не собирались задерживаться там, где им вежливо указывали на дверь. «Еще не хватало — водить компанию с говорящими животными! Якшаться с ходячими деревьями! И с призраками заодно! Слыхали, дриады-то на самом деле призраки?» В общем, хватало и раздражения, и страхов, и подозрительности. «Не верим! Этот жуткий Лев наверняка какую-нибудь пакость замыслил! А ну, как набросится, как разорвет на кусочки! Ишь, новые земли сулит! Знаем мы эти новые земли — в логово к себе утащит, да и сожрет!» И чем больше они ворчали, тем угрюмее и подозрительнее становились. Впрочем, в назначенный срок около половины от общего числа недовольных тельмаринцев все же явились к Эслану.

Лев встречал их на лужайке, в одном конце которой виднелись два деревянных шеста в человеческий рост, с перекладиной поверх. Расстояние между шестами составляло около трех футов, перекладина была тоньше шестов, а вся конструкция напоминала дверной проем, ведущий из ниоткуда в никуда. Эслан стоял у этого проема, с Питером по правую руку и Каспианом по левую. Поблизости держались также Сьюзен, Люси, Трампкин, Землерой, лорд-канцлер Корнелиус, кентавр Гленсторм и Рипичип. Ребята изрядно поживились в королевском

гардеробе замка, не так давно принадлежавшего Миразу, а ныне ставшего резиденцией Каспиана; они облачились в шелка, расшитые золотом, сквозь прорези в рукавах проглядывал белоснежный лен; поверх одежд — начищенные до блеска кольчуги, на боку мечи с золочеными рукоятями; на головах шлемы и шляпки с перьями. Трампкин тоже приоделся, да и звери нацепили на себя золотые цепи. Впрочем, все это скопище драгоценностей меркло рядом с пышной, отливающей золотом гривой Эслана.

Прочие нарнианцы выстроились вдоль лужайки. Тельмаринцы то косились на льва, то глядели по сторонам. Ярко светило солнце, ветерок шевелил стяги и вымпелы.

— Сыны Тельмара,— молвил Эслан,— вы пришли ко мне в поисках иной земли. И слово мое таково: я отправлю вас на вашу родину, которая вам неведома, а мне известна.

— Мы не помним Тельмар! — зароптала толпа.— Мы не знаем, где он лежит! И каков он, тоже не ведаем!

— Вы пришли в Нарнию из Тельмара,— продолжал Эслан.— Но Тельмар — не ваша родина. Вы не принадлежите этому миру. Поколения назад ваши предки явились сюда из того мира, откуда пришел верховный король Питер.

Половина тельмаринцев перепугалась: «Я же говорил! Говорил! Он всех нас прикончит, понимаешь!» А вторая половина принялась хлопать друг друга по спине и по плечам и приговаривать: «Ну! Могли и сами догадаться, что мы не из этого мирка со всякими там чудными тварями! У нас в жилах королевская кровь течет!» Каспиан, Корнелиус, Питер с Эдмундом и Сьюзен с Люси, не говоря уж о прочих нарнианцах, в немом изумлении повернулись к Эслану.

— Тихо,— молвил Лев голосом, в котором угадывался зарождающийся рык. Земля под ногами будто дрогнула, и все живое в испуге застыло.

— Каспиан, ты должен знать, что престол Нарнии был бы тебе заказан, не будь ты, подобно королям былого, сыном Адама и не веди ты свой род от выходцев из *того* мира. Много лет назад в том мире, в глубоком море, что зовется Южным, разыгрался шторм и пригнал пиратский корабль к некоему острову. Пираты высадились на остров и повели себя, как и положено пиратам: убили местных мужчин, переженились на местных женщинах, стали делать пальмовое вино, пили его, спали в тени пальм, иногда ссорились и убивали один

другого. Однажды шестеро из них взбунтовались против остальных и вместе со своими женами, ища укрытия, поднялись на гору в центре острова и спрятались в пещере. Но то была не просто пещера, а одно из волшебных мест — мест, которые позволяют переходить из мира в мир. В старину таких мест было в изобилии, но теперь они попадаются все реже. Это — одно из последних, но не последнее. Итак, те шестеро упали — или поднялись, или провалились, или просто набрели на наш мир и очутились в Тельмаре, который тогда был безлюден. Почему — слишком долгая история, я не стану ее рассказывать. И они поселились в Тельмаре и стали основателями свирепого и отважного народа; многие поколения спустя в Тельмаре настал голод, и тельмаринцы вторглись в Нарнию, которая не сумела дать отпор (почему — тоже другая история), и завоевали ее. Все ли из сказанного мною ты запомнил, король Каспиан?

— Да, повелитель, — отозвался Каспиан. — Что ж, мой род мог быть и поблагороднее.

— Ты ведешь свой род от Адама и Евы, — рек Эслан. — И это великая честь, которая даже последнего нищего заставит вскинуть голову. И тяжкое бремя, способное пригнуть к земле шею самого могущественного правителя.

Каспиан молча поклонился.

— Что ж, сыны и дочери Тельмара, — молвил Эслан, — хотите ли вы вернуться на тот остров, с которого прибыли сюда ваши предки? Этот остров ныне необитаем, те пираты, которые на нем оставались, давно вымерли. Там есть родники, почва плодородна, найдется и лес, чтоб строить дома, и рыба, чтоб питаться. Дверь открыта, выбор за вами. Но должен вас предостеречь: возврата уже не будет, за вашими спинами эта дверь между мирами захлопнется навсегда.

Никто не ответил. Но вот из толпы тельмаринцев вышел коренастый мужчина.

— Я согласен, — коротко сказал он.

— Выбор сделан, — молвил Эслан. — Раз ты вызвался первым, тебе будет сопутствовать удача. Ступай же.

Тельмаринец побледнел, однако шагнул к двери. Эслан и нарнианцы посторонились, давая дорогу.

— Ступай сквозь проем, сын мой, — проговорил Эслан и потерся носом о нос тельмаринца. Едва на человека упало ды-

хание льва, в глазах мужчины появилось странное выражение, будто он пытался что-то вспомнить. Расправив плечи, он шагнул в проем.

На него были устремлены все взгляды. Сквозь проем виднелись деревья и кусты под синим нарнианским небом. Тельмаринец занес ногу, переступил незримый порог — и исчез.

С дальнего конца поляны донеслись крики:

— И где он? Что с ним стало? Хочет нас убить, честное слово! Мы не пойдем!

Когда же они немного успокоились, кто-то сказал:

— Мы не видим другого мира. Если вы хотите, чтобы мы в него поверили, пускай один из вас пройдет сквозь проем. Или вы нарочно держитесь подальше?

Тут же вперед шагнул Рипичип.

— Повелитель, — сказал он с поклоном, — позвольте мне пойти. Мои мыши и я — мы пройдем сквозь этот проем по первому твоему слову.

— Нет, мой маленький друг, — ответил Эслан и погладил мыша по головке. — В том мире с тобой будут обращаться неподобающим образом. Тебя станут показывать на ярмарках как небывалую диковинку. Твое место здесь.

— Идем, — буркнул Питер, поворачиваясь к Эдмунду и Люси. — Нам пора.

— Ты о чем? — не понял Эдмунд. — Куда пора?

— Туда, — откликнулась Сьюзен и указала на лес. — Ты переодеваться собираешься?

— Зачем? — удивилась Люси.

— Затем, что мы возвращаемся, — объяснила Сьюзен. — И представляете, как на нас будут глазеть дома, если мы заявимся в *этом.*

— Но наша одежда в замке Каспиана, — напомнил Эдмунд.

— Вовсе нет, — Питер ткнул пальцем вперед. — Видишь узелки? Это она и есть.

— Так вот о чем Эслан говорил сегодня утром с тобой и со Сьюзен! — догадалась Люси.

— Угу. Об этом и о многом другом, — Питер сделался вдруг задумчив. — Всего я вам рассказать не могу. Эти слова предназначались только нам, мне и Сьюзен, потому что мы в Нарнию никогда больше не вернемся.

— Никогда? — переспросили хором Эдмунд и Люси.

— Никогда,— повторил Питер.— Вы двое вернетесь наверняка. По крайней мере, так я понял с его слов. А мы со Сью уже слишком взрослые.

— Нитер, мне так жаль,— проговорила Люси.— Так обидно!..

— Переживем,— с деланным равнодушием отмахнулся Питер.— Нросто все немножко иначе воспринимается... Подрастете — поймете. Ну, переодеваемся.

Было странно — и не слишком приятно — снимать королевские одежды и надевать школьную форму, а паче того — выходить в ней к тем, кого ты уже привык считать своими подданными... Кто-то из тельмаринцев захихикал. Но нарнианцы, все как один, поднялись, приветствуя верховного короля Питера, Сьюзен — хозяйку Рога, бесстрашного Эдмунда и кроткую Люси. Нрощаться с друзьями было тяжело (Люси даже всплакнула) — Пузатые медведи обняли всех по очереди и потерлись носами, Трампкин пожал каждому руку, Землерой поцеловал, щекоча усами. Разумеется, Каспиан попытался вернуть Сьюзен Рог; разумеется, она отказалась и заявила, что отныне Рог принадлежит ему. А потом наступил самый тяжкий, самый невероятный миг — миг прощания с Эсланом.

Выстроились в колонну — Питер впереди, руки Сьюзен на его плечах, руки Эдмунда на плечах Сьюзен, руки Люси на плечах Эдмунда, руки первого из тельмаринцев на плечах Люси, и так далее. Питер сделал шаг... Что было дальше, описать трудновато, ибо ребятам почудилось, будто они одновременно видят сразу три места: и свод пещеры, за которым над необитаемым островом в Тихом океане знойно голубело небо; и лужайки в Нарнии, лица гномов и морды животных, пронзительный взор Эслана и белые пятна на мордочке Землероя; и серую поверхность платформы на сельской станции, и скамейку с ранцами,— и это третье видение становилось все отчетливее, а два других быстро таяли. Ребята очутились на скамейке, и ощущение было такое, словно они с нее и не вставали. Было грустно — и в то же время радостно: всегда приятно оказаться дома, в своем собственном мире.

— Отдохнули на славу,— сказал Питер.

— Вот зараза! — проворчал Эдмунд.— Я свой фонарик в Нарнии забыл!

ПОСПЕШАЮЩИЕ К ВОСХОДУ, ИЛИ ПОХОД НА КРАЙ СВЕТА

Одинокие
острова
Теребинтия
Фелимат
Паленый
остров
Далекий
остров
Галма
Семь островов
Остров
недостопов
Кэйр-Паравел
Темный
остров
Карта Восточного океана
Остров
Раманду

Глава 1
Картина в спальне

Жил-был мальчик по имени Юстейс Кларенс, по фамилии Скрабб и по прозвищу Бяка. По правде сказать, прозвище было вполне заслуженным. Отец с матерью звали его Юстейсом Кларенсом, учителя в школе — Скрабб, а как обращались к нему друзья, сказать невозможно, по той простой причине, что друзей у него не было. Своих родителей он называл не папой и мамой, как все дети, а Гарольдом и Альбертой, и они против этого ни чуточки не возражали, потому что считали себя очень современными: мяса в рот не брали, не курили, не прикасались к спиртному и нижнее белье носили особенное, которое называли «гигиеническим». Мебели у них в доме было всего ничего, постельного белья ненамного больше, а окна не закрывались даже в лютые холода.

Юстейс Кларенс любил животных, особенно жуков, правда, только засушенных и пришпиленных булавками к картонкам. Нравились ему и книжки, но не все подряд, а познавательные, — с картинками, изображающими всяческие сооружения и устройства, вроде зерновых элеваторов, а также упитанных иностранных школьников, корпящих над своими иностранными учебниками.

Своих кузенов и кузин Певенси — Питера, Сьюзен, Эдмунда и Люси — Юстейс Кларенс вовсе не жаловал, что не помешало ему обрадоваться, когда он узнал, что Эдмунд и

© В. Волковский, перевод, 2000

Люси наведаются к ним погостить. Будучи в глубине души врединой, он, хоть по трусости и тщедушию не сладил бы в драке даже с Люси, не говоря уж об Эдмунде, знал немало способов испортить настроение кому угодно. Донимать людей мелкими пакостями совсем нетрудно, особенно если ты дома, а они у тебя в гостях.

Надо признать, что Эдмунду и Люси ни капельки не хотелось проводить каникулы у дяди Гарольда и тети Альберты, да только выхода у них не было. В то лето их папу пригласили читать лекции в Америку, и мама, за десять лет забывшая, что такое летний отдых, отправлялась с ним. Питеру предстояло провести лето, готовясь к экзаменам под руководством старого профессора Керка, в чьем доме всем четверым детям довелось в свое время пережить удивительные приключения. Конечно, профессор и сейчас с удовольствием принял бы у себя их всех, однако он успел основательно обеднеть и теперь жил в маленьком домишке, в котором была одна-единственная спальня. Брать с собой в Америку остальных троих детей было бы слишком дорого, и в конечном счете родители решили взять с собой одну Сьюзен, считавшуюся в семье красавицей и умницей (хотя последнее отнюдь не подтверждалось ее довольно скромными успехами в школе). Мама сказала, что Сьюзен поездка принесет куда больше пользы, чем младшим. Эдмунд с Люси старались не злиться на сестру, но каникулы уже заранее казались им безнадежно загубленными, и это повергало в уныние

— Тебе что,— вздыхая, говорил сестренке Эдмунд,— у тебя будет хотя бы своя комната. А мне каково? Жить в одной спальне с этим нудным задавакой Юстейсом!

Эта история началась однажды поутру, когда брат с сестренкой улучили свободную минутку, чтоб поболтать друг с другом без посторонних. И как всегда, когда они оставались наедине, разговор у них зашел о Нарнии. Так называлась их заветная, тайная страна. Наверное, такая страна есть почти у каждого, да только у большинства она воображаемая, а вот у ребят Певенси, которым в этом отношении повезло несравненно больше, страна была самая настоящая. Они побывали там уже дважды, и не понарошку, не во сне, а совершенно взаправду. И попадали туда, разумеется, с помощью волшебства, ведь иначе в Нарнии не окажешься. А поскольку им

было обещано (ну, во всяком случае, почти обещано), что они попадут туда снова, их разговоры в основном и сводились к тому, как это будет здорово.

Сидя на кровати в спальне Люси, они разглядывали висевшую на стене напротив картину,— единственную в доме, которая им нравилась. И которая совершенно не нравилась тетушке Альберте, почему и оказалась в дальней комнатушке на втором этаже. Хозяйка, наверное, выбросила бы ее вовсе, но ее останавливало то, что это был свадебный подарок,— кто его подарил, давным-давно забылось.

Картина изображала плывущий как будто прямо на зрителя парусный корабль с носовой фигурой в виде вызолоченной драконьей головы с широко разинутой пастью. На единственной мачте раскинулся большой квадратный парус пурпурного цвета. Зеленые борта были едва видны за позолоченными драконьими крыльями. Корабль только что взлетел на гребень высокой синей волны, ближний край которой, казалось, вот-вот обрушится вниз и обрызгает с головы до ног. Подгоняемый свежим ветром, парусник слегка кренился на левый борт (замечу, что если речь идет о кораблях, следует говорить не «наклонялся», а непременно «кренился», и не «налево», а «на левый борт»). Справа светило солнце, и вода там играла пурпурно-зелеными бликами; слева корабль отбрасывал на синеву моря темную тень.

— По-моему,— проворчал Эдмунд,— это не картина, а просто дразнилка. Не больно-то весело любоваться нарнианским кораблем, коли не можешь попасть в Нарнию.

— Не попадем, так хоть вспомним, все веселее,— вздохнула Люси.— Корабль и вправду как тамошний.

— Все играете, еще не наигрались,— с этими словами в комнату вошел Юстейс Кларенс, до последнего момента подслушивавший за дверью. Подслушивать он был мастер, и когда гостил у Певенси в прошлом году, именно таким способом прознал о Нарнии; с тех пор он не упускал случая подразнить их по поводу этой выдумки. Ему Нарния, конечно же, казалась выдумкой, которая раздражала его хотя бы потому, что сам он был напрочь лишен фантазии и выдумать не мог решительно ничего.

— Тебя сюда никто не звал,— сердито буркнул Эдмунд.

— Я, между прочим, стишок сочинил,— пропустив его слова мимо ушей, заявил Юстейс.— Вот послушайте.

Кто в Нарнию играет без конца,
Становится похож на дурака.

— Тоже мне стишок,— фыркнула Люси.— Ни складу ни ладу! Конца — дурака, разве же это рифма?

— Это ассонанс,— с важным видом объявил Юстейс,— или, по-простому, созвучие.

— Не вздумай спрашивать, что это за ассодранс или созвонючие! — предостерег Эдмунд.— Он только того и ждет. Спросишь, потом придется его нудятину слушать. А промолчишь, так он, может, и уберется.

Услышав такое, обычный мальчишка ушел бы прочь или, что весьма вероятно, дал бы обидчику тумака, но Юстейс не сделал ни того ни другого. Он просто ухмыльнулся и как ни в чем не бывало полюбопытствовал:

— А вам нравится эта картина?

— Бога ради, молчи, не то он начнет всякую чушь пороть насчет «искусства» и всего такого прочего! — воскликнул Эдмунд, но опоздал, поскольку Люси, девочка в высшей степени правдивая, уже ответила:

— Да. Даже очень нравится.

— А по мне, так это просто мазня,— скривился Юстейс.— Смотреть противно.

— А ты выйди вон, тогда и смотреть не придется,— посоветовал Эдмунд, однако Юстейс снова не обратил на его слова ни малейшего внимания.

— А что, по-твоему, в ней хорошего? — спросил он кузину.

— А то,— серьезно ответила Люси,— что корабль на ней словно и взаправду плывет. И вода будто взаправду мокрая. И волны будто взаправду колышутся.

Вне всякого сомнения, Юстейс мог бы отпустить по этому поводу множество преехиднейших замечаний, однако же промолчал. Промолчал же он по той причине, что, когда взглянул в тот миг на картину, ему тоже почудилось, будто волны колышутся. До сих пор Юстейсу доводилось бывать в море лишь единожды (он с родителями совершил морскую прогулку на остров Уайт), но воспоминания о качке у него остались самые неприятные. Тогда его одолела морская болезнь, и на сей раз он тоже ощутил нечто похожее. Лицо его позеленело. Он отвел глаза, а когда взглянул на картину снова, попросту разинул рот — как и Эдмунд с Люси.

Конечно, читая об этом в книжке, трудно поверить в такое. Ребята и сами поначалу не верили собственным глазам. Изображение на картине двигалось! Это походило на кино, но было гораздо реальнее, естественнее и живее. Нос корабля взлетал на гребень синего вала, поднимая фонтаны брызг, нырял вниз и вздымался снова. Волна прокатывалась под днищем, подбрасывая корабль вверх и открывая взгляду корму, а потом, схлынув, уступала место следующей. Учебник, лежавший на кровати рядом с Эдмундом, вспорхнул и, хлопая страницами, отлетел к стене. Люси почувствовала, что волосы ее растрепались и взъерошились, как случалось в ветреную погоду. Да, в комнате и вправду поднялся ветер, причем дул он не из окна, а прямиком из картины. И этот ветер принес с собой звуки — тяжкие вздохи волн, плеск воды о борта и скрип корабельной оснастки. В том, что происходящее ей не снится, Люси убедил лишь щекотавший ноздри соленый запах.

— Прекратите! — испуганно и злобно заверещал Юстейс.— А ну, прекратите ваши гадкие фокусы! Вот скажу Альберте, вы у нее попляшете... Ой!

Справедливости ради следует признать, что хотя Люси с Эдмундом были куда привычнее к приключениям, «ой!» крикнули и они. По той простой причине, что вода, причем очень даже холодная, с чмокающим звуком выплеснулась из рамы, окатив их с ног до головы.

— Ах так! — завопил Юстейс.— Да я сейчас эту гадость в клочья порву!

Все последовавшее за этим произошло одновременно. Юстейс устремился вперед, намереваясь привести угрозу в исполнение. Эдмунд, имевший некоторое представление о волшебстве, бросился за ним, призывая опомниться и не быть дураком. И в этот самый миг все трое то ли сделались совсем крошечными, то ли картина выросла до огромных размеров. Так или иначе, но когда Юстейс подпрыгнул, чтобы сорвать картину со стены, неожиданно оказалось, что он стоит прямо на раме, а перед ним вовсе не холст, а самое настоящее море. Волны накатывались на раму и разбивались о нее, как о прибрежные скалы. Эдмунд и Люси вспрыгнули на раму и оказались рядом с кузеном, который в следующую секунду с перепуга отчаянно вцепился в них обоих. Они закричали, замахали руками, пытаясь сохранить равновесие, и, может быть, сохранили бы, но внезапно нахлынувшая огромная синяя волна

мигом слизнула всех троих прямиком в море. Юстейс истошно взвизгнул, но попавшая в рот вода тотчас заставила его умолкнуть.

Люси оставалось лишь поблагодарить свою счастливую звезду за то, что прошлым летом она основательно занималась плаванием. Конечно, барахтаться приходилось изо всех сил, да и вода была куда холоднее, чем хотелось бы, однако при всем при том девочка не только ухитрялась держать голову над поверхностью, открыв глаза и закрыв — в отличие от Юстейса — рот, но еще и мигом сбросила туфельки. (Кстати, стоит заметить, что это обязательно следует сделать всякому, кого угораздит плюхнуться одетым в глубокую воду.)

До корабля было рукой подать — Люси видела возвышавшийся над ней зеленый борт и смотревших сверху людей, — но тут, как и следовало ожидать, Юстейс вцепился в нее, и они вдвоем с головой ушли под воду.

Когда девочке удалось вынырнуть, она увидела человека в белом, прыгнувшего с борта в воду. Эдмунд уже находился рядом и даже умудрился оторвать от сестры вопящего Юстейса. Незнакомец в белом — впрочем, вблизи его лицо показалось девочке смутно знакомым — подплыл с другой стороны и поддержал ее, не дав снова скрыться под водой. С корабля доносились крики; моряки, перевесившись через борт, бросали вниз веревки. Эдмунд и знакомый незнакомец сообща обвязали Люси веревками и подали знак тянуть. Девочке показалось, что тянули ее очень-очень долго, потому что она основательно посинела и уже выбивала зубами дробь, хотя люди на палубе вовсе не мешкали, а лишь дожидались удобного момента, чтобы поднять Люси (иначе она могла удариться о борт). Только благодаря их осторожности она отделалась всего-навсего ушибленной коленкой. Следом за промокшей, продрогшей девочкой на палубу подняли Эдмунда, потом втащили жалкого, несчастного Юстейса, а последним взобрался отважный спасатель — золотоволосый юноша, всего несколькими годами старше Люси.

— Ка... Ка ... Каспиан! — ахнула Люси, едва ей удалось восстановить дыхание. Ибо она и вправду увидела перед собой не кого иного, как Каспиана, юного короля, которому братья и сестры Певенси помогли взойти на престол во время последнего посещения Нарнии. Эдмунд тоже мигом узнал его, и все трое принялись радостно обниматься и хлопать друг друга по спине.

— А кто ваш друг? — поинтересовался Каспиан, с приветливой улыбкой обернувшись к Юстейсу, однако тот ревел так отчаянно, что становилось неловко: вроде ведь не маленький, да и ничего особенно страшного с ним не случилось.

— Отпустите меня! — орал он что было мочи.— Сейчас же отпустите! Не хочу-у-у!

— Отпустить? — удивился Каспиан.— Куда?

Юстейс подбежал к борту, рассчитывая увидеть нависающую над морем раму от картины, а за ней и уголок спальни Люси. Но он обманулся в своих ожиданиях: вокруг, до самого горизонта, расстилалось синее, с белыми шапочками пены на гребнях волн море, а над морем раскинулось столь же безбрежное и синее (разве чуток посветлее) небо. Принимая все это во внимание, вряд ли следует слишком уж упрекать беднягу за то, что сердце у него упало, и что его вдобавок чуть не стошнило.

— Эй, Ринельф! — окликнул Каспиан одного из моряков.— Принеси их величествам пряного вина. Вам, друзья мои, после этакого купания совсем не помешает согреться,— он неспроста назвал Эдмунда и Люси их величествами, ведь в свое время они, вместе с Питером и Сьюзен, тоже были королями и королевами Нарнии. А надо сказать, что в Нарнии время течет совсем по-другому, чем у нас. Вы можете запросто прожить там добрую сотню лет, а потом вернуться в наш мир в тот же день и чуть ли не в тот же час, когда покинули его. А возвратившись в Нарнию, скажем, через неделю, можете обнаружить, что там прошла целая тысяча лет или всего-то один денек, а то и вовсе ни минуты; и выяснить это можно, лишь оказавшись там. Потому, когда Питер с братом и сестрами объявились в Нарнии во второй раз, тамошние жители приняли их, как мы, наверное, приняли бы короля Артура. Кстати, многие верят, что он и вправду когда-нибудь вернется, и я по сему поводу могу сказать лишь одно — чем скорее, тем лучше.

Ринельф принес кувшин с подогретым вином, над которым поднимался душистый пар, и четыре серебряных кубка. Что было весьма кстати: Люси и Эдмунду хватило всего нескольких глотков, чтобы почувствовать, как тепло пробирает их до самых пяток. А вот Юстейс кривился, отплевывался и канючил, чтобы ему дали полезного и питательного, натурального, витаминизированного, пастеризованного и

стерилизованного сока, а главное — высадили бы на берег как можно скорее.

— Ну, брат, славного же моряка ты с собой привел! — шепнул Каспиан Эдмунду, но не успел закончить фразу, потому как Юстейс заголосил громче прежнего:

— Ой-ой! Тьфу! Это еще что за гадость? Уберите сейчас же!

Впрочем, на сей раз его можно было до некоторой степени извинить, поскольку появившееся из кормовой рубки и важно шагавшее к ним существо выглядело, мягко говоря, не совсем обычно. Больше всего оно походило на мышь, каковой, в сущности, и было, только вот роста в нем насчитывалось никак не меньше двух футов; передвигалось оно на задних лапах, а на голове его красовался тонкий золотистый ободок с длинным красным пером, великолепно смотревшийся на фоне очень темной, почти черной шерстки. Левая передняя лапа покоилась на эфесе длиннющей, под стать мышиному хвосту, шпаги. На качку диковинное животное не обращало внимания, по палубе вышагивало с изящной непринужденностью и вообще держалось весьма достойно. Эдмунд и Люси вмиг узнали отважного Рипичипа, храбрейшего из говорящих животных Нарнии, стяжавшего неувядаемую славу во втором Берунском сражении. Люси, как всегда, страшно захотелось взять его на руки и погладить, но она прекрасно знала, что поступить так означало нанести герою страшную обиду. Поэтому девочка просто опустилась на одно колено, чтобы удобнее было разговаривать.

Рипичип церемонно выставил левую заднюю лапу, низко поклонился, широко поведя при этом правой передней, учтиво поцеловал девочке руку, подкрутил усы и пропищал:

— Мое глубочайшее почтение ее королевскому величеству. И его величеству королю Эдмунду! — При этих словах он не преминул отвесить еще один поклон. — Мы не смели и мечтать о том, что ваши величества почтят своим посещением наш славный корабль.

— Да уберите же эту тварь! — снова завопил Юстейс. — Терпеть не могу мышей! Мыши — мерзость! И все дрессированные звери — пошлая, вульгарная мерзость!

— Насколько я берусь судить, — с расстановкой произнес Рипичип, пристально глядя на Юстейса, — этот в высшей степени скверно воспитанный молодой человек пребы-

вает под покровительством вашего величества? Ибо если это не так...

В этот момент Эдмунд и Люси разом выдали дружное «а-апчхи».

— Ох, и дурак же я! — вскричал Каспиан. — Вы же промокли до нитки. Ступайте поскорее вниз, да переоденьтесь в сухое. Люси, я уступаю тебе свою каюту. Боюсь, с девичьими платьями у нас на корабле плоховато, так что придется тебе выбрать что-нибудь из моих вещей. Рипичип, будь добр, проводи гостей.

— Коль скоро речь заходит о служении даме, — ответствовал Рипичип, — даже вопросы чести могут повременить. До поры... — добавил он, одарив Юстейса многозначительным взглядом, но тут Каспиан поторопил его, и скоро перед Люси открылась дверь королевской каюты. Каюта была что надо, девочке там понравилось решительно все: и три квадратных окна, за которыми плескались синие волны, и низкие скамьи с мягкой обивкой, окружавшие с трех сторон стол, и серебряная (Люси мигом признала искусную работу гномов) лампа, свисавшая с потолка, и красовавшееся над дверью плоское золотое изображение Великого Льва Эслана. Правда, она едва успела окинуть помещение взглядом, как со стороны правого борта открылась дверь, и появившийся на пороге Каспиан сказал:

— Ну, как тебе каюта? Теперь она твоя, я только заберу кое-что из одежды, — он принялся рыться в шкафу. — И ты себе что-нибудь подбери. Как переоденешься, оставь мокрые вещи за дверью, я велю отнести их на камбуз и просушить.

В каюте Люси чувствовала себя как дома, словно прожила здесь невесть сколько времени, а качка ей ни капельки не мешала, ведь в бытность свою королевой Нарнии она уже плавала по морю. Конечно, каюта была крошечной, но зато очень уютной, со стенными панелями, расписанными виноградными лозами, птицами, животными и пурпурными драконами. И нигде ну ни единой пылинки!

Правда, одежда Каспиана была ей великовата, но приспособить рубашку вместо платья не слишком мудрено. Вот обувь — и сандалии, и башмаки, и сапоги — оказалась решительно не по ноге, однако Люси ничего не имела против возможности пошлепать по палубе босиком. Покончив с переодеванием, девочка посмотрела из окна на пробегавшую вдоль борта

воду и удовлетворенно вздохнула, предвкушая захватывающие приключения.

Глава 2
На борту «Поспешающего к восходу»

— А, вот и ты, Люси! — радостно воскликнул Каспиан. — Как раз тебя мы и ждали. Познакомься с моим капитаном, лордом Дринианом.

Темноволосый мужчина преклонил колено и поцеловал Люси руку. Помимо него на палубе находились Рипичип и Эдмунд.

— А Юстейс где? — полюбопытствовала девочка.

— Валяется на койке, — ответил Эдмунд, — и вряд ли мы можем ему помочь. С ним по-хорошему, а он только злится да дуется.

— Пусть себе лежит, — заметил Каспиан, — нам с вами найдется о чем поговорить.

— Еще бы, — согласился Эдмунд. — Перво-наперво я хотел бы выяснить насчет времени. Мы покинули Нарнию перед твоей коронацией, по нашему счету год назад. А здесь сколько прошло?

— Ровно три года, — ответил Каспиан.

— Ну и как, все в порядке? — поинтересовался Эдмунд.

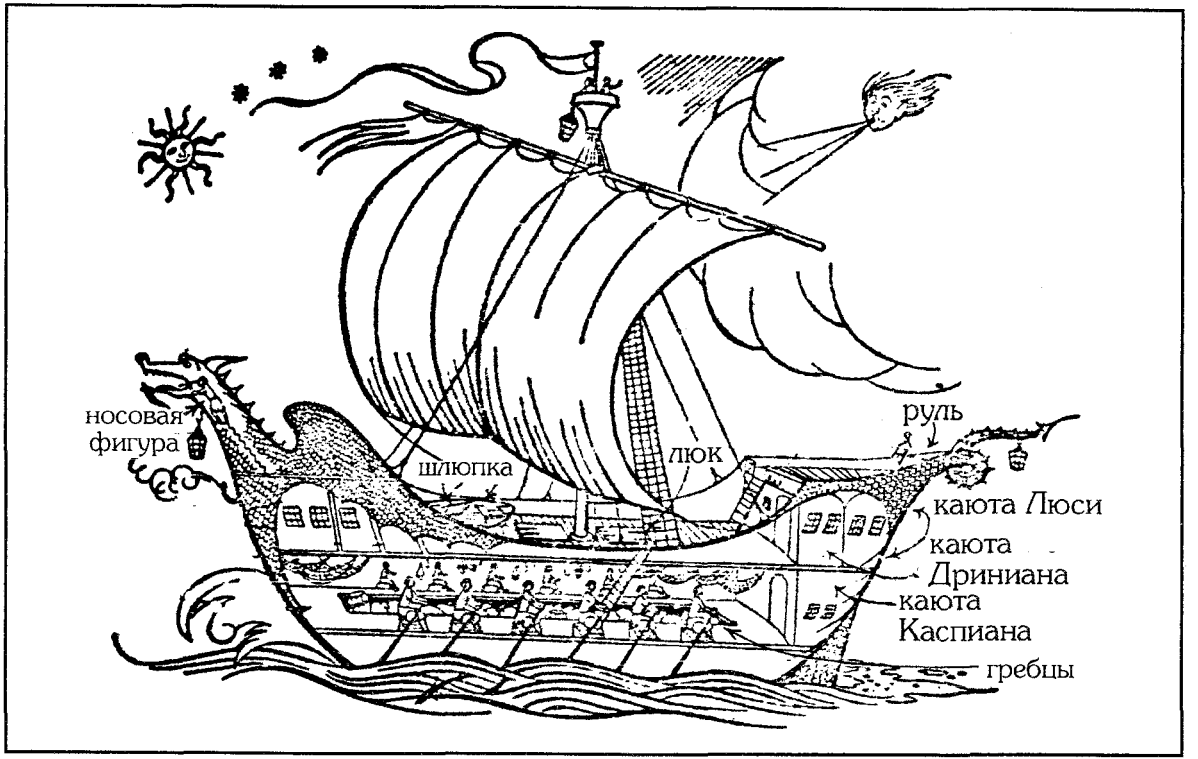
— Будь иначе, разве я смог бы оставить свою страну? — отозвался юный король. — Дела идут так, что лучше и желать нечего. Все разногласия между моими подданными — гномами, фавнами, говорящими животными и всеми прочими — полностью улажены. Великанам, от которых возле границы просто житья не было, мы прошлым летом задали такого жару, что они стали как шелковые, и теперь платят нам дань. На время своего отсутствия я поручил королевство гному Трампкину. Помните такого?

— Еще бы! — воскликнула Люси. — Славный Трампкин! Лучшего наместника не сыскать.

— Истинная правда, мадам, — подтвердил Дриниан. — Он верен, как барсук, и бесстрашен, как... как мышь, — возможно, капитан собирался сказать «как Лев», но приметил обращенный на него взгляд Рипичипа.

— А куда мы плывем? — спросил Эдмунд.

— Ну, это долгая история, — отозвался Каспиан. — Вы, верно, помните, что, когда я был маленьким, король Мираз, мой


носовая фигура
шлюпка
люк
руль
каюта Люси
каюта
Дриниана
каюта
Каспиана
гребцы

вероломный дядюшка, отослал в дальние моря семерых лордов, друзей моего покойного отца. Он опасался, как бы они не встали на мою сторону, и избавился от них, поручив им выведать, что за земли лежат к востоку от Одиноких островов.

— Помню,— кивнула Люси.— Ни один из них не вернулся.

— То-то и оно. Так вот, в день своей коронации я, с полного одобрения Эслана, принес обет — что как только сумею установить в Нарнии мир, отправлюсь в плавание и буду плыть на восток один год и один день, чтобы или отыскать и выручить отцовских друзей, или, если они погибли, отомстить за их смерть. Звали их лорд Ревелиан, лорд Берн, лорд Аргоз, лорд Мавроморн, лорд Октесиан, лорд Рестиамар и лорд... — надо же, опять позабыл. Имя у него какое-то незапоминающееся.

— Лорд Руп, ваше величество,— подсказал Дриниан.

— Точно, Руп,— кивнул Каспиан.— В этих поисках и состоит моя главная цель. Но вот у Рипичипа имеется и более возвышенный замысел.

Естественно, все обернулись к предводителю мышей.

— Высок этот замысел, как мой дух, или же невысок, подобно мне самому,— промолвил тот,— но почему бы нам не попробовать доплыть до восточного края света? Сдается мне, где-то там должно находиться царство Эслана. Великий Лев всегда появляется из-за моря, с востока.

— Здорово придумано! — искренне восхитился Эдмунд.

— Но ты уверен,— спросила Люси,— что царство Эслана на самом деле... или...в общем, уверен, что это место, куда и вправду можно *доплыть*?

— Чего не знаю, ваше величество, того не знаю,— вздохнул Рипичип.— Но вот какая штука: в младенчестве меня нянчила дриада, и она, бывало, пела мне такую колыбельную:

Где небо с морем встречаются,
Где сладкие волны качаются,
Ты туда попадешь, Рипичип, и найдешь
То место, где солнце встает.

Трудно сказать, что все это значит, но песенку я запомнил на всю жизнь.

Воцарилось молчание, прервала которое Люси.

— А сейчас-то мы где? — поинтересовалась она.

— Думаю, этот вопрос лучше задать капитану,— отозвался король, и Дриниан тут же достал и развернул на столе морскую карту.

— Мы вот здесь,— указал он пальцем.— Точнее сказать, были вот на этом месте сегодня в полдень. Наш корабль покинул Кэйр-Паравел с хорошим попутным ветром, и, держа на восток с уклоном к северу, мы уже через день оказались у берегов Галмы, где задержались на неделю, потому что тамошний герцог устроил в честь его величества великолепный турнир, и его величество вышиб из седла многих рыцарей...

— Мне и самому досталось,— прервал Каспиан,— несколько раз я так навернулся, что до сих пор синяки не сошли.

— ... многих могучих рыцарей,— упрямо повторил Дриниан.— Кажется, герцогу хотелось, чтобы его величество взял в жены его дочку, но из этой затеи ничего не вышло.

— Она косоглазая, да еще и в веснушках,— буркнул Каспиан.

— Бедняжка! — сочувственно вздохнула Люси.

— Галму мы оставили в штиль,— продолжал капитан,— и два дня шли на веслах. Потом ветер задул снова, и на четвертый день после Галмы мы достигли Теребинтии. Достичь-то достигли, а вот высадиться не смогли. Правитель Теребинтии прислал предостережение: мол, у них там свирепствует какая-то заразная хворь, и сходить на берег опасно. Три дня мы простояли на якоре, а как дождались ветра — на сей раз юго-восточного, то поплыли к Семи островам. На третий день нас догнал пиратский корабль (по оснастке сильно смахивавший на теребинтианский), но мы принялись стрелять из луков, и разбойникам пришлось удирать...

— А мы пустились в погоню, взяли их посудину на абордаж и перевешали всех головорезов на реях,— вставил Рипичип.

— Ну а через пять дней мы увидели Мюил, как вы знаете, самый западный из Семи островов. Проливом шли на веслах, и к заходу солнца причалили в Рыжей гавани, что на острове Бренн. Там нас приняли с превеликим радушием: и угощали на славу, и припасов с собой надавали целую гору.

Оттуда мы отплыли шесть дней назад, и все это время поддерживали просто удивительную скорость, так что я питаю надежду уже послезавтра увидеть Одинокие острова. Короче

говоря, наш корабль в море уже месяц, а между нами и Нарнией пролегло четыреста лиг.

— А что там дальше, за Одинокими островами? — спросила Люси.

— То никому неведомо, ваше величество, — отвечал Дриниан. — Об этом могут рассказать разве что одинокие островитяне.

— В наше время они ничего на сей счет не знали, — заметил Эдмунд.

— Стало быть, — промолвил Рипичип, — только за островами и начнутся настоящие приключения.

Каспиан предложил гостям в оставшееся до ужина время осмотреть корабль, но Люси, девочка на редкость совестливая, сказала, что непременно хочет навестить беднягу Юстейса.

— Что ни говори, а морская болезнь — штука пренеприятная. Вот будь у меня то старое снадобье, я бы его быстро поставила на ноги.

— Так оно здесь, на корабле, — сказал Каспиан. — Я о нем и думать забыл. Ты его тогда не забрала, вот я и оставил при себе, как королевское сокровище. Правда, жаль расходовать такое лекарство на пустячную морскую болезнь.

— Да я только капелюшечку и возьму, — заверила Люси.

Каспиан открыл один из стоявших под скамьей сундуков, вынул оттуда чудесный, очень памятный девочке алмазный флакончик и вручил ей со словами:

— Он снова твой, королева.

На залитой солнцем палубе, по юту и баку (что на обычном языке значит «сзади» и «спереди») от мачты находились два больших люка. Сейчас, как всегда бывало в хорошую погоду, они оставались открытыми, чтобы внутрь судна попадало побольше света и воздуха. Каспиан пригласил спуститься по трапу в кормовой люк, и гости оказались в просторном помещении со стоявшими у обоих бортов скамьями. Сквозь отверстия для весел светило солнце, на стенах плясали веселые блики. Разумеется, корабль Каспиана ничуть не напоминал те ужасные галеры, грести на которых приходится невольникам. Весла на «Поспешающем к восходу» использовались только в безветренную погоду и когда приходилось маневрировать в проливах и гаванях (уж тогда за них по очереди садились все, кто был на борту). Исключение составлял лишь Рипичип: он бы и рад был помочь друзьям, но не мог усидеть на лавке

для гребцов, потому что его слишком короткие лапы не доставали до пола. Пространство под скамьями и между ними оставалось свободным, но посреди трюма, над килем, находилось углубление, куда были сложены всевозможные припасы: мешки с мукой, бочки с водой, пивом и солониной, горшки с медом, кожаные бурдюки с вином, а также яблоки, орехи, сыры и репа. С потолка (представлявшего собой не что иное, как низ палубы) свисали связки лука и окорока, а заодно и гамаки, в которых отдыхали свободные от вахты матросы. Следом за Каспианом, шагая со скамьи на скамью, гости направились в сторону кормы. Точнее сказать, Каспиан перешагивал без труда, Люси с подскоком, а Рипичипу приходилось совершать длиннющие (по его меркам) прыжки. Так или иначе, но добрались до двери в кормовом отсеке. Каспиан отворил эту дверь и впустил гостей в самую нижнюю кормовую каюту, тесную и не очень-то удобную. Потолок нависал так низко, что к нему запросто можно было приложиться макушкой, стены сходились книзу, так что пола под ногами, считайте, и не имелось, а окна с толстыми стеклами никогда не открывались, потому что находились на уровне воды. Корабль покачивало, и окна то уходили под воду, то поднимались, а потому становились то золотистыми от солнца, то темно-зелеными, как само море.

— Здесь мы с тобой и расположимся, Эдмунд, — сказал Каспиан. — Родич ваш пусть занимает койку, а нам, думаю, будет неплохо и в гамаках.

— Прошу дозволения вашего величества... — начал было Дриниан, но Каспиан не дал ему договорить.

— Нет уж, капитан, все споры на сей счет окончены. Вы с Ринсом (Ринсом звали помощника капитана) ведете корабль, и у вас полно дел даже вечерами, когда мы можем распевать песенки да тешить друг друга байками. Вам нужно находиться ближе к палубе, так что оставайтесь в верхней каюте. Нам с королем Эдмундом сгодится и эта. Ну а как дела у нашего третьего гостя?

Несчастный, позеленевший Юстейс сглотнул и жалобно спросил, скоро ли закончится шторм?

— Какой еще шторм? — не понял Каспиан, а Дрипиан так и вовсе покатился со смеху.

— Ну и шуточка! — воскликнул он. — Сказанул так сказанул! Да лучшей погоды и пожелать невозможно!

— Кто это? — простонал Юстейс. — Пусть уйдет или хотя бы замолчит. У меня голова раскалывается от его рева.

— Я как раз принесла кое-что, лекарство. Выпей, и тебе станет легче, — сказала Люси.

— О-о-о! Уходите все, оставьте меня одного! — расхныкался Юстейс. Однако глоточек все же отпил, и хотя обозвал источавшее дивное благоухание снадобье «противным пойлом», щеки его порозовели, и вообще ему сделалось гораздо лучше. Чего нельзя сказать об остальных, потому как, перестав жаловаться на шторм и больную голову, он стал приставать к ним с требованием поскорее высадить его на берег и грозить, что в первом же порту обратится к британскому консулу. Но когда Рипичип, решивший, что речь идет о какой-то неизвестной ему форме поединка, полюбопытствовал, кто таков этот «консул», и с помощью какого оружия к нему обращаются, Юстейс лишь отчаянно замахал руками. Похоже, способность мыша говорить казалась ему менее странным явлением, чем неосведомленность насчет британского консула. В конце концов общими усилиями его с трудом удалось убедить в том, что корабль со всей возможной скоростью направляется к ближайшему берегу, а отослать Юстейса в Кембридж (где находился дом дядюшки Гарольда) ничуть не легче, чем отправить на Луну. Лишь после этого мальчик, дуясь и ворча, все-таки согласился переодеться в сухое и выйти на палубу.

Капитан показал гостям судно, хотя многое они уже видели. Поднявшись на полубак, обнаружили, что внутри раззолоченной драконьей шеи стоит на скамеечке впередсмотрящий, стоит себе да смотрит вперед через разинутую драконью пасть. Там же, на полубаке, находился камбуз (кто еще не выучил морской язык, знайте — это корабельная кухня), а также каюта, где жили боцман, плотник, кок (то есть повар) и старший лучник. Может показаться странным, что камбуз устроили на носу, ведь кухонный дым летит назад, и так недолго закоптить всю палубу. Но это ошибочное мнение, и связано оно с тем, что нынешние пароходы частенько плавают против ветра — так их рисуют и на картинках, по которым многие о них судят. Парусники, однако, ходят лишь по ветру, который и дым, и все кухонные запахи уносит как раз вперед. Потом поднялись на боевую площадку на вершине мачты, и гостям сделалось не по себе: сверху палуба выглядела совсем малюсенькой; чудилось, что если свалишься, так не на нее упадешь, а прямо в море.

Спустившись, перебрались на полуют, где Ринс и еще один моряк несли вахту у штурвала и где за кормой поднимался вызолоченный драконий хвост, тоже полый, с невысокой лавкой внутри.

Корабль, носивший имя «Поспешающий к восходу», был гораздо меньше не только наших современных морских судов, но и тех галер, каравелл и галеонов, что бороздили моря, когда Эдмунд и Люси правили Нарнией под рукой верховного короля Питера. Дело в том, что предшественники Каспиана привели мореплавание в полный упадок. Дело обстояло просто ужасно: когда узурпатор Мираз, Каспианов дядюшка, решил отослать за море семерых неблагонадежных лордов, ему пришлось не только покупать корабль на Галме, но и нанимать галмианскую команду. Лишь с восшествием на престол Каспиана, решившего возродить былую славу Нарнии как морской державы, снова начали строить корабли, и лучшим из них, гордостью нарнианского флота, был как раз «Поспешающий к восходу». Правда, он был не слишком велик, точнее сказать, так мал, что впереди мачты, между люком, спасательной шлюпкой и клеткой с курами (которых Люси тут же покормила) почти не оставалось свободного места. Зато корабль отличался соразмерностью пропорций, благородством линий, великолепием раскраски и мастерским исполнением даже мелких деталей. Конечно, Юстейсу ничто на борту не нравилось, и он без конца похвалялся теплоходами, самолетами и подводными лодками (в которых, по замечанию Эдмунда, не смыслил ни ухом ни рылом), но Эдмунда и Люси «Поспешающий к восходу» просто очаровал. А вечером, за ужином, они увидели пламенеющий западный горизонт, ощутили соленый вкус моря и попытались представить себе неведомые земли, лежащие на востоке, и Люси просто онемела от восторга.

Что же до мыслей и чувств Юстейса, то о них вы можете узнать от него самого, поскольку на следующее утро, получив назад сухую одежду, он первым делом вытащил из кармана черную записную книжку и карандаш. С этой книженцией Юстейс не расставался и заносил туда свои отметки по разным предметам. Предметы, изучавшиеся в школе, сами по себе его ничуть не занимали, но отметки он ценил высоко и вечно цеплялся к одноклассникам с одним и тем же вопросом: «Тебе сколько поставили? А вот мне...» Но на борту корабля на

оценки рассчитывать не приходилось, и ему пришло в голову вести дневник. Вот первая запись:

«7 августа. Если мне только это не снится, я уже целых 24 часа плыву на какой-то паршивой скорлупке. Бушует ужасный шторм (хорошо еще, что я не подвержен морской болезни). На нос этой утлой посудины без конца обрушиваются огромные волны, и остается лишь удивляться тому, что мы до сих пор не пошли ко дну. А все вокруг прикидываются, будто ничего не замечают, то ли из бахвальства, то ли оттого, что, как точно подметил Гарольд, простофилям свойственно трусливо закрывать глаза на очевидные факты. Так или иначе было сущим безумием выходить в открытое море на этом суденышке, которое разве что малость побольше обыкновенной шлюпки и лишено вдобавок элементарных удобств — ни тебе салона, ни радио, ни душевых, ни даже шезлонгов. Вчера меня весь вечер таскали по этому плавучему сараю, а Каспиан похвалялся так, словно это лайнер «Куин Мэри». Я пытался объяснить ему, что такое настоящие корабли, но без толку. Э. и Л., *само собой*, меня не поддержали. С Л. и спрашивать нечего, еще мелюзга, а Э. попросту подлизывается к К. Здесь к нему все подлизываются и даже называют королем. Я ему прямо заявил, что являюсь республиканцем, так он возьми и спроси, что это такое. Полнейший невежда! *Конечно же*, меня запихнули в самую гадкую каюту на всем корыте, больше похожую на тюремную камеру. И это в то время, как Люси отвели отдельную большущую каюту на палубе, по сравнению с остальными, можно сказать, что и неплохую. Послушать К., так это потому, что она, видите ли, девочка! Я пытался втолковать ему, что, как говорит Альберта, такое отношение только унижает женщин, но разве этот тупица поймет? Хоть бы до него дошло, что мне нельзя оставаться в такой *дыре*, а то, чего доброго, заболею. Э. говорит, мне нечего ворчать, потому как К. уступил свою каюту Л. и живет теперь с нами. Но мне-то что с этого за радость, у нас стало еще теснее. Да, чуть не забыл: здесь отирается какой-то нахальный зверь, вроде здоровенной мыши. Ко всем пристает с какими-то глупостями, но уж я-то, конечно, мышиной наглости не потерплю. Пусть только сунется, живо хвост оторву. А уж кормежка здесь — хуже не бывает».

Первое столкновение Юстейса с Рипичипом произошло даже раньше, чем можно было ожидать. На второй день, когда все уже сидели за столом, настроившись пообедать (на море

всегда великолепный аппетит), Юстейс опрометью влетел в каюту, тряся рукой и визжа, словно его режут.

— Ваш мерзкий грызун едва меня не убил! Требую, чтобы зверя держали в клетке. Иначе я подам жалобу и добьюсь его ликвидации!

За ним по пятам в каюте объявился и Рипичип. Усы его воинственно топорщились, в лапе сверкала обнаженная шпага, но он, как всегда, оставался безукоризненно учтив.

— Приношу глубочайшие извинения всем,— промолвил он,— в первую очередь их величествам. Я не знал, что обеспокою вас за трапезой, иначе выбрал бы более подходящее время, чтобы преподать урок этому невеже...

— Да что такое случилось? — спросил Эдмунд.

А случилось следующее. Нетерпеливый Рипичип, которому всегда казалось, что корабль плывет слишком уж медленно, частенько сиживал на борту рядом с драконьей головой и тихонько напевал ту самую памятную колыбельную, которую сочинила дриада. Любая качка была ему нипочем, и он никогда ни за что не держался, возможно, благодаря помогавшему сохранять равновесие длиннющему хвосту. В команде корабля все об этой привычке знали, и никто не имел ничего против,— моряки на вахте были только рады компании. Чего ради Юстейс, еще не освоившийся с качкой, шатаясь, ковыляя и хватаясь за все, что подвернется под руку, забрался на полубак, история умалчивает. То ли он хотел взглянуть, не появилась ли на горизонте земля, то ли просто отирался возле камбуза с намерением что-нибудь стянуть. Так или иначе он углядел свисавший с борта хвост,— зрелище и впрямь довольно забавное,— и решил, что еще забавнее будет, если он этот хвост ухватит, крутанет несколько раз Рипичипа вокруг себя и убежит, чтобы от души посмеяться. Поначалу все сулило этому плану полный успех, ведь предводитель мышиного воинства весил ненамного больше крупного кота. Юстейс мигом сдернул его с перил и расхохотался, глядя на разинутый рот Рипичипа и беспомощно машущие в воздухе лапки. Впрочем, очень скоро мальчику стало не до смеха. Участник многих сражений, бывавший и не в таких переделках, Рипичип никогда не терял самообладания. Выхватить шпагу, когда вас крутят-вертят, ухватив за хвост,— задача нелегкая, но Рипичип с нею справился. А потом незамедлительно огрел обидчика клинком по руке. Раз, другой... Юстейс взвизгнул, выпустил хвост,

мыш упал на палубу, подскочил словно мячик, и в следующее мгновение в опасной близости от живота незадачливого шутника сверкнуло отточенное острие.

— Эй, кончай сейчас же! — завопил не на шутку перепуганный Юстейс. — Убери свою железяку! Она острая. Такими нельзя тыкаться, это опасно. Перестань, тебе говорят! Я пожалуюсь Каспиану! Тебя на цепь посадят и намордник наденут!

— Почему ты не обнажаешь шпагу, ничтожный трус? — послышался в ответ грозный писк. — Защищайся, не то я просто тебя поколочу.

— Нет у меня никакой шпаги! Я пацифист. Ни оружия, ни поединков не признаю.

— Должен ли я понимать твои слова в том смысле, что ты отказываешься дать мне удовлетворение? — спросил Рипичип. Шпагу он опустил, но голос его звучал сурово.

— О чем ты вообще толкуешь? — пробормотал Юстейс, держась за поврежденную руку. — Шуток, что ли, не понимаешь? Чего ты от меня хочешь?

— Я хочу, — с расстановкой произнес Рипичип, — научить тебя хорошим манерам. Чтобы ты относился с надлежащим уважением к рыцарям, к мышам и к мышиным хвостам, — и каждая пауза между словами сопровождалась хлестким ударом шпагой плашмя, а гибкий, гномьей закалки клинок бил получше любой розги.

Юстейс, само собой, ходил в школу современную, где не применялись телесные наказания. Родители его находили такой способ воздействия на ребенка непедагогичным, и потому ощущения, которые он испытал, были для него совершенно новыми. И весьма неприятными. Так и получилось, что, несмотря на неумение ходить в качку, он мигом проскочил всю палубу и влетел в каюту, преследуемый разгоряченным Рипичипом. Стоит отметить, что такой же горячей, прямо-таки раскаленной, перепуганному беглецу казалась и проклятая шпага.

К глубокому разочарованию мальчика, в каюте все отнеслись к абсурдной идее поединка с мышью вполне серьезно. Каспиан даже предложил Юстейсу свой меч, а Эдмунд с Дрианом принялись обсуждать, какое преимущество следует предоставить Рипичипу, чтобы восполнить недостаток роста. Поняв, что иначе ему от драки не отмазаться, Юстейс уныло попросил у задиристого мыша прощения и удалился в свою

каюту, где Люси промыла и перевязала его рану. Заснуть в ту ночь ему удалось не сразу, в конце концов он задремал, осторожненько устроившись на боку. И спать пришлось, не ворочаясь.

Глава 3
Одинокие острова

— Земля! — разнесся по кораблю громкий возглас впередсмотрящего.

Люси, болтавшая на юте с Ринсом, быстро сбежала по трапу и поспешила к носу корабля. Эдмунд припустил за ней, и на полубак, где уже стояли Каспиан, Дриниан и Рипичип, они поднялись вместе.

Утро выдалось холодным, бледное небо нависало над темно-синим, с редкими барашками белой пены, морем. По правому борту из воды, словно невысокий зеленый холм, вставал Фелимат, ближайший из Одиноких островов, а позади него уже вырисовывались серые склоны Дурна.

— Добрый старый Фелимат! Добрый старый Дурн! — захлопала в ладоши Люси.— Они все те же. Ох, Эдмунд, как давно мы с тобой их не видели!

— Я никогда не мог понять, почему они считаются нарнианскими владениями,— заметил Каспиан.— Их что, завоевал верховный король Питер?

— Нет,— ответил Эдмунд.— Они принадлежали Нарнии задолго до нас, еще при Бледной Ведьмарке.

(Должен сознаться, что сам я тоже понятия не имею, по какой такой причине эти острова числятся нарнианскими. Если узнаю и если эта история окажется заслуживающей внимания, то непременно все расскажу, но уже в другой книге.)

— Прикажете причаливать здесь, ваше величество? — спросил Дриниан.

— По-моему, не стоит,— сказал Эдмунд.— Помнится, в наше время Фелимат был почти необитаем, и судя по виду, он таким и остался. Люди селились больше на Дурне да на Эвре — это третий остров, его отсюда не видно,— а на Фелимате только овец пасли.

— Значит, надо обогнуть этот мыс и подойти к Дурну,— сказал Дриниан.— Придется поработать веслами.

— А жаль, что мы не побываем на Фелимате,— вздохнула Люси.— Мне бы хотелось побродить по нему снова. Он хоть

и одинокий, но ни чуточки не скучный и не печальный. Там чудесный воздух, а трава такая мягкая и зеленая...

— Я тоже не прочь размять ноги,— промолвил Каспиан.— Знаете что, давайте отправимся к берегу на шлюпке, а потом отошлем ее назад. Мы пересечем остров посуху, а корабль обогнет его и подберет нас с другой стороны.

Будь Каспиан опытным путешественником, каким со временем сделало его это плавание, он едва ли выступил бы со столь опрометчивым предложением, однако тогда оно показалось заманчивым не только радостно поддержавшей Каспиана Люси, но даже и Юстейсу, заявившему, что, на его взгляд, любой берег предпочтительнее ходящей под ногами ходуном палубы этого «дурацкого суденышка».

— Почему «дурацкого»? — обиделся за свой корабль Дриниан.

— Да потому,— отвечал Юстейс,— что *настоящие* корабли, на каких плавают в моей стране, такие большие, что, когда сидишь внутри, тебе и не понять, на суше ты или на море.

— Зачем тогда вообще выходить в море? — пожал плечами Каспиан.— Дриниан, прикажи спустить шлюпку.

На остров отправились сам король, Рипичип, брат и сестра Певенси и Юстейс. Высадив их, лодка отправилась обратно, а они, провожая ее взглядами, удивлялись тому, каким маленьким кажется с берега «Поспешающий к восходу».

Люси, конечно, была босиком, ведь туфельки она скинула, когда ее смыло в воду, но в этом нет ничего страшного, когда гуляешь по мягкой, шелковистой травке. После долгого плавания все были рады оказаться на суше, вдыхать запахи земли и травы, хотя поначалу, не иначе как с непривычки, показалось, будто почва под ногами качается на манер палубы. Выяснилось, что на острове гораздо теплее, чем в открытом море, и Люси особенно понравилось ступать по нагретому прибрежному песку. В небе звенела песня жаворонка.

Направились в глубь острова, вверх по невысокому, но довольно крутому склону. На гребне холма обернулись и увидели медленно плывший к северо-западу корабль, сверкавший на солнце, словно большущий золотистый жук. Потом путь пошел под уклон, и корабль пропал из вида.

Зато по ту строну холма взорам открылся широкий пролив, а за ним острова: Дорн и лежавший чуть подальше и левее Эвры. На Дорне можно было без труда разглядеть бе-

лые строения Тесной Гавани — прибрежного портового городка.

— А это что еще за компания? — внезапно спросил Эдмунд.

В зеленой долине, куда они спускались, сидели, развалясь на траве, шесть или семь довольно грубых и подозрительных на вид вооруженных мужчин.

— Не говорите им, кто мы такие, — предупредил спутников Каспиан.

— Но почему, ваше величество? — удивился Рипичип, после долгих уговоров все же позволивший Люси нести его на плече.

— Сдается мне, — отвечал король, — что о Нарнии здесь давным-давно никто и слыхом не слыхивал. Возможно, здешние жители вовсе не считают себя нашими подданными, а в таком случае называться королем небезопасно.

— Но у нас есть шпаги, ваше величество! — пылко возразил Рипичип.

— Знаю, друг мой, — откликнулся король. — Но будь у меня намерение вновь завоевать эти острова, я предпочел бы иметь отряд побольше.

К тому времени спутники уже приблизились к незнакомцам, и один из них, дюжий черноволосый детина, помахал рукой и крикнул:

— Доброе утро!

— Доброе утро! — отозвался Каспиан. — Скажите, на Одиноких островах все еще есть губернатор?

— Куда ж он денется? — отвечал здоровяк. — Губернатор Гумпас. Его достаточность пребывает в Тесной Гавани. Присаживайтесь, выпейте с нами вина.

Каспиан поблагодарил, и, хотя вид островитян не внушал доверия, спутники присели. Но не успели они поднести кубки к губам, как чернявый малый кивнул своим приятелям и те все разом набросились на гостей. После непродолжительного сопротивления — на стороне нападавших были и неожиданность, и превосходство в силе — всех, кроме продолжавшего отчаянно царапаться и кусаться Рипичипа, разоружили и связали.

— Поосторожнее со зверем, Такс! — крикнул главарь. — Он нам нужен целехоньким. Я не удивлюсь, коли мы выручим за него больше, чем за всех остальных.

— Подлый трус! — взвизгнул Рипичип. — А ну, отдай мою шпагу и отпусти лапы, если посмеешь...

— Вот тебе на! — изумился работорговец (а то был именно работорговец). — Гляньте-ка, он еще разговаривает. Чтоб мне сдохнуть, ежели я уступлю его меньше чем за две сотни калорменских монет.

Надо сказать, что калорменский полумесяц, самая ходовая монета в тех краях, равен по стоимости примерно трети фунта стерлингов.

— Так вот кто ты такой! — гневно воскликнул Каспиан. — Похититель детей и работорговец! Небось еще гордишься своим гнусным занятием?

— Ладно, ладно, — замахал на него руками разбойник, — нечего обзываться. Не распускай язык, коли не хочешь, чтобы я распустил руки. Можно подумать, будто я занимаюсь этим ради удовольствия. Каждый зарабатывает на жизнь, как умеет, — лопать-то всем надо.

— Куда вы собираетесь нас вести? — с запинкой спросила Люси.

— В Тесную Гавань, — ответил работорговец. — Как раз завтра там базарный день.

— А британский консул там есть? — задал вопрос Юстейс.

— Чего-чего? — Работорговец не понял, о чем речь, а когда Юстейс попытался объяснить, оборвал его, не дослушав. — Хватит языком молоть, тошнит меня от твоего вздора. Говорящая мышь — то, что надо, а от твоей болтовни только уши вянут! Пошли, ребята!

Четверых пленников связали вместе, не то чтобы очень больно, но достаточно крепко, и повели вниз по склону. Рипичипа несли на руках. Ему пригрозили засунуть в пасть кляп, если он не прекратит кусаться, и мыш прекратил, зато поносил работорговца со всеми его подручными так, что оставалось лишь дивиться тому, как только черноволосый выносит подобные оскорбления. Но здоровяк лишь довольно хмыкал, а когда Рипичип останавливался перевести дух, приговаривал: «Давай-давай», «Ну загнул, так загнул», «Это ж надо, чешет, будто и вправду все понимает», и, поглядывая на пленников, интересовался: «Это кто ж из вас его этак выдрессировал»? Подобные реплики выводили Рипичипа из себя, в конце концов он умолк.

Спустившись к берегу, обращенному в сторону Дурна, пленники увидели прибрежную деревушку, вытащенную на берег шлюпку и стоявший неподалеку на якоре неказистый, запущенный и грязный с виду корабль.

— Ну, ребятня,— весело обратился работорговец к пленникам,— чем меньше вы доставите мне хлопот, тем меньше вам же придется плакать. Все на борт живо!

Но в этот миг из самого большого дома в деревне (мне думается, это был постоялый двор) вышел весьма важного вида бородатый мужчина.

— Я смотрю, Мопс, ты опять при товаре.

Работорговец — видать, его и вправду звали Мопсом — расплылся в угодливой улыбке и с низким поклоном ответил:

— Точно так, ваше лордство.

— Ну, и сколько ты возьмешь за этого мальчика? — бородач указал на Каспиана.

— Ох! Ну и глаз у вашего лордства,— произнес Мопс с деланным восхищением.— Всегда-то углядите самое лучшее. Кому-кому, а вам второсортный товар не подсунешь. Мальчишка что надо, он мне самому приглянулся. Я уж совсем было собрался оставить его себе. Сами ведь знаете, я привязчивый, а уж сердце у меня такое мягкое, что с ним бы не за мое ремесло браться. Но ради такого покупателя, как ваше лордство, чего только не сделаешь. От себя, можно сказать, оторву...

— Короче, мошенник. Назови свою цену.

— Три сотни. Себе в убыток, только из уважения к вам.

— Получишь половину, и будь доволен.

— Пожалуйста, не разлучайте нас! — взмолилась Люси.— Если б вы только знали, кого...— Она поймала предостерегающий взгляд Каспиана, осеклась и умолкла.

— Итак,— повторил лорд,— тебе, Мопс, я заплачу полтораста полумесяцев. А ты, девочка, не обессудь, но купить вас всех разом у меня нет возможности. Ну-ка, Мопс, развяжи моего мальчика. И смотри, пока остальные в твоих руках, обращайся с ними по-хорошему, не то самому худо придется.

— Да что вы, ваше лордство,— затараторил Мопс,— вам ли не знать, что я честнейший, добрейший, мягкосердечнейший работорговец на свете. Все мои рабы, они мне словно дети родные. Даже дороже... хм... Я хотел сказать, даже ближе.

— В то, что они тебе *дороги*, я, пожалуй, поверю, — с презрением обронил лорд.

И вот настал ужасный миг расставания. Каспиана развязали.

— Вот туда, паренек, — промолвил новый хозяин, указывая путь. Люси разрыдалась, Эдмунд, хотя и крепился, но стал бледен как мел. Однако сам Каспиан обернулся через плечо и бодро сказал:

— Не падайте духом, друзья. Уверен, все кончится хорошо. До встречи.

— Кончай кукситься, девчонка, — проворчал Мопс. — Слезы никого не красят, а к завтрашнему торгу ты должна выглядеть хорошо. Веди себя как следует, и плакать у тебя не будет никакой причины.

Оставшихся пленников усадили в шлюпку, перевезли на корабль и спустили в большой, но не слишком чистый трюм, набитый такими же несчастными невольниками. Мопс промышлял не только работорговлей, но и пиратством, и как раз сейчас возвращался с набега на острова, где изрядно разжился всякой добычей, включая живой товар. Большинство захваченных были с Галмы или из Теребинтии, никого из знакомых дети среди них не встретили. Сидя в темноте трюма на соломе, они гадали, что сейчас с Каспианом и силились утихомирить Юстейса, в голос винившего в случившемся всех на свете, кроме, разумеется, себя.

А происходившее тем временем с Каспианом и впрямь представляло немалый интерес. Купивший юношу бородач провел его по улочке между двумя рядами деревенских домов, вывел на лужайку за деревней и, приглядевшись к нему, сказал:

— Не бойся меня, мальчик, я не сделаю тебе ничего дурного. Рабы мне не нужны, и купил я тебя только из-за твоего лица. Уж больно ты похож на одного человека...

— Могу я спросить, на кого, милорд? — задал вопрос Каспиан.

— Ты напоминаешь мне моего государя, короля Нарнии Каспиана.

И тогда юноша решил рискнуть.

— Милорд, — промолвил он. — Я и есть ваш государь. Мое имя Каспиан, и я король Нарнии.

— Смелое заявление, — откликнулся лорд. — Но как я могу удостовериться, что оно еще и правдиво?

— Во-первых, о том свидетельствует мое лицо,— отвечал Каспиан.— Во-вторых, я могу с шести попыток отгадать ваше имя. Ведь ручаюсь, вы наверняка один из тех семи лордов, которых мой дядюшка Мираз спровадил за море, и поисками которых я сейчас занимаюсь. Их звали Аргоз, Берн, Октесиан, Рестиамар, Мавроморн и... этот, как его... опять забыл. Ну а в-третьих, если вы вернете мне меч, я смогу в честном поединке подтвердить свое право зваться Каспианом, сыном Каспиана, законным королем Нарнии, владетелем Кэйр-Паравела и императором Одиноких островов.

— О небо! — вскричал изумленный лорд.— И голос, и манера речи, все точно такое же, как у отца! Нет надобности в иных доказательствах. Я верный вассал вашего величества!

С этими словами он преклонил колено и поцеловал королевскую руку.

— Расход, понесенный вашей светлостью на покупку нашей особы, будет возмещен из королевской казны,— заверил Каспиан.

— В том нет необходимости,— откликнулся лорд Берн (ибо то был именно он).— Мои деньги еще не попали в кошелек Мопса и, смею надеяться, уже не попадут. Я не раз призывал его достаточность губернатора покончить с недостойным обычаем торговли людьми.

— Милорд,— сказал Каспиан,— мы непременно обсудим с вами состояние дел на этих островах, но прежде мне хотелось бы выслушать вашу собственную историю.

— В ней нет ничего особенно интересного, ваше величество,— отвечал Берн.— Приплыв сюда вместе с шестью товарищами, я встретил и полюбил здешнюю девушку. Плыть дальше мне расхотелось, а возвращаться в Нарнию, когда там правил ваш дядюшка, не имело смысла. Я женился и поселился здесь.

— А что за человек этот Гумпас, здешний губернатор? Признает ли он верховную власть королей Нарнии?

— На словах так очень даже признает, все указы выпускает от королевского имени. Особенно когда дело касается новых налогов и всего такого, что не больно-то радует людей. Но в глубине души он считает, что островам вполне достаточно власти губернатора, потому, думаю, и велел величать себя его достаточностью. Уверен, появление законного государя Гумпаса не обрадует. Разумеется, он будет заверять в своей

преданности *королю*, но может попытаться объявить вас лжецом и самозванцем. Если ваше величество не подкрепит свои притязания силой, вашей жизни будет грозить опасность. Много ли у вас здесь сподвижников?

— Сейчас этот остров огибает мой корабль, и если дело дойдет до схватки, у нас найдется три десятка мечей. Я вот думаю, не стоит ли первым делом захватить посудину этого прощелыги Мопса и освободить моих друзей?

— Не стоит, — возразил Берн. — Едва разгорится бой, из Тесной Гавани на помощь Мопсу выйдут еще два или три корабля. Я бы посоветовал вашему величеству постараться скрыть истинный размер своих сил и заставить губернатора поверить, будто с вами пришел целый флот. Этого и королевского имени будет достаточно, чтобы нагнать на него страху, — ведь у Гумпаса цыплячье сердце. Тогда, пожалуй, удастся обойтись без битвы.

Каспиан нашел этот совет разумным и, спустившись вместе с Берном к берегу чуть западнее деревушки, протрубил в рог (замечу, отнюдь не в великий волшебный рог королевы Сьюзен — тот остался у Трампкина на случай, если Нарнии будет грозить опасность). Но и этот рог гудел достаточно громко — стоявший на вахте и дожидавшийся сигнала Дриниан услышал зов и немедля направил корабль к берегу. От корабля отчалила шлюпка, и через несколько минут Каспиан с Берном уже ступили на палубу. Узнав, что случилось, Дриниан тоже воспылал желанием немедленно схватиться с пиратами, однако Берн настаивал на своем плане.

— Держите курс прямо по проливу, капитан, — сказал он, — а потом к Арве, где лежат мои владения. Но первым делом поднимите королевский штандарт, понавешайте на борта побольше щитов и велите всем выйти на палубу, чтобы с берега казалось, будто на корабле уйма народа. И еще: как только отойдете отсюда на пять выстрелов из лука и выйдете в открытое море, подайте флажками с левого борта несколько сигналов.

— Сигналов? — не понял Дриниан. — Кому?

— Кому же, как не капитанам остальных ваших судов? Конечно, их нет, но Гумпас-то этого не знает. Пусть думает, будто с королем прибыла целая армада.

— Прекрасно! — воскликнул Дриниан, потирая руки. — На берегу прочтут наши сигналы и перепугаются. Что же

передать? А, вот... «Всем кораблям флота его величества приказываю обогнуть южную оконечность Эвры и встать на якорь у...»

— У владений Берна,— подсказал лорд.— Думаю, нам удастся их провести, ведь пройди этим курсом настоящий флот, из Тесной Гавани его все равно бы не углядели.

Остаток дня прошел для Каспиана удачно, хотя он не мог не беспокоиться о друзьях, оставшихся в лапах Мопса. Уже ближе к вечеру (весь день кораблю пришлось идти на веслах) обогнули с северо-востока Дурн, повернули направо и вошли в удобную гавань на южном побережье Эвры. Прямо к воде спускались цветущие плодородные земли — угодья Берна. В полях работали крестьяне, но Берн не использовал труд рабов, все его люди жили свободно и счастливо. Каспиан сошел на берег, где с превеликим почетом был принят в стоявшем над заливом украшенном колоннами хозяйском доме. Очаровательная жена и веселые дочери Берна устроили гостям настоящий праздник.

С наступлением темноты лорд послал на соседний остров верного человека с приказом сделать к следующему утру некоторые приготовления; какие именно, он никому не открыл.

Глава 4
Каспиан действует

На следующее утро лорд Берн разбудил гостей спозаранку и сразу после завтрака попросил Каспиана, чтобы тот велел своим людям вооружиться. И главное, указал он, чтобы доспехи блестели, мечи сверкали, все звенело и бряцало, а люди выглядели величественно и грозно, словно собрались на глазах у всего мира сразиться в величайшей из битв.

Так и поступили: вскоре из бухты вышли три лодки, заполненные людьми Каспиана, с ног до головы в доспехах. Над кормой самой большой лодки, где находились король и его трубач, развевался королевский штандарт.

У причалов Тесной Гавани Каспиан увидел встречавшую его толпу народа.

— Вот для чего я посылал ночью гонца,— пояснил Берн.— Все, кто собрался здесь,— честные люди и мои друзья.

Едва Каспиан ступил на берег, как над пристанью загремели крики: «Ура», «Нарния! Нарния!», «Да здравствует король!» В тот же миг (о чем тоже позаботился посланец

Берна) весь город огласился колокольным звоном. Запела труба, Каспиан приказал вынести вперед штандарт, а воины обнажили мечи и строем двинулись по улице, сурово поглядывая вокруг. День стоял солнечный, и блеск начищенных доспехов слепил глаза, да и бряцали они на ходу так, что любо-дорого было послушать. Поначалу королевский отряд приветствовали лишь те, кого предупредил гонец Берна, — люди, знавшие, что происходит, и радовавшиеся происходящему. Но затем на улицы высыпали детишки: как известно, они очень любят всякие парады, особенно яркие и шумные, а в Тесной Гавани парады были большой редкостью. К малышам мигом присоединились школьники, смекнувшие, что весь этот шум — прекрасный повод прогулять уроки. Прослышав о прибытии короля, из окон повысовывались любопытные старушки: ведь что ни говори, а король — это вам не какой-то там губернатор, пусть даже и именующий себя «его достаточность». Женщины помоложе тоже захотели взглянуть на короля и не прогадали — оказалось, что и он, и Дриниан, и все воины весьма хороши собой. Ну а молодым мужчинам захотелось посмотреть, чем это так увлеклись женщины, и к тому времени, когда Каспиан добрался до ворот замка, весь город шумел, кричал и гомонил так, что услыхал даже сидевший в замке над ворохами отчетов, циркуляров, формуляров, постановлений и предписаний его достаточность губернатор.

Перед воротами герольд Каспиана протрубил сигнал и громогласно возгласил:

— Отворите королю Нарнии, возжелавшему нанести визит своему доверенному и преданному слуге, губернатору Одиноких островов!

Надо сказать, в те времена на островах все делалось неряшливо и неспешно. Через некоторое время в одной из створок ворот со скрипом открылась дверца, и оттуда высунулся заспанный, взлохмаченный стражник с заржавленной никой. На макушке его вместо шлема красовалась грязная шляпа. Заморгав при виде сверкающих доспехов, он прошамкал нечто совершенно невразумительное:

— К во дочности зя. Пьем только пзаписи с вяти до есяти. Ворая бота адо меца, — спросонья караульный говорил, проглатывая по полслова; сказанное им означало не что иное, как: «К его достаточности нельзя. Прием только по записи. С девяти до десяти. Вторая суббота каждого месяца».

— Открывай, именем Нарнии! — прогремел лорд Берн и рукой в стальной перчатке для убедительности наградил привратника такой затрещиной, что у сони слетела шляпа.

— А? Что? Как? — растерянно бормотал стражник, но на него уже никто не обращал внимания.

Двое воинов Каспиана прошли в дверцу и распахнули ворота, хотя для этого им пришлось основательно повозиться с покрытыми ржавчиной засовами. Каспиан во главе отряда вступил на внутренний двор. Несколько стражников подпирали стены, другие, видимо заслышав шум, высунулись из каких-то закутков, что-то дожевывая на ходу. Их оружие и доспехи проржавели пуще запоров на воротах, но сами они были ребята дюжие, и подраться, пожалуй, не отказались бы — будь у них приказ или хотя бы возможность сообразить, что к чему. Но Каспиан им такой возможности не предоставил.

— Кто здесь главный? — требовательно спросил он.

— Ну, вообще-то... Хм... Вроде как я,— ответил томный молодой щеголь, обходившийся без всяких доспехов.

— Нашему королевскому величеству,— молвил Каспиан,— угодно, чтобы наше посещение отнюдь не повергло жителей сего отдаленного уголка нашей державы в ужас. Напротив, чтобы оно было встречено ими с радостью. Поэтому наше величество воздержится от того, чтобы указать тебе на состояние оружия и доспехов твоих солдат. На первый раз мы прощаем твое небрежение и даже повелеваем выставить солдатам бочонок вина — пусть выпьют за наше здоровье. Но чтоб завтра к полудню гарнизон замка выглядел как подобает воинам, а не нищим оборванцам. Позаботься об этом, если не хочешь навлечь на себя наше королевское неудовольствие.

Донельзя удивленный начальник караула раскрыл было рот, но тут Берн рявкнул: «Да здравствует король!», и солдаты дружно подхватили клич — упоминание о бочонке вина пришлось им весьма по вкусу. Каспиан оставил большую часть своего отряда во дворе, а сам в сопровождении Берна, Дрииана и четырех воинов вошел в зал.

В дальнем конце помещения, в окружении секретарей, помощников и советников сидел самолично его достаточность Гумпас, губернатор Одиноких островов. То был желчного вида немолодой мужчина с прежде рыжей, но нынче изрядно поседевшей шевелюрой. Бросив беглый взгляд на вошедших, он вновь уткнулся в свои бумаги и пробормотал: «Прием только

по предварительной записи. Запись в канцелярии. Приемный день — вторая суббота каждого месяца. Часы приема с девяти до десяти».

Каспиан кивнул Берну и отступил в сторону. Берн с Дрианом шагнули вперед, взялись с двух краев за стол и, приподняв, отшвырнули в угол. При этом на пол посыпались перья, чернильницы, папки, перочистки, промокашки, скрепки, резинки, конверты, печати и прочие канцелярские принадлежности, не говоря уж о целом ворохе бумаг. После чего лорды не грубо, но твердо, словно ухватив стальными клещами, извлекли Гумпаса из кресла и поставили его на пол, а в кресло, положив на колени обнаженный клинок, уселся Каспиан.

— Милорд, — молвил он, не сводя с Гумпаса пристального взгляда, — вы встретили нас не так, как должно приветствовать своего законного государя. Перед вами король Нарнии.

— Я не получал на сей счет письменного уведомления, — проскрипел губернатор, — даже устного не получал. Нигде в протоколах ни о каком монаршем визите не говорится. Это не по правилам. Извещение по всей форме я готов рассмотреть...

— Мы прибыли без предупреждения, — не дал ему договорить Каспиан, — ибо нам угодно выяснить, *достаточно* ли хорошо справляется ваша *достаточность* со своими обязанностями. Более всего нас интересуют два вопроса. Первый таков: как нам удалось выяснить, Одинокие острова вот уже сто пятьдесят лет не платят податей в королевскую казну.

— Этот вопрос может быть вынесен на рассмотрение Совета в следующем месяце, — отозвался Гумпас. — Если предложение будет поддержано, мы создадим рабочую комиссию по изучению создавшегося положения, которая подготовит доклад о состоянии финансовой задолженности Островов на текущий год к первому заседанию года следующего, после чего...

— Действующий закон гласит, — снова прервал его разглагольствования король, — что в случае неуплаты дани задолженность возмещается за счет личных средств губернатора.

Эти слова мигом заставили Гумпаса встрепенуться.

— Должно быть, ваше величество изволит шутить! — воскликнул он. — Это просто невозможно! Подобное решение, принятое без учета объективных экономических условий...

Он сыпал всяческими мудреными словечками, а сам при этом гадал, как бы половчее отделаться от незваных гостей.

Будь ему известно, что в распоряжении Каспиана всего-навсего одна корабельная команда, он постарался бы заговорить прибывшим зубы, с тем чтобы ночью окружить их своими людьми и перебить во сне. Но губернатор собственными глазами видел в проливе военный корабль, подававший кому-то сигналы флажками. Тогда был штиль, штандарт с золотым львом не развевался по ветру, и Гумпас, увы, не догадался, что корабль королевский. По его разумению, Каспиан должен был привести с собой сильный флот, скорее всего, стоявший сейчас на якоре в бухте возле поместья Берна. Возможность того, что юный король явился в Тесную Гавань всего с тремя десятками сторонников, его достаточность в расчет не принимал, потому как сам никогда и ни за что не совершил бы подобного безумства.

— Во-вторых,— продолжал Каспиан,— мы желаем знать, почему вы допускаете, чтобы на островах, вопреки нашим исконным обычаям и законам, процветала противоестественная, постыдная работорговля?

— Это диктуется экономической необходимостью,— отвечал губернатор.— Указанная вами отрасль торговли лежит в основе нашего нынешнего благосостояния.

— Какая вам нужда в рабах? — потребовал разъяснений Каспиан.

— Ну как же, ваше величество! — воскликнул губернатор.— Рабы — важнейшая статья нашего экспорта. Мы осуществляем крупные поставки. В основном в Калормен, но у нас есть и другие рынки сбыта. Одинокие острова — средоточие множества торговых интересов...

— Иными словами,— подытожил Каспиан,— населению Островов рабы не нужны. В таком случае соблаговолите растолковать, какая может быть выгода от подобного промысла, если вся выручка идет в карманы проходимцев и преступников вроде Мопса?

— Вы еще так молоды, ваше величество,— промолвил Гумпас с отеческой улыбкой,— конечно, вам нелегко вот так, с ходу, вникнуть в суть происходящих у нас экономических процессов. Но у меня есть графики, и статистические таблицы, и...

— Молод я или нет,— отрезал Каспиан,— зато, в отличие от вашей достаточности, имел случай познакомиться с работорговлей изнутри. И мне без всяких таблиц ясно, что

благодаря ей на островах не прибавляется ни мяса, ни хлеба, ни пива, ни строительного леса, ни бумаги, ни овощей, ни книжек, ни музыкальных инструментов, ни скота, ни оружия... Короче говоря, ничего нужного и полезного. Но даже будь она и вправду выгодна, ее все равно следовало бы запретить.

— Историю не повернуть вспять, — возразил губернатор. — Вы просто не имеете представления о современных экономических концепциях, не понимаете, что такое прогресс!

— Имею и понимаю, — ответил Каспиан. — У себя в Нарнии мы называем подобные кон... концепции грабительскими, а такого рода прогресс обыкновенным разбоем. Работорговлю следует запретить.

— Я не могу взять на себя ответственность за столь радикальные меры, — заявил Гумпас.

— Как угодно, — пожал плечами Каспиан. — В таком случае мы освобождаем вас от занимаемой должности... Лорд Берн, подойдите, — и прежде чем Гумпас успел опомниться, Берн преклонил колени, вложил свои руки в руки государя и принес клятву править Одинокими островами в соответствии с древними обычаями, традициями, правами и законами Нарнии.

— И хватит с нас губернаторов, — молвил, приняв присягу, король. — Вы, лорд Берн, провозглашаетесь герцогом Одиноких островов. Что же до вашей достаточности, — обратился он к Гумпасу, — то вы натворили вполне достаточно безобразий для примерного наказания, но я избавлю вас от него и даже не стану взимать с вас причитающийся долг. Однако к завтрашнему полудню вам и всем вашим людям надлежит освободить замок, который отныне будет резиденцией герцога Берна.

— Нет, господа, так нельзя, — возмущенно заявил один из секретарей. — Спору нет, представление вы разыграли красивое, но давайте перейдем к делу. Вопрос состоит в том...

— Весь вопрос в том, — прервал новоиспеченный герцог, — уберется отсюда ваша шайка по доброй воле или вас придется вытолкать взашей. Выбирайте сами.

Уладив дела в замке, Каспиан приказал подать коней (стоит отметить, что в замке их имелось совсем немного, и ухаживали за ними из рук вон плохо) и в сопровождении герцога Берна, Дриниана и нескольких воинов поскакал в город, на невольничий рынок. Рынок оказался длинным и приземис-

тым строением неподалеку от гавани. Мопс, стоя на окруженном толпой помосте, громким, хриплым голосом расхваливал свой товар:

— Итак, господа, обратите внимание на номер двадцать третий. Крестьянин из Теребинтии, пригоден для работы в поле и в каменоломнях, на рудниках или на галерах. Ему еще нет двадцати пяти, все зубы целы, а силища какая! Эй, Такс, ну-ка, сними с него рубаху, пусть господа покупатели взглянут на мускулы. А грудь какая широченная! Начинаем! Господин в углу предлагает десять полумесяцев. Он, наверное, шутит. Ага, пятнадцать! Пятнадцать, кто больше? Восемнадцать. Восемнадцать полумесяцев за номер двадцать три. Восемнадцать полумесяцев раз... Двадцать один? Благодарю вас, сударь. Двадцать один... — Мопс в очередной раз открыл рот, да так с разинутым и остался: на помост поднялись воины в кольчугах.

— Эй вы все, на колени перед королем Нарнии! — повелел герцог Берн.

За стеной ржали и били копытами кони. Многие из собравшихся уже прослышали о прибытии короля и даже о событиях в замке, так что повторять приказ не пришлось. Почти все повиновались сразу, замешкавшихся потянули вниз стоявшие рядом. Некоторые принялись громко выражать верноподданнические чувства.

— Мопс,— промолвил Каспиан,— за дерзкое обращение с нашей монаршей особой ты заслуживаешь смерти, но поскольку ты не ведал, что творишь, я дарую тебе прощение. А заодно сообщаю, что уже четверть часа, как во всех наших владениях работорговля запрещена. Все находящиеся здесь рабы — свободны!

Невольники разразились радостными криками, но Каспиан утихомирил их, подняв руку и спросил:

— Где мои друзья?

— Вы о той прелестной малютке и юном господине? — откликнулся Мопс с заискивающей улыбкой.— Но они уже проданы. Их купили сразу же...

— Мы здесь! — крикнули разом Люси и Эдмунд.

— И я здесь, к услугам вашего величества,— донесся из другого угла голос Рипичипа.

Их и вправду продали одними из первых, но не увели прочь, потому что покупатели остались посмотреть, чем

закончатся торги. Толпа расступилась, пропустив освобожденных пленников, и они радостно бросились к своему освободителю. Но следом за ними к королю подошли двое смуглых длиннобородых калорменских купцов в шелковых халатах и оранжевых тюрбанах. То были представители древнего народа, мудрого, богатого и, при всей обходительности манер, весьма жестокого. Низко кланяясь Каспиану, купцы осыпали его цветистыми пожеланиями — чтоб родники благоденствия оросили сады добродетели и доблести и тому подобное,— но по существу все сводилось к желанию вернуть потраченные на невольников деньги. Каковое желание Каспиан нашел вполне справедливым.

— Тем, кто потратился сегодня на рабов, вернут все до последнего мал-мала,— объявил он. (Калорменский мал-мал — мелкая монетка достоинством в одну сороковую динара).— Мопс, отдай почтенным господам их деньги.

— Ваше величество меня разорит,— заныл работорговец.

— А хоть бы и так,— усмехнулся Каспиан.— Ты всю жизнь наживался на людском горе и заслужил участи худшей, чем бедность. Даже нищета предпочтительнее рабства. Но где еще один мой спутник?

— А, этот? — Мопс скривился, словно от зубной боли.— Заберите его, ваше величество, заберите поскорее. Буду рад сбыть его с рук, а то с ним одна маета. Я в своем деле не новичок, но такого никчемного раба мне отроду не попадалось. Я и цену сбавил, аж до пяти динаров, но его все равно никто не взял. На него и смотреть тошно. Эй, Такс, приведи Нудилу.

Привели Юстейса, кислый вид которого и вправду едва ли мог доставить кому-либо удовольствие. Впрочем, удивляться тут было нечему: мало радости сделаться рабом, но ежели тебя даже в рабы не берут, это уж ни в какие ворота не лезет.

— Ну, конечно,— с ходу заворчал Юстейс, увидев Каспиана,— небось развлекался, пока другие отдувались за тебя в неволе. Бьюсь об заклад, про британского консула ты так и не узнал. Впрочем, другого я и не ждал.

Вечером в замке устроили большой пир, по окончании которого, уже раскланявшись со всеми и отправляясь спать, Рипичип сказал:

— Ну, завтра наконец начнутся настоящие приключения.

Однако он поторопился с этим заявлением: приключения не могли начаться ни завтра, ни послезавтра, ни в какой дру-

гой из ближайших дней, ибо за Одинокими островами лежал совершенно неизведанный край, и к путешествию туда следовало основательно подготовиться. Корабль разгрузили, с помощью восьмерки ломовых лошадей и деревянных катков вытащили на берег, и лучшие корабельные мастера тщательно осмотрели корпус и оснастку. Затем «Поспешающего» снова спустили на воду и погрузили на него столько провизии и воды, сколько смогло уместиться в трюме. А уместилось ровно на двадцать восемь дней.

— Да,— грустно заметил Эдмунд,— выходит, если мы не найдем ничего интересного за две недели, придется поворачивать назад.

Пока корабль готовили к отплытию, Каспиан расспрашивал бывалых мореходов, не знают ли они чего о морях и землях, лежащих на востоке. Морские волки, с обветренными лицами, квадратными седыми бородками и правдивыми голубыми глазами, осушили множество кружек эля из подвалов замка и отблагодарили юного короля таким же множеством невероятных историй, но в тех историях, которые заслуживали хотя бы малейшего доверия, никакие восточные земли не упоминались. Многие моряки пребывали в уверенности, что никаких земель там нет и в помине, а если все время плыть на восток, то в конце концов можно увидеть, как море переливается через край земли, низвергаясь в бездну. «Туда-то, видать, и канули друзья вашего величества»,— говорили они, а другие пичкали Каспиана бреднями насчет стран, населенных безголовыми людьми, плавучих островов, ужасных морских смерчей и горящей воды. И лишь один старый шкипер, к превеликой радости Рипичипа, сказал, что далеко-далеко на востоке находится царство Эслана. «Правда,— добавил он,— попасть туда невозможно, потому как царство это уже за краем света». Его попросили рассказать поподробнее, но старик ответил, что сам в тех краях отроду не бывал и лишь слышал о них от своего отца.

Берн мог сообщить о своих шестерых спутниках лишь то, что в свое время они действительно отплыли на восток и что больше о них никто ничего не слышал.

— Я часто прихожу сюда по утрам,— сказал герцог, стоя вместе с Каспианом на самой высокой вершине Эвры и глядя на восток, где расстилалось безбрежное море.— Любуюсь рассветом, и порой мне кажется, будто солнце восходит всего в

двух-трех милях отсюда. Тогда я вспоминаю своих друзей и невольно задумываюсь, что же нашли они там, за горизонтом? Наверное, ничего, но в такие мгновения мне становится почти стыдно за себя, что я остался здесь. Но при этом, ваше величество, мне все равно хотелось бы, чтобы здесь остались вы. Боюсь, Калормен не простит нам запрета на работорговлю. Может дойти до войны, и островам потребуется ваша помощь. Подумайте еще раз, государь.

— Достойный герцог,— отвечал Каспиан,— я ведь принес обет. И потом, как я оправдаюсь перед Рипичипом?

Глава 5
Шторм и его последствия

Лишь почти через три недели после прибытия путешественников буксир вывел «Поспешающего к восходу» из Тесной Гавани. Этому предшествовали торжественные проводы. У причалов собралась огромная толпа. Речь Каспиана, обращенная к жителям Одиноких островов, была встречена с восторгом, а когда король прощался с герцогом и его семьей, многие прослезились. Люди плакали и кричали: «Да здравствует король!» до тех пор, пока корабль не удалился от берега настолько, что стихли звуки Каспианова рога. Пурпурный парус наполнился свежим ветром. Буксир повернул к берегу, а «Поспешающий к восходу», плавно обогнув южную оконечность острова, взял курс на восток. Первым на вахту у штурвала встал Дриниан.

Несколько дней плавания прошли просто великолепно. Просыпаясь по утрам и видя отраженные морем солнечные зайчики, пляшущие на потолке каюты, наполненной чудесными подарками жителей Островов (ей преподнесли и тельняшку, и зюйдвестку, и матросский шарф, и непромокаемые сапоги как раз ее размера), Люси думала, что, пожалуй, ни одной девочке на свете не везло так, как повезло ей. Потом она выбиралась на полубак и любовалась морем. День ото дня становилось теплее, а море с каждым утром казалось синее прежнего. Завтракала Люси с истинно морским аппетитом — такого на суше не бывает, во всяком случае, у детей.

Немало времени девочка проводила на корме, сидя на скамеечке и играя с Рипичипом в шахматы. Фигуры были для него малость тяжеловаты, так что переставлять их ему приходилось обеими лапами, а чтобы поставить какую-нибудь в центр

доски, он поднимался на цыпочки. Зрелище было препотешное, но это не мешало Рипичипу играть превосходно; он выигрывал почти всегда, когда не забывал об игре. Правда, забывшись, запросто мог сделать совершенно нелепый ход — взять, например, да подставить своего коня под удар коня и ладьи одновременно. Это случалось оттого, что Рипичип начинал путать игру с настоящей битвой и заставлял свои фигуры рваться вперед без оглядки, как всегда вел себя в сражении он сам.

Однако длилось это чудесное время недолго. Однажды вечером, беззаботно глядя с кормы на остававшийся позади корабля длинный пенистый след, Люси приметила на западе тяжелые тучи. Они быстро догоняли корабль и вскоре уже затянули половину неба. На короткий миг в них образовался разрыв, сквозь который просочился желтый закатный свет, и само море пожелтело, словно старая парусина. Резко похолодало, волны пустились в беспорядочный пляс, и по корпусу корабля пробежала легкая дрожь, будто он учуял опасность и стремился от нее уйти. Парус то вздувался, наполняясь зловеще завывающим ветром, то обвисал, как тряпка. Прежде чем Люси успела осознать, чем грозит этакое скопище туч, послышался громовой голос Дриниана:

— Полундра! Свистать всех наверх!

Матросы живо принялись за работу: люки наглухо задраили, огонь на камбузе затушили и уже собирались спустить парус, когда разразился свирепый шторм. Люси почудилось, что по ходу корабля, прямо перед носом, разверзлась глубочайшая яма. Корабль нырнул, и почти тотчас перед ним выросла водяная гора высотой с мачту. Казалось, она обрушится на палубу и, если не разобьет корабль в щепки, то уж точно отправит на дно, но «Поспешающий» каким-то образом взлетел на вершину этой горы, где чуть ли не завертелся волчком. Впрочем, хотя чудовищный вал и не сокрушил корабль, водой его захлестнуло так, что ют и полубак стали походить на островки, разделенные бурлящим морем. Высоко наверху матросы отчаянно цеплялись за рею, не оставляя попыток убрать парус. Лопнувший и вытянувшийся по ветру канат даже не колыхался: он как бы застыл в неподвижности, словно кочерга.

— Вниз, ваше величество! Вас смоет! — крикнул Дриниан.

Прекрасно понимая, что на палубе от нее все равно никакого толку, Люси поспешила выполнить указание капитана, да только это оказалось не очень-то просто. Корабль кренился на левый борт так сильно, что палуба походила на скат крыши. Сначала Люси пришлось, цепляясь за что попало, добираться до верхушки трапа, а потом еще и подождать, пропуская двоих взбиравшихся по нему матросов. Вниз она соскользнула, как могла, резво, хотя руки ее сами цеплялись за перила. И правильно делали: когда она оказалась у подножия трапа, палубу захлестнула волна, окатившая девочку с головой. Промокнуть до нитки она успела еще раньше, ведь брызгами обдавало и ют, но там вода казалась не такой холодной. Не держись девочка крепко, ее попросту смыло бы за борт. Как только вода схлынула, Люси, скользя на мокрой палубе, метнулась к двери своей каюты и проскочила внутрь. Разбушевавшаяся стихия осталась снаружи, но в каюте было едва ли не страшнее из-за доносившихся отовсюду звуков — скрипа, треска, стона, криков, рева и воя ветра...

Прошел день, за ним другой, а буря не прекращалась и продолжала свирепствовать, пока все не забыли, когда она началась. И все это время три матроса постоянно стояли у румпеля — хоть как-то удерживать курс удавалось только втроем, а еще несколько человек беспрерывно откачивали помпой воду. Никто из команды не имел времени ни отдохнуть, ни поесть, ни обсушиться.

Когда же шторм унялся, Юстейс записал в своем дневнике следующее:

«3 сентября. Наконец-то эта дурацкая буря завершилась, и я могу писать. Она продолжалась ровно тринадцать дней: правда, многие здесь утверждают, будто двенадцать, но я знаю лучше, потому что вел точный учет. Огромное удовольствие путешествовать на одном корабле с людьми, которые и считать-то толком не выучились. Буря была ужасная, корабль все время швыряло туда-сюда, и я ходил мокрый и голодный, потому что никому и в голову не пришло позаботиться о *приличной* кормежке. Само собой, у них и в помине не было ни рации, ни ракетницы, чтобы подать сигнал бедствия. Это ли не лишнее доказательство моей правоты: я ведь с самого начала твердил, что нормальные люди ни за что не выйдут в море на таком трухлявом корыте. Правда, то нормальные люди, а мне приходится иметь дело с какими-то извергами в человечес-

ком обличье. Эдмунд и Каспиан — неотесанные грубияны. В ночь, когда рухнула мачта (от нее остался обломок вроде пенька), мне было *очень плохо*, но эти невежи выгнали меня на палубу и заставили работать, будто я раб. Люси сунула мне весло и при этом распространялась насчет того, что их драгоценный Рипичип тоже рад бы грести, да только ростом не вышел. Как работать, так ростом мал, а как *выставляться* — это пожалуйста. Неужели они ничего не замечают? Даже Люси, хоть еще и малявка, могла быть поумнее.

Ну а сегодня, едва буря утихла и проглянуло солнце, все выбрались на палубу и принялись толковать о том, что делать дальше. Выяснилось, что еды (которую и едой-то назвать стыдно) осталось на шестнадцать дней. Всех кур смыло за борт, а хоть бы и не смыло — яиц после такой встряски от них все равно не дождаться. Но гораздо хуже дело обстоит с водой. Две бочки во время шторма треснули («сделано в Нарнии», чему уж тут удивляться), и вода вытекла. Оставшейся, если выдавать по полпинты в день на человека, хватит не больше чем на две недели. Правда, на борту достаточно вина и рома, но о том, что крепкие напитки только усиливают жажду, кажется, догадываются даже эти остолопы.

Конечно, разумнее всего было бы вернуться к Одиноким островам, но до того места, где мы находимся сейчас, нас несло восемнадцать дней, причем тринадцать из них бушевал свирепый ураган. Возвращаться, даже при попутном ветре, пришлось бы дольше, но попутным ветром и не пахнет. Как, впрочем, и никаким другим. Каспиан глубокомысленно заявил, что при нехватке воды его матросы много не нагребут. Я напомнил ему о данных науки, в соответствии с которыми у напряженно работающего человека усиливается потоотделение, что охлаждает организм и уменьшает его потребность во влаге, но Каспиан предпочел сделать вид, будто не обратил на мои слова внимания. Оно и понятно, сказать-то нечего. Под конец все сошлись на необходимости плыть дальше на восток, в надежде наткнуться на какую-нибудь землю. Я счел себя обязанным напомнить, что, во-первых, никому не ведомо, *есть* ли там вообще земля, а во-вторых, беспочвенные надежды чаще всего приводят к горьким разочарованиям. В ответ они не нашли ничего лучшего, как нагло поинтересоваться, что я могу предложить взамен. Но прогадали — я, со свойственным мне холодным спокойствием, пояснил, что, будучи похищенным и

насильно, без моего согласия, вовлеченным в это *идиотское* плавание, вовсе не считаю себя обязанным заботиться об успехе авантюры.

4 сентября. Море по-прежнему спокойно. Порции на обед выдали крохотные, и самая маленькая, кажется, как обычно, досталась мне. Похоже, Каспиан думает, будто я ничего не замечаю. Люси, не знаю уж почему, решила подмазаться ко мне и хотела отдать часть своей порции, но Эдмунд, который вечно лезет не в свое дело, не разрешил. Стоит жара. Весь вечер мучила жажда.

5 сентября. Полное безветрие. Чувствую ужасную слабость — жара не спадает, а у меня, похоже, началась лихорадка. Само собой, никто из них и не подумал захватить в плавание градусник.

6 сентября. Ужасный день. Я проснулся ночью, чувствуя, что меня лихорадит. В таком состоянии необходимо побольше пить, это вам любой доктор скажет. Бог свидетель, я человек честный и никогда ничего не беру без спроса, но мне и в голову не приходило, что ограничения в выдаче воды могут распространяться на больных. Наверное, мне следовало разбудить кого-нибудь и попросить принести попить, но я не сделал этого из деликатности. Каспиан с Эдмундом и без того не высыпаются, а забывать об интересах спутников, как бы они ко мне ни относились, не в моих правилах. Итак, я, тихонько, чтобы никого не беспокоить, поднялся, взял кружку и выскользнул из дыры, служащей нам каютой, в трюм, где стоят скамьи для гребцов и сложены припасы. Бочки с водой находились в самом дальнем конце. Поначалу все шло прекрасно, но не успел я зачерпнуть воды, как меня перехватил этот шпион-недомерок Рип. Я, конечно, сказал, что иду на палубу подышать воздухом (пить я хочу или чего еще — это не его мышиное дело), но ему приспичило узнать, почему у меня с собой кружка. Раскричался так, что разбудил весь корабль, а с руганью все набросились не на него, а на меня. Я, как, полагаю, сделал бы на моем месте каждый, поинтересовался, а что, собственно, *он* делает здесь ночью, и этот прохвост заявил, что, поскольку весла для него велики, он считает своим долгом каждую ночь стоять вахту и дать отдохнуть хотя бы одному матросу. И все поверили в эти нелепые россказни. Хороша же их хваленая справедливость!

Мне пришлось извиниться, не то проклятый зверь продырявил бы меня своей шпагой. А Каспиан выказал себя самым настоящим деспотом и тираном, объявив во всеуслышание, что каждый уличенный в *воровстве* (вот так воровство — выпить кружку воды) схлопочет *две дюжины кошек*. Я сначала не понял, откуда они наберут столько кошек, и вообще, что это за наказание, но Эдмунд объяснил: оказывается, на кораблях так называют плети. Он и Люси знают уйму всяких словечек — вычитывают в разных дурацких книжках.

Правда, после своей трусливой угрозы Каспиан решил прикинуться добреньким и завел другую песню — он, дескать, мне сочувствует, но от жажды страдают все, и потому все должны крепиться, не поддаваться... Ну и так далее, в том же духе. И кто же он после этого, как не лицемер и ханжа?

7 сентября. Сегодня поднялся слабый, но ровный западный ветер. Мы проплыли несколько миль под обрывком паруса, поднятом на «временной мачте», как изящно выразился Дриниан, а по-простому — на бушприте, установленном вертикально и привязанном (на их языке «принайтованном») к обломку мачты настоящей. Мучит невыносимая жажда.

8 сентября. Идем под парусом, курс на восток. Я провалялся весь день, и пока оба *изверга* не вернулись спать, не видел никого, кроме Люси. Она поделилась со мной водой, сказав, что девочки вообще пьют меньше мальчиков. Я и раньше так думал, а вот тем, которые выдают себя за опытных морсходов, не мешало бы принять это к сведению.

9 сентября. Показалась земля — высоченная гора далеко на юго-востоке.

10 сентября. Гора все еще далеко, хотя выросла больше прежнего и видна отчетливо. И сегодня, впервые не помню даже, с какого времени, снова появились чайки.

11 сентября. Матросы наловили к столу свежей рыбы. Около семи вечера корабль бросил якорь на глубине трех морских саженей в бухте гористого острова. Высаживаться Каспиан не разрешил — уже темнело, а этот остолоп боится дикарей и хищных зверей. На ночь дали побольше воды».

То, что ожидало путешественников на острове, затронуло Юстейса больше, чем кого-либо иного, однако поведать о случившемся его словами решительно невозможно: с 11 сентября он надолго забросил свой дневник.

Настало пасмурное, но теплое утро. Оглядевшись, путешественники поняли, что находятся в широком заливе, по сторонам которого вздымались утесы. В залив впадал протекавший по поросшей похожими на кедры деревьями прибрежной долине быстрый поток. Чуть поодаль от берега начинался крутой склон, над которым виднелся зубчатый хребет. Еще дальше могучие горные кряжи вздымались к самому небу, а их вершины скрывали тусклые серые тучи. Скалы по обоим берегам залива в некоторых местах прочерчивали белые полосы — скорее всего, водопады, хотя с такого расстояния нельзя было ни разглядеть брызги, ни расслышать шум падающей воды. До корабля вообще не доносилось никаких звуков, вокруг царила неколебимая тишина. Зеркальная гладь залива отражала береговые утесы. На картине это место, наверное, показалось бы очень красивым, но наяву в нем ощущалось что-то настораживающее. Похоже, остров не очень-то обрадовался гостям.

Зато они радовались твердой земле под ногами. Путешественники переправились на берег в двух шлюпках, вдоволь напились воды из реки, поели и отдохнули, после чего Каспиан отрядил четверых моряков для охраны корабля, а остальные занялись работой. Сделать предстояло очень много. Следовало переправить на берег все пустые бочки, починить, если удастся, поврежденные, наполнить их водой и вернуть на борт. Следовало также найти подходящее дерево — лучше всего сосну, срубить его и сделать новую мачту. Следовало настрелять дичи — если, конечно, она здесь водится, залатать парус, выстирать и заштопать одежду, отремонтировать снасти, исправить бесчисленные поломки на борту. С берега путешественники едва узнавали свой корабль — из горделивого красавца он превратился в какую-то скособоченную лохань. Да и команда выглядела не лучше — все осунулись, исхудали и побледнели, глаза моряков были красными от недосыпания, а одежда у большинства превратилась в лохмотья.

Когда лежавший под деревом Юстейс услышал, сколько предстоит переделать, сердце его упало. Неужели даже сейчас ему не удастся отдохнуть, и первый же день на суше придется провести за такой же изнурительной работой, как и на море? И тут его осенило. Все, как один, только и говорили, что о своем корабле, словно и впрямь любили эту дырявую калошу, и в сторону Юстейса никто не смотрел. Прекрасная возмож-

ность незаметно улизнуть подальше, отоспаться где-нибудь в укромном уголке, а попозже, к концу дня, вернуться. Ведь ему так необходим отдых. Правда, нельзя забывать об осторожности. Не следует упускать корабль из вида, а то этим недотепам ничего не стоит отчалить, бросив его на острове на произвол судьбы.

Юстейс поднялся и побрел в сторонку, притворяясь, будто просто прогуливается. Очень скоро вокруг сгустился тихий и теплый темно-зеленый лес, а голоса позади смолкли. Поняв, что теперь бояться нечего, Юстейс зашагал быстрее.

Через несколько минут он вышел из леса к крутому, поросшему жесткой сухой травой склону и, цепляясь за траву, полез наверх. Вспотел и запыхался Юстейс довольно быстро, но остановиться и не подумал. Последнее обстоятельство доказывало, что, сам того не заметив, мальчик основательно изменился: прежний Юстейс, каким его воспитывали Гарольд с Альбертой, повернул бы обратно уже минут через десять.

Выбравшись наконец на гребень, он хотел было осмотреть с высоты остров, но густые тучи опустились ниже, так что чудилось, будто над островом плещется серое облачное море. Юстейс сел, огляделся и заметил сквозь разрыв в облаках казавшийся сверху совсем маленьким залив и уходившее к горизонту море. Затем все затянуло плотным, но вовсе не холодным туманом. Юстейс выбрал местечко и принялся ворочаться на траве, устраиваясь поудобнее.

Но отдохнуть ему не удалось. Нежданно-негаданно он, возможно, впервые в жизни, почувствовал себя одиноким. Потом его стало одолевать беспокойство — не опоздает ли он к отплытию. Кругом царила полная тишина, время словно остановилось, и ему внезапно пришло в голову, что прошел уже не один час и что на корабле, наверное, готовятся поднять якорь. И вообще, уж не нарочно ли позволили ему уйти, не для того ли, чтобы бросить его здесь? Мысль эта перепугала его до такой степени, что бедняга вскочил, нырнул в туман и сломя голову припустил вниз. На бегу Юстейс оступился, упал и проехал несколько футов по откосу. Тут ему вспомнилось, что, карабкаясь вверх, он приметил слева обрыв. Опасаясь сорваться, мальчик продолжил спуск медленнее, все время забирая чуть вправо. Падений больше не случалось, но и продвигался он с черепашьей скоростью, поскольку видел самое большее на ярд вперед. Вокруг по-прежнему клубился

туман, а в голове непрестанно звучало: «Скорее! Скорее! Поднажми!» С каждой минутой мысль о том, что его бросили, овладевала им все сильнее, повергая в отчаяние; знай он получше Каспиана, Эдмунда и Люси, подобная глупость просто не пришла бы ему на ум. Если вдуматься, так бедолага считал своих спутников подлецами, лицемерами и извергами лишь потому, что сам себя в этом убедил.

— Ну, наконец-то, — с облегчением промолвил Юстейс, соскользнув по перекатывавшимся под ногами камушкам (кто не знает, это называется осыпью) и оказавшись на ровном месте. — Только где же деревья? И что это там впереди темнеет? Туман вроде бы рассеивается...

Тут он не ошибся — туман исчезал быстро и скоро сменился таким ярким светом, что Юстейс заморгал. А проморгавшись, обнаружил, что находится в совершенно незнакомом месте. Моря оттуда видно не было.

Глава 6
Приключения Юстейса

В то самое время оставшиеся у залива умывались в реке, намереваясь перекусить и отдохнуть после работы. Трое лучших лучников уже успели побывать в горах и вернуться с добычей — парой диких коз, которых сейчас поджаривали на огне. Каспиан приказал доставить с корабля бочонок крепкого арченландского вина. Его разбавили водой, так что хватило на всех. Уставшие и проголодавшиеся, спутники набросились на еду. Лишь умяв вторую порцию, Эдмунд огляделся.

— Где же этот бездельник Юстейс? — пробормотал он.

Юстейс в тот момент тоже осматривался. Он обнаружил, что находится в узкой, глубокой лощине или ущелье с высокими, почти отвесными стенами. На каменистом, поросшем сухой травой дне виднелись пятна копоти, какие засушливым летом случается приметить возле железнодорожной насыпи. Ярдах в пятнадцати находилось озерцо с чистой, прозрачной водой, но никаких признаков живности — ни зверей, ни птиц, ни даже букашек или козявок поблизости не было. Солнце уже садилось, и нависавшие над лощиной горные пики вырисовывались мрачно и грозно.

То, что в тумане он ошибочно спустился не по ту сторону кряжа, Юстейс сообразил мигом, но когда обернулся, вознамерившись лезть обратно, сердце его ушло в пятки. На гребень

вела единственная, узкая и крутая, тропа, с которой он не сорвался лишь по счастливой случайности. Откос был усеян камнями, и мысль о необходимости лезть наверх по такой крутизне приводила в ужас. Но иного пути к заливу как будто не было.

Тяжело вздохнув, Юстейс повернулся к озерцу, намереваясь хотя бы утолить перед трудным подъемом жажду, но тут его внимание привлек неожиданный шум. Сам по себе негромкий, в мертвой тишине лощины он показался оглушительным. Юстейс застыл как вкопанный, а потом опасливо обернулся.

Слева, у подножия скалы, виднелась темная нора — не иначе как зев пещеры, откуда поднимались две тоненькие струйки дыма. Юстейс услышал шорох осыпавшихся камушков, наводивший на мысль, что из норы кто-то выползает. К несчастью, так оно и было.

Наружу выбиралось огромное, страшное чудовище. Люси, Эдмунду или, скажем, вам, уважаемые читатели, не составило бы ни малейшего труда узнать это существо с первого взгляда, но Юстейс читал исключительно *познавательные* книжки, а потому понятия не имел о существовании подобных тварей. И даже представить себе не мог существа с длиннющей свинцово-серой мордой, тускло-красными глазами, длинным и гибким, волочившемся по земле туловищем. Шкура страшилища была голой — ни тебе меха, ни перьев, коленные суставы лап поднимались на паучий манер, выше хребта, перепончатые крылья с шумом терлись о камень, а из ноздрей валил дым. Словом, Юстейс даже не понял, что видит перед собой дракона, но если б и понял, легче бы ему не стало.

Правда, будь у него хоть малейшее представление о драконьих повадках, он непременно подивился бы тому, что чудище не приподнялось на лапах, не забило крыльями и не изрыгнуло пламя. Из ноздрей дракона поднимались тоненькие струйки дыма, вроде как над затухающим костром. Не замечая Юстейса, дракон медленно, то и дело останавливаясь по пути, полз к озерцу. Хоть мальчик и был смертельно напуган, он смекнул, что зверь, скорее всего, старый и дряхлый. Юстейс даже подумал о том, не побежать ли вверх, но не решился — шум мог привлечь внимание чудища, а вид добычи наверняка взбодрил бы незнакомого, однако явно хищного зверя. К тому же кто знает: вдруг он только притворяется обессилевшим и больным? От крылатого зверя в гору не удерешь.

Тем временем дракон дополз до озерца, опустил в воду страшное чешуйчатое рыло, но не успел сделать и глотка. Он издал странный — будто квакнула здоровенная лягушка — звук, судорожно дернулся, повалился набок и застыл. Из широко разинутой пасти вытекла лужица темной крови. Шедший из ноздрей дым на мгновение почернел и тут же развеялся без следа.

Больше ничего не происходило, но Юстейс довольно долго не осмеливался даже шелохнуться. Ему пришло на ум, что зверюга прикинулась мертвой, чтобы приманить жертву. Однако когда он решился наконец сделать шаг, дракон остался неподвижным. Осмелев, мальчик подошел к чудищу вплотную и, подавляя дрожь, прикоснулся к нему. Страшный зверь издох! Юстейс почувствовал такое облегчение, что едва не расхохотался. Ему даже показалось, что он не просто наблюдал смерть жуткого существа, но сам сразил его в смертельном бою. Обойдя тушу, Юстейс склонился к воде, чтобы попить. Сильно парило, и он ничуть не удивился, заслышав раскаты грома. Почти в тот же миг вокруг потемнело: солнце скрылось за тучами, и на землю пролились первые крупные дождевые капли.

Климат на этом острове был прямо-таки паршивый. Меньше чем за минуту Юстейс промок до нитки и чуть ли не ослеп от ливня, о каких в Европе и не слыхивали. О том, чтобы взбираться по откосу, не могло быть и речи, а единственным подходящим укрытием являлась драконья нора. Юстейс торопливо нырнул туда, лег и с облегчением вздохнул.

Мы-то с вами, разумеется, знаем, что прячут в своих логовищах драконы, но Юстейс, как я уже говорил, читал совершенно не те книги. В его книгах очень много говорилось об экспорте, импорте, государственном управлении и централизованном водоснабжении, но насчет драконов не было и полсловечка. По этой причине он долго не мог сообразить, на чем, собственно, разлегся. На чем-то твердом и остром, хотя, вроде бы, не на камнях и не на колючках. Пошарив под собой, Юстейс нащупал какие-то плоские, перекатывавшиеся со звоном кругляши. В пещере было довольно темно, но, приглядевшись, он увидел то, о чем любой из нас догадался бы давным-давно. Клад! В норе были свалены в кучу зубчатые короны (они-то и кололись), монеты, кольца, серьги, браслеты, кубки, блюда, слитки и целая россыпь драгоценных камней.

В отличие от большинства своих сверстников, Юстейс никогда не мечтал отыскать сокровища, но зато мгновенно сообразил, какую службу могут сослужить они ему в этом мире, куда он угодил, запнувшись по нелепой случайности о раму картины. «Они тут понятия не имеют о государственных пошлинах,— рассудил он,— и найденный клад вовсе не надо сдавать государству. С этими побрякушками я смогу жить припеваючи где угодно — хоть в том же Калормене. Главное — прихватить с собой побольше. Вот, например, прекрасный браслет — камушки на нем не иначе как алмазы. Надену-ка я его на руку. Не беда, что немного великоват: сдвину повыше, поближе к локтю, и болтаться не будет. А в карманы надо набить бриллиантов: они дороже золота, а по весу легче... Хотелось бы мне, однако, знать, когда же кончится этот проклятущий дождь».

Но дождь лил как из ведра, и Юстейсу оставалось только ждать. Он слез с кучи сокровищ, устроился поудобнее в глубине пещеры, прилег и сам не заметил, как заснул.

Он безмятежно посапывал и похрапывал, а тем временем оставшиеся на берегу обнаружили его отсутствие и встревожились.

— Юстейс! Юстейс! Ау-у! — звучали над заливом громкие крики. Каспиан трубил в рог.

— Он где-то далеко, иначе бы нас услышал,— промолвила побледневшая от беспокойства Люси.

— Вот паршивец! — выругался Эдмунд.— Это ж надо было додуматься, улизнуть и слова никому не сказать!

— Но мы все равно должны что-то предпринять,— настаивала Люси.— Вдруг он заблудился или свалился со скалы, или угодил в плен к туземцам?

— Или на обед к хищникам,— предположил Дриниан.

— Что было бы не так уж плохо,— проворчал Ринс.

— Господин Ринс,— вмешался в разговор Рипичип,— должен признаться, мне странно слышать от столь достойной особы, как вы, столь неподобающие речи. Я тоже не испытываю к пропавшему дружеских чувств, но он родственник их величеств и, как бы то ни было, наш товарищ по плаванию. Поэтому наш долг — отыскать его, а если найдем лишь тело, то отомстить убийцам.

— Искать-то мы, конечно, будем,— устало подтвердил Каспиан.— Только вот найдем ли? Эх, не было печали...

Одна морока с этим Юстейсом. Дриниан, пошли людей на поиски.

А Юстейс все спал и проспал бы, наверное, еще невесть сколько, не разбуди его сильная боль в руке. Перед входом в пещеру уже светила луна, в бледном сиянии которой сокровища казались особенно прекрасными. И лежать на них было вовсе не так неудобно, как поначалу. Сначала он удивился — с чего бы это разболелась рука, но потом смекнул, что дело, верно, в браслете, надетом перед сном. Надо полагать, рука (то была левая рука) затекла и распухла, потому и больно.

Юстейс двинул правой рукой, желая потрогать больное место, но тут же застыл и в страхе прикусил губу. Справа от него, совсем неподалеку, там, где на дно пещеры падал лунный свет, шевельнулась огромная когтистая лапа. Когда замер он, замерла и она.

— Ну и олух же я! — выругал себя Юстейс.— Будто не читал, что многие звери живут парами! Наверняка и тут была пара — самец издох, а самка жива-живехонька.

Спустя пару минут он приметил прямо перед собой две темнеющие в лунном свете струйки дыма, и перепугался до того, что даже перестал дышать. Струйки исчезли, но стоило бедняге набрать воздуха, как они появились снова. Тут бы ему и догадаться, но помешал страх.

Однако, как ни боязно было шевелиться, он решил попробовать выбраться из норы.

— Может, чудище спит? — рассудил Юстейс.— В любом случае что-то ведь надо делать,— но прежде чем ползти, он глянул налево и — о ужас! — увидел еще одну драконью лапу.

Не думаю, что кто-нибудь осудит мальчика за слезы. Надо только заметить, что даже отчаяние не помешало ему обратить внимание, что слезы из его глаз льются очень уж крупные и горячие — от них даже шел пар.

Однако какими слезами ни плачь — хоть горячими, хоть горючими,—надо было выползать наружу. Юстейс осторожно двинул правой рукой, и справа тут же шевельнулась драконья лапа. Он пошевелил левой, и лапа двинулась слева.

Получалось, что по обе стороны от него лежит по дракону, и эти драконы повторяют каждое его движение. Совершенно потеряв голову — а кто бы на его месте не потерял? — Юстейс стремглав бросился к выходу.

Раздался грохот, скрежет, стук камней и звон золота. Это могло означать лишь одно: оба страшилища устремились за ним вдогонку. Не оглядываясь — куда уж тут оглядываться! — он устремился к озерцу. Луна светила на чудовищную тушу мертвого дракона. Это зрелище нагнало бы страха на кого угодно, но Юстейс просто не обратил на труп внимания. Он хотел броситься в воду, почему-то решив, что найдет там спасение.

Но еще не добравшись до озерца, Юстейс внезапно осознал, что по непонятной причине бежит на четвереньках. А потом увидел, что из воды выглядывает третий дракон. И тут до него наконец дошло — в воде он видит самого себя! Отражение шевелилось, вторя его движениям, а когда он изумленно открыл рот, оно разинуло зубастую пасть.

По всему выходило, что, поддавшись драконьей алчности и заснув среди драконьих сокровищ, он превратился в дракона.

Теперь-то ему стало ясно, что никаких чудовищ в пещере не было и в помине. И слева и справа он видел собственные лапы, да и дым шел из его собственных ноздрей. А боль в левой руке (если точнее, то в левой лапе) объяснялась просто — браслет не был рассчитан на драконий размер и глубоко врезался в покрытую чешуей плоть. Юстейс тут же попытался стянуть его зубами, но из этого ничего не вышло.

Надо сказать, несмотря на сильную боль, он почувствовал глубокое облегчение. Ему больше не надо было ни от кого убегать, никого не приходилось больше бояться. Наоборот, отныне он сам будет наводить страх на всех подряд, кроме, может быть, самых доблестных рыцарей. Пусть теперь Эдмунд или Каспиан попробуют помериться с ним силами...

Подумав об этом, Юстейс неожиданно для себя понял, что на самом деле не хочет драться ни с Эдмундом, ни с Каспианом и вообще ни с кем. А хочет он вернуться к людям, разговаривать с ними, шутить, смеяться, помогать им и, главное, быть одним из них. Человеком, а не чудовищем, пусть даже очень богатым и очень сильным. Сейчас Юстейс уже не казался себе таким безупречно хорошим, как совсем недавно, и у него появились сомнения в том, так ли уж плохи его спутники. Ему просто не хотелось жить, не слыша их голосов. За доброе слово он был бы благодарен даже Рипичипу.

Эти невеселые мысли заставили несчастного дракона, недавнего мальчика по имени Юстейс, вновь удариться в слезы. Вы только представьте себе это зрелище — ночь, залитая лунным светом лощина, и плачущий навзрыд страшный дракон.

Вдоволь наплакавшись, Юстейс решил поскорее найти путь к заливу. Теперь-то он понимал, что Каспиан не способен бросить спутника и уплыть восвояси. Правда, отыскать товарищей — не самое сложное; надо будет еще как-то втолковать им, с кем они имеют дело, но Юстейс надеялся, что найдет какой-нибудь способ.

Прежде чем пускаться в обратный путь, не мешало подкрепиться. Юстейс попил воды из озерца, а потом (можете морщиться сколько угодно, но дело было именно так) чуть ли не целиком умял дохлого дракона. Это вышло как-то само собой, он и сообразить не успел, что делает. Суть в том, что разум у него сохранился свой, но вкусы изменились, сделались драконьими. А на драконий взгляд, самая наивкуснейшая вкуснятина — как раз мясо другого дракона. Потому-то драконы так редки: больше одного на страну почти не встретишь.

Поев, Юстейс подпрыгнул, непроизвольно расправил крылья, о которых совершенно забыл, и обнаружил, что, оказывается, умеет летать. Для него это была полнейшая неожиданность, причем неожиданность весьма приятная. Воспарив над горами, он увидел внизу залитые лунным светом вершины, серебристую гладь залива, стоящий на якоре корабль и мерцающие точки костров, прямо на которые и спланировал с огромной высоты.

Весь вечер, пока ее не сморил беспокойный сон, Люси ждала тех, кто отправился разыскивать Юстейса. Поисковый отряд вернулся поздно и вести принес неутешительные. Мальчика не нашли, а в одной долине видели мертвого дракона. Оставалось лишь надеяться, что чудовище не успело слопать мальчика перед собственной смертью.

— Если только дракон не отравился, сожрав этого вредину,— пробормотал Ринс, на сей раз тихо, чтобы никто не услышал.

Проснувшись, Люси увидела, что все сбились в кучку и что-то возбужденно обсуждают.

— Что-нибудь стряслось? — спросила она.

— Нам необходимо быть настороже,— отозвался Каспиан.— Только что появился второй дракон. Пролетел над макушками деревьев и приземлился у залива. Боюсь, он отрезал нас от корабля. Хорошо известно, что стрелы драконов не берут, и огня они не боятся.

— Если ваше величество позволит...— начал Рипичип, но Каспиан не дал ему договорить.

— Мое величество не позволит тебе вызвать дракона на поединок. Не послушаешься меня, так я прикажу тебя связать. В темноте мы не будем предпринимать никаких действий, ограничимся наблюдением. Нападем на рассвете, все вместе. Я в центре, король Эдмунд на правом фланге, лорд Дриниан на левом. Вот, пожалуй, и вся диспозиция. До восхода осталось часа два. Через час позавтракаем. Перед боем надо подкрепиться, только чтоб без шума.

— А может, он сам улетит, и никакого боя не потребуется? — робко предположила Люси.

— Если улетит, нам только хуже,— откликнулся Эдмунд.— Мы не будем знать, где он, и откуда ждать нападения. Если в комнате оказалась оса, желательно ее видеть.

Оставшаяся часть ночи прошла в напряженном ожидании. Завтракали без аппетита, хотя все понимали, что поесть необходимо. Казалось, будто прежде чем тьма сменилась рассветными сумерками и защебетали ранние птицы, прошла целая вечность. К утру стало еще холоднее, чем ночью. Наконец Каспиан сказал:

— Пора.

Все поднялись, обнажили клинки и выстроились полукругом, разместив в середине Люси с Рипичипом на плече. В этот миг каждый особенно остро чувствовал, как дороги ему все остальные. Спутники рвались в бой, ибо томительная неопределенность была страшнее любой опасности. Светало быстро; подойдя к берегу залива, они ясно различили лежащего на песке дракона — огромного, страшного, похожего то ли на гигантскую ящерицу, то ли на крокодила, то ли на змею с лапами и крыльями.

Дракон тоже заметил их, но, как ни странно, вместо того чтобы взлететь или выдохнуть пламя, попятился к воде.

— Э, да он, никак, головой качает! — изумился Эдмунд.

— А сейчас кивнул,— заметил Каспиан.

— И глаза у него блестят,— промолвил Дриниан.— С чего бы это?

— Как это с чего? — воскликнула Люси. — От слез, конечно! Вы что, не видите — он же плачет!

— Это еще не основание ему доверять, ваше величество, — указал Дриниан. — Крокодилы тоже плачут, но их коварство известно всем.

— Смотрите, он опять головой качает, — сказал Эдмунд. — Словно твердит, что никакой он не коварный. Только взгляните!

— Думаешь, он нас понимает? — спросила Люси. Спросила-то она Эдмунда, но ответил ей дракон — быстрым кивком.

Рипичип спрыгнул с плеча девочки и шагнул вперед.

— Эй, дракон! — крикнул он высоким, пронзительным голосом. — Ты меня понимаешь?

Дракон кивнул.

— А сам говорить умеешь?

Чудовище замотало головой.

— В таком случае нам непросто будет понять, что тебе нужно, — промолвил Рипичип. — Но если ты нам не враг, поклянись не вредить. Подними левую лапу.

Дракон так и сделал, хотя далось ему это с большим трудом. Распухшая, воспалившаяся из-за браслета лапа болела при малейшем движении.

Это не укрылось от сочувственного взора Люси.

— Бедняжка, — сказала она, — у него что-то с лапой. Может, из-за этого он и плачет. А к нам пришел за помощью, точно как Лев к святому Андроклу.

(Тем, кто забыл эту историю, напомню, что Андрокл жил во втором веке нашей эры, был святым пустынником и как-то раз вылечил раненого льва. Впоследствии язычники бросили Андрокла на съедение львам, но среди них, не язычников, конечно, а львов, оказался бывший Андроклов Лев, который и сам не тронул целителя, и товарищам не велел.)

— Будь осторожна, Люси, — предостерег Каспиан. — Драконам ума не занимать. А вдруг это хитрость злодейская?

Но Люси уже бежала к берегу, а за ней, быстро перебирая короткими лапками, едва поспевал Рипичип. Эдмунду, Каспиану и Дриниану не оставалось ничего другого, как последовать за ними.

— Дай мне скорее твою бедную лапку, — промолвила девочка. — Сейчас я ее вылечу.

Дракон, вспомнивший, как снадобье Люси помогло ему, когда он еще был Юстейсом, радостно протянул лапу. Правда, к его сожалению, эликсир из алмазного флакона не помог снять браслет, но боль ослабла мгновенно, да и опухоль начала спадать.

Все толпились вокруг, наблюдая за исцелением, и тут Каспиан воскликнул:

— Взгляните! Взгляните сюда! — Юный король указывал на золотой браслет.

Глава 7
Приключения Юстейса: окончание

— А что тут такого? — спросил Эдмунд.

— Герб, — ответил Каспиан. — Видишь герб?

— Маленький молот, а над ним алмаз словно звезда, — сказал Дриниан. — Где-то я его видел.

— Конечно, видел! — воскликнул Каспиан. — Еще бы тебе не видеть герба лорда Октесиана!

— Ах, негодяй! — закричал Рипичип дракону. — А ну, сознавайся — ты сожрал нарнианского лорда?

Дракон поспешно замотал головой, явно отрицая обвинение.

— А вдруг, — предположила Люси, — это и есть сам лорд Октесиан, только заколдованный?

— Вряд ли, — возразил Эдмунд. — Дракон, скорее всего, настоящий, ведь они любят собирать золото. Но вот Октесиан, судя по всему, не уплыл дальше этого острова.

— Сейчас я все выясню, — сказала Люси и спросила дракона: — Вы случайно не лорд Октесиан?

Тот отрицательно покачал головой.

— Но вы заколдованы? — не унималась девочка. — Вы раньше были человеком?

Последовал энергичный кивок.

И тут кто-то (то ли Люси, то ли Эдмунд; об этом потом долго спорили) задал вопрос:

— Эй, а ты случайно не Юстейс?

Дракон снова кивнул, стукнул хвостом по воде, а из его глаз хлынул такой поток горючих (и горячих) слез, что всем пришлось отскочить в сторону.

Люси всячески старалась утешить его и даже, набравшись смелости, чмокнула в чешуйчатую морду, тогда как остальные вздыхали, качали головами, приговаривали: «Да, вот

уж не повезло» и уверяли, что не бросят друга в беде и так или иначе непременно его расколдуют. Конечно, всем страшно хотелось узнать, как это мальчик вдруг сделался драконом, но говорить Юстейс не мог, а когда попытался написать что-либо на песке, ничего путного из этого не получилось. Во-первых, он никогда не читал ни сказок, ни приключенческих книг и не умел описывать волшебные приключения, а во-вторых, не так-то просто нацарапать хоть что-то вразумительное драконьей лапой. Часть написанного стиралась его же собственным хвостом, часть смывали набегавшие волны, и в результате получилось примерно следующее:

«Я ПЕЩ ДРАК ТОМУ ЧТО МЕРТВ ДОЖДЬ СИЛЬН ХОЧ СНЯТЬ БРАСЛ...»

Уразуметь что-либо из этого было трудно, однако скоро все убедились, что превращение в дракона пошло Юстейсу на пользу — характер у него определенно исправился. Теперь он не увиливал от работы, напротив, старался принести как можно больше пользы, что в его новом качестве удавалось ему совсем неплохо. Облетев гористый остров, где в изобилии водились дикие козы и кабаны, он принес товарищам немало добычи. Охотился Юстейс, можно сказать, милосердно — убивал животных мощным ударом хвоста, так что жертва погибала мгновенно, даже не поняв, что случилось. При этом сам он всегда насыщался в одиночестве. Потому что, будучи драконом, мог есть только сырое мясо и не хотел смущать спутников своими кровавыми пиршествами. Потом, пыхтя и отдуваясь на лету, он принес в лагерь здоровенную, вырванную с корнями сосну, вполне годившуюся на мачту. Холодными, дождливыми вечерами Юстейс укрывал товарищей от непогоды, раскинув крылья; а чтобы согреться, достаточно было прислониться к его горячим бокам. Стоило ему разочек дохнуть, как даже мокрые дрова вспыхивали ярким пламенем. Порой он брал кого-нибудь прокатиться, и люди с драконьей спины видели далеко внизу лесистые зеленые склоны, отвесные утесы, глубокие теснины, а на востоке, там, где море сходилось с голубым небом, темное синее пятно. Возможно, то была земля.

Юстейс с радостью ощущал заботу товарищей и с еще большей радостью заботился о них сам. Пожалуй, лишь это совершенно новое для него чувство и удерживало беднягу от отчаяния. Потому что ему совсем не нравилось быть драко-

ном. Он содрогался от отвращения всякий раз, когда, пролетая над горным озерцом, видел в нем свое отражение. Ему были ненавистны и перепончатые крылья, и когтистые лапы, и зубчатый гребень на спине. Одиночества он боялся, но людей стыдился. В теплые, сухие вечера, когда не требовалось согревать товарищей, Юстейс уползал подальше и сворачивался кольцом где-нибудь между лесом и заливом. Как ни странно, главным его утешителем сделался Рипичип. Благородный предводитель мышей частенько покидал веселый круг у костра, усаживался у самой драконьей морды с наветренной стороны, так, чтобы глаза не слезились от дыма, и заводил разговор насчет превратностей судьбы и поворотов колеса Фортуны. «Будь мы у меня дома,— говорил Рипичип, хотя его дом представлял собой обыкновенную нору, куда дракон не смог бы даже просунуть голову,— я мог бы показать множество книг об императорах, королях, герцогах, рыцарях, прекрасных дамах, поэтах, астрономах, философах и чародеях, которые, оказавшись в самом горестном положении, не пали духом и в конце концов обрели счастье». По правде сказать, утешали подобные речи не так уж сильно, но велись они от чистого сердца — и это Юстейс запомнил навсегда.

Но время шло, и со всей беспощадностью встал вопрос — что делать с драконом, когда корабль будет готов к отплытию? В присутствии Юстейса эту тему старались не затрагивать, но до него все равно то и дело доносились обрывки фраз: «Может, уложим его вдоль одного борта, а припасы, для равновесия, вдоль другого?», или «А не попробовать ли взять его на буксир?», или «Хотелось бы знать, долго ли он может лететь без отдыха?» Но чаще всего звучал вопрос: «Чем же его кормить?» Мысль о том, что на борту корабля он будет тяжкой обузой, врезалась в его сознание, как проклятый браслет в лапу. И избавиться от нее было так же невозможно, как и от золотого браслета, который, несмотря на боль, дракон снова и снова, особенно душными ночами, безнадежно пытался сорвать, пуская в ход зубы.

Однажды, дней этак через шесть после высадки на Драконий остров, Эдмунд проснулся очень рано. Рассвет едва брезжил, и мальчик смутно различал лишь росшие между лагерем и заливом деревья. Неожиданно ему привиделось какое-то движение. Эдмунд приподнялся на локте и присмотрелся. Сомнений не было: у кромки леса маячила темная человеческая

фигура. Сначала ему подумалось что это Каспиан — человек был примерно того же роста, но оказалось, что Каспиан спокойно спит рядом.

Эдмунд поднялся, неслышно подкрался к опушке и оказался рядом с ничего не подозревающим незнакомцем. Вблизи стало видно, что ростом этот человек пониже Каспиана, но заметно выше Люси. Юноша обнажил клинок, но неожиданно услышал:

— Это ты, Эдмунд?

— Я,— Эдмунд даже несколько растерялся.— А ты кто такой?

— Неужто не узнаешь? — промолвил таинственный незнакомец.— Это же я, Юстейс.

— Вот тебе на! — воскликнул Эдмунд.— И вправду ты! Как же тебя?..

— Тсс,— прошептал Юстейс и пошатнулся. Казалось, он вот-вот упадет.

— Тебе плохо? — бросился к нему Эдмунд.

Юстейс молчал так долго, что Эдмунд уже подумал, не лишился ли тот чувств, однако в конце концов до его слуха донесся слабый шепот:

— Это было ужасно... Да ты и представить себе не можешь, как... Но теперь уже все в порядке. Можем мы отойти и поговорить где-нибудь в сторонке? Знаешь, я пока не готов встретиться с остальными.

— Как хочешь,— отозвался Эдмунд.— Давай присядем вон на те валуны. Я очень рад, что ты... э-э-э... снова выглядишь самим собой. Надо думать, тебе пришлось несладко.

Они уселись на камни и некоторое время молча смотрели на залив. Небо светлело, звезды одна за другой таяли, пока над горизонтом не осталась одна-единственная, самая большая и самая яркая.

— Я пока не буду рассказывать, как меня угораздило превратиться в дракона,— сказал наконец Юстейс.— Конечно, ты об этом узнаешь, да и все остальные тоже, но... как-нибудь попозже. А сейчас лучше послушай, как я снова стал человеком.

— Выкладывай,— отозвался Эдмунд.

— Так вот, я все время чувствовал себя по ночам просто гадко, но в последнюю ночь стало совсем худо. Рука разболелась так, что не было никакой мочи...

— А сейчас-то как? — поинтересовался Эдмунд.

Юстейс рассмеялся — никогда прежде Эдмунд не слышал от него такого радостного, счастливого смеха — и легко снял браслет с руки.

— Вот и все. Пусть кто захочет возьмет себе. Так вот, рука просто горела, и я не мог заснуть: все думал, что же со мной будет дальше И тут... вообще-то я до сих пор не уверен, что это мне не приснилось...

— Ты, главное, говори, а там разберемся,— подбодрил Эдмунд.

— Ладно. Ну, поднял я случайно глаза и увидел такое, чего уж никак не ожидал. Льва увидел. Здоровенного льва, который направлялся ко мне. Причем, странное дело, луна в это время скрылась, а он вроде как сам светился. Он подходил все ближе, и я не на шутку струхнул. Ты небось думаешь, с чего бы это дракону бояться льва? Конечно, дракон гораздо сильнее, но я не того боялся, что он меня задерет, а... Трудно сказать, чего, *боялся,* и все тут. Лев остановился рядом со мной, взглянул мне в глаза, и я с перепугу даже зажмурился. Но это не помогло. Лев велел мне встать и идти.

— Он что, умел говорить?

— Хм... даже не знаю, что и ответить. Говорить вроде и не говорил, но я все равно как-то его понимал. И понимал, что надо слушаться. Встал и пошел за ним. Шли мы долго, и все время, пока я следовал за ним, он светился как луна. Наконец мы поднялись на какую-то гору — сколько я здесь ни летал, этой горы не видел — и оказались в саду. В пышном таком саду, с цветами, плодовыми деревьями и всем прочим. А посреди сада был родник.

Вода там булькала, и поднималась она снизу — потому я и понял, что это родник,—но он был гораздо больше обычных ключей, круглый, как колодец, с мраморными ступенями. И такой чистой воды, как в этом роднике, я в жизни не видел. Мне показалось, стоит только туда окунуться, и лапа пройдет, но Лев сказал, что прежде чем купаться, надо раздеться. М-да... Вообще-то он не промолвил ни слова, но до меня как-то дошло...

Я хотел возразить, сказать, что раз не одет, то не могу и раздеться, но тут сообразил: драконы ведь вроде змей, а змеи, это всякий знает, сбрасывают кожу. «Может, он это и имел в виду»,— подумал я, и давай скрестись да царапаться,— только

чешуя во все стороны полетела. А потом запустил когти поглубже, и шкура слезла с меня, как кожура с банана. Спустя минуту я уже сбросил ее. Он валялась рядом — ну и гадость, век бы ее не видеть. Обрадовавшись, я поспешил к воде, но когда заглянул туда и увидел отражение, оказалось, что на мне та же чешуя. «Наверное, у драконов не по одной шкуре», — решил я. Ладно, содрал верхнюю, сдеру и нижнюю.

Сказано — сделано. Скоро эта шкура тоже валялась на земле, а я снова сунулся в воду. Но все повторилось сначала. «Сколько же мне с себя шкур сдирать?» — думал я, срывая когтями третью. Уж больно хотелось поскорее окунуть лапу. Но все оказалось бесполезно — под третьей шкурой обнаружилась четвертая.

— Да, — сказал Лев (или вроде как сказал), — ничего не получается. Дай-ка я сам тебя раздену.

К тому времени отчаяние одолело меня настолько, что забылся и страх перед его когтями. Я лег на спину.

Ну, когда *он* эту шкуру дернул, у меня чуть сердце не выскочило. Больно было так, как, наверное, никогда в жизни, но я знал, что с меня стаскивают проклятущую чешую, и это давало силы терпеть. Вроде как когда отдираешь присохшую болячку — хоть и больно, а все равно приятно. Понимаешь?

— А то нет, — кивнул Эдмунд.

— Ну вот, сорвал он с меня эту пакость, как я сам три раза срывал, только больнее, и бросил на землю. Шкура оказалась еще толще, грязнее и гаже, чем три первые. А я сделался гладким, как очищенный от коры прутик, и очень маленьким. Лев тут же схватил меня лапами — опять пришлось несладко, кожи-то на мне не было никакой — и швырнул в воду. Поначалу она показалась мне кипятком, но только поначалу. Не прошло и мига, как я уже плавал, нырял, плескался и чувствовал себя превосходно. А когда понял, что лапа меня больше не донимает, взглянул на нее и вижу — лапы-то и нет! Вместо нее рука, самая настоящая человечья рука! Ты представить себе не можешь, как я радовался, глядя на свои руки... хотя было бы на что глядеть. Мускулов у меня нет, то ли дело у Каспиана... Потом Лев вытащил меня и одел.

— Что, лапами?

— Не помню. Но как-то одел. Взгляни, на мне же все новое. А потом я сразу оказался здесь. И теперь думаю: может, это был только сон?

— Нет, точно не сон, — сказал Эдмунд.

— А ты почем знаешь?

— Ну, во-первых, на тебе и правда все новое. А во-вторых — да не во-вторых, а главное — ты ведь больше не дракон.

— Но если это не сон, так что же со мной было? — спросил Юстейс.

— Думаю, ты видел Эслана, — отвечал Эдмунд.

— Эслана! — повторил Юстейс. — Знаешь, за время нашего плавания я слышал это имя невесть сколько раз, и оно мне почему-то не нравилось. Впрочем, раньше мне много чего не нравилось. Я был таким, что и вспоминать противно.

— Ничего особенного, — возразил Эдмунд. — Если по-честному, то я, когда попал в Нарнию в первый раз, вел себя ни чуточки не лучше. Даже хуже. Ты был просто ослом, а я еще и предателем.

— Ладно, не надо пока об этом. Расскажи лучше про Эслана, — попросил Юстейс. — Он кто? Ты его знаешь?

— Правильнее сказать — он меня знает, — отозвался Эдмунд. — Эслан — Великий Лев, сын императора Заморья, спасший в свое время и меня, и Нарнию. Мы все его видели, но чаще других он является Люси. Может быть, мы как раз в его страну и плывем.

Оба умолкли. Над горизонтом погасла последняя звезда, и, хотя восходящее солнце заслоняли высившиеся справа горы, мальчики поняли, что пришел рассвет, ибо и небо, и залив окрасились в розовые тона (то есть сделались такого цвета, какого бывают розы). В лесу закричала птица — вроде как попугай, послышался шум, и наконец запел Каспианов рог. Лагерь пришел в движение.

Трудно описать, как все обрадовались, когда Эдмунд вернулся к завтраку с *раздраконившимся* Юстейсом. Тот уже оправился от потрясения, а потому без утайки рассказал спутникам, как его угораздило превратиться в дракона. Многих это заставило задуматься о судьбе Октесиана: был ли несчастный лорд съеден первым драконом или этот дракон и был несчастным заколдованным лордом? Все драгоценности, кроме браслета, исчезли вместе со старой одеждой Юстейса, а идти в драконью пещеру за новыми сокровищами не хотелось никому, а Юстейсу меньше всех.

Спустя несколько дней пахнущий свежей краской корабль с новой мачтой и изрядным запасом снеди был подготовлен к отплытию. Но прежде чем отчалить, Каспиан распорядился высечь на отвесной гладкой стене высившегося над заливом утеса следующие слова:

ДРАКОНИЙ ОСТРОВ.
ОТКРЫТ КАСПИАНОМ X, КОРОЛЕМ НАРНИИ И ПРОЧАЯ, ПРОЧАЯ, ПРОЧАЯ,
НА ЧЕТВЕРТОЕ ЛЕТО ЕГО ДОСТОСЛАВНОГО ПРАВЛЕНИЯ.
КАК МЫ ПОЛАГАЕМ, ЗДЕСЬ ВСТРЕТИЛ СВОЮ ПОГИБЕЛЬ ЛОРД ОКТЕСИАН.

Конечно, сказать, что с этого момента Юстейс сделался совсем другим, значило бы несколько забежать вперед. Скорее, он *начал* становиться другим. Порой ему случалось вернуться к своим прежним замашкам, но не станем корить его, ибо в целом лечение шло успешно.

А вот с браслетом лорда Октесиана история вышла любопытная. Юстейс, который был сыт им по горло, носить браслет не захотел и отдал Каспиану, который в свою очередь предложил украшение Люси. Но и та не проявила к нему интереса. Тогда король подкинул браслет в воздух со словами: «Лови, кто поймает!» В тот миг все стояли как раз под утесом, глядя на надпись. И надо же такому случиться: взлетевший высоко вверх золотой ободок зацепился за крохотный, незаметный снизу каменный выступ и остался висеть на стене, поблескивая на солнце. Возможно, он висит там и по сей день.

Глава 8
Два чудесных избавления

Драконий остров уже порядком всем надоел, и покинули его с радостью. Едва корабль вышел из залива, паруса наполнил свежий попутный ветер, и уже ранним утром следующего дня впереди показался новый остров — тот самый, что был виден с высоты драконьего полета. Он оказался невысоким, покрытым зеленью и населенным лишь дикими козами да кроликами. Однако, судя по развалинам каменных хижин, старым кострищам и обломкам оружия, и здесь не так давно жили люди.

— Их сгубили пираты, — предположил Каспиан.

— Или дракон, — добавил Эдмунд.

Довольно скоро они нашли еще одну примечательную вещицу — лежавшую на песке у самой воды маленькую лодчонку. Сделанная из натянутой на деревянный каркас кожи, она едва достигала в длину четырех футов. Рядом валялось соответствующего размера весло. Все решили, что лодку изготовили в расчете на ребенка или на гнома, и прихватили с собой на борт, поскольку она вполне годилась для Рипичипа. Остров окрестили Паленым и задерживаться на нем не стали — отплыли сразу после полудня.

Следующие пять дней подгоняемый постоянным ветром корабль неуклонно плыл на юго-восток; на пути не встречалось не только островов, но даже морских птиц или рыб. На шестой день с утра до вечера лил дождь. Юстейс продул Рипичипу две партии в шахматы и от огорчения сделался прежним несносным нытиком, и даже Эдмунд высказал сожаление по поводу того, что им не удалось поехать в Америку. И тут, выглянув в кормовое окошко, Люси воскликнула:

— Дождик вроде бы кончился! Но *это* что такое?

Вся компания поднялась на ют. Дождик действительно закончился, а несший вахту капитан Дриниан внимательно присматривался к чему-то впереди, более всего походившему на гряду гладких валунов, расположенных футах в сорока один от другого.

— Это не настоящие камни, — объяснил капитан. — Пять минут назад их не было.

— Гляньте, а сейчас один пропал! — воскликнула Люси.

— А вон новый появился, — указал Эдмунд.

— Причем ближе к нам, — отметил Юстейс.

— Вот тебе на! — сказал Каспиан. — Выходит, эта штуковина движется сюда.

— Да, причем очень быстро, — промолвил Дриниан, — минут через пять она нас догонит.

Все затаили дыхание: мало радости, когда за вами гонится неведомо что даже на суше, а уж паче того на море. Ничего хорошего никто не ждал, но действительность оказалась даже хуже, чем опасались путешественники. Внезапно с левого борта из воды вынырнула страшенная морда, похожая на лошадиную, но зеленая, без ушей, вся в малиновых бородавках, да еще и облепленная устрицами. Глазищи явно предназначались для

того, чтобы видеть глубоко под водой, а в разинутой пасти сверкал двойной ряд острых зубов, смахивавших на акульи клыки.

Раскачиваясь на очень длинной шее, голова поднималась все выше, и тут путники сообразили, что это никакая не шея, а огромное тело, и перед ними как раз тот, кого по глупости мечтают увидеть многие сухопутные простофили — великий морской змей. Изгибы длиннющего хвоста, равномерно появлявшиеся над поверхностью, виднелись далеко позади, а голова уже маячила на высоте мачты.

Все схватились за мечи, но клинком до чудовища было не достать. Старший лучник приказал стрелять, и приказ был выполнен, но стрелы отскакивали от толстой чешуйчатой кожи, не причиняя страшилищу вреда. Все на борту замерли, ожидая мощного удара.

Однако удара не последовало. Морской змей взметнулся выше прежнего — его голова поднялась до уровня марса, зависла над правым бортом и стала опускаться, но не на палубу, а в воду по другую сторону корабля, который, таким образом, оказался под огромной аркой. Правда, арка эта тут же стала уменьшаться — спустя несколько мгновений змеиное туловище уже почти коснулось правого борта.

И тут Юстейс, изо всех сил стремившийся стать достойным товарищем (хотя дождь и проигрыш в шахматы мешали ему преуспеть в этом намерении) совершил, пожалуй, первый в своей жизни отважный поступок. В руке он держал меч, полученный от Каспиана, и, как только змеиное туловище оказалось рядом, вскочил на фальшборт и рубанул с размаха. Змей ничуть не пострадал, а вот Каспианов клинок сломался, однако для столь неопытного бойца важен был не нанесенный врагу урон, а само действие. Все прочие последовали было примеру Юстейса и бросились рубить и колоть чешуйчатое тело, но Рипичип неожиданно закричал:

— Оставьте мечи!

Этот миролюбивый призыв в устах отважного воина, привыкшего улаживать все споры клинком, прозвучал столь необычно, что все обернулись к мышу.

— Надо не рубить, а толкать! — отчаянно крикнул Рипичип, вспрыгнул на фальшборт и подставил покрытую мехом спинку под склизкое чешуйчатое туловище. Поначалу мало кто понял, что это он затеял, но когда спустя мгновение голова

змея вынырнула у левого борта, сообразили даже самые недогадливые.

Чудище охватило корабль петлей и теперь собиралось эту петлю затянуть. Сумей оно это сделать, «Поспешающий» развалился бы в щепки, а змею осталось бы только вылавливать людей из воды одного за другим.

Единственная надежда на спасение заключалась в том, чтобы попытаться оттолкнуть кольцо назад, чтобы оно соскользнуло с кормы, или (что, в сущности, то же самое, если смотреть с другой стороны) вытолкнуть корабль из петли, покуда она не затянулась.

Разумеется, Рипичип с таким же успехом мог попробовать сдвинуть с места собор, но он упорно толкал змея и едва не надорвался, прежде чем остальные отпихнули мыша в сторону.

Вся корабельная команда, кроме Люси и уже вконец обессилевшего Рипичипа, выстроилась двумя рядами в затылок друг другу вдоль обоих бортов. Задние подталкивали в спины передних, в конечном счете усилие передавалось самому первому, тому, кто толкал змеиное туловище. Люди выбивались из сил, но в течение нескольких долгих, показавшихся часами мгновений, ничего не менялось. Трещали от натуги суставы, по лицам струился пот, слышалось тяжелое, хриплое дыхание.

Но потом все почувствовали, что корабль вроде бы двинулся, и увидели, что зловещее кольцо чуть отодвинулось от мачты. Правда, при этом оно стало теснее. Следовало спешить: успех зависел от того, успеют ли они протолкнуть петлю над ютом раньше, чем она затянется слишком туго. Поднажали с удвоенной силой, и дело пошло скорее, но тут все с ужасом вспомнили про высокую резную корму.

— Топор! — крикнул Каспиан, — несите топор! И продолжайте толкать!

За топором побежала Люси, благо она знала, где на корабле хранятся инструменты. Девочка спустилась в трюм и быстро вернулась обратно, но, поднимаясь на палубу, услышала громкий треск. Топор не понадобился. То ли моряки поднажали так сильно, то ли сам змей по дурости стянул петлю слишком туго, но резная надстройка обломилась, чешуйчатое кольцо соскользнуло, и корабль вырвался на свободу.

Моряки слишком вымотались, чтобы обращать внимание на что бы то ни было, но Люси впоследствии рассказывала: змеиная петля продолжала сжиматься в воде, пока не исчезла. И еще она утверждала — правда, это могло ей и привидеться,— что на морде страшилища появилось нечто вроде довольной, глуповатой улыбки. Конечно, улыбался змей или нет — вопрос спорный, но вот его тупость не вызывает ни малейших сомнений. Вместо того чтобы немедленно пуститься вдогонку за ускользнувшей добычей, он лишь щелкал челюстями, явно удивляясь тому, что не видит ни корабельных обломков, ни попадавших в воду людей.

А корабль, целый и невредимый, если не считать утраченной кормовой надстройки, стремительно удалялся. Люди, кряхтя и охая, повалились на палубу, но довольно быстро многие пришли в себя настолько, что даже заулыбались. Особенно оживленные разговоры зазвучали, когда подали рому: все наперебой восхваляли храбрость Юстейса (хоть от этой храбрости и не было никакой пользы) и, конечно же, отвагу и сообразительность Рипичипа.

Следующие три дня не были отмечены никакими событиями: никто не видел ничего, кроме неба и моря. На четвертый день ветер сменился на северный, волнение усилилось, и к полудню поднялся чуть ли не шторм, но как раз тут по левому борту на виду появился остров.

— Будь на то дозволение вашего величества,— сказал Дриниан,— мы могли бы подойти к острову на веслах с подветренной стороны и поискать подходящую бухту. Может, нам удастся переждать там непогоду.

Каспиан не возражал. Моряки сели на весла, но грести пришлось против сильного ветра, так что к берегу удалось приблизиться не скоро. Лишь с последними лучами заката корабль вошел в естественную гавань и бросил якорь. Ночь все провели на борту, а проснувшись, увидели зеленоватую воду залива и суровое, каменистое побережье, взбиравшееся к одинокой вершине, над которой проносились гонимые северным ветром тучи. Спустив шлюпку, моряки сложили в нее все успевшие уже опустеть бочонки для воды и направились к берегу.

— Дриниан, взгляни,— промолвил король, занявший место на корме у руля,— кажется, в эту бухту впадают две речушки. К которой из них двинемся за водой?

— Все равно,— откликнулся капитан.— Но та, что с правого борта, вроде бы чуток ближе. Может, туда?

— Дождь снова начинается,— заметила Люси.

— Точно,— подхватил Эдмунд. По лодке уже молотили крупные капли.— Лучше повернем к западу. Там у берега деревья, какое-никакое, а убежище.

— Верно,— поддержал Юстейс.— Какая необходимость попусту мокнуть?

Но Дриниан, словно не слыша, вел шлюпку прежним курсом. Пришлось вмешаться Каспиану.

— Они правы,— сказал король.— Поворачивай к западу.

— Как прикажете, ваше величество,— буркнул капитан. Он был не в духе из-за непогоды и к тому же очень не любил, когда люди, несведущие в мореходном деле, берутся давать указания. Однако королевский приказ он выполнил и, как оказалось впоследствии, правильно сделал.

Пока набирали воду, дождь стих. Каспиан, Эдмунд, Юстейс, Люси и Рипичип решили взобраться на вершину горы и осмотреть окрестности. Поднимаясь по склону, они продирались сквозь заросли травы и вереска; никаких живых существ, кроме чаек, навстречу не попадалось; наверху они обнаружили, что островок совсем маленький. С горы море казалось громаднее и пустыннее, чем с палубы и даже с верхушки мачты.

— А все-таки это глупость,— тихонько сказал Юстейс, всматриваясь в восточный горизонт.— Плывем сами не знаем куда, не говоря уж о том, зачем,— но ворчал он скорее в силу укоренившейся привычки. Уж во всяком случае прежнего раздражения в его голосе не слышалось.

Между тем северный ветер не унимался, и наверху основательно продувало. Решили спускаться, и тут Люси предложила вернуться другой дорогой, чтобы побывать у того ручья, к которому сперва правил Дриниан. На спуск ушло не более четверти часа. Поток вытекал из маленького, но глубокого озерца, и устремлялся к заливу по тесному руслу, петлявшему между валунами. Внизу царило безветрие, и успевшие притомиться путники присели на один из камней — большой, замшелый, почти скрытый разросшимся вереском. Присели все, но один (если быть точным, так Эдмунд) сразу же вскочил.

— Какие здесь камни острые! — воскликнул он, шаря рукой в кустах и пытаясь понять, обо что укололся.— Ого! Да это вовсе и не камень. Гляньте, рукоять меча! Лежит здесь небось невесть сколько лет, вон ее как ржа поела.

— Работа нарнианская,— заметил, подойдя к Эдмунду, Каспиан.

— Я тоже сижу на чем-то чудном,— сказала Люси.— На чем-то твердом.

Это оказались ржавые остатки кольчуги. Тут уже все повскакивали и принялись шарить в густом вереске. Поиски увенчались успехом — нашли шлем, кинжал и несколько монет, причем не калорменских полумесяцев, а полновесных «львов» нарнианской чеканки, какие во всякий базарный день можно встретить на рынках Бобриной плотины или Беруны.

— Возможно, это все, что осталось от одного из наших лордов,— печально предположил Эдмунд.

— Похоже,— согласился Каспиан,— но от кого именно? Ни на кинжале, ни на чем другом герба нет. Как узнать, кто здесь погиб и почему?

— И как отомстить за его гибель,— добавил Рипичип.

Между тем Эдмунд, единственный из всей компании, кому доводилось читать детективные романы, погрузился в раздумья, а потом неожиданно заявил:

— Здесь что-то не так. Этот лорд пал не в бою.

— С чего ты взял? — удивился Каспиан.

— А с того, что костей нет,— пояснил Эдмунд.— Убийца забрал бы меч, а труп бросил. Здесь же наоборот: меч валяется, а скелет пропал.

— Его мог убить хищный зверь,— предположила Люси.— Убить и сожрать.

— Ага,— хмыкнул Эдмунд,— хищный и страшно умный. Даже кольчугу снял.

— А может, дракон? — высказался Каспиан.

— Вот уж дудки! — отрезал Юстейс.— Дракон бы снимать кольчугу точно не стал. Я знаю!

— Пойдемте лучше отсюда,— молвила Люси, которой захотелось убраться подальше, как только Эдмунд завел речь о костях.

— Будь по-твоему,— согласился Каспиан.— Вещи, думаю, брать не стоит: пусть лежат где лежали.

Обошли вокруг озерца и остановились у самого истока ручья. Там было глубоко, вода чистая, и будь день жарким, им непременно захотелось бы искупаться, а уж напиться — тем более. Даже сейчас Юстейс наклонился, чтобы зачерпнуть воды ладонями, но в этот миг Люси и Рипичип разом воскликнули:

— Смотрите!

Озеро было таким прозрачным, что ясно виднелось усыпанное крупными серовато-голубыми камнями дно. И там, на дне, лежала большая, в полный человеческий рост, статуя — по всей видимости, золотая. Лежала она лицом вниз, с вытянутыми над головой руками. По случайности в этот миг тучи слегка разошлись, выглянувшее солнце осветило статую целиком, и Люси с замиранием сердца подумала, что в жизни еще не видела такой красоты.

— Ну и диво! — восхитился Каспиан.— Вот бы ее достать!

— Позвольте мне нырнуть, ваше величество,— тут же вызвался Рипичип.

— Это ни к чему,— остановил его Эдмунд.— Если статуя и впрямь золотая, в одиночку ее не вытащить. Да и глубоко здесь, пожалуй, футов пятнадцать будет. Впрочем, минуточку. Я очень кстати прихватил с собой охотничье копье. Сейчас измерим глубину. Каспиан, я наклонюсь, а ты подержи за руку, чтобы мне случайно не бултыхнуться.

Придерживаемый Каспианом, Эдмунд сунул копье в воду. Когда оно погрузилось наполовину, Люси заметила:

— Кажется, мы напрасно решили, будто статуя золотая. Просто солнце так светит. Гляньте на копье, оно тоже словно из золота.

— Что случилось? — раздалось в тот же миг сразу несколько голосов, ибо совершенно неожиданно Эдмунд выронил копье.

— Не удержал,— ответил он, удивленно разведя руками.— Какое-то оно тяжелое сделалось.

— Люси права,— сказал Каспиан.— Вон копье, на дне лежит. С виду такое же золотое, как и статуя. Все дело в освещении.

Но Эдмунд, похоже, забыл про копье — он рассматривал собственные башмаки. И вдруг отпрянул и громко крикнул:

— Все назад, живо! Прочь от воды!

Все повиновались, но воззрились на него с недоумением.

— Взгляните на мои башмаки! — воскликнул Эдмунд.

— Пожелтели! — изумился Юстейс. — Что ты с ними сделал?

— Не пожелтели, а *позолотели*, — поправил Эдмунд. — Они тяжеленные, как свинец. И на ощупь металлические — можешь потрогать. Это чистое золото!

— Клянусь Эсланом! — вскричал Каспиан. — Ты хочешь сказать, что?..

— Вот именно, — кивнул Эдмунд. — Вода здесь волшебная, она превращает в золото все, к чему прикоснется. Мое копье потяжелело и вырвалось из рук потому, что стало золотым. На башмаки только плеснуло — и видите, что с ними? Так что статуя на дне...

— ... вовсе не статуя, — тихонько закончила Люси.

— То-то и оно. Теперь понятно, что случилось с этим беднягой. Он оказался у воды в жаркий денек и захотел окунуться. Разделся на том самом камушке, где мы сидели, нырнул и...

— Ой, не надо! — воскликнула Люси. — Мне страшно.

— Мне и самому страшновато, — признался Эдмунд. — Мы были на волосок от смерти.

— Точно сказано, именно на волосок, — подхватил Рипичип. — Всяк мог окунуть в эту воду палец, ногу, ус или, скажем, хвост.

— Сейчас проверим, так ли обстоят дела, — с этими словами Каспиан обломил с куста ветку, осторожно опустился на колено и погрузил ветку в воду, а когда вытащил, все увидели у него в руках ветвь из чистого золота.

— Король, владеющий этим островом, станет богатейшим государем мира, — торжественно изрек Каспиан, раскрасневшись от возбуждения. — Сим провозглашаю, что отныне и во веки веков земля эта будет принадлежать Короне Нарнии и да наречется она Островом Золотой Воды. Также повелеваю хранить существование золотого источника в строжайшей тайне и под страхом смерти запрещаю рассказывать о нем кому бы то ни было, даже Дриниану.

— Кому это ты запрещаешь? — вскинулся Эдмунд. — Забыл, что я не твой подданный? Уж коли на то пошло, скорее наоборот. Я — один из четырех древних государей Нарнии, а ты всего лишь вассал верховного короля, моего брата.

— Вот оно как, король Эдмунд?! — гневно вскричал Каспиан, хватаясь за рукоять. — Пусть меч рассудит, кто из нас прав!

— Сейчас же перестаньте! — топнула ножкой Люси. — Ну почему все мальчишки такие — чуть что, сразу в драку? Ой!.. — Ее «ой» прозвучало так удивленно, что все невольно проследили за взглядом девочки. И остолбенели.

Выше по склону бесшумно ступал по серому вереску огромный Лев. Солнце уже вновь скрылось за облаками, но он ярко светился сам по себе. Никто никогда не видел такого огромного льва. Впоследствии Люси уверяла, что он был ростом со слона или уж, в самом крайнем случае, чуть-чуть поменьше — с ломового битюга. Но не размер зверя напугал компанию — все поняли, что перед ними Эслан.

В то же мгновение Лев исчез, будто его и не было, а спутники растерянно уставились друг на друга.

— О чем это мы с тобой спорили? — спросил Каспиан. — Кажется, я городил какую-то ахинею?

— Ваше величество, — вмешался Рипичип, — на этом озере лежат чары. Прошу вас, давайте поскорее вернемся на корабль. И должен сказать, что, будь мне предоставлена такая честь, я нарек бы это место Островом Мертвой Воды.

— Не совсем понимаю, почему, — отозвался Каспиан, — но твое название кажется вполне подходящим. Так же, как и совет вернуться. Погода улучшилась, думается мне, Дриниану просто не терпится сняться с якоря. Ох, и понарасскажем мы ему!..

Но рассказать удалось не так уж много — выяснилось, что все случившееся за последний час вспоминается с трудом, как-то смутно и путано.

— Их величества вернулись, — говорил Дриниан Ринсу несколько часов спустя, когда Остров Мертвой Воды уже скрылся за горизонтом, — и выглядели они прямо-таки околдованными. На острове с ними приключилось что-то странное. Я только и понял, что они вроде как нашли тело одного из тех семи лордов, которых мы ищем.

— Это не так уж плохо, капитан, — откликнулся Ринс. — Трое найдены, значит, осталось отыскать четверых. Если дело не застопорится, можем вернуться домой вскоре после нового года. Оно бы неплохо, а то у меня табак на исходе. Ну ладно, капитан, спокойной ночи.

Глава 9
Остров голосов

Вскоре ветер, так долго дувший с северо-запада, переменился на западный, и теперь каждое утро на заре резной нос корабля смотрел прямо на восходящее солнце. Некоторые утверждали, что светило здесь крупнее, чем в Нарнии, но многие не соглашались. А пока шли споры, «Поспешающий к восходу» плыл себе и плыл, подгоняемый не слишком сильным, но ровным, не стихающим ветром. Нигде не было видно ни берега, ни другого корабля, ни даже чайки. Запасы таяли, и в сердца снова начала закрадываться тревога: а вдруг морю просто-напросто нет конца? Но в то утро, когда почти отчаявшиеся путники стали поговаривать о возможном возвращении, меж ними и восходом, словно прилегшее на поверхность воды облако, показалась земля.

Днем корабль вошел в широкую бухту, причалил, и путники высадились на остров, сильно отличавшийся от виденных ими прежде. Он казался необитаемым, ибо когда пересекли песчаное побережье, то столкнулись лишь с пустотой и безмолвием. Однако там имелись лужайки с такой гладкой, ухоженной травой, какую можно встретить лишь возле домов английской знати, где за каждым газоном смотрит по десятку садовников. Деревья — их было совсем немало — росли на равном расстоянии одно от другого, на земле не валялось ни сломанных веток, ни даже опавших листьев. И при этом не было слышно никаких звуков, кроме воркования голубей.

Со временем вышли на длинную прямую аллею, обсаженную деревьями и аккуратно посыпанную песком. Она вела к приземистому серому дому, выглядевшему в мягком свете послеполуденного солнца на удивление мирно.

Едва Люси ступила на дорожку, как в туфлю ей попал камешек. Конечно, по-правильному ей нужно было крикнуть остальным, чтобы подождали, но сознайтесь — вы всегда все делаете по правилам? Девочка присела на обочине, чтобы вытряхнуть камушек, но тут, как назло, оказалось, что шнурок у нее завязался тугим узлом. Когда ценой немалых усилий его удалось-таки развязать, спутники уже пропали из вида. И тут девочка услышала странные звуки, причем доносились они вовсе не со стороны дома. То был стук, словно множество ра-

ботников молотили по земле большущими деревянными кувалдами. И этот стук стремительно приближался. Рядом росло дерево, но взобраться на него девочка не могла, и ей не оставалось ничего другого, как прижаться к стволу спиной и ждать, что же будет дальше.

«Бум, бум, бум», — звучало уже совсем рядом. Люси чувствовала, как содрогается земля, но решительно ничего не видела. Сначала ей показалось, что стук раздается сзади, потом — спереди. Песок на дорожке разлетался в стороны, словно под сильными ударами, однако сама дорожка оставалась пустой. Затем футах в двадцати от девочки тяжкий топот стих, и из ниоткуда раздался голос.

Люси перепугалась до полусмерти: рядом никого нет, а разговор слышен. И к тому же не слишком дружелюбный.

— Ну, братцы, теперь мы своего не упустим! — крикнул кто-то невидимый, и дружный хор таких же невидимых голосов подхватил:

— Отлично сказано! Вы только послушайте — не упустим! Ну ты, Главнюк, и молодчина! У тебя что ни слово, то золото.

— Сделаем так, — продолжил первый голос. — Спустимся к берегу и преградим дорогу к лодке. Мы все с оружием. Они захотят уплыть, пойдут к своей лодке, тут-то мы их и сцапаем.

— Сцапаем, как не сцапать! — Голоса просто заходились от восторга. — Вот так план! Всем планам план! Ну и голова у нашего Главнюка!

— Пошевеливайтесь! — приказал первый голос. — Живо к берегу!

— Слышали, что сказано? — загомонили остальные. — Давайте-ка пошевелимся! Да живо, живо!

Странный стук возобновился, но теперь звуки определенно удалялись по направлению к побережью и скоро стихли где-то на приморском песке. Но еще прежде, чем они стихли, Люси со всех ног припустила по аллее, чтобы предупредить друзей об опасности. Гадать, кто такие эти кровожадные невидимки, не было времени.

А ее друзья тем временем добрались до сложенного из мягкого камня невысокого, всего в два этажа, увитого плющом дома со множеством больших окон. Стояла такая тишина, что Юстейс пробормотал:

— Похоже, здесь пусто.

Каспиан молча указал на вившийся над трубой дымок.

Ворота не были заперты. Путники без помех вошли во двор и замерли в изумлении: посреди двора находился насос, под которым стояло ведро. В ведро лилась вода, в чем не было бы ничего особенного, да только рукоять насоса поднималась и опускалась сама собой.

— Волшебство! — воскликнул Каспиан.

— Механизм, — предположил Юстейс. — Кажется, мы добрались-таки до цивилизованной страны.

В это мгновение во двор влетела запыхавшаяся, раскрасневшаяся Люси. Девочка с ходу принялась объяснять, что всем грозит опасность. Объясняла с перепуга довольно сбивчиво, и поняли ее не сразу, но как поняли — не обрадовались.

— Значит, невидимки, — покачал головой Каспиан. — Надумали отрезать нам путь? Да, хорошего мало.

— А какие они, Лу? — поинтересовался Эдмунд. — Люди или еще кто?..

— Почем мне знать, Эд, — отозвалась девочка. — Они же невидимки, и я их *не видела!*

— Ну, шаги-то у них как у людей?

— Вот уж нет. Я вообще никаких шагов не слышала — только голоса и стук, будто по земле чурбанами или кувалдами колошматят.

— Интересно, — промолвил Рипичип, — становятся ли они видимыми, если проткнуть их клинком?

— Похоже, у нас будет возможность это проверить, — откликнулся Каспиан. — Но первым делом давайте уйдем отсюда. Наверняка тот малый у насоса слышит каждое наше слово.

Они вернулись на аллею и под защитой деревьев почувствовали себя увереннее. Правда, Юстейс резонно указал, что прячься не прячься, а все одно не узнаешь, не стоит ли невидимка в двух шагах от тебя.

— Дриниан, — молвил король, обратившись к капитану, — может, бросить лодки и подать сигнал, чтобы корабль подошел к берегу и забрал нас?

— Не выйдет, ваше величество, — покачал головой мореход. — Тут мелко, а у нашего корабля низкая осадка.

— Может, сами доплывем? — спросила Люси.

— Ваши величества, — вмешался Рипичип, — выслушайте меня. Невидимого противника необходимо встретить лицом к лицу, пусть у него никакого лица и нет. Скрыться нам не

удастся: если невидимки затеяли на нас напасть, то непременно нападут. Надо быть готовыми к бою: это единственный способ не дать поймать себя за хвост.

— Похоже, на сей раз Рип совершенно прав, — поддержал Эдмунд.

— Конечно, — подхватила Люси. — К тому же Ринс увидит с корабля, как мы сражаемся, и пошлет нам помощь.

— Как же, — горько усмехнулся Юстейс. — Что он, по-твоему, увидит? Ему покажется, будто мы просто размахиваем мечами — забавляемся или упражняемся.

Все сокрушенно умолкли — правота Юстейса была очевидна.

— Ладно, — прервал молчание Каспиан. — Чему быть, того не миновать. Вперед! Клинки наголо, а ты, Люси, держи наготове лук.

Двинулись к берегу. Вокруг царила такая безмятежная тишина, что, когда показались уткнувшиеся в мягкий песок лодки, кое-кому подумалось, будто невидимки просто померещились девочке. Но в этот миг послышался голос:

— Все, господа хорошие, пришли. Дальше ходу нет. Нам надо кое-что обсудить. И имейте в виду, нас здесь полсотни и все мы с оружием.

— Да, да! — зазвучало со всех сторон. — Верно сказано. Ай да Главнюк, всегда в самую точку!

— Что-то я не вижу вас с вашим оружием, — заметил Рипичип.

— Не видишь, — подтвердил голос. — А спрашивается, почему? Да потому, что мы *невидимки*. Разве невидимку увидишь?

— Вот уел так уел! — восхитились остальные голоса. — Ну, кто бы еще так сказанул? Прямо как по-писаному!

— Погоди, Рип, — шепнул Каспиан и, уже во весь голос, спросил: — Что вам от нас нужно, господа невидимки? Мы с вами вроде не ссорились.

— Нет, не ссорились, — подтвердил Главнюк. — И от вас нам надо лишь одно — чтоб маленькая девочка кое-что для нас сделала.

Хор голосов тут же выразил восхищение правильностью и мудростью сказанного.

— Нашли девочку! — возмутился Рипичип. — Эта юная особа самая настоящая королева!

— Насчет *королевов* мы ничего не знаем, — откликнулся голос.

— Откуда нам знать? Конечно, не знаем! — донеслось со всех сторон.

— Но знаем, что она может нам помочь, — продолжил голос

— А чем? — спросила Люси.

— Если это затронет честь или безопасность ее величества, — предупредил Рипичип, — мы умрем как один, но прихватим с собой и немало ваших.

— Не стоит горячиться, — сказал вожак невидимок, — сейчас я вам все втолкую. История долгая, может, присядем на песочек?

Его подручные, как всегда, разразились одобрительными возгласами, но Каспиан и спутники короля предпочли остаться на ногах.

— Ну, дело было вот как, — начал свой рассказ Главнюк. — Этот остров с незапамятных времен принадлежит весьма могущественному чародею, которому, собственно говоря, мы все и служим или, если выразиться точнее, служили. Да... так вот, если кратко, как раз этот помянутый мною чародей велел нам провернуть одно дельце. Ну, мы, понятно, отказались. Почему? Неохота было делать, вот почему. А он, тоже понятно, осерчал. Не привык, знаете ли, чтоб ему отказывали. Он ведь тут главным был; как скажет, так оно и выходило. Да... О чем это я... А, вот. Осерчал он, пошел к себе наверх — он наверху жил и причиндалы свои колдовские там держал, а мы, стало быть, внизу, — пошел, значит, наверх и давай чародеить. Ну и превратил всех нас в страшенных уродов. Вот вы нас не видите, так этому, я скажу, радоваться надо. Случись вам нас увидеть, вы бы ни за что не поверили, что мы раньше другими были. Нет, ни за что, ни за какие коврижки! Так вот, через это его волшебство мы сделались такими гадкими, что скоро нам друг на дружку и смотреть стало тошно. Вы можете спросить, а что же мы сделали? И я отвечу: мы стали думать, как нам обратно превратиться. И что придумали? А вот что — решили пойти наверх, заглянуть в его волшебную книгу и найти заклинание, снимающее уродство. Так и сделали, хотя, признаюсь, изрядно дрожали от страха. То есть сделали, да не все. В книгу-то заглянули, а вот заклинания нужного не нашли. Может, оттого, что торопились, все боялись, а ну как он проснется. Только и нашли, что заклинание невидимости, да с горя его и прочитали. Если быть точ-

ным, дочурка моя прочитала, писаная, скажу я вам, красавица. Раньше, конечно, была красавица. Дело в том, что заклинание из той книги может прочесть только девица. А почему, спросите вы? Да потому, что ежели попробует кто другой, так ничего не получится. Вот Клипси моя прочитала заклинание так, что лучше и не бывает. Мы тут же сделались невидимками, как вы теперь сами видите. То есть *не видите*. По первости обрадовались: чем на уродство пялиться, так уж лучше ничего не видеть. Ну а потом нам это надоело. К тому же — вот уж чего мы никак не чаяли — чародей (тот самый, о котором я уже рассказывал) тоже стал невидимым. Во всяком случае, никто из нас его с той поры не видал. Мы даже не знаем, помер он или ушел куда, или сидит себе невидимый на верхотуре, или ходит среди нас. Ходит и подслушивает, что ему теперь совсем нетрудно. А почему? Да потому, что он еще и *неслышимый*. Но не из-за волшебства, а оттого, что не носит он башмаков и ступает бесшумно, что твой кот. И я вам, господа, так скажу: больше мы этого выносить не можем. Нервы не выдерживают!

Таков был рассказ предводителя невидимок, разумеется, в самом кратком переложении, ибо я существенно его сократил и полностью опустил реплики невидимого хора. На самом деле после каждой фразы вожака его сподвижники разражались возгласами одобрения. Они *разражались*, а нарнианцы основательно *раздражались*, потому как слушать и без того было сущим мучением. Когда вожак умолк, наступило долгое молчание.

— Не понимаю, а мы-то здесь при чем? — спросила наконец Люси.

— Как? — удивился Главнюк. — Я же все объяснил.

— Вот именно! — дружно загалдели невидимки. — Решительно все. Тут и добавить нечего!

— Мне что, рассказывать по-новой? — поинтересовался вожак.

— Ни в коем случае! — в один голос вскричали Эдмунд и Каспиан.

— Тогда поясню вкратце, только самое необходимое, — согласился вожак. — В двух словах: мы ждали, когда к нашему острову пристанет корабль, с него сойдут люди, и среди них окажется девочка — вот такая, как эта юная особа, — и эта девочка поднимется наверх, заглянет в книгу, найдет правильное заклинание, прочитает его, и мы опять превратимся. То есть станем видимыми. А поэтому поклялись, что, когда такой

корабль придет, и такие люди с девочкой высадятся (которые без девочки, до тех нам дела нет), то мы их не выпустим, пока не добьемся, чего нам надо. Так что если ваша девочка, господа, не согласится нам помочь, наш тягостный, если можно так выразиться, долг обяжет нас перерезать вам всем глотки. И прошу без обид, господа: вы должны понимать, что дело прежде всего.

— Что-то я не вижу вашего оружия, — промолвил Рипичип. — Оно что, тоже невидимое? — Но едва он произнес эти слова, как в ближайшее дерево вонзилось вылетевшее из ниоткуда копье.

— Теперь видишь? — справился Главнюк. — Это копье пущено моей рукой. Пока оружие в наших руках, оно невидимо, но убивает оно наповал.

— Простите, я все-таки не понимаю, — проговорила Люси. — Зачем вам чужая девочка? У вас разве своих нету?

— Есть, как не быть! — загудели в ответ голоса. — Но наши наверх больше не пойдут. Потому как страшно.

— Иными словами, — подытожил Каспиан, — вы хотите, чтобы эта благородная особа отважилась на дело, которое вы боитесь поручить вашим собственным дочерям?

— Верно! — восхитились голоса. — Это ж надо все так точно подметить! Сразу видно ученого человека!

— До какой же наглости надо дойти... — начал было негодующий Эдмунд, но Люси прервала его:

— Туда ночью идти надо или можно и днем?

— Днем, днем, — откликнулся Главнюк. — Зачем ночью, ночью темно. И страшно — брр!

— Ладно, я пойду, — решительно заявила Люси. — И не отговаривайте, — тут же добавила она, обращаясь к друзьям. — Неужто сами не видите: другого выхода у нас нет. От такой оравы нам не отбиться, а наверху, может статься, ничего страшного со мной не случится.

— Но там же чародей! — воскликнул Каспиан.

— А хоть и чародей, — храбро сказала Люси. — Может, мы с ним поладим: не думаю, чтобы он был таким злюкой. По-моему, наши невидимки просто трусоваты.

— Во всяком случае, глуповаты, — хмыкнул Юстейс.

— Но как же так, Лу?! — вскричал Эдмунд. — Разве можно лезть неведомо куда? Спроси хоть Рипа, он тебе скажет...

— Нечего мне говорить,— откликнулась Люси.—Я ведь не только за вас, но и за себя беспокоюсь. Думаешь, мне охота, чтоб меня истыкали невидимыми мечами?

— Ее величество совершенно права,— произнес Рипичип.— Будь у нас надежда спасти королеву ценой наших жизней, никто бы не колебался, но такой надежды нет. К тому же услуга, о которой просят невидимки, нисколько не умаляет ее королевского достоинства. Напротив, ей предоставляется возможность совершить достославный и благородный подвиг. Если сердце подсказывает королеве, что стоит рискнуть, я не смею возражать.

Рипичип мог говорить это не смущаясь, ибо все знали, что страх ему неведом. Мальчики, которым случалось пугаться, покраснели, но поневоле промолчали. Зато невидимки подняли радостный галдеж, а их вожак предложил пройти в дом, поужинать и отдохнуть. Юстейс нашел это предложение подозрительным, но Люси заявила, что невидимки вовсе не кажутся ей коварными, и остальные с ней согласились. Таким образом, сопровождаемые сильным стуком, который на мощеном дворе сделался громче прежнего, путники возвратились к двухэтажному особняку.

Глава 10
Волшебная книга

Надо признать, невидимки приняли гостей по-королевски. Правда, трудно было удержаться от смеха при виде того, как блюда, тарелки и кувшины неведомо откуда прыгают на стол. Ладно бы они просто появлялись, а то ведь действительно прыгали — подлетали вверх футов на пятнадцать и замирали на уровне футов трех от пола. Все бы ничего, но когда подавали супы и соусы, приходилось быть наготове.

— Любопытно, что же за народ эти прыгуны,— шепнул Юстейс Эдмунду.— Не похоже, чтоб они были людьми вроде нас. Небось какие-нибудь лягушки или кузнечики.

— Может быть,— так же тихо откликнулся Эдмунд.— Только помалкивай об этом при Люси. Она не больно-то жалует насекомых.

Ужин мог бы доставить еще больше удовольствия, если бы невидимки не расплескивали жидкости и не таратори-ли без конца, поддакивая один другому. Впрочем, изрекали они в основном то, что никак не могло вызвать возражения,

например: «Я всегда говорил: если кто проголодался, стало быть, ему есть охота», «Что-то темнеть начало, не иначе как к ночи» или «Море вам не суша: оно мокрое, а суша сухая». А кормили сытно и вкусно — и грибной суп, и отварная курятина, и горячий окорок, и крыжовник, и смородина, и сметана, и творог, и молоко, и мед (не в сотах или в горшочке, а в жбанах, то есть медовый напиток). Напиток этот всем очень даже понравился, хотя на следующий день Юстейс жалел, что слишком на него налегал.

Но что там Юстейс! Вот Люси проснулась на следующее утро в таком состоянии, словно ей предстоял экзамен или, хуже того, визит к зубному врачу. А на улице пригревало ласковое солнышко, весело жужжали залетавшие в открытое окошко пчелы, радовала взгляд лужайка, точно такая, как где-нибудь в Англии. Девочка встала, оделась и за завтраком старалась разговаривать со всеми как ни в чем не бывало. Потом, выслушав наставление Главнюка насчет того, что именно следует делать наверху, она попрощалась со своими спутниками, подошла к подножию лестницы и, больше не оглядываясь, стала подниматься. Хорошо еще, что было светло. Солнечные лучи падали в открытое окно на лестничной площадке, а снизу, пока девочка одолевала первый пролет, доносилось мерное, умиротворяющее тиканье старинных часов. Потом Люси повернула налево и на следующем пролете часов уже не слышала. Одолев и этот пролет, девочка увидела длинный, должно быть, тянувшийся через весь этаж коридор. Стены его покрывали резные панели, пол устилали мягкие ковры. Коридор заканчивался окошком, а по обе стороны имелось множество дверей. В полнейшей, ничем не нарушаемой тишине она слышала биение собственного сердца.

Последняя дверь по левую руку, напомнила себе Люси. До чего же неприятно, что ей нужна именно последняя дверь; ведь чтобы добраться до нее, предстояло пройти мимо других дверей, за любой из которых мог таиться чародей — может, он спит, а может, бодрствует, невидимый или мертвый... Однако пугайся не пугайся, а деваться было некуда, и девочка двинулась вперед, бесшумно ступая по толстому ворсистому ковру.

— Пока бояться нечего, — твердила она себе и, пожалуй, не кривила душой. В коридоре было светло и спокойно, разве что слишком тихо. Ей не очень нравились начертанные на дверях красным замысловатые, таинственные письмена: выглядели

они довольно противно и, как думалось, что-то противное и означали. А еще меньше нравились висевшие на стенах маски, не сказать чтобы очень уж жуткие, но все-таки страшноватые. Эти маски так таращились пустыми глазницами, что трудно было отделаться от ощущения, будто они вот-вот начнут строить гримасы у тебя за спиной.

Но по-настоящему Люси струхнула только после шестой двери. Ей почудилось, будто из стены на нее уставилась чья-то бородатая физиономия. Девочка усилием воли заставила себя остановиться, обернуться, присмотреться — и поняла, что глядит в зеркало. Обыкновенное зеркало, размером точно с ее личико, только вместо рамы были какие-то космы. Посмотришь на такое, и получится, будто ты мохнатый и бородатый.

— Я просто увидела себя в зеркале, ничего страшного! — решительно заявила Люси и пошла дальше, хотя собственное бородатое отражение вовсе не привело ее в восторг. (Каково было предназначение Бородатого зеркала, сказать не берусь, поскольку я не чародей.)

Она успела еще подумать, не становится ли коридор каким-то волшебным образом длиннее, и тут очутилась наконец у последней левой двери. Та была открыта, и девочка вступила в просторную комнату с тремя большими окнами, уставленную от пола до потолка книгами. Люси в жизни не видела столько книг сразу, причем книги были самые разные — и тонюсенькие, и толстенные, унылые пыльные тома и огромные фолианты в кожаных переплетах, пахнущие древностью, ученостью и волшебством (бьюсь об заклад, вы ни в одной церкви не найдете такой большущей Библии). Но все эти книги были ей ни к чему, а нужная Волшебная Книга лежала на пюпитре в самой середине комнаты. Поняв, что читать придется стоя (кстати, сидеть в этом помещении было попросту не на чем — нигде ни единого стула) и спиной к двери, Люси хотела закрыть дверь.

Не тут-то было — дверь не затворялась.

Девочке стало не по себе — и, как мне думается, удивляться тут нечему. Впоследствии Люси говорила, что обязательно закрыла бы дверь, будь у нее хоть малейшая возможность. Но такой возможности не возникло, так что пришлось встать спиной к открытой двери, в которую в любое мгновение мог войти кто угодно — например, невидимый чародей.

Люси тревожило еще одно обстоятельство — размер книги. Главнюк не сумел объяснить, на какой странице следует искать заклинание против невидимости. Кажется, он даже удивился такому вопросу и пояснил, что надо открыть книгу в начале и читать, пока не наткнешься на нужное место. По всей видимости, иного способа он себе просто не представлял. «Да этакую книжищу и за неделю не прочтешь!» — подумала девочка (ей и без того уже казалось, что она слишком долго находится в этом жутком месте).

Подойдя к пюпитру, Люси притронулась к переплету, и пальцы ее вздрогнули, словно книга была наэлектризована. Открыть ее девочке удалось не сразу, а лишь когда она сообразила, что надо расстегнуть застежки. После этого книга открылась легко. И оказалась она просто чудесной!

Прежде всего она была не печатной, а рукописной, со страницами, заполненными витиеватыми буквами, прописанными так аккуратно и четко, что читались они даже легче печатных, а выглядели гораздо красивее. Гладкая толстая бумага едва уловимо благоухала, а на полях и вокруг замысловато выведенных цветных заглавных букв, с каких начиналось каждое заклинание, красовались яркие картинки.

Ни заглавия, ни титульного листа не имелось: заклинания начинались с первой страницы, шли одно за другим и были не слишком важными — во всяком случае, в начале. Предлагался магический способ удаления бородавок (набрать в серебряный тазик лунного света и вымыть в нем руки), средства от зубной боли и спазмов и способ вызвать пчелиный рой. Куда интереснее самих заклинаний были картинки: человек с больными зубами выглядел так, что, глядя на него, и самому хотелось схватиться за щеку, а золотые пчелы, рассыпанные по всему четвертому заклинанию, казались живыми — только что не жужжали.

Люси с трудом оторвалась от первой страницы, но когда перевернула ее, оказалось, что следующая не менее интересна. «Мне нельзя отвлекаться!» — твердо сказала себе девочка и двинулась дальше, бегло просматривая один лист за другим. Почти не останавливаясь, она проглядела страниц тридцать и, если бы смогла запомнить написанное там, научилась бы находить клады; вспоминать забытое; забывать то, чего не хочется помнить; узнавать, правду тебе говорят или врут; вызывать (или прекращать) ветер, туман,

дождь, снег или дождь со снегом; навевать волшебные сны и превращать человеческую голову в ослиную (подобное несчастье приключилось с одним из героев пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь»). И чем дальше, тем живее и ярче становились картинки.

Наконец открылась страница с такими чудесными иллюстрациями, что надписей можно было и не заметить. Но одну Люси углядела: «Безупречно надежный способ сделаться красивейшей из смертных». Картинки, относившиеся к этому заклинанию, были совсем малюсенькие — она даже наклонилась, чтобы получше их рассмотреть. Первая изображала девочку, стоявшую перед пюпитром с книгой и одетую в точности как Люси. Рядом та же самая девочка что-то говорила, широко раскрывая рот, а потом — вот тебе на! — она уже стала красивейшей из смертных. С крохотной картинки Люси-раскрасавица смотрела прямо в глаза обыкновенной Люси, а та даже отвела на мгновение взгляд, поразившись увиденному, хотя, конечно же, узнала себя. Картинки становились все больше и все *явственнее*. Вот красавица восседает на высоком троне, и все короли мира сражаются на грандиозном турнире в ее честь. Потом турнир превратился в настоящую войну: короли, герцоги и могущественные лорды проливали реки крови, дабы снискать ее расположение. Нарния и Арченланд, Тельмар и Калормен, Галма и Теребинтия подверглись опустошению. Затем все переменилось — Люси, оставаясь красивейшей из смертных, оказалась дома, в Англии. Как раз в это время вернулась из Америки Сьюзен, которую до сих пор в семье считали самой красивой. Сьюзен на картинке выглядела точь-в-точь как на самом деле, но почему-то в ней не было решительно ничего привлекательного. Теперь она без конца дулась и куксилась от зависти, потому что рядом с Люси никто на нее и не смотрел.

— Ну, уж это заклинание я произнесу,— сказала себе Люси.— Как хотите, а произнесу! — «Как хотите» девочка добавила, сама не зная почему. Вроде бы никто ей ничего не запрещал, но она отчего-то чувствовала, что собирается поступить неправильно.

Но когда она стала искать глазами текст заклинания, тот куда-то запропастился, а на его месте появилась новая картинка. Эслан! Казалось, Лев сейчас спрыгнет со страницы и

зарычит: клыки, во всяком случае, уже оскалил. Люси стало страшно, и она быстро перевернула страницу.

Дальше шло заклинание, позволяющее выяснить, что на самом деле думают о вас друзья. Вообще-то Люси больше привлекало предыдущее, насчет красоты, но она уже поняла, что с ним лучше не связываться, и, чтобы отделаться от соблазна, торопливо прочла вслух это (что за слова она произнесла, можете не спрашивать, все равно не узнаете). Прочла и стала ждать результата.

А поскольку ничего не происходило, Люси принялась дальше рассматривать картинки. И увидела то, чего, по правде сказать, никак не ожидала — поезд, купе третьего класса, а в нем двух девочек-школьниц, Марджори Престон и Энн Фиверстоун, — их она узнала с первого взгляда. В следующее мгновение картинка ожила: за окнами вагона замелькали столбы, девочки стали смеяться и говорить. Мало-помалу, как будто она слушала радио, постепенно увеличивая громкость, Люси стала разбирать слова.

— Что, — спрашивала Энн, — ты и в следующей четверти будешь липнуть к этой Люси Певенси?

— Что значит «липнуть»? — возмутилась Марджори.

— А то и значит, — откликнулась Энн, — что ты всю четверть таскалась за ней, как приклеенная.

— Ничего я не «приклеенная», — поджала губки Марджори. — Не такая я дурочка, чтобы к кому-то там «липнуть». А эта Певенси, она, может, и ничего, но в прошлой четверти я от нее успела устать.

— Зато в новой отдохнешь! — сердито воскликнула Люси. — Ах ты, двуличная изменница! — Тут она осеклась, сообразив, что кричит на картинку, а настоящая Марджори далеко и ничего не слышит.

«Да, — подумала Люси, — я о ней была лучшего мнения. Сколько помогала, перед девчонками за нее заступалась. А она предала меня! Связалась с этой вертихвосткой Фиверстоун! Неужели все подруги такие? Вон тут еще сколько картинок... Нет, не стану я их смотреть! Не стану, и все!» Она заставила себя перевернуть страницу, на которую перед этим капнула злая, горькая слеза.

Заклинание на следующей странице носило заголовок «Для воодушевления и радости». Картинок при нем было немного, но зато одна красивее другой. Вообще-то оно больше походи-

ло на рассказ, чем на заклинание, и занимало целых три страницы. Люси прочитала его не отрываясь, единым духом, и едва закончила, как тут же поняла, что напрочь позабыла прочитанное. Вот странно, читала с интересом, будто сама переживала написанное, а вспомнить ничего не может. «Ладно,— решила девочка,— такой рассказ и перечитать не вредно». Но перечитать не вышло — Волшебная Книга показала свою волшебность, отказавшись перелистываться назад. Правые страницы переворачивались свободно, а те, что, левой стороны,— ни в какую не желали.

— Ну как же так! — чуть не расплакалась Люси.— Ведь читала же. Сейчас вспомню.. Нет, не выходит! Все из головы вылетело. А там было про чашу... и про меч... и про дерево, вроде как на зеленом холме... и ничегошеньки не запомнилось! Что же мне делать?!

Сделать так ничего и не удалось,— рассказ не вспомнился, но впоследствии, если ей особенно нравилось что-нибудь из прочитанного, Люси всегда казалось, будто это место чем-то похоже на забытые страницы из Волшебной Книги.

Следом, неожиданно для себя, девочка открыла страницу, на которой не было вообще никаких картинок, но зато имелась надпись «Заклинание, позволяющее делать невидимое видимым». Сначала, чтобы не сбиться на длинных, заковыристых словах, Люси прочитала заклинание про себя и сразу же повторила вслух. Оно подействовало немедленно: на полях стали появляться картинки. Так бывает, когда поднесешь к свету надпись, сделанную лимонным соком, но там проступают расплывчатые, блеклые буквы, а тут все переливалось багрянцем, золотом и лазурью. Картинки были чудные, со множеством фигурок, и Люси даже чуточку испугалась, поняв, сколько всего невидимого сделала видимым с помощью этих чар. Она вовсе не была уверена, что ей так уж хотелось все это видеть.

Неожиданно позади послышались мягкие шаги. Девочка вздрогнула, вспомнив о чародее, ступавшем неслышно, «как кот». А поскольку она знала, что всегда лучше обернуться, чем позволить кому-то подкрасться к тебе сзади, то именно так и поступила.

И лицо ее просияло, и она (хотя сама, конечно же, о том не догадывалась) стала на миг такой же красавицей, какой была на картинке. С радостным криком Люси устремилась к двери,

потому что в проеме стоял не кто иной, как сам Эслан, владыка всех королей. Самый взаправдашний Эслан — живой, теплый и мохнатый. Она обняла его, поцеловала, уткнулась носом в золотистую гриву и услышала низкий, похожий на подземный гул, звук. Ей даже показалось, что Лев мурлычет.

— О Эслан! — воскликнула Люси.— Как я рада, что ты пришел!

— Я здесь давно,— признался Лев.— Просто сейчас ты сделала меня видимым.

— Эслан,— промолвила Люси чуть ли не с укором,— и не стыдно тебе надо мной смеяться? Как это я могла сделать видимым *тебя*, волшебника из волшебников?

— Так и сделала,— отозвался Эслан.— Думаешь, если я сам установил правила, так мне не надо их соблюдать? — Он помолчал, а потом промолвил: — Кажется, ты тут подслушивала?

— Подслушивала?

— Да. Разговор двух девочек.

— Так ведь я не по-настоящему...

— Подслушивать и подсматривать нехорошо; и не важно, каким образом ты это делаешь. К тому же от подглядывания вреда больше, чем пользы. Ты рассердилась на свою подружку, а она ни в чем не виновата. Она тебя любит, но характер у нее слабый. Хотела угодить девочке постарше, поэтому говорила вовсе не то, что на самом деле думает.

— Боюсь, я все равно не смогу забыть ее слова,— сказала Люси.

— То-то и оно, что не сможешь.

— Ой! — воскликнула девочка.— Что же я натворила! Выходит, когда бы не эта книга, мы могли бы остаться подругами на всю жизнь...

— Дитя,— молвил Эслан,— вспомни мои слова: никому не ведомо то, что *могло* бы быть.

— Помню, Эслан. Прошу прощения. Только вот...

— Что, милая? Я слушаю.

— Этот чудесный рассказ... Я когда-нибудь прочту его снова? А может, ты сам мне его расскажешь? Расскажи, ну пожалуйста.

— Обязательно. Я буду рассказывать его тебе всю жизнь. Но сейчас пойдем. Надо повидать здешнего хозяина.

Глава 11
Осчастливленные недостопы

Выйдя следом за Эсланом в коридор, Люси увидела приближавшегося к ним босого старика в красной хламиде, с бородой до пояса и венком из дубовых листьев на седой голове. Старик опирался на украшенный замысловатой резьбой посох. Завидев Эслана, он низко поклонился со словами:

— Добро пожаловать, государь, в ничтожнейшее из твоих владений.

— Не устал ли ты, Кориакин, управлять теми бестолковыми подданными, которых я тебе доверил?

— Нет,— отвечал старик.— Конечно, порой они раздражают своей непроходимой тупостью, зато не злы и, в сущности, безобидны. Я даже привязался к этим бедолагам. Хотелось бы, чтоб они начали наконец повиноваться мудрости, а не грубым, примитивным чарам, но...

— Всему свое время,— отозвался Эслан.

— Да,— согласился старик (вы, верно, уже догадались — это и был тот самый чародей, о котором Люси столько слышала),— всему свое время. А ты, государь, не хочешь ли предстать перед ними?

— Нет,— ответил Лев и издал тихий рык (Люси подумалось, что Эслан усмехнулся).— Они со страху утратят остатки ума. Множество звезд состарится и обретет покой на островах, прежде чем твой народ будет готов ко встрече со мной. А сегодня до захода солнца мне надо повидаться с гномом Трампкином, сидящим ныне на троне в замке Кэйр-Паравел и ожидающим возвращения своего короля. Я расскажу ему твою историю, Люси. Не грусти, скоро мы увидимся снова.

— Эслан,— проговорила Люси,— скажи, пожалуйста, по-твоему «скоро» — это когда?

— Для меня «скоро» значит когда угодно,— промолвил Лев и исчез, оставив девочку наедине с чародеем.

— Пропал,— сказал тот.— А нас с тобой оставил скучать да печалиться. Ну да с ним всегда так: разве его удержишь? Он ведь не какой-то там *ручной* Лев. Ладно, скажи лучше, понравилась тебе моя книга?

— Некоторые места даже очень,— ответила девочка.— А вы что, все время знали, что я здесь?

— А как же? Я и допустил, чтобы Недоумки сделались Невидимками только потому, что знал заранее: ты их расколдуешь. Правда, мне не было известно, когда именно это случится. Я тебя все время ждал, во все глаза смотрел. И сегодня с утра тоже, хотя, сознаюсь, твой приход я чуть не проспал. С их легкой руки я и сам сделался невидимым, а от этой невидимости больно уж в сон клонит. Видишь, опять зеваю. Ты не голодна?

— Пожалуй, я бы перекусила, — ответила Люси. — Я даже не знаю, сколько времени прошло.

— Пойдем, — пригласил чародей. — Для Эслана любое время наступает скоро, а в моем доме обеденный час подходит, как только появляется проголодавшийся гость.

Он провел Люси по коридору, открыл одну из дверей, и они оказались в уютной столовой, убранной цветами и залитой солнечным светом. Стол не накрыт, но то, само собой, был волшебный стол: едва хозяин произнес какое-то (наверняка волшебное) слово, как на нем появились скатерть, столовое серебро и еда.

— Надеюсь, мое угощение тебе понравится, — сказал старик. — Тут все, к чему ты привыкла дома и чего тебе не доставало в путешествии.

— Вот здорово! — вскричала Люси при виде горячего омлета, баранины с горошком, клубничного мороженого, лимонного сока и чашки сладкого шоколада. Сам чародей ел только хлеб, а пил одно лишь вино. В нем не было ничего страшного, и очень скоро (не по Эслановым, а по обычным меркам) они с Люси вовсю болтали, словно старые добрые друзья.

— А когда начнет действовать заклинание? — полюбопытствовала девочка. — Когда невидимки станут видимыми?

— Да они уже видимы, только сейчас спят. Поспать среди дня — их любимое занятие.

— Неужели вы так и оставите их уродами? Не сделаете такими, какими они были раньше?

— Сложный вопрос, — почесал в затылке чародей. — Видишь ли, на самом деле только *им самим* кажется, будто они были писаными красавцами, а я их обезобразил. У меня на сей счет совсем другое мнение. Думаю, многие сочли бы, что заколдованные они выглядят гораздо лучше.

— Они что, много о себе воображают?

— Еще как! Во всяком случае, их Главнюк — воображала первостатейный, а другие за ним тянутся. Они ведь верят каждому его слову

— Это я заметила,— кивнула Люси.

— Пожалуй, без него иметь с ними дело было бы полегче. Конечно, мне ничего не стоит превратить его во что-нибудь или наложить чары, чтобы никто его не слушал, но как-то не хочется. Пусть лучше восхищаются им, чем вообще никем.

— А вами? Разве они вами не восхищаются?

— Вот уж нет. Только не *мной*,— чародей усмехнулся.

— За что же вы сделали их гадкими... то есть такими, что они стали казаться себе гадкими?

— За упрямство и непослушание. Их главное занятие — ухаживать за садом и выращивать еду, причем не для меня, как им думается, а для себя. Но если их не заставить, они или пальцем о палец не ударят, или такое учудят, что только диву даешься. Например: сад надо поливать, а неподалеку отсюда, на холме, бьет родник. Из него бежит ручей, который протекает прямо по саду. Но сколько я им ни вдалбливал, что лучше брать воду из ручья, чем таскаться по сто раз на дню на холм с ведрами, из которых половина воды по пути выплескивается,— все без толку. И слушать не хотели!

— Неужто они такие глупые?

— Глупее некуда,— вздохнул чародей.— Знала бы ты, как я от них натерпелся! Пару месяцев назад втемяшилось им, что посуду лучше мыть перед едой — мол, времени меньше тратится. А еще был случай — наладились сажать вареную картошку, чтобы потом не варить. Как-то раз в сыроварню забрался кот, так никому из них и в голову не пришло его выгнать — вместо этого вынесли оттуда бидонами все молоко. Но ты, я вижу, поела. Пойдем, взглянешь на Недоумков. Найдется на что посмотреть, уж поверь.

Перешли в соседнюю комнату, заставленную хитроумными приборами и инструментами — астроблямбиями, планетариями, хроноскопами, стихометрами, хореямбусами и теодолитрами. Чародей подвел девочку к окошку.

— Вот они, Недоумки,— показал он.

— Я никого не вижу,— удивилась Люси.— Только какие-то грибы чудные.

Лужайка под окном и впрямь казалась поросшей грибами, необычно большими, с ножками фута в три высотой и странной формы шляпками — не круглыми, а вытянутыми и расширяющимися с одного края. Присмотревшись, Люси заметила, что шляпки соединяются с ножками не посередине, а сбоку. На траве, у основания каждой ножки, лежал какой-то тючок. Чем дольше девочка смотрела, тем больше сомневалась, что это действительно грибы. Торчало их на виду штук пятьдесят.

Часы пробили три раза, и в тот же миг все «грибы» до единого перевернулись вверх тормашками. Тючки оказались туловищами и головами, а ножки — настоящими ногами. На каждое туловище приходилось лишь по одной ноге; росла она прямо посередине и заканчивалась большущей ступней в длинном и широком башмаке с загнутым мыском, который походил на маленькую лодчонку. Люси сразу сообразила, почему поначалу приняла отдыхающих Недоумков за грибы: они спали на спинах, подняв ногу кверху. Позднее она узнала, что они всегда спят в таком положении: ступня укрывает их и от дождя, и от солнца, и лежать под ней не хуже, чем под навесом.

— Ой, какие забавные! — покатилась со смеху Люси.— Это вы их такими сделали?

— Да,— кивнул с улыбкой чародей.— Превратил Недоумков в Одностопов. Правда, ума у них не прибавилось. Ты только посмотри!

Посмотреть и правду стоило. Одностопы, понятное дело, не могли ходить или бегать, как, скажем мы с вами, а потому прыгали на манер кузнечиков или лягушек. А при каждом приземлении стукались ступней о землю — этот звук и слышала вчера Люси.

Сейчас, на радостях, они распрыгались пуще прежнего и весело кричали друг другу:

— Ура, братцы! Ай да мы! Нас опять видно!

— Да, виднее некуда,— важно подтвердил Одностоп в красном колпаке с кисточками, и Люси признала по голосу Главнюка.— И вот что я скажу: кого видно, тот никакой не невидимка.

— Ух ты! — восхитились прочие Одностопы.— Вот это сказал! Никто б так не сумел! Да, ума у тебя палата!

— Девчонка-то,— продолжил вожак,— выходит, облапошила старикана. Обвела вокруг пальца!

— Вот именно! — галдели Одностопы, прыгая один выше другого.— Прямо вокруг пальца! Ты, Главнюк, на глазах умпеешь!

— Послушайте, как они только не боятся такое про вас кричать? — удивилась Люси.— Я же помню, еще вчера вы для них были страшнее всего на свете. Неужели им непонятно, что вы можете их услышать?

— Да уж такие они, эти Недоумки,— махнул рукой чародей.— То трясутся от страха и думают, будто я только и делаю, что за ними подглядываю да подслушиваю, а то вдруг вообразят, будто меня можно провести, точно младенца. Что тут поделаешь?

— А обязательно возвращать им настоящее обличье? — спросила девочка — По-моему, они и так чувствуют себя неплохо. Вон как развеселились! Раньше они кем были?

— Обыкновенными гномами,— ответил чародей,— только не такими толковыми и умелыми, как нарнианские.

— Жаль будет расколдовывать их обратно,— вздохнула Люси,— они препотешные и ни капельки не уродливые. Как думаете, если я им это скажу, они согласятся остаться Одностопами?

— Может, и согласятся. Хотя убеждать их — дело трудное.

— Пойдемте, попробуем вместе.

— Ну уж нет, я только все испорчу. Лучше без меня.

— Большое спасибо за угощение,— сказала тогда Люси и быстрехонько сбежала вниз по той самой лестнице, на которую утром ступила с такой тревогой. Внизу она чуть не налетела на Эдмунда, да и остальные поджидали ее с нетерпением. Ей стало неловко: они ведь волновались, а она совсем о них позабыла.

— Все в порядке! — весело выкрикнула Люси.— Чародей такой милый! А еще я видела *его*, Эслана! — Выпалив все это единым духом, она промчалась мимо оторопевших друзей и как ветер вылетела в сад, где земля сотрясалась от прыжков, а воздух звенел от радостных возгласов, которые стали еще громче, едва Одностопы увидели свою избавительницу.

— Вот она! Вот она! Вот так девочка — всем девочкам девочка! Обвела старикана вокруг пальца!

— Мы весьма сожалеем,— с важным видом проговорил Главнюк,— что не можем показаться тебе в своем настоящем

виде. Ты просто глазам своим не поверила бы — такими мы все были красавцами. Не то что сейчас — уроды уродами.

— Вот именно! — весело подхватили Одностопы, подскакивая, как мячики. — Именно уроды! Уроды, уроды! Уродские уроды!

— А вот и неправда! — крикнула Люси (пришлось кричать, иначе ее просто не услышали бы). — Никакие вы не уроды. Очень даже симпатичные. Очаровательные.

— Точно! Вы только послушайте! — заголосили Одностопы. — Вот мы, оказывается, какие! Симпатичные! Очаровательные! А почему? Потому что на нас чары. Мы самые очарованные, очарованнее не бывает! Вот так девочка, до чего умна!

Из всех Одностопов только Главнюк заметил, что минуту назад они говорили совсем другое.

— Она хочет сказать, что мы были очаровательные, пока на нас не наслали чары, — попытался объяснить он.

— Правильно! — тут же согласились остальные. — Прав, как всегда. В чарах все дело, вот в чем. Она так и сказала — мы все слышали.

— Ничего подобного! — возмутилась Люси. — Я сказала, что вы *сейчас* очаровательные.

— А я что говорю, — подхватил Главнюк, — так и говорю: *были* очаровательные.

— Нет, вы их только послушайте! — восторгались Одностопы. — Как они правы! И он, и она! Вот молодцы, так молодцы!

— Да ведь мы говорим совершенно противоположные вещи! — воскликнула Люси, топнув ножкой от нетерпения.

— Противоположные! — Хор прыгунов зашелся от восхищения. — Противоположней не бывает. Другой бы кто захотел, так ведь не выйдет!

— Да с вами с ума сойти можно! — вскричала в сердцах Люси, но, поразмыслив, пришла к выводу, что разговор был не так уж плох. Одностопы выглядели довольными, и настаивать на возвращении к прежнему обличью, кажется, не собирались.

А ближе к вечеру произошло событие, открывшее им еще одну привлекательную сторону их нынешнего положения. Одностопы решили проводить к берегу Каспиана с друзьями и по дороге подняли такой шум, что Юстейс провор-

чал: «Лучше бы чародей сделал их неслышными». Он тут же пожалел об опрометчивых словах, потому как ему пришлось втолковывать, что «неслышный» — тот, кого не слышно, а не тот, который ничего не слышит. Втолковывал он долго, но без малейшего успеха. Под конец, к немалому его огорчению, Одностопы и вовсе перестали слушать, заявив: «Нет, объясняла из него никудышный. Куда ему до нашего Главнюка! Вот бы у кого поучился. Уж тот объяснит, так объяснит».

Когда добрались до воды, Рипичипа осенила блестящая идея. Он спустил на воду свою кожаную лодчонку, проплыл несколько раз туда-сюда, а когда Одностопов разобрало любопытство, встал в лодке во весь рост и обратился к ним со следующей речью:

— Достойные и высокомудрые господа Одностопы! Вам нет нужды ни в каких лодках, ибо их прекрасно заменят ваши ноги. Попробуйте и сами в этом убедитесь. Только не брызгайтесь, пожалуйста.

Главнюк немедленно сообщил всем, что вода бывает очень мокрая, но пока он говорил, двое Одностопов помоложе набрались храбрости и соскочили с берега. За ними последовали другие, благо дело с самого начала заладилось. Здоровущая ступня держала на поверхности не хуже любой лодки, а когда Рипичип вдобавок научил Одностопов вырезать из дерева простенькие весла и грести, они всей оравой принялись носиться вокруг «Поспешающего к восходу», словно целая лодочная флотилия, причем посреди каждой лодки возвышался довольно упитанный гном. В довершение всего устроили гонки, а хохотавшие до колик матросы спускали им с борта призы — бутылки вина.

Недоумкам очень даже понравилось новое прозвание — Одностопы, вот только запомнить его им так и не удалось. Они называли себя и одноумками, и недооднами, и стопоумками, но чаще всего недостопами. В конце концов, следует признать, что это прозвище достаточно меткое. Во всяком случае, прижилось; кажется, они зовут себя так и по сию пору.

Вечером чародей пригласил всех нарнианцев на ужин, и Люси подивилась про себя тому, что теперь, когда она ничего не боялась, верхний этаж виделся ей совсем иначе. Письмена на дверях остались загадочными, но уже не казались зловещими, а Бородатое зеркало скорее смешило, чем пугало. За ужином

каждого угостили его любимыми лакомствами, а когда все насытились, чародей свершил чудо, маленькое, но очень красивое и полезное.

Положив на стол два чистых листа пергамента, он попросил Дриниана поведать о плавании. Капитан повел рассказ, и все, о чем он говорил, в записанном виде запечатлевалось на пергаменте тонкими, отчетливыми линиями. В итоге каждый лист превратился в замечательную карту Восточного океана, где были изображены и Галма, и Теребинтия, и Семь островов, и Одинокие острова, и Драконий остров, и Паленый, и Остров Мертвой Воды, и даже Остров Недостопов. То были первые карты океана; хотя впоследствии появились и другие, эти, начерченные в доме чародея, оставались самыми лучшими. Ибо, пусть на первый взгляд и горы, и города выглядели как на обычных картах, их отличала одна волшебная особенность. Стоило посмотреть на любую карту через увеличительное стекло, как линии и кружочки превращались в отчетливые картинки — например, в замок, невольничий рынок и улочки Тесной Гавани. Все как настоящее, только крохотное, будто смотришь в подзорную трубу не с той стороны.

Одна незадача: во многих местах береговая линия оказалась не сплошной, а с пропусками, потому что на пергаменте отображалось лишь то, что Дриниан видел собственными глазами. Одну карту чародей оставил у себя, а другую подарил Каспиану. Она и по сей день висит в Палате Приборов замка Кэйр-Паравел.

К сожалению, даже чародей не знал ничего определенного насчет морей и земель, лежавших восточнее острова Недостопов. Зато он поведал, что семь лет назад к острову приставал нарнианский корабль, на котором плыли лорды Ревелиан, Аргоз, Мавроморн и Руп. Из этих слов всем стало ясно, что на дне Мертвого озера они видели превратившегося в золотую статую лорда Рестиамара.

На следующий день чародей своими заклинаниями вернул на место отломанную морским змеем корму и на прощание подарил мореплавателям множество полезных штучек. Расстались добрыми друзьями: когда в два часа пополудни корабль снялся с якоря, целая флотилия Недостопов провожала его до выхода из залива, и еще долго вслед паруснику неслись прощальные возгласы.

Глава 12
Темный остров

После этого приключения корабль целых двенадцать дней шел на юго-восток (уклоняясь скорее к югу, чем к востоку). Ветер был не сильным, но устойчивым, небо чистое, погода стояла теплая, но ни птиц, ни рыб путешественникам не попадалось. Только раз по правому борту показались киты, пускавшие фонтаны. Люси с Рипичипом целыми днями играли в шахматы. На тринадцатый день взобравшийся на марс Эдмунд углядел слева вздымавшуюся над водой темную гору.

Курс сменили, но, поскольку ветер оставался прежним, идти к острову пришлось на веслах. Гребли день и ночь напролет. Следующий день выдался погожим, но настал полный штиль. Темная громада вроде бы приближалась, но разглядеть ее по-прежнему было трудно. Мнения моряков разделились: одни считали, что до острова еще далеко, а другие — что он попросту окутан туманом.

Однако часам к девяти громада неожиданно оказалась совсем рядом, и люди увидели, что это не гора и даже не туман в обычном смысле этого слова. То была тьма. Описать ее нелегко; постарайтесь представить, будто вы стоите у начала железнодорожного тоннеля, такого длинного и извилистого, что конца его не видать. Поначалу, в нескольких футах от въезда, ясно различаются рельсы и шпалы, а дальше все сливается, теряется в сумраке и вовсе пропадает в черноте. Пропадает вроде бы неожиданно, но разграничительной линии — дескать, до этого места сумрак, а дальше уже полнейший мрак,— провести невозможно. Примерно так обстояло дело и здесь. В нескольких футах перед кораблем вода сохраняла естественный, зеленовато-синий цвет, потом бледнела, становилась сероватой, как бывает поздними вечерами, а затем пропадала в окружающей тьме, в которой словно царила беззвездная и безлунная ночь. Каспиан приказал остановить корабль, и все, кроме гребцов, поспешили на нос — взглянуть, что там, впереди. Только смотреть оказалось не на что. Море и солнце остались за кормой, а прямо по курсу была сплошная тьма.

— Ну что, поплывем туда? — спросил через некоторое время Каспиан.

— Я бы не советовал,— тут же откликнулся Дриниан.

— Правильно,— поддержали капитана матросы.

— Мне тоже кажется, что правильно,— согласился Эдмунд.

Люси с Юстейсом промолчали, однако втайне и они радовались общему нежеланию рисковать. Но тут тишину нарушил высокий голос Рипичипа.

— А в чем дело? — спросил мыш.— Может мне кто-нибудь вразумительно объяснить, почему нам не следует плыть дальше?

Никто, по-видимому, не мог. Во всяком случае, не пытался. Выдержав паузу, Рипичип продолжил:

— Случись мне услышать возражения против дальнейшего плавания от рабов или от простых землепашцев, я бы приписал это их трусости. Но, смею надеяться, в Нарнии никогда не услышат о том, что пребывающие в полном расцвете сил особы благородного происхождения (и даже королевской крови), поджали хвосты из постыдного, детского страха перед темнотой.

— Да какой прок лезть в эту темень? — не выдержал Дриниан.

— Прок? — повторил Рипичип.— Вы сказали «прок», капитан? Ну что ж, если под «проком» вы понимаете возможность набить брюхо или кошелек, то я с готовностью признаю — прока решительно никакого. Но мне хочется верить, что мы отправились в плавание не ради презренного «прока», а в поисках славы и приключений. И вот сейчас нас ждет неслыханное приключение, а повернув назад, мы нанесем урон своей чести.

Некоторые матросы пробормотали себе под нос нечто похожее на «да пропади она пропадом!», но Каспиан сказал:

— До чего ж ты все-таки неугомонный, Рипичип. Я иногда даже думаю, что лучше бы ты дома сидел. Конечно, честь обязывает... Ладно, будь по-твоему, если только Люси не против.

Люси, по правде сказать, была *очень даже* против, но не могла же она сознаться в желании нанести урон своей — и Рипичиповой — чести.

— Нет, что ты, совсем не против,— отозвалась девочка.

— Надеюсь, ваше величество, по крайней мере, позволит зажечь огни? — спросил Дриниан.

— Непременно зажгите, капитан,— ответил Каспиан.

По приказу Дриниана зажгли три фонаря — на носу, на корме и на мачте, а вдобавок еще и два факела на палубе. При свете солнца все эти огни казались тусклыми и слабыми. Мужчины, не занятые на веслах, выстроились на палубе с обнаженными клинками, Люси и еще двое стрелков заняли места на марсе, готовые пустить в ход луки, а Ринельф встал на носу с лотом в руках, чтобы промерять глубину. Рядом с ним находились Рипичип, Юстейс, Эдмунд и Каспиан (облаченный в сверкающую кольчугу. Дриниан правил).

— Во имя Эслана! — произнес Каспиан.— Самый малый вперед! Полная тишина — всем слушать мои команды.

Плеснули весла, и «Поспешающий к восходу» медленно двинулся во мрак. Люси удалось уловить мгновение, когда корабль вошел во тьму: по корме еще скользили последние солнечные лучи, а носа уже не было видно. Потом из вида пропало все — и корма, и солнце, и море. О том, где кончается корабль, можно было судить лишь по тусклому, расплывчатому пятнышку света от фонаря, перед которым смутно угадывалась темная фигура приникшего к штурвалу Дриниана. На палубе поблескивали ловившие отсветы факелов мечи и доспехи. Еще одно светлое пятно виднелось впереди, на носу. Третий фонарь был укреплен на мачте прямо над марсом, где находилась Люси, и сейчас ей казалось, что эта едва освещенная площадка плывет в океане мрака сама собой. Огни корабля, как всегда случается с огнями, зажженными в неурочное время, были мертвенно-бледными. А еще девочка почувствовала, что замерзает.

Никто не взялся бы сказать, как долго плыли они сквозь черноту — о том, что корабль вообще двигается, можно было догадаться лишь по скрипу уключин да плеску воды под веслами. Эдмунд выглянул за борт, но, как ни напрягал зрение, не смог высмотреть ничего, кроме отражения фонаря, да и то было каким-то мутным, а рябь на воде — мелкой и *безжизненной*. К тому времени уже все на корабле, кроме гребцов, дрожали от холода.

И тут откуда-то — никто не взялся бы сказать, откуда именно, — раздался истошный, нечеловеческий крик. То ли кричал не человек, то ли его голос сделался таким от непереносимого ужаса.

Каспиан попытался было заговорить, но у него пересохло в горле. И тут все услышали голосок Рипичипа, в полной тишине звучавший особенно отчетливо и звонко:

— Кто ты? Если враг, то ведай — мы тебя не боимся; а если друг, мы научим бояться нас твоих врагов.

— Спасите! — взывал голос, уже ставший похожим на человеческий. — Спасите! Даже если вы мне приснились, возьмите меня на борт! Или убейте, но только не исчезайте! Не бросайте меня в этом жутком месте!

— Где вы? — закричал Каспиан, успевший прокашляться. — Мы вас не бросим. Плывите сюда!

Снова послышался вопль — не понять, то ли радости, то ли ужаса, — а следом раздался плеск. Кто-то плыл к кораблю.

— Примите его с правого борта, — приказал Каспиан.

— Будет исполнено, ваше величество, — матросы встали у борта с веревками наготове, а один свесился вниз, с факелом в руке. Дрожащее пламя выхватило из темноты бледное лицо, и вскоре подхваченный дюжиной крепких рук незнакомец оказался на палубе.

При виде его Эдмунд подумал, что отроду не встречал человека, который выглядел бы настолько дико. Он вовсе не был стар, но седые волосы свисали грязными, путаными космами, черты изможденного лица искажал ужас, а одежда давно превратилась в лохмотья. В первую очередь поражали глаза, распахнутые так широко, что казалось, будто они лишены век. В их глубине не было ничего кроме беспредельного страха. Едва ноги спасенного коснулись палубы, он закричал:

— Бегите! Поворачивайте и гребите что есть мочи, пока не уберетесь подальше от этого гнусного места! Не мешкайте!

— Успокойся, — промолвил Рипичип, — и объясни, что нам угрожает. Мы не из тех, кто избегает опасности и тем более спасается от них бегством.

— Бегите! — твердил свое незнакомец. — На этом острове сны становятся явью.

— Сюда-то мне и надо! — воскликнул один из матросов. — Как причалим, тут же женюсь на Нэнси.

— А я увижу Тома живым, — подхватил другой.

— Дуралеи! — вскричал незнакомец. — Я и сам был таким же, сам угодил сюда из-за таких вот идиотских мечтаний. А лучше бы мне пойти на дно или вообще на свет не родиться! Вы что, не поняли? Здесь сбываются сны! Не мечты, а сны!

На мгновение воцарилась тишина, а потом большая часть команды устремилась к главному люку, на помощь гребцам.

Дриниан налег на штурвал, боцман выкрикивал команды. За краткий миг каждый успел припомнить некоторые из своих сновидений и ужаснулся при мысли о том, что *такое* может воплотиться в жизнь.

Один лишь Рипичип не шелохнулся.

— Прошу прощения у вашего величества, — молвил он, — но как вы можете мириться со столь постыдным малодушием? Это ведь не что иное, как бегство, причем бегство паническое.

— Налегай! — командовал между тем Каспиан. — Налегай! Можешь думать о нас что хочешь, — сказал он Рипичипу, — но на свете встречается такое, чему человек не в силах противостоять лицом к лицу.

— В таком случае, — сухо отозвался Рипичип и слегка поклонился, — я рад, что не родился человеком.

Люси тоже услышала слова незнакомца, и один кошмарный сон, который ей очень хотелось забыть, тут же вспомнился так отчетливо, словно только что приснился. Спуститься бы на палубу, к брату и Каспиану... Но девочка понимала, что ребята не в силах ей помочь. Хуже того, если сны здесь и вправду воплощаются в явь, то лучше не думать, в какое чудовище может превратиться любой из ее друзей. Она вцепилась в поручни марса и попыталась успокоиться. В конце концов, они же повернули и гребут назад. Скоро все будет в порядке. А «скоро» — это сколько?

Несмотря на плеск воды под быстрыми, ритмичными ударами весел, корабль обволакивала глубочайшая, зловещая тишина. Каждый на борту понимал, что лучше не прислушиваться, иначе в этой тишине начинали чудиться всякие жуткие звуки. Понимал-то каждый, но никто не мог ничего с собой поделать. Очень скоро прислушивались все, и всяк слышали что-то свое.

— Вот так звук, — сказал Юстейс Ринсльфу. Вроде как ножницы здоровущие... так и лязгают...

— Тсс! — шикнул в ответ Ринельф. — Я слышу! *Они* лезут, взбираются на борт!

— *Оно* карабкается на мачту, — проговорил Каспиан.

— Ну вот, — тяжело вздохнул один из матросов, — уже и в гонг ударили. Я знал, с этого все и начнется.

Стараясь ни на кого не смотреть, а главное, не оглядываться, Каспиан направился к корме.

— Дриниан,— тихо обратился он к капитану,— сколько времени мы шли на веслах во тьме? Я имею в виду, до того места, где подобрали этого беднягу?

— Минут пять или около того,— шепнул ответ Дриниан.— А в чем дело?

— Да в том, что назад мы гребем уже гораздо дольше.

Руки Дриниана задрожали, на лбу выступил холодный пот. К несчастью, среди матросов тоже нашлись те, кто умел считать. Послышались возбужденные голоса:

— Нам отсюда не выбраться! Гребем, гребем, а не движемся! То ли правим не туда, то ли кругами плаваем. Ну и влипли!

— Не выбраться! — громко подхватил незнакомец.— Ну конечно, конечно, не выбраться! — Он разразился диким, безумным смехом.— Какой же я глупец! Как я мог поверить, что меня отпустят? Нет, мы останемся здесь навеки!

В отчаянии Люси свесилась с площадки и взмолилась в темноту:

— Эслан, миленький, если ты нас любишь, выручи! Ну пожалуйста!

Ничего не произошло, но девочке почудилось что темнота перестала сгущаться, и она почувствовала себя чуточку увереннее. «В конце концов,— подумалось ей,— ничего по-настоящему страшного с нами пока еще не случилось».

— Смотрите! — хрипло выкрикнул стоявший на носу Ринельф. Впереди показалось крохотное пятнышко света; к тому времени, когда уже все заметили это пятнышко, на корабль упал яркий луч. Тьма вокруг не развеялась, но само судно словно высветил прожектор. Каспиан зажмурился, потом открыл глаза, оглянулся и увидел странные, искаженные лица своих спутников. Все смотрели в одну и ту же сторону, каждый отбрасывал черную, резко очерченную тень.

Люси пристально вглядывалась в источник света и постепенно начала различать какие-то очертания. Сперва ей показалось, что она видит самолет, потом — воздушного змея, но постепенно стало ясно — это альбатрос. Он сделал три плавных круга над мачтой, присел на миг на вызолоченный драконий загривок, прокричал что-то вроде бы и членораздельное, но непонятное, а затем расправил крылья и медленно полетел вперед, слегка уклоняясь вправо. Дриниан повел корабль сле-

дом: в том, что птица указывает путь к спасению, никто на борту не сомневался. И никто, кроме самой Люси, не услышал предназначавшихся ей одной слов: «Ничего не бойся, милое дитя». Она одна узнала голос Великого Льва и ощутила на миг дивное благоухание.

Спустя несколько мгновений непроглядная тьма превратилась в белесую завесу, и вдруг корабль очутился в теплом свете посреди моря.

Все страхи остались позади, люди моргали и озирались, словно не в силах поверить тому, что тьма не въелась, как сажа, в краски и позолоту, не запятнала их и не заставила потускнеть. А когда поверили, то разразились радостным смехом.

— Должен признать, мы вели себя как глупцы, — сказал Ринельф.

Люси, не теряя времени, соскользнула на палубу, где все уже собрались вокруг незнакомца, который плакал от счастья, взирал на море широко раскрытыми, восхищенными глазами и теребил в руках корабельный канат, будто хотел убедиться, что это не очередной сон.

— У меня нет слов, чтобы выразить всю меру моей благодарности! — промолвил наконец он. — Вы спасли меня от... Нет, лучше об этом не говорить. Но скажите, кто вы, мои избавители, и кого же мне восхвалять? Сам я родом из Нарнии и звался когда-то лордом Рупом.

— А я король Нарнии, — молвил Каспиан. — Мы предприняли это плавание для того, чтобы отыскать вас и ваших благородных спутников, ибо все вы были друзьями моего отца.

Преклонив колено, лорд Руп поцеловал королю руку.

— Ваше величество, вы тот человек, которого я мечтал увидеть больше всего на свете. Но могу ли я просить вас о милости?

— О какой? — спросил Каспиан.

— Никогда, ни за что не возвращайте меня туда, — лорд повернулся лицом к корме, за которой остался Остров Тьмы, — и остолбенел. Там не было ничего, кроме яркого синего неба. Остров пропал, тьма развеялась без следа.

— Что это? — воскликнул Руп. — Вы уничтожили его?

— Не думаю, что это мы, — тихонько сказала Люси.

— Ваше величество, — вступил в разговор Дриниан, — ветер снова дует на юго-восток. Не прикажете ли поставить парус? Гребцам нужен отдых.

— Дельная мысль,— согласился Каспиан.— Всем грога от моего имени! Лично я готов проспать целые сутки.

Весь день подгоняемый попутным ветром корабль плыл на юго-восток, и никто на борту не заметил, когда исчез альбатрос.

Глава 13
Трое спящих

Ветер не прекращался, но день ото дня становился все слабее, так что в конце концов волны превратились в мелкую рябь, и корабль скользил по ним час за часом, словно плыл не по морю, а по озеру. А каждый вечер на восточном небосклоне появлялись новые созвездия, которых еще не видел никто ни в Нарнии, ни (как порой с замиранием сердца думала Люси), в целом свете. Невиданные звезды были крупными и яркими, а ночи — теплыми. Теперь почти все спали на палубе и засыпали поздно: вели нескончаемые разговоры или, перегнувшись через борт, любовались разбегавшейся в стороны от бортов пеной.

В один из таких ошеломляюще красивых вечеров, когда позади пламенел пурпурный закат, а небо казалось немыслимо широким, по правому борту появилась земля. Она быстро приближалась, и скоро уже можно было различить окрашенные багрянцем мысы и прибрежные скалы. Корабль двинулся вдоль побережья. На фоне алого неба четко, словно он был вырезан из картона, обрисовывался западный мыс. С корабля было хорошо видно, что на острове нет гор, но по нему разбросано множество невысоких, напоминавших подушки, холмов. С берега тянуло ароматом, к которому все отнеслись по-разному: Люси назвала его «нежно-лиловым», Эдмунд по этому поводу сказал (а Ринс подумал): «Что за вздор!», а Каспиан, неопределенно пожав плечами, промолвил: «Понимаю, что ты имеешь в виду». (Что имел в виду он сам, так и осталось неизвестным.)

Довольно долго пытались найти удобную для стоянки бухту, но в итоге вынуждены были войти в широкий мелкий залив. Хотя море оставалось спокойным, прибой в заливе был довольно силен, и, как ни хотелось им подвести корабль как можно ближе к берегу, якорь пришлось бросить на значительном расстоянии. Переправились на шлюпке, причем те, кто отправилсяись берег, основательно промокли.

Лорд Руп предпочел остаться на корабле, заявив, что островами сыт по горло. Все время, пока они находились на суше, слух полнился монотонным рокотом прибоя.

Оставив двоих матросов на страже у шлюпки, Каспиан с остальными двинулся на разведку. Далеко заходить не собирались — уже сгущались сумерки. Но приключения не всегда скрываются в туманной дали, порой они поджидают совсем рядом. Близ бухты расстилалась ровная долина, где не было видно ни строений, ни тропок — лишь мягкая, шелковистая травка да кое-где купы цветущих приземистых кустов. Эдмунд с Люси приняли их за вереск. Юстейс, неплохо разбиравшийся в ботанике, заявил, что это никакой не вереск и, скорее всего, не ошибся. Но по виду эти кусты вереск очень даже напоминали.

Успели отойти от берега не дальше чем на полет стрелы, как Дриниан воскликнул:

— Глядите! Это еще что такое?

Все остановились.

— Деревья, и высокие, — предположил Каспиан.

— А может, башни, — промолвил Юстейс.

— А вдруг великаны? — прошептал Эдмунд.

— Сейчас мы это выясним! — заявил Ринчин и, вытаскивая на ходу клинок, решительно двинулся вперед.

— По-моему, это развалины, — сказала Люси, когда они подошли ближе. Ее догадка оказалась верной. Взорам предстала продолговатая площадка, вымощенная гладким плитняком и окруженная серыми колоннами. Крыши не было. На площадке стоял длинный — из конца в конец — стол, покрытый роскошной малиновой скатертью, ниспадавшей почти до плит. Вокруг стояли украшенные искусной резьбой каменные кресла, на каждом лежала шелковая подушка. Стол был уставлен яствами, столь обильными, что Люси сразу вспомнились пиры в Кэйр-Паравеле; впрочем, даже в правление верховного короля Питера таких пышных пиров в Нарнии не задавали. Глаза разбегались: индейки, гуси, фазаны, кабаньи головы, оленина, не говоря уже об удивительных пирогах в виде слонов, драконов и плывущих под всеми парусами кораблей. Ничуть не меньше радовали взгляд пудинги, мороженое, ярко-красные раки и переливчатая лососина, орехи, виноград, ананасы, персики, гранаты, арбузы и помидоры. Еще на столе были причудливой формы кувшины и

кубки — стеклянные, серебряные и золотые. Аромат, источаемый фруктами и изысканными винами, сулил неслыханное блаженство.

— Ничего себе! — изумилась Люси.

Остальные взирали на все это великолепие молча. Наконец Юстейс промолвил:

— Стол накрыт, а вот гостей не видно.

— А мы чем не гости? — заметил Ринс.

— Эй, смотрите! — внезапно воскликнул Эдмунд. Остальные повернулись в ту сторону, куда показывал юноша, и увидели, что три кресла — одно во главе стола, два по правую и левую руку от него — уже заняты. Правда, кем или чем, удалось рассмотреть не сразу.

— Что это такое? — растерянно пробормотала Люси. — Бобры за столом расселись?

— По мне, так это больше похоже на три большущих птичьих гнезда, — сказал Эдмунд.

— А по мне — на три охапки сена, — высказался Каспиан.

И только Рипичип не стал строить догадки, а вскочил на стул, перепрыгнул с него на стол и побежал по скатерти к дальнему концу стола, ловко огибая кубки, пирамиды плодов и солонки из слоновой кости. Подбежав к трем креслам, он склонился над таинственными серыми бугорками, потрогал их и крикнул:

— Драться они, во всяком случае, не будут!

В креслах сидели люди. Впрочем, признать в сидящих людей было не так-то просто. Длинные седые космы скрывали лица; отросшие бороды ниспадали на стол, обвивая блюда и кувшины, словно плющ, и через край стола спускались к каменным плитам. Спинки кресел были полностью закрыты седыми гривами, и получалось, что каждый из троих словно прятался в густой волосяной чаще.

— Они мертвы? — спросил Каспиан.

— Не думаю, — отозвался Рипичип, ухитрившийся выискать в путанице волос чью-то руку и вытащить ее обеими лапками. — У этого рука теплая и пульс прощупывается.

— У этих двоих тоже, — добавил последовавший примеру мыша Дриниан.

— Сколько же надо проспать, чтоб эдак заволосеть? — удивился Эдмунд.

— Сон у них наверняка волшебный, — заявила Люси. — Как только мы подплыли к этому острову, я сразу учуяла —

чары здесь так и витают. Вот бы их разбудить! Может, попробуем?

— Почему не попробовать, — согласился Каспиан и сильно потряс ближайшего из троих за плечо.

На мгновение показалось, что тот проснется — он глубоко вздохнул и пробормотал: «Хватит плыть на восток. Гребите в Нарнию!», но тут же уронил голову и заснул снова. Сколько его ни трясли, толку не добились. То же самое получилось и со вторым, с той лишь разницей, что, прежде чем опять погрузиться в сон, он изрек: «Мы не для того рождены на свет, чтобы жить как свиньи. Плывите на восток, к землям за восходом». Третий высказался короче всех — просто попросил передать горчицу.

— Первый вроде бы сказал: «Гребите в Нарнию!», — заметил Дриниан. — Я верно расслышал?

— Да, — ответил Каспиан, — и по всему выходит, что наши поиски увенчались успехом. У каждого из них на пальце перстень с гербовой печаткой. То гербы лордов Ревилиана, Аргоза и Мавроморна. Вот мы их и нашли.

— Найти-то нашли, а разбудить не можем, — сказала Люси. — Что же нам делать?

— Прошу меня простить, ваше величество, — вмешался Ринс, — но пока вы обсуждаете этот важный вопрос, почему бы команде не подкрепиться? Этакий обед не каждый день подают.

— Ни в коем случае! — вскричал Каспиан.

— Правильно, — подхватили некоторые матросы. — Лучше пояса затянуть, но с чарами не связываться, ежели это, конечно, не *чары* с ромом. Чем скорей вернемся на нашу посудину, тем лучше.

— Прежде чем вернуться, — указал Рипичип, — не мешало бы выяснить, не от этих ли яств уснули благородные лорды.

— Я и крошки в рот не возьму, даже под страхом смерти, — заявил Дриниан.

— Надо что-то решать, — проговорил Ринс. — Уже смеркается.

— На корабль! На корабль! — *загомонили матросы.*

— Я согласен, — промолвил Эдмунд. — Раз кушать мы не будем, то и оставаться тут незачем. Как поступить с лордами, можно решить и завтра: они здесь семь лет просидели, так

что ночью больше или меньше — для них без разницы. А от этого места попахивает колдовством — и опасностью.

— Что касается команды, — произнес Рипичип, — я полностью согласен с королем Эдмундом. Однако сам я, разумеется, на борт не вернусь и встречу рассвет за этим столом.

— Почему? — удивился Юстейс.

— Потому, — откликнулся Рипичип, — что сколь бы ни была ужасна подстерегающая здесь опасность, для меня куда страшнее вернуться в Нарнию и до конца дней вспоминать, что я упустил, быть может, величайшее в жизни приключение из позорного страха перед волшебством.

— Раз так, я остаюсь с тобой, — заявил Эдмунд.

— И я, — сказал Каспиан.

— И я, — присоединилась к ним Люси. А за ней вызвался остаться и Юстейс, которому для этого потребовалась особая храбрость, — ведь прежде чем он попал на борт «Поспешающего к восходу», ему не приходилось ни слышать, ни читать о волшебстве, чарах и тому подобном. В *познавательных* книжках ни о чем таком не пишут.

— Осмелюсь заметить, ваше величество... — начал было Дриниан, но король не дал ему закончить:

— Нет, милорд. Место капитана на корабле. К тому же, можно считать, что мы остаемся здесь на вахту. Вы свою отстояли еще днем, а мы бездельничали.

Дриниан упорствовал, однако и Каспиан был тверд. Но когда матросы во главе с капитаном удалились, всем, кроме, разумеется, Рипичипа, стало несколько не по себе.

Некоторое время выбирали, куда сесть, причем мысли у всех были примерно одинаковые. С одной стороны, мало радости просидеть всю ночь бок о бок с волосатыми страшилищами, какие и на людей-то непохожи, а вдобавок, если и не мертвые, то и не совсем живые. Но с другой, если сесть подальше, то, когда стемнеет, бородачи пропадут из вида. А ну как они в полночь незаметненько оживут да подкрадутся... Брр!

Поэтому все долго расхаживали вокруг стола, приговаривая: «Нет, здесь не очень-то удобно», «С того краю, пожалуй, получше будет», «Взгляну-ка я, хорошо ли по ту сторону», но в конце концов пристроились неподалеку от середины стола, чуть ближе к спящим, чем к дальнему краю. Уже подходило к десяти вечера, на восточном небосклоне зажглись незнакомые

созвездия. Люси любила звезды, но сейчас предпочла бы увидеть не эти, чужие, а Леопарда или Челн, или еще какое из милых сердцу нарнианских созвездий.

Завернувшись в плащи, сидели и ждали, сами не зная чего. Просто сидели — разговор как-то не задался. Часы тянулись томительно, мерный рокот прибоя убаюкивал, и друзья не заметили, как их сморил сон.

Проснулись одновременно, как от толчка. Судя по тому, как изменилось положение звезд, прошло немало времени. Небо стало совершенно черным, едва уловимый сероватый свет брезжил лишь на самом востоке. Все замерзли, всем до крайности хотелось пить, но никто не проронил ни слова. Было не до слов: что-то происходило.

Прямо перед ними, за линией колонн, виднелся склон невысокого холма. Неожиданно в этом склоне возникла и отворилась дверь, в ярко освещенном проеме на миг обрисовалась чья-то фигура, и дверь закрылась. Вышедший из холма держал в руке светильник. Собственно, ничего, кроме этого светильника, друзья различить не могли. Огонек медленно приближался, пока не замер у самого стола, и тогда все увидели высокую девушку в длинном голубом платье, оставлявшем обнаженными руки. Золотые волосы ниспадали ей на плечи. В руках девушка держала серебряный подсвечник со свечой. И у всех, кто глядел на незнакомку, возникла одна и та же мысль: доселе они не представляли себе, что такое истинная красота.

Девушка поставила подсвечник на стол. Дувший с моря ветер мгновенно утих, и столбик пламени сделался таким ровным и неподвижным, словно свеча горела в комнате с закрытыми окнами. Золотая и серебряная посуда заискрилась на свету, и Люси увидела предмет, которого до сих пор не замечала. То был каменный, но острый как сталь нож, древний и зловещий с виду.

Никто не нарушил молчания, однако все — первым Рипичип, потом Каспиан, а там и остальные — поднялись из-за стола, почувствовав, что перед ними важная особа.

— Путники, явившиеся издалека к столу Эслана,— обратилась к ним девушка.— Почему вы не едите и не пьете?

— Госпожа,— отвечал Каспиан,— мы не отважились отведать этой снеди, ибо, по нашему разумению, именно она причиной тому, что наши друзья заснули беспробудным колдовским сном.

— Они не отведали ни крошки, — промолвила девушка.

— Ой, пожалуйста, — взмолилась Люси, — расскажите нам, что с ними случилось.

— Это было семь лет назад, — повела рассказ таинственная красавица. — К нашему острову прибило ветхий, потрепанный штормами корабль под рваными парусами. Эти трое, а с ними еще несколько матросов, сошли на берег, а когда пришли сюда и увидели этот стол, один из них сказал: «Вот славное местечко. Хватит нам грести, ставить паруса да брать рифы. Давайте останемся здесь и проведем остаток дней в покое и довольстве».

«Нет, — возразил другой. — Нам надо пополнить припасы, благо снеди здесь в изобилии, и поворачивать к дому, к Нарнии. Кто знает, быть может, Мираз умер». Но тут третий, выглядевший человеком властным и решительным, вскричал: «Ни за что! Мы люди из славного тельмаринского племени, а не жалкие скоты! Людям пристало иметь высокую цель, а может ли быть цель выше, чем поиски новых приключений? Дни наши все равно сочтены, так проведем же остаток жизни достойно! Поплывем дальше на восток и разведаем, что лежит за краем света, из-за которого встает солнце!»

Разгорелся спор. Каждый упорствовал и был готов отстаивать свою правоту любыми средствами. Так и вышло, что в запале третий схватил со стола Каменный Нож, к которому не должен был прикасаться. Едва его пальцы сомкнулись на рукояти, все трое погрузились в глубокий сон. И они не проснутся, пока чары не будут сняты.

— А что за Каменный Нож? — полюбопытствовал Юстейс.

— Неужели никто из вас не знает? — удивилась красавица.

— Думаю... — неуверенно проговорила Люси. — Да, пожалуй, я видела похожую штуку прежде. По-моему, точно таким же ножом Бледная Ведьмарка много лет назад убила Эслана.

— Этот нож один-единственный, — сказала девушка. — Его доставили сюда, и он пребудет здесь, покуда стоит мир.

Эдмунд мялся-мялся, но наконец решился подать голос:

— Прошу прощения, — молвил он, — вы не подумайте, что я боюсь притронуться к этой еде, потому что такой уж трус... и вовсе не потому, что вам не верю... но... Видите ли, мы в последнее время всякого насмотрелись и знаем: вещи

частенько оборачиваются не тем, чем кажутся. Конечно, когда я слушаю вас, мне хочется верить каждому слову, но ведь точно так же было и с Ведьмаркой. Как мы узнаем, друг вы нам или нет?

— Никак,— просто ответила красавица.— Вам остается только верить — или не верить.

Наступила тишина, которую почти сразу же нарушил голос Рипичипа:

— Ваше величество,— проговорил мыш, обращаясь к Каспиану,— не будете ли вы столь любезны наполнить мой кубок вином из вон того кувшина — он слишком велик для моего роста. Я хочу выпить за здоровье нашей благородной хозяйки.

Каспиан наполнил кубок. Рипичип поднял его обеими лапами, провозгласил здравицу и осушил вино до капли. Примеру предводителя мышей последовали остальные, и скоро вся компания сидела за столом. Пускай время для угощения было и не совсем обычное, но когда вы изрядно проголодались, это не так уж важно; и если блюда не совсем подходили для очень раннего завтрака, то прекрасно годились для очень позднего ужина.

— А почему вы сказали «стол Эслана»? — спросила чуть погодя Люси.

— Потому, что он поставлен здесь по велению Эслана, для тех, кто доберется сюда, одолев долгий, нелегкий путь. Некоторые называют наш остров Крайним, ибо край света начинается именно отсюда, хотя дальше на восток еще можно плыть.

— А как вы сохраняете еду? — полюбопытствовал практичный Юстейс.

— Каждый день появляется новая,— прозвучал ответ,— Вы скоро сами увидите.

— Но как быть с Тремя Спящими? — спросил Каспиан.— В том мире, откуда прибыли мои друзья (он кивнул в сторону Юстейса и брата и сестры Певенси), рассказывают историю про принца, попавшего в замок, где спала волшебным сном зачарованная принцесса. Принц не мог развеять чары, пока не поцеловал принцессу.

— Здесь все наоборот,— улыбнулась девушка.— Нельзя поцеловать принцессу, не развеяв чар.

— Раз так,— отозвался Каспиан,— то во имя Эслана подскажите, что следует делать, и я не стану откладывать!

— Вам подскажет мой отец.

— Отец?! — воскликнули все хором.— Кто он? Где он?

— Узрите! — Девушка повернулась и указала на дверь в склоне холма. Теперь эта дверь виднелась отчетливо, потому что звезды поблекли и мгла на востоке начала таять, уступая место разгорающемуся рассвету.

Глава 14
У края света

Дверь медленно отворилась, и в проеме появился человек, высокий и величавый, хотя, может быть, и не такой стройный, как девушка. В отличие от дочери он не держал в руках светильника, но, казалось, сам светился изнутри. Когда он приблизился, Люси увидела, что это глубокий старец, облаченный в белоснежные одежды. Его серебристая борода касалась земли, серебристые волосы ниспадали до пят. Старец ступал босыми ногами, и весь его исполненный кротости и мудрости облик внушал такое почтение, что путники снова встали.

Старец молча подошел к столу и встал по другую его сторону, напротив дочери. Затем они оба обратили лица к востоку, простерли перед собой руки и затянули песнь. Я бы с удовольствием привел здесь ее слова, но самого меня там не было, а те, кто был, ничего запомнить не смогли. Позже Люси рассказывала, что голоса звучали очень высоко, почти пронзительно, но песня все равно получилась чудесная. «Настоящая утренняя песня,— говорила она,— свежая и прохладная».

Они пели, и серая мгла на востоке таяла, туман поднимался, а море начинало искриться серебром. Восток розовел, облака исчезали, и наконец из-за моря выглянуло, коснувшись лучами драгоценной посуды и Каменного Ножа на столе, пробудившееся солнце.

Пришельцам из Нарнии и раньше чудилось, будто здесь, на востоке мира, солнце ярче, нежели в их краю, а теперь у них не осталось и крупицы сомнений. В солнечных лучах кубки, кувшины и блюда сверкали так, что почти ослепляли. Впоследствии Эдмунд не раз говаривал: «Да, много всякого повидали мы в том плавании, но все чудеса меркнут в сравнении с этим восходом». Путники поняли, что и вправду добрались туда, откуда начинается Край Света.

Внезапно им показалось, будто прямо из середины солнечного диска на них что-то летит, но удостовериться, так ли это, они не могли (если не понимаете, почему, попробуйте посмотреть на солнце). Потом послышались голоса, вторившие пению старца и девушки, только не столь мелодично и на диковинном, совершенно незнакомом наречии. А через некоторое время певцы появились на виду. Это оказались птицы — большие белоснежные птицы, в следующее мгновение рассевшиеся и на каменных плитах, и на столе, и повсюду, где только можно было сесть. Всю площадку словно запорошило снегом, даже очертания самого стола и кресел сделались округлыми, как бывает с очертаниями предметов, оказавшихся под густым снежным покровом. Люси увидела, что одна из птиц подлетела к старцу, держа в клюве какой-то маленький кругляш, более всего походивший на раскаленный уголек и сверкавший так ярко, что на него невозможно было смотреть. И этот уголек птица вложила старику в уста.

Пение тотчас смолкло. Птицы принялись склевывать еду; когда они снова поднялись в воздух, на огромном столе не осталось ничего, кроме пустой посуды. Сотни, тысячи птиц улетали навстречу рассвету, унося с собой косточки, шелуху и скорлупки. Воздух гудел от биения бесчисленных крыльев, но весь этот шум нимало не потревожил беспробудный сон трех нарнианских лордов.

Лишь теперь старец повернулся к гостям и поприветствовал их.

— Государь,— почтительно обратился к нему Каспиан,— не можете ли вы научить нас, как снять заклятие с этих лордов?

— С удовольствием научу, сын мой,— отвечал старец.— Для этого тебе должно доплыть до самого Края Света и перед возвращением оставить там по меньшей мере одного из твоих спутников.

— А что случится с оставшимся? — живо заинтересовался Рипичип.

— Он продолжит путь за пределы мира, и назад уже не воротится.

— Туда, за пределы мира, всегда стремилось мое сердце,— молвил Рипичип.

— А далеко ли Край Света? — спросил Каспиан.— И знаете ли вы что-нибудь о морях и землях, лежащих далее на восток?

— Я их видел, — ответил старец, — но очень давно и с большой высоты, так что едва ли мой рассказ может оказаться полезным для морехода.

— Вы что, летали по воздуху? — не слишком учтиво спросил Юстейс.

— Не совсем так, — улыбнулся старец. — Там, где я в свое время «летал», воздуха нет, он гораздо ниже. Я зовусь Романду. Вижу, мое имя ничего вам не говорит, но так и должно быть. Я был звездой задолго до вашего появления в этом мире, тогда и созвездия выглядели иначе.

— Ничего себе! — От изумления у Эдмунда захватило дух. — Отставная звезда!

— А теперь вы уже больше не звезда? — полюбопытствовала Люси.

— Я звезда на отдыхе, дочка, — ответил старец. — Последний раз мне довелось взойти на небо совсем остывшим и дряхлым. На этот остров меня перенесли для восстановления сил: теперь я гораздо моложе, чем был тогда. Каждое утро птица доставляет мне огненную ягоду из долины, находящейся на солнце, и каждая съеденная ягода уменьшает мой возраст. В конце концов мне предстоит превратиться в младенца, и тогда, как ребенок появляется на свет, я снова взойду на небосвод, благо мы находимся близко к восточному Краю Света. И уж тогда у меня хватит жара вновь исполнить великий звездный танец.

— А вот в нашем мире, — встрял Юстейс, — звезды — большущие шары из раскаленного газа.

— Даже в вашем мире, сын мой, это не звезда, а лишь то, из чего она сделана. А в нашем мире вам уже случалось встречать звезду. Помните, вы гостили у Кориакина?

— Так он тоже на отдыхе? — спросила Люси.

— Не совсем, — вздохнул Романду. — Сами подумайте, какой же это отдых — управлять Недоумками? Нет, к ним его приставили в наказание. Ему бы еще сиять да сиять на южном небосклоне, но все испортил один опрометчивый поступок...

— А что он натворил? — заинтересовался Каспиан.

— Сын мой, — молвил Романду, — вам, чадам Адама, вовсе ни к чему знать, какие промашки допускают звезды. Но не будем попусту терять время. Вам предстоит решить, поплывете ли вы дальше, чтобы снять чары со спящих, оставив одного из ваших за Краем Света, или повернете домой.

— Решать особо нечего,— сказал Рипичип.— Мы ведь пустились в плавание именно затем, чтобы найти и спасти этих лордов.

— Я того же мнения, Рип,— откликнулся Каспиан.— Более того, даже не будь это необходимо для их спасения, я все равно отправился бы дальше, постарался бы приблизиться к Краю Света настолько, насколько сие возможно. Но нужно подумать о других. Матросы согласились отправиться на поиски семерых лордов, а вовсе не Края Света. Если мы поплывем дальше, никто не знает, сколько еще продлится плавание. Наши моряки — ребята храбрые, но, как я приметил, многие уже устали и мечтают о возвращении домой. Полагаю, у меня нет права принуждать их. И нельзя забывать о несчастном лорде Рупе. Это сломленный человек.

— Сын мой,— сказал Романду.— Возьми с собой только тех, кто желает достичь Края Света. Всем надлежит знать, куда они плывут и зачем,— только тогда можно будет снять заклятие. Но ты упомянул о сломленном человеке. В чем его несчастье?

Каспиан кратко поведал историю лорда Рупа.

— Не тревожься,— промолвил старец.— Здесь он обретет именно то, что ему требуется, ведь на моем острове спят без сновидений. Пусть приходит; я усажу его рядом с теми тремя, и он забудет обо всех своих невзгодах.

— Вот здорово! — захлопала в ладоши Люси.— Он так обрадуется!

В этот миг послышались шаги и голоса — появился сопровождаемый матросами Дриниан. Все с удивлением воззрились на Романду и его дочь и как один обнажили головы перед величественными незнакомцами. От матросов не укрылось, что яства и напитки со стола исчезли; и на лицах многих читалось сожаление.

— Капитан,— сказал король Дриниану,— пошлите весточку лорду Рупу. Ему следует передать, что трое его друзей спят на этом острове без сновидений, и он может к ним присоединиться.

Гонец отправился на корабль, а всем прочим Каспиан предложил сесть и изложил суть дела. Когда король закончил, воцарилось молчание. Затем моряки начали перешептываться. Наконец старший лучник взял слово.

— Ваше величество,— молвил он,— некоторые из нас уже давно хотели спросить, когда мы повернем назад и как

вообще собираемся возвращаться? Почти всю дорогу, если не считать полного затишья, ветер дул с северо-запада или с запада, и непохоже, чтоб он переменился. Как же нам попасть домой, ведь идти в Нарнию на веслах — никаких припасов не хватит.

— Странно слышать такие речи от моряка,— отозвался за короля Дриниан.— Тебе следовало бы знать, что в этих морях летом и осенью задувают западные ветры, а зимой их сменяют восточные. Ветер переменится, как ему и положено, примерно после нового года. Так задует, что ты еще с ним наплачешься.

— Верно сказано, капитан,— подтвердил старый, много повидавший моряк родом с Галмы.— В январе-феврале ветер и впрямь меняется на восточный, но всю зиму здесь бушуют шторма. Сподручнее всего пересидеть зиму на суше — хоть бы и на этом острове,— а домой отплыть по весне.

— Легко сказать — пересидеть,— заметил Юстейс.— А чем кормиться целую зиму?

— На этом столе каждый вечер появляется поистине королевское угощение,— сказал Романду.

— Вот это по-нашему! — одобрительно загудели матросы.

— Ваше величество,— заговорил Ринельф,— позвольте заметить, что в команде нет ни единого матроса, которого принудили бы к плаванию. Здесь только добровольцы, но вот я вижу, что некоторые с жадностью глядят на этот стол и мечтают каждый вечер объедаться до отвала. Те самые люди, которые в Кэйр-Паравеле били себя в грудь и клялись, что не вернутся домой, пока не увидят Край Света! А на берегу осталось множество парней, которые отдали бы все на свете, лишь бы отправиться с нами. Тогда, помнится, гамак юнги на нашем корабле ценился выше рыцарского пояса. Надеюсь, всем понятно, к чему я клоню? А для непонятливых поясню: коли мы вернемся в Нарнию и сознаемся, что не добрались до Края Света, потому что струсили, мы будем ничуть не лучше тех Недоумков, над которыми так потешались.

Мнения матросов разделились: одни горячо поддержали Ринельфа, другие кричали, что приключениями сыты по горло.

— М-да, забавного мало,— шепнул Эдмунд Каспиану.— Как будем выкручиваться, если половина откажется плыть дальше?

— Погоди,— тоже шепотом откликнулся Каспиан.— У меня припасен козырь на крайний случай.

— Рип, а ты хочешь что-нибудь сказать? — тихонько спросила Люси.

— Нет, ваше величество,— ответил мыш громко, и услышали его почти все.— Что тут говорить, ведь цель моя пока не достигнута. До сих пор я плыл на корабле. Если вы повернете назад, я поплыву дальше на лодке. А потонет лодка — тоже не беда, я и сам плавать умею. А если не хватит сил, если не доплыву и не увижу страну Эслана, не смогу заглянуть за обод мира, то, по крайней мере, утону, держа нос навстречу восходящему солнцу, а во главе говорящих мышей Нарнии встанет Пичирип!

— Слыхали? — воскликнул один из матросов.— Лодка его меня не выдержит, а все остальное я готов повторить за ним слово в слово! — И совсем тихо, себе под нос, он добавил: — Чтоб я да оказался трусливее мыши? Ну уж дудки!

И в это мгновение Каспиан вскочил на ноги.

— Друзья,— промолвил он.— Сдается мне, у вас неверное представление о том, к чему мы стремимся. Вы ведете себя так, будто мы явились с протянутой рукой просить о помощи, как нищие просят подаяния. Ничего подобного! Мои царственные друзья, их благородный родич, достославный рыцарь Рипичип, лорд Дриниан и я, ваш король, намерены добраться до Края Света. Из тех, кто пожелает продолжить плавание вместе с нами, мы отберем самых лучших, ибо приключение это под силу далеко не каждому, и далеко не каждый его достоин. Потому я повелеваю капитану Дриниану и его помощнику Ринсу составить список и включить в оный лишь самых отважных и стойких, самых умелых и искусных, тех, кого отличают добронравие, безупречное поведение и неколебимая верность. Этот список будет представлен мне для просмотра, одобрения и утверждения,— король помолчал и продолжил: — Клянусь гривой Эслана, нелепо думать, будто на столь великую честь может претендовать кто угодно! Не говоря уж о том, что каждый отправившийся с нами будет возведен во дворянство с наследственным титулом «Поспешающего к восходу», а по возвращении в Кэйр-Паравел получит поместье и столько золота, что не будет знать ни в чем нужды до конца своих дней. Теперь ступайте. Лорд Дриниан принесет мне список через полчаса.

Воцарилась тишина. Матросы низко поклонились королю, разбились на кучки и принялись тихо, но оживленно обсуждать услышанное.

— А теперь позаботимся о бедняге Рупе,— сказал Каспиан.

Однако, обернувшись, он увидел, что в том нет необходимости, поскольку Руп уже сидел рядом со спящей троицей. Бок о бок с ним стояла дочь Романду, а сам старец стоял за спиной лорда, возложив руки на седую голову страдальца. Даже при свете дня было видно, что из ладоней Романду струится серебристый свет. Впервые с тех пор, как он вырвался из тьмы, на изможденном лице Рупа появилась слабая улыбка. Он развел руками, протянул одну к Люси, другую к Каспиану и, казалось, хотел что-то сказать, но лишь глубоко и облегченно вздохнул, уронил голову и забылся спокойным целительным сном.

— Бедный Руп, как он намучился! — промолвила Люси.— Я так за него рада!

— Лучше не вспоминать, где мы его подобрали,— пробормотал Юстейс.

Тем временем речь Каспиана, возможно, не без помощи волшебства, которое буквально витало в воздухе острова, начала оказывать именно то воздействие, на какое король и рассчитывал. Почти все матросы, еще недавно и слышать не желавшие о продолжении пути, теперь переживали из-за того, что их могут в плавание не взять. Тех, кто настаивал на возвращении домой, оставалось все меньше и меньше. И вот, когда отведенные полчаса истекли, матросы просто замучили Дриниана и Ринса просьбами включить их в список и замолвить за них словечко перед королем («подлизывались», как говорили в те годы, когда я учился в школе). Лишь трое по-прежнему упорствовали; впрочем, когда они убедились, что им никого не уговорить, двое из них решили присоединиться к большинству. Последний же испугался, что останется на острове один, и тоже примкнул ко всем прочим.

Матросы вернулись к столу Эслана и выстроились у его дальнего конца, а капитан и помощник со списком добровольцев (то есть полным списком команды) подсели к Каспиану. Король милостиво согласился взять с собой всех моряков — кроме того, который попросился последним. Этого матроса (звали его Питтенкрим) оставили на острове Звезды дожидаться возвращения товарищей и оплакивать свою горькую судьбину.

Дело в том, что он явно не принадлежал к тем людям, которые способны извлечь удовольствие из бесед с Романду и его дочерью; следует признать, старца на беседы с ним тоже не тянуло. К тому же погода все это время стояла никудышная, и даже появлявшиеся каждый вечер превосходные яства не очень-то радовали — ведь угощаться ими приходилось за столом Эслана, в компании четырех спящих лордов. Впоследствии Питтенкрим признавался, что его пробирала дрожь от одного их вида. Когда корабль наконец вернулся, ему стало так стыдно, что на обратном пути он сбежал во время стоянки на Одиноких островах, откуда перебрался в Калормен. Там его никто не знал, а значит, никто не мешал похваляться на каждом углу похождениями на Краю Света; в конце концов он сам поверил, будто там побывал. Можно сказать, что судьба его, в известном смысле, сложилась счастливо, хотя бедняга до конца своих дней на дух не переносил мышей.

Вечером все собрались на пир за вновь накрытым столом Эслана, а поутру, сразу после того, как улетели белые птицы, поднял свой парус и «Поспешающий к восходу».

— Прекрасная госпожа, — молвил Каспиан, — смею надеяться, что нас ждет новая встреча.

Дочь Романду промолчала, но взглянула на юного короля с улыбкой.

Глава 15
Чудеса Последнего Моря

Уже очень скоро после того, как остров Романду остался позади, у путешественников появилось ощущение, что они покинули пределы привычного мира. Иным стало не только все вокруг, но и многое в них самих. Прежде всего выяснилось, что для сна теперь требуется гораздо меньше времени. К тому же они почти перестали нуждаться в еде, да и разговаривали теперь очень редко и очень тихо. Со светом произошло нечто совершенно необычное: его стало больше и он сделался *светлее* прежнего. Солнце увеличилось в размерах вдвое, а то и втрое. И каждое утро (пожалуй, это производило на Люси самое сильное впечатление) огромная стая белоснежных птиц проносилась над кораблем на запад, в сторону острова Романду, распевая песню на неведомом наречии. Через некоторое время, склевав свой завтрак на столе Эслана, стая возвращалась и исчезала на востоке.

— Какая здесь чистая вода! — сказала себе Люси в начале второго дня плавания, глядя на море с левого борта.

Вода и вправду поражала своей прозрачностью. Потом девочка углядела какой-то темный предмет размером с туфлю, двигавшийся в том же направлении и с той же скоростью, что и корабль. Казалось, эта штуковина плывет по поверхности, но тут кок выбросил за борт кусок черствого хлеба, и загадочный предмет неожиданно проплыл под горбушкой. Значит, он *под* водой. Спустя недолгое время «туфля» резко увеличилась в размерах, но почти тотчас же уменьшилась снова.

Люси чувствовала, что уже видела нечто подобное, но долго не могла сообразить, где и когда. Она терла лоб, качала головой, высунула от досады язык — и наконец вспомнила. Если в ясный солнечный день выглянуть на ходу из окна купе, увидишь тень поезда, бегущую с ним наперегонки. Промчится поезд мимо косогора, и тень вспрыгнет на склон, приблизится и вырастет, но едва состав вновь окажется на ровном месте, прежней станет и она.

— Это наша тень! — воскликнула девочка. — Тень корабля на дне моря! Она стала больше, когда мы проплыли над подводной горой. Выходит, вода здесь даже прозрачнее, чем я думала. Боже мой, да ведь я вижу морское дно!

Тут Люси догадалась, что большие серебристые круги — донные островки песка, а темные и светлые пятна — вовсе не изменчивые блики и рябь на поверхности, а различные предметы под толщей воды. Сейчас, например, корабль проплывал над расплывчатым зеленовато-лиловым пятном, которое пересекала извилистая светлая полоска. Люси напрягла зрение и заметила, что некоторые пятна слегка колышутся. «Как деревца на ветру, — подумала девочка. — Кто знает, может, там и вправду подводный лесок?»

Светлую полоску пересекла другая такая же, и Люси решила, что это, наверное, перекресток лесных дорог. Едва девочка успела пожалеть о том, что не может спуститься и проверить свою догадку, как лес кончился. А вот дорога продолжалась, только теперь тянулась через песчаное поле и стала темнее, а по обочинам появились какие-то пупырышки, не иначе как ряды камней.

Потом почудилось, что дорога стала шире; на самом деле она просто приближалась к поверхности, взбираясь по пологому склону. Это Люси поняла, как только увеличилась кора-

бельная тень. Потом дорога — у девочки уже не оставалось сомнений в том, что она видит именно дорогу — стала сильно петлять, поднимаясь по следующему, более крутому склону. Люси свесилась вниз. Ее глазам предстала картина наподобие той, какая открылась бы взору с высоты горного перевала. Солнечные лучи освещали даже оставшийся позади лес, но за ним все расплывалось, словно в тумане. Впрочем, Люси куда больше интересовало не оставшееся позади, а лежащее впереди. Там, достигнув гребня подводного кряжа, дорога снова выпрямлялась и тянулась к чему-то совершенно невероятному, огромному и прекрасному, цвета слоновой кости или перламутра. Люси никак не могла понять, что же это такое, но гигантское сооружение отбрасывало четкую тень — тень зубчатых стен и башен, шпилей и куполов.

— Да это же замок, а то и целый город! — ахнула девочка.— Интересно, почему его построили на вершине горы?

Много времени спустя, уже дома, они размышляли об этом вместе с Эдмундом и решили, что в подводном мире чем глубже, тем меньше тепла и света, а во мраке и холоде могут таиться всякие чудища, вроде гигантского спрута или того же морского змея. Поэтому в морских низинах селиться опасно и неудобно: для подводных жителей они то же самое, что для нас высокие горы, а горы для них все равно что для нас долины. Там и теплее, и светлее, и безопаснее. (Надеюсь, вы понимаете — с нашей точки зрения вершины подводных гор не что иное, как отмели). Бесстрашные охотники и доблестные рыцари из подводных городов спускаются во мрачные долины в поисках приключений, тогда как вершины предназначены для спокойной, размеренной жизни, для отдыха и мирных трудов.

Подводный город остался позади, но морское дно продолжало подниматься и вскоре оказалось не более чем в ста футах под килем. Дорога оборвалась, дальше расстилался то ли луг, то ли сад — во всяком случае, на водорослях красовались яркие цветы. И тут Люси едва не взвизгнула от восторга — внизу появилась кавалькада всадников на морских коньках. Только коньки эти были не теми крохотулями, каких выставляют в музеях, а большими, под стать земным лошадям. Судя по тому, что на головах некоторых всадников красовались драгоценные диадемы, а за плечами струились по воде изумрудно-золотые мантии, всадники принадлежали к подводной знати.

И тут, к досаде Люси, над головами чудесных всадников появился целый косяк каких-то толстых рыбин. Они заслонили было кавалькаду, и в этот миг произошло самое интересное. Из глубины вынырнула хищного обличья зубастая рыба (Люси никогда таких не видела, даже на картинках), выхватила из середины стаи одну зазевавшуюся толстуху и мигом ушла вниз. Всадники на морских коньках одобрительно жестикулировали и кивали головами. Не успела первая хищница вернуться к косяку, как за добычей устремилась другая. Люси успела заметить, что послал ее самый высокий из подводных всадников, ехавший впереди. За мгновение до этого то ли он держал ее в руке, то ли она сидела на его запястье.

— Надо же,— удивилась девочка,— до чего похоже на соколиную охоту! Помнится, когда жили в Кэйр-Паравеле, мы тоже так охотились. Только у них вместо соколов рыбки, и они не летят за добычей, а плывут.

Тут Люси пришлось прервать свои рассуждения — подводные жители заметили корабль, и картина мигом переменилась. Рыбы прыснули во все стороны, а морские жители направили своих скакунов вверх — посмотреть, что за черная тень заслонила от них солнце. Они поднялись так близко к поверхности, что, пожалуй, еще чуть-чуть, и их головы появились бы над водой, и с ними можно было бы заговорить. Среди них были и мужчины, и женщины. Они носили диадемы, венцы и жемчужные ожерелья, но одежды не было и в помине, если не считать ярких полупрозрачных накидок. Кожа имела оттенок потемневшей слоновой кости, странно сочетавшийся с темным пурпуром волос. Король — а самый рослый из них, конечно же, был королем — с горделивым и грозным видом погрозил Люси копьем. То же самое сделали и его рыцари. Дамы, судя по лицам, пребывали в страхе и изумлении. Девочка поняла, что здесь никогда не видели ни корабля, ни *наземного* человека. Да и как могло быть иначе, ведь так далеко на восток еще не заплывал никто из мореходов.

— Что там такое? — послышался голос у нее за спиной. Девочка вздрогнула от неожиданности и только сейчас почувствовала, как затекла у нее рука. К ней подошли Эдмунд и Дриниан.

— Смотрите!

Оба склонились над водой, и почти в тот же миг Дриниан тихонько сказал:

— Ваши величества, прошу вас отвернуться. Да-да, встаньте спиной к морю. И держитесь так, чтобы никто не подумал, будто мы говорим о чем-то серьезном.

— А почему? — удивилась Люси.

— Потому,— отвечал капитан,— что нашим матросам нельзя видеть этих людей. Они влюбятся в подводных красавиц и попрыгают за борт. Я слышал, в дальних морях такое случалось. На морских жителей смотреть нельзя.

— Но мы их уже видели,— возразила Люси.— В день коронации, когда взошел на престол наш брат Питер, они поднялись на поверхность и пели нам песни.

— Это, наверное, другие,— предположил Эдмунд.— Мало ли всякого народа может жить в море? Те воздухом могли дышать, а эти голов из-под воды не кажут. А не то давно бы на нас напали — вон у них физиономии какие злющие.

— Как бы то ни было...— начал Дриниан, но что он намеревался сказать, осталось неизвестным, ибо корабль огласился громким криком марсового: «Человек за бортом!» Тут же закипела работа: одни матросы поспешили на рею, чтобы убрать парус, другие бросились вниз, к веслам, а стоявший на вахте Ринс налег на штурвал, чтобы сделать круг и вернуться к упавшему. По правде сказать, упал за борт вовсе не человек, а неугомонный Рипичип.

— Чтоб ему провалиться, недомерку хвостатому! — вскричал в сердцах Дриниан.— Легче иметь дело с целой оравой матросов, чем с ним одним. Где какая заваруха, будьте уверены — оттуда торчит его хвост. Будь моя воля, я б его на цепь посадил... Нет, на необитаемый остров бы высадил... Да что там, я бы ему усы остриг!

Должен сказать, вся эта ругань объяснялась тем, что Дриниан очень любил мышиного вождя и страшно за него беспокоился,— так родители бранят ребенка, перебежавшего улицу перед машиной. Другие на борту не слишком испугались — все знали, что Рипичип прекрасный пловец, и никто, кроме Люси, Эдмунда и Дриниана, не видел гневных лиц подводных жителей и их длинных копий.

Через несколько минут корабль, описав круг, вернулся к месту падения. Рипичип барахтался в воде и что-то кричал, но что именно, было не разобрать.

— Не хватало только, чтоб он все разболтал! — процедил сквозь зубы капитан и поспешил к борту с веревкой в руках. Бросившимся было ему на помощь матросам он сказал: — Все по местам, ребята! Уж кого-кого, а *мышь* я как-нибудь сам вытащу.

Он бросил веревку и, пока Рипичип не слишком проворно, потому что намок и отяжелел, взбирался по ней, успел наклониться и шепнуть:

— Молчи! О тех, внизу, — никому ни слова!

Но когда промокший мышиный вождь оказался на палубе, выяснилось, что до «тех внизу» ему нет никакого дела. В волнение он пришел совсем по другой причине.

— Она не соленая! — твердил Рипичип. — Понимаете, сладкая вода! Сладкая!

Решительно никто не мог взять в толк, почему из-за этого надо поднимать такой шум, пока Рипичип не напомнил слова своей заветной песенки:

Где небо с морем встречается,
Где *сладкие* волны качаются,
Ты туда попадешь, Рипичип, и найдешь
То место, где солнце встает.

Тут уж всем все стало ясно.

— Ринельф, ведро! — распорядился Дриниан.

Ведро подали. Дриниан опустил его на веревке за борт и поднял полное хрустально прозрачной, светящейся воды.

— Ваше величество, — обратился капитан к Каспиану, — думаю, вам пристало отведать этой воды первым.

Король обсими руками поднял ведро, поднес к губам, пригубил, потом сделал большой глоток и вскинул голову. Глаза его радостно сияли.

— Да, — сказал он, — вода не соленая. Ее можно назвать и сладкой, но не то чтобы такой сладкой, как медовая водичка или чай с сахаром. Скажу одно — если мне суждено утонуть, я предпочел бы утонуть именно в ней.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Эдмунд.

— По вкусу она похожа на свет, — ответил Каспиан.

— Точно так, — подтвердил Рипичип. — На жидкий свет, который можно пить. Мы недалеки от нашей цели.

Несколько мгновений длилось молчание. Потом Люси опустилась на колени и отпила из ведра.

— Ну и вкуснятина! — восторженно выдохнула девочка, — в жизни такой не пила. Но она еще и... крепкая, что ли? Сдается мне, нам теперь долго не понадобится еда.

Один за другим все отведали чудесной воды и испытали столь поразительные ощущения, что для их описания у матросов просто не нашлось слов.

Странности между тем множились. Я уже говорил, что восточнее острова Романду света стало больше, и он сделался светлее. Солнце увеличилось в размерах, сверкало ярче, хоть и не припекало. Чем дальше на восток, тем больше свет пронизывал все — и море, и воздух; но странным образом этот свет обретал особую мягкость и совершенно не резал глаза. По прошествии некоторого времени люди смогли смотреть не щурясь даже прямо на солнце. Скоро светилось все — корпус корабля, парус, весла, снасти и сами моряки. А на следующее утро, когда взошло огромное, раз в пять больше обычного, светило, люди долго не сводили с него глаз, любуясь взлетавшими со сверкающего диска белоснежными птицами.

За весь день никто на борту не вымолвил и слова, и лишь к вечеру (ужинать не садились, просто попили воды) Дриниан сказал:

— Решительно ничего не понимаю. Полнейший штиль, парус обвис, море гладкое, что твой пруд, а корабль летит вперед, словно его подгоняет буря. Что бы это могло значить?

— Не знаю, — откликнулся Каспиан. — Может, нас подхватило сильное течение?

— Хм... — покачал головой Эдмунд. — Мы вот все говорили: Край Света, Край Света. Но если у света и вправду есть край, нам это не сулит ничего хорошего.

— Ты полагаешь, — сказал Каспиан, — море переливается через этот край, и мы можем просто... перелиться с ним вместе?

— Вот здорово! — вскричал Рипичип и захлопал от восторга в ладоши. — Я всегда так и представлял себе мир: он как большущий круглый стол, и воды всех морей беспрестанно переливаются через его края, как... ну, как свисает со стола скатерть. Корабль подплывет к самому краю — поспеет к рассвету — мы заглянем вниз, потом нырнем и...

— И что? — спросил Дриниан. — Как ты думаешь, что ожидает нас там, внизу?

— Наверное, страна Эслана,— ответил Рипичип. Глаза его сверкнули.— Впрочем, кто знает? Может, никакого низа и нет, и мы будем падать целую вечность. Но так ли это важно, ведь главное, что мы все-таки заглянем за Край Света.

— Это *антинаучно*,— не выдержал Юстейс.— Мир действительно круглый, но вовсе не как стол, а как шар.

— Это наш мир такой,— возразил Эдмунд,— а что ты знаешь про здешний?

— Вы что,— удивился Каспиан,— и впрямь хотите сказать, будто заявились сюда из мира, похожего на мяч? И ни разу, ни словечком об этом не обмолвились! А я в детстве больше всего любил сказки про такие волшебные миры. Хоть и не верил, что они взаправду существуют. Что угодно бы отдал, только бы... Хм, интересно, кстати: почему вы оттуда к нам попадаете, а наоборот не бывает? Эх, вот бы туда попасть! Чудно, наверное, жить на шаре. А вы бывали в тех местах, где людям приходится ходить вниз головой?

— Там этого никто даже не замечает,— пробурчал Эдмунд.— Для того, кто живет в круглом мире, в нем нет ничего особенного.

Глава 16
Край Света

Не считая Люси с Эдмундом и Дринианом, подводных жителей видел один только Рипичип. Он вовсе не упал в воду, а прыгнул, увидев, как морской король потряс своим копьем, потому что усмотрел в этом вызов, который никак не мог оставить без должного ответа. Однако обнаружив, что вода не соленая, Рипичип пришел в такое волнение, что о морских обитателях и думать забыл, а прежде чем вспомнил, Люси с Дринианом успели отвести его в сторонку и попросили никому ничего не рассказывать.

Впрочем, вскоре беспокоиться было уже не о чем, ибо теперь корабль плыл над совершенно необитаемым дном. Подводных людей приметила только Люси, да и то лишь мельком и в отдалении. Все следующее утро плыли по мелководью, над густыми зарослями водорослей. Незадолго до полудня девочка увидела большой косяк рыб: все плыли в одну сторону и все что-то жевали. «Ну, совсем как овечки»,— подумала Люси и тут неподалеку от рыбьей отары увидела подводную девочку примерно своих лет — одинокую девчушку с хворос-

тиной в руке. Люси решила, что это пастушка, и пасет она этот самый рыбий косяк. Когда корабль оказался прямо над пастушкой, та подняла голову, и глаза двух девочек встретились. Ни одна не проронила ни слова; спустя несколько мгновений стадо с пастушкой остались за кормой, но лицо подводной девочки Люси запомнила на всю жизнь.

В отличие от вчерашних морских рыцарей и дам, на этом лице не было ни гнева, ни страха. Девочка очень понравилась Люси, а Люси, наверное, так же понравилась девочке. Можно сказать, что за краткий миг они успели подружиться. Маловероятно, чтоб им довелось встретиться хоть в этом мире, хоть в любом другом, но если такая встреча все же состоится, обе, я уверен, бросятся друг к дружке с распростертыми объятиями.

Потом корабль долго-долго скользил по гладкой поверхности моря, и с каждым днем, с каждым часом свет становился все ярче и в то же время мягче. Никто больше не ел и не спал. Люди черпали из-за борта воду и пили ее, а она была словно мокрее обычной и крепче вина. Двое пожилых матросов молодели на глазах. Все радовались за них, все восхищались происходящим, но и радость, и восхищение были тихими и не выплескивались в пересуды. Чем дальше на восток, тем реже велись разговоры, а если и велись, то больше шепотом. Умиротворение Последнего Моря передавалось и людям.

— Капитан,— спросил однажды Каспиан у Дриниана,— что это виднеется впереди?

— Ваше величество, вдоль всего горизонта, с севера на юг, тянется белая полоса.

— Вижу, но никак не пойму, что это может быть.

— Будь мы в северных широтах, ваше величество,— сказал Дриниан,— я решил бы, что это льды, но здесь никаких льдов быть не может. Думаю, не мешает посадить матросов на весла. Течение несет нас слишком быстро, а у меня нет желания врезаться во что бы то ни было на такой скорости.

Сказано — сделано. Гребцы замедлили бег судна, но белая полоса неуклонно приближалась, оставаясь при этом все такой же загадочной. Если то был остров, то весьма необычный, ибо совершенно не возвышался над водой. Когда подошли совсем близко, Дриниан приказал развернуть корабль и грести на юг, вдоль таинственной линии. Тогда и выяснилось, что полоса подхватившего их течения не шире сорока футов, а по обе стороны от нее море совершенно неподвижное. Это

обрадовало, ибо многие уже подумывали о том, каково будет возвращаться против столь сильного течения. Теперь, кстати, Люси сообразила, почему морская пастушка пропала из вида так быстро. Она стояла вне полосы течения, а иначе ее сносило бы с той же скоростью, что и корабль.

Но если с течением прояснилось, то загадочная белизна оставалась столь же загадочной. Пришлось спустить на воду и выслать вперед шлюпку. Следившие за ней с борта увидели, как она легко пересекла черту и оказалась посреди белого пространства. Со шлюпки донеслись изумленные голоса. Потом наступило молчание. С корабля видели, как Ринельф промерял лотом глубину, а когда шлюпка повернула обратно, оказалось, что и она изнутри побелела. Подгоняемые любопытством, все бросились к борту.

— Это лилии, ваше величество, — предваряя вопросы, крикнул из лодки Ринельф.

— Что? — не понял Каспиан.

— Лилии, водяные лилии! — повторил Ринельф. — Вроде кувшинок, которые в прудах растут.

— Смотрите! — Сидевшая на корме шлюпки Люси подняла охапку белых цветов с плоскими, широкими листьями.

— А какая там глубина? — спросил Дриниан.

— Как ни странно, капитан, — отозвался Ринельф — отмели там нет.

— По-моему, это никакие не кувшинки, — сказал Юстейс. Вполне возможно, он не ошибся. Но с виду эти цветы были просто вылитые кувшинки.

Посовещавшись, корабль снова пустили по течению, прямиком через Озеро Лилий, или Серебристое Море (какое из двух названий лучше, тогда так и не решили, но Каспиан нанес на свою карту последнее). Началась, пожалуй, самая удивительная часть плавания. О существовании обычного, не поросшего цветами моря теперь напоминала только синяя каемка далеко на западе. Со всех сторон, насколько хватало взгляда, корабль окружали белоснежные цветы, отражавшие золотистый солнечный свет. Лишь за кормой сплошной белый покров расходился, открывая дорожку чистой, поблескивающей, как темное стекло, воды. Могло показаться, что корабль находится где-то среди арктических льдов; и если бы глаза моряков не приспособились к яркому свету, они могли бы не выдержать ослепительной белизны лепестков. Особенно ярко

сияли цветы на рассвете, когда вставало исполинское солнце; однако из-за лилий светлыми сделались даже ночи. А уж какой они источали аромат! Впоследствии Люси не раз пыталась описать это нежное благоухание, чарующее, но не дурманящее, прохладное, свежее, проникающее в самое сердце и бодрящее — хотелось взбежать на верхушку самой крутой горы или помериться силами со слоном.

Люси с Каспианом то и дело говорили друг другу:

— У меня больше нет сил это выносить... но только бы оно не кончалось!

Дриниан без конца промерял глубину, однако дно стало подниматься лишь через несколько дней. Теперь чем дальше, тем становилось мельче; из осторожности корабль вывели из течения и пошли на веслах. А еще через несколько дней стало ясно, что дальше кораблю путь заказан. Пожалуй, они до сих пор не налетели на мель лишь благодаря предусмотрительности и искусству Дриниана.

— Свистать всех наверх! — скомандовал Каспиан. — Шлюпку на воду!

— Что это он затевает? — шепнул Юстейс Эдмунду. — И вид у него какой-то странный: вон как глаза блестят.

— Думаю, мы все выглядим так же, — ответил Эдмунд.

Они отправились на корму, где находился Каспиан и где по его приказу вскоре собралась вся команда.

— Друзья! — обратился король к матросам, — наша цель достигнута. Мы нашли семерых лордов. Поскольку благородный Рипичип не намерен возвращаться, то по прибытии на остров Романду вы наверняка обнаружите, что чары утратили силу, и лорды Ревелиан, Аргоз и Мавроморн уже проснулись. Вот мой последний приказ. Лорду Дриниану повелеваю как можно скорее отвести корабль домой, в Нарнию, а по дороге ни в коем случае не причаливать к Острову Мертвой Воды. По прибытии лорд должен будет передать наместнику Трампкину, чтобы тот сполна, как было обещано мною, наградил всех, кто сопутствовал мне в этом плавании. Они заслужили награду. На тот случай, если самому мне не доведется воротиться, объявляю свою волю: пусть наместник Трампкин, барсук Землерой и лорд Дриниан изберут нового короля в согласии...

— Ваше величество, — прервал Дриниан, — разве вы отрекаетесь от престола?!

— Я отправляюсь с Рипичипом взглянуть на Край Света, — отвечал король.

Среди матросов поднялся приглушенный ропот.

— Мы заберем шлюпку, — продолжал Каспиан. — Вам она в этих спокойных водах не понадобится, а как доберетесь до острова Романду, построите новую. А сейчас...

— Каспиан! — неожиданно строго промолвил Эдмунд. — Ты не дело задумал. Так нельзя.

— Я тоже считаю, что вашему величеству не следует поступать таким образом, — поддержал Рипичип.

— И я, — присоединил свой голос Дриниан.

— Вот как? — угрожающе процедил Каспиан, сделавшись в этот миг похожим на своего дядюшку Мираза.

— Вы уж не извольте гневаться, ваше величество, — проворчал стоявший с матросами на палубе Ринельф, — но скажи подобное кто-нибудь из команды, его назвали бы дезертиром!

— Не слишком ли много ты себе позволяешь, Ринельф? — сурово сдвинул брови Каспиан.

— Вовсе нет, ваше величество, — снова подал голос Дриниан. — Он совершенно прав.

— Клянусь гривой Великого Льва! — рявкнул король. — До сих пор я считал вас своими подданными, а не наставниками!

— Я не твой подданный! — тоже повысил голос Эдмунд. — Но скажу еще раз: тебе туда плыть *нельзя!*

— Нельзя? — переспросил Каспиан. — Но кто может запретить мне? Или я не король?

— С позволения вашего величества, — промолвил Рипичип с низким полоном. — Вам *нельзя* этого именно потому, что вы король. Не вернувшись вместе со всеми, вы утратите право на доверие соотечественников, в первую очередь лорда Трампкина. Вы король, а значит, не вправе из любви к приключениям забывать о лежащей на вас ответственности. Потому, если вы не согласитесь внять доводам рассудка, то мы вынуждены будем доказать свою преданность вашей особе тем, что разоружим вас, свяжем и посадим под замок до тех пор, пока вы не образумитесь.

— Правильно, — поддакнул Эдмунд. — Одиссея тоже пришлось связать, чтобы он не уплыл к сиренам.

Рука Каспиана рванулась к рукояти меча, но тут Люси напомнила:

— А как же дочь Романду? Кажется, ты обещал ей вернуться.

Рука дрогнула. Некоторое время король молчал, потом растерянно произнес:

— Да... Конечно...— Он снова умолк, а спустя несколько томительных мгновений громко обратился ко всей команде: — Будь по-вашему. Плавание закончено, и мы возвращаемся. Поднять шлюпку на борт!

— Ваше величество,— напомнил Рипичип,— не *все* возвращаются. Я, как уже было сказано...

— Молчать! — рявкнул Каспиан.— Пусть мне преподали урок, но это еще не значит, что я позволю над собой насмехаться! Эй, кто-нибудь, уймите этого несносного болтуна!

— Ваше величество! — воскликнул Рипичип.— Не вы ли обещали говорящим животным Нарнии быть для них добрым и справедливым королем?

— Так то говорящим, а не болтающим без умолку! — отрезал Каспиан, сбежал вниз по трапу и скрылся в каюте, хлопнув дверью и оставив всех в полной растерянности.

Впрочем, растерянность не затянулась, ибо спустя некоторое время Каспиан вновь появился на палубе и выглядел теперь совсем иначе. Лицо его побледнело, в глазах стояли слезы.

— Мне так стыдно,— промолвил юный король,— я очень виноват перед всеми вами. Только что со мной говорил Эслан. Нет, конечно сам он не здесь, ему в каюте не поместиться... Со мной говорила золотая львиная голова, что висит на стенке. Ожила и заговорила. Бранить меня Эслан не бранил, хотя поначалу был строг и смотрел сурово. Но то, что он сказал,— ужасно. Дело в том, что... у меня язык не поворачивается, да деваться некуда... Дело в том, что Рип поплывет дальше, и не один, а со всеми вами — с тобой, Люси, и с тобой, Эдмунд, и с тобой, Юстейс. А я должен возвращаться без вас. И немедленно. Ну, за что мне такое наказание?

— Каспиан, милый! — ласково сказала Люси.— Ты ведь знал: рано или поздно нам придется вернуться в наш мир.

— Знать-то знал,— уныло согласился Каспиан,— но надеялся, что это случится попозже. Хоть чуточку попозже.

— Вот вернешься к Романду, тебе станет легче,— утешила Люси.

В конце концов Каспиан, конечно, взял себя в руки, но расставание все равно было печальным, поэтому я, пожалуй, обойдусь без подробностей. В два часа пополудни корабельная шлюпка, на которую погрузили запас провизии и воды (хотя все считали, что ни то ни другое не понадобится) и кожаную лодчонку Рипичипа, взяла курс на восток, рассекая сплошной цветочный покров. На корабле подняли все флаги и вывесили на бортах все щиты. Снизу, с окруженной лилиями шлюпки, «Поспешающий к восходу» казался большим, надежным и уютным, как дом. На глазах у обоих Певенси корабль сделал плавный полукруг, развернулся и медленно пошел на веслах на запад. Люси прослезилась, однако плакала меньше, чем можно было ожидать, потому что светлая тишина и благоухание Серебристого Моря никак не располагали к долгой печали.

Никто в шлюпке не спал и не прикасался к еде. Как, впрочем, и к веслам — лодку уносило на восток течение. Так прошла ночь и весь следующий день, а когда занялся новый рассвет — такой яркий, что мы с вами не смогли бы смотреть на него даже сквозь закопченное стеклышко, как смотрят на солнечное затмение, — взорам троих путников предстало чудо из чудес.

Впереди, между ними и небом, выросла серовато-зеленая, дрожащая и мерцающая стена. Солнце поднималось прямо за ней, и когда она, просвечивая, начала переливаться всеми цветами радуги, стало ясно, что приняли было за стену — исполинскую, футов в тридцать высотой, волну. Только, в отличие от обычной, эту волну словно прикрепили к месту. Течение несло шлюпку прямо на нее. Вы, наверное, думаете, что все в шлюпке страшно перепугались? Как бы не так! И дело тут не столько в особой храбрости, сколько в изумительном зрелище, открывшемся взглядам. Благодаря тому, что вода Последнего Моря сделала глаза путников необычайно зоркими, они могли смотреть сквозь водяной вал на восходящее солнце и даже видели, что находится позади вала.

А там вздымались горы, такие высоченные, что их вершины уходили в самое небо. Правда, надо заметить, как раз неба-то потом ни Эдмунд, ни Люси вспомнить не могли, а это, пожалуй, доказывает, что горы находились в каком-то другом мире. Посудите сами — у нас на вершинах гор, которые в пять или даже в двадцать раз ниже, непременно лежат ледники и снеж-

ные шапки, а склоны этих гор, насколько дотягивался взор, покрывали светло-зеленые леса, прочерченные серебристыми лентами рек и водопадов. Внезапно с востока налетел ветер, сбил гребень волны и осыпал гладкую поверхность воды перед носом шлюпки сверкающими брызгами. Порыв ветра длился всего лишь мгновение, но принес с собой такое благоухание и такую дивную музыку, что ребята запомнили этот миг на всю жизнь. Эдмунд и Юстейс хранили память в сердце и ни с кем ею не делились, а вот Люси как-то сказала, что у нее едва не разорвалось сердце.

— Неужели музыка была столь печальной? — спросил я.

— Печальной? — удивилась Люси.— Что ты, конечно нет! — Но объяснять не стала.

Никто из них не сомневался, что они заглянули за Край Света и увидели страну Эслана.

И тут, нарушив торжественность мгновения, шлюпка налетела на мель. Раздался треск.

— Дальше мне придется плыть одному,— сказал Рипичип, а остальные почувствовали себя так, будто все это уже происходило с ними или, во всяком случае, было им предсказано. Без всяких возражений они помогли мышу спустить на воду его легкую скорлупку. Рипичип достал из ножен шпагу и со словами «больше не понадобится» отшвырнул в сторону. Клинок вонзился в дно, рукоять осталась торчать над ковром из лилий. При прощании Рипичипу, как он ни силился, не удалось напустить на себя грустный вид — переполнявшая его радость так и рвалась наружу. Люси в первый и последний раз сделала то, о чем давно мечтала, но никак не могла решиться,— взяла мыша на руки и погладила. Потом он быстро пересел в свою лодчонку, взял в лапки весло, и Рипичипа подхватило течением. На фоне белоснежных лилий удалявшаяся лодочка казалась черным пятнышком. Она бежала все быстрее, оказалась у подножия зеленоватой волны, на которой никаких цветов не было, легко взлетела на гребень и, задержавшись там на миг, исчезла по другую сторону.

С тех пор никто не встречал отважного Рипичипа, но я не сомневаюсь, что он благополучно достиг страны Эслана, где пребывает и по сей день.

Солнце поднялось выше, и горы, видневшиеся за пределами мира, истаяли. Водяной вал остался, но теперь за ним синело небо.

Ребята тоже выбрались из шлюпки и, оставив чудесную волну по левую руку, раздвигая лилии, побрели по мелководью на юг. Спроси вы их тогда, почему именно на юг, они бы вам не ответили. Просто чувствовали, что им надо *туда*. За время плавания все они повзрослели, но сейчас снова почувствовали себя веселыми и беззаботными малышами. Теплая вода под ногами становилась мельче и мельче. Наконец вышли на песчаный пляж. Сразу за кромкой песка, почти на уровне воды, расстилался широкий и ровный, без единого бугорочка луг, поросший нежной изумрудной травой.

И разумеется, как это всегда бывает, когда вы стоите на плоской равнине без единого деревца, ребятам почудилось, будто впереди небо встречается с землей. Но чем дальше они шли, тем сильнее крепла в сердцах уверенность, что на сей раз эта встреча происходит на самом деле. А вскоре развеялись и последние сомнения: небо — гладкая и твердая, как стекло, ярко-голубая стена — высилось прямо перед ними, и до него было подать рукой.

А у подножия этой стены, на траве, виднелось пятнышко, сиявшее так, что даже им, привыкшим за последние дни к яркому свету, пришлось сощуриться. Подойдя ближе, они поняли, что видят ягненка с ослепительно белым руном.

— Подходите, позавтракайте, — приветливо прозвучал его голос.

Оказалось, что поблизости тлеет костерок, на угольях запекается рыба. Неожиданно впервые за долгое время все трое почувствовали себя голодными, а потому повторять приглашение не пришлось. Позавтракали с аппетитом, тем паче что такой вкусной рыбы им пробовать еще не доводилось.

— Прошу прощения, уважаемый ягненок, — промолвила, подкрепившись, Люси, — скажите, можно ли попасть отсюда в страну Эслана?

— Вам — нет! — отвечал ягненок. — Для вас путь в страну Эслана открывается из вашего собственного мира.

— Как? — изумился Эдмунд. — Неужто к Эслану можно попасть от нас?

— Ко мне можно попасть из любого мира, — прозвучал ответ, и нежная, светящаяся белая шерстка вспыхнула золотым пламенем. Ягненок исчез — перед ребятами, возвышаясь над ними, стоял огромный Лев со сверкающей гривой.

— Эслан! Но как это сделать? — спросила Люси. — Как попасть в твою страну из нашего мира?

— Этому я буду постоянно учить вас, — ответил Лев, — и пока не скажу, долог или короток будет ваш путь. Знайте лишь, что он непременно пересечет реку, но не бойтесь: я большой мастер наводить мосты. А сейчас приготовьтесь: я открою дверь в небе и отправлю вас домой.

— Эслан, — промолвила Люси, — прошу тебя, прежде чем мы уйдем, скажи, пожалуйста, когда нам снова доведется побывать в Нарнии.

— Милое дитя, — отозвался Лев. — Ни ты, ни твой брат в Нарнию больше не вернетесь.

— Ох, Эслан! — вырвалось у обоих. — Как же так?! Почему?

— Вы слишком выросли, дети, — пояснил Эслан. — Вам пришла пора узнать получше свой мир, в котором вас ждет множество дел.

— Но ты ведь знаешь, Эслан, — всхлипнула Люси, — дело вовсе не в Нарнии, а в тебе. Там мы не встретимся с тобой, а как нам жить без тебя?

— Мы с вами еще непременно увидимся, — ласково возразил Эслан.

— Разве?.. — сбивчиво пролепетал Эдмунд. — Разве ты бываешь и там?

— Бываю, — заверил Лев. — Только зовут меня там по-другому. Вам придется научиться узнавать меня и под тем именем. Но у вас должно получиться, ведь, по правде говоря, для того вы и посещали Нарнию. Тем, кто познакомился со мной здесь, легче не ошибиться там.

— А Юстейс? — спросила Люси. — Ему что, тоже больше не видать Нарнии?

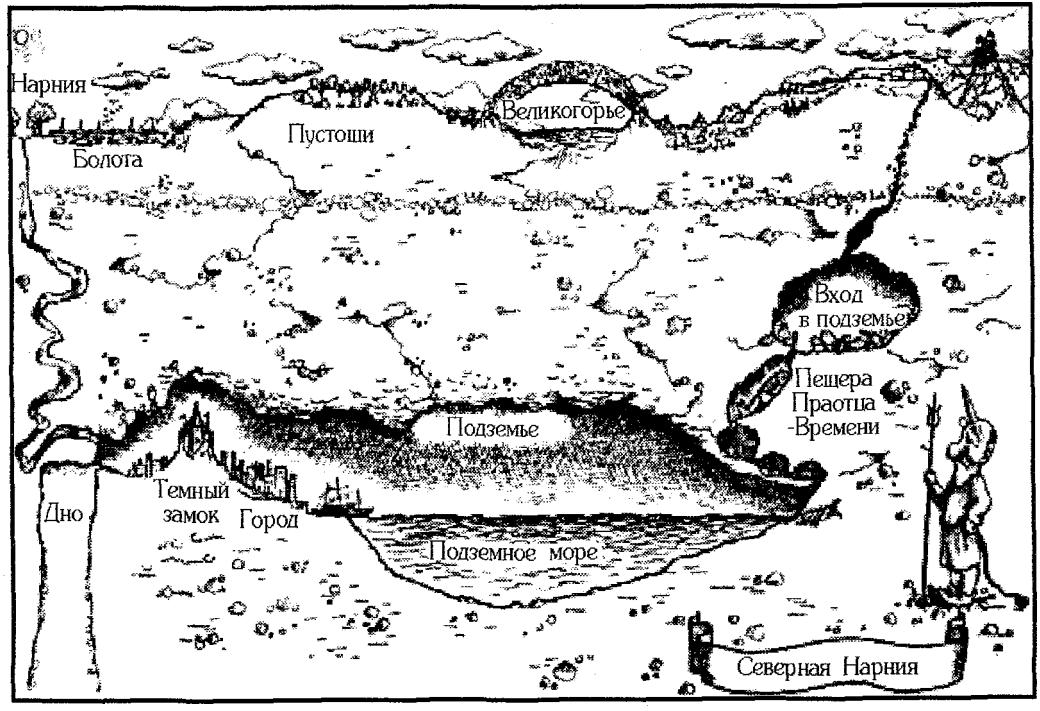
— Милая девочка, — терпеливо проговорил Эслан, — так ли тебе нужно это знать? Поспешите, дверь в небе сейчас откроется.

В тот же миг, словно кто-то разорвал штору, в сплошной голубой завесе образовалась щель, откуда ударили слепящие белые лучи. Люси, Эдмунд и Юстейс ощутили мягкое прикосновение золотой гривы, почувствовали на лбу поцелуй и... оказались по ту сторону неба, в спальне кембриджского дома тетушки Альберты.

Вот, собственно, и вся история, от себя добавлю самую малость. Во-первых, все участники плавания благополучно

добрались до острова Романду; трое лордов пробудились от волшебного сна, а Каспиан женился на дочери Романду и увез ее в Нарнию, где она стала великой королевой, матерью и бабушкой великих королей. Во-вторых, Юстейс по возвращению в наш мир изменился так сильно, что многие удивленно восклицали: «Да уж тот ли это мальчик?» Недовольна была только Альберта — по ее мнению, сын стал скучным и заурядным, и конечно же, причиной всему — дурное влияние этих гадких Эдмунда и Люси Певенси.

СЕРЕБРЯНОЕ КРЕСЛО


Нарния
Болота
Пустоши
Великогорье
Вход
в подземье
Пещера
Праотца
-Времени
Подземье
Темный
замок
Город
Дно
Подземное море
Северная Нарния

Посвящается Николасу Харди

Глава 1
На школьных задворках

Был серый осенний денек. Джил Поул плакала на задворках школы. Плакала, потому что ее опять обидели. Опять *они.*

Нет, речь у нас пойдет не о школьных делах, и я не стану слишком распространяться о заведении, в котором училась Джил, тем более что говорить об этом не слишком приятно. Скажу только: то была «Экспериментальная школа совместного типа обучения» или, если проще, «смешанная школа», то есть такая, где мальчиков и девочек «перемешали», чтобы не сказать «перепутали», — но больше всего намешано и напутано было в головах у тех, кто руководил этим экспериментом. Основной их принцип был вот каков: пусть дети делают все, что им угодно. К сожалению, десяток-полтора старших учеников решили, что им угодно издеваться над прочими, и всевозможные пакостные дела и делишки, которые в обычной школе обнаруживаются и искореняются в два счета, здесь процветали. Более того, виновных не только не изгоняли из школы, но даже не наказывали, напротив, сама директриса со словами: «Ах, какой интересный психологический казус» — вызывала их в свой кабинет и беседовала с ними иногда по нескольку часов кряду. А кто исхитрялся на таком собеседовании еще и подладиться к начальству, становился любимчиком.

Вот почему в тот серый осенний день Джил Поул плакала на мокрой тропинке между задним фасадом школы и зарослями

© В. Воседой, перевод, 2000

лавра. Она еще всхлипывала, когда из-за угла вынырнул какой-то мальчишка; он шел, засунув руки в карманы, и насвистывал. И едва не налетел на нее.

— У тебя что, глаза на затылке? — закричала Джил.

— Да ладно тебе, — окрысился мальчишка, — не вопи... — И вдруг заметил, какое у нее лицо. — Эй, Поул, ты чего это?

А лицо у нее было такое, знаете, какое бывает у человека, который только что плакал, потом захотел что-то сказать, но вместо этого вот-вот снова заплачет.

— Понятно, — мрачно протянул мальчишка, засовывая руки еще глубже в карманы. — Опять, значит, *они*?

Джил кивнула. Объяснений не требовалось. Оба прекрасно знали, о ком идет речь.

— Так вот, Поул, — сказал мальчишка, — всем нам следует...

На уме у него было что-то хорошее, но на словах получилось как-то слишком по-учительски, и Джил вдруг разозлилась (как тут не разозлиться, если тебя застали чуть не в слезах).

— Иди-ка ты отсюда, — замахала она руками. — Не лезь ко мне. Тебе что, больше всех надо, да? Ты что, лучше всех знаешь, что нам делать, да? Хочешь, чтобы все подлизывались, на коленках ползали и плясали под их дудку — вроде тебя?

— Ничего себе! — от изумления мальчишка сел на скамейку покрытую дерном и тут же вскочил, потому что трава была мокрая. Его звали Юстейс Скрабб, по прозвищу Бяка, впрочем, бякой он не был.

— Это несправедливо! — воскликнул он. — Что такого я сделал? Разве ты не знаешь? Это ведь я задал жару Ломовику, тогда, из-за кролика. И хоть меня пытали, Спивенса я не выдал. А потом...

— Ничего я не знаю и знать не хочу, — рыдала Джил.

Бяка понял, что слова тут бесполезны, и поступил весьма благоразумно — предложил девочке мятный леденец. И себе взял тоже. Вскоре мир в глазах Джил стал чуточку светлее.

— Не сердись, Бяка, — сказала она. — Я не права. Все так и есть, как ты говоришь. В этой четверти. А раньше...

— Мало ли что было раньше, — перебил Юстейс. — За каникулы я стал другим человеком, ясно? А раньше — черт меня знает, каким я был гаденышем!

— Это точно, — подтвердила Джил.

— Ага, тебе тоже кажется, что я уже не такой?

Джил кивнула:

— Не только мне. Все так считают. И *они* тоже. Вчера в нашей раздевалке Элинор Блэкистон слышала, как Адель Пенифезер говорила: «Что-то этот Бякин сын совсем от рук отбился. Что-то он стал слишком много высовываться. Придется с ним потолковать».

Юстейса дрожь пробрала. Кто в Экспериментальной школе не знал, что это значит, когда *они* хотят с кем-то *потолковать*?

Оба притихли. Стало слышно, как по листьям лавра стекают капли.

Потом Джил спросила:

— А что это с тобой случилось за каникулы?

— Случилось? Много всякого случилось... необыкновенного, — отвечал Юстейс с таинственным видом.

— Необыкновенного? — переспросила Джил.

Юстейс молчал.

— Слушай, Поул, — наконец произнес он, — ты, наверное, вроде меня, ненавидишь эту школу, да? Хуже этого места и быть не может, да?

— Пожалуй, что так, — согласилась Джил.

— В таком случае, я думаю, тебе можно доверить тайну.

— Очень мило с твоей стороны, — улыбнулась Джил.

— Нет, это действительно потрясающая тайна! Слушай, Поул, можешь ли ты поверить, ну, во всякое, знаешь, такое? Я хочу сказать, в такое, над чем здесь все будут смеяться?

— Не пробовала, — призналась Джил, — но почему бы и нет?

— К примеру, если я скажу, что на каникулах побывал в другом мире... в мире по ту сторону... — ты поверишь?

— Где это?

— Ладно, не будем про миры. Положим, я скажу, что побывал там, где животные умеют разговаривать и где... ну, чудеса разные и драконы, и всякое такое, которое только в сказках... — Произнеся это, Бяка совсем смутился и покраснел.

— А как ты туда попал? — спросила Джил. Ей тоже стало как-то неудобно.

— Попасть туда можно только с помощью волшебства, — Юстейс понизил голос. — Я был там с моими двоюродными

братом и сестрой. Нас туда просто втянуло. А они уже там бывали.

Теперь, когда они заговорили шепотом, Джил как-то легче стало вериться. Но вдруг ее пронзило ужасное подозрение, и она прошипела (в этот момент девочка стала похожа на большую кошку):

— Если ты врешь, Бяка, я больше никогда, никогда, никогда не буду с тобой разговаривать! Понял?

— Да нет же,— шептал Юстейс.— Клянусь, я не вру! Клянусь чем хочешь.

(Когда я учился в школе, мы клялись Библией. Но в Экспериментальной школе Библия не в чести.)

— Ладно,— сказала Джил,— верю.

— И никому не скажешь?

— За кого ты меня принимаешь?

Так они перешептывались, позабыв обо всем на свете. Но потом Джил огляделась, увидела унылое осеннее небо, услышала перестук капель, сбегающих с листа на лист, и безнадежная школьная тоска вновь овладела ею (прошло всего лишь две недели с начала занятий, а до конца осталось — еще одиннадцать). Она вздохнула:

— Ну и что? Мы же здесь, а не там. И никак не можем попасть туда... Или все-таки можем?

— Вот и я о том же,— кивнул Юстейс.— Понимаешь, когда мы трое возвращались оттуда, *он* сказал, что двое из нас — он имел в виду моих брата и сестру — никогда больше не вернутся туда. Они там побывали уже трижды, и я думаю, их время кончилось. Но обо мне-то он ничего такого не сказал. А вдруг он ничего не сказал потому, что я еще могу побывать там? Знаешь, мне кажется, мы могли бы... попробовать... как-нибудь...

— Как-нибудь попасть туда? — подхватила Джил. Юстейс опять кивнул, и она продолжила: — А если начертить на земле круг, вписать в него всякие там тайные знаки, стать внутрь и произнести заклинания?

— Понимаешь,— Юстейс наморщил лоб, соображая,— когда-то я тоже так думал, хотя ничего такого не пробовал. А теперь я уже кое-что знаю и понял: все эти круги и знаки — чушь собачья. Это *ему* ни к чему. А то получится, будто мы его заставляем. А на самом деле его можно только просить.

— Кого — его? О ком ты?

— Там его зовут Эслан, — сказал Юстейс.

— Какое чудное имя!

— Не чудное, а чудное! Потому что сам он — чудо, — торжественно произнес Юстейс. — Давай все-таки попробуем. Хуже не будет, а вдруг получится. Стань рядом, вытяни руки вперед, ладонями вниз — так делают на острове Романду.

— На каком острове?

— Потом расскажу... И наверное, лучше повернуться лицом к востоку. Где у нас восток?

— Не знаю, — пожала плечами Джил.

— Все вы, девчонки, такие, — никогда не знаете, — проворчал Юстейс.

— А ты будто знаешь? — возмутилась Джил.

— Да я сейчас, только не мешай. Вот! Восток там, за кустами. А теперь повторяй за мной.

— Что повторять? — спросила Джил.

— Что я буду говорить, то и повторяй, понятно? Ну, начали... — И он произнес: — Эслан! Эслан! Эслан!

— Эслан, Эслан, Эслан, — вторила ему Джил.

— Пожалуйста, позволь нам...

И в этот самый момент с другой стороны школьного двора послышался голос:

— Тебе Поул нужна? Ага, я знаю, где она. Распустила сопли, ревет за школой. Притащить ее? Щас!

Джил и Юстейс переглянулись, нырнули в кусты и быстро-быстро стали карабкаться по крутому склону среди зарослей лавра. (Математика, французский язык, латынь и все такое прочее в Экспериментальной школе постигались с трудом, зато каждый очень скоро научался быстро и бесшумно спасаться бегством.)

Через минуту-другую беглецы остановились, прислушались и поняли, что охота за ними началась.

— Хоть бы дверь была открыта! — прошептал Бяка. Джил кивнула, и они бросились дальше. Наверху, за кустами, территорию школы огораживала высокая каменная стена, а в той стене была калитка, которая могла оказаться открытой. На самом-то деле она всегда была заперта. Но кто-то когда-то видел ее распахнутой — и очень может быть, что один-единственный раз так оно и было, — это запомнилось, и с тех пор все беглецы устремлялись туда в надежде, что калитка окажется открытой; ведь то был самый короткий путь из школы на волю.

Джил с Юстейсом вымокли и перемазались, пролезая под ветками кустов, пока наконец, совсем запыхавшись, не добрались до стены. Дверь, разумеется, была закрыта.

— Ясное дело, — воскликнул Юстейс, — вот так всегда! — Он подергал ручку и: — Ух ты!!! — Ручка повернулась, и дверь отворилась.

Только что они желали одного — поскорее оказаться по ту сторону стены, лишь бы не было заперто. А теперь, когда дверь распахнулась, у них ноги будто к земле приросли. Потому что за дверью было совсем не то, что должно было быть.

Они должны были увидеть серый вересковый склон, поднимающийся к тоскливому осеннему небу. А увидели солнце. Солнечный свет лился в дверной проем — будто ворота темного ангара распахнули в июньский день — самоцветами сверкала роса; при таком освещении заплаканное лицо Джил казалось совсем чумазым. Они сразу поняли: там, за калиткой, сияло солнце другого мира. Трава там была зеленой и глянцевитой, небо — таким синим, какого Джил в жизни не видывала, и какие-то неопознанные летающие объекты сновали по воздуху — то ли драгоценные камни, то ли огромные бабочки.

Хотя Джил и мечтала о чем-то подобном, она все-таки испугалась. Взглянув на Бяку, девочка убедилась, что он тоже сдрейфил.

— Пошли, Поул, — с трудом произнес Юстейс, у которого перехватило дыхание.

— А мы сможем оттуда вернуться? А вдруг там опасно?

В этот момент позади раздались вопли.

— Эй, ты, Поул! — верещал злобный голосок. — Мы же знаем, где ты. Давай вали вниз, — это была Эдит Джакл, одна из *их* подпевал и шпионок.

— Быстрей! — заорал Бяка. Ну! Давай руку. Держись за меня, — и прежде чем Джил поняла, что происходит, он сдернул ее с места и вытащил за пределы школьной территории, за пределы Англии, за пределы нашего мира — *туда*!

Голосишко Эдит Джакл выключился словно радио. А включились совсем другие звуки. Издавали их те самые летающие объекты, сновавшие в воздухе, — оказалось, это птицы. Они громко пели, но совсем не так, как в нашем мире, — скорее то было музыкальное произведение, серьезная музыка, которую

не так-то просто понять с первого раза. Однако за птичьим хоралом таилась глубочайшая, необъятная тишина; этой тишиной был пропитан чистый бодрящий воздух, и Джил подумалось, что, скорее всего, они оказались на какой-то очень высокой горной вершине.

Бяка цепко держал ее за руку. Озираясь, двинулись вперед. Джил разглядывала огромные деревья, подобные кедрам, но несравненно большие. Деревья стояли просторно, подлеска не было, и лес просматривался далеко во все стороны. Слева и справа, насколько хватало глаз, Джил видела только густую траву, голубые тени деревьев и стремительных птиц с желтыми или синими, как у стрекоз, или радужными крыльями, и больше ничего. И ни дуновения в прохладном прозрачном воздухе. Только пустынный лес. А впереди не было даже деревьев, одно синее небо.

Они шли прямо туда и молчали, как вдруг Бяка закричал: «Стой!» — и дернул Джил назад. Они очутились на самом краю утеса!

Джил была из тех счастливцев, которые не боятся высоты. Ей ничего не стоило заглянуть в пропасть, и она рассердилась на Юстейса за то, что он оттащил ее от обрыва.

— Что я, маленькая, что ли,— Джил вырвала руку, а заметив, как он побледнел, и вовсе презрительно пожала плечами: — Ты чего это, Бяка?

И чтобы похвастаться своей храбростью, она ступила на самый край — куда ближе к обрыву, чем ей, по правде говоря, хотелось. И заглянула вниз.

И только тут до нее дошло, отчего побледнел Юстейс: ни один утес в нашем мире не мог бы сравниться с этим.

Представьте себе, что вы стоите на вершине самой высокой из самых высоких гор. И представьте себе, что вы смотрите с той высоты на землю. А потом представьте расстояние до земли в десять, а то и в двадцать раз большее. И вот вы видите далеко внизу какие-то белые комочки, которые на первый взгляд можно принять за овец, а на самом деле это — облака, не клочки тумана, но огромные белые набухшие облака, каждое из которых больше самой большой горы. А далеко-далеко внизу, между облаками, видна земля, так далеко, что невозможно различить, что там — лес или степь, суша или вода, потому что расстояние от облаков до земли еще большее, чем от вас до облаков.

Вот что увидела Джил. И ей ужасно захотелось отступить от обрыва хотя бы на шаг — но что в таком случае о ней подумает Бяка? Она уже решила: пусть себе думает что угодно, а она все равно отступит и никогда больше не будет смеяться над теми, кто боится высоты. И попыталась сделать этот шаг. И не смогла. Ноги у нее стали как ватные. Все поплыло перед глазами.

— Дура! Что ты делаешь? Назад!

Голос Юстейса долетел до нее, как будто из далекого далека. Джил почувствовала, как он ухватился за нее, и попыталась вырваться. А дальше — хотя она тогда потеряла голову от страха, но на всю жизнь ей врезалось в память и часто снилось то, что произошло дальше: как она вывернулась из рук Юстейса, как упала наземь, и как он в тот же миг, потеряв равновесие, со страшным криком сорвался в бездну.

На ее счастье, она не успела понять, что натворила, потому что в тот же миг какое-то огромное сверкающее существо примчалось к обрыву. Оно легло, склонив голову, и — странное дело! — стало дышать. Не реветь, не выть, но именно выдыхать воздух из широко раскрытой пасти — ровно и мощно, словно большущий пылесос. Джил лежала бок о бок с этим существом и чувствовала, как оно дышит. Она лежала без сил и не могла подняться, но сознания не потеряла,— а как хорошо было бы сейчас ничего не видеть, не слышать, не чувствовать! Между тем она следила глазами за крошечным черным пятнышком далеко внизу: оно не падало, но, удаляясь от утеса, казалось, взлетало наискосок — вдаль и вверх. Уменьшаясь, оно поднялось до уровня горизонта и растворилось в небе. Как пушинка, унесенная ветром. А Джил не могла отделаться от мысли, что этот ветер — дыхание существа, лежащего рядом.

Джил повернула голову и увидела... льва!

Глава 2
Задача для Джил

Даже не взглянув на нее, Лев поднялся, напоследок выдохнул еще разок и неспешно удалился в лес — он явно был доволен проделанной работой.

— Я сплю, да, да, я сплю,— твердила себе Джил.— Сейчас я проснусь.

Однако это был не сон, и проснуться не удавалось.

«Зачем только я попала сюда, в это ужасное место? — говорила себе Джил. — Наверное, Бяка тоже ничего не знал о нем. А если знал, какое он имел право тащить меня, ничего не объяснив? А в том, что он свалился с утеса, я не виновата. Если бы он не лез ко мне, все обошлось бы».

И тут она вспомнила крик Юстейса, падающего в бездну, и разрыдалась.

Хорошо плакать, пока есть слезы. Но слезы рано или поздно кончаются, и тогда приходится решать, что делать дальше. Выплакавшись, Джил поняла, что ей страшно хочется пить. Плакала она, уткнувшись лицом в землю, и теперь села. Птичья музыка смолкла, и было бы совсем тихо, если бы не чуть слышный, но непрерывный звук. Она прислушалась — где-то журчала вода.

Джил встала, огляделась. Льва не было, однако он мог спрятаться за любым деревом. Кроме того, в лесу могли быть и другие звери. Но пить-то хочется. Собравшись с духом, Джил пустилась на поиски. На цыпочках она перебегала от ствола к стволу, останавливалась и настороженно озиралась.

В лесу стояла такая тишина, что отыскать журчащую воду было нетрудно. Звук становился все отчетливее, и вдруг, как-то совсем неожиданно для себя, Джил оказалась посреди поляны и увидела хрустально прозрачный ручеек, бегущий в траве по камушкам. При виде воды пить захотелось во сто крат больше, но девочка не бросилась к воде — она остолбенела, разинув рот. И было отчего — на берегу ручья лежал Лев.

Зверь лежал, вытянув передние лапы и приподняв голову, — совсем как те каменные львы на Трафальгарской площади. И он, конечно же, сразу заметил ее — посмотрел ей в глаза и отвернулся с таким видом, будто ничего нового не увидел, и Джил его не очень интересует.

«Если я побегу в лес, он меня все равно догонит, — подумала Джил, — а если пойду вперед, попаду прямо в пасть», — и никак не могла ни сдвинуться с места, ни отвести ото льва глаз. Долго ли так продолжалось, она не знала — время для нее как будто застопорилось. А жажда становилась невыносимой, и — «Пусть меня сожрет Лев, лишь бы сначала позволил напиться».

Вдруг она услышала:

— Хочешь пить — пей!

Кто бы это мог быть, кроме Бяки, которого она в последний раз слышала там, на краю утеса? Джил озиралась, пытаясь понять, а между тем голос повторил:

— Если хочешь пить, подойди и пей.

И только тут она вспомнила фразу Бяки о говорящих животных и поняла, что слышит льва. Да, да, на этот раз она заметила, как он шевелит губами. А голос у него был вполне человеческий, только глубже, естественнее, мощнее — такой, знаете, тяжелый, будто золотой. Страх не исчез, но стал несколько иным.

— Ты хочешь пить? — поинтересовался Лев.

— Просто умираю, — ответила Джил.

— Так пей же! — сказал Лев.

— А не могли бы вы... не могли бы вы отойти чуть подальше? — попросила Джил.

Лев только глянул на нее и тихонько заворчал. А Джил, посмотрев на это огромное, недвижно лежащее животное, поняла, что с тем же успехом могла бы просить гору подвинуться и не мешать.

Дивное журчание воды сводило с ума.

— В таком случае не могли бы вы дать... дать клятву, что ничего не сделаете со мной? — сказала Джил.

— Я не даю клятв, — отвечал Лев.

Джил так хотелось пить, что, сама того не замечая, она шажок за шажком приближалась к ручью.

— Но ведь вы не кушаете девочек?

— Я пожрал великое множество девочек и мальчиков, женщин и мужчин, императоров и королев, городов и царств, — Лев проговорил эти слова без всякого хвастовства, раскаяния или гнева. Он просто произнес их, и все.

— Я боюсь подойти, — сказала Джил.

— Тогда ты умрешь от жажды, — сказал Лев.

— Ах! — вздохнула Джил и сделала еще шажок. — Пожалуй, я пойду поищу другую воду.

— Другой воды здесь нет.

Джил ни на мгновение не усомнилась в правдивости его слов — и никто, увидев строгий лик этого льва, не усомнился бы. Тогда она решилась: подбежала к ручью, опустилась на колени и зачерпнула пригоршню воды, хотя страшно ей было как никогда в жизни. Но и воды столь холодной и животворной она никогда в жизни не пробовала. Глоток такой воды мог

бы утолить любую жажду. По правде говоря, она думала: «Напьюсь и сразу удеру куда подальше», — однако, напившись, поняла, что спасаться бегством в данном случае — самое опасное. Джил встала, губы ее были влажны от воды.

— Подойди, — сказал Лев.

Она подчинилась и, встав между его передними лапами, попыталась смотреть льву прямо в глаза. Однако скоро не выдержала и потупилась.

— Ну, чадо человеческое, — сказал Лев, — а где же тот, кто был с тобой?

— Он упал в пропасть, — Джил подумала и добавила: — Сударь, — она не знала, как положено обращаться ко львам, обойтись же вообще без этого было бы слишком невежливо.

— Как это случилось, чадо?

— Бяка пытался удержать меня, чтобы я не упала, сударь.

— Но зачем ты подошла так близко к краю, чадо человеческое?

— Чтобы похвалиться своей храбростью.

— Хороший ответ, дитя. Никогда больше не поступай так. А твой друг, — лик льва уже не казался таким строгим, — он жив. Я перенес его в Нарнию. Однако по твоей вине задача усложнилась.

— Какая задача, сударь? — удивилась Джил.

— Задача, ради решения которой я вызвал вас двоих из вашего мира.

Ответ озадачил Джил. «Наверное, он принял меня за кого-то другого», — думала она, однако сказать вслух не осмелилась, хотя понимала: из-за этого может произойти ужасная путаница.

— О чем ты задумалась, дитя?

— Мне кажется... я хочу сказать, тут вышла какая-то ошибка. Знаете, нас с Бякой никто не вызывал. Наоборот, это мы просили, чтобы нас впустили. Бяка сказал, что мы должны призвать какого-то... какого-то... — я забыла, как его зовут, — чтобы он позволил нам войти. Мы так и сделали, а потом оказалось, что калитка открыта.

— Вы не взывали бы ко мне, если бы я не позвал вас, — ответил Лев.

— Ой, так вы и есть *он*, сударь? — воскликнула Джил.

— Вне всяких сомнений. А теперь перейдем к делу. Далеко-далеко отсюда, в Нарнии, живет старый печальный король.

Печалит его то, что он остался без наследника. А без наследника он остался потому, что много лет назад его единственный сын исчез неизвестно куда, и никто не знает, жив он или нет. Так вот, он жив. Я призвал вас, чтобы вы отправились на поиски утраченного королевича: либо вы найдете его и вернете отцу, либо погибнете, либо вернетесь в ваш мир.

— Прошу прощения,— сказала Джил,— но как мы его найдем?

— Кое-чем я могу вам помочь,— сказал Лев.— Вот, запомни знамения, которым вы должны следовать в ваших поисках. Первое: как только твой друг ступит на землю Нарнии, он увидит своего лучшего старинного друга. Если Юстейс узнает его, подойдет и немедленно заговорит с ним, решение задачи намного упростится. Второе: вы должны отправиться из Нарнии на север и отыскать разрушенный город древних великанов. Третье: в том разрушенном городе вы должны найти надпись и поступить так, как она вам подскажет. Четвертое: вы узнаете королевича (если найдете его) вот по какой примете — это будет первый человек, который обратится к вам за помощью во имя мое, во имя Эслана.

Лев замолчал. Джил подумала, что ей, пожалуй, следует что-то ответить. И сказала:

— Все понятно. Благодарю вас.

— Чадо,— голос Эслана помягчел,— может быть, тебе и понятно, да не так хорошо, как кажется. Для начала нужно все хорошенько запомнить. Повтори мне знамения.

Джил попробовала и сразу сбилась. Лев поправлял ее и заставлял повторять снова и снова, пока она не выучила все назубок. Он не сердился и был с ней так терпелив, что Джил, осмелев, спросила:

— Простите, пожалуйста, а как же я доберусь до Нарнии?

— На моем дыхании,— отвечал Лев.— Я перенесу тебя на запад этого мира так же, как перенес Юстейса.

— Но ведь я не успею нагнать его и вовремя сообщить первое знамение? Впрочем, это, наверное, и не важно. Неужели он сам не подойдет к своему лучшему другу, как только увидит его?

— Не все так просто. Но тебе надо спешить,— сказал Лев.— Я отправлю тебя сейчас же. Иди вперед, к краю утеса.

Джил прекрасно понимала, что сама виновата в этой спешке. «Если бы я не валяла дурочку,— думала она,— мы с Бя-

кой были бы вместе, и он знал бы условия задачки не хуже меня». И она пошла, как ей было сказано, обратно, к обрыву. Было очень страшно, тем более что Лев шел не рядом, сбоку, а совершенно бесшумно ступал своими мягкими лапами где-то у нее за спиной.

Однако, прежде чем она подошла к самому краю, раздался его голос:

— Стой. Сейчас я начну. Главное: помни, помни, помни знамения. Повторяй их и по утрам, и на сон грядущий, и пробудившись среди ночи. Что бы с тобой ни случилось, не забывай их. И еще: ты должна знать, что здесь, на вершине, я говорил с тобой внятно. Там же, внизу, в Нарнии все будет иначе. В горах воздух прозрачен и мысли чисты. Чем ниже, тем воздух плотнее. Имей это в виду, чтобы не впасть в заблуждение. Знамения — теперь ты их знаешь наизусть — там могут измениться до неузнаваемости. Именно поэтому важно узнать их сердцем, а не по внешности. Помни их и верь им. Все остальное не имеет значения. А теперь, дочь Евы, прощай...

С каждым словом голос льва становился все тише и вот уже совсем смолк. Джил оглянулась. И увидела утес — он был так далеко, что Лев на его краю казался крупинкой яркого золота. Стоя над обрывом, Джил стиснула зубы и сжала кулаки, ожидая ужасного порыва ветра, но дуновение льва было настолько нежным, что она даже не заметила, как оторвалась от земли. И теперь вокруг нее — сверху, снизу, со всех сторон — было только небо.

На мгновение девочка запаниковала. Но земля была так далеко внизу, что казалось, будто ее вовсе нет. А плыть по небу было так приятно. Джил обнаружила, что может лечь на спину или на живот и вообще поворачиваться как угодно, словно в воде на глубоком месте (если, конечно, умеешь плавать). Львиное дыхание несло ее подобно течению, ветра не было, воздух был теплый. Вот это и есть настоящий полет — не то что в самолете! Ни шума, ни тряски. Сравнить это можно разве с полетом на воздушном шаре — на котором Джил тоже никогда не летала, — но только этот полет был куда лучше.

Еще раз оглянувшись, она смогла оценить истинные размеры горы, которую только что покинула. Ей показалось странным, что столь высокая вершина не покрыта снегом. «Наверное, в этом мире вообще все устроено по-другому», — подумала Джил. Потом посмотрела вниз, чтобы определить, с какой

скоростью и над сушей или над морем она летит. Однако ничего не увидела — слишком уж высоко.

«Ой-ой! Как бы не забыть знамения! — испугалась Джил. — Надо повторить». Однако испуг быстро прошел, она все помнила. «Все в порядке», — успокоенно вздохнув, сказала она и развалилась на воздухе, как на диване.

«Ничего себе, — воскликнула Джил несколькими минутами (или часами) позже, — похоже, я выспалась. Наверное, я первая, кому удалось поспать в небе. Да нет, Бяка первее! Ведь он полетел прежде меня. Интересно, а что там, внизу?»

А внизу простиралась необозримая темно-синяя равнина. Она была совершенно гладкой, и только какие-то белые образования медленно перемещались по ней. «Должно быть, это облака, — догадалась она. — Только они сильно выросли. Наверное потому, что стали ближе. А значит, я снижаюсь. Ох, какое солнце!»

Когда она начинала свой полет с горы, солнце стояло высоко, а теперь било в глаза. Оно садилось там, впереди. Да, Бяка был совершенно прав, говоря, что Джил (как насчет всех остальных девочек, я не знаю) не в ладах со сторонами света. Иначе она поняла бы, что летит прямо на запад.

Приглядевшись, она заметила, что по синей равнине ниже облаков разбросаны какие-то цветные пятнышки. «Да ведь это море! — опять догадалась Джил. — А пятнышки — острова». Так оно и было. И может быть, в ней взыграла бы зависть, знай она, что Бяка побывал на некоторых из этих островов, а другие видел с палубы корабля; но она этого не знала. Чуть позже девочка начала различать на синей глади морщины и рябь, которые на самом деле, окажись она внизу, предстали бы огромными океанскими волнами. А на горизонте, на границе моря и неба, появилась темная полоска, которая росла и ширилась прямо на глазах. Только теперь Джил ощутила, с какой невероятной скоростью она сама перемещается. И еще поняла, что полоса эта — земля.

Вдруг слева (стало быть, ветер дул южный) появилось большущее белое облако; оно стремительно приближалось. Не успела Джил оглянуться, как окунулась в его холодное, влажное, туманное нутро. У нее перехватило дыхание, но мгновение спустя в глаза вновь ударил яркий солнечный свет. Только одежда успела напитаться влагой — и спортивная куртка, и свитер, и шорты, и чулки, и даже ботинки на толстой подо-

шве (ведь в Англии была осень). Вынырнув из тумана, Джил оказалась уже под облаками, и тут ее испугало то, что, по-моему, не должно было стать для нее неожиданностью. Ее испугал шум. До сих пор она пребывала в полной тишине. А теперь ей в уши ударил гул катящихся волн и крик чаек. И еще — повеяло соленым запахом моря. И ей почудилось, что летит она быстрее прежнего. Она едва успевала заметить, как с грохотом сталкиваются две волны, выбрасывая вверх пенный гребень, и тут же они исчезали далеко позади. Земля быстро приближалась. Джил различала на закате далекие горы, а другие, близкие, громоздились по левую руку. Она видела заливы и полуострова, леса и поля, и песчаный морской берег. Шум прибоя становился все громче, заглушая прочие звуки.

И вот она уже летит прямо к суше. Точнее, к речному устью. Летит низко, чуть не касаясь ногами воды. Мысок ботинка чиркнул по гребню прибоя, и пенные брызги окатили девочку по пояс. Теряя скорость, Джил скользила к левому берегу реки. Она едва успела разглядеть глянцевито-зеленую лужайку, корабль, расцвеченный всеми цветами радуги, похожий на огромный драгоценный камень, башни и зубчатые стены, знамена, развевающиеся на встру, толпу народа в нарядных одеждах, латы, оружие, золото. Звучала музыка. Все промелькнуло перед ней в мгновение ока. Потом Джил ощутила под ногами твердую землю — приземлилась она под купой деревьев на речном берегу в нескольких шагах от Бяки.

Увидев его, Джил первым делом подумала: «Ой, какой же он чумазый!» А потом: «И сама я хороша — вся мокрая!»

Глава 3
Король уходит в плавание

Юстейс казался совсем замарашкой (да и Джил была не краше — поглядела бы на себя со стороны!) просто потому, что вокруг них все сияло. Лучше уж я сразу опишу, что и как там было.

В прогал между вершинами далеких гор, тех самых, которые Джил заметила, подлетая к земле, опускалось солнце, и закатные лучи озаряли широкую приречную луговину. На дальнем ее краю возвышался многобашенный замок; шпили и флюгера его сверкали в солнечном свете,— ничего прекраснее Джил в своей жизни не видела. А на реке, у беломраморной

пристани, стоял корабль — большой, весь золотой и пурпурный, с высоким носом и высокой кормой, с длинным вымпелом на мачте, со множеством флагов на палубе и щитами, серебристо блистающими вдоль бортов. У сходней, ведущих на палубу, стоял древний старец. Под роскошной алой мантией сверкала серебряная кольчуга. Тонкий золотой обод охватывал чело. Белоснежная борода струилась почти до пояса. Старец держался прямо, стоял, возложив руку на плечо богато одетого господина, который, надо думать, был помладше. Однако при ближайшем рассмотрении он оказался таким древним и немощным, что дунь на него ветерок — и улетит; глаза же его были полны слез.

Король стоял лицом к провожающим — видимо, собрался произнести прощальное слово,— а прямо перед ним в маленькой повозке, запряженной маленьким осликом, чуть побольше крупной собаки, сидел толстый маленький человечек в платье, роскошью не уступающем королевскому. То был гном. Восседая среди множества подушек, он из-за тучности своей походил на бесформенный тючок меха, шелка и бархата. И был он столь же стар, как и король, однако обладал большим запасом бодрости и веселья, и взгляд у него был проницательный. Обнаженная лысая голова гнома подобилась огромному бильярдному шару, на котором играли блики закатного света. Позади же него полукругом толпились те, кого Джил сразу нарекла «приближенными». На их одежды и парадные доспехи тоже стоило посмотреть — все вместе они походили на цветочную клумбу. Однако не на одежды таращилась Джил, раскрыв рот от удивления,— ее поразили сами, с позволения сказать, люди. Потому что среди них едва ли один из пяти мог быть признан человеком. Остальные же — существа, каких в нашем мире не бывает. Среди них были фавны, сатиры, кентавры — этих Джил узнала, поскольку видела на картинках,— и еще гномы. Кроме того, она узнала многих животных — медведей, барсуков, кротов, леопардов, мышей и некоторых птиц. Однако даже знакомые животные весьма отличались от тех, что обитают в Англии. Некоторые превосходили своих английских собратьев размерами — к примеру, мыши ходили на задних лапах, а ростом были с большую собаку. Однако по-настоящему поражало другое. На всех мордах — лучше сказать, лицах — было написано, что животные умеют мыслить и говорить не хуже нашего.

«Вот это да! — воскликнула про себя Джил.— Значит, такое все же бывает! — И тут же добавила: — Интересно, а вот эти добрые или злые?» — потому что заметила в толпе двух-трех великанов и каких-то совсем неведомых тварей.

И в тот же миг ей вспомнился Эслан и его поручение. За последние полчаса она ни разу не вспомнила о нем.

— Бяка! — Джил схватила Юстейса за руку.— Бяка, ну же! Ты никого здесь не знаешь?

— А, это опять ты? — Оглянувшись, Юстейс скривился (и согласитесь, он имел на это некоторое право).— Ну и чего тебе? Не мешай, я хочу послушать.

— Не валяй дурака,— прошептала Джил.— Нельзя терять ни секунды. Ты не видишь здесь какого-нибудь старого друга? Ты обязательно должен заговорить с ним. Немедленно.

— Что за чушь?

— Это Эслан... ну, тот самый Лев... он велел сказать, что ты должен...— тараторила Джил в отчаянии.— Я видела его.

— Ты видела его? Что он сказал?

— Он сказал, что первый человек, которого ты увидишь в Нарнии, будет твой старый друг, и ты должен подойти и заговорить с ним. Немедленно.

— Да никого я здесь не знаю! Я даже не уверен, что это Нарния.

— Ты же вроде говорил, что бывал здесь,— насторожилась Джил.

— Ты не так меня поняла.

— Ничего себе! Ты же сам сказал...

— Да заткнись ты, черт возьми! Дай послушать, о чем они там толкуют.

Король что-то говорил гному, но ничего не было слышно. И насколько Джил могла разглядеть, гном в ответ только молча кивал головой. Потом король обратился ко всем. Однако голос у него был такой слабый, такой надтреснутый, что Джил опять мало что разобрала, тем более что речь велась о странах и народах, вовсе ей неизвестных. Закончив речь, король наклонился и расцеловал гнома в обе щеки, затем выпрямился, поднял правую руку, будто благословляя остающихся, и медленно неверными шагами поднялся на борт. Придворные, по-видимому, искренне опечалились. В толпе забелели носовые платки, послышались рыдания. Сходни убрали, на корме

запели трубы, и корабль отчалил. (Его потащила на буксире гребная шлюпка, однако этого Джил не видела.)

— Ну... — начал было Юстейс, но не успел продолжить: что-то большое и белое («воздушный змей», — мелькнуло в голове у Джил) скользнуло по воздуху и приземлилось у их ног. То был белый филин, размером с рослого гнома.

Филин похлопал глазами, близоруко оглядел ребят, склонив голову набок и произнес мягким, но звучным голосом:

— Ух-угу! Ух-угу! Приветствую вас на нашем лугу! Угх, позвольте узнать, как вас звать?

— Меня — Юстейс Скрабб по прозвищу Бяка, а ее — Джил Поул, — ответил Юстейс и в свою очередь спросил: — А не могли бы вы сказать, как называется это место?

— Ух-угу, что могу, то могу. Это замок Кэйр-Паравел на морском берегу. Угу? Это Нарния.

— Значит, старик, уплывший на корабле, — король?

— Ух-угу, ух-увы! Вы правы, — филин грустно покивал большой круглой головой. — Ну а сами откуда? Каким чудом? А то я гляжу — ух! — несет двух, будто пух, да и наземь бух! Принесло вас, думаю, волшебным духом, потому как никто не повел даже ухом. Все глядели на короля, а на вас только я. А я никому — ни гугу. Угу?

— Нас послал сюда Эслаи, — Юстейс почему-то перешел на шепот.

— Ух ты, ах ты, с бухты-барахты! — воскликнул филин, растопырив крылья. — Такая весть, да еще ввечеру! Ух-угу! Ну просто ух-угу! Теперь до утра уснуть не смогу.

— Мы должны найти пропавшего королевича, — Джил не терпелось вставить в разговор свое словечко.

— Какого еще королевича? — уставился на нее Юстейс. — Впервые слышу.

— Таким вестникам лучше говорить с самим господином наместником, — сказал филин. — Ух, а вон и он, кстати, — трюх-трюх. Экипаж, запряженный ослятей, а в нем гном. Вон там. Его зовут Трампкин, — и филин повел ребят к повозке, тихонько ухая: — У-ху-ху! Пускай разбираются там, наверху! А я все равно не пойму... Не по уму. Угу.

— Как зовут нынешнего короля? — спросил Юстейс.

— Ух-угу, — ответил филин, — Каспиан Десятый.

Бяка вдруг как на стену наткнулся, и лицо у него стало белым-белым. Джил глядела, ничего не понимая, — она в

жизни еще не видела человека в таком отчаянии. Однако времени на вопросы не осталось — все трое уже стояли возле повозки. Гном, подобрав поводья, разворачивал осла мордой к замку. Толпа придворных разбрелась: поодиночке, парами и небольшими группами они шли от пристани к замку, как зрители по окончании спектакля или спортивных состязаний.

— Ух-угу! Хм-хм! Господин наместник,— филин наклонился и что-то проговорил на ухо гному.

— Что? Кто? — переспросил тот.

— Чужестранцы, ух-угу, ваша милость.

— Оборванцы? Ну, конечно,— сказал гном,— я и сам вижу, как они плохо одеты. Чего они хотят?

— Меня зовут Джил,— девочка вышла вперед. Ей хотелось немедленно объяснить, по какому важному делу они прибыли.

— Это девица Джил,— во весь голос объявил филин.

— Что такое? — вскинулся гном.— Кто со свету сжил? Ничего не понимаю. Какая девица? Кто ее сжил?

— Это имя такое — Джил. Ух-угу? Никто никого не сживал.

— Кто сжевал? — возопил гном.— Что вы там бормочете себе под клюв? Кто кого сжевал?

— Никто никого не сжевал,— кричал филин.

— Кто? — кричал гном.

— УХ, НИКТО! — во всю мочь гаркнул филин.

— Ладно, ладно. Зачем же так громко? Я не глухой. Все понятно. Кто-то жил, а потом его кто-то сжевал...

— Лучше скажите ему, что я — Юстейс Бяка,— предложил Юстейс.

— А это, ваша милость, Юстейс Бяка! Бяка! Бяка! Понятно? — прокричал филин громче прежнего.

— А почему, собственно, я должен это понимать? — рассердился гном.— Коль собака сжевала кулебяку, это, разумеется, бяка, но при чем тут я?

— Ух ты, ох ты! — рассердился и филин.— Не собака-кулебяка, а Юстейс! Юстейс Бяка! Понятно?

— Целый таз? Целый таз кулебяки? А при чем тут эти двое? Вот что я вам скажу, господин Белопер. Помнится, когда я был еще молод, в этой стране жили взаправду говорящие животные и птицы. Именно говорящие, а не бормочущие, гуг-

нящие и угукающие. Раньше такого не потерпели бы. Ни в коем случае! Господин Урнус, подайте-ка мне трубу...

Изящный фавн, все это время спокойно стоявший по другую сторону повозки, подал гному серебряную слуховую трубу. Труба была похожа на старинный музыкальный инструмент, называемый серпентом, что значит «змея», — она кольцами обвивала шею гнома. Пока гном прилаживал устройство, господин Белопер вдруг прошептал:

— Ух-угу, кое-что прояснилось у меня в мозгу. Объяснить не могу, только остерегу: о королевиче — ни гугу! Все обсудим в узком кругу. Угу?

— Ну-с, — произнес гном, — если вы, господин Белопер, имеете, что сказать, говорите. Только с толком и с расстановкой.

Гном кряхтел и покашливал, но в конце концов филину удалось, не без помощи гостей, втолковать наместнику, что чужеземцы посланы Эсланом по очень важному делу. Уразумев это, гном стал поглядывать на ребят иначе.

— Эге, стало быть, вас прислал сам Лев, не так ли? — спросил он. — Стало быть, вы... э-хе-хе — прямиком оттуда — из запредельного края мира, не так ли?

— Именно так, господин наместник, — закричал Юстейс в жерло слуховой трубы.

— Эге, стало быть, вы, так сказать, потомки — хм, хм — Адама и Евы? — продолжал гном.

В Экспериментальной школе слыхом не слыхивали про Адама и Еву, поэтому Джил и Юстейс не могли ни подтвердить, ни опровергнуть свою родословную. Однако гному, казалось, этого и не требовалось.

— Вот и хорошо, мои милые, — говорил он, пожимая им руки и чуть склоняя голову. — Милости просим в Нарнию. Жаль, что мой добрый король, мой бедный повелитель, только что поднял паруса и отплыл к Семи островам — он был бы рад вас увидеть. Такая встреча хоть на миг, да-с, хоть на миг вернула бы ему молодость. Ну-с, а теперь пора и отужинать. О вашем же деле вы сообщите завтра утром в Совете. Господин Белопер, проследите, чтобы гостей устроили наилучшим, благороднейшим образом — чтоб комнаты им, ну и одежда, и все прочее... и еще...

Тут гном потянулся к филину, явно желая шепнуть что-то тому на ухо; однако, как всякий глухой, он не слишком хоро-

шо владел своим голосом, и поэтому посланцы Эслана услышали:

— А еще проследите, чтобы они как следует умылись...

Затем гном тронул поводья, и осел — нет, не поскакал (это было небольшое, но весьма упитанное животное), а вразвалочку двинулся по направлению к замку. Фавн, филин и гости шли следом. Солнце село, и воздух посвежел.

Пересекли луговину, прошли через сад к Северным вратам Кэйр-Паравела. За распахнутыми створами обнаружился зеленый внутренний двор, на который выходили уже затеплившиеся изнутри окна Большой Пиршественной Залы — по левую руку и причудливого скопища строений — прямо по ходу. Туда и повели гостей.

Прислуживать Джил вызвалась девица весьма необычной наружности. Вполне взрослая, она была немногим выше гостьи и куда тоньше, гибкая, как ива, с зеленоватыми волосами, похожими на ивовые павети, слегка замоховевшие. Вдвоем поднялись в одну из башенок, где в круглой комнате горел очаг и приятно попахивало смолистыми дровами; в каменный пол была встроена ванна, а из-под сводчатого потолка на серебряной цепи свисала светильня. Окно выходило на запад, на чудесную землю Нарнии, красный отсвет заката угасал над дальними горами. Джил смотрела в окно, жажда странствий поднималась в ней вместе с уверенностью, что приключения только начинаются.

Приняв ванну, причесавшись и надев новое платье, приготовленное для нее, — а было оно не только отменно пошито и удобно, но еще и очень красиво, и дивно пахло, и шуршало при всяком движении, — Джил хотела было еще раз полюбоваться видом из окна, как вдруг в дверь постучали.

— Войдите, — откликнулась Джил.

Явился Юстейс, тоже умытый и одетый на нарнианский манер. Однако он явно был не в духе.

— Ну, наконец-то, — зло буркнул он и плюхнулся в кресло. — Я тебя обыскался.

— Так ведь нашел, — рассмеялась Джил. — Знаешь, Бяка, все так чудесно, так удивительно, просто слов нет, — про знамения, про украденного королевича она просто-напросто позабыла.

— Да? Ты думаешь? — Юстейс скривился и, помолчав, добавил: — А я скажу, лучше бы нам сюда вовсе не попадать.

— Ну, почему же?

— Не могу я,— вскричал Юстейс,— не могу! Король... Каспиан... он — дряхлый старик? Это... это ужасно!

— Не понимаю, тебе-то какое дело?

— Она не понимает! Еще бы тебе понимать — я же не говорил. Вся штука в том, что время в этом мире и в нашем течет по-разному.

— Как это?

— А вот так. Здешнее время в нашем мире не засчитывается. Понимаешь? Сколько бы мы тут ни пробыли, а вернемся в школу ровно в ту же минуту, как ушли...

— Это даже не смешно...

— Заткнись! Дай сказать. Пока мы там, дома, в нашем мире, мы не можем знать, сколько времени прошло здесь. В Англии — год, а в Нарнии — неизвестно сколько. Певенси тогда объяснил мне, а я, как дурак, позабыл. Так вот, в Нарнии с тех пор, как я здесь был, прошло, наверное, лет семьдесят. Поняла? Я вернулся, а Каспиан — старик, совсем старик...

К своему ужасу, Джил вдруг поняла:

— Значит, король и есть твой старинный друг!

— Я должен быть счастлив, что у меня был такой друг,— Юстейс едва не плакал.— Самый лучший друг, какой только может быть. Тогда он был всего на пару лет старше меня. А теперь — видеть старика с седой бородой и вспоминать Каспиана, каким он был в то утро, когда мы высадились на Одинокие острова, или когда бились с морским змеем — нет, это ужасно! Если бы он совсем умер, и то было бы легче.

— Прекрати! — закричала Джил.— Все гораздо хуже, чем ты думаешь. Первое знамение. Мы его прозевали. Можешь ты это понять?

Разумеется, Бяка ничего не мог понять, покуда Джил не рассказала ему о беседе с Эсланом, о четырех знамениях и, наконец, о самой задаче — отыскать пропавшего королевича.

— Вот и получается,— закончила она.— Ты увидел старинного друга и, как велел Эслан, должен был подойти к нему и заговорить. Немедленно. А ты все испортил.

— Так я же не знал,— возразил Юстейс.

— Если бы ты меня выслушал, все было бы в порядке,— пробурчала Джил.

— А если бы ты не валяла дурака на той горе — ты же меня чуть не угробила, да, да, сколько угодно буду повторять «угробила, угробила, угробила», потому что так оно и было, и можешь не спорить — если бы мы прилетели сюда вместе, оба знали бы, что к чему.

— Еще неизвестно, кого ты увидел первым! — Джил начала сердиться. — Еще неизвестно, сколько ты проторчал здесь без меня. Может, целый час. А может, ты видел кого-нибудь прежде короля?

— И минуты не прошло, как ты явилась, — ответил Юстейс. — Наверное, Эслан дул на тебя сильнее. Чтоб мы не опоздали. А мы все равно опоздали. Между прочим, из-за тебя. Только из-за тебя.

— Ну и скотина же ты, Бяка... — совсем рассердилась Джил. — Приветик! А это что такое?

А это ударил замковый колокол, призывающий к ужину, и очень кстати: во-первых, он прервал разговор, грозивший превратиться в первоклассную ссору, а во-вторых, наши герои к тому времени ужас как проголодались.

Пиршественный ужин в Большой Зале был просто великолепен. Джил такого и представить себе не могла. И Юстейс тоже: хотя он бывал в этом мире прежде, но только в море, на корабле, а потому не мог знать пышности, изобилия, гостеприимства и обходительности нарнианских застолий. Знамена украшали свод залы, а каждую перемену блюд возвещали литавры и барабанный бой. Супы там были такие, что слюнки текут, как вспомнишь. А рыба! А оленина! Или, к примеру, запеченный павлин. А пироги, мороженое и желе! А фрукты и орехи! И что уж говорить о множестве вин и наливок. Даже Юстейс повеселел и должен был признать, что «это и вправду терпимо». После трапезы явился слепой певец и запел великую песнь о королевиче Коре, девице Аравис и коне Бри — «Песнь о Коне и его Всаднике». В ней воспевались события Золотого Века Нарнии, Калормена и сопредельных стран, когда верховный король Питер сидел в Кэйр-Паравеле. (Эту песнь стоит послушать, но сейчас мне недосуг ее пересказывать.)

Возвращаясь наверх, в свои покои, оба гостя зевали во весь рот, и Джил повторяла: «Ну, уж сегодня-то мы поспим! У нас был большой день...» — что лишний раз доказывает: никому не дано знать наперед, что с ним случится.

Глава 4
Ночной совет

Вот ведь забавно: чем больше хочешь спать, тем труднее лечь в кровать. А уж если, па твою удачу, в спальне горит камин — тем более. Так и Джил, прежде чем раздеться, решила сначала немножко посидеть у огня. А усевшись, никак не могла заставить себя встать. И вот когда она, наверное, уже в пятый раз приказала себе: «Ну-ка, давай, вставай и ложись в постель», — раздался стук в окно.

Джил вскочила, отодвинула портьеру и ничего, кроме кромешной тьмы, не увидела. Стук повторился, да с такой силой, что Джил отпрянула — там, за стеклом был кто-то очень большой. «Ох! Неужели у пих здесь такие ночные бабочки?» — испугалась она. Крылатая тварь ударила вновь, и на сей раз девочка разглядела клюв, которым та долбанула по стеклу. «Нет, — подумала Джил, — это больше похоже на птицу. Может быть, орел?» Орла она тоже не ждала в гости, но все же распахнула окно и выглянула. Зашумели крылья, птица села на подоконник, заполнив собой весь оконный проем, так что Джил пришлось попятиться. Это был филин.

— Тихо, тихо! Ух-угу, не будем шуметь. Вы мне там, на лугу, говорили кое о ком, угу? И вот в чем вопрос: это вы всерьез?

— Насчет королевича? — Сидя в застолье, слушая песни, Джил напрочь забыла обо всем, а тут сразу вспомнила Льва, его лик и голос. — Конечно, для того мы и прибыли.

— Угу! — кивнул филин. — Тут нельзя упускать ни минуты. Нужно ух-уходить. Я лечу к вашему другу. Угу? И тут же вернусь. Ну-с. А вы покуда паденьте одежу другую, не столь дорогую, дорожную. Ну, я побегу... верней, полечу — во весь дух. Ух-ух! — и, не дожидаясь ответа, филин скрылся.

Будь Джил чуть больше умудрена в подобных делах, опа бы еще пе раз все обдумала, прежде чем довериться филину; но ведь это было первое приключение в ее жизни, и от одной только мысли о ночном побеге сонливость как рукой сняло. Она надела свой свитер и брючки, приладила на пояс нож — а вдруг пригодится! — и прихватила кое-что из вещей, оставленных для нее девицей-ивой: выбрала короткий, укрывавший

до колен плащ с капюшоном — от дождя, несколько носовых платков и гребенку. Собралась и стала ждать.

И чуть не уснула, пока ждала. Наконец филин вернулся.

— Ух, мы готовы, — сказал он.

— Вам лучше идти впереди, — сказала Джил. — А то я в этом замке ничего не знаю.

— Ух и ух! — ухпул филин. — Мы пойдем не через дом. Мы вообще не пойдем. Вы полетите на мне. На моей спине.

От неожиданности Джил даже рот раскрыла. Нет, эта мысль ее не прельщала:

— А я не слишком тяжелая для вас?

— Глупый, глупый вопрос! Вашего друга я уж отнес. Ну же, в путь! Только лампу не забудь задуть. Угу?

Как только лампа погасла, тьма за окном показалась не такой уж черной, скорее серой. Филин, стоя на подоконнике, повернулся спиной и растопырил крылья. Джил, как могла, примостилась на его короткой широкой спине, крепко обхватив ногами бока под крыльями. На ощупь перья были теплые и мягкие, а вот ухватиться было не за что. «Интересно, как это поправилось Бяке?» — только и успела подумать Джил.

Филин ухнул с подоконника вниз, зашумели крылья, ночной воздух, сырой и холодный, ударил в лицо — они полетели.

На улице было еще светлее, чем думала Джил. Хотя небо застилали облака, невидимая луна просвечивала сквозь них размытым серебряным кругляшом. Луговина внизу виделась серой, деревья — черными. Задувал ветер — шуршащий, посвистывающий, предвещающий скорый дождь.

Филин описал круг, так что замок оказался прямо перед ними. В редких окнах еще горел свет. Оставив замок по левому крылу, филин полетел на север, и скоро они оказались над рекой. Сразу похолодало, и Джил почудилось на зеркале воды белое отражение филина. И вот уже под ними заречье, северная лесистая сторона.

Филин на лету схватил кого-то незримого.

— Ой, пожалуйста, не надо! — крикнула Джил. — Не дергайтесь так. Я чуть не свалилась.

— Ух-угу, прошу прощения, — ответил филин. — Я чуть-чуть поохотился на летучую мышь. Ух, какая вкусная и полезная штучка — маленькая, пухленькая летучая мышка. Я сейчас — раз! — и поймаю для вас. Угу?

— Большое спасибо, не надо,— сказала Джил, передернувшись.

Филин потихоньку снижался; что-то большое и темное проявлялось из полумрака. Джил едва успела понять, что это башня, полуразрушенная, вся заросшая плющом, и тут пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой. Филин с девочкой на спине протиснулся в оконный проем, затянутый паутиной. Из свежего ночного полумрака они попали в совершенно темное, затхлое нутро древней башни. Джил спешилась и сразу поняла — это всегда как-то чувствуется,— что в темном помещении полным-полно народу. А потом она услышала со всех сторон негромкое уханье и угуканье, и ей стало ясно, что народ этот — филины и другие ночные птицы. Однако совсем она успокоилась, услышав еще один голос:

— Эй, Поул, это ты?

— Я. А это ты, Бяка? — откликнулась Джил.

— Ух-угу! — сказал Белопер.— Все ли тут? Открываем совет или нет?

— Ух-угу, ух-угу, тут, все тут,— откликнулось сразу несколько голосов.

— Погодите минуточку,— раздался голос Бяки.— Дайте сначала сказать мне.

— Ух-угу, угу, угу,— заухали птицы.

И Джил сказала:

— Валяй, Бяка!

— Вот что, ребята, то есть филины и прочие птицы,— начал Юстейс,— вы, наверное, все знаете, что король Каспиан Десятый в молодости плавал па восточный край мира. Так вот, я был с ним в том плавании — с ним, Рипичипом, капитаном Дринианом и другими. Конечно, вам трудно в это поверить. Но вся штука в том, что люди в нашем мире стареют медленнее, чем в вашем. И вот что я вам скажу: я — за короля, и если вы тут затеваете заговор против него, мне с вами говорить не о чем.

— У-ху-ху, ух-угу, тут все — верные слуги короля,— заухали птицы.

— Тогда в чем же дело?

— У-ху-ху,— ответил Белопер,— худо будет, если Трампкин узнает, что вы тут для того, чтоб искать королевича. Ух-угу? Он не пустит вас. Арестует, ух, но не пустит.

— Черт возьми! — вскричал Юстейс.— Вы хотите сказать, что Трампкин — изменник? Я много слышал о нем тогда, во время плавания. Каспиан... то есть король... полностью доверял ему.

— Ух-ух,— ответил голос из темноты.— Трампкин ничуть не изменник. Но за минувшие годы столько героев — людей, кентавров, великанов и других — ушло на поиски королевича, и ни одному не удалось вернуться,— а всего их было не меньше тридцати. Потому-то король издал указ, которым все дальнейшие поиски были запрещены. «Не хочу губить лучших сынов Нарнии ради одного-единственного сына»,— так сказал король. Ух!

— Мне бы он не отказал,— воскликнул Бяка,— если бы знал, кто я, и кто меня послал!

— Нас послал,— поправила Джил.

— Угу,— согласился Белопер,— думаю, что угу. Но короля-то нет на берегу. Он уплыл от нас. А наместник Трампкин без раздумий исполнит указ. У Трампкина дух — что сталь, но сам он глух, что глухарь, и ух как упрям. Никогда, никому, ни за что и никаких поблажек — даже вам. Уф!

А кто-то добавил:

— И не подумайте, будто Трампкин будет слушать нас, хотя — кто же того не знает? — мы, филины, птицы мудрые. Но наш гном столь стар, что всегда твердит одно и то же: «Э-ге-ге, вы — птенчики малые, я ведь помню, как ваши отцы вылупливались. Нет уж, яйца курицу не учат! Кыш! Кыш!»

Получилось так похоже на гнома, что все собрание заухало от хохота. И сразу стало понятно, как в Нарнии относятся к наместнику Трампкину — примерно так, скажем, как у нас в школе к старому и строгому учителю, которого все побаиваются, над которым все посмеиваются, но на самом деле любят.

— А надолго ли король уплыл? — спросил Юстейс, когда птицы отсмеялись.

— У-ху-ху,— отвечал Белопер,— то неведомо никому. Чуть прошел слух, ух, будто Эслана видели на островах — на Теребинтии. Тут взошло королю на ум: «Поплыву,— сказал,— а вдруг Эслана найду и спрошу, кому королем быть в нашем краю, когда я умру». Ух-угу? Ну, а если на Теребинтии не окажется Льва, поплывет на восток, так думаю, сперва к Семи островам, а там и на прочие острова. Хотя сам он никому не говорил, да все знают про это: не забыл король

того плавания на край света. И туда, так я думаю, вновь влечет его дух. Ух!

— Значит, мы его не дождемся? — вздохнула Джил.

— Ух-увы, вы правы, — ответил филин. — То-то и худо! Будь вы тут пораньше чуть-чуть! Он бы целое войско послал вам в помощь.

Джил прикусила язычок и только надеялась, что у Бяки достанет благородства не сообщать собравшимся, как все получилось. А Юстейс чуть не проболтался. Но вовремя спохватился и, пробормотав про себя: «Уж я-то в этом не виноват», вслух произнес:

— Ладно. Как-нибудь сами справимся. Но вот что еще я хочу знать. Положим, вы не замышляете ничего дурного и противозаконного. А на совет, однако, слетелись тайком, да еще в какие-то развалины, да еще ночью — с чего бы это?

— У-ху-ху! У-гу-гу! — защумели в темноте. — А где нам еще быть? А когда же, если не ночью?

— Тут, ух, все просто, — объяснил кто-то из филинов, — у большинства живущих в Нарнии есть такая, ух, дурная привычка — днем, при солнце, они живут, а почами почему-то спят. Потому-то во тьме они слепы и глухи, и — у-ху-ху! — умного слова от них не услышишь. А у нас, у филинов, другая привычка: мы и так мудры, а уж ночь да тьма добавляют ума.

— Ясно, — сказал Юстейс. — Тогда приступим к делу. И прежде всего нам надо бы знать, что случилось с королевичем.

Вот что рассказал им старый филин — не Белопер, а другой.

Случилось это лет десять тому назад на первое мая. Ранним утром Рилиан, сын Каспиапа, юный рыцарь, с матушкой своей, королевой, и с немалой свитой отправился на север Нарнии. У всех у них на головах были венки из зеленых листьев, а в руках — свирели; собак же при них не было, ибо собирались они не охотиться, а праздновать приход весны. Задолго до полудня праздничная кавалькада выехала на широкую поляну, посреди которой из земли бил родник; там они спешились, стали пить, есть да веселиться. А потом королева, притомившись, захотела соснуть; постелили ей плащи и попоны возле родпика, а сами — королевич со всей свитой — отошли в сторонку, чтобы песни и смех не мешали ее величеству почивать. И вот выползла из темного леса большая змея и ужалила королеву. Услыхали они крик, бросились на помощь;

Рилиан же впереди всех. И вот видит он ту змею, как ползет она к лесу, и бросается за нею с мечом в руках. А была та змея пребольшая и вся зелепая, как отравное зелье, и видна издалека; но скользнула змея в густую чащу, и не смог королевич отыскать ее. А когда он вернулся к своей матушке-королеве — вся свита тем временем хлопотала вокруг нее,— сразу понял Рилиан, что напрасны хлопоты, что и лучший на свете лекарь не поможет ей. А королева, покуда была жива, все пыталась что-то молвить сыну. Но не слушались ее уста, и не смог королевич разобрать ни слова. Так и умерла королева — десяти минут не минуло...

Принесли мертвую королеву в Кэйр-Паравел, горько оплакивали ее кончину и сын ее, Рилиан, и супруг ее, король, и вся Нарпия. Ибо не было жены мудрее и добрее, и счастливее, чем покойная супруга короля Каспиана, привезенная им с восточной окраины вселенной. Мудрецы же говорят, будто в жилах ее текла звездная кровь.

Опечалила королевича смерть матушки, и вот стал он что ни день уезжать на север Нарнии, и там бродил — искал ту змею ядовитую, чтоб убить ее, отомстить за смерть матери. Только худа от этого никто не ждал, хотя всякий раз возвращался королевич домой усталый и будто не в себе. Однако не прошло и месяца со смерти королевы, как стали примечать: в глазах королевича появилось что-то такое, знаете, как у человека, который узрел привидение, и хоть пропадал он на севере целыми днями, конь его по возвращении не казался уставшим.

Ближайший друг королевича, старший придворный советник, капитан Дриниан, правивший королевским кораблем в том дальнем плавании на восток, однажды вечером сказал Рилиану:

— Ваше высочество, не пора ли прекратить преследование змеи? Тварь эта не достойна мщенья, ибо она неразумна. Вы напрасно тратите силы.

Королевич Рилиан ответил:

— Ваша светлость, уже семь дней, как я о змее и не вспоминаю.

Тогда капитан Дриниан спросил его, зачем же он что ни день ездит в Северный лес.

— Ваша светлость,— отвечал королевич,— я встретил красоту столь чудесную, какой никогда не видывал.

Тогда капитан Дриниан сказал:

— Дорогой мой королевич, не позволите ли вы мне отправиться завтра с вами, ибо я тоже хотел бы взглянуть на чудо.

— С превеликой охотой,— отвечал Рилиан.

На следующее утро, оседлав своих лошадей, они поскакали на север. И нигде не останавливались, покуда не добрались до того самого родника, возле которого умерла королева. Дриниану показалось странным, что королевич для отдыха выбрал именно это место. И там они пребывали до полудня. И вот ровно в полдень капитан Дриниан увидел прекрасную даму, прекраснее какой он вовек не видывал; она явилась по другую сторону родника, безмолвная, и манила королевича, помахивая рукой. Была она высока, стройна, хороша собой, а платье на ней было столь же зелено, как отравное зелье. Королевич же смотрел на нее как безумный. Вдруг дама исчезла, а куда делась, Дриниан не заметил. И вернулись они в Кэйр-Паравел. Капитану же Дриниану все думалось, что зеленая дама, хотя и прекрасна, но зла.

А еще размышлял он, не поведать ли королю об этом случае, но не желал прослыть сплетником и ябедой и потому промолчал. И очень скоро пожалел о том. Ибо на следующий день Рилиан вновь уехал. К вечеру он не вернулся, и с того дня никто его не видел, ни в Нарнии, ни в соседних землях: не осталось от него ни следочка — ни коня его, ни шляпы, ни плаща — ничего. Тогда Дриниан, опечалившись в сердце своем, предстал пред Каспианом и сказал:

— Ваше величество, убейте меня, как изменника, ибо ради собственного покоя погубил я вашего сына,— и он рассказал ему все как было. Тогда король Каспиан схватил свою боевую секиру и бросился к Дриниану, чтобы убить его, а тот стоял как вкопанный, ожидая смертельного удара. Замахнулся король секирой и вдруг отбросил ее прочь. «Потерял я супругу мою, королеву, потерял я и сына моего, королевича,— потеряю ли лучшего друга?» — вскричал он и обнял капитана и заплакал. И дружба их не порушилась.

Такова история королевича Рилиана.

Выслушав все, Джил сказала:

— Бьюсь об заклад, что змея и есть та зеленая дама.

— Ух-угу! Угу! И мы думаем так же,— зашумели птицы.

— А к тому же, мы думаем,— добавил Белопер,— что она его не убила, ух. Потому что костей...

— Нет, не убила! — перебил его Бяка. — Мы точно знаем. Об этом сказал сам Эслан.

— У-ху-ху! Никому не известно, что чего хуже, — проухал старейший из филинов. — Стало быть, он ей зачем-то нужен; зло умыслила колдунья против Нарнии. Ух, давно-давно, в начале времен, появилась с севера Бледная Ведьмарка и наслала на нашу землю снег и лед и вековечную зиму. У-ху-ху, вот мы и думаем, а вдруг эта колдунья из того же гнезда?

— Ничего, ничего, — сказал Бяка, — я и Джил, мы найдем королевича. А вот чем вы нам можете помочь?

— Ух, а знаете ли вы, куда вам путь пролег? — спросил Белопер.

— Знаем, — ответил Бяка. — Мы должны идти на север. Мы должны найти развалины древнего города.

Что тут началось! Филины заухали, заугукали, захлопали крыльями, застучали лапами. В конце концов выяснилось, что они весьма сожалеют, но никто из них не может самолично пуститься вместе с Джил и Юстейсом на поиски королевича. «Потому, ух, что путь ваш будет дневной, а наш — ночной, — говорили птицы. — Это, ух, никому не удобно». А кое-кто из филинов стал твердить, что даже здесь, в разрушенной башне, уже слишком светло, что ночной совет затянулся до утра. На самом деле одно только упоминание о развалинах великанье-го города поумерило их пыл. Тут Белопер сказал:

— Ух-угу. Если путь им через Великогорье, у-ху-ху, пусть поможет им лягва-мокроступ. Вот кто будет им полезен. Угу?

— Ух-угу! Угу! — закричали совы.

— Ну, так в путь! — воскликнул Белопер. — Я полечу. Одного донесу. Кто возьмет другого? Нужно быть там к утру. Ну?

— Я полечу, но только до Болота, угу? — согласился кто-то из филинов.

— Ух, давай, поехали, — обратился Белопер к Джил.

— По-моему, она спит, — сказал Бяка.

Глава 5
Мокроступ Зудень

Джил спала. С самого начала совета ее одолела страшная зевота, а потом девочка и вовсе уснула. И не очень обрадовалась, когда ее разбудили — чего хорошего проснуться на голом полу в совершенно темной башне, да к тому же среди каких-то птиц? Еще хуже — услышать, что

надо куда-то отправляться (главное, что не в кровать!) верхом на филине.

— Ну давай, Поул, шевелись, — послышался голос Бяки. — Нас ждут приключения.

— Хватит с меня приключений, — спросонья отмахивалась Джил, но в конце концов села на закорки Белоперу, и они полетели.

Ночной холодный воздух ненадолго взбодрил ее. Теперь в небе не было видно ни звезд, ни луны. Далеко позади светился единственный огонек — должно быть, окно в одной из башен Кэйр-Паравела. И Джил захотелось вернуться в те чудесные покои, где застлана постель и блики огня играют на стенах. Она спрятала руки под плащ и запахнулась поплотнее. А чуть в стороне из тьмы доносились голоса: это Бяка переговаривался со своим филином. «Хорошо ему, он не устал», — позавидовала Джил, не понимая, что Юстейс уже бывал в этом мире, и на его долю здесь выпали немалые испытания, а посему воздух Нарнии вновь вдохнул в него силы, обретенные во время плавания по Восточному Морю с королем Каспианом.

Всю дорогу Джил приходилось быть начеку, чтобы, ненароком задремав, не свалиться со спины Белопера, а когда наконец приземлились, все тело у девочки так затекло, что она с трудом слезла на землю. Похоже, место, куда они прибыли, продувалось всеми ветрами. Стало еще холоднее.

— Ух-угу, ух-угу! — закликал Белопер. — Вставай, Зудень, просыпайся. Тут к тебе пришли по делу. От Льва! Ух-угу?

Долгое время никто не отзывался. Наконец вдалеке появился неяркий огонек и двинулся в их сторону. Затем послышался и голос:

— Эгей, филины, что стряслось? Какая беда? Или король умер? Или война началась? Наводнение? Драконы?

Огонек приблизился, и стало ясно, что это немалых размеров фонарь, но того, кто нес его, в темноте, против света, невозможно было разглядеть — только руки и ноги. Филины что-то говорили, что-то объясняли, но Джил слишком устала, чтобы вслушиваться. Она немного встряхнулась, только когда поняла, что филины с ней прощаются. О дальнейшем Джил при всем желании ничего не смогла бы вспомнить, разве только как они с Бякой куда-то идут, протискиваются в какую-то низенькую дверцу и (наконец-то!) валятся на что-то мягкое и теплое, и какой-то голос произносит:

— Ну вот. Лучше это, чем ничего. Хотя здесь, боюсь, холодно и жестко. И мокро. И вам ни за что не удастся уснуть, даже ежели не случится грозы или наводнения, даже ежели крыша не обвалится прямо на вас — ничего другого и ждать нечего,— все равно не уснете. И все же так оно лучше, чем ничего...— Тут она уснула.

Пробудившись на следующее утро, наши герои обнаружили, что лежат под крышей, на сухих и теплых тюфяках, а через треугольное отверстие в стене льется дневной свет.

— Где это мы? — спросила Джил.

— В вигваме лягвы-мокроступа,— сказал Юстейс.

— Кого-кого?

— Мокроступа. И не спрашивай у меня, кто это такой. В темноте я его не разглядел. Ну, давай вставать. Посмотрим, куда нас занесло.

— Противно спать в одежде,— сказала Джил, садясь.

— А по мне, так очень даже хорошо — одеваться не надо,— откликнулся Юстейс.

— Умыться тебе тоже не надо? — Джил презрительно фыркнула. Но Бяка уже вскочил, зевнул, потянулся и полез прочь из вигвама. Джил последовала за ним.

То, что они увидели, разительно отличалось от той части Нарнии, где они побывали вчера. Перед ними простиралась обширная заболоченная низменность с многочисленными островками и протоками между ними. На сухих местах росла жесткая трава, а по берегам — тростники и осоки. Там гнездились птицы — утки, выпи, цапли, бекасы — они тучами взлетали в небо и вновь спускались к своим гнездовьям. И на многих островах стояли вигвамы, подобные тому, в котором наши герои провели ночь, однако всегда по одному и поодаль от других — лягвы-мокроступы предпочитают уединение. И нигде ни единого деревца, только на западе и юге темнела кромка леса. На востоке тянулась гряда невысоких песчаных холмов, а ветер, доносивший оттуда запах соли, указывал, что там, за холмами, должно быть море. Далеко на севере низина упиралась в другую невысокую гряду, белесую и местами скалистую. Само же необъятное болото показалось бы местом весьма унылым, если попасть на него, скажем, в дождь да вечером. Но при утреннем солнце, при свежем ветерке с моря, когда воздух наполнен птичьим гамом, в самой этой пустынности чудилось что-то

повое и неожиданно красивое. Настроение сразу улучшилось.

— Где же этот лягвоступ? — сказала Джил.

— Лягва-мокроступ, — поправил Юстейс, гордясь тем, что запомнил словечко. — Ага! Кажется, вон он.

Лягва сидел шагах в пятидесяти, спиной к ним, и удил рыбку. Его трудно было заметить — весь он был болотного цвета и сидел совершенно неподвижно.

— Пойдем поговорим с пим, — предложила Джил. Юстейс кивнул. Оба самую малость трусили.

Когда они подошли поближе, лягва обернулся; у него оказалось безбородое, худое, вытянутое лицо, впалые щеки, узкие губы и длинный нос. Голову украшала высоченная остроконечная шляпа с необычайно широкими полями. Из-за больших ушей патлами свисали серо-зеленые волосы, если можно их так назвать, — сплюснутые и больше всего похожие на водоросли. Постное выражение серой физиономии говорило о том, что личность эта весьма серьезно относится к жизни.

— Доброго дня вам, пришельцы, — сказал лягва. — Конечно, доброго дня пожелать ничего не стоит, а только потом-то что? А потом, боюсь, все равно либо дождь польет, либо снег пойдет, либо туман падет, или гроза налетит — ничего другого и ждать нечего. А вам, боюсь, так и не удалось уснуть?

— Ну, что вы! — воскликнула Джил. — Мы прекрасно выспались.

— Увы-увы, — мокроступ покачал головой. — Боюсь, вы просто не хотите огорчать меня. Благодарствую. Так и должны поступать прилично воспитанные существа — делать хорошую мину при плохой игре.

— Простите, а как вас зовут? — спросил Юстейс.

— Зовут меня лягва-мокроступ Зудень с Восточных Болот. Вы, конечно, забудете, но ничего страшного, я всегда могу вам напомнить.

Гости уселись на бережок рядом с лягвой. Только тут они разглядели, какие у того длинные ноги и руки: сидя, он казался ростом с гнома, а стоя, наверное, превосходил любого человека. Ноги, перепончатые, как у лягушки, болтались в грязной воде, и на руках между пальцами тоже были перепонки. Землистого цвета одежда висела на мокроступе мешком.

— Хотел вот наудить угрей, потушить к обеду, — продолжал Зудень, — но, боюсь, ничего из этого не получится. Да и вам тушеные угри не поправятся.

— Почему же? — удивился Бяка.

— А потому, что ваша еда не то, что наша. Вы, само собой, немножко поедите — только, боюсь, из вежливости. Ну, что будет — то будет, а пока я тут рыбачу, надо бы разжечь костер... Боюсь только, ничего у вас не получится! Дрова лежат позади вигвама — пара поленцев. И они, боюсь, совсем отсырели. Стало быть, ежели вы разожжете костер в самом вигваме, боюсь, там нечем будет дышать от дыма. А ежели снаружи — польет дождь, и костер погаспет. Ничего другого и ждать нечего. Вот вам огневой снаряд — кремень, трут и огниво. Хотя, боюсь, вы понятия не имеете, как ими пользоваться...

Однако Юстейсу это было не впервой. Позади вигвама нашлась целая поленница дров (к тому же совершенно сухих), и разгорелись они с необыкновенной легкостью. Юстейс остался следить за огнем, а Джил тем временем быстренько — одной все-таки страшновато — сбегала умыться к ближайшей протоке. Потом она сидела у костра, пока Бяка умывался. Оба приободрились, но очень захотелось есть.

Пришел лягва-мокроступ. Хотя, как он утверждал, клева не было, однако принес с дюжину угрей, уже очищенных и выпотрошенных. Подбросив дров, лягва поставил на огонь большой горшок, а затем раскурил свою трубку. Мокроступы курят особый «тяжелый» сорт табака — кое-кто утверждает даже, что они подмешивают в зелье сушеный ил; и действительно, дым из трубки Зудня не поднимался вверх, а густыми клубами стлался по земле как тумап. От этого черного и едкого дыма Бяка закашлялся.

— Э-хе-хе, — сказал Зудень, — боюсь, эти угри будут готовиться до скончания века — прежде с голоду помрем. Ничего иного и ждать нечего. Я знал одну девчушку, которая... впрочем, нет, не стану я вам рассказывать эту историю. А то вы, боюсь, огорчитесь — не в моих правилах огорчать гостей. Не лучше ли нам поговорить о ваших намерениях — может быть, это отвлечет нас от мыслей о еде?

— Конечно, — сказала Джил. — Вы поможете нам отыскать королевича Рилиана?

Мокроступ втянул и без того впалые щеки так, что на их месте образовались ямы.

— Боюсь, что понятия не имею, о какой помощи идет речь, — проговорил он. — И не знаю, поможет ли вам чья-либо помощь. Но, по здравому рассуждению, скажу: конечно, ничего страшного, но, боюсь, что далеко на север мы вряд ли сумеем пройти, особенно теперь, когда зима уже на носу. И к тому же она обещает быть ранней и лютой. Но это не страшно. Потому что будет нам не до ненастий — слишком уж много предстоит одолеть вражеских сил, высоких гор, глубоких рек, будем плутать, голодать и сбивать ноги в кровь... А еще боюсь, что до самой дальней дали мы никогда не доберемся, но все-таки заберемся в такую далекую даль, что оттуда далеко будет возвращаться.

Наши герои заметили, что лягва говорит «мы», а не «вы», и в два голоса закричали:

— Значит, ты с нами пойдешь?

— Боюсь, что и впрямь пойду. А как иначе? Ведь наш король, боюсь, никогда уже не вернется в Нарнию, коль скоро уплыл за море; к тому же перед отъездом у него был ужасный кашель. Остался наместник Трампкин. Но и он, боюсь, уже никуда не годится. Кроме того, вот увидите, урожай будет плох — ведь летом была такая засуха! А потом, попомните мое слово, нападет недруг и начнется война.

— А с какого места начнем поиски? — спросил Юстейс.

— Э-хе-хе, — лягва не спешил с ответом. — Все, ушедшие за королевичем, начинали с той самой поляны, от того самого родника, где капитан Дриниан видел зеленую даму. И почти все отправились на север. А поскольку ни один не вернулся, то, боюсь, мы никогда не узнаем, правильно ли они поступили.

— Для начала мы должны найти развалины великаньего города, — вставила Джил. — Так велел Эслан.

— Получается, чтоб искать, надо сначала найти, да? — Зудень уныло вздохнул. — А чтоб найти, надо сперва поискать, не так ли?

— Именно так, — обрадовалась Джил. — А потом, когда мы его отыщем...

— Когда это еще будет! — Зудень вздохнул печальнее прежнего.

— Разве никто не знает, где он, этот город? — спросил Юстейс.

— За всех не скажу, — ответил Зудень. — Но и утверждать, будто слыхом не слыхивал о Гиблом Городе, не стану. Во

всяком случае, не обязательно начинать с той поляны. Все равно, боюсь, придется идти через Великогорье. Потому что Гиблый Город, ежели он вообще существует, он — там. Только я-то сам, чего зря говорить, я в ту сторону заходил не дальше других и никаких развалин не видел.

— А где оно, Великогорье? — спросил Юстейс.

— Вон там, на севере,— Зудень ткнул трубкой.— Видите скалистую гряду? За ней оно и начинается. А перед грядой еще и река, называется Шрибла. А через реку, боюсь, нет никаких мостов.

— Как-нибудь переберемся. Может, вброд...— предположил Юстейс.

— Э-хе-хе, может, и переберемся, может, и вброд,— не очень уверенно согласился мокроступ.

— И наверное, в этом Великогорье встретим кого-нибудь, и нам укажут путь,— сказала Джил.

— Это уж непременно. Встретим кого-нибудь,— подтвердил Зудень.

— А кто там живет?

— Не мне вам рассказывать, только, боюсь, не очень-то они там... обычные,— протянул Зудень.— А может, на ваш взгляд, будут и ничего.

— Да, но кто они? — не унималась Джил.— В этом мире столько странных существ. Я хочу знать, они — звери, птицы, гномы или кто?

Мокроступ присвистнул.

— Э-хе-хе! Так вы, значит, не знаете? Я-то думал, филины вам объяснили. Кому жить в Великогорье, как не великанам? Боюсь, они и есть — великаны.

Джил поежилась. Великанов она всегда боялась, даже тех, что встречались в книжках, а один ей приснился в ночном кошмаре. Она взглянула на Бяку — тот позеленел от страха — и подумала: «Ага! Кажется, он струсил хуже моего!» Это придало ей храбрости.

— Король говорил мне,— заметил Бяка,— тогда еще, во время нашего плавания... он сказал, что победил великанов в битве и обложил их данью.

— Так-то оно так,— кивнул Зудень.— Теперь они, конечно, мирные. Пока мы сидим на нашем берегу Шриблы. Тут они нам не опасны. А на той стороне, за рекой... всякое может случиться. Ну, ежели будем держаться от них подальше, ежели

ни один из них не разъярится, ежели нас не заметят, тогда... что ж, тогда, может быть, мы уйдем чуть подальше.

— Нет, постой! — Бяка вдруг возмутился; такое случается с людьми от сильного испуга.— Я думаю, все и вполовину не так плохо, как ты говоришь; а то у тебя и постель слишком жесткая, и дрова совсем мокрые, и рыба не клюет. Нет уж! Эслан никогда не послал бы нас на безнадежное дело.

Он ждал, что лягва рассердится и разразится нотацией, но тот вдруг воскликнул:

— Ай да Бяка! Ай да молодец! Держись, не поддавайся! А все-таки след поберечь друг друга, потому как идти нам вместе, а путь предстоит нелегкий. Лучше бы нам вовсе не ссориться. Тем более не стоит начинать с распри. Будто я не знаю, чем это обычно кончается: пырнут друг друга ножиками, и все тут. По мне, так равно, а все же надо бы прежде дело сделать. Вообще, чем дольше мы сможем не ссориться...

— Ну, если, по-твоему, все так плохо,— прервал Юстейс,— так и оставайся здесь. А мы с Поул одни пойдем, ведь правда, Поул?

— Умолкни и не будь ослом, Бяка,— Джил испугалась, как бы лягва-мокроступ не поймал Юстейса на слове.

— Не бойся, Поул,— ухмыльнулся Зудень.— Я все равно пойду, и ничего иного ждать нечего. Ведь я чего боюсь? Я боюсь прозевать такую возможность. Кроме того, ходить полезно для здоровья. Пускай они твердят — я говорю о всех прочих лягвах,— мол, ты, Зудень, слишком переменчив и к жизни относишься без должной серьезности. Ладно бы разок сказали, а то все талдычат и талдычат: «Что ты, Зудень, все поперек батьки норовишь, что ты все высовываешься да выпендриваешься? Пора бы тебе, Зудень, понять: жизнь — это не котлетка из лягушатины, не пирог с угрем. Пора тебе, Зудень, ума-разума набраться, а то, гляди, схлопочешь, чего не хочешь. Мы же тебе, Зудень, только добра желаем». Вот что они говорят. А по мне, так отправиться на север, да еще в начале зимы, да на поиски королевича, которого там, на севере — а ничего другого и ждать нечего — вовсе и нет, да еще в Гиблый Город, которого никто никогда не видел,— мне как раз того и нужно. Ежели и это меня не угомонит, тогда уж и не знаю — что,— так говорил Зудень, потирая свои лягушачьи руки от удовольствия, как будто речь шла о походе в

театр или в гости.— Ну, а теперь посмотрим, как там наши угри.

Угри оказались восхитительными, и гости дважды просили добавки. Сперва лягва не верил, что им действительно понравилось, но, увидев, как они уплетают за обе щеки, уверовал, однако не смог отказаться от очередного ужасного предположения:

— Что для нас, мокроступов, добрая еда, то, боюсь, для людей — чистый яд, ничего иного и ждать нечего,— пробормотал он.

Потом пили чай из жестянок (совсем как рабочие-путейцы на дороге), а Зудень то и дело прикладывался к темной прямоугольной бутыли. Он предложил и гостям на пробу, однако тем напиток не понравился.

Вторая половина дня ушла на подготовку к походу. Выйти решили поутру. Мокроступ, как самый сильный, взялся нести три одеяла и завернутое в них копченое мясо. Джил достались остатки сегодняшнего обеда, несколько бисквитов и огневой снаряд. Бяке — два плаща, когда в них не будет нужды, а также лук со стрелами, который похуже (Юстейс неплохо научился стрелять, когда плавал на восток с Каспианом). Лук получше взял Зудень, тут же предупредив, что при таком ветре да при такой сырости, да при таком свете он едва ли во что-нибудь попадет, не говоря уж о том, что пальцы слишком закоченеют, чтобы ухватить тетиву. Оба, лягва и Бяка, были при мечах (Юстейс прихватил меч, оставленный кем-то в его комнате в Кэйр-Паравеле), а Джил пришлось довольствоваться ножом. Из-за этого едва не разгорелась ссора, однако чуть они начали препираться, как лягва, протирая руки, стал подзадоривать: «Ага, ага! Давайте, давайте! Вот не думал, что так скоро! Этим-то и кончаются все походы». Спорщики тут же умолкли.

Спать легли рано, все трое в вигваме. Однако двоим из троих на этот раз спалось хуже, чем прошлой ночью, потому что лягва-мокроступ Зудень сказал: «Надо выспаться как следует, да вряд ли у нас это получится»,— и захрапел так, что Джил (после того как ей наконец удалось уснуть) всю ночь снились то дорожная машина, укатывающая асфальт, то водопад, то поезд, мчащийся сквозь тунель.

Глава 6
Дикие пустоши

На следующее утро часов в девять можно было видеть, как через реку Шриблу по мелководью, по камушкам переходят три путника. Шрибла оказалась неглубоким, журчливым ручьем — даже Джил, добравшись до северного берега, вымокла не выше колен. Пройдя шагов пятьдесят вверх по пологому склону, они оказались перед скалистой грядой, поросшей вереском.

— Ну что, наверное, нам туда? — Юстейс показал на запад, где ручей протекал по неглубокой лощине. Лягва покачал головой:

— Нет, как раз там и живут великаны. Эта лощина для них все равно что улица. А нам лучше лезть напрямик, хотя здесь и круче.

Отыскали место, где полегче было взобраться, и минут через десять, запыхавшиеся, уже стояли наверху. Бросили последний взгляд на земли Нарнии и обратились лицом па север. Прямо перед ними без конца и края простиралась вересковая пустошь. По левую руку виднелись скалы. Джил старалась туда не смотреть, полагая, что это и есть лощина великанов. Двинулись вперед.

Идти по упругому вереску было легко и приятно; солнце светило бледно, почти по-зимнему. Чем дальше продвигались, тем пустыннее становилась местность; лишь изредка птичий посвист нарушал тишину да парил в небе одинокий ястреб. Задолго до полудня устроили привал у ручейка, напились водицы, и Джил решила, что это приключение ей, пожалуй, нравится. О чем и сообщила спутникам.

— Э-хе-хе,— откликнулся Зудень,— боюсь, приключения пока и не начинались.

Да, дорога после привала — равно как и школа после каникул или новый поезд после пересадки — чревата неожиданностями. Когда двинулись дальше, Джил заметила, что скалистый край лощины как будто приблизился, а сами скалы стали круче и выше. И похожи на башни. Забавные башни!

«Наверное,— подумала Джил,— все истории про великанов пошли от этих странных скал. В сумерках очень даже просто принять их за великанов. Вон та, к примеру. У нее на

вершине лежит камень, совсем как голова. Для человека голова великовата, а для ужасного великана — в самый раз. Вереск и птичьи гнезда — совсем как волосы и борода. А выступы по обе стороны — уши. Уши, конечно, великоваты, можно сказать, не великаньи уши, а слоновьи. И к тому же... Ой-ой-ой!»

Кровь застыла у нее в жилах. Скала шевельнулась. Это и в самом деле был великан. Ошибиться невозможно: девочка видела, как он повернул голову. Она даже успела заметить огромное, придурковатое, толстощекое лицо. Все эти скалы были живые, а не каменные. Сорок, а то и все пятьдесят живых великанов в ряд; ногами они упирались в дно лощины, а локти положили на край, совсем как люди на каменную ограду — ни дать ни взять деревенские лентяи, глазеющие на улицу погожим утречком после завтрака.

— Никуда не сворачивать! — шепотом командовал лягва, тоже заметивший великанов. — Не смотреть в их сторону. Ни в коем случае не бежать. А то, боюсь, они сразу погонятся.

Так и шли, стараясь не смотреть на великанов. (Как мимо двора, в котором живет злая собака, — только тут не собака, а кое-кто похуже.) Великанов было великое множество. Они не казались ни злыми, ни добрыми, ни любопытными. И будто вовсе не замечали путников.

И вдруг — вззз-вззз...бабах! — что-то просвистело над головами, и большущий валун грохнулся наземь впереди, шагах в двадцати. И снова — бамс! Другой валун ухнул позади.

— Это они в нас? — спросил Юстейс.

— Боюсь, что нет, — ответил мокроступ. — А лучше бы в нас. Они целятся вон в ту кучу камней. В нее-то они наверняка не попадут, зато в нас, боюсь... э-хе-хе... Но не беда. Камнеметатели они никудышные, хотя каждым погожим утром вот этак упражняются. А чего еще от них ждать, коли эта игра — единственное, что им по уму.

Это было ужасно. Казалось, шеренга великанов никогда не кончится, и никогда не перестанут падать камни, некоторые — слишком близко. Да что там камни, сам вид и голоса великанов были куда страшнее. Джил старательно отводила глаза.

Прошло минут двадцать, и тут великаны, похоже, поссорились. Худо было идти под градом камней, не лучше — мимо дерущихся громадин. Они набрасывались друг на друга и ругались бессмысленными длинными словами, каждое из

которых, можно сказать, было двадцатиэтажным. Они бесновались, размахивали ручищами, подпрыгивали от ярости, и каждый прыжок сотрясал округу, как взрыв бомбы. Они лупили друг друга по головам огромными каменными молотками; однако сие орудие только отскакивало от крепкого лба, а ударивший, бросив молот, выл от боли и дул на отбитые пальцы. Однако столь велика была великанья глупость, что минутой позже все начиналось сначала. Но нет худа без добра — час спустя великаны так друг друга излупцевали, что все до единого повалились на дно лощины, сидели там и плакали. Теперь их не было видно; зато стоны, всхлипы и хныканье этих громадных младенцев слышались долго, даже после того, как лощина осталась далеко позади.

Заночевали среди голой вересковой пустоши. Джил и Юстейс по совету Зудня легли спиной друг к другу и укрылись сразу двумя одеялами — так теплее. Однако спать на голой земле все равно было холодно и жестко. Зудень пытался утешить их, приговаривал, мол, здесь еще ничего, а вот дальше на север будет совсем холодно. Утешение не подействовало.

Много дней путники шли по пустошам Великогорья. Время от времени Юстейсу или Зудню удавалось подстрелить дичь (то были, разумеется, дикие, не говорящие птицы); дичью и кормились, а копченое мясо хранили про запас. При этом Джил ужасно завидовала тому, как Юстейс стреляет из лука (а научился он этому, как известно, во время плавания с королем Каспианом). Ручьев и речек было множество, так что воды хватало. Зато Джил часто размышляла о том, что в книжках о странствиях и приключениях никогда не говорится, какое это нудное, противное и грязная занятие — свежевать и ощипывать битую птицу, и как мерзнут при этом пальцы. С великанами, к счастью, больше не сталкивались. Видели одного издали: он с хохотом топал куда-то по своим великаньим делам.

На десятый день пустошь кончилась — путники достигли ее северной границы и с уступа увидели другую, куда более мрачную страну: долгий крутой спуск в долину, на дне которой громоздились скалы, а дальше — снова подъем, высокие горы, темные провалы, каменные ущелья, столь глубокие и узкие, что загляни в них — дна не увидишь. Горное эхо вторило грохоту водопадов, срывающихся в черные бездны. И

кто же еще, если не Зудень, первым заметил и указал на белые пятна на отдаленных склонах.

— Боюсь, чем дальше на север, тем больше снега. Ничего другого и ждать нечего.

С трудом спустились в долину, а спустившись, обнаружили реку, текущую в расселине с запада на восток, — сверху ее не было видно. Скальные берега были отвесны, вода зелена и темна, пороги и водопады бурливы, и ни единый луч солнца не проникал в расселину. Поток ревел так, что даже земля под ногами дрожала.

— Ничего страшного, — заметил лягва, — в этой реке мы не утонем, потому что прежде сломаем шею.

— А это что? — воскликнул Юстейс, указав налево, вверх по течению. И они увидели то, что меньше всего ожидали — мост. И какой! Огромная арка соединяла два утеса по берегам реки, и вершина этой арки вздымалась над утесами выше, чем купол собора святого Павла над городской площадью.

— Вот это да! — сказала Джил. — Похоже, его построили великаны.

— А скорее — колдуны, — откликнулся мокроступ. — Мы добрались до мест колдовских, ничего иного и ждать было нечего. А мост, боюсь, это — ловушка. Конечно, ничего страшного, да только как мы ступим на него, тут он и растворится вроде тумана.

— Черт тебя побери, — рассердился Бяка, — ну, что ты все зудишь и зудишь? С какой стати мосту растворяться?

— Э-хе-хе, вы же видели великанов. Разве им по уму построить такую штуку? — ответствовал Зудень.

— А может, его построили совсем другие великаны, — заметила Джил. — Ну, к примеру, древние: они жили здесь давным-давно и были куда смышленее нынешних. Послушайте, а вдруг это те же самые великаны, что воздвигли город, который мы ищем? Значит, мы на правильном пути — этот мост древний и ведет он в древний город!

— Молодчина, Поул! — обрадовался Бяка. — Все сходится. Пошли!

Они направились к мосту. И мост не растворился под ногами — это оказалось достаточно прочное сооружение. Плиты, из которых он был сложен, превосходили размерами камни Стоунхенджа и пригнаны были одна к другой с великим мастерством, хотя от времени искрошились и потрескались.

Ограждение по сторонам моста когда-то украшала богатая резьба, и кое-где она сохранилась: великаны, минотавры и какие-то многоногие, многорукие, ужасные божества. Зудень по-прежнему не испытывал к мосту ни малейшего доверия, но от спутников не отставал.

Подъем к вершине арки был труден и долог. Многие камни вывалились, и на их месте зияли огромные прорехи, сквозь которые можно было увидеть далеко-далеко внизу ленту бурлящей воды. Орел парил под ногами путников. И чем выше восходили, тем резче, сбивая с ног, задувал студеный ветер. От него даже мост, казалось, раскачивался.

Добравшись наконец до вершинной точки, странники увидели спуск, такой же долгий, как и подъем, а дальше — что-то вроде древней мощеной дороги, уходящей вдаль, в самое сердце гор. На каменной мостовой, тоже сильно порушенной, заплатами зеленела трава. А еще увидели двух всадников — обыкновенного человеческого роста,— едущих им навстречу по этой самой дороге.

— Идите, идите. Не останавливайтесь,— сказал Зудень,— а то, боюсь, они подумают, что мы их боимся. Конечно, ничего страшного, но любой встречный в этих местах, скорее всего,— не друг, а как раз наоборот.

Когда наши герои сошли с моста на дорогу, незнакомцы как раз подъехали к мосту. Один из них был рыцарь в доспехах с опущенным забралом. И доспехи его, и конь были черными; ни на щите не было герба, ни на копье — штандарта. А рядом с рыцарем ехала дама на белой лошади, и была та лошадь столь прекрасна, что ее хотелось поцеловать в нос и угостить хорошим кусочком сахара. Но дама, сидевшая в дамском седле, вся в длинных развевающихся одеждах ярко-зеленого цвета,— была еще прекраснее.

— Здр-р-р-равствуйте, стр-р-ранники,— голос ее звучал как трель самой певчей из певчих птиц, а тройное «р» было просто восхитительно.— Кое-кто из вас, как я погляжу, слишком молод для паломничества в столь мр-р-рачную стр-р-рану.

— Это как посмотреть, мадам,— ответил лягва сухо и настороженно.

— Мы ищем разрушенный город,— сказала Джил.

— Р-р-разрушенный город? — переспросила дама.— Какое стр-р-ранное место вы избрали. На что он вам?

— Мы должны... — начала Джил, но лягва не дал ей договорить.

— Просим прощения, мадам. Мы не знаем ни вас, ни вашего спутника. А он, между прочим, все помалкивает. И вы нас не знаете. Не будем спешить — боюсь, мы слишком мало знакомы, чтоб говорить о делах, не так ли? Э-хе-хе, мадам, вам не кажется ли, что в скором времени начнет накрапывать небольшой дождичек?

Дама залилась самым нежным, самым музыкальным смехом, какой только можно вообразить.

— Повезло же вам, детки, — сказала она. — Ваш наставник мудр, учтив и тверд. Нет, нет, это вовсе не дурно, что он держит свое при себе, ну а мне скрывать нечего. Не р-р-раз я слышала о погибшем городе, но никто и никогда не мог указать мне дороги туда. А эта дорога ведет к замку Скальзуб, где живут культурные великаны. О, эти куда спокойнее, р-р-развитее, р-р-разумнее и учтивее по сравнению с другими. Что и говорить, большинство великогор-ских великанов глупы, жестоки, необразованны и любят всяческие безобр-р-р-разия. В Скальзубе вы, быть может, узнаете что-нибудь о р-р-разрушенном городе, а может быть, и ничего не узнаете, зато там ждут вас теплые покои и веселые хозяева. Захотите — перезимуете, а если нет, то хотя бы отдохнете денек-другой. Вас ждут горячие ванны, мягкие постели и чистые сердца; а жареное и печеное, сладкое и пьяное подается там четырежды в день.

— Это надо же! — воскликнул Бяка. — Теплая постель!

— А еще горячая ванна! — подхватила Джил. — Вы думаете, они нас примут? Мы же для них чужие.

— О, если вы скажете, мол, дама в зеленом велела кланяться двумя чудесными детишками из южных краев к Осеннему Пиршеству...

— Спасибо, большое спасибо, — хором поблагодарили Джил и Юстейс.

— Только помните, — предупредила дама, — когда бы вы туда ни добрались, а в Скальзуб надо попасть засветло. Слишком рано там запирают ворота — что поделаешь, таков обычай, — а уж если засовы задвинуты, тут стучи не стучи — все равно не откроют.

Джил и Юстейс вновь и вновь благодарили даму — глаза у них сияли, — а всадница на прощание помахала рукой.

Мокроступ снял шляпу и молча поклонился. И вот уже безмолвный рыцарь вместе с дамой въехал на мост, конские копыта загремели по каменным плитам.

— Э-хе-хе, — промолвил лягва, — хотел бы я знать, куда и откуда она едет? И что забыла в Великогорье? Ничего, конечно, страшного нет, но, боюсь, плохи наши дела.

— Чушь! — воскликнул Бяка. — Дама, по-моему, что надо! А как насчет поесть горяченького? А поспать в тепле? Хорошо бы этот Скальзуб был поближе!

— Точно! — поддержала Джил. — А какое у нее роскошное платье. А какая лошадь!

— Так-то оно так, — не сдавался Зудень, — ничего страшного, да только знать бы, кто она такая...

— Я как раз собиралась спросить ее об этом, — сказала Джил. — Но ведь неудобно расспрашивать, не рассказав о себе.

— Кстати, — подхватил Бяка, — чего это ты, Зудень, был с ними так неприветлив? Они тебе не понравились?

— Они? — удивился мокроступ. — Кто они? Я видел только даму.

— Как? — в свою очередь удивилась Джил. — А рыцарь? Разве ты не видел рыцаря?

— Доспехи я видел, — ответил Зудень. — Ничего страшного, но почему он все-таки молчал?

— Наверное, он слишком застенчив, — сказала Джил. — А может, не желает ничего иного, только бы смотреть на нее и слушать ее прекрасный голос. Я бы на его месте тоже...

— А я ничего другого не желал бы, — встрял мокроступ, — только посмотреть, что там, под доспехами и забралом.

— Фу ты-ну ты, — рассмеялся Бяка. — Доспехи-то человеческие! Кто же еще может быть в таких доспехах, кроме человека?

— А вдруг там скелет? — спросил Зудень, скроив ужасную морду. — А может, — добавил он серьезно, — вообще ничего. Ничего страшного, но что-нибудь такое, чего нельзя увидеть... Кто-то невидимый...

— Ой, хватит, Зудень, — Джил поежилась. — Страшно! И надо же такое выдумать!

— Да ну его с его выдумками! — сказал Бяка. — Сам боится, нас пугает, а все без толку. Нечего тут думать — надо скорее идти к этим культурным великанам в Скальзуб. Хорошо бы замок был недалеко.

И вот тут чуть не случилась ссора, которой так боялся Зудень; не перебранка, как прежде, между Джил и Бякой, но настоящая распря. Лягва ни за что не хотел идти в Скальзуб. Он, говорил, не знает, что может значить слово «культурный» по отношению к великанам, и Эслан, во всяком случае, ничего не упоминал о гостеванье у великанов, культурных или каких еще. А Юстейс и Джил устали от ветра и дождя, им надоела скудная дичь, зажаренная на походном костре, надоело спать на жесткой, холодной земле — они во что бы то ни стало желали добраться до культурных великанов. В конце концов Зудень сдался, но при одном непременном условии: пусть спутники твердо обещают ни в коем случае без его дозволения не открывать великанам, что прибыли они из Нарнии и что ищут королевича Рилиана. На том и порешили.

После беседы с дамой их преследовали две беды. Первая: дорога стала намного хуже. Теперь она пролегала по бесконечным узким ущельям, насквозь продуваемым жестокими северными ветрами. И там не было ни единого деревца — ни дров собрать для костра, ни укрыться на ночь. Днем страдали ноги, шагавшие по голым камням; ночью доставалось бокам, отлежанным на голых камнях.

Вторая беда: от разговора с дамой про замок Скальзуб лучше не стало — только хуже. С той поры Джил и Юстейс ни о чем другом и думать не могли, только о постели, ванне, горячей пище и о том, как здорово будет оказаться под крышей. Они больше не говорили об Эслане, ни даже о пропавшем королевиче. На сон грядущий и по утрам Джил не повторяла знамения. Сперва она оправдывалась тем, что слишком устала, а потом и оправдываться забыла. Нет, не радостью для них обернулось ожидание великаньего тепла и уюта, а только жалостью к себе, раздражением и ссорами то друг с другом, то с мокроступом.

И вот однажды, ближе к вечеру, склоны очередного ущелья раздвинулись и покрылись густым еловым лесом. Путникам стало ясно: они перевалили через горы. Прямо перед ними простиралась пустынная скалистая равнина, посреди которой можно было различить невысокое плато, как бы холм с неровно срезанной плоской вершиной, а дальше, по ту сторону равнины, вставали новые, еще более высокие горы, покрытые снегом.

— Ой, смотрите! Смотрите! — закричала Джил, указывая вперед. Там, в сгущающихся сумерках, прямо за плоским холмом, светились огни. Свет! Не лунные блики, не отсветы костра, а домашний приветливый свет в окнах. Тот, кому в жизни не доводилось целую неделю день за днем брести по дикому пустынному краю, едва ли поймет наших героев.

— Скальзуб! — радостно возопили Джил и Бяка, а Зудень повторил голосом мрачным и тревожным: — Скальзуб! — Но тут же, издав радостный вопль: «Эгей! Дикие гуси!» — сорвал с плеча лук.

Гусь, которого подстрелил лягва, был хорош и пришелся кстати. До Скальзуба было еще далеко, засветло все равно не поспели бы, зато впервые за неделю удалось разжечь костер и поесть горячего. Правда, когда огонь погас, ночь взяла свое — ударила морозом, и к утру одеяла задубели от стужи.

— Не беда! Не беда! — приговаривала Джил, притопывая ногами. — Вечером будет нам горячая ванна!

Глава 7
Плоская вершина

Ничего не скажешь, денек выдался поганый. Вверху хмурое небо, все в облаках, набухших снегом; внизу, под ногами, скользкие от мороза камни; а еще и ветер, пронизывающий до костей. Спустившись на равнину, путники обнаружили, что древняя дорога здесь сохранилась совсем плохо. Приходилось шагать по выщербленным плитам, с камня на камень, по грудам щебня — нелегкая работа для ног, и без того натруженных. Но шли и шли, выбиваясь из сил, все дальше и дальше, без отдыха, ходьбой спасаясь от холода.

В десятом часу утра первые снежинки легли на руку Джил. Минут через десять снег повалил стеной. Через двадцать минут все вокруг было бело. А через полчаса стало ясно: начался буран, который вполне может продлиться дотемна и даже дольше. Снежные заряды, ослепляя, били в лицо.

Путники приближались к тому самому всхолмью, позади которого вчера светились окна, но шли они почти вслепую (об этом обстоятельстве не следует забывать) и понятия не имели, где находятся. Протирай не протирай глаза, а все равно в двух шагах не видно ни зги. И само собой, было не до разговоров.

Добравшись до подножия холма, сквозь пелену снега заметили скалы — странные скалы, если к ним приглядеться, похожие на огромные кубики, — но приглядываться не было ни времени, ни сил. Все внимание сосредоточилось на уступе, преградившем дорогу. Уступ был не слишком высок, длинноногий лягва без труда взобрался на него и помог остальным. На верхней площадке уже навалило целый сугроб — лягве ничего, а детям досталось; Джил даже упала. Шагов через пятьдесят обнаружился следующий уступ. А всего их оказалось четыре, на разном расстоянии один от другого.

Взобравшись на последний, четвертый, вышли на плоскую вершину. До сих пор склон холма хоть как-то защищал от ветра, а здесь буран обрушился на путников всей своей мощью. Как это ни странно, но вершина холма оказалась именно такой, какой виделась на расстоянии, — плоской и продуваемой ветром. Снега на ней почти не было — вихри сдували снежную пыль с гладкой поверхности и швыряли в лицо идущим. У ног тоже вилась поземка, как бывает, когда идешь по льду. И то сказать, местами каменная поверхность казалась гладкой, как лед. Но более всего мешали идти какие-то странные возвышения, стенки, пересекавшиеся крест-накрест и разделявшие всю площадь на неравные квадраты и прямоугольники. Они были не слишком высокие — то по колено, то по пояс Джил, — не слишком широкие, но с северной стороны каждой из них намело снега, и, перелезая через них, все порядком вымокли.

Чтобы защититься от ветра, Джил шла, надвинув капюшон на самые глаза и опустив голову, а замерзшие руки прятала под плащом, но кое-что на этой ужасной вершине ей все-таки удалось разглядеть, смутное и странное: нечто вроде фабричных труб — по правую руку, а по левую — какую-то невероятных размеров глыбу или утес, только слишком ровный и гладкий для утеса. Однако эти штуки ее совсем не интересовали. Единственное, о чем она могла думать, так это об окоченевших руках («бедный мой нос, бедный подбородок, несчастные уши»), а еще о горячей ванне и теплой постели в Скальзубе. Вдруг Джил поскользнулась, упала и, к своему ужасу, покатилась вниз, в темный узкий провал, неожиданно разверзшийся прямо перед нею. Мгновение — и она уже на дне. Это было что-то вроде канавы или окопа, шириной шага в три. Хотя Джил испугалась, а все же сразу заметила, что в канаве

тихо: высокие стены защищали от ветра. А потом она увидела испуганные лица Бяки и Зудня — они, свесившись, заглядывали в яму.

— Ты не расшиблась, Поул? — крикнул Юстейс.

— Ничего страшного, ноги переломала. Ничего другого и ждать нечего, — вторил лягва.

Джил ощупала себя и объявила, что все в порядке, но вытаскивать ее все же придется.

— А что внизу? — спросил Бяка.

— Похоже на траншею, или на тропинку в земле, или... Одним словом, она прямая.

— Да ну? — обрадовался Бяка. — Она же ведет на север! А вдруг это дорога? Вот было бы здорово: мы идем, и никакого тебе чертова ветра. Снегу много?

— Почти нет. Наверное, он перелетает поверху.

— А что там дальше?

— Сейчас посмотрю, — сказала Джил, прошла чуть вперед, и тут траншея резко повернула вправо. Джил сообщила об этом.

— А что за углом? — спросил Бяка.

За углом? Девочке вдруг представились извилистые ходы, темные пещеры, подземелья, и она решила не заглядывать за угол. Тут и лягва подоспел со своими советами:

— Поосторожнее, Поул. Конечно, ничего страшного, но вдруг это логово дракона? А в стране великанов, боюсь, и черви великанские, и жуки великанские. Чего еще от них ждать?

— Я думаю, там хода нет, — сказала Джил и попятилась.

— Она думает! — передразнил Бяка. — Ладно, я сам посмотрю. — Он сел на край траншеи (к этому времени они все вымокли так, что промокнуть еще немножко было не страшно) и съехал вниз. Оттолкнув Джил, Бяка двинулся вперед, и хотя не сказал ни слова, ей стало ясно: Бяка знает, как она струсила. А потому она пошла за ним следом, не споря и вовсе не стремясь обогнать.

Ничего *этакого* они не обнаружили. Прошли прямо, до угла, потом круто повернули направо. Следующий поворот оказался ближе. Повернули — на сей раз налево — и прошли еще немного.

— Чушь какая-то, — буркнул Бяка, заглянув за очередной угол, — теперь она ведет обратно, на юг.

Эта траншея была длиннее. И закончилась тупиком.

— Не получилось, — проворчал Бяка.

Джил, не долго думая, пустилась в обратный путь. Они вернулись туда, откуда вышли, и длиннорукий лягва без труда вытащил их из траншеи.

А наверху было хуже некуда! В узкой глубокой траншее они чуть-чуть отогрелись. Внизу было легко дышать, там можно было просто разговаривать, а не кричать, и снег там не летел в глаза. Вновь оказаться на ледяном ветру — это ужасно. Да еще Зудень пристал:

— А как насчет знамений, Поул? Какое следующее?

— Ах, отстань ты со своими знамениями! — рассердилась Джил. — Вроде бы кто-то что-то должен сделать во имя Эслана. Здесь и не такое забудешь!

Как видите, Джил перепутала последовательность знамений. А все потому, что перестала повторять их на сон грядущий. Она, безусловно, все еще знала их и, конечно, вспомнила бы, чуть-чуть напрягшись, но так чтоб сразу и без запинки, в любой момент и не задумываясь, — нет, на это она уже была не способна. А вопрос Зудня рассердил ее именно потому, что в глубине души она сама себе не могла простить, что позабыла урок Эслана. Это раздражение, да ледяной ветер, да усталость заставили Джил сказать то, что она сказала и чего говорить не хотела.

— Э-хе-хе, неужели это следующее? — задумался Зудень. — Неужели? Ты уверена? Конечно, ничего страшного, но, боюсь, что-то тут не так. Ты ошиблась. По-моему, здесь, на холме, на вершине, нам надо остановиться и осмотреться. Вы разве не заметили...

— Черт побери! — рассердился Бяка. — Выбрал время любоваться окрестностями! Ну хватит, пошли дальше!

— Ой, глядите, глядите, глядите! — вдруг закричала Джил, тыча рукой вперед. Они взглянули туда и увидели, что совсем недалеко, но много выше холма, на вершине которого стояли путники, появились огни. Огни были куда ярче, чем прошлой ночью, и можно было различить окна: окна поменьше — наверное, за ними уютные спальни, окна побольше — а за ними, конечно, палаты, где в каминах пылает огонь и столы ломятся от тарелок с горячим супом и сочным мясом.

— Скальзуб! — завопил Бяка.

— Ничего другого я и не ждал, — сказал мокроступ. — Однако мы должны...

— Хватит, хватит! — Джил замахала руками. — Надо спешить. Дама в зеленом предупреждала: здесь запирают рано. Мы должны поспеть вовремя! Вот что мы должны — поспеть вовремя! Еще одна такая ночь, и мы все погибнем.

— Так-то оно так, ничего страшного, только до ночи еще... — начал было мокроступ, но его перебили:

— Пошли!

Джил и Юстейс пустились вперед по скользким камням со всей прытью, на какую были способны. И Зудень пошел вслед за ними, пытаясь что-то говорить, но ветер выл так, что все равно ничего не расслышишь, даже если захочешь. А они и не хотели. Они мечтали о ванне, о чистых простынях и горячем питье; а страх, что они, чего доброго, опоздают и ворота Скальзуба закроются — этот страх был невыносим.

Как ни спешили, а чтобы пересечь плоскую вершину, потребовалось немалое время. Потом пришлось спускаться по уступам противоположного склона. И только от подножия холма они увидели Скальзуб.

Замок стоял на высоком утесе и, несмотря на множество башен, был, похоже, не крепостью, а просто зданием, очень большим домом. Очевидно, культурные великаны не страшились нападения. В наружной стене окна были пробиты совсем невысоко от земли — в настоящей крепости такого не бывает. В той же стене имелось множество дверей и калиток, позволявших входить и выходить, минуя внутренний двор. Джил и Бяка приободрились. Замок не казался им ни враждебным, ни опасным.

Правда, утес был высок и неприступен, однако вскоре обнаружилась тропа, ведущая наверх. И без того уставшим путникам подъем дался нелегко; под конец Джил совсем изнемогла. Последние сто шагов Бяка и Зудень то тащили ее, то подталкивали. Но вот уже перед ними ворота замка. Они распахнуты, решетка поднята.

Мечтать об отдыхе — одно, а войти в обитель великанов — совсем другое, тут нужна немалая смелость. Именно Зудень, прежде трусивший, не желавший идти в этот Скальзуб, выказал ее:

— Ну, вперед, — сказал он. — Ничего страшного, только не показывайте, что боитесь. Идти сюда было глупо, так глупо, что, боюсь, глупее не бывает. А уж коли пришли, посмотрим прямо в лицо опасности.

С этими словами он пошел к воротам, остановился под аркой, чтобы эхо усилило его голос, и воззвал изо всей мочи:

— Эй! Привратник! Принимай гостей!

Дожидаясь ответа, мокроступ снял шляпу и стряхнул на землю целый сугроб снега, скопившегося на широких полях.

— Знаешь,— прошептал Бяка,— он, конечно, зуда и зануда, а все-таки не трус... скорее, нахал.

Отворилась дверь: жаркий огонь очага полыхал внутри, а в полумраке на пороге появился привратник. Джил закусила губу, чтобы не вскрикнуть, хотя этот великан был не то чтобы очень велик — чуть повыше яблоневого дерева, чуть пониже телеграфного столба. Рыжие лохмы волос, торчащие во все стороны, кожаная рубаха до коленей, вся обшитая металлическими бляхами (что-то вроде кольчуги), голые ноги (ужасно волосатые) в обувке наподобие краг. Наклонившись, он воззрился на мокроступа.

— Ты кто такой?

Джил собрала все свое мужество.

— Простите, пожалуйста! — крикнула она, запрокинув голову.— Дама в зеленом приветствует короля культурных великанов, и кланяется ему двумя детьми из южных краев и лягвой-мокроступом по имени Зудень к Осеннему Пиршеству... с вашего разрешения, конечно,— добавила девочка.

— Ого! — воскликнул привратник.— Это совсем другое дело. Входи, мелкота, входи. Побудьте в сторожке, пока о вас доложат его величеству,— он с любопытством оглядел детей.— Надо же, синерожие! Ни в жизнь не слыхал, что они бывают синие. Но не беда. Я так полагаю, что друг дружке вы нравитесь. Как говорится, букашка букашку хвалит.

— Это мы от холода посинели,— сказала Джил.— Мы на самом деле не такие.

— Тогда идите грейтесь. Ползите, букашки, ползите.

Вошли в сторожку. Привратник затворил за ними дверь; но жуткого лязга и скрипа огромных петель вошедшие почти не услышали — все их внимание было обращено на то, о чем они только и думали со вчерашнего вечера. Камин! И какой! Ярким пламенем пылали в нем целые стволы, четыре или пять, и нестерпимый жар вынуждал держаться подальше от огня. Путники опустились на каменный пол как можно ближе к камину и облегченно вздохнули.

— Эй, парень, — окликнул привратник другого великана; тот, вылупив глаза, таращился на пришельцев, — беги в палаты, сообщи, — и привратник повторил то, что сказала ему Джил. Парень еще разок глянул на гостей, расхохотался и вышел вон.

— А тебе, лягушонок, — сказал привратник мокроступу, — похоже, не мешает малость промочить горло. — Он добыл черную бутылку, такую же, какая была у Зудня дома, но раз в двадцать побольше. — Только вот беда, — продолжал великан, — чаша, пожалуй, для тебя великовата, еще утонешь. Надо подумать. Ага! Солонка будет в самый раз! Однако, смотри, не болтай об этом там, наверху.

Формой солонка не походила на наши — узкая и высокая, она вполне сошла за стакан для лягвы. Великан наполнил сосуд и поставил на пол возле Зудня. Джил и Юстейс подумали было, что мокроступ из привычной осторожности откажется от угощенья. Однако лягва пробормотал:

— Бояться надо было раньше, когда дверь еще не захлопнулась... — Сунул нос в стакан. — Пахнет недурственно... Но это, боюсь, еще ничего не значит. Надо пробовать, — и пригубил. — На вкус тоже неплохо. Но первому впечатлению нельзя верить. Продолжим? — И хлебнул как следует. — Ого! Ничего другого и ждать нечего! — И он глотнул еще разок. — А все-таки на дне наверняка гадость! — Сказал он и осушил солонку до дна. Потом облизал губы и обратился к своим спутникам: — Это, ребятки, я нарочно пробовал. Ежели я загнусь или взорвусь, или превращусь в ящерицу, или еще чего-нибудь, тогда вы будете знать: из их рук ничегошеньки брать не следует. Понятно?

Великан же, с высоты своего роста не расслышав слов мокроступа, вдруг расхохотался и взревел:

— Эгей, лягушонок, да ты прямо великан! Выхлебал зараз!

— Я тебе не лягушонок, я — лягва, — ответил Зудень заплетающимся языком. — И не великан, а этот самый... мокроступ.

В этот момент входная дверь отворилась; вернувшийся великан объявил:

— Их ждут в тронном зале.

Джил и Юстейс встали, а Зудень так и остался сидеть, бормоча:

— Мокроступ... моркопуп... Очень даже крупный мокропоп... макрокруп...

— Проводи-ка их, парень, — сказал великан-привратник. — А лягушатиху придется нести. Он немного перебрал.

— Ничего страшного, я в порядке, — бормотал Зудень. — Я лягва. Не лягушатина. Ничего подобного. Я добропорядочный мокролягвастоп.

Молодой великан ухватил его поперек туловища и понес. Дети шли следом. Процессия пересекла внутренний двор, и выглядела она не слишком торжественно. Зудень дергался в великанском кулаке, болтал руками и ногами — и впрямь лягушка! — однако его спутникам было не до веселья: они вошли в огромную дверь королевского замка — сердца их бешено бились, — потом, почти бегом поспевая за великаном, миновали несколько коридоров и оказались в необъятном зале. Ярко горели светильни, в камине пылал огонь, сверкали золотом потолок и карнизы. Слева и справа вдоль стен стояли великаны — сколько же их! — все в великолепных одеждах, а в дальнем конце зала на двух престолах восседали огромные фигуры — король и королева.

Шагах в двадцати от престолов остановились. Бяка поклонился, Джил сделала книксен (довольно неуклюже, потому что девочек в Экспериментальной школе этому не учат), а великан осторожно опустил Зудня на пол. Лягва сидел, растопырив свои длинные руки-ноги, и теперь, по правде говоря, стал похож скорее на паука или водомерку.

Глава 8
В Скальзубе

— Ну, Поул, давай, — прошептал Бяка.

Но во рту у Джил пересохло, так что она не смогла выдавить из себя ни слова и лишь сердито помотала головой.

Подумав про себя, что этого он ей никогда не простит (и Зудню тоже), Бяка облизнул губы и прокричал, обращаясь к королю великанов:

— С вашего разрешения, ваше величество! Дама в зеленом прислала нас с приветствием к вашему Осеннему Пиршеству.

Король и королева переглянулись, кивнули друг другу и улыбнулись; эти улыбки не понравились Джил. И все же король показался ей симпатичнее королевы. Он был красив — насколько может быть красивым великан, — с

курчавой бородой и орлиным носом. Королева же была ужасно толстая, лицо имела жирное, густо напудренное и с двойным подбородком, — такое лицо всегда неприятно, что же говорить, если оно раз в десять больше обыкновенного. И тут король облизнулся. Обычное дело. Но язык его был столь велик и красен и высунулся так неожиданно, что Джил стало не по себе.

— О, какие хорошие детишки! — сказала королева. («А может, она и не такая уж и плохая», — подумала Джил).

— Действительно, — сказал король, — превосходные дети. Мы рады видеть вас в нашем замке. Дайте мне пожать ваши руки.

Он протянул вниз невероятных размеров длань, чисто вымытую, унизанную кольцами и с ужасными острыми ногтями. Его лапища явно была слишком велика для рукопожатия, и он осторожно потрепал гостей по плечам.

— А это что такое? — спросил король, указав на Зудня.

— Лягвоступ мокропорядочный, — проговорил Зудень.

— Ах! — вскричала королева, подбирая юбки. — Какая гадость! Да еще живая.

— Да нет, ваше величество, он хороший, — торопливо вступился Бяка. — Он вам понравится, когда вы познакомитесь поближе. Правда, правда.

И в этот момент — надеюсь, вы не разочаруетесь в Джил, узнав, что в этот момент она заплакала. Ведь ее можно понять. Замерзшие ноги, руки, уши, нос только-только начали отогреваться; снег растаял, и вода текла с нее ручьем; за весь день у нее во рту не было ни крошки, а ноги болели так, что, казалось, вот-вот подломятся. И надо заметить, заплакала она как раз вовремя. Королева вскричала:

— Ах, бедное дитя! Мы, ваше величество, совершаем ошибку, утомляя наших гостей. Эй, кто-нибудь! Проводите их. Накормите, напоите, умойте. Да чтоб девочка больше не плакала! Леденцов ей, кукол, капель от кашля — всего вволю! — гоголь-моголя с печеньем, колыбельку с погремушками. Не плачь, не плачь, девочка, а то к пиршеству ты будешь ни на что не годна.

Джил возмутилась (да и вы, полагаю, тоже), услышав о куклах и погремушках; впрочем, от леденцов и печенья она не отказалась бы, но предпочла бы что-нибудь поосновательнее. Дурацкая речь королевы, однако, возымела должное дей-

ствие: Зудня и Бяку подхватили великаны-камергеры, а Джил — великанша-фрейлина, и разнесли их по комнатам.

Комната Джил, размерами с церковь, показалась бы весьма неуютной, когда б не жаркое пламя в камине, не ковер на полу, темно-красный и очень толстый. А дальше началось самое приятное. Девочку передали на руки старой королевской няньке. По великаньим меркам эта согбенная вдвое старушенция была совсем крошечного росточка, да и по человеческим меркам не столь велика — она, пожалуй, смогла бы встать во весь рост в обычной комнате, не проломив головой потолок. Нянька хорошо знала свое дело, только слишком уж часто цокала языком, приговаривая что-нибудь вроде: «Гули-гули, мой цветочек» или «Моя ласточка», или «Вот и славненько, моя крошка». Она наполнила великанью ванну для ног горячей водой и помогла Джил влезть в нее. Для тех, кто умеет плавать (а Джил умела) это был неплохой бассейн. И великаньи полотенца тоже хороши — немножко грубые, зато преобширные: вытираться не надо — завернись в такое и стой перед камином, наслаждайся. А великолепная одежда, в которую Джил переоделась, чистая, свежая, теплая, хотя и несколько великоватая, была явно пошита на человека, а не на великана. «Еще бы,— подумала Джил,— если дама в зеленом бывает здесь, значит, они могут устроить гостей и по-человечески».

Она оказалась права: стул и стол, за который ее усадили, были вполне человеческих размеров, ножи и вилки — тоже. И какое же это удовольствие — сидеть в чистоте и тепле! Или ступать босиком (обувку еще не выдали) по огромному ковру — что может быть лучше для натруженных ног? На обед — а может быть, на ужин, потому что дело шло к вечеру — подали луковый суп, жаркое из индейки, горячий пудинг, жареные каштаны и несметное количество фруктов.

Вот только нянька сновала туда-сюда, принося одну за другой великаньи игрушки: то куклу величиной с Джил, то деревянную лошадку на колесах — со слона, то барабан, то шерстяного ягненка. Все это, грубо сделанное и слишком ярко раскрашенное, совсем не понравилось Джил. О чем она и сообщила няньке, а та только и ответила:

— Тю-тю-тю-тю! Все будет хорошо, девоньке надо отдохнуть. Баю-бай, малютке пора спать. Ласточка моя!

Кровать тоже была не великанья, но очень большая и с балдахином, как в старомодной гостинице; однако в этой

комнате она казалась совсем маленькой. Приятно было завалиться в нее.

— Снег еще идет, няня? — спросила Джил, засыпая.

— Нет, ласточка, теперь пошел дождик! Дождик смоет этот гадкий снег. Завтра моя куколка сможет поиграть на дворе! — Великанша подоткнула одеяло и пожелала Джил спокойной ночи. «Хорошо, хоть не поцеловала — великаний поцелуй, наверное, ужасно противен», — подумала Джил, засыпая.

Весь вечер, всю ночь в окна замка стучал дождь, но Джил ничего не слышала, она крепко спала. Минуло время ужина, минула полночь, и наконец все, кроме мышей, уснуло в доме. И тогда Джил приснился сон. Будто она проснулась в этой самой комнате, озаренной тусклым багряным светом догорающего камина, и увидела большую деревянную лошадь на колесиках. Лошадь через всю комнату катилась к изголовью кровати. И это уже была не лошадь, но Лев размером с лошадь. Потом Лев оказался не игрушечным, а настоящим львом, *тем самым* Львом из запредельного края. И благоухание наполнило комнату. Но почему-то — почему? — ей стало не по себе, и слезы увлажнили подушку. Потом Лев велел девочке повторить знамения, а она все забыла. Великий ужас объял ее. Тогда Эслан осторожно, одними губами, ухватил ее, поднес к окну, и она увидела в ярком лунном свете огромные письмена (непонятно, то ли на земле, то ли в небе) — «ПОДО МНОЮ». Таков был сон, но на следующее утро Джил о нем и не вспомнила.

Она оделась и, сидя перед камином, заканчивала завтрак, когда явилась великанья няня и объявила:

— Ну-ка, ласточка моя, погляди, кто к нам пришел.

Пришли Бяка и Зудень.

— Привет! Доброе утро! — обрадовалась Джил. — Я проспала часов пятнадцать и теперь в полном порядке. А вы?

— Я тоже, — сказал Бяка. — Зато у Зудня голова болит... Ух ты! Да у тебя тут подоконник! Можно залезть и посмотреть, что там, за окном.

Так они и сделали. Джил тут же охнула.

— Какой ужас!

Сияло солнце, снег почти полностью смыло дождем. Внизу, подобно карте, был виден весь холм, через который они перебирались накануне. И глядя отсюда, из замка, невозможно было ошибиться, — то был великаний город. Город, разрушенный до основания, но хорошо различимый сверху: пересекающиеся

перегородки — все, что осталось от стен огромных зданий, бывших когда-то дворцами и храмами, а гладкий утес, который заметила Джил, — всего лишь кусок стены, сохранившийся лучше других; заводские трубы — колонны, торчавшие из земли подобно пням поваленных деревьев; уступы, по которым они карабкались, — ступени гигантской лестницы, ведущей к вершине с двух сторон — с севера и с юга. А поперек всей вершины огромными темными литерами было начертано: «ПОДО МНОЮ».

Троица переглянулась в смятении, потом Юстейс присвистнул и сказал вслух то, о чем все подумали про себя:

— Вот они — второе и третье знамение. Их мы тоже прозевали.

И тут Джил вспомнила свое ночное видение.

— Это я виновата, — она была в полном отчаянии. — Это я, я перестала повторять знамения. Если бы я думала о них, никакой снег не помешал бы догадаться.

— Боюсь, моя вина больше, — сказал мокроступ. — Я-то догадался, ну, почти догадался. Мне-то все думалось, а не похоже ли это на развалины?

— Нет, Зудень, ты-то как раз ни в чем не виноват, — возразил Бяка. — Ты пытался нас остановить.

— Э-хе-хе, мало ли что пытался, — отвечал лягва. — Не пытаться надо было, а взять и заставить. Силой! Уж как-нибудь я вас удержал бы!

— Да чего там, — сказал Бяка. — Нам так хотелось поскорее попасть сюда, что ни о чем другом мы и не думали. Я-то уж точно не думал. Во всяком случае, с тех пор как мы встретили ту даму с рыцарем, мы же почти забыли о королевиче Рилиане.

— А мадам только того и надо было, — заметил Зудень, — ничего другого и ждать было нечего.

— Вот чего я не понимаю, — сказала Джил, — как это мы не заметили надпись? Или вчера ее не было? Может быть, это *он*, Эслан, начертил ее ночью? Мне приснилось... — И она поведала друзьям свой сон.

— Ох, и болваны же мы! — Бяка хлопнул себя по лбу. — Мы видели надпись. Мы были в ней. Неужели не понятно? Мы лазали по букве М. По твоей траншее, Поул. Начали мы с левой палочки — вон она, ведет с юга на север. Потом повернули направо, или на юго-восток, чтоб ты знала, потом — налево,

на северо-восток; это два коротких хода. А последний длинный ход снова на юг — правая палочка, и конечно, тупик. Вот идиоты! — Юстейс пнул ногой подоконник. — Так что нечего на других сваливать, Поул. Я-то знаю, что ты подумала, потому что сам такой же. Ты подумала, что мы пропустили надпись, потому что ее вчера еще не было, потому что Эслан еще не начертил ее на развалинах города. А стало быть, не мы виноваты, а он. Ведь так? Нет уж! Сами мы дали маху — три знамения из четырех проворонили.

— Ты хочешь сказать, я проворонила? — ответила Джил. — Так оно и есть. Я с самого начала все делаю не так. А все равно — нет, я, конечно, виновата и все такое прочее, но все равно, разве это указание — «ПОДО МНОЮ»? По-моему, в нем нет никакого смысла.

— Смысл имеется — заметил Зудень. — Ежели там так написано, значит, мы должны искать королевича *под* городом.

— Но как?

— Э-хе-хе, вот вопрос так вопрос, — Зудень потер свои большие лягушачьи руки. — Ничего страшного, да только что нам теперь делать? Оно, конечно, ежели б мы думали о деле вчера, в Гиблом Городе, что-нибудь да нашлось бы — может, дверца, может, дырка, может, лаз, а может, и встретили бы кого... Может, даже (кто ж его знает?) самого Эслана. Так или иначе мы пробрались бы под эти развалины. Ежели Эслан что сказал, так оно и будет, это точно. А вот что нам делать теперь — неизвестно.

— Да ведь проще простого — возьмем и вернемся в город, — заметила Джил.

— Проще простого? — переспросил лягва. — Конечно, ничего страшного, только, боюсь, для начала придется открыть эту дверь.

Они посмотрели на дверь и поняли, что никто из них не сможет хотя бы дотянуться до дверной ручки, а ежели и дотянется, то никогда в жизни не повернет ее.

— Ты что же, думаешь, нас не выпустят, если мы попросим? — спросила Джил.

Бяка и мокроступ промолчали, но каждый про себя подумал: «Не выпустят...» Мысль была не из приятных. Лягва твердо стоял на своем: ни в коем случае ни о чем не просить великанов и не говорить им об истинной цели похода; а против его воли Джил и Юстейс пойти не могли — они же дали

слово. В то же время все трое понимали, что и следующей ночью им не удастся сбежать из замка: каждый будет заперт в своей комнате до утра. Конечно, можно попросить не затворять двери, но это возбудит подозрения.

— Если бежать, так только днем, — сказал Бяка. — Может, у великанов после обеда мертвый час? Тогда мы могли бы пробраться вниз, на кухню. А вдруг там двери не закрывают?

— Боюсь, ничего из этого не получится, — сказал мокроступ. — Но и другого нам не остается.

На самом деле план Юстейса был не столь невыполним, как может показаться. Ведь средь бела дня куда легче незаметно выбраться из дома, чем ночью. Днем двери и окна, как правило, открыты, а если вас застукают, всегда можно сделать вид, что вы просто прогуливаетесь и ничего такого не затеваете. Это днем. А ночью ни великаны, ни обыкновенные взрослые на эту удочку не поймаются.

— Еще нужно сделать так, чтоб они ничего не заподозрили, — предложил Бяка. — Притворимся, что нам здесь очень нравится, и мы ждем — не дождемся этого их Осеннего Пиршества.

— А оно завтра вечером, — вставил Зудень. — Так они говорят, я слышал.

— Придумала! — воскликнула Джил. — Давайте притворимся, будто нам ужас как не терпится все узнать, будем их обо все спрашивать. Ведь они-то думают, что мы совсем маленькие. И тем лучше для нас.

— Придется веселиться, — тяжко вздохнул Зудень. — Ничего не поделаешь. Придется. Как будто мы совсем беззаботные. Будем резвиться. Вот ведь взять вас: молодые вы, а веселиться не умеете. Ничего страшного, смотрите на меня и делайте, как я. А уж я-то умею. Эх, развеселюсь! Вот так! — И Зудень скроил жуткую гримасу. — И разрезвлюсь! — Тут он сделал какой-то кривой подскок. — Я вас быстренько всему научу, только учитесь. Они-то считают меня забавным. Да и вы небось тоже подумали, будто я вчера наклюкался. А вот и нет. Честное слово — ну, ежели только самую малость. Я это нарочно. Подумал, а вдруг пригодится?

Джил и Юстейс, впоследствии вспоминая свои приключения, никак не могли решить, правду ли сказал мокроступ,

однако, вне всяких сомнений, сам Зудень верил в то, что говорил.

— Ладно, будем веселиться, — согласился Бяка. — Лишь бы выйти из этой комнаты. А там мы им заморочим голову и заодно обследуем замок.

Едва он сказал это, как дверь отворилась и вошла великанья нянька.

— Ну, зайчики мои, хотите посмотреть, как король со всем двором выезжает на охоту? Такая красота!

Они не заставили себя долго упрашивать и сломя голову сбежали по первой же попавшейся лестнице. Лай собак, рев охотничих рогов, гомон великанов указывали путь, и через несколько минут все трое выкатились во двор замка. Там толпились охотники, совсем как в Англии перед началом псовой охоты. Однако великанья охота была пешей, потому что в этой части мира не водилось лошадей соответствующих размеров; и собаки тоже были нормальные. Поначалу Джил огорчилась отсутствием лошадей — едва ли королева отправится на охоту, где нужно бегом поспевать за собачьей сворой, а стало быть, толстуха останется дома. Но тут же успокоилась, увидев ее величество: шестеро молодых великанов несли королеву в чем-то вроде носилок. Старая дура вырядилась во все зеленое, на боку у нее висел охотничий рог. Два-три десятка охотников и сам король говорили и хохотали так громко, что впору оглохнуть, а у них под ногами (заодно с Джил) крутились, виляли хвостами и брехали собаки. Зудень собрался было показать, как он умеет веселиться и проказничать (что наверняка все испортило бы), но Джил опередила его — изобразив на лице самую невинную младенческую улыбку, она бросилась к королевским носилкам:

— Ваше величество! Ваше величество, неужели вы уезжаете насовсем? Ах, пожалуйста, возвращайтесь поскорее!

— Не бойся, моя дорогая, — ответствовала королева. — Я вернусь к вечеру.

— Ой, как хорошо! Ой, как замечательно! — крикнула Джил. — И нам можно будет прийти на завтрашний праздник, да? Мы просто ждем — не дождемся завтрашнего вечера! Нам тут все так нравится! Можно, мы побегаем по замку и посмотрим? Ну, пожалуйста!

Королева сказала «да», но голос ее утонул в хохоте свиты.

Глава 9
Побег

Другие участники этих событий впоследствии признавали, что Джил в тот день превзошла сама себя. Едва охота выехала со двора, девочка стала носиться по всему замку и ко всем приставать с вопросами, столь невинно, столь по-детски, что никому и в голову не пришло бы заподозрить ее в хитрости. Язычок ее работал без устали, хотя назвать это разговором было невозможно, нет: она лепетала, хихикала, лебезила и ластилась ко всем — к молодым великанам, к привратникам, к горничным и камердинерам, к престарелым господам великанам, для которых радости псовой охоты остались в далеком прошлом. Она напрашивалась на ласки и поцелуи бесконечного числа великанш, многие из которых почему-то жалели ее и называли «несчастной малюткой», хотя ни одна не объяснила, почему. Особую дружбу Джил свела с поваром, на кухне, где обнаружила кое-что очень важное — дверь в посудомойне, через которую можно было выйти из замка, минуя внутренний двор и ворота. На кухне Джил притворялась страшно голодной и поедала все лакомые кусочки, которые повар и поварята с удовольствием уделяли ей. А наверху она допрашивала придворных дам, какие наряды следует надеть к праздничному ужину, и как долго ей позволят оставаться там, и будет ли она танцевать с малышами-великанами. А потом (ее бросало в жар всякий раз, как она вспоминала об этом), склонив голову на самый идиотский манер (только взрослым, будь то великаны или кто другой, может показаться, что так и должно быть), она встряхивала кудряшками и, захлебываясь, восклицала:

— Ах, когда же, когда же будет этот праздник? Почему так медленно тянется время?

И все дамы соглашались, что малышка необыкновенно мила, а некоторые прикладывали к глазам необъятных размеров носовые платки, будто собирались всплакнуть.

— Все малыши — такая прелесть,— говорили они друг другу.— Какая жалость...

Бяка и Зудень тоже старались, как могли, но у девочек такие штуки получаются лучше, чем у мальчишек. А у мальчишек лучше, чем у мокроступов.

За обедом случилось нечто такое, отчего всем троим еще больше захотелось сбежать из замка этих культурных великанов. Они сидели в большом зале за отдельным столиком возле камина. За большим же столом, шагах в двадцати от них, расположились с полдюжины пожилых великанов. Разговаривали великаны так громко и голоса их исходили с такой высоты, что обращать внимание на этот шум было все равно что на грохот и гудки уличного движения за окном. Все ели холодную оленину, которой Джил никогда еще не пробовала. Еда ей понравилась.

Вдруг Зудень вздрогнул и побледнел так, что его серо-землистое лицо стало совсем серым.

— Не ешьте больше, — прошептал он.

— В чем дело?

— Разве вы не слышали, о чем только что говорили эти великаны? «Прекрасная оленина», — сказал один. «Стало быть, олень лгал», — сказал другой. «Почему?» — спросил первый. «А вот почему, — ответил второй. — Говорят, когда его поймали, он просил: "Не убивайте меня, я жесткий, я вам не понравлюсь..."»

Смысл этого разговора дошел до Джил не сразу, а только после того, как глаза Юстейса округлились от ужаса, и мальчик проговорил:

— Это что же, мясо *говорящего* оленя?

Страшное открытие подействовало по-разному. Джил, мало знакомая с этим миром, просто пожалела бедного оленя и подумала, что гадкие великаны не должны были убивать его. Юстейса, бывавшего в этом мире прежде и дружившего, по крайней мере, с одним из говорящих животных, это известие поразило как известие об убийстве. А вот Зудень, лягва-мокроступ, родившийся в Нарнии, чуть не рухнул в обморок — для него это было то же, что людоедство.

— Мы прогневили Эслана, — сказал он. — Это нам за то, что мы пренебрегли знамениями. Я знаю, мы прокляты. Боюсь, ничего другого нам не остается, как взять вот эти ножи и вонзить себе в сердце...

Теперь уже и Джил постигла весь ужас случившегося. К еде они больше не притрагивались. И как только стало возможно, потихоньку вышли из зала.

Приближалось послеобеденное время, на которое они так надеялись, и все трое разволновались. Они слонялись по ко-

ридорам и ждали, когда же замок угомонится. Обед кончился, но великаны в зале засиделись. Один из них что-то рассказывал. Наконец, разошлись. Тогда наши герои отправились в кухню. Однако там все еще кипела работа; по крайней мере, в посудомойне. И продолжалось это мучительно долго: пока великанши-посудомойки перемыли всю посуду, пока вытирали руки, пока уходили одна за другой. Но вот на кухне осталась одна-единственная древняя старуха: она бродила из угла в угол, там подотрет, тут пододвинет, и в конце концов беглецы с ужасом убедились, что уходить она вовсе не собирается.

— Ну вот, дорогуши вы мои,— сказала она им.— Все дела я переделала. Давайте поставим чайничек. Выпьем по чашечке чая. Отдохнем маленько. Только будьте добрыми детками, посмотрите-ка, открыта ли в посудомойне дверь?

— Открыта,— сообщил Юстейс.

— Вот и хорошо. Я всегда ее держу открытой, чтобы киска могла выйти погулять.

Старуха примостилась на лавке, ногу положила на другую и зевнула:

— Уж и не знаю, смогу ли, а минут сорок хорошо бы подремать. Лишь бы эти лизоблюды-охотнички не воротились раньше.

Сначала беглецы возликовали, услышав, что старуха собралась вздремнуть минут на сорок, потом приуныли, услышав про охотников.

— А когда они вернутся? — спросила Джил.

— Кто же их знает? — Великанша опять зевнула.— Ну, теперь, дорогуши мои, не шумите.

Беглецы направились было в дальний конец кухни, чтобы прокрасться в посудомойню, а там и дальше, как вдруг великанша вздрогнула, открыла глаза и прихлопнула муху.

— Пусть старуха уснет как следует,— прошептал Юстейс.— Иначе нам крышка.

Все трое забились в дальний угол и оттуда следили за великаншей. А та все никак не могла угомониться. Всякий раз, стоило подумать, что посудомойка наконец заснула, она вновь начинала ворочаться. Но хуже всего было то, что охотники могли вернуться в любой момент.

«Нет, больше я не выдержу»,— подумала Джил и, чтобы хоть чем-нибудь заняться, стала осматривать кухню. Прямо перед ними возвышался широкий чистый стол, на столе — два

пустых блюда (великаньи блюда для великаньих пирогов). Джил даже подумала, что вполне могла бы улечься на таком. Еще там лежала раскрытая книга. Девочка влезла на скамью, привстала на цыпочки и прочла:

«**Ласточки.** *Восхитительные мелкие пташки, используются в самых различных блюдах*».

«Поваренная книга», — со скукой подумала Джил и оглянулась через плечо. Глаза великанши смежились, но по-настоящему старуха еще не уснула. Джил снова посмотрела в книгу. Рецепты на странице располагались в алфавитном порядке и — сердце у Джил екнуло, когда она прочла следующий:

«**Люди.** *Изящные небольшие существа, издревле почитающиеся деликатесом. Традиционное блюдо Осеннего Пиршества; подается между рыбной и мясной переменами. Каждую тушку необходимо...*»

Дальше читать не хватило сил. Она отвернулась. Великанша опять заворочалась и кашлянула. Джил поманила друзей и указала на книгу. Те тоже влезли на скамью и заглянули в огромные страницы. Пока Юстейс читал рецепт приготовления людей, Зудень обнаружил следующий:

«**Лягвы-мокроступы.** *Некоторые полагают, что эти животные непригодны в пищу из-за жесткости мяса и неприятного запаха. Однако запах можно отбить следующим способом...*»

И тут Джил отвлекла их от чтения. Они оглянулись. Старуха-великанша спала, приоткрыв рот, а носом издавала звуки, которые в тот момент показались нашим героям краше любой музыки, — посудомойка храпела. И тогда они — на цыпочках, на цыпочках, и не слишком быстро, затаив дыхание, прокрались через посудомойню (ну и воняет же в великаньей посудомойне!) и увидели бледный солнечный свет зимнего полдня.

Беглецы стояли у начала узкой неторной тропы, сбегающей по крутому склону к дороге. И — вот повезло! — внизу виднелся Гиблый Город, совсем невдалеке, правее замка. Скоро они уже шагали по широкой дороге, ведущей на равнину от главных ворот. Тут их могли бы заметить из любого окна, а окон на эту сторону выходило не два и не пять, а по меньшей мере, пять десятков. Кроме того, на долгом, вплоть до самого города, каменистом склоне, поросшем худосочной травой, даже лиса не нашла бы укрытия. Ко всему прочему, на

беглецах была одежда, в которую их вчера переодели великаны (только лягва остался без обнов — все ему было не впору). Джил щеголяла ярко-зеленым платьем и алой мантией, отороченной белым мехом. Юстейс — алыми чулками, синей туникой, таким же плащом, мечом с золотой рукоятью и шляпой с перьями.

— Ну и пестрая вы парочка,— зудел Зудень.— Ничего, конечно, страшного, даже очень красиво, вот только, боюсь, самый никудышный стрелок по этакой цели не промахнется. А коль скоро зашла речь о стрелках: боюсь, плакали наши луки. А к тому же одежка-то ваша, боюсь, не слишком теплая?

— Да, я совсем замерзла,— откликнулась Джил.

Пока сидели в кухне, казалось, надо только выйти из замка — и худшее останется позади. Однако теперь стало ясно, что это всего лишь начало.

— Спокойнее, спокойнее,— приговаривал Зудень.— Не оглядывайтесь. Не спешите. Что бы там ни было, не бегите. Сделаем вид, что гуляем,— глядишь, никто ничего и не заподозрит. А ежели кто заподозрит, боюсь, нам будет плохо.

Путь до Гиблого Города оказался длиннее, чем хотелось бы. Но с каждым шагом расстояние все-таки сокращалось. И вдруг... Все застыли на месте.

— Что это? — спросила Джил.

— Охотничий рог,— прошептал Бяка.

— Все равно не бегите,— предупредил Зудень.— Ждите моей команды.

Джил оглянулась. Слева, из-за утеса прямо на беглецов выворачивала к замковой дороге великанья охота. И тут же раздался жуткий ор, клики и улюлюканье.

— Боюсь, они нас заметили. Бежим! — завопил Зудень.

Джил подобрала длинные юбки — нет ничего хуже длинных юбок, если нужно удирать,— и побежала. Да, теперь охота шла на беглецов. В этом не могло быть никаких сомнений: собаки лаяли, взявши след, а король ревел во всю глотку:

— Ловите, ловите их! А то не видать нам пирога с человечиной!

Джил все больше отставала от друзей; она путалась в платье, скользила на шатких камнях, волосы лезли в рот, дышать было трудно. Собаки нагоняли. Беглецы мчались к подножию холма, к первой ступени гигантской лестницы. Джил понятия не имела, что они будут делать, когда добегут до лестницы, и

какая им польза карабкаться по ней наверх. Однако она и не думала об этом. Она, как преследуемое животное, знала одно: свора летит по пятам, надо бежать, покуда есть силы.

Мокроступ мчался впереди. Перед первой ступенью он остановился, огляделся и вдруг полез вниз головой в какую-то дыру или щель в основании уступа. Его длинные, как у паука, ноги исчезли в отверстии. Юстейс помедлил и полез следом. Джил, едва дыша и пошатываясь, добежала до этого места минутой позже. Грязная дыра, узкий провал в земле, уходил под каменную глыбу. Чтобы пролезть туда, пришлось лечь ничком. Не так-то все было просто и быстро. Джил боялась, что не успеет и собаки ухватят ее за ноги. Но успела.

— Быстрее, быстрее! Камней! Нужно заткнуть ход,— голос лягвы раздался где-то рядом.

В темноте блеклым пятном светилось отверстие, через которое они вползли, и на его фоне, как черные тени, мелькали то маленькие человеческие руки Юстейса, то большие лягушачьи — Зудня: оба трудились из последних сил, перекрывая ход. Джил не сразу поняла, зачем это нужно, а поняв, бросилась помогать, искала на ощупь и подавала камни. К тому времени, когда собаки залаяли, заскулили снаружи, лаз был накрепко забит камнями. Зато и тьма настала кромешная.

— Надо уходить,— прозвучал голос мокроступа.

— Давайте возьмемся за руки,— предложила Джил.

— Правильно,— поддержал Юстейс.

Взяться за руки в темноте тоже удалось не сразу. Собаки пыхтели по ту сторону каменной пробки.

— А можно ли тут стоять? — спросил Юстейс.

Оказалось, что можно. И тогда пошли в темноту, шаркая ногами и спотыкаясь. Зудень был первым и держал за руку Юстейса, а тот держал за руку Джил, которая предпочла бы оказаться в середине, а не замыкающей. Под ногами была россыпь камней. Потом Зудень наткнулся на сплошную скалу, и они двинулись вдоль стены направо. Дальше последовало множество поворотов и тупиков. Джил уже не могла бы сказать, в какой стороне находится лаз.

— Боюсь,— раздался голос Зудня,— одно другого стоит, и еще неизвестно, что лучше: вернуться назад (если, конечно, найдем дорогу) и стать начинкой пирога на потребу велика-

нам или плутать в утробе этого холма, в котором, готов поспорить, полно драконов, бездонных провалов, воды и... о-о-о! Что такое? Берегитесь! Я...

Все произошло в мгновение ока — страшный крик, шуршание, пыль, стук и скрип камней. Джил скользила, скользила неудержимо, все быстрее и быстрее под уклон, который становился все круче и круче. Это был не просто склон, это была осыпь. На осыпи невозможно устоять: камушки под ногами катятся, валят на спину и несут вниз. Однако Джил и не пыталась встать. Она скользила на спине, и чем дальше, тем больше камней и земли увлекала за собой, так что целая лавина катилась с грохотом, в облаке пыли, вниз и вниз. Оттуда слышались проклятия, и Джил поняла, что многие камни, обогнав ее, попадают в Юстейса и Зудня. Скорость стала бешеной; Джил была уверена, что разобьется насмерть.

И все-таки она не разбилась. Синяки болели, что-то влажное, липкое сочилось по лицу — наверное, кровь. А земля, камушки и камни почти погребли девочку под собой, встать она не могла. Тьма — хоть глаз коли. И ни звука. Это была самая страшная минута в ее жизни. А что, если она осталась одна?.. А что, если остальные... Потом кто-то зашевелился рядом. Стали переговариваться слабыми голосами, и выяснилось, что все они живы и даже кости целы.

— Нам отсюда уже не выбраться, — произнес Бяка.

— А вы заметили, насколько здесь теплее? — спросил лягва. — Это значит, что мы провалились очень глубоко. Боюсь, не меньше, чем на милю.

Помолчали. Потом мокроступ добавил:

— Боюсь, мой огневой прибор потерялся.

Помолчали еще. Потом Джил сказала:

— Ужасно пить хочется...

Никаких предложений не последовало. Потому что предлагать было нечего. Потому что им было яснее ясного: тут уж ничего не попишешь. И поняв это, они даже не очень испугались — слишком уж устали.

Прошло немало времени, и вдруг неизвестно откуда раздался странный, очень странный голос. Впрочем, они сразу сообразили, что этот голос, тусклый, темный, почти черный (надеюсь, вам понятно, что я имею в виду), не может принадлежать

тому единственному в мире, кого каждый из них втайне надеялся услышать, — это был не голос Эслана.

Голос спросил:

— Зачем вы здесь, обитатели Верхнего Мира?

Глава 10
Без солнца

— Кто тут? — хором воскликнули наши герои.

— Я — Хранитель Границ Подземья, и со мной сотня вооруженных подземцев, — последовал ответ. — Отвечайте без промедления, кто вы такие и зачем явились в Глубинное Королевство?

— Боюсь, что случайно; мы сюда просто упали, — честно признался Зудень.

— Многие сюда упадают, да немногие поднимаются вспять, в мир под солнцем, — сказал голос. — Вам придется последовать за мной — к королеве Подземья.

— А зачем мы ей? — осторожно спросил Юстейс.

— Это мне неведомо, — отвечал голос. — Ее воля не подлежит обсуждению, но единственно — исполнению.

Едва отзвучали эти слова, как раздался негромкий хлопок, будто что-то лопнуло, и по всему подземелью разлилось серовато-голубое сияние. Сразу стало ясно, что голос не хвастался, говоря о вооруженной сотне. Джил, прищурив глаза от света, разглядела плотную толпу существ — от совсем маленьких, ростом с гнома, до огромных, много больших человека. У каждого в руке трезубец, все необыкновенно бледные и стоят неподвижно, как статуи. И к тому же все такие разные: одни хвостатые, другие бородатые, третьи — с лицами гладкими, как тыквы; у иного нос длинный и мягкий, вроде хобота, у другого — длинный и острый, а у некоторых во лбу торчит рог. Лишь одним они были похожи друг на друга — вся сотня: их лица были печальны, так печальны, что дальше некуда. Так печальны, что Джил, взглянув на них, почти перестала бояться. Ей даже захотелось их утешить.

— Отлично! — воскликнул мокроступ, потирая руки. — Боюсь, что именно этого мне и не хватало. Уж ежели такая компания не научит меня уму-разуму, тогда не знаю, что будет. Поглядите-ка на того парня с моржовыми усами!.. А вон тот...

— Встать! — приказал Хранитель Границ.

Пришлось подчиниться. С трудом поднявшись, взялись за руки. В такие моменты всегда хочется почувствовать руку друга. Подземцы окружили их, бесшумно ступая босыми ногами, на которых редко можно было насчитать десять пальцев, чаще — двенадцать, а то и вовсе ни одного.

— Марш! — скомандовал Хранитель, и они двинулись.

Холодный свет исходил от большого шара на длинном шесте, который нес рослый подземец во главе процессии. В этом унылом свете можно было разглядеть пещеру, полого уходящую вниз, стены и свод, все в каменных наростах и складках самых причудливых форм, темные провалы. Для Джил это было самое худшее — она боялась темноты и подземелий. А пещера чем дальше, тем становилась все уже и ниже, а потом тот, что шел впереди с фонарем, отступил в сторону, остальные же один за другим (некоторые чуть не ползком) полезли в узкий лаз. Это оказалось выше сил девочки.

— Нет, нет, нет, я не могу! Не могу! Я не полезу... — Джил задыхалась от ужаса.

В ответ подземцы угрожающе опустили трезубцы.

— Не бойся, Поул, — сказал Зудень. — Ежели такие дылды полезли туда, стало быть, там, дальше, станет попросторнее — ничего другого и ждать нечего. А еще, знаешь, под землей не так уж плохо, по крайней мере, под дождем не вымокнем...

— Да как ты не понимаешь? Не могу я, — рыдала Джил.

— Эй, Поул, вспомни, каково было мне на утесе, — сказал Бяка. — Лезь первым, Зудень, а я полезу за ней.

— Правильно, — сказал мокроступ, вставая на четвереньки. — Держись, Поул, за мои пятки, а Бяка пусть держится за твои. Так будет удобно.

— Ничего себе удобно! — всхлипнула Джил, но все-таки стала на колени, и они поползли.

Ну и гадкая то была нора. Ползти пришлось, уткнувшись носом в землю, и длилось это, как показалось Джил, не менее получаса (а на самом деле, наверное, минут пять). Было жарко и нечем дышать. Наконец впереди показался тусклый свет, лаз расширился, и они, вспотевшие, грязные, дрожащие, выбрались в пещеру столь обширную, будто это была вовсе не пещера.

В ней разливалось бледное, дремотное мерцание, так что диковинный фонарь здесь уже не попадобился. Под ногами

расстилался мягкий ковер мха, из которого местами вздымались вверх необыкновенные растения, высотой и ветвистостью похожие на деревья, но губчатые, как грибы. Стояли они просторно — как в парке. Именно от них и от мха исходил, казалось, зеленовато-серый свет, не достигавший, однако, пещерного свода — либо свет был слишком слаб, либо свод слишком высок. Процессия двинулась дальше по тихому, сонному подземелью, в котором грусть была разлита, подобно негромкой музыке.

Шли среди мшаных лужаек, на которых лежали невиданные существа, то ли мертвые, то ли спящие — Джил не могла разобрать, — то ли драконы, то ли нетопыри; даже лягве-мокроступу они были неведомы.

— Их что, тут выращивают? — спросил Юстейс у Хранителя.

Тот сперва чуть опешил от такого вопроса, а потом ответил:

— Нет, эти тоже попали в Глубинное Королевство через расселины и провалы. Многие сюда попадают, да немногие возвращаются вспять, в мир под солнцем. Говорят, они проснутся в конце времен.

Сказал и захлопнул рот, как сундук, так что наши герои больше не смели нарушать тишину разговорами. Босые стражи бесшумно ступали по мягкому мху. Не шумел ветер, не пели птицы, не журчала вода. И неведомые существа не дышали.

Шли долго; наконец добрались до скальной стены с проходом в следующую пещеру. Этот ход был много шире того страшного лаза, и Джил прошла в него, даже не пригнув головы. Следующая пещера оказалась ниже, уже и короче предыдущей и напоминала храм. В ней, растянувшись почти во всю ее длину, спал огромный человек, старец, гораздо выше и крупнее любого великана, и лицо его — не чета великаньим! — сияло благородством и красотой. Грудь старца вздымалась и опадала под волнистой белоснежной бородой, доходящей до пояса. Чистый серебристый свет лился неизвестно откуда.

— Кто это? — спросил Зудень, и Джил, услышав его голос, удивилась, как это он посмел нарушить молчание.

— Этот старец — Праотец-Время, — ответил Хранитель Границ. — Когда-то он правил Верхним Миром, потому спустился в Глубинное Королевство, лег и уснул; во сне он видит

все, что происходит там, наверху. Многие сюда спускаются, да немногие возвращаются вспять, в мир под солнцем. Говорят, что и он проснется в конце времен.

Так и шли они из пещеры в пещеру — Джил давно потеряла им счет, — все вниз и вниз, все глубже и глубже, так что от одной только мысли о толще земли над головой перехватывало дыхание. Но вот Хранитель приказал вновь зажечь серо-голубой светоч, и они вошли в пространство необъятное и темное; тусклый фонарь высветил белесую кайму песка и неподвижную воду за нею. У небольшого причала стоял корабль без мачты, без паруса, но со множеством весел по бортам. Пленников провели к полукруглой скамье на носу, на возвышении; остальная часть корабля была занята сиденьями для гребцов.

— Ничего страшного, — сказал Зудень, — но хотел бы я знать, кто еще из нашего мира... оттуда, сверху... кто еще прошел этим путем?

— Многих унес корабль от сумрачных берегов, — начал Хранитель, — но...

— Но не многие вернулись и так далее, — прервал его лягва. — Не стоит и повторять. Или это единственное, что ты знаешь?

Джил и Юстейс прильнули к мокроступу. Там, наверху, они думали, что Зудень — зуда и зануда, а здесь, под землей, он оказался единственной их опорой. Подземцы укрепили бледный фонарь посередине корабля, сели на весла, и корабль отчалил. Света хватало лишь на то, чтобы увидеть впереди черную водную гладь, исчезающую в кромешной тьме.

— Что же с нами будет? — воскликнула Джил в отчаянии.

— Не унывай, Поул, — сказал мокроступ. — Мы на верном пути. Мы должны были попасть под Гиблый Город, вот и попали. И теперь мы вновь следуем знамениям.

Пленников накормили какими-то тощими сырыми лепешками, совершенно безвкусными. После еды они заснули. А когда проснулись, ничего не изменилось: подземцы гребли, корабль плыл из мертвой тьмы в мертвую тьму. Сколько раз они ели, засыпали, пробуждались и снова засыпали — ни один из них не мог бы вспомнить. Еще хуже было то, что им начало казаться, будто всю свою жизнь они провели на этом корабле среди этой тьмы, а солнце, синее небо, ветер, птицы — не более чем сон.

Они уже ничего не боялись и ни на что не надеялись, когда впереди наконец засветились огни — тусклые фонари, вроде их собственного. Один из фонарей быстро приближался, и скоро мимо проплыл корабль. Потом еще несколько кораблей. Пленники вглядывались вперед до рези в глазах, а там высвечивались огнями причалы, стены, башни и толпы народа. Однако не слышно было ни звука.

— Черт побери! — воскликнул Бяка.— Это же город!

Да, то был город, и весьма странный. Фонарей в нем горело меньше, чем в каком-нибудь медвежьем углу нашего мира. Но даже то немногое, что удавалось разглядеть, говорило о большом морском порте. То высвечивались корабли, стоящие у причалов под погрузкой-разгрузкой, то склады и штабеля товаров, а дальше из темноты проступали стены и колонны огромных дворцов или храмов, и везде сновали подземцы — толпы подземцев текли по узким улочкам, по широким площадям, по лестницам. Уже можно было расслышать шум города: ни тебе песен, ни криков, ни звона колоколов, ни скрипа колес — только негромкий, невнятный шорох. Город был столь же беззвучен, и почти столь же темен, как недра муравейника.

Наконец причалили, и трех пленников высадили на берег и повели по улицам, запруженным толпой, многоликой, но какой-то понурой. Унылый свет уныло освещал унылые физиономии. И никто не обращал внимания на иноземцев. Горожане казались столь же деловитыми, сколь и унылыми, но Джил так и не смогла понять, чем же они заняты. Все сновали туда-сюда, спешили, толкались, и повсюду слышалось шарканье — шорх-шорх-шорх — тысяч босых подошв.

Добрались до здания немалых размеров, скорее всего, дворца, в окнах которого лишь кое-где горел свет. Вошли в ворота, пересекли внутренний двор, поднялись по одной, потом по другой лестнице и оказались в большой полутемной комнате. И там — вот радость! — в дальней стене светилась арка, светилась истинным, желтоватым, теплым светом обыкновенного человеческого огня. В этом свете, льющемся сверху, были видны каменные ступы и ступени каменной лестницы. Два подземца стояли по сторонам арки — то ли стражи, то ли лакеи.

Хранитель Границ, подойдя к ним, произнес пароль:

— Многие попадают в Подземье...

— Но немногие возвращаются в мир под солнцем,— ответили стражи в один голос.

Потом все трое, сойдясь вплотную, долго о чем-то шептались. Наконец один из замковых подземцев повысил голос:

— Говорю тебе, их величество отбыли по важному делу. Лучше всего будет до возвращения королевы посадить наземцев под замок. Немногие возвращаются в мир под солнцем...

И тут его речь была прервана самым неожиданным, самым восхитительным образом. Сверху, из арки, донесся голос. Да! Чистый, звонкий человеческий голос, голос молодого человека:

— Что там случилось, Муллугутерум? Наземцы? Давайте-ка их сюда.

— Но, ваше высочество, я должен вам напомнить... — начал было Муллугутерум.

Его прервали:

— Нет, старый ворчун! Это мое высочество должно напомнить тебе, что ты должен повиноваться моему высочеству. Приведи их!

Страж покачал головой, но, дав знак пленникам, двинулся вверх по лестнице. С каждой ступенью становилось все светлее. Стены были украшены гобеленами, а свет проникал сквозь тонкую завесу наверху, в дверном проеме. Подземец раздвинул завесу и сделал шаг в сторону, уступая дорогу.

То был дивный покой, где каменные стены задрапированы богатыми тканями, в камине пылает настоящий огонь, а на столе сверкают хрустальные кубки с красным вином. Светловолосый молодой человек встал им навстречу. Он был красив, казался и смелым, и добрым, но что-то в лице у него было неправильно. Одетый во все черное, этот юноша немного напоминал Гамлета.

— Добро пожаловать, наземцы! — воскликнул он. — Однако, мне кажется, я уже видел вас двоих, и вашего странного вожатая. У моста в Великогорье. Тогда я сопровождал мою даму.

— Ох... Значит, вы — тот самый неразговорчивый Черный Рыцарь? — удивилась Джил.

— Боюсь, — не слишком приветливо сказал Зудень, — что ваша мадам и есть здешняя королева.

А Юстейс, подумавший о том же, вспылил:

— Ну, если это так, то я скажу: не очень-то хорошо с ее стороны взять и направить нас в Скальзуб на съедение великанам! Что плохого мы ей сделали?

— Как, как? — Черный Рыцарь нахмурился.— Не будь вы столь молоды, юноша, я бы вызвал вас на смертельный поединок. Никто не смеет порочить честь моей дамы! Но можете быть уверены: все, что делает, она делает из лучших побуждений. Вы ее не знаете. Зато я знаю! Она — средоточие всех достоинств: правдивости, милосердия, постоянства, нежности, храбрости и всего прочего. Ее доброта по отношению ко мне, человеку, который ничем не может отблагодарить ее, сама по себе замечательна. Вы полюбите королеву, как только познакомитесь с ней поближе. А пока не скажете ли вы мне, что привело вас в Глубинное Королевство?

И прежде чем Зудень успел остановить Джил, та выпалила:

— Мы ищем королевича Рилиана... из Нарнии...

Она сама уже поняла, какую глупость сморозила — ведь Рыцарь запросто мог оказаться врагом. Однако тот не выказал ни малейшего интереса.

— Рилиан? Нарния? — Он пожал плечами.— Нарния? Где это? Я никогда не слышал о такой стране. Должно быть, это где-то очень далеко от той части Наземья, которая мне известна. И какая странная фантазия, искать этого — как вы его назвали?.. Виллиана?.. Триллиана?..— здесь, в королевстве моей госпожи. Насколько мне известно, в Подземье такого человека нет и никогда не было.

Он рассмеялся столь громко и неестественно, что Джил подумала про себя: «Что же все-таки у него с лицом? Может, оно просто немного глуповатое?»

— Нам было велено искать указание на камнях Гиблого Города,— сказал Бяка.— И мы нашли слова: «ПОДО МНОЮ».

Рыцарь расхохотался громче прежнего.

— Вы обманулись,— сказал он.— Эти слова не имеют никакого отношения к вашему делу. Лучше вам испросить совета у моей госпожи. А слова эти — все, что осталось от древней надписи, которую ее величество прекрасно помнит. Вот это двустишие:

> Я — здесь, под землею, но прежде был я —
> король, и была подо мною земля.

Некий древний король великанов повелел начертать эту гордую надпись на своем надгробье, но со временем плита рас-

кололась, часть камней растащили, письмена завалило щебнем, и осталось всего два слова. Вы же решили, что они предназначены вам, — как же тут не смеяться?

Джил и Юстейса будто холодной водой окатили: неужто надпись и вправду не имеет к ним отношения, и все это простая случайность?

Но Зудень сказал:

— Ничего страшного и никаких случайностей. Наш покровитель — Эслан, а уж он-то своими глазами видел, как истиралась надпись на могиле. Он все знал наперед. Даже это.

— Ваш покровитель, дружище, должно быть, очень стар, — Рыцарь опять рассмеялся. И этот смех совсем уже не понравился Джил.

— Боюсь, сударь, — отвечал мокроступ, — ваша мадам тоже немолода, коль скоро помнит слова, давным-давно истершиеся.

— А ты догадлив, Лягушачья Голова, — Рыцарь хлопнул лягву по плечу и опять расхохотался. — Истинная правда. Она божественного рода, ей неведомы ни время, ни смерть. И я, ничтожный смертный, тем более должен быть благодарен ей за ее беспредельную щедрость. Ибо, должен сказать, я необычайно несчастен, и только она, добрая королева, имеет ко мне снисхождение. Снисхождение, сказал я? Нет, гораздо больше. Она обещает возвести меня на престол великого королевства, там, наверху, и когда я стану королем, она отдаст мне руку и сердце. Однако это слишком долгий рассказ, чтобы слушать его стоя да еще на голодный желудок. Эй, кто-нибудь! Подать вина и наземской снеди для моих гостей. Прошу вас, присаживайтесь. Юная дама, вот ваше кресло. Я расскажу вам все.

Глава 11
В темном замке

Подали угощение — пироги с голубятиной, холодную ветчину, салат и пышки. Гости приступили к трапезе, а Рыцарь продолжил рассказ:

— Надо вам сказать, дорогие мои гости, что я совершенно не помню, кто я и откуда пришел в этот темный мир. У меня такое впечатление, будто я всегда был с моей божественной королевой. И все же мне думается, что когда-то я был спасен ею от злого заклятья, и по великому своему милосердию она приблизила меня к себе. (Дружище Лягушачья

Лапа, ваш кубок пуст. Давайте-ка я наполню его.) По сей день у меня бывают припадки, и только моя госпожа способна помочь мне. Каждую ночь наступает час, когда разум изменяет мне, а вслед за разумом — и тело. Сначала я впадаю в такое неистовство, в такую ярость, что меня необходимо связать, ибо я набрасываюсь на всех и готов убить даже лучшего друга. А затем я превращаюсь в огромного змея, голодного, безжалостного, смертоносного. (Сударь, отведайте еще пирога, прошу вас.) Все это мне известно с чужих слов, но все это истинная правда, ибо моя госпожа ее подтверждает. Сам же я ничего не знаю, ибо всякий раз, очнувшись от ужасного припадка, вернувшись в свое тело и обретя здравый ум, я ничего не помню и чувствую только некоторую усталость. (Попробуйте, барышня, этот медовик, он доставлен сюда из южных пределов Наземья.) Так вот, ее величество королева предрекла мне, что злые чары рассеются, как только она возведет меня на престол в Верхнем Мире. Земля уже избрана, скоро мы овладеем ею. Подданные ее величества день и ночь работают, пробивая ход к поверхности, и настолько преуспели, что уже докопались до дерна, по которому ходят наземцы. Скоро, скоро решится их судьба. Сегодня королева сама присматривает за работами, и я жду вестей, чтобы явиться туда же. Тонкий пласт, отделяющий меня от моего королевства, будет прорван, и тогда мы — я и моя госпожа — во главе многотысячного войска подземцев внезапно нападем на наших врагов, перебьем их вождей, разрушим их крепости, и в течение двадцати четырех часов, несомненно, я стану их законным королем.

— Наверное, им это не очень понравится, — протянул Юстейс.

— Вы на редкость сообразительны! — воскликнул Рыцарь. — Сказать по чести, никогда об этом не задумывался. Но я вас понимаю. — На мгновение лицо его омрачилось легкой, совсем легкой тенью, но тут же просветлело, и он вновь расхохотался. — Эка важность! Зато как смешно — они там живут, делают свои делишки и даже не подозревают, что под их лугами и полями стоит армия, готовая вырваться из-под земли подобно фонтану! Подумать только, ничего не подозревают! Зато когда все кончится, и у них не останется выбора, они же первые над собой посмеются!

— Ничего смешного не вижу, — сказала Джил. — Наверное, вы станете жестоким тираном.

— Вот как? — Рыцарь, посмеиваясь, самым издевательским образом погладил ее по голове. — Оказывается, наша юная дама разбирается в политике. Не бойтесь, милая моя. Я буду править моим королевством, во всем полагаясь на мнение моей дамы, ибо она будет моей королевой. Ее слово всегда было для меня законом, а мое слово будет законом для тех, кого мы победим.

— В моем мире таких, как вы, не очень-то уважают, — неприязнь Джил возрастала с каждой минутой. — Знаете, как их называют? Подкаблучниками.

— Уверяю вас, сударыня, когда вы сами выйдете замуж, ваше мнение по этому вопросу изменится, — и эта шутка показалась Рыцарю отменной. — Однако когда речь идет о моей госпоже, это совсем другое дело. Я рад исполнить любое слово той, которая спасла меня от тысячи напастей. Ни одна мать не заботится о своем ребенке так, как моя милостивая королева обо мне. Сами посудите, сколько должно быть у королевы дел, а все же она находит время и выводит меня в мир под солнцем, чтобы глаза мои привыкали к его свету. А почему я всегда выезжаю в полном вооружении и с опущенным забралом? Потому что никто не должен видеть моего лица. И я сам не должен ни с кем заговаривать. Ибо это — как выяснила моя госпожа посредством магического искусства — может помешать мне избавиться от злого заклятья. Разве поклоняться такой даме — не честь для любого смертного?

— Боюсь, ваша мадам действительно весьма достойная дама, — произнес Зудень тоном, в котором звучало нечто совершенно противоположное смыслу фразы.

Ужин еще не закончился, а они уже по горло были сыты беседой с Рыцарем. Лягва думал: «Интересно, какую игру ведет ведьма с этим молодым олухом». Юстейс думал: «Большой, а как младенец, держится за юбку, дурак». А Джил думала: «Такой глупой, самодовольной, самовлюбленной скотины я еще никогда не встречала».

Однако к концу трапезы настроение Рыцаря переменилось. И он уже больше не смеялся.

— Друзья мои, — сказал он. — Близится час. Мне стыдно показаться вам в столь непристойном виде, и все же я не хотел бы оставаться в одиночестве. Сейчас придут и привяжут меня вон к тому креслу. Увы, это необходимо, иначе в припадке бешенства я уничтожу все, что попадется под руку.

— Мне, конечно, ужасно жаль вас, — откликнулся Бяка, — но с нами-то что будет? Ведь эти ваши подземцы собирались посадить нас под замок. Понимаете, нам вовсе не нравится темнота. Мы бы с удовольствием побыли здесь, пока вы не... ну, в общем... если бы как-нибудь...

— Надо подумать, — сказал Рыцарь. — Обычно возле меня на время припадка остается одна королева. Настолько она бережет мою честь, что готова сама выслушивать мой бред, лишь бы никто другой не слышал. Едва ли я смогу убедить придворных, чтобы они оставили вас при мне. А они уже идут — слышите, мягкие шаги на лестнице. Ступайте вон в ту дверь, в другие мои покои. Ждите меня там, пока все не кончится, или, если захотите, возвращайтесь и побудьте со мной во время припадка.

Они проскользнули в дверь, которой прежде не заметили. За ней оказался коридор, к их радости, не темный, а ярко освещенный. Заглянув в несколько комнат, наконец обнаружили то, в чем страшно нуждались — воду для мытья и даже зеркало.

— Самовлюбленная, самодовольная скотина, — сказала Джил, утирая лицо, — он даже не предложил нам вымыть руки перед едой.

— Ну что, пойдем посмотрим, как действует заклятье, или останемся здесь? — спросил Юстейс.

— Я за то, чтобы остаться, — ответила Джил. — Не хочу видеть этого, — а все-таки ей было немного любопытно.

— Нет, пойдемте, — сказал Зудень. — Вдруг узнаем что-нибудь полезное, а полезным может оказаться все что угодно. Боюсь, эта королева — колдунья и наш страшный враг. И эти подземцы прикончат нас, как только увидят, — ничего другого и ждать нечего. Нигде еще не пахло такой опасностью, такой ложью, таким колдовством и изменой, как в этих краях. Нужно держать ушки на макушке.

Они вернулись по коридору и тихонько приоткрыли дверь.

— Все в порядке, — сказал Бяка, — подземцев там нет.

И они вошли. Дверь на лестницу была закрыта. Рыцарь сидел в странном серебряном кресле: лодыжки, колени, локти, запястья и туловище — все было опутано веревками. На лбу у него проступил пот, лицо было искажено мукой.

— Входите, друзья мои, — сказал он, глянув на них. — Припадок еще не начался. Но только тихо! Я сказал придворным, что вы уже спите. Вот оно... Начинается... Внимание! Слушайте! Слушайте, пока я — еще я. Когда припадок начнется, я, очень может быть, стану просить и умолять вас, просить и требовать, чтобы вы освободили меня. Так бывает всегда. Я буду заклинать вас всем — и самым дорогим для вас и самым ужасным. Не слушайте меня. Укрепите ваши сердца и заткните уши. Потому что пока я связан, вы в безопасности. Но как только я встану с этого кресла, сначала проявится мое исступление, а потом, — он содрогнулся, — я обернусь ужасным змеем.

— Не бойтесь, я не стану вас освобождать, — сказал Зудень. — У меня нет ни малейшего желания иметь дело с сумасшедшим, тем более со змеем.

— Мы тоже, — подтвердили Юстейс и Джил.

— Все равно, — шепнул им лягва, — ни в чем нельзя быть уверенным. Поостережемся. Мы и так наделали слишком много ошибок. А он будет лукавить — ничего другого и ждать нечего. Мы ведь стоим друг за друга? Тогда давайте договоримся: как бы там ни было, а этих веревок мы не коснемся. Что бы он там ни говорил, ладно? Что бы он ни...

— Само собой, — сказал Юстейс.

— Уж я-то ни за что не поддамся, — сказала Джил.

— Тише! Началось! — прошипел Зудень.

Рыцарь застонал. Лицо его побелело как мел. И то ли из жалости, то ли по какой другой причине, но Джил, глядя на тело, корчащееся в кресле, подумала: «А ведь он, наверное, не такой уж плохой человек».

— Заклятье, заклятье... — стонал Рыцарь, — тяжкая, тугая, холодная, липкая паутина злой магии. Меня похоронили заживо. Меня утащили вниз, под землю, вниз, в темнейшую тьму... Сколько лет я здесь... десять или тысячу... в этой яме? Вокруг могильные черви. О, смилуйтесь! Дайте, дайте мне вернуться. Дайте мне почувствовать ветер и увидеть небо... Там есть такое озерцо. Посмотришь в него, а в нем деревья растут вниз головой, такие зеленые, а глубже, глубже — под ними — синее небо.

Голос его звучал глухо; но вот Рыцарь глянул на наших героев и произнес громко и ясно:

— Ну же, скорее! Теперь я очнулся. Каждую ночь я прихожу в себя. Мне бы только выбраться из этого колдовского

кресла, и я стану таким, каков я есть. Я снова стану человеком. Каждую ночь они связывают меня, и всякий раз мне не везет. Но вы же не враги мои. И я не ваш пленник. Скорее! Разрежьте эти веревки.

— Ни с места! — напомнил лягва.

— Умоляю, выслушайте меня,— Рыцарь старался говорить спокойнее.— Наверное, вам сказали, что я убью вас и превращусь в змея, как только окажусь на свободе. Вижу по вашим лицам, так оно и было. Они врут. Именно сейчас я в полной памяти и здравом уме, а во всякое другое время я заклят. Вы ведь не подземцы, вы не колдуны. Почему же вы на их стороне? Будьте милосердны, освободите меня.

— Не поддаваться! Не поддаваться! Не поддаваться! — твердили они друг другу.

— Или у вас вместо сердца камень? — воскликнул Рыцарь.— Поверьте, перед вами несчастный, который перенес больше страданий, чем возможно смертному. Чем же я так обидел вас, что вы, заодно с моими врагами, длите мои муки? Время уходит. Сейчас вы еще можете спасти меня, но минет час, и я вновь стану безумцем... игрушкой, домашней собачкой... нет, заложником и орудием самой ужасной из ведьм, когда-либо злоумышлявших на белый свет. Ведь этой ночью — впервые — здесь ее нет! Такая удача никогда не повторится.

— Ужасно,— воскликнула Джил.— Хотела бы я быть отсюда подальше, пока все это не кончится.

— Держись! — подбодрил ее Зудень.

А между тем узник уже сорвался на крик:

— Отпустите меня, говорю я! Дайте мне меч! Мой меч и свободу, и я отомщу подземцам так, что весь мир будет помнить об этом тысячу лет!

— Он впадает в неистовство,— заметил Бяка.— Надеюсь, веревки выдержат.

— Да уж,— подтвердил мокроступ,— силы его удвоились и, боюсь, он может вырваться. А я не очень-то владею мечом. Он уложит нас двоих — ничего другого и ждать нечего, а Поул придется одной иметь дело со змеем.

Связанный так напрягся, что путы глубоко врезались в его запястья и лодыжки.

— Ну, берегитесь! — кричал он.— Смотрите у меня! Однажды я уже разорвал их. Тогда здесь была ведьма. А сегодня

ее нет, и вам никто не поможет. Освободите меня, и я — ваш друг. А коль нет — я вам смертный враг.

— Лукавит, пожалуй? — сказал Зудень.

— Раз и навсегда, — вскричал узник, — заклинаю вас, освободите меня. Заклинаю всем, чего вы страшитесь, и всем, что вы любите, яркими небесами и всем миром, и Великим Львом, — во имя Эслана умоляю вас...

— Что?! — все трое были ошеломлены.

— Это же знамение! — воскликнул Зудень.

— Да, это слова знамения, — голос Бяки прозвучал менее уверенно. А Джил спросила:

— Что же нам делать?

И вправду, на что решиться? Если они договорились ни в коем случае не освобождать Рыцаря, а теперь он вдруг произнес имя, которое для них так много значит? С другой стороны, зачем нужны знамения, если на них не обращать внимания? Не мог же Эслан велеть освободить любого — даже сумасшедшего, кто обратится к ним во имя его, Эслана? А вдруг это просто случайность? А вдруг королеве Подземья известны знамения, и она заставила Рыцаря запомнить имя Льва, просто чтобы поймать их в ловушку? А если это истинное знамение?.. Три знамения они уже пропустили, а это — четвертое, последнее.

— Ах, если бы знать точно! — воскликнула Джил.

— Я думаю, мы и так знаем, — сказал Зудень.

— Ты хочешь сказать... ты полагаешь... нам лучше освободить его? — спросил Бяка.

— Насчет «лучше» не знаю, — ответил Зудень. — Ведь Эслан не сказал, что должно случиться после. Он только сказал, что мы должны сделать сейчас. Этот парень прикончит нас — ничего другого и ждать нечего. Но знамение есть знамение.

Все трое переглянулись. Минута была ужасная.

— Ладно! — вдруг сказала Джил. — Раз должны, значит, должны. Попрощаемся...

Они пожали друг другу руки, а Рыцарь кричал, и пена выступила у него на губах.

— Вперед, — скомандовал лягва и вместе с Юстейсом подошел к узнику.

— Во имя Эслана! — Одну за другой они перерезали веревки. Мгновение, и Рыцарь, вскочив, схватил меч, который лежал поодаль на столе..

— Начнем! — вскричал он, обнажив клинок, и обрушился на серебряное кресло.

Должно быть, то была отличная сталь. Лезвие прошло сквозь серебро, как сквозь масло, и кресло рухнуло на пол сверкающей грудой; в тот же миг ярко вспыхнуло, громыхнуло и неприятно запахло.

— Валяйся тут, мерзкое орудие колдовства, — сказал Рыцарь, — никогда уже твоя хозяйка не воспользуется тобой, чтобы мучить других.

Потом он поглядел на своих спасителей; то, странное, неправильное, что было в его лице, исчезло.

— Неужели, — обратился он к Зудню, — передо мной лягва, настоящий, живой, нарнианский лягва-мокроступ?

— Ага, значит, вы все-таки слышали о Нарнии? — воскликнула Джил.

— Стало быть, я не помнил даже Нарнии? — удивился Рыцарь. — Не беда, теперь всему этому конец! Можете быть уверены, я неплохо знаю Нарнию, потому что я — Рилиан, королевич нарнианский, сын короля Каспиана.

— Ваше королевское высочество, — сказал Зудень, преклонив колено, — мы прошли половину мира, чтобы найти вас.

Джил и Юстейс последовали его примеру.

— А вы, незнакомые мои спасители, кто вы и откуда? — обратился королевич к ним.

— По воле самого Эслана мы пришли из запредельного края на поиски вашего высочества, — сказал Бяка. — Я — Юстейс, тот самый, плававший к острову Романду.

— Да, я перед вами в неоплатном долгу! — Королевич Рилиан склонил голову. — Но что мой отец? Он жив?

— Он отплыл на восток прежде, чем мы покинули Нарнию, — отвечал Зудень. — Боюсь, ваше высочество, ваш отец уже очень стар. Король может и не вернуться из этого плавания. Ничего иного и ждать нечего.

— Ты говоришь, стар? Сколько же лет я провел в плену у ведьмы?

— Больше десяти лет прошло с тех пор, как ваше высочество потерялось в лесу на севере Нарнии.

— Десять лет! — Королевич провел рукой по лицу, как бы стирая паутину прошлого. — Да, я верю вам. Но единственное, что я могу сейчас вспомнить, это только то, что я под заклятьем не помнил себя самого. А теперь, верные друзья мои... Нет,

постойте! Я слышу на лестнице шаги — какая отвратительная, крадущаяся поступь! Тьфу! Заприте дверь, мой юный друг. Или нет, постойте. Поступим иначе... Я одурачу этих подземцев, если Эслан пошлет мне разум. Подыграйте мне.

Он шагнул к двери и решительно распахнул ее.

Глава 12
Королева Подземья

Два подземца поднимались по лестнице, но вместо того, чтобы войти, встали по обе стороны двери и низко поклонились. А следом за ними появилась та, кого ребята меньше всего ждали и хотели видеть, — дама в зеленом, королева Подземья. Она замерла в дверном проеме и медленно повела глазами — сначала на незваных гостей, потом на обломки серебряного кресла и наконец на королевича с мечом в руке.

Лицо ее побледнело — Джил подумалось, что так бледнеют не от страха, а от ярости. Ведьма уставилась на Рилиана, во взгляде ее читался смертный приговор. И вдруг она переменилась.

— Оставьте нас, — приказала королева двум подземцам. — И под страхом смерти пусть никто нас не смеет тревожить.

Те покорно двинулись вниз, а королева-колдунья притворила и заперла дверь.

— Как ты себя чувствуешь, мой королевич? — спросила она. — Припадок еще не начался или уже завершился — так скоро? Кто развязал тебя? Кто эти чужестранцы? Я не сомневаюсь, именно они разбили кресло, единственное твое спасение!

Услышав ее голос, королевич Рилиан вздрогнул. И не удивительно. Можно ли в несколько минут избавиться полностью от наваждения, которое длилось целых десять лет? И все же, хотя и с трудом, он ответил:

— Сударыня, это кресло больше не понадобится. А вы, столько раз твердившая мне, как вам жаль меня, заклятого, несомненно порадуетесь, узнав, что заклятье потеряло силу навсегда. Похоже, ваше величество в чем-то ошиблись, что-то сделали не так. Вот мои истинные друзья, и они помогли мне. Теперь, находясь в здравом уме и в твердой памяти, вот что я хочу сказать вам. Во-первых, касательно плана вашего величества. Вы хотели поставить меня во главе армии подземцев, которая ворвется в пределы Наземья, а также дать мне власть

над народом, который не сделал мне ничего плохого, в то время как я убил бы его законных правителей и воссел на престол как жестокий и кровавый завоеватель. Все это теперь, когда я стал самим собой, представляется мне невозможным и преступным. И второе: я — сын короля Нарнии Рилиан, единственный наследник Каспиана Десятого, которого еще именуют Каспианом Мореплавателем. Посему, сударыня, мое ближайшее желание, равно как и обязанность, немедленно отбыть от двора вашего величества в мое собственное королевство. Прошу вас предоставить мне и моим друзьям охранную грамоту и беспрепятственный проход через ваше темное королевство.

Колдунья не ответила ни слова, но легкой походкой, не спуская при этом пристального взгляда с королевича, подошла к камину, открыла небольшой шкафчик сбоку, в стене, и взяв оттуда горсть какого-то зеленого порошка, бросила в огонь. Вспышки не было, но по комнате распространился приятный тяжелый аромат. И с каждой минутой запах становился сильнее и дурманнее. Потом она взяла музыкальный инструмент, похожий на мандолину, и начала перебирать струны. Зазвучала однообразная негромкая мелодия, такая, знаете, которую через несколько минут перестаешь замечать. Но чем меньше ее замечаешь, тем глубже она проникает в мозг и в кровь. Одурманивающая музыка. Продолжая играть (а запах становился все гуще), колдунья заговорила, и голос ее звучал негромко и сладко:

— Нарния? Нарния? Я часто слышала это слово, ваше высочество, когда вы бредили. Милый мой королевич, вы просто переутомились. Нет и не было никакой Нарнии.

— Как бы не так, мадам,— проворчал мокроступ.— Боюсь, что я прожил в этой стране всю свою жизнь.

— Неужели? — улыбнулась колдунья.— В таком случае, не сообщите ли вы мне, где это?

— Там,— ответил Зудень кратко, ткнув пальцем вверх.— А где точно — этого я не могу сказать.

— Ну и ну,— ласковый смех королевы вторил музыке.— Там, прямо в каменной толще?

— Нет,— Зудень с трудом выдавливал из себя слова.— Это выше, в Наземье.

— А что это и где это... Наземье, что ли?

— Да не валяйте вы дурака,— вмешался Юстейс, преодолев дурман сладкого запаха и звука.— Как будто вы не зна-

ете! Это там, наверху, под небом, где солнце и звезды. Ведь вы сами там бываете. Мы же видели вас своими глазами.

— Помилуй, братец, — рассмеялась колдунья самым любезным смехом на свете. — Я не помню, чтоб мы встречались. Однако мы нередко видим друзей во сне. А если тебе что-то приснилось, разве кто-то, кроме тебя, может вспомнить твой сон?

— Милостивая государыня, — вступил королевич, — я уже сказал вам, я — сын короля Нарнии.

— Ну конечно, дорогой друг, — с королевичем ведьма говорила так, будто успокаивала капризного ребенка, — конечно, ты был королем самых разных стран — в своих снах.

— Однако мы все были там, — вспыхнула Джил. Она сердилась, чувствуя, что ей не хватает сил сопротивляться дурману. Впрочем, если она чувствовала это, значит, еще не полностью поддалась чарам.

— Разумеется, и ты тоже королева, — голос королевы по-прежнему звучал ласково и насмешливо. — Ты же такая хорошенькая!

— Ничего подобного, — Джил топнула ногой. — Мы пришли из другого мира.

— Да, да, такая игра куда интереснее, — согласилась ведьма. — И где же он находится, мисс, этот другой мир? Вы прибыли на корабле или в карете?

Конечно, многое промелькнуло в голове у Джил: Экспериментальная школа, Адель Пеннифезер, родной дом, радио, кино, автомобили, бомбежки, продуктовые карточки, очереди. Но все это казалось таким тусклым и далеким. («Блям... блям... блям...» — тренькали струны.) Джил не могла вспомнить, как называются эти вещи нашего мира. И ей уже перестало казаться, что она одурманена, потому что чары полностью овладели ею, ведь чем сильнее дурман, тем меньше его замечаешь. Она сказала (и говорить это было так приятно):

— Нет, наверное, другой мир — тоже сон.

— Да, сон, — подтвердила ведьма, перебирая струны.

— Да, да, все — сон, — повторила Джил.

— Нет и не было такого мира, — сказала ведьма.

— Нет и не было, — повторили Джил и Юстейс.

— И не может быть иного мира, кроме моего.

— И не может быть иного мира, кроме вашего.

Только Зудень все еще сопротивлялся.

— Боюсь, мне не совсем понятно, о каком мире вы говорите,— прохрипел он придушенным голосом.— Вы можете тренькать на этой штуке, пока пальцы не отвалятся, и все равно не заставите меня забыть Нарнию и Наземье. Мы, конечно, никогда не вернемся туда — ничего другого и ждать нечего. Вы можете изничтожить Наземье или погрузить во тьму, такую же, как здесь. Очень даже можете. Но я-то знаю, что был там. Я видел небо, полное звезд. Я видел солнце, встающее утром из-за моря и заходящее вечером за горы. И полуденное небо, такое яркое, что смотреть на него невозможно.

Слова мокроступа возымели действие. Стало легче дышать, и все посмотрели друг на друга так, будто только что проснулись.

— Вот оно! — воскликнул королевич.— Конечно! Лев да благословит честного лягву-мокроступа! Это сейчас мы едва не уснули. И как же мы могли забыть? Мы все видели солнце.

— Черт побери, так оно и есть! — вступил Бяка.— Молодчина, Зудень! Ты умнее всех нас, это точно.

И вновь прозвучал голос колдуньи, ласковый, как воркованье горлицы среди высоких вязов в старом саду летним дремотным полднем:

— Что это такое — солнце, о котором вы все толкуете? Имеет ли это слово смысл?

— Имеет, и еще какой! — воскликнул Юстейс.

— И на что похоже это ваше солнце? — спросила ведьма («Блям-блям-блям» — бренчали струны).

— С вашего разрешения, сударыня,— сказал королевич холодно и вежливо.— Посмотрите на эту лампу. Она круглая, желтая, висит под потолком и освещает всю комнату. То, что мы называем солнцем, подобно лампе, только гораздо больше и ярче. Оно освещает Наземье и висит в небе.

— Висит? На чем же оно висит? — спросила колдунья, и пока они раздумывали над ответом, добавила, рассмеявшись самым нежным, самым серебристым своим смехом: — Вот видите, стоит вам только задуматься, каково оно, ваше солнце, и вы уже ничего не можете сказать. Кроме одного — оно похоже на лампу. Ваше солнце вам приснилось: наяву оно — лампа, а во сне — солнце. Лампа — вот она, а солнце — сказка, детские выдумки.

— Да, теперь все понятно,— Джил услышала свой собственный, глухой и мертвенный голос.— Все так и есть,— и сказанное показалось ей совершенно правильным.

Медленно и серьезно ведьма повторила:

— Нет и не было никакого солнца.

Ей никто не ответил. Тогда она повторила еще мягче и внушительнее:

— Нет и не было никакого солнца.

Еще некоторое время четверо сопротивлялись, а затем произнесли:

— Вы правы. Нет и не было.

И сразу им стало легче.

— Нет и не было никакого солнца,— твердила ведьма.

— Нет и не было солнца,— повторил королевич, повторил мокроступ, повторили Юстейс и Джил.

И все-таки Джил чувствовала: есть нечто такое, что она должна обязательно вспомнить. И вдруг вспомнила. Произнести это было невероятно трудно. Как будто губы у нее стали пудовыми. Наконец, с огромным усилием, истощившим все лучшее, что было в ней, она сказала:

— Есть Эслан.

— Эслан? — переспросила ведьма, и перебор струн ускорился.— Какое симпатичное имя! Что оно означает?

— Эслан — Великий Лев, он вызвал нас из нашего мира,— сказал Юстейс,— и послал нас на поиски королевича Рилиана.

— Что такое Лев?

— Да хватит вам! Будто не знаете. Его нельзя описать! Вы когда-нибудь видели кошку?

— Конечно,— отвечала королева.— Я люблю кошек.

— Так вот, Лев — немного... совсем немного... похож на огромного кота... с гривой. Только это не лошадиная грива. Она похожа на парик, какой, знаете, носят судьи. И она золотая. А сам он очень сильный.

Ведьма покачала головой.

— Как я понимаю, с вашим львом получается то же, что и с вашим солнцем. Вы видели лампу, вам приснилась другая, больше и ярче, и вы назвали ее солнцем. Вы видели кота, и вам захотелось другого, больше и лучше, и вы назвали его львом. Это прекрасные мечты, но, по правде говоря, они годятся для малых детей. Сами посудите, откуда в вашем

воображении может появиться что-то, чего нет в истинном, единственно существующем мире? Даже детям уже поздно играть в такие игры. А уж вам, дорогой мой королевич, взрослому человеку, заниматься такими делами — просто стыдно! Одумайтесь. Бросьте свои ребяческие уловки. Для каждого из вас найдется дело в моем мире. Нет никакой Нарнии, никакого Наземья, никакого неба, никакого солнца, никакого Эслана. А теперь — все спать! С завтрашнего утра начнется новая жизнь. А пока — спать, спать, спать покойно, без дурацких сновидений.

Королевич и дети стояли недвижимо, понурив головы, щеки их разрумянились, глаза бессильно закрылись — чары почти победили. И только лягва-мокроступ, собрав остаток сил, шагнул к камину. Это можно назвать подвигом. Конечно, он знал, что его босым ногам, ороговевшим, перепончатым и нечувствительным, как у гуся, достанется не так, как человеческим, но все равно достанется, и все же... Он стал топтать пылающие угли, размалывая их в пепел. И его поступок возымел сразу три последствия.

Во-первых, сладкий тлетворный запах ослаб. К тому же, его перебил другой, куда менее приятный,— запах паленой кожи. В голове сразу прояснилось. Королевич и дети очнулись и открыли глаза.

Во-вторых, ведьма вскричала, и голос ее был далеко не столь благозвучен, как прежде:

— Что ты делаешь? Не смей прикасаться к моему огню, болотная тварь, или я выверну тебя наизнанку!

В-третьих, от боли Зудень полностью пришел в себя, и голова у него заработала как часы. Сильная боль — лучшее противоядие от многих видов колдовства.

— Погодите, мадам,— сказал он, ковыляя на обожженных ногах прочь от камина.— Погодите. Боюсь, все, что вы тут говорили, истинная правда,— ничего другого и ждать нечего. Так уж я устроен, всегда жду худшего, чтобы встретить его наилучшим образом. Поэтому не стану с вами спорить. Но есть кое-что, о чем все-таки нужно сказать. Допустим, что деревья, трава, солнце, луна, звезды и сам Эслан — все это мы выдумали. Допустим! В таком случае я скажу: все, что выдумано, куда важнее всего настоящего. Предположим, что эта темная дыра, ваше королевство,— единственный мир. Прекрасно! Только мне-то он не очень нравится. И это забавно, ежели

хорошенько подумать. Согласен, мы — детишки, играющие в игру. Но смотрите, четверо детей, играя, сотворили мир, который куда лучше вашего. Вот почему я за мир воображаемый. Я — на стороне Эслана, даже ежели Эслана не существует. Я собираюсь жить так, как живут в Нарнии, даже ежели Нарнии не существует. В итоге, мадам, благодарствуем за гостеприимство, но я, эти два господина и девица,— мы вынуждены покинуть ваш темный мир и провести остаток дней в мире под солнцем. Боюсь, что сей остаток будет не очень велик, но невелика и потеря, ежели вселенная такое скучное место, как вы утверждаете.

— Ура! — завопили Джил и Юстейс.— Слава старине мокроступу!

Но королевич воскликнул:

— Берегитесь! Ведьма!

Они повернулись, и волосы у них встали дыбом.

Мандолина упала на пол. Руки колдуньи, казалось, приросли к бокам. Ноги переплелись, ступни исчезли. Длинный зеленый подол платья удлинился, затвердел, и стал продолжением зеленых слившихся ног. И все зеленое тело извивалось и покачивалось, будто в нем не осталось ни единого сочленения, или все оно стало членистым. Голова откинулась назад, нос вытянулся, черты лица исказились, изменилось все, кроме глаз. Зато глаза, огромные, без бровей и ресниц, наливались огнем. Говорить долго, а случилось все в единый миг. Никто и глазом не успел моргнуть, а превращение уже завершилось — огромная змея, зеленая, как ядовитое зелье, толщиной с талию Джил, обвилась вокруг ног королевича. Еще один виток — и руки Рилиана были бы схвачены. Но королевич не растерялся. Он успел поднять руки, и живой узел стиснул его грудь с такой силой, что затрещали ребра.

Королевич левой рукой ухватил змею за горло и сдавил, как мог, чтобы змея не задавила его. Змеиная голова покачивалась на расстоянии вытянутой руки от его лица. Раздвоенный язык трепетал, высовываясь из пасти. Правой рукой королевич умудрился обнажить меч. Тем временем Юстейс и Зудень с клинками наголо бросились на помощь. Все трое ударили разом.

Меч Юстейса, скользнув по чешуйчатому туловищу, не причинил змее вреда, зато королевич и лягва ударили в горло. Но и эти удары не достигли цели, хотя кольца, стягивавшие

грудь и ноги Рилиана, ослабли. Лишь после второго удара змеиная голова отвалилась. Чудовище обмякло и, свившись на полу кольцами наподобие веревки, издохло. Представьте себе, сколь мерзкое то было зрелище.

— Благодарю вас, друзья,— сказал королевич, переводя дыхание.

Долго еще три воителя стояли, молча глядя друг на друга и тяжело дыша. Джил поступила весьма разумно, опустившись на пол. «Только бы мне не грохнуться в обморок... не зареветь... не сморозить еще какую-нибудь глупость»,— уговаривала себя девочка.

— Королева, моя матушка, отомщена,— наконец произнес Рилиан.— Вот она, та змея, которую я напрасно искал в нарнианских лесах. Десять лет я был орудием в руках убийцы. Но нам повезло — ужасная ведьма обернулась змеей, ибо честь и совесть не позволили бы мне убить ее в облике женщины. Однако как себя чувствует наша юная дама? — Он взглянул на Джил.

— Все в порядке, благодарю,— пискнула Джил.

— Вы чрезвычайно отважны, сударыня,— королевич поклонился.— Уверен, в стране, откуда вы пришли, вы принадлежите к знатнейшему и славному роду. Однако, друзья! Мы не допили наше вино. Поднимем чаши, поздравим друг друга. А потом решим, что делать дальше.

— Отличная мысль! — согласился Бяка.

Глава 13
Подземье без королевы

Они и впрямь заслужили отдых. А поскольку ведьма заперла дверь и велела подземцам не тревожить ее, до поры до времени опасаться было нечего. Первым делом занялись обожженными ногами лягвы. Пару чистых ночных рубашек из спальни королевича разодрали на бинты и, густо смазав маслом, наложили повязки. Покончив с этим, присели к столу отдохнуть и обсудить, как им выбраться из Глубинного Королевства.

Рилиан сообщил, что выходов на поверхность имеется великое множество, и он пользовался ими, но дорогу всегда показывала колдунья, и все эти ходы расположены по ту сторону Бессветного Моря. А как поступят подземцы, если они вчетвером, без колдуньи, явятся в гавань и потребуют себе

корабль, — это никому неизвестно. В лучшем случае придется отвечать на множество дурацких вопросов. Есть еще один ход, по эту сторону моря, в нескольких милях от города, тот самый, прорытый для вторжения в Наземье. Он почти закончен, осталось пробить тонкую корку. А может, ведьма для того и вернулась, чтобы сообщить Рилиану о завершении работ и начале вторжения. Впрочем, они сами, вчетвером, вполне могут пробить себе дорогу на волю, на это потребуется несколько часов, — только бы добраться до подкопа, только бы не было там охраны. Вот в чем сложность.

— Ежели хотите знать мое мнение... — начал было Зудень, но тут Юстейс воскликнул:

— Слушайте, что это за шум?

— Да, я тоже хотела спросить, — сказала Джил.

Звук нарастал исподволь, и потому никто не обращал на него внимания и не мог сказать, когда все началось. Сначала он был подобен шороху ветра, долетавшему издалека, потом — рокоту морского прибоя. И вдруг раздался грохот и треск, крики и далекий неумолчный гул.

— Клянусь Великим Львом! — воскликнул королевич Рилиан. — Кажется, безмолвный край наконец обрел дар речи.

Он встал, подошел к окну и раздвинул портьеры. Остальные сгрудились у него за спиной.

Первое, что они увидели, — огромное красное зарево; над ним высоко-высоко высветилась часть пещерного свода, каменного неба, которое со дня сотворения Подземья не знало света. Ниже, на багряном фоне зарева, чернели огромные мрачные строения Города. Озарились и ближайшие подступы к дворцу. Там творилось что-то странное. Плотные бесшумные толпы исчезли. Лишь отдельные фигурки, по двое, по трое скрывались в тени подъездов и подворотен, быстро перебегали открытые места и снова прятались. Однако удивительнее всего (особенно для тех, кто знал повадки подземцев) были шум и гвалт. Крики и вопли доносились отовсюду. А со стороны гавани, сотрясая город, нарастал глухой рокочущий рев.

— Что случилось с подземцами? — спросил Юстейс. — Разве они умеют кричать?

— Не знаю, — сказал королевич. — За все годы моего заточения ни один из этих мошенников ни разу не повысил голоса. Нет, это похоже на какую-то новую колдовскую пакость.

— А отчего зарево? — спросила Джил. — Там что, пожар?

— Ежели хотите знать мое мнение, — заговорил Зудень, — то я вам скажу: боюсь, это пламя из самых глубоких глубин, и там, где оно прорвалось, скоро родится вулкан. А мы окажемся прямо в его жерле — ничего иного и ждать нечего.

— Поглядите на тот корабль! — воскликнул Юстейс. — Почему он плывет так быстро? И без гребцов!

— Да! — подхватил королевич. — Но плывет-то он не по морю... это же улица. Видите! Все корабли плывут в Город! Даю голову на отсечение, море наступает. Это наводнение. Слава Эслану, дворец стоит на высоком холме. Но вода поднимается слишком быстро.

— Да что же здесь творится, в конце концов? — закричала Джил. — Огонь, вода, враги повсюду...

— Боюсь, я знаю, в чем тут дело, — покачал головой Зудень. — Ведьма накладывала свои заклятья так, чтобы в тот же самый час, как она помрет, все ее королевство развалилось. Она же из тех, кто готов разрушить весь мир, лишь бы сжечь, похоронить заживо или утопить одного-единственного своего обидчика.

— В самую точку, друг мой лягва, — согласился королевич. — Наши мечи не только отсекли голову ведьме, но разрушили все ее заклятья. Теперь Глубинное Королевство распадается. Мы свидетели конца этого мира.

— Так-то так, сударь, — заметил мокроступ. — Боюсь только, не приключится ли от этого конец всему миру...

— А мы? Мы что, будем сидеть здесь и ждать? — У Джил перехватило дыхание.

— Нет, в мои намерения это не входит, — молвил королевич. — У нас есть мой Уголек и ведьмина Снежинка (благородное животное, достойное лучшей хозяйки), они стоят в конюшне на дворе. На лошадей сядем по двое, легко уйдем от наводнения, выберемся из Города, а там, надеюсь, найдем дорогу.

— Неплохо было бы вашему высочеству облачиться в доспехи, — заметил Зудень. — Боюсь, нас ждут неприятности... — И он указал на улицу.

Все опять посмотрели вниз. Со стороны гавани к замку приближались подземцы. Их было много, и двигались они не беспорядочной толпой, а как бывалые солдаты, перебежками, от укрытия к укрытию, чтобы их не заметили из окон дворца.

— Глаза б мои не видели этих доспехов,— сказал королевич.— Они для меня все равно что передвижная темница, и насквозь провоняли колдовством и рабством. А вот щит я, пожалуй, возьму.

Он вышел из комнаты и скоро вернулся со щитом на руке; глаза королевича сияли.

— Взгляните, друзья! Всего час тому назад он был черен, как смоль! — Щит сверкал серебром, и на серебряном поле проявился герб — красный, цвета крови или вишни, Лев.— Это знамение послал нам Эслан,— молвил королевич.— Лев поведет нас! А на жизнь или на смерть — это не имеет значения. Я полагаю, всем нам следует коленопреклоненно облобызать сей герб, а затем проститься друг с другом, как подобает истинным друзьям, ибо кто знает, быть может, нам предстоит разлука. Затем мы спустимся в Город навстречу нашей судьбе.

Так они и поступили. И Бяка, пожимая руку Джил, сказал:

— Прости, Джил. Я был трусом и грубил тебе. Желаю благополучного возвращения.

А Джил сказала:

— Прости, Юстейс. Я была такой скотиной!

Впервые они обратились друг к другу по имени, а не по фамилии, либо прозвищу, как было принято в Экспериментальной школе.

Королевич отпер дверь, и они спустились по лестнице — трое с обнаженными мечами и Джил с ножом в руке. Стража исчезла, большая комната была пуста. Тусклые, унылые шары все еще горели, освещая множество переходов и лестниц. Снаружи сквозь толстые стены не долетало ни звука, а внутри все как вымерло. Один-единственный подземец встретился им на первом этаже в большом зале: жирное, белесое существо с поросячьей мордой лакомилось объедками со столов. Зудень попытался его поймать, но подземец с визгом (визг у него тоже был поросячий) закатился под стол, втянул туда же свой длинный хвост, а через мгновение уже выскочил в дальнюю дверь.

Вышли во внутренний двор. Не успела Джил (которая на каникулах училась верховой езде) вдохнуть полной грудью запах (такой славный, честный, домашний запах конюшни), как Юстейс воскликнул:

— Черт побери! Что это?

Великолепная шутиха взвилась над дворцовой стеной и рассыпалась зелеными звездами.

— Ракета? — удивилась Джил.

— Ага, — сказал Юстейс, — только вряд ли ее запустили, как у нас, для забавы. Наверное, это сигнал.

— Боюсь, сигналят про нас, — ничего иного и ждать нечего, — буркнул Зудень.

— Друзья, — молвил королевич Рилиан, — когда человек пускается в такое предприятие, как наше, он должен забыть все надежды и страхи, иначе смерть или избавление прибудут слишком поздно, чтобы спасти его честь и разум. Эй, мои славные! — Он открыл ворота конюшни. — Эй, родные! Тише, Уголек! Не бойся, Снежинка! Мы здесь, с вами.

Лошади, напуганные огнями и грохотом, храпели и били копытами, но Джил, которая так боялась темного лаза между пещерами, без всякой опаски вошла в темное стойло; в несколько минут они с королевичем взнуздали, оседлали и вывели из конюшни двух прекрасных скакунов, потряхивающих гривами. И вот уже Джил в седле, Зудень позади нее — на Снежинке, Юстейс и королевич — на Угольке; звонко зацокали копыта, дворцовые ворота остались позади, а впереди открылся Город.

— Боюсь, что сгореть заживо нам не удастся, — сказал мокроступ, указывая направо. Там, едва ли в ста шагах, о стены домов плескалась вода.

— Смелее! — подбодрил королевич. — Холм крутой. Вода поднялась лишь до половины. От начала наводнения прошло не больше получаса, стало быть, у нас часа два в запасе. На самом деле опасаться следует вон кого. — Он указал мечом на рослого крепкого подземца с кабаньими клыками, вынырнувшего из проулка и укрывшегося в тени дома; за первым последовали еще с полдюжины, самого разного вида и размеров.

Королевич повел свой отряд в сторону зарева, все время забирая левее. Он надеялся, обойдя пожарище (если, конечно, это был пожар), найти дорогу к подкопу, ведущему на поверхность. Рилиан был весел. Он насвистывал. Он напевал куплеты из древней песни о Корине из Арченланда. Да и как иначе? Все опасности казались ему пустячными по сравнению с многолетней колдовской неволей. Однако спутникам его было не до веселья.

Позади трещали, сталкиваясь, корабли, обрушивались с грохотом здания. Вверху тусклым красным пятном мерцал каменный свод Подземья. Впереди все сильнее разгоралось таинственное зарево. Оттуда доносился гул, гам, крики, свист, смех, визг, рев; всевозможные шутихи взвивались и взрывались в темной выси. Там творилось что-то непонятное. Всадники ехали по улицам, освещенным красным заревом и тусклым светом подземских фонарей. Но в промежутках между фонарями тени сгущались. А в этих тенях можно было заметить подземцев, которые, оглядываясь на всадников, перебегали с места на место. Можно было даже разглядеть их лица — лица и морды, и глаза — рыбьи и звериные, и перья, космы, рога и клыки, носы, подобные хоботам, и подбородки длиной с длинную бороду. Подземцев становилось все больше. Королевич поднял меч и направил коня в их сторону. Раздался вопль, писк, кудахтанье — и гнусные рыла пропали.

Море, наступающее на сушу, осталось далеко позади. Но здесь, на крутых улочках городских предместий, всадникам стало ясно, какая нешуточная опасность им грозит. Красное зарево приблизилось, хотя откуда оно берется, оставалось непонятным. Но теперь уже сотни, если не тысячи, подземцев перемещались в том же направлении. Они двигались все так же, короткими перебежками, и всякий раз, остановившись, пристально следили за всадниками.

— Ежели ваше высочество желает знать мое мнение,— молвил Зудень,— я скажу: эти ребята собираются перерезать нам дорогу — ничего другого и ждать нечего.

— Я тоже так полагаю,— отвечал королевич.— И пробиться сквозь этакую толпу мы не сможем. Вот что! Держитесь ближе к той стороне улицы. Мы проедем дальше, а вы, милостивый государь мой Зудень, спрыгните в тень. Эти лиходеи наверняка идут за нами по пятам, и вам, с вашими длинными руками, не составит труда захватить одного из них живьем, врасплох, из засады. От него мы и узнаем, что против нас затевается.

— Но ведь остальные бросятся ему на помощь,— сказала Джил голосом не столь твердым, как ей хотелось.

— В таком случае, сударыня,— отвечал королевич,— вы увидите, как мы умираем, защищая вас и препоручив свою жизнь Льву. Вперед, Зудень.

Лягва-мокроступ спрыгнул бесшумно, как кот. Остальные неспешным шагом ехали дальше, напряженно вслушиваясь. Прошло не больше минуты, и вдруг у них за спиной раздались пронзительные вопли и голос Зудня:

— А ну-ка, перестань визжать как резаный поросенок, а то, боюсь, придется и впрямь прирезать!

— Удачная охота! — воскликнул королевич, разворачивая Уголька.— Юстейс, будьте добры, примите поводья.

Королевич спешился, все трое молча ждали, пока Зудень выволочет на свет свою добычу. Добычей оказалось плюгавое существо росточком поменьше гнома. На голове у него красовался гребень наподобие петушиного, только твердый, а розовыми глазками и ртом до ушей уродец походил на карликового гиппопотама. Не будь наши герои в столь опасном положении — со смеху покатились бы.

— Ну, дружок,— сказал королевич, приставив к горлу пленника острие меча,— отвечай правду, как подобает честному подземцу, и будешь свободен. Станешь валять дурака, и ты — мертвец. Сударь мой Зудень, как он может говорить, коль вы заткнули ему пасть?

— Боюсь, что никак не может,— отвечал лягва.— Но ведь и лягве-мокроступу не нравится, когда его жуют. Будь у меня такие же глупые мягкие руки, как у людей (прошу прощения у вашего высочества), он меня до крови искусал бы.

— Эй, ты,— сказал королевич подземцу,— еще раз укусишь, и тебе конец. Все в порядке, Зудень, он больше не будет.

— И-и-и-и,— завизжал подземец.— Отпустите меня, отпустите меня! Это не я. Я не виноват.

— Не виноват в чем? — спросил лягва.

— Во всем, в чем угодно вашей чести,— ответило существо.

— Как тебя зовут? — спросил королевич.— И что вы, подземцы, тут делаете?

— И-и-и-и, ваша честь,— повизгивал пленник,— и-и-и-и, добрые господа, обещайте, что вы ничего не скажете ее величеству королеве.

— Ее величество королева, как ты ее именуешь,— сурово отвечал королевич,— мертва. Я убил ее собственными руками.

— Чего?! — возопил коротышка, и пасть его от удивления распахивалась все шире и шире.— Мертва? Ведьма сдох-

ла? Ваша честь прикончили ее? — Глубочайший вздох облегчения вырвался из его груди, и он закончил: — Стало быть, ваша честь — друг?

Королевич чуть-чуть отодвинул острие меча, Зудень ослабил хватку. Подземец оглядел всех четверых мерцающими розовыми глазками, хихикнул раз-другой и повел рассказ.

Глава 14
Днище мира

— Зовут меня Голгл,— сказал коротышка.— И я расскажу вам, господа, все, что знаю. Около часа тому назад мы все как один делали свое дело,— я имею в виду ведьмино дело,— как всегда, из года в год, изо дня в день, уныло и безмолвно. Вдруг раздался страшный гром и грохот. И едва мы услышали этот грохот, каждый из нас подумал: что-то давно я не пел, не плясал и не пускал шутихи — с чего бы это? И каждый подумал: а может, меня заколдовали? И каждый сказал себе: пропади я пропадом, если знаю, что я тут делаю? А возьму и не буду делать — вот и все. И все мы как один побросали нашу поклажу, тюки, мешки, инструменты. А потом увидели огромное красное зарево — вон оно. И каждый спросил себя: что бы это могло быть? И каждый ответил себе: это разверзлась щель, и славное доброе тепло прорвалось сюда из Глубиннейшей Страны, с глубины в тысячу миль.

— Черт побери! — воскликнул Юстейс,— неужели там, внизу, есть еще земля?

— А как же, ваша честь,— хихикнул Голгл.— Чудесная земля! Называется Дно. А эту страну, страну ведьмы, мы называем Мелкоземьем. Потому что для нас она слишком близка к Наземью. Для нас это все одно что Наземье. А дело в том, что ведьма с помощью колдовства извлекла нас с нашего Дна, чтобы мы на нее работали. А беда в том, что мы об этом ничего не помнили, пока сегодня не грохнуло. Мы не знали, кто мы и откуда. Мы могли думать и делать лишь то, что *она* внушала нам. А все эти годы она внушала только самые-самые-самые гнусные мысли. Я уже почти забыл, как это — веселиться и плясать. Но в тот миг, как грохнуло, и открылась щель и море стало поглощать берег,— в тот миг все и вспомнилось. И конечно, мы сразу захотели поскорее добраться до щели и отправиться домой. Так что все наши там, у щели,

стоят на головах от радости и пускают шутихи. И я буду очень обязан вам, господа, если вы позволите мне присоединиться к ним.

— Вот здорово! — закричала Джил. — Здорово, что мы освободили их тоже, когда отсекли ведьме голову! Здорово, что они оказались не такие противные и страшные — и королевич тоже!

— Так-то оно так, Поул, — Зудень недоверчиво покачал головой. — Только, боюсь, эти подземцы вовсе не удирают. Сдается мне, у них тут целая армия, и они готовятся к нападению — ничего иного и ждать нечего. Ну-ка, посмотри мне в глаза, господин Голгл, и отвечай, разве не так?

— А как же иначе, ваша честь, — хихикнул Голгл. — Мы ж не знали, что ведьма сдохла. Мы думали, она следит за нами из дворца. Мы хотели удрать потихоньку. А когда появились вы, четверо на лошадях, да еще при оружии, тут, конечно, каждый из нас подумал: эге, началось! Мы ж не знали, что его честь ведьмин враг. И мы так решили: лучше погибнуть, чем потерять надежду вернуться на Дно.

— Готов поклясться, он не лжет, — молвил королевич. — Отпустите его, дружище Зудень. Я так же, как и вы, любезный Голгл, долго пребывал под заклятьем колдуньи, и совсем недавно стал самим собой. Но у нас есть еще один вопрос. Не знаете ли вы, как пройти к тому новому подкопу, через который ведьма собиралась вторгнуться в Наземье?

— И-и-и-и! — взвизгнул Голгл. — Мне ли не знать этой ужасной дороги! Я покажу вам, где она начинается. Но только, ваша честь, не извольте просить меня, чтобы я шел с вами дальше. Лучше уж мне помереть.

— Почему? — спросил Юстейс с тревогой. — Что там такого страшного?

— Слишком высоко, слишком близко к поверхности, — Голгл содрогнулся. — Это худшее, что ведьма уготовила нам. Мы должны были выйти туда, на макушку мира. Говорят, там, над ней, нет ничего, кроме страшной великой пустоты, именуемой небом. А подкоп ушел так высоко, что еще два-три удара — и вы там. Я туда ни за что не пойду!

— Ура! — закричал Юстейс, а Джил сказала:

— Вообще-то наверху не так уж плохо. Нам нравится. Мы там живем.

— Знаю, знаю. Вы же наземцы,— сказал Голгл.— Но я-то думал, вы просто не знаете, как попасть вниз, внутрь. Неужто вам нравится ползать, подобно мухам, по макушке мира?

— Э-хе-хе,— вздохнул лягва.— Пошли, что ли. Показывай дорогу.

— В добрый час! — воскликнул королевич и вскочил в седло. Зудень сел позади Джил. Голгл шагал впереди.

Он шагал и во всю глотку выкрикивал новости: ведьма сдохла, четверо наземцев не опасны. И те, кто слышал его, передавали весть дальше, так что вскоре все Подземье наполнилось кликами и приветствиями; сотни, тысячи подземцев скакали, ходили колесом, на головах, вприсядку, играли в чехарду, пускали шутихи, а всадников обступила плотная толпа. Королевичу раз десять пришлось повторить историю, как он был заколдован и как его избавили от заклятья.

Так и добрались до щели. Щель оказалась пропастью длиной в тысячу шагов и шириной в двести. Всадники спешились, подошли к самому краю и заглянули в бездну. Снизу пахнуло жаром и необыкновенным ароматом — густым, острым, возбуждающим, от которого защекотало в носу. Глубина сияла нестерпимым светом; когда же глаза чуть привыкли, на дне пропасти как будто проявилась огненная река, а по ее берегам — поля и рощи, которые тоже сверкали, но не так ярко. Все светилось вперемешку голубым, красным, зеленым, белым — словно витражное окно в солнечный день. А по отвесным склонам пропасти, подобно туче черных букашек, спускалось вниз множество обитателей Дна.

— Милостивые государи,— окликнул Голгл (когда они обернулись, перед их ослепленными глазами какое-то время стояла тьма),— почему бы вам не посетить Дно? У нас куда лучше, чем на вашей холодной голой макушке мира. Хотя бы погостите немного.

Джил была уверена, что никто на это нелепое приглашение не клюнет. Но, к своему ужасу, услышала голос Рилиана:

— Пожалуй, друг Голгл, я принял бы ваше приглашение. Это было бы замечательно, ибо ни единый человек до сих пор не спускался на Дно, и едва ли такая возможность представится вновь. Чтобы я отказался исследовать глубочайшую из глубочайших глубин — да я никогда себе этого не простил бы! Однако может ли человек выжить на Дне? Ведь там течет огненная река.

— Что вы, ваша честь, мы-то живем не в реке. В ней обитают только саламандры.

— А что за существа — саламандры?

— Никто точно не знает, как они выглядят, ваша честь, поскольку они раскалены добела и ослепительно сверкают. Но, пожалуй, более всего они похожи на маленьких дракончиков. Они беседуют с нами из пламени, и надо сказать, высказывают необычайную мудрость, остроумие и красноречие.

Джил глянула на Юстейса. Ей казалось, что уж Бяка, который так боится высоты, наверняка не захочет спускаться в эту бездну. Сердце у нее упало, когда она увидела — рядом с ней стоит не Бяка из Экспериментальной школы, а Юстейс, друг короля Каспиана, плававший на край света.

— Ваше высочество, — сказал Юстейс, — был бы здесь мой старый боевой товарищ мыш Рипичип, он сказал бы, что, отказавшись от посещения Дна, мы нанесем немалый урон нашей чести.

— В таком случае пошли! — воскликнул Голгл. — Я покажу вам настоящее золото, настоящее серебро, настоящие алмазы.

— Вздор! — Джил даже топнула ножкой. — Мы и так забрались глубже самых глубоких шахт.

— Хи-хи, — хмыкнул Голгл. — Слышал я об этих червоточинах в коре, что наземцы именуют шахтами. Дырки, из которых добывают мертвое золото, мертвое серебро, мертвые самоцветы. У нас же, на Дне, все живое, все произрастает. Я угощу вас рубиновыми ягодами и нацежу стакан алмазного сока. И вы поймете, что холодные мертвые сокровища ваших мелких шахт — ничто по сравнению с нашими, живыми.

— Мой отец видел самый край мира, — задумчиво произнес Рилиан. — Его сыну пристало взглянуть на самое дно оного.

И тут свое слово вставил Зудень:

— Однако ежели вы, ваше высочество, желаете застать вашего отца, короля, в живых — а надо полагать, ваш батюшка этого весьма желал бы, — то, боюсь, нам самое время двигаться наверх.

— И не лезть в яму, в которую лично я не полезу ни за какие коврижки! — добавила Джил.

— Что ж, господа, если вы намерены вернуться в Наземье, — сказал Голгл, — то имейте в виду, там дальше

есть весьма низкое место. А река, быть может, вышла из берегов...

— Ну пойдемте же, пойдем скорее! — захныкала Джил.

— К сожалению, придется,— вздохнул королевич.— Однако половина моего сердца останется на Дне.

— Пожалуйста, поскорее! — просила Джил.

— Где дорога? — обратился лягва к Голглу.

— Начинается она по ту сторону щели,— отвечал бисмиец.— Вдоль нее стоят фонари.

— А фонари-то хоть зажжены? — спросил Зудень.

И в этот миг некий голос — наверное, то был голос саламандры — шелестящий и потрескивающий, словно языки пламени, донесся из глубин Дна:

— Быстрее! Быстрее! Быстрее! Сюда, сюда, сюда! Щель зарастает! Щель зарастает! Быстрее! Быстрее!

Одновременно края расселины заскрипели, затрещали и стали сдвигаться. В мгновение ока щель сузилась. Со всех сторон мчались к ней припозднившиеся донные жители. Эти не стали сползать по склонам — они бросались вниз головой прямо в пропасть. Потому ли, что восходящие потоки горячего воздуха удерживали их, по другой ли причине, но было видно, как они плавно, подобно опавшим листьям, опускаются вниз. Их становилось все больше и больше, пока за темным облаком парящих существ не скрылась огненная река и рощи живых самоцветов.

— До свидания, господа. Мне пора,— крикнул Голгл и нырнул в щель.

Он был едва ли не последним. Щель стала не шире ручья, потом не шире прорези в почтовом ящике, потом сверкнула огненной нитью, и с грохотом, будто лязгнули буферами сразу тысячи вагонов, края сомкнулись. Жаркий, острый запах исчез. Наши герои остались совершенно одни в Подземье, которое теперь казалось куда темнее прежнего. И только тусклая, унылая цепочка фонарей обозначала их путь.

— Боюсь, мы слишком задержались тут,— проворчал мокроступ,— но все равно надо идти. А эти фонари, бьюсь об заклад, минут через пять погаснут. Ничего другого и ждать нечего.

Лошадей пустили легким галопом, и перестук копыт огласил сумрачную дорогу, которая сразу довольно круто пошла

под уклон. Могло показаться, что Голгл указал неправильный путь, если бы не противоположный склон, где цепочка фонарей продолжалась, забирая вверх насколько хватало глаз. Однако внизу, на дне лощины, в свете фонарей уже бурлила вода.

— Скорее! — вскричал королевич и подстегнул Уголька.

Всадники погнали лошадей вниз. Будь они там пятью минутами позже, лошадям едва ли удалось бы вплавь одолеть поток, мчавшийся как из прорванной плотины. Но пока еще воды было по брюхо, с трудом преодолевая быстрину, лошади выбрались на противоположный берег.

Начался долгий, утомительный подъем. Впереди — ничего, кроме фонарей, а позади разливалась вода. Холмы Подземья стали островами, и на этих островах горели фонари. Один за другим они гасли. Вскоре весь подземный мир погрузился во мрак, кроме дороги, по которой продвигались всадники, хотя на нижней ее части фонари тоже стали гаснуть.

Надо было спешить. Однако даже лошадям порой необходим отдых. Устроили краткий привал. В наступившей тишине слышался плеск воды.

— Интересно; Праотец-Время тоже утонул? — спросила Джил. — И те странные спящие существа?

— Не думаю, — откликнулся Юстейс. — Помнишь, как долго мы спускались? Нет, пещеру Времени вода не зальет.

— Все может быть, — сказал Зудень. — Меня больше волнуют фонари. Боюсь, они малость пригасли или нет?

— Какими были, такими и остались, — сказала Джил.

— Э-хе-хе, — вздохнул лягва. — Они вроде позеленели.

— Ты что, думаешь, они погаснут? — воскликнул Юстейс.

— Ежели они сейчас горят, это еще не значит, что так будет вечно, — ответил мокроступ. — Но не унывай, Бяка. Мне кажется, вода уже не так быстро поднимается — ничего иного и ждать нечего.

— Невеликое будет утешение, — сказал королевич, — коль скоро нам не удастся выбраться. Это моя вина. Моя гордыня, моя прихоть задержали нас у входа на Дно. А теперь поехали дальше.

Минул час, а может быть, и больше. Иногда Джил казалось, что Зудень прав, фонари меркнут, а иногда — что это ей только кажется. Тем временем дорога менялась. Каменный

свод Подземья приблизился и даже в тусклом свете фонарей стал отчетливо виден, и каменные глыбистые стены тоже — по существу, это был уже туннель, крутой и сужающийся. Все чаще на пути попадались кирки, лопаты, тачки — рабочий инструмент землекопов. Значит, идти осталось немного, и это радовало. Но ход становился все уже и ниже, и это тревожило.

Наконец, когда королевич и Зудень пару раз стукнулись головами о выступы на потолке, все спешились. На дороге появились камни и колдобины, приходилось смотреть под ноги. И чем дальше, тем внимательнее. Только тут Джил поняла: фонари и вправду гаснут. Лица спутников в мертвенно-зеленом свете выглядели чужими и страшными. И вдруг (Джил не удержалась и вскрикнула) один, другой, третий фонарь впереди погасли. И позади тоже. Наступила кромешная тьма.

— Смелее, друзья,— раздался голос королевича Рилиана.— Погибнем мы или будем живы — Эслан с нами!

— Истинная ваша правда,— откликнулся лягва.— Нет худа без добра: коль помрем здесь — не придется тратиться на похороны.

Джил промолчала. (Так и следует поступать, если не хочешь дать понять другим, как ты напуган: голос выдаст.)

— Ну, что мы стоим? Пошли! — сказал Юстейс, и голос его предательски дрогнул, из чего Джил заключила, что поступила разумно.

Зудень с Юстейсом двигались впереди, вытянув руки, чтобы ни на что не наткнуться; Джил с королевичем вели следом лошадей.

— Эй,— раздался голос Юстейса немного погодя,— мне кажется или там вправду что-то светится?

Одновременно Зудень воскликнул:

— Стой! Тут стена! Земляная! Что ты сказал, Бяка?

— Клянусь Львом,— молвил королевич,— Юстейс прав — там свет!

— Только не дневной,— заметила Джил.— Он холодный и голубой.

— Лучше такой, чем никакой,— откликнулся Юстейс.— Как бы нам до него добраться?

— Наверху дыра,— сказал лягва.— Ежели Поул сядет мне на плечи, может быть, и дотянется.

Глава 15
Исчезновение Джил

От этого света в подземелье светлее не стало. Ничего не было видно. Только слышно, как Джил карабкается по мокроступу. Точнее, слышен был его голос: «Эй, не тыркай мне пальцем в глаз», «И ногу в рот тоже не суй», «Вот так, правильно», «Хорошо, я держу тебя за ноги, а ты подтянись на руках», — и тут же Юстейс с королевичем увидели на фоне дыры темную голову Джил.

— Что там? — спросили они хором.

— Дыра, — отозвалась Джил. — Я смогла бы высунуться в нее, только встать надо чуть-чуть повыше.

— Что ты видишь? — спросил Юстейс.

— Почти ничего. Слушай, Зудень, давай я встану тебе на плечи, тогда дотянусь.

Снова послышалась возня, а затем Джил показалась на фоне дыры почти по пояс.

— Да ведь это... — начала Джил и вдруг вскрикнула.

Нет, это был даже не крик, а что-то вроде мычания, будто ей заткнули рот. Невозможно было разобрать ни слова. Свет в дыре совсем померк, кто-то закопошился, и раздался вопль Зудня:

— Эй! На помощь! Держите за ноги! Ее кто-то тащит. Нет... Все пропало!

Дыра снова стала отчетливо видна, только Джил в ней не было.

— Джил! Джил! — кричали они отчаянно, но и ответа не было.

— Какого дьявола ты ее отпустил? — возопил Юстейс.

— Ой, не знаю, Бяка, — проскулил лягва. — Видно, я такой растяпа — чего еще от меня и ждать? Судьба у меня, видно, такая. На роду мне, значит, написано погубить Поул, потому что я съел мясо говорящего оленя в проклятом Скальзубе. Сам я этого не хотел — судьба такая.

— Позор и горе на наши головы! — воскликнул королевич. — Мы отправили отважную даму в руки врага, а сами сидим в безопасности.

— Боюсь, ваше высочество, не все так плохо, как кажется, — откликнулся лягва. — Потому что в этом подземелье в

полной безопасности мы и помрем с голоду — ничего иного и ждать нечего.

— Давайте я попробую пролезть,— предложил Юстейс.

А с Джил случилось вот что. Она выглянула в отверстие и поняла, что оно пробито не в потолке, а в стене и выходит на поверхность как окошко, а не как скважина. Однако Джил настолько отвыкла от света, что никак не могла разобраться в том, что видит; лишь одно обнаружилось немедленно: вопреки всем надеждам, наружный мир оказался не дневным, не солнечным, но мертвяще-холодным, и светился голубоватым призрачным светом. Правда, в нем было довольно шумно, какие-то белые шарики летали по воздуху. Больше ничего разглядеть не удавалось; вот тут-то Джил и решила взобраться повыше, встав на плечи Зудню.

Высунувшись по пояс, девочка увидела и услышала сразу слишком многое: оказалось, что дыра проделана в склоне косогора, что вокруг все белым-бело, что шум — не просто шум, а ритмичный топот ног и звук четырех скрипок, трех флейт и одного барабана, что совсем рядом — у Джил перехватило дыхание — целая толпа изящных фавнов и дриад, снующих туда-сюда, приседающих и вращающихся на месте (они просто-напросто танцевали, впрочем, танец был весьма затейливый, но Джил не сразу это поняла). И тут же ее осенило: бледно-голубоватый свет — луна, белым-бело — снег! Ну, конечно! Вон звезды мерцают в темном морозном небе. А черные колонны — деревья. И это не просто Наземье, это — самое сердце Нарнии. Джил была без памяти от радости. А музыка — веселая, быстрая, звучная, столь же напоенная добрым очарованием, как бренчанье колдуньи злым дурманом,— музыка привела ее в восторг.

Рассказывается долго, но Джил-то разглядела все в одну секунду и, обернувшись, собралась крикнуть: «Да ведь это Нарния! Ура! Мы спасены — мы дома!» Удалось же произнести всего три слова: «Да ведь это...» и вот по какой причине. Танцующих фавнов и дриад кольцом обступали гномы, одетые в лучшие свои наряды: виднелись оторочснные мехом алые колпаки с золотыми кисточками и высокие меховые башмаки. Гномы метали снежки в танцующих. (Вот они — белые шарики, мелькающие в воздухе.) Впрочем, гномы метили не в танцующих, как делают глупые мальчишки в нашем мире. Нет, снежки пролетали насквозь, в такт музыке и в

точном согласии с фигурами танца, никого не задевая, если, конечно, никто из танцоров не делал ошибки. Этот танец — Большой Танец Снега — исполняется в Нарнии каждый год в первое зимнее полнолуние. И конечно, танец этот был одновременно игрой, потому что время от времени кто-нибудь все-таки сбивался с такта и получал снежком в лоб, и все смеялись. Однако участники игры были настолько искусны, что такое случалось крайне редко. Прекрасная ночь, морозец, луна, уханье филинов и рокот барабана распаляли лесных жителей так, что они готовы были танцевать хоть до утра... — Жаль, что вы этого не можете увидеть.

И вот, не успела Джил раскрыть рот, как плотный большой снежок, пущенный гномом с дальней стороны кольца, на излете попал ей прямо в лицо. Нет, она ничего не имела против — она была так счастлива, что и двадцать снежков ей сейчас были бы нипочем. Только ведь и самый счастливый человек не сможет сказать ни слова, если рот ему забило снегом. А выплюнув снег и вновь обретя голос, Джил от счастья забыла, что не успела сообщить друзьям эту чудесную новость. Она высунулась из норы и закричала:

— На помощь! На помощь! Мы тут, под землей! Вызволите нас!

Нарнианцы прежде не обращали внимания на дыру в косогоре, и очень удивились и стали озираться, пытаясь понять, откуда доносятся вопли. Потом бросились к Джил — сразу дюжина рук протянулась к девочке. Ухватились, потянули, выдернули Джил из норы, как пробку из бутылки. Она плюхнулась в снег, поднялась и первым делом сказала:

— Надо откопать остальных. Там еще трое, лошади, королевич Рилиан.

А вокруг уже толпилось великое множество народа — кроме игроков и танцоров набежали зрители, которых Джил прежде не заметила. Белки попрыгали с деревьев, прилетели филины. Ежи поспешали вперевалочку на своих коротких ножках. Шествовали медведи и барсуки. Последней явилась большая пантера, хвост ее подергивался от волнения.

И как только они поняли, чего от них хочет Джил, тут же принялись за дело.

— Пошли за лопатами, братцы, за кирками! — загалдели гномы и умчались в лес.

— Надо бы разбудить кротов, вот землекопы так землекопы. Не хуже гномов, — сказал кто-то.

— А что она там говорила насчет Рилиана? — спросил другой.

— Тиш-ш-ш-ше! — шикнула пантера. — Вы что, не видите, эта душ-шка сош-шла с ума! Еще бы! Ведь она выш-ш-шла из-под земли. Сама не знает, что говорит.

— Так оно и есть, — подтвердил старик-медведь. — Она сказала, что королевич Рилиан — лошадь!

— Вовсе она этого не говорила, — закричала задиристая белка.

— Говорила! Говорила! — закричала другая белка, еще более задиристая.

— Д-д-да п-п-п-равда же, п-п-правда! Не валяйте д-д-дурака, — говорила Джил. Зубы у нее стучали от холода.

Одна из дриад тут же накинула ей на плечи меховой плащ, брошенный кем-то из гномов, убежавших за инструментами, а какой-то услужливый фавн со всех ног пустился в лес, чтобы принести горячего питья — там, за деревьями, Джил заметила костер, разведенный в пещере. Но прежде чем фавн вернулся, примчались гномы с лопатами и стали расширять дыру в косогоре, и тут же раздались крики:

— Эй! Ты что делаешь? Убери меч!

— Слушай, дружок, перестань!

— О-го-го! Ну и злючка!

Джил бросилась туда. И — хоть плачь, хоть смейся — увидела в дыре бледное чумазое лицо Юстейса, который высунув руку, наугад тыкал мечом, пытаясь достать любого, кто ни попадется.

Оно и понятно, для Юстейса все было иначе, чем для Джил. Он слышал, как девочка закричала, видел, как она исчезла, и, заодно с королевичем и лягвой, полагал, что Джил утащили враги. Он подумал, что дыра ведет в новую пещеру, освещенную неким призрачным светом — откуда ему было знать, что это луна? — и что там полным-полно неведомо каких злых тварей Подземья. Так что, когда Юстейс, уговорив Зудня, влез тому на спину, выглянул из дыры и стал размахивать мечом, он на самом деле совершил едва ли не подвиг. Королевич с лягвой, если б могли, поступили бы точно так же, но отверстие было для них слишком мало. А Юстейс был немногим больше Джил, но куда более неуклюж, и потому, просовываясь в дыру,

обрушил на себя целую лавину снега. А когда разлепил глаза, то увидел множество неизвестных существ, которые мчались на него с оружием в руках — не удивительно, что он стал защищаться.

— Стой, Юстейс, перестань! — кричала Джил.— Это же наши! Разве ты не видишь? Это Нарния! Все хорошо!

Наконец он опомнился и принес свои извинения гномам (на что гномы ответили: мол, пустяки, и говорить не о чем), и множество коротких волосатых рук протянулось к нему, и он был выдернут из дыры в точности, как Джил. А та, в свою очередь, сунув голову в темноту, сообщила новости оставшимся. И успела услышать, как Зудень пробормотал:

— Э-хе-хе, бедная Поул. Боюсь, для нее это было слишком трудное испытание. В уме повредилась — ничего другого и ждать нечего. Вот ей и мерещится...

Джил бросилась к Юстейсу, они взялись за руки и вдохнули полной грудью свежий ночной воздух. Юстейсу тоже принесли теплый плащ и горячее питье. А тем временем гномы очистили часть косогора от снега, сняли дерн вокруг дыры и замахали лопатами с таким же весельем и пылом, с каким фавны и дриады плясали десять минут тому назад. Всего десять минут прошло, а Юстейсу и Джил уже казалось, что жуткий мрак и жара и духота Подземья — всего лишь далекий сон. Здесь, на морозном воздухе, под луной и под большущими звездами (в Нарнии они ближе к земле, чем у нас), среди множества радостных лиц, невозможно было поверить в существование Подземья.

Чаши еще не опустели, когда явились разбуженные и весьма недовольные этим кроты. Но как только им растолковали, что от них требуется, они с радостью взялись за работу. Даже фавны помогали, чем могли,— маленькими тачками вывозили выкопанную землю. Белки волновались и прыгали туда-сюда, хотя Джил никак не могла понять, чем же они заняты. Медведи и филины довольствовались тем, что давали советы и упрашивали Юстейса и Джил отправиться в пещеру (ту самую, где горел костер) отогреться и поужинать. Однако ребята ни за что не соглашались.

Нет, в нашем мире не сыскать землекопов лучше нарнианских кротов и гномов. Впрочем, они не считают это дело работой. Они любят копать. И потому очень скоро на месте узкой дыры образовалась большущая яма, из которой на лунный свет

сначала явилась тощая длинная фигура в высокой широкополой шляпе — тот, кто никогда не видел лягв-мокроступов, наверняка испугался бы, а следом вышел, ведя на поводу лошадей, королевич Рилиан.

Когда появился Зудень, со всех сторон раздались крики:

— Эй, да ведь это лягва! Лягва-мокроступ! Неужели Зудень с Восточных Болот? Точно! Куда ты запропастился, старина? Тебя всюду искали. Наместник Трампкин издал указ, да, да, и назначил за всех вас награду!

И вдруг все стихло, наступила такая тишина, какая бывает в классе, если туда заглянет директор школы,— все увидели королевича.

Ни у кого не возникло ни малейшего сомнения, кто он такой. Многие животные, дриады и гномы знали королевича в лицо, а были и такие, кто помнил короля Каспиана в молодости, и твердили, что королевич очень похож на отца. Но и без того, надо полагать, его признал бы всякий. Бледный от долгого пребывания во мраке Подземья, одетый во все черное, пыльный, чумазый, растрепанный, усталый — и все равно что-то такое было в его лице и взгляде, что исключало ошибку. Что-то такое, чем отличались все истинные короли Нарнии, которые правили именем Эслана и восседали в Кэйр-Паравеле на престоле верховного короля Питера. Народ преклонил колени и склонил головы, а затем разразился кликами и здравицами, все стали прыгать от радости, целоваться, обниматься. На глазах у Джил выступили слезы — ради этого стоило претерпеть все, что они претерпели.

— Пожалуйте, ваше высочество,— сказал старейший из гномов,— там, в пещере, все готово для трапезы по случаю Большого Танца Снега.

— С удовольствием, старейшина,— отвечал королевич.— Кажется, ни один королевич, рыцарь, человек или медведь не бывали столь голодны, как мы, четверо странников.

Все скопом двинулись через лес к пещере. Джил слышала, как Зудень отбивается от наседающих:

— Нет, нет, мои рассказы подождут. Боюсь, и рассказывать не о чем. Лучше вы мне скажите, что нового. И постарайтесь ничего не скрывать, ничего не смягчать — лучше уж все узнать сразу. Король погиб в кораблекрушении? Леса сгорели? Война или драконы? Ничего иного и ждать нечего!

И все вокруг смеялись и говорили:

— Ну, разве это не истинный лягва-мокроступ?

Наши герои едва держались на ногах от усталости и голода, но тепло пещеры, и самый вид огня в очаге (как на обыкновенной фермерской кухне), отблески которого играли на стенах, на платьях гостей, на кубках, блюдах, тарелках и на гладком каменном полу, придали им сил. И все равно, пока готовилась трапеза, они дремали. А тем временем королевич Рилиан успел поведать старейшим и мудрейшим животным и гномам все, что с ними приключилось. И всем стало ясно, что злая колдунья (несомненно, та самая Бледная Ведьмарка, которая в давние времена наслала Вековечную Зиму) сначала убила мать Рилиана, чтобы уловить и заколдовать самого королевича. Она подвела подкоп под Нарнию, собиралась захватить страну и править ею именем Рилиана. А королевич даже и не подозревал, что земля, в которой она хотела поставить его королем (на самом же деле он был бы ведьминым рабом), была его родная земля. Кроме того, из приключений наших героев был сделан вывод, что ведьма водила дружбу и заключила союз с великанами Скальзуба.

— Вот урок, который следует извлечь из всего этого, ваше высочество,— сказал старейший из гномов,— все колдуньи и ведьмы от века желают одного и того же, и только способы для достижения желаемого меняются.

Глава 16
Жизнь продолжается

На следующее утро, проснувшись в пещере под каменным сводом, Джил испугалась, что вновь очутилась в Подземье,— это было бы ужасно. Но тут же заметила охапки вереска, на которых лежит, и меховой плащ, которым укрыта, услышала веселый треск огня в очаге (будто его только что разожгли), увидела утренний солнечный свет в устье пещеры, все вспомнила и возликовала. Да, вчера был пир горой, все набились в эту пещеру, однако сама она уснула задолго до того, как застолье кончилось. Она смутно помнила гномов, толпящихся у очага со сковородами — а сковороды эти были больше самих гномов,— шипение и восхитительный запах сосисок, жареных сосисок, множество, бесконечное количество сосисок. И не таких, как в школьном буфете, наполовину из хлеба и сои, а настоящих, мясных, с перцем, с жирком, тугих, поджаристых, с румяной корочкой. А еще жареную картошку, жареные каштa-

ны, печеные яблоки с изюмом, орехи, а на десерт — мороженое и какао с пенкой в кружках.

Джил села и огляделась. Зудень и Юстейс лежали неподалеку, оба спали.

— Эй, вы! — крикнула Джил, — не пора ли вставать?

— У-ху-ху, у-ху-ху, — глухо послышалось в ответ. — Я тут, наверху. Нечего зря кричать, самое время спать. А я уснуть не могу. Угу?

— Неужели, — Джил разглядела в дальнем углу пещеры старинные часы и восседающий на них большой пук белых перьев, — неужели это вы, господин Белопер?

— Ух-угу, ух-угу! — Круглая голова вынырнула из-под крыла. Приоткрыв один глаз, филин проговорил: — Белки весть принесли, как вы явились из-под земли. А я утром пораньше принес весть королевичу Рилиану. Королевич уже в пути, и вам надо идти. Спокойного вам дня, не будите меня. Угу? — И голова вновь исчезла.

Поняв, что от филина толку не добьешься, Джил решила встать и посмотреть, где тут можно умыться и чем можно подкрепиться. Но едва она успела подняться, как по каменному полу зацокали копытца, и в пещеру вошел маленький фавн.

— Ах-ах! Вы уже пробудились, дочь Евы? — Фавн учтиво поклонился. — Не сочтете ли вы за благо разбудить и сына Адама? Вам следует поспешить, ибо два кентавра любезно согласились доставить вас в Кэйр-Паравел, — и добавил, понизив голос: — Полагаю, вы понимаете, какая это небывалая, неслыханная честь ехать верхом на кентавре. Насколько мне известно, такого не случалось испокон веков. Посему не следует заставлять их ждать.

— Где королевич? — первым делом спросили разбуженные Юстейс и Зудень.

— Королевич уже на пути в Кэйр-Паравел, — отвечал фавн, имя которому было Златбег, — дабы успеть встретить своего отца, короля. Корабль его величества может прибыть в гавань в любой момент. Говорят, король не успел уплыть слишком далеко, ибо узрел Эслана. Мне неведомо, было то в видении или на самом деле, но Эслан велел королю возвращаться, сказав, что давно утраченный сын ждет его в Нарнии.

Юстейс и Джил помогали Златбегу готовить завтрак, а мокроступу велели лежать. К нему пригласили кентавра по

имени Облород, известного врача, или, как сказал Златбег, «костоправа», чтобы тот осмотрел обожженные ступни.

— Э-хе-хе! — удовлетворенно вздохнул Зудень. — Боюсь, укоротят мне ноги по колени — ничего иного и ждать нечего. Вот увидите, — и остался в постели.

На завтрак была яичница-болтунья с поджаренными хлебцами, и Юстейс набросился на еду так, будто на ночном пиру не съел ни крошки.

— Вот что я вам скажу, сын Адама, — молвил фавн, с некоторым страхом наблюдая за тем, как Юстейс набивает рот. — Вероятно, не следует так уж поспешать. Полагаю, кентавры еще не завершили утренней трапезы.

— Значит, они тоже проспали? — спросил Юстейс. — Готов поспорить, сейчас уже часов десять.

— О, нет, — отвечал Златбег. — Они поднялись до зари.

— Ага, значит, завтрак был не готов, — сказал Юстейс.

— О нет, они приступили к трапезе, как только пробудились.

— Вот это да! — Юстейс даже перестал жевать. — Ничего себе завтрачек!

— Ах, сын Адама, разве вы не знаете? У кентавров два желудка — один человеческий, другой лошадиный. И оба, прошу прощения, нужно набить. Поэтому на первую перемену кентаврам подается овсянка, почки, бекон, омлет, холодная ветчина, хлебцы, мармелад, кофе и пиво. Вторая перемена у них лошадиная — час-другой они пасутся на травке. А на десерт у них пареные отруби, овес и мешок сахара. Вот почему пригласить кентавра в гости на день-два — весьма серьезное мероприятие. Уверяю вас, весьма серьезное.

В этот момент по камням загрохотали копыта, все оглянулись и увидели у входа двух кентавров, одного с черной бородой, ниспадающей на мощную грудь, другого — с золотистой. Пригнув головы, кентавры заглянули в пещеру. Тут наши герои притихли и быстренько покончили с завтраком. Ведь кентавров не назовешь благодушными существами. Они торжественны, величавы, преисполнены древней мудрости, полученной от звезд; они редко смеются, редко гневаются, но гнев их ужасен, как волна прибоя в бурю.

— До свидания, милый Зудень, — Джил подошла к постели лягвы-мокроступа. — Я была не права, считая тебя занудой.

— И я тоже,— сказал Юстейс.— Ты — лучший в мире друг.

— Надеюсь, мы еще встретимся,— добавила Джил.

— Боюсь, этому не бывать,— отвечал Зудень.— Боюсь, я никогда уже не увижу мой старый вигвам. И королевич, он, конечно, хороший малый, но не кажется ли вам, что здоровье у него никудышное? Столько лет провести под землей — ничего иного и ждать нечего. Выглядит — краше в гроб кладут.

— Ах ты, Зудень! — воскликнула Джил.— Ах ты, старый притвора! Вид постный, как на похоронах, а сам счастлив. Ты всегда говоришь «боюсь, боюсь», а на самом деле отважен, как Лев.

— Боюсь, насчет похорон... — начал было лягва, но Джил, услышав, как кентавры перебирают копытами, удивила его — обняла за тощую шею и поцеловала в грязно-серый лоб. Юстейс пожал перепончатую руку. Потом они выбежали из пещеры, а лягва-мокроступ, откинувшись на вересковое ложе, сказал сам себе: «Боюсь, об этом я и не мечтал. Даже при том, что я не то чтобы не красавец».

Ездить верхом на кентавре, вне всяких сомнений, великая честь (кроме Джил и Юстейса таковой чести, насколько известно, не удостаивался никто из живущих под небом), однако сидеть на нем очень неудобно. Никто, кому дорога жизнь, не рискнет седлать кентавра, а скакать без седла — не слишком приятное дело, особенно если вы, подобно Юстейсу, никогда не учились верховой езде. Кентавры были чрезвычайно осторожны, вежливы и добры, и покуда скакали по нарнианскому лесу, не поворачивая головы, рассказывали своим седокам о целебных свойствах трав и корней, о влиянии планет, о девяти именах Эслана и что каждое означает, и обо всем таком прочем. Хотя было и больно, и тряско, но многое дали бы наши герои, чтобы эта поездка повторилась: снова увидеть поляны и склоны, укрытые искрящимся свежим снегом, снова услышать от зайцев, белок и птиц пожелание доброго утра, снова вдохнуть воздух Нарнии и насладиться голосами нарнианских деревьев!

Спустились к реке, ярко синеющей под зимним солнцем, и переправились на пароме — единственный мост остался много выше по течению, у городка Беруна, знаменитого своими красными черепичными крышами. Паромщиком оказался лягва-мокроступ, потому что всеми водяными работами и рыбной ловлей в Нарнии занимаются именно лягвы. Потом

ехали по южному берегу реки до самого Кэйр-Паравела. А подъезжая к замку, увидели скользящий по реке яркий, подобный птице, корабль — тот самый, что стоял у причала, когда они только явились в Нарнию. Весь королевский двор собрался на прибрежном лугу встречать короля Каспиана. Королевич же Рилиан, сменивший черные одеяния на алый плащ и серебристую кольчугу, стоял без головного убора у самой воды и ждал. Наместник гном Трампкин был рядом с ним в своей повозке, запряженной ослом. Пробиться к королевичу сквозь толпу казалось невозможным, да и неловко было. Потому наши герои попросили у кентавров разрешения посидеть еще немного на их спинах, потому что сверху лучше видно. И кентавры разрешили.

Звук серебряных труб с палубы корабля разнесся над рекой; мореходы бросили конец, крысы (конечно, это были говорящие крысы) и лягвы-мокроступы быстро закрепили канат на пристани; корабль пришвартовался. Оркестр, не видимый в толпе, заиграл торжественную, триумфальную музыку. Были спущены сходни.

Джил ждала, что вот сейчас спустится старый король. Но что-то там было не так. Вместо короля на берег сошел придворный с бледным лицом и преклонил колено перед королевичем и наместником. Какое-то время они, сблизив головы, переговаривались, и никто не мог расслышать, о чем. Музыка гремела, но встречающие насторожились. Потом на палубе появились четыре рыцаря с ношей на плечах. Когда они стали спускаться по сходням, все увидели, что это носилки, на которых лежит старый король, бледный и недвижимый. Носилки установили на пристани. Королевич пал на колени и обнял отца. И было видно, как король Каспиан Десятый поднял руку, благословляя сына. В толпе раздались приветственные клики, но не очень-то дружные, — все чувствовали, что радость неуместна. Вдруг голова короля откинулась на подушки, оркестр смолк, наступила мертвая тишина. Королевич, припав к груди отца, заплакал.

Толпа зашушукалась, задвигалась, и Джил увидела, как в единый миг исчезли шапки, шляпы, шлемы и капюшоны — все обнажили головы, и Юстейс тоже. Что-то зашелестело, захлопало над замком. Джил оглянулась: большой штандарт с золотым Львом медленно сползал вниз по флагштоку. И вновь зазвучал оркестр, застенали струны, зарыдали трубы — от этой медленной беспощадной музыки разрывалось сердце.

Дети слезли с кентавров, а те и не заметили.

— Нам пора домой,— сказала Джил.

Юстейс молча кивнул.

— Я здесь,— прозвучал глубокий голос.

Они оглянулись. У них за спиной стоял Эслан, Великий Лев, столь светлый и могучий, что все остальное по сравнению с ним как-то сразу поблекло и растворилось. В единый миг Джил забыла о Нарнии, об умершем короле, а в памяти всплыло, как по ее вине Юстейс упал с утеса, как из-за нее прозевали почти все знамения, как она сердилась и ссорилась. Ей хотелось сказать «простите меня», но она не могла выговорить ни слова. Лев взглядом подозвал ребят, склонил над ними голову и, лизнув каждого в бледное лицо, промолвил:

— Не думайте больше об этом. Я не сержусь. Вы ведь сделали то, зачем я посылал вас в Нарнию.

— Эслан,— сказала Джил,— можно нам домой?

— Конечно. Я для того и пришел, чтобы отвести вас,— ответил Эслан.

Лев широко разинул пасть и выдохнул. На сей раз не было полета по небу, нет, им показалось, что они стоят на месте, зато и корабль, и почивший король, и замок, и снег, и зимнее небо — все будто сдунуло, все растаяло, как дым на ветру. И вот они уже стоят, в самый разгар лета, на лужайке под могучими деревьями возле журчливого ручья на Горе Эслана, на высочайшей выси в запредельном краю того мира, в котором находится Нарния. Однако траурная музыка по королю Каспиану звучала и здесь. Ребята двинулись вслед за Львом вдоль ручья, и Джил хотелось плакать — оттого ли, что Эслан столь прекрасен, оттого ли, что музыка столь печальна...

Эслан остановился, и дети увидели: там, на дне ручья, на золотистом каменном ложе, под водой, подобной текучему стеклу, лежит король Каспиан, и его длинную белую бороду колышет течение. И все трое заплакали. Даже Лев, Великий Лев ронял слезы, и каждая была драгоценнее любого алмаза, даже будь тот алмаз размером с Землю. И Юстейс плакал. Но не так, как плачут маленькие дети, и не так, как плачут мальчишки, желающие скрыть свои слезы, но так, как плачут взрослые мужчины. Во всяком случае, так показалось Джил, хотя на этой вершине ни возраст, ни время ничего не значат.

— Сын Адама,— сказал Эслан,— пойди в лес, отыщи там колючку и принеси мне.

Юстейс повиновался. Колючка была длинной и острой, как рапира.

— Воткни колючку вот сюда, сын Адама,— сказал Лев, протянув Юстейсу правую переднюю лапу.

— Я должен воткнуть ее в лапу? — спросил Юстейс.

— Да,— отвечал Эслан.

Тогда Юстейс, стиснув зубы, вонзил шип. Из раны вытекла капля крови, такой красной, что краснее не бывает и представить себе невозможно. И капля та пала в ручей на мертвое тело короля. И в тот же миг траурная музыка смолкла. И мертвая королевская плоть стала преображаться. Седая борода потемнела, стала серой, потом желтой, потом укоротилась и исчезла совсем, щеки зарумянились, морщины разгладились, глаза открылись, губы тронула улыбка, и вот он уже поднялся и предстал перед ними: то ли юноша, то ли мальчик, трудно сказать, потому что в стране Эслана возраста нет. Да и в нашем мире только очень глупые дети выглядят совсем по-детски, а совсем по-взрослому выглядят только очень глупые взрослые. Каспиан подбежал к Эслану, крепко обнял его могучую шею и запечатлел на львином лике крепкий королевский поцелуй, Эслан же ответил ему поцелуем вольного Льва.

Потом Каспиан глянул на наших героев и удивленно засмеялся.

— Неужели это ты, Юстейс? — вскричал король.— Мой Юстейс! Стало быть, ты в конце концов достиг пределов мира! А что сталось с моим мечом, который ты преломил о морского змея?

Юстейс, раскрыв объятия, шагнул ему навстречу и вдруг, изменившись в лице, отпрянул.

— Постой! Это все...— Он запнулся,— очень хорошо. Но ты... разве ты?..

— Не будь ослом, Юстейс,— воскликнул Каспиан.

— А все-таки,— Бяка глянул на Эслана,— разве он... того... не умер?

— Умер,— в тихом голосе льва послышался смешок.— Конечно, умер. И знаешь, многие уже умерли. Даже я. Тех, кто еще не умер, гораздо меньше.

— Ну, конечно! — воскликнул Каспиан.— Я понял! Ты боишься, что я — призрак или что-нибудь в этом роде. Чушь! Пойми, если бы мы сейчас встретились в Нарнии, я бы точно предстал перед тобой призраком, потому что больше не принадлежу тому миру. Но в своем собственном мире быть бес-

плотным? Так не бывает. Неизвестно, каким я оказался бы в вашем мире. Однако ведь ваш мир уже и не ваш, потому что сами-то вы — здесь.

Сердца наших героев забились чаще, но Эслан покачал косматой головой и молвил:

— Нет, мои милые. Не сегодня. В следующий раз вы останетесь тут навсегда. А пока вам нужно вернуться.

— Эслан, мне всегда хотелось хоть одним глазком взглянуть на их мир. Это дурное желание?

— Теперь, сын мой, когда ты умер, у тебя не может быть дурных желаний, — отвечал Лев. — И ты увидишь их мир — пяти минут хватит, чтобы понять, что там к чему.

И Эслан объяснил Каспиану, куда возвращаются Джил и Юстейс, а также все про Экспериментальную школу; оказалось, он знает и про это.

— Доченька, — обратился Эслан к Джил, — Сломи-ка вон ту веточку, — она послушалась, и в ее руке ветка обернулась отличным гибким хлыстом. — А теперь вы, сыны Адама, обнажите свои мечи. Но только ради устрашения, ибо те, на кого я вас посылаю, — не воители, а дети и трусы.

— Ты пойдешь с нами, Эслан? — спросила Джил.

— Нет. Но они увидят меня — со спины.

Он быстро повел их через лес; несколько шагов, и вот уже перед ними ограда Экспериментальной школы. Эслан взревел так, что солнце дрогнуло в небе, и кусок стены, шагов в тридцать длиной, рухнул наземь. В пролом стали видны кусты лавра на задворках и крыша школы, а над ней унылое осеннее небо — ничего не изменилось с тех пор, как наши герои покинули Англию. Эслан обернулся к Юстейсу и Джил, подышал на каждого и лизнул в лоб. Потом улегся в проломе стены, обратившись золотистой спиной к нашему миру, а ликом — к своему. И в тот же миг Джил увидела тех, кого знала слишком хорошо. Они выскочили из зарослей лавра, вся шайка: там были и Адель Пеннифезер, и Чолмонделли-старший, и Эдит Винтерблотт, и прыщавый Сорнер, и великовозрастный Баннистер, и эти противные близнецы Гарреты. Они выскочили и вдруг застыли на месте. Выражение подлости, тщеславия, жестокости и трусости исчезло с их лиц и заменилось одним — ужасом. Они увидели льва размером со слона, возлежащего на месте рухнувшей стены, и трех сверкающих воителей с мечами наголо, мчащихся прямо на них. Во имя Эслана Джил

угостила девиц хлыстом, а Каспиан и Юстейс мальчишек — мечами (конечно, плашмя) пониже спины. И минуты не прошло, а вся шайка уже катилась вниз сломя голову с воплями: «Караул! Убивают! Львы! Мы так не играем!» Прибежала директриса, увидела льва, проломленную стену, Каспиана, Юстейса и Джил (своих учеников она, разумеется, не признала) и бросилась звонить в полицию. Она кричала в трубку что-то про льва, который бежал из цирка, и бандитов, которые разрушили стену и бегают с ножами. Среди всей этой суеты Джил и Юстейс беспрепятственно проскользнули в спальни и переоделись, сняв с себя яркие нарнианские платья, а Каспиан возвратился обратно в свой мир. И стена по слову Эслана восстановилась. Прибывшая полиция не обнаружила никакого льва, никакого пролома в стене, никаких преступников, а только директрису, которая походила на сумасшедшую. Началось расследование; вскоре многое из того, что творилось в Экспериментальной школе, вышло наружу, и человек десять старших учеников выгнали. Тогда друзья директрисы поняли, что директриса в директрисы не годится, и устроили ее главным инспектором над другими директорами. Когда же выяснилось, что она и на это не способна, ее протолкнули в Парламент, где она счастливо пребывает и по сей день.

Темной ночью Юстейс закопал нарнианскую одежду на школьных задворках, а Джил украдкой увезла свою домой и щеголяла в причудливом платье на балах. С того дня дела в Экспериментальной школе пошли на лад, и она стала вполне пристойной школой. А Джил и Юстейс навсегда остались друзьями.

Далеко-далеко, в Нарнии, король Рилиан, как должно похоронил своего отца, Каспиана Десятого, Мореплавателя, и должное время носил траур. Воссев на престол, Рилиан правил мудро, и страна его процветала, хотя лягва-мокроступ по имени Зудень (чьи ступни, кстати сказать, недели через три стали как новенькие) часто говаривал, что ясное утро — к ненастью, а счастливые времена — не вечны. Дыра в косогоре так и осталась незаделанной; летними днями нарнианцы спасаются в ней от жары, катаются на лодках с фонарями по темному подземному морю, поют и рассказывают друг другу о городах, оставшихся глубоко на дне. Если вам когда-нибудь повезет, и вы сами окажетесь в Нарнии, не забудьте заглянуть в те пещеры.

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Пустоши
замок
Бледной
Ведьмарки
Фонарный
Угол
замок
Мира
Нарния
Кэйр-Паравел
Восточный
океан
N
Арченланд
Анвар
Острова
Калормен

Глава 1

На озере Чан

В последние дни Нарнии на западной ее окраине, далеко-далеко за Фонарным углом, или урочищем, и совсем неподалеку от большого водопада жил-был Обезьяныч. И был этот Обезьяныч столь стар, что никто уж не помнил, когда и откуда он появился в этих краях. И был он самым умным, самым безобразным, самым морщинистым из всего обезьяньего рода — таким он был самым-самым, что и представить себе невозможно. Жил Обезьяныч на дереве, в хижине из сучьев и листьев, а прозывали его Глумом. И никто из местных лесных жителей не желал иметь с ним дела — ни животные, ни люди, ни гномы, — если не считать одного ишака по прозвищу Глуп. Глум и Глуп жили по соседству и были друзьями. То есть так они друг друга называли, а на самом-то деле, если посмотреть со стороны, Глуп для Глума скорее был слугой, чем другом. За двоих работал ишак. Скажем, пойдут они по воду на реку: Глум наполнит бурдюки, а Глуп их тащит. Иль понадобится что-то на базаре (а базар неблизко, в городе Каменный Брод, ниже по реке): ишак с пустыми корзинами на спине топает туда, а обратно — с полными и тяжелыми — он же. Принесет ишак вкусненького, а Глум все сожрет один, приговаривая:

— Видишь ли, друг мой Глуп, я — не ты: не могу я прокормиться травой да чертополохом, а ты можешь. Только и

© В. Воседой, перевод, 2000

мне ведь нужно поддерживать чем-то свое бренное тело? Стало быть, все у нас по справедливости.

Глуп на это отвечал неизменно:

— Ну конечно, Глум, конечно. Я понимаю.

И никогда не сетовал, потому что знал: Глум вон какой премудрый; для простого ишака водить дружбу с таким мудрецом — честь великая. Когда же Глуп вдруг начинал артачиться, Обезьяныч ему выговаривал:

— Послушай, Глуп, ведь я умнее тебя, не так ли? Но и ты, Глуп, достаточно умен, чтобы понять, что ты глуп.

И Глуп всегда соглашался:

— Да, да. Что правда, то правда. Глуп и впрямь глуп.

После чего, вздохнув, делал все, как велел ему Глум.

Однажды ранним вешним утром эта парочка прогуливалась по берегу Чана. (Чан — было такое озеро в западной Нарнии и лежало оно у подножия гор. Вытекала из него нарнианская река Великая, а впадал в него горный поток, низвергаясь грохочущим водопадом с высоченного скалистого уступа. Вот почему вода в том озере всегда кипела, пенилась, коловращалась, будто варево в чане. Оттого и назвали озеро Чаном.) Так вот, гуляли друзья по бережку (а было то ранней весной, когда в горах диких западных земель таял снег и водопад набух полой водой), любовались бурлящим озером, и вдруг Глум ткнул своим темным морщинистым пальцем в сторону водопада:

— Погляди! Что это там?

— А что там? — спросил Глуп.

— Что-то желтое. В водопаде. Вон, опять! Гляди-ка, плывет по озеру. Обязательно нужно выяснить, что это за штука.

— Обязательно? — переспросил Глуп.

— Конечно,— отвечал Глум.— А вдруг штука полезная? Будь другом, Глуп, сплавай и принеси. Тогда мы сможем разглядеть ее как следует.

— Сплавать и принести? — переспросил ишак, шевеля длинными ушами.

— Конечно. А иначе как мы узнаем, на что она годится, если ты ее не достанешь? — удивился Обезьяныч.

— Но... но...— задумался Глуп,— а сам бы ты не мог бы... э... сплавать? Потому как это тебе хочется знать, что это за штука, а мне вовсе не хочется. И потому как ты со-

всем как человек или гном — у тебя есть чем хватать и держать, у тебя руки. А у меня только копыта.

— Вот как? — воскликнул Глум.— Не ожидал я от тебя такого. Нет, нет, никак не ожидал!

— А чего? — спросил ишак упавшим голосом, уж очень обиженный у Глума был вид.— Я всего-то и сказал...

— Ты сказал, что я должен лезть в воду,— подхватил Обезьяныч.— Как будто тебе не известно, сколь слаба обезьянья грудь и как легко мы простужаемся! Что ж, прекрасно! Я полезу! Я и так уж продрог на ветру. Брр... Но я полезу. И, скорее всего, умру. И ты еще поплачешь на моей могилке...— Голос Глума пресекся, будто он сам вот-вот разрыдается.

— И-йа, не надо! Пожалуйста, не надо! Прошу тебя, не надо,— с надрывом проревел ишак.— Я ничего такого не думал. Правда, правда, не думал. Ты же знаешь, какой я глупый — у меня в голове больше одной мысли не умещается. Вот я и забыл про обезьянью слабую грудь. Я с удовольствием сплаваю. А тебе никак нельзя. Обещай мне, Глум, что ты туда не полезешь.

Глум обещал, а Глуп — цок-цок-цок — зацокал всеми четырьмя копытами по скалистому берегу туда, где полегче спуститься к воде. То, что вода в озере студеная, это еще полбеды, а вот буруны и водовороты — не шутка. Стоял Глуп, дрожал и никак не мог решиться. Тогда Глум, стоявший позади, задумчиво так молвил:

— Давай-ка я слазаю, Глуп, у меня это лучше получится.

А Глуп, услышав слова Глума, воскликнул:

— Нет, что ты! Ты же обещал. Я сейчас...— И плюхнулся в озеро.

Он ушел с головою в пену, хлебнул воды и ничего не видел. Пока барахтался, его отнесло от берега, и попал он в самый водоворот. Понесла быстрина его по кругу, по кругу, все быстрее, быстрее, а потом бросила прямо под самый водопад. Поток обрушился на него всею мощью и потащил вниз, на дно, в такую глубь, что Глуп успел даже подумать — воздуха ему не хватит. Однако вынырнул. И совсем рядом с той самой штуковиной, которую должен был достать. Но схватить не успел — водопад уволок ее на дно. А когда она вынырнула, ишака отнесло совсем в другую сторону. Но в

конце концов уставший до смерти, измочаленный и продрогший Глуп ухитрился ухватить эту штуку зубами и поплыл к берегу, волоча ее и подталкивая. А штука оказалась большущая — размером с ковер перед камином,— да к тому же тяжелая и скользкая, и путалась в ногах, мешая плыть.

И вот, бросив ее к ногам Глума, стоит Глуп весь мокрый, дрожащий и никак не может отдышаться. А Обезьяныч даже не взглянул на друга, не посочувствовал. Обезьянычу было не до ишака: он ходил вокруг штуковины, щупал, тискал и нюхал ее. В глазах его блеснул злой огонек.

— Это не штука, а львиная шкура,— сказал он.

— Иа, на, неужели? — Глуп никак не мог прийти в себя после купания.

— Интересно... интересно... интересно,— бормотал Глум, что-то обдумывая.

— Интересно, интересно,— повторил Глуп немного погодя,— кто убил этого бедного льва? Его нужно похоронить. Мы должны его похоронить.

— Хе,— возразил Глум,— Лев-то был не говорящий. Наверняка. Там, выше водопада, в диких западных землях нет говорящих животных. Эту шкуру носил бессловесный дикий Лев.

Между прочим, так оно и было. Человек-охотник убил дикого льва и снял с него шкуру далеко-далеко в диких землях, и случилось это несколько месяцев тому назад, и... Но не будем отвлекаться, то совсем другая история.

— Все равно, Глум,— заупрямился Глуп,— даже если Лев был дикий и бессловесный, разве мы не должны похоронить его с почестями? Потому что разве не все львы... я хочу сказать, все львы священны. Потому что Великий Лев, он тоже... Разве не так?

— Не забивай себе голову всякими глупостями, Глуп,— отмахнулся Глум.— Ты же сам прекрасно знаешь, что ты глуп. А из этой шкуры мы справим тебе отличную теплую зимнюю одежку.

— Не-а,— покачал головою ишак,— мне думается, не надо. Потому что это будет похоже... ну, потому что другие подумают... а мне не хочется...

— Не пойму, о чем ты,— хмыкнул Глум, по-обезьяньи почесываясь.

— Потому что нехорошо глупому ишаку рядиться в львиную шкуру, — пояснил Глуп. — Потому что это насмешка над Великим Львом, над самим Эсланом.

— Хватит тебе, не спорь! — поморщился Глум. — Что может ишак понимать в таких материях? Уж позволь мне думать за нас двоих, коль скоро сам не умеешь. Разве я лезу в твои дела? Нет. Потому что знаю: вовсе не все мне по силам. Потому что понимаю: кое в чем ты меня превосходишь. Вот, к примеру, почему я согласился, чтобы именно ты полез в озеро за этой шкурой? Потому что знал, у тебя это лучше получится. Но ведь кое-что у меня получается лучше, чем у тебя. Или, по-твоему, я вообще ни на что не годен? Будь справедлив, Глуп. Пусть каждый делает свое дело.

— Ну, конечно, конечно, если ты так полагаешь, — кивнул ишак.

— Да, я так полагаю, — продолжал Глум. — А еще я полагаю, что сейчас тебе лучше всего сбегать в Каменный Брод, поглядеть, нет ли там на базаре апельсинов или бананов.

— Ох, Глум, я слишком устал, — заупрямился Глуп.

— Разумеется. Но кроме того, ты промок и замерз. Тебе надо согреться. Пробежка в таких случаях очень полезна. А если учесть, что сегодня в Каменном Броде базарный день...

И Глуп, как всегда, дал себя убедить.

Глум, избавившись от ишака, по-обезьяньи — то на двух ногах, то на четвереньках — доковылял до своего дерева, а там — с ветки на ветку — до своей хижины, и всю дорогу, ухмыляясь, балабонил что-то себе под нос. Взял иглу, моток ниток и большие ножницы (столь премудр был Обезьяныч, что умел даже шить — научился у гномов), сунул моток за щеку, словно леденец (а нить в мотке была толстая, как бечевка, и щека у Обезьяныча раздулась, будто шар), иглу зажал в губах, ножницы — в кулаке, спустился с дерева и поковылял обратно к львиной шкуре. Присел над нею на корточках и принялся за работу.

Глум сразу прикинул, что львинос тулово длиннее ишачьего, зато шея у Глупа дольше. Потому, вырезав из середины шкуры кусок, он скроил из него высокий ворот и вшил между львиной головой и плечами. А потом приладил множество завязок, чтобы можно было свести края шкуры на животе и ногах у Глупа. А когда над ним пролетала какая-либо

птица, Глум бросал работу и с тревогой провожал пернатую взглядом. Никто не должен был знать, чем он занят. И ему повезло — ни одна из этих птиц не была *говорящей.*

К вечеру возвратился Глуп. Он не бежал ни трусцой, ни вприскочку, а, как истинный ишак, терпеливо плелся нога за ногу.

— Не было там апельсинов, и бананов тоже не было. И ох, как я устал! — сказал Глуп и лег.

— Ну-ка, вставай! Примерь свою прекрасную львиную обнову,— приказал Глум.

— Не-а,— помотал головой ишак.— Ну ее, эту старую шкуру. Завтра утром примерю. Я слишком умаялся.

— Это несправедливо, Глуп,— обиделся Обезьяныч.— Ты устал, а я, по-твоему, что, не устал? День-деньской, пока ты гулял себе вдоль речки да обратно, я трудился из последних сил — и все ради тебя. Вот, гляди, я и ножниц в руках удержать не могу — вот как устал. А ты мне даже спасибо не хочешь сказать... даже посмотреть не хочешь... это бессердечно... это... это... это...

— Дорогой мой, милый Глум! — вскричал Глуп, вскакивая на ноги.— Прости меня, если можешь. Я ужасно гадкий. Разумеется, давай примерим. По-моему, одежа роскошная. Я хочу надеть ее. Сейчас же. Немедленно. Ну, пожалуйста...

— Так и быть,— согласился Обезьяныч.— Стой, не шевелись.

Шкура была слишком тяжела для Обезьяныча, но в конце концов, пыхтя и отдуваясь, с превеликим трудом он напялил ее на ишака, запахнул края на животе и завязал веревочные тесемки, то же проделал на ногах и на хвосте. Серый нос и морда ишака чуть выглядывали из-под львиной головы. Конечно, кто видел настоящих львов, тот ни за что не обманулся бы. А вот кто в глаза львов не видывал, мог бы и обмишулиться, приняв Глупа в львиной шкуре за льва. Конечно, если только издали да в полумраке, да если глупый ишак не заревет не вовремя и не застучит копытами.

— Ты выглядишь великолепно, просто великолепно,— воскликнул Обезьяныч.— Всякий, тебя увидев, сразу подумает: вот он, Эслан, Великий Лев.

— Это очень плохо,— сказал Глуп.

— Нет, совсем наоборот,— сказал Глум.— Всякий станет делать то, что ты прикажешь.

— Не-а, потому что я никому ничего не хочу приказывать.

— Да подумай ты хорошенько, ишачья твоя башка, каких дел мы вдвоем натворили бы! — настаивал Глум.— Я бы давал тебе советы. Да, да, и советы мои, как всегда, были бы мудрыми. И все нам подчинились бы, даже король. И мы навели бы в Нарнии порядок.

— Порядок? — удивился Глуп.— А разве в Нарнии нет порядка?

— Какое там! — взревел Обезьяныч.— Хороши порядки — ни бананов, ни апельсинов!

— Видишь ли,— сказал Глуп,— не так уж много таких... то есть, я так думаю, потому что не всем они нужны, а только... только тому, кому нужны.

— Между прочим, сахара у нас в Нарнии тоже маловато,— заметил Глум.

— Да-а,— согласился ишак.— Сахара и впрямь надо бы побольше.

— Вот и прекрасно,— обрадовался Обезьяныч.— Ты будешь Эсланом, а я буду подсказывать, что ты должен говорить.

— Не-а, не-а, не-а,— испугался Глуп.— Не говори так. Потому что это нехорошо, Глум. Я, конечно, глупый, но даже я понимаю. А вдруг придет настоящий Эслан — что он с нами сделает?

— Полагаю, он одобрит,— почесался Глум.— Полагаю, он-то и послал нам львиную шкуру, чтоб мы навели тут порядок. Кроме того, он не придет. Никогда. Во всяком случае, не в наши дни.

И едва Обезьяныч произнес эти слова, как с неба грянул чудовищный удар грома и земля под ногами заходила ходуном. Приятели не устояли и пали ниц.

— И-ах! — выдохнул Глуп, когда вновь обрел дар речи.— Это было знамение, это нам, чтобы остереглись. Я же говорил, мы затеяли нехорошее дело. Немедленно сними с меня эту проклятую шкуру!

— Нет, нет,— отвечал Обезьяныч (что-что, а соображал он и вправду быстро).— Оно, конечно, знамение. Только совсем другое. Я как раз хотел тебе сказать: если *настоящий*

Эслан, как ты его называешь, желает, чтобы мы навели здесь порядок, он пошлет нам знак — гром с неба и землетрясение. Я уже открыл рот, да не успел — гром и грянул. Теперь, Глуп, ты должен исполнить свой долг. И давай больше не будем спорить. Потому что в этом ты ничего не понимаешь. Не дано ишаку разбираться в знамениях!

Глава 2
Опрометчивый поступок короля

Недели три спустя после означенных событий король Нарнии (последний из королей) сидел под большим дубом у порога своего охотничьего домика (этот невысокий крытый соломой домишко стоял на восточном краю Фонарного урочища у слияния двух рек); погожей вешней порой монарх убегал туда на недельку-другую от столичной сутолоки и великолепия Кэйр-Паравела. Король предпочитал жизнь незатейливую и вольную. Звали его Тириан. Лет ему было двадцать — двадцать пять, был он широкоплеч, статен, могуч, но борода еще не отросла по-настоящему и, как говорится, молоко на губах у него еще не обсохло. Глаза имел синие, лицо мужественное, честное.

В то весеннее утро при нем был только его ближайший друг — единорог по имени Брильянт. Были они побратимами, не раз бились в битвах бок о бок и спасали друг другу жизнь. Благородное животное стояло возле королевского кресла и, изогнув шею, наводило блеск на свой синий рог, полируя оный о свою же молочно-белую шкуру.

— Сегодня у меня все из рук валится и даже охота на ум не идет, — говорил король единорогу. — Ни о чем другом думать не могу, лишь об этих дивных новостях. Как вы полагаете, друг Брильянт, будут ли сегодня новые вести?

— Столь чудесных событий, государь, не случалось со времен наших дедов-прадедов, — отвечал единорог, — если, конечно, вести истинны.

— А как они могут быть не истинны? — воскликнул король. — Сами посудите. Во-первых, свидетельство птиц: это было с неделю тому назад, они летели и кричали «Эслан! Великий Лев прибыл в Нарнию!» Во-вторых, свидетельство белок. Правда, сами они его не видели, но утверждали, что другие встретили его в лесу. В-третьих — олень. Он сказал, что видел Льва собственными глазами в полно-

луние в Фонарном урочище. В-четвертых, этот смуглолицый чернобородый купец из Калормена. Калорменцы — не мы, им нет дела до Эслана, однако человек говорил о пришествии Льва, как о свершившемся событии. И наконец, вчерашний барсук — он тоже лицезрел Льва.

— Воистину, государь, — ответил Брильянт, — свидетельства не вызывают сомнений. Радость великая! Она столь велика, что я не в силах выразить ее. Все столь чудесно, что просто не верится.

— Истинно так, — выдохнул король, и голос его дрогнул от восторга. — Это — превыше всех моих упований.

— Вы слышите? — Брильянт повернул голову и навострил уши.

— Что там? — Король тоже прислушался.

— Копыта, ваше величество, — сказал Брильянт. — Конь скачет. Очень тяжелый конь. Должно быть, кто-то из кентавров. А вот и он...

Огромный златобородый кентавр вылетел из лесу; по человеческому лику его струился пот, гнедые лошадиные бока взмылены. Став перед королем, кентавр поклонился:

— Приветствую тебя, государь, — голос кентавра был подобен бычьему реву.

— Эй, кто-нибудь! — кликнул король, глянув через плечо на дверь охотничьего домика. — Чашу вина для благородного кентавра! Привет тебе, премудрый Рунвит. Сперва отдышись, потом сообщишь, зачем прибыл.

Паж вынес и подал кентавру большую деревянную чашу, покрытую богатой резьбой. Кентавр, подняв кубок, возгласил:

— За Эслана! За истину! И за тебя, государь!

Единым духом осушив кубок (вполне достаточный для шести воинов), вернул его пажу.

— Итак, Рунвит, — сказал король, — новые свидетельства об Эслане?

Кентавр помрачнел, нахмурился.

— Тебе известно, государь, что мы, кентавры, живем намного дольше людей и даже дольше единорогов, а также тебе известно, что всю свою долгую жизнь я изучал звезды небесные. И никогда, государь, никогда в жизни не читал я в небесах столь ужасных предзнаменований, как в первые дни этого года. Звезды не свидетельствуют ни о явлении

Эслана, ни о мире, ни о благополучии. Худшего расположения планет не бывало в последние пять столетий — так утверждает моя наука. И я счел за благо предупредить твое величество: грядут великие беды. Вчера вечером дошел до меня слух, будто Эслан прибыл в пределы Нарнии. Не верь, государь. Ибо этого не может быть. Ибо звезды не лгут, только люди и животные. Буде Эслан воистину в Нарнии, небо возвестило бы нам об этом. Буде он воистину здесь, все благие звезды собрались бы воедино во славу его. А иное — ложь.

— Ложь? — грозно вскричал король. — Кто в Нарнии и в целом мире посмел бы солгать о таковом событии? — И рука его сама потянулась к рукояти меча.

— Это мне неведомо, — отвечал кентавр. — Одно я знаю: на земле лжецы есть, но нет их среди звезд небесных.

— Так-то оно так, — заметил Брильянт, — только разве Эслан не вправе прийти вопреки звездам? Разве раб он звездам своим, а не творец их? В любом древнем предании говорится: Эслан — Лев не ручной.

— Прекрасно, прекрасно сказано, Брильянт, — воскликнул король. — Именно так: не ручной он Лев! Так поется и во многих песнях.

Рунвит поднял руку, подался вперед, собираясь, видимо, увещевать короля и далее, как вдруг все трое повернули головы к западной опушке леса — оттуда, приближаясь, доносились вопли. Кричавшего еще скрывали деревья. Но слова уже можно было различить.

— Горе, горе, горе! — взывал голос. — Горе братьям моим и сестрам! Горе священным деревьям! Лес погибает. Топоры бесчинствуют. Мы погибаем. Великие деревья гибнут... гибнут... гибнут...

С этим последним «гибнут» на опушке явилась плакальщица. Высокая, ростом с кентавра, она была похожа одновременно на женщину и на дерево. Тому, кто в жизни не видел дриад, трудно представить это существо, а кто видел, тот сразу признает — по цвету, по голосу, по волосам. Король, кентавр и единорог сразу узнали деву-буковину.

— Правосудия, государь! — вскричала она. — Защиты! Помощи! Они рубят нас на Фонарном урочище. Сорок моих братьев и сестер уже низринуты наземь.

— Что вы говорите, сударыня? На Фонарном урочище? Гибнут говорящие деревья? — вскричал король, вскакивая

на ноги и обнажая меч.— Кто осмелился поднять на вас руку? Клянусь гривой Эслана...

— А-а! А-а! А-а! — застонала дриада, вздрагивая и содрогаясь, как от мощных ритмичных ударов. Ноги у нее подкосились, и она пала на бок. Несколько мгновений мертвое тело лежало, простершись в траве, а затем исчезло — за много миль от этого места было срублено ее дерево.

От горя и ярости король на краткое время онемел. Опомнившись, он вскричал:

— Вперед, друзья! Спешим к верховьям! Мы должны отыскать лиходеев. Клянусь, ни единого не оставлю в живых.

— Государь, я иду с вами,— сказал Брильянт.

Однако Рунвит молвил:

— Королю даже в гневе не следует терять разумения. Там деется нечто небывалое, и коль скоро мятежники вооружены, нам троим не совладать с ними. Не лучше ли дождаться...

— Не стану я ждать ни мгновения,— отвечал король.— Мы с Брильянтом идем туда немедля, а ты скачи во весь опор в Кэйр-Паравел за помощью. Вот тебе мое кольцо — знак власти. Призови к оружию рыцарей-всадников, говорящих собак, десяток гномов (нам нужны лучники), и леопарда и, пожалуй, великана Камнефута. Приведи их как можно скорее.

— Да будет так, государь,— сказал Рунвит и, развернувшись, ускакал на восток, в низовья.

Король шагал размашисто, то беззвучно что-то бормоча, то сжимая кулаки. Брильянт молча шел рядом. Нарушало тишину лишь позвякивание богатой золотой цепи на вые единорога да поступь двух ног и четырех копыт.

Вышли к реке и двинулись луговой дорогой к верховьям: по левую руку — река, по правую — лес. Но вскоре непроходимая чащоба, спустившись к самой воде, преградила дорогу. Дальнейший путь пролегал по южному берегу, пришлось перебираться вброд. Тириану вода была по грудь; Брильянт, рассекая течение — на четырех ногах все же легче устоять, чем на двух,— шел справа от короля, а тот мощной рукой обвил мощную шею единорога, и оба благополучно преодолели поток. Холодная вода ничуть не остудила гнев короля. Однако, выйдя на берег, Тириан не преминул отереть меч о плечо плаща — единственную не намокшую часть одежды.

Теперь река была у них по правую руку, а Фонарное урочище впереди. Не прошли они и мили, как вдруг оба остановились и одновременно воскликнули — король: «Глядите!», Брильянт: «Что это?»

— Плот,— сказал Тириан.

Так оно и было. Плот, связанный из полудюжины великолепных свежесрубленных и очищенных от веток стволов быстро скользил вниз по течению. Плотогон, водяная крыса, стоя на носу, орудовал шестом.

— Эй! Водяная крыса! Что ты делаешь? — крикнул король.

— Гоню бревна на продажу калорменцам, ваше величество,— отвечал плотогон и отдал честь, коснувшись лапой фуражки, которой на нем не было.

— Калорменцам? — вскричал Тириан.— Что это значит? Кто разрешил валить деревья?

Полая вода течет быстро, плот уже пронесся мимо, но крыса-плотогон, обернувшись, успела ответить:

— Сам Лев приказал, ваше величество. Сам Эслан,— плотогон что-то добавил, но они не расслышали.

Король и единорог уставились друг на друга; и никогда, ни в одном сражении, они не выглядели столь ошеломленными, как в тот миг.

— Эслан? — глухо повторил король.— Эслан... Разве такое может быть? Разве может он повелеть вырубить священные деревья и убивать дриад?

— Если только дриады не сотворили что-нибудь совершенно неподобающее...— проворчал Брильянт.

— Но продавать калорменцам! Разве это возможно?

— Не знаю,— горестно вздохнул Брильянт.— Он все-таки не ручной Лев.

— Что ж,— молвил король, помолчав,— наше дело — делать свое дело.

— Это единственное, государь, что мы должны,— отвечал единорог.

Ни тот ни другой не подумали, сколь неразумно идти дальше вдвоем,— гнев затмил им рассудок. И к великим бедам привела эта их опрометчивость.

Тут король обнял друга за шею и лбом припал к его лбу.

— Брильянт,— прошептал он,— что нас ждет впереди? Ужасная мысль посетила мое сердце: лучше было бы умереть, чем дожить до такого.

— Да,— отвечал Брильянт.— Мы зажились на этом свете. И дожили до наихудшего,— так они стояли некоторое время, потом двинулись дальше.

Вскоре послышалось далекое «хэк-хэк-хэк» — удары топора по дереву; склон холма круто поднимался вверх. Воители добрались до вершины, и перед ними открылось все Фонарное урочище. И, взглянув, король побледнел.

Прямо посреди древнего леса (того самого, деревья которого выросли из золотых и серебряных монет; того самого, среди которого дитя, пришедшее из нашего мира, посадило дерево, Древо Нарнии),— зияла длинная широкая просека, отвратительная просека, похожая на глубокую гнойную рану, а грязные царапины борозд, по которым тащили поваленные деревья, тянулись до самой реки. Там кипела работа, щелкали кнуты, лошади с трудом волокли бревна. Но короля с единорогом поразило прежде всего то, что лесорубами оказались не только говорящие животные, но и люди. И людей там, пожалуй, было не меньше, чем животных, и люди эти — не светловолосые нарнианцы, а смуглые, бородатые жители Калормена, обширного и жестокого государства, лежавшего за пустыней к югу от Арченланда. Конечно, калорменцы в Нарнии не редкость — то купцы приедут, то послы,— ибо между двумя странами заключен мир. Однако ничем невозможно объяснить, почему тут их так много и почему они валят нарнианский лес. Тириан обнажил меч, обмотал левую руку плащом, и воители поспешили вниз.

Два калорменца погоняли жеребца, волочившего бревно к реке. А бревно застряло в грязи.

— Давай, давай, сын безделья! Тащи, ленивая тварь! — кричали калорменцы, размахивая кнутами.

Конь из последних сил упирался копытами в землю, глаза его налились кровью, он был весь в мыле.

— А ну работай, ленивая тварь! — гаркнул один из погонщиков и со всего маху ударил коня кнутом. И тут произошло самое ужасное.

До этого момента Тириан был уверен, что жеребец, которого погоняли калорменцы, это их лошадь, обыкновенная, бессловесная животина, вроде тех, что живут в нашем с вами мире. И хотя ему было крайне неприятно наблюдать столь жестокое обращение с бессловесной тварью, но

все его мысли были заняты убийством говорящих деревьев. Он и представить себе не мог, что кто-либо посмеет запрячь свободную говорящую нарнианскую лошадь, тем более охаживать ее кнутом. И вдруг жеребец, поднявшись на дыбы, заржал:

— Дурак! Деспот! Ты что, не видишь, я и так делаю все, что могу?

Только тут король понял, что конь — один из нарнианцев, его подданных; гнев обуял его и Брильянта, такой гнев, что они уже не помнили себя. Меч короля взвился в воздух, рог Брильянта опустился к земле. И оба разом кинулись вперед. В следующее мгновение один из погонщиков пал, сраженный мечом Тириана, другой был пронзен рогом в самое сердце.

Глава 3
Глум на вершине славы

— Сударь мой конь, сударь мой конь,— восклицал Тириан, торопливо обрезая постромки,— откуда тут взялись иноземцы, обратившие вас в рабство? Или Нарнию захватили? Или было сражение?

— Нет, ваше величество,— отвечал конь, тяжело дыша.— Эслан пришел. И все это с его изволения. Он приказал...

Но тут раздался голос Брильянта:

— Опасность, государь!

Тириан оглянулся. Калорменцы (а вместе с ними и несколько говорящих животных) бежали к ним. Двое погонщиков умерли, не успев даже вскрикнуть, поэтому остальные не сразу заметили, что случилось, но теперь они приближались, размахивая ятаганами.

— Быстрее! Садитесь! — вскричал Брильянт.

Король вскочил верхом на старого друга, тот развернулся и помчался прочь. Дважды или трижды он менял направление, чтобы сбить преследователей со следа, потом пересек ручей и прокричал, не сбавляя хода:

— Куда, государь? В Кэйр-Паравел?

— Вам тяжело, дружище,— отвечал Тириан.— Я спешусь,— он спрыгнул с единорога, и они стали друг против друга.

— Брильянт,— молвил король.— Мы совершили нечто ужасное.

— Нас вынудили,— отвечал Брильянт.

— Мы напали на них без предупреждения... без вызова... на безоружных... Мерзость! Мы — убийцы, Брильянт. Я опозорен навеки.

Брильянт понурился. Ему тоже было стыдно.

— Кроме того,— продолжал король,— все здесь делается по воле Эслана. Так сказал конь. Крыса-плотогон — тоже. И все говорят: Эслан пришел. Если это правда...

— Но, государь, как могут по воле Эслана твориться столь чудовищные дела?

— Он — не ручной Лев. Что можем мы знать о его делах? Мы — убийцы. Я решил вернуться, Брильянт. Я отдам свой меч и сам отдамся в руки калорменцев. Я буду просить их, пусть отведут меня к Эслану. Я хочу, чтобы он судил меня.

— Вы идете на смерть,— сказал Брильянт.

— Пусть Великий Лев обречет меня на смерть,— воскликнул король.— Пусть! Этого я не боюсь. Лучше умереть, чем жить, зная: Эслан пришел, но вовсе не тот Эслан, в которого мы верили и которого ждали! Как будто солнце взошло, но не светлое солнце, а черное.

— Именно так,— согласился Брильянт.— Будто пьешь воду, а вода — сухая. Вы совершенно правы, государь. Пришел конец всему. Идемте и отдадимся на их милость.

— Нет нужды сдаваться обоим.

— Ради нашей дружбы, государь, позвольте мне быть с вами,— сказал единорог.— Если вы умрете и если Эслан — не Эслан, зачем мне жизнь?

И они пошли вспять, роняя горькие слезы.

Как только король с единорогом показались на вырубке, калорменцы подняли крик и бросились к ним, размахивая ятаганами. Однако король протянул им свой меч рукоятью вперед и возгласил:

— Я был королем Нарнии, теперь я — опозоренный рыцарь и жду правосудия Эслана. Ведите меня к нему.

— И меня тоже,— молвил Брильянт.

Смуглокожие, пахнущие чесноком и луком люди, на лицах которых страшно сверкали белки глаз, обступили их плотной толпой. Они накинули на шею единорога веревку. Они забрали меч у короля и связали ему руки за спиной. Один из калорменцев, по-видимому, начальник (единственный,

на ком красовался воинский шлем, а не тюрбан), сорвал с головы Тириана золотой обод и торопливо спрятал его в складках своей одежды. Они повели пленников на вершину холма, расчищенную от леса. И вот что пленники увидели там.

Посреди вырубки стояла сараюшка, крытая соломой и похожая на хлев. (Кое-кто из нарнианцев назвал это место Левхольмом, иные же — Хлевхольмом.) Дверь сараюшки была притворена. А у порога сидела обезьяна. Тириан с Брильянтом, ожидавшие увидеть Эслана и ничего не слышавшие об обезьяне, очень удивились. Разумеется, то был Обезьяныч, только разодетый в пух и прах, отчего вид у него стал еще более дурацкий, чем на озере Чан. Он красовался в алой куртке с гномьего плеча, сидевшей на нем вкривь и вкось. Калорменские туфли без задников, расшитые самоцветами, кое-как болтались у него на ногах — ведь известно, что обезьяньи ноги скорее похожи на руки. Голову его украшало нечто вроде бумажной короны. Рядом с Обезьянычем высилась целая гора лесных орехов, он грыз их один за другим, а скорлупки сплевывал. И все время, задирая куртку, почесывался. Целая толпа говорящих животных стояла перед Глумом, и почти все имели вид встревоженный и смущенный. Увидев и узнав пленных, животные застонали и заплакали.

— О, повелитель Глум, о, глашатай Эслана! — возгласил начальник калорменцев.— Мы привели двух плененных нами негодяев. Благодаря воинской нашей доблести и умению, с изволения великого бога Таша удалось нам взять живыми этих головорезов.

— Ну-ка, дайте сюда меч,— приказал Обезьяныч.

Королевский меч в ножнах и с перевязью был немедленно вручен Глуму, тот повесил его себе на шею, и вид у него стал еще нелепее.

— Этими двумя займемся после,— сказал он, плюнув скорлупой в сторону пленных.— Есть дела поважнее. Эти подождут. Слушайте все! Сначала — об орехах. Где Ответственная Белка?

— Я здесь, сударь,— рыжая белка выступила вперед, торопливо кланяясь.

— Ага, это ты? — Обезьяныч злобно зыркнул глазами.— Слушай, что я скажу. Я хочу... то есть Эслан хочет... чтобы

орехов было больше. Тех, что вы принесли, недостаточно. Нужно больше, понятно? Вдвое больше. И чтоб завтра до заката солнца, и чтоб не гнилые и не мелкие!

Белки тревожно заверещали, а Ответственная, собравшись с духом, проговорила:

— Прошу прощения, но не мог бы Эслан сам сказать нам об этом? Нельзя ли нам видеть его...

— Ладно, увидите,— объявил Обезьяныч.— Он окажет вам такую милость (вами, между прочим, не заслуженную), явится вечером на пару минут. И вы все сможете лицезреть его. Но при одном условии: не приближаться к нему и не приставать с вопросами. Все вопросы задавать только через меня, а уж я решу, стоит ли его беспокоить. Не пора ли вам, белки, заняться орехами? И коль скоро к завтрашнему вечеру... клянусь, вы за это поплатитесь!

Бедные белки бросились врассыпную так, будто за ними погнались собаки. Новое повеление вконец разоряло их. Зимние запасы к весне истощились, а то немногое, что еще оставалось, уже было отдано Обезьянычу.

В это время из толпы животных раздался низкий голос косматого кабана-секача:

— А почему это нам нельзя подходить к Эслану и говорить с ним? — проревел он.— В старину, небось, как придет он в Нарнию, тут любой, кто хошь, говори с ним.

— Вранье,— сказал Глум.— А может, и не вранье, да время нынче не то. Эслан понял, так он мне сказал, что прежде был слишком с вами мягок. Понятно? И что больше не собирается потакать вам. Понятно? На сей раз он наведет тут порядок. Он вам покажет ручного льва!

Животные было заскулили, заплакали, но Глум рявкнул:

— Слушайте дальше! — И тут же наступила мертвая тишина, еще более страшная.— Слушайте и втемяшьте в свои головы. Тут некоторые из вас говорят, будто я — обезьяна. Нет и нет! Я — человек. А ежели и похож на обезьяну, то по старости — мне сотни и сотни лет. Да, я стар, но поэтому я и мудр. Да, я мудр, и потому Эслан говорит со мной с единственным. Он не желает обременять себя разговорами с толпой глупых животных. Он сказал мне, что вы должны делать все, что я вам скажу. И вот я вам говорю: шевелите-ка вы лапами вдвое резвее привычного, ибо *он* не потерпит разгильдяйства.

Наступившая тишина была бы совсем мертвой, когда бы не плач младенца-барсука, которого никак не могла утихомирить мать.

— И вот еще что,— Обезьяныч засунул очередной орех за щеку.— Кое-кто из лошадей говорит, мол, давайте поднатужимся, перетаскаем все бревна поскорее и будем свободны. Приказано выбросить такие мысли из головы. И не только лошадям приказано — всем. Всякий, способный работать, будет работать и дальше, всегда. Эслан договорился с владыкой Калормена, с тисроком, как его называют наши смуглолицые друзья-калорменцы. Все вы, лошади и быки, и ослы, все отправитесь в Калормен и будете трудиться, чтобы заработать себе на пропитание,— носить и возить грузы, как делают все нормальные лошади в других странах. А все землекопы — кроты, кролики и гномы будут работать в шахтах тисрока. А...

— Нет, нет, нет! — взвыли животные.— Этого не может быть. Эслан никогда не отдал бы нас в рабство калорменцам.

— Ничего подобного! Прекратите шум! — заорал Обезьяныч.— Кто говорит о рабстве? Вы не будете рабами. Вам будут платить — очень хорошо платить. То, что вы заработаете, пойдет в казну Эслана и будет потрачено на общее благо,— тут Глум глянул и даже будто подмигнул начальнику калорменцев. Тот поклонился, и потекла цветастая калорменская речь:

— О, мудрейший из мудрейших, о, глашатай Эслана, да будет тебе известно, что великий тисрок, да живет он вечно, держится одного с вашей светлостью мнения относительно сих наиразумнейших замыслов.

— Ну? Вы слышали? — осклабился Глум.— Все хорошо. И все для вашего же блага. С помощью капитала, который вы заработаете, мы превратим Нарнию в страну, где можно жить. Тогда здесь будут апельсины и бананы, будут дороги и большие города, школы и офисы, будут кнуты, намордники, седла, клетки, конуры, тюрьмы — все, что душе угодно!

— А к чему нам все это? — заворчал старый медведь.— Мы желаем быть свободными. И желаем услышать самого Эслана.

— Ну вот, я еще не кончил, а ты уже споришь,— обиделся Обезьяныч.— А я, между прочим,— человек, тогда

как ты — всего лишь жирная, глупая старая медвежатина. Что ты знаешь о свободе? Ты думаешь, свобода — это значит делай, что хочешь? Ты не прав. Такая свобода — не истинная свобода. Истинная свобода — это необходимость делать то, что тебе скажут.

— Х-мм-ммм,— медведь почесал в затылке, явно озадаченный мудреной фразой.

— Простите, пожалуйста,— прозвучал тонкий голосок курчавого барашка, столь юного, что все удивились, как это он посмел заговорить.

— Ну, что тебе? — почесался Глум.— Давай быстрее.

— Простите, пожалуйста,— повторил барашек,— мне не понятно. Что общего у нас с калорменцами? Мы принадлежим Эслану. Они принадлежат Ташу. Это бог у них такой — Таш. Говорят, у него четыре руки и голова стервятника. И калорменцы убивают людей на его алтаре. Я не верю, что Таш на самом деле существует. Но даже если он существует, разве Эслан может водить дружбу с таким злодеем?

Толпа животных оживилась, горящие глаза вперились в Глума. Это был тот самый вопрос, который следовало задать.

Обезьяныч подпрыгнул и ощерился на барашка.

— Щенок! — процедил он сквозь зубы.— Глупый маленький бяшка! Иди-ка ты домой к мамочке сосать молочко. Что ты понимаешь в таких вещах? А вы все, слушайте! Таш — это другое имя Эслана. А верить в то, что правы только мы, а калорменцы не правы,— давно устаревшая глупость. Потому что всем теперь известно: пусть калорменцы говорят не так, как мы, а мы — совсем не так, как они, на деле все говорят об одном и том же. Таш и Эслан — два разных имени, и всем известно, кому они принадлежат. Вот почему между нами не должно быть распрей. Втемяшьте это в ваши глупые головы, вы, глупые животные. Таш — это Эслан. Эслан — это Таш.

У кого есть собака, знает, какой неизбывно печальной бывает иногда собачья морда. А теперь представьте себе лица говорящих животных — искренних, смиренных, сбитых с толку птиц, медведей, барсуков, кроликов, кротов и мышей — зрелище стократ печальнее. Хвосты опущены, усы обвисли. Глядя на них, сердце разрывается от жалости! И только один зверь не выказал огорчения.

Он сидел в первом ряду, большой рыжий кот, великолепный котяра в расцвете сил. Сидел прямо, обвив хвостом лапы, и в упор, ни разу не сморгнув, глядел на Глума и начальника калорменцев.

— Прошу прощения,— молвил кот очень вежливо,— но я хотел бы знать: ваш друг из Калормена думает так же?

— О, разумеется! — отвечал калорменец.— Сей просвещеннейший из обезьян... из людей... он прав. Эслан не меньше и не больше Таша.

— Но прежде всего, полагаю, Эслан не больше Таша? — подсказал кот.

— Конечно, не больше,— кивнул калорменец, глядя коту прямо в глаза.

— Ну как, ты доволен, Рыжий? — усмехнулся Обезьяныч.

— Вполне,— отвечал Рыжий холодно.— Весьма благодарен вам. Мне хотелось кое-что выяснить. И кажется, я кое-что понял.

До этого момента король с единорогом хранили молчание, ожидая, когда Обезьяныч даст им слово, поскольку полагали, что прерывать его бесполезно. Но теперь, поняв по несчастным лицам нарнианцев, что они вот-вот готовы поверить, будто Эслан и Таш — одно и то же, Тириан не выдержал.

— Обезьяныч! — вскричал он,— ты лжешь! Ты лжешь безобразно. Ты лжешь, как калорменец. Ты лжешь, как обезьяна.

Он сказал бы им все, он вопрошал бы у них, как может ужасный бог Таш, кормящийся кровью людей, как может он быть в то же самое время благим Львом, пролившим кровь свою во спасение Нарнии. Если бы ему дали сказать все это, власть Глума пала бы в тот же день: животные прозрели бы правду и низвергли бы Обезьяныча. Но Тириан не успел сказать больше ни слова — два калорменца со всей силы ударили его в лицо, а третий, стоявший позади, пнул ногой. Тириан рухнул наземь, а Обезьяныч в страхе и ярости завизжал:

— Уберите его! Уберите! Уберите! Чтоб мы его больше не слышали, а он — нас. Привяжите его к дереву, привяжите. Я... то есть Эслан... свершит свой суд позже.

Глава 4
Ночные происшествия

Король был ошеломлен падением и едва понимал, что творится, а калорменцы тем временем, отведя подальше, развязали ему руки и тут же, прислонив спиной к ясеню, к древу зла, обмотали веревками всего, от лодыжек до плеч. Больше всего Тириану досаждала разбитая губа — нередко какой-нибудь пустяк мучает нас больше всего, — от тонкой струйки крови было щекотно, а он не мог утереть ее.

С того места, где его привязали, был виден хлев на вершине холма и восседающий перед ним Обезьяныч, и даже слышен обезьяний голос, отвечающий на вопросы животных, но слов разобрать было невозможно.

«Где-то мой верный Брильянт?» — подумал король.

Но вот толпа распалась и растеклась в разные стороны. Некоторые животные проходили мимо Тириана, со страхом и жалостью оглядываясь на него, привязанного к дереву, но никто не сказал ни слова. Скоро все разошлись, и лес затих. Шел час за часом, Тириана стала мучить жажда, потом голод. К вечеру похолодало. Спина саднила. Наконец солнце закатилось, пришли сумерки.

Когда почти совсем стемнело, Тириан услышал шорох, а затем различил в полумраке каких-то зверюшек. Он не сразу смог понять, кто это, — а то были три мыши, кролик и два крота, — потому что каждый из них волок на спине поклажу, отчего процессия выглядела весьма необычно. Но вот они встали на задние лапы, прохладные подушечки передних коснулись его ног, и все по очереди поцеловали короля в колено. (Они могли достать до его коленей, потому что нарнианские говорящие животные крупнее наших, бессловесных.)

— Ах, ваше величество! Дорогой наш король! — зазвучали их высокие голоса. — Нам очень жаль, мы не можем освободить вас от пут, чтобы не прогневить Эслана. Зато мы принесли вам поесть.

Мыши проворно вскарабкались вверх: одна устроилась у него на груди, на последнем витке веревки, так что оказалась нос к носу с Тирианом, а вторая примостилась чуть

ниже. Остальные стояли внизу и подавали наверх то, что принесли.

— Сперва промочите горло, государь, легче будет глотать пищу,— сказала верхняя мышь, и уст Тириана коснулась деревянная чаша. Размером она была с подставку для яиц, и он едва почувствовал вкус вина, осушив ее. Однако сосуд был передан вниз, вновь наполнен, поднят и поднесен королю. И так это продолжалось, покуда жажда не отступила — а жажду, как известно, следует утолять маленькими глоточками, понемногу, не сразу.

— Теперь поешьте сыра, ваше величество,— сказала верхняя мышь,— но не слишком много, а то вам опять захочется пить.

За сыром последовали овсяные лепешки с маслом, а затем еще несколько глотков вина.

— Теперь подайте мне воды,— велела верхняя мышь,— надо умыть короля. У него все лицо в крови.

Лицо Тириана обтерли чем-то вроде крошечной губки, смоченной в воде, и это его по-настоящему взбодрило.

— Друзья мои,— молвил король,— чем я могу отблагодарить вас?

— Что вы? Что вы? О чем вы говорите! — раздались негромкие голоса.— Чем еще мы вам можем помочь? Нам не нужен другой король. Мы — ваши подданные. Будь против вас только Обезьяныч и калорменцы, мы не дали бы вас связать — мы бились бы с ними насмерть. Да, все как один! Но мы не можем идти против Эслана.

— Вы думаете, что это настоящий Эслан? — спросил король.

— Ну, конечно,— ответил кролик.— Он вышел из дома вчера вечером. Все мы видели его своими глазами.

— И каков он из себя?

— Он — ужасный, преогромный Лев, это точно,— пискнула одна из мышей.

— И вы полагаете, что именно Эслан убивает лесных дриад и отдает вас в рабство королю Калормена?

— Это ужасно! — воскликнула вторая мышь.— Лучше бы умереть, чем дожить до такого. Но сомневаться не приходится. Все говорят, что такова воля Эслана, и все мы видели его. Мы и не думали раньше, что Эслан может быть таким. И потому мы все хотели, чтоб он снова пришел в Нарнию.

— А он, кажется, на сей раз чем-то разгневан, — сказала первая мышь. — Что-то мы такое нарушили, а что — сами не знаем. За это он нас и карает. Только хорошо бы знать — за что?

— Полагаю, мы и сейчас нарушаем, — заметил кролик.

— А хоть бы и так, — воскликнул один из кротов. — Я бы пошел на это снова.

Тут все зашикали на него: «Тише! Осторожней!», и затем сказали:

— Прости нас, милостивый король, но нам пора. Нельзя, чтоб нас тут застали.

— Поспешите, дорогие мои, — отвечал Тириан. — Даже ради всей Нарнии я не хочу, чтобы вы подвергали себя опасности.

— Спокойной ночи, спокойной ночи, — говорили они по очереди и терлись носами о его колени. — Мы еще придем... если сможем.

Они засеменили прочь, и в лесу, казалось, стало темнее, холоднее и пустыннее, чем прежде.

Высыпали звезды, время тянулось — легко представить, как медленно оно тянулось для последнего короля Нарнии, накрепко привязанного к дереву, окоченевшего, измученного — и ничего не происходило. Но вот, наконец, что-то началось.

Замерцал красный огонек. Угас на мгновение и вновь разгорелся, все ярче и ярче. На его фоне стали видны темные тени, снующие туда-сюда. Они что-то приносили и бросали в костер. Да, теперь Тириан понял, что это костер. Огонь только разгорался, и в него подбрасывали ветки. И горел он на самой вершине холма. Тириан различил позади костра хлев, озаренный пламенем, и толпу людей и животных, стоящих лицом к огню и хлеву. А сутулая фигура между костром и сараюшкой — это, конечно, Обезьяныч. Он что-то говорит, но что — не слышно. Вот он повернулся, положил три земных поклона перед дверью. Встал. Отворил дверь. И какое-то четвероногое, весьма неуклюже выбравшись оттуда, стало лицом к толпе.

Тут поднялся такой вой и вопль, что даже Тириан расслышал:

— *Эслан! Эслан! Эслан! — вопияли животные.* — Скажи нам! Успокой нас! Не гневайся на нас больше!

Хорошенько разглядеть это существо Тириан не мог — слишком далеко,— но было оно желтое и волосатое. Последний король Нарнии никогда не видел Великого Льва. Он вообще никаких львов никогда не видел. А посему не мог знать наверняка, что это не настоящий Эслан. Но он никак не ожидал, что Эслан окажется столь жесток, чтобы вот так стоять и молчать. Если бы знать наверняка! Ужасные мысли пронеслись у него в голове: он вспомнил дурацкий разговор о том, что Таш и Эслан — одно и то же, и тут же понял — это все мошенничество.

Обезьяныч приложил руку к уху, будто слушая, что ему шепчет желтое существо, затем что-то прокричал собравшимся, и толпа снова возопила.

Потом желтый зверь все так же неуклюже, можно сказать, вразвалочку, повернулся и вошел в хлев, а Обезьяныч притворил за ним дверь. Тут же погас и костер — наверное, разожгли его только ради освещения,— и Тириан остался один в холоде и темноте.

Он стал думать о других королях, живших и умерших в Нарнии в древние времена, и ему представилось, что никто из них не был столь несчастлив. Он вспомнил историю прадеда своего прадеда, короля Рилиана, как того умыкнула ведьма, когда был он юным королевичем, и как многие годы томился он в темных подземельях в краю северных великанов. Но все в конце концов завершилось благополучно: из запредельного края вдруг явились двое, таинственные дети, и вызволили его, и он вернулся домой, в Нарнию, и правил долго и счастливо. «Не то что я»,— подумал Тириан. Потом он вспомнил историю отца Рилиана, короля Каспиана Мореплавателя, как его дядя, злой правитель Мираз, хотел убить его, а Каспиан бежал в леса и жил среди гномов. Но и тогда все кончилось хорошо, и помогли Каспиану опять же дети — только было их не двое, а четверо,— и они тоже прибыли из-за пределов мира, и была великая битва, и король взошел на престол своего отца. «Но все это было так давно,— подумал Тириан,— в наши дни такого не бывает». Затем он вспомнил (недаром в детстве он не отлынивал от уроков истории), что те же четверо, помогших Каспиану, явились в Нарнию более чем за тысячу лет до того; и тогда они победили ужасную Бледную Ведьмарку, и кончилась Вековечная Зима, и после этого они восседали (все четве-

ро вместе) на престолах в Кэйр-Паравеле, уже не дети, но великие короли и прекрасные королевы, и время их правления было Золотым Веком Нарнии. И Эслан являлся тогда не единожды. Он являлся и в другие времена, как теперь вспомнил Тириан. «Эслан — и дети из другого мира, — думал Тириан, — они всегда приходили, когда дела обстояли хуже некуда. О, если бы они пришли сейчас!»

И он воззвал:

— Эслан! Эслан! Эслан! Приди и помоги нам ныне.

Однако мрак, холод и безмолвие не отступили.

— Пусть я ногибну! — вскричал король. — Я забочусь не о себе. Придите и спасите Нарнию!

И вновь ничто не изменилось в ночном лесу, однако что-то стало преображаться в самом Тириане. Сам не зная отчего, он почувствовал слабую надежду. И надежда росла.

— О Эслан, Эслан, — шептал он. — Если ты не придешь сам, пошли мне помощников из иного мира. Или позволь мне воззвать к ним самому. Пусть мой зов проникнет миры, — и вдруг, не вполне сознавая, что делает, он вскричал в голос: — Дети! Дети! Друзья Нарнии! Поспешите! Придите ко мне. Через границы миров я взываю к вам, я, Тириан, король Нарнии, государь Кэйр-Паравела, Император Одиноких островов!

И тут же впал в сон (если то был сон), самый живой из всех в его жизни.

Как будто он попал в освещенную комнату, и там за столом сидели семеро. Они, похоже, только что отужинали. Двое людей весьма пожилых — седобородый старец и старая дама с мудрыми, веселыми, яркими глазами. По правую руку от старца сидел молодой человек, явно моложе самого Тириана, но лицо его было лицом короля и воина. То же самое можно сказать и о юноше по правую руку от старой дамы. Прямо против Тириана сидела светловолосая дева помладше, а по обе стороны от нее парнишка и девица — совсем дети. И одеяния на этих людях были необычные...

Тириан не успел разглядеть и обдумать прочие подробности — трое, сидевших прямо перед ним, вскочили на ноги, кто-то из них слабо вскрикнул. Старая дама резко вздохнула и попыталась приподняться с места. Старец взмахнул рукой и, очевидно, задел стакан на краю стола: Тириану слышен был звон стекла, разбивающегося об пол.

И тут он понял: люди видят его, видят как призрака. И заметил, что юноша с лицом короля, сидящий по правую руку от старца, не дрогнул (хотя и побледнел), только рука его сжалась в кулак. И тот юноша сказал:

— Говори! Если ты не тень, если не привидение — говори. Ты похож на нарнианца, а мы семеро — друзья Нарнии.

И Тириан начал говорить, а потом и во всю мочь кричать, что он — король нарнианский, что ему нужна помощь. Хотя почти сразу стало понятно (так бывает в сновидениях), что голос его беззвучен и неслышен.

Тот же, первый, кто обратился к нему, поднялся во весь рост.

— Тень ты или дух, или кто еще,— произнес он, глядя прямо в глаза Тириану,— если ты из Нарнии, заклинаю тебя именем Эслана, ответь мне. Ибо я — Питер, верховный король.

Комната поплыла перед глазами Тириана. Голоса людей, заговоривших разом, стали удаляться, но все же он расслышал отдельные слова: «Смотри! Исчезает», «Растаял», «Исчез».

Тириан очнулся. Совсем окоченевший, обессиленный, по-прежнему привязанный к дереву. Лес полнился бледной, унылой предрассветной сутемью, одежда набухла росой; близилось утро.

Худшего пробуждения не было в его жизни.

Глава 5
На помощь королю

Но терпеть ему осталось недолго. Что-то грохнуло, ухнуло, потом еще раз — и пред ним предстали двое. Явились ниоткуда — только что никого на этом месте не было, лишь пустынный лес, и никак не могли они выйти из-за дерева, к которому он был привязан,— он услышал бы. И одеты в те же странные темные одеяния, что и люди в его сновидении,— это он отметил сразу, и только потому узнал младших из семи, мальчика и девочку.

— Черт побери! — воскликнул мальчик.— Дух захватило! Я думал, это...

— Быстрее! — сказала девочка.— Развяжи его. Успеем поговорить,— и добавила, обратившись к Тириану: — Про-

шу прощения, мы задержались. Но отправились мы, как только смогли.

Тем временем парнишка вынул из кармана нож и стал резать путы, удерживавшие короля. Когда был обрезан последний виток веревки, Тириан рухнул на колени и унерся руками в землю — столь обессилел он и окоченел. Ноги потихоньку начали оживать только после того, как их хорошенько растерли.

— Послушайте,— спросила девочка,— это вы явились нам тогда, вечером, когда мы ужинали? Неделю назад.

— Вы сказали, неделю, прекрасная дева? — удивился Тириан.— Я побывал в вашем мире во сне, и с тех пор прошло минут десять.

— Опять эта путаница со временем,— буркнул парнишка.

— Да, я помню,— молвил Тириан.— Об этом говорится во всех древних преданиях. Время в вашем странном мире отличается от нашего. Но, кстати, о времени, самое время нам убраться отсюда — враги мои рядом, рукой подать. Вы идете со мной?

— Конечно,— сказала девочка.— Мы затем и прибыли, чтобы помочь вам.

Тириан повел вниз по южному склону холма, подальше от хлева. Куда им надо попасть, он знал прекрасно, но прежде всего необходимо пройтись по скалам и каменным россыпям, чтобы на земле не осталось зримых следов, а потом — по воде, чтобы отбить запах. На это потребовалось не меньше часа — продирались сквозь заросли, переходили вброд ручьи, и на разговоры просто не хватало дыхания. Однако Тириан время от времени украдкой разглядывал своих спутников. Идти рядом с существами из иного мира, разве это не удивительно? Король был ошеломлен, и древние предания теперь казались ему куда более правдивыми, чем прежде... Что-то будет дальше?

— Ну вот,— молвил король, остановившись на краю небольшого распадка, окаймленного молодым березняком,— здесь нам уже ничто не грозит, можно больше не спешить.

Солнце взошло, на каждом листочке мерцали капли росы, птицы пели.

— А как насчет заморить червячка? Я имею в виду вас, сударь, мы-то уже пошамали,— сказал мальчик.

Тириан сперва не понял, о каком таком червяке идет речь, но когда парнишка добыл из своего битком набитого ранца сильно замасленный мятый пакет, король догадался. И он сразу почувствовал зверский голод, которого прежде просто не замечал. В пакете оказались два бутерброда с яйцом вкрутую, два бутерброда с сыром и два с какой-то намазкой. Не будь он столь голоден, он как следует распробовал бы эту самую намазку — такого в Нарнии никто никогда не едал. Король успел сжевать все шесть бутербродов, пока спускались в долину; там остановились возле замшелого утеса, из-под которого изливалась живая вода родника, напились и омыли разгоряченные лица.

— А теперь,— сказала девочка, отбросив со лба намокшие пряди волос,— может быть, вы нам расскажете, кто вы такой, почему вас привязали к дереву, и вообще, что тут творится?

— Непременно расскажу,— отвечал Тириан.— Но мы должны идти дальше,— и на ходу он поведал им все, что с ним случилось.— А сейчас,— завершил Тириан свой рассказ,— мы идем к одной из трех башен, построенных одним из моих царственных предков, чтобы защитить Фонарное урочище от некоего разбойника, объявленного вне закона. Этот разбойник бесчинствовал здесь в старые годы. Слава Эслану, ключи у меня не отняли. В той башне найдется оружие, доспехи и кое-какое пропитание, хотя бы сухари. Там в безопасности мы обсудим, что делать дальше. А теперь, будьте добры, сообщите мне о себе, кто вы и откуда?

— Я — Юстейс Скрабб, по прозвищу Бяка, а это — Джил Поул,— отвечал мальчик.— И мы уже побывали здесь однажды, правда, давным-давно, а по нашему времени — больше года тому назад. Был тут такой королевич Рилиан, его заточили в подземелье, а лягва-мокроступ...

— Вот оно что! — воскликнул Тириан.— Вы — те самые Юстейс и Джил, которые спасли короля Рилиана от многолетнего заклятья?

— Да, это мы,— кивнула Джил.— А Рилиан теперь уже король? Да нет, конечно! Он был королем. Я запуталась...

— Да, был. Я его потомок в седьмом колене. Он умер более двухсот лет назад.

Джил побледнела.

— Ох! Вот что ужасно при возвращении в Нарнию.

Тут вмешался Юстейс:

— Теперь вам известно, кто мы такие, ваше величество. А в тот вечер мы все, друзья Нарнии, собрались вместе, потому что профессор и тетя Полли пригласили нас...

— Кто это? Я не знаю этих имен...

— Да ведь они оказались в Нарнии как раз в самом начале, в тот день, когда животные обрели дар речи.

— Клянусь гривой Льва! — вскричал король. — Неужели те самые господин Дигори и госпожа Полли, видевшие зарю мира? И они все еще живы? Вот радость! Вот чудо! Но рассказывайте, рассказывайте.

— На самом деле, — сказал Юстейс, — тетя Полли нам не родная тетка, просто мы ее привыкли так называть. И они с профессором собрали всех нас, чтобы посидеть, поболтать между собой про Нарнию (а то с кем еще мы можем поговорить об этом?), но у профессора было такое предчувствие, что мы еще понадобимся здесь. Ну вот, и когда вы явились, как призрак или бог его знает кто, напугали до полусмерти и исчезли, не сказав ни слова, тут мы и поняли: что-то случилось! Только вот призадумались: как нам к вам попасть? По своему хотению сюда не попадешь. Судили мы, рядили и наконец профессор сказал, что единственная возможность — волшебные кольца. Те самые кольца, которые перенесли его с тетей Полли сюда, когда они были детьми, а это было так давно, что мы тогда еще и не родились. А кольца были зарыты в саду возле дома в Лондоне (это, ваше величество, такой гóрод), а дом был продан. Ну и как же добраться до них? Вы никогда не догадаетесь, что мы в конце концов придумали! Питер с Эдмундом — тот, что говорил с вами, он и есть верховный король Питер, — поехали в Лондон, вошли в сад через заднюю калитку рано-рано утром, пока людей еще не было. Оделись они как рабочие, чтобы все думали, будто они просто ремонтируют водопровод. Жаль, меня с собой не взяли: вот, наверное, была бы потеха. И у них, похоже, все получилось, потому что на следующий день Питер прислал телеграмму — это, ваше величество, что-то вроде письма, я потом объясню, — и сообщил, что кольца у него. А назавтра нам с Поул возвращаться в школу — мы, двое, все еще учимся в школе, в одной и той же. Ну вот, Питер с Эдмундом должны были встретить нас по пути в школу и передать кольца. Потому что только мы

можем попасть в Нарнию, понимаете, потому что остальные уже взрослые. Ну вот, сели мы в поезд — это такая штука, в которой у нас возят людей, вроде как цепочка экипажей, — а профессор, тетя Полли и Люси поехали с нами. Нам хотелось до последнего быть вместе. Ну вот, едем мы в поезде. И уже подъезжаем к нашей станции — я даже выглянул из окна посмотреть, там ли Питер с Эдмундом, — а тут вдруг ужасный удар и грохот, и вот мы оказались в Нарнии прямо перед вашим величеством, привязанным к дереву.

— И кольцами не воспользовались? — спросил Тириан.

— Нет, — помотал головой Юстейс. — Мы их даже не видели. Эслан устроил все без всяких там колец.

— Значит, кольца остались у верховного короля Питера? — продолжил Тириан.

— Угу, — подтвердила Джил. — Только им кольца не сгодятся. Потому что, когда Певенси — я говорю о короле Эдмунде и о королеве Люси — попали сюда в последний раз, Эслан сказал, что они больше никогда не вернутся в Нарнию. А верховному королю он сообщил об этом еще раньше. Можете быть уверены, если бы Питеру разрешили, он стрелой примчался бы сюда.

— Черт возьми! — проворчал Бяка. — Солнце-то припекает. Далеко еще, ваше величество?

— Погляди, — ответил Тириан; совсем неподалеку над макушками деревьев маячили каменные зубцы сторожевой башни.

Через несколько минут путники вышли на поросшую травой поляну; там, за ручьем, стояла приземистая квадратная башня с узкими окнами-бойницами и одной-единственной мощной дверью.

Тириан, сторожко оглядевшись, удостоверился, что врагов не предвидится. Потом подошел к башенной двери и выудил из-под своей охотничьей туники связку ключей на тонкой серебряной цепочке. Удивительные то были ключи: два золотых и множество богато украшенных ключиков, понятное дело — от парадных и тайных дворцовых палат или от сундуков и шкатулок из пряно пахнущей древесины, в которых хранятся королевские сокровища. Но ключ, вставленный в замочную скважину этой двери, был больше и выкован грубее остальных. Ключ заело, на мгновение Тириану показа-

лось, что замок вовсе не откроется. Но бородка все-таки повернулась, и дверь с угрюмым скрипом отворилась.

— Милости просим, друзья, — сказал Тириан. — Боюсь, это — лучшее, что король Нарнии может сегодня предложить своим гостям.

Они же отвечали, что, мол, пустяки, все их вполне устраивает, все, мол, хорошо. Пришельцы имели понятие о приличиях, и Тириану это понравилось.

На самом-то деле ничего хорошего внутри башни не было. Только полумрак да сырость, да ведущая на сторожевую площадку деревянная лестница от пола до люка в каменном своде. Вдоль стен стояли грубо сколоченные скамьи, служившие кроватями, множество шкафов, лежали какие-то тюки. Имелся очаг, в котором, очевидно, много-много лет не разводили огонь.

— Может, наберем хвороста? — спросила Джил.

— Не спеши, дружок, — отвечал Тириан. Он понимал, что враги не должны застать их врасплох, безоружными, и начал искать по шкафам, похваливая себя за предусмотрительность: ежегодно он проверял сторожевые башни, запасено ли в них все необходимое — тетивы, завернутые в промасленный шелк, мечи и копья, тоже смазанные от ржавчины, и все прочие воинские доспехи, чтоб не потускнели. Нашлось и кое-что сверх необходимого. — Поглядите-ка! — сказал Тириан, распялив на руках длинную кольчужную рубаху, засверкавшую напоказ.

— Совсем как рыбья чешуя, — удивился Юстейс.

— Вот именно, — сказал Тириан. — Ковали ее не нарнианские гномы. Кольчуга эта чужеземной работы, калорменская. Я запасся такими кольчугами, чтоб в любое время, как понадобится, я или кто-нибудь из моих друзей могли без препон пройтись по владениям тисрока. А еще обратите внимание вот на эту каменную бутыль. В ней особый бальзам: натрешься им и станешь смуглым, как калормепец.

— Ура! — закричала Джил. — Маскарад! Я ужас как люблю маскарады!

Взяв немного мази на ладонь, Тириан показал, как втирать бальзам в лицо и шею до самых плеч, а потом и в руки до локтей. И сам проделал то же.

— Когда бальзам впитается, — пояснил он, — простой водой его уже не отмоешь. Нужно растворить пепел в масле —

и мы снова станем белыми нарнианцами. А теперь, милая Джил, изволь примерить кольчугу. Она немного великовата, но не настолько, как я боялся. Скорее всего, это кольчуга пажа из свиты какого-нибудь таркаана.

Кроме кольчуг, надели калорменские шлемы, круглые, облегающие голову и с острыми навершиями. Потом Тириан достал из шкафа длинные полосы белой материи и намотал их поверх шлемов в виде тюрбанов, так что из середины торчала только самая маковка стального навершия. Они с Юстейсом вооружились кривыми калорменскими мечами-ятаганами и маленькими круглыми щитами-тарчами. Для Джил подходящего клинка не нашлось, но Тириан отыскал для нее длинный прямой охотничий нож, который вполне мог заменить меч.

— Умеешь ли ты стрелять из лука, дева? — спросил Тириан.

— Да нет, какое там,— Джил махнула рукой и покраснела.— Вот Бяка, он — да!

— Не верьте ей,— сказал Юстейс.— Мы, как вернулись из Нарнии, занялись стрельбой по мишеням, и теперь она бьет не хуже меня. Хотя оба мы не очень-то...

Тириан вручил девочке лук и колчан со стрелами. После этого решили заняться очагом (в башне было как в пещере, мрачно и знобко), успели согреться, собирая дрова (солнце уже стояло в зените), а когда пламя загудело в трубе, и вовсе повеселели. Обед, правда, оказался скуден — ничего, кроме фунта черствых сухарей, не нашлось; их растолкли и засыпали в кипящую воду. И другого питья, кроме воды, тоже не было.

— Жаль, не прихватили мы из дома пачку чая,— сказала Джил.

— Или банку какао,— добавил Юстейс.

— Припасти по бочонку доброго вина в каждой из трех башен — вот что надо бы сделать,— сказал Тириан.

Глава 6
Ночная вылазка

Часа через четыре Тириан наконец улегся на одну из скамей для краткого сна. Гости давно уже посапывали: он заставил их лечь пораньше, потому что ночь предстояла беспокойная, а в их возрасте трудно жить не выспавшись. Он

же сам и утомил их за день. Сперва дал урок стрельбы из лука Джил и обнаружил: девочка и вправду неплохо владеет луком. Она подстрелила кролика, не говорящего, конечно (в западной Нарнии в изобилии водились обыкновенные кролики), освежевала его, выпотрошила, а тушку подвесила. Так обнаружилось, что детям привычна и эта черная, неприятная работа, которой они обучились в походе по Великогорью во времена королевича Рилиана. Затем Тириан преподал Юстейсу урок битвы на мечах со щитом. Юстейс, уже не раз бывавший в Нарнии, прилично владел прямым нарнианским клинком, но понятия не имел о кривом калорменском ятагане. Пришлось потрудиться, потому что многие приемы боя оказались совершенно новыми, а переучиваться всегда труднее, чем учиться. Однако, по мнению Тириана, у парня от природы зоркий глаз и быстрые ноги. Удивила же короля сила и выносливость, выказанная этими детьми, — за несколько часов после прибытия они зримо окрепли и повзрослели. (Таково влияние нарнианского воздуха на пришельцев из нашего мира.)

Затем втроем составили план дальнейших действий: первым делом необходимо было вернуться на Хлевхольм и попытаться вызволить единорога. Если это удастся, надо идти на восток, навстречу отряду, который кентавр Рунвит должен собрать в Кэйр-Паравеле.

Тириан, как всякий бывалый воин и охотник, умел просыпаться точно в назначенное время. Приказав себе проснуться в девять часов вечера, он выкинул из головы все заботы и тут же заснул. Через мгновение (так ему показалось) пробудился, но сразу понял, что точно в срок. Встал, надел шлем с тюрбаном (а спал он прямо в кольчуге), затем растормошил гостей. По правде говоря, разбуженные не выказали по этому случаю ни радости, ни благодарности, а только зевали.

— Пора, — сказал Тириан. — В путь на север. Ночь сегодня на удачу звездная, и обратная дорога будет короче — утром мы дали крюка, а сейчас пойдем напрямую. Если нас остановят, ваше дело — молчать, а я постараюсь изобразить из себя самого ужасного, самого жестокого и спесивого калорменского военачальника. Если я обнажу меч, значит, ты, Юстейс, делай то же, а ты, Джил, держись позади, а лук — наготове. Но если я крикну: «Домой!», оба бегите без оглядки

сюда, к башне. После сигнала к отступлению не вздумайте продолжать бой — из-за подобной ложно понятой доблести не раз рушились лучшие планы. А теперь, друзья, во имя Эслана — вперед!

И они вышли в холодную ночь. Огромные северные звезды сверкали над лесом. Звезду, указующую на север, в Нарнии именовали Рожном, и была она ярче нашей Полярной.

Некоторое время шли прямо на Рожон, потом путь им преградила такая чащоба, что пришлось двинуться в обход, а пока обходили, потеряли направление — за густыми кронами никак не могли отыскать путеводную звезду. Дорогу нашла, кстати сказать, именно Джил — теперь она уже не путала стороны света, в своем мире стала отличным следопытом, а нарнианское ночное небо изучила пазубок во время похода по диким северным землям, поэтому ей ничего не стоило определиться по другим звездам, когда Рожна не стало видно. Тириан, убедившись, что из них троих она — лучший вожатый, пустил ее первой и немало удивлялся, как легко, почти бесшумно она движется.

— Клянусь гривой,— шепнул он Юстейсу,— эта девица — дивная лесная дева. Да будь она родом из дриад, поступь ее не стала бы легче.

— Просто она еще маленькая,— шепнул в ответ Юстейс.

Но тут, оглянувшись, вмешалась Джил:

— Тсс, тише вы...

В лесу было тихо. Даже слишком тихо. Нарнианская ночь никогда не бывала совершенно безмолвной — то встречный еж весело поздоровается: «Доброй ночи», то филин заухает, то донесется издалека флейта — значит, где-то танцуют фавны, то послышится приглушенный стук да бряк из-под земли — там трудятся гномы. Но этой ночью все молчало: тьма и страх владели Нарнией.

Но вот уже и крутой склон, вот и безлесная вершина холма, там должен быть хлев. Джил подвигалась вперед все осторожнее и подавала другим знаки следовать ее примеру. Вдруг девочка замерла на месте, и даже Тириан едва успел заметить, как она скользнула в траву и бесшумно исчезла. Вскоре так же бесшумно она появилась и тихо-тихо шепнула на ухо королю:

— Ляг и шмотри вон туда.

Девочка произнесла «шмотри» не потому, что шепелявила от природы, а потому что знала: свистящее «с» — самый слышимый звук при шепоте. Тириан тут же пал в траву, впрочем, не так бесшумно, как Джил,— все-таки был он и старше, и грузнее. Вершина Хлевхольма чернела на фоне усеянного звездами неба. Постепенно стали различимы две тени: одна из них — хлев, другая, в нескольких шагах,— сторож-калорменец. Сторож был никудышный: не ходил взад-вперед, даже не стоял, как положено на часах, а сидел, оперев копье о плечо, а голову свесив на грудь.

— Молодец! — похвалил Тириан девочку; теперь он знал, что делать.

Встали и двинулись дальше; Тириан — впереди. Тихо-тихо, не дыша, прокрались до последней купы деревьев, шагах в сорока от хлева.

— Ждите здесь,— шепнул король.— Если у меня сорвется, бегите.

И вот, уже не скрываясь, он двинулся прямо к сторожу. Тот не вдруг заметил Тириана, а когда заметил — дернулся, хотел вскочить на ноги: испугался, приняв Тириана за свое калорменское начальство, которое устроит ему выволочку — не сиди, не дремли на посту. Однако встать не успел. Тириан пал на одно колено перед ним, говоря:

— Зрят ли очи мои воина тисрока, да живет он вечно? Возликовало сердце мое, встретив тебя среди сих зверей и диаволов нарнианских. Дай мне твою руку, соратник.

И не успел калорменец опомниться, правая рука его попала будто в тиски. Рывок — сторож пал на колени, а горла его коснулось острие кинжала.

— Только пискни, и ты — мертвец,— шепнул Тириан ему на ухо.— Скажешь, где единорог, дарую жизнь.

— По-позади хи-хижины, о по-повелитель,— бедный страж с испугу стал заикаться.

— Прекрасно. Вставай и веди меня.

Калорменец поднялся, ледяное острие кинжала по-прежнему щекотало ему горло, только сместилось чуть ближе к уху, поскольку Тириан теперь шел сзади. Трепеща от страха, калорменец обошел хлев.

Даже в ночной темноте нетрудно было разглядеть белый бок Брильянта.

— Тихо! — шепнул король.— Ни слова, ни звука, дружище Брильянт. Это — я. Вы связаны?

— Да, стреножен и привязан к кольцу в стене,— послышался голос единорога.

— Ну-ка, страж, стань спиной к стене. Вот так. А вы, Брильянт, упритесь-ка рогом ему в грудь.

— С удовольствием, ваше величество,— сказал Брильянт.

— Шевельнется — бодайте,— и Тириан в два счета перерезал путы, а обрывками веревок повязал сторожа по рукам и ногам. После чего заставил его раскрыть рот пошире, забил травой да к тому же подвязал подбородок так, чтобы человек даже мычать не мог, и наконец усадил наземь, прислонив к стене.

— Я несколько грубо обошелся с тобой, копьеносец,— молвил Тириан.— Что поделаешь — необходимость! При нашей следующей встрече, полагаю, тебе это зачтется. А теперь, Брильянт, пошли потихоньку.

Левой рукой он обнял единорога за шею и поцеловал в нос; друзья были безмерно счастливы. Стараясь не шуметь, они двинулись назад, к деревьям, под которыми густела такая тьма, что сослепу они едва не натолкнулись на Юстейса.

— Все хорошо,— шепнул Тириан.— Очень даже удачная ночная вылазка. Теперь — домой.

Они уже прошли несколько шагов вниз по склону, когда Юстейс тихонько окликнул:

— Эй, ты где, Поул? — Ответа не последовало.— Разве Джил не с вами, ваше величество?

— Что? — Тириан остановился.— А разве она не с тобой?

Положение — хуже некуда. Кричать в голос нельзя, кликать можно только громким шепотом. И сколько ни кликали, ответа не дождались.

— Ушла, пока меня не было? — спросил Тириан.

— Я не видел и не слышал,— признался Юстейс.— Вы же знаете, она — тише кошки.

В этот момент вдалеке послышался рокот барабанов. Брильянт навострил уши.

— Гномы,— сказал он.

— Гномы всегда себе на уме — то ли враги, то ли друзья,— проворчал Тириан.

— А еще копыта, где-то совсем близко,— сказал Брильянт.

Два человека и единорог замерли. Столько всего произошло разом, что они растерялись. А копыта цокали все ближе. И вдруг из мрака послышалось:

— Эй! Вы тут?

Слава богу, то был голосок Джил.

— Куда тебя черти носили? — прошипел Бяка; он по-настоящему за нее испугался.

— В хлев носили,— проговорила Джил каким-то придушенным голосом; на самом деле ее душил смех.

— Ага,— чуть ли не прорычал Юстейс,— ты думаешь, очень смешно, да? А я тебе вот что скажу...

— Вы нашли единорога, государь? — Джил отвернулась от Бяки.

— Да. Он здесь. А это что за зверь с тобой?

— А это он самый и есть,— отвечала Джил.— Но пойдемте отсюда, пока никто еще не проснулся,— и она снова прыснула в кулак.

Спорить не стали, они и так уже слишком задержались в этом опасном месте, а барабаны гномов рокотали все ближе. Несколько минут молча спускались по южному склону Хлевхольма, как вдруг Юстейс сообразил:

— Он самый — это кто? — спросил он.

— Лже-Эслан,— ответила Джил.

— Кто? — вскричал Тириан.— Где ты была, дева? Что ты натворила?

— Да ничего особенного, ваше величество,— хихикнула Джил.— Я видела, как вы убрали часового, ну и подумала, что стоит, наверное, заглянуть в хлев,— что там внутри? Вот я и поползла. Засов отодвинуть — пара пустяков. А внутри тьма тьмущая, но пахнет, как в хлеву. Тогда я зажгла спичку, и...— вы ни за что не поверите! — там никого не оказалось, кроме старого ишака в львиной шкуре. Ну, я пригрозила ему ножом и говорю: пойдешь со мной. На самом деле можно было и не грозить. Он сыт по горло этим сараем и с радостью из него удрал — ведь правда, милый мой Глуп?

— Черт побери! — Юстейс хлопнул себя по лбу.— А я, как последний дурак, разозлился на тебя! Я-то думал, ты просто сбежала. А ты... нет, я должен признать... то, что ты сделала, это здорово! Если бы она была мальчишкой, ваше величество, ее можно было бы посвятить в рыцари, правда?

— Не будь она девочка,— ответствовал Тириан,— ее следовало бы выпороть розгами за нарушение дисциплины,— в темноте невозможно было разглядеть, сказано то было серьезно или с улыбкой. Но вслед за словами звякнула сталь.

— Что вы делаете, государь? — голос единорога резко прозвучал в тишине. Тириан ответил, и его голос был страшен:

— Собираюсь отсечь голову проклятому ишаку! Отойди-ка в сторонку, дева.

— Ой, не надо, не делайте этого, государь,— взмолилась Джил.— Нет, правда, не надо. Он не виноват. Это все обезьяна, Глум, Обезьяныч. А Глуп, он ничего не знал. Он просит прощения. Он хороший ишак. Хотя и зовут его Глуп. И я, между прочим, обнимаю его за шею.

— Джил,— сказал Тириан,— ты храбрее и мудрее любого из моих подданных, но ты же самая своевольная и дерзкая. Будь по-твоему, я дарую ишаку жизнь. Что ты можешь сказать, осел?

— Я? — послышался голос ишака.— Простите... извините... я, наверное, что-то не так... Потому что Обезьяныч сказал, что Эслан желает, чтоб я надел эту шкуру. Я и подумал, что Глуму виднее. Потому что он умный. Потому что я-то не такой умный. Вот я и сделал, как мне было сказано. Только мне в хлеву тоже было невесело. Потому что я ничего не знал, что там делается снаружи. Потому что мне не разрешали выходить, разве только на минутку ночью. И по несколько дней не приносили воды.

— Государь,— сказал Брильянт.— Гномы совсем рядом. Покажемся ли мы им?

Тириан на мгновение задумался и вдруг расхохотался во весь голос. И сказал, на сей раз не шепотом:

— Лев видит, я становлюсь тугодумом! Покажемся ли мы им? Разумеется! Теперь мы всем покажемся! Теперь с нами ишак, вот кто им покажется. Полюбуйтесь, мол, вот кого вы боялись, вот кому поклонялись! Пусть все узнают правду о гнусном обезьяньем обмане. Все открылось. Все вошло в свое русло. Завтра мы повесим клятого Обезьяныча на самом высоком дереве Нарнии. Больше нам не нужно шептаться, прятаться и маскироваться. Где они, мои честные гномы? У меня для них добрая весть.

После многочасового молчания и разговоров вполголоса первое нормально сказанное слово действует чудесным образом. Все вдруг заговорили, засмеялись; даже Глуп впервые за много дней сделал то, что Обезьяныч ему строго-настрого запрещал: поднял голову и заревел: «Иа-иа! иа-иа! иа-иа!» Отряд двинулся навстречу барабанам. Бой их становился все громче, а в скором времени показались и факелы. Впереди пролегала одна из неторных дорог, пересекавших Фонарное урочище — у нас, в Англии, такое за дорогу не почитается. Три десятка гномов вышагивали попарно; у каждого — лопата и мотыга на плече. Двое вооруженных калорменцев шли впереди колонны, двое замыкали ее.

— Стойте! — вскричал Тириан громовым голосом, став у них на пути.— Стойте! Куда вы, ратники, ведете этих нарнианских гномов и по чьему приказу?

Глава 7
Гномы

Калорменские ратники, шедшие во главе колонны, приняли Тириана то ли за таркаана, то ли за вельможу с двумя оруженосцами. Став по стойке «смирно», они приветственно подъяли копья.

— О, повелитель,— доложил один из них,— мы ведем этих недомерков в Калормен, дабы трудились они в шахтах тисрока, да живет он вечно.

— Клянусь великим богом Ташем, что-то они слишком смирные,— молвил Тириан, пристально разглядывая гномов. Каждый шестой в колонне нес факел, и в неверном свете виднелись заросшие бородами лица; глаза мрачно и злобно поблескивали.— Эй, гномы, разве тисрок выиграл великую битву и силой взял ваши земли? — вопрошал король Нарнии.— Не потому ли вы столь покорно идете умирать в соляных копях Паграхана?

Ратники удивленно уставились на него, а гномы нестройно ответили:

— Такова воля Эслана... Эслан велел... продал нас... а мы что можем?..

— Но тисрок нам не указ,— добавил кто-то.— Плевать на него!

— Молчать, собака! — заорал ратник.

— Поглядите-ка на это! — сказал Тириан, подтолкнув Глупа поближе к свету.— Вас обманули. Эслан вовсе не приходил в Нарнию. Вас надула обезьяна. А в сарае сидел вот кто. Вот, смотрите.

И впервые разглядев вблизи то, что видели издали, гномы удивились, как это они обмишулились. Покуда Глуп сидел в хлеву, шкура поизносилась, а пока ишак продирался в темноте по лесу, и вовсе порвалась, вся сбилась к плечам и набок, львиная же голова, наоборот, откинулась назад, так что из-под нее теперь с любопытством выглядывала глупая, бархатистая морда ишака с пучком травы во рту — по дороге он не забывал подкормиться. Теперь он стоял и бубнил:

— Глуп не виноват, Глуп, он глуп. И никогда не говорил, что Глуп — это Лев.

Гномы уставились на ишака, разинув рты; один из калорменцев воскликнул:

— Вы потеряли рассудок, о мой повелитель? Что вы делаете с рабами?

Другой подхватил:

— Да, и кто вы такой? — Копья угрожающе опустились.— Пароль! Назовите пароль!

— Вот мой пароль! — вскричал Тириан: — *«Заря воссияла, ложь сокрушилась!»* — И выхватил меч.— Защищайся, злодей, ибо я — Тириан, король Нарнии!

Он, как молния, обрушился на первого ратника. Юстейс (бледный как смерть, и не мне корить его за это) вслед за королем обнажил свой меч и бросился на второго. И ему повезло, как везет порой новичкам. Он забыл все, чему учил его Тириан, и ткнул ятаганом, не глядя (я не уверен, что при этом он и в самом деле не зажмурился), и вдруг, к своему собственному удивлению, обнаружил, что противник лежит мертвый у его ног. Вместо великого облегчения, Юстейса обуял ужас. Схватка короля продлилась чуть дольше; уложив своего противника, он крикнул Юстейсу:

— Там еще двое!

Однако гномы уже справились с оставшимися калорменцами. Враг был разбит.

— Великолепный удар, Юстейс! — воскликнул Тириан, хлопнув мальчика по плечу.— Эй, гномы, вы свободны. Завтра я поведу вас в бой за Нарнию. Да здравствует Эслан! Гип-гип, ура!

И тут произошло нечто невероятное. Пять или шесть гномов нестройно ответили слабым «ура» и тут же примолкли, кто-то что-то сумрачно пробурчал, большинство же просто промолчали.

— Вы что, не поняли? — возмутилась Джил. — Что с вами, гномы? Или вы не расслышали короля? Все кончилось. Обезьяна больше не правит Нарнией. Все будет по-прежнему. Такая радость, а вы недовольны.

После минутной паузы некий гном — не очень симпатичный, с черными, как смоль, волосами и бородой, сказал:

— А ты-то сама кем будешь, мамзель?

— Я — Джил. Та самая Джил, что спасла короля Рилиана от заклятья... А это — Юстейс, с которым мы были вместе. С тех прошли сотни лет, но мы вернулись... Нас послал Эслан.

Гномы переглядывались, усмехаясь — усмехаясь глумливо, а не весело.

— Ну и ну, — хмыкнул черноволосый (звали его Гриффел), — не знаю, как вы, братва, а я сыт этим Эсланом по горло, на всю жизнь.

— Верно, верно, — заворчали гномы. — Вранье. Опять вранье.

— Что это значит? — изумился Тириан. В схватке он был невозмутим, а тут изменился в лице, побледнел. И не мудрено: надеялся, что все уже кончилось, все хорошо, а оно продолжилось и стало похоже на дурной сон.

— А ты как думал? Мы что, по-твоему, совсем дураки безмозглые? — сказал Гриффел. — Нас уже надули разок, а ты, не сходя с места, хочешь надуть по второму. Нам больше ни к чему эти ваши россказни про Эслана, понял? Хватит, нагляделись! Вон он какой — старый осел с длинными ушами!

— Клянусь небом, вы меня с ума сведете, — вскричал Тириан. — Кто вам сказал, что он — Эслан? Это же обезьянья подделка. Разве не понятно?

— А твоя подделка, значит, получше будет? — скривился Гриффел. — Нет уж, благодарствуем. Один раз одурачили, другой не получится.

— Я служу истинному Эслану! — гневно вскричал Тириан.

— Да ну? А где же он? Кто он? Покажи нам его! — загалдели гномы.

— Дураки! Я что, в кармане его ношу, что ли, чтобы вынуть да показать? — ярился Тириан.— Кто я такой, чтобы Эслан являлся по моему слову? Он же не ручной Лев.

Сказал и тут же понял, какую совершил ошибку. Гномы насмешливо забубнили-запели дразнилку: «Не-ручной-он-Лев, не-ручной-он-Лев».

— Обезьяныч говорил слово в слово то же самое,— крикнул Гриффел.

— Значит, ты решил, что Эслана вообще нет? — удивилась Джил.— Но я-то видела его своими глазами. И он послал нас сюда из другого мира.

— Хе...— Гриффел ухмыльнулся.— Мало ли что ты скажешь. Это они тебе вдолбили? Вызубрила, да?

— Наглец! — Тириан разъярился.— Как ты смеешь обвинять даму во лжи?

— Придержи-ка язык, сударь,— отвечал гном.— Я так полагаю, что всякие там короли (может, ты и впрямь Тириан, только вовсе на него и не похож) нынче нам не больше нужны, чем всякие там Эсланы. Мы будем жить своим умом, никому не кланяясь, понятно?

— Правильно,— загудели остальные.— Сами собой будем жить. Долой Эсланов, долой королей, долой глупые сказки про другие миры. Гномы для гномов.

И они начали строиться в колонну, собираясь вернуться восвояси.

— Ах вы, мелкие твари! — крикнул Юстейс.— Вы что же, и спасибо не скажете за то, что вас избавили от соляных копей?

— Как бы не так! Будто мы не знаем,— бросил Гриффел через плечо.— Хотели использовать нас, вот и освободили. У вас своя игра, у нас — своя. Шагом марш, братва.

Гномы под бой барабанов грянули походную песнь, и утопали в ночь.

Тириан проводил их взглядом, а затем коротко молвил: «В путь»,— и отряд двинулся дальше.

Невесело им было. Ишака мучил стыд, хотя он так и не понял, что же с ним случилось. Джил была не в своей тарелке: она негодовала на гномов, и в то же время ее потрясла победа Юстейса над калорменцем. Сам же Юстейс никак не мог отдышаться после этой победы. Тириан и Брильянт шли замыкающими. Королевская рука лежала на холке единоро-

га, а тот время от времени тыкался бархатным носом в королевскую щеку. Они не искали утешения в словах. Да и не было таких слов. Ведь Тириан никак не мог предположить, что обезьяний Лже-Эслан порушит веру в Эслана истинного, король не сомневался, что гномы примут его сторону, едва узнают, как их обманули. Тириан рассчитывал: вот придут они следующей ночью на Хлевхольм, покажут Глупа животным, и нарнианцы восстанут на Глума; с калормэнцами, наверное, придется драться, но все кончится благополучно. Однако теперь эти планы казались неосуществимыми. Сколько еще нарнианцев, подобно гномам, сбились с дороги?

— Я думаю,— вдруг молвил Глуп,— кто-то за нами гонится.

Все остановились и прислушались. Действительно, позади слышался частый топот.

— Кто идет? — вопросил король.

— Это я, государь,— послышалось в ответ.— Я, Поджин, гном. Насилу улизнул от своих. Я на вашей стороне, государь, я — за Эслана. Если найдется подходящий меч, я с удовольствием буду биться за правое дело. До конца.

Все обрадовались пополнению, обступили гнома, хвалили и похлопывали по спине. Конечно, с прибытием одного-единственного гнома ничего не менялось, но и один гном — радость. Настроение улучшилось. Только Джил с Юстейсом взбодрились ненадолго, скоро их одолела зевота, они слишком устали, чтобы думать о чем-либо, кроме как о сне.

В самый знобкий час на исходе ночи отряд добрался до башни. Если бы еда была готова, они с удовольствием поели бы, но хлопотать и дожидаться — даже думать об этом не было сил. Напились воды из ручья, ополоснулись и завалились на скамьи — все, кроме Глупа и Брильянта, четвероногих; они же уверяли, что им лучше спится под открытым небом. И остальные не возражали — только единорога с растолстевшим ишаком не хватало в помещении, и без того довольно тесном.

Нарнианские гномы, даром что ростом не вышли, отличались особой выносливостью и силой. Поэтому Поджин — хотя предыдущие день и ночь дались ему не легче, чем остальным — проснулся раньше всех, взял лук Джил, вышел и добыл пару лесных голубей. Потом, сидя на пороге, ощипывал их и болтал с Брильянтом и Глупом. Ишак потихоньку

стал приходить в себя. Брильянт (а ведь единороги — благороднейшие и утонченнейшие из нарнианских животных) обращался с ним весьма любезно, и они сразу нашли общий язык: говорили о траве, о сахаре, об уходе за копытами. Когда, часу в десятом, позевывая и протирая глаза, из башни вышли Джил и Юстейс, гном показал им места, где росла в изобилии травка, по-нарниански называемая дикой свежаницей и похожая на нашу кислицу, только намного вкуснее. (В салате ее заправляют маслом и перцем, но ни того ни другого не имелось.) Тириан, взяв топор, нарубил в лесу веток для очага. И покуда на завтрак (или на обед, если вам так больше нравится) готовилось жаркое из голубятины со свежаницей — а готовилось оно ужасно долго, и чем вкуснее пахло, тем медленнее тянулось время,— король отыскал среди запасов полное вооружение для гнома: кольчугу, шлем, щит, меч, пояс и кинжал. Потом он осмотрел меч Юстейса и обнаружил, что тот вложил клинок в ножны, не отерев от крови убитого калорменца. Выбранив парня, король собственноручно очистил и подправил лезвие.

Все это время Джил болталась туда-сюда, то помешивая пищу в котле, то с завистью поглядывая на ишака и единорога: как те за милую душу уминают травку! Сколько раз за то утро она пожалела, что родилась не травоядной!

И вот, когда жаркое поспело, все вдруг ощутили, сколько сил потрачено на ожидание, и навалились на еду. И наелись до отвала. Потом три человека и гном уселись на пороге башни, четвероногие улеглись на травке перед ними, гном (испросив разрешения у каждого по очереди — от Джил до Тириана) закурил трубку, а король сказал:

— Ты, друг Поджин, наверняка знаешь о наших недругах больше нашего. Расскажи все, что тебе известно. И прежде всего, как они объяснили мое исчезновение?

— Хитро объяснили, государь, хитрее не придумаешь, — отвечал Поджин.— А все кот, Рыжий, он все придумал. Этот Рыжий, ваше величество, он пронырливее всех котов. Вот что он сказал. Будто шел он мимо дерева, к которому злодеи вас привязали, и будто вы — прошу простить меня — вопили, хулили и проклинали Эслана такими словами, что, как сказал он, «повторить язык не поворачивается». А сам-то сидел такой чопорный, такой приличный — вы же знаете, как умеют коты притворяться, когда им надобно. Ну вот. А

потом вдруг, как молния,— это кот говорит,— сам Эслан явился и проглотил ваше величество зараз и целиком. Ну, животные задрожали от страха, а некоторые так и вовсе с копыт долой. А Обезьяныч, Глум-то, и говорит. Вот, говорит, глядите, что Эслан делает с теми, кто его не уважает. Это всем вам урок. А бедные звери завизжали, заскулили, мол, да, да, это нам урок. Вот так и получилось, государь: никто не подумал, что вас спасли друзья; все только еще больше испугались и покорились Обезьянычу.

— Какая дьявольская игра! — вскричал Тириан.— Этот Рыжий, очевидно, ближайший подручный у обезьяны.

— Это еще вопрос, ваше величество, кто у кого теперь в подручных ходит,— ответил гном.— Обезьяныч-то напился пьяный. А во главе заговора, я думаю, стоят Рыжий да Ришда, военачальник калорменцев. И еще, я думаю, это Рыжий наговорил гномам, что во всем виноваты вы. И вот почему я так думаю. Потому что в самую полночь прошлой ночью у них была встреча. Я как раз шел домой да вдруг вспомнил, что забыл свою трубочку. Вот эту самую трубочку — старую да любимую. Ну, я и воротился за нею. Только до места не добрался еще (а тьма вокруг тьмущая), вдруг слышу, вроде кошачий мяв, а в ответ калорменец: «Здесь я... только потише»,— тут я и замер как вкопанный. Так вот, эти двое были Рыжий да таркаан Ришда, я сам слышал, как они друг друга называли. «Благородный таркаан,— это кот говорит, и голосок у него такой шелковый,— я,— говорит,— хотел бы знать точно, что мы имели в виду, когда утверждали, что Эслан не больше, чем Таш?» «А я нисколько не сомневаюсь,— отвечал ему калорменец,— что тебе, о проницательнейший из котов, не хуже моего то ведомо». «То есть,— сказал Рыжий,— это значит, что нет и не было ни того ни другого». «Именно так,— сказал таркаан,— и для просвещенных это не новость». «Стало быть, мы понимаем друг друга,— промурлыкал кот.— Вам тоже надоела эта обезьяна?» «Глупая, жадная, грубая тварь,— отвечал таркаан.— Но до времени он нам нужен. Наше дело, чтобы все оставалось в тайне, и чтоб Обезьяныч исполнял нашу волю». «А еще лучше,— сказал Рыжий,— приглашать наиболее просвещенных нарнианцев к нам в советники: по одному и только тех, кого мы сочтем достойными. Потому что те, кто вправду верит в Эслана, в любой миг могут от нас отвернуться —

стоит только Обезьянычу выдать свою тайну. Но те, кому наплевать и на Таша, и на Эслана, кто знает свою выгоду и ждет награды от тисрока, когда Нарния войдет в состав Калормена, они останутся с нами». «Да будет так, о лучший из наилучших котов, — сказал таркаан. — Но при отборе следует быть осмотрительным».

Гном рассказывал, а между тем вокруг все как-то переменилось. Когда садились на порог, пригревало солнце. А теперь ишак дрожал мелкой дрожью. Брильянт понурил голову. Джил, оглядевшись, сказала:

— Солнце спряталось.

— И почему-то холодно, — подтвердил Глуп.

— Клянусь львом, и вправду похолодало! — откликнулся Тириан, грея дыханием руки. — А еще какая-то вонь! Уф!

— Тьфу! — Зажал нос Юстейс. — Похоже на мертвечину. Может, дохлая птица? Только почему мы не чуяли прежде?

Вдруг Брильянт, вскочив на ноги, развернулся на месте и указал на что-то своим синим рогом.

— Смотрите! — вскричал он. — Смотрите, вон там! Видите?!

Все увидели, и лица их исказил невыразимый ужас.

Глава 8
Новости от орла

В тени деревьев на дальней стороне поляны что-то двигалось. Двигалось очень медленно, скользило на север. С первого взгляда это «что-то» можно было принять за клубы дыма, серые и полупрозрачные. Однако пахло не дымом, а трупной гнилью. Кроме того, это облако не клубилось, как дым, но сохраняло очертания грубого подобия человека; оно имело птичью голову — хищную, с изогнутым твердым клювом, а четыре руки, поднятые над головой, тянулись к северу, будто целясь схватить Нарнию, и скрюченные пальцы — все двадцать — завершались длинными кривыми клювообразными когтями. Там, где чудище проходило, скользя над травой, трава, казалось, вяла.

Глуп, увидев это, взревел дурным голосом и ринулся в башню. Джил (а она, как вы знаете, была не робкого десятка) закрыла лицо руками, чтобы ничего не видеть. Остальные же, не отрываясь, следили за этим существом, покуда

оно не утекло в лесную чащу. И снова солнце выглянуло, и птицы вновь запели.

Только после того, как тварь исчезла, к нашим героям вернулось дыхание и способность двигаться, а то сидели как окаменевшие.

— Что это было? — прошептал Юстейс.

— Однажды я видел что-то похожее, — сказал Тириан. — Но тогда оно было каменное, позолоченное, а вместо глаз — самоцветы. Тогда я был не старше тебя и гостил у тисрока в Ташбаане. Он повел меня в большой храм Таша. Там я и видел эту статую над алтарем.

— Это что же выходит? Это, выходит, был Таш?

Тириан, не ответив Юстейсу, обнял Джил за плечи:

— Как вы, сударыня?

— Ничего, — Джил отняла руки от бледного лица и попробовала улыбнуться. — Все в порядке. Просто мне стало немного дурно.

— Да, — молвил единорог, — похоже, это настоящий Таш.

— Угу, — согласился гном. — А дурак Обезьяныч в Таша не верил, и за это поплатится! Он Таша позвал — а Таш возьми да явись.

— А куда оно... он... эта штука ушла? — спросила Джил.

— На север, в сердце Нарнии, — отвечал Тириан. — И в Нарнии останется. Они призвали его, и он прибыл.

— О-го-го! — загоготал гном, потирая волосатые руки. — Вот подарочек Обезьянычу. А не призывай демонов, коль не ведаешь, что к чему.

— Кто знает, к обезьяне ли идет Таш, — заметил Брильянт.

— А где же Глуп? — спохватился Юстейс.

Все наперебой стали звать ишака, Джил даже обошла вокруг башни — нет ли его с той стороны. И уже устали искать его, как вдруг большая серая голова высунулась из дверного проема и спросила: «Оно ушло?», а когда наконец ишак поддался на уговоры и вышел, дрожал он, как собачонка перед грозой.

— Теперь я понимаю, — сказал Глуп, — каким негодным ишаком я был. Потому что я не должен был слушаться Глума. Но я же не знал, что так получится.

— Ты бы поменьше тратил времени на разговоры про свою глупость, а побольше на то, чтобы поумнеть, — глядишь, и стал бы... — начал Юстейс, но вмешалась Джил:

— Оставь в покое бедного старого Глупа. Ну, ошибся он, вот и все, правда же, милый Глуп? — И она поцеловала ишака в нос.

Виденное встревожило всех, и все же они снова уселись и продолжили разговор.

Брильянт мог сообщить немногое. Его привязали к задней стене хлева, и о планах врагов он ничего не слышал. Его били (впрочем, и он не оставался в долгу — лягался не без успеха) и грозились убить, если он не объявит, что вышедший из хлева при свете костра и есть истинный Эслан. Когда бы друзья не освободили его ночью, враги убили бы утром. А что сталось с барашком, он не знает.

Потом держали совет, идти ли к хлеву следующей ночью, предъявлять ли нарнианцам Глупа, чтоб все поняли, как их обманули, или лучше двинуться на восток, навстречу кентавру Рунвиту и его отряду из Кэйр-Паравела, а затем обрушиться на Обезьяныча и калорменцев. Тириан предпочел бы первое: сама мысль о том, что Глум продолжает глумиться над его подданными, пока он, король, медлит, была ему невыносима. С другой стороны, ночное происшествие с гномами настораживало. Неизвестно, как поведут себя обманутые животные, даже если им показать Глупа. К тому же, там вооруженные калорменцы. Поджин насчитал человек тридцать. Тириан не сомневался: когда бы все нарнианцы сплотились вокруг него, они с Брильянтом, с Юстейсом, Джил и Поджином (Глуп — не в счет) легко победили бы. Но что, если половина нарнианцев, включая всех гномов, будет сидеть сложа руки в сторонке? А если перейдут на сторону врага? Риск слишком велик. Кроме того, явление Таша — что бы оно могло значить?

Поджин сказал, что ничего страшного не случится, если Обезьяныча оставить в покое на день-другой: пусть изворачивается, как может, ведь Глуп исчез, и показывать некого. Какой ложью Глум — или Рыжий — смогут объяснить это? А ежели животные ночь за ночью будут требовать Эслана, а Эслан не явится, тут и самый последний болван почует неладное.

В конце концов решили: лучше идти навстречу Рунвиту.

Решили и сразу повеселели. Надо полагать, не потому, что страшились битвы (разве только Джил и Юстейс —

чуть-чуть), а потому, что в глубине души каждый хотел, пока возможно, держаться подальше от ужасной птицеголовой твари, которая, зримо или незримо, теперь пребывает на Хлевхольме. Так или иначе, но придя к согласию, все облегченно вздохнули.

Тириан решил, что с маскарадом пора кончать, иначе при встрече верные нарнианцы примут их за калорменцев и атакуют. Гном приготовил весьма противную на вид смесь из пепла и жира, которым смазывали мечи и копья. Сняли калорменские доспехи и пошли к ручью. Гадкая смесь пенилась лучше любого мыла, и Тириан с детьми, став на колени у воды, совсем по-домашнему мылили шеи, пыхтели, отдувались и брызгались пеной. К башне вернулись раскрасневшимися, сияющими, будто собрались в гости. На этот раз они вооружились нарнианскими прямыми мечами и треугольными щитами.

— Вот это по мне, — молвил Тириан. — Снова чувствую себя человеком.

Бедный Глуп долго упрашивал, чтобы с него сняли львиную шкуру: потому что в ней слишком жарко, неудобно ходить — все время елозит по спине, и потому, что в ней он выглядит ужасно глупо. С трудом его уговорили потерпеть еще пару дней — идут они навстречу Рунвиту, а все равно, быть может, понадобится показать ишака в таком виде другим обманутым животным.

Остатки жаркого брать с собой не имело смысла, прихватили только сухари. Тириан запер дверь башни, и они навсегда покинули это место.

Вышли в третьем часу пополудни, день был по-настоящему теплый — первый за всю весну. Молодые листочки со вчерашнего заметно подросли, подснежники отцвели, зато появились первоцветы. В лесу, насквозь пронизанном солнечными лучами, пели птицы и всюду журчали (хотя и не часто попадались на глаза) весенние ручьи. О таких ужасных тварях, как Таш, и вспоминать не хотелось. Джил и Юстейс наконец-то почувствовали себя в настоящей Нарнии. Даже у Тириана на сердце посветлело: он шагал впереди, напевая старинную походную песню с таким припевом:

Эй, барабан, бей, барабан,
Бей, барабан, эй!

Следом за ним топали Юстейс и Поджин. Гном называл деревья, цветы и птиц по-нарниански, а Юстейс в ответ — по-английски.

Следом шел Глуп, а за ним — Джил с Брильянтом бок о бок. Джил, можно сказать, влюбилась в единорога; ей казалось (и она была недалека от истины), что существа благороднее, деликатнее, изящнее она никогда не встречала; и просто не верилось, что столь предупредительный и ласковый зверь в битве бывает неукротим и ужасен.

— Как это приятно,— щебетала Джил,— вот так вот идти, идти, идти. Ах, если бы все походы были такими! А то почему-то в Нарнии все время что-то не так.

Единорог же ей объяснил, что она ошибается, что это они, дети Адама и Евы, всегда являлись в Нарнию, когда стране грозила опасность, но это еще не значит, будто здесь всегда и все не в порядке. Между их появлениями в Нарнии протекали сотни и тысячи мирных лет, когда за одним счастливым царствованием следовало другое, так что имена всех королей, не говоря уж о нумерованных тезках, невозможно запомнить, да и в хрониках о них не записано ничего интересного. И он стал рассказывать о древних королевах и героях, о которых Джил и слыхом не слыхивала. О королеве Белолебеди, что жила задолго до Бледной Ведьмарки и Вековечной Зимы, а была та королева столь дивно прекрасна, что поглядится, бывало, в лесное озерцо, и лик ее, подобный ночной звезде, останется сиять в зеркале вод на целый год и единый день. О Лунном зайце, столь чутком, что, будучи на озере Чан у гремящего водопада, мог он слышать, о чем шепчутся в Кэйр-Паравеле. О короле Буревое, потомке в девятом колене Фрэнка Искреннего — первого нарнианского короля,— как отправился оный Буревой в Восточное море, одолел дракона Одиноких островов и навеки присоединил их к Нарнии. Единорог рассказывал о целых столетиях, на протяжении которых Нарния жила столь благополучно, что танцы, пиры и турниры — вот единственное, чем памятны эти годы, и с каждым днем, с каждой неделей жизнь становилась только лучше. Единорог говорил, а в голове Джил сменялись картины тех счастливых лет и тысячелетий, покуда ей не стало казаться, что смотрит она с высокого холма на богатую, прекрасную равнину с лесами, водами, полями, уходящими в голубую дымку дали. И она сказала:

— Вот покончим с Обезьянычем, и все станет хорошо, как всегда. И надеюсь, навсегда. Мир, откуда я родом, обязательно должен умереть. А этот мир, может быть, и нет. Вот было бы здорово, если б Нарния навсегда осталась такой, как о ней говорится в хрониках, правда, Брильянт?

— Нет, сестренка,— отвечал Брильянт,— всякий мир когда-нибудь кончается; всякий, кроме мира Эслана.

— Что ж,— вздохнула Джил,— пускай это случится через миллионы миллионов миллионов лет, не раньше... Эй! Почему стоим?

Король, Юстейс и гном — все смотрели в небо. Джил вздрогнула — ей вспомнился недавно пережитый ужас. Однако на сей раз *ничего подобного* не *наблюдалось*. Всего лишь маленькое темное пятнышко в синеве.

— Готов поклясться,— молвил единорог,— летит говорящая птица.

— И я так думаю,— согласился король.— Вот только — друг или соглядатай Глума?

— По мне, ваше величество,— сказал гном,— птаха смахивает на орла Прозорла.

— Спрячемся под деревьями! — предложил Юстейс.

— Нет,— отвечал Тириан,— лучше вовсе не шевелиться. Чуть двинемся — сразу заметит.

— Поздно! — воскликнул Брильянт.— Пошел кругами, значит, уже заметил. Еще круг, и сядет.

— Держи лук наготове, дева,— приказал Тириан,— но без команды не стреляй. То может быть друг.

Когда бы они знали, что их ждет, им было бы не до восхищения изяществом и легкостью, с какими огромная птица скользнула вниз и села на камень в нескольких шагах от Тириана, склонила голову, украшенную хохолком, и проклекотала:

— Привет мой королю.

— Привет мой Прозорлу,— отвечал Тириан.— Поскольку вы именуете меня королем, я полагаю, вы — не приверженец обезьяны и Лже-Эслана. Я рад вас видеть.

— Ваше величество,— молвил орел,— не радуйтесь нашей встрече, ибо я — вестник горя, горше которого не бывало.

Сердце Тириана замерло при этих словах, но сжав зубы, он сказал:

— Говорите.

— Двум несчастьям я был свидетель, — сказал Прозорл. — Я видел Кэйр-Паравел, заполненный мертвыми нарнианцами и живыми калорменцами; знамя тисрока, реящее над королевской башней, ваших подданных, спасающихся бегством из города в леса. Кэйр-Паравел был взят с моря. Калорменцы с двадцати больших кораблей высадились вчера темной ночью.

Все онемели.

— Второе же несчастье таково: в пяти лигах от Кэйр-Паравела пал кентавр Рунвит, пронзенный калорменской стрелой. Я был с ним в последние минуты его жизни, и он велел мне передать вашему величеству: «Следует помнить, что все миры конечны, а благородная смерть — вот сокровище, которое может обрести даже нищий».

— Так, — молвил король, после длительного молчания, — Нарнии больше нет.

Глава 9
Великое предстояние на Хлевхольме

Долго, долго они молчали, не в силах ни говорить, ни даже плакать. Но вот единорог топнул копытом оземь, тряхнул гривой и молвил:

— Государь, теперь нам не о чем спорить, нечего обсуждать. Ясно, что козни Глума простираются куда дальше, чем мы полагали. Он давно находился в тайных сношениях с тисроком, и как только нашел львиную шкуру, дал знать врагу, чтобы тот готовил флот для взятия Кэйр-Паравела и всей Нарнии. Нам семерым ничего другого не остается, как вернуться на Хлевхольм, открыть народу правду и принять то, что пошлет нам Эслан. И коль скоро свершится чудо, и мы одолеем три десятка калорменцев, тогда вновь повернем вспять и погибнем в битве с войском их владыки, которое скоро двинется сюда из Кэйр-Паравела.

Тириан кивнул. Потом обратился к детям и молвил:

— А вам, друзья, пора возвращаться домой, в тот мир, откуда пришли. Ибо вне всяких сомнений, вы сделали все, ради чего были посланы.

— Но... но мы ничего еще не сделали, — сказала Джил. Она дрожала, но не от страха, а оттого, что все получилось так плохо.

— Сделали, — отвечал король, — и немало! Кто, как не вы, освободили меня? Кто, как не ты, дева, бесшумно, как змея, вчера вечером провела нас через лес и не ты ли обнаружила Глупа? И не Юстейс ли сразил калорменца? Вы оба еще слишком молоды, чтобы разделить с нами нашу кровавую участь — ныне вечером или дня через три. Я прошу вас... нет, я приказываю — возвращайтесь! Ибо то будет мне позором — позволить столь юным воинам биться на моей стороне.

— Нет, нет и нет! — Джил побледнела, покраснела и вновь побледнела. — Хотите вы или нет, а мы останемся с вами, что бы ни случилось, правда, Юстейс?

— Угу, и вообще все эти разговоры лишены какого бы то ни было смысла, — сказал Юстейс, сунув руки в карманы (что при наличии кольчуги выглядело довольно странно). — Вся штука в том, что у нас нет выбора. Нет смысла толковать о возвращении, если неизвестно, как это сделать? Для этого нужна магия, которой мы не знаем.

То был разумный довод, но Джил возмутилась тем, как это было сказано: Юстейс всегда становился ужасно зануден в тех случаях, когда другие горячились.

Тириан понял, что вернуться домой пришельцы не могут (если только сам Эслан не перенесет их), и решил было ради безопасности отправить их за южные горы в Арченланд. Однако дороги туда гости не знали, и послать с ними было некого. А Поджин еще добавил: уж если калорменцы взяли Нарнию, стало быть, Арченланд, и думать тут нечего, падет через неделю-другую. Калормен всегда хотел завладеть северными землями. В конце концов Юстейс и Джил так насели на Тириана, что тому пришлось согласиться и взять их с собой — пусть попытают судьбу, или, как выразился король высоким слогом, «то, что поплет им Эслан».

Поначалу король думал взобраться на Хлевхольм (от самого этого названия им становилось тошно), когда стемнеет. Однако гном возразил, что среди дня на холме, скорее всего, никого не будет, кроме разве сторожа-калорменца. Нарнианцы так напуганы тем, что Глум и Рыжий наплели им о новом яростном Эслане (или Ташлане), что никто не осмелится приблизиться к хлеву, покуда их не призовут на ужасное полночное предстояние. Калорменцы — люди не лесные, и Поджин предположил, что незаметно пробраться к

вершине днем будет легче, чем ночью, когда Обезьяныч созывает животных, и все калорменцы тоже в сборе и начеку. А когда все соберутся, ишака можно будет до поры укрыть позади хлева, а потом — явиться. Это было неплохо придумано: внезапность могла потрясти нарнианцев.

На том порешили, и теперь отряд, изменив направление, двинулся на северо-запад, к ненавистному Хлевхольму. Орел то парил над ними, то садился и ехал на спине у Глупа. Верхом же на единороге никто, кроме самого короля в минуту крайней опасности, никогда не ездил.

На сей раз Джил и Юстейс шли рядом. Покуда добивались разрешения идти со всеми, они сами себе казались храбрецами, а тут вдруг вся храбрость испарилась.

— Поул,— шепнул Бяка,— знаешь, кажется, я малость трушу.

— Тебе-то еще хорошо, Бяка,— отвечала Джил.— Ты умеешь драться. А я... если хочешь знать, у меня просто ноги подкашиваются.

— Ну, ноги, это еще ничего,— возразил Юстейс.— Меня вообще мутит.

— Давай лучше не будем об этом,— предложила Джил.

Некоторое время шли молча.

— Поул,— снова позвал Бяка.

— Ну?

— Как ты думаешь, что с нами случится, если нас убьют?

— Как что? Умрем, наверное.

— Нет, я говорю о нашем мире — окажемся ли мы снова в том поезде? Или исчезнем бесследно? Или нас найдут мертвыми в Англии?

— Откуда мне знать! Я об этом никогда не думала.

— Вот будет штука, если Питер и другие увидели, как я высунулся из окна, а потом поезд остановился, а нас нигде нет! Или обнаружат два... это если мы мертвыми окажемся там, в Англии...

— Фу! — Джил вздрогнула.— Вот ужас-то!

— Никаких ужасов,— возразил Юстейс.— Нас-то самих там уже не будет.

— Уж лучше бы... да нет, нет...— проговорила Джил.

— Ну, договаривай!

— Я хотела сказать: уж лучше бы нас не было здесь. Но нет! Не так, не так и не так. Даже если мы погибнем. Лучше

уж погибнуть за Нарнию, чем стать старой и глупой, сидеть в кресле-каталке, а потом все равно умереть.

— Или погибнуть в железнодорожной катастрофе!

— А при чем тут это?

— А при том! Помнишь, как нас тряхнуло перед тем, как мы оказались в Нарнии, — я-то подумал, что поезд во что-то врезался. И знаешь, ужасно обрадовался, когда мы очутились тут.

Джил и Юстейс разговаривали о своем; остальные же, обсуждая предстоящее, чуть-чуть взбодрились, потому что говорили не об участи Нарнии, не о том, что вся красота ее и радость миновали, но только о заботах ближайшей ночи. Замолчи они хоть на минуту, и горе вернулось бы, и вот они говорил, говорили... Поджин и вправду радовался предстоящему ночному делу; он был уверен, что кабан, медведь, а может быть, и собаки сразу перейдут на их сторону; не исключено, что и гномы не все последуют за Гриффелом. Не имея численного превосходства, можно воспользоваться темнотой, светом костра и лесом. Но если сегодня они одержат победу, то следует ли завтра двинуться навстречу основным калорменским силам?

Почему бы не укрыться в лесах или даже в западных землях за водопадом озера Чан? Ведь живут же там объявленные вне закона. Со временем силы пополнились бы говорящими животными и арченландцами. Потом можно будет выйти из укрытия и прогнать калорменцев (которые к тому времени наверняка утратят бдительность) из страны, и Нарния возродится. В конце концов, нечто весьма похожее случилось во времена короля Мираза!

Лишь Тириан, слушая все это, про себя думал: «Но что значит явление Таша?» — и нутром чуял, что все будет иначе. Был уверен, но молчал.

Когда же впереди показался Хлевхольм, все притихли и стали крадучись пробираться по лесу. Два часа ушло на путь до вершины холма. Для того, чтобы должным образом описать этот путь, нужны многие страницы. Каждая перебежка от укрытия к укрытию сама по себе целое приключение, а еще долгие ожидания, а еще ложные тревоги. Любой достаточно опытный следопыт знает, что это такое. Незадолго до заката укрылись в зарослях падуба на склоне позади хлева. Пожевали сухарей и улеглись.

Нет ничего хуже ожидания. К счастью, Джил с Юстейсом часа на два уснули, а проснулись от ночного холода и, что еще хуже, от нестерпимой жажды, которую нечем было утолить. Глуп стоял молча и время от времени нервно вздрагивал. Зато Тириан, положив голову на бок Брильянта, безмятежно спал, будто в своей королевской спальне в Кэйр-Паравеле. Так он и спал, покуда не раздались звуки гонга на вершине холма. Тут король сел, увидел отсветы огня по другую сторону хлева и понял, что срок пришел.

— Поцелуйте меня, Брильянт,— сказал он.— Близок наш последний час в этом мире. Если я чем-нибудь обидел вас, простите меня.

— Государь,— отвечал единорог,— это даже обидно, но мне не за что вас прощать. Мы с вами познали немало радостей. Когда бы Эслан предложил мне начать все сначала, я хотел бы прожить ту же самую жизнь, которую прожил, и умереть той же самой смертью, какой умру. Прощайте!

Разбудили Прозорла, спрятавшего голову под крыло (выглядело так, будто у него вовсе нет головы) и двинулись вперед, к хлеву. Глупа оставили у задней стены (все были с ишаком ласковы — никто не держал на него зла) и велели не двигаться, пока не позовут, а сами потихоньку выглянули из-за угла.

Костер в нескольких шагах от них только что запалили, он еще не разгорелся, а толпа нарнианцев расположилась по другую сторону, так что Тириан поначалу разглядел лишь множество горящих глаз, в которых отражалось пламя,— так в свете автомобильных фар сверкают кроличьи или кошачьи глаза. Едва успели занять место, как гонг смолк, и откуда-то слева появились три фигуры. То были таркаан Ришда, ведший за руку Обезьяныча, а тот хныкал и бормотал: «Зачем так быстро, не тяните меня, я не могу. Ох, моя бедная голова! Эти полуночные встречи меня доконают. Не обезьянье это дело бодрствовать по ночам; я вам не крыса, не летучая мышь... Ох, моя голова!» Третьим, бок о бок с Глумом, держа хвост трубой, мягко и вместе с тем величаво выступал кот Рыжий. Они направлялись к костру и прошли так близко от Тириана, что стоило кому-нибудь повернуть голову, тут бы его и заметили. По счастью, не повернули, зато Тириан услышал, как Ришда шепнул Рыжему:

— Ну, кот, давай. Разыграй свою роль как должно.

— Мяу, мяу. Положись на меня! — И кот, свернув в сторону от костра, устроился в первом ряду животных, можно сказать, зрителей.

И впрямь, все это походило на представление. Толпа нарнианцев — зал, травяная площадка с костром — сцена, Обезьяныч и таркаан — актеры, хлев позади них — декорации, а Тириан с друзьями выглядывали, как из-за кулис. Их позиция — лучше не придумаешь: один шаг к костру — и все глаза мигом обратятся на короля, а покуда они остаются в тени, один шанс из ста, что их заметят.

Таркаан Ришда подтащил Обезьяныча ближе к огню. Теперь оба стояли лицом к толпе, а стало быть, спиной к Тириану и его друзьям.

— Ну, ты, обезьяна,— чуть слышно прошипел Ришда,— произнеси то, что вложил в твои уста мудрец, мудрейший, чем ты. Да держи голову повыше! — Сказав это, он пнул Глума мыском башмака.

— Не трогай меня,— пробормотал Глум, однако выпрямился и возгласил:

— Слушайте все. Случилось нечто ужасное. Нечто страшное. Нечто, хуже чего не бывало в Нарнии. И Эслан...

— Ташлан, дурак ты этакий,— прошипел Ришда.

— И Ташлан,— продолжал Обезьяныч,— конечно, Ташлан, очень разгневался.

Животные замерли в ожидании новой напасти, и те, что прятались за углом хлева, тоже затаили дыхание. Что будет дальше?

— Да-да,— Обезьяныч повысил голос.— В то самое время, когда сам Ужасный пребывает среди нас — вон там, в храме позади меня,— объявился некий преступник, совершивший то, чего не посмел бы совершить никто из живущих в этом мире. Он напялил на себя львиную шкуру и шляется в ней по лесу, выдавая себя за Эслана.

Джил решила, что Обезьяныч сошел с ума. Он что, собирается открыть правду?

Толпа заревела испуганно и яростно:

— Р-р-р-р! Кто это? Где он? Р-р-разорвем!

— Его видели вчера вечером,— возопил Обезьяныч,— но ему удалось уйти. Это — ишак! Обыкновенный несчастный ишак! Коль увидите ишака...

— Р-р-р-р! — взревели животные.— Ужо мы его! Пусть только попадется!

Джил взглянула на короля: челюсть у того отвисла, на лице — ужас. И тут до нее дошло все дьявольское коварство врага. Примешав ко лжи малую толику правды, они сотворили ложь необоримую. Что толку теперь объяснять нарнианцам, что ишака обрядили львом, чтобы обмануть их? Обезьяныч на это скажет: «А я вам что говорил?» Что толку показывать им Глупа в львиной шкуре? Они разорвут его на части, вот и все.

— Обошли нас на повороте,— шепнул Юстейс.

— Почву из-под ног выбили,— сказал Тириан.

— Хитро, ой, хитро! — проговорил Поджин.— Готов присягнуть, эту новую ложь придумал Рыжий.

Глава 10
Кто войдет в хлев?

Уху стало щекотно. Джил оглянулась — единорог Брильянт шептал ей своим конским шепотом. С трудом разобрав его слова, она кивнула и прокралась туда, где стоял Глуп. Быстро и бесшумно обрезала завязки на львиной шкуре. После того, что сказал Глум, другого выхода не было! Спрятать бы ее куда подальше, но шкура оказалась слишком тяжела. Пришлось затолкать в кусты. Потом Джил сделала знак ишаку, и они присоединились к остальным.

Обезьяныч продолжал:

— Это преступление разгневало Эслана... Ташлана... Он сказал, что был слишком милостив к вам, являясь вам еженощно! Но теперь больше не явится.

Вой, мяв, рев и визг послышались в ответ, но в этот общий плач ворвался громкий хохот.

— Ха-ха-ха! Вы только послушайте эту обезьяну! Мы-то знаем, почему его бесценный Эслан больше не явится. Я скажу вам, почему: потому что его там нет. И никогда никого там не было, кроме старого осла в львиной шкуре. Ишак исчез, вот обезьяна и выдумывает.

Сквозь пламя Тириан не мог различить говорящего, но скорее всего то был Гриффел, предводитель гномов. И это подтвердилось через секунду — хор гномов затянул:

— Врет обезьяна! Врет обезьяна! Врет обезьяна! Вре-е-е-т...

— Молчать! — рявкнул таркаан Рипида.— Молчать, порождение грязи! Слушайте меня, вы, нарнианцы, иначе я велю моим воинам взять вас на мечи. Господин Глум уже сообщил вам о преступном ишаке. И поэтому вы помыслили, что в сем строе-

нии не пребывает Ташлан! Вы так думаете? Остерегитесь! Остерегитесь!

— Нет, нет, мы так не думаем! — вопила толпа.

Но гномы кричали:

— Вот именно, черномазый, именно так! Пошли, Обезьяныч, покажи нам, что там, внутри, иначе не поверим!

Дождавшись затишья, Обезьяныч ответил:

— Ага, значит, вы, гномы, думаете, что вы умнее других? Не спешите. Я ведь не говорил, что вы не можете увидеть Ташлана. Всякий может увидеть его.

Сборище притихло. Потом медведь проворчал медленно и неуверенно:

— Я чего-то не совсем... того.... Я-то думал...

— Он думал! — передразнил Обезьяныч.— Разве то, что происходит в медвежьей голове, называется «думать»? Слушайте, вы. Всякий может видеть Ташлана. Только к вам он не выйдет. Зато вы можете войти к нему.

— Ура! Ура! Ура! — заголосила толпа.— Этого мы и хотели! Мы можем войти и лицезреть его. И он будет милостив, как это было всегда,— птицы щебетали, собаки взволнованно взлаивали. Раздалось шуршание, топот, гомон — все разом вскочили на ноги и ринулись к хлеву, желая протиснуться в дверь. Обезьяныч вскричал:

— Назад! Тихо! Не спешите.

Животные застыли на месте — кто с поднятой лапой, кто виляя хвостом, и все головы повернуты в одну сторону.

— Но вы же сказали...— начал медведь.

Глум не дал ему договорить.

— Всякий может войти... Но не все разом, а по одному. Кто первый? Ташлан не говорил, что умилостивился. И кроме того, он облизывался, как в ту ночь, когда проглотил преступного короля. Сегодня с утра он рычал. Я-то сам туда сейчас не сунусь. Ну а вы — пожалуйста. Кто первый? Только не вините меня, ежели он проглотит кого или испепелит одним только взглядом. Это — ваше дело. Ну же! Кто первый? Эй, гномы, может, кто из вас?

— Так-то оно так,— ухмыльнулся Гриффел.— Да только войдешь, а тебя и кокнут! Откуда нам знать, кто у тебя там, за дверью?

— Хе-хе! — отвечал Обезьяныч.— Стало быть, ты уже согласен, что там кто-то да есть, а? Зачем же вы так шумели? С чего это теперь притихли? Ну, кто первый?

Животные переглядывались и потихоньку пятились. Весело вилявшие хвосты обвисли. Глум же вперевалочку расхаживал взад-вперед, глумясь над ними:

— Э-хе-хе! А я-то радовался — как они все желают лицезреть Ташлана! Неужто расхотели, а?

Тириан склонил голову, чтобы расслышать шепот Джил:

— А что там может быть, в хлеву?

— Кто знает? — отвечал Тириан.— Может быть, два калорменца по сторонам от двери, с мечами наготове.

— А не может ли... не может ли там быть... этот, ужасный, которого мы видели?

— Сам Таш? — шепнул Тириан.— Понятия не имею. Но мужайся, дитя: да хранит нас лапа истинного Эслана.

И тут произошло нечто неожиданное. Невозмутимым ясным голосом, так, будто ничего особенного не случилось, кот Рыжий сказал:

— Если хотите, я войду.

Все уставились на него.

— Вот это ловко, ваше величество,— молвил Поджин.— Ведь мошенник-кот с ними в сговоре. Кто бы там ни был внутри — будь я проклят, если кота тронут; Рыжий выйдет цел и невредим и объявит, что видел нечто этакое преужасное.

Тириан не успел ответить — Обезьяныч подозвал кота:

— Хе-хе, так это ты, дерзкий котяра, решил встретиться с ним лицом к лицу? Давай, иди! Я тебе приоткрою дверь. Только я не виноват, если он подпалит тебе усы. Сам напросился.

Кот встал и прошествовал прочь от толпы, ступая чопорно и изящно, подняв хвост, весь прилизанный — ни единая шерстинка не топорщилась. Он обогнул костер, и прошел так близко от Тириана, стоявшего за углом, что королю удалось заглянуть ему в глаза. Огромные зеленые котовьи глаза не мерцали. («Холоден, как огурец,— пробормотал Юстейс.— Знает, что ему нечего бояться».) Обезьяныч, хихикая и гримасничая, поднял лапу, отодвинул засов и отворил дверь. Тириану показалось, что кот мурлыкал, входя в темный дверной проем.

— Йа-ии-уаа!...— раздался ужасный вопль, вопль, от которого кому угодно стало бы не по себе. Так, знаете, орут коты на крыше, когда дерутся из-за кошки, и вся округа просыпается.

Это было ужасно. Рыжий опрометью выскочил из хлева, перепрыгнул через Обезьяныча, оттолкнувшись от его головы задними лапами. Это был не кот, а рыжая молния — с такой скоростью он промчался через площадку, назад к толпе. Кому охота иметь дело с кошкой в таком состоянии? Звери прыснули во все стороны. Рыжий взвился по дереву на ветку, и повис на ней вниз головой. Шерсть стояла дыбом, хвост стал толще туловища, а глаза, огромные, как зеленые блюдца, ярко сверкали.

— Я бы отдал свою бороду,— шепнул Поджин,— лишь бы узнать, притворяется он или впрямь чего-то испугался!

— Тише, дружище,— сказал Тириан; калорменец с Обезьянычем о чем-то шептались, и ему хотелось послушать, о чем. Но ничего он не услышал, кроме всхлипываний Глума, опять захныкавшего: «Ох, голова, моя голова...», однако ему показалось, что эта парочка так же озадачена поведением кота, как и все остальные.

— Слушай, Рыжий,— кликнул таркаан,— хватит выть. Поведай-ка нам, что ты видел.

— Йа-йо-ееe... мяв... мяу,— отвечал кот.

— Воистину, разве ты не говорящее животное? — удивился таркаан.— Прекрати этот дьявольский ор и говори по-человечески.

Ничего худшего придумать невозможно. Тириан был уверен (да и другие тоже), что кот пытается сказать что-то, но из пасти его не исходит ничего, кроме обыкновенного и весьма противного кошачьего ора, какой можно услышать в Англии на заднем дворе от какого-нибудь Мурзика, когда он в ярости или напуган. И кот уже не походил на говорящее животное. Толпа жалобно поскуливала и повизгивала.

— Эй, глядите-ка! — послышался голос кабана.— Он не может говорить. Он разучился говорить! Он снова стал бессловесным. Поглядите на его морду,— и все увидели, что это так и есть. И неизбывный ужас охватил нарнианцев. Ибо каждый из них, еще будучи птенцом, щенком или жеребенком, выучивал назубок, как Эслан в начале времен, наделяя тварь Нарнии даром речи, предупреждал, что однажды все может обратиться вспять, коль скоро собьются с пути истинного, и тогда они вновь станут бессловесными тварями, такими же, как и в других краях. «И вот, это настигло нас»,— так стенали они.

— Пощади нас! Смилуйся! — взывала толпа.— Спаси нас, господин Глум, будь посредником между нами и Эсланом, войди и говори с ним. Мы боимся, боимся.

Рыжий скрылся в лесу. И никто никогда его больше не видел.

Тириан положил ладонь на рукоять меча и понурил голову. Его ошеломили ужасы этой ночи. То он думал: будет лучше немедля обнажить клинок и напасть на калорменцев, то — лучше подождать и посмотреть, какой новый оборот примет дело. И новый оборот не заставил себя ждать.

— О, отец мой,— прозвучал чистый звонкий голос слева. Тириан сразу понял — то был один из калорменцев, поскольку в армии тисрока рядовые ратники, обращаясь к военачальникам, говорили «о, повелитель», а младшие военачальники именовали вышестоящих «отцами». Джил и Юстейс этого не знали, но, вглядевшись, увидели говорившего, потому что тех, кто стоял с краю, видно было лучше — огонь костра не так слепил глаза. Воин был молод, высок и строен, и даже красив на свой гордый калорменский манер.

— Отец мой,— обратился он к таркаану,— я желаю войти.

— Сомкни уста свои, Эмеф,— сказал таркаан.— Кто тебя звал на совет? Ты слишком юн, чтобы молвить слово.

— Отец мой,— возразил Эмеф,— воистину я моложе тебя, но и в моих жилах течет благородная кровь таркаана, и я тоже — слуга великому Ташу. А посему...

— Молчи! — воскликнул Ришда.— Разве не я твой военачальник? Какое тебе дело до этого хлева? Он — для нарнианцев.

— О нет, отец мой,— ответил Эмеф.— Ты сам сказал, что их Эслан и наш Таш — одно. И коль скоро это слово истинно, то сам Таш пребывает за этой вот дверью. Как же можешь ты утверждать, будто я не имею к этому никакого отношения? С великой радостью я принял бы тысячу смертей, лишь бы единожды узрсть лик самого Таша.

— Ты неразумен и ничего не смыслишь,— возразил таркаан Ришда.— Ибо сие есть высокие материи.

Лицо Эмефа посуровело.

— Или то неправда, что Таш и Эслан едины? Или эта обезьяна солгала?

— Конечно, они едины,— отвечал Обезьяныч.

— Поклянись.

— Ой-ой! — заныл Глум.— Когда же вы все оставите меня в покое? У меня голова болит. Ну, ладно, ладно, клянусь.

— В таком случае, отец мой,— молвил Эмеф,— я непременно желаю войти.

— Глупец...— начал было Ришда, но тут гномы закричали:

— Пусти его, черномазый. Почему ты его не пускаешь? Почему нарнианцам можно, а твоим людям нельзя? Или там что-то этакое, чего твои люди видеть не должны?

Тириан и его друзья видели таркаана со спины, и поэтому им навсегда осталось неизвестно, что выражало его лицо, когда он пожал плечами и молвил:

— Вот, свидетельствую, неповинен я в крови этого юного глупца. Иди, нетерпеливый мальчишка, и получи по заслугам за свою оплошность.

И Эмеф, как прежде Рыжий, пересек травяную площадку между костром и хлевом. Глаза его сияли, лицо просветленное, рука на рукояти ятагана, голова высоко поднята. Джил захотелось плакать, когда она увидела это лицо. И Брильянт шепнул на ухо королю:

— Клянусь гривой льва, мне нравится этот молодой воин, даром что калорменец. Он достоин лучшего бога, чем Таш.

— А все же хотел бы я знать, что там, внутри,— сказал Юстейс.

Эмеф вошел в черный зев хлева и притворил за собою дверь. Прошло всего несколько мгновений — а показалось, куда дольше — и дверь вновь распахнулась. Из нее вывалилось тело в калорменской кольчуге, упало навзничь и осталось лежать; а дверь сама собой захлопнулась. Таркаан бросился к нему и, наклонившись, заглянул в лицо. Что-то его поразило, но тут же совладав с собой, он крикнул толпе:

— Безрассудный мальчишка, он получил, что хотел. Он лицезрел Таша — и вот мертв. Намотайте себе на ус!

— Да, да, конечно,— заскулили бедные животные. Но Тириан с друзьями, глянув на мертвого калорменца, уставились друг на друга. Ведь они могли разглядеть то, чего из-за костра и расстояния не могла разглядеть толпа: этот мертвый человек был не Эмеф, а кто-то совсем на него не похожий, намного старше, коренастее, толще и с большой бородой.

— Хе-хе-хе,— хихикал Обезьяныч.— Кто еще? Кто хочет заглянуть туда? Ладно уж, коль скоро вы так застенчивы, я сам выберу. Вот, ты, кабан! Давай иди. Тащите его, калорменцы. Он должен встретиться с Ташланом лицом к лицу.

— Рюх-хрюх,— хрюкнул кабан, нодымаясь на ноги.— Ну, подходите. Отведайте моих клыков.

Тириан увидел, что храбрый зверь готов защищать свою жизнь, а калорменцы идут на него с обнаженными ятаганами, и никто не спешит кабану на номощь,— и будто что-то взорвалось в груди у Тириана, и он, уже не задумываясь, удачный ли момент для нападения, тихонько скомандовал:

— Клинки наголо, лук наготове. Пошли.

В следующий миг удивленные нарнианцы увидели семь фигур, выскочивших из-за хлева; на четверых из них сияли кольчуги. Сверкнул подъятый над головой, озаренный пламенем королевский меч и раздался громовой голос:

— Вот он — я, Тириан Нарнианский, готовый во имя Эслана доказать ценой своей жизни, что Таш — мерзкий злодей, обезьяна Глум — изменник, а эти калорменцы заслуживают смерти! Ко мне, все истинные нарнианцы! Или будете ждать, пока ваши новые владельцы перебьют вас ноодиночке?

Глава 11
События ускоряются

Быстрее молнии таркаан Ришда увернулся от королевского меча. Он вовсе не был трусом и вполне мог устоять против Тириана и гнома. Но на него нападали еще и орел с единорогом. Орлы, он знал, в бою бьют крыльями и выклевывают глаза. От своего же отца (который не раз воевал с нарнианцами) Ришда слышал, что против единорога годится только длинное конье или стрела, потому что этот зверь встает на дыбы и пускает в дело рог, зубы и передние копыта разом. Поэтому Ришда ринулся в толпу животных, взывая:

— Ко мне, ко мне, воины тисрока, да живет он вечно! Ко мне, верные нарнианцы, да не падет на вас гнев Ташлана!

Одновременно произошло вот что. Обезьяныч, в отличие от таркаана, не сразу сообразил, какая онасность ему угрожает. Сидя на корточках возле костра, он пялился на вновь прибывших. А Тириан не стал ждать — бросился к несчастному и за шкирку поволок его к хлеву, крича: «Открывай

дверь!» Поджин открыл, и... «Сам отведай-ка своего снадобья, Глум!» — С этими словами король швырнул Обезьяныча в темноту. И прежде чем гном успел захлопнуть дверь, хлев изнутри озарился ослепительной зеленовато-синей вспышкой, земля вздрогнула и послышался странный звук — то ли клекот, то ли хриплый крик какой-то чудовищной птицы. Животные стенали, выли и голосили: «Ташлан! Спасите!» Иные падали наземь, иные закрывались крыльями или ланами. И никто, кроме орла Прозорла, самого зоркого существа на свете, не заметил, как изменилось в тот миг лицо таркаана Ришды. А из того, что заметил, Прозорл сразу сделал вывод, что калорменец поражен не менее прочих и почти так же напуган. «Так бывает со всяким,— подумал Прозорл,— кто взывает к богам, в которых не верит, а они возьми и явись!»

И в то же самое время случилось еще одно — едва ли не единственное доброе событие той ночи. Все говорящие собаки (числом не менее пятнадцати) с радостным лаем перешли на сторону короля. То были в основном огромные широкогрудые псы с мощными челюстями. Они набежали подобно волне прибоя, под напором которой трудно устоять на ногах. Даром что говорящие, они вели себя в точности, как обыкновенные: вставали на задние лапы, передние клали людям на плечи и старались лизнуть в лицо, твердили наперебой:

— Привет! Привет! Мы тут, мы с вами, на все готовы! Что нужно сделать? Кто тут вам враг? Гав-гав!

Это было трогательно до слез. И когда вслед за собаками несколько мелких животных (мыши, кроты и белка) перебежали на сторону Тириана, радостно повизгивая: «Вот они, мы! Мы — с вами!», а следом еще медведь и кабан, Юстейс почти поверил, что, может быть, в конце концов все обойдется. Однако Тириан зорко следил за происходящим и видел: большинство животных не двинулось с места.

— Ко мне! Ко мне! — звал он.— Неужели среди моих подданных столько трусов?

— Мы боимся,— заскулило в ответ множество голосов.— Ташлан разгневается. Упаси нас от Ташлана.

— Где говорящие лошади? — спросил Тириан.

— Нам известно, известно,— запищали мыши.— Обезьяныч заставил их работать. Они все на привязи у подножия холма.

— Вот что, малыши,— сказал Тириан,— вы, грызуны, глодатели, щелкунчики, поспешите со всех ног туда. И коль скоро лошади за нас, вы пустите в ход ваши зубы, перегрызите путы, освободите лошадей, пусть идут к нам.

— С удовольствием, государь,— зазвучали тоненькие голоса, и, взмахнув хвостами, остроглазый, востроzубый народец исчез. Тириан, улыбаясь, ласково глядел им вслед. Но пора было подумать и о другом. Таркаан Ришда тоже не сидел сложа руки.

— Вперед! — кричал он.— Постарайтесь взять их живьем, хватайте их, швыряйте в сарай. Соберем их и сожжем — вот будет жертва великому богу Ташу.

— Угу! — молвил Прозорл про себя.— И он надеется, что Таш за это простит ему его неверие.

Калорменцы — приблизительно половина отряда Ришды — растянулись цепочкой и уже надвигались; Тириан едва успел расставить своих.

— Ты, Джил, на левом фланге: мечи стрелы резво, не давай врагу приблизиться. Кабан и медведь, будьте рядом с нею. Поджин по левую руку от меня, Юстейс — по правую. Держите правый фланг, Брильянт. Глуп, пособи ему копытами. Лети, бей их, Прозорл. А вы, собачки, ждите в тылу. Вступите в дело, когда пойдет рукопашная. Помоги нам Эслан!

Сердце в груди колотилось со страшной силой, но Юстейс надеялся, что не струсит. Ни от чего так не стыла кровь у него в жилах (хоть видел он и дракона, и морского змея), как от надвигающейся схватки: темнолицые калорменцы подступали — всего их было пятнадцать, а с ними нарнианский говорящий бык, лис Пролаз и сатир Проныр. Юстейс услышал «дзинь-и-фьють» — и один калорменец рухнул наземь; еще раз «дзинь-и-фьють» — и свалился сатир. В бой вступила Джил.

— Великолепно, дочка! — раздался голос Тириана; и тут враги ринулись на них.

Что происходило в следующие две минуты, Юстейс не смог бы вспомнить. Это походило на сон (вернее, бред при температуре выше сорока); потом как бы издали долетел голос Ришды:

— Назад! Перестроиться!

Юстейс пришел в себя и увидел бегущих вспять калорменцев. Но отступили не все. Двое лежали, прободенные

рогом Брильянта, еще одного пронзил меч Тириана, а убитый лис лежал у его, Юстейса, ног, и — неужели это он, Юстейс, уложил зверя? Бык тоже пал, в глазу его торчала стрела Джил, а в боку зияла рана от кабаньих клыков. Но и сторонникам короля тоже досталось: три собаки погибли, четвертая хромала на трех ногах и поскуливала. Медведь лежал на земле и чуть шевелился. Потом он пробормотал хрипло и изумленно: «Меня... я... того...», положил большую голову на траву, как засыпающий ребенок, и затих.

Первый натиск врагов захлебнулся. Однако радоваться этому у Юстейса не было сил: слишком мучила жажда и рука отчего-то болела.

Тем временем гномы насмехались над калорменцами, вернувшимся к своему военачальнику:

— Ну что, получили, черномазые? — кричали они.— Понравилось? И с чего это ваш великий таркаан сам в драку не лезет, а вас посылает на смерть? Ах вы, бедненькие, несчастненькие!

— Гномы,— воззвал Тириан,— идите сюда! Хватит вострить языки, время тупить мечи! Нарнианские гномы, еще не поздно! Я же знаю, вы умеете драться. Вернитесь под мою руку!

— Хо-хо-хо! — хохотали гномы.— Как бы не так! Ты такой же лжец, как и этот таркаан. Не желаем никаких королей. Гномы — для гномов! У! У! У!

Тут забил барабан — не гномий, а калорменский большой барабан, обтянутый бычьей кожей. Детям сразу не понравился этот звук: «бум!» — удар, потом часто «ба-ба-бум!» — и снова «бум». Звук не понравился бы им еще больше, когда б они знали, что он означает. Тириан знал: где-то неподалеку находились другие калорменские отряды, и Ришда призывал их на помощь. Тириан с Брильянтом обменялись грустными взглядами. Только-только у них зародилась надежда, но победы не видать, если враг получит подкрепление.

Тириан в отчаянии огляделся. Кое-кто из нарнианцев присоединился к таркаану — то были изменники или искренне опасавшиеся Ташлана. Другие едва ли займут чью-либо сторону. Однако толпа заметно поредела — во время стычки многие потихоньку уползли куда подальше.

«Бум! Бум-ба-ба-буум!» — бухал барабан. Но сквозь этот грохот проник другой. «Слушайте!» — воскликнул Брильянт.

«Смотрите!» — вскричал Прозорл. И вот уже нет сомнений — гром копыт, вздернутые головы, раздутые ноздри, развевающиеся гривы — нарнианские говорящие лошади ворвались на холм. Грызуны и щелкунчики сделали свое дело.

Гном Поджин, Юстейс и Джил готовы были вскричать «ура», но это «ура» так и не прозвучало. В тот же миг зазвенели тетивы, засвистели в воздухе стрелы — то стреляли гномы, и Джил не поверила своим глазам — они стреляли по лошадям. Гномы — первоклассные стрелки. Одна, другая, третья лошадь пали наземь — ни единое из благородных животных не добралось до короля.

— Ах вы, мелкие твари! — выкрикивал Юстейс, приплясывая на месте от гнева.— Грязные, мерзкие, вероломные дряни!

Даже Брильянт проговорил:

— Может быть, государь, мне ударить по ним? Сразу с десяток насажу на рог.

Но Тириан с каменным лицом молвил:

— Ни с места, Брильянт. А ты,— это было сказано Джил,— если плачешь, отвернись, чтоб не намокла тетива. Тише, Юстейс. Не ругайся, ты — не кухарка. Воину не должно браниться. Учтивое слово или крепкий удар — вот его единственный язык.

А гномы уже издевались над Юстейсом:

— Что, мальчишка, не ожидал, да? Думал, мы на вашей стороне, да? Не бойся, мы не против говорящих лошадей. Но нам вовсе не нужно, чтобы ваша банда стала сильней другой банды. Мы не за них и не за вас. Гномы для гномов!

Таркаан Ришда все еще что-то говорил своим, несомненно, готовясь к новой атаке и, скорее всего, собираясь послать в бой весь отряд. Барабан бил и бил. И тут Тириан и его друзья с ужасом услышали далекий отклик — где-то бил другой барабан. Отряд калорменцев откликнулся на призыв Ришды и спешил на помощь. Однако на лице Тириана никто не заметил бы признаков отчаяния.

— Внимание,— голос Тириана был спокоен,— покуда к ним не подоспели на помощь новые ятаганы, мы должны атаковать.

— Не забудьте, государь,— молвил Поджин,— сейчас мы со спины защищены стеной. Как только оторвемся от нее, нас окружат и ударят сзади.

— Я тоже так полагаю,— отвечал Тириан,— но ведь они хотят загнать нас в хлев, и чем дальше мы будем от этой смертоносной двери, тем лучше.

— Король прав,— сказал Прозорл.— Любой ценой нам нужно уйти от этого проклятого хлева и того демона, что обитает в нем.

— Правильно,— сказал Юстейс.— Глаза б мои его не видели.

— Хорошо,— молвил Тириан,— посмотрите налево. Видите белую скалу, что мерцает, как мрамор, в свете костра? Сначала мы нападем на калорменцев. Ты, дева, оставайся на левом фланге, и бей по врагам как можешь часто, а ты, Прозорл, ударь справа. Тем временем мы обрушимся на них по центру. Как только мы сойдемся врукопашную, ты, Джил, прекрати стрельбу, чтобы не попасть в своих, беги к белой скале и жди. Остальные, не теряйте головы даже в пылу сражения. Мы должны опрокинуть калорменцев за несколько минут, покуда превосходим числом. Как только я скомандую отступление, немедленно отходите туда же, к белой скале — там у нас будет прикрытие со спины, и можно будет отдышаться. Итак, Джил, начинай.

Джил отбежала шагов на двадцать влево — и сразу почувствовала себя ужасно одинокой,— выставила вперед левую ногу, наложила стрелу на тетиву. Хорошо бы руки не так дрожали! «Промазала!» — воскликнула она, когда первая стрела просвистела над головой у врага. Но следом уже летела вторая. Джил понимала: сейчас важнее всего скорость. Она видела, как нечто огромное и черное ринулось сверху на калорменцев. То был Прозорл. Сперва один из воинов, затем другой, уронив мечи, закрыли руками лица, дабы спасти глаза. В то же время ее стрелы поразили человека и волка-нарнианца, который перешел на сторону врага. Но вскоре ей пришлось остановиться — засверкали мечи, кабаньи клыки и рог Брильянта, зарычали собаки — Тириан и его воинство обрушились на противника. Джил удивило, что калорменцы оказались не готовы к нападению,— ей и в голову не пришло, что это — заслуга ее и орла. Редкая рать не растеряется, коль на нее разом обрушится град стрел и орел.

— Давай! Давай! — кричала Джил. Королевский отряд теснил калорменцев вправо. Единорог нанизывал людей на

рог, как солому на вилы. На взгляд Джил, даже Юстейс (хотя он и не слишком хорошо владел мечом) бился блестяще. Собаки вгрызались калорменцам в глотки. Это было здорово! Это была победа...

Но тут, похолодев от страха, Джил заметила странную вещь. Хотя враги один за другим падали под ударами нарнианских мечей, калорменцев не становилось меньше. Нет, на самом деле с начала сечи их стало больше. И с каждой минутой прибывало. Они появлялись со всех сторон. Это подоспели другие. С копьями. Их стало столько, что за вражескими рядами Джил едва различала своих друзей. И тогда раздался голос Тириана:

— Назад! К скале!

Враг получил подкрепление. Барабан сделал свое дело.

Глава 12
За дверью

А Джил уже давно должна была стоять у белой скалы, но, увлекшись зрелищем битвы, совсем забыла приказ. Теперь вспомнила, со всех ног бросилась к скале и оказалась на месте чуть раньше остальных. Обратившись спиной к врагу, бегущие не могли видеть, что творится позади. А добежав до камня и обернувшись, увидели нечто ужасное.

Какой-то воин тащил кого-то к хлеву, и этот кто-то брыкался, пытаясь вырваться. Когда же двое приблизились к костру, стало видно, кто и кого тащит. В руках у калорменца бился Юстейс.

Тириан и единорог бросились на подмогу. Но вражеский воин был ближе к хлеву — прежде чем они одолели половину пути, он швырнул Юстейса внутрь и захлопнул дверь. Не меньше полудюжины калорменцев бежали следом. Они выстроились в ряд перед хлевом. Атаковать их было бесполезно.

Но даже теперь Джил не забыла отвернуться: «Я не могу не плакать, но тетива должна быть сухой» — всхлипывала она.

— Берегитесь! Стрелы! — предупредил Поджин.

Все пригнулись и поглубже надвинули шлемы. Собаки залегли позади. Однако, хотя несколько стрел и просвистело над их головами, скоро стало ясно, что целят не в них. Это Гриффел и его гномы снова взялись за луки. На сей раз они били по калорменцам.

— Целься, братва! — слышался голос Гриффела.— Все разом. Не мазать. Черномазые нам нужны не больше, чем обезьяны... и львы... и короли. Гномы — для гномов!

Как бы то ни было, каковы бы ни были гномы, одно можно сказать твердо: они — не трусы. Они легко могли бы сбежать куда-нибудь в безопасное место. Однако предпочли остаться и нападать то на тех, то на других, уравнивая силы враждующих, чтобы те могли продолжить убивать друг друга. Гномам нужна была Нарния только для гномов.

Одного они не сообразили: что лошади беззащитны, а калорменцы — в кольчугах. Кроме того, у людей имелся вождь. Раздался голос таркаана Ришды:

— Тридцать человек — стерегите глупцов у белой скалы. Остальные — за мной! Проучим этих отродий земли.

Тириан и его друзья, еще не отдышавшиеся после схватки, обрадовались нежданной передышке; они наблюдали за тем, как таркаан повел свою рать на гномов. В тусклом багровом свете догорающего костра все это выглядело очень странно. Насколько можно было разглядеть, на лужайке не осталось никого, кроме калорменцев и гномов. В полумраке трудно было разобрать, что происходит, зато хорошо слышно — гномы приняли бой. Гриффел изрыгал проклятия, таркаан время от времени выкрикивал: «Живыми! Берите живьем всех, кого можете! Живьем!»

Долго это продолжаться не могло. Крики затихли. Потом Джил увидела таркаана, идущего к хлеву; следом одиннадцать воинов тащили одиннадцать связанных гномов. (Что сталось с прочими, погибли или сбежали — навсегда осталось неизвестным.)

— Бросьте их в святыню Таша,— велел таркаан, а после того, как одиннадцать гномов один за другим исчезли во тьме хлева и дверь вновь закрылась, калорменец низко поклонился и возгласил:

— Да станут и они огненной жертвой тебе, повелитель Таш.

И все калорменцы грянули мечами о щиты, восклицая: «Таш! Таш! Великий бог Таш! Неумолимый Таш!» (И никакого вам Ташлана!)

Стоящие у белой скалы наблюдали за происходящим и перешептывались. Из расселины в камне пробивалась струйка воды. Все поспешили утолить жажду: Джил, Поджин и

король — из пригоршни, а четвероногие — из лужицы, натекшей у основания скалы. Жажда была такова, что вода показалась им лучшим напитком в жизни, и покуда пили, снизошло на них счастье, и они забыли обо всем на свете.

— Шкурой чую,— сказал Поджин,— до утра все мы пройдем один за другим через эту темную дверь. Я мог бы выдумать для себя сотню смертей получше.

— И вправду мрачная дверь,— сказал Тириан.— Похожа на пасть.

— Нельзя ли что-нибудь придумать? — голосок Джил дрогнул.

— Нет, милая моя подружка,— отвечал Брильянт, легонько толкнув ее носом.— Может быть, для нас эта дверь станет дверью в страну Эслана и еще сегодня мы воссядем на его пиру.

Таркаан Ришда медленно шел от хлева к белой скале.

— Внемлите,— сказал он,— коль скоро кабан, собаки и единорог мне покорятся и положатся на мое милосердие, я дарую им жизнь. Кабан предназначен для клетки в саду тисрока, собаки — для псарен тисрока, единорог же, после того как я отпилю ему рог, будет впряжен в повозку. Но орел, эти дети и бывший король пойдут в жертву Ташу.

Единственным ответом ему было рычание.

— Вперед, воины,— приказал таркаан.— Убейте животных, но двуногих возьмите живыми.

Так началась последняя битва последнего короля Нарнии.

Поражение было неизбежно не столько из-за численного превосходства противника, сколько из-за копий. У калорменцев, с самого начала бывших при Обезьяныче, копий не имелось. Ведь в Нарнию они проникали под видом мирных торговцев, а пронести незаметно копье невозможно. Зато новоприбывшим, после того как Обезьяныч вошел в силу, скрываться уже было незачем. Их копья и решили исход дела. Копейщик, коль он проворен и хладнокровен, достанет кабана прежде, чем кабан достанет его клыками; и единорога — тоже. И вот ровный ряд опущенных копий двинулся на Тириана и его друзей. Еще миг, и начался бой не на жизнь, а на смерть.

На самом деле не так страшно биться, как смотреть со стороны. Когда напряжен каждый мускул и нужно увернуться от копья, подпрыгнуть, сделать выпад, отступить и

крутануться на месте, тогда на страх и уныние просто не остается времени. Тириан понимал, что на сей раз он никому не сможет помочь — все они обречены. Краем глаза заметил, как рядом с ним пал кабан и как неистово бьется Брильянт. Мельком увидел, как огромный воин-калорменец волочит Джил за волосы. Но думать обо всем этом тоже было некогда. Единственная мысль жила в нем — отдать свою жизнь как можно дороже. Хуже всего, что он не мог сохранить позицию под белой скалой. Когда бьешься с дюжиной врагов одновременно, приходится использовать любую возможность и без промедления бить, как только враг приоткроет грудь или шею. А в результате несколько выпадов — и первоначальная позиция остается далеко в стороне. Скоро Тириан обнаружил, что волей-неволей приближается к хлеву. Почему-то ему надо было держаться подальше от этого места, но почему — он не помнил; что-либо изменить он тоже был не в силах.

И вдруг все стало на свои места: он дерется с таркааном один на один на пороге хлева — костер или то, что от него осталось, светит ему прямо в лицо, — и стоит отступить еще на шаг, как два калорменца, стоящие наготове, захлопнут за ним дверь. Тириан понял, что его гнали к хлеву с самого начала. И преисполнился решимости биться с таркааном до последнего, зная заранее, чем закончится бой.

Но тут ему в голову пришло иное решение. Отбросив свой меч в сторону, он шагнул вперед, прямо под сверкающий клинок таркаана, ухватил Ришду за пояс и с криком: «Добро пожаловать на встречу с Ташем!» увлек врага за собою в хлев. Снова, как и в случае с Обезьянычем, оглушительно загрохотало, земля дрогнула, ослепительная вспышка озарила ночную тьму.

Калорменские воины завопили: «Таш! Таш!» и захлопнули дверь. Пусть Таш его заберет, восначальника, коль скоро он нужен Ташу, а им самим встречаться с Неумолимым нет никакого резона.

На мгновение Тириан потерял себя — не мог сообразить, ни где он, ни даже кто он. Придя в чувство, заморгал и огляделся. Он ждал тьмы. Но хлев был ярко озарен — вот почему он заморгал. Тириан напрягся: где враг? где Ришда? Но таркаану уже было не до него. Калорменец страшно вопил, тыча пальцем куда-то в сторону, потом закрыл лицо

руками и рухнул ничком наземь. Тириан посмотрел в том направлении. И увидел!

К ним приближалось жуткое существо, то самое, которое Тириан видел возле башни, только здесь оно казалось не столь огромным, хотя и много больше любого человека: четыре руки, голова стервятника, клюв раскрыт, глаза сверкают, крик похож на вороний грай.

— Ты призвал меня в Нарнию, таркаан Ришда. Вот он я. Что скажешь?

Таркаан не отрывал лица от земли, не молвил ни слова, а только вздрагивал, будто его била икота. Ришда был храбрым воином, но половину своей храбрости он растерял в тот момент, когда в нем зародилось подозрение, что Таш — не выдумка. Вторая половина покинула его теперь.

Резко наклонившись — словно петух склюнул червяка, — Таш ухватил несчастного Ришду левой парой рук. Потом, чуть повернув голову, вперил жуткое око в Тириана — имея птичью голову, только так, боком, и можно смотреть.

И в тот же миг прозвучал спокойный и ласковый, как летнее море, голос:

— Уходи, чудище; тащи свою законную добычу восвояси. Именем Эслана и Отца его, великого императора Заморья, заклинаю тебя!

Отвратительное существо, зажав таркаана под мышкой, исчезло. А Тириан обернулся на голос. И от того, что он увидел, сердце его забилось, как не билось никогда ни в одной битве.

Перед ним стояли семь королей и королев, увенчанных коронами, в блистающих одеждах; короли, к тому же, в прекрасных кольчугах и с мечами наголо. Тириан учтиво поклонился, но не успел молвить и слова, как младшая из королев рассмеялась. Тириан вгляделся и чуть не задохнулся от изумления — он узнал Джил, совсем не похожую на ту плачущую замарашку в старом платье, сползшем с плеча, какой он видел ее несколько минут назад. Теперь от нее веяло прохладой и свежестью, будто она только что вышла из купальни. Сперва ему почудилось, что она повзрослела, потом показалось, что нет, и он никак не мог решить, что же с ней произошло на самом деле. А вот и младший из королей — конечно же, Юстейс, но и он переменился так же, как Джил.

Тириану вдруг стало неловко — он предстал перед этими людьми, запятнанный кровью, грязью и потом битвы. Но тут же он понял, что и сам стал иным: и от него веяло свежестью, прохладой и чистотой, и одежда на нем та, какую надевал он ради великих празднеств в Кэйр-Паравеле. (Настоящая нарнианская одежда всегда была столь же удобна, сколь и красива, о таких же вещах, как крахмал, сукно или тугие резинки, там и вовсе не слыхивали.)

— Государь,— сказала Джил, выйдя вперед и сделав дивный реверанс,— позволь мне представить тебя верховному королю Питеру.

Тириану не пришлось объяснять, который из семерых королей — верховный, он видел это лицо тогда, во сне, хотя здесь, наяву, оно исполнилось еще большего благородства. Тириан шагнул вперед, преклонил колено и поцеловал руку Питера.

— Добро пожаловать в Нарнию, ваше величество,— молвил Тириан.

А верховный король, как и надлежит, поднял его и расцеловал в обе щеки. Потом представил его старейшей королеве (однако даже эта древняя дама оказалась не такой уж старой — ни тебе седых волос, ни морщин), король Питер молвил:

— Это, ваше величество, госпожа Полли, та, что пришла в Нарнию в самый первый день, когда Эслан повелел деревьям расти, а животным разговаривать,— затем Тириан был представлен человеку с длинной золотистой бородой и лицом, преисполненным мудрости. А дальше: — Мой брат, король Эдмунд. Моя сестра, королева Люси.

— Ваше величество,— спросил Тириан, после того как церемония завершилась.— Если я не ошибаюсь, согласно хроникам здесь должна быть еще одна персона. Ведь у вашего величества было две сестры? Где же королева Сьюзен?

— Моя сестра Сьюзен,— отвечал Питер кратко и сурово,— отреклась от Нарнии.

— Так и есть,— подтвердил Юстейс,— сколько мы ни пытались поговорить с нею о Нарнии, у нее один ответ: «Ну и крепкая же у вас память! Это надо же, по сей день думать о наших смешных детских играх».

— Ах, Сьюзен! — вздохнула Джил.— Теперь ей ничего не интересно, кроме нейлоновых чулок, губной помады и вечеринок. Как будто ей очень хочется стать взрослой.

— Вот уж действительно,— покачала головой тетя Полли,— хорошо бы она и вправду повзрослела. Детство потратила впустую, желая стать взрослой, теперь выросла и потратит всю жизнь на то, чтоб не состариться. Вот и получается: сперва спешит дорасти до самого дурацкого возраста, а потом всю жизнь за него же цепляется.

— Давайте отложим этот разговор,— сказал Питер.— Смотрите, какой здесь фруктовый сад! Какие плоды! Не испробовать ли их на вкус?

И только тут Тириан огляделся и понял, в какое дивное место попал.

Глава 13
Отречение гномов

Будь у него на то время, Тириан сообразил бы, что должен был оказаться под соломенной крышей в сарае шагов в двенадцать длиною и шириною — в шесть. А он стоял на травяной лужайке под высоким синим небосводом, и легкий ветерок летнего утра веял в лицо. Невдалеке поднимались кроны густолистых дерев, где из-под каждого листочка выглядывали золотые, бледно-желтые, фиолетовые и огненно-красные плоды, каких в нашем мире не встретишь. Плоды говорили о том, что здесь, должно быть, уже осень, но в воздухе пахло ранним летом, началом июня.

Все направились к саду. Каждый выбрал себе плод по нраву, сорвал с ветки, но не решался вкусить: плоды были столь прекрасны, что все ощутили одно: «Это не для меня... как я осмелился сорвать?»

— Все в порядке,— сказал Питер.— Я знаю, о чем мы все подумали. Но уверен, совершенно уверен, нам нечего бояться. Я чувствую, мы попали в страну, где нет никаких запретов.

— В таком случае, начали! — воскликнул Юстейс. И каждый откусил от своего плода.

Каковы они были на вкус? К сожалению, описать это невозможно. Скажу только, что по сравнению с этими плодами, самый спелый грейпфрут показался бы дряблым, оранжевый апельсин недостаточно сочным, груша, тающая во рту,— твердой, как деревяшка, а самая сладкая земляника — кислятиной. И ни тебе зернышек, ни косточек и никаких ос. Для того, кто вкусил от этих плодов, самая изыс-

канная снедь покажется не вкуснее лекарства. Но словами не нередашь и представить себе невозможно, пока сам туда не попадешь и не попробуешь.

Когда все немного насытились, Юстейс обратился к королю Питеру:

— Ты так и не поведал нам, как вы здесь оказались. Только начал рассказывать, а тут вдруг — король Тириан.

— Не многое я могу сообщить,— ответил Питер.— Эдмунд и я стояли на платформе и смотрели, как подходит ваш поезд. Мне еще показалось, что он слишком быстро вошел в поворот. И еще я подумал: забавно, может быть, наши едут в этом же самом поезде, а Люси даже не подозревает...

— Ваши? — переспросил Тириан.— Кого вы имеете в виду?

— Наших родителей — Эдмунда, Люси и моих.

— Откуда им там взяться? — удивилась Джил.— Уж не хочешь ли ты сказать, что они знают про Нарнию?

— Да нет, это никак не связано с Нарнией. Они собирались в Бристоль. Я услышал, что поедут они утренним поездом. А Эдмунд сразу сказал, что по утрам этот самый поезд — единственный.

(Эдмунд относился к тому сорту людей, которые знают все о железнодорожных расписаниях.)

— И что дальше? — спросила Джил.

— Ну, об этом так просто не расскажешь, правда, Эдмунд?

— Точно,— подтвердил Эдмунд.— На сей раз все происходило не так, как прежде, когда нас вытаскивали из нашего мира с помощью магии. Послышался ужасный рев, что-то шарахнуло по мне, но при этом не поранило. Я не столько испугался, сколько... как бы это сказать... напрягся, что ли. И... и еще одна странная штука. У меня сильно болело колено — расшиб, играя в регби. А тут вдруг перестало. Потом вспышка. И вот мы здесь.

— То же самое испытали и мы,— заметил господин Дигори, утирая сок плода с золотистой бороды.— Только думаю, мы с Полли не почувствовали никакого напряжения. Вам, желторотым, этого не понять — мы просто перестали ощущать себя стариками.

— Это мы-то желторотые? — фыркнула Джил.— Да вы сами стали не намного старше нас.

— И ничего не имеем против, — улыбнулась тетя Полли.

— Ну, вот вы сюда попали — а что дальше? — спросил Юстейс.

— Дальше? — Питер помолчал. — А дальше ничего не происходило. Очень долго — во всяком случае, показалось, что очень долго. Потом дверь отворилась...

— Дверь? — удивился Тириан.

— Ну да, — сказал Питер, — дверь. В которую вы вошли... или вышли... Вы забыли?

— Но где она?

— Да вон же!

Тириан оглянулся и увидел самую странную и забавную вещь, какую только можно вообразить. На луговине, в нескольких шагах от них, отчетливо видимая при солнечном свете, стояла корявая деревянная дверь в такой же корявой дверной раме; дверь, и больше ничего — ни стен, ни крыши. Изумленный Тириан двинулся к ней, другие — следом, любопытствуя, что он станет делать. Он обошел вокруг. С другой стороны все было то же самое — луговина и летнее утро. Дверь просто стояла среди травы, будто выросла подобно дереву.

— Ваше величество, — сказал Тириан верховному королю, — это величайшее чудо из чудес.

— Да, но именно через эту дверь вы ввалились сюда вместе с вашим калорменцем минут пять тому назад, — улыбнулся Питер.

— Но разве я попал сюда не из леса? А эта дверь, похоже, ниоткуда и никуда не ведет.

— Так кажется, — сказал Питер, — если ходить вокруг нее. Но поглядите в щель меж досками.

Тириан припал к щели. Сначала он увидел только черноту. Потом глаза попривыкли, и проявился из тьмы тусклый багровый жар костра, почти угасшего, а над ним черное небо в звездах. Потом Тириан разглядел темные силуэты на фоне угасающих костров; он даже слышал голоса — голоса калорменцев. Сомнений не осталось: это — дверь хлева, и за нею — ночное Фонарное урочище, место, где он принял свой последний бой. Калорменцы спорили: одни предлагали войти и попытаться спасти таркаана Ришду (на самом деле никто на это не решился бы), другие — сжечь хлев.

Оторвавшись от щели, Тириан огляделся и опять не поверил своим глазам: синее небо над головой, зеленый край, насколько хватает глаз, а рядом — друзья смеются.

Тириан улыбнулся в ответ:

— Похоже, что хлев изнутри и хлев снаружи — две разные вещи.

— Именно так,— подтвердил господин Дигори.— Изнутри куда больше, чем снаружи.

— Да, да,— подхватила королева Люси.— В нашем мире однажды такое случилось: в хлеву находилось то, что много больше всего нашего мира.

Это были первые слова, произнесенные ею, и по трепету, звучавшему в ее голосе, Тириан понял, отчего она молчала. Оттого, что воспринимала происходящее куда глубже остальных и была слишком счастлива, чтобы говорить. Тириану захотелось вновь услышать этот голос, и он попросил:

— Любезная госпожа, прошу вас, продолжайте. Расскажите, что же случилось с вами.

— Сначала был удар и грохот,— сказала Люси,— потом мы оказались в этом месте. И удивились этой двери так же, как и вы. Потом дверь открылась в первый раз (а за нею мы увидели тьму) и вошел мужчина с ятаганом наголо. По ятагану мы признали в нем калорменца. Воин встал сбоку от входа, положил клинок на плечо, готовый зарубить любого вошедшего. Мы приблизились и заговорили с ним, однако, судя по всему, он нас не видел и не слышал. Ни неба, ни солнца, ни травы, надо полагать, тоже. Прошло довольно много времени. Потом по ту сторону двери заскрипел засов, но калорменец стоял неподвижно и ждал — он явно хотел разглядеть входящего. Из чего мы сделали вывод, что ему велено одних убивать, а других не трогать. Но едва дверь отворилась, откуда ни возьмись, по эту стороны ее появился Таш. А снаружи вошел большой кот. Увидев Таша, он задал лататы и этим спас себе жизнь — Таш бросился за ним, но дверь уже захлопнулась и здорово ударила демона по клюву. Калорменец же увидел чудовище, побледнел и поклонился ему. Таш исчез. Прошло немало времени. Наконец дверь открылась в третий раз и вошел молодой калорменец. Он мне понравился. Увидев вошедшего, воин явно удивился. Я полагаю, он ждал кого-то другого...

— Теперь все понятно! — воскликнул Юстейс (у него была такая привычка — перебивать).— Кот должен был

войти первым, и стражу было велено не трогать его. А кот, выйдя из хлева, сказал бы, что видел этого страшного Ташлана, и притворился бы испуганным, чтобы напугать других. А Обезьяныч, Глум, и не думал, что может явиться настоящий Таш; а Рыжий и вправду испугался. А после этого всякого нарнианца, от кого Обезьяныч хотел бы избавиться, бросали бы в хлев, а страж...

— Дружище,— мягко остановил его Тириан,— ты не даешь даме договорить.

— Так вот,— продолжила Люси,— страж удивился. Это позволило вошедшему выхватить оружие. Они дрались. Молодой воин поразил стража и выбросил за дверь. Потом медленно двинулся в нашу сторону. Он видел и нас, и все остальное. Мы пытались заговорить с ним, но он, похоже, был не в себе. Он только повторял: «Таш, Таш, где Таш? Я иду к Ташу». Мы не стали его задерживать, и он ушел куда-то. Он мне понравился. А потом... фу! — Люси переменилась в лице.

— А потом,— подхватил Эдмунд,— сюда бросили обезьяну. А Таш уже тут как тут. У сердобольной моей сестры язык не поворачивается рассказать, как Таш налетел, клюнул, и обезьяне пришел конец.

— Туда Глуму и дорога! — воскликнул Юстейс.— Обезьяныч, я думаю, и с Ташем не поладит.

— Очень скоро сюда попали с дюжину гномов,— продолжил Эдмунд,— потом Юстейс, потом Джил, а последним — вы, Тириан.

— Надеюсь,— сказал Юстейс,— Таш пожрал этих мелких мерзавцев-гномов?

— Нет, не пожрал,— отвечала Люси.— Ничего такого страшного. Они здесь. Вон они, видишь? Я все пытаюсь подружиться с ними, но не получается.

— Подружиться с этими? — вскричал Юстейс.— Знала бы ты, как вели себя эти гномы!

— Ах, перестань, Юстейс,— молвила Люси.— Пойдем посмотрим, что с ними. Может быть, вы, король Тириан, чем-нибудь поможете.

— Не стану утверждать, что горю желанием свидеться с ними,— сказал Тириан.— Но ради вас, сударыня, я готов на все.

Люси повела их туда, где обретались гномы. То была очень странная компания. Гномы не прогуливались, не радовались

(хотя от пут как будто освободились), не лежали на травке и не отдыхали. Они сидели кружком, плечом к плечу, уставясь друг на друга и не глядя по сторонам. На пришедших они тоже не обращали внимания до тех пор, пока Люси и Тириан не подошли вплотную. Только тогда гномы, все разом, вскинули головы и стали прислушиваться, как незрячие, чтобы по звуку определить, что происходит.

— Эй, потише,— проворчал один из них.— Куда претесь? Нас подавите!

— Вот это да! — возмутился Юстейс.— Мы что, слепые? Что-что, а глаза у нас на месте.

— Видать, недурные у тебя гляделки, коль в такой-то тьме видят,— сказал тот же самый гном, а звали его Диггел.

— Это здесь-то тьма? — удивился Эдмунд.

— Ну, ты совсем безмозглый! Конечно, здесь, а где же еще? — рассердился Диггел.— Здесь, в этой черной, убогой, грязной дыре!

— Стало быть, вы ослепли,— молвил Тириан.

— Ослепнешь тут, коль ни зги не видать,— буркнул Диггел.

— Ах вы, бедные глупые гномы,— воскликнула Люси.— Тут вовсе не темно. Разве вы не видите? Посмотрите! Оглядитесь! Разве не видите — небо, деревья, цветы? И нас вы тоже не видите?

— Вот уж ложь так ложь! В этой тьме-тьмущей ты видишь нас не лучше, чем мы тебя.

— Но я вас вижу,— настаивала Люси.— Могу доказать: у тебя, к примеру, трубка в зубах.

— Ну и что? Об этом всякий по запаху догадается — табаком пахнет,— ответствовал Диггел.

— Вот бедолаги! Это просто ужасно...— Но тут ей пришла в голову отличная идея. Люси сорвала цветок дикой фиалки.

— Слушай, гном,— сказала она,— предположим, у тебя что-то с глазами, но с нюхом-то все в порядке. Понюхай это! — И сунула свежий росистый цветок прямо под уродливый нос Диггела. И тут же отскочила в сторону, счастливо избежав удара маленького, но твердого кулака.

— Прочь! — вопил гном.— Как ты смеешь! Не тычь мне в лицо навоз! Да еще с чертополохом. Какая наглость! И вообще, кто ты такая?

— Слушайте, подземные жители, — вновь вступил Тириан, — эта дама — королева Люси, в древние времена посланная сюда Эсланом. И я, Тириан, ваш законный король, только ради нее не снес вам головы с плеч, ибо вы — изменники, дважды изменники!

— А может, хватит? — воскликнул Диггел. — И как не надоело нести всю эту чушь? Разве твой замечательный Лев помог тебе? Ничуть! А что ты? А ничего! Даже после того, как тебя одолели и затолкали в вонючую дыру вместе с нами, ты продолжаешь старую игру. Нет чтоб выдумать новую ложь! А то врет и врет, никакой, мол, темноты, никакой, мол, дыры, ничего такого прочего...

— Дураки! — рассвирепел Тириан. — Если и есть дыра, она у вас в головах! А ну-ка, пошли! — Наклонившись, он ухватил Диггела за кушак и воротник и выдернул из круга. В тот же миг, как Тириан опустил его наземь, гном бросился назад, на свое место среди прочих. Он держался за нос и выл:

— Ой! Ой! Ты чего? Мордой прямо об стенку! Чуть нос не разбил.

— О, господи! — Люси чуть не плакала. — Что же нам с ними делать?

— Да ну их, пусть... — начал было Юстейс, но тут земля дрогнула. Повеяло дивным ароматом. Что-то вспыхнуло позади них. Тириан обернулся последним — ему было страшно. И увидел мечту своего сердца — огромного, неподдельного, золотого Льва, самого Эслана; другие уже, став на колени у его передних лап, зарылись руками и лицами в львиную гриву, а Лев, склонив свою огромную голову, облизывал их. И вот он устремил взгляд на Тириана, и Тириан, трепеща, подошел и преклонил колени предо Львом, а тот поцеловал его и сказал:

— Все хорошо, последний из королей Нарнии, — в темный час ты не утратил твердости.

— Эслан, — сквозь слезы взмолилась Люси, — ты не мог бы что-нибудь сделать ... помочь бедным гномам?

— Дорогая моя, — молвил Эслан, — сейчас ты сама увидишь, что я могу сделать, а чего не могу.

Он приблизился к кружку гномов и прорычал негромко, но так, что воздух сотрясся. А гномы стали переговариваться: «Слыхали? Опять они — из того угла хлева. Пуга-

ют. Придумали, видать, такую машинку, чтобы рычала. Плевать. Не поддадимся. Нам господа не нужны».

Эслан поднял голову и потряс гривой. И тут же на коленках у каждого гнома оказался поднос с изысканнейшими яствами — с пирогами, с языковым и голубиным паштетами, с трюфелями и с мороженым, и у каждого в руке кубок лучшего вина. Но и это не помогло. Гномы набросились на еду и питье, но, очевидно, не ощущая вкуса, полагали, что им бросили то, что можно найти в хлеву. Один сказал, что пытается жевать сено, другой грыз старую репу, третий — сырой лист капусты. Они пригубили красного вина из золотых кубков и скривились: «Фу! Грязное пойло из ишачьего корыта! До чего же нас довели!» Потом гномы стали ссориться и вырывать друг у друга пищу — каждому казалось, что у соседа кусочек получше,— и пошло у них побоище, и топтали они драгоценную снедь ногами, и сами в ней перемазались. Наконец снова сели в кружок — у кого глаз подбит, у кого нос расквашен — и сказали:

— Хорошо хоть тут обошлось без обмана. Никому не поддадимся. Гномы — для гномов.

— Видишь,— сказал Эслан,— они отвергают всякую помощь. Хитрость заменила им веру. Они обманулись — сами выдумали темницу и сами сидят в ней. И так боятся обмана, что их невозможно вызволить. Пойдемте, дети мои. Меня ждут другие дела.

Эслан направился к двери, все последовали за ним. Эслан поднял голову и взревел: «Время пришло!» Потом еще громче: «Время!» И наконец так, что дрогнуло небо: «ВРЕМЯ!» Дверь распахнулась.

Глава 14
Тьма над Нарнией

Они все стояли у правого плеча Эслана и смотрели в открытую дверь.

Костер совсем погас. В кромешной тьме темное пятно леса ничем не отличалось бы от черноты неба, когда бы не звезды. Эслан взревел еще раз, и слева над беззвездной чернотой леса явилась черная беззвездная тень: и поднималась она все выше и выше, обретая очертания человека — величайшего из великанов. Все достаточно знали Нарнию, чтобы понять, откуда восстал сей гигант. Стоял он на севере,

далеко за рекою Шриблой, на плоскогорье вересковых пустошей. Джил и Юстейс тут же вспомнили, что когда-то видели в глубоких пещерах под теми пустошами спящего великана, и что имя ему — Праотец-Время, и пробудится он в конце света.

— Да,— ответил Эслан на невысказанную мысль.— Покуда он спал, имя ему было — Время. Теперь, восстав ото сна, он именуется иначе.

И вот темная фигура на фоне звездного неба шевельнулась — величайший из великанов поднес к устам своим рог. Вслед, с небольшим запозданием, донесся звук (ведь звук всегда запаздывает), пронзительный, ужасающий и все же исполненный странной, гибельной красоты.

И тут же с неба пала звезда. Одна падающая звезда — красивое зрелище; но звезды низвергались десятками и сотнями; наконец звездопад стал подобен серебряному дождю, потом — ливню. Между тем наверху, на самой, если так можно выразиться, маковке неба стала проявляться другая черная тень, столь же огромная, но бесформенная. «Наверное, облако»,— подумал Эдмунд. Облако наползало на звезды и казалось беспросветно-черным. А за его пределами продолжался звездопад. Беззвездное пятно расширялось. Сперва помрачилась четвертая часть небосвода, затем половина, и вот осталась лишь узкая серебристая полоска по-над краем земли.

И только тогда с изумлением (и с некоторым страхом) они поняли: тьма, заполнившая небо,— не облако, она — пустота, оставленная звездами. Звезды покинули небо — Эслан призвал их домой.

Заключительный аккорд потряс всех: звездный дождь достиг земли, звезды падали кругом — нет, не огромные пылающие шары, как в нашем мире, но — люди (Эдмунд и Люси однажды встретили такого). Сверкающие люди с длинными серебристо вспыхивающими волосами, с копьями, горящими белым калением, стремглав низвергались из черной выси; раздавалось шипение, и трава у их ног обугливалась. Приземлялись они за спинами стоящих у двери, справа от Эслана.

Когда бы не люди-звезды, земля под беззвездным небом погрузилась бы в полный мрак. Толпа звезд излучала ярчайший белый свет, которым, словно прожектором, озаря-

лись нарнианские леса на мили и мили в даль. И каждый кустик, каждая травинка отбрасывала черную тень. А края листьев сверкали, как лезвия бритв.

И от стоящих в дверном проеме по траве тянулись тени. Самая большая — от Эслана. Тень Льва простиралась вперед и налево, чернейшая и ужаснейшая. А над тенями — навеки беззвездное небо.

Свет был столь ярок, что озарил даже склоны северных пустошей. Что-то двигалось там. Невероятных размеров животные ползли и летели в Нарнию: огромные драконы, гигантские ящеры и бесперые птицы с крыльями, как у летучих мышей. В абсолютной тишине они исчезали в лесах. И вот издали, сперва чуть слышно, донесся гомон, потом шорох и топот, и хлопанье крыльев со всех сторон. Все ближе, ближе. Скоро уже можно было отличить топотание тонких ножек от топота огромных ножищ, цокот копытец от грома копыт. Потом заблестели тысячи тысяч глаз. И наконец из-под древесных сеней на вершину холма, спасаясь от гибели, хлынули тысячи и сотни тысяч тварей — говорящие животные, гномы, сатиры, фавны, великаны, калорменцы, арченландцы, недостопы и множество диковинных иноземных созданий с далеких островов или неведомых западных земель. И все они втекали в дверь, где стоял Эслан.

Из череды событий больше всего именно это походило на сон, который почти невозможно вспомнить. Невозможно вспомнить, сколько времени длилось: порой казалось — несколько минут, порою — многие годы. Невозможно вспомнить, дверной ли проем расширился или прибывшие существа умалились до комариных размеров, чтобы вся масса могла протиснуться за порог. Никто в то время и не задавался такими вопросами.

Толпы созданий приближались, и чем ближе, тем ярче в их глазах отражался звездный свет. И каждая тварь, представ пред Эсланом, волей или неволей глядела ему в глаза. А дальше совершалось вот что.

Лица некоторых нарнианцев искажались ненавистью и страхом, но только на единое мгновение, ибо в следующий миг говорящие животные превращались в обыкновенных, бессловесных,— такие уходили направо (если стоять лицом ко Льву) и исчезали в его бесконечной черной тени, которая (как вы помните) простиралась налево от дверного

проема; и никто никогда их больше не видел; и что с ними сталось — неизвестно. Другие же взирали на Эслана с любовью, хотя многие и со страхом. Эти шли направо. Среди них попадались подозрительные личности. К примеру, Юстейс узнал одного из тех гномов, что стреляли в лошадей. Однако обдумать все это толком ему не удалось (да и не его то было дело) — великая радость вытеснила из головы все иные мысли: среди праведных тварей, толпившихся теперь вокруг Тириана и его друзей, собрались все, кого почитали мертвыми — кентавр Рунвит и единорог Брильянт, благой кабан и благой медведь, и орел Прозорл, и верные собаки, и лошади, и гном Поджин.

— Дальше! Дальше и выше! — возгласил Рунвит и устремился на запад.

Никто не понял смысла этих слов, но они отозвались в каждом. Кабан ответил радостным хрюканьем. Медведь собрался было пробормотать что-то насчет того, что он не совсем еще разобрался, как вдруг заметил фруктовые деревья. Не долго думая, затрусил он к ним вперевалочку и, можете не сомневаться, нашел там то, в чем разбирался весьма недурно. Собаки виляли хвостами и никуда не собирались уходить; гном Поджин тоже — он с каждым здоровался за руку и при этом его честная физиономия растягивалась в широчайшей улыбке. Брильянт положил свою белоснежную голову на плечо королю, и король шептал ему что-то на ухо. И только потом они снова обратили внимание на то, что творилось за дверью.

А там драконы и гигантские ящеры подминали под себя Нарнию. Они бродили туда-сюда, вырывая деревья с корнями, и грызли стволы, как стебли ревеня. С каждой минутой лес редел. Мир оголялся, стал виден рельеф — все бугорки и низины, которые прежде были незаметны. Трава увяла. Остались земля и камень. Не верилось, что там могла быть жизнь. И чудища стали на глазах стареть, падать, издыхать. Плоть иссыхала, проступали кости, и скоро лишь огромные скелеты остались среди камней — как будто минули тысячи и тысячи лет. И долго-долго ничего нового не происходило.

Наконец нечто белое, нечто длинное, узкое, мерцающее в свете звезд, явилось на востоке и стало приближаться. Обрушивая тишину, нарастал звук: ропот, гул, гром. Скоро стало ясно, что это такое и с какой скоростью оно приближает-

ся — то был пенный вал воды. Море вышло из берегов. Пустынный мир простирался вдаль, и было видно, как взбухают реки, раздаются вширь озера, сливаясь в одно необъятное озеро, долины наполняются водами, холмы становятся островами, а затем и вовсе исчезают. И нагорья слева и высокие горные кряжи справа, разрушаясь, с грохотом обваливались и гнали волну — вода прибывала, подступая к самому порогу, но не переливаясь через него. Пена плескалась у передних лап Эслана. Теперь вода была всюду — от порога до самого края неба.

На востоке посветлело. Тусклая полоска безрадостной зари растеклась по горизонту, расширилась, стала ярче, и свет живых звезд, стоявших рядом с Эсланом, помрачился. Солнце взошло. Увидев его, господин Дигори и тетя Полли переглянулись и согласно кивнули: они уже видели в другом мире такое умирающее светило и поняли сразу, что это солнце тоже умрет. Тусклое багровое светило было в три, нет, в двадцать раз больше обыкновенного. Лучи его пали на Праотца-Время, и великан побагровел, и безбрежные воды окрасились в цвет крови.

Потом взошла луна, и оказалась как-то слишком близко к солнцу; она тоже была багровой. А солнце стало метать в луну огненных темно-красных змей. И стало похоже на осьминога, протянувшего к ней свои щупальца. И похоже, оно потащило луну к себе. Во всяком случае, луна стала приближаться к нему, сперва медленно, потом все быстрее, быстрее, покуда наконец языки пламени не объяли ее и два светила не стали единым огромным шаром цвета тлеющих углей. Огромные раскаленные глыбы с неба рушились в воды, ввысь вздымались столбы пара.

Тогда Эслан молвил:

— Конец!

Великан бросил рог в море, протянул руку — черную, длиной в тысячу миль руку — через все небо к солнцу. Схватил и сжал светило в кулаке, как апельсин. И стала тьма.

В дверь ворвался ледяной ветер — все, кроме Эслана, отпрянули от порога. Дверная рама покрылась сосульками.

— Питер, верховный король Нарнии, — сказал Эслан, — затвори ход.

Питер, дрожа от холода, высунулся во тьму и закрыл дверь. Сосульки обломились. Потом непослушными от стужи пальцами

Питер достал золотой ключ и запер дверь. Нагляделись они чудес за этим дверным проемом, но чудеснее всего казалось то, что осталось вокруг — и тепло, и свет, и синее небо над головой, и цветы под ногами, и смех в глазах Эслана. Лев обернулся, нрисел, взмахнул хвостом и рванулся с места подобно золотой стреле.

— Выше! Дальше! — кликнул он, оглянувшись. Кто же может тягаться с ним в скорости? Они последовали за ним, на запад.

— Вот и все,— сказал Питер.— Тьма поглотила Нарнию. Что ты, Люси? Не плачь. Разве Эслан не с нами? Разве мы не вместе?

— Не останавливай меня, Питер,— всхлипывала Люси.— Я уверена, Эслан не стал бы... Мы должны оплакать Нарнию. Подумай о том, что от нее осталось — мертвое и ледяное — по ту сторону двери.

— Я тоже надеялась,— сказала Джил,— что этот мир вечен. Знала, что наш должен погибнуть. И надеялась, что Нарния — нет.

— А вот я видел начало этого мира,— сказал господин Дигори.— Но никогда не думал, что доживу до его конца.

— Государи мои,— молвил Тириан.— Пусть дама плачет. Ибо, смотрите, я тоже плачу. Матерь моя умерла на моих глазах. Что еще, кроме Нарнии, знал я? Не пристало нам не оплакать ее.

И пошли они вдаль, прочь от двери, прочь от кучки гномов — те остались сидеть в воображаемом хлеву, толковать о минувших битвах и перемириях, о древних королях и о славе Нарнии.

Собаки сопровождали наших героев. Изредка они вставляли словечко-другое в общий разговор, но больше рыскали по траве, сопели, принюхиваясь к чему-то и чихали от волнения. Наконец напали на след, запах которого их так будоражил. И пошел у них спор: «Я тебе говорю... Да нет же... А я тебе говорю, оно самое... Да всякий, у кого есть нос, учует, чем тут нахнет... А может, вы уберете свои носы и дадите понюхать другим?..»

— В чем дело, братья? — спросил Питер.

— Калорменец, ваше величество,— залаяли собаки наперебой.

— Ведите нас к нему,— сказал Питер.— Как бы он нас ни встретил, мирно или враждебно, мы ему рады.

Собаки ринулись по следу и тут же примчались вспять, будто снасаясь от гибели, с оглушительным вонлем, мол, там он, там калорменец. (Говорящие собаки точно так же, как обыкновенные, всегда уверены, что их дело важнее всех остальных.)

Путники последовали за собаками и увидели молодого калорменца, сидевшего под каштаном у прозрачного ручья. Это был Эмеф. Он встал им навстречу и сдержанно поклонился.

— Сударь,— обратился он к Питеру,— мне не ведомо, друг вы мой или недруг, но я рад приветствовать вас. Ибо сказал поэт: «Благородный друг — наилучший дар, благородный враг — лучше лучшего».

— Сударь,— отвечал Питер,— я не вижу причин для вражды.

— А как вы сюда попали, и что с вами было? — вмешалась Джил.— Расскажите!

— История, верно, долгая,— пролаяли собаки.— Сперва хорошо бы напиться, потом полежать. Совсем мы запыхались.

На что Юстейс заметил:

— Еще бы вам не запыхаться! Охота же по всякому нустяку носиться, высунув языки.

Люди устроились на травс. И собаки — после шумной возни у водопоя — тоже уселись, выпрямив снины, как будто проглотили шест, тяжело дыша и вывалив языки из пастей на одну сторону. Лишь Брильянт остался стоять, наводя блеск на свой синий рог — полируя о собственную шкуру.

Глава 15
Дальше и выше

— Да будет вам известно, о вещеносные вонтели,— начал Эмеф,— и вы, прекрасные дамы, чья красота озаряет вселенную, что я — Эмеф, седьмой сын таркаана Харны из города Ташбаана; оный же город стоит на западе за пустыней. Я прибыл в Нарнию недавно, а всего нас было двадцать и девять воинов под водительством таркаана Ришды. Когда до слуха моего дошло, что путь нам лежит в Нарнию, испытал я великую радость, ибо премного был наслышан о земле вашей и желал испытать себя в сражениях с вами. Когда же

узнал я, что нам повелено проникнуть в сей край под видом купцов (каковой вид есть позор для воина и сына таркаана) и действовать хитростью и обманом, оная великая радость покинула меня. Когда же оказались мы под началом у обезьяны, а обезьяна провозгласила, что Таш и Эслан суть одно, белый свет помрачился в очах моих. Ибо с младых ногтей служил я Ташу и величайшим моим желанием было познать его суть, и коль скоро возможно, лицезреть его. Имя же Эслана было мне ненавистно.

И как вам известно, еженощно мы собирались перед лачугой, крытой соломой, разжигали огонь, и упомянутая обезьяна по имени Глум выводила из оной лачуги какое-то четвероногое, каковое не имел я возможности разглядеть хорошенько. А люди и животные падали ниц перед ним и восхваляли его. Сперва помыслил я так: наш таркаан, должно быть, обманут обезьяной, ибо тот, кто являлся из лачуги, не мог быть ни Ташем, ни каким-либо иным божеством. Когда же глаза мои узрели лицо таркаана и уши услышали всякое слово, сказанное между ним и Глумом, тогда мысли мои переменились, ибо я постиг, что сам таркаан не верит сказанному. Вслед за тем я постиг, что не верует он и в самого Таша, ибо, веруя, как посмел бы глумиться над ним?

Когда же постиг я сие, великий гнев обуял меня и удивлялся я, отчего это истинный Таш не поразит таркаана и Глума молнией небесной. И все же, скрывая свой гнев и удерживая мой язык за оградой зубов, выжидал я, желая видеть, чем все завершится. Однако вчера вечером, как известно некоторым из вас, обезьяна не вывела желтую тварь, но всем, кто того пожелает, предложено было взглянуть на Ташлана — два имени слепили они в одно, сделав вид, что и суть их едина, — да войдет в лачугу всякий вызвавшийся. Я же сказал сам себе: несомненно, это — новая хитрость. Когда же кот, войдя туда, бежал, потеряв разум от ужаса, тогда я сказал сам себе: несомненно, Таш, которого они призывали, явился, дабы отмстить за обиды. И хотя сердце мое от восторга и ужаса перед Ташем стало словно бурдюк с водой, но желание мое пересилило страх, и унял я дрожь в коленях моих, стиснул зубы, дабы не стучали, и решил, что увижу лик Таша, даже если это грозит мне смертью. И вот вызвался я; таркаан же, хотя и неохотно, позволил мне войти.

И вот вошел я, и весьма удивился, ибо узрел свет дневного светила (под коим все мы теперь пребываем), а снаружи казалось, в лачуге — тьма. Но не успел я подивиться оному чуду, как пришлось мне схватиться не на жизнь, а на смерть с одним из наших же воинов. Увидев его, уразумел я сразу, что Глум с таркааном Ришдой поставили его там, дабы убивал он всякого вошедшего, кто не был с ними в заговоре — воистину и этот воин тоже был лжец и глумитель, а не истинный слуга Таша. И возжелал я сразиться с ним, и убит был мною злодей и брошен прочь, за дверь.

И вот огляделся я и узрел небо и простор, напоенный сладчайшими ароматами. И сказал я: о боги, сие место предивное — должно быть, попал я в землю Таша. И направил я стопы свои в даль, дабы найти его.

Шел я и шел среди трав и цветов, среди всякого вида деревьев, и прекрасных и полезных вместе. И вот! Был там тесный проход меж двух скал, где настиг меня Великий Лев. Бежал он быстрее страуса, размером же был как слон, грива его — чистое золото, очи его — как золотой расплав в печи. Был он ужаснее огненной горы Лагор, и столь же прекраснее всего сущего в мире, сколь цветущая роза прекраснее праха пустыни. Пал я в ноги ему и помыслил: несомненно, пришел мой смертный час, ибо Лев (достойнейший всякого восхваления) ведает, что во все дни моей жизни служил я Ташу, а не ему; но лучше узреть Льва и умереть, чем быть тисроком, владыкой всего мира, и жить, не видев его. Однако сей Великолепный склонил ко мне свою златую голову, коснулся языком лба моего и молвил:

— Сын мой, добро пожаловать.

Я же ответил:

— Увы, повелитель, не сын я тебе, ибо служу Ташу.

Он же сказал:

— Дитя, ты служил Ташу, как мне.

И тогда, пожелав большей мудрости и постижения, преодолел я мой страх и оспорил Великолепного, говоря:

— Повелитель, разве сказанное обезьяной истинно, будто ты и Таш суть одно?

И взревел Лев так, что земля всколебалась (но гневался не на меня), и сказал:

— Это ложь. Ибо я и Таш не едины, но противостоим один другому, и слугам Таша воздаю я по заслугам, ибо ради

меня и ради него творятся дела столь разные: что делается ради меня, не может быть мерзким, что же делается ради него, не может быть не мерзостным. Посему, коль скоро кто поклялся именем Таша и соблюдает клятву, ибо поклялся, стало быть, клялся он моим именем, хотя и не знал того, и я воздам ему по заслугам. Когда же кто творит беззаконие во имя мое и призывает Эслана, не меня он призывает, но Таша, и от Таша ему воздастся. Понял ли ты, дитя мое?

И я отвечал:

— Тебе то известно, о повелитель, сколь много постиг я из слов твоих, — и еще я сказал (ибо не мог я лгать): — Но во все дни моей жизни стремился я к Ташу.

— Ах, возлюбленный мой, — молвил Великолепный, — когда бы стремился ты не ко мне, путь твой был бы не столь долог и прям. Ибо к чему стремишься, к тому и приходишь.

И дыханием своим он утишил дрожь в членах моих, и встал я на ноги. И не много было слов после этого сказано, но предрек он мне, что я вновь встречусь с ним, и что путь мой лежит ввысь и вдаль. И обернулся он золотым вихрем и вдруг исчез.

И вот, о короли и королевы, я блуждаю по сей земле, дабы вновь увидеть его, и великое счастье поразило меня так, что ослабел я телом. И величайшим я почитаю чудом, что меня он назвал возлюбленным, тогда как я воистину пес шелудивый...

— Вах! Что ты сказал? — гавкнула одна из собак.

— Сударь, — сказал Эмеф, — это всего лишь калорменский оборот речи.

— Не очень-то мне нравится такой оборот, — ответила собака.

— Ничего страшного, — возразил пес-вожак. — В конце концов, мы же ругаем наших кутят паршивыми мальчишками, когда они не ведут себя должным образом.

— Это точно, — согласилась собака. — А девчонок называем с...

— Тихо! — воскликнул пес-вожак. — Это слово не произноси. Помни, где ты находишься.

Но тут Джил воскликнула: «Ой! Кто это?» Все обернулись и увидели изящное серебристо-серое четвероногое существо, довольно робко приближающееся к ним. Долго они пялились на пришельца — наверное, можно было успеть до-

считать до десяти,— пока кто-то не воскликнул: «Так ведь это же Глуп!»

Никто из них не видел ишака при свете дня да без львиной шкуры, теперь он стал неузнаваем. То есть стал он как раз таким, каким и был: симпатичным ишачком с такой мягкой серой шкуркой, с такой нежной честной мордахой, что любой, увидев его, сделал бы то же самое, что Джил и Люси,— бросился бы ему навстречу, обнял бы за шею и расцеловал в нос и уши.

Когда же его спросили, где он был, он ответил, что вошел в дверь вместе со всеми, но, по правде говоря, стоял в сторонке, подальше от Эслана. Потому что, увидев настоящего Льва, так устыдился всей этой глупости с переодеванием в львиную шкуру, что не смел поднять глаз. А потом, увидев, что друзья его двинулись на запад, и к тому же пощипав травки («потому что я в жизни не видел такой сочной травы»), он набрался храбрости и пошел следом.

— Но что мне делать, если я встречу Эслана, я просто не знаю. Потому что... — И Глуп опустил голову.

— Вот увидишь, все будет хорошо,— улыбнулась королева Люси.

И снова, теперь уже все вместе, они двинулись на запад, туда, куда прыгнул Эслан, взывая: «Выше и дальше!» Множество других существ не спеша продвигались в том же направлении, но зеленое пространство было обширно и места хватало всем.

Раннее утро длилось, и воздух дышал утренней свежестью. Время от времени путники останавливались и озирались, отчасти для того, чтобы полюбоваться красотой этого мира, отчасти потому, что им что-то казалось странным.

— Послушай, Питер,— сказала Люси,— как по-твоему, где мы находимся?

— Не знаю,— отвечал верховный король.— Все это мне что-то напоминает, но не могу понять — что. Как будто мы здесь уже были. На празднике. Совсем еще маленькими.

— Веселый, должно быть, был праздник,— подхватил Юстейс.— Готов поспорить, в нашем мире таких мест нет. Поглядите, какое все яркое. Разве в нашем мире бывают такие синие горы, как вон те, на горизонте?

— Может быть, это страна Эслана? — предположил Тириан.

— Но она совсем не похожа на гору Эслана, что стоит за восточным пределом вселенной, — заметила Джил. — Я же видела ту гору своими глазами.

— Если хотите знать, — молвил Эдмунд, — это очень похоже на Нарнию. Вон те горные хребты впереди, а за ними снежные вершины — разве они не похожи на горы западной Нарнии и на те, что дальше, за водопадом?

— Да, похожи, — откликнулся Питер. — Только они слишком высокие.

— Горы, может быть, и не нарнианские — сказала Люси. — Но посмотрите-ка вон туда, — она показала налево, и все остановились. — Вон те холмы, прекрасный лес и синева за ними — совсем как южный предел Нарнии.

— Похоже! — воскликнул Эдмунд, прервав молчание. — Да, точно! Вон гора Пайр с раздвоенной вершиной и проход в Арченланд, и вообще...

— И все же они не совсем такие, — заметила Люси. — Они другие. Ярче и выше, я же помню, и какие-то... какие-то... Не знаю, как сказать ....

— Настоящие, — осторожно подсказал господин Дигори.

И тут орел Прозорл, паривший кругами высоко в небе, сделав круг, приземлился.

— Короли! Королевы! — вскричал он. — Мы все просто слепые. Я, кажется, понял, где мы. Сверху я увидел все — и Великогорье, и Бобриную плотину, и реку Великую, и Кэйр-Паравел — он все еще сияет на берегу моря. Нарния не погибла. Вон она — Нарния!

— Но как это может быть? — удивился Питер. — Ведь Эслан предупредил нас, старших, что мы никогда уже не возвратимся в Нарнию, но мы-то — здесь.

— Да к тому же, — подхватил Юстейс, — мы своими глазами видели, как все разрушилось и солнце погасло.

— И здесь все совсем другое, — подтвердила Люси.

Тогда в разговор вступил господин Дигори:

— Орел прав, — сказал он. — Послушайте, Питер, ведь когда Эслан сказал, что вы не вернетесь в Нарнию, он говорил о той Нарнии, о которой вы думали. Но то была не истинная Нарния — она родилась и должна была умереть. Та Нарния — только призрак или копия истинной, вот этой, которая всегда была и всегда пребудет; точно также и наш

мир, Англия и весь земной шар — только тень или копия чего-то, что существует в истинном мире Эслана. Не надо оплакивать Нарнию, Люси. Все, что было хорошего в той, ушедшей Нарнии, все драгоценное и живое вошло через дверь в эту, истинную Нарнию. И конечно, между ними есть различия, такие же, как между вещью и ее тенью или между сном и явью.

Его голос, его слова подействовали на всех, как погудка боевой трубы, но когда он добавил со вздохом: «Ведь все это есть у Платона; не могу понять, чему же их учат в этих школах!» — старшие рассмеялись. Он слово в слово повторил то, что сказал им в другом мире давным-давно, когда борода у него была седой, а не золотистой. И он понял, чему они смеются, и тоже залился смехом. Однако скоро к ним вернулась серьезность — ведь хорошо известно, что именно серьезным сопутствует удача и счастье. А потратить жизнь на шутки — это слишком легко.

Дать вам понять, чем отличалась эта озаренная солнцем земля от прежней Нарнии, так же трудно, как объяснить различие во вкусе между тамошними плодами и земными. И все же я попробую. Представьте себе, что вы сидите перед окном, из которого открывается чудесный вид на морской залив или на зеленую долину среди гор. А напротив окна на стене висит большое зеркало. Так вот, если отвернуться от окна и заглянуть в зеркало, можно увидеть в нем то же море или ту же долину. И это море или эта долина, отраженные в зеркале, вроде точно такие же, как за окном. А в то же время совсем не такие — в зеркале они становятся осмысленнее и красивее, они — будто из сказки, которой вы никогда не слышали, но хотели бы услышать. Такова же разница между прежней Нарнией и новой. Новая земля *глубже*: каждый камешек ее или цветок, или былинка исполнены смысла. Нет, я не в силах описать это: вы поймете, о чем я говорю, если сами когда-нибудь доберетесь туда.

И только Брильянту удалось выразить словами то, что остальные чувствовали сердцем. Он топнул копытом оземь, заржал и воскликнул:

— Наконец-то я дома! Это — моя страна! Я родом отсюда. Эту землю я искал всю жизнь, сам того не зная. Вот почему мы любили прежнюю Нарнию — потому что она была похожа на эту. Ого-го! Дальше! Выше!

Он тряхнул гривой и прянул с места в карьер с такой прытью, что в нашем мире исчез бы из глаз в мгновение ока. Но здесь случилось невероятное: все пустились за ним следом и к своему удивлению обнаружили, что ничуть не отстают, все — не только собаки и люди, но даже упитанный Глуп и коротконогий гном Поджин. Встречный воздух овевал лица, словно они мчались в автомобиле без ветрового стекла. Земля убегала назад, будто за окном скорого поезда. Они мчались все быстрее и быстрее — без устали, легко, не задыхаясь.

Глава 16
Прощание с миром теней

Если бежишь без устали, зачем, спрашивается, останавливаться? И никто не остановится без особой на то причины. Однако такая причина появилась, и Юстейс закричал:

— Стойте! Стойте! Поглядите, куда мы лезем!

Все замерли. Они стояли на берегу озера Чан, а прямо перед ними с высоченного скалистого уступа низвергались тысячи тонн воды в секунду — водопад Великий, местами сверкающий алмазными брызгами, местами темный, местами подобный гладкому зеленому стеклу; и грохот его отдавался в ушах.

— Не останавливайтесь! Дальше! Выше! — заклекотал Прозорл, взмывая вверх.

— Хорошо ему говорить,— проворчал Юстейс, но Брильянт тоже заржал:

— Не останавливайтесь! Дальше! Выше! С места — вперед!

Грохот воды почти заглушил его голос, но в следующее мгновение он бросился в озеро, а следом за ним бултыхнулись все остальные, кто как мог. Вода, вопреки ожиданиям (особенно ожиданиям ишака), оказалась не студеной, но восхитительно пенисто-прохладной. И все они друг за другом поплыли прямо к водопаду.

— Это безумие! — крикнул Юстейс Эдмунду.

— Вот именно. И все же...— откликнулся Эдмунд.

— Ну, разве это не замечательно? — подала голос Люси.— Разве вы не заметили, что здесь не страшно? Хочешь испугаться — и не можешь. Попробуйте испугайтесь.

Юстейс попробовал.

— Нет, и вправду не могу,— сказал он.

Брильянт достиг основания водопада первым, но и Тириан от него не отставал. Джил плыла последней, и поэтому могла видеть все происходящее лучше других. Она видела, как что-то белое перемещается вверх по столбу воды. Это был единорог. Непонятно, плыл он или карабкался, но подвигался все выше и выше. Рог его вспарывал воду, и две радужные струи пенились у плеч. Следом подымался король Тириан. Он двигал руками и ногами, как будто плыл, но плыл вертикально вверх, как по стене.

Забавнее всего выглядели собаки. Во время бега они ничуть не запыхались, но теперь, перебирая лапами, то отфыркивались, то чихали, потому что заливались лаем, и вода попадала им в носы и пасти. Едва Джил успела разглядеть все это, как сама оказалась в водопаде. Такое совершенно невозможно в нашем мире, потому что либо утонешь, либо мощным потоком будешь брошен на острые скалы. Но в этом мире возможно и невозможное. Брызги сверкали как бриллианты, в глубине самоцветами мерцали камни, и казалось, что уже не по водопаду, но в столбе света они возносятся все выше и выше, на страшную высоту, которая здесь не была страшна, но вызывала восторг. Наконец все по очереди вошли в плавную кривую гладкого зеленого перевала там, где река срывалась с уступа вниз. Водопад остался позади, и каким же замечательным пловцом нужно быть, чтобы преодолеть его!

Скоро все вышли на берег, вымокшие, но счастливые.

Вдаль, к подножиям снежных гор, уходила речная долина, и горы приблизились.

— Дальше! Выше! — вскричал Брильянт, и без промедления все пустились вслед за ним.

Нарния осталась позади, впереди простирались дикие земли запада, которых ни Тириан, ни Питер, ни даже орел никогда прежде не видели. Зато господин Дигори и тетя Полли то и дело окликали друг друга: «Ты видишь? Ты помнишь?» — и при этом в голосах их не слышалось одышки, хотя вся компания теперь мчалась быстрее стрелы.

— Сударь,— обратился Тириан к Дигори,— правда ли то, о чем сообщают древние предания, будто вы оба были здесь в самый день творения?

— Да, это правда,— отвечал Дигори,— но мне кажется, будто это было вчера.

— И крылатые кони тоже правда?

— Разумеется,— отвечал Дигори.

Но тут собаки залаяли:

— Быстрее, быстрее, вперед!

Так они и бежали, все быстрее и быстрее, пока бег не стал похож на полет, и даже орел не мог обогнать их. Одна извилистая долина за другой, крутые подъемы (не замедляя бега) и спуски, горные реки — вброд, горные озера — вплавь (подобно живым быстроходным катерам), покуда на дальнем берегу одного из озер, синих как бирюза, не увидели они гладкий зеленый холм. Холм, крутой, как пирамида; на округлой его вершине — зеленая стена; за стеною — купы деревьев с серебряной листвой и золотыми плодами.

— Дальше! Выше! — взывал единорог, и никто не замедлил бега. Они оказались у основания холма и взметнулись вверх по склону, как морская волна, набежавшая на прибрежный утес. Склон был крутой, как скат крыши, травянистый и гладкий, как площадка для игры в кегли, но никто даже не поскользнулся. И только у самой вершины они замедлили бег и остановились пред огромными золотыми вратами. И никто из них не осмеливался испытать, откроются ли ворота. Одолели те же сомнения, что и в саду: «Это не для меня... достоин ли я?... имею ли право?..»

Так они и стояли в нерешительности, покуда за стеной в саду не раздалась чудесная, звонкая и благозвучная погудка большого рога,— ворота дрогнули и раскрылись.

Тириан затаил дыхание, ожидая увидеть того, кто выйдет им навстречу. А увидел того, кого меньше всего ожидал,— не слишком крупную, но статную, сверкающую глазками мышь, чью голову венчал золотой ободок с алым пером, а левая верхняя лапа лежала на рукояти длинной шпаги. Мышь поклонилась чрезвычайно изящно и пропищала:

— Именем Льва, приветствую вас. Вперед — выше и дальше!

Тут король Питер, король Эдмунд и королева Люси и вправду бросились вперед и, став на колени, приветствовали мышь, восклицая: «Рипичип!» И у Тириана от удивления перехватило горло, ибо он понял, что видит одного из величайших героев Нарнии, мыша Рипичипа, того самого, что отличился в великой битве при Беруне, а затем отправился на край вселенной с королем Каспианом Мореплава-

телем. Но не успел он осознать, что к чему, как вдруг две мощные руки обняли его и кто-то бородатый поцеловал в щеку, и послышался знакомый голос:

— Это ты, сынок? Однако ты вырос и поздоровел с тех пор, как мы виделись в последний раз.

То были его собственный отец, добрый король Эриан. Но выглядел он совсем не таким, как в последний раз, когда Тириан его видел. Тогда его принесли в замок бледным, израненным в битве с великанами. И даже не таким, каким Тириан его помнил — седовласым воином. Нет, перед ним был человек молодой и веселый — таким он был, когда Тириан, совсем еще дитя, играл с ним летними вечерами после ужина в саду замка Кэйр-Паравела. И он тут же почувствовал вкус хлеба и молока, которые обыкновенно подавали на ужин.

Брильянт же про себя подумал: «Пусть они потолкуют наедине, я еще успею поздороваться с добрым королем Эрианом. Сколько спелых яблочек он скормил мне, жеребенку». Но тут мысли его смешались, потому из ворот вышла лошадь столь царственная, столь благородная, что даже единорог смутился в ее присутствии — огромная крылатая лошадь. С минуту она приглядывалась к господину Дигори и тете Полли и вдруг заржала: «Родные мои!» А те закричали в ответ: «Вольная Птица! Старушка Вольная Птица!» — и бросились целовать ее.

Но в этот момент Рипичип вновь пригласил всех войти. И вот они вошли в золотые ворота, а там — дивный аромат сада, прохлада и смешение света и тени под деревьями, и пружинящая под ногами мурава, испещренная белыми цветочками. Первым поразило то, что пространство внутри оказалось куда обширнее, чем могло показаться снаружи. Однако времени на размышления не оставалось, ибо к ним со всех сторон поспешали встречающие.

Казалось, все, о ком вы узнали из этих книг (если вы их прочли), были там — и филин Белопер, и лягва-мокроступ Зудень, и король Рилиан Зачарованный, и его мать, дочь Звезды, и его великий отец, сам король Каспиан. Следом шли капитан Дриниан и лорд Бэм, и гном Трампкин, и добрый барсук, и кентавр, и сотни других героев великой освободительной войны. С другой стороны поспешали король Арченланда Кор и отец его Лун, и королева Аравис,

и отважный принц Корин Громовый Кулак, и конь Бри, и кобылка Хвин. А за ними — Тириан не верил своим глазам — шли еще более древние: господин и госпожа Боббе-ры, и фавн Тамнус. Что тут началось! Объятия, поцелуи, руконожатия, старые шутки (вы даже представить себе не можете, как здорово звучит старая шутка, повторенная пять-шесть столетий спустя), и вся компания двинулась в глубь сада. Там на дереве сидела птица феникс, а под деревом стояли два престола, а на них восседали король и королева, столь величественные и прекрасные, что все преклонили перед ними колени. А как же иначе? Ведь то были король Фрэнк и королева Хелен, прародители всех владык Нарнии и Арченланда. Вы поймете, что ощутил Тириан, коль представите себе, что вы стоите перед ликами Адама и Евы во всей их славе.

Через полчаса — а может быть, через полстолетия, ибо время там течет иначе,— Люси стояла на стене со своим старейшим нарнианским другом фавном Тамнусом и созерцала оттуда всю Нарнию. Холм сверху казался намного выше, чем можно было подумать. Он обрывался сверкающими утесами на такую глубину, что кроны деревьев внизу представлялись крупицами зеленой соли. Люси повернулась и глянула на сад.

— Понимаю,— произнесла она задумчиво.— Теперь понимаю. Этот сад вроде того хлева. Он внутри куда больше, чем снаружи.

— Именно, именно так, дочь Евы,— кивнул фавн.— Здесь чем дальше и выше, тем больше и шире. Изнутри все больше, чем снаружи.

Люси вгляделась и увидела, что сад на самом деле — целый мир, с реками и лесами, горами и морями. Но все это было не чужое — все знакомое.

— Понимаю,— повторила она.— Это тоже Нарния, и эта Нарния прекраснее и подлиннее той, что за пределами стены, настолько, насколько та прекраснее и подлиннее Нарнии за пределами хлева! Понимаю... мир внутри мира, Нарния внутри Нарнии...

— Именно так,— кивал господин Тамнус.— Словно одежки луковицы, с той лишь разницей, что чем глубже, тем одежка больше.

Люси смотрела то в одну сторону, то в другую и вскоре обнаружила в себе самой новую необычную способность: на

что бы она ни смотрела, в какой бы дали то ни было, стоило ей вглядеться попристальнее, все становилось четким и близким, как в бинокле. Она могла видеть и пустыню на юге, и город Ташбаан за нею, а на востоке — Кэйр-Паравел на морском берегу, и даже окна знакомых покоев. Далеко за морем видела она острова — остров за островом до самого предела мира, а за его пределами — высочайшую гору, которую они нарекли страной Эслана. Но теперь Люси разглядела, что гора та — одна из многих в кольце гор, окружающих мир. И все это, казалось, совсем близко. Потом она глянула в другую сторону и узрела что-то похожее на огромное цветистое облако, отделенное от сада каким-то пространством. Но вглядевшись, поняла, что это не облако вовсе, но целый мир. И проникнув взглядом в этот мир, она вдруг вскричала: «Питер! Эдмунд! Скорее сюда! Посмотрите!» Те прибежали, взглянули, и зрение их стало столь же острым, как у нее.

— Не может быть! — воскликнул Питер.— Ведь это Англия. А этот дом — дом профессора Керка; старый дом, в котором начались наши приключения!

— А я думал, его снесли,— сказал Эдмунд.

— Именно, именно,— сказал фавн,— он и был снесен. Но сейчас-то вы смотрите на Англию внутри Англии, на Англию столь же истинную, сколь истинна эта Нарния. И в истинной Англии ничто не исчезает.

Тут они глянули чуть в сторону, и Питер, Эдмунд и Люси задохнулись от изумления, а потом начали кричать и махать руками — там, на обширной луговой низине, стояли их родители, мать и отец, и тоже махали руками. Так машут друг другу люди с палубы прибывшего корабля и с пристани.

— Мы можем попасть к ним? — спросила Люси.

— Чрезвычайно просто,— сказал господин Тамнус.— Что те места, что эти — все они истинные, все они — отроги великих гор Эслана. Нужно только подняться по склону вверх и вглубь, и вы — там. Но слышите? Рог короля Фрэнка зовет нас в дорогу.

Скоро все собрались, и длинная пестрая процессия двинулась вверх по горам, выше которых не найдешь в нашем мире. Но ни снега на них, ни льда — только леса, зеленые склоны, дивные сады и каскады сверкающих водопадов. Путь

сужался, глубокие долины по сторонам его — истинные миры — сближались. Впереди разгоралось зарево, а цветистые утесы уступами поднимались ввысь, как великанья лестница.

И, все это увидев, Люси тут же обо всем забыла, ибо сам Эслан спускался им навстречу, прыгая с уступа на уступ подобно живому потоку силы и красоты.

И первым Эслан подозвал к себе ишака Глупа. И Глуп предстал пред Эсланом, как сама глупость и ничтожество, и казался таким же маленьким, как котенок перед сенбернаром. Лев склонил голову и шепнул ишаку на ухо что-то такое, отчего длинные ишачьи уши поникли; но потом Лев сказал что-то еще, и уши снова встали торчком.

Что Эслан сказал ишаку, люди не слышали. Но вот он обратился к ним:

— Вы кажетесь не столь счастливыми, как мне хотелось бы.

Люси ответила за всех:

— А вдруг ты снова отправишь нас домой, Эслан? Сколько раз ты уже отсылал нас.

— Не бойтесь,— сказал Эслан.— Разве вы еще не поняли?

Их сердца забились в надежде на чудо.

— То было настоящее крушение, поезд сошел с рельсов,— продолжил Эслан мягко.— Ваши родители и все вы погибли — так это называется там, в мире теней. Учебный год завершился — начались каникулы. Вы проснулись, и это — утро.

Так он говорил им, и перед ними стоял уже не Лев... Но все дальнейшее столь велико и прекрасно, что я не в силах сказать. А для вас на этом кончается нарнианская история, и единственное, что можно добавить к сказанному, вот что: с тех пор наши герои всегда пребывали в радости; для них истинная история лишь началась; их жизнь в нашем мире и приключения в Нарнии служили всего лишь обложкой и титульным листом; теперь же для них наконец открылась Первая Глава Великой Истории, которой никто на земле не читал — истории, которая не имеет конца, и каждая глава в ней лучше предыдущей.

СОДЕРЖАНИЕ

Лев, Ведьмарка и зеркальный гардероб
перевод В. Воседого 5

Племянник чародея
перевод Д. Афиногенова 105

Конь и его всадник
перевод Д. Афиногенова 201

Королевич Каспиан
перевод Д. Афиногенова 321

Поспешающие к восходу, или поход
на край света
перевод В. Волковского 435

Серебряное кресло
перевод В. Воседого 571

Последняя битва
перевод В. Воседого 693

Литературно-художественное издание

Клайв Стэплз Льюис

ХРОНИКИ НАРНИИ

Ответственный редактор *О.Клокова*
Редакторы *В. Тихомиров, А. Лактионов*
Художественный редактор *А.Сауков*
Технический редактор *Ю. Смирнов*
Корректоры *Ю. Голубева, В. Свиридова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@ eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16. Многоканальный тел. 411-50-74. **E-mail: reception@eksmo-sale.ru**

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать с готовых монтажей 14.03.2005
Формат 84x108 1/32 . Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,0. Уч.-изд. л. 29,0
Доп. тираж 7000 экз. Заказ № 3379.

ISBN 5-699-00535-8

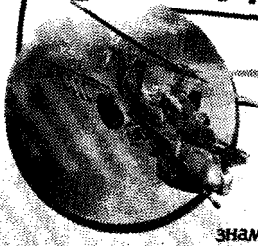
9 785699 005352 >

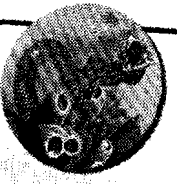
ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@tverpk.ru

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ РУССКАЯ ФАНТАСТИКА





Алекс Орлов – знаменитый писатель-фантаст!

Книги Орлова мгновенно становятся бестселлерами!

Многочисленные фэны называют Орлова «российским Эдмондом Гамильтоном»!

Роман «База 24» и его продолжение «Штурм базы» написаны в традиционном для автора жанре – «фантастический боевик»!

Вышло в серии «Фантастика с головами», «Русская фантастика»

Издательство «Эксмо» представляет

В Ж

Роджер

ЖЕЛЯЗНЫ

В СЕРИИ
«ОТЦЫ – ОСНОВАТЕЛИ»

Роджер Желязны –
знаменитый американский писатель,
самый парадоксальный фантаст XX века,
мастер техномифа, играющий людьми
и богами на шахматной доске
своего творчества!

Также в серии: «Кладбище слонов», «Лорд Демон»,
«Маска Локи», «Остров мертвых»,
«Хроники Амбера» в 2 томах, «Князь Света»,
«Дилвиш проклятый», «Двери в песке»

www.eksmo.ru

ВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВР

Клайв Стэплз
ЛЬЮИС

Clive S. Lewis

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Клайв Стэплз
ЛЬЮИС

Хроники Нарнии

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ

ВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВР